

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ ССХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Бкатеринскій каналъ, между Вознесенскими и Маринскими мостами, д. № 90—1.

1880.

Средняя Подъяческая, 1.
2119.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛЕННЯ.

1. (14-го апрѣля 1880 г.). Объ учрежденіи въ гор. Новозыбковѣ четырехклассной женской прогимназіи.

Новоозыбковская (Черниговской губ.) городская дума входила въ попечителю Кіевскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о закрытии содержимаго на ея средства приходскаго въ г. Новозыбковѣ училища и объ учрежденіи, вместо него, четырехклассной женской прогимназіи по положенію 24-го мая 1870 г., въ память чудеснаго избавленія 2-го апрѣля 1879 г. Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей опасности, изъяснивъ, что на содержаніе предположенной прогимназіи постановлено отпускать: городскою думою по 1000 р., Новозыбковскимъ земскимъ уѣзднымъ собраніемъ тоже по 1000 р. и Черниговскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ по 500 р., при обезпеченіи заведенія наемнымъ помѣщеніемъ впередъ до постройки для него особаго зданія.

Государь Императоръ, по всеподданійшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на удовлетвореніе означеннаго ходатайства, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть благодарить жертвующихъ.

2. (8-го апрѣля 1880 г.). О пенсіяхъ лицамъ женскаго пола служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о пенсіяхъ лицамъ женскаго

пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константина.

Мѣнѣе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законоў и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министра народнаго просвѣщенія о пенсіяхъ лицамъ женскаго пола, служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ, мѣнѣемъ положить:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ (св. зак. т. III кн. 2 изд. 1876 г.) и Высочайше утвержденного 21-го апрѣля 1875 г. устава женскаго графа Блудова училища въ городѣ Острогѣ, постановить:

„Начальницѣ и помощницѣ начальницы Острожскаго женскаго графа Блудова училища, а также тѣмъ изъ преподавательницъ учебныхъ предметовъ въ семъ училищѣ, которымъ имѣютъ установленныя свидѣтельства на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ, при совершенномъ оставленіи ими службы, назначаются пенсіи: прослужившимъ отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ — въ размѣрѣ половины оклада, а прослужившимъ двадцать пять и болѣе — въ размѣрѣ полнаго оклада жалованья, присвоеннаго должности. Потребный на этотъ предметъ расходъ относится на счетъ государственного казнагоѣства, въ доходъ котораго обращаются вмѣстѣ съ тѣмъ установленные (ст. 590, 596 и 609 уст. пошл.) вычеты изъ жалованья и пенсій, производимыхъ означенными лицами“.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (22-го апрѣля 1880 г.), О присвоеніи Казанской женской прогимназіи, по преобразованіи ея въ гимназію, наименованія: „женская Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Есеніи Александровны гимназія“.

Цопечительный совѣтъ Базанской женской прогимназіи, предположенной къ преобразованію съ начала 1880—1881 учебнаго года въ полную гимназію, ходатайствовалъ о присвоеніи сему заведенію, послѣ преобразованія, наименованія; „Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Есеніи Александровны гимназія“.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему о семъ докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительного тайного со-

вѣтника графа Толстаго, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложенного ходатайства въ исполненіе.

4. (22-го апрѣля 1880 г.). О принятіи пожертвованныхъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Хаминовымъ каменного дома и капитала.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительного тайного совѣтника графа Толстаго, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе министерствомъ народнаго просвѣщенія пожертвованныхъ почетными попечителемъ Иркутской мужской гимназіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Хаминовымъ каменного двухъ-этажнаго дома съ каменнымъ флигелемъ, для помѣщенія Иркутской женской гимназіи, цѣною въ 72,751 р. 37 коп., и капитала въ 50 т. р. въ пользу сей гимназіи, облигациими 1-го восточнаго займа, и на наименование этой гимназіи „женской гимназіею Ивана Степановича Хаминова“.

5. (1-го апрѣля 1880 г.). О временныхъ правилахъ о Туркестанской учительской семинаріи и штатѣ оной.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, по проектамъ временныхъ правилъ о Туркестанской учительской семинаріи и штата оной, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константина.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія по проектамъ временныхъ правилъ о Туркестанской учительской семинаріи и штата оной, мнѣніемъ положилъ:

I. Проектъ штата Туркестанской учительской семинаріи съ состоящими при ней начальными училищами, поднести къ Высочайшему Его Императорскаго Величества утвержденію и, по воспослѣдованіи оного, привести въ дѣйствіе временно, на четыре года.

II. Къ указанной семинаріи принять, также на четыре года, Высочайше утвержденное 27-го марта 1872 г. положеніе объ Иркутской учительской семинаріи, насколько оно соответствуетъ административному устройству Туркестанскаго края и дѣйствующемъ въ немъ

установленіемъ, съ соблюденіемъ при томъ нижеиздѣйствующихъ особыхъ правилъ:

1) Въ Туркестанскую учительскую семинарію принимаются воспитанники русскіе и инородцы, какъ крещеные, такъ и некрещеные; при чмъ изъ положенного по штату числа казенныхъ воспитанниковъ должно быть не менѣе пятидесяти русскихъ, а остальные могутъ быть инородцы.

2) Въ семинаріи, сверхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ Иркутской учительской семинаріи, вводятся: изученіе туземныхъ народній—персидскаго и узбекскаго, а также практическія занятія садоводствомъ и огородничествомъ.

3) При семинаріи, для практическаго упражненія воспитанниковъ въ преподаваніи, состоятъ два начальныя училища, въ которыхъ принимаются дѣти какъ русскихъ, такъ и инородцевъ крещеныхъ и не-крещеныхъ.

4) Уроки по Закону Божію православнаго исповѣданія и по церковно-славянскому языку, какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ при оной, обязательны только для православныхъ воспитанниковъ, опредѣленіе же способовъ обученія иновѣрныхъ воспитанниковъ закону ихъ исповѣданія предоставается ближайшему усмотрѣнію Туркестанскаго генераль-губернатора; и

5) Число недѣльныхъ уроковъ въ семинаріи утверждается министромъ народного просвѣщенія, по представлению мѣстнаго генераль-губернатора.

III. Исчисленную по штату Туркестанской учительской семинаріи сумму, въ количествѣ тридцати восьми тысяч семисот рублей въ годъ, отнести на мѣстные доходы Ферганской области, до времени передачи оныхъ въ государственное казначейство, а послѣ сего расходъ этотъ обратить на общія средства казны, со внесеніемъ въ подлежащее подраздѣленіе сѣмѣты расходовъ на содержаніе мѣстнаго управлѣнія Туркестанскаго края. Независимо отъ сего, впередъ до постройки дома для семинаріи, состоящихъ при ней начальныя училища и для служащихъ въ сихъ заведеніяхъ, отпускать, на наемъ для нихъ помѣщеній, по четыре тысячи рублей ежегодно, изъ означенныхъ источниковъ, по принадлежности.

Подлинное мѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

На подлинномъ собственному Его Императорскаго Величества рукой написано: „Быть по сему“.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ

Туркестанской учительской семинарии съ состоящими при ней начальными училищами.

Число лицъ.	Содержание въ годъ.			Классы и разряды.		
	Одному.		ВСЕГО.	По должностямъ.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсіи.
	Жало- вания.	Столо- выхъ.				
Р у б л и .						
Директоръ	1	1800	1200	3000	V	V
Законоучитель	1	975	825	1800		
Учителей наукъ	5	975	825	9000	VIII	VIII
Учитель рисования, черченія и чистописавія	1	400	200	600	IX	IX
Врачъ	1	300	150	450	VIII	VIII
Экономъ	1	300	150	450	IX	IX
Учителей начальныхъ училищъ при семинаріи . . .	2	600	300	1800		
На библиотеку и учебные пособія	—	—	—	400		
На обученіе (пѣнню и музикѣ гимнастикѣ . . .)	—	—	—	680		
На обученіе ремесламъ, покупку материаловъ, занятіе садоводствомъ и огородничествомъ	—	—	—	250		
На содержаніе казенныхъ воспитанниковъ семинарии со включеніемъ расходовъ на медикаменты и наемъ фельдшера, а также на учебные пособія для сихъ воспитанниковъ . . .	78	140	—	10920		

Число лицъ.	Содержание въ годъ.			Классы и разряды.		
	Одному.		ВСЕГО.	По должности.	По штату на мѣсяцъ.	По пенсіи.
	Жало- вания.	Столо- выхъ.				
Р у б л и .						
На содержание казенныхъ воспитанниковъ начальныхъ училищъ, со включениемъ расходовъ на медикаменты, а также на учебный пособія для сихъ воспитанниковъ	40	120	—	4800		
На первоначальное обзаведение окончившимъ курсъ казенныхъ воспитанниковъ семинарій (полагая таковыхъ ежегодно 26 человѣкъ и назначая каждому по 25 р.)	—	—	—	650		
На канцелярскія потребности и наемъ писца.	—	—	—	400		
На отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ зданія, а также на наемъ служителей	—	—	—	2500		
Итого.	—	—	—	38700		

Примѣчанія. 1. Директору, законоучителю, учителямъ наукъ какъ въ семинаріи, такъ и въ состоящихъ при ней начальныхъ училищахъ, и economу полагаются, сверхъ присвоенныхъ имъ по сему штату окладовъ содержанія, также квартиры въ казенныхъ домахъ или нанимаемыхъ на счетъ казны помѣщеніяхъ.

2. Расходъ на первоначальное устройство и обзаведеніе семинаріи и начальныхъ училищъ съ пансіонами при нихъ обращается на счетъ свободныхъ остатковъ, имѣющихъ образоваться отъ штатной суммы, вслѣдствіе неполнаго состава сихъ заведеній въ первое время ихъ существованія. За удовлетвореніемъ этой потребности, распоряженіе могущими быть въ концѣ года

остатками отъ сумъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго со-
става и канцелярскіе расходы по семинаріи, предоставляемыя мѣст-
ному генерал-губернатору, на правахъ, коими пользуются въ
семь отношеній министры и главноуправляющіе, отдѣльными ча-
стями (св. зак. т. I, ч. 1, учр. мин. ст. 221 прил. I, ст. 33, по
прод. 1876 г.).

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константина.

6. (8-го апрѣля 1880 г.). О преобразованіи Киевской женской
гимназіи; а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Неми-
ровской женскихъ прогимназій.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ сое-
диненныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ го-
сударственного совѣта, о преобразованіи Киевской женской гимназіи,
а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ про-
гимназій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константина.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ государ-
ственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министра
народного просвѣщенія о преобразованіи Киевской женской гимназіи,
а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ про-
гимназій, мнѣніемъ положилъ:

1) Киевскую шестиклассную, съ седьмымъ педагогическимъ клас-
сомъ, женскую гимназію вѣдомства министерства народного просвѣ-
щенія, преобразовать, съ начала будущаго учебнаго 1880—1881 года,
въ семиклассную съ восьмымъ педагогическимъ классомъ, предоставивъ
министру народного просвѣщенія ввести въ сей гимназіи, а также и
въ женскихъ Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской прогимназіяхъ,
утвержденныхъ имъ, министромъ, 31-го августа 1874 г. про-
граммы и правила, общія для всѣхъ женскихъ прогимназій упомяну-
таго министерства.

2) Потребный на преобразованіе поименованныхъ въ ст. 1-й учеб-
ныхъ заведеній расходъ, въ количествѣ трехъ тысячъ двадцати
одного руб. семидесяти коп. (въ томъ числѣ 2301 руб. 70 коп. на
гимназію и по 240 руб. на каждую изъ трехъ прогимназій), по при-
соединеніи къ расходуемымъ на содержаніе означенныхъ учебныхъ за-

веденій суммъ, вносить съ 1881 года въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1880 же году необходимую на содержаніе названныхъ гимназій и прогимназій дополнительную сумму, по расчету съ 1-го июля сего года, въ количествѣ одной тысячи пятисотъ десяти руб. восемьдесятъ пяти коп., отпустить на счетъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналъ предсѣдателями и членами.

7. (15-го апрѣля 1880 г.). О преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственного совѣта, о преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константинъ.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Коломенской четырехклассной мужской прогимназіи въ шестиклассную, мнѣніемъ положилъ:

1) Четырехклассную Коломенскую (Московской губерніи) мужскую прогимназію преобразовать, со втораго полугодія сего 1880 года, въ шестиклассный составъ, съ обращеніемъ расхода на содержаніе пятаго класса, въ теченіе 1880—1881 учебнаго года, на жертвующую мѣстными обществами сумму.

2) Съ 1-го июля 1881 года отпускать на содержаніе означенной прогимназіи изъ государственного казначейства, въ добавокъ къ нынѣ ассигнуемымъ изъ этого источника по 8550 р. и отпускаемымъ Коломенскимъ земскими и городскими обществами 10000 р., еще по одной тысячи семисотъ тридцати пяти руб., съ тѣмъ, чтобы вновь жертвующие помянутыми обществами на изысканный предметъ по 4000 р. вносились, съ 1881 года, въ мѣстное казначейство и зачислялись въ государственные доходы по подлежащему подраздѣленію смѣты министерства народнаго просвѣщенія пособіемъ казнѣ; и

3) Относительно внесенія исчисленныхъ на преобразованіе Коло-

менской прогимназії сумъ въ счѣты министерства народнаго просвѣщенія, а равно раздѣла и употребленія остатковъ, могущихъ образоваться къ концу года отъ этихъ суммъ, руководствоваться порядкомъ, установленнымъ по сemu предмету Высочайше утвержденнымъ 3-го июля 1874 года мнѣніемъ государственного совѣта объ учрежденіи 15-ти новыхъ прогимназій и о преобразованіи трехъ прогимназій въ гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

31-го марта 1880 года (№ 5). Перемѣщаются: попечитель Одесского учебного округа, тайный советникъ Голубцовъ—попечителемъ Киевского учебного округа, и попечитель Оренбургского учебного округа тайный советникъ Лавровскій—попечителемъ Одесского учебного округа.

Назначается: инспекторъ студентовъ Императорского Новороссийского университета, действительный статский советникъ Даль—попечителемъ Оренбургского учебного округа, съ увольнениемъ отъ настоящей должности.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (18-го августа 1879 г.). Положеніе о стипендіи имени Александра Прейса.

(Утверждено г. управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. Въ память 40 лѣтней службы по управлениіямъ земскаго кредитнаго общества въ Царствѣ Польскомъ бывшаго начальника отдѣленія булгатеріи, коллежскаго совѣтика Александра Прейса, главной дирекціи, рѣшеніемъ отъ 6-го августа 1871 г. постановила собрать изъ пожертвованій своихъ членовъ, сумму 3000 руб., и таковую обратить въ 5% бумаги для выдачи процентовъ, въ видѣ стипендіи, одному

изъ сыновей чиновниковъ, занимающихъ штатное мѣсто въ земской кредитной обществѣ въ Царствѣ Польскомъ.

2. Означенный капиталъ, заключающійся нынѣ въ облигацияхъ восточного займа, долженъ храниться въ польскомъ банкѣ, въ видѣ депозита, предназначенаго на стипендию имени Александра Прейса.

3. На получение этой стипендіи имѣть право сынъ бѣднаго штатнаго чиновника управлений земскаго кредитнаго общества, получающей воспитаніе въ одной изъ гимназій, или реальному училищѣ, или въ другомъ соответственному училищѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія хотя бы такое учебное заведеніе существовало подъ другимъ названіемъ въ Варшавѣ, или въ одномъ изъ городовъ, въ которыхъ находятся губернскія дирекціи земскаго кредитнаго общества.

Означенною стипендію онъ можетъ пользоваться до окончанія гимназическаго курса, если не послѣдуетъ препятствій указанныхъ ниже въ 6-й статьѣ. Студенты университета, или другаго высшаго учебнаго заведенія, не могутъ пользоваться этой стипендіею.

4. Право окончательнаго выбора кандидатовъ на получение стипендіи принадлежитъ Александру Прейсу. Послѣ же его смерти, право представленія кандидатовъ, переходитъ къ совѣтнику главной дирекціи, имѣющему завѣдывать въ то время, когда стипендія оказалась вакантною, отдѣленіемъ булгалтеріи.

Главная дирекція, въ обыкновенномъ своемъ составѣ, по разсмотрѣніи правъ кандидата, присуждаетъ стипендію, и представляетъ на утвержденіе начальства учебнаго округа. Еслибы учебное вѣдомство, не утвердило избраннаго кандидата, по какимъ бы то ни было причинамъ, то главная дирекція въ правѣ представить, такимъ же путемъ, новаго кандидата.

5. Еслибы изъ сыновей чиновниковъ земскаго кредитнаго общества не было кандидата, имѣющаго право на получение стипендіи, въ такомъ случаѣ, проценты отъ билетовъ восточного займа будутъ обращаемы на указанную въ 8-й ст. цѣль.

6. Стипендиатъ обязанъ ежегодно, въ іюль мѣсяцѣ, представить главной дирекціи свидѣтельство, что онъ переведенъ въ высшій классъ, и что не получаетъ никакой другой стипендіи; въ противномъ же случаѣ, теряетъ стипендію, и таковая замѣщается другимъ стипендиатомъ.

7. Стипендія выдается за полгода впередъ, по 75 руб., въ августѣ и январѣ мѣсяцахъ на руки родителей, опекуновъ или ближайшихъ родственниковъ.

8. Въ случаѣ выхода въ тиражъ, принадлежащаго стипендиальному капиталу билета восточнаго займа, долженъ быть немедленно пріобрѣтенъ другой таковой же билетъ, полученная же отъ того прибыль передается въ польскій банкъ, для приращенія на нее процентовъ, и по мѣрѣ возможности, покупки еще билетовъ восточнаго займа.

Составившійся отъ этихъ прибылей новый капиталъ, достигнувшій 3000 руб. билетами восточнаго займа, образуетъ другую стипендию, которая выдается на тѣхъ же основаніяхъ.

Къ этому капиталу должны быть причисляемы также проценты, не выданные на основаніи § 5, и наконецъ, всякия поступленія для такой цѣли пожертвованные, или экстренные доходы.

9. Въ случаѣ образования двухъ стипендій, главная дирекція въ правѣ пересмотрѣть настоящія правила и измѣнить ихъ, по своему усмотрѣнію, согласно современнымъ обстоятельствамъ, съ представлениемъ измѣненій на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія.

2. (7-го ноября 1879 г.). Положеніе о стипендиѣ имени Московскаго генераль-губернатора, князя Владимира Андреевича Долгорукова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 29-й день октября 1879 г., на проценты съ капитала, представленнаго въ Московскія 1, 2, 3 и 4 мужскія гимназіи по восьмисотъ руб. въ каждую изъ сихъ гимназій облигациами втораго восточнаго займа, дѣйствительнымъ статскимъ советникомъ Самуиломъ Соломоновичемъ Поляковымъ, въ память исполнившагося 14-го апрѣля сего года пятидесятилѣтнаго служенія въ офицерскихъ чинахъ князя В. А. Долгорукова, учреждается при каждой изъ названныхъ гимназій по одной стипендиѣ, которая именуются „стипендиѣ Московскаго генераль-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова“.

§ 2. Означенные суммы хранятся въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ поминутыхъ учебныхъ заведеній, по принадлежности, а проценты съ нихъ, по сорока руб. въ годъ, вносятся за право ученія каждого изъ стипендиатовъ, обучающихся въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 3. Стипендиѣ назначаются бѣднымъ ученикамъ по выбору князя Владимира Андреевича Долгорукова.

§ 4. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

3. (19-го января 1880 г.). Положеніе о стипендіи Московскаго почт-директора, дѣйствительного статскаго совѣтника Семена Сергеевича Подгорѣцкаго, учрежденной при Московской 3-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Согласно Высочайшему соизволенію, послѣдовавшему въ 4-й день юла 1879 года, на проценты съ пожертвованнаго чинами Московскаго почтамта капитала 1050 рублей, заключающагося въ облигацияхъ восточнаго займа, учреждается при Московской 3-й гимназіи, стипендія Московскаго почт-директора, дѣйствительного статскаго совѣтника Семена Сергеевича Подгорѣцкаго.

2) Стипендія предназначается для оказанія пособія одному изъ сыновей чиновъ Московскаго почтамта, православнаго исповѣданія, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

3) Право назначать стипендіата на эту стипендію, равно какъ лишить его пользованія ею, принадлежать дѣйствительному статскому совѣтнику Семену Сергеевичу Подгорѣцкому, пока онъ занимаетъ должность Московскаго почт-директора. Затѣмъ право это переходить къ преемникамъ его по занимаемой имъ должности Московскаго почт-директора.

4) Назначеніе на стипендію и смѣщеніе съ нея дѣлаются посредствомъ письменнаго заявленія о томъ гимназіи.

5) Назначеніе на стипендію тогда лишь имѣеть законную силу, когда назначенный стипендіатъ, или уже состоить въ числѣ учениковъ гимназіи, или, по выдержаніи установленнаго испытанія будеть принятъ въ соотвѣтственный лѣтамъ и знанию его классъ.

6) Разъ назначенный стипендіатъ сохраняетъ за собою право на стипендію то дѣхъ поръ, пока остается ученикомъ гимназіи.

7) Только въ такомъ случаѣ смѣщеніе съ стипендіи можетъ послѣдовать раньше указаннаго выше срока, если педагогическій совѣтъ найдетъ, что ученикъ пользующійся стипендіею, совершенно не заслуживаетъ ея по своей малоуспѣшности или неодобрительному поведенію; объ этомъ сообщается письменно г. Московскому почт-директору, который окончательно смѣщаетъ стипендіата.

8. Могущіе образоваться свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, или отъ самого капитала въ случаѣ еслибы въ какой-либо

учебный периодъ не оказалось для замѣщенія стипендіи воспитанника изъ дѣтей почтовыхъ чиновъ, обращаются на приращеніе капитальной суммы, пріобрѣтеніе новыхъ процентныхъ бумагъ и соотвѣтственное увеличеніе размѣра стипендіи.

9) Стипендія выдается не разомъ за цѣлый годъ, но соотвѣтственными частями, по прошествіи каждого полугодія, на руки ученику или его родителямъ и опекунамъ.

10) Въ случаѣ выхода въ тиражъ билетовъ, составляющихъ стипендиальный капиталъ, гимназія обязана озабочиться пріобрѣтеніемъ другихъ государственныхъ бумагъ, приносящихъ доходъ.

4. (18-го февраля 1880 г.). Положеніе о четырехъ стипендіяхъ имени книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ при Московской 4-й гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народного просвѣщенія).

1. На счетъ процентовъ съ капитала въ 3200 руб., пожертвованаго покойнымъ купцомъ Ф. Салаевымъ, учреждаются при Московской 4-й гимназіи четыре стипендіи.

2. Означенный капиталъ, состоящий изъ 32 билетовъ втораго восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи.

3. Проценты съ капитала вносятся ежегодно за ученіе за четырехъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ 4-й Московской гимназіи.

4. Стипендіямъ присвоивается, съ Высочайшаго соизволенія послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., название „стипендіи книгопродавцевъ братьевъ Салаевыхъ“.

5. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ педагогическому совѣту 4-й Московской гимназіи.

6. Образовавшіеся, по какому бы то нибыло случаю, остатки могутъ быть выдаваемы бѣднѣйшимъ изъ учащихся, по усмотрѣнію педагогического совѣта.

7. Наблюдение за своевременнымъ полученіемъ процентовъ и за выходомъ билетовъ въ тиражъ лежитъ на обязанности 4-й Московской гимназіи.

8. Своевременная замѣна билетовъ, по выходѣ ихъ въ тиражъ и за прекращеніемъ срока дѣйствія ихъ, новыми наивыгоднѣйшими % государственными бумагами лежитъ на обязанности Московской 4-й гимназіи.

9. Пользованіе означенными стипендіями не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатовъ.

5. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи педагогическаго совѣта Симбирской гимназіи въ память двадцати-пятилѣтнаго царствованія Государя Императора.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Члены педагогическаго совѣта Симбирской гимназіи и другія лица, служащія въ гимназіи и въ состоящемъ при ней пансионѣ, пожертвовали шестьсотъ руб. 5% билетами восточнаго займа, съ тѣмъ, чтобы проценты съ означенного капитала вносины были за право ученика достойнаго по успѣхамъ и поведенію ученика означенной гимназіи.

2. Стипендія эта, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., называется „стипендіею педагогическаго совѣта Симбирской гимназіи въ память двадцати пятилѣтнаго царствованія Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА“.

3. Право назначенія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

6. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, въ память 19-го февраля 1880 г.—дня 25-ти лѣтія царствованія Государа Императора, учрежденной при Московской 1-й гимназіи.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Директоръ Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. Ф. Малининъ, желая почтить день двадцати пятилѣтія царствованія Государя ИМПЕРАТОРА посильнымъ дѣломъ благотворенія, и будучи съ дѣствія проникнуть чувствомъ глубочайшей признательности къ Московской первой гимназіи какъ заведенію, давшему ему первоначальное образованіе, пожертвовалъ на вѣчныя времена капиталъ въ 1000 р., заключающійся въ одной облигациіи восточнаго займа за № 042,523, для учрежденія при названной гимназіи одной стипендіи въ память 19-го февраля 1880 года.

2. На учрежденіе сей стипендіи послѣдовало 15-го февраля 1880 г. Высочайшее соизволеніе.

3. Означенный капиталъ долженъ храниться въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи— суммы пожертвованій, оставаться не прикосновеннымъ и заключаться

въ вышепомянутыхъ бумагахъ или же вообще въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ % бумагахъ.

4. Проценты съ того капитала въ количествѣ пятидесяти р. выдаются ежегодно одному изъ окончивающихъ курсъ учениковъ недостаточного состоянія, притомъ имѣющихъ въ поведеніи балль пять (5).

5. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

6. Полученіе стипендіи не влечетъ за собою для стипендіата никакого обязательства.

7. (8-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи въ память чудеснаго спасенія жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, 2-го апрѣля 1879 года, при Одесской третьей гимназіи.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Означенная стипендія учреждается съ 19-го февраля 1880 г. съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 1-го февраля того же года, при Одесской 3-й гимназіи, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора 2-го апрѣля 1879 г., на счетъ процентовъ съ капитала 1488 р. 5 к., собраннаго по добровольной подпискѣ.

2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, обращенный въ 5 % облигаций восточнаго займа, именно: билетъ 3-го восточнаго займа въ 1000, р. 6 билетовъ 2-го восточнаго займа, въ 100 р., каждый, и наличными деньгами 23 р. 25 к., хранится въ Одесскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

3. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ Одесской 3-й гимназіи изъ недостаточныхъ и достойнѣйшихъ, какъ по успѣхамъ, такъ и по поведенію учениковъ Одесской 3-й гимназіи.

4. Проценты, съ обозначенныхъ въ п. 2 облигаций и денегъ, выдаются родителямъ или попечителямъ стипендіата на руки.

5. Стипендіатъ, не удостоившійся, послѣ годичнаго пребыванія въ одномъ классѣ, перевода въ слѣдующій классъ, лишается стипендіи, если педагогическій совѣтъ Одесской 3-й гимназіи не признаетъ причины неуспѣшности стипендіата уважительную.

6. Въ случаѣ неодобрительнаго поведенія стипендіата въ теченіе двухъ четвертей учебнаго года, перехода его въ другое учебное заведеніе или окончанія стипендіатомъ полнаго курса ученія въ Одесской 3-й гимназіи, выдача ему стипендіи прекращается.

8. (17-го марта 1880 г.). Положение о стипендіи Андрея Константиновича Агѣева при Пермскомъ Алексіевскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Пермскомъ Алексіевскомъ реальному училищѣ учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г. одна стипендія подъ наименованіемъ „стипендія Соликамскаго купца Андрея Константиновича Агѣева на $\frac{1}{2}\%$ съ капитала въ 3000 руб., заключающагося въ $5\frac{1}{2}\%$ рентахъ“.

2) Размѣръ стипендіи опредѣляется въ 165 руб., которые употребляются на содержаніе одного изъ учениковъ означенного заведенія.

3) Стипендію пользуются дѣти бѣднѣйшихъ родителей, отличающихся своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ, по преимуществу изъ дѣтей крестьянъ Кувинскаго и Добрянского заводовъ и Усольскихъ соляныхъ промысловъ.

4) Выборъ стипендіатовъ предоставляется при жизни г. Агѣева, ему самому, изъ числа предложеннымъ педагогическимъ совѣтомъ реального училища кандидатовъ.

5) Послѣ смерти г. Агѣева право выбора стипендіатовъ представляется педагогическому совѣту училища.

9. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени 6-го гренадерскаго Таврическаго генераль-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Стипендія имени 6-го Гренадерскаго Таврическаго генераль-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ, пожертвованный жителями г. Тулы, въ $\frac{1}{2}\%$ бумагахъ государственного банка, на сумму 1250 р. съ процентами по день утвержденія стипендіи, причисляется къ специальнymъ средствамъ Тульской гимназіи, въ которой, по мѣсту постояннаго квартированія полка, долженъ получать воспитаніе приходящій стипендіатъ.

3) Правомъ на стипендію пользуется одинъ изъ мальчиковъ бѣд-

найшихъ семействъ нижнихъ чиновъ названаго полка. Избрание стипендіата принадлежитъ полку.

4) Проценты, ежегодно получаемые съ основнаго капитала, обна-
ченного въ 1-мъ пункте сихъ правилъ, по распоряженію гимназиче-
скаго начальства, должны расходоваться: 1) въ уплату за право уче-
ния назначенаго полкомъ въ гимназію стипендіата и 2) на учебныя
ему пособія; второй категоріи деньги выдаются на руки лица, засту-
пающаго для стипендіата мѣсто родителей, или же остаются въ рас-
поряженіи начальства учебнаго заведенія, которое и приобрѣтаетъ
на нихъ необходимыя для стипендіата учебныя пособія.

5) Въ случаѣ неизначенія полкомъ въ какой-либо годъ стипен-
діата, проценты за тотъ годъ, въ который его не было, начальствомъ
гимназіи причисляются къ основному капиталу стипендіи и въ слѣ-
дующіе годы расходуются, какъ указано въ 3-мъ пункте сихъ пра-
вилъ.

6) Если же случится, что родныя избраннаго полкомъ стипендіата
или самъ полкъ вслѣдствіе особыхъ условій и въ интересахъ самого
стипендіата, признаютъ нужнымъ дать ему воспитаніе не въ Туль-
ской гимназії, а въ другомъ какомъ либодъ учебномъ или ремеслен-
номъ заведеніи, принадлежащемъ министерству народнаго просвѣще-
нія, то въ этомъ случаѣ, по сношенію полка съ начальствомъ Туль-
ской гимназії, послѣднему предоставляется право дѣлать переводъ
годовыхъ процентовъ, полученныхъ на основной капиталъ, въ то за-
веденіе, куда поступить для обучения стипендіата.

7) Избранный полкомъ на стипендію мальчикъ изъ семействъ
нижнихъ чиновъ пользуется ею въ такомъ только случаѣ, если во
время учения въ гимназіи онъ будетъ поведеніемъ хорошаго и по пред-
метамъ, входящимъ въ гимназическій курсъ, имѣть отмѣтки не
ниже удовлетворительныхъ, оставаться же два года въ одномъ классѣ
доаволяется стипендіату только два раза въ цѣлый курсъ; если же
онъ останется въ третій разъ на второй годъ въ классѣ, то сти-
пендія очищается и замѣщается другимъ лицомъ, согласно 2 пункту
сихъ правилъ.

10. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежден-
ной при Нарвской мужской прогимназіи, на капиталъ име-
нумъ „Александровскимъ“.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Собранный Нарвскимъ русскимъ общественнымъ собраниемъ,

2*

въ ознаменование дnia двадцатипятилѣтія достославнаго царствованія Государя Императора, капиталь, заключающійся въ билетахъ третьяго восточнаго займа: одинъ 1000 р. за № 2764 и 5 по 100 р. за №№ 167501—167505, всего на сумму 1500 р., обращается въ неприкосновенный капиталъ Нарвской прогимназіи и хранится въ числѣ специальныхъ средствъ сего учебнаго заведенія. Капиталу этому присваивается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., наименование „Александровскій“.

2) Проценты съ означенной суммы выдаются бѣднейшему изъ учениковъ Нарвской прогимназіи, достойному по успѣхамъ и поведенію, на обзаведеніе одеждой и книгами.

3) Выборъ ученика на эту стипендию, изъ числа дѣтей жителей г. Нарвы, предоставляется ближайшему усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

11. 17-го марта 1880 года). Правила объ учрежденій при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени купеческой дочери Анны Кузминишны Паниной.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго потомственномъ почетной гражданкою Александрою Кузминишною Поповой, урожденною Паниной, и состоящаго въ восьми облигацияхъ 1-го восточнаго займа на 800 руб., изъ 5%, въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., стипендія имени покойной сестры ея, купеческой дочери Анны Кузминишны Паниной.

§ 2. Означенная стипендиа, въ размѣрѣ 40 руб. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать стипендіата изъ числа учениковъ гимназіи принадлежитъ пожизненно, согласно желанію жертвовательницы, Александры Кузминишны Поповой, деверю ея потомственному почетному гражданину Павлу Савичу Попову, по смерти же его это право переходитъ къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Анны Кузминишны Паниной, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату.

§ 5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 800 руб.,—составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназии, хранится, вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

12. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени потомственнаго почетного гражданина Всеволода Ермолаевича Попова.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованного потомственной почетной гражданкою Александрою Кузминишною Поповой, урожденною Паниной, и состоящаго въ восьми облигацияхъ 1-го восточнаго займа на 800 р. изъ 5%, въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., стипендія имени покойнаго сына ея, потомственнаго почетного гражданина Всеволода Ермолаевича Попова.

2) Означенная стипендія, въ размѣрѣ 40 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Право назначать стипендіата изъ числа учениковъ гимназіи принадлежитъ пожизненно жертвовательницѣ, Александрѣ Кузминишѣ Поповой; по смерти же ея, это право переходить къ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи, съ тѣмъ условіемъ, чтобы педагогическій совѣтъ, при назначеніи стипендіата, преимущественно имѣть въ виду учениковъ изъ старообрядцевъ.

4) Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи Всеволода Ермолаевича Попова, проценты съ капитала, оставшіеся не выданными въ видѣ стипендії, обращаются въ пособіе стипендіату.

5) Означенный въ § 1 капиталъ въ 800 руб., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи, хранится, вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи, въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

13. (22-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіи Имени Его Величества Государя Императора Александра II, для одного бѣднаго приходящаго ученика Томской гимназіи.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ % съ капитала въ 500 руб., пожертвованного пе-

педагогическимъ совѣтомъ Томской губернскай гимназіи въ память 25-лѣтнаго славнаго царствованія Государя Императора, учреждается въ Томской губернскай гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го марта 1880 г., одна стипендія, по 25 р. въ годъ, для одного бѣднаго приходящаго ученика, съ наименованиемъ оной: „стипендія имени Его Величества Государя Императора Александра II“.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ, обращенный въ облигации 3-го внутренняго восточнаго займа, зачисляется въ специальныя средства Томской губернскай гимназіи, изъ которыхъ годовые проценты 25 руб. перечисляются и выдаются по назначенню каждогодно.

3) Означенная стипендія предоставляется обучающемуся въ Томской гимназіи бѣдному ученику на плату за право ученія (20 рублей) и на учебники (5 рублей).

4) Стипендіей этой можетъ пользоваться ученикъ Томской гимназіи, начиная со II класса, обучающійся съ удовлетворительными успѣхами при хорошемъ поведеніи.

5) Неодобрительное поведение и неудовлетворительные успѣхи, вслѣдствіе коихъ стипендіатъ остается на другой годъ, лишаютъ его права на эту стипендію, которая затѣмъ предоставляется другому достойному ученику.

6) Право предоставления воспитаннику Томской гимназія вышеозначенной стипендіи, какъ и лишенія оной, принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

14. (3-го апраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи, учрежденной при Бѣлостокскомъ реальному училищѣ, въ память чудеснаго избавленія драгоценной жизни Государя Императора отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апраля 1879 г.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30-й день истекшаго марта, при Бѣлостокскомъ реальному училищѣ учреждается одна стипендія, въ память чудеснаго избавленія Его Императорскаго Величества отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апраля 1879 г., на счетъ $\frac{1}{2}$ % съ капитала въ пятьсотъ руб. сер., пожертвованныхъ служащими и учащимися въ Бѣлостокскомъ реальному училищѣ.

2. Пожертвованный капиталъ хранится, въ пяти $\frac{1}{2}$ % билетахъ восточнаго займа, въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специаль-

ныхъ средствъ Бѣлостокскаго реального училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставалась на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

3. Въ случаѣ закрытія Бѣлостокскаго реального училища, капиталъ этотъ передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое подобнаго рода мужское учебное заведеніе, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

4. Въ случаѣ амортизациіи билетовъ восточнаго займа, на вырученную стоимость ихъ должны быть приобрѣты училищемъ другие государственные 5% билеты.

5. Стипендію этой пользуется одинъ изъ бѣдѣйшихъ учениковъ училища, безъ различія мѣста его рожденія, національности и вѣронсповѣданія, оказавшій, при отличномъ поведеніи, хороши успѣхи въ наукахъ.

6. Проценты съ стипендіального капитала обращаются на уплату за право ученія стипендіата въ училищѣ, но, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, они могутъ выдаваться, за каждое истекшее полугодіе, на руки самому стипендіату, въ случаѣ освобожденія его отъ платы за ученіе.

7. Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту, на общихъ основаніяхъ.

8. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса или выхода его, по какимъ-либо причинамъ, изъ училища, но и во время пребыванія его въ заведеніи, онъ можетъ быть лишенъ стипендіи по малоупытности въ наукахъ или по неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта.

9. По окончаніи курса въ училищѣ или по выѣтіи изъ училища по какимъ-либо другимъ причинамъ, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

15. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II, при Астраханскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено г. б. министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Члены попечительского совѣта и служащіе въ Астраханскомъ реальному училищѣ лица, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, собрали капиталъ, составившій въ пятипроцентныхъ бумагахъ третьаго восточнаго займа семьсотъ (700) руб.

2. На проценты съ означенного капитала учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 года, при Астраханскомъ реальному училищѣ, стипендія Имени Его Величества Императора Александра II и ученикъ, пользующійся ею, называется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II.

3. Стипендію можетъ пользоваться только ученикъ Астраханского реального училища, который удовлетворяетъ условію § 28 устава реальныхъ училищъ, Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1872 г., то-есть сынъ совершенно недостаточныхъ родителей, заслуживающій стипендіи по своему поведенію и прилежанію.

4. Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища, который и лишаетъ стипендіата права на получение стипендіи, если онъ перестаетъ удовлетворять условію § 28 устава.

5. Ежегодный процентъ 35 р., по назначению педагогического совѣта, употребляется на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій и, по мѣрѣ возможности, на покупку или ремонтъ бѣлья, платья и обуви для него. Отъ усмотрѣнія педагогического совѣта зависить выдать и всѣ 35 руб. на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата.

6. Стипендіатъ освобождается отъ взноса денегъ за право ученія, если число освобожденныхъ учениковъ не достигло еще 10% общаго числа освобождаемыхъ отъ платы учениковъ реального училища.

7. На обязанности директора училища лежитъ получение процентовъ съ капитала и, въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ билетовъ, своевременный обмѣнъ ихъ на другія гарантированные правительствомъ выгодныя процентныя бумаги.

8. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, по случаю не-замѣщенія вакансіи кандидатомъ или по другимъ причинамъ, по распоряженію педагогического совѣта, или выдаются стипендіату по окончаніи курса, или же присоединяются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія его.

16. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго томскаго губернатора дѣйствительного статскаго совѣтника Андрея Петровича Супруненко, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. управляшимъ министерствомъ народного просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На проценты съ капитала, собраннаго по добровольной под-

пикѣ жителемъ города Томска и, состоящаго изъ шести пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетовъ втораго выпуска (1861 г.), пяти, по сто руб. каждый, за №№ 59748, 59749, 59750, 59751, 69752 и одного въ пятьсотъ рублей, за № 26565, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 22-го апрѣля 1880 г., при Томскомъ Алексѣевскомъ реальному училищѣ, стипендія подъ наименованіемъ „стипендія дѣйствительного статскаго совѣтника Андрея Петровича Супруненко“.

2. Проценты съ означенаго капитала ежегодно употребляются на уплату за право ученія стипендіата и на пособіе ему, а остатокъ, могущій образоваться отъ незамѣщенія вакансіи, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія онаго.

3. Стипендію можетъ пользоваться только ученикъ Томскаго Алексѣевскаго реального училища, который въ этомъ случаѣ носить название стипендіата дѣйствительного статскаго совѣтника Супруненко.

4. Выборъ и назначеніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Томскаго Алексѣевскаго реального училища.

5. Означеный въ § 1 капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность Томскаго Алексѣевскаго реального училища, хранится вмѣстѣ съ специальными средствами училища и на хозяйственный комитетъ училища возлагается обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ былъ своевременно обмѣниваемъ на выгодныя правительственные процентныя бумаги.

6. Стипендіатъ неодобрительнаго поведенія, или не оказывающій удовлетворительныхъ успѣховъ, лишается стипендіи по опредѣленію педагогического совѣта.

17. (27-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Жарова при Астраханскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено управлявшимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На проценты съ капитала 1000 р., пожертвованнаго астраханскимъ временнымъ 1-й гильдіи купцомъ Иваномъ Яковлевичемъ Жаровымъ, учреждается при Астраханскомъ реальному училищѣ стипендія его имени, на что 22-го апрѣля 1880 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

2. Стипендіату, избираемому непремѣнно изъ учениковъ Астра-

ханского реального училища, присваивается название стипендіата купца Жарова.

3. Назначение стипендіата предоставляетъся Ивану Яковлевичу Жарову, а послѣ его смерти фирмѣ Жаровыхъ и только въ случаѣ прекращенія существованія этой фирмы педагогическому совѣту училища.

4. Проценты въ количествѣ 50 руб. ежегодно употребляются на плату, за право учения стипендіата, а также, по усмотрѣнію педагогического совѣта, на учебный пособія и на денежную выдачу стипендіату.

5. Остатки процентовъ, могущіе образоваться отъ незамѣщеннія вакансіи, или по другимъ причинамъ, по усмотрѣнію педагогического совѣта, либо присоединяются къ капиталу, либо выдаются въ пособіе стипендіату по окончаніи имъ курса.

6. На обязанности директора училища лежитъ получение процентовъ и своевременный обмѣнъ билетовъ, при ихъ выходѣ въ тиражъ, на другія процентныя государственные, или гарантированныя правительствомъ бумаги.

7. Стипендіатъ, не оправдывающій выборъ своимъ поведеніемъ и успѣхами, по усмотрѣнію педагогического совѣта, лишается стипендіи и директоръ обращается къ фирмѣ Жаровыхъ о назначеніи другаго стипендіата.

18. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ въ память 25-ти-лѣтняго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, по жертвованія для сей цѣли вдовою статского совѣтника Кирьяковою-Кирдановской.

(Утверждены управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія).

1. Изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей учреждается при Московскомъ университѣтѣ единовременное пособіе; одна часть онаго 50 руб. вносится за слушаніе лекцій, а другая также 50 руб. выдается на руки студенту.

2. Пособіе это, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 г., носить название: „единовременное пособіе Кирьякова-Кирдановскаго въ память 25-ти-лѣтняго царствованія Императора Александра Николаевича“.

3. Первымъ кандидатомъ на это пособіе назначается студентъ медицинскаго факультета Московскаго университета 1-го курса Анциферовъ, Александръ.

4. По окончаніи имъ курса, пособіе, тѣмъ же порядкомъ, какъ сказано въ § 1, должно назначаться одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ, непремѣнно изъ дворянъ и преимущественно изъ Малороссіанъ, отличающемуся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

5. Пособіе назначается подлежащимъ начальствомъ университета, согласно съ существующими на сей предметъ постановленіями.

6. Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

19. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременномъ пособіи при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованного г-ю А. пожелавшею остаться неизвѣстною.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей учреждается единовременное пособіе для взноса за слушаніе профессорскихъ лекцій за одного изъ бѣднѣйшихъ студентовъ Московскаго университета.

2) Пособіе это на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года носить название „неизвѣстной благотворительницы А.“

3) Размѣръ пособія пятьдесятъ рублей въ годъ, которые по полугодно вносятся въ сумму сбора за слушаніе лекцій.

4) Пособіе назначаетъ подлежащее начальство университета, согласно съ существующими на сей предметъ постановленіями.

5) Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

20. (21-го мая 1880 г.). Правила о ежегодномъ единовременномъ пособіи, учреждаемомъ при Московскомъ университѣтѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованного вдовою лейбъ-гвардіи полковника Еленою Андреевною Голиковою и заключающагося въ облигациі 3-го восточнаго займа.

(Утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) Изъ процентовъ съ пожертвованного вдовою полковника Еленою Андреевною Голиковою капитала выдается ежегодное пособіе, для взноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій.

2) Пособіе это, согласно волѣ жертвовательницы, учреждается

въ память покойнаго сына ея, Константина, бывшаго студента Московскаго университета и именуемаго на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года „единовременнымъ пособіемъ Константина Голикова“.

3) Размѣръ пособія пятьдесятъ рублей въ годъ.

4) Пособіе назначается, для вноса платы за слушаніе профессорскихъ лекцій, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ юридического факультета, отличающемся хорошими успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ.

5) Назначеніе пособія производится порядкомъ, установленнымъ на сей предметъ правилами для студентовъ университетовъ, утвержденными Министерствомъ 26-го октября 1879 года.

6) Въ случаѣ, еслибы со временемъ плата за слушаніе профессорскихъ лекцій была отмѣнена, то проценты съ капитала обращаются въ стипендію, которая можетъ быть соединяется съ другою такого же размѣра стипендіею и выдаваться одному студенту юридического факультета.

7) Капиталъ можетъ быть увеличиваемъ чрезъ присоединеніе къ нему свободныхъ остатковъ отъ процентовъ.

21. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендіи Розалии Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской.

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала, отказанного духовнымъ завѣщаніемъ отставнаго подполковника Федора Николаевича Троцкаго, составленнымъ 12 декабря 1878 года, учреждается при императорскомъ Варшавскомъ университѣтѣ стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го мая 1880 года именуется „стипендіею Розалии Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской“.

2) Пожертвованная Троцкимъ сумма четыре тысячи рублей 5% государственными билетами должна храниться въ Польскомъ банкѣ и состоять въ распоряженіи Совѣта Варшавскаго университета.

3) Въ случаѣ устраниенія изъ обращенія названныхъ 5% билетовъ, или по другой причинѣ, Совѣтъ университета на отказанія по настояющему фонду деньги приобрѣтаетъ другія русскія процентные государственные или же гарантированные Правительствомъ бумаги.

4) Въ случаѣ, если въ теченіе одного года или пѣсколькихъ

дѣть не будетъ назначена стипендія, оставшійся процентъ отъ капитала 4000 р. вносится въ то кредитное установление, въ которомъ хранится основной капиталъ, пока не образуется сумма, равнаяющаяся пятилѣтнему проценту отъ этого капитала и за тѣмъ эта сумма будетъ употреблена на стипендію въ пользу другаго студента, независимо этой стипендіи, выдаваемой изъ текущихъ процентовъ.

5) Въ случаѣ еслибы сбереженные проценты, согласно 4 §, составили сумму, достаточную для выдачи стипендіи двумъ, тремъ или болѣе студентамъ, то совѣтъ университета можетъ производить выдачу стипендіи одновременно, четыремъ и т. д. студентамъ.

6) Стипендіи выдаются бѣднымъ студентамъ медицинскаго факультета Варшавскаго университета, уроженцамъ Гродненской губерніи, Римско-католическаго вѣроисповѣданія, хорошаго поведенія и успѣвающимъ въ наукахъ, по ходатайству медицинскаго факультета.

7) За студентомъ, получившимъ стипендію оставляется таковая до окончанія имъ медицинскаго факультета съ тѣмъ, что стипендіатъ, оставшійся на какомъ-либо курсѣ на второй годъ, безъ уважительной причины, лишается стипендіи.

22. (9-го июня 1880 г.). Правила о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщанного умершимъ статскимъ советникомъ Иваномъ Васильевичемъ Добротворскимъ и заключающагося въ 5% банковыхъ билетахъ.

(Утверждены Управляющимъ министерствомъ народного просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей учреждается, одна стипендія, которая на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го июня 1880 года именуется „стипендія статского советника Ивана Васильевича Добротворскаго“.

2) Размѣръ стипендіи триста руб. въ годъ.

3) Стипендія выдается студенту физико-математического факультета, недостаточнаго состоянія, отличному по успѣхамъ и поведенію.

4) Стипендія назначается на точномъ основаніи существующихъ на сей предметъ постановленій.

5) Остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

29-го марта 1880 года (№ 3). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сабининъ — Деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 26-го февраля 1880 года.

Бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета, статскій совѣтникъ Федоренко—въ званіи заслуженнаго ординарного профессора, съ 25-го декабря 1878 года.

Исправляющій должностіи профессора православнаго богословія Императорскаго Новороссійскаго Университета, магистръ, священникъ Кудрявцевъ—въ сей должностіи, съ 8-го марта 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета, докторъ физики Колли—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ физики, съ 19-го января 1880 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго Университета и библіотекарь сего университета, магистръ русской исторіи, статскій совѣтникъ Барсовъ—экстраординарнымъ профессоромъ того же Университета по каѳедрѣ русской исторіи, съ 15-го октября 1879 года, съ оставленіемъ въ должностіи библіотекара.

Статскій совѣтникъ баронъ Врангель—почетнымъ попечителемъ Ялтинской Александровской прогимназіи, на три года.

Коллежскій Ассесоръ Листовскій—почетнымъ попечителемъ Суражской прогимназіи, на три года.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лутовиновъ—членомъ попечительства Новгородскаго реальнаго училища, на три года.

Надворный совѣтникъ Бѣлоруссовъ, потомственный дворянинъ Клепининъ, потомственный почетный гражданинъ Казанцевъ и Екатеринобургскій купецъ Роговъ—членами попечительства Екатеринобургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, на три года.

Статскій совѣтникъ Риттихъ, отставной полковникъ гвардіи Карцевъ, титуларный совѣтникъ Григоровичъ, губернскій секретарь Истоминъ, отставной поручикъ Брандъ и кандидатъ правъ Лазаревъ—членами попечительства Ливенскаго реальнаго училища, на три года.

Статскій совѣтникъ Сцепура, коллежскій секретарь Лабзинъ, потомственные почетные граждане Клочковъ и Михайловъ и купцы

Кретовъ и Безруковъ—членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія архитекторъ департамента народнаго просвѣщенія, надворный со- вѣтникъ Тацки, съ 16-го февраля 1880 года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Причисленный къ канцелярии оберъ-прокурора свѣтѣйшаго си- нода сверхъ штата коллежскій ассесоръ Арнольдъ, съ 15-го марта 1880 года, съ оставленіемъ на службѣ при указанной Канцелярии.

Кандидатъ Императорскаго Московскаго университета князь Николай Шаховскій, съ 15-го марта 1880 года.

Опредѣляются, изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій со- вѣтникъ Брамсонъ—на службу по вѣдомству министерства наро- днаго просвѣщенія, съ утвержденіемъ директоромъ Керченской Александровской гимназіи.

Потомственный почетный гражданинъ Кузнецовъ—почетнымъ попечителемъ Красноярской учительской семинарии, съ 15-го февраля 1880 года.

Оставляются на службѣ: на два года: директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гам- бурдовъ, съ 19-го февраля 1880 года.

На пять лѣтъ: директоръ Полтавской гимназіи, дѣйствитель- ный статскій совѣтникъ Шафрановъ, съ 16-го августа 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго универси- тета, статскій совѣтникъ Лазаревичъ, съ 17-го августа 1879 года.

Командируются въ Россію съ ученою цѣлію: директоръ и ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарного института, дѣй- ствительный статскій совѣтникъ Зейфманъ—на лѣтнее вакационное время 1880 года, въ разныя губерніи.

Инспекторъ Херсонской гимназіи Сиггъ—на три мѣсяца, въ раз- ныя губерніи.

Ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ—на шесть недѣль сверхъ лѣтнаго вакационнаго времени 1880 года, считая съ 10-го мая 1880 года, въ Эстляндскую и Лифляндскую губерніи.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на лѣтнее вака- ционное время 1880 года: директоръ Варшавской II муж- ской гимназіи, статскій совѣтникъ Стефановичъ—въ разныя гу-

берні, директоръ Несвіжской учительской семинаріи, надворный советникъ Николаевскій, по болѣзни, въ Самарскую губернію.

На два мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій советникъ Тихомандритскій, по болѣзни, въ разныя губернія.

Съ 15-го мая до конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1880 года: директоръ Калужской гимназіи, дѣйствительный статскій советникъ Бибиковъ, по болѣзни, во внутреннія губернія.

Съ 15-го мая 1880 года на три мѣсяца: директоръ Острогожской учительской семинаріи, статскій советникъ Богатиновъ, по болѣзни, въ разныя губернія.

За границу: на четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Павинскій.

На двадцать девять дней: учитель Роменскаго реальнаго училища Буассело.

На одинъ мѣсяцъ: директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій советникъ Сентъ-Илеръ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій советникъ Столѣтовъ, Дерптскій директоръ училищъ, статскій советникъ Геекъ, учителя гимназій: Орловской, коллежскіе советники: Долежель и Помянъ, Вердинской, Яль, Пензенской, Клучекъ и Дерптской, надворный советникъ Реймерсъ и Байеръ, старшіе учителя гимназій: Рижской городской: коллежскій советникъ Дюбуа, коллежскій ассесоръ Гензель и Гренбергъ и Митавской, надворный советникъ Гижицкій, исправляющій должность учителя наукъ Рижской городской гимназіи Меттихъ, учителя прогимназій: Ялтинской Александровской, Шкорпиль и Фюмель и Царицынской Александровской Гендрихъ, учителя реальныхъ училищъ: Сергіевскаго въ Псковѣ, Анснахъ, Новозыбковскаго, Зеберли и Рижскаго городскаго для гражданъ, коллежскій ассесоръ Мюллеръ и Барраудъ: изъ нихъ Геекъ, Реймерсъ и Гижицкій по болѣзни.

На два мѣсяца: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, тайный советникъ Воронцовъ-Вельяминовъ, врачъ Саратовскаго реальнаго училища, коллежскій ассесоръ Бонвичъ и помощникъ дѣлопроизводителя канцелярии Варшавскаго учебнаго округа Воронцовъ-Вельяминовъ, всѣ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: учитель Харьковской первой гимназіи Шерцль, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и пятнадцать дней: учитель Московской четвертой гимназіи, статскій советникъ Кремеръ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: ректоръ Императорского Дерптского университета дѣйствительный статскій советникъ Мейковъ и ординарный профессоръ сего университета Вильгельмъ Стида, первый по болѣзни.

До конца настоящаго учебнаго года, считая съ 15-го марта 1880 года: начальница женской гимназіи въ С.-Петербургѣ княгиня Оболенская.

Увольняются, согласно прошеніямъ, отъ службы: директоръ Шуйской прогимназіи, статскій советникъ Миротворцевъ, съ 8-го марта 1880 года.

Членъ совѣта попечителя Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій советникъ Романкевичъ, съ дозволеніемъ носитъ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности при своемъ.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному блюстителю 5-го Оренбургскаго приходскаго училища, 1 й гильдіи купцу Назарову—за пожертвованіе его на пополненіе библіотеки сего училища.

Исключается изъ списковъ умершій: ректоръ Императорскаго Казанскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ сего университета, тайный советникъ Осокинъ.

5-го апрѣля 1880 г. (№ 4). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Бауерь—деканъ историко-филологического факультета сего университета, съ 11-го марта 1880 г.

Статскій, советникъ Русановъ, штабсъ-ротмистръ Бунинъ и губернскій секретарь Рабининъ—членами попечительства Воронежскаго реальнаго училища, на три года.

Коллежскій ассесоръ Суворовъ и коллежскій секретарь Мальевъ—членами попечительства Перискаго реальнаго училища, на три года.

Екатеринбургскіе кутицы Симоновъ и Стрижовъ—членами попечительства Екатеринбургскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Захаринъ, съ 21-го декабря 1879 г.

Директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статский советникъ Садоковъ, съ 22-го февраля 1880 г.

Командируется съ ученой цѣлію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный советникъ Кесслеръ — въ Крымъ, съ 1-го мая по 10-е сентября 1880 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Минхъ — въ Астраханскую губернію и на Кавказъ, на пять мѣсяцевъ, съ 15-го апреля 1880 г.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: директоръ Влоцлавскаго реальнаго училища, статский советникъ Лебедевъ — въ Великое Княжество Финляндское и гор. С.-Петербургъ, Москву и Ревель.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать дней: директоръ Сергиевскаго въ Псковѣ реальнаго училища, статский советникъ Раевскій — въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать восемь дней: директоры гимназій: С.-Петербургской Ларинской, дѣйствительный статский советникъ Кнорригъ — въ разныя губерніи и Императорской Казанской первой, дѣйствительный статский советникъ Крелленбергъ — въ Остзейскія губерніи; оба по болѣзни.

На два съ половиною мѣсяца: директоръ Гродненской гимназіи, статский советникъ Татлинъ — въ Крымъ, по болѣзни.

За границу: на шестнадцать дней: доцентъ Императорскаго университета св. Владимира, статский советникъ Неметти.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, дѣйствительный статский советникъ Степановъ и Дерптскаго, дѣйствительный статский советникъ Фогель, ординарный профессоръ историко-филологического института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Будиловичъ, директоры мужскихъ гимназій: Варшавской I, дѣйствительный статский советникъ Крижановскій, и Люблинской, статский советникъ Сѣнгалевичъ, исправляющіе должность инспекторовъ мужскихъ гимназій: Варшавскихъ: I — Ведениапинъ, II — надворный советникъ Мазюковичъ, III — статский советникъ Троицкой и Кілецкой, Констанецкій, старшіе учителя Дерптской гимназіи, коллежские советники: Вейнеръ и Шнейдеръ, учителя гимназій: состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Добашъ, С.-Петербургскихъ: третьей, надворный советникъ Райманъ и кол-

лемскій ассесоръ Кеммерлингъ, Ларинской, статскій совѣтникъ Консовичъ, Варшавскихъ мужскихъ: I: статскій совѣтникъ фонъ-Роде, Ваккеръ и Толивенъ, II—Шенбергъ, Кѣлецкой мужской, коллежскій ассесоръ Сперанскій, Плюцкой мужской, Ливотовъ, Тверской, Голейшовскій, Московскихъ: четвертой: Кордасевичъ и шестой, статскій совѣтникъ Дени и коллежскій ассесоръ Киндлеръ, Костромской, статскій совѣтникъ Блюсъ, Ришелевской, Конпе, Николаевской Александровской, Кейзларь, Симферопольской, Зозель, Новочеркасской, Пинкава, исправляющей должность воспитателя, комитатный надзиратель С.-Петербургской третьей гимназии, коллежскій секретарь Кеммерлингъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Немировской гимназии Міончинскій, учители Варшавскихъ женскихъ гимназій: I — Лучицкій и IV — Клодницкій, инспекторъ Сандомирской мужской прогимназіи, статскій совѣтникъ Крашановскій, учители прогимназій: Рязанской, коллежскій ассесоръ Мейеръ и Азовской, Марекъ, учители реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго, Ильницкій, Московскаго, Жилинскій и Кастильонъ, Александровскаго Орловскаго, коллежскій совѣтникъ Мало, Костромскаго, коллежскій ассесоръ Фарванъя, Николаевскаго Александровскаго, статскій совѣтникъ Генель, Варшавскаго, Плутенко и Ловичскаго, Браиловскій, директоръ главнаго южно-немецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, инспекторъ этого училища Коллинсь и учители сего училища: Фишеръ, Бонжуръ, Тюрель, Аккерманъ, Гриимъ, Миллеръ, Миттелахеръ, Фремовъ и Вороновичъ, инспекторъ мужского училища при евангелическо-лютеранской церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ, состоящей въ VIII классѣ Чекала, учитель сего училища, титуларный совѣтникъ Кремеръ, завѣдывающій Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Паплонскій, учитель-руководитель Варшавской учительской семинаріи Напмель, учитель первой Дерптской учительской семинаріи, титуларный совѣтникъ Ланге, учитель Дерптскаго уѣзднаго училища Ивановъ, классная дама Варшавской женской гимназии Плесцова, классные дамы женскихъ прогимназій: Замостьской, Юрьева и Сандомирской, Дучинская; изъ нихъ по болѣзни: Степановъ, Крыжановскій, Сынгалевичъ, Веденяпинъ, Мазюковичъ, Троицкій, Костецкій, Вейнеръ, фонъ Роде, Ваккеръ, Толивенъ, Шенбергъ, Ливотовъ, Лучицкій, Клод-

ницкій, Крашановскій, Плутенко, Браиловскій, Цаплонскій, Пашель, Плещова, Юрьева и Дучинская.

На два мѣсяца: начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, дѣйствительный статской советникъ Коныловъ и директоръ Варшавской V мужской гимназіи, коллежскій советникъ Хорошевскій; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и десять дней: учитель Московской третьей гимназіи, статской советникъ Марцъ-д-Лонжевиль, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и четыриадцать дней: ординарный профессоръ Императорского Деритского университета Рельманъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать одинъ день: учитель Рижской губернской гимназіи, губернский секретарь Михельсонъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать восемь дней: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный советникъ Дорнъ, директоры гимназій: С.-Петербургской второй, дѣйствительный статской советникъ Смирновъ и Радомской мужской, статской советникъ Маркіановичъ, учитель Курской гимназіи Ницкій, учитель Одесской Марининской женской гимназіи Дренгеръ, учитель Ростовской-на-Дону прогимназіи Басиловъ, врачъ Одесской второй прогимназіи Брендель, классная дама Варшавской IV женской гимназіи Евгения Щебальская и надзирательница Замостьской женской прогимназіи Гаврилова; изъ нихъ: Смирновъ, Маркіановичъ, Ницкій, Дренгеръ, Брендель, Басиловъ, Щебальская и Гаврилова по болѣзни.

На двадцать девять дней, съ 25-го апреля 1880 г., и на лѣтнее вакаціонное время 1880 г.: директоръ Черниговской гимназіи, статской советникъ Мессъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 г. и двадцать девять дней: ординарные профессоры Императорского Деритского университета, дѣйствительные статские советники фонъ-Гольстѣ и Драгендорфъ, исполняющій обязанности инспектора Московской шестой гимназіи, коллежскій асессоръ Кимакъ и учитель С.-Петербургской Ларинской гимназіи, коллежскій советникъ Маакъ; изъ нихъ Кимакъ и Маакъ по болѣзни.

На три мѣсяца: состоящий при министерствѣ народного просвѣщенія, дѣйствительный статской советникъ Бекманъ и клас-

сная дама Варшавской II женской гимназии Александра Щебальская, послѣдняя по болѣзни.

Увольняются, согласно прошениямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, действительный статскій советникъ Цингерь—отъ должности проректора сего университета, съ 22-го марта 1880 г.

Почетный попечитель Байрамческой учительской семинаріи Маврокордато—отъ сей должности.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: инспектору народныхъ училищъ Оренбургской губерніи Семигановскому — за обстоятельное составленіе отчетовъ по осмотру училищъ, исправное посыпаніе имъ училищъ и заботливость о преуспѣяніи ихъ.

Вдовѣ штабс-капитана Потемкиной — за пожертвованіе въ пользу общества вспоможенія бѣднымъ ученикамъ Пензенской гимназіи.

Попечителю Рыловскаго начальнаго народнаго училища, Ковровскаго уѣзда, губернскому секретарю Мартену, попечителю Марьинскаго начальнаго народнаго училища того же уѣзда, ковровскому 2-й гильдіи купцу Треумову, попечительницѣ Александровскаго училища Козловской, Александровскому купцу Соколову, попечителю Мичковскаго училища, Александровскаго уѣзда, отставному унтер-офицеру Родіонову и почетному блюстителю Ухоловскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Рижскаго уѣзда, Рижскому купцу Шаширину—за пожертвованія имъ въ пользу училищъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:— книгу: „Начальные основания педагогики“. Учебникъ для инструментовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Настольная книга для родителей и воспитателей. Выпукъ II. Дидактика и методика. Исторический очеркъ воспитанія и образованія вообще у древнихъ и новыхъ народовъ и въ частности въ Россіи. Составилъ П. В. Евстафьевъ. С.-Пб.

1879 г.—допустить въ библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній министерства народного просвѣщенія.

— Составленную А. Бутлеровы мъ книгу: Пчела, ея жизнь и главные правила толковаго пчеловодства, краткое руководство для пчеловодовъ. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1880 г., одобрить для библиотекъ начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ по Коху М. Григорьевскій. Изд. 3 исправленное. С.-Пб. 1879 г.“— одобрить какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народного просвѣщенія.

— Книги подъ заглавиемъ: 1) „А. Г. Гавловскій. Руководство геометрическаго черченія. Одобрено главнымъ управлениемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ для военныхъ гимназій. Курсъ V класса. Черчевіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей“. С.-Пб. 1880 г. и 2) Руководство геометрическаго черченія, составленное по программѣ военныхъ гимназій преподавателемъ геометрическаго черченія въ 1-й С.-Петербургской военной гимназіи А. Г. Гавловскимъ и одобрено главнымъ управлениемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ геометрическаго черченія въ военныхъ гимназіяхъ. I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. С.-Пб. 1879 г. одобрить какъ полезныя учебныя пособія для реальныхъ училищъ: первую для IV и V классовъ, а вторую для VI класса.

— Книгу: „Греческая и римская метрика, для старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ, обработанная Лукіаномъ Миллеромъ. Съ приложеніемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики“. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 к.,—рекомендовать какъ учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и для начинающихъ филологовъ.

— Книгу: „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества. Выпускъ I. Составилъ К. Крафтъ. Издание 2-е, исправленное и дополненное“. Кіевъ, 1880 г. Цѣна 1 р.,—допустить въ употребленію въ средне-учебныхъ заведеніяхъ министерства народного просвѣщенія въ видѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Русская исторія въ источникахъ“. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Васильковскій. Часть I. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р.—одобрить какъ пособіе для низшихъ классовъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Идаваемый Эмилемъ Гартье журналъ: „Россійская Библіографія“ — рекомендовать для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрить оный для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію)“. Составилъ А. Кирпичниковъ и Ф. Гуларовъ. Издание 15-е, исправленное и дополненное. Москва, 1880 г.—одобрить какъ учебное руководство.

— Книгу: „Начала Евклида, съ пояснительныхъ введеніемъ и толкованіями. Ординарного профессора Императорского университета св. Владимира М. Е. Ващенко-Захарченко“. Киевъ, 1880 г. Цѣна 6 р.—рекомендовать къ приобрѣтенію въ основныя библиотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ, а также для наградъ за прилежаніе и успѣхи по математикѣ учениковъ старшаго возраста.

— Книгу: „Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Издание 3-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 75 коп.“—одобрить какъ руководство при преподаваніи логики въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Д-ра Шютце, д-ра семинаріи. Перевелъ А. Бѣлявскій. Глуховъ. 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—допустить для учительскихъ библиотекъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Определеніями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:—книгу „Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительного и систематического курса. Вторая часть. Дроби. Составилъ В. А. Евтушевскій. 9-е исправленное и значительно дополненное изданіе. С.-Пб. 1880. Цѣна съ отвѣтами 40 к.“,—одобрить какъ учебное пособіе для употребленія въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ.

— Книги: 1) *Ensimmäinen Luku-kirja ja Aapinen. Kodin ja kantsakoulun tarpeksi tehty*. S. Länsi-Länsi. Helsingissä 1879, и 2) *Suomalaisen kirja-liisuvuden Seuran soiimituksia 23 Osa*. Helsingissä 1873, допустить для употребления въ народныхъ школахъ, гдѣ обучаются Финны.

— Рукопись: „Кулаакъ“ поэма И. С. Никитина. Ред. Д. Тихомирова, допустить какъ книгу для чтенія въ библиотеки народныхъ училищъ; для публичныхъ же народныхъ чтеній комитетъ не призналъ это произведение удобнымъ.

— Книгу: „Дѣтскій міръ и христоматія, книга для класснаго чтенія, приспособленная къ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Сост. К. Ушинскій. Изд. 18-е, окончательно исправленное и дополненное. Съ 105 рисунками въ текстѣ. Ч. I. С.-Пб. 1880 г., одобрить какъ учебную книгу для всѣхъ начальныхъ училищъ министерства народного просвѣщенія.

— Изданныя редакцію журнала „Досугъ и Дѣло“ брошюры: 1) Кулибинъ „Русскій механикъ-самоучка“. С.-Пб. 1880 г.; 2) „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“ (безъ означенія мѣста и времени изданія); 3) „Дикие люди жаркой полосы“ С.-Пб. 1879 и 4) „Вулканы и землетрясенія“. С.-Пб. 1879 допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ училищъ.

— Составленныя В. Гербачемъ книги: 1) „Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“ и 2) „Руководство для учащихся къ русской азбукѣ для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“ одобрить первую изъ означеныхъ книгъ, какъ руководство въ народныхъ школахъ, а вторую для библиотекъ сихъ школъ.

— Составленныя А. Ждановымъ книги: 1) „Грамматика для народныхъ школъ“. Харьковъ. 1879 и 2) „Сборникъ статей и примѣровъ для разбора диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій. Харьковъ. 1880 г., допустить въ библиотеки начальныхъ училищъ.

— Брошюры подъ заглавіями: 1) „19-е февраля 1855.—1880 г. Праздникъ въ аудиторіяхъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній 25-ти-лѣтія благополучнаго царствованія Государа Императора“. С.-Пб. 1880 г.; 2) „Петръ Великій“ по сочиненіямъ Пушкина. А. Г. Филонова. С.-Пб. 1880 г.; 3) „Богомольцы у святыни Киева“. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 15 к., первый двѣ допустить, а послѣднюю—одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Составленную В. Овчинниковымъ книгу: „Руководство для крестьянъ, волостныхъ судовъ, уѣздныхъ и губернскихъ по крестьян-

скимъ дѣламъ учрежденій по постановленію, обжалованію и отмѣнѣ рѣшений по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду. Изд. 2-е, поправленное и дополненное. Вятка. 1879 г., допустить въ учительскія библиотеки начальныхъ училищъ и въ ученическія библиотеки учительскихъ семинарій.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИЗВѢЩЕНИЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайного советника графа Толстого, въ 1-й день февраля сего 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Тюменскаго реальнаго училища портретовъ г. генералъ-губернатора Западной Сибири и бывшаго министра народнаго просвѣщенія; Аккерманской прогимназіи—портретовъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія и попечителя Одесскаго учебнаго округа тайного советника Голубцова; и Ришельевской гимназіи—портрета попечителя означенной гимназіи графа Михаила Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайного советника графа Толстого, въ 14-й марта 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Кишиневской мужской прогимназіи портрета почетнаго попечителя названной прогимназіи, въ званіи камер-юнкера двора Его Императорскаго Величества, коллежскаго советника Катаражи.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайного советника графа Толстого, въ 22-й день апрѣля сего 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Немировской мужской гимназіи портретовъ: графа Дмитрія Андреевича Толстого и бывшаго попечителя учебнаго округа генералъ-лейтенанта Антоно-вича.

— Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣйствительнаго тайного советника графа Толстого, въ 22-й день апрѣля 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Бобровской мужской прогимназіи портрета графа Дмитрія Андреевича Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Ташкентской учительской семинаріи портретовъ военного министра генералъ-адъютанта графа Д. А. Милютина, б. ministra народнаго просвѣщенія, дѣйствительного тайного совѣтника графа Д. А. Толстого и генералъ-губернатора Туркестанскаго края, генералъ-адъютанта М. П. фонъ-Кауфмана.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день текущаго мая, Высочайше соизволилъ на постановку въ залѣ казанской татарской учительской школы портрета попечителя казанскаго учебнаго округа, тайного совѣтника Шестакова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 4-й день текущаго июня Высочайше соизволилъ на постановку въ двухъклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія въ с. Архангельскомъ Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, портрета бывшаго товарища ministra народнаго просвѣщенія, тайного совѣтника князя Ширинскаго—Шихматова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 4-й день текущаго июня, Высочайше соизволилъ на постановку въ залѣ Иркутской учительской семинаріи портрета бывшаго инспектора училищъ Восточной Сибири, дѣйствительного статского совѣтника Маака.

— Государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности воспитанниковъ учебныхъ заведеній, находящихся въ возсоединеній части Бессарабіи, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1876 г. временнаго списка учебныхъ заведеній, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отбыванію воинской повинности, постановить:

Впредь до преобразованія учебныхъ заведеній въ возсоединеній съ имперію Румынскій части Бессарабіи, воспитанникамъ оныхъ предлагаются слѣдующія права по образованію, при отбываніи ими воинской повинности: а) окончившимъ курсъ въ Болградской семиклассной гимназіи права вътораго разряда; б) прошедшими курсъ Измаильской четырехклассной гимназіи, первыхъ четырехъ классовъ

Болградской гимназии и городскихъ трёхклассныхъ и четырехклассныхъ училищъ—права третьаго разряда, и в) окончившимъ курсъ одноклассныхъ и двухклассныхъ и городскихъ и начальныхъ сельскихъ училищъ—права четвертаго разряда. Правами сего послѣдняго разряда пользуются также неокончившіе курса первыхъ четырехъ классовъ называникъ гимназій, а равно неокончившіе курса городскихъ училищъ, если послѣдніе пробыли въ заведеніи не менѣе двухъ лѣтъ.

— Его сіательство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 16-го февраля 1880 г. разрѣшилъ учредить при Екатеринославскомъ 6-ти классномъ реальному училищѣ, съ начала 1880—1881 учебнаго года, дополнительный классъ съ общимъ и химико-техническими отдѣленіями на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 г. Устава и штата реальныхъ училищъ съ отнесеніемъ расхода по содержанію оного на средства Екатеринославскаго губернскаго земства и городскаго общества.

— Его сіательство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 15-го марта 1880 г., разрѣшилъ ввести въ Евпаторійской прогимназіи преподаваніе для учениковъ караимовъ Закона Божія караимскаго исповѣданія на языкѣ ихъ священнаго писанія съ тѣмъ однакожъ, чтобы преподаваніе этого предмета ни въ чёмъ не нарушило положеній по расписанию занятій учениковъ по остальнымъ предметамъ прогимназического курса и чтобы три линіи урока Закона Божія караимскаго исповѣданія, противъ числа уроковъ Закона Божія православнаго исповѣданія, были даваемы во вѣтъклассное время.

— Его сіательство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 15-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ С.-Петербургской 7-й гимназіи размѣръ платы за обученіе въ названной гимназіи, съ 1-го июля 1880 г., въ нормальныхъ классахъ по шестидесяти р. а въ приготовительномъ по сорока р. въ годъ съ каждого ученика.

— Его сіательство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 28-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Петергофской прогимназіи размѣръ платы за обученіе въ названной прогимназіи, въ нормальныхъ классахъ по сорока рублей, а въ приготовительномъ — по двадцати шести рублей въ годъ съ каждого ученика.

— Его сіательство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія 29-го марта 1880 г. разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго учебнаго

года, плату за учение во всѣхъ Московскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а равно въ реальныхъ училищахъ, въ нормальныхъ классахъ по пятидесати рублей въ годъ а въ приготовительномъ—тридцать руб. съ каждого ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 29-го марта 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Вологодской гимназіи размѣръ платы за учение въ названной гимназіи, съ 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по двадцати руб., а въ приготовительномъ по тринадцати руб. пятидесати коп., въ годъ съ каждого ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 12-го апрѣля 1880 года разрѣшилъ возвысить плату за учение въ Тверской гимназіи въ нормальныхъ классахъ до сорока рублей, а въ приготовительномъ до двадцати пяти рублей въ годъ съ каждого ученика.

— Его сіятельство г. бывшій министръ народнаго просвѣщенія, 19-го апрѣля 1880 года утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Нижегородской гимназіи размѣръ платы за ученье въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по сорока рублей а въ приготовительномъ по тридцати рублей въ годъ съ каждого ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 1-го мая 1880 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Смоленскаго реальнаго училища размѣръ платы за учение въ названномъ училищѣ съ начала будущаго 1880—1881 г., по тридцати руб. въ годъ съ каждого ученика.

— Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, 15-го сего мая, разрѣшилъ взимать, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, плату за учение въ Смоленской гимназіи, въ нормальныхъ классахъ по тридцати р., а въ приготовительномъ—по двадцати руб. въ годъ съ каждого ученика.

— По донесенію управляющаго Одесскимъ учебнымъ округомъ, 30-го минувшаго марта открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ селеніи Ташлыкѣ, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 22 учащихся.

— — —

О БЪЯВЛЕНИЕ

отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія имѣеть честь объявить, что, съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія, на соисканіе премій императора Петра Великаго предполагается представить слѣдующія сочиненія къ 1-му ноября 1880 года:

Руководство по синтаксису греческаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Учебникъ по счетоводству, для дополнительного класса реальныхъ училищъ.

До того же времени, 1-го ноября 1880 года, съ разрѣшенія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, продленъ срокъ и для представленія въ ученый комитетъ слѣдующихъ сочиненій:

Исторія русской словесности.

Руководство по синтаксису латинскаго языка, приспособленное къ потребностямъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Коммерческая географія въ связи съ коммерческою экономіей для реальныхъ училищъ.

Руководство по химической технологии, для реальныхъ училищъ.

Общеполезныя свѣдѣнія по міровѣдѣнію, землевѣдѣнію и отчизновѣдѣнію.

Исторія Россіи для народа, примѣнительно къ примѣрной программѣ, объявленной въ журн. мин. нар. просв. 1874 г. юль, стр. 144.

До 1-го ноября 1881 года продленъ срокъ для преподаванія руководства по механикѣ, для реальныхъ училищъ.

Авторы рукописей, представленныхъ въ ученый комитетъ на соисканіе премій императора Петра Великаго къ 1-му ноября 1879 года, могутъ получить обратно свои сочиненія по предъявленіи доказательствъ на принадлежность имъ сихъ сочиненій.

ΘΕΟΦΑΝЬ ПРОКОПОВИЧЪ НАКЪ ПИСАТЕЛЬ¹⁾.

VI.

Духовный Регламентъ и другія, связанныя съ нимъ, произведенія Феофана. Постановленія о церковномъ причтѣ и монахахъ; трактаты о патріаршествѣ; проповѣдь на день открытия синода. Значеніе Регламента и сужденія о немъ староцерковной партии. Отывы иностранцевъ о Русской церкви и о Феофанѣ Прокоповичѣ, какъ о главномъ дѣятелѣ церковно-административного преобразованія.

„А для лучшаго впредь управлениія, мнится, быть надобно духовной коллегіи“, писалъ Петръ Великій въ отвѣтѣ на представлениія Стефана Яворскаго о церковныхъ дѣлахъ, въ концѣ 1718 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществлениіи этой мысли и въ борбѣ за ея поддержаніе, которую можно назвать своего рода „культурною борьбой“,—пришлось быть Феофану, которому царь поручилъ написать для будущей коллегіи подробный уставъ, или по тогдашнему, „регламентъ“. По свидѣтельству Феофана (въ письмѣ къ Марковичу, отъ 10-го мая 1720 г.), этотъ трудъ былъ имъ оконченъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ прочесть „регламентъ“ въ своемъ присутствіи, и „перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ“; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы, шесть епископовъ (въ томъ числѣ и Феофанъ) и три архимандрита (въ томъ числѣ—Феодосій Яновскій). Читано было дважды, въ теченіе двухъ дней, и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки, „съ одной стороны—епископы и архимандриты, съ другой—сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ государь. Затѣмъ одинъ экземпляръ этого акта отправленъ въ Москву и

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за тепущій годъ.

другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и главнѣйшимъ архимандритамъ¹⁾). Ко дню открытия духовной коллегіи—14-го февраля 1721 г.—Регламентъ былъ уже, конечно, подписанъ всѣми, кому слѣдовало, и окончательно утвержденъ; но напечатанъ онъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя—16-го сентября.

Въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, 25-го января 1725 года (конечно, и этотъ манифестъ вышелъ изъ-подъ пера Феофана) „вина“ преобразованія церковной администраціи изложены такимъ образомъ: „Посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и велику въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возъимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благопосиѣшства во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный онъ судія воспросить отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попечение о исправленіи чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же ненаслѣдственная власть, того ради вищше небрегутъ²⁾, уставляемъ духовную коллегію, то-есть, духовное соборное правительство“, и т. д.

Къ манифесту приложена форма присяги для членовъ духовной коллегіи; въ ней, между прочимъ, читается: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самаго всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго“; а затѣмъ прибавлены слѣдующія замѣчательныя слова: „Клянуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщаваемая, не иначе толкую во умѣ моемъ, ико провѣщаю устами моими, но въ той силѣ и разумѣ, якую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтушии и слышащи являютъ“. Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ-называемой „reservatio mentalis“, конечно, включена

¹⁾ Epist., p. 28—29. Ср. приписку къ Регламенту: «Сія вся здѣ написанная первѣе съмь всероссійскій монархъ... слушать предъ собою чтомаи, разсуждать же и исправлять благоволилъ 1720 года февраля 11 дня. А потомъ, по указу е. в., преосвященные архиереси, архимандриты, купно же и правительствующіе сенаторы слушали-же и, разсуждая, исправилип, сего же февраля 23 дня».

²⁾ Подчеркнутыя слова вписаны въ манифестъ самимъ царемъ. См. Пекарскаго, Н. и Л., II, 521.

въ формулу присяги Феофаномъ, въ укоръ Стефану Яворскому и другимъ представителямъ старо-церковной партіи за ихъ расположение къ католическимъ, и „слѣдовательно“, іезуитскимъ идеямъ¹). Изъ этого можно видѣть, что Феофанъ не упускалъ ни малѣйшаго повода сдѣлать или сказать своимъ противникамъ что-либо непріятное. Здѣсь, въ актѣ законодательномъ, онъ говорить отъ лица верховной власти, вслѣдствіе чего его нападки на противниковъ приобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще для исторіи нравовъ петровской эпохи, Регламентъ представляетъ очень много любопытнаго; говоря свободно и независимо, онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, и потому многие параграфы устава представляютъ язвительную сатиру на нравы современного автору духовенства. Мы не имѣемъ надобности подробно рассматривать каждый пунктъ Духовнаго Регламента, потому что это уже раньше наше сдѣлано другими, и притомъ съ различныхъ точекъ зреинія; мы обратимъ вниманіе только на тѣ стороны этого произведенія, въ которыхъ отразился характеръ Феофана, какъ писателя и какъ представителя опредѣленнаго направлениія, другими словами—мы разсмотримъ Регламентъ, какъ памятникъ литературный.

Духовный Регламентъ²) раздѣленъ на три части: первая заключаетъ въ себѣ опредѣленіе духовной коллегіи, какъ учрежденія государственнаго, и тѣ соображенія, въ силу которыхъ было призвано необходимымъ поставить церковное управление въ одинаковыхъ условіяхъ управлениемъ гражданскимъ и военнымъ; во второй части говорится о томъ, какія именно дѣла подлежатъ вѣдѣнію коллегіи; въ третьей опредѣляются „должность, дѣйство и сила“ ея членовъ.

Самую мысль объ учрежденіи духовной коллегіи по образцу всѣхъ прочихъ коллегій можно, въ извѣстномъ смыслѣ, назвать лютеранской. Въ глазахъ Петра Великаго патріархъ, въ политическомъ отношеніи, почти отожествлялся съ папой, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управления представлялись людьми, исполненными „папежскаго духа“; съ другой стороны, отвергавшая авторитетъ римскаго первосвященника церковь лютеранская управлялась

¹) Впослѣдствіи она вошла въ обычай и повторялась много разъ въ формулѣ присяги.

²) Кроме многократныхъ отдельныхъ изданій, Регламентъ перепечатанъ въ Полн. Собр. Зак., VI, № 3718 (стр. 314). О переводахъ его на немецкій и латинскій яз. см. у Лекарскаю, Н. и Л., II, 525.

коллегиально и была составной частью общего государственного механизма. Такимъ образомъ, Петръ, отказываясь признавать независимое положение церкви въ государствѣ и отвергая авторитетъ патриарха, естественно, воспользовался для практическаго осуществленія этой идеи готовою формою, которая была уже выработана аналогичными обстоятельствами на Западѣ. Доказательства, приводимыя въ Регламентѣ въ пользу преобразованія церковной администраціи, представляютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и критику прежнаго порядка вещей— критику, полную весьма прозрачныхъ личныхъ намековъ па представителей и защитниковъ старины. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскиуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единимъ лицемъ“¹⁾, что „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣть къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится“, что „въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежитъ суду послѣдняго“, что „въ соборномъ правительстве есть нѣкая школа правленія“, и т. п.— Регламентъ замѣчаетъ, что „коллегіумъ не есть нѣкая фракція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся“ (а такою именно представлялась Петру старо-церковная партія); „еще же и се важное есть“,— говорится далѣе,— „что въ единоличномъ правлениі часто бываетъ дѣль продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнью... Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковому не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду“. Эти замѣчанія, по видимому, совершенно общія, пріобрѣтаютъ особенный смыслъ, если припомнить, что мѣстоблюститель патриаршаго престола, Стефанъ Яворскій, часто жаловался царю на свои нужды и немощи, и что авторъ „лютеранскаго пашкиля“ на „Камень Вѣры“, обращаясь къ тому же Стефану, укоряетъ его въ неправосудіи и лихоимствѣ, восклицая: „Утроба твоя крови и сребролюбія и ненависти исполнена“. Даѣже мы встрѣтимъ намеки гораздо болѣе ясные: „Велико и сіе“, говоритъ Регламентъ,— „что отъ соборнаго правлениія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ

¹⁾ Тотъ же аргументъ подробно развитъ Феофаномъ въ курсѣ богословія (Prolegomena, въ главѣ о соборахъ): «Авторитетъ соборовъ, сказано тамъ, заключается въ томъ, что они разъясняютъ мысль писанія, и дѣлаютъ это легче и лучше, чѣмъ частные учителя въ отдѣльности. Въ собраніяхъ многихъ, серьезно и вѣро разсуждающихъ объ одномъ и томъ же предметѣ, скорѣе разсѣвается тьма и появляется свѣтъ истины», и т. д. Theol., I, 267—269.

не вѣдаетъ, како разнаствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честю и славою удивляемый, по-мышаляетъ, что таковыи правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство¹). И се самъ собою народъ тако умствовати обыкль. Что же, егда еще и плевельныи властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хвастю огнь подложать? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрять. И когда услышится нѣкая между оними распра, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣло и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстять себѣ, окаянные, что они по самомъ Богу поборствуютъ, и руки своея не оскверняютъ, но осващають, аще бы и на кровопролитіе устремилиси. Такому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо, на государя своего враждующе, егда увидатъ скору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобъ своей, и подъ видомъ церковной ревности не сумняются подносить руки на Христа Господня; и къ тому же беззаконію, яко къ дѣлу Божию, подвизаются простой народъ. Что жъ, когда еще и самъ пастырь, таковыи о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похотеть? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то: даль бы Богъ, чтобы о семъ до-мышлятися токмо можно было; но самою вещю не единожды во многихъ государствахъ сіе показалось²). Легко понять, какая именно события имѣтъ въ виду это разсужденіе. Приведя нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, авторъ еще поясняетъ свою мысль восклицаніемъ: „Да не воспомянутся подобные и у насъ бывши замахи!“ Выше, разбирая слово Феофана „о власти и чести царской“, мы имѣли случай замѣтить, что „замахи“ духовенства вообще составляли одну изъ самыхъ любимыхъ темъ этого писателя. Оставалася всегда вѣрнымъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, Феофанъ и при концѣ своей дѣятельности, въ царствование Анны, высказывалъ объ этомъ предметѣ тѣ же самые взгляды и съ такою же рѣзкостью, какъ дѣлалъ

¹) Ср. Слово о власти и чести царской.

²) Ср. замѣчаніе «Молотка на Камень Вѣры»: «Паче всего, есть ли гдѣ станица разбойниковъ, то, конечно, не пройдетъ, чтобы попъ не былъ сообщникомъ; а о бунтахъ не упоминаю, зане всегда духовные омыма начало».

это при Петрѣ¹⁾). Миѣніе Ивана IV, приведенное нами выше, что „нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи по-попъ“, — повторяется и въ Регламентѣ, только съ большою опредѣленностью: „вникнуть только въ исторію Константинопольскую ниже Юстиніановыхъ временъ — и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, точію государство Римское полма пресѣче и себѣ великую честь похити, но и иныхъ государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясъ“.

Во второй части Регламента, какъ уже сказано, опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегії. Дѣла эти могутъ быть или общія, касающіяся не только духовенства, но и всѣхъ прочихъ сословій, или частныя дѣла — одного духовнаго чина. Общія обязанности коллегіи заключаются въ искорененіи разнаго рода „неправостей“; все, что можетъ быть названо суетѣріемъ, „сіесть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прелѣщающее, и аки съѣжные заметы правымъ истины путемъ итти возвращающее, — все то къ досмотру (коллегіи) прилагается, яко зло общее“. Регламентъ, указывая примѣры такихъ „неправостей“, вмѣняетъ коллегію въ обязанность: „Разыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иные службы и молебны, которые наипаче въ наши времена въ Малой Россіи сложены суть: суть ли оная сложенія писанію священному согласная²⁾. Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли иѣкія отъ нихъ должно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному учению противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между леснымъ и шумомъ разсуждать, но что либо видѣть въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится“. Далѣе, „могутъ обрѣстися иѣкія церемоніи непотребныя, или и вредныя“, напримѣръ, поклоненіе пят-

¹⁾ Ср. напримѣръ, Слова и Рѣчи, III, 150—151, 153, 155, 159, 176—177, 187 и др.

²⁾ Здѣсь Феофанъ не упустилъ случая упрекнуть Яворского, одобравшаго подобные акаѳисты. Книга «Богоизслѣ», переведенная Максимовичемъ въ посвященную Стефану (см. выше), подверглась осужденію въ особомъ указѣ, отъ 5-го октября 1720 года, гдѣ сказано, что въ этой книгѣ «явилась многая люторская противность». Такимъ образомъ, Феофанъ отплатилъ своему недоброжелателю, его же монетою.

ницѣ; ихъ также слѣдуетъ искоренить. „О мощахъ святыхъ, гдѣ какая явится быть сумнительны, разыскивать: много бо и о семь наплутано (приводятся примѣры, уже цитированные нами выше по курсу Феофанова богословія); смотрѣть же, иѣсть ли и у насъ та-коваго бездѣлія?“ То же говорится и о чудотворныхъ иконахъ и о прочемъ.

Далѣе ставится вопросъ: „Есть ли у насъ довольноое во исправленію христіанскому ученіе?“ и по этому поводу объясняется, въ чѣмъ должно состоять настоащее и исключительное назначеніе духовенства. Представители церкви, по опредѣленію Регламента, должны быть людьми учительными: „понеже немногіе умѣютъ честь книги, и отъ книжныхъ немногіе могутъ вся собрать отъ писанія, иже суть нужнѣйшая ко спасенію; того ради требуютъ руководства соверши-нѣйшихъ мужей. Того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ“. Главнымъ средствомъ для развитія въ народѣ религіозно-нравствен-ныхъ понятій Регламентъ признаетъ церковную проповѣдь: „А понеже мало есть, противно толикаго Россійскія церкви многонародія, тако-выхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли прошовѣдать догматы и законы св. писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія крат-кія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольноно есть; и тыа книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и празд-ничные дни, въ церкви предъ народомъ“. Для этой цѣли рекомен-дуется „сочинить три книжицы небольшія“—задача, выполненіе ко-торой какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ,—взята на себя самъ Фео-фанъ, одновременно съ составленіемъ Регламента.

Опредѣлія „частныхъ“ дѣла и обязанности духовенства, Регла-ментъ прежде всего предписываетъ подробныя правила для еписко-повъ, при чѣмъ отчасти повторяется то, что уже было высказано въ прежнихъ постановленіяхъ. Епископъ долженъ „смотрѣть о мона-хахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ цер-квей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымы-шлено; такожъ о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ не свидѣтельство-ванныхъ, и прочихъ всего того добрѣ наблюдать“. Затѣмъ, онъ дол-женъ „вѣдать мѣру чести своея и не высоко о ней мыслить“, ибо законодатель имѣть въ виду „укротити ону вельми жестокую епископовъ славу, чтобы оныхъ подъ руки, донелѣже здравы суть, не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы—„добавляетъ Регламентъ“—самохотно и нахально

стелются на землю, да лукаво: чтобы такъ неистовство и воровство свое покрыть". Да же отъ епископа требуется, чтобы онъ „не быть дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ во употреблении власти своей освящательной, то-есть, во отлученіи и анаемѣ"; слѣдуетъ изложеніе длинной процедуры съ различными наставленіями, которыхъ епископъ долженъ держаться въ подобныхъ случаяхъ, и которыхъ, въ концѣ концовъ, сводятся, все-таки, къ тому, что безъ разрѣшенія коллегіи онъ ничего не можетъ сдѣлать. Въ этомъ требованіи и въ крайне тщательномъ и подробномъ опредѣленіи правилъ церковнаго увѣщенія и отлученія слѣдуетъ, кажется, видѣть намекъ на излишнее усердіе Стефана Яворскаго въ дѣлѣ „московскихъ еретиковъ" (1713 г.), вызвавшее неудовольствіе царя. Наконецъ, Регламентъ предписываетъ даже и такія правила, чрезвычайно характерныя въ законодательномъ актѣ, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ: „Если епископъ поющеть звать къ себѣ гостей, то весь-бы тотъ трактаментъ свою казною отправляль, а не налагаль-бы побору на священство или на монастыри". Отправляясь для осмотра своей епархіи, епископъ долженъ „крайко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобы въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творили бъ соблазна; напиаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья и питья и конского корму лишнаго; колыми паче не дерзали бы грабить... Ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины, и гдѣ видять власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и бесстудіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются".

Нельзя отрицать, что все это, какъ и многое другое въ Духовномъ Регламентѣ,—черты, живѣемъ выхваченные изъ современной ему дѣйствительности. Стоитъ только просмотрѣть, напримѣръ, хотя бы записки Добрынина, относящіяся ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чтобы убѣдиться, съ одной стороны, въ справедливости сатирическихъ укоровъ Регламента, а съ другой—въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются...

Эту истину сознавалъ, конечно, и авторъ Духовнаго Регламента, помѣщая за статьей объ обязанностяхъ епископовъ, пространныя правила о „домахъ училищныхъ", учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ прононѣдникахъ. „Извѣстно есть всему миру"—сказано въ предисловіи къ этимъ правиламъ — „каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ

ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державный-шій нашъ монархъ обучилъ оное изрядными регулями... Тожь разумѣть надобно и о управлениі церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть добруму церкви поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суетѣріемъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Слѣдуютъ доказательства пользы просвѣщенія: „Дурно многіе говорять, что ученіе виновное есть ересей: ибо, кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихъ еретиковъ... наши русскіе расколющи не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возвѣсивались?... И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрителные трубки, на мимошедшіе вѣки, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы, и запрещали-бы инымъ учитися: а то видимъ, что учились вси древніи наши учители не токмо Св. Писанія, но и виѣшней философії. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о виѣшиемъ ученіи... Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе"...

Въ этихъ словахъ слышится голосъ Максима Грека, которому, въ свое время, приходилось доказывать, что грамматика не заключаетъ въ себѣ ничего еретического. Голосъ этотъ исходить теперь отъ самой верховной власти, которая напла необходимымъ привлечь науку на службу государству; во все продолженіе петровского царствованія всевозможны доказательства полезности и необходимости „доброго ученія“ повторяются и въ законодательныхъ актахъ, и въ церковной проповѣди, и въ предисловіяхъ къ учебнымъ книгамъ¹⁾, виѣстѣ съ выраженіемъ восторженного удивленія къ наукѣ и ея „насадителю“, который, по словамъ „Разсужденія какіе законные прічины“ и проч., „сочінілъ изъ Россіи самую метамореозію или претвореніе“. Въ са-

¹⁾ См., напримѣръ, Пекарскаю, Н. и Л., I, 19, 264—266, 273—275, 330—331; II, 96, 148—149, 447, 449, 619 и др. Федоръ Поликарповъ, въ своемъ «Букварѣ» (1701), счѣлъ нужнымъ посвѣтить читателю, что онъ напечаталъ латинскую книгу «не ко вреду» и доказывать, что

Душу спасаетъ не языкъ, но вѣра;
Всѣмъ долгъ хранити правыхъ догмъ предъла . . .
Лучше своими чужихъ уловляти,
Нежели въ чужихъ самимъ углубляти.

момъ дѣлъ“, говоритъ авторъ „Разсужденія“, — „хотя прежде сего кромѣ россійскаго языка книгъ читанія и писма никто изъ Россійскаго народа не умѣлъ, и болѣе то въ зазоръ, нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысячѣ подданныхъ его Россійскаго народа, мужеска и женска полу, искусствъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и галанскаго, и такого притомъ обхожденія, что непостыдно могутъ равнятися со всѣми другими европейскими народы, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-rossijsкомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества, напечатаны, и еще печати предаются“¹⁾.

Такимъ образомъ, за наукой впервые было признано право гражданства; но не смотря на то, что это признаніе было выражено и обосновано законодательствомъ, не смотря на то, что наука имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, какъ Феофанъ Прокоповичъ, старое убѣжденіе въ пагубности „мнѣній“ и боязнь „зайти въ книгахъ и изступить ума“, въ продолженіе многихъ вѣковъ внушавшаяся народу учительными людьми, имѣли своимъ послѣдствіемъ явленіе, котораго не знаетъ, въ такой мѣрѣ, ни одна европейская литература: болѣе сотни лѣтъ понадобилось на то, чтобы повторять, при всякомъ удобномъ случаѣ, общія соображенія, высказанныя въ защиту науки Регламентомъ, и внушать читающей публикѣ самые элементарныя, понятія о пользѣ наукъ вообще или какой-либо науки въ частности. Громадное большинство рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, имѣть предметомъ именно таikъ элементарныя разъясненія. Съ одной стороны—развитіе положительного идеала просвѣщенаго общества, съ другой—отрицательное, обличительно-критическое отношеніе къ остаткамъ старины: вотъ что составляетъ содержаніе главнѣйшихъ произведеній нашей литературы, начиная съ Петра Великаго и Феофана Прокоповича и—скажемъ это, не опасаясь упрека въ преувеличеніи—до настоящаго времени. Какъ одинъ изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей въ процессѣ секуляризациіи русскаго общества и литературы, освобожденія русской мысли отъ связывавшихъ ее, въ

¹⁾ «Разсужденіе», предисл., стр. 5, 9.

течение долгаго времени, традиционно-церковныхъ путь, Феофанъ является родоначальникомъ отрицательного направлениі въ нашей литературѣ, представителемъ критики и обличенія во имя рационализма, которымъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ главные его произведенія, и въ особенности—Регламентъ, актъ, опредѣляющій новое положеніе церкви въ государствѣ и представляющій, такимъ образомъ, рѣшеніе самаго важнаго вопроса того времени. Клеймя старинную московскую обрядность и буквализмъ названіемъ невѣжества и суевѣрія, и выставляя членовъ старого „учительнаго“ сословія людьми, старающимися умышленно держать народъ въ невѣжествѣ для своеокрыстныхъ цѣлей, Феофанъ единственное избавленіе отъ этого зла видѣть въ „добромъ ученії“; только необходимо, говоритъ онъ,—чтобъ это ученіе было на самомъ дѣлѣ „добroe“ и основательное: „ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе“. Даѣше слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимо-ученыхъ, напоминающее, по содержанію себѣму, приведенные уже нами отрывки изъ Феофанова курса богословія и изъ „Разговора гражданина съ селяниномъ да дьячкомъ“:

„Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица? и когда услышать, что былъ онъ въ риторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единныя тѣа имена высоко ставить человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣнность свою; колыми паче, когда и учитель будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ... Привидѣнаго и мечтательнаго ученія вкусивши человѣцы глупѣйши бываютъ отъ неученыхъ. Ибо весьма темни суже, мнить себя быти совершенныхъ, и помышляя что все, что-либо знать можно, познали, не хотять, ниже думаютъ честь книги и больше учитися; когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сътости не имѣть въ познаніи своемъ, но не престанеть никогда же учитися, хотя бы онъ и Маусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же велими вредно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и велими вредны суть и дружеству (обществу), и отчеству, и церкви; предъ властими надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидятъ, и естьли кто во ученії похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и

охулити". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на Стефана Яворскаго и на его доносы съ обвиненіемъ Феофана въ неправославіи; потому-то Прокоповичъ и не преминулъ прибавить, что неосновательные мудрецы „къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія“ (конечно, надежду на патріаршество). Заключая характеристику мнимо-ученыхъ людей, Феофанъ говоритъ, что „когда они богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобъ проговорятся, а мнѣнія своего изрѣченного перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобы не показать себя, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе“.

Это разсужденіе объ ученіи „добромъ“ и мимомъ служить вступлениемъ къ проекту академіи и семинаріи: „Сie предложить судилося за благо, что если царское величество похощеть основать академію, разсуждало бы духовное коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлить и каковы образъ ученія показать онымъ, дабы не вотще пошло государское иждивеніе и вмѣсто чайной пользы не была бы тщета, смѣха достойна“.

Правила для предполагаемыхъ учебныхъ заведеній составлены чрезвычайно подробно и касаются не только программъ и плана преподаванія, но и образа жизни, занятій и даже развлечений учащихся. Новая академическая программа, сравнительно съ программами старыхъ академій—Кievской и Московской, имѣть характеръ преимущественно свѣтскій; въ составъ ея входятъ слѣдующіе предметы: 1) грамматика, купно съ географіей и исторіей; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика и діалектика (и едино то двоименное ученіе); 4) риторика (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ); 5) политика краткая Пуффендорфова (аше она потребна судится быть, и можетъ та присовокупиться къ діалектике). На изученіе каждого изъ этихъ предметовъ полагается годъ. Вѣнцомъ курса поставлено богословіе, на изученіе которого назначено два года. При этомъ преподавателю виушается, „чтобъ учено главные догматы вѣры нашей, и законъ Божій: чель-бы учитель богословскій Св. Писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истину знать силу и толкъ писаній; и вся бы догматы укрѣплять свидѣтельствомъ писаній. Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказкамъ, но по своему вѣданію учить и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ они извѣстны сами были, а не сумнились-бы, правду-ли говорить или лжетъ учитель ихъ“. Припомнить, что такого именно ме-

тода держался и самъ Феофанъ въ своемъ преподаваніи богословія. О церковномъ преданіи въ его учебномъ планѣ не сказано ни слова, что впослѣдствіи подало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на него мнѣнія со стороны его противниковъ: „Онъ вѣруетъ“, писалъ Маркелль Родышевскій,— „яко едино токмо св. писаніе, еже есть ветхій и новый завѣтъ, полезно намъ ко спасенію; а святыхъ-де отецъ писаніе имѣть въ себѣ многія неправости“, и т. д. ¹⁾).

Вообще о преподаваніи всѣхъ предметовъ замѣчено, что учителямъ слѣдуетъ приказать, „чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, какъ сила есть настоящаго ученія—грамматики, напримѣръ, риторики, логики и пр., и чего хотеть достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобы ученики видѣли берегъ, къ которому плынутъ, и лучшую бы окоту возвышили, познавали-бы повседневную прибыль свою, такожъ и недостатки“.

Наконецъ, при школахъ должна быть достаточно полная библиотека: „ибо безъ библиотеки, какъ безъ души академія“.

За этимъ разсужденіемъ о програмѣ и способѣ преподаванія въ академіи слѣдуетъ разсужденіе объ ученикахъ. Конечно, Регламентъ имѣть въ виду учебное заведеніе закрытое—такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Киевѣ и Москвѣ. Мотивы, обусловившие эту форму учебныхъ заведеній въ Россіи, понятны: съ одной стороны, это была форма традиціональна, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; съ другой стороны, по новости этого дѣла у насъ, считалось необходимымъ сдѣлать обученіе въ школѣ строго-обязательнымъ, потому что иначе, пожалуй, никто не захотѣлъ бы посыпать въ школу своихъ дѣтей. Исходя изъ такихъ соображеній, Регламентъ предполагаетъ обратить академію, и особенно находящееся при ней низшее училище или семинарію, въ своего рода монастырь и держать въ нихъ учениковъ въ строгомъ заключеніи и подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разбѣжались. Планъ семинарскаго общежитія излагается со всѣми подробностями, напримѣръ: „Во всякой изѣбѣ имѣть быть префектъ, или надсмотрщикъ, человѣкъ хотя неученый, обаче честнаго житія, только бѣ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ... Онъ имѣть власть наказать себѣ подчиненныхъ, но малыхъ — розгою, а среднихъ и большихъ — словомъ угрозительнымъ... Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“. Учениковъ, въ первые три года ихъ пре-

¹⁾ Чистовичъ, 212.

быванія въ заведеніи, предписывается не отпускать никуда, а потомъ позволить выходить, но не больше, какъ два раза въ годъ, и то только на недѣлю и въ сопровождениі особаго надзирателя. Авторъ устава и самъ сознаетъ, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключенію пѣвническому подобное“; но полагаетъ, что прожившему въ этомъ заключеніи годъ „весьма сладко будеть“, и предлагается „ко врачеванію скучи нѣкоторыя регулы“: ежедневную прогулку, время отъ времени—проѣздку въ Петербургъ и на острова, во время обѣда—чтеніе „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ; акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи („что зѣло полезно ко наставленью и революціи, сіесть честной смѣлости“), „гласъ музикійскихъ инструментовъ“ и пр.

Таковъ былъ, по понятіямъ Феофана Прокоповича, идеалъ учебнаго заведенія. Воспитаникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кievской бурсы, конечно, не могъ отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій, господствовавшихъ въ его время, хотя, можетъ быть, и сознавалъ пѣкоторые ихъ недостатки; подъ вліяніемъ ли царя, искашаго и цѣнившаго въ наукѣ только непосредственно приносимую ею пользу, или по собственному побужденію, онъ старался усилить въ школѣ свѣтскій элементъ и сдѣлать ее, по возможности, не исключительно сословною; на практикѣ же вышло, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ иное,—и самъ Феофанъ, разумѣется, былъ въ этомъ виноватъ всего менѣе. Обстоятельства скоросложились такъ, что учебныя заведенія, предположенные Регламентомъ, обратились въ специальныя школы для духовенства, и Феофану пришлось измѣнить свое первоначальное мнѣніе: „Мой совѣтъ“, писалъ онъ, ходатайствуя объ открытии семинаріи,—„не принимать мальчиковъ свыше 10 лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, а если и обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить; также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совсѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученныхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые помогутъ и великую академію учить и управлять“¹⁾.

Упомянемъ еще мнѣніе Феофана объ иностранныхъ учителяхъ: „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со сви-

¹⁾ Пекарский, И. и Л., I, 562—563.

дѣтельствомъ знатныхъ школьніхъ и гражданскихъ властей. Ненадобно опасаться, что они дѣтей нашихъ сорвать къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія вицѣнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господа русскіе посыпать дѣтей своихъ въ академіи иностраннныя, то для чего бы опасаться у насъ? ¹⁾ Достаточно сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, что было сказано объ иностранцахъ за 35 лѣтъ передъ тѣмъ, въ проектѣ академіи Симеона Полоцкаго (о которомъ мы говорили въ 1-й главѣ нашего труда), чтобы во-очію убѣдиться, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Феофана отъ воспитателя старшаго брата Петра Великаго; а между тѣмъ, Симеонъ, по своимъ понятіямъ, стоялъ несравненно выше своихъ московскихъ современниковъ.

Предположенія Феофана объ академіи и семинаріи при жизни его не осуществились. Но въ Регламентѣ, вслѣдъ за этими проектами, находится еще требование, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, понеже“,—прибавляетъ Регламентъ,—и сіе вельми ко исправленію церкви полезно. А въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужно, обаче еще не довольно дѣло), но училъ бы честь и разумѣть... Но дабы не было роптанія родителей ученическихъ за великий оныхъ копѣй на учителя онаго и на покупаніе книгъ, также и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дома своего учащихся,—подобаетъ, чтобы ученики и кормилены, и учены были туне и на готовыхъ книгахъ епископскихъ²⁾. Эти школы, обученіе въ которыхъ для дѣтей духовнаго званія было обязательно²⁾, развились вслѣдствіи въ духовныи семинаріи. Самъ Феофанъ очень заботился о своей школѣ и составилъ для нея подробныя правила, съ расписаніемъ, что ученики

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ П. С. З., VI 4021, VII 4291. Въ синодскомъ указѣ 15-го сентября 1721 года говорится, что «ежели кто (изъ людей духовнаго званія) дѣтей своихъ въ школы для наукъ не объявить, или изъ оныхъ ихъ дѣтей который сбжитъ а отцы ихъ у себя будутъ держать, и иные отцы не точю каждый отъ своей церкви отлученъ будетъ, но и нигдѣ служить допущенъ не будетъ».

должны дѣлать въ каждый часъ дня ¹⁾). Въ этомъ уставѣ, который, по справедливому замѣчанію г. Чистовича, отзывается нѣсколько іезуитскимъ духомъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ требование самого строгаго надзора за учениками; имъ запрещается даже посыпать куда-либо письма, не показавъ ихъ прежде директору; „такожъ и кому откуду, хотя отъ родителей, письма присланы будуть, не распечатывать и не читать, но не распечатанныя подавать директору, и когда онъ распечатавъ и прочитавъ, отдасть, тогда читать можно“²⁾. Дальше этого въ надзорѣ было трудно идти; оставалось развѣ со всѣмъ запретить ученикамъ всякия сошения съ тѣмъ, что находилось за стѣнами семинарии. Какъ черту нравовъ, отмѣтили еще осо-бенную заботливость Феофана о томъ, чтобы „дѣти“ не держали у себя водки и до пьяна не напивались...

Объ этой школѣ и о своей библіотекѣ Феофанъ, въ 1722 году, писалъ царю: „Робать маленькихъ, до 20 человѣкъ, кормлю и одѣваю, да и библіотеку порядочную собираю; на 1600 рублей книгъ уже купилъ, и если змогу, никогда куповать не перестану, и служа таковой прихотѣ моей, служу, кажется, и общей пользѣ: никому никогда (хотя бы крайняя нужда), библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ (то-есть послѣ моей смерти) будетъ тамъ, гдѣ государь повелить“ ²⁾.

За статьей о „домахъ училищныхъ“ слѣдуетъ въ Регламентѣ статья о проповѣдникахъ. Мы уже говорили, какъ смотрѣлъ Петръ Великій на церковную проповѣдь и чего ожидалъ отъ нея; Феофанъ, вполнѣ раздѣляя его мнѣнія, старался въ Регламентѣ точно формулировать, о чемъ именно и какъ должны говорить проповѣдники, при чемъ не преминулъ уязвить сатирическими намеками своихъ про-тивниковъ, и специально—Степана Яворскаго. Эта статья представ-ляетъ особенный интересъ для опредѣленія взглядовъ Феофана на цѣли и характеръ церковнаго краснорѣчія. По Регламенту, каждый епископъ непремѣнно долженъ быть и проповѣдникомъ; но, „понеже не всякий епископъ можетъ чистое слово сложить, того ради подобаетъ въ духовномъ коллегіумѣ такое слово сочинить, и то бы епископи въ посѣщаемыхъ церквяхъ прочитывали“. Такимъ образомъ, предполагалось составить одну проповѣдь для всѣхъ и на всевоз-можные случаи. Предположеніе это, однако же, осталось не исполнен-

¹⁾ Чистовичъ, 723—727; ср. стр. 631—638.

²⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, 197.

нымъ. Регламентъ предписываетъ проповѣдывать „твердо, съ доводомъ Св. Писания, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина“ (припомнить „Слово о власти и чести царской“). „Истребляли бъ суетѣріе, вкореняли бъ въ сердца людскія страхи Божія... О грѣхахъ во обществѣ говорить, а не именовать кого, развѣ былъ бы публикованъ отъ вся церкви. Обычай нѣкимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогибнить, на проповѣди своей мстить оному, хотя не имянио, терзая славу его, обаче такъ говоря, что можно слышателемъ знать, о комъ рѣчь есть: и таковые проповѣдники самые бездѣльники суть, и онихъ бы жестокому наказанію подвергать“. Въ этомъ требованіи, по видимому, заключается намекъ на Яворскаго и на его знаменитую проповѣдь „О храненіи заповѣдей Господнихъ“, о которой мы уже говорили; по крайней мѣрѣ, ии у кого изъ проповѣдниковъ петровской эпохи, кроме Яворскаго и Прокоповича, не находимъ рѣзкихъ личныхъ намековъ¹⁾. Изложивъ еще нѣсколько общихъ правилъ проповѣдничества, о которыхъ мы уже упоминали при обзорѣ содержанія риторики Феофана, Регламентъ переходитъ къ изображенію вышнихъ пріемовъ церковнаго краснорѣчія. „Безумно“, говорить онъ, — „творять проповѣдницы, которые брови своя поднимаютъ и движение раменъ являются гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговариваются, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются... Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ судиѣ весломъ гребеть; не надобно руками сплюсывать, въ боки упиратися, подскакивать, смылятися, да не надобѣ и ридать. Но, хотя бы и возмутился духъ, надобѣ елико можно униматъ слезы, вся бо сія лишняя, и не благообразна суть, и слышателей возмущаютъ“.

Въ этомъ сатирическомъ изображеніи современники узнавали Стефана Яворскаго, который любилъ украшать свои проповѣди фигурую недоумѣнія и въ произнесеніи ихъ держался пріемовъ католической школы. „Что витийства касается“, говорить о немъ авторъ извѣстнаго

¹⁾ Ср. резолюцію Петра на докладъ синода, въ П. С. З., VI, № 3964, п. 24. «Когда кто за проповѣдь на священника вознедогудеть, и за то, что можетъ иногда въ чемъ проповѣдю отъ совѣсти своей обличенъ быть, начнетъ чинить священнику отмщеніе какое или обиду—такого чему подвергать? (Резолюція): Противъ прочихъ воровствовъ по важности вины».

сочиненія „Молотокъ на Камень Вѣры¹⁾,—правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные тому въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли; ибо мнѣ довольно случилось видѣть въ церкви, что онъ могъ въ учениіи слушателей привести плакать или смеяться; къ чему движение его тѣла и рукъ, очей помаваніе и лица премѣненіе весьма помошествовало. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ... Сей порядокъ замѣчаетъ авторъ „Молотка“,—,въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляемъ, ибо когда они своего суевѣрнаго предложенія изъ письма доказать не могутъ, то тщатся логическими силлогисмы, то-есть рѣчей подобіями утвердить, а истинное дѣло затемнить и угасить... Въ Уставѣ Духовномъ накрѣпко его величество запретилъ, дабы никто сказокъ и примѣровъ вымышленныхъ въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никто не дерзаль... И вся его (Яворскаго) поученія за многія въ нихъ соблазны запрещены²⁾. Справедливы или нѣтъ постыднія слова, только известно, что изъ множества проповѣдей, произнесенныхъ Яворскимъ въ царствованіе Петра Великаго, въ Москвѣ и Петербургѣ, ни одна не попала въ печать ранѣе первыхъ годовъ XIX столѣтія, между тѣмъ какъ проповѣди Феофана всегда предписывалось „печатать безъ продолженія“ (то-есть, безъ замедленія). Фактъ, во всякомъ случаѣ, очень характерный³⁾.

Со статьей Регламента о проповѣдникахъ имѣть тѣсную связь отдельное небольшое сочиненіе Феофана, подъ заглавиемъ: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ“³⁾. Здѣсь указываются темы, которые

¹⁾ Это сочиненіе, о которомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи, помѣщено въ рукописномъ сборникѣ И. П. Б., XVII, F, № 11, (изъ библіотеки гр. Ф. А. Толстаго, отд. IV, № 39), подъ заглавиемъ: «Возраженія, сочиненныя противъ Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго» и съ эпиграфомъ: «Человѣкъ умираетъ, а слово его по немъ живетъ. Пиндаръ, Ода Пиѳейская».

²⁾ Къ этому можно прибавить, что черновыя рукописи Яворскаго были отысканы только въ 1867 году, въ секретномъ отдѣлѣніи архива св. Синода, гдѣ озвѣ лежали, вѣроятно, со дня смерти Стефана, то-есть, впродолженіе 145 лѣтъ. Въ этомъ собраніи попадаются проповѣди, переписанные набѣло, съ поправками (красными чернилами) и помѣтками: «legi», «perlegi». Видно, что авторъ готовилъ ихъ къ печати...

³⁾ Напечатано въ IV части собранія сочиненій Феофана («Богословскія сочине-

должны быть избираемы проповѣдниками для поучительныхъ словъ. Кроме общаго богословскаго ученія—разъясненія догматовъ о Богѣ, его свойствахъ, о грѣхопаденіи, искупленіи и пр., проповѣдникамъ предписывается особенно внушать своимъ слушателямъ, чтобы они „хранилися отъ всего того, что Божіей чести противно есть; гдѣ находятся слѣдующа: 1) праздники проводити въ пьянствѣ и прочихъ безчиннѣяхъ; 2) всеу призывасти има Господне, то-есть, присягати на лжу, или на прямое дѣло, да легкое и маловажное; 3) боготворити иконы... 4) различіе дѣлать дней и другихъ временъ, безумиѣ вѣруя, будто одно изъ нихъ щастливое, а другое—вредное; 5) туда же надлежать призываанія бѣсовъ, бабы шептанія, заговорными письмами вѣроятія, и прочая бого мерзкая и христіансому имени студная суевѣрия; 6) произносити чудеса ложная, видѣнія, явленія, сны вымышили. всѣмъ доселѣ упомянутымъ беззаконіямъ особливыя на ихъ истребленіе проповѣди быти должны“. Даље, проповѣдники должны говорить „о клеветѣ и глаголаніи, то-есть, когда кто должно на ближняго вымышишь, будто бы онъ вѣдалъ, чего онъ не дѣлалъ; или и сущія то погрѣщенія, да и тайныя открываетъ, гдѣ того ни пользы, ни нужди вѣть. Зло сіе“, прибавляетъ Феофанъ,—,у насъ пространное“. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну тему, предлагаемую проповѣдникамъ: „О ненавидѣніи иноземныхъ людей за едино то, что иноземныи они“ Всѣ эти наставленія, конечно, вызваны требованіями современной автору жизни русскаго общества, нравы которого (и особенно—„учительной“ его части) такими яркими красками обрисованы въ Духовномъ Регламентѣ.

Въ послѣдней главѣ второй части Регламента говорится объ отно-

вії, М. 1774) и отдельно, М. 1784, 8º. Съ предписаніями Регламента относительно церковной проповѣди интересно сравнить правила (*canones de lectorum officiis*), предлагаемы лютеранскимъ богословомъ Герардомъ въ книгу «*Methodus studii theologici*» (Jenae, 1654), о которой мы уже упоминали при изложеніи богословской системы Феофана. Въ числѣ этихъ правилъ находятся, между прочимъ, такія: «Въ вымышленій испорченный вѣкъ всего бѣзъ слѣдуетъ заботиться объ исправленіи нравовъ... Но въ нравоучительной проповѣди слѣдуетъ обращать вниманіе на духъ времени и на общественное положеніе слушателей... Проповѣдникъ не долженъ касаться личностей и не долженъ руководиться личными чувствами расположения или непріязни къ кому бы то ни было... Въ выраженіи языка онъ долженъ сохранять важность, во всей своей фигурѣ—достоинство. Всего бѣзъ слѣдуетъ избѣгать излишества въ жестокулициѣ, потому что проповѣдникъ—всегда не актеръ», и т. д. (стр. 220—232). Все это почти дословно повторено въ Регламентѣ и въ книжкѣ «*Вещи и дѣла*».

шениакъ духовенства къ прочимъ сословіямъ, при чёмъ объяснено, что слово „мірянинъ“ не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительного. Это объяснение признано необходимымъ потому, что „за невѣдѣніемъ сего многая и дѣются, и сказуются дурости душепагубныя“. Далѣе излагаются обязанности мірянъ по отношенію къ церкви и ея представителямъ.

Третья часть заключаетъ въ себѣ постановленія о составѣ и дѣйствіяхъ духовной коллегіи, въ обязанность которой, между прочимъ, вмѣняются, цензура богословскихъ сочиненій, свидѣтельствованіе разглашаемыхъ чудесъ и обрѣтаемыхъ мощей, судъ надъ раскольниками, наблюденіе за подаяніемъ милостыни, чтобы не похищали ея недостойные, о чёмъ рекомендуется сочинить особое наставленіе, для прекращенія бродяжничества, тунеядства и самовольнаго уродованія¹), и пр.

Въ Регламентѣ нѣтъ специальныхъ постановленій относительно низшаго духовенства и монашества; этотъ пробѣлъ пополненъ, въ первыхъ числахъ мая 1722 года, изданиемъ особаго „Прибавленія“ къ Регламенту²). Это прибавленіе представляетъ интересъ, какъ материалъ для характеристики правовъ того времени. Такъ, въ немъ находятся, между прочимъ, слѣдующія постановленія:

„Многіе въ священническій чинъ вдираются не для чего иного, только для большей свободы и пролитанія, а никакого званію своему должнаго искусства не имѣютъ“. Поэтому запрещается ставить неученыхъ³).

„Приходацій ставленникъ долженъ имѣть известное отъ прихожанъ своихъ свидѣтельство, что его знаютъ быть доброго человѣка, а именно не пьяницу, въ домосмотрѣніи свою не лѣниваго, не kle-

¹⁾ Здесь опять встрѣчаемъ любопытную черту правовъ: «Кто вкрай исчислитъ вреды, отъ таковыхъ бездѣльниковъ (праздношатающихся) двемя? По дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваются; зажигатели суть; на шлюхество отъ бунтовщиковъ и взмѣнниковъ подримаются; клевещутъ на властей высокихъ, и самую власть верховную гдѣ обилютъ, и простой народъ къ презорству властей преклоняютъ. Сами никакихъ же христіанскихъ должностей касаются, въ церковь входить не свое дѣло быти помышляютъ, только бы имъ предъ церквю непрестанно волить. И что еще мѣру превосходить бессовѣстіе и бечеволічіе онъхъ—младенцемъ своимъ очи осиплютъ, руки скручиваютъ и иные члены разворачаютъ, чтобъ были прямые нишие и милосердія достойные; воистину нѣть беззаконнѣйшаго чина людей».

²⁾ П. С. З., VI, 4022. Ср. Лекарская, Н. и Л., II, 522—523, 544—545.

³⁾ Не отсюда ли пошла пословица: не уча въ попы не ставятъ?

ветника, не сварлива, не любодѣйцу, не бѣйцу, въ воровствѣ и обманствѣ не обличеннаго. Искушать его, не ханжа ли есть онъ, и не притворяеть ли смиренія, такожде не скажусть ли своихъ о себѣ или о комъ сновь и видѣній".

„Наблюдать надлежить, не безчинствуютъ ли священницы и діаконы и прочіи церковники, не шумятъ ли по улицамъ пьяни, или— что горшее — не шумятъ ли пьяни въ церквяхъ, не ссорятся ли по-мужично на обѣдахъ, не истязаютъ ли въ гостяхъ потчіванья (а сіе честерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ...“ Епископу вмѣняется въ обязанность внушать священникамъ, чтобы они не ложились спать по улицамъ, не пили по кабакамъ, не являли въ гостяхъ силы и храбости къ питью, и пр.— „таковая бо неблагообразія показуютъ ихъ быти ярижными“.

Конечно, всѣ эти наставлениія вызваны явленіями дѣйствительной жизни, повторявшимися, не смотря на всѣ увѣщанія, впродолженіе многихъ вѣковъ. Въ первой главѣ нашего труда мы имѣли случай указать на аналогичные замѣчанія въ „Правилѣ“ митрополита Кирилла II (1274 г.) и Стоглава; въ послѣднемъ памятниѣ говорится почти то же самое, что и въ „Прибавленіи“ къ Регламенту: „Попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни, и безъ страха стоять, и бранятся... боятся и дерутся промежъ себя“. Въ цѣломъ рядъ историческихъ актовъ XVII столѣтія повторяются жалобы на представителей „учительного чина“, которые „безчинства чинять великия, чревоугодію своему послѣдуютъ, пьяные бродить по улицамъ, валиются въ кабакахъ, спать ложатся на дорогѣ, кощунствуютъ, и борются, и кулаки боятся, и другъ друга убиваютъ, церкви божіи продаютъ и корчеваютъ“ и т. п.¹⁾). Эта деморализація духовенства и послѣ изданія Регламента продолжала служить предметомъ законодательныхъ увѣщаній, почти дословно повторявшихъ выраженія петровскаго устава²⁾, который, въ свою очередь, ссылается на Бормчую и на соборное изложеніе 1667 г.

Во второй части „Прибавленія“ говорится о монахахъ, монахи-

¹⁾) Столѣтъ, гл. V, вопр. 23; Акты Ист., II, № 70; IV, №№ 62, 151, 186; Доп. къ А. И., V, стр. 462, 473; А. А. О., III, № 264; IV, № 328 и др. Ср. Ю. Самарина, Соч., т. V, 241—242, и настоящаго изслѣдованія первую главу.

²⁾ Ср. П. С. З., XIX, № 13905 и XXIV, 17624.

ияхъ и монастыряхъ. Для того, чтобы дать постановлѣніямъ Регламента объ этомъ предметѣ надлежащую оцѣнку, слѣдуетъ припомнить, какое значеніе имѣлъ монастырь въ жизни русскаго общества, и какъ относился народъ къ монашеству. Монастырь, какъ извѣстно, представлялся древне-русскому человѣку осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. „Свѣтъ и нокамъ—ангелы“, говорили обыкновенно, — „свѣтъ же мірянамъ—иноси“; монашество считалось „выше царской державы“. Въ лицѣ своихъ подвижниковъ-аскетовъ, іерарховъ и игумновъ оно стояло во главѣ беократическаго государственного строя, умственнаго движения и нравственнаго воспитанія допетровскаго общества; монастыри были центрами допетровской литературы, всесѣло церковной и по преимуществу иноческой. Выше, въ первой главѣ, мы видѣли, что къ концу XVII вѣка монашество почти совершенно утратило свои идеальные свойства; „добрые старцы перевелись“ и уступили свое мѣсто такимъ, о которыхъ Петръ Великій говоривъ, что они „многому злу корень“. Между тѣмъ монашество, какъ и духовенство вообще, не только не намѣreno было отказываться отъ своихъ притязаній на первенствующее значеніе въ обществѣ, но еще въ извѣстной степени возвысило свои требования, придавъ имъ характеръ политической. Участіе ихъ въ стрѣлецкихъ бунтахъ и другихъ волненіяхъ этого времени, множество подметныхъ писемъ, разсыпавшихся изъ монастырей, появленіе проповѣдниковъ и прорицателей въ черныхъ рясахъ, которые или тайкомъ или всенародно, на базарныхъ площадяхъ, раздавали народу свои „тетрадки“ и провозглашали царя антихристомъ, — все это заставило Петра серьезно обратить вниманіе на монашество и принять противъ него, какъ противъ силы, враждебной новому государственному порядку, рядъ репрессивныхъ мѣръ. Въ каждомъ монахѣ онъ видѣлъ бесполезнаго члена общества, тунеядца, которому, при случайнѣ, ничего не стоитъ сдѣлаться бунтовщикомъ. „Страшныя сцены“, говорить Самаринъ, — „встрѣтили Петра у колыбели и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши называвшихъ себя защитниками православія и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черные рясы, доходили до него страстный, зажигательный проповѣди, — и онъ исполнился непрѣзиннаго чувства къ монашеству; наконецъ, всѣ возставія и заговоры противъ него имѣли характеръ религіозный, строились подъ предлогомъ блага церкви, и онъ при-

быть смотрѣть на нее, какъ на начало враждебное¹⁾). Прибавимъ къ этому, что большая часть противниковъ Петра въ народѣ и духовенствѣ дѣйствовала не только подъ предлогомъ, но и въ самомъ дѣлѣ во имя церкви и ея правъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ церковь и ея права понимались тогдашнимъ большинствомъ. Конечно, бывали случаи эксплуатации наивнаго религиознаго чувства корыстными людьми для личныхъ своихъ цѣлей; но нельзя отрицать и того, что большинство низшаго духовенства, бѣлаго и чернаго, было глубоко убѣждено въ правотѣ своего дѣла и потому не могло относиться къ дѣйствіямъ царя-преобразователя иначе, какъ къ кознямъ врага рода человѣческаго. Не даромъ встрѣчаешь десятки людей, фанатизированныхъ этимъ убѣждениемъ и готовыхъ ради него на муку и смерть.

Взаимный разладъ между обѣими сторонами съ каждымъ годомъ увеличивался; примиреніе было невозможно, потому что идеалы той и другой стороны находились между собою въ рѣзкомъ противорѣчіи. Считая монастыры главнымъ очагомъ противо-государственнаго движениія, Петръ рано началъ заботиться о томъ, чтобы лишить ихъ прежнаго значенія и влиянія, и по возможности, стѣснить кругъ ихъ дѣятельности. Еще въ самомъ началѣ 1701 г. монахамъ было строго запрещено „волочиться“, то-есть, переходить изъ монастыря въ монастырь и держать въ своихъ кельяхъ бумагу и чернила²⁾; это послѣднее запрещеніе, очень характерное, если припомнить, что еще недолго передъ тѣмъ монастыри были главными центрами литературной производительности, подтверждается и Регламентомъ, и позднѣйшимъ указомъ 19-го января 1723 года³⁾). Не останавливалась на рядѣ частныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ относительно монашества въ періодъ отъ 1701 до 1722 года, мы обратимъ вниманіе только на „Прибавленіе къ Регламенту“ и на указъ „о званіи монашескому“ 31-го января 1724 года, такъ какъ эти два постановленія, имѣющія между собою тѣсную связь, представляютъ первую попытку систематически регулировать монастырскую жизнь, и такъ какъ участіе въ нихъ Феофана Прокоповича не подлежитъ сомнѣнію.

„Прибавленіе“ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ правилъ, которыхъ должны были служить къ исправленію монашества. Здѣсь, прежде

¹⁾ Соч., V, 244—245.

²⁾ П. С. З., IV, № 1834.

³⁾ П. С. З., VII, № 4146.

всего, точно и строго опредѣляется, кого и какъ слѣдуетъ принимать въ монахи; затѣмъ слѣдуютъ постановленія о житіи монашествующихъ и о монастыряхъ, очень подробныя, доходящія даже до мелочей. Изъ нихъ мы отмѣтимъ только слѣдующія:

„Весьма монахомъ празднѣ быти да не попускаютъ настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое; а добрѣ бы въ монастыряхъ завести художества.

„Волочащихся монаховъ ловить и никому не скрывать.

„Монахомъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ, бѣзъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля, никому не писать, черниль и бумаги не держать.

„Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не жить, ниже по міру скитаются ни для какой потребы¹⁾.

„Скитковъ пустынныхъ монахомъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлаютъ свободнаго ради житія, чтобы отъ всякой власти и надсмотрѣнія удаленъ жити возможъ по своей волѣ, и дабы изъ новоустроенемъ скитъ собиралъ деньги и тѣми корыстовался.. И не въ примѣръ намъ древнихъ отецъ отшельничества; были тогда мужіе, добрѣ въ богословіи христіанскѣй обученіи... (Отшельничество) человѣку невѣжливому опасно есть, и душепагубному бѣдствію подлежащее; къ тому-же пустынамъ прямымъ быть въ Россіи, холоднаго ради воздуха, невозможно“.

Эти распоряженія, при всей своей строгости, показались царю недостаточными для искорененія „вреднаго недуга“. Замѣчая, что протестантская церковь обходится безъ чернаго духовенства, онъ, по видимому, рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ непріятнымъ вопросомъ о монашествующихъ, и 28-го января 1723 г. издалъ указъ, „дабы отнынѣ впредь отнюдь никого не постригать“, а на убылыхъ мѣста въ монастыри опредѣлять отставныхъ солдатъ. Но это распоряженіе было уже слишкомъ радикально и потому не могло просуществовать долго. Петръ, сознавая это, рѣшился составить подробнѣя правила о монашествѣ, съ объяснительной къ нимъ запискою, въ которой доказывается необходимость всѣхъ распоряженій, сдѣланныхъ ранѣе. Вслѣдствіе того, 31-го января 1724 г., было издано престранное „Объ-

¹⁾ «Чернепъ—мертвецъ. И отъ пьянственнаго пятія подобаетъ имъ весьма удаляться, а между мірскими людьми не шататься, но токмо знать имъ монастырь, да св. церковь... и имъ вія ионку никакого не подобаетъ имѣти». *Посошковъ*, Соч., I, 133, 135.

явленіе, когда и какой ради вины начался чинъ монашескій, и какъ кавказскій былъ образъ житія монаховъ древнихъ, и како нынѣшихъ исправить, хотя по нѣкоему древнимъ подобію, надлежитъ¹⁾, за которыми слѣдуютъ два „опредѣленія“¹⁾). Цѣль изданія этого указа объясняется въ самомъ началѣ его такимъ образомъ: „Хотя въ Регламентѣ Духовномъ о монахахъ уже изъяснено и како онихъ содер-жать опредѣлено, но кратко, понеже тогда аще и о всемъ ко исправ-ленію была нужда, но вицщая была о верховной архіерейской вла-сти, которую, примѣромъ папы римскаго, противно повелѣнія Божія, распространить нѣкоторые тщались... Нынѣ же, имѣя свободное время, при расположеніи правильномъ всѣхъ дѣлъ въ го-сударствѣ, и о семъ дѣлѣ пространно объяви людямъ, также расположить и уставить должно есть для пользы вѣчной и временной лю-дямъ и изрядства обществу“.

Взглядъ Феофана на монашество, по справедливому замѣчанію Самарина (V, 318—319), находится въ тѣсной связи съ его учениемъ объ оправданіи грѣшнаго человѣка ради единочныхъ Христовыхъ за-слугъ, туне, то-есть, даромъ, не вслѣдствіе какихъ-либо заслугъ предъ Богомъ со стороны даннаго лица, а единственno вслѣдствіе безгра-ничной благости Божіей. Основываясь на этомъ принципѣ, Феофанъ и въ „Объявленіи“, и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (напримѣръ, въ проповѣдахъ, отрывки изъ которыхъ нами приведены выше) воз-стаетъ противъ искони усвоенного Русскимъ народомъ и раздѣлявша-гося представителями нашей богословской науки того времени поня-тія о монашествѣ, какъ о дѣлѣ, имѣющемъ значеніе личной заслуги человѣка передъ Богомъ, и слѣдовательно, какъ о подвигѣ богоугод-номъ и спасительномъ по преимуществу. Онъ доказываетъ, что мно-нашеское званіе само по себѣ вовсе не заслуга, что монашеская жизнь, развитіе которой обусловлено вицшими историческими при-чинами, требуетъ особенного призванія и ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна считаться обязательной, и что истинно бого-

¹⁾ Попытено въ П. С. З., VII, № 4450, откуда перепечатано у Чистовича, 709—718. По свидѣтельству самого Феофана, это объявление написано отчасти имъ, отчасти же самимъ государемъ, при чемъ Феофану принадлежатъ пре-имущественно выписки изъ отцовъ церкви и цитаты изъ церковно-историче-скихъ сочиненій; имъ же написано и второе «опредѣленіе», кромѣ начала и окон-чанія (см. Чистовича, 139—140, прим.). Въ книгѣ г. Чистовича тѣ мѣста указа, которыхъ принадлежать Феофану, запечатаны курсивомъ.

угодное дѣло заключается въ томъ, чтобы всякий человѣкъ строго исполнялъ обязанности своего званія, своего „чина“ (ср. „Слово о власти и чести царской“). Въ теоретическомъ отношеніи это ученіе означало полный разрывъ съ древне-русскимъ, наѣзжанымъ византійскою жизнью, аскетическимъ идеаломъ благочестія; въ практическомъ своемъ примѣненіи оно совершенно оправдывало всѣ мѣропріятія, имѣвшія цѣлью лишить монашество и духовенство вообще того исключительного значенія, которымъ оно до тѣхъ порь пользовалось въ русскомъ обществѣ¹⁾). Въ такомъ смыслѣ этотъ вопросъ поставленъ и въ Регламентѣ. Не даромъ же противники Феофана — Степанъ Яворскій, Феофилактъ Лопатинскій и другіе, обвиняя его въ ереси, всего болѣе укоряли его за ученіе объ оправданіи, за отрицаніе значенія личной заслуги человѣка передъ Богомъ. Они сознавали, что эта теорія, внесенная въ реальныя житейскія отношенія, въ значительной мѣрѣ подрывала авторитетъ духовенства.

За подробнымъ объясненіемъ значенія и происхожденія монашества, „Объявление“ указываетъ, что древніе монахи представляли собою совершенно не то, что нынѣшніе; они жили въ уединеніи, питались своими трудами и не только ничего не требовали отъ міранъ, но еще сами помогали имъ, чѣмъ могли (эта часть объявленія, съ подробными доказательствами, что монахи обязаны трудиться, написана Феофаномъ). Впослѣдствіи же все это измѣнилось: „Когда Греческие императоры нѣкоторые, покинувъ свое званіе, ханжить начали, а паче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты въ оныхъ подошли и монастыри не въ пустынахъ уже, но въ самыхъ городѣхъ строить испросили, и денежная помочь требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чemu императоры, паче своей должности, сею мнимою святынею или обмануты отъ оныхъ, или сами въ тому какой ради страсти склонны явились, и великую часть погибли самимъ себѣ и народу стяжали... Сія гангрена зѣло было и у насъ распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у Римлянъ; но еще Господь Богъ

¹⁾ Петръ Великій вполнѣ раздѣлилъ, въ этомъ случаѣ, мнѣнія своего со-
трудника. Въ черновыхъ наброскахъ, относящихся къ устроенію монашества и
писанныхъ рукою царя, находимъ, между прочимъ, замѣтку, что слѣдуетъ «вы-
толковывать, что всякому исполненіе званія есть спасеніе, а не одно монашество». Чистовичъ, 141, прим.

прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ, которые (то-есть, прежние Русские цари) въ умѣренности оныхъ держали...“

Взглядъ „Объявленія“ на современное монашество—самый бевозрадный: „Нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и понось отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходит, понеже большая часть тупеядцы суть, и понеже корень всему злу праздность, и сколько забобоновъ (суетѣрій) раскольничьихъ и возмутителей произошло, вѣдомо есть всѣмъ такоже; прилежать же ли разумѣнію божественнаго писанія? всячески нѣтъ. А что, говорять, молятся,—то и всѣ молятся. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину, токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣнности, дабы даромъ хлѣбъ ѿсть“.

Съ этими словами интересно сравнить то, чѣмъ говорить о монашествѣ авторъ уже много разъ упомянутаго нами „Молотка на Камень Вѣры“: „Кто въ монастырь идетъ? Тотъ, который по должности за чѣлость отечества и за вѣру противу непріятеля Божія закона служить и богатящаго защищать не хочетъ; кто не хочетъ работать и подать по закону Господню платить; кто лѣнится жену и дѣтей пропитать; кто, въ молодости живъ непристойно, ничему не учился и ни о чѣмъ не промышлялъ, или кто, не имѣя чистаго разсужденія, отъ другихъ въ прельщеніе введенъ. Всѣ таковыя достойны ли, чтобы ихъ государство кормило, и который вчера самъ работаль, подати платилъ и немогущимъ помочествовалъ, днесъ на покой, другіе ему служить и на него работаютъ, пищу и одѣжды приносятъ—тали его вицета, то-ли ихъ и вспомогающихъ имъ Богу угожденіе? Воистину самъ скажешь, что не то... Гдѣ же видичъ толико, яко въ Россіи, дряхлыхъ, увѣчныхъ, и не могущихъ имѣть пропитанія, по улицамъ лежащихъ, отъ глада и хлода исчезающихъ? Не лучше ль бы симъ пропитаніе дать и въ наученіе младенцевъ употребити, не-жели стада лѣнивыхъ чернцовъ?“ Здѣсь только подробнѣе развита мысль, повторяющаяся во всѣхъ Петровскихъ указахъ о монашествѣ. То же самое говорится и въ первомъ изъ „опредѣленій“, приложенныхъ къ „объявленію“. Второе „опредѣленіе“, составленное Феофаномъ, касается приготовленія монаховъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, къ высшимъ степенямъ церковной іерархіи. Такимъ монахамъ, между прочимъ, вмѣнается въ обязанность „предиковать, книги переводить и трактаты о вещахъ, вѣдѣнія достойныхъ, сочинять“; довольно подробно опредѣляется планъ занятій, правила надзора, и пр.

На основаніи этихъ опредѣлений Феофанъ, по порученію царя, написалъ подробный уставъ или „Изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невскаго монастыря“¹⁾). Этотъ уставъ, имѣющій цѣлью самыи точныи образомъ регулировать монастырскую жизнь, дѣлится на четыре части: въ первой говорится о томъ, какъ монахи должны проводить время въ своихъ кельяхъ; во второй заключаются правила „о соборной молитвѣ“; въ третьей—„чинъ трапезнаго собранія“, и въ послѣдней—„должности намѣстника“. Общія правила тѣ же, что и въ Регламентѣ, причемъ опять строго подтверждается, чтобы братія „сваровъ, сквернословія, буесловія, суесловія, кощунства и какого-либо безчинія не творили, наипаче же при мірскихъ людяхъ“; чтобы въ церкви, во время службы, не ругались и не дрались между собою, и т. п. Должность намѣстника—нѣсколько іезуитская: ему вмѣняется въ обязанность слѣдить за всѣми монахами и о томъ, что подмѣтить, доносить своему начальству и пр. Во всѣхъ этихъ правилахъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, видно сильное нерасположеніе и недовѣріе къ монашеству. Феофанъ, какъ и Петръ Великій, не стѣснялся въ выраженіяхъ; внушая монахамъ правила, какъ они должны вести себя, онъ нерѣдко впадаетъ въ тонъ рѣзкій и грубый и даже дѣлаетъ это какъ бы намѣренно, какъ бы желая показать, что болѣе мягкаго тона и обращенія они не заслуживаютъ. То же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно Духовнаго Регламента. Это не скромная, хладнокровная рѣчь беспристрастнаго законодателя; въ Регламентѣ и связанныхъ съ нимъ постановленіяхъ видѣнъ живой человѣкъ, рѣзко опредѣляющій свои симпатіи и антипатіи, раздраженный своими противниками и преслѣдующій ихъ съ желчною явительностью, безпощадно осуждающій все, что противорѣчитъ его убѣжденіямъ.

Этоту страстью тона объясняется и недостатокъ систематичности, и неполнота, потребовавшая впослѣдствіи добавленій, и частыя повторенія одного и того же. *Le style c'est l'homme.* Живой и

¹⁾ Напечатанъ въ Александро-Невской типографіи, въ 1723 г., церковнымъ приетомъ, на листахъ, каждая статья особо, «для лучшаго вѣданія каждому брату своихъ особыхъ должностей». Экземпляръ устава долженъ былъ вестъ на стѣнѣ въ каждой кельѣ. Этого первого издания въ настоящее время никогда неѣть; оно известно намъ только въ перепечаткахъ, въ «Описании С.-Петербурга», Боданова, изд. Рубаномъ (1779 г.), стр. 337—354, и во второй части «Исторіи росс. іерархіи» (1810 г.), стр. 191—209. См. Словарь Ефреміл, II, 307; Некарская, Н. и Л., II, 595.

подвижный умъ Феофана, въ данномъ случаѣ особенно возбужденный, не могъ помириться съ тѣсными рамками сухаго, официального предписанія и уничтожилъ эти рамки, создавъ, вмѣсто канцелярскаго устава, литературное произведение, въ которомъ вполнѣ ясно и откровенно высказался взглядъ автора на одинъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ того времени. Этому взглѣду Феофанъ не измѣнялъ до конца своей жизни.

Почти одновременно съ составленіемъ Регламента, въ 1721 году, Прокоповичъ написалъ къ нему оправдательную статью, въ видѣ особыхъ трактатовъ о патріаршествѣ, окончательная отмѣна котораго, безъ сомнѣнія, всего болѣе обезпокоивала какъ духовенство, такъ и большую часть общества. Этихъ трактатовъ намъ известно два:

1) Розыскъ историческій, коихъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицали императоры римскіи, какъ язычестіи, такъ и христіанстіи, понтифексами или архіереями многобожнаго закона; а въ законѣ христіанствомъ христіанстіи государи могутъ ли наречиши епископы и архіереи, и въ какомъ разумѣ¹⁾.

2) О возношениі имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оно нынѣ въ церквяхъ россійскихъ оставлено²⁾.

Поводомъ къ изданію въ свѣтъ первого сочиненія послужилъ, какъ объяснено въ предисловіи,— „случившійся между нѣкоторыми любопытными разговоромъ, понеже нѣкіхъ было мнѣніе, будто христіанстіи цари нарицалися понтифексами или архіереями христіанскаго закона; также и великий Константина нареченъ былъ епископъ христіанскій въ томъ разумѣ, въ которомъ наречаются епископы, церковносященства управители; того ради честному сему любопытству послужилъ Феофанъ, архіепископъ псковскій, изслѣдуя прямую историческую истину“.

„Розыскъ“ имѣть цѣлью доказать историческими примѣрами, что императоры, какъ Римскіе, такъ и Византійскіе, имѣли власть какъ свѣтскую, такъ и духовную въ своихъ рукахъ.

При такомъ, по видимому, чисто научномъ характерѣ изслѣдованія, оно переполнено намеками на современную автору русскую дѣйстви-

¹⁾ С.-Пб., 1721 г., 4^о, 41 стр. Находится также въ рукописи Публ. Библиотеки, изъ собр. гр. Ф. А. Толстаго, XVII, Q, 47. Рукопись эта замѣчательна тѣмъ, что привадлежала нѣкогда князю Д. М. Голицыну.

²⁾ С.-Пб., 1721, 4^о, церк. печати, 12 листовъ. Объ обояхъ этихъ сочиненіяхъ см. Лекарскаю, Н. в. Л., II, 502, 519.

тельность и представляет попытку исторического обоснования того принципа, который выразился въ Регламентѣ.

Цитатами изъ древнихъ писателей — Овидія, Цицерона, Тацита, Плінія, Тита Лівія, Плутарха и др. и изъ сочиненія Андрея Говія о римскихъ древностяхъ, Феофанъ доказываетъ, что Римскій императоръ носилъ званіе понтифекса „четырехъ ради винъ: 1) что ни отъ него не былъ судимъ въ дѣлахъ управления своего, 2) что понтифексъ великий единъ только былъ, не имѣя другаго, себѣ равнаго, 3) что могъ и долженъ быть наблюдать на начинанія, какъ сенатская, такъ и всенародная, не суть ли противна благочестію, и 4) что былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Сія прерогативы или преимущества“, добавляетъ Прокоповичъ, — „вельми нужны и полезны были къ самовластительству императорскому. Въ началѣ самодержавства Римскихъ императоровъ могло бы начинанія ихъ быти нѣкое отъ сената и отъ народа препятіе; но и великий понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто богословскую вину, на мѣренію императорскому противную, и дѣлу, отъ императора намѣряемому, пресѣченіе положить. И тако власть императорская была бы аки сказана. Того ради первія Римскіи вѣсари, желая весьма свободную монархію возъимѣть, а насилиемъ того получать не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ понтифекса великаго“. Сравненіе съ отношеніями царя къ патріарху напрашивается, при чтеніи этихъ строкъ, само собою.

Сказавъ, далѣе что и христіанскіе императоры въ первое время продолжали называться понтифексами для того, чтобы прочище утвердить свою власть, Феофанъ переходитъ къ решенію второго, поставленного въ заглавіи вопроса, могутъ ли христіанскіе государи называться епископами и архіереями, и въ какомъ смыслѣ? Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно: государи могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ. потому что, какъ уже подробно показано въ „Словѣ о власти и чести царской“, государь, власть высочайшая, есть „надзоритель совершивший, крайній верховный и всѣдѣйственный, то-есть, имущій силу и повелѣнія, и крайняго суда и наказанія надъ всѣми себѣ подданными чинами и властями, какъ мирскими, такъ и духовными“. Далѣе государи могутъ называться и архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ св. писаніе называетъ всякаго христіанина іереемъ; но конечно, ихъ нельзя называть архіереями въ специальнѣо-церковномъ смыслѣ, потому что отправлять самимъ церковную службу имъ не подобаетъ. Это нисколько

не унижаетъ государя, какъ не унижаетъ его, если онъ, напримѣръ, не архитекторъ, не врачъ и т. п., потому что эти обязанности свойственны особому чину, а обязанности государя имѣютъ характеръ общій. „Пѣти же царю въ церкви и пѣнія церковная слагать (ибо и сіе нѣцны въ дѣло священства царю поставляются) есть знаменіе христолюбія и смиренія царскаго, а не чина священаго“. Это замѣчаніе, какъ справедливо указалъ Пекарский,—явно относится къ Петру Великому, который любилъ пѣть на клиросѣ, читать въ церкви Апостоль и не разъ сочинять молитвы и ектинии на разные случаи.

Подробное разясненіе вопроса о правахъ государя на титулъ епископа и архіерея, составляющей специальную принадлежность церковной власти, понадобилось, конечно, для того, чтобы доказать право государя на управлѣніе дѣлами церкви и такимъ образомъ оправдать преобразованіе, совершенное Петромъ. Для этой же цѣли Феофанъ счелъ нужнымъ включить въ свой трактатъ рѣзкія выходки противъ папства по поводу отношеній папъ къ императорамъ. Главною причиной чрезмѣрного возвышенія Римскихъ епископовъ Феофанъ считаетъ, съ одной стороны, ихъ чрезмѣрное „любочестіе“ и своекорыстіе, находившее опору въ невѣжествѣ народа, а съ другой—слабость императоровъ, допустившихъ себя до униженія передъ представителями церкви. „Когда грубое древностей невѣжество не могло знатъ истинныхъ причинъ, чего ради священнѣйшее величество императорское нарѣцается, пронесся по малу слухъ отъ суемудренныхъ умниковъ, будто императоръ обѣщикъ есть нѣкого священаго чина и членъ есть причта церковнаго (а именно—діаконъ). Папѣ се, въ его надъ государями превосходству и похищаемой власти весьма помощно стало, а императоры, съ простоты, приняли себѣ въ честь сіе. И тако папы Римстія, межъ иными хитрыми изобрѣтеніи, и сею обманною честію подъ ноги себѣ императоровъ покорили“. Затѣмъ слѣдуетъ разказать о различныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ нагляднымъ образомъ выразилось униженіе свѣтской власти предъ церковною. Въ этомъ разказѣ, какъ кажется, сквозить намекъ на Русскихъ патріарховъ, напримѣръ, на известный обрядъ „шествія на ослаты“ совершившійся въ Москвѣ въ Вербное воскресеніе. Говоря о томъ, какъ „уставъ“ повелѣвалъ императору цѣловать ногу папы, кланяться передъ нимъ въ землю, держать стремя его коня и т. д.. Феофанъ иронически добавляетъ, что императору, однако же, не вѣнялось въ обязанность, подавая блюда къ папскому столу, входить въ поварню: „се же ради императорскія чести его“.

Вообще, какъ мы уже говорили, рѣзкія нападки на папскую власть были въ то время въ большомъ ходу, при чемъ почти всегда—открыто или „прикровенно“—проводилось сравненіе папства съ патріаршествомъ,—одна изъ любимыхъ идей Петра Великаго и Феофана Прокоповича, изъ которыхъ первый былъ непримиримымъ врагомъ католицизма по соображеніямъ преимущественно политическими, а второй ненавидѣлъ папство, какъ ученый богословъ, по причинамъ болѣе общаго характера, на которыхъ мы уже указывали прежде, при изложеніи богословской системы Феофана. Сравненіе, или пожалуй, отожествленіе понятій о папствѣ и патріаршествѣ съ цѣлью окончательно подорвать прежний авторитетъ церковной власти и унизить ея защитниковъ, со всему грубою рѣзкостью петровскихъ временъ выразилось въ учрежденіи всепольнѣйшаго и всесуштѣйшаго собора, въ шутовскихъ свадьбахъ князя-папы и патріарха Кокуйскаго; та же идея, хотя и не столь рѣзко, но все-таки послѣдовательно проводилась въ сознаніе общества путемъ законодательнымъ и литературнымъ, при содѣйствіи Феофана и другихъ писателей, вольно или невольно раздѣлявшихъ мнѣнія царя объ этомъ предметѣ. То же направленіе руководило и выборомъ книгъ для перевода съ иностраннныхъ языковъ. Такъ, переведенные, по приказанію царя, Гавриломъ Бужинскимъ, историческія сочиненія Пуффендорфа („Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ“) и Стратемана („Феатроэ или позоръ исторический“) заключаютъ въ себѣ рѣзкія нападки на папу, на все католическое и даже на нѣкоторыхъ отцовъ церкви (вслѣдствіе чего книга Стратемана въ царствованіе Елизаветы подверглась гоненію). Пуффендорфъ, сочиненіе котораго служило руководствомъ для царевича Алексея, по словамъ Бужинскаго,—„въ описаніи монархіи папы Римскаго собственный чинъ и штиль положилъ, различный отъ исторіи, но аки богословскій розыскъ—правильное ли оно господство, или неправильное? отъ Христа-ли и апостола Петра наченшеся, въ толикое возрасте величество, или хитростю и коварствомъ папъ тако распространися? и симъ подобная. Въ сицевомъ, не tanto историческомъ, яко богословскомъ розыскѣ, послѣдованіе и штиль высшій суть, и того ради мало прикровеннѣйшій“... Русскому читателю предоставалось самому дѣлать изъ этого „богословскаго розыска“ выводы съ приложеніями ихъ къ русской жизни. Этимъ же произведениемъ Пуффендорфъ пользовался и Прокоповичъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ. Стратеманъ отзываетъ о папахъ въ еще болѣе рѣзкомъ тонѣ. Прибавимъ еще, что оба эти сочиненія были переведены и на-

печатаны у насъ безъ всякихъ пропусковъ, между тѣмъ какъ переводъ „Дѣяній церковныхъ и гражданскихъ“ Баронія, вышедший въ 1719 году, подвергся значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ¹⁾.

Поводомъ къ изданію второго изъ названныхъ выше сочиненій Феофана также послужилъ, какъ объясняетъ авторъ,—„бывшій между нѣкоторыми разговорами, надлежитъ ли по должностному въ Россійской церкви, при всенародномъ собраніи, возносить имъ восточныхъ греческихъ патріарховъ“, причемъ „иные приговаривали, а иные отрицали“. Феофанъ, конечно, поддерживаетъ это послѣднее мнѣніе, главнымъ образомъ на томъ основаніи, что „явное, собственное и всегдашнее возношеніе покажетъ власть возносимаго надъ возносящими; Россійская же церковь отлучна стала отъ власти патріаршой“. Въ концѣ разсужденія поясняется, что оно написано для того, „дабы не смущалися простіи человѣцы“²⁾.

Это означало уже окончательный разрывъ съ преданіями старины. „Простіи человѣцы“ вообще имѣли въ Духовномъ Регламентѣ много поводовъ для того, чтобы „смущаться“; но на этотъ разъ смущился и возвсталъ противъ Феофана уже не „простой“ человѣкъ, а самъ президентъ новой духовной коллегіи, Стефанъ Лворскій. Онъ въ послѣдній разъ рѣшился высказаться противъ нововведеній въ церковныхъ дѣлахъ и подалъ „въ президаційшій правительствующій сенатъ“ возраженіе на мнѣнія Феофана—„Апологію“, или, по другому названію, „Вопросо-ответы“ о значеніи патріарховъ³⁾. Изъ сената это возраженіе перешло въ синодъ, а послѣдній призналъ протестъ своего президента несправедливымъ и возмутительнымъ и опредѣлилъ: „тѣ вопросы-ответы, яко неважные и некрѣпкие, паче же неполезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе и государственные ташини вредительные, и покой полезный къ беззокойству возбуждающіе, и народу, сили писанія не вѣдающему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать, до надлежащаго царскому величеству объявленія, въ синодѣ, подъ опаснымъ храненіемъ, дабы не точю въ публику, но и въ показаніе никому не произошли. А къ нему, митрополиту, послать указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ, вопросо-ответовъ отнюдь никому не сооб-

¹⁾ Лекарский, Н. и Л., I, 324—331.

²⁾ Ср. синодскій указъ о томъ же предметѣ въ П. С. З., VI, № 3734.

³⁾ Находится въ рукоп. Царскаго, № 588.

щаль и въ объявленіе не употреблялъ, опасаясь не безтруднаго передъ его царскимъ величествомъ отвѣта¹⁾...

Полемика съ Феофаномъ Прокоповичемъ оказалась, такимъ образомъ, дѣломъ не легкимъ: возраженіе противъ его мнѣній ставилось наряду съ подметнымъ письмомъ и считалось чуть не государственнымъ преступлениемъ. Стефану пришлось на опытъ убѣдиться, что „противу рѣчному стремлению нельзя плавати“, и окончательно отказаться отъ всѣхъ своихъ надеждъ на возвращеніе старого порядка. „Молотокъ“ говорить, что Стефанъ былъ чрезвычайно недоволенъ Регламентомъ и „весьма ему противился и чрезъ долгое время поднѣсъ отрицался, отговаривался немощами, иногда же якобы неясными нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованиемъ, а паче не смѣя безъ позволенія отъ папы; наконецъ, побѣжденъ отъ его величества доводами изъ письма святого и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ, еже онѣ соборы надъ папами власть имѣли и о нихъ за преступленія судили и за правильныя причины извергали, которому противились не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя, что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился“. Конечно, не папа запрещала Яворскому поставить свое имя подъ Регламентомъ; но выражение „Молотка“ справедливо въ томъ смыслѣ, что Стефанъ не могъ безъ сильной внутренней борбы подписать актъ самоотречения. До послѣдней минуты онъ все еще надѣялся, что обстоятельства измѣнятся и потому старался оттягивать свое рѣшеніе; но обстоятельства повернулись слишкомъ круто...

Говоря, что царь „побѣдилъ“ Яворскаго „доводами изъ письма святого и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ“, авторъ „Молотка“, быть можетъ, имѣлъ въ виду упоминаемые въ спискахъ сочиненій Феофана „Аргументы изъ соборовъ, девяртовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли поученіе о церкви“. Эти аргументы не были напечатаны, и намъ неизвѣстно, существуютъ ли они гдѣ-нибудь въ рукописи; но судя по заглавію, мы позволяемъ себѣ предположить, что они вошли, частью, въ упомянутый выше „Розыскъ исторический“; по крайней мѣрѣ, ими имѣлось въ виду доказать ту же мысль, развитію которой посвященъ этотъ „Розыскъ“.

Наконецъ, уже послѣ открытія синода, въ сентябрѣ 1721 года,

¹⁾ Чистовичъ, 106—107.

Феофанъ, по порученію царя, написалъ къ Константинопольскому патріарху Іереміи грамоту съ уведомленіемъ о преобразованіи русскаго церковнаго управления¹⁾.

Открытие синода происходило 14-го февраля 1721 года. Въ этот день, какъ сообщаютъ современные Вѣдомости, въ церкви св. Троицы, на латургіи, было собраніе великое, какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина, при которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ, и предика была о объявленіи начинаящіяся духовныя коллегіи, которую чинилъ архіепископъ псковскій²⁾. Эта проповѣдь, на текстъ: „Избрахъ васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ“, по содержанію своему очень замѣчательна и имѣть съ духовными Регламентомъ тѣсную связь. Предметомъ слова служить цѣль учрежденія синода и обязанности этого нового правительственнаго установления. Проповѣдникъ, прежде всего, задается вопросомъ: „каковыхъ плодовъ отъ сего духовнаго правительства и требуемъ, и ожидаемъ?“ Этотъ вопросъ, говорить Феофанъ,—можетъ явиться только въ умѣ человѣка, „весьма ослѣпленного, который или не видѣтъ, или видѣти не хочетъ, каковую пишетъ и бѣдство страждеть христіанскій народъ, когда идѣтъ духовнаго учения и правлениія. Но,—о скажиныхъ временъ нашихъ! суть, и мозги суть, которыи всепагубнымъ бѣспечаліемъ ученія, проповѣди, наставленія христіанская, то-есть, единый свѣтъ стезамъ нашимъ, отвергти не стыдятся: къ чему-де намъ учители, къ чему проповѣдники?.. у насъ, слава Богу, все хорошо!“ Слѣдуетъ изображеніе умственнаго и нравственнаго развитія русскаго общества: „Какій-бо у насъ миръ? какое здравіе наше? до того пришло, что всяка, хота-бы пребеззаюннѣйшій, думаетъ себя быти честна и наче ирокіихъ святыхъ, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чуть не вси бревна въ своемъ оцѣ неощущающіи сучецъ усматриваемъ во очесахъ ближнаго: то нашъ миръ. До того пришло, что и пріемши власть наставляти и учили людей —

¹⁾ «Сочинено пребсв. Феофаномъ Псковскимъ на латинскомъ языке, на которомъ въ красоту лучшую имѣть»—замѣчаніе Феодосія Яновскаго. Прибавляю, что это замѣчаніе едва ли можетъ служить доказательствомъ, что Феодосій зналъ по латыни, какъ полагаетъ г. Чистовичъ (Ф. Прокоповичъ, 77, прим.): Феодосій могъ сказать только то, что слышалъ отъ другихъ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что свидѣтельство Берхгольца (II, 144) остается въ своей силѣ.

²⁾ Пекарскій, Н. и Л., II, 536.

сами христіанского первого ученія, саже апостоль илекомъ нарицаеть, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ тая мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водять, саміи грубыйши невѣжды богословствуютъ, и догматы смѣхъ достойнныи пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабімъ баснемъ скоро вѣруется, прямое же и основательное ученіе не точю не получаетъ вѣры, но и гибель, вражду, угражденія вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ миръ нашъ, такое здравіе наше. О, лютая времена!" Это изображеніе темныхъ сторонъ русской жизни служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и доказательствомъ необходимости учрежденія синода, отъ которого слѣдуетъ ожидать всѣхъ благъ. За это преобразованіе Феофанъ превозносить государя, сравнивая его съ Давидомъ и Соломономъ. Но слава Петра выше славы Соломоновой, потому что послѣдня основана „на камени и кирпичѣ, на персти, и человѣческому насилию и времени всеядцу подлежащей"; Русскій же царь, „славою вещественныхъ задачъ поминутымъ монархомъ не уступивъ, зданіемъ сильъ духовныхъ (то-есть учрежденіемъ синода) толико оныхъ превзошелъ, елико величество небеси превосходитъ сей нашъ земноводный кругъ" ¹⁾).

Дѣятельность новаго учрежденія началась, какъ известно, цѣлымъ рядомъ строгихъ репрессивныхъ мѣръ противъ разнаго рода „суевѣрій", вошедшихъ въ народную жизнь и тѣсно связавшихъ съ представлениями большинства обѣ истинномъ благочестіи. Регламентъ, лишаю духовенство права на первенствующее значеніе въ обществѣ и стремясь сдѣлать церковь однимъ изъ органовъ государственной власти, однимъ изъ орудій для достиженія цѣлей правительства, уже и этимъ долженъ былъ вызвать недовольство въ средѣ старо-церковной партии; но это недовольство усилилось еще болѣе вслѣдствіе язвительно-насмѣшливаго тона отзывовъ законодательной власти о пастыряхъ и учителяхъ народа. Регламентъ и другія сочиненія, связанные съ нимъ единствомъ мысли и цѣли, не только унижали духовенство, но и выставляли его на посмѣяніе, низводили его съ высокаго пьедестала въ среду житейской пошлости. Пастыри и учителя, еще не такъ давно имѣвшіе рѣшительное влияніе на ходъ русской жизни, представлялись теперь грубыми, беззрѣственными невѣждами и ханжами, проповѣдниками лжи и нелѣпости, обирающими народъ и препятствующими его просвѣщенію изъ-за удовлетворенія своихъ

¹⁾ Слово это, при жизни Феофана не напечатанное, находится въ собраниі его словъ и рѣчей, II, 63—70.

корыстныхъ стремленийъ, по привычкѣ къ тунеадству; мало того—они представлялись главными возмутителями общественного и государственного спокойствія, мятежниками, которые ради страсти къ „скверноприбытству“ не останавливаются передъ бунтомъ, убийствомъ и всевозможными злодѣйствами. И такія рѣчи, за которыхъ не далѣе, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, человѣкъ, дерзнувшій произнести ихъ, бытъ бы сожженъ живьемъ въ срубѣ,—теперь провозглашаются всенародно отъ лица самой верховной власти, и—что всего досаднѣе—при ближайшемъ участіи и содѣйствіи духовной же особы, Псковского архіерея, измѣнившаго преданіемъ и интересамъ своего сословія и отдавшаго весь свой умъ, всѣ свои дарованія новому дѣлу, предпринятыму царемъ. Въ этомъ, конечно, заключалась одна изъ главныхъ причинъ негодованія духовенства и на Регламентъ, и на Петра, и на Феофана. Другая причина имѣла характеръ болѣе общей и болѣе глубокой. Въ первой главѣ настоящаго труда мы видѣли, что вслѣдствіе особыхъ причинъ, обусловившихъ ходъ умственнаго и нравственнаго развитія русскаго общества, религіозная возврѣнія массы (включая въ нее и большинство духовенства) имѣли характеръ почти исключительно формальный. Буква писанія, церковный обрядъ, вообще вѣнчаная сторона религіи для Русскаго человѣка были неприкосно-венно—святы и дороги, какъ видимыя выраженія православія; ихъ онъ понималъ и съ ними сквался умомъ и сердцемъ гораздо легче, чѣмъ съ отвлечеными догматами, трудно доступными, во всей своей чистотѣ, разумѣнію темной массы. Это—явленіе чисто психологическаго характера, общее всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ. Обрядъ, съ точки зренія просвѣщенаго человѣка иначтожный, нелѣпый, смѣшной, и въ сущности, даже вовсе не христіанскій, а унаследованный отъ сѣйдѣй лзыческой древности и затѣмъ уже привнесшій христіанскую оболочку, въ умѣ простого человѣка тѣсно соединился съ представлениемъ о вѣрѣ, служилъ, такъ сказать, однимъ изъ ея символовъ, и нарушение его считалось тѣжкимъ грѣхомъ. Петръ Великій, въ своемъ неуклонномъ стремлении подчинить правительственный опекѣ всѣ проявленія народной жизни и при своей нетерпимости къ преданіямъ и обычаямъ московской старинны, считалъ возможнымъ, съ помощью репрессивныхъ мѣропріятій, сразу уничтожить всѣ тѣ проявленія стариннаго склада русской жизни, которыхъ шли, такъ или иначе, въ разрѣзъ съ его понятіями. Феофанъ Прокоповичъ, ученый богословъ, усвоившій возврѣнія протестантскаго раціонализма, относился къ народному пониманію религіи съ глубокимъ преиобрѣженіемъ; пристрастіе

массы къ формѣ, къ буквѣ, къ обряду отъ называлъ грубымъ суевѣріемъ и ханжествомъ и находилъ нужнымъ особенно преслѣдоватъ, какъ крайне вредное для общества и государства. Правда, онъ сознавалъ, что главнымъ орудіемъ для борьбы съ суевѣріями должно быть просвѣщеніе, и въ Регламентѣ самое важное мѣсто отведено заботамъ о поднятіи уровня умственного и нравственного развитія народа и его ближайшихъ наставниковъ; но въ то же время Феофанъ, какъ и Петръ Великій, какъ и Посошковъ въ своихъ преобразовательныхъ проектахъ, слишкомъ увлекался вѣрою въ дѣйствительность полицейскихъ мѣропріятій и ожиданіемъ отъ нихъ въ самомъ скоромъ времени наилучшихъ результатовъ. Его отзывы о религіозномъ міросозерцаніи народа были слишкомъ страстны, слишкомъ рѣзки; онъ выступилъ проповѣдникомъ ученія разрушительного, въ корень подрывавшаго все то, что считалось въ то время основою свято-русскаго благочестія. Это было своего рода „éclat de l'infamie“. Понятно, какое озабоченіе было вызвано этимъ въ средѣ народа, который былъ, конечно, не въ состояніи понимать предъявленного ему требованія „вѣровать духомъ и истину“, а видѣть только, что у него отнимаются самые дорогіе предметы религіознаго уваженія, что его завѣтные, унаслѣдованные отъ дѣдовъ и предѣдовъ, обычай и вѣрованія провозглашаются вздорными и неѣпыми „бабьими баснями“, „душепагубными дуростями“ и т. п. Духовенство, большая часть котораго была, по своему развитію, никакъ не выше общаго уровня массы, имѣло, какъ мы видѣли, кроме этой общей причинъ, еще свои специальные причины недовольства нововведеніями въ церковныхъ дѣлахъ, и естественно, стало во главѣ народной оппозиціи. Въ царствованіе Петра сознаніе бесполезности открытой борьбы заставляло недовольныхъ сдерживаться; но иѣть сомнѣнія, что народное чувство было сильно взволновано. Оно прорывалось, время отъ времени, паружу въ подметныхъ письмахъ или въ такихъ фактахъ, какъ напримѣръ, появление въ Москвѣ нижегородскаго посадскаго человѣка Андрея Иванова, пришедшаго за 400 слишкомъ верстъ съ специальною цѣлью сообщить государю, что онъ, государь, еретикъ — разрушаетъ вѣру христіанскую¹). Представители старо-церковной партии, преслѣдуя свои специальные цѣли, находили въ этомъ народномъ недовольствѣ прочную поддержку, и лишь только, по смерти Петра Великаго, получили возможность говорить и дѣйствовать иѣ-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, XV, 137.

сколько свободнѣе, тотчасъ же направили всѣ свои удары противъ Духовнаго Регламента и противъ главнаго дѣятеля церковно-административнаго преобразованія — Феофана Прокоповича, котораго они считали виновникомъ всѣхъ золъ. Ему пришлось выдержать продолжительную и упорную борьбу, вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть русской „культурной борьбы“. Защитники старины подвергли произведенія Феофана самой строгой и мелочной критикѣ; Регламентъ былъ разобранъ ими по ниточкѣ, и можно сказать, что въ немъ и однородныхъ съ нимъ постановленіяхъ не осталось ни одной строчки, которая не вызвала бы со стороны представителей старо-церковной партии „возраженія и обличенія со всякимъ доводомъ“. Противники церковно-административныхъ мѣроприятій Петра Великаго, стремясь уничтожить практическое значеніе Регламента, старались доказывать, что „безбожный ересіархъ“ Феофанъ, сдружившись съ такимъ же ересіаркомъ Феодосіемъ Яновскимъ, „начали явно всю святую церковь бороть и вся ея догматы и преданія разрушать и превращать, и безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять; и тогда весьма отъ нихъ было въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопаснага бесѣди, и кто ваковое хотѣть на церковь поношеніе говориль, и всякое развратное и слабое житіе имѣти учили смыло; и такъ тогда поносима и воничтоажесма св. церковь была, что всякое благочестивое христіанское дѣло единимъ словомъ — суевѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ, въ еретикахъ, былъ пущїй пьяница и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и виѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и на высочайшия чести духовныя по ихъ еретическому представительству возводить былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержникъ и богоугодный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, и лицемѣромъ, и ханжею, и безбожнымъ, и весьма недобримъ человѣкомъ“. Не рѣшалась взводить обвиненія на самого Петра; обличители уверяли, что онъ былъ обманутъ еретиками, которые устроили такъ, что онъ утвердилъ Регламентъ и другіе указы своею подписью „безъ разсмотрѣнія о крывающихъ въ оныхъ ересіахъ“; а одинъ изъ обличителей, Аврамовъ, даже уверялъ, что именно въ то самое время „явно отирался съ небесе гнѣвъ Божій: явно сталъ быть государь измѣнъ въ своемъ здравії“. Такимъ образомъ, Феофанъ выставлялся единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ тѣ распоряженія, которыми защитники старины всѣми средствами старались скомпрометировать въ глазахъ народа и правительства; на Феофана обруши-

лись всевозможныя обвиненія: Регламентъ, не стѣсняясь, стали называть „проклятою книгой“ (название, данное, въ свое время, патріархомъ Никономъ Уложению Алексѣя Михайловича). По поводу постановленій о мощахъ, чудотворныхъ иконахъ, акаистахъ, церковномъ пѣніи и пр. поднялся сильный ропотъ и въ народѣ, неудовольствие котораго ревнители старинъ старались раздуть еще болѣе. Статья о проповѣдникахъ и трактаты о патріаршествѣ также вызвали рѣзкія опроверженія. Но всего болѣе раздражены были враги Феофана „Объявленіемъ“ и указами о монашествѣ, чтѣ было и естественно, такъ какъ они сами почти всѣ были монахи. Происхожденіе этихъ указовъ объясняли они тѣмъ, что Феофанъ и его единомышленники, „вкрадчіи во многоутруженную святую монаршескую душу и обольсты его, смѣло начали поносить и ругать сущее древнее благочестіе и потщались вводить свое злочестивое лжеученіе, и явно уже начали посты святые разорять, дѣла добрыя, яко ко спасенію непотребная, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти, аки нѣкая баснословія вмѣнять, безжестіе и самовольное убожество въ смѣхъ обращать... и таковыя страхомъ чуть не весь монашескій чинъ превратили въ самое безстрашіе и слабость таковую, что многіе пьяствуютъ, и вместо книгъ въ кельяхъ и въ церквяхъ тавакерки въ рукахъ держать и непрестанно порошокъ и хвалятъ“¹⁾.

Эти и имъ подобные нападки на Феофана по поводу Регламента распространялись и въ народѣ, въ видѣ „тетрадокъ“ и подметныхъ писемъ, и конечно, производили свое дѣйствіе. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ документовъ, по которымъ могли бы въ подробности прослѣдить отношеніе собственно народной массы, а не духовенства только, къ церковнымъ преобразованіямъ. Упрекъ старовѣрческаго писателя Петру за то, что онъ „сочинилъ многіе регламенты и указы“ въ духѣ антихриста, заключаетъ въ себѣ общее осужденіе всей дѣятельности цара, а не выраженіе взгляда на какую-нибудь частную сторону этой дѣятельности. Притомъ же, упрекъ этотъ исходить изъ специального источника. Принимая въ расчетъ тѣ соображенія, какія высказаны нами выше о религіозныхъ возврѣніяхъ массы, мы имѣемъ право сказать, что церковные преобразованія были встрѣчены народомъ вообще неблагопріятно, и слѣдовательно, Феофанъ, какъ глав-

¹⁾ Чистовичъ, 213—215, 303, 266, 315, 265, 304 и мн. др.

ный сотрудникъ царя въ этомъ дѣлѣ, не могъ пользоваться популярностью.

Другаго рода возраженія противъ Регламента — возраженія гораздо болѣе основательныя и существеннѣя — сдѣланы были, если можно такъ выразиться, самою жизнью. Въ своемъ стремленіи положить конецъ домогательствамъ защитниковъ московской церковной старины и лишить церковную власть прежнаго авторитета и самостоятельности, сдѣлавъ ее однимъ изъ органовъ общаго государственного управления, Петръ Великій и Феофанъ Прокоповичъ дѣйствовали, какъ представители теоріи, которая вслѣдствіи, во второй половинѣ XIII вѣка, получила название „просвѣщенаго деспотизма“; освобождая русскую мысль отъ давленія церковнаго авторитета, придававшаго ей, въ продолженіе многихъ вѣковъ, одностороннее направление, они противопоставили авторитету церкви еще болѣе сильный и исключительный авторитетъ государственной власти, требовавшей безусловнаго, пассивнаго повиновенія. Такимъ образомъ, передвинулся только центръ тяжести, а вѣціональное развитіе русской мысли остались въ сущности, почти тѣ же, чѣмъ и прежде были. Отличительная черта „просвѣщенаго деспотизма“ — вѣра въ могущество полицейскихъ мѣропріятій независимо отъ положенія того живого тѣла, которое служитъ для нихъ материаломъ,—проявляется во всей дѣятельности Петра Великаго; убѣжденный въ возможности со-дѣйствовать такими мѣропріятіями нравственному возрожденію народа, онъ хотѣлъ воспользоваться для этой цѣли нравственно-воспитательною силой церкви; но для этого необходимо было поставить эту силу въ такое положеніе, чтобы она дѣйствовала неуклонно въ томъ именно направленіи, какое было нужно для цѣлей государственной власти. Регламентъ и дополняющіе его указы представляютъ попытку регулировать отношенія церкви къ государству именно въ этомъ смыслѣ. Центральное управление церкви обращается, вслѣдствіе того, въ коллегіальную канцелярію, и церковь становится официальнымъ вѣдомствомъ, которому подлежать дѣла вѣры и благочестія, заботы о народной нравственности и просвѣщеніи. Прежде, существуя самостоительно и почти независимо отъ государства, церковь имѣла возможность развиваться въ самой себѣ съ такою же свободой и самостоятельностью, какъ и государство; теперь, въ силу преобразованія, она могла развиваться только какъ одно изъ государственныхъ учрежденій и на раду съ прочими учрежденіями, по предписаніямъ верховной власти, подъ наблюдениемъ и руководствомъ „изъ офи-

церовъ человѣка доброго и смѣлого¹⁾). Распоряженія, дѣлаемыя церковью, на основаніи Регламента, съ цѣлью возвысить уровень нравственаго и умственнаго развитія народа, имѣютъ силу не столько нравственнаго убѣжденія и увѣщанія, сколько юридическаго законодательнаго акта, неисполненіе котораго влечетъ за собою тяжелую отвѣтственность. Законъ запрещаетъ вѣровать въ ложныя чудеса и видѣнія точно также, какъ обманывать, грабить, убивать,—налагая, за нарушеніе этого запрещенія, кары если не одинаковыя, то совершенно однородныя. Такимъ образомъ, въ область нравственнаго убѣжденія все болѣе и болѣе входитъ элементъ физическаго принужденія; „загражденіе есть“, отрицаніе самостоятельнаго „мнѣнія“—тѣ черты, которыми характеризуется доимператорская русская старина, теперь возводятся въ систему, въ официальный принципъ, прилагающійся одинаково какъ къ церкви, такъ и ко всему остальному обществу. Такое положеніе церкви, конечно, не могло благопріятствовать ея внутреннему развитію, какъ силы нравственно-воспитательной. По видимому, это сознавалъ и самъ Петръ, и его главный сотрудникъ—Ѳеофанъ Прокоповичъ; оба они понимали, что однихъ приказаний еще недостаточно, что слѣдуетъ действовать на общество при помощи нравственнаго вліянія, проповѣдью и увѣщаніями, разъясняя сомнѣнія и указывая истинный путь. Такъ поступалъ Прокоповичъ въ своихъ воззваніяхъ отъ имени новоучрежденнаго синода, въ церковной проповѣди и въ литературныхъ произведеніяхъ; такъ поступалъ и царь, давая общее направление литературѣ своего времени; но принудительное начало, положенное въ основаніе отношений церкви съ одной стороны—къ государству, съ другой—къ обществу, не допускало свободнаго обмѣна мыслей; увѣщанія оставались безъ отзыва, литературные произведения были доступны только самому незначительному меньшинству; проповѣдь... но „чистое слово сложить“ могъ не всякий даже епископъ, не говоря уже о заурядныхъ священникахъ, которые, однако, въ данномъ случаѣ имѣли болѣе важное значеніе, потому что находились въ неиспрѣдѣленныхъ отношеніяхъ къ народной массѣ, между тѣмъ, какъ, напримѣръ,Ѳеофанъ имѣлъ аудиторію очень небольшую и притомъ состоявшую почти всегда изъ однихъ и тѣхъ же лицъ—изъ кружка, близкаго къ царю.

¹⁾ Указъ о назначеніи оберъ-прокурора, 11-го мая 1722 г. (П. С. З., VI, № 4001).

Феофанъ, какъ и Гаврійль Бужинскій и другіе известные церковные ораторы того времени, былъ проповѣдникъ преимущественно придворный. Другимъ пастырамъ церкви официально предписывалось проповѣдывать, а въ случаѣ неумѣнья составиши свою проповѣдь, читать по книжѣ или по тетрадкѣ слово, присланное изъ синода, или проповѣди отцовъ церкви, напримѣръ, Иоанна Златоустаго,—прекрасныя сами по себѣ, но не имѣвшія отношенія къ русской жизни и притомъ мало понятныя простому народу. Официальные предписания и исполнялись официальными, казеннымъ образомъ, какъ таогстная и непріятная повинность; къ тому же, церковная каѳедра не пользовалась свободою; мы видѣли, что Регламентъ опредѣляетъ не только содержаніе проповѣди, но и ея тонъ, жесты и выраженіе лица проповѣдника, до мелочей. При томъ недовѣріе къ церкви, какое вызывало было ея прежними отношеніями къ государственной власти, свобода слова въ этой области стала возможна еще менѣе, чѣмъ въ какой-либо другой. Строгій надзоръ за проповѣдью и строгая регламентація проповѣдничества имѣли слѣдствіемъ обращеніе живого слова церкви въ сухую, отвлеченную мораль, не имѣющую отношенія къ фактамъ общественной и народной жизни, въ тѣмъ явленіяхъ, которыми волновали общество, возбуждали въ немъ сомнѣнія, вызывали запросы, заставляли искать разъясненій, которыхъ церковь, поставленная въ официальные отношенія къ обществу, не могла ему дать. Даже въ высшемъ кругу духовенства, въ томъ кругу, которому принадлежало руководительство дѣлами церкви, проповѣдь мало по малу утрачиваетъ тотъ публическій характеръ, какой былъ приданъ ей Феофаномъ. Въ этомъ отношеніи Феофанъ, можно сказать, не имѣлъ преемниковъ. Между его современниками были церковные ораторы (какъ, напримѣръ, Симонъ Кохановскій, Рафаилъ Зaborовскій и др.); но люди слѣдующаго за ними поколѣнія относились къ проповѣдямъ уже совершенно иначе. Придворные проповѣдники первыхъ годовъ царствованія Елизаветы Петровны (Амвросій Юшкевичъ, Кириллъ Флоринскій и др.), по складу своего ума и по воззрѣніямъ были скорѣе сторонниками староцерковной партии, чѣмъ единомышленниками Феофана. Со второй половиною XVIII столѣтія церковная проповѣдь даже и въ этой средѣ все болѣе и болѣе принимаетъ официальный, отвлеченный характеръ, низводится на степень простого риторического упражненія или обращается въ прозаическую торжественную оду. Вслѣдствіе этого повторяется то же самое, въ сущности, явленіе, на которое мы указывали въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія: народъ, не находя въ

своихъ учителяхъ людей, которые могли бы помочь ему въ дѣлѣ умственного и нравственного развитія, ищетъ другихъ учителей въ своей же средѣ и идетъ за ними, въ сторону отъ государственной церкви,—или владеетъ въ религиозный индифферентизмъ подъ покровомъ вѣшней набожности, сохраняя, въ томъ, и въ другомъ случаѣ, весь, накопившійся въ теченіе столькихъ вѣковъ, запасъ сущѣтвій, противъ которыхъ такъ энергично старался бороться Петръ Великий своими указами...

Образовательная задача, возложенная Петромъ на церковь, точно также не привела къ тѣмъ результатамъ, какіе отъ нея ожидались. Непривычное образованіе принималось очень медленно и неохотно, а при офиціальномъ, казенномъ отношеніи къ дѣлу въ той самой средѣ, которой Петръ указалъ, какъ на самое прямое ея назначеніе, заботиться о просвѣщеніи народа, нерѣдко встрѣчались гасильники просвѣщенія. Такъ, напримѣръ, Архангельскій епископъ Варсонофій прямо и весьма категорически объясняетъ: „Чего ради такая по здѣшней епархіи школа построена? Да и школамъ въ здѣшней скучной епархіи быть не надлежитъ“. Этотъ же самый архипастырь заставляетъ поповъ и дьяконовъ стоять босикомъ на снѣгу; жестоко бить соборного ключаря и велитъ водить его на цѣли кругомъ монастыря, въ жестокій морозъ; ставить священниковъ, вопреки Регламенту, моложе 20-ти лѣтъ, волочить ставленниками, береть съ нихъ взятки. По свидѣтельству самихъ архіереевъ, въ царствованіе Елизаветы Петровны во всей Москвѣ было не болѣе 40 ученыхъ священниковъ, а остальное, „ничего не знали“. Семинарии, объ устройствѣ которыхъ такъ заботился Феофанъ Прокоповичъ, являются разсадниками сколастики, сохраняющей всѣ предразсудки средневѣковаго невѣжества; учительскія должности въ нихъ предстаиваютъ однѣмъ только монахамъ, педагогические пріемы которыхъ дѣлаютъ семинарскую науку настоящею мукой для учениковъ; ученики бѣгутъ изъ семинарій сотнями¹⁾; да и тѣ, которые выдерживаютъ эту школу до конца, выносятъ изъ нея мало полезнаго и для себя, и для другихъ. Общий учебный идеалъ для духовенства и послѣ смерти Феофана продолжаетъ быть очень цѣ высокимъ; указомъ 16-го января 1739 года предписывается „по крайней мѣрѣ такихъ выбирать въ священники, которые бы законъ христіанскій основательно знали и ко чтенію св.

¹⁾ П. С. З., X, № 7734.

писанія прилежали и, по возможности, разсудить могли, что читаютъ". При этомъ указъ откровенно признаетъ, что „столь важное дѣло нынѣ весьма забвенію предано"…¹⁾.

Такимъ образомъ, самыя лучшыя намѣренія, выразившіяся въ Регламентѣ, привели на практикѣ совершенно не къ тѣмъ результатамъ, какіе ожидались. Въ дальнѣйшемъ ходѣ русской жизни духовенство, стоявшее прежде во главѣ нашей интелигентіи, все болѣе и болѣе утрачиваетъ это положеніе и обращается въ замкнутое сословіе, живущее своими исключительными интересами, между которыми интересы научные и образовательные занимаютъ далеко не первое мѣсто. Въ этомъ смыслѣ распоряженія Петра и увѣщанія Прокоповича были новымъ виномъ въ старыхъ мѣхахъ.

Какъ мы уже говорили, представители старо-церковной партии, смотрѣвшіе на всѣ преобразованія и нововведенія, какъ на ересь, и искренно желавшіе ихъ истребленія, а затѣмъ—поворота къ старинѣ, по своимъ убѣжденіямъ склонились болѣе на сторону католицизма; потому-то и католическая пропаганда пыталаась обращаться къ нимъ, въ надеждѣ убѣдить ихъ къ соединенію православной церкви съ римскою. Напротивъ, Феофанъ и другія духовныя лица, сочувственно относившіяся къ реформѣ и способствовавши ея введенію и укрѣленію, ненавидѣли все католическое и оказывали очевидное предпочтеніе лютеранству. Такъ, Феофанъ, называя Германію „матерью всѣхъ странъ“, говорить, обращаясь къ протестантскимъ богословамъ: „Если желаете знать обо мнѣ, что я за человѣкъ, знайте, что я всецѣло преданъ всѣмъ, любящимъ истину; и чтобы полюбить кого-нибудь такого, я не нуждаюсь въ томъ, чтобы видѣть его лично;

¹⁾ Въ указѣ 31-го октября 1726 года (П. С. З., VII, № 4975) читаєтъ: «Изъ губерній и провинцій репортами объявлено, что въ школахъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ съ начала было учениковъ по присыпкѣ по 1722 годъ 1389; изъ того числа выучено 93 человека (стало быть, 6,7%); затѣмъ оставшие едва не есть епархиальной команды бѣжалы». Въ рязанской семинаріи, въ 1746 г., учениковъ показано на лицо 86, въ бѣгахъ—38; въ 1750 году—на лицо 106, въ бѣгахъ—47. Вообще, въ учителльскихъ семинаріяхъ каталогахъ прошлаго вѣка нерѣдко можно встрѣтить огромныя цифры бѣглыхъ учениковъ, и противъ очень многихъ имёнъ красуется отмѣтка: «Semper fugitiosus». См. Т. Воздвиженскую, Историч. обозрѣніе Рязанской епархіи (М., 1820), стр. 261; статьи: «Причины нерасположенія нашего бѣлого духовенства къ школѣ и наукѣ въ XVIII вѣкѣ», въ Руков. для сельскихъ пастырей, 1864, т. II, и «Состояніе русск. духовенства въ XVIII столѣтіи», въ Прав. Собес. 1862, № 5.

довольно, если услышу, что онъ любить истину. Такъ и теперь я расположень къ вамъ... Мы называемъ вѣсль людьми богатыми, сильными, учеными, опытнейшими во всѣхъ искусствахъ и добрыми людьми"...¹⁾). Эта любовь къ истинѣ—источникъ рационализма Феофана—навлекла на него со стороны враждебной партии обвиненія въ лютеранскомъ образѣ мыслей, и обвиненія эти были, какъ мы уже указывали, справедливы—не въ смыслѣ богословскаго ученія, а въ смыслѣ общаго склада убѣждений Феофана и направленія его дѣятельности. Характеръ этой дѣятельности по отношенію къ церковной реформѣ послужилъ для протестантскихъ ученыхъ поводомъ снова поднять вопросъ о возможности соединенія православной церкви съ лютеранской. Мы видѣли, какъ отнесся къ этому вопросу Буддей, по поводу сообщенной ему Феофаномъ Сорбонской записки, и какія пожеланія онъ при этомъ высказалъ; послѣ изданія Регламента протестантскіе писатели въ своихъ отзывахъ о положеніи русской церкви стали высказываться еще опредѣленнѣе. Такъ, напримѣръ, Колъ, впослѣдствіи бывшій членомъ нашей академіи наукъ, въ 1723 году издалъ въ Любекѣ сочиненіе „Ecclesia graeca lutheranizans“, въ которомъ подробно разсмотрѣлъ всѣ пункты православнаго вѣроученія, одинаковые съ лютеранскими, изложилъ историческій извѣстія о попыткахъ, сдѣланныхъ католиками, лютеранами и реформатами съ цѣлью соединенія ихъ церквей съ православною, и въ концѣ концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что „греко-русское и лютеранское вѣроисповѣданія весьма легко и на самыхъ законныхъ основаніяхъ могутъ соединяться въ одно цѣлое“²⁾.

Регламентъ, въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, былъ напечатанъ въ Данцигѣ въ 1725 году. Въ томъ же году въ Германии появилась небольшая (въ листъ, сложенный въ четверо, безъ означенія мѣста печати) популярная брошюра подъ заглавіемъ: „Curiose Nachricht von der itzigen Religion Ihro Kayserlichen Majestät in Russland, Petri Alexiewiz, und seines grossen Reiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch—Lutherischen Grund-Sätzen eingerichtet sey“³⁾). Эта брошюра представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ ясное

¹⁾ *Miscellanea Sacra*, p. 6—7.

²⁾ *Ecclesia graeca lutheranizans, s. exercitatio de consensu et dissensu orientalis graecae, speciatim russicae, et occidentalis lutheranae ecclesiae...* Auctore et editore I. P. Kohlio, kiloniensi. Lubecae, 1723, 8°, 143 p.

³⁾ См. Catalogue des Rossica de la Bibl. Imp. de Spb., t. II, p. 3, 42.

новятіе о тѣхъ взглѣдахъ, которые были въ то время въ Германіи въ большомъ ходу, и въ популярной формѣ резюмируетъ тѣ надежды, которые возлагались протестантами на русскую церковь вслѣдствіе преобразованій Петра Великаго. Указавъ на сходство православнаго вѣроисповѣданія съ лютеранскимъ, заключающееся въ отрицаніи папской власти и въ отсутствіи целибата, авторъ замѣчаетъ, что Москвиты или Руссы, все-таки, удержали „много остатковъ отъ папства“. Такъ вмѣсто папы они имѣли своего патріарха, значеніе которого въ икѣ церкви и въ ихъ странѣ было почти столь же велико, какъ и значеніе Римскаго папы въ Италии и въ римско-католической церкви. Даѣже, Руссы сохранили почитаніе святыхъ; св. Николай считается у нихъ патрономъ страны, и даже по смерти они получаютъ отъ епископа письмо (*einen Pass*) къ этому святому, въ доказательство, того, что они умираютъ въ истинной вѣрѣ, и что, следовательно, должны быть пропущены на небо. Въ томъ же родѣ говорится о чудотворныхъ иконахъ, мощахъ и пр. „У Руссовъ также много монастырей, которые устроены почти по католическому образцу, и въ которыхъ монахи такъ мало учатся, что если кто изъ нихъ выучится только читать по русски, такъ его уже считаютъ за ученаго человека“. Такова по понятіямъ автора, „греческая религія“. Но, въ правленіе вынѣшняго императора—продолжаетъ онъ,—эта религія во многомъ измѣнилась, ибо онъ понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ приносить пользу. Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наиболѣшай, истинная и спасающая, и крѣпко запечатлѣлъ ее въ своемъ умѣ. Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей: мы не ошибемся, если скажемъ, что его величество представляеть себѣ (*vor ihre Person*) религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ еще не все устроено по правиламъ нашей истинной религіи, однако, тому уже положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знаемъ, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суетѣ греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу, а уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ шагъ за шагомъ приводить къ познанію истины“.

Основанія для такой увѣренности въ побѣдѣ протестантизма въ Россіи авторъ брошюры видѣть въ церковно-преобразовательныхъ мѣропріятіяхъ царя: „Онъ отмѣнилъ патріаршество, и по примѣру протестантскихъ князей, объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ своей страны. Возвратясь изъ заграничнаго цутешествія, онъ тотчасъ же

вступить въ диспуты съ своими попами, убѣдился, что они въ дѣлахъ вѣры ничего не понимаютъ и учредилъ для нихъ школы, чтобы они прилежнѣе учились, таѣ какъ прежде они едва умѣли читать¹. Далѣе, царь заботится о томъ, чтобы распространять въ народѣ книги Св. Писанія и катихизисы. „Что касается до присыпанія святыхъ, то его величество указалъ, чтобы изображенія св. Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, и чтобы не было страннаго (wunderliche) обычая— входа въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину¹); отмѣнилъ также и обычай передавать чрезъ мертвыхъ письма къ св. Николаю. И таѣ какъ теперь Russы разумно обучаются и воспитываются въ школахъ, то всѣ ихъ суевѣрныя мнѣнія и обычай должны исчезнуть сами собою, ибо подобнымъ вещамъ не можетъ вѣрить никто, кроме самыхъ простыхъ и темныхъ людей“. Система обучения въ этихъ школахъ — совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной евангелической религіи. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться; теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все устроено похвальнымъ образомъ. Чудеса и мощи также не пользуются уже прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи, стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи „много напутано“ (grosser Betrug vorgehe). Брошюра заключается замѣчаніемъ, что если въ Россіи „будетъ отмѣнено“ призваніе святыхъ, то не будетъ вѣры и въ личную заслугу предъ Богомъ, и въ добрыя дѣла, а равно исчезнетъ и мнѣніе, будто можно получить небесную награду путешествіями на поклоненіе святынямъ или щедрыми подаяніями въ пользу духовенства и монастырей; такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ для достижения вѣчного блаженства останется вѣра въ Иисуса Христа, составляющаго основу истинной евангелической религіи. Авторъ выражаетъ надежду, что при помощи Божіей и при содѣйствіи царя все это совершиится очень скоро.

Упомянемъ еще обѣ отзывѣ ученаго путешественника по Россіи, Штранденберга, въ его книгѣ „Сѣверная и восточная часть Европы и Азіи“: Императоръ Петръ I—говорить онъ—вообще весьма заботился о томъ, чтобы улучшить положеніе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ; точно также

¹⁾ Выше мы видѣли, что почти то же самое говорятъ и Буддѣй въ своей книгѣ «Eccl. tom. tam ruthenica irrecconciliabilis».

забочился онъ и о религії, стараясь очистить ее отъ многихъ, вѣравшихся въ нее, суевѣрныхъ обрядовъ и бесполезныхъ обычавъ; въ этомъ дѣлѣ ему особенно помогалъ архіепископъ Псковскій, Феофанъ Прокоповичъ, издавшій съ этой цѣлью много прекрасныхъ сочиненій, частью оригиналныхъ, частью переводныхъ. „И вообще, этотъ честный человѣкъ въ своихъ поучительныхъ трудахъ обнаруживаетъ такія прекрасныя намѣренія, что если Богъ продлитъ его жизнь; то отъ его дѣятельности слѣдуетъ ожидать всего хорошаго“¹⁾).

Таковы были надежды и ожиданія, вызванные въ протестантскомъ мірѣ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго и Феофана Прокоповича. Если эти ожиданія были, до извѣстной степени, преувеличены, то ихъ, все-таки, нельзя считать совершенно неосновательными: общему направлению дѣятельности преобразователей они въ сущности, не противорѣчили. События, какъ и слѣдовало ожидать, не оправдали надеждъ на возможность соединенія церквей, и протестантскому историку церкви пришлось, вслѣдствіи, съ плохо скрытою досадой, замѣтить, что хотя православная церковь во многихъ пунктахъ христіанского ученія сближается съ протестантской, но нельзя отрицать и того, что въ первой осталось отъ прежнихъ временъ много суевѣрій, которыхъ она упорно придерживается²⁾). Вопросъ о соединеніи церквей еще разъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, послужилъ предметомъ для оживленной полемики между католиками и протестантами, по поводу „Камни Вѣры“, Стефана Яворскаго; въ полемикѣ этой принали участіе и некоторые русские богословы; но для нихъ она окончилась — благодаря стараніямъ Феофана Прокоповича — въ застѣнкахъ тайной канцелярии. Къ этому дѣлу мы возвратимся въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asien, Stokholm, 1730, S. 277—278: «Und in summa es intendiret dieser redliche Mann durch seine erbauliche Schriften so viel gutes, dass, wenn Gott ihm das Leben gönnen wird, viel gutes dadurch zu hoffen stehet». Въ рукописи И. П. Б. Ф., IV, № 7 значится, что эта книга переведена на русскій языкъ по приказанию горячаго поклонника Феофана, В. Н. Татищева.

²⁾ Paul Ernesti Iablonsky Institutiones historiae christianaе, Francof. 1786, p. 172—173 — цитируется Чистовицкимъ, 44—45.

III. Морозовъ.

(Продолженіе следуетъ).

МАКСЪ МЮЛЛЕРЪ И ФИЛОСОФІЯ ЯЗЫКА.

Сочиненіе Лудвига Нуаре.

(переводъ съ немецкаго)

Отъ переводчика.

Авторъ предлагаемой въ русскомъ переводаѣ статьи, вышедшай отдельною брошюрою въ 1879 году¹), сдѣлался известенъ въ ученой литературѣ языкознанія своею книгою о происхожденіи языка (*Der Ursprung der Sprache*. Mainz, 1877), обратившай на себя вниманіе знаменитаго Макса Мюллера.

Вопросъ о происхожденіи языка безспорно принадлежить къ числу наиболѣе важныхъ вопросовъ человѣческаго духа, а потому всякое новое слово по этому вопросу, если не гнило оно, по отзыву авторитетныхъ специалистовъ дѣла, не можетъ не интересовать мыслящаго человѣка. Предлагаемая статья, не представляя подробнаго, обстоятельнаго изложенія интересной теоріи автора, тѣмъ не менѣе въ достаточной степени обнаруживаетъ его монистическую точку зрѣнія и критическую силу его таланта и ясно показываетъ связь и отношеніе между новою теоріей и тѣми выводами по данному вопросу, до которыхъ дошло языкознаніе въ лицѣ гениальнаго представителя своего, Макса Мюллера. Съ другой стороны, не могутъ быть безполезными для русскаго читателя и замѣчанія автора о высокомъ значеніи языкознанія при решеніи наиболѣе важныхъ и интересныхъ вопросовъ человѣческой мысли и о той роли, какую предстоитъ играть ему внослѣдствіи; у насъ нерѣдко среди образованныхъ людей можно встрѣтить взглядъ на языкознаніе, какъ на науку, существую-

¹) Max Muller und die Sprachphilosophie. Von Ludwig Noiret. Mainz, 1879.

щую для самоуслажденія записныхъ галертеровъ-буквоѣдовъ. Все это, полагаемъ, можетъ въ достаточной степени мотивировать появление статьи Людвига Нуаре въ русскомъ переводѣ.

Н. Громовъ.

I.

Нѣть языка безъ разума,
вѣтъ разума бѣть языка.

Дарвинъ и Максъ Мюллеръ.

Идея міроваго развитія, величайшая, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ идей, до которыхъ когда-либо доходилъ человѣческій умъ, въ настоащее время привлекаетъ и возбуждаетъ всеобщее вниманіе. Сильныя возраженія, соединяющіяся съ именемъ Дарвина, служать предметомъ страстной, раздражительной полемики не только въ научныхъ сферахъ, но и въ обыденномъ разговорѣ, и въ исполински разростающейся литературѣ дня. Было время, когда ни одна наука не могла обойдтисъ безъ столкновенія съ религіозными преданіемъ, съ церковнымъ авторитетомъ вѣры, такъ что отдѣленіе ихъ другъ отъ друга, эманципація науки отъ власти религії была вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ жизненнымъ условіемъ, началомъ дѣятельности для пробуждавшейся и крѣпнувшей науки. Подобно тому, теперь нѣть такой области человѣческаго знанія, которая въ важнѣйшихъ и послѣднихъ своихъ вопросахъ не приходила бы въ соприкосновеніе съ идеей міроваго развитія. Да и саму идею эту должно рассматривать какъ вѣтъ великаго дерева, корни которого теряются въ неизѣримой дали прошедшаго, а вершина, украшенная цвѣтами (плоды которыхъ созрѣютъ въ отдаленномъ потомствѣ), поднимается въ необъятное, свѣтлое пространство неба: это могучее дерево есть наука о человѣкѣ.

Только изученіе своего прошедшаго можетъ разрѣшить великую загадку, только оно можетъ уяснить человѣку взглядъ на самого себя, на свое положеніе во вселенной. Это изученіе прошедшаго послужитъ для него путеводною звѣздой, компасомъ на пути въ темное царство будущаго, компасомъ, который предохранитъ его отъ многихъ тщетныхъ блужданій и бесполезной траты силъ, бывшей удѣломъ прошедшаго. Ясно сознавая цѣль, твердо увѣренный въ средствахъ, человѣкъ въ будущемъ развитіи далеко оставитъ за собою все, чего достигли его предшественники. И если говорять, что по прошествіи нѣсколь-

кихъ столѣтій человѣчество будетъ смотрѣть на нашъ высокопросвѣщенный, утонченный и образованный вѣкъ, какъ на періодъ варварства и невѣжества, то въ этомъ вовсе нѣтъ преувеличения.

Идея прогресса, какъ неоднократно было замѣчено, не нова. Зачатки ея можно прослѣдить у тою избранного народа, свѣтлый гений котораго впервые старался прозрѣть господство разума во вселенной, у древнѣйшихъ греческихъ философовъ; изъ нихъ глубокомысленный Гераклитъ *Σκοτεινός* (мрачный) понималъ міръ, какъ вѣчное происхожденіе въ прогрессивномъ и регрессивномъ движеніи (такъ я понимаю ἡ ὁδὸς ἄυστος κατόπιν) и за 2400 лѣтъ до нынѣ выражалъ ученіе Шопенгауэра и Дарвина ихъ собственными словами: 'Ηράκλειτος μὲν γὰρ ἀντικρὺς πόλεμον, ὅνομά τε πατέρα καὶ φασὶλέα καὶ κύριον πάυτων (видь Гераклитъ раздоръ прямо называетъ отцомъ, царемъ и господиномъ всего). Ненависть и вражда обусловливаютъ рожденіе, изъ раздора происходитъ всѣ вещи, въ мірѣ господствуетъ борьба за существованіе, она есть принципъ жизни; только въ ἐκτόρωσις, въ обратномъ измѣненіи въ первоэлементы огня (это то же, что нирвана буддистовъ и Шопенгауэра, отрицаніе воли) заключается согласіе и миръ (ὁμολογία καὶ εἰρήνη). Слѣдовательно, онъ признавалъ, подобно Шопенгауэру и Дарвину, рядомъ съ ненавистью, которая все разъединяетъ и раздѣляетъ, существованіе высшаго великаго міроваго принципа, откуда беретъ начало всякое совершенствованіе,—всемогущей любви, все соединяющей и связывающей, все терпящей и выносящей, все прощающей и примиряющей, ничего не щадящей, всѣми жертвующей, даже жизнью,—да, даже и жизнью.

Въ сочиненіяхъ корифеевъ нашей классической литературы идея развитія выступаетъ съ большею или менѣею ясностью и опредѣленностью. Кантъ въ своихъ лекціяхъ прагматической антропологіи прямо предполагалъ, какъ само собою понятное, происхожденіе человѣка отъ низшихъ существъ, то-есть, животныхъ. Проникнутый идеями Спинозы, Лессингъ не могъ идти другимъ путемъ, кромѣ того, который дѣлалъ возможнымъ для него воспитаніе человѣчества естественными средствами и силами съ цѣлью возвести его на болѣе высокую степень чистоты и самостоятельности. „Ideen zur Philosophie der Geschichte“ Гердера представляютъ собственно очеркъ развитія человѣчества въ постепенномъ, послѣдовательномъ совершенствованіи. Онъ посвящаетъ обстоятельное разсужденіе и вопросу о физической противоположности человѣка съ животными, пользуясь при этомъ и сравненіемъ, на сколько позволяло тогдашнее состояніе опытныхъ наукъ; но гораздо болѣе при-

давалъ онъ значенія—и въ этомъ отношеніи нынѣшніе дарвинисты могли бы многому поучиться у него—внутреннему принципу, духовному развитію, которое, конечно, имѣетъ первостепенное значеніе, хотя—довольно странно!—или вовсе игнорируется модною теоріей прогресса, или упоминается вскользь.

Извѣстно, какой горячій споръ возникъ по поводу вопроса о томъ, имѣть ли право теорія прогресса причислять Гете къ числу своихъ приверженцевъ, или его нужно считать, какъ дѣлаетъ Геккель, основателемъ этой теоріи, или же скорѣе послѣдователемъ теоріи постоянства типовъ. мнѣ кажется, споръ этотъ совершенно безполезенъ. Не нужно забывать, съ какимъ юношескимъ одушевленіемъ онъ, старикъ 81-го года, принялъ вѣсть о томъ, что Парижская академія наукъ съ живѣйшимъ участіемъ прислушивалась къ спору между Кювье и Жоффруа-де-Сентъ-Илеромъ въ то самое время, какъ виѣ ея стѣнъ свирѣпствовали политическія бури ѿльской революціи. Ясно, что для него въ данномъ случаѣ дѣло шло не о научныхъ теоріяхъ, а о торжествѣ извѣстнаго міровоззрѣнія, и именно того, которое признавало права духа, а не одной только матеріи. Это кажется, конечно, въ высшей степени парадоксальнымъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о дарвинизмѣ, но только для не привыкшаго думать большинства, которое не уѣтъ отличить материализма отъ монизма, отстоящихъ другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Въ виду этого я приведу въ высшей степени замѣчательныя слова самого Гете съ замѣчаніями на нихъ Лазара Гейгера:¹⁾ „Когда разразилась ѿльская революція, и вѣрный Экерманъ, найдя своего Гете въ сильномъ возбужденіи по поводу великихъ событий, происходившихъ въ Парижѣ, хотѣлъ заговорить съ нимъ объ ошибкахъ низверженного министерства, Гете отвѣчалъ: „Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга; я говорю вовсе не о тѣхъ людяхъ, меня занимаетъ теперь совсѣмъ другое. Я говорю о томъ въ высшей степени важномъ для науки публичномъ спорѣ въ академіи между Кювье и Жоффруа-де-Сентъ-Илеромъ. Съ этихъ поръ и во Франціи при изслѣдованіи природы будетъ господствовать духъ, и онъ будетъ властелиномъ надъ матеріей. Теперь обратятъ вниманіе на великія начала творенія, на сокровенную мастерскую Творца. Это событие имѣть для меня необыкновенно важное значеніе, и я имѣю полное право торжествовать, что дожилъ наконецъ до победы того дѣла, которому посвятилъ всю свою жизнь, и которое, стало быть, по пре-

¹⁾ Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, S. 114.

имуществу есть мое собственное дѣло⁴. Идея, побѣду которой про-видѣлъ тогда Гете, принадлежала Жоффруа-де-Сент-Илеру, это— идея міроваго развитія; эта идея, по моему глубокому убѣжденію, будетъ освободительной для міра, подобно другой, величайшей изъ всѣхъ всемирно-историческихъ ідей, освободившій нѣкогда міръ. Эта идея покажетъ намъ со временемъ, чего человѣкъ можетъ ожидать и требовать отъ себя, отъ человѣчества, отъ природы⁵.

Кто, какъ Шиллеръ, считаетъ свободу существеннымъ признакомъ человѣка, кто, подобно ему, считаетъ достиженіе свободы и власти надъ вселеною великую задачей человѣчества, тотъ, естественно, не можетъ признавать руководства и вліянія сверхъестественной воли (въ какомъ бы высокомъ, благородномъ и чистомъ смыслѣ мы ни понимали ее) на волю человѣка. Создавіе самого себя, оно только придаетъ человѣку цѣну, достоинство и высоту. То могущество, которое доставило намъ господство надъ нашей планетой, можетъ имѣть для насъ цѣну только тогда, когда оно есть продуктъ нашей собственной дѣятельности, но никакъ не въ томъ случаѣ, если оно помимо насъ послано намъ счастіемъ, а именно въ такомъ смыслѣ, какъ по преимуществу благодѣтельное для человѣка, понимаемъ мы высочайшее существо. По мнѣнію Шиллера, это и составляетъ сущность содержания всемирной исторіи; она для него есть картина человѣчества, постоянно поднимающагося на высшую ступень свободы, могущества и нравственности. Таковъ смыслъ его гениальнаго очерка всемирной исторіи въ іенской вступительной рѣчи⁶), о которой Кардэль сказалъ: „There perhaps has never been in Europe another course of history sketched out on principles so magnificent and philosophical“ (вероятно, въ Европѣ никогда не было другаго курса исторіи, основанного на столь прекрасныхъ философскихъ началахъ). Изобразивъ первобытное состояніе дикости человѣка на самой низшей степени развитія и противопоставивъ этому блестящую картину современной культуры, Шиллеръ въ заключеніе говорить:

„Какія противоположныя картины! Кто въ утонченно-образованномъ Европейцѣ XVIII столѣтія признаетъ только болѣе развитаго брата нынѣшняго жителя Канады или древнаго Кельта? Всѣ эти ремесла, искусства, знанія, всѣ эти созданія разума на пространствѣ немногихъ столѣтій зародились въ человѣкѣ и развиты имъ; всѣ эти

⁴⁾ «Was heisst und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?», C. Schillers Sämtliche Werke. Stuttgart. 1874, B. IV, 213.

чудеса искусства, эти исполинские создания промышленности въ немъ имѣютъ начало. Чѣмъ же пробудило ихъ къ жизни, что вызвало ихъ на свѣтъ? Какія состоянія прошелъ человѣкъ, прежде чѣмъ съ одной крайней ступени перешелъ на другую крайнюю, прежде чѣмъ изъ грубаго обитателя пещеръ превратился въ глубокаго мыслителя, въ образованнаго свѣтскаго человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ всеобщая всемирная история".

Тѣ немногія столѣтія, о которыхъ говорить здѣсь Шиллеръ, въ настоящее время и для историка человѣчества кажутся недостаточными. Наука доисторической археологии показала намъ такія необытные пространства прошедшаго, для которыхъ существовавшая до сихъ порь хронология также недостаточна, какъ для широты Сириуса наши линейныя мѣры. Чѣмъ отдаленіе прошедшее, тѣмъ медленіе, конечно, шло прогрессивное движение. Было время, когда человѣкъ не зналъ употребленія огня; мало того, было время, когда онъ не зналъ самыхъ простыхъ орудій, безъ которыхъ теперь онъ немыслимъ для насъ, — и все-таки онъ былъ тогда уже человѣкомъ, потому что имѣръ... языкъ.

Область собственно истории человѣчества, за исключеніемъ незначительной части ея, освѣщенной наукой, покрыта еще глубочайшимъ мракомъ; еще громадное пространство прошедшаго полно загадокъ и глубокихъ тайнъ, разрѣшеніе которыхъ, обусловливаемое небольшимъ количествомъ нѣмыхъ возстающихъ изъ недръ земли свидѣтелей, представляеть для изслѣдователя трудную и только мало по малу преодолѣваемую задачу. Какую же пользу, какой, можно сказать, смыслъ имѣютъ смѣлые попытки уже теперь переступить чрезъ эти границы и ставить вопросы о томъ, какія звенья генетически соединяютъ человѣка, какъ родъ, съ другими существами, которымъ недостаетъ отличительного признака человѣка — разума. И при всемъ томъ этотъ вопросъ въ сильнейшей степени возбуждаетъ нашу любознательность, при всемъ томъ мы не можемъ отказаться отъ этого великаго вопроса, потому что онъ касается происхожденія человѣка. И сколько разъ мы ни оставили бы его какъ бесплодный и не разрѣшимый, онъ всегда будетъ возникать вновь и умолкнуть только тогда, когда на него будетъ данъ удовлетворительный отвѣтъ.

Идея Ламарка и Дарвина основывается на сравненіи бесконечнаго множества органическихъ формъ нашей планеты, которая вся, при громадномъ различіи между собою, имѣетъ внутреннюю связь,

нѣкоторое родовое сходство. Вотъ что говорить Шиллеръ о дикихъ племенахъ, съ нравами и образомъ жизни которыхъ Европейцы познакомились, благодаря путешественникамъ новѣйшаго времени: „Расположенные вокругъ насъ племена, столпія на самыхъ различныхъ ступеняхъ образованости, подобны дѣтамъ различныхъ возрастовъ, окружающимъ взрослаго: они напоминаютъ ему собою, чѣмъ онъ былъ прежде, и съ чего начался ростъ его. Мудрая рука сохранила намъ эти грубыя племена до того времени, когда сами мы достигли такой степени культуры, что въ состояніи извлечь пользу изъ этого открытия и по нимъ, какъ въ зеркалѣ, восстановить утраченный образъ первобытного состоянія нашего рода“. То, что Шиллеръ, говоря о человѣчествѣ въ родовомъ его понятіи, считаетъ возможнымъ и желательнымъ для того, чтобы посредствомъ обширнаго изслѣдованія прошлого понять и уяснить настоящее, то самое дарвинизмъ распространяетъ на человѣка, какъ послѣднее звено гораздо болѣе длинной и почти необозримой цѣли развитія, первое звено которой можно видѣть въ самой грубой формѣ органической жизни, почти въ аморфной, по видимому, и безструктурной (*structurlos*) амебѣ. Что Шиллеръ говоритъ о некультурныхъ первобытныхъ народахъ, то теорія прогресса обращается на многоразличные виды животнаго царства; они въ самомъ дѣлѣ представляютъ формы дѣтства человѣческаго рода: это — куколки, переходныя ступени, которыхъ долженъ быть пройти человѣкъ, чтобы стать человѣкомъ, и ставъ имъ, достичнуть настоящаго совершенства. Остроумій Французъ говорилъ нѣкогда о *posterit  contemporein *, обозначая этимъ сужденіемъ иностранцевъ о произведеніяхъ отечественной литературы,—мы могли бы назвать необъятное разнообразіе животныхъ существъ *antiquit  contemporein *, при чѣмъ здѣсь сама природа сохранила формы нашего первобытнаго эмбрионального состоянія и распространила ихъ въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ для обстоятельнаго сравненія и серьезнаго напоминанія намъ о нашемъ происхожденіи.

Признавая все высокое научное значеніе дарвинизма (который, по моему мнѣнію, должно строго и ясно отличать и отдѣлять отъ монистической теоріи развитія), мыслитель-философъ не можетъ не видѣть его слабостей, пробѣловъ и односторонностей.

Часто превозносили похвалами—и совершенно справедливыми—спокойное и обдуманное поведеніе Дарвина, который, какъ истинный натуралистъ, дѣлалъ свои выводы только послѣ тщательнаго наблюденія и изслѣдованія обширнаго матеріала. Это требование, кажется

ицѣй, съ полнымъ правомъ слѣдуетъ предъявить храброй толпѣ сражавшихся подъ его знаменемъ натуралистовъ, именно, чтобы они въ своей методикѣ строго держались того положенія, которое во всѣхъ эмпирическихъ изысканіяхъ и теоретическихъ изслѣдованіяхъ служить для нихъ альфой и омегой, то-есть, само собою понятнымъ основоположеніемъ и цѣлью всѣхъ ихъ стремлений: *natura non facit saltus*, и чтобы они не дѣлали легкомысленныхъ скачковъ, приводя въ связь—или вывода одну иль другой такія вещи, между которыми пока лежать еще неизѣримыя бездны и пропасти.

Величайшую односторонность нынѣшняго дарвинизма составляетъ то, что онъ старается все выводить изъ виѣшнихъ причинъ, и какъ кажется, мало обращаетъ или вовсе не обращаетъ вниманія на внутреннія свойства. Пояснимъ это примѣромъ.

Если, положимъ, будетъ констатированъ фактъ, что полярнѣи странамъ по превѣтствству свойственны бѣлые лисицы, то объясненіе его легко вывести изъ дарвиновскаго принципа. Бѣлый цвѣтъ въ странахъ сиѣга служить предохранительнымъ пішісгу (приспособленіемъ); благодаря ему, животное гораздо легче можетъ спасаться отъ преслѣдований естественныхъ враговъ, а если принять, что таковыя условія имѣютъ мѣсто въ продолженіе довольно долгаго времени, то само собою будетъ понятно, что всѣ остальные цвѣта вымираютъ, и остаются только бѣлые лисицы. Здѣсь рѣчь идетъ только о виѣшнихъ причинахъ, потому что усовершенствованіе, приспособленіе къ даннымъ условіямъ съ цѣлью самосохраненія есть только результатъ подбора, совершающагося единственно подъ вліяніемъ принудительной силы этихъ условій. Воля, внутреннее свойство животнаго, конечно, вовсе не берутся при этомъ во вниманіе. Въ этомъ случаѣ дарвинизмъ правъ, хотя, чтобы остатся искреннимъ, онъ долженъ признаться, что сама наслѣдственность, которой онъ объясняетъ такого рода явленія, представляетъ еще неразрѣшимую загадку, есть только слово.

Но дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ въ томъ случаѣ, если животное избѣгаетъ грозящихъ ему со всѣхъ сторонъ опасностей благодаря тому, что или постоянно возвышается его внутреннее качество—назовемъ ли это качествомъ съ своей точки зрѣнія хитростью, лукавствомъ или осторожностью,—или усовершенствуются его органы защиты, или, же—что постоянно имѣть мѣсто—благодаря продолжительному упражненію при отраженіи встрѣчающихся опасностей. Въ данномъ случаѣ физическое и психическое усовершенствованіе—одно

отъ другого неотдѣльно — достигается при посредствѣ воли, усилия, энергического стремленія къ самозащитѣ и самосохраненію, достигается постепеннымъ развитіемъ, доходящимъ до высшей степени чрезъ рядъ нѣсколькихъ поколѣній.

Не имѣемъ ли мы права въ первомъ изъ этихъ случаевъ видѣть дѣло счастья, какъ бы лоттерейный выигрышъ, а во второмъ — со-
стояніе, нажитое тѣжкимъ трудомъ? Тотъ, кто въ послѣднемъ случаѣ видѣть однѣ вѣнчанія, чисто механическія причины, едва ли предчув-
ствовалъ великую проблему теоріи развитія, и ужъ, конечно, не по-
ниялъ ея; во всякомъ случаѣ его мнѣніе въ философскихъ вопросахъ не можетъ имѣть значенія.

Смѣщеніе вѣнчаныхъ и внутреннихъ свойствъ, ложное мнѣніе, что изъ чувственныхъ формъ можно вывести духовное, сознательное, мы-
шали дарвинизму произвести серьезную философскую критику своихъ истинныхъ основоположеній и метафизическихъ предположеній. Этотъ догматизмъ сдѣлался для него роковымъ, когда онъ дошелъ до са-
мыхъ смѣлыхъ выводовъ, до самыхъ легкомысленныхъ суждений, срав-
нивая и приводя въ связь вещи, совершенно разнородныя и несрав-
нимы.

Если животное царство производить изъ органической клѣточки (при чёмъ этотъ выводъ замаскировывается очень ловкимъ образомъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: Accordez-nous seulement ce petit bout, nous en deduirons le reste¹), то это обнаруживается вполнѣ наивное непониманіе, съ одной стороны, величія и трудности, а съ другой — истинной сущности проблемы. Такъ, сэръ В. Томсонъ и уче-
никъ его Гельмгольцъ предполагаютъ, что зародыши органической жизни попали на землю съ отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ при по-
средствѣ метеоровъ, а Геккель считаетъ углеродъ истиннымъ но-
сителемъ жизни. Послѣдній представляетъ очень поучительный при-
мѣръ новѣйшей миѳологии — помина обращаются въ пушка.

Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ трудно понять, что матерія сама по себѣ не можетъ быть исходнымъ пунктомъ теоретического познанія міра, что понятіе матеріи образуетъ въ нашемъ познаніи только вторичное, и что непосредственно данныя суть только совѣтъ, или вѣрнѣе, сознаніе, чувство и воля?

Когда же наконецъ всѣми будетъ привнана та истина, что если, напримѣръ, химикъ показываетъ намъ средство и соединеніе кисло-

¹) Согласитесь съ нами въ этой малости, а остальное мы вамъ выведемъ.

рода съ водородомъ, кислоты съ основаниемъ, фактъ этот кажется намъ совершенно непонятнымъ, пока мы рассматриваемъ его какъ чисто механическій процессъ, а какъ только сравнимъ съ аналогичными процессами въ наст самихъ, напримѣръ, съ дыханіемъ, восприятіемъ пищи и т. п., у насъ является непосредственное сознаніе его, потому что чувствованія, стремленія, желанія, эти психические факты, знакомы намъ лучше всего на свѣтѣ?

Еще большая ошибка и самообольщенье дарвинистовъ состоять въ томъ, что они хотятъ объяснить человѣка, эту неразрѣшную загадку сфинкса, эту сокровеннѣйшую тайну вселенной, или изъ внѣшнихъ, то-есть, отрицательныхъ причинъ, или дѣйствіемъ тѣлесныхъ факторовъ. *Love's labour lost* (пропащий трудъ!) и *Much ado about nothing* (много шуму изъ ничего)! можно сказать антропологамъ, которые оглашаютъ міръ шумомъ своей муравьиной дѣятельности и надѣются добить великия истинъ и произвести важныя открытия на основаніи измѣреній черепа, извилинъ мозга, голубыхъ или карихъ глазъ, темныхъ или блѣлокурыхъ волосъ. Въ концѣ концовъ вся эта работа вполнѣ заслуженно пойдетъ прахомъ и возбудить въ потомкахъ по меньшей мѣрѣ улыбку, въ виду поразительного несоответствія приложенныхъ средствъ съ поставленной цѣлью.

Еще менѣе можно уничтожить бедную, отдаляющую человѣка отъ животныхъ, такими физиологическими фокусами, какъ брахицефалия и макроцефалия, или произвольными классификаціями, въ родѣ *homo alalus*—терминъ, живо напоминающій *бѣлосѣдеровъ*, то-есть, деревянное желѣзо, или тѣмъ доводомъ, что анатомическое строеніе человѣческаго тѣла не обнаруживаетъ ни одного признака, который специфически отличалъ бы его отъ строенія тѣла животныхъ. Послѣдній аргументъ можно прямо обратить противъ теоріи дарвинизма. По крайней мѣрѣ легко вывести такое заключеніе: если нѣть рѣшительно никакого различія физического между человѣкомъ и животнымъ, то для объясненія несомнѣннаго, громаднаго превосходства первого надъ послѣднимъ необходимо предположить другую причину, а это поведѣть насъ прямо къ признанію самостоятельной, независимой отъ тѣла субстанціи—человѣческой души.

Я приведу здѣсь одно возраженіе профессора Макса Мюллера дарвинистамъ, которого онъ держится и до сихъ поръ. Извѣстно, что все съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, съ большей или меньшей справедливостью писавшіе и говорившіе противъ дарвиновской теоріи, впереди всего выставляли имя Макса Мюллера, какъ вѣскій

аргументъ, какъ крѣпкую защиту, и скрывалъ за нимъ, направляли слабые выстрѣлы въ гениальнаго виновника этой умственной тревоги. И они въ этомъ случаѣ были правы съ извѣстной точки зренія, такъ какъ, по моему твердому убѣжденію, изъ всѣхъ до сихъ поръ выступавшихъ на полемическую арену съ Дарвиномъ, одинъ Максъ Мюллеръ вполнѣ достойный и даже превосходящій его противникъ.

„Въ природѣ человѣка лежитъ нечто, нѣкоторая *qualitas occulta*, если хотите, что отличаетъ его отъ всѣхъ животныхъ безъ исключѣнія. Это нечто мы называемъ разумомъ, когда понимаемъ его каѣвъ внутреннюю дѣятельность, мы называемъ его языкомъ, когда разсматриваемъ, какъ виѣшнее, какъ явленіе. Нѣть разума безъ языка, нѣть языка безъ разума. Языкъ есть Рубиконъ, отдѣляющій человѣка отъ животныхъ, котораго ни одно животное никогда не переступить. Я убѣжденъ, что въ настоящее время одна только наука о языкахъ въ состояніи дать намъ средство сдержать напоръ дарвинистовъ и твердо установить границу, навсегда отдѣляющую человѣка отъ животныхъ. Возьмите самую смысленную обезьяну, отдайте ее подъ присмотръ и руководство человѣка,—она не будетъ говорить, она останется животнымъ, между тѣмъ какъ самый грубый ребенокъ изъ самаго дикаго племени, живя въ человѣческомъ обществѣ, съ раннихъ лѣтъ усвоиваетъ эту характеристическую черту человѣка“.

Съ такими-то аргументами и выраженіями сталъ этотъ неустрашимый человѣкъ предъ всѣми оставленною пограничною стѣной, которую, казалось, до основанія потрясли яростныя нападенія дарвинистовъ, и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

„Здѣсь разумъ, здѣсь языкъ, здѣсь человѣкъ. Никому изъ васъ не дамъ перейти чрезъ эту границу, никому не позволю вторгнуться въ это святилище, пока не объяснятъ мнѣ, какъ произошелъ разумъ, языкъ“.

И всѣ противники, съ громкимъ „ура“ производившіе нападенія, умолкли, потому что у нихъ не было отвѣта.

II.

Максъ Мюллеръ и теорія развитія.

Если я сказалъ, что Максъ Мюллеръ есть единственный противникъ Дарвина, превосходящій его силой, то этимъ я вовсе не хотѣлъ сказать, что онъ—противникъ теоріи развитія. Напротивъ, я

ясно различаю, какъ уже и прежде замѣтилъ, дарвинизмъ отъ монистической теоріи развитія.

Въ своихъ превосходныхъ лекціяхъ о Дарвинѣ, замѣчательныхъ какъ поразительной ясностью, такъ и глубиною мыслей, М. Мюллеръ вводить въ полемику новый аргументъ, именно дилемму: „Или Кантъ правъ, или Дарвинъ; одинъ исключаетъ другаго“. Но аргументъ этотъ нельзя считать основательнымъ. Правда, Кантъ предполагалъ разумъ, какъ необходимое, несомнѣнное основаніе всякаго познанія, изъ чего легко вывести, что онъ признавалъ его непроизводной способностью, особыеннымъ даромъ Божества человѣку. Но изъ многихъ мѣстъ его сочиненій ясно видно, что онъ не признавалъ существованія человѣческаго разума отъ вѣчности, а считалъ его продуктомъ естественныхъ причинъ, результатомъ взаимодѣйствія естественныхъ силъ. Если онъ выставляетъ различіе между „пассивнымъ восприятіемъ и самодѣятельностію мышленія“, чѣмъ животная жизнь и человѣческий разумъ раздѣляются на двѣ совершенно различныя области, то въ этомъ случаѣ онъ, съ одной стороны, впадъ въ легкомысліе, по замѣчанію Шопенгауера, а съ другой — самъ призналъ, что чувственное восприятіе и мышленіе, взаимодѣйствіемъ которыхъ осуществляется познаніе, предполагаютъ происхожденіе изъ одного общаго источника.

Не смотря на это, указаніе на Канта было очень кстати, особенно въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ великія открытия автора „Критики чистаго разума“ почти совершенная *terra incognita*. То же должно сказать и о многихъ представителяхъ дарвинизма въ Германіи, которымъ изъ Канта известно, кажется, только то, что входить въ кругъ ихъ специальности, то-есть, напримѣръ, теорія происхожденія вселенной, теорія, которая подъ именемъ канто-лапласовской космогоніи преподается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотъ важный фактъ, что пока былъ живъ Кантъ, и пока слѣды его гenія не исчезли изъ философскихъ системъ, материализмъ не осмѣшивался открыть рта,—или упускается ими изъ виду, или игнорируется.

Разумъ, эта свойственная только человѣку способность, отдѣляющая и отличающая его отъ всѣхъ другихъ существъ, есть источникъ и исходный пунктъ познанія, говорить Кантъ. Съ нимъ согласенъ и Максъ Мюллеръ, но послѣдній дѣлаетъ при этомъ такое добавленіе: онъ даетъ человѣку вмѣстѣ съ языкомъ. *Ratio et oratio* составляютъ одно, они находятся между собою въ такомъ же отношеніи, какъ тѣло и духъ, какъ вѣнчанее и внутреннее; они различны, но не

раздѣлимъ. Безъ языка нѣтъ мышленія; это сознавали Греки, обозначая то и другое однимъ словомъ: ὁ λόγος. Поэтому языкъ есть самое вѣрное зеркало человѣческаго духа; въ немъ полнота мудрости, въ немъ бездна въ высшей степени важныхъ объясненій—какъ духовной жизни человѣка въ древнѣйший періодъ, такъ и культурныхъ отношеній человѣчества въ глубокой древности, отъ которой до насъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ; нужно только вынуть изъ земли эту кладь, а средствомъ къ тому служитъ наука сравнительного языкознанія. И невозможно оцѣнить, невозможно выразить все высокое значеніе этой науки. „Съ справедливою гордостью можемъ сказать, что въ теченіе послѣдніго столѣтія, или даже пятидесятилѣтія, ориентальныя изслѣдованія болѣе, чѣмъ какая-либо другая область человѣческаго знанія, способствовали измѣненію, очищенню и проясненію умственной атмосферы Европы, расширенію нашего горизонта въ отношеніи всего, чтѣ принадлежитъ къ области науки о человѣкѣ, въ отношеніи исторіи, филологии, теологии и философіи. Мы не только завоевали новые міры и присоединили ихъ къ прежней области науки, но и древній міръ оживили новыми идеями, которыхъ теперь составляютъ насыщенную пищу гимназій и университетовъ“¹⁾.

Посмотрите, чтѣ сдѣлано представителями сравнительного языкознанія! Востокъ, эта древняя страна сновъ, басенъ и фей, стала страшной несомнѣнной дѣйствительности; разорвана завѣса, отдѣлавшая востокъ отъ запада, и наше древнѣе забытое отечество снова возстаетъ предъ нами въ яркихъ краскахъ и ясныхъ очертааніяхъ. Два міра, въ продолженіе тысячи лѣтъ раздѣленные, вновь соединяются какъ бы волшебнымъ словомъ, и мы чувствуемъ себя богаче въ прошедшемъ, которое можетъ служить предметомъ справедливой гордости для благороднаго Арийскаго племени. Мы уже не скажемъ теперь, какъ прежде, неопределенно и поэтически: Ex oriente lux; мы знаемъ, что всѣ жизненные элементы нашего знанія, нашей цивилизациі—наши языки, алфавиты, цифры, наши мѣры и вѣсы, наше искусство, религія, наши преданія до сказокъ иани включительно, идутъ съ востока. Мало того, необходимо признать, что безъ лучей восточнаго свѣта, вызвавшихъ въ жизни скрытые зародыши темнаго и пустыннаго запада, Европа, этотъ истинный свѣточъ міра въ настоящее время, навсегда осталась бы бесплодными, забытыми

¹⁾ M. Müller, Chips of a german workshop. Vol. IV, p. 322.

мысомъ первобытнаго азиатскаго континента. Да, мы живемъ въ новомъ свѣтѣ; граница между востокомъ и западомъ, казавшаяся не переходимою, исчезла. Востокъ принадлежитъ намъ, мы наследники его и съ полнымъ правомъ принимаемъ участіе въ его безпомощномъ состояніи.

„Подобно тому, какъ нѣкогда въ умственномъ общеніи грубыхъ сѣверныхъ племенъ съ богатымъ, свѣтымъ міромъ греческой и римской культуры соединился нѣмецкій и классический духъ и образовался тотъ потокъ новѣйшей мысли, на берегахъ котораго мы сами живемъ и дѣйствуемъ, такъ теперь въ то же русло стремится новый могучій потокъ орентализма, и поверхность прежнаго потока уже ясно обнаруживаетъ дѣйствіе нового прилива. Всякій, заглянувъ въ какое-либо изъ наиболѣе видныхъ сочиненій послѣднихъ двадцати лѣтъ, касается ли оно языка, литературы, мифологіи, права, религіи или философіи, на каждой страницѣ замѣтить вѣяніе нового духа. Я не хочу сказать, что востокъ научаетъ насъ чему-либо новому: онъ только раскрываетъ предъ нами старое, изъ котораго мы узнаемъ ученія и свѣдѣнія болѣе чудныя и изумительныя, чѣмъ все, до чего могла додуматься наша философія, и о чёмъ могла она мечтать.

„Прежде всего благодаря изученію востока мы узнали то, что узали нѣкогда сѣверные варвары въ Асіиахъ и Римѣ, именно, что есть другіе міры, кроме нашего, что есть другія религіи, мифологіи, законы, и что исторія человѣческой мысли не исчерпывается исторіей философіи отъ Фалеса до Гегеля. Востокъ представилъ намъ параллели всего этого, то-есть, даль возможность сравненія, измѣренія и пониманія. Духъ сравненія есть истинно научный духъ нашего или лучше сказать, всякаго времени. Эмпирическое познаніе вещей не есть наука въ собственномъ смыслѣ. Человѣческое познаніе всегда начинается съ двухъ, съ діады, съ понятія двухъ индивидуумовъ, какъ одного. Отдельное явленіе можетъ быть совершенно случайнымъ, оно появляется и исчезаетъ, оно необычно для насъ; но какъ только явленіе повторяется, дѣлается первый шагъ въ томъ чудномъ процессѣ, который мы называемъ обобщеніемъ, и который служить источникомъ интеллектуального познанія и интеллектуального языка. Первоначальный процессъ сравненія нѣсколько разъ повторяется, и если мы теперь высшему роду познанія во всѣхъ сферахъ науки даемъ название сравнительного, то этимъ мы только замѣняемъ старинное слово *intelligens* (*inter—legens, inter—ligans*)

„связывающій“ новымъ, болѣе выразительнымъ словомъ. И прежде всего вполнѣ преобразованіемъ обязана сравнительному методу наука о языкахъ.

Какъ греческій языкъ былъ языкомъ человѣчества для XV столѣтія и послѣдующихъ до XVIII, до Лессинга, Гёте и Шиллера, такъ санскритъ есть всемирный языкъ для XIX и будущихъ столѣтій.

Правда, не пришло еще то время, когда всѣми будетъ признано высокое значеніе санскритологіи. Но то же самое было нѣкогда и съ греческою филологіей. Когда въ XV вѣкѣ передовые люди того времени стали изучать классическую древность Греціи, это считалось ученой прихотью; дальнѣйшее движение встрѣтило сильную оппозицію, даже насмѣшки; громче всѣхъ кричали тѣ, кто меньше всего смыслилъ тутъ. Даже внослѣдствіи, когда изученіе классицизма вошло во всеобщее употребленіе, было введенено въ гимназіяхъ и университетахъ, оно имѣло въ глазахъ общества лишь научный интересъ. Теперь мы знаемъ, что возрожденіе греческой науки затрогивало глубочайшіе жизненные корни человѣчества, что оно было дѣйствительно возрожденіемъ того чувства, которое соединяетъ народы, служить связующимъ звеномъ между живыми и мертвыми и такимъ образомъ упрочивается за будущими поколѣніями все интеллектуальное наслѣдіе человѣческаго рода. Безъ этого исторического сознанія вся человѣческая жизнь была бы эфемерною и пустою. Чѣмъ дальше назадъ оглядываемся мы, тѣмъ болѣе проникаемся сочувствіемъ къ прошедшему, тѣмъ болѣе усвоиваемъ жизнь прошедшіхъ поколѣній, тѣмъ болѣе становимся способными продолжать въ свою очередь то дѣло, которое нѣсколько столѣтій назадъ началось въ Аеннахъ и Римѣ. Но еще большее, гораздо большее вліяніе, чѣмъ открытие классическаго міра, произведетъ открытие санскрита. Оно вновь соединитъ порванныя нити, связывавшія нѣкогда юго-восточные отрасли арійскаго семейства съ сѣверо-западными, и такимъ образомъ вовстановится духовное родство не только германской, греческой и римской отраслей, но и славянской, кельтской, индійской и персидской. Оно обогатитъ умъ человѣка, расширить его сердце, увеличить кругъ его симпатій, оно по истинѣ сдѣлаетъ насъ *humaniores*, такъ какъ мы тогда глубже и яснѣе поймемъ, чѣмъ было человѣчество, и чѣмъ оно будетъ. Таковъ истинный смыслъ обширныхъ научныхъ изысканій нашего времени, и хотя оцѣнка ихъ значенія принадлежитъ будущему, тѣмъ не менѣе всякий, кто внимательно слѣдить за интеллектуаль-

ными успехами человечества, не можетъ не видѣть, какъ широко раздвинулся нашъ умственный горизонтъ, благодаря сравнительному изученію языковъ, мифологій и религій. Множество свѣдѣній навсегда по видимому, утраченныхъ, приобрѣли мы вновь, и если новый свѣтъ еще не завоеванъ, то во всякомъ случаѣ завоеваніе его не далеко" ¹⁾.

Что же привело въ такой неописанный восторгъ этого серьезнаго исследователя, этого неумолимаго работника въ трудно разрабатываемыхъ шахтахъ науки языка, что заставило его въ поэтическомъ одушевлѣніи, подобно Моисею, смотря съ горы на землю обѣтованную, возвѣщать дѣтамъ и дѣтямъ дѣтей приближеніе новаго, чуднаго, не предвидѣнаго просвѣтленія духовнаго? Что обратило въ new inspired prophet (новаго вдохновленнаго пророка)? А именно увѣренность въ томъ, что съ открытиемъ этихъ новыхъ сокровищъ, большую, если не большую часть которыхъ онъ самъ извлекъ изъ земли въ продолженіе своей многолѣтней честной дѣятельности, человечество получитъ возможность "возстановить утраченный образъ первобытнаго состоянія нашего рода", увидѣть покрытую мракомъ и мусоромъ тысячелѣтій длинную цѣнь, соединяющую поколѣніе съ поколѣніемъ, столѣтіе со столѣтіемъ, настъ самихъ съ давно исчезнувшими поколѣніями, и достигнуть новыхъ изумительныхъ раззясненій относительно величайшей загадки міра, человеческаго духа, человеческаго рода и относительно чудеснѣй, по видимому, образомъ исчезнувшей судьбы его на нашей планетѣ.

Огромныя заслуги Макса Мюллера, какъ издателя Ведъ, слишкомъ хорошо известны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. 14-го сентября 1874 года онъ представилъ на лондонскій конгрессъ ориенталистовъ послѣдній листъ „Ригъ-Ведь съ комментаріями Saynâ-kâguya“, кратко замѣтивъ при этомъ, какого труда стоило ему это исполинское дѣло. Онъ самъ сказалъ объ этой древнейшей книжѣ арійскаго міра: „Издание этого произведения было бы невозможно безъ просвѣщенного содѣйствія индійского правительства. Если сосчитать всѣ мои большія и малыя изданія Ригъ-Ведь за послѣднія 25 лѣтъ, то на каждый годъ придется по одному тому въ восьмую долю листа, страницъ въ 600 приблизительно. Такія изданія раззорили бы всякаго книгопродавца, тѣмъ болѣе, что въ Ведахъ мало привлекательнаго, мало того, что возбуждаетъ интересъ въ обыкновенныхъ читателяхъ.“

¹⁾ M. Müller, Chips, IV, p. 381.

ЧАСТЬ ССХ, ОТД., 2.

Никто не ввался бы за изученіе ведийскихъ гимновъ съ эстетической точки зрењія, и ничто такъ не доказываетъ крутаго поворота въ направлениі послѣднихъ 25 лѣтъ, какъ то, что съ этого времени изслѣдованія почти всѣхъ санскритологовъ сосредоточиваются на Ведахъ; эстетической интересъ уступилъ мѣсто научному.... Въ первомъ томѣ своего перевода, выпущенномъ въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я съ намѣреніемъ выбралъ такие гимны, которые наиболѣе характеристичны для первобытнаго грубаго состоянія арийскаго міра; очень интересно было наблюдать при этомъ всеобщее разочарованіе. Неужели—кричали всѣ—эти странныя, грубыя, дикия воззванія къ суровымъ божествамъ суть вдохновенные звуки древнихъ мудрецовъ Индіи? Это ли мудрость востока? Это ли откровеніе первобытнаго міра? Даже высокоуважаемые ученые присоединились къ этимъ голосамъ, а друзья мои дали мнѣ понять, что они не потратили бы своей жизни на такую книгу".

„Теперь предположите, что геологъ досталъ кости испоконемаго животнаго, принадлежащаго тому періоду, въ которомъ до тѣхъ поръ не было открыто никакихъ слѣдовъ животной жизни. Какая-нибудь молодая дама при видѣ ихъ навѣрно не удержится отъ восклицанія: „Да, эти кости очень замѣчательны, но отъ вовсе не красивы". Или, положимъ, будеть открыта новая египетская статуя, принадлежащая еще неизвѣстной до сихъ поръ династіи; при видѣ ея какой-нибудь школьникъ не замедлитъ замѣтить: „Да, она очень красива, но Бенера Милосская еще красивѣе". Когда химикъ откроетъ новый элементъ, неужели онъ достоинъ сожалѣнія, потому что вновь открытый элементъ не золото? Когда ботаникъ описываетъ корни, неужели онъ долженъ оправдываться, почему пишетъ не о цветахъ? Именно потому, что Веды столь отличны отъ того, чего отъ нихъ ожидали, отъ псалмовъ, отъ Пиндара, Благаватгиты потому что они совершенно самобытны и открываютъ предъ нами древнѣйшия зачатки религиозной мысли, каковы они были въ дѣйствительности, потому что они даютъ намъ языкъ болѣе древній и первобытный, чѣмъ какой-либо изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ, потому что поэзія ихъ грубо, дика, отличается несовершенствомъ и даже безобразіемъ формы,— потому-то и должно глубже и глубже рыться, доколѣ не возстанетъ предъ вами древній разрушенный городъ и не покажеть намъ, чѣмъ былъ человѣкъ, чѣмъ были мы, прежде чѣмъ поднялись на высоту Давида, Гомера, Зороастра, покажетъ намъ колыбель нашей мысли, нашихъ словъ, нашей дѣятельности".

Къ этимъ словамъ ничего прибавлять; они ясно говорятъ, что для такихъ счастливо и богато одаренныхъ отъ природы натуры, каковъ Максъ Мюллеръ, изученіе исторіи развитія человѣчества съ самого раннаго дѣтства до зрѣлаго мужества составляетъ цѣль и задачу, побуждающую ихъ къ неусыпной, неутомимой дѣятельности. Только его зоркій проницательный глазъ могъ замѣтить человѣческие слѣды въ необъятной дали прошедшаго, гдѣ для болѣе слабыхъ глазъ все сливалось въ туманѣ и исчезала пограничная линія, отдѣляющая человѣка отъ животныхъ.

Въ виду важности предмета, я позволю себѣ привести нѣсколько мѣстъ изъ другаго, родственнаго Максу Мюллеру гениальнаго ученаго (который большою частью совершенно самостоятельнымъ путемъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ и возврѣніямъ), гдѣ онъ почти буквально тѣми же словами привѣтствуетъ вновь восходящую зарю. Я разумѣю Лазара Гейгера.

„Изученіе языковъ“¹⁾, говорить этотъ замѣчательный мыслитель¹⁾,— пріобрѣло въ наше время огромное философское значеніе, такъ какъ оно даетъ намъ ключъ къ объясненію той стороны міра и бытія, куда не можетъ проникать естествознаніе,—оно объясняетъ намъ, чѣмъ мы такое и чѣмъ мы были, раскрываетъ предъ нами сущность нашего разума и исторіи... Взоры наши въ предчувствіи углубляются въ неизмѣримыя пространства вселенной, и та великая тайна, тайна нашего развитія, смутно уже даетъ намъ знать о себѣ“.

Вопросъ о томъ, какъ дѣствовала фантазія народовъ, какими мотивами она руководилась, когда Персы съ такою тревожною заботливостью ухаживали за собаками, а Египтяне для священныхъ на бальзамированныхъ трупахъ Аписа строили въ Мемфисѣ склепы (скрывающіе 64 поколѣнія ихъ), такъ важенъ для нась, что мы не интересуемся ученіемъ тогдашихъ мудрецовъ, хотя имѣемъ полную возможность познакомиться съ ними. Это напоминаетъ мнѣ сообщеніе Макса Мюллера, касающееся самаго важнаго для нась произведения санскритской литературы — Ведъ. Когда талантливый безвременно умершій, нѣмецкій ученый Розенъ занимался въ богатой библиотекѣ ость-индскаго общества въ Лондонѣ списываніемъ ведійскихъ гимновъ, изданіе которыхъ онъ началъ въ 1838 г., то бывшій тогда въ Лондонѣ браманъ Раммаханъ Раи не могъ надивиться этому предприя-

¹⁾) Geiger, Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, SS. 2, 12, 14.

тію; „Упанишадъ“, по его мнѣнію, гораздо болѣе заслуживало бы изданія. Эта позднѣйшая часть Ведъ содержитъ мистическую философію (здѣсь можно видѣть извѣстнаго рода монотеизмъ или пантеизмъ), въ которой индійскій мудрецъ, подобно многимъ другимъ, видитъ нес *plus ultra* религіозной мудрости. Но для наскъ первобытные ведійские гимны, вполнѣ языческіе, наивные и часто странные, которыхъ въ тайнѣ устыдился бы нынѣшній образованный Индіецъ, но отъ которыхъ такъ и вѣтъ на вѣсъ прелестной свѣжестью юности человѣчества, они-то и составляютъ для насъ истинный перлы индійской литературы. Въ нихъ нѣть какой-нибудь опредѣленной религіозной системы, но они сами представляютъ какъ бы учебникъ религіозной исторіи человѣчества“.

„Прежде всего заслуживаютъ вниманія зачатки философской мысли въ томъ замѣчательномъ древнемъ собраніи священныхъ писемъ, которое извѣстно подъ именемъ „Rigveda-sanhita“. Сохраненіе ихъ до нашего времени должно считать великимъ счастіемъ для человѣческаго рода, если только сознаніе своего происхожденія и пониманіе законовъ своего бытія справедливо составляетъ для насъ предметъ самаго страстнаго желанія. Совершенно отличны отъ произведеній извѣстныхъ намъ литературъ, которыхъ всѣ обнаруживаются позднѣйшиа формы, или возникавшиа на развалинахъ исчезнувшаго времени, или основанныиа на взаимодѣйствіи и смѣшаніи произведеній различныхъ народовъ, — гимны эти, напротивъ, открываютъ предъ нами первобытную, чуждую, очевидно, постороннихъ влияний, свѣжую, юную жизнь человѣчества, не второобразно возникшую изъ разрушенія прошедшаго, а непосредственно происходящую изъ лона природы. Здѣсь предъ нами какъ бы не отвердѣвшій въ словѣ и дѣлѣ духовный образъ, и эта жизнь даетъ намъ полную возможность наблюдать ее въ самомъ процессѣ происхожденія. Поэтому-то гимны эти даютъ намъ ключъ къ пониманію сообразнаго съ ними развитія не только Индійцевъ, но и всѣхъ родственныхъ народовъ, потому что развитіе этихъ послѣдніхъ основывается до извѣстной степени на тѣхъ же началахъ. Мало того, если принять во вниманіе единство развитія всего человѣческаго рода, то нельзя не согласиться, что они же могутъ помочь намъ въ пониманіи всѣхъ созданій мыслительной дѣятельности человѣка, всего содержащаго разума, то-есть, до настоящаго времени продолжающихся приобрѣтеній его, начиная съ той эпохи, когда у человѣка впервые стали

образовываться убеждения изъ упрочившихся ощущений, и когда сдѣлались возможны различныя мнѣнія, предположенія или знаніе”¹⁾.

„Появленіе языкоznания въ началѣ нашего столѣтія въ качествѣ самостоятельной науки, независимой ни отъ какихъ практическихъ или внѣшнихъ цѣлей, науки о доисторической жизни народовъ, составляетъ въ высшей степени важное событие въ исторіи человѣчества. Сравненіе языковъ навсегда разсѣло господствовавшія до сихъ поръ очень темные представленія о древнѣйшихъ образованіяхъ и переселеніяхъ народовъ. Теперь научились различать родственные народы и получили болѣе вѣрное и точное, чѣмъ естественно-исторические признаки, основаніе для дѣленія народовъ на племена. Теперь въ безконечной дали прошедшихъ временъ появилась надежда на обстоятельное знакомство съ такою древностью, о самомъ существованіи которой исторія до сихъ поръ умалчивала”²⁾.

Такое полное согласіе двухъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашего столѣтія, такое восторженное (притомъ выраженное почти одними и тѣми же словами) указаніе на новый могучій источникъ знанія, незамѣтно для большинства прорвавшійся нуружу въ наше время, показываетъ, что дѣло касается предмета первостепенной важности. И дѣйствительно, дѣло идетъ объ исторіи развитія человѣчества, о рѣшеніи исконной, величайшей, священной загадки. Рѣшеніе этой загадки представляется теперь возможнымъ только благодаря выводамъ сравнительного языкоznания, благодаря чуднымъ, сохранившимся въ генеалогіяхъ словъ и понятій свѣдѣніямъ о человѣческой мысли въ первобытную эпоху, о происхожденіи, ростѣ и созрѣваніи того высокаго единственнаго отличія человѣка, которое все остальное обусловливаетъ и объясняетъ — человѣческаго разума и языка (*λόγος*).

Кто хочетъ объяснить человѣка, тотъ долженъ прежде всего понять существенную особенность человѣка, долженъ узнать пунктъ, въ которомъ оно сосредоточивается, и откуда должно производить все остальное. Загадка скрывается въ языке; кто вздумаетъ искать ее еще гдѣ-либо, тотъ ошибется.

И такъ, изслѣдованіе развитія человѣчества составляетъ для Макса Мюллера цѣль и задачу жизни, и объясненія этого развитія онъ

¹⁾) Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I, S. 119.

²⁾) Geiger, Ursprung der Sprache, S. 16.

ищетъ тамъ, гдѣ только можно найти его, и откуда только и можно вывести его,—въ духѣ, въ мышлѣніи, то-есть, въ языкѣ. Вопросъ о происхожденіи, о зарожденіи, о первомъ проявленіи этого чуднаго дара онъ оставилъ открытымъ, безъ отвѣта. Онъ старался при помоши тѣхъ средствъ, какія предлагало изслѣдованіе языка, проложить дорогу въ то отдаленное прошедшее, которое до сихъ поръ было покрыто глубочайшимъ мракомъ. А какъ только древнѣйшее состояніе человѣчества представляется намъ въ болѣе ясныхъ очертаніяхъ при свѣтѣ лингвистическихъ изслѣдованій, тогда—думаль онъ—обстоятельно и съ большими расчетомъ! на успѣхъ можно будетъ съ другой стороны производить наблюденія по ту сторону горъ, гдѣ обрѣвается нить языка.

Понять задачу духа во всей ея глубинѣ, изслѣдовать и прослѣдить ее до послѣдникъ оснований въ самомъ вѣрномъ источникеъ, въ тѣмѣ духа: такое обдуманное и ясное стремленіе должно было бы, по видимому, заслужить одобрение и благодарность всѣхъ мыслящихъ людей. А между тѣмъ въ пылу битвы, въ разгарѣ страстей не слышно голоса благородства; ярые дарвинисты, подобно дѣтямъ, бьющимъ далѣе цѣли, поставленной учителемъ, организуютъ походъ противъ Макса Мюллера, при чёмъ поднимается на щитъ тотъ или другой изслѣдователь языка; но убийственный отпоръ противника принуждаетъ ихъ къ быстрому и самому позорному отступленію.

Какъ благородно и величественно въ сравненіи съ этими страшными нападками звучатъ слова Макса Мюллера, которыми онъ сопровождалъ свой протестъ противъ скороспѣльныхъ выводовъ и отрицаній приверженцевъ дарвинизма, и въ которыхъ онъ выставляетъ одинъ интересъ, единственнуюющій руководить и одушевлять ученаго:

„Вопросъ не въ томъ, кажется ли намъ дикимъ мнѣніе о происхожденіи такихъ различныхъ существъ, какъ человѣкъ, обезьяна, слово, колибри, змѣя, лягушка, рыба, отъ однихъ и тѣхъ же предковъ, въ единственно только въ томъ, истинно ли это мнѣніе. Если оно истинно, то мы скоро привыкнемъ къ нему. Ссылки на гордость или смиреніе человѣка, на научную смѣлость или религиозную кротость не имѣютъ здѣсь ровно никакого значенія“ (Чтенія о Дарвинѣ).

Въ этихъ двухъ главахъ я, кажется, съ достаточнou ясностью, хотя и въ очень общихъ чертахъ опредѣлилъ отношеніе Макса Мюллера къ теоріи развитія, и въ частности, къ дарвинизму. Онъ отступаетъ отъ дарвинистовъ, относится къ нимъ критически тамъ, гдѣ они, упуская изъ виду или легкомысленно игнорируя дѣйствительно

характеристическую черту человѣка — разумъ и языкъ, одинъ виѣшнія причины и переходъ формъ считаются достаточными для научнаго объясненія величайшей загадки и чуда вселенной. Противъ односторонности такого мнѣнія положительно высказался и Лазарь Гейгеръ въ слѣдующихъ словахъ: „Мы можемъ восстановить скелетъ и даже, можетъ быть, всю виѣшность исчезнувшаго вида животныхъ на основаніи геологическихъ находокъ; мы можемъ на основаніи остатковъ черепа получить общее понятіе о несовершенствѣ развитія первобытнаго человѣчества. Но едва ли на основаніи наблюденія можно составить какое-нибудь понятіе о томъ, какъ стала думать та голова, остатки которой сохранились въ Неандертальѣ въ видѣ загадки для будущаго времени“¹⁾.

„Къ счастію“, продолжаетъ этотъ гениальный мыслитель,—, и исторія духа имѣеть своего рода допотопные остатки, свои наслоенія и окаменѣлости, представляющія болѣе поучительныя объясненія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Тщательное изслѣдованіе ихъ поведетъ къ неожиданнымъ, можетъ быть, но тѣмъ не менѣе, и увѣренъ, къ надежнымъ результатамъ“.

Освѣщеніе необъятной бездны нашего прошедшаго, прошедшей жизни нашего духа, какъ онъ запечатлѣлся въ языкахъ и какъ можетъ быть вскрыть наукой,—это составляетъ жизненную задачу, высокую цѣль всѣхъ стремленій Макса Мюллера. Онъ самъ достаточно ясно говоритъ объ этомъ²⁾.

„Всакій человѣкъ составляетъ себѣ планъ жизни, всякий ученый долженъ принадлежать къ извѣстной арміи и имѣть планъ войны, которымъ онъ могъ бы руководиться при выборѣ своего движения. Я принадлежу къ тѣмъ, которые могутъ сказать вмѣстѣ съ Попомъ: „The proper study of mankind is man“³⁾), и когда я поставилъ себѣ вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть правильный, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе плодотворный методъ для изученія человѣка, то пришелъ къ убѣжденію, что чтобы узнать, что такое человѣкъ, должно прежде всего посмотрѣть и ясно опредѣлить, чѣмъ были человѣкъ и какъ онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь есть“.

¹⁾ Zur Entwicklungsgeschichte der Menschheit, S. 45.

²⁾ Ueber alte Zeiten und Menschen, Vortrag, S. 190.

³⁾ Предметъ, достойный для изученія человѣка, есть человѣкъ.

III.

Языкъ и разумъ.

Origin of species (происхождение видовъ)—вотъ то волшебное слово, которымъ Дарвинъ взволновалъ умы и раздулъ въ яркое пламя долгое время чутъ мерцавшій, и такъ сказать, тѣмъ подъ золою вопросъ о томъ, искони ли существовали такъ предметы, и особенно органическія существа, или они нѣкогда произошли, какимъ естественнымъ причинамъ обязаны они своимъ существованіемъ, своимъ происхождениемъ.

Этотъ вопросъ, послѣ того какъ перевели его на почву естественныхъ наукъ и попытались разрѣшить на основаніи огромнаго количества собранныхъ до сихъ поръ наблюдений, принесъ ту неоцѣнную выгоду, что философское мышеніе, дедуктивный методъ заступилъ мѣсто чистаго эмпиризма. Въ свою очередь и этотъ послѣдній, какъ реакція противъ оргій натурфилософіи, также имѣлъ свое высокое значение, потому что онъ, какъ совершенный методъ чувственного наблюденія, составляетъ необходимое, прочное основаніе всѣхъ естественныхъ наукъ.

То, что составляетъ сущность вида, какъ показываетъ самое название, есть видовое, то-есть, особенное. Особенное обособляется отъ общаго, становится болѣе самостоятельнымъ, специальнымъ, другими словами, приобрѣтаетъ свой характеръ, свою индивидуальность. Поэтому задача теоріи развитія состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи исторического изысканія все особенное, слѣдовательно—въ органическомъ мірѣ виды, возвести къ болѣе и болѣе общимъ формамъ бытія, прослѣдить ходъ развитія (на сколько это достижимо для ограниченнаго человѣческаго разума), начиная съ безконечнаго разнообразія даннаго и известнаго до первыхъ началь его. Послѣднєе цѣлью стремленій теоріи развитія должно быть достиженіе того момента, скрывающагося въ необъятной дали прошедшаго, когда наша планетная система, этотъ исполинскій паровой шаръ, впервые вышла изъ непробуднаго состоянія всеобщаго и единаго, и совершилось первое устройство, откуда потомъ пробудилась къ жизни воля въ безчисленномъ множествѣ индивидуальныхъ существъ для радостей и страданій временнаго существованія.

Этотъ необъятный процессъ происхожденія наполняетъ наше вооб-

ражение недоумѣніемъ и изумленіемъ, но при видѣ того, какъ все совершается опять спокойно и невозмутимо, нашъ разумъ, увѣренный въ неизмѣнной причинной связи, соединяющей всякий моментъ происхожденія и бытія съ непосредственно предшествующимъ и послѣдующимъ, невольно признаетъ, что все совершается по строгимъ, ненарушимымъ законамъ необходимости. Мы видимъ, что освѣщается мѣсто, заключающее священную мистерію нового рода, который, какъ привлекательный къ высшей свободѣ, сознанію и совершенству, занимаетъ исключительное мѣсто среди всей остальной природы, потому что съ появлениемъ его основывается царство сознательного духа и жизни, устроенной по сознательному выбору и предусмотрѣнію.

Этотъ новый родъ—человѣчество, а загорающійся свѣтъ, который означаетъ вступленіе его въ мірь,—разумъ. Противоположность между этимъ послѣднимъ и тѣмъ, чтѣ мы встрѣчаемъ аналогичнаго въ другихъ существахъ, столь рѣзка, что мы вскій разъ готовы виѣшнія выраженія послѣднаго рода называть на скорую руку естественнымъ стремленіемъ или инстинктомъ. Это, конечно, ничто иное какъ слово, подъ которымъ можно разумѣть все, что угодно, а можно и ничего не разумѣть.

Разумъ, духовная жизнь человѣка, составляетъ новый видъ, не имѣющій себѣ равнаго между всѣми существами природы. Объясненіе происхожденія этого особеннаго вида изъ естественныхъ, общихъ причинъ искони составляло величайшую, труднѣйшую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе интересную проблему, съ которой можно сравнить только вопросъ о происхожденіи органическихъ или живыхъ существъ.

Въ основѣ происхожденія и жизни разума должна лежать великий законъ постепенной индивидуализаціи и обособленія, который только и можетъ объяснить непрерывный ходъ мироваго развиція.

То, посредствомъ чего совершаются функции разума, посредствомъ чего образуется и въ чёмъ выражается его внутренняя органическая ткань, средство, при помощи которого онъ обнимаетъ вѣшній и внутренній міръ, составляютъ тѣ сокровенные сущности, которыхъ до сего времени были предметомъ изслѣдованія всякой здравой философіи. Онъ называются то платоновскимъ словомъ идеи, то понятия, а чаще всего conceptus или понятіями. Онъ составляютъ исключительную собственность человѣка,—никогда никакое животное не можетъ обладать ими. Поэтому новѣйшіе материалисты, говоря о „способности

животныхъ къ мышлению", обнаруживаютъ полное незнаніе сущности дѣла или презрительное злоупотребленіе словами.

Понятія становятся возможными только посредствомъ словъ. Зауѣль, слово есть внѣшняя сторона, тѣло мысли, разума. Это въ сущности единое, которое однако можетъ быть рассматриваемо съ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней, было еще нераздѣлимо въ понятіи Грековъ, такъ какъ они мышление и языкъ обозначали однимъ словомъ—λόγος.

Есть такія истины, которые на разныхъ ступеняхъ развитія не-посредственно сознаются наивнымъ мышлениемъ, но потомъ въ вѣкъ рефлексіи, вслѣдствіе одностороннаго направленія въ развитіи мышления, забываются, такъ что для возстановленія ихъ необходимъ большій усиленія ума. Къ числу такихъ истинъ принадлежитъ и та великая истина, что мышление возможно только при посредствѣ словъ, что безъ языка также невозможно мышление, какъ безъ мышленія невозможенъ языкъ.

Я сказалъ, что эта истина непосредственно сознается дѣтской мыслью первобытныхъ народовъ. Въ доказательство приведу живописное выраженіе Полинеазіцевъ, для которыхъ, по словамъ Фаррара (Farrar), мышление есть ничто иное, какъ „языкъ въ чревѣ” (то-есть, во внутреннемъ). Да и у божественнаго Платона Сократъ даетъ такое же опредѣленіе. „Что разумѣешь ты подъ мышлениемъ?” спрашиваетъ Теэтетъ¹⁾. Сократъ: „Разговоръ, который душа ведетъ сама съ собою относительно предметовъ своего наблюденія. Конечно, я сообщаю тебѣ, не зная этого. Вѣдь когда она мыслить, она дѣлаетъ, неѣ кажется, ничто иное, какъ разговариваетъ сама съ собою, спрашиваетъ самой себя и отвѣчаетъ, утверждаетъ и отрицаєтъ”.

Какимъ же образомъ забыта эта, инстинктивно сознававшаяся человѣчествомъ, истина? А произошло это отъ того, что въ вѣкъ рефлексіи и схематизма привыкли понятію или мысли, какъ внутреннему, духовному, противопоставлять слово, какъ звуковой образъ. Еще болѣе упрочилось это заблужденіе, благодаря тому представлѣнію, что понятія составляютъ prius, что они независимо отъ словъ существовали въ человѣческомъ духѣ, а слова суть только знаки, вѣнѣніе выраженіе тѣхъ самостоятельныхъ сущностей. „Философы издавна разошлись съ истиной, отъ того что раздѣлили то, что соединила природа, и наоборотъ”, говорить Гаманъ.

¹⁾ Platon, Theaitet, cap. 32.

„Понятие причины“, говорить Гете,— „служить источникомъ безконечного заблуждения“. Если поближе всмотреться въ это изреченіе, то легко понять, что оно имѣтъ приложеніе ко всѣмъ основнымъ заблужденіямъ, въ которыхъ воть уже тысячелѣтія, какъ запутался человѣческій умъ, и отъ которыхъ онъ освободится не прежде, чѣмъ узнаетъ глубокій метафизической источникъ ихъ. „Тѣло есть причина духа“, со временемъ Демокрита и Эпикура повторяютъ на вѣру всѣ материалисты; не могутъ понять того, что причинное отношеніе можетъ существовать только между одинаковыми *qualia*, но никоимъ образомъ непримѣнно къ нераздѣльно-единому. „Духъ есть причина тѣла“, говорить со временемъ Платона всѣ идеалисты, и имъ не остается иного выбора, какъ или признать міръ за фантасму, за созданіе ихъ воображенія, или для устраненія пропасти между тѣломъ и духомъ придумывать такие смѣлые фокусы, какъ *concursus divinus* или предустановленная гармонія. Напротивъ, монизмъ Спинозы, критика разума Канта и теорія воли Шопенгауера заключаютъ въ себѣ слово освобожденія, потому что для этихъ могучихъ мыслителей въ ихъ метафизическіхъ предположеніяхъ міръ и познаніе его служили предметомъ изученія.

Если одну сторону венцей взять исходнымъ пунктомъ и изъ нея выводить другую, то запутаемъ въ неразрѣшимыя противорѣчія, *circulus vitiosus* тутъ неизбѣженъ. Съ такимъ противорѣчіемъ встрѣчаемся мы и при объясненіи важнейшей, истинно человѣческой способности человѣка. Въ безконечномъ круговоротѣ вертится колесо Иисуса, когда говорить или: „разумъ, потомъ языкъ“, или: „языкъ, потомъ разумъ“. Та истина, что *ratio et oratio* составляютъ одну сущность, что они различаются только потому, съ какой точки зрѣнія рассматривается это единое, разумѣется ли внутренняя, духовная, или вѣйшая тѣлесная сторона его, эта истина, какъ бы опредѣленно и убѣдительно ни высказывали ее знаменитѣшіе мыслители послѣднаго пятидесятилѣтія, не успѣла еще укорениться въ умахъ даже тѣхъ, кто специально посвятилъ себя рѣшенію великой проблемы человѣческаго духа, не говоря уже объ обыкновенныхъ образованныхъ людяхъ.

Самый могущественный защитникъ этой истины является Максъ Мюллеръ. Какъ никогда великий ученикъ Спинозы, Гете въ простыхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе или недоразумѣніе словахъ высказалъ основное положеніе монизма: „Нѣтъ духа безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ духа“, столь же опредѣленно и ясно говорить и

Максъ Мюллеръ¹⁾: „Without speech no reason, without reason no speech (нетъ языка безъ разума, нетъ разума безъ языка). Интересно видѣть, съ какими усилиями многие мыслители соглашаются допустить это положеніе и стараются избѣжать такого вывода, а все отъ вліянія того же языка, который въ большей части новѣйшихъ идомовъ произвелъ два слова, одно—для языка другое—для разума, и потому говорящій на одномъ изъ этихъ языковъ приходитъ къ тому заключенію, что между ними есть существенное различіе, а не формальная только разница”.

Далѣе, по поводу остроумныхъ замѣчаній Локка (который, кажется, первый до Гердера обратилъ внимание на неразрывную связь между языкомъ и мышленіемъ и потому въ видѣ вспомогательного средства для разума желая серьезнаго критического разбора словъ, чтобы не пониманіемъ известныхъ выражений не вводились въ заблужденіе какъ слушатели, такъ и самъ говорящій) М. Мюллеръ говорить: „Во всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ, безъ всякаго сомнѣнія, много правды, но говори строго, также невозможно употреблять слова безъ мыслей, какъ и думать безъ словъ. Даже тѣ, кто на вѣтеръ болтастъ о религії со всѣми и т. п. вещахъ, все-таки имѣютъ хотя смутныя представленія о значеніи тѣхъ словъ, которымъ произноситься, и еслибы они перестали съ произносимыми словами соединять какія-либо понятія, какъ бы ни были не совершенны и ложны эти послѣднія, мы не могли бы сказать о нихъ, что они говорятъ,—въ такомъ случаѣ они только производили бы шумъ. Это положеніе имѣетъ мѣсто и на оборотъ. Безъ языка можно видѣть, ощущать, удивляться вещамъ, но ни на одинъ мигъ не могутъ безъ языка осуществиться даже такія простыя, представленія, какъ бѣлый или черный”.

Вся неясность и запутанность, вся бесконечные споры о томъ, можно ли животнымъ, не говорящимъ дѣтамъ, необразованнымъ гуменѣймъ приписать разумъ и способность мышленія, суть только споры о словахъ и происходить отъ того, что съ этими словами не соединяются опредѣленного, яснаго, ини соотвѣтствующаго содержанія, а употребляются ихъ въ общемъ, туманно-неопредѣленномъ смыслѣ, „Дитя, прежде чѣмъ выучится говорить, также хорошо знать различіе между сладкимъ и горькимъ, какъ впослѣдствіи (когда начнетъ говорить) знать, что полынь и сахаръ не одно и то же. Дитя воспринимаетъ ощущеніе сладости, радуется ему, воспоминаетъ о

¹⁾ Lectures on the Science of language, II, p. 73.

немъ, желаетъ его повторенія; но оно не знаетъ, что такое сладость, оно погружено въ свои ощущенія, въ свои радости и воспоминанія, оно не можетъ смотрѣть на нихъ со-внѣ¹⁾, оно не можетъ судить, не можетъ говорить о нихъ²⁾.

Согласно сть этимъ говорить и Лазарь Гейгеръ³⁾: „Какимъ образомъ происходитъ, напримѣръ, понятіе красный? Видѣть, что кровь красна, а молоко бѣло, не трудно. Но абстрагировать красноту крови отъ общаго впечатлѣнія, въ красной ягодѣ найти то же самое понятіе, сопоставить по одному этому признаку, при различіи въ другихъ отношеніяхъ, красную ягоду съ красной кровью, бѣлое молоко съ бѣлымъ сѣтѣгомъ — это нѣчто совершенно другое, этого не дѣлаетъ ни одно животное, потому что въ этомъ-то и состоитъ мышленіе.“

Такимъ образомъ мы приходимъ къ парадоксальному, по видимому, положенію. Такъ называемыи общія понятія суть нѣчто особенное, нѣчто исключительно свойственное человѣческому разуму; они обнимаютъ и заключаютъ весь міръ, по скольку онъ входитъ въ предѣлы познавательной способности человѣка; но они могутъ осуществиться только при посредствѣ своихъ тѣлесныхъ эквивалентовъ, осмыслиенныхъ звуковъ или словъ. Языкъ не одежда только, но тѣло разума. *Without speech no reason, without reason no speech* (нѣть языка безъ разума, нѣть разума безъ языка).

На трудно поэтому понять, отъ чего до сихъ поръ не удавались всѣ попытки объяснить человѣческий разумъ, построить удовлетворительную психологическую систему или теорію познанія. Причина этого въ томъ, что человѣческий разумъ понимали какъ абсолютное, не подлежащее дальнѣйшему объясненію, не старались искать желанного объясненія въ его исторіи, въ его прошедшемъ. А между тѣмъ сравнительное языкознаніе, которое есть ничто иное, какъ изученіе исторіи этого самого разума, представляетъ драгоценное средство для достижения страстью желанной цѣли. Вырайте какое угодно животное изъ непрерывнаго ряда живыхъ существъ, попробуйте раз-

¹⁾ Эту мысль я высказалъ въ слѣдующихъ словахъ: «Языкъ даетъ человѣку точку зрения въ вѣшней и на вещи». Полное обоснованіе еї можно найти въ моемъ сочиненіи: *Einführung und Begründung der monistischen Erkenntnisstheorie*, S. 9577.

²⁾ Max Müller, I, c., S. 77.

³⁾ H. Geiger, Ursprung der Sprache, S. 110.

сматривать его само въ себѣ—оно останется для вѣчною загадкой. А какъ членъ постепенного ряда развитія, оно можетъ быть объяснено на основаніи всего, что ему предшествовало, на основаніи безконечно далекаго прошедшаго.

Такимъ образомъ то, что Дарвинъ сдѣлалъ для организмовъ, должно перейти на тѣ органические образы, которые мы называемъ человѣческими понятіями, концепціями разума или словами. Дѣло идетъ, следовательно, о новомъ *Origin of species*. Всякое понятіе, великое слово, появляющееся съ ходомъ развитія, есть нечто новое, особенное, болѣе специальное и индивидуальное; оно никогда не можетъ быть понято само въ себѣ, какъ происшедшее изъ ничего чрезъ *generatio aequivoса*. Какъ новый элементъ разума, происшедший въ непрерывной послѣдовательности изъ прежнихъ элементовъ, оно возвышается, поднимается и обогащается ту духовную силу, которую мы называемъ разумомъ, а какъ принципъ объясненія, какъ знакъ и памятникъ роста этого разума, оно несмѣлько освѣщаетъ густой покровъ тайны, скрывающей его. Углубляясь такимъ путемъ въ прошедшее, мы будемъ получать все болѣе и болѣе простые элементы, пока наконецъ при помощи изученія языка въ соединеніи съ дедуктивнымъ, философскимъ мышеніемъ не достигнемъ той узкой области, где нѣтъ болѣе мышленія и языка, и где поэтому должно искать колыбели и происхожденія разума.

Поэтому этимологія или изслѣдованіе корней, наука, основанная и прекрасно вовѣданныя нѣмецкимъ трудолюбіемъ, составляющая гордость и радость нашего столѣтія, совершенно, по видимому, чуддаго идеальныхъ стремленій, можетъ теперь объщать намъ въ высшей степени важныя и изумительныя объясненія относительно нашего собственнаго существа, нашей доисторической жизни и того пути, какимъ человѣческий духъ достигъ теперешней силы, ясности и совершенства.

Языкъ представляетъ собою чудное зеркало прошедшой жизни нашего рода, его вѣшникъ состояній и приключеній; наука о языке простираетъ свои лучи и въ ту непроглядную тьму первобытныхъ временъ, откуда не доходить до насъ никакого другаго свидѣтельства. Въ этомъ отношеніи достойною ея сестрой является палеантропология, наука о доисторическомъ человѣкѣ, потому что мысль человѣческая запечатлѣвается на жилищахъ, орудіяхъ, оружіи, утвари—во всемъ этомъ проявляется она и до сихъ поръ говорить о себѣ разумному, воспріимчивому чувству изслѣдователя. Но болѣе ясна,

гораздо болѣе важныя свѣдѣнія сохраняются въ словахъ, этихъ *vestiges of language* (следахъ языка), потому что они простираются туда, гдѣ обрывается и нить доисторического изслѣдованія, гдѣ человѣкъ жилъ безъ орудій, безъ огня, безо всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя мы привыкли считать необходимыми атрибутами человѣчества.

„Высокое наслажденіе“, говоритъ Максъ Мюллеръ¹⁾,—,заключается въ наблюденіи различныхъ измѣненій словъ по формѣ и значенію, въ то время какъ они по течевію Ганга или Тибра изливались въ великий океанъ человѣческихъ языковъ. Въ VIII столѣтіи до Р. Х. латинское нарѣчіе ограничивалось еще незначительною областью. Оно было только однимъ изъ множества тѣхъ нарѣчій, которыми говорили въ различныхъ частяхъ Италии. Но оно мощно выросло, оно сдѣлалось языкомъ Римлянъ и Рима... Оно стало языкомъ правосудія и администраціи въ цивилизованныхъ частяхъ сѣверной Африки и Азіи, а провозвѣстниками христіанства было распространено и въ отдалѣнѣйшихъ странахъ вселенной. Въ своемъ побѣдномъ шествіи оно вытѣснило туземныя нарѣчія Галліи, Испаніи, Португаліи; послѣ тщетной попытки уничтожить живучіе идиомы Германскихъ племенъ оно осѣло на поверхности ихъ толстымъ слоемъ иностранныхъ словъ и такимъ образомъ составило большую половину словаря почти всѣхъ цивилизованныхъ народовъ мира. Слова, которые первоначально раздавались въ устахъ италійскихъ пастуховъ, употребляются теперь англійскими государственными людьми, французскими поэтами, нѣмецкими философами, а отдаленное эхо того пастушескаго языка можно слышать въ Вашингтонскомъ сенатѣ, въ Калькуттскомъ соборѣ, на ново-зеландскихъ поселеніяхъ.

„Такимъ образомъ мы узнаемъ, какъ въ языкахъ отражается история народовъ, и какъ почти каждое слово, надлежащимъ образомъ анализированное, можетъ намъ разказать о многоразличныхъ превратностяхъ, какія испытalo оно на своемъ пути изъ Средней Азіи въ Индію или въ Персію, въ Малую Азію, Грецію, Италію, Россію, Германію, Галлію, Британскіе острова, Америку и Ново-Зеландію,— о превратностяхъ по истинѣ изумительныхъ, которыя среди этихъ странствій по вселенной, можетъ быть, опять приведутъ его въ Индію и долины Гималаевъ, откуда вышло оно тысячи лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторыя слова такимъ образомъ обошли весь свѣтъ и еще, можетъ

¹⁾ Lectures, II, p. 274.

быть, не разъ обойдуть его. Хотя при такомъ распространеніи слово измѣняется по формѣ и значенію, такъ что не остается ни одной буквы прежней, а значеніе становится прямо противоположнымъ первоначальному, замѣтительно однако же, что съ началомъ міра къ существеннымъ элементамъ языка также мало присоединилось новаго, какъ и къ существеннымъ элементамъ природы. Въ языкѣ происходитъ постоянная смѣна—появленіе и исчезновеніе словъ, но никто не можетъ изобрѣсти совершенно новаго слова. Въ сущности мы говоримъ тѣмъ же языккомъ, какимъ говорили родоначальники нашего племени. Руководимые научной этимологіей, мы можемъ пройти отъ столѣтія къ столѣтію чрезъ самые темные періоды всемирной исторіи, пока потокъ языка, по которому мы сами плывемъ, не приведетъ насъ къ тѣмъ отдаленнымъ странамъ, гдѣ мы какъ будто чувствуемъ присутствіе самыхъ отдаленныхъ своихъ предковъ и какъ будто слышимъ голоса землерожденныхъ сыновъ Ману¹⁾.

Но въ языкѣ, въ тщательно разбираемыхъ и разслѣдуемыхъ науками шахтахъ его не одна только история вицѣнтия міра, матеріального, такъ сказать, состоянія человѣчества въ первобытную эпоху—гораздо важнѣе онъ для насъ какъ зеркало, какъ памятникъ ощущеній, мыслей, чувствованій давно исчезнувшаго времени. Въ этомъ отношеніи языкознаніе стоить совершенно отдѣльно отъ другихъ наукъ, не нуждается въ помощи никакой другой науки и ни одной изъ нихъ не можетъ уступить этого, исключительно ей принадлежащаго дѣла.

Исторія языка, какъ уже прежде замѣтилъ я,—есть исторія развитія самого человѣческаго разума. Въ виду этого мы въ правѣ ожидать отъ языкознанія драгоценныхъ объясненій относительно прошлой жизни разума, а вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденія отъ многихъ заблужденій и страданій, въ которыхъ вовлечено человѣчество, благодаря путаницѣ въ словахъ и неясности мысли при употребленіи ихъ. Предоставимъ опять говорить Максу Мюллеру²⁾:

„Еслибы кто пожелалъ изслѣдоватъ, какое влияніе производить слова, простыя слова на человѣческій умъ, тогдъ могъ бы написать исторію міра болѣе поучительную, чѣмъ какая-либо изъ существующихъ у насъ.

„Я говорю вдѣсь не о томъ очевидномъ злоупотребленіи языка,

¹⁾ Lectures, II, p. 286.

²⁾ Lectures, II, p. 573.

когда писатели вместо того, чтобы дать созрѣть своимъ мыслямъ и потомъ расположить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, поражаютъ вѣсль напыщенностью тяжелыхъ, двусмысленныхъ, загадочныхъ выражений и фразъ, которыхъ, если не другими, то по крайней мѣрѣ ими самими считаются признакомъ глубокой учености и высшимъ выражениемъ философской мысли. Это святилище невѣжества и тщеславія уже значительно утратило свой блескъ, и тѣ мыслители или ученые, которые не могутъ выразить того, что хотятъ сказать, логически правильно и понятно, въ настоящее время мало имѣютъ надежды прослыть хранителями таинственныхъ сокровищъ мудрости. *Si non vis intelligi, debes negligi.* Я напротивъ имѣю въ виду такія слова, которыхъ всѣми употребляются, и по видимому, такъ ясны и понятны, что требование подвергнуть ихъ изслѣдованию можетъ показаться изъ-котораго рода дерзостью. Интересно однакожъ наблюдать, какъ измѣнчиво значеніе словъ, какъ оно мѣняется съ каждымъ столѣтіемъ и какъ даже въ устахъ почти всякаго говорящаго получаетъ особый, хотя бы и слабый оттѣнокъ. Такія слова, какъ природа, законъ, свобода, необходимость, тѣло, субстанція, матерія, церковь, государство, откровеніе, вдохновеніе, знаніе, вѣра, то и дѣло раздаются при спорахъ, какъ будто каждый знаетъ и употребляетъ ихъ въ томъ же смыслѣ, какъ и другой. А между тѣмъ большинство, услышавъ эти выражения въ дѣствїй, первоначально соединяетъ съ ними самыи неопределенные понятія, потомъ время отъ времени присоединяетъ ичто новое къ ихъ содержанію, даже исправляетъ, можетъ быть, случайно изъкоторыхъ ошибки, но никогда не старается образовать изъ нихъ, такъ сказать, прочаго капитала, никогда не изслѣдуетъ исторически эти выраженія, съ которыми такъ свободно обращается, никогда прочно не усвоиваетъ ихъ значенія со стороны содержанія и объема въ смыслѣ логического опредѣленія. Часто говорять, что большинство споровъ вѣршится на словахъ. Это совершенно справедливо, и имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Споры о словахъ вовсе не то, за что ихъ иногда считаютъ,—не ничтожны, формальны, вицѣнія или случайны недоразумѣнія, которыхъ можно устранить поясненіемъ или ссылкой на словарь Джонсона. Споры эти происходить отъ болѣе или менѣе совершенного, полнаго и правильнаго пониманія присущаго словамъ внутреннаго содержанія: не языка только, но и умъ встрѣчаетъ постоянно новыя затрудненія.

„Здѣсь для языковѣда“, продолжаетъ Максъ Мюллерь¹⁾, послѣ множества весьма удачныхъ примѣровъ того, въ какія странныя самозаблужденія былъ вовлеченъ человѣческій умъ, благодаря собственнымъ же своимъ созданіямъ, словамъ,— „открывается обширное поле дѣятельности. Его дѣло и обязанность—доискаться первоначального значенія каждого слова, прослѣдить его исторію, его измѣненія по формѣ и значенію въ философскихъ школахъ или на рынкѣ и въ судѣ. Онъ долженъ показать, какимъ образомъ часто подъ однимъ словомъ разумѣются различные понятія, или какъ одно и то же понятіе обозначается различными словами.... Исторія такихъ словъ, какъ знать и вѣрить, конечное и безконечное, дѣйствительное и необходиное, могла бы болѣе, чѣмъ что-либо другое, содѣйствовать очищению философской атмосферы“.

Только историческая критика словъ можетъ дать намъ средства для эмпирическаго изслѣдованія разума. Эту задачу языкознанія ясно созналъ и высказалъ Максъ Мюллерь; такой именно смыслъ имѣть глубокомысленное, до сихъ поръ мало оцѣненное положеніе его: „Вся будущая философія будетъ исключительно философіей языка“.

Всикакая великая истинна, созрѣвшая въ сознаніи извѣстнаго времени, хотя первоначально съ полною ясностью сознается одною гениальною головой, въ первый разъ высказывается съ силой убѣжденія однимъ краснорѣчивымъ, пылающимъ любовью къ истинѣ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе появляется не вдругъ, какъ создание изъ ничего. Нерѣдко бываетъ, что два родственныхъ мыслителя, не зная другъ о другѣ, одновременно высказываютъ одну и ту же мысль. Исторія наукъ указываетъ намъ не одинъ примѣръ такого рода, начиная со спора о первенствѣ Ньютона или Лейбница до объясненія гіероглифовъ, съ открытия кислорода до формулированія принципа сохраненія силы, который въ послѣднее время надѣжалъ столько шуму и теперь совершенно справедливо носитъ имя скромнаго великаго мыслителя Роберта Майера. Подобнымъ же образомъ и нѣсколько разъ упомянутый нами Лазарь Гейгеръ независимо отъ Макса Мюллера ясно высказалъ рѣшительное слово всей будущей философіи — „эмпирическое изслѣдованіе разума посредствомъ критики языка“, ясно и твердо намѣтившисъ въ своихъ глубокомысленныхъ трудахъ основныя линіи будущаго зданія.

Но эта мысль имѣть и предшественниковъ: болѣе или менѣе

¹⁾ Lectures, II, p. 621.

сно просвѣчиваетъ она въ специальныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, пока наконецъ не прорывается подобно грозѣ и не очищаетъ атмосферы отъ удушливыхъ паровъ тысячелѣтнихъ заблужденій и предубѣждений. Въ числѣ провозвѣстниковъ мюллера-гейтеровской теоріи должно прежде всего назвать знаменитаго, къ сожалѣнію, едва замѣченаго современниками (такъ какъ шеллинго-гегелевская фразеологія всесѣло господствовала тогда надъ умами и подавляла всякую здоровую мысль) и еще менѣе одѣненнаго ими Теодора Вайтца. Въ доказательство того, что идея историческаго развитія мышленія и разума ясно тознавалась имъ, достаточно будетъ привести нѣкоторыя мысли изъ его сочиненій:

„Согласно съ Кантомъ“¹⁾, говорить онъ¹⁾,— „задачу философіи я полагаю въ томъ, чтобы установить такую науку, которая составляетъ основаніе всякаго знанія и объясняетъ послѣдующее изъ предыдущаго А до того времени всякую теорію я считаю безплоднымъ умствованіемъ.“

„Ни критика, ни еще менѣе построеніе, ни соединеніе того и другаго не можетъ привести къ желанной цѣли: исполнить это можетъ только исторія развитія духовной жизни.“

„Я старался основать психологію на несомнѣнныхъ физіологическихъ фактахъ, чтобы на будущее время она, а съ нею и вся философія, была независима отъ споровъ философскихъ школъ, которые вершатся на неопределенныхъ общихъ понятіяхъ. Объ этихъ понятіяхъ очень легко спорить, потому что подъ ними каждый можетъ разумѣть нечто иное, чѣмъ другой, пока исторія предшествующаго развитія не установить яснаго различія между правильно и неправильно образованными понятіями. Всякая теорія, не основывающаяся непосредственно на опыте, всегда будетъ и останется предметомъ спора“.

Еще яснѣе высказался Вайтцъ въ своихъ лекціяхъ по психологіи: „Вопреки другимъ философскимъ наукамъ психологія имѣеть дѣло съ обоснованіемъ, потому что наши понятія имѣютъ одну общую исторію образованія, отъ которой вполнѣ и всесѣло зависить ихъ содержание. Научными становятся понятія только послѣ того какъ будетъ доказано, что они не индивидуальные и потому случайные образы — продукты безсознательного процесса, необходимые

¹⁾ Grundlegung der Psychologie. Vorwort.

результаты развитія, совершающагося по тѣмъ общепризнаннымъ законамъ, которымъ повсюду и всецѣло подчиняется развитіе духовной жизни".

Такимъ образомъ Вайтцъ сознавалъ, что должно сдѣлать,—не зналъ онъ только, какъ, какимъ средствомъ можно достигнуть цѣли. Съ неутомимо дѣятельною энергией обратился онъ сначала къ общей, потомъ къ сравнительной психологіи, и наконецъ, къ антропологіи, въ области которой и создалъ колоссальное, составившее эпоху сочинение: *Die Anthropologie der Naturvölker*. Онъ и не подозрѣвалъ другаго, гораздо болѣе богатаго, чистаго и плодотворнаго источника, изъ котораго должна почерпать свои данные исторія развитія человѣческаго разума. Честь открытія этого источника принадлежитъ Максу Мюллеру и Лазарю Гейгеру.

(Окончаніе следуетъ).

ЛЕГЕНДЫ О ВЪЧНОМЪ ЖИДѢ И ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ ТРАЯНѢ.

Gaston Paris, *Le Juif Errant*. Paris. 1880 (Extrait de l'Encyclopédie des sciences Religieuses).

— *La légende de Trajan*. Paris. 1878.

Обыкновенно полагаютъ, что легенда о Вѣчномъ Жидѣ была распространена въ Европѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, и эта мнимая древность давала поводъ искать въ ней глубокое, мистическое содержаніе. На самомъ дѣлѣ она не встрѣтилась пока ни въ греческихъ, ни въ славянскихъ апокрифахъ, ни въ преданіяхъ восточнаго христіанства, ни въ легендахъ латинского запада. Популярность Вѣчнаго Жида ограничена Германіей, скандинавскимъ сѣверомъ, Нидерландами и Франціей, но и здѣсь она сравнительно недавнаго происхожденія и распространилась путемъ не устнаго, а литературнаго преданія. Таковы отрицательные результаты изслѣдованія Г. Париса,веденаго съ его обычною трезвостью и отличающимъ его критическимъ тактомъ. Съ точки зрѣнія нашихъ поэтическихъ привычекъ, эти результаты являются отрезвляющими: мы такъ привыкли къ Гетеевскому Фаусту и къ Агасверу современныхъ поэтическихъ воспроизведеній средневѣковой легенды, что невольно переносимъ наше пониманіе на ея начала, бѣдныя поэзіей, еще болѣе бѣдныя философской идеей.

Г. Парисъ прослѣдилъ исторію легенды отъ ея первого проявленія до той формы, какую она получила въ началѣ XVII вѣка въ Германіи, когда за героемъ ея упрочилось, въ числѣ другихъ, имя Агасвера, и онъ представился неутомимымъ, безконечнымъ странни-

комъ, не знающимъ покоя. Что это роковое бужданіе явилось не-вымъ поэтическимъ элементомъ легенды — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, какъ и въ томъ, что первичная легенда о томъ ничего не знала. Г. Парисъ предполагаетъ, съ большой вѣроятностью, что эта первичная легенда могла принадлежать къ разряду тѣхъ апокрифическихъ, которыхъ по-своему доказывали тотъ или другой эпизодъ евангельской исторіи, почему бы то ни было возбудившій вниманіе и дѣятельность фантазіи. Такъ создались средневѣковые разказы объ Иудѣ и Пилатѣ, объ Іосифѣ Аримаѣскому и Вероникѣ, наконецъ, о Малхѣ, которому апостолъ Петръ отсѣкъ ухо, и которого излѣчилъ Спаситель. Во всѣхъ французскихъ мистеріяхъ, говорить Г. Парисъ, — Малхъ представляется принимающимъ участіе въ мученіяхъ Христа, забывъ оказанныя ему благодѣянія¹⁾; въ отрывкѣ французского *Fiegravras*, приведенномъ у того же изслѣдователя, Малхъ очутился Маркомъ: онъ первый поставилъ Христа къ столбу, у которого Его бичевали, забывъ, что Христосъ исцѣлилъ его отъ проказы. Оттого, будто бы, проказа и стала неисцѣлимой.

Этотъ разказъ переводить насъ къ итальянскимъ преданіямъ о Малхѣ или Маркѣ, распространеннымъ въ Венеціи, Неаполѣ, Сициліи, гдѣ его имя стало даже нарицательнымъ: *Havi 'na faccia di lu Judeu Marcu* (у него лицо, что у Ерея Малха). По преданію, онъ былъ изъ числа тѣхъ, что бичевали Христа; когда Христа вели въ домъ Пилата, онъ ударилъ Спасителя по ланитѣ желѣзною рукавицей. За то онъ осужденъ пребывать въ подземномъ склепѣ и вѣчно, безъ устали, ходить вокругъ столба: вѣроятно, того столба, къ которому привязанъ былъ Христосъ, замѣчаетъ Г. Парисъ. Говорятъ, что отъ его непрестанного хожденія полъ такъ осѣлся, что столбъ кажется выше прежняго; а ходить Малхъ непрестанно съ той поры, какъ пострадалъ Спаситель, и будетъ ходить до страшнаго суда, и бѣться головой о стѣну и топчетъ ногами и жалуется, а умереть не можетъ.

Ту же или сходную легенду, только съ измѣненіями, рассказалъ въ 1228 году какой-то армянскій архіепископъ Матвѣю Парижскому; его спросили „объ Іосифѣ, имя которого часто поминается въ людской бесѣдѣ, который присутствовалъ при страданіяхъ Спасителя, говориль съ нимъ, и до сихъ поръ живеть, во свидѣтельство истины нашей

¹⁾) См. палача Малха въ нѣмеckихъ пересказахъ житія св. Маргариты.

вѣры". Архієпископъ увѣрилъ, что знаетъ лично Іосифа, который незадолго передъ его отъездомъ раздѣлилъ съ нимъ трапезу; о немъ онъ сообщилъ слѣдующее: во время суда надъ Христомъ, Іосифъ, называвшійся тогда Картафиломъ, былъ привратникомъ преторіи Пилата; когда Евреи влекли осужденнаго ими Спасителя мимо вратъ преторіи, Картафиль ударилъ Его въ спину и сказалъ съ презрительной усмѣшкой: „Иди же скорѣе, Іисусъ! что Ты такъ медлишь?" — Христосъ посмотрѣлъ на него строго: „Я иду", возразилъ Онъ, — „а ты будешь ждать Моего возвращенія". И Картафиль ждеть до сихъ поръ пришествія Христова; ему было около тридцати лѣтъ при смерти Спасителя: всякий разъ, какъ ему минеть сто лѣтъ, на него нападаетъ немощь, кажущаяся немалѣчимою, онъ впадаетъ въ какое-то изступленіе, но затѣмъ снова становится здоровъ и молодъ, какимъ былъ въ пору крестной смерти. Его крестилъ Аナンія, чтѣ крестилъ и апостола Павла, и въ крещеніи онъ нареченъ Іосифомъ. Обыкновенное его пребываніе въ двухъ Арmenіяхъ и въ другихъ странахъ Востока; онъ живеть въ сообществѣ епископовъ и духовныхъ лицъ, ведеть святую жизнь, говорить мало и обдуманно и лишь отвѣчая на вопросы: тогда онъ разказываетъ о быломъ, объ обстоятельствахъ смерти Спасителя, разказываетъ серьезно и проливая слезы. Вся его надежда на то, что согрѣшилъ онъ по невѣдѣнію.

Таковъ разказъ армянского архієпископа, сохранившійся въ двухъ вариантахъ, мало различающихся одинъ отъ другаго. Вниманіе останавливается название: Картафил-Іосифа. Г. Парисъ признается объясненіе: Картафиль = *карта філос*, то-есть, много-любимый. Апостолъ Іоанъ былъ „много-любимымъ" ученикомъ Спасителя, и онъ сложилось преданіе, что онъ не умеръ. Поводомъ къ тому было толкованіе нѣкоторыхъ евангельскихъ изречений (Іоанн. XXI, 22; Матв. XVI, 28; Лука IX, 27; Маркъ IX, 1), понятыхъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые изъ свидѣтелей земной жизни Спасителя были чудеснымъ образомъ избавлены отъ смертной доли. „Эту участъ представляли себѣ то наградой, то наказаніемъ, вотъ почему ее приписывали то любимому ученику Спасителя, которому, полагали, она ясно была предсказана, то наоборотъ, человѣку, особенно провинившемуся передъ Христомъ", — на котораго, добавимъ мы, было перенесено имя „много-любимаго"? Это поднимаетъ вопросъ о мѣстности, где состоялось перенесеніе, и гдѣ, надо полагать, реальное значеніе имени было непонятно — иначе трудно представить себѣ саму возможность такого перенесенія. Очевидно, что совершилось оно не на западно-европей-

ской почвѣ, гдѣ легенда съ именемъ Картафилы впервые стала извѣстна въ разказѣ армянского архіепископа. Если Матвій какъ будто обличаетъ болѣе раннее знакомство съ нею, то это не болѣе какъ хвастовство человѣка, желавшаго прикрыть этимъ заявленіемъ свое незнаніе — tolkueytъ Г. Парисъ. Слова хроникера вызываютъ, впрочемъ, и другія соображенія: „Спросили его (то-есть, архіепископа) о томъ Іосифѣ, имя которого такъ часто слышится въ людской бесѣдѣ“ Разумѣется—Іосифъ Картафиль, и Г. Парисъ подсказываетъ, что, быть можетъ, древная легенда объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, чудесно сохранившимъ въ темницѣ, куда посадили его Евреи, была однимъ изъ элементовъ, изъ которыхъ сложился типъ Іосифа-Картафилы. Двойное объясненіе представляется мнѣ возможнымъ: либо Матвій, знаяшій Іосифа Аримаѣйскаго по апокрифу—и по романамъ о св. Граѣ—сблизилъ его имя съ Картафиломъ армянской легенды, что объяснило бы и двоякое наименование его, и увѣренность, что именно „того Іосифа“ онъ зналъ и раньше; либо имя Іосифа находилось уже въ разказѣ армянского архіепископа. Если допустить послѣднєе, и совмѣстно, вліяніе легенды объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ, то сближеніе совершилось уже на Востокѣ, и можетъ быть, на другихъ основаніяхъ, тѣмъ какія предположены были выше: Іосифъ Аримаѣйскій „многолюбимый“ (если держаться этимологіи: *картафілос*), сохраненный въ темницѣ, какъ свидѣтель Христова Воскресенія, могъ быть смѣшанъ съ другимъ Іосифомъ, преступившимся передъ Спасителемъ и также сохраненнымъ — но съ цѣлью кары. Я ставлю это пока—какъ гипотезу. Разказъ армянского архіепископа, говорить Г. Парисъ,—въ теченіе долгаго времени оставался мертвою буквой на страницахъ Матвія Парижскаго и Филиппа Мускэ, сохранившаго другой его изводъ; въ средніе вѣка онъ не былъ популярнъ, его не знаютъ ни мистеріи, ни проповѣдники, ни поэты. Лишь въ началѣ XVII вѣка память о Вѣчномъ Жидѣ обновляется и на этотъ разъ получаетъ широкое распространеніе—въ нѣмецкой книгѣ объ Агасверѣ. Авторъ ея воспользовался данными Матвія Парижскаго, но имя Картафилы-Іосифа замѣнилъ другимъ. Въ XVII же вѣкѣ записана была венецианская легенда, сходная по типу съ извѣстной намъ о Малкѣ, но съ именемъ Іосифа и мѣстомъ дѣйствія въ Іерусалимѣ: тамъ онъ живетъ въ крипѣ и только то и дѣлаетъ, что бьется о стѣну и бьеть себѣ въ грудь. Принадлежитъ ли здѣсь имя Іосифа вліянію редакціи Матвія Парижскаго (первое изданіе его *Historia Major* относится къ 1571 г.)? Г. Парисъ склоняется въ пользу этого мнѣнія, не допуская, чтобы

венеціанская легенда объ Іосифѣ, пом'щенномъ въ подземной криптѣ, была дѣйствительно восточного происхожденія? Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, что нѣть болѣе древнихъ упоминаній о ней?

Отвѣта на эти вопросы можно ожидать отъ болѣе пристальнаго изученія памятниковъ отреченной литературы. Пока приведемъ одно интересное малорусское повѣрье—о лунѣ. Въ продолженіе четырехъ недѣль луна перерождается, съ нею вмѣстѣ перерождаются и Жиды, которые распили Спасителя и стояли на стражѣ у гроба Господня въ Іерусалимѣ. Жиды эти и до настоящаго времени стоять въ томъ же положеніи и на вопросы проходящихъ: „Колы ты вродыvса“,—отвѣчаютъ: „вчора“; „Колы ты умрешь“, отвѣчаютъ: „завтра“¹⁾. Какъ видно—это народное усвоеніе легенды о Малхѣ-Іосифѣ-Картафилѣ: нѣть безконечнаго блужданія, какъ въ позднѣйшемъ разказѣ объ Агасверѣ; Жиды стоять на стражѣ у гроба Господня, какъ Малхѣ въ подземельѣ и Іосифѣ венеціанского сказанія въ Іерусалимской криптѣ. Какъ Картафиль не можетъ умереть, а болѣеть каждыя сто лѣтъ, чтобы возродиться—снова, такъ съ каждымъ луннымъ мѣсяцемъ возрождаются и Жиды. Фазы луны объяснялись ея обираніями, за которыми слѣдовала вереница безконечныхъ возрожденій и обмираній; оттого вристроилась къ нимъ легенда о вѣчно живущихъ и вѣчно молодѣющихъ Жидахъ въ Іерусалимѣ, и здѣсь же объясненіе нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представлений, привавшихся къ мѣсяцу. Одно изъ самыхъ обычныхъ и распространенныхъ толкуетъ пятна на лунѣ Кайномъ и Авелемъ; это Кайнъ, убившій брата и держащій его на вилахъ, вѣрять въ Малороссіи. Кайнъ—это первый Вѣчный Жидъ, говорить вслѣдъ за Шебелемъ, Г. Парисъ: совершивъ убийство, онъ блуждаетъ по землѣ, нося на челе знаменіе, предохраняющее его отъ насильственной или отъ неестественной смерти. Въ народномъ представлении онъ могъ явиться какъ вѣчный, только обмирающій по временамъ скиталецъ: оттуда его мѣсто на лунѣ. Убийцу Авеля не могла пріютить ни земля, ни вода и никакое другое мѣсто, говорить малорусское повѣрье, а пріютиль, безъ воды Божіей, мѣсяцъ: оттого у него на челе отпечатокъ страшнаго грѣха Каинова, и онъ осужденъ каждый мѣсяцъ рождаться, рости и умирать²⁾. Въ

¹⁾ Труды этнограф. стат. экспедиціи въ зап. русск. край.—Юго-западный отдѣль.—Материалы и исследованія, собранныя Л. П. Чубинскимъ, т. I, вып. I, стр. 10—11.

²⁾ L. с., стр. 9 и 11.

апокрифическомъ житії св. Георгія святой нѣсколько разъ умираєтъ, чтобы снова ожить чудеснымъ образомъ; его можно было также перенести на луну, какъ типъ чего-то вѣчнаго, лишь порой обмирающаго. Въ такомъ представлениіи коренится, быть можетъ, малорусское повѣрье, загадочное лишь съ формальной стороны: фаза луны происходитъ будто бы отъ того, что тамъ находится заслонка, котою завѣдываетъ св. Юрій: онъ постоянно то опускаеть, то поднимаетъ ее, оттого и происходятъ перемѣны мѣсяца.¹⁾—какъ польское преданіе представляетъ его себѣ на лунѣ, гдѣ онъ сидить, играя на лютнѣ, и болгарская сказка помнитъ его въ какихъ-то темныхъ отношеніяхъ къ мѣсяцу.

Болѣе интересна, съ точки зренія славянскихъ повѣрій, представлеть другое изслѣдованіе Г. Париса: о западныхъ сказаніяхъ об императорѣ Траянѣ. Было бы крайне желательно, чтобы подобный трудъ былъ предпринятъ для восточныхъ, греко-славянскихъ легендъ о томъ же лицѣ, хотя работа въ этой области представить гораздо болѣе затруднителнѣй, чымъ предпринята Г. Парисомъ: прідется орудовать не съ письменными свидѣтельствами, позволяющими опредѣлить вѣковой ростъ легенды и усѣдѣть условія ея измѣненій въ исторіи, а съ зыбкимъ преданіемъ народной пѣсни, сказки и мѣстной саги.

Въ представлениихъ средневѣковаго запада императоръ Траянъ явился съ типомъ праведнаго цара, правдолюбца. Легенда о томъ, какъ онъ разсудилъ дѣло вдовицы, сохранившаяся въ записяхъ VIII и IX вѣковъ, восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ VI столѣтію. Она сводится къ слѣдующимъ чертамъ: Траянъ отправлялся на войну, когда его остановила вдовица, прося его правосудія: у ней убили единственнаго сына. Императоръ обѣщаъ ей сдѣлать это по своемъ возвращеніемъ. А что, если ты не вернешься? возразила она; смущенный этими словами, Траянъ сѣвъ съ коня и тотчасъ же сотворилъ судь.—Этой легенданѣ суждена была въ средніе вѣка большая популярность, выразившаяся цѣлымъ рядомъ приращеній и украшеній, которымъ она послѣдовательно подвергалась. Такъ преступникомъ, котораго приходилось судить императору, оказывался его собственный сынъ, и Траянъ либо осуждалъ его на смерть, либо отдавалъ вдовицѣ на мѣсто ея собственнаго сына, чтобы быть ей поддержкой и кормильцемъ; наконецъ, въ разказѣ Эненкеля (1250 г.) легенда о правосудіи Трая-

¹⁾ L. o. сгр. 9—10.

на смыщалась съ такою же, и не менѣе извѣстною, о философѣ Залевкѣ, издавшемъ законъ, чтобы всякому, опозорившему дѣвушку, выкальваемы были оба глаза, и когда виновнымъ оказался его собственный сынъ, осудившемъ и его на подобную казнь, которую—по просьбѣ—мудрецовъ, онъ смягчилъ въ томъ смыслѣ, чтобъ одинъ глазъ былъ выколотъ у провинившагося, а другой—у него самого. Это сказаніе и подставилось, вмѣсто обычнаго, въ легенду о правосудії Траяна, какъ передаетъ ее Энгенхель.

Но вернемся къ ея первичной формациіи. Англо-саксонское преданіе, относящееся, вѣроятно, еще къ VI—VII вѣкамъ, и греческое, должно приписанное Іоанну Дамаскину, хотя немногимъ болѣе позднее, заставляетъ папу Григорія Великаго умилиться подвигомъ милосердія императора-язычника. Однажды, говорить латинская легенда,—когда папа проходилъ по форуму Траяна и узрѣлъ изображеніе его праведнаго суда, онъ пролилъ о немъ слезы и взмолился къ божественной благости. Во снѣ ему было откровеніе, что его молитвами душа Траяна спасена, но что ему, Григорію, не слѣдуетъ впредь просить о душѣ некрещеннаго язычника. Средневѣковые и позднѣйшіе богословы спорили о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это спасеніе праведной души Траяна; но намъ важны общія очертанія древней легенды, зародившейся, по всей вѣроятности, изъ народнаго истолкованія какого-нибудь барельефа, гдѣ изображался, быть можетъ, побѣдоносный Траянъ съ женскою фигурой, аллегоріей побѣжденной страны, простертой у его ногъ. Народъ истолковалъ это изображеніе въ связи съ подвигомъ правосудія, который Діонъ Кассій разказываетъ объ императорѣ Адріанѣ, и который, подобно многимъ другимъ, былъ перенесенъ на болѣе популярнаго Траяна. Папа Григорій, какъ человѣкъ своего времени, могъ раздѣлять съ другими эту народную интерпретацію памятника, и нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ умилился и даже помолился о Траиновой душѣ. Могутъ возразить, что это немыслимо со стороны того самаго папы, который училъ, что не слѣдуетъ молиться о невѣрныхъ; что умиленіе надъ загробной судьбой язычника несоединимо съ его отвращеніемъ ко всему, напоминавшему язычество, съ его выговоромъ одному епископу за то, что онъ читалъ и толковалъ Вирgilія, и т. п. Но человѣкъ полонъ противорѣчій, замѣчаетъ Г. Парисъ, — а Григорій Великий извѣстенъ съ этой стороны всякому, изучавшему его жизнь и произведенія.

Не представляетъ ли южно-славянское преданіе, богатое воспо-

минаниями о какомъ-то Траянѣ, какого-нибудь слѣда легенды оспа-
сении правосудного царя-язычника предстательствомъ святого? Я знаю
одину только параллель, которую передаю съ подобающей осторож-
ностью,— въ болгарскихъ пѣсняхъ о чудѣ св. Георгія, приуроченномъ къ
какому-то Траянскому граду, где властуетъ царь-язычникъ, Латинъ,
дочь которого святой спасаетъ отъ змѣя, а цара и народъ крестить.
Если подъ Траянскимъ кралемъ разумѣется Траянъ, и пѣсня наруши-
ла исторический синхронизмъ, заставивъ св. Георгія крестить его, то
западная легенда о папѣ Григоріѣ и Траянѣ пришла, вслѣдствіе бого-
словскихъ соображеній, къ такому-то анахронизму. Никто не можетъ
быть спасенъ вѣнѣ крещенія, говоритъ Вильгельмъ Оксеррскій ($\dagger$ 1230),
и въ этомъ смыслѣ измѣняетъ древнее сказаніе: будто бы по молитвѣ
Григорія душа Траяна вновь вселилась въ его тѣло, послѣ чего папа
крестилъ ожившаго, душа котораго, вновь покинувъ свою земную об-
олочку, могла удостоиться райскаго блаженства. Еще далѣе пошелъ въ
томъ же смыслѣ Фома Аквінскій, заставивъ душу Траяна оживить
тѣло новаго человѣка, который былъ крещенъ и своею христіанской
жизнью заслужилъ спасеніе. Это, какъ бы, западная редакція болгар-
ского преданія, которому комбинація св. Георгія съ Траяномъ была
понятнѣе и яснѣе, чѣмъ сопоставленіе послѣдняго съ папой Григо-
горіемъ. Замѣтимъ, что болгарскія пѣсни, напечатанные Миладиновы-
ми, записаны, главнымъ образомъ, въ южной Болгаріи, а одна изъ
пѣсенъ о чудѣ, № 31, въ Кукушѣ, къ сѣверу отъ Солуна, где
древняя церковь св. Георгія обращена была, какъ полагаютъ, въ
христіанскій храмъ изъ языческаго, посвященнаго императоромъ Трая-
номъ „великимъ богамъ“.

Молитва папы Григорія вызвана была воспоминаніемъ о правед-
номъ судѣ Траяна; каковъ былъ внутренній мотивъ чуда св. Георгія
именно съ королемъ отъ Троицы?

Професоръ Кирличниковъ два раза коснулся въ своей диссерта-
ціи¹⁾ одной нѣмецкой повѣсти, представляющей, по его словамъ,
сводъ поэмы о Георгіѣ, принадлежащей Рейботу фонъ-Дюрну, съ
легендой о чудѣ святого надъ змѣемъ. Остается пожалѣть, что ав-
торъ не далъ намъ болѣе подробнаго изложенія этого текста, до сихъ
поръ находящагося въ рукописи. Именно для нашего вопроса онъ
представляется важнымъ. Въ Индіи, въ городѣ Силене, властуетъ

¹⁾ Св. Георгій и Егорій Храбрый. С.-Пб. 1879, стр. 32 и 56—57, прим. 1.

праведный царь (*der gerecht küng*), издавший законъ, чтобы вся кому, обидѣвшему женщину, выкальваемы были оба глаза. Въ такомъ проступкѣ оказался виновнымъ его сынъ, наследникъ престола, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ имъ будетъ управлять слѣпой царь? Тогда „*der gerecht küng*“ рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколять преступнику, другой ему, царю. Это—знакомый намъ разказъ о Залевкѣ, на что и указано было г. Кирпичниковымъ. Къ этому разказу примыкаетъ пріиществіе въ Силене Георгія и его побѣда надъ змѣемъ, котораго умилостивили жертвами по совѣту божества „*ab-got*“; ему обречена и дочь праведнаго царя-язычника, избавляемая святымъ.

По какимъ побужденіямъ пристроилась легенда о чудѣ Георгія къ-царю правдолюбцу? Объединенію могло способствовать сходство имени: въ разказѣ о судѣ—имя Залевка, Селевка и т. п.; въ легендахъ о чудѣ—имя Сельвія, Селевка, какъ названъ царь въ греческомъ и русскихъ его текстахъ. Г. Кирпичниковъ указалъ еще на одинъ весьма вѣроятный поводъ къ объединенію—на ассоціацію представлений: „царь, жертвующій наравнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, единородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя“. Слѣдуетъ, быть можетъ, забыть о „писцѣ“ нѣмецкой повѣсти и понять ассоціацію нѣсколько иначе: царь, дочь котораго освобождалъ Георгій, котораго онъ крестить, могъ представиться дѣйствительно того заслуживающимъ своею житейскою праведностью, какъ такая же черта въ жизни Траяна вызвала молитвы о немъ папы Григорія Великаго. Если бы нѣмецкая повѣсть, сохранившаяся въ рукописи XV вѣка, не явилась пока одиночнымъ показателемъ особой версіи чуда, и мы считали бы упроченнымъ выше сближеніе Залевка и Селевка, мы напомнили бы благовѣрнаго царя Салевкаго отреченаго сказанія о братствѣ Христа, где онъ является наследникомъ Августа, чающимъ увидѣть Господа. О немъ и о его сыне Прорѣ разказывается то же, что о Товіи и Товите: Прорѣ излѣчиваѣтъ ослѣпшаго отца, свою бѣсноватую жену и больного сына желчью и утробой рыбы, данной ему Христомъ, съ которымъ онъ побратался на пути, слова котораго сохранилъ въ сердцѣ: „на се бо придохъ, да възведу ти въ домъ твой и отца твоего“, „възадите Божія Богови, а кесарева то кесареви“. Все это онъ перезаздалъ, вернувшись, отцу, но Іисусъ „уклонился“ отъ нихъ, а Селевкій говоритъ: „Во истину то

есть Богъ, Его же чаемъ хотящаго явитися. И нача вѣровати, чая явленія Христова¹).

Каковы бы ни были источники пѣмѣцкой повѣсти, намъ важно соединеніе чуда св. Георгія съ разказомъ о праведномъ царѣ. Объясненная съ римскимъ преданіемъ о Георгіѣ и Траянѣ, она позволяетъ поставить вопросъ: не объяснить ли пріуроченіе чуда къ королю отъ Трояна-града въ болгарскихъ пѣсняхъ такою же ассоціаціей представлений, какая выше была предположена для Залевка — Селевка? Если въ этихъ пѣсняхъ исчезла идея праведности, и наоборотъ, усиленъ мракъ языческаго невѣрія, то это можно объяснить общимъ источникомъ болгарскихъ и русскихъ стиховъ (и одного относящагося сюдапольскаго преданія), провѣдшимъ религіозную рознь между отцомъ-язычникомъ и дочерью-христіанкой. Эта рознь вызывала на дальнѣйшее распространеніе — во вредъ не вѣрующему отцу, чтѣ должно было повести къ затмѣнію основнаго состава стиха. Если не принять въ расчетъ аналогію съ римскимъ сказаниемъ, то внесение Трояна-града въ пѣсни о чудѣ св. Георгія можно объяснить обычнымъ въ народныхъ преданіяхъ пріуроченіемъ къ имени исторического лица, почему бы то ни было оставшагося въ народной памяти. Съ этой точки зренія изученіе славяно-румынскихъ легендъ о Траянѣ можетъ пролить много свѣта на спорные вопросы народной поэзіи — и на извѣстныя аллюзіи въ Словѣ о полку Игоревѣ. Что въ нихъ разумѣется романо-славянскій Траянъ — это мнѣніе раздѣляетъ большинство русскихъ изслѣдователей; назову изъ новѣйшихъ лишь гг. Дринова, В. Миллера и Потебніо. Аналогіи съ южно-славянскимъ преданіемъ представляются блестящія — если вывести изъ контекста Слова упоминанія Трояновой троицы, земли и вѣковъ Трояна; оставленныя на мѣстѣ, въ общей связи изложеній, они вызываютъ рядъ недоумѣній. Вотъ почему я противопоставилъ ходачей гипотезѣ — другую²), въ видахъ уясненія вопроса, который начинаютъ считать какъ бы порѣшеннымъ, обходя затрудненія ссылкой на проблемы и спутанность въ дошедшій до насъ редакціи памятника. Этую ссылку можно

¹) Я цитую по тексту, напечатанному А. Поповымъ въ первомъ прибавленіи къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова (М. 1875), стр. 38—40.

²) Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1877 г., августъ, стр. 296 слѣд.

будеть приберечь, какъ послѣднее убѣжище, въ томъ случаѣ, еслибы изслѣдованіе славяно-романскихъ преданий о Троянѣ не принесло ничего къ болѣе точному разрѣшенію вопроса.

Важно въ особенности изслѣдованіе мѣстныхъ сказаний. О нихъ мыѣ довелось сказать нѣсколько словъ по другому поводу¹⁾: „Мѣстная сага рѣдко переносится съ мѣста на мѣсто, и во всякомъ случаѣ трудно пріурочивается къ новому окруженню. Сходство между такими мѣстными сказаніями всего естественнѣе объяснить сходствомъ условій, опредѣлившихъ, независимо другъ отъ друга, ихъ возникновеніе“. Существуютъ, такъ сказать, типическія мѣстныя саги, привязывающіяся однѣ къ кладамъ, другія къ происхожденію валовъ и кургановъ, къ генеалогіи какого-нибудь строенія, моста, переправы и т. п. Кто-нибудь да устроилъ все это, зарылъ кладъ, провелъ гигантскую борозду по землѣ; подсказывалось какое-нибудь лицо изъ народного покѣра; тамъ, где въ народныхъ воспоминаніяхъ удержалось имя какого-нибудь исторического дѣятеля, такого великаго строителя, какъ императоръ Траянъ, оно по неволѣ выдвигалось на первый планъ, становясь на мѣсто сказочнаго анонима. Заключать изъ содержанія подобнаго рода сказаний о томъ, либо другомъ содержаніи народнаго типа Трояна будеть по крайней мѣрѣ не безопасно.

Существуетъ особый циклъ мѣстныхъ сагъ, который я называлъ бы береговыми; онѣ привязывались къ проливамъ, переправамъ, мостамъ. Сюда относится извѣстная поэтическая легенда о Геро и Левандрѣ и персидское преданіе о „Дѣвичьемъ мостѣ“ черезъ Кызыль-Узенъ: будто этотъ мостъ велъла построить царевна, обитавшая въ „Дѣвичьемъ замкѣ“ на одной сторонѣ рѣки, чтобы ее могъ посѣщать съ другого берега пастухъ, который до тѣхъ поръ принужденъ былъ перебираться къ своей милой вплавь. Какъ построили мостъ, такъ прекратились посѣщенія дотолѣ вѣрнаго любовника. Къ такимъ же береговымъ преданіямъ относится и слышанное Нешзеу у Трикардока-стро (древн. Oiniadae) на Ахелоѣ: когда-то жилъ тамъ принцъ удивительной красоты, обитавший постоянно въ подземномъ дворцѣ, потому что не могъ переносить солнечнаго свѣта: онѣ причинили бы ему смерть; оттого его называли Безсолнечнымъ, 'Αυτѣлос. Всякій разъ, какъ наступала ночь, онѣ отправлялся по ту сторону рѣки, въ замокъ вол-

¹⁾ См. статью мою: Греческій романъ (по поводу книги Роде), *Ж. М. Н. Пр.*, 1876, ноябрь, стр. 137.

шебница Ирины (Корѣ ‘Рѣнѣ), гдѣ теперь видны развалины древнаго столійскаго города Плеврона. Непріятно ей было, что принцъ покидалъ ее задолго до восхода солнца, и вотъ она пустилась на хитрость: всѣмъ пѣтухамъ въ околодѣ свернула голову. Такъ обманула она Анилія: отправившись въ путь позже обыкновеннаго, онъ едва успѣлъ достигнуть брода на Ахелоѣ, какъ взошло солнце, и онъ погибъ¹⁾). Совершенно такая же легенда, слышанная въ Бессарабіи Гакстгаузеномъ, пріурочена къ двумъ берегамъ Дуная и также къ переправѣ; имя главнаго дѣйствующаго лица—царь Троянъ, онъ живеть по ту сторону рѣки, а по сю—царица, бывшая княгиня. Троянъ любилъ ее и каждый вечеръ отправлялся къ ней, а домой возвращался до восхода солнца. Захотѣлось царицѣ увидѣть его днемъ; его конь всегда ранѣе, до восхода солнца, давалъ знать, что пора въ путь; царица распорядилась всыпать ему овса на разсѣтѣ, и конь не заржалъ. Когда взошло солнце, и конь, и всадникъ исчезли ни вѣсть куда. Съ именемъ Трояна то же сказаніе является локализированнымъ еще и въ третій разъ, и не на переправѣ черезъ Дунай, а на горномъ перевалѣ, при чёмъ вѣщнимъ поводомъ нового пріуроченія могло быть название города Троана, развалины которого лежать выше Дворишка, на горѣ Церѣ, раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Ходъ разказа тотъ же: солнце растопило Трояна²⁾.

Сербская сказка о ночной поѣздаѣ Трояна не разъ служила къ его мифологической характеристики, какъ и другая, перенесшая на него преданіе о Мидасѣ, съ токо разницей, что у послѣдняго уши оказались осмыслимыми, а у Трояна—коzы. Томашекъ³⁾ впервые указалъ, что такая легенда о Троянѣ извѣстна была уже въ византійскомъ мірѣ: уже Тzetцесь знаетъ не изъ книгъ, а по разказамъ, о коzиныхъ ушахъ царя и старается объяснить эту сказку либо его похотливостью, либо отвагой, съ какою онъ престѣдовалъ враговъ Рима въ самыхъ не-приступныхъ мѣстахъ, куда забираются одни коzы. Joh. Tzetzes Chiad., II, Histor. 34, V, 95 и слѣд.:

‘Ωτία δὲ Τραιανὸν λέγοσαν ἔχειν τράγος·

“Οκερ αὐτὸς οὐχ εὑρῆκα γραφαῖς ἐγγεγραμμένον·

¹⁾ B. Schmidt, Griechische Mrchen, Sagen und Volkslieder, Leipzig. 1877, стр. 30—31.

²⁾ Новый взглядъ на Слово о Полку Игоревѣ, I. с., стр. 288.

³⁾ Zeitschrift fr die oesterreichischen Gymnasien 1877, p. 679.

"Н тῷ ἐκ μόνης ἀκοῆς ἐρᾶν τινῶν εὐθέως·
 Ὁχευτικὸς γάρ ὁ ἀνὴρ δίκην αὐτῶν τῶν τράγων,
 Καν συνετῶς μετήργετο καὶ τὰς τοιαύτας μῆτες·
 "Н тῷ στρατεύειν κατ' ἐχθρῶν κατὰ δυσβάτων τόπων,
 Τῷ μόνον ἐνωτίσασθαι 'Ρώμης ἐχθρὸς τυγχάνειν.
 Χαῖρε γάρ τράγος τοῖς χρηματοῖς καὶ τοῖς δυσβάτοις τόποις·

Келеръ¹⁾ полагаетъ, что перенесение на Трояна козлиныхъ ушей и легенды о Мидасѣ, обусловлено было простымъ созвучiemъ: Тραj-nōs и —трапýos.

Вокругъ Траяна-Трояна южно-славянского преданія собралось множество сказочныхъ чертъ, но для меня онѣ объединяются пока не его пародно-мифической сущностью, свѣтлою или темною—по усмотрунію, а историческимъ именемъ, на которое безразлично переносили и мѣстное сказаніе, и старую сказку, и можетъ быть, чудо св. Георгія съ змѣемъ. Траяна христіанина и его войны противъ невѣрныхъ знаютъ румынскія пѣсни, сохранившіяся преимущественно среди горцевъ и до сихъ поръ еще не изданныя²⁾.

¹⁾ E. Köhler въ Jenaer Lit. Zeitung 1878, Art. 298.

²⁾ A. Graf, Dell'epica neo-latina primitiva, I, стр. 41. Графъ упоминаетъ какія-то пѣсни о Діоклетіаѣ и самъ праводѣть начало одной слышанной имъ пѣсни объ Александрѣ Македонскомъ (I. e., стр. 118—119). Въ виду вопроса, поднятаго у насъ, о возможномъ вліяніи Александріи на составъ русскаго былинного эпоса, знакомство съ этой пѣсней было бы желательно. Не стоять ли она въ зависимости отъ румынской Александріи, переведенной, какъ полагаетъ Графъ, съ какой-нибудь греческой? Замѣтимъ: по этому поводу, что такъ въ сербской повѣсти объ Александрѣ его ковь (Буцефалъ) названъ Дучипаломъ, такъ и въ румынскихъ словаряхъ—Dncipalii.

Александръ Веселовскій.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Обращаясь въ третій разъ къ задачѣ сопоставленія и объясненія источниковъ для изученія внутреннаго соціального строя Византійскаго государства¹⁾, мы намѣрены посвятить настоящую статью обозрѣнію грамотъ и юридическихъ актовъ, относящихся къ монастырямъ и монастырскому землевладѣнію и обнародованныхъ въ значительномъ (хотя все—еще недостаточномъ для цѣлей и запросовъ научныхъ) количествѣ только въ самое послѣднее время. Наиболѣе важнымъ явленіемъ въ этой области ученаго труда слѣдуетъ, конечно, считать четвертый томъ изданія, предпринятаго Миклошичемъ и Мюллеромъ: *Acta et diplomata graeca medii aevi*, заключающій въ себѣ акты трехъ византійскихъ монастырей, проявившихъ въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ. По числу и разнообразію документовъ, этотъ томъ, появившійся еще въ 1871 году, представлялъ и до сихъ поръ представляетъ небывалый и безпримѣрный подарокъ византинистамъ, осужденнымъ вообще оплакивать скудость материала именно для внутренней исторіи и проклинать варварство Туровъ, виновное въ истребленіи многочисленныхъ греческихъ монастырей съ ихъ рукописными сокровищами. 239 документовъ всякаго рода: императорскихъ хрисовуловъ (золотыхъ грамотъ) и указовъ, межевыхъ описей, купчихъ и вкладныхъ актовъ, опредѣленій и приговоровъ судебныхъ и административныхъ, въ области византологіи—это уже такое богатство, что мечтать о скоромъ обогащеніи насъ новыми такого рода сокровищами

---

¹⁾ См. *Ж. М. Нар. Пр.* за мартъ и апрель 1879 года.

позволять разъѣвъ только все болѣе и болѣе разыскивающіяся подробности о громадномъ количествѣ Аѳонскихъ актовъ. Но пока большая часть ихъ остается извѣстной только по указателю, изданному въ 1847 году и иѣсколько разъ перепечатанному, до тѣхъ поръ наиболѣе обильнымъ источникомъ для изученія средневѣковаго греческаго монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній будетъ оставаться собраніе, которое для всѣхъ желающихъ сдѣлалось доступнымъ и сподручнымъ, благодаря усилиямъ Миклошича и Мюллера. Нельзя думать, чтобы заключающіяся въ немъ данные были уже исчерпаны историческимъ изслѣдованіемъ и введены въ общій научный оборотъ; совершенно напротивъ, они, можно сказать, даже не тронуты. До сихъ поръ мы не видѣли никакихъ сдѣловъ пользованія драгоценными собраниемъ въ изслѣдованіяхъ и сочиненіяхъ по византійской исторіи, не особенно, впрочемъ, частыхъ и многочисленныхъ. Виноваты, можетъ быть, въ нѣкоторой степени и сами издатели, совсѣмъ ничего не сдѣлавшіе для облегченія пользованія напечатаннымъ ими сборникомъ. Въ изданныхъ документахъ встрѣчается довольно много техническихъ выражений, касающихся податнаго и финансового устройства, и вообще трудно понимаемыхъ словъ, не находящихъ себѣ толкованія въ существующихъ словаряхъ. Уже простой указатель ихъ съ обозначеніемъ мѣстъ, где они встрѣчаются, много облегчилъ бы пониманіе, доставляя возможность сравненія и сличенія; никакого такого словаря или списка не приложено. Нѣтъ также предметного указателя для вещей извѣстныхъ; для того, чтобы узнать, находятся или нѣтъ въ сборникеъ какія-нибудь данные о томъ или другомъ институтѣ крестьянского и монастырскаго быта, теперь необходимо читать подъ рядъ всѣ документы, не представляющіе ничего занимательнаго для простаго чтенія. Нѣтъ, наконецъ, и указателя собственныхъ именъ личныхъ и географическихъ; все ограничивается оглавленіемъ актовъ въ хронологическомъ порядке, который, какъ мы послѣ увидимъ, оказывается только на половину хронологическимъ. Мы дѣлаемъ замѣчанія, не въ осужденіе издателямъ, а въ объясненіе того, почему даже серьезѣйшіе ученые и первостепенные знатоки дѣла не пользовались доселѣ четвертымъ томомъ греческихъ актовъ Миклошича. Неутомимый труженикъ въ области византіологии, знаменитый авторъ Исторіи греко-римского права, Цахаріѣ фонъ-Лингенталь, располагалъ не только научнымъ знаніемъ прошедшаго, но и живымъ знакомствомъ съ современнымъ греческимъ языками и бытомъ, былъ, конечно, въ состоя-

ни проложить желанную дорогу и облегчить путь другимъ; но и онъ уклонился отъ излишняго труда и не воспользовался даже тѣми данными, заключающимися въ нашихъ документахъ, которыхъ могли бы служить въ восполненію, а отчасти даже къ исправленію иныхъ мѣстъ его превосходной и неодѣнной книги при второмъ ея изданіи (*Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Zweite verbesserte und erweiterte Ausgabe*. Berlin, 1877). Мы уже имѣли случай мимоходомъ указать на одинъ примѣръ опущенія или лучше неправильнаго предположенія, котораго могъ бы избѣжать Цахаріѣ, и которое онъ сдѣлалъ, утверждая, что крестьянская десятина (морта) почти совсѣмъ изчезла послѣ эпохи „землевладельческихъ законовъ“, совпадающей съ иконоборческимъ periodомъ¹⁾). Если бы почтенный ученый ближе ознакомился съ содержаніемъ кодекса, который ему хорошо былъ извѣстенъ еще до напечатанія (см. ниже), то онъ увидѣлъ бы, что морта продолжала быть очень обычнымъ учрежденіемъ и въ XIII вѣкѣ. Точно также, монастырскіе документы могли бы послужить къ выясненію очень любопытнаго и не для одной Византіи важнаго института проніи, соотвѣтствующей нашимъ кориленіямъ. Свою главною задачей по отношенію къ изданію Миклошича и Мюллера мы считаемъ именно то самое, чѣмъ было опущено издателами; то-есть, мы задаемся болѣе подробнѣмъ обозрѣніемъ заключающагося въ немъ материала, чѣмъ систематическимъ изображеніемъ условій монастырскаго землевладѣнія и крестьянскихъ отношеній, какъ они могли бы быть представлены на основаніи этого источника — и при пособіи другихъ. Такая попытка обобщенія кажется намъ пока преждевременною и слишкомъ смѣлою. Подождемъ обнародованія тѣхъ величайшихъ драгоцѣнностей, тѣхъ неодѣнныхъ сокровищъ, которыхъ хранятся пока подъ спудомъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Мы разумѣемъ многочисленные акты атонскихъ монастырей, оставшіеся, за единственнымъ исключеніемъ актовъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря, все еще не изданными²⁾). Мы разумѣемъ сокровища, вывезенные съ Аѳона незабвеннымъ П. И. Севастьяновымъ въ видѣ фотографическихъ снимковъ, счастливыми судьбами уцѣлѣвшихъ

¹⁾ Und so verschwand die mortu, so daß sie später entweder gar nicht mehr oder doch nur ausnahmsweise und als vorübergehender Zustand erscheint. (Въ примѣчаніи только двѣ ссылки на *Acta et diplom.*, II, р. 62 и 201).

²⁾ Акты русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона. Кіевъ. 1873.

и послѣ его смерти и даже сохранившихся (хотя, можетъ быть, и не въ полной цѣлости) въ государственномъ и въ общественномъ книгохранилищахъ. Мы разумѣемъ давно извѣстное спеціалистамъ, давно составляющее предметъ ихъ воздыханій и чаяній частное собраніе тоже аеонскихъ актовъ, составленное еще ранѣе Севастьянова архимандритомъ (нынѣ епископомъ) Порфириемъ Успенскимъ. Только не многое и кое-что изъ этихъ материаловъ было уважаемымъ архиастыремъ сообщено ученымъ спеціалистамъ и сдѣлалось предметомъ изученія; сравнительно большая часть является въ видѣ приложенийъ или документальныхъ оснований къ собственнымъ ученымъ трудамъ преосвященнаго Порфирия; но къ величайшему соожалѣнію, главный изъ этихъ трудовъ „Исторія Аеона“ подвигается впередъ очень медленно и пока не дошелъ далѣе общаго обозрѣнія судебъ Аеона въ XI вѣкѣ. Въ самое послѣднее время мы могли съ величайшою радостю и самымъ горячимъ упованіемъ привѣтствовать появление труда ¹⁾, обѣщающаго, по видимому, что на печально запущенномъ поприщѣ появятся молодые и бодрые дѣятели, что и у насъ пойдетъ дѣло лучше, что свой близко лежащий кладъ не будетъ оставаться втуни, ожидая вниманія чужихъ людей, что исчезнетъ наше постыдное равнодушіе къ собственной своей ученой чести и славѣ, что у насъ будетъ достаточное число людей и способныхъ и ревностныхъ, готовыхъ взяться за труды, которые, можетъ быть, давно бы слѣдовало исполнить нашимъ ученымъ учрежденіямъ, и прежде всего Академіи Наукъ. Мы имѣемъ въ виду изслѣдование Т. Д. Флоринскаго, въ которому еще обратимся ниже — по поводу аеонскихъ актовъ, также входящихъ въ планъ нашего обозрѣнія документовъ. Начинаемъ его, какъ уже сказано, изданіемъ Миклошича.

Нѣсколько отступая отъ того порядка, въ какомъ материалъ расположены въ самомъ изданіи Миклошича и Мюллера, начинаемъ свое обозрѣніе съ актовъ монастыря св. Павла на горѣ Латрѣ близъ Милета, которые въ греческомъ оригиналѣ занимаютъ второе мѣсто. Такое отступленіе мы дѣлаемъ — впервыхъ, ради того, что документы, принадлежащіе лаврѣ св. Павла, начинаются съ болѣе раннаго, въ хронологическомъ отношеніи, пункта и вообще болѣе древніи — нѣкоторые принадлежать еще X столѣтію; и во вторыхъ, ради того,

¹⁾ Аеонікіе акты и фотографіческіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Бібліографическое розысканіе Тимофея Флоринскаго. С.-Петербургъ. 1880.

что, хотя отчасти и вслѣдствіе прискорбнаго обстоятельства—порчи Ватиканской рукописи, въ которой они отысканы,—они не такъ многочисленны и легче укладываются въ одну общую рамку. Какъ прямо сказано въ одномъ изъ документовъ, основаніе монастыря на горѣ Латрѣ принадлежитъ знаменитому подвижнику, жившему при царѣ Лѣвѣ Мудромъ и оставившему обители свое имя. Подробное житіе св. Павла Латрскаго, до сихъ поръ изг҃ѣстное только въ греческомъ подлинникѣ и остающееся въ рукописяхъ¹⁾, показываетъ, что подвижникъ много пережилъ государя, которому приписываются первые вклады и первыя жалованныя грамоты въ пользу монастыря, и кончилъ свою жизнь около 950 года, при Константинѣ Багранородномъ. Мы надѣемся при другомъ случаѣ и въ скоромъ времени извлечь нѣкоторыя любопытныя и болѣе важныя подробности изъ означеннаго житія, какъ относительно другихъ обстоятельствъ, такъ и относительно основанія обители на верху горы Латра. Здѣсь замѣтимъ только, что монахъ Гавріиль, настоятель лавры, встрѣчающійся въ двухъ наиболѣе древнихъ актахъ, есть лицо, много разъ упоминаемое въ житіи первого епитатора обители и пользовавшееся особымъ расположениемъ святаго. Прибавимъ еще, что въ самомъ рукописномъ сборнике, аравно и въ изданіи Миклошича, акты расположены безъ всякой видимой и понятной системы, начинаются наименѣемъ древнимъ и переходятъ къ болѣе старымъ. Хронологія обозначается отчасти годами, отчасти одними индиктами; большихъ затрудненій при отысканіи годовъ для послѣднаго рода документовъ, исключая одного случая, мы впрочемъ не встрѣтили. Нашествіе Измаильянъ, сопровождавшееся разореніемъ лавры Латрской, о которомъ говорится въ документахъ подъ № 14, есть нашествіе Турокъ-Сельджуковъ около 1080 года.

I.

Около 986 г. монахи лавры Латрской жаловались императору чрезъ своего игумена, чтососѣдніе съ ними монахи Лампонійскаго монастыря, на основаніи какихъ-то старыхъ документовъ и притязаній, вновь захватили сказанную гору Латръ, и что еще того хуже, — помѣстили въ

¹⁾ Въ Парижской національной библіотекѣ есть нѣсколько кодексовъ, включающихъ въ себѣ житіе св. Павла Латрскаго. Мы имѣли случай пользоваться хотя не самыми древними, но весьма исправными спискомъ XIII столѣтія.

мъстахъ, гдѣ не слѣдовало, париковъ съ женами, да и вообще дѣлаютъ вредъ обители. Императоръ повелѣлъ протоспаасарію Василию судѣй и областному начальнику (мостикѣ хрѣтѣ єпѣ тоѣ іпѣдрѣю хвѣ тѣнѣ Өракхѣашу), разобрать дѣло на мѣстѣ, возстановить лавру въ ея правахъ, изгнать дурныхъ образомъ помѣщенныхъ париковъ и не позволять Лампонію ни пасти овецъ или козъ, ни допускать на гору мушинъ или женщинъ. До императора дошли свѣдѣнія, что еще при жизни блаженнаго (макаріто) Павла была учинена мѣновая сдѣлка, всѣдѣствіе которой Лампонійцы уступили лаврѣ Латрской тѣ земли, сдѣлавшіяся теперь предметомъ ихъ притязаній.

Въ 986 году (№ 9) отъ имени игумена и всей братіи монастыря Лампонія монахъ Вареоломей вступилъ въ сдѣлку съ монахомъ Гавріиломъ, настоятелемъ лавры Пресвятой Богородицы или отца нашего Павла, находящейся на вершинѣ горы Латра и называемой Стила (Стѣло). Споръ, какъ видно изъ двухъ документовъ (оба подъ № 9), шель обѣ одной части горы Латрской, которая издревле принадлежала монастырю Лампонію, но потомъ была занята монахами лавры св. Павла, поселившимися на ея вершинѣ. Когда монастырь Лампонія требовалъ свою землю, Латрійцы утверждали, что часть горы, ими занятая, была имъ совершенно правильнымъ образомъ уступлена Лампонійцамъ еще при жизни преподобнаго Павла, основателя лавры, что въ вознагражденіе за эту уступку Лампоній въ видѣ промѣна получилъ землю, называемую Драконтиемъ и поле Пелеканю. Чтобы прекратить всякий раздоръ и неприличныя монахамъ ссоры, настоятель лавры св. Павла, монахъ Гавріиль, предложилъ противной сторонѣ: пусть они выставятъ изъ среды своей трехъ престарѣлыхъ иноковъ, которые еще могутъ помнить о произшедшей прежде сдѣлкѣ — онъ самъ назвалъ ихъ имена,—и пусть эти монахи примутъ присягу въ томъ, что Лампонійцы говорятъ правду, что извѣстная часть горы принадлежитъ имъ,—и тогда онъ со своими монахами уступить безпрекословно спорное пространство. Но оказалось, что выбранные три старые монаха не захотѣли осквернить свою душу ради небольшаго прибытка, и любя правду, заявили, что они не примутъ присяги противъ истины, ради которой они промѣнили легкую и пріятную жизнь мірскую на тяжелую монашескую; другими словами: „они отказались отъ клятвы и отвергли присягу, полагая, что обѣ стороны, будучи монахами во Господѣ, должны жить въ мире, и не ссориться“. По словамъ грамоты, исходившей отъ патріарха, старцы прямо заявили, что настоятель лавры Гавріиль говорить

правду, и засвидѣтельствовали существование старинной сдѣлки о про-
мѣнѣ. Такимъ образомъ лавра одержала полную победу, а монастырь
долженъ былъ уступить, такъ какъ собственные его свидѣтели сви-
дѣтельствовали противъ... Но настоятель лавры Гаврійль, любя
миръ и тишину, за что очень хвалилъ его патріархъ Николай, дабы
и на будущее время пресечь всякие раздоры и споры съ соседями,
потребовалъ отъ нихъ письменного удостовѣренія и обезпеченія, то-
есть, полагаю отреченія отъ спорной до сихъ поръ земли, а съ своей
стороны предложилъ имъ за это обезпеченіе сто золотыхъ монетъ
(*χρυσάτα διὰ χαράματος*), которые и были получены Лампоніемъ: въ
987 году монахи этого монастыря сбирались купить на полученные
деньги тридцать коровъ доходныхъ. Монахи Лампонія сверхъ того
получили обѣщаніе, что имъ позволено будетъ рубить лѣсъ для своихъ
потребностей на горѣ, отшедшей къ лаврѣ. Іеромонахъ Гаврійль оза-
ботился, чтобы сдѣлка получила одобрение и согласіе патріарха, ко-
торый вполнѣ одобрилъ мировую. Послѣ этого въ 987 году въ фе-
вралѣ (стр. 312) она была подтверждена обѣими сторонами; а па-
тріархъ Николай Хрисовергъ (982—995 гг.) выдалъ въ апрѣлѣ 987 года
свою подтвердительную грамоту, въ которой и содержится изложеніе
дѣла въ такомъ видѣ, какъ мы сейчасъ сообщили.

Въ позднѣйшемъ документѣ (№ 10) отъ 1049 г. упоминается первоначальный договоръ основателя лавры Латрской съ соседнимъ мо-
настыремъ, царскій указъ прѣтоспаарію Василію, и затѣмъ возоб-
новленіе соглашенія; здѣсь же разъясняется и отношеніе, существую-
щее между двумя послѣдними сейчасъ приведенными актами. Нѣкто-
рые изъ монаховъ Лампонія возстали противъ старой мѣновой
сдѣлки, копію которой лавра имѣла у себя еще въ 1049 году; тогда
вслѣдствіе жалобы, принесенной настоятелемъ лавры Гавріломъ,
судья Фракісійского округа (*ὁ τὰ τοῦ δέρατος; τὸν Φραχτσίου δι-
καζόν οἰκιστικός—sic!* Слѣдуетъ читать: *μοστικός*, ср. выше) получалъ отъ
императора повелѣніе разобрать дѣло. Но монахи Келливаровъ
или, что то же, Лампонія, сознавая свою неправоту, прежде чѣмъ
судья явился на мѣсто, предпочли возвратить соглашеніе съ на-
стоятелемъ монастыря Стила, Гавріломъ.

Въ 1049 году настоятель монастыря—Стила или лавры св. Павла
Латрскаго жаловался уже на другой соседній монастырь и его на-
стоятеля Василія (который въ то же время былъ *προστικός* мона-
стыря Кареи), именно на монастырь Спасителя тѣу *Αγραύλων*, что
монахи его во многомъ обижаютъ лавру св. Павла, насильственно

всходить на горы въ ея предѣлы, тогда какъ не имѣютъ на то никакого права. Для разбирательства жалобы посланъ былъ изъ Цареграда кувилисій патріаршскаго приказа (σεχρέτον). Когда онъ прибылъ на мѣсто, настоятель и монахи Стила (= Павла Латрскаго) показывали въ доказательство своихъ правъ на гору копію мѣновой сдѣлки, заключенной съ монастыремъ Келливары или Лампониемъ и другіе уже знакомые намъ документы; кроме того выписку изъ царскихъ книгъ (податныхъ), въ которой обозначены были всѣ поля, границы и пограничныя примѣты, согласно съ тѣмъ, какъ все это было написано въ самомъ мѣновомъ документѣ, а сверхъ того, обозначена была и казенная подать, сколько ея значилось въ податномъ столбцѣ¹). Представители обители Агравловъ (τὸν Ἀγραβλῶν) утверждали, что мѣна была учнена неправильно, что и ихъ монастырь имѣлъ права собственности на промѣненный Лампониемъ земли, что у нихъ есть на то документальныя доказательства (δικαιώματα), но только эти документы хранятся въ городѣ, то-есть, въ столицѣ. Поэтому они предлагали перенести дѣло къ патріарху, въ Константинополь. На это согласилась и другая сторона; разбирательство было отложено до времени послѣ сбора плодовъ, то-есть, до октября мѣсяца того же 1049 года. Окончательный исходъ его намъ неизвѣстенъ изъ актовъ, но вѣроятно, былъ благопріятнымъ для лавры преподобнаго Павла.

Въ 1175 году (№ 11) некто Иоаннъ Хрисанѣй, областной чиновникъ по вѣдомству государственной казны (λογχαριστής), заявляетъ, что онъ получиль отъ дуки и переписчика округа Милассы и Меланудія Андроника Кантакузина грамоту слѣдующаго содержанія: „Почтеннѣйший нашъ счетчикъ! Рассмотри внимательнѣе и настоятельнѣе документы, которые должны быть намъ представлены игуменомъ монастыря св. Павла Латрскаго, и если ты найдешь, что эти документы даютъ монастырю право владѣть всѣми тѣми париками, которыми онъ теперь владѣетъ, то оставь ихъ опять за нимъ по прежнему; если же неѣть, то закрѣпи ихъ (париковъ) за казною, оставивъ монастырю только тѣхъ париковъ, которыми онъ владѣлъ издревле“²). Счетчикъ или казначей Хрисанѣй нашелъ, что не всѣ

¹) Πρὸς δὲ καὶ ἐκ τῶν βασιλικῶν κωδίκων ἐκστίχων τοὺς τῆς ἀνταλλαγῆς ἀγροὺς διερμηνεῦν πάντας — — — καὶ τὸ δημόσιον δουον ἐν τῷ ἐκστίχῳ ἀναγραφόμενον.

²) Καὶ εἰ εὐρήσεις ταύτην (τὴν μονὴν) δικαιοιμένην ἀπό τοιούτων δικαιωμάτων εἰς τοὺς νεφομένους παρ' αὐτῆς πάντας παρείκους, ἕασον παλιν αὐτὴν νέμεσθαι καθὼς; καὶ

ларики принадлежать монастырю, и посему не малое число ихъ за-
крѣпилъ за казною, записать ихъ въ казенныя (податныя) записи ¹⁾; за то за монастыремъ вновь утверждены были права на всѣ его по-
мѣстья и недвижимости, а равно и на всѣхъ оставшихся за пимъ
париковъ — съ освобожденіемъ отъ всѣхъ податей и повинностей,
такъ что впереди ни монастырь, ни его парики не будутъ подлежать
ни дачѣ пастбищнаго, ни поголовной подати ²⁾, но за все и про все
обитель будетъ вносить въ казну ради казеннаго сбора (χάριν δημο-
σίου κανόνος) два мѣстныхъ золотыхъ или иперпировъ, обозначенныхъ
въ выданной чиновникомъ владѣній записи (ἐν τῷ παρ' ἡμῶν ἐκτεβέ-
τι τραχτικῷ), да сверхъ того за четыре вымороочныхъ участка,
зачисленныхъ на монастырь,—ежегодно одну золотую монету ³⁾.

Въ 1189 году (№ 12) Василий Вататци, которому поручена была
перепись (*ἀναγραφή*) военного, монастырского и церковного недви-
жимаго имущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненіе должности дуки въ
округѣ Милассы и Меланудія ⁴⁾, потребовалъ, чтобы игуменъ мона-
стыря св. Павла представилъ всѣ документы, на основаніи которыхъ
онъ владѣть недвижимыми имѣніями и немногими париками (*όλυ-
γοστοῖς παροίκοις*); затѣмъ, по разсмотрѣніи актовъ, дука и переписчикъ
(δοδὺς καὶ ἀναγραφέα), подобно своимъ предшественникамъ (*ἀναγραφεῖς*),
подтвердилъ за монастыремъ всѣ его имѣнія и метохи съ париками
и закупами (*παροίκοις καὶ μισθίοις*) на тѣхъ самыхъ условіяхъ, какія
были наложены въ предыдущемъ документѣ: монастырь съ его пари-
ками освобождается отъ взноса пастбищнаго и подушнаго (сбора) и вся-
кой другой статьи, а только будетъ уплачивать въ казну ради ка-
зеннаго канона (*χάριν δημοσιακοῦ κανόνος*) за все и про все двѣ трех-
головыхъ номисмы (*νομίσματα τρικαραλα*), и за три вымороочныхъ имѣ-
нія, записанныхъ на монастырь,—ежегодно одинъ иперпиръ.

πρότερον· εἰ δὲ οὖν, προστέρωσον τούτους τῷ δημοσίῳ, ἔάσας μόνους ἐκπαλαι· παρ' αὐτῆς κατεχομένους παροίκους.

¹⁾ Οὐκ ὀλίγους τῶν τῷ δημοσίῳ προσεκυρώσαμεν, καταγράψαμενοι τούτους ἐν τοῖς δημοσιακοῖς πρακτικοῖς.

²⁾ 'Αλλ' οὐδὲ ἐννομίου δύσει ἡ κεφαλαιογράφου ἡ ἑτέρου τινὸς κεφαλάιου ὑπο-
σεῖται αὐτὴ τε ἡ οἱ πάροικοι αὐτῆς.

³⁾ Τεσσάρων ἔξιλλημένων στάσεων.

⁴⁾ Василий Вататци, жившійся на родственнице императора Исаака, упо-
минается въ исторіи Никиты Хоніата (pag. 523) какъ доместикъ Востока и пре-
витель округа Фракасейскаго (=Милассы и Меланудія?); тѣн δουκικὴν ἀρχὴν τῶν
Θρακησιῶν ἀναζωσάμενος.

Вскорѣ затѣмъ, въ царствованіе императора Исаака Ангела (1185—1195 гг.), монастырь св. Павла вѣль тажбу о владѣніи помѣстьемъ Мессингумі (Μεσσιγγούμιον). Дѣло состояло вотъ въ чёмъ (см. № 14, 15, 13): Левъ Мудрый (886—912 гг.), вромѣ другихъ пожертвованій, далъ монастырю имѣніе, представившее оливковую или масличную плантацию (*έλαικὸν προϊσταον*) и находившееся въ округѣ Милассы и Меланудія въ катепанії Ларимской (χατεπανίκιον Δαρόποιο); границы имѣнія точно указаны въ нашемъ документѣ съ обозначеніемъ числа деревьевъ, придававшихъ ему цѣнность (380 маслинъ: rag. 325). Монастырь владѣлъ безпрепятственно своимъ достояніемъ до времени нашествія беззаконныхъ Измаелитовъ; они овладѣли страной, умертили святыхъ мужей, подвигавшихся въ обители и на мѣстѣ самаго монастыря оставили однѣ развалины, совершилъо уничтоживъ его. Какъ извѣстно, древнее Іонійское побережье находилось въ рукахъ невѣрныхъ въ самомъ концѣ XI столѣтія; но во время первого крестового похода императоръ Алексѣй Комнинъ, въ союзѣ съ крестоносцами, успѣлъ воротить Смирну, Ефесъ и города по рѣкѣ Мандру. При его преемнике Ioannѣ Комнинѣ (1118—1142 гг.) монастырь св. Павла былъ возстановленъ; собралось значительное количество монаховъ, вновь выстроены были кельи; игуменъ Маркъ обратился тогда къ императору съ просьбою о возвращеніи и утвержденіи за монастыремъ прежняго владѣнія, то-есть, Мессингумія. Просьба была исполнена, какъ это мы видимъ изъ грамоты (сигилія) дуки и переписчика (*δουκὸς καὶ ἀναγράφεως*) округа Милассы и Меланудія, Михаила Ксира, отъ апрѣля 1127 года. Имѣніе было отобрано отъ мѣстныхъ жителей, присвоившихъ его себѣ и вносившихъ уже въ казну извѣстную съ него подать; 370 деревьевъ масличныхъ достались монахамъ, которые обязались уплачивать ежегодно въ казну довольно значительную сумму въ 36 трехглавыхъ иперпировъ (rag. 320). Такъ было до времени императора Мануила Комнина. На это царствованіе падаетъ уже извѣстная намъ перепись дуки Андроника (Кантакузина: см. выше стр. 105.), при которой были отобраны у монастыря непривильно доставшіеся ему имѣнія и крестьянѣ, но за то понижена ежегодная подать и сложены означенные тридцать иперпировъ (*έξεκόπτησαν τὰ τοῖσθα ὀπέρητα ἀπὸ τῆς καθ' ἡμᾶς μονῆς*). Между тѣмъ игуменъ монастыря вступилъ въ сдѣлку относительно помѣстья Мессингумія съ обывателемъ города Милассы примиріемъ Ioannомъ Караптиномъ. Караптипъ снялъ (*έξελάζετο*) помѣстье (въ аренду), письменно обязавшись за поль-

зование и владѣніе (χρήσιν καὶ υφῆν) вносить монастырю ежегодно 24 мѣры масла (έλαιον μετρα χδ'); договоръ былъ заключенъ на вѣчные времена и былъ обязанъ и для его потомковъ (какъ это подробно объяснено было въ его єхлѣтториѣ аѣтой єгуррафон: pag. 320, 321). Однако условія не были исполнены. Сначала Константина Караптина вносили не болѣе четырехъ мѣръ масла, а потомъ и это перестало дѣлать и рѣшительно присвоилъ себѣ насилиемъ помѣстье въ свою собственность; наследники его тоже ничего не платили, удерживая за собою отцовское приобрѣтеніе. При переписи, произведенной Василиемъ Вататци въ 1189 году, имѣніе Мессингумій даже записано было въ податныхъ и кадастровыхъ книгахъ за Караптиномъ вмѣстѣ съ родовыми его достояніемъ (стр. 325). Примѣръ Караптина нашелъ подражателей: многія другія лица, монастыри и церкви захватили помѣстья (τόπια), принадлежавшія лаврѣ св. Павла, и отчасти успѣли записать за собою въ писцовыхъ книгахъ (καὶ ἀναγράφαντο αὐτὰ τοῖς στοίχοις αὐτῶν: pag. 321). Но вотъ въ концѣ царствованія Исаака Ангела (индиѣ XIII—1194—1195 гг.) явился въ Фракійскомъ округѣ новый правитель — дука и переписчикъ, царскій племянникъ, Михаилъ Дука: къ нему со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы на злоупотребленія сильныхъ людей и въ особенности Караптина, который является какимъ-то мѣстнымъмагнатомъ и тираномъ (стр. 326); привнесена была жалоба и отъ имени лавры ея игуменомъ. Михаилъ Дука произнесъ рѣшеніе въ пользу монастыря, на основаніи старыхъ актовъ, между прочимъ и грамоты Ксира, на основаніи статьи закона, которая гласить, что „нико не можетъ считаться господиномъ чужаго достоянія, хотя бы оно было записано за нимъ въ податныхъ книгахъ и владѣніи записяхъ“¹⁾, имѣніе Мессингумій присуждено лаврѣ. Но этимъ еще не кончилось: наследникъ Иоанна Караптина неоднократно пытался воротить себѣ разъ присвоенный участокъ. Видно, что монахи лавры св. Павла снова жаловались на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на другихъ своихъ сосѣдей, между прочимъ на епископа Амазонскаго (τῆς ἀποστολῆς Ἀμαζόνος), присвоившаго имѣніе Кипариссіонъ (pag. 321), новому царю²⁾,

¹⁾ Οὐδεὶς δεσπόζει τὸν ἀλλοτρίου, καὶ καὶ ἐν τοῖς δημοσιαῖς πρακτικοῖς κώδιξιν ἀναγράφωνται (pag. 325).

²⁾ Въ концѣ царской грамоты (pag. 324) нетъ подписи, а замѣчено только, что она имѣла таковую, сдѣланную царской рукой въ августѣ XIII-го индиѣта; но въ августѣ XIII-го индиѣта, то-есть, 1195 года, царемъ былъ уже не Исаакъ Ангель,

Алексею Ангелу (съ апреля 1195 года), тотчасъ послѣ того какъ онъ свергнулъ своего брата Исаака. Въ августѣ 1195 года (== индикта XIII: стр. 322) дана была царская грамота, въ которой утверждалось рѣшеніе Михаила Дуки, предписывалось новымъ областнымъ правителямъ оказывать лаврѣ всякое покровительство, и согласно съ прошеніемъ монаховъ, скотъ лавры освобождался отъ пастбищнаго сбора¹⁾.

Съ новою жалобою монахи обращались къ сыну Исаака, Алексѣю IV уже въ 1204 году (№ 15, pag. 327), такъ какъ Левъ Каракинъ успѣлъ снова присвоить себѣ оливковую плантацию и передать ее по завѣщанію другому монастырю.

Въ 1196 году (№ 7) игуменъ монастыря св. Павла потребовалъ супруговъ Алексея Месопотамита и Ирину съ ихъ дочерью къ суду великаго логоситета (παρὰ τῷ μεγάλῳ λογοθετικῷ δικαιοστηρίῳ) изъ за одной усадьбы (οἰχοταστό), принадлежавшей монастырю. Но отвѣтчики съ своей стороны потребовали, чтобы игуменъ показалъ имъ повелѣніе патріарха, такъ какъ монастырь находится де подъ его властію. Игуменъ явился къ патріарху и докладывалъ ему, что, конечно, вапей святости столько же не угодно пренебрегать принадлежащими ей правами, какъ и присвоивать не принадлежащія ей, а сказанный монастырь св. Павла въ Латрѣ свободенъ отъ всякой церковной власти: патріархія имѣть въ отношеніи къ нему только дуковния права—утверждать игумена (σφραγίζειν), исправлять духовныя погрѣшности (φυλάχειν σφάλματα) и быть поминаемою на актенахъ (ἀναφέρεσθαι). При этомъ игуменъ желалъ, чтобы это было объяснено судебной палатѣ (τῷ δικαιοστηρίῳ) и дано было знать, что, какъ самостоятельный, монастырь не имѣть нужды въ разрѣшении патріарха для вчиненія иска. Патріархъ отправилъ своего привратника и велѣлъ позвать трехъ своихъ чиновниковъ—Доната Ксифилина, Василія Аристина и Льва Агіоѳеодорита. Они должны были решить вопросъ на основаніи доказательствъ, уже представленныхъ игуменомъ патріарху; именно: игуменъ ссылался на монастырскій уставъ (типикъ) и приводилъ изъ него то мѣсто, гдѣ выводился на сцену самъ основатель монастыря, Павелъ Латрскій, ведущій свою предсмертную бесѣду съ братіей,—и наконецъ, поручающій попеченіе о ней послѣ своей предстоявшей кончины ни кому

который упоминается въ документѣ, выданномъ Михаиломъ Дукомъ (pag. 326), а Алексѣй Коминъ.

¹⁾ Οὐδὲ ὑπὲρ τῶν προσόντων τῇ μονῇ ζῆσθαι ἀπήγειτο ἐννόμιον.

другому, кромѣ Спасителя Іисуса Христа, — ни царю, ни патріарху. Хотя уставъ монастыря и не могъ служить непререкаемымъ доказательствомъ, такъ какъ ни кѣмъ не былъ утверждѣнъ; но за то находившійся въ немъ разказъ о кончинѣ основателя оказывался вполнѣ согласнымъ съ житіемъ Павла Латрскаго, авторомъ котораго всѣ признавали святаго Симеона Метафраста¹⁾). На этомъ основаніи монастырь былъ признанъ въ патріархіи вполнѣ самостоятельнымъ, въ чемъ ему и было выдано свидѣтельство (*στοιχεῖον*) съ подписью суды вѣла (τὸν βῆλον) и иннодрома, Феодора Ниронула.

Въ 1222 году (№ 2) патріархъ Константинопольскій Мануилъ I Харитопулъ даєтъ игумену монастыря Латрскаго санъ архимандрита, который принадлежалъ прежде его предшественникамъ, но потомъ перешелъ къ настоятелямъ обители Лампкія или Келліваровъ. Патріархъ находитъ теперь, что перемѣна не послужила къ пользѣ духовной, и что лавра преподобнаго Павла, превосходя древностю, а въ данное время и строгостю жизни — другую обитель, имѣть больше правъ на предпочтеніе. И такъ, онъ возвращаетъ архимандритство игумену Латрскому и даєтъ ему право надзора надъ слѣдующими монастырями, исчисленными въ документѣ: 1) Келліваровъ, Κελλιβάρων, 2) Μυρσουνός, 3) Δοστιχοῦ, 4) Εύρηγούντων, 5) τῶν Κισσῶν, 6) тобъ Φαλακροῦ Βουνοῦ, 7) св. Иоанна, 8) тобъ Ἀσφαράτου или Βάτιου, 9) тобъ Ἀσφαράτοο, иначе Βαθὺς Διμήν (глубокая пристань), 10) τῆς Τερᾶς и третій 11) монастырь Ἀσφαράτοο, иначе тобъ Περιστέριου. Сверхъ того, игуменъ Павель получиль надъ сказанными монастырями и права патріаршаго экзарха.

Патріархъ Германъ II нашелъ таковой порядокъ почему-то неудобнымъ, хотя и признавалъ, что монастырь преподобнаго Павла превосходить всѣ другіе многолюдствомъ. Еще при жизни архимандрита и экзарха Павла, получившаго санъ свой отъ патріарха Мануила, Германъ II обѣщалъ игумену соперничествующей обители Келліваровъ или Лампкія, что санъ архимандрита перейдетъ къ нему. Такъ какъ званіе экзарха и безъ того было только личнымъ, то игуменъ и архимандритъ Павель опасался теперь, что послѣ его смерти его

¹⁾ Ссылка на житіе Павла Латрскаго, приписываемое Симеону Метафрасту, имѣть весьма важное значеніе для разрешенія спорнаго вопроса о времени, когда жилъ этотъ знаменитый писатель; до сихъ поръ на нее не было обращено вниманія ученыхъ. Мы надѣемся воспользоваться указаніемъ въ особой статьѣ, которая будетъ посвящена Симеону Метафрасту.

монастырю, теперь первенствующему, грозить разные неприятности. Онъ выпросилъ у патріарха грамоту, освобождавшую монастырь Латрскій отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣла будущихъ экзарховъ, исключая число духовныхъ дѣлъ. Дарованная Германомъ II привилегія (№ 3) была подтверждена однимъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, по имени онъять Мануиломъ (стр. 300), который, сверхъ того, и специальною грамотой (№ 5), освободилъ монастырь преподобнаго Павла отъ всякаго подчиненія, какъ экзархамъ патріаршимъ, такъ и сосѣднимъ епископамъ, и въ частности—Амазонскому ('Арапонос иначе 'Арапокоракос): послѣдній дѣлалъ особенно настоятельный покушенія на самостоятельность лавры. Равнымъ образомъ ограждена отъ вмѣшательства ближайшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей вновь основанная въ одномъ изъ метоховъ лавры церковь или молитвенный домъ въ честь Богородицы Стиліотиссы на правахъ патріаршего ставропигіи (№ 4).

Документъ, выданный патріархомъ Германомъ II въ 1236 году (№ 6), касается только игумена Латрскаго лично: онъ получилъ въ управление и попеченіе для въстановленія и улучшенія монастырь Руфиніановъ (тѣмъ 'Роуфічакону) и выпросилъ для этого послѣдняго другой монастырь Зигрицу (Ζιγρίτσαу) съ его метохіями Дофіней и Аксиломъ.

Къ болѣе позднему времени, хотя и нельзѧ сказать опредѣльно—къ какому именно году, относится наиболѣе любопытный документъ, занимающій первое мѣсто въ сборнику хартій нашего монастыря¹⁾.

Междудо жителями уѣзда (ἐπισκέφεως) Самисонъ и Амазонокоракія и между монахами Латрской обители шелъ споръ объ имѣніи Александріи. Самисонцы перенесли дѣло въ судъ при царскомъ дворѣ: туда явились и противники, къ которымъ присоедини-

¹⁾ Дата, обозначенная четвергомъ 24-го марта V-го индикта, могла бы считаться вполнѣ истинною, еслибы она не была сомнительна. Указанные условія сходятся въ XIII столѣтіи только для 1202 года. Индикты пятой и шести годы 1202, 1217, 1232, 1247, 1262, 1277, 1292; но только въ одномъ изъ этихъ годовъ, именно въ первомъ, 24-е марта было въ четвергъ. Между тѣмъ имена лицъ, обозначенныхъ въ заглавіи и въ концѣ договора и присутствовавшихъ при произнесеніи приговора по дѣлу, указываются на гораздо позднѣйшее время. Стратигонуль—великий логовоѣтъ византіеца взятымъ Цареграда въ 1262 году, Михаилъ Галей ('Үалես) и Феодоръ Ангель упоминаются окомо 1250 года (Асгополит. pp. 97, 99). Еще рѣшительнѣе упоминаніе о Саевѣ (см. слѣдующее примѣченіе).

лись жители Клисуръ, и сами имѣя разныя жалобы на Сампсонцевъ, старавшихся захватить ихъ участки по соседству съ Александрію. Назначены были для судебнаго разбирательства великий логотесть Стратигонулъ и другіе сановники (Михаилъ Іалей, Феодоръ Ангель и т. д.). При первомъ напоминаніи судей о доказательствахъ и документахъ, со стороны монастыря былъ представленъ цѣлый рядъ грамотъ и указовъ: изъ нихъ ясно было видно, что имѣніе Александріи находится вѣдь всакихъ правъ Сампсонской епископії, такъ какъ оно входить въ составъ темы (округа) Милассы и Меланиудія. Сверхъ того, монастырь имѣлъ свидѣтелей въ пользу того, что спорная земля привадлежала ему. Съ своей стороны Сампсонцы сначала ссылались на старыя времена, ранѣе Саввы ³⁾, указывали на какого-то Каломана, отъ котораго будто бы перешло къ нимъ помѣстье Александріи. Наконецъ, понимая, что такими голословными показаніями не выиграть дѣла, и они, съ своей стороны, выставили документальное письменное доказательство, именно грамоту, данную Василиемъ Вататци, известнымъ намъ дукой и писцомъ темы Милассийской (δούκος καὶ ἀντιγράφως). Но этотъ документъ носилъ явные признаки поддѣлки, отличался неправильнымъ и полуварварскимъ языкомъ; подписавшіеся на немъ свидѣтели (въ томъ числѣ архіереи) все уже оказывались умершими, и притомъ всѣ подписи были одной руки. Мало того, жители Клисуръ и Амзонокоракія указывали прямо и автора поддѣлки. Это былъ преклонныхъ лѣтъ старикъ Феодосій, житель Клисуръ. Поставленный предъ судьми, онъ сознался въ составленіи фальшиваго документа и просилъ прощенія, ссылаясь на крайнюю свою нужду и бѣдность, побудившую его къ проступку; онъ взялъ за свой трудъ съ жителей Сампсона 14 иперпировъ, впрочемъ выдавъ имъ свое произведение за настоящій подлинный документъ, такъ что тѣ не подозревали подлога. Такое посрамленіе все-таки не заградило уста Сампсонцамъ, и они все-таки твердили, что и безъ бумагъ они могутъ доказать свои права на Александрію. Тогда судья не нашли другаго средства какъ заставить обѣ стороны принять при-

³⁾ Ανέδραμον εἰς ἀπέρ οἴδασιν ἐξ ἀρχῆς πρὸ τοῦ Σάββα πρόσωπα ἐπικτήσασθαι τὴν—ἐπίσκοφην. Этотъ Савва, очевидно, есть тотъ самый, о которомъ говорить историки, какъ объ одномъ изъ мелкихъ тирановъ, повившихся послѣ разрушения имперіи въusatія Цареграда Латинами. Феодоръ, прозванный Морееводоромъ, захватилъ Филадельфию, говорить Акраполита (rag. 14),—а другой, по прозванию Савва, захватилъ городъ Сампсонъ и окрестности: ἑτερος δὲ Σάββας τοῦ παχλῆν τοῦ ἀστεως ἐδέσποζε τοῦ Σαμψώνι μετὰ καὶ τῶν πλησίων, τούχανφοντων αὐτῷ.

сагу. При этомъ присяга, которую должны были принять жители Сампсона, именуется сокофактихъ, а присяга со стороны монастыря—окончательной (тэлесов). Въ нашемъ документѣ приведены формулы той и другой:

„Мы выборные отъ округа Сампсонскаго для принятия присяги относительно имѣнія Александрии—такіе-то—(следуютъ имена четырехъ человѣкъ)—клянемся отъ имени нашихъ товарищевъ чистой совѣсти святымъ Евангеліемъ и честнымъ крестомъ, что въ то время, когда округъ Сампсонскій держалъ тотъ Каламанъ и другія лица послѣ него—до Саввы, мы, Сампсонцы, пользовались вполнѣ и безпрепятственно имѣніемъ Александріей, не насилиемъ какимъ или самоволіемъ, но на основаніи давности владѣнія, и притомъ не давая морты (аур боссе; мортѣ, то-есть, десятинъ)—въ чёмъ и клянемся. По такому же точно способу и формулѣ принали присягу выборные жители Клисуры и Амазона въ томъ, что имѣніе Александрія всегда входила въ составъ округа или темы Милассы, и что Сампсонцы—если имъ пользовались, то не безъ дачи десятины (морты, аурѣ ҳарѣс боссе; мортѣ), не вслѣдствіе давняго владѣнія, и не отъ Каламана и его преемниковъ наслѣдовавъ свои права, но присвоить ихъ себѣ насилиемъ и своею волею“.

Такъ какъ послѣдняя и окончательная присяга оказалась несоответствующую съ первою, то согласно съ условіемъ, имѣніе присуждено монастырю, а притязанія Сампсонцевъ отвергнуты.

II.

Переходимъ теперь къ актамъ монастыря св. Дѣвы Маріи (Богородицы) на горѣ Лемво близъ Смирны. Сборникъ, содержащий въ себѣ эти акты и хранящійся въ Вѣнской придворной библіотекѣ, былъ давно извѣстенъ по описямъ и каталогамъ; еще Нессель обращалъ на него вниманіе ученыхъ и ожидалъ чрезвычайно большой пользы для византійской гражданской и церковной исторіи, и особенно для хронологіи, отъ его изученія и тѣмъ болѣе—печатного изданія. Знаменитый историкъ византійского права, Цахарі-фонъ-Лингенталь, имѣлъ въ рукахъ интересующій насъ кодексъ, привезенный въ Вѣну извѣстнымъ Бузбекомъ изъ Константиноополя, и первый напечаталъ изъ него три царскія грамоты (хрисовула). Но это была весьма незначительная и не самая важная часть сборника, заключающаго въ себѣ 281 документъ—кромѣ хрисовуловъ, множество вкладныхъ, запродаенныхъ и

судебныхъ актовъ разнаго рода. Нѣтъ сомнѣнія, что сборникъ въ томъ видѣ, какъ онъ теперь напечатанъ (вполнѣ и только съ опущенiemъ нѣкоторыхъ часто повторяющихся формулъ), есть первоначальный оригиналъ, хартуларій или дипломатарій, составленный и переписанный въ самомъ монастырѣ въ концѣ XIII столѣтія для исторической памяти и для практическихъ нуждъ. Съ самого начала обнаруживается намѣреніе держаться въ расположении материала опредѣленной системы; съ начала идутъ общіе царскіе хрисовулы, жалованная грамота Иоанна Дуки Вататци (1228 г.) о возстановленіи монастыря съ обозначеніемъ и описью отводимыхъ ему земель и угодій, затѣмъ подробная опись всѣхъ монастырскихъ имѣній, произведенная по царскому повелѣнію въ 1235 году, далѣе хрисовулы постѣдующихъ императоровъ, утверждавшихъ за монастыремъ его приобрѣтенія, и уже потомъ акты, относящіеся къ частнымъ отдѣльнымъ имѣніямъ: царскія опредѣленія и указы, распоряженія провинціальныхъ властей, акты купли и мѣни и т. д. Но все это—только самыя общія и вѣнчанія очертаанія системы; на самомъ дѣлѣ рядъ однородныхъ актовъ часто прерывается посторонними чуждыми вставками, касающимися другаго разряда дѣлъ, и потому внутри отдѣловъ, объединяемыхъ сходствомъ содержанія, никогда не соблюдается хронологическая послѣдовательность. Оба эти обстоятельства сильно затрудняютъ изученіе драгоценнаго сборника. Свою первую задачу мы сочли приведеніе всѣхъ документовъ въ хронологический порядокъ; и нужно сказать, что это было дѣло не совсѣмъ легкое. Правда, что есть много документовъ, уже обозначенныхъ извѣстнымъ годомъ отъ сотворенія міра; но другая, весьма значительная часть, можетъ быть на половину, обозначена только индиктомъ безъ мѣсяца и года, или только безъ года. Въ оглавлении, помѣщенномъ въ концѣ книги, и какъ мы знаемъ, имѣющемъ видъ хронологического указателя, издатели держались того правила, чтобы помѣщать неимѣющіе годовъ акты какъ можно ближе къ тѣмъ вполнѣ датированнымъ, которые находятся по сосѣдству съ ними въ самомъ сборникѣ. Но это весьма мало помогаетъ дѣлу, а напротивъ можетъ быть источникомъ заблужденій; потому что рядомъ внутри книги стоять иногда документы совершенно отдаленныхъ periodovъ. Хронология недатированныхъ годомъ документовъ, то-есть, помѣщеніе ихъ внутри того или другого пятнадцатилѣтняго периода,—должна быть опредѣляема при помощи датированныхъ актовъ; въ послѣднихъ нерѣдко обозначаются имена провинціальныхъ правителей (дукъ, доѣ) той области или темы, въ ко-

торой находился монастырь, приводятся имена настоятелей обители, повторяющиеся потомъ въ документахъ, не имѣющихъ года. Сверхъ того, кромѣ внутреннихъ признаковъ, то-есть содержанія документа по отношенію къ другимъ подобнымъ, хронологическія указанія содержатся иногда въ самихъ вступительныхъ формулахъ; напримѣръ, грамоты и акты Михаила Палеолога и при отсутствіи его подписи узнаются по ссылкамъ на предыдущихъ императоровъ, изъ коихъ одного онъ всегда именуетъ своимъ дядею, а другаго племянникомъ (*εγάδελφος*).

Мы приводимъ здѣсь списокъ дукъ Фракійской темы и списокъ настоятелей монастыря Лемвотиссы, составленный нами на основаніи всѣхъ датированныхъ и не датированныхъ годами документовъ; эти указатели могутъ служить къ облегченію тѣхъ ученыхъ, которые вадумаютъ послѣ насъ изучать тотъ же самый предметъ, а для насъ они были въ одно и то же время и результатомъ нашихъ разысканій, и пособіемъ при нихъ¹⁾:

- 1) Іоаннъ Дука Куртикій—былъ областнымъ правителемъ Фракійского округа въ 1283 и 1284 гг., упоминается на стр. 146, 147, 214, 219, 240, 243.
- 2) Константинъ Ласкарисъ — упоминается однажды въ документѣ 1234 г. (стр. 182).
- 3) Іоаннъ Ангель, дядя императора Іоанна Вататци, былъ дукою около 1285 г. (стр. 36, 37, 39, 40, 85).
- 4) Мануилъ Контопофре — въ 1237 и 1242 гг. (стр. 249, 250, 252).
- 5) Іоаннъ Кантакузинъ—1244, 1247, 1250 гг. (стр. 54, 139. Ср. Асторополит. р. 93).
- 6) Феодоръ Иканатъ?—1254 г. (стр. 215).
- 7) Георгій Макринъ—1256 г. (стр. 212, 225, 241).
- 8) Іоаннъ Торникій—1258 г. (стр. 74).
- 9) Калоєтъ?—1259 г. (стр. 208, 209).
- 10) Феодоръ Кривитціотъ—1260 г. (стр. 223).
- 11) Георгій Камитцовука—1270 г. (стр. 254).
- 12) Фока Авторіанъ—1287—1298 гг. (стр. 266, 257, 258, 283).

¹⁾ Для дополненія списка восточной іерархіи, документы сообщаютъ слѣдующія имена Смирнскихъ митрополитовъ: Константиносъ Паренсъ 1193—1207 г. (стр. 62, 186); Георгій Калоктенъ, въ 1231 г. (стр. 41, 43, 53, 144, 189); Феодоръ Каллистъ, около 1257—1259 г. (современникъ игумена Кирилла; стр. 125, 212); Іоаннъ около 1274 г. (стр. 84, 85, 109, 110).

Порядокъ игуменовъ монастыря Лемвютиссы былъ, по всѣмъ соображеніямъ, слѣдующій:

- 1) Герасимъ Опсикіанскій—1225—1232 гг. (стр. 47, 49, 52, 78, 134, 182, 187, 189).
- 2) Павель—1232—1237 гг. (стр. 32, 41, 53, 110, 198).
- 3) Игнатій—1240 г. (стр. 195, 197).
- 4) Асанасій—1242 г. (стр. 67).
- 5) Павель II—1244—1246 гг. (стр. 139, 197).
- 6) Асанасій II—1250—1255 гг. (стр. 205).
- 7) Іоакимъ—1255 г. (стр. 71, 74).
- 8) Кириллъ—1257—1259 гг. (стр. 80, 87, 133, 212, 221).
- 9) Герасимъ II—1262—1268 гг. (стр. 27, 124, 260).
- 10) Іоаннъ—1267—1274 гг. (107, 110, 164, 169).
- 11) Агафонъ—1274 г. (стр. 95?).
- 12) Антоній—1279 г. (стр. 136).
- 13) Агафонъ II?—1281, 1282 гг. (стр. 98, 130, 131, 177).
- 14) Каллистъ—(1287, 1288 гг. (92, 100—102, 105, 131, 141).
- 15) Климентъ—1293 г. (133, 179).

Было бы, однако, неудобно поставить впередъ интересы хронологии и держаться ея порядка при обозрѣніи многочисленныхъ и разнообразныхъ актовъ, составляющихъ сборникъ монастыря Лемвютиссы. Мы нашли болѣе полезнымъ раздѣлить документы на слѣдующія группы: 1) императорскіе хрисовулы и пожалованія; 2) вклады и пожертвованія частныхъ лицъ; 3) разныя приобрѣтенія монастыря посредствомъ купли; 4) споры и тяжбы и другаго рода акты, группирующиеся около одного какого-нибудь предмета или имѣнія; 5) единичные и отдѣльные акты такого же рода, то-есть, столкновенія и ссоры съ сосѣдями по какому-нибудь частному и отдѣльному случаю. Каждый родъ документовъ имѣть свой особый интересъ. Царскія грамоты, кроме того, что опредѣляютъ основныя черты исторіи монастыря, вообще показываютъ, какого рода привилегіями пользовались многочисленныя учрежденія такого рода. Вклады и пожертвованія особенно наглядно представляютъ намъ процессъ поглощенія частныхъ сельскихъ хозяйствъ монастыремъ, появлявшимся вблизи и посреди ихъ, на что раздавались жалобы даже со стороны Византійскихъ государей, не лишенныхъ государственного ума¹⁾. Исторія по-

¹⁾ Императоръ Василій II въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ жаловался на то, что крестьянские участки заѣдаются монастырами. См. нашу предыдущую статью въ *Журн. Мин. Нар. Прое.*, за мартъ 1879 г.

купокъ, кромѣ всего прочаго, заключаетъ весьма любопытныя данныя для истории цѣнъ на землю и другіе предметы. Документы четвертаго и пятаго разряда знакомятъ съ судопроизводствомъ и разными народными судебными обычаями.

1.

Первое мѣсто въ сборникѣ документовъ монастыря Лемвютиссес занимаетъ хрисовулъ императора Иоанна Вататці 1228 года о возстановленіи монастыря св. Дѣвы Маріи на горѣ Лемво близъ Смирны; отсюда видно, что на этомъ мѣстѣ и прежде существовала монашеская обитель, но она пришла въ упадокъ и оставались только скѣды прежнаго благолѣпія. Изъ документа, содержаніе которого нами изложено въ самомъ началѣ пятаго отдѣла, мы узнаемъ, что прежній монастырь находился подъ властію великой Константинопольской церкви: отъ нея и отъ нѣкоторыхъ монастырей столицы, находившейся въ рукахъ латинянъ, перешли къ возобновляемому монастырю первыя его поземельныя владѣнія, изъ коихъ въ хрисовулѣ 1228 года упомянуты имѣніе Вара или Милы съ крестьянами (париками) и съ молитвеннымъ домомъ, церковь въ Смирнѣ св. Георгія съ землей, обращенной въ метохъ монастыря, рыбная ловля и мельницы, масличные деревья. Объ этихъ и дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ мы имѣемъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія изъ другихъ актовъ: хрисовулы представляютъ только торжественное скрѣпленіе и освященіе уже состоявшихся юридическихъ дѣйствій и сдѣлокъ и даже пожалованій; поэтому не по золотымъ грамотамъ, находящимся въ началѣ, а по другимъ болѣе обыденнымъ документамъ (царскими указами или опредѣленіями и по частнымъ юридическимъ актамъ) нужно слѣдить исторію монастыря.

Около 1230 г. (№ 78) императоръ повелѣваетъ Севасту Михаилу Кадаку принять мѣры, чтобы монастырю были возвращены всѣ земли и имущества, утраченныя въ неблагопріятныя времена.

Въ 1227 г. (№ 155) монахъ Герасимъ, игуменъ монастыря Лемвютиссес, просилъ царя, чтобы ему позволено было въ монастырскихъ помѣстяхъ (тѣла) Паснарѣ и Варѣ (тѣ Варѣ) селить пришлыхъ чужаковъ, неизвѣстныхъ казнѣ¹⁾, сколько онъ можетъ, и чтобы они были совершенно свободны отъ всякаго взысканія. Царь согласился

¹⁾ Гра прокладіон — — ξένους καὶ ἀνεπιγνόθους τῷ δημοσίῳ.

на эту просьбу: поселенные игуменомъ чужаки, неизвестные казнь, будуть свободны отъ извозной повинности, отъ выгона судовъ и военныхъ подводъ и т. д.¹⁾), съ тѣмъ, чтобы они исполняли монастырскія службы. Грамота была подписана царскимъ посредникомъ, Дмитриемъ Торникіемъ²⁾.

Въ 1231 г. (№ 75 и 76) императоръ повелѣлъ отвести монастырю изъ казенной запашки (*ζευγλατεῖον*) въ Кукулѣ участокъ въ два зевгарія (γῆν *ζευγαρίων* δύο); вслѣдствіе чего, по инструкціи царскаго слуги Стефана Калопира, стражемъ царскихъ палатъ (*παλατοφύλαξ*) ему подчиненнымъ, въ присутствіи другихъ лицъ (мѣстнаго священника и вмѣстѣ нотаріуса — υφικός, и прочихъ), произведенъ былъ выдѣлъ около рѣки Ерма (εἰς τὸν ποταμὸν τὸν Ἔρμον) въ сосѣдствіѣ съ владѣніями Смирнскай митрополіи въ поляхъ Меманіомена. Ради послѣднаго обстоятельства опись была подписана и митрополитомъ Георгіемъ.

Въ 1232 г. (№ 70) императоръ утвердилъ пріобрѣтенія монастыря въ селеніи Панаретѣ, въ мѣстности Финикѣ (масляничныя деревья) и въ селеніи Мантзѣ (метохъ св. Пантелеимона).

Въ 1234 г. (№ 77) императоръ Витатци, подаривъ монастырю землю, принадлежавшую къ царской запашкѣ (*ζευγλατεῖον*), въ мѣстности Кукулѣ, передаетъ во власть его и находящейся тамъ царскій дворецъ или палаты (*παλάτια*), съ состоящою при немъ баню, огороженнымъ мѣстомъ или садомъ, съ поселившимися тамъ свобод-

¹⁾ Въ перечисленіи разнаго рода повинностей особенно обращаютъ на себя вниманіе двѣ послѣднія статьи: καὶ ἀπ' αὐτῶν δὴ τῶν ὁὖς κεφαλαῖους τῆς ἄγρης καὶ τῆς σταρχίας, ὅστε ἔχειν αὐτὸὺς εἰς συγχρότησιν τῶν τῆς μονῆς δουλειῶν. Стархія — житная подать, есть, какъ мы покажемъ ниже, видоизмененіе поземельной подати; что же такое — агры, либо? Не есть ли это остатокъ поголовной подати, подобно подымому — тѣ хакікѣ?

²⁾ О Дмитрии Коннинѣ Торникіи у Акрополиты (см. стр. 97, 100, 101), между прочими, говорится, что онъ пользовался величайшимъ расположениемъ императора Иоанна Вататци, собственно управлять всѣми дѣлами и почитаемъ бытъ первымъ за брачо, какъ было именовать и въ грамотахъ. Наші документы представляютъ тому не мало прибѣровъ. Но, сверхъ того, нужно замѣтить, что при актахъ, подписанныхъ Торникіемъ, частое встрѣчается криптика, указывающая на присутствіе при оригиналахъ, кроме царской печати, и печати Торникія царскимъ перстнемъ на воскѣ; замѣтка при копіи обыкновенно прибавляется «ὡς ἔθος τοῖς μεσάρουσι» (какъ это обыкновенно дѣлаютъ посредничествующіе). О μεσάρούσι, которыхъ сами позднѣйшии Византійцы прививали къ турецкимъ визирямъ, можно найти многое въ словарѣ Дюранжа.

ними чужаками (пришельцами), неизвестными казнѣ, съ которыхъ монастырь можетъ получать поборы въ свою пользу, но съ тѣмъ, чтобы игументъ назначилъ и держалъ священника для отправленія церковной службы въ находящемся при дворѣ храмѣ. Такъ какъ императоръ узналъ, что какіе-то сосѣди засѣвали нѣкоторыя изъ по-лей, рагѣ отведенными монастырю, то онъ опредѣляетъ выскать въ пользу монастыря надлежащую десятину¹⁾.

Въ томъ же 1234 г. (№ 89) Иоаннъ Дука Вататди далъ дарственную грамоту на новый участокъ земли изъ царской запаски (*ζεογύλαστεον*) въ Кукулѣ въ шесть зевгарей и приказалъ своему шурину (*σοττάμφροφ*), дукѣ темы Фракійской, Куртикію, совершилъ передачу, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ монастырь обрабатывалъ ее собственнымъ тягломъ или собственными упражками²⁾. Такъ какъ Куртикій по своей должности былъ занятъ царской службою, то царскій названный братъ, Дмитрій Торникій, также принимавшій участіе въ монастырѣ и въ заботахъ объ его благосостояніи, поручилъ исполнить царское повелѣніе президенту (*προκαθήμανος*) замка Смирны, Иоанну Алонеку. Алонекъ собралъ лучшихъ людей или домохозяевъ (тѣс *χρείττονας τὸν Κοοκούλαττον...* тѣс *χρείττονας οἰκοδεσπότας*), сдѣлали съ ними обозрѣніе земли, принадлежавшей казнѣ, и отвели изъ нея пять зевгарей пахатной и одинъ зевгарій пастбищной и луговой, а всего шесть зевгарей, съ тѣмъ, чтобы монастырь, какъ было сказано, обрабатывалъ надѣль собственными средствами, а на лугахъ пасъ свой скотъ.

Въ 1232 году (№ 150, III) стронтели возобновляемаго монастыря обратились къ царю съ просьбою о пожалованіи ему вблизи города Смирны на берегу (въ заливѣ) мѣста, удобнаго для устройства рыбной ловли или яза (*σίς φεριρίον θέσιν*); императоръ далъ свое согласіе, и принималъ во вниманіе, что устройство яза потребуетъ большихъ трудовъ и затратъ, освободилъ монастырь заранѣе отъ всякой за него дани и пошлины. Язъ, названный Гіромъ (*Γόρος*) или Карпаеіей, былъ устроенъ при старомъ устьѣ рѣки Ермона, такъ что только при

¹⁾ τὴν ἀνήκουσαν πορτῆν.

²⁾ Стр. 146. γῆν δὲ ζευγαρίων... καὶ δι' οἰκείων ζευγαρίων ἐργάζεται. Замѣтно употребленіе одного и того же слова почти рядомъ въ двухъ смыслахъ. Въ первомъ случаѣ зевгарій несомнѣнно означаетъ известное количество земли, (*jugum*) пахательный участокъ; во второмъ упражку или пару воловъ (*jugum*) для обработки земли.

вѣтрѣ и по мелководнымъ ложбинамъ могла попадать сюда вода и рыба изъ названной рѣки. Тѣмъ не менѣе Калигонулъ, стратиотъ и мѣстный владѣлецъ, которому дани были въ видѣ проніи или корылленія рыбныхъ ловли по нижнему течению Ермона¹⁾), предъявилъ свои притязанія на взиманіе съ монастыря денежныхъ поборовъ. Жалобы монаховъ, опиравшихся на то, что рѣка, измѣнившая свое теченіе, совсѣмъ не касалась Гиры, вызвали въ 1234 году новое царское по-вѣтѣніе (№ 150, I), чтобы Фракійскій дука Иоаннъ Куртий раз-смотрѣлъ спорный вопросъ. По его старанію, дѣло кончилось мир-нымъ соглашеніемъ; Калигонулъ добровольно отказался (№ 150, IV) отъ всѣхъ притязаній къ монастырю по поводу устройства рыбной ловли пососѣдству съ его собственными рыбными промыслами, сда-ваемыми имъ въ аренду. При Михаилѣ Палеологѣ новое ложе рѣки Ермона съ его рыбными язами перешло вслѣдствіе нового пожало-ванія къ другому стратиоту, Ангелу (№ 150, III), и споръ съ мона-стыремъ возобновился; но и теперь, какъ прежде, онъ бытъ решенъ въ пользу монастыря. То же самое произошло при подобномъ же столкновеніи съ другими сосѣдями въ 1264 и 1269 годахъ (№№ 152, 151). При всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о рыбномъ яѣ, устроен-номъ на берегу. Но когда монастырь завелъ свою рыболовную лодку (*ἀλευτικὸν σαῦδάλιον*), то и тутъ встрѣтился съ притязаніями стратиota Кадиана, который имѣлъ право взиманія поборовъ съ та-кого рода судовъ; однако, царскимъ указомъ 1245 года, даннымъ Иоанну Константуру (№ 153), монастырь объявленъ свободнымъ отъ всякой дани за свою лодку, и Кадиану вѣтъно было возвратить за-хваченный залогъ (*ἀμάχιον*).

Уже общими царскими жаловаными грамотами 1228 и 1235 го-довъ монастырь бытъ освобожденъ отъ „выгона“ или поставки мор-скихъ судовъ или моряковъ. Но одного общаго и краткаго заявленія въ хрисовулахъ оказалось недостаточнымъ; правители и сборщики податей неоднократно старались привлечь къ участію въ этой повинности монастырскихъ париковъ селенія Мили. Такого рода попытки вызывали цѣлый рядъ царскихъ подтверждѣтельныхъ указовъ, дающихъ нѣкоторую возможность точнѣе и ближе понять способъ распределенія и взиманія „судовыхъ“, „корабельныхъ“ или мор-скихъ поборовъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что мор-ская или судовая повинность, лежавшая на приморскихъ террито-

¹⁾ ѿ єхонти еїс про-коизу тѣ єхака той потаркої.

риахъ, складывалась изъ двухъ элементовъ — изъ обязанности поставлять известное число судовъ, конечно, снабженныхъ гребцами и экипажемъ, и потомъ изъ обязанности содержать ихъ и удовлетворять жалованьемъ. Въ ХІІ вѣкѣ произведена была реформа, отъ которой византійские писатели ведутъ начало упадка морскихъ силъ своего отечества и господства пиратовъ въ прилегающихъ къ нему водахъ. Одинъ изъ приближенныхъ Іоанна Комнина (1118—1143 гг.), считавший себя искусствомъ финансистомъ, присовѣтовалъ ему „деньги, заимствованные изъ морскихъ повинностей и употреблявшіяся прежде на содержаніе флота, обратить въ государственную казну, а снабженіи экипажемъ триеры, поставляемыи островами по опредѣленной нормѣ, онъ убѣдилъ царя чуть не потопить въ морѣ; онъ представилъ что триеры не всегда нужны для государства и общества, а употребляемыи на нихъ ежегодно издержки огромны и потому лучше сберегать эти суммы въ государственной казнѣ, а въ случаѣ нужды отпускать содержаніе флоту изъ царскихъ сокровищъ“¹⁾). Послѣ этой реформы долженъ быть, по видимому, возвращаться такой порадокъ, что казна ежегодно взимала въ свою пользу деньги на содержаніе судовъ, но на самомъ дѣлѣ выставляла и вооружала суда только въ случаѣ крайней нужды и необходимости—или даже совсѣмъ ихъ не выставляла.

Въ монастырскихъ грамотахъ, которыми мы занимаемся, очень часто встрѣчаются выраженія: постановка, или буквально—выгонъ судовъ (*ἀέλασις τῶν πλοίων*) и дача или взносъ судового или корабельного (*δόσις τῶν πλοίων*). Нужно думать, что эти выраженія по первоначальному своему значенію не совсѣмъ были тождественны, и что первое означало постановку судовъ натурой—конечно, съ экипажемъ и гребцами, а второе—денежные взносы на ихъ содержаніе, хотя, съ другой стороны, въ прежнее время то и другое шло вмѣстѣ, такъ какъ давали деньги на содержаніе судовъ только тѣ округи, которые обязаны были ихъ ставить, а со времени гибельного преобразованія все вмѣстѣ было переложено на деньги. Такъ или иначе, на томъ или другомъ основаніи, только дука Фракійской темы, не смотря на вышеупомянутыя царскія жалованья грамоты, считалъ возможнымъ взимать съ париковъ селенія Милы корабельный или судовой сборъ. Именно, какъ гласитъ царскій указъ дука Фракійской темы Мануила Контофре²⁾, данный въ 1237 году: „при стапати-

¹⁾ Nicet. Choniat., p. 75.

²⁾ Μανουῆλ Κοντοφρέ—упоминается въ исторіи Георгія Акрополиты (pagg.

десати судовыхъ тлѣїмоис—наложено было (на париковъ селенія Миля) полтора судовыхъ¹⁾; то-есть, нужно думать, на монастырскихъ крестьянъ селенія Миля приходилось переложенное на деньги содержаніе одного съ половиною либо судна, либо моряка (тлѣїмос значить то и другое) изъ ста-пятидесяти, поставленныхъ тѣмъ или другимъ податнымъ или военно-морскимъ округомъ. При весьма незначительномъ числѣ крестьянскихъ монастырскихъ семей въ селеніи, не достигавшемъ числа 25, очевидно, эта морская подать была весьма тяжелою. Предписывая своему чиновнику отказаться отъ ея взиманія съ монастырскихъ париковъ, императоръ прибавляетъ, что онъ долженъ считать эту подать въ одинъ съ половиною тлѣїмос полученнойю, какъ скоро ему предъявлено будетъ заявление монастыря, скрѣщенное архіерейской записью²⁾). Въ 1240 году императоръ долженъ былъ еще два раза повторить напоминаніе все тому же дукѣ и все о той же привилегіи монастыря (№ 158, III и № 156). Между прочимъ во второмъ изъ предразумѣваемыхъ нами указовъ, прямо сказано, что выисканіе новинности производилось деньгами³⁾), а съ другой стороны—содержится напоминаніе и объ освобожденіи отъ другаго побора, такъ называемаго „пастбищнаго“ (έννομою). Въ 1249 году какой-то царскій вестярить (№ 158, IV), снова требовалъ съ селенія Миля тлѣїмос єна прѣ-тѣ ѹмоса, и даже, въ видѣ приудительной мѣры, захватилъ монастырскій скотъ, но царь, вслѣдствіе жалобы игумена, издалъ опредѣленіе, объяснявшее требование чиновника несправедливымъ: „Ты долженъ взимать твой тлѣїмос оттуда, откуда они ежегодно давались“⁴⁾. „Ты долженъ освободить монастырскій скотъ, который ты отнялъ и держишь, ибо монастырь никогда не давалъ ничего по этой статьѣ, а давала ежегодно страна полностю“⁵⁾.

64, 71. Bonn), откуда видно, что онъ былъ начальникомъ флота въ 1237 и въ 1242 годахъ.

¹⁾ ἐπειδὴ γοῦν τοῦτο ἀρτίως ἐπὶ ἑκατὸν πεντήκοντα πλωῖμοις πλέόμος εἰς πρᾶς τῷ ἡμισει.

²⁾ καὶ ἵνα σοὶ δεχθῇ ὁ τοιοῦτος εἰς πρᾶς τῷ ἡμισει πλώιμος δὶ ἐμφανεῖς ἀρχιερατικὸν σῆμαίωματος, προβησομένου ἐξ ὅμολογίας τοῦ μέρους τῆς—μονῆς.

³⁾ ἐτι ζητεῖς τὰ νομίσματα τῶν πλωῖμων (pag. 249).

⁴⁾ οὐθεν τούν ἀδίθοτο κατέτος, ἐκεῖθεν πάλιν ὄφειλεις σὺ ἐπαρεῖν τοὺς πλωῖμους (pag. 253).

⁵⁾ ἐπεὶ οὐδέποτε δέδωκε τὸ τυχὸν χάριν τοῦ κεφαλαιοῦ τῶν πλωῖμων.. Καὶ ἡ χώρα ἀδίθοι κατ’ ἕτος πλωῖμους ἐξ ἀκεραιοῦ (pag. 253).

Въ съѣдующемъ году (№ 158, II) еще разъ изданъ былъ царскій указъ все по тому же поводу. Онъ былъ адресованъ Исааку Левуну и тѣмъ, которые завѣдывали „выгономъ“ или поставкой судовъ въ катепанствѣ Смирнскомъ, євъ тѣхъ хлѣбопеки тѣс Ембрѹгс: въ послѣдній словахъ, по видимому, и находится отвѣтъ на вопросъ о той террито리и или о томъ округѣ, съ котораго слѣдовало взысканіе 150 плѣю, и къ которому причислялись и Милы. Изъявляя свое неудовольствие на притѣсненія, которымъ подвергается монастырь, императоръ предписываетъ: „Возьмите одного съ половиною плѣю съ дома Фагомодія, хѣлающаго такія разкладки, чтобы онъ отучился налагать поборы, взыскиваемые со страны, на селеніе, принадлежавшее царскому монастырю“¹⁾.

Къ 1239 году (№ 158) относится, по видимому, и указъ Степпіоту обѣ освобожденіи монастыря отъ поставки лошадей и повозокъ или телегъ, которыхъ называемый чиновникъ казначейства (вестіарітъ) требовалъ съ монастырскихъ имѣній; царь объявилъ, что такъ какъ монастырская земля выдѣлены изъ состава страны, то онѣ не должны участвовать въ отправлении конской и извозной повинности²⁾, падающей на страну.

Въ 1238 году (№ 158, V) писцомъ или дозорщикомъ въ катепаннику Смирнскому былъ Ioannъ Констомаръ; не смотря на дарованныя монастырю привилегія, онъ вздумалъ требовать съ монастыря „пастбищное“ (εγγόριον), и для этой цѣли стали перечислять овецъ, принадлежавшихъ монастырю и монастырскимъ парикамъ; жалоба, присененная монастыремъ, вызвала царское повелѣніе, остановившее попытку Констомара.

Къ 1244 году (№ 166) относится весьма важное царское повелѣніе о парикахъ, ушедшихъ съ монастырскихъ имѣній. Изъ переданныхъ монастырю париковъ въ селеніи Милы, въ Палатіахъ, Потамѣ и въ другихъ мѣстахъ, многие выселились и ушли отчасти въ городъ Нимфей, отчасти въ село Мурмунты, принадлежавшее знатной господѣ протовестіариссѣ Иринѣ (см. ниже), отчасти въ Кукуль и Петру. Вслѣдствіе того монастырь лишился принадлежавшаго ему

¹⁾ τὸν δὲ τοιοῦτον ἵνα ἡμεῖς πλέων ἵνα ἀναλάβητε ἀπὸ τοῦ ὁσπητίου τοῦ τὰς καταθέσεις ποιοῦντος Φαγομοδ... καὶ οὕτως ἵνα ἀπομάθῃ τὸ τιθέναι εἰς τὰς ζημίας τὰς κατὰ χώρας ἐπερχομένας τὸ χωρίον τῆς μονῆς...

²⁾ ὡς ζητεῖς ἀπὸ τῶν κτημάτων αὐτῆς κονταράτους καὶ ζευγομάξια ἐπίεις τῇ λοιπῇ χωρᾳ.

права и доходовъ; и вотъ игуменъ обратился къ царю съ просьбой, чтобы повелѣно было собрать париковъ со всѣхъ тѣхъ мѣстъ, где они сѣли, и водворить ихъ на прежнія мѣста. Царь, согласно съ прошеніемъ, издалъ указъ, отрицающій право свободнаго крестьянскаго перехода, но, по видимому, представляющій только частную и единичную мѣру. Всѣ парики вышеозначенаго рода должны быть отчислены государственными чиновниками, завѣдующими податными сборами, отъ новыхъ ихъ помѣщиковъ опять къ монастырю.

Мы уже упомянули объ освобожденіи монастыря отъ всякихъ поборовъ за права рыбной ловли на берегу и въ лодкахъ. Права эти снова подтверждены въ 1247 году двумя царскими указами Иоанну Кантакузину, виночерпію и дукѣ темы Фракійской. Въ первомъ (№ 130) говорится вообще о разныхъ привилегіяхъ монастыря; онъ освобождается отъ казенныхъ высканій по своимъ землямъ, запашкамъ, мѣтохамъ, рыбнымъ ловлямъ того или другого рода—виваріями (садками) или неводами¹⁾). Во второмъ (№ 13) императоръ объявляетъ, что вестіарій Кадіанъ, получившій грамоту на сборъ повинностей за рыбныхъ ловли и съ рыболовныхъ судовъ, не имѣеть никакого права тревожить монастырь Лемвотиссу ради находящагося у него невода (*χαρογρότιον*), такъ что если онъ высканѣлъ за это съ монастыря, то долженъ возвратить.

Приказъ (№ 138), данный въ 1256 году Георгію Махрину, совершенно сходенъ по содержанию съ первымъ указомъ его предшественнику Кантакузину.

Есть три царскіе указа (подъ № 179) изъ коихъ первый скрѣпленъ Димитриемъ Торникіемъ и относится, по видимому, къ 1227 году, а третій адресованъ на имя протоіеракарія Константина Хадина, и слѣдовательно, принадлежитъ Михаилу Палеологу²⁾),—объ ежегодномъ отпускѣ изъ казенныхъ солончаковъ въ Смирнѣ двухъ сотъ мондіевъ соли въ пользу монастыря: отпущенное количество будеть считаться поступившимъ въ государственную казну³⁾.

Изъ приказа (№ 161), даннаго Палеологомъ въ 1259 году, мы узнаемъ о нѣкоторомъ движеніи париковъ селенія Вары, похожемъ

¹⁾ Здѣсь же прибавлено: μηδὲ κουταράτους ἐκβάλλειν η̄ ἀερικάνειν τινὰς τῶν τῆς πονῆς.

²⁾ Константинъ Хадінός сопровождалъ въ 1258 году Михаила Палеолога: Pachymer. II, 81, 100. *Muralit, Chronogr. sub anno.*

³⁾ ως διφαιλότων δέχεσθά τοι εἰς τὸ τῆς βασιλείας μου βεστιάριον.

на крестьянский бунт: парики не слушались монаховъ, не хотѣли платить своего оброка, и даже запрещали это давать новожиламъ, пришедшими изъ чужа и тамъ поселившимся вмѣстѣ съ ними, отказывались отъ извѣзной барщини (*ἀγγαρέις*) и вообще не хотѣли исполнять повинностей, лежащихъ на парикахъ¹⁾). Царь поручилъ чиновнику, заѣдывающему казенными сборами въ темѣ Оракисской, внушить парикамъ, что они обязаны платить оброкъ монастырю и исполнять всѣ свои повинности, а въ случаѣ нужды разрѣшилъ принять принудительныя мѣры. Сверхъ того, крестьяне обязывались, подъ страхомъ насильственного взысканія, уплатить свой долгъ монастырю въ 55 империоровъ, сдѣланній недавно по случаю исполненія военной обязанности (*στρατείας γενομένης*).

Въ 1260 году (№ 137) Михаилъ Палеологъ повелѣлъ дукѣ темы Оракисской, Феодору Кривитціоту (*Κρυφίτζωτα*), защищать монастырь отъ разныхъ сосѣдей, и между прочимъ отъ Даватина (ср. № 121).

Въ 1269 году (№ 136) монахи просили подтвержденія всѣхъ своихъ привилегий и жалованныхъ грамотъ, чтѣ и было сдѣлано въ обычныхъ выраженіяхъ; замѣчательно только ближайшее объясненіе часто повторяющагося выраженія „*προσκληθμένους ξένους καὶ δημοσίφ αὐτούς*“: оказывается, что въ числѣ этихъ пришлыхъ счужа поселенцевъ, неизвѣстныхъ казакъ, первое мѣсто занимали уроженцы ближайшихъ острововъ и затѣмъ уже другіе Грееки²⁾.

Въ 1271 году (№ 160) данъ царскій указъ дукѣ Оракисскому Георгію Каммитцовуку принять мѣры для защиты монастыря отъ беспокойныхъ сосѣдей—царскаго друнгарія Гавалы (ср. стр. 165) и Тарханіотовъ. Своевольно и безъ вѣдома монаховъ они занимали монастырскія земли и васѣвали ихъ для себя, заявляя, что они будутъ платить десятину³⁾, чего монастырь вовсе не хотѣлъ.

Въ 1292 году (№ 162) императоръ Андроникъ указомъ своему грамматику и дукѣ темы Оракисской Фокѣ Авторіану рекомендовалъ оказывать Лембіотиссѣ защиту противъ особы и архонтовъ, имѣющихъ по сосѣдству съ обителю свои владѣнія⁴⁾: они захватывали монастырскія земли и вообще причиняли много ущерба и

¹⁾ οὗτος ἀλλο τι ποιεῖν ἐθέλουσι τῶν δοσῶν ὑπὸ παροικιῶν τελούντων ποιοῦσιν.

²⁾ Σένους — — ἦγουν τοὺς νησιώτας καὶ τοὺς ἔτερους.

³⁾ Εἰς τὸ διδόναι πρὸς τοὺς μοναχοὺς μορτήν.

⁴⁾ Κτήματα προσωπικὰ καὶ ἀρχοντικά.

обидъ. Изъ другаго приказа (№ 163), тому же Фокѣ Авторіану мы отчасти узнаемъ, кто именно были эти непріятные сосѣди, и потому приводимъ здѣсь же содержаніе и этого документа. По сосѣдству съ селеніемъ Вары жилъ тогда „спальничай болыкной печати“¹⁾ Иоаннъ Дука Неостонгъ, и вотъ его-то парики жители селенія Приноварія обижали монаховъ. Разъ нѣсколько изъ этихъ париковъ пришли на скотный дворъ (εἰς τὴν μάνδραν τῶν Λόφων) монастыря и потребовали отъ находившагося тамъ монаха, чтобы онъ далъ имъ сыру; когда же тотъ не далъ, то били его палкою по головѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ. Потомъ чрезъ нѣсколько дней Приновариты стали бродить по монастырскимъ виноградникамъ, и когда игуменъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, нанесли ему нѣсколько уда ровъ бичемъ (ἔθωκαν σύτῷ μετὰ λαυτζούσιον); потомъ они прибили іеромонаха Григорія и затѣмъ эконома; послѣдняго даже ранили въ руку, такъ что послѣ онъ не могъ владѣть однімъ пальцемъ. Разъ ночью парики Неостонга пустили свой скотъ на монастырскія поля, подстерегли и сильно прибили монаховъ, которые выговаривали имъ за это. Дукъ Фракисійской темы предписывалось — въ случаѣ если такія обвиненія оправдаются, подвергнуть крестьянъ штрафу, ко торый и внести въ царскую казну. Авторіанъ пригласилъ въ производству слѣдствія и суда духовныхъ архонтовъ митрополіи Смирнскій (великаго сакеднія, протонотарія, протопопа и другихъ), и вмѣстѣ съ ними нашелъ жалобы монаховъ справедливыми (№ 164). Кромѣ вышеупомянутыхъ обидъ и насилий, оказалось, что крестьяне Неостонга разбойническимъ образомъ уносили масло изъ клаcовой монастыря; одинъ изъ нихъ убилъ лошадь монастырскаго человека, стоявшую 18 иперпировъ, и т. д.

Неизвѣстно — къ какому году относится приказъ нѣкоему Сиропулу (№ 159), но содержаніе не ложено значенія. Сиропуль долженъ быть отъ излишка въ извѣстное число иперпировъ, оказавшагося послѣ описи монастырскихъ имѣній, 15 иперпировъ передать монастырю, а относительно другихъ 15 распорядиться тамъ, чтобы они были вносимы монастыремъ въ царскую казну²⁾.

¹⁾ Παραχοιμώμενος τῆς μεγάλης σφενδόνης. Cf. *Dicasage* εἰς νοε.

²⁾ Ως ἀν απὸ τῆς περισσίας τῶν ὑπερπύρων τῆς κύρεθείσης ἀπὸ τῆς ἀπογραφῆς οὐ εἰς τὰ κτήματα τῆς—μονῆς и т. д.

2.

Слѣдуютъ акты, относящіеся къ разнаго рода пожертвованіямъ въ пользу монастыря.

Въ городѣ Смирнѣ находился молитвенный домъ, воздвигнутый одиимъ ткачемъ (*ἀνθρακόφορον*) и оставленный имъ свободнымъ отъ всякихъ повинностей и отъ всякаго подчиненія или отношенія къ кому-либо другому, исключая того, что митрополитъ Смирнскій долженъ былъ поминаться на эктевіяхъ (*ἀναφορά*). Около 1227 года въ этой часовнѣ поселился одинъ мірянинъ, родственникъ великаго эко-нома Смирнскай церкви, по имени Листъ. Узнавъ объ этомъ, импера-торъ Ioannъ Дука Вататци, нашелъ нецріличнымъ такое положе-ніе дѣла и велѣлъ передать молитвенный домъ, посвященный св. Георгію Екзокастриту, возобновляемому тогда монастырю Лемвіотиссы. Президентъ (*προχωδῆμενος*) Смирны Георгій Мономахъ дол-женъ быть озабоченъ исполненіемъ царскаго указа и выдать игу-мену Герасиму передаточную грамоту (*ταραδοτικὸν γράμμα*), въ ко-горой содержалась опись книгъ и вообще церковнаго имущества. За-тѣмъ самъ царь (въ 1230 г.) освободилъ монастырь Лемвіотиссу, оба-занный отправлять у св. Георгія Екзокастрита церковную службу, отъ подати въ одиинъ иперпіръ, которую ему слѣдовало бы вносить за свой новый методъ ради житнаго сбера¹⁾; сборщики, которые дѣлаютъ сборъ житнаго сбера отъ имени казны въ Смирнскай обла-сти, не должны обращаться къ монастырю съ требованіями по этой статьѣ, какъ скоро имъ будетъ показанъ царскій указъ, коемъ资料 должна храниться и въ архивѣ царскаго казначейства (вестіарія).

Въ сентябрѣ 1230 года (№ 10), въ царствование Ioanna Duки Вататци и его супруги Ирины, Есентъ Валки (*Βάλκης*) съ женой и сыномъ дали слѣдующую записку игумену Герасиму: „Отецъ нашъ, нареченный въ монашеской схимѣ Герасимомъ, завѣщалъ намъ пе-редъ смертю предать его погребенію въ монастырѣ св. Георгія Ек-зокастрита и пожертвовать на ежегодный поминъ души своей одну изъ солинокъ вараницъ (солончаковъ), ему принадлежавшихъ, но по смерти ектора сего монастыря мы до сего дня удерживали за собою половину доходовъ съ этого солончака. Теперь же игуменъ Гера-

¹⁾ Τὸ ἐπικέιμενον αὐτῷ χάριν σιταρκίας... μηδὲλως ἀπαιτεῖσθαι τοῦτο παρὰ τῶν κατὰ καὶροὺς ποιουμενῶν τὴν τῆς σιταρκίας ἀπαιτησιν.

съмъ представилъ намъ, въ присутствіи киръ Георгія Мономаха, завѣщаніе ктитора, монастыря св. Георгія, и въ этомъ завѣщаніи оказался упомянутымъ весь соленчакъ Валка. Вследствіе того послѣ многихъ переговоровъ, въ присутствіи примирительныхъ посредниковъ (віртуокошн ғундрон) мы уступили весь упомянутый соленчакъ монастырю Лемвотиссы¹.

Въ 1231 году (№ 9) монахиня Ксения Ангелина возобновила въ пользу монастыря Лемвотиссы дарственную запись, данную изъ-когда Георгию Евзокастриту и затѣмъ утраченную, на землю, сосѣднюю и соединяющуюся съ полями сейчасъ названного метоха (свидѣтели: Михаиль Фока, Мануиль Ангель).

Въ 1232 году (№ 15) священникъ Алексій Тесантъ выдалъ запись игумену Герасиму, въ кѣторой заявляетъ, что монастырь Пантелеймона былъ еще во владѣніи отца его, Луки, который его и выстроилъ, украсилъ, снабдилъ кельями и населилъ монахами, что передъ смертью Лука передалъ монастырь духовнымъ завѣщаніемъ ему, Алексію, какъ своему наслѣднику и какъ ктитору. Но по смерти Луки, какіе-то недобрые люди причинили много хлопотъ Алексію относительно владѣнія монастыремъ, такъ что онъ долженъ былъ обращаться къ царю; когда императоръ утвердилъ за нимъ владѣніе, и онъ прибылъ на мѣсто, то нашелъ монастырь въ бѣдственномъ положеніи, бѣзъ церковной службы и пѣнія, и потому тогда же рѣшился передать его игумену монастыря Лемвотиссы въ видѣ метоха съ тѣмъ притомъ условіемъ, чтобы Алексій могъ впослѣдствіи безпрепятственно постричься въ монастырь Герасима и поступить въ число братіи.

Въ 1233 году (№ 15) священникъ Алексій Тесантъ передаетъ монастырь Пантелеймона въ полную собственность Лемвотиссы для возстановленія и улучшенія его; при этомъ сообщается опись монастырскаго движимаго и недвижимаго имущества; въ томъ числѣ упоминаются разныя земли и поля, виноградникъ, волъ, оселъ, масличная и другія деревья¹), недостроенный молитвенный домъ, который можетъ быть обращенъ въ метохъ монастыря, и тридцать ульевъ, (μελίσσα). Еще послѣ (№ 40) сынъ этого Алексія, Михаиль, тоже священникъ, передалъ въ собственность монастыря и храмъ св. Иоанна Предтечи, который онъ поправилъ и украсилъ; при этомъ онъ заявилъ, что будучи обитателемъ того мѣста, ежегодно вносить

¹⁾ Βοΐδιον μετὰ κατασκορᾶς αὐτῷ καὶ ὄντικὸν καὶ ἑτερα δένδρα ἐλαῖκά.

въ монастырь оброка два империа съ половиною. Нужно сверхъ того замѣтить, что съ монастыремъ Пантелеимоновскимъ должны были перейти Ламвотиссъ и другія пожертвованія, сдѣланныя ранѣе въ пользу первого, напримѣръ, масличный деревья, пожертвованный игумену св. Пантелеимона Леонтию Иоанномъ Севастомъ Алиеноромъ (1225 года, № 24).

Въ 1237 году (№ 12) Георгій, митрополитъ Смирнскій, пожертвовалъ въ пользу монастыря имѣніе, доставшееся ему отъ благороднойшей женщины, Анны Комнины; оно соѣдило и соприкасалось съ землями св. Георгія Экзокастрита и съ другими владѣніями монастыря. Монастырь долженъ быть вносить ежегодно въ видѣ оброка за даруемое поле («πτελεῖν») одну литру воска.

Въ 1253 году и затѣмъ въ 1261 (№ 146) послѣдовалъ рядъ пожертвованій отъ знатной женщины, протовестіариссы Ирины. 1) Она передала монастырю земли посѣлѣ Франгопула, доставшіяся ей по наследству царскому, и свое отдельное самостоятельное помѣстье (ιδιοπερіόριστο) подлѣ селенія Петрицины. Монаховъ уже и ранѣе прельщало послѣднее имѣніе, находящееся по сосѣдству съ землями ихъ монастыря, и они даже дѣлали попытки фактическаго его присвоенія, особенно когда царскій свойственникъ (σόγγαρφος) Михаилъ Фока уступилъ монастырю территорію въ ближайшемъ соприкосновеніи съ помѣстемъ. Однакоже, Ирина умѣла охранять права своей собственности и уступила ихъ только по доброй волѣ въ виду просьбы монаховъ и обѣщаній молиться о спасеніи ея души. 2) Она же записала въ пользу монастыря земли въ мѣстности Асані составившія разными образомъ самостоятельное помѣстье (ιδιοπερіόριστο); поэтому парики ея, живущіе въ селеніи Мурмунтахъ, обязывались не тревожить монастыря изъза нихъ. 3) Она же пожертвовала землю отъ своей запашки (ζευγηλατεῖον) въ Кукуллѣ; при этомъ человѣкъ ея, управляющій ея имѣніемъ въ Мурмунтахъ, и владѣющій сказаннымъ имѣніемъ сынъ Вранинъ, и вообще всѣ владѣющіе и управляющіе устраивались отъ этой земли: „а если кто изъ крестьянъ или нашихъ людей, сказано въ записи, засѣялъ бы какую-либо часть полевой монастырской земли, то онъ долженъ внести обычную десятину“¹⁾). Дѣйствительно случилось, что человѣкъ ея завладѣлъ таковыми, то-есть, уступленными монастырю участкомъ въ Кукуллѣ; но Ирина сейчасъ же потребовала, чтобы онъ

¹⁾ Εἰσθεῖαν μορτῆν.

уплатить мѣрту, возвратилъ по принадлежности землю, и снова подтвердила свое распоряженіе со всякими заключеніями, ссылаясь даже на заслуги своего покойнаго мужа Романіи. 4) Она подарила монастырю своего парика, поселившагося въ Варѣ, Михаила Мурмунтина; никто изъ нашихъ управляющихъ, пишетъ Ирина, не долженъ тревожить Михаила и требовать отъ него какихъ-либо дачь, такъ какъ онъ пожертвованъ нами монастырю Лемвотиссѣ¹⁾.

Въ 1259 году (№ 64) Ирина Схолари передаетъ игумену Кириллу деревья, которая она получила отъ отца своего Иоанна Манкафы, и которая куплены были имъ въ 1235 году въ числѣ 26 за 16 монетъ у Иоанна Ханте (№ 19). Послѣ Манкафы осталось 22 маслины; изъ нихъ половина 11 по его волѣ должны были поступить въ монастырь въ видѣ приношенія, а другая половина должна была быть проданной тому же монастырю. Такъ какъ Манкафа при своей жизни не успѣла совершить продажи, то его волю исполняетъ его дочь, жертвуя 11 маслинъ на поминовеніе души своего отца и продавая другія за четыре иперпира (εξάγια ὑπέρπτηρα).

Въ 1259 году (№ 140) Феодоръ Филесъ подтвердилъ дарственную запись своей тещи Ирины Комнины Вранини, данную еще іеромонаху Павлу, много лѣтъ тому назадъ. Именно—Ирина Комнина, жена Враны, пожертвовала монастырю (№ 139) участокъ, называемый Спамовыми (χωράφιον τοῦ Σπαμοῦ), вслѣдствіе того побужденія, что ея парики частоссорились изъ-за него съ монахами съѣдного монастыря. Теперь при Феодорѣ этимъ участкомъ завладѣть было какою-то „его человѣкѣ“; но по предъявленіи старой записи ему приказано было оставить монаховъ въ покой²⁾,

Въ 1265 году (№ 80) Николай и Ксень Дерматѣ подарили монастырю свои земли по сосѣдству съ Кукуломъ.

¹⁾ Единственный примѣръ, что париковъ дарать, но и въ этомъ случаѣ, вероятно, съ землею.

²⁾ Запись Ирины совсѣмъ не имѣеть никакой хронологической отмѣтки, таинъ что для опредѣленія годовъ, къ которымъ она принадлежитъ, остается только имя Павла, получившаго ее. Но имя Павла носятъ два игумена Лемвотиссы: Павелъ I—1132—1137 гг., и Павелъ II, упоминаемый въ 1244 и 1246 годахъ. Что касается до Филеса, то онъ упоминается у Акрополита какъ лицо, дѣйствующее въ пятидесятыхъ годахъ XIII столѣтія (Acrropolit, 91, 165, 174). Такъ какъ его запись означена вторымъ видиктомъ, то мы отнесли ее въ 1259 году. Именно въ этомъ году онъ былъ освѣщенъ Михаиломъ Палеологомъ Акрополит.; Gregor. p. 111, 3; Pachymer, p. 23, 24.

Въ 1266 году (№ 87) Севастъ Петрицинъ, съѣдуя примѣру своего отца, отличавшагося усердіемъ къ церкви и особенно къ монастырю Лемвіотиссѣ, жертвуетъ этому послѣднему родовую свою землю въ поляхъ Меманіоменовыхъ по сосѣдству съ монастырскими угодіями—въ объемѣ 20 гоновъ (стрѣмата) съ солончаками (ѧлохѣ). Если же я въ чёмъ нарушу свою запись, пишетъ завѣщеватель,—пусть не буду болѣе служить каѳь достойный стратіотъ моему царю.

Въ 1267 году (№ 98) Анна Ангелина съ дѣтьми даритъ землю тоже въ Меманіоменовомъ полѣ въ 40 модіевъ (или 34 ѹроубѣ), и сверхъ того, за 14 иперпировъ, уступаетъ монастырю дома въ Пиргѣ съ дворомъ.

Въ 1274 году (№ 49) монахиня Мареа Өракісійская и ея дочь и зять передали іеромонаху Іоанну игумену Лемвіотиссы монастырю св. Георгія Побѣдоносца, прозываемый Скурвулла со всѣми принадлежащими ему угодьями и имуществомъ; актъ продажи и опись были утверждены, по желанію жертвовательницы, митрополитомъ Смирнскимъ Іоанномъ.

Въ 1275 году (№ 95) Евдокія Петрицина даритъ монастырю землю въ мѣстности „Солончакъ“ (тобѣ 'Алохѣ) во сосѣдству съ влаждѣніями Лемвіотиссы въ объемѣ девяти гоновъ (стрѣмата).

Въ 1280 году (№ 101) Өеодоръ Гаргарисъ съ женой подарили монастырю свой участокъ въ поляхъ Меманіомена, пососѣдству съ Палатіями, где уже было много монастырскихъ земель. Около того же времени (1272—1181 гг.: № 58) Өеодоръ Гордата духовнымъ завѣщаніемъ оставляетъ монастырю, где онъ самъ намѣренъ постричься, полевой участокъ въ селеніи Варѣ въ 30 модіевъ и виноградникъ въ два модія, доставшійся ему въ видѣ приданаго за жену. Въ замѣнѣ поля и виноградника, то-есть, приданаго, онъ оставляетъ женѣ свои доля въ городѣ Смирнѣ (остѣтїа), исключая двухъ, составляющихъ собственность его сыновей¹⁾, и другой виноградникъ, братнюю часть; если же это послѣ будетъ тревожить и беспокоить его жену по поводу раздѣла, то пусть она возьметъ поле и виноградники, составлявшіе ея приданое, а монастырь—дома²⁾.

Въ 1281 году (№ 5) монахиня Мареа Өракісійская двоюродная сестра Гордаты, (см. выше пожертвованіе 1274 года) оставляетъ по

¹⁾ ἐν κεραμῳτῷ, ἑταρον καλοβιζῳτόν.

²⁾ Другую часть своего поля въ томъ же 1272 году (№ 59) Гордата продала Фокѣ, сыну Кираамаріи, за 4 иперпира.

завѣщанію, съ согласія дочери, монастырю Лемвіотиссѣ, гдѣ будеть положено ея тѣло, поле вблизи св. Предтечи—и дубовыя деревья на двухъ смежныхъ поляхъ — Петритцны и Враны,—ей принадлежавшія. Въ томъ же году (№ 41) Феодоръ Комнинъ Врана подарила монастырю маслины и дубовыя деревья въ разныхъ мѣстахъ, пріобрѣтенные имъ отъ Хрисоверга Севасти, Тцикалата и Коcкины съ обязательствомъ взноса причитающейся доли податей¹⁾.

Въ 1281 году (№ 100) Михаилъ Врана Комнинъ пожертвовалъ игумену Агаеону мѣстечко съ старою упавшою церковью „св. Константина“ близъ мѣстности, называемой святою („Агъя“).

Около 1283 года (№ 43), при игуменѣ Каллистѣ совершена была также сдѣлка относительно одного старого пожертвованія въ монастырь. Президентъ (прохадѣтіеос) Смиры, Георгій Калоїда, пожертвовалъ нѣкогда монастырю метохъ св. Георгія; но этимъ метохомъ пожелалъ владѣть царскій племянникъ, протосевастъ и великий доместикъ; „вынужденный силой и величиемъ такого мужа“, Калоїда передалъ ему свой метохъ посредствомъ записи; монастырь только введенъ былъ въ напрасные издержки и хлопоты въ Константинополь, и потому просилъ вознагражденія. По своимъ скучнымъ достаткамъ, Калоїда ничего другаго не могъ сдѣлать, какъ уступить землю свою въ полѣ Меманіомена по сосѣдству съ участками, уже купленными монастыремъ у его родственниковъ. Но потомъ онъ раскаялся и просилъ монаховъ вмѣсто полей взять масличныя деревья, около селенія Мантии въ количествѣ тридцати.

Въ 1283 году (№ 169) жителями селенія Геника переданы были Лемвіотиссѣ два упавшіе монастыри—св. дѣвы Маріи Аманаротиссы и другой—св. Маринѣ²⁾; оба находились прежде подъ наблюденіемъ епископа города Моника (см. №№ 167, 167 и 118).

Въ 1285 году (№ 52) Феодоръ Комнинъ Врана, царскій слуга, оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ отказывались монастырю:

- 1) масличныя деревья, доставшіяся ему отъ Ангелины, жены Хрисоверга — слѣдующимъ путемъ: онъ далъ ея мужу одну литру съ третью не чеканенного серебра (*αστῆμα λίτραν*), и когда тотъ умеръ

¹⁾ Запродажный актъ священника Михаила Тцикалата и Коcкины (№ 53) показываетъ что у нихъ было куплено Враною, на правахъ сосѣдства, 44 маслины за 42 номисмы, съ прибавленіемъ одной монеты за хлопоты подохокіас.¹⁾

²⁾ Монастырь св. Маринѣ въ Милахъ былъ основанъ въ 1192 году монахомъ Героигіемъ, какъ видно изъ его дарственной записи (№ 118).

бездѣтнымъ и безъ наслѣдниковъ, требовалъ отъ его жены возврата; но такъ какъ она не могла возвратить металла, потому что истрастила его, то уступила деревья. Если это позднѣе будетъ отыскивать эти деревья, то долженъ будетъ уплатить монастырю означенную литру съ одной третью. 2) Сверхъ того Врана оставилъ монастырю другія деревья, входившія въ составъ его родовой собственности, по сосѣдству съ предыдущими, числомъ 30 (хормоу; 30).

Въ томъ же году (№ 59) Левъ Чуруль, въ монашествѣ Лука, подарилъ монастырю, въ которомъ и постригся, 46 деревьевъ съ землею, на которой они стояли; монастырь обязывался платить ежегодно нѣкоему Каппу, у которого приобрѣтены были деревья Львомъ, и за которымъ они, очевидно, еще числились въ писцовыхъ и податныхъ книгахъ, небольшую сумму¹⁾.

Въ 1281 году (№ 99) Иоаннъ Комитъ дука темы Фракійской, по приказанию императрицы, передалъ монастырю помѣстье, называемое „Святая“ (тѣ топлю тѣ єїлєгомаюн тѣс; Ἀγίας) по близости Плататій.

Въ 1288 году (№ 47), царскій слуга Мануиль Дука, только что воротившій земли, въ предыдущемъ году захваченные у обители его париками (№ 74), утвердилъ за монастыремъ свободное владѣніе имѣніями Потаму и Монопевка; и онъ же приказалъ (№ 48) своему человѣку ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ уплачивать монастырю 40 мелкихъ желѣзныхъ монетъ (стѣпра хормата 40).

Въ 1292 году (№ 71) Михаилъ Ангелъ Кумпаріотъ, получивъ отъ жены по завѣщанію третью принадлежавшихъ ей масличныхъ деревъ, передалъ доставшуюся ему часть, то-есть, 20 деревьевъ, находившихся пососѣдству съ деревьями, издревле принадлежавшими монастырю.

Въ 1294 году (№ 180) нѣкто царскій слуга, Тираннъ Гудели, предоставляетъ въ видѣ своего приношенія Лемвотиссѣ: 1) лавку шерстяныхъ матерій въ Смирнѣ, 2) башню съ хлѣбопекарней и лавкой, съ коихъ получается въ годъ наемной платы (евоіхіон) двѣsti империировъ, 3) три виноградника въ сорокъ хлѣбныхъ (?) модіевъ (мо-діону ἀνυονіхѣн), 4) запашку (Сеуттлаетеіон) въ мѣстѣ называемомъ Пигасъ въ 10 морскихъ модіевъ, 5) двѣ пары рабочихъ воловъ (Сеуттлаетеіон), четыре не рабочихъ (ἀργά), двухъ коней, 6) другую хлѣ-

¹⁾ διών καὶ ὠφείλει τελεῖν ἡ μονὴ πρὸς τὸ μέρος τοῦ Καπύδου κατ' ἄτος κόκκινα δέκτα.

бопекарю (тò ён тφ ἀγγορείφ), 7) половину бани, 8) еще виноградникъ, 9) дома (օսτρում), за которыхъ жертвователь состоялъ еще въ долгу на 420 империевъ; поэтому монахи обязались уплатить этотъ долгъ — 150 империевъ въ скоромъ времени, а остальныя съ разсрочкою—изъ доходовъ съ жертвуемаго имущества, 10) дома и лавки въ Нимфеѣ. Сверхъ того, жертвователь имѣлъ свой пай или долю въ одной лавкѣ благовонныхъ товаровъ; но въ это монастырь не могъ вступаться, и Гудели предоставлялъ еще себѣ распорядиться передачею своего права.

3.

Обращаемся къ обозрѣнію пріобрѣтеній монастыря посредствомъ купли. При этомъ считаемъ пужнымъ предупредить читателя, что во второй половинѣ нашей статьи онъ найдеть въкоторыхъ соображенія относительно чаще встрѣчающихся единицъ монеты и мѣры, относительно величины зевгарія и модія и относительно цѣнности и перспира.

Въ 1231 году (№ 11) Анна Комнина продала игумену Герасиму свое поле по сосѣдству съсадомъ Ангелины. Въ томъ же году (№ 17) игуменъ Герасимъ купилъ у мѣстнаго жителя Ксена Леганта въ селѣ Панаретѣ въ мѣстности Финикѣ 18 масличныхъ деревьевъ за 5 золотыхъ монетъ съ обязательствомъ взноса (ὑπὲρ ἐπιτέλειας) въ одну помисли леннику и рыцарю Сиргарію.

Въ 1232 году (№ 25) Михаилъ Какава продалъ монастырю 25 масличныхъ деревьевъ въ селеніи Панаретѣ въ мѣстности Финиѣ за восемь золотыхъ монетъ (υομίσματα ἑξάγια ὅκτω); а (№ 66) Никита Кавуръ 24 дерева за семь империевъ—въ томъ же селѣ Панаретѣ пососѣдству съ плантацией, пожертвованной его тестемъ Легантомъ. Императоръ (№ 70), утвердивъ по желанію игумена, сдѣланыя монастыремъ пріобрѣтенія (сверхъ вышеозначенныхъ покупокъ—метода св. Пантелеймона), опредѣлилъ, что монастырь не долженъ платить за нихъ податей болѣе, чѣмъ означено въ передаточныхъ актахъ. Григорій Цониръ (№ 114) продалъ игумену Павлу свое поле въ мѣстности Георгія великомуученика.

Относительно имѣнія Какава нужно вдѣсь упомянуть слѣдующее (см. № 31). Дяди царствующаго императора, Иоаннъ Ангель (вѣроятно, дуга темы Фракісійской: см. акты обѣ имѣній Сфурну), наложилъ на монастырь за это имѣніе подать (ἐπιτέλεια), которой, однако,

монастырь не платилъ въ сколько лѣтъ—на томъ основаніи, что она была наложена безъ всякаго разсмотрѣнія и безъ вниманія къ тому, что имѣніе, купленное монастыремъ, было бездоходно и бесполезно. Въ этомъ убѣдился и писецъ или дозорщикъ катапанства Смирнскаго, царскій секретарь, Иоаннъ Констомаръ. Вслѣдствіе того, въ 1238 году, онъ выдалъ, актъ, освобождающій монастырь отъ всякой подати за имѣніе: „монастырь, въ угожданіе императору, объявляется свободнымъ отъ всякой тѣгости; казна и сборщики казенныхъ податей не должны имѣть никакого доступа въ него ради взысканія подати, потому что Кахава переданъ въ другое мѣсто, гдѣ и будетъ отправлять свои воинскіе повинности, а равно и казенные податные статьи—*ἀγάπτης, αταρκίας*, и другія взысканія, слѣдующія съ него, какъ съ парика.

Въ 1239 году (№ 85) Агриперми продаетъ монастырю два участка земли: одинъ въ мѣстности Арка, оставшійся отъ поля прежде проданного стратіоту Мономаху, цѣною въ три иперпира (*ὑπέρπιρα ἑξάτη τρια*), и другой—братьій участокъ въ двадцать гоновъ (стрѣрата), цѣною въ пять иперпировъ (такихъ же); а все вмѣстѣ — за восемь иперпировъ или номисмъ.

Въ 1250 году (№ 119) Марія Катафиготисса и Георгій Тсангаропулъ продали игумену Асанасію свои поля—первая 3½ модія за три иперпира, второй—два модія за 1½ иперпира.

Въ 1254 году (№ 81) Константина Кипоръ и Николай Дермата продали игумену Асанасію свои родовыя поля по сосѣдству съ Палатіями пространствомъ въ 50 модій за пять иперпировъ.

Въ 1256 году (№ 89) Михаиль Критикъ и другіе продали свои земли тоже пососѣдству съ Палатіями въ количествѣ 100 модіевъ за одинадцать иперпировъ.

Въ 1262 году (№ 148) Михаиль Петратъ продалъ находившуюся пососѣдству съ сейчасъ упомянутыми покупками землю Еолелу съ уплатой подати ежегодно въ двѣ номисмы.

Въ 1263 году (№ 57) Иоаннъ Мелись продалъ игумену Герасиму II свое поле и масличныя деревы за три иперпира (съ епитетомъ *πρὸς τῆμας*).

Въ томъ же году покончено было о покупкѣ еще одной земли пососѣдству съ Палатіями (№№ 84, 83 и 82). Нѣкто Дермата продалъ свою землю Варахиду, но сдѣлалъ это безъ соблюденія всѣхъ законныхъ правилъ, именно не предваривъ монастыря, который вслѣдствіе сосѣдства считалъ себя имѣющимъ право предпочтительной покупки.

Отсюда возникли многие споры и неудовольствия, тѣмъ больше, что монахи еще раньше (около 1256 года (№ 83) имѣли съ Варихиромъ подобное столкновеніе по продажѣ имѣнія Катцвариномъ. Варихиръ отказался было отъ своей покупки за пять иперпировъ, уплаченныхъ монахами, но потомъ отдалъ ихъ назадъ. Послѣ этого раздоръ усилился. Въ 1263 году дѣло поступило на разбирательство митрополита Смирнскаго, который побудилъ обѣ стороны, то-есть, монастырь и наследника Варихира—Вардахлу—къ мировой: монастырь получалъ, въ силу правъ сосѣдства, имѣніе и уплачивалъ вмѣсто пяти восемь иперпировъ Вардахлу. Если Вардахла при этомъ не выдалъ монастырю запродажной записи Дерматы, то причиной тому было то, что въ актѣ говорилось еще о продажѣ другой недвижимости.

Въ 1268 году (№ 88) поконченъ былъ споръ за землю, доставшуюся отъ Георгія Петриція. Земля эта, находившаяся въ поляхъ Меманіомена по близости съ монастырскою территоріей, отдана была Петриціемъ монастырю въ вознагражденіе за 10 иперпировъ, данныхъ ему въ видѣ пособія при исполненіи военной службы (стратиштхѣ боослѣїх). Но въ эту землю вступилъ также и монастырь св. Николая въ Смирнѣ на основаніи какого-то родового завѣщанія и ближайшаго сосѣдства. Петрицій умеръ, не успѣвъ устроить дѣла, и поручилъ въ завѣщаніи свою землю эту заботу своему зятю Апелменѣ. Послѣдній пригласилъ игуменовъ той и другой обители на поле Меманіоменовъ, чтобы привести ихъ къ соглашенію. Это оказалось дѣломъ не легкимъ; игумены начали переговоры крупноюссорой, и большаго труда стоило успокоить и примирить ихъ.

Въ 1272 году (№ 59) Николай Дерматы съ сыномъ продалъ за два иперпира имѣніе по сосѣдству съ Цалатіями.

Въ 1274 году (№ 39) Мареа Фракисина продаетъ монастырю 36 дубовъ, а также свою долю изъ родовой полевой земли выгѣсть съ орошающей ее водою—пососѣдству съ домами Петриція за 13 иперпировъ.

Въ 1275 году (№ 94) куплены были земли у Неофита, настоятеля сосѣдняго монастыря (Нерішн), 20 гоновъ (стрѣмца) за семь иперпировъ.

Въ 1276 году (№ 96) Михаилъ Петрицій, уже упоминавшійся выше, продаетъ свое поле въ мѣстности Пирга пространствомъ въ 30 гоновъ за 10 иперпировъ, то-есть, по одному иперпиру за три она (стрѣмца).

Въ томъ же году Николай Критикъ продаетъ землю въ мѣстности

Крамаста (№ 97) вмѣстѣ съ церковью св. Елены. Въ томъ же году (№ 98) Тираннина (то-есть, жена Тиранна), знатная женщина, съ дочерью Ангелиною продали монастырю землю за 16 иперпировъ, по сосѣдству съ имѣніемъ Калойды, ирвадента Смирны.

Въ 1279 году (№ 68) Христофоръ Германаки продалъ монастырю масличные деревья, доставшіяся ему покупкою отъ епископа города Псеноирь (Ψιθόρον), Льва Варипата, которая туть въ свою очередь купилъ у Кошкины, пососѣдству съ деревьями, подаренными монастырю Коминномъ Враною; семь деревьевъ стоили пять иперпировъ.

Въ 1280 году (№ 141) Георгій Какава продалъ землю за одинъ иперпиръ, и (№ 67) жена Ioanna Исидора и Anna Конта продали 40 масличныхъ деревьевъ съ находящимся подъ ними землею за 36 иперпировъ (σπιτάλαια $\frac{1}{2}$ иперпира).

Въ 1282 году (№ 61) жена Михаила Фоки продала семь масличныхъ деревьевъ за шесть иперпировъ.

Въ 1283 (№ 174) Василій Кехрисоменъ продаєтъ по совѣдству землю въ 10 модіевъ за 4 иперпира; а (№ 63) Ioannъ Скуллатъ—виноградникъ, наследственный его отцомъ на полѣ, приобрѣтенномъ отъ митрополита Смирнского, за 11 иперпировъ¹⁾. Георгій Петрицій (№ 62) продалъ монастырю участокъ своей сестры—виноградныхъ лозъ, три дуба, орхово дерево, одну смоковницу и еще нѣсколько деревьевъ—все это за 16 иперпировъ. Михаиль Берамонитъ (№ 173) продаєтъ пахатное поле, пососѣдству съ монастырскимъ, за 3 иперпира.

Въ томъ же 1283 году (№ 42) жена Феодора Гордата съ сыномъ и зятемъ продаютъ жилыя помѣщенія (οίκηματα) и виноградникъ; еще покойный ея мужъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи отказалъ монастырю половину того и другаго, за половину оставилъ сыну: теперь совершилась продажа и другой половины—за 25 золотыхъ номисмъ.

¹⁾ Дарственныи актъ митрополита Смирнского Ioanna (ср. pagg. 109, 112), относящийся ко второму индикту, следовательно, къ 1274 году (соображеніе періодъ епископства Ioanna), данъ монаху Каллинику Скуллату (см. № 30). Полевой участокъ, годный для разведенія виноградники, занималъ пространство въ три модія; Каллиникъ обязывался вносить за него монастырю ежегодно четверть иперпира (ὑπερπόρον τέταρτον). Теперь наследники Каллиника, продаютъ виноградникъ, занимающій пространство въ два модія, за одиннадцать шестицъ, съ спителей въ хóхха тессара.

Въ 1286 году (№ 142) царскій слуга Алексій Цоєъ продалъ игумену Каллисту свои земли въ мѣстности Варѣ за 35 иперпировъ.

Въ 1287 году (№ 143) Константина Габала продалъ за 35 иперпировъ пахотныя поля въ мѣстности Вари.

4.

Къ четвертому разряду относятся акты, группирующиеся около одного какого-нибудь имѣнія или предмета; таковъ будеть рядъ документовъ, относящихся къ имѣнію Сфурну, къ участкамъ, наследованнымъ отъ Планитовъ, и къ наслѣдству послѣ Гунаропуловъ. Монастырю Лемвіотиссѣ принадлежало имѣніе, называемое Сфурновымъ (τὰ Σφύρνον). Исторія его слѣдующая: Въ XII в. до покоренія Византіи Латинами (ἐπὶ σφυρέμης τῆς πόλεως rag. 41) оно принадлежало монастырю Руфиніановъ въ Цареградѣ (rag. 35, 40); но оно было снято (rag. 33 ἐκέχτητο, приобрѣтено) знатною госпожею Кастамонитиссою, которая и взимала чрезъ одного парика монастырскаго, по имени Геге, десятину или морту¹⁾ съ жителей сосѣднихъ селеній Рузъ, Павхомы, Друи, Потама, пользовавшихся землей и обрабатывавшихъ ону (rag. 35, 39). Во времія нашествія Гейзриха Фландрскаго, въ 1205 году, братъ Никейскаго императора, Феодора Ласкариса, севастократоръ Георгій Ласкарисъ, рѣшилъ выслать жителей Фракісскаго округа—однихъ въ крѣпкіе замки (τὰ κάστρα), другихъ въ горы, природою защищенные, мѣста. Жители поименованныхъ выше селеній—Рузаты, Павхомиты, Друиты и Потамиты—нашли временяное убѣжище въ Сфурну. Послѣ отраженія „безбожныхъ“ Латинянъ, всѣ, между прочимъ и Потамиты, воротились на свои прежнія мѣста, гдѣ имѣли жительство (rag. 36: εἰς τὸ οἰκεῖον χωρίου ἔκαστος—ἔνδια τὸ οἰκητης εἴχον). Въ 1228 году, какъ мы узнаемъ изъ его грамоты, Ioannъ Дука Вататци (1222—1255 гг.) рѣшилъ возобновить въ мѣстности Лемво, гдѣ еще были слѣды старыхъ монастырскихъ построекъ, монашескую обитель и записалъ въ пользу ея имѣнія и угодья: селеніе Вару (Βάρη) или Милы съ находившимися въ немъ поселенцами

¹⁾ Ср. rag. 39: Εμορτάζοντο παρά τίνος παροίκου τῆς μονῆς τῶν φουφιγανῶν—εξ ἀποστολῆς τοῦ μέρους τοῦ Λαγκιδᾶ, ὅτοι τῆς Κασταμονίτισσης; ср. показаніесосѣднихъ жителей (rag. 35): ἐμορτάζόμεθα παρὰ τῆς—Κασταμονίτισσης. Ова получала также съ жителей и арендку за мельницу—μυλόπακτον; rag. 40: Τῇ κατὰ τὴν Κωνσταντινóύπολιν διακειμένη μονῆ τῶν Ρεφιτικῶν ἀρχῆθεν διέφερε καὶ παρὰ τοῦ μέρους τῆς τοιαύτης μονῆς ἐμορτάζετο.

или париками¹⁾). Вскорѣ затѣмъ, именно въ 1284 году (№ 7 pag. 32, 33) сдѣлано было въ новооснованный монастырь богатое приношеніе: царскій слуга и обитатель города Смирны, Георгій Калонидъ (Каловідъ) и его жена, дочь севаста Кастанонита, пожертвовали іеромонаху игумену Павлу имѣніе Сфурну, принадлежавшее прежде монастырю Руфиніанову, но теперь доставшееся Калониду въ видѣ приданаго за жену, дочерью Кастанонита (pag. 33, 34). Имѣніе, заключавшее въ себѣ десять модиевъ земли, не знало за собою никакой дани или тагла (pag. 34: μή τέ τέλος ἢ βάρος ἐπιγνώσκων ὑπὲρ σῶτος); къ нему принадлежала воданая мельница (βδρομολιχὸν ἔργαστηρον) и ограда съ фруктовыми деревьями. Дарственная запись была подтверждена императоромъ (№ 7). Между тѣмъ, когда въ марта 1285 года стратопедархъ темы Фракійской Михаилъ Фока, по царскому повелѣнію, составлялъ общую опись монастырскихъ имѣній, то оказалось, что въ имѣніи Сфурновомъ поселились посторонніе люди; именно жители того самаго селенія Потама которые разъ нашли себѣ убѣжище въ этомъ уединенномъ и безопасномъ мѣстѣ²⁾). Они были теперь париками, данными въ кормленіе или пронію (εἰς πρόνοιαν) царскому служилому человѣку, или какъ говорилось тогда и на Востокѣ, леннику и рыцарю Сиргарѣ. Фока велѣлъ имъ удалиться; но отсюда-то и завязалось дѣло. Игуменъ Павелъ представилъ дукѣ темы Фракійской Іоанну Ангелу, дадѣ императора (pag. 40), царское опредѣленіе, основанное на ревизіи Фоки и данное въ юнѣ 1235 года, такого содержанія: чтобы онъ, дука, разсмотрѣлъ дѣло и если окажется, что парики Сиргара действительно поселились на чужихъ земляхъ, то удалить ихъ, хотя бы и противъ ихъ воли, и посадить ихъ на мѣстѣ, принадлежащемъ рыцарю и леннику³⁾). Съ своей стороны Потамиты, парики, состоявшіе подъ проніей Сиргара (οἱ ἀπὸ τῆς πρόνοιας τοῦ Συργαρῆ), обращались къ императору съ проше-

¹⁾ σὺν τοῖς ἐν αὐτῷ προσκαθημένοις καὶ τοῖς ἀπὸ τούτων ἐκεῖθεν μεταπεσδουσι καὶ ἐν Σμύρνῃ προσκαθίσασιν τρισὶν διδελφοῖς. Ср. pag. 3: Τὸν ἐν αὐτῷ προσκαθημένων παροίκων.

²⁾ Pag. 38: οἱ ἀπὸ τοῦ ἀγριδίου τὰ ποταμοῦ ὄρμώμενοι πάροικοι τοῦ καβαλλαρίου τοῦ Συργαρῆ; pag. 36: πάροικοι τοῦ Συργαρῆ προσκαθίσαν εἰς τόπον. Въ сущности ихъ было только трое. См. pag. 7: τρεῖς πάροικοι ἀπὸ τοῦ χωρίου ποταμηνῶν, τελοῦντες ὑπὸ τὸν λίκιον и т. д.

³⁾ εἰπερ εὐρήσεις προσκαθημένους τοὺς παροίκους τοῦ Συργαρῆ ἐν τῷ ῥηθέντι τοπικῷ τῆς μονῆς, ἵνα ἁγείρης αὐτοὺς καὶ μὴ βουλομένοις καὶ προσκαθίσῃς αὐτοὺς εἰς τοπιον διαφέροντα τῷ Συργαρῆ.

ниемъ, въ которомъ утверждали, что еще ихъ отцы (*γονεῖς*) изстари поселились въ Сфурновѣ и здѣлали въ имѣніи известныя улучшениа (βελτιώματα), и что они сами сверхъ того приобрѣли другія имѣнія (ὑποστατы́а), такъ что оказываются въ состояніи нести надлежашія повинности (διδόναι τὰ ἀνήκοντα ἡμῖν τέλη) и государственные или казенные взысканія (δημοσιὰς Σητῆματα), а монастырю Лемвотиссѣ принесли въ даръ водянную мельницу, такъ что игуменъ уже совершиенно несправедливо пытается согнать ихъ съ родовыхъ улучшений (ἀπὸ γονικῶν βελτιωμάτων). Императоръ постановилъ рѣшеніе, что если показанія ихъ справедливы, если уже предки Потамитовъ издревле сидѣли (просохавтимено) на мѣстѣ, и если они могутъ нести слѣдующа съ нихъ какъ съ париковъ, а равно, и казенные повинности (τὰ ἀνήκοντα ὑμῖν παροικὰ καὶ δημοσιὰς Σητῆματα: (pag. 37, 37), то игуменъ монастыря Лемвотиссы не можетъ удалить ихъ съ ихъ родовыхъ имѣній (ἀπὸ γονικῶν ὑποστάσεων). Царское повелѣніе разсмотрѣть дѣло было дано въ іюнѣ. Въ іюлѣ того же года отобрано было свидѣтельское письменное показаніе (στραμοφόρτору) объ имѣніи Сфурновѣ отъ жителей сосѣднихъ известныхъ намъ селеній—Рузаты, Павхомиты. Другіе показали, что Потамиты никогда не имѣли наслѣдственныхъ родовыхъ правъ на земли Сфурновскія, но поселились на нихъ какъ чужаки и пришельцы¹⁾. Они объяснили, какъ это сдѣжалось, что Потамиты опять поселились тамъ, откуда они уже разъ воротились на родину. Это сдѣжалось уже послѣ того, какъ царь принялъ мѣры для возстановленія монастыря, при игуменѣ Герасимѣ, присланномъ отъ императора; игуменъ не допускалъ ихъ, но лейникъ (λίτιος) Сиртгаръ упросилъ его за своихъ париковъ, такъ какъ монастырь представлялъ крѣпкое безопасное убѣжище, окрестности его отличались еще дикостію и безлюдностію, въ самой обители находилось немногого монаховъ (pag. 36). Свидѣтели упомянули и о мельницахъ: собственно она не была устроена Потамитами, а сдана была попечителемъ монастыря одному жителю потамитскому, Льву Манкинари.

Въ сентябрѣ 1235 года было произнесено и письменно формулировано рѣшеніе Иоанномъ Ангеломъ. Новыми свидѣтельскими показаніями, отчасти тѣхъ же сосѣдей, что были упоминаемы выше, было удостовѣрено, что поселившіеся на земляхъ Сфурну Потамиты не имѣютъ здѣсь никакихъ наслѣдственныхъ правъ, но что они сѣли

¹⁾ pag. 36: Οὐκ εἶχον γονικὴν ἐκληρονομίαν εἰς τὰ Σφούρνου, ἀλλ' ὡς ἔνοις καὶ πίδηροι προσεκάθισαν.

тутъ на время ради трудныхъ обстоятельствъ, что еще и теперь можно указать всѣмъ известныя полевые угодья Потамитовъ, кото-рыи и до сихъ поръ ими обрабатываются и эксплуатируются¹⁾. Парики Сиргара должны были удалиться,—такъ гласило новое судебнное опредѣлѣніе, утвержденное царскою грамотою въ январѣ 1236 года (№ 5), и только въ видѣ вознагражденія за насажденныя ими виноградныя лозы вблизи ихъ хижинъ (тѣу хаюбѣшу) они могли получить небольшое денежное вознагражденіе отъ монастыря²⁾; имъ слѣдовало довольствоваться собственными крестьянскими участками (ѣтѣ таис охеіац археіац па-роіихац ѿкостасеси), на которыхъ ихъ и отослали.

Однако, въ маѣ 1237 года (10 инд. pag. 41), этотъ споръ снова былъ разбираемъ Коминомъ Торникіемъ, названнымъ братомъ императора, вслѣдствіе докладной записки, поданной царю игуменомъ іеромонахомъ Павломъ. Въ своеемъ докладѣ (бжоунуцис) игуменъ Павелъ жаловался опять на „кавалларія“ или рыцаря Сиргара, который все-таки удерживалъ Сфурну. Равнымъ образомъ и „кавалларій“ представилъ докладъ за себя лично и за своихъ париковъ (бжакъ та охеіац хај бжакъ тѣу па-роіихац аѣтой потаргѣшу). Когда Торникій приступилъ къ разбирательству, іеромонахъ Павелъ представилъ рѣшеніе дяди императора, бывшаго дуки въ темѣ Оракисийской, Ангела, о восстановленіи монастыря въ его правахъ на Сфурну (хріону хај аѣтакатастаси). Прочитавъ документъ, Торникій объявилъ Сиргару: „Твои парики не имѣютъ права жить на этомъ мѣстѣ, но обязаны сѣсть тамъ, где сидѣли до латинского взятія“. Сиргаръ отвѣчалъ, что его парикамъ наносится несправедливая обида (аѣмкоубтai оі па-роіихо аѣтоб). Тогда Торникій объявилъ обѣимъ сторонамъ, что если они не могутъ на его рѣшеніи помириться, то пусть свидѣтели, которыхъ недавно вызывали Ioannъ Ангель, дадутъ присягу (аїс єпомошнта). Это предложеніе было принято обѣими сторонами. Особенный родъ присяги, который долженъ быть имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ, назывался крестопрохожденіемъ; посредствомъ подразумѣваемаго обряда предлежало точнѣе опредѣлить пространство бывшихъ владѣній мона-

¹⁾ οὐδὲ δικαιοῦνται φέ γονικάριοι, δὲλλ’ ὅτι πρὸς καὶρὸν προσεκάθισαν διὰ τὴν τοῦ καὶροῦ ἐναντιοτητα. Τὸ χωραφιαῖς τόπια, ἀτίνα καὶ δὶ αὐτῶν τῶν ποταμηνῶν μέρη τοῦ νῦν κατακάμνονται καὶ εἰσοδιάζονται; pag. 39.

²⁾ pag. 39: διεκρίναμεν δέ εἰς τὰ παρ’ αὐτῶν καταφυειθέντα υποκλήματα ἐμπροσθεν τῶν καλυβίων αὐτῶν ὡς δῆθεν κραββατίνας ἐπιδοῦναι—τίμημά τι ὀλιγοστόν.

стыра Руфинианского¹⁾). Митрополит Смирнскій Георгій Калоктесъ, выдавшій документъ, изъ котораго мы узнаемъ обѣ этой процедурѣ, вызвалъ вслѣдствіе того обѣ стороны, чтобы они явились въ мѣстѣ Сфурновомъ, куда прибылъ отправленный имъ великой экономіи Смирнскій церкви, діаконъ Никита, и гдѣ должна была рѣшиться долгая тяжба. Игуменъ Лемвіотиссы выставилъ прежнихъ свидѣтелей Рузатовъ, Феодора Тцикапита, Збма, Вруллу и другаго Тцикапита; тутъ же находились на лицо кавалларій Сиргаръ и его мантейскіе (= потамитскіе) парики, имена которыхъ приведены въ документѣ. Вышесказанные Рузаты съ величайшимъ усердіемъ и послѣшнотю устремились было съ крестомъ на прежнія извѣстныя имъ владѣнія Руфинианского монастыря, прибавляя на словахъ, что они укажутъ и границы родовыхъ (тѣ точка) владѣній Потамитовъ, гдѣ они еще могутъ быть видимы, гдѣ стоять орѣховыя, масличныя деревья, и находится самыя жилища, въ которыхъ жили ихъ, Потамитовъ, отцы. Но посредникъ, діаконъ Никита остановилъ убѣжденныхъ и усердныхъ свидѣтелей; онъ не хотѣлъ, чтобы имя Божіе привыкалось всуе и склоняль стороны къ миролюбивой сдѣлкѣ. Игуменъ монастыри Лемвіотиссы соглашался уплатить извѣстную сумму денегъ за постройки и разведеній виноградъ (тобъ храстатіо артѣло), какъ это рѣшено было и прежде, но Потамиты и господинъ икъ (аббентъ сѣтъ) требовали, чтобы, во избѣженіе всамаго скандала, игуменъ далъ другое мѣсто для поселенія парикамъ Сиргара. Послѣ долгихъ отговорокъ и отказовъ іеромонахъ Павелъ согласился и на это; тѣмъ и кончено было дѣло.

При игуменѣ Герасимѣ (№ 35 и 45) иѣто Николай Адамъ въ 1230 (?) году, жертвовалъ въ даръ монастырю доставшіася ему по отцу отъ Листа и Планита деревья, мѣсто огороженное въ Планахъ, метохъ монастыря и съ церковью, тамъ находящіеся, чтобъ получиль самъ въ видѣ дара отъ царя.

Въ 1287 году (№ 84) Феодоромъ Куртикіемъ были куплены у иѣко-коего Радина 12 деревьевъ за 16 номисмъ по сосѣдству съ прежними пріобрѣтенными отъ Планита.

Въ мартѣ 1242 года (№ 20) монахъ Максимъ Планитъ и Василій его братъ пожертвовали игумену Асанасію свои родовые владѣнія, находившіяся въ Мантѣї, и состоявшія изъ земли, полей и деревьевъ, съ принадлежащою къ нимъ водою, за исключеніемъ пріо-

¹⁾ Pag. 42: Ἔνα χωριόθωσε τὰ δίκαια τῶν 'Ρουφιανῶν διὰ τῆς σταυροδιαβασίας.

брѣтенныхъ Максимомъ посредствомъ купли угодій Страгалъ (тѣу Στραγάλων) по соѣдству съ городомъ Смирою. Земли переданы были съ лежащею на нихъ податью въ три иперпира (иеста тоб ἀνήκουτος αὐτῷ τελερπάτων ὑπερπύρῳ τρῶν). При этомъ была заключена такая сдѣлка, что пока монастырь будетъ владѣть только половиною недвижимостей, а другой половиной — братъ постриженного Василій и мать ихъ пожизненно (дѣти уже устраивются), и они обязаны будуть вносить монастырю свою долю податной повинности, то-есть, полтора иперпира (καὶ τελεῖν πρὸς τὴν μονὴν τὸν ἀνήκοντα ἐπιτελεσμόν) а монастырь будетъ оказывать защиту и покровительство, предохраняя отъ всякихъ скандаловъ и отъ всякаго притѣзанія со стороны казны или кого другаго (παυτοῖς; ὁχλήσεως δημοσιαχῆς καὶ ἀλλῆς), но не будетъ также требовать какой-либо крестьянской барщины или поборовъ (ζήτησον τιὰ ἡ παροικῆς νομὴν ἡ συγχρότησι). Постриженный долженъ пользоваться отъ монастыря содержаніемъ и одеждой, а какой-то Каламбакъ—четвертою частію меда.

Въ 1255 году завѣщаніемъ, писаннымъ въ февралѣ этого года (№ 23) передъ смертю, монахъ Максимъ Планитъ подтвердилъ свой прежній даръ и распорядился своимъ остальнымъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, при чемъ душеприказацкими были названы игуменъ Іоакимъ и братія монастыря Лемвіотиссы. Это завѣщаніе въ 1257 году, при игуменѣ Кириллѣ, было подтверждено дарственными записью родственниковъ умершаго, Василія Планита и Аннесіи Планитиссы (№ 32), которые призвали для себя вполнѣ обязательными его распоряженія.

Въ томъ же самомъ году покончено было, къ удовольствію монастыря, и дѣло о наследствѣ, оставленномъ другимъ членомъ фамиліи Планитовъ, монахомъ Никодимомъ (№ 21 rag. 69, ср. rag. 24: тоб ἑτέρῳ Πλανίτῳ τοῦ Νικοδήμου). Михаилъ Петрицій, подписавшійся свидѣтелемъ подъ предыдущимъ актомъ (rag. 88), царскій слуга, заявляетъ въ пользу монастыря и его игумена Кирилла слѣдующее: Не мало лѣтъ тому назадъ монахъ Никодимъ, именѣшій мѣсто-жительство въ Мантей, отказалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи масличные деревья, насажденные имъ подъ родового его молитвенного дома, именуемаго храмомъ св. Поликарпа, въ мѣстности Мантей, внутри владѣній (τῶν δικαιῶν) такъ называемыхъ Планитовъ; эти деревья, какъ посвященные церкви Божіей, не были внесены ни въ военные списки, ни въ опись, составлявшуюся при

Комини¹ Пинкернъ (разумѣется извѣстный намъ Торникій¹); съ теченiemъ времени церковь св. Поликарпа пришла въ упадокъ и по-тому досталась, какъ приношеніе Планитовъ, монастырю Лемвіотиссѣ, настоятели которого хотѣли поправить, обновить ее и обратить въ свой методъ—своими трудами, ради чего и выхлопотали подтверждительную императорскую грамоту; тогда Михаилъ Петрицій объявилъ и съ своей стороны притязаніе на 16 маслинъ, о которыхъ идеть рѣчъ, на томъ основаніи, что монахъ Никодимъ былъ парикомъ его проні²), но игуменъ монастыря Лемвіотиссы показалъ ему документы монастырскіе, въ числѣ коихъ онъ Петрицій могъ прочитать и завѣщаніе Никодима, наполненное всяческими заклятіями противъ будущихъ варушителей онаго; это таѣ подѣйствовало на царскаго слугу, что онъ отказался отъ всиакъ притязаній на деревья, вспомнивъ, что они не были за нимъ записаны и въ описи Торникія; по желанію игумена, Петрицій и далъ запись, въ которой торжественно заявляетъ о несправедливости всякихъ притязаній на вышеозначенные деревья съ чьей быто ни было стороны. Свидѣтелями подписались царскіе слуги: трохатѣмъ³ Смирны, Георгій Калоїда, Иоаннъ Равдоконаки и т. д.

Завѣщаніе Михаила Планита, въ монашествѣ Максима, которымъ онъ отказалъ въ пользу монастыря свое родовое имущество, поля и деревья монастырю Лемвіотиссѣ, не было въ точности исполнено его родственниками. Брать его Василій, самъ подписавшій завѣщаніе, и сынъ Константина распорядились по-своему, ничего не дали монастырю; они не только пораспродали имущество въ разныя стороны, кому хотѣли, но еще привлекали монастырь къ уплатѣ повинностей и податей (№ 22 pag. 73: ἀλλὰ καὶ τὴν μονὴν εἰς ἐπιτελεῖσν). Монахи и сынъ Максима обратились съ требованіемъ суда къ Иоанну Торникію, вслѣдствіе чего въ 1258 году былъ отправленъ изъ Смирны для разбирательства нѣкто Макринъ (Μακρηνός). Онъ долженъ былъ провѣрить, правду ли говорять монахи, что у нихъ отняты принадлежавшія имъ по завѣщанію масличные деревья. Мѣстный нотаріусъ (υρμίχος) Филокинигитъ засвидѣтельствовалъ, что дядя и племянникъ дѣйстви-

¹) Καὶ οὗτε ἐν πρακτικοῖς στρατιωτικοῖς πρακτικῶθεντα, οὗτε μὴν ἐν τῇ τοῦ πανευγενεστάτου Κομνηνοῦ ἔκεινου τοῦ πιγκέρνη ἀπογραφῇ τηρηθέντα ἡ παραδοθέντα ἐν τινὶ πρακτικῷ στρατιωτικῷ ἡ καὶ δημοσιακῷ, ἀλλ' ἀνετα τὸ καθόλου ἀφεθέντα.

²) Pag. 71: Ἐπεὶ ὁ μοναχὸς ἔκεινος Νικόδημος ὑπὸ παροικίαν ἦν τῆς ἡμετέρας προνοίας.

тельно продали Кир-Павлу земли и деревьевъ на 16 ипериировъ; другой свидѣтель показалъ, что Вранѣ было продано маслинъ съ землею на 40 ипериировъ, Есану на 10, снова Вранѣ на 26, что сверхъ того Рентаки (Ρεντάκης) владѣть четырьмя маслинами и частью поля въ одинъ модій. Оказалось, что монастырь отъ всего имѣнія, ему завѣщанаго, владѣть только участкомъ во дворѣ метохія въ $1\frac{1}{4}$ модій; да еще 28 деревьями позади метоха, о которыхъ, однако, одинъ изъ Планитовъ, монахъ Варнава, свидѣтельствовалъ, что они не принадлежали къ ихъ податному окладу¹⁾, не были записаны въ ихъ податномъ столбцѣ, и следовательно, достались оби-тели не отъ ихъ фамиліи. Самое показаніе монаха Варнавы находится подъ № 73 (pag. 141) и гласить слѣдующее: „Я, Варнава Планитъ, свидѣтельствую, что масличные деревья, находящіеся позади дома (οστριτοῦ), не принадлежали къ нашей податной статьѣ²⁾, но насыжены были монахомъ Гавріиломъ Планитомъ, затѣмъ Цирина, для церкви св. Поликарпа“. Само собою разумѣется, что за монастыремъ было восстановлено его право, и 16 деревьевъ присуждены ему, такъ чтобы никто не могъ въ нихъ вступаться, ни стра-тіотъ, ни кто другой.

По завѣщанію Михаила Планита и по его первоначальной дар-ственной записи, половиной его недвижимаго имущества должны были пожизненно пользоваться (только) его мать и братъ Василий. Но были и другие наследники, которые предъявили свои права на эту половину. Въ 1259 году племянникъ Максима, по имени тоже Василий, и его зять Рентаки заявляютъ (№ 27, ср. № 149—pag. 238) слѣдующую сдѣлку: „Когда мы находились въ отдаленіи отъ родового нашего наслѣдства, находящагося въ селеніи Мантей, задолго предъ тѣмъ удалившись на чужбину (πρὸ χρόνου τολλῶν ἐνταῦθας), нашъ дядя Планитъ передалъ родовыя наши имѣнія (угоды, деревья и мельницу) монастырю Леміотиссъ, который и владѣть ими долгое время (то-есть, еще при жизни жертвователя); мы потомъ обращались къ царю и получили отъ него такое опредѣленіе, чтобы намъ владѣть половиной этихъ имѣній, а монастырю—другою половиной, которую дать ему скойный Планитъ; теперь въ обезпеченіе монастыря мы свидѣтельствуемъ о таковомъ нашемъ соглашеніи“ (συμβαινόστιχόν). Сдѣлка была снова утверждена царскою грамотою (№ 149).

¹⁾ Ως οὐκ εἰσίν ἀπὸ τοῦ στίχου αὐτῶν.

²⁾ Οὐκ ἡσαν ἀπὸ τοῦ ἡμετέρου στίχου.

Вестярить Василій Влаттеръ, близкій человѣкъ царскаго брата Алексѣя Комнина (и такъ, документъ относится къ царствованію Исаакія Комнина, и X-й индиктъ есть 1192 годъ), и родственники его, дѣти Гунаропула (Михаилъ, Ioannъ и Николай), живущіе въ катапанствѣ Смирнскомъ (въ тѣ хатаканіяхъ тѣс Смургун), жаловались царю (№ 131) на то, что жители селенія Кипарисія, состоящаго подъ властью Смирнскій церкви, насильственнымъ образомъ захватили принадлежаща Гунаропуламъ родовыя имѣнія въ мѣстности Димосіонъ; Влаттеръ просилъ, чтобы его родственники не были несправедливымъ образомъ лишены принадлежавшихъ имъ издавна помѣстій (тотіону). Царь всѣль мѣстному чиновнику разсмотрѣть дѣло, и если жалоба справедлива, возвратить земли Гунаропуламъ, и сверхъ того, заставить кипариссіотовъ удовлетворить ихъ десятиною за годы неправильного пользованія чужою землею¹⁾.

Въ 1194 году чиновники по сбору податей (τὴν ἐνεργείαν ποιούμενοι) въ имѣніяхъ столичнаго монастыря Пантократора около Смирны нашли въ помѣстіи Димосіѣ (въ тѣ проастеіѡ той Δημόσιο) жену Констомара, которая была внесена въ писцовую книгу слѣдующимъ образомъ: „Жена умершаго Констомара, дочь Гунаропула, владѣеть безданно (ἀτελῶς) монастырской землей въ имѣніи Димосіѣ, за который и должна платить отъ начала XII-го индикта по четыре комиссии, и должна очистить (καταλύσαι) держимыя ею земли вымороchnыkhъ участковъ Слава, Колублі и прочихъ; если жь она будетъ嘅ться и впредь владѣть оними, то представитель монастырскихъ правъ (монастырскій управляемющій) имѣеть право совершенно удалить ее съ земель, принадлежащихъ монастырю“. Осмотрѣть эту землю, продолжаютъ отъ себя дозорщики 1194 года,—мы нашли, что она, по свидѣтельству всѣхъ клириковъ Смирны, принадлежитъ упомянутой женщинѣ и ея сыновьямъ и состоитъ въ ихъ пользованіи болѣе сорока лѣтъ (срокъ давности), что ею не мало было истрачено денегъ на разработку земли, и что возвышение подати на четыре комиссии, сдѣланное писцомъ (παրὰ τοῦ ἀναγγράφεως), составляетъ для нея большую тягость; потому мы приложили къ описи монастыря относительно ея поправку, оставивъ ее во владѣніи и пользованіи на прежнихъ основаніяхъ²⁾.

¹⁾ καὶ ίκανῶσαι ἀπὸ τῶν κυπαρισσιῶν ἐποίκων τὰς τοιότοις ἀνηκούσας μορτᾶς ἐφ' ὅσῳ καιρῷ σίραύτοι ἐποίκοι τὰ τοιάυτα ἐνεμήθησαν τόπῳ.

²⁾ ἐν τῷ πρακτικῷ προσευχήμεν περὶ αὐτῆς ἐπανάληψιν — ἐκχωρήσαντες αὐτὴν κατὰ τὴν τοιάυτην γῆν ἀπερικλονήτως, καθὼς καὶ πρότερον κατὰ τὴν παλαιὰν αὐτῆς δεσποτεῖάν καὶ νομήν.

Въ 1207 году (№ 106) дѣти умершаго Василія Гунаропула Михаилъ Гунаропулъ съ братомъ Іоанномъ продаютъ близкому царскому человѣку вестіариту Василію Влаттеру земли, изъ-за которыхъ у нихъ были большие споры съ митрополитомъ Смиринскимъ, Константиномъ Пареномъ, именно—четвертую часть имѣнія (тѣ тѣтарта), составлявшаго родовое ихъ достояніе.

Въ 1209 году (№ 104) монахъ Никодимъ Гунаропулъ (со своею бывшею женой и сыномъ Сотериемъ) продаетъ благороднѣйшей Аннѣ, супругѣ покойнаго Никиты Влаттера, принадлежащую ему часть родовыхъ земель, расположенную въ мѣстности Димосіонъ и нѣкогда захваченную Кипариссіотами, съ тѣмъ чтобы покупщица, по уплатѣ условленной суммы, вносila ежегодно чтѣ слѣдуетъ на покрытие подати, слѣдующей съ участка (χάριν ἀποτελεῖας).

Въ 1225 году (№ 108) монахъ Никандръ (?) Гунаропулъ, по желанию Кир—Іоана Радоконаки, зятя вышеупомянутаго Влаттера, предъ ближними царскими людьми, Смиринскими архонтами (имена ихъ приведены въ документѣ), удостовѣряеть, что онъ продалъ свою часть въ поляхъ Димосіатскихъ, которыя захватилъ нѣкогда Смиринскій митрополитъ Константизъ, покойному Василію Влаттеру, при чёмъ запродаенная запись была написана, по его желанію, епископомъ города Сосандръ, Константиномъ Ксанеомъ, и заявляетъ, что его племянники, Михаилъ и Іоаннъ, послѣ этой продажи и съ своей стороны высказали намѣреніе и готовность къ отчужденію своихъ земель тому же Влаттеру.

Въ томъ же самомъ году (№ 109) Елена Гунаропула, вдова умершаго Василія (ибо Михаилъ называется ея сыномъ) продаетъ игумену монастыря Лемвіотиссы Герасиму Опсикіану свое поле, расположенное въ мѣстности, называемой Міда.

Въ 1231 году (инд. IV, № 132) Іоаннъ Радоконаки представилъ царю Іоанну Дукѣ Вататци, докладъ о томъ, что онъ получилъ по наслѣдству въ видѣ приданаго за своею женой отъ своего тестя Василія Влаттера земли Гунаропуловъ въ мѣстности рѣчки Димосіаты, но что теперь объявила на нихъ притязанія сторона (тѣ μέρος) монастыря Лемвіотиссы и старается его вытѣснить. Императоръ обезпечилъ за Радоконаки его права и затѣмъ, когда въ 1233 году (№ 113) принесена была Іоанномъ Радоконаки новая жалоба на притѣсненія со стороны монастыря, пытавшагося все-таки присвоить поля по рѣчкѣ Димосіату, то царь приказалъ дукѣ темы Фракійской

Іоанну Дувѣ Куртикію вновь разобрать споръ и снова подтвердить рѣшеніе въ пользу своего вестярита; мѣстными чиновниками внушено было оказывать защищу Равдоконакію и даже содѣйствовать тому, чтобы исправно уплачивалась десятина съ его полей¹). Иначе разрѣшено было столкновеніе монастыря съ наследниками Влаттера по поводу другаго имѣнія, приобрѣтенаго Влаттеромъ отъ тѣхъ же самыхъ Гунарапуловъ, какъ и предыдущее.

Въ 1232 году (№ 111) императоръ, не смотря на однородность дѣла, рѣшаетъ адѣсь въ пользу монастыря. Онъ объявляетъ, что ему угодно было подарить монастырю Лемвотиссъ селеніе Вару или Миль (χωρίου τὴν Βάρτην ἣ τὰ Μῆλα), отобравъ оное изъ рукъ Влаттера; но между тѣмъ жена этого Влаттера беспокойте обитель, желая выдѣлить изъ границъ этого селенія землю, которая, по ея словамъ, досталась ей отъ Варийскихъ париковъ (ἀπὸ τῶν τῆς Βάρτης παροίκων); такъ какъ на самомъ дѣлѣ ея притязанія не могли быть признаны основательными, то императоръ опредѣляетъ, что монастырь долженъ владѣть селеніемъ Варою всесѣло и нераздробно, что ничего не должно быть изъ него выдѣляемо; послѣ отобранія имѣнія у Влаттера и пожертвованія онаго въ монастырь, Влаттеръ уже не имѣлъ никакого права владѣть тѣмъ, чѣмъ прежде принадлежало монастырю Пантократора; а потому его жена и его зять Равдоконаки должны быть на далекое разстоаніе изгнаны изъ окружности селенія.

Въ 1233 году (№ 115, инд. VI) послѣдовало новое царское по-велѣніе, подтверждающее прежнее рѣшеніе въ пользу монастыря: изъ него мы яснѣе узнаемъ ходъ дѣла и основанія его рѣшенія. Земля, принадлежащая къ территории селенія Вары, дана была Іоанну Равдоконаки Влаттеромъ его тестемъ по договору (διὰ συμφένον); Влаттеру же она досталась покупкою отъ поселенныхъ въ Милахъ (Вара—тоже) Гунарапуловъ (Михаила, Ивана и Никиты), находившихся въ отношеніи къ нему въ положеніи париковъ и въ условіяхъ парики²); монастырь же утверждалъ, что земля эта входитъ въ составъ владѣній подаренного ему села Вары или Миль, и следовательно, должна принадлежать владѣтелю села, то-есть, монастырю, что продажа Гунарапулами Влаттеру не имѣла никакой силы, была лживою и неправильною, такъ какъ была продажей земли, находившейся подъ парикіей (ώ;

¹) δοθῆναι τὴν ἀνήκουσαν τούτῳ μορτήν ἐπὸ τῶν τοιούτων χωραφίων.

²) ἔει ἀγόρασσις ἀπὸ τῶν ἐν τῷ χωρίῳ τῶν Μήλων προσκαθημένων Γουναροπούλων — — υπὸ παροικιῶν τελούντων αὐτῷ.

(отъ παροικίαν τελούσται). Царский братъ, Дмитрий Торникій Конній, которому было поручено разбирательство спора, рѣшилъ, что Гунаропулы не имѣли права продавать землю Влаттеру, такъ какъ она несла тягло парниі, а тяглые не могутъ продавать держимыхъ ими участковъ тѣмъ, которые получаютъ таковые въ видѣ пронії (парики не могутъ продавать земель проніарамъ): ихъ земля находится подъ рукою казны, то-есть, подлежитъ государственнымъ повинностямъ¹⁾: на такомъ основаніи спорная земля должна принадлежать монастырю, такъ какъ она несомнѣнно входила въ составъ сельской территории, и такъ какъ даже и теперь, то-есть, въ 1233 году, жены Гунаропуловъ, Иоанна и Михаила, остающіяся въ живыхъ, состоять въ парникахъ у монастыря (отъ παροικίαν τελεῖν τῇ μονῇ). Если же Равдоконаки дасть клятвенное увѣреніе, что его тестъ, купилъ землю Гунаропуловъ за извѣстную сумму денегъ, то монастырь долженъ ему воротить эти деньги.

И такъ, село Вара или Милы составляютъ теперь неотъемлемое достояніе монастыря: но царю предлежало оградить монаховъ не только отъ притязаній частныхъ лицъ, но и отъ чиновничихъ злоупотреблій. Къ тому же 1233 году (№ 124) относится грамота, данная дукѣ темы Θρακійской Иоанну Дукѣ Куртикію, вслѣдствіе жалобы со стороны монастыря. Не смотря на царскій хрисовулъ (1228 года), освобождавшій обитель отъ всѣхъ податей и повинностей, дука не мало отягощалъ монастырскихъ париковъ селенія Вары (οὐ μηρῷς ἐπιγρεάσεις τοὺς παροίκους), привлекая ихъ вмѣстѣ съ другими мѣстными жителями къ дачѣ разнаго рода сборовъ, которые перечисляются въ нашемъ документѣ, и дѣлая [это даже не съ париками только, но и съ самими монахами; а если кто изъ монаховъ ему противорѣчилъ, того сажалъ подъ стражу, грозилъ сѣчь и т. п. Императоръ требуетъ, чтобы этого впредь не было, и даже воспрещаетъ дука или его чиновникамъ (прямо указывается ὁ λογαριαστὴς) хотя бы ногу ставить на имѣніе монастырское.

Въ 1294 году (№ 108) императоръ Иоаннъ дука Вататци повелѣлъ своему ближнему человѣку и дукѣ темы Θρακійской Константину Ласкарису посытить селеніе Милы, обозрѣть поселившихся

¹⁾ ὃς οὐκ ἀφείλον οἱ Γουναρόπουλοι διαπωλήσαι πρὸς Βλαττερὸν τὴν τοιαύτην τὴν διὰ τὸ ὑπὸ παροικίαν τελεῖν ταῦτην καὶ μὴ ὀφείλειν τοὺς ὑποτελεῖς πιπράσκειν τὰ παρ' αὐτῶν κατεγμένα πρὸς τοὺς κατὰ λόγον προνότας ἔχοντας αὐτὰ, ὃς ὑπὸ τῆν τοῦ δημοσίου χειρὶ ἀείποτε τελοῦντα.

тамъ париковъ переписать ихъ и надѣлить каждого либо упряженімъ либо воловымъ участкомъ, смотря по достатку и силѣ каждого, и заставить ихъ давать соответствующія такому или другому участку крестьянскую подать и службу, какъ было при игумѣнѣ Герасимѣ, и не позволить крестьянамъ дѣлать что каждый захочетъ¹⁾). При этомъ прибавлено, что такъ какъ нѣкто Гупаропуль владѣлъ прежде въ Милахъ или Варя землею въ три воловыхъ участка и предалъ одну во-

¹⁾ Καὶ ἀναθεωρήσῃς τοὺς ἔκεισε προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράψῃς τούτους καὶ ἀποκαταστήσῃς ἕκαστον τὸν παροίκου ὃ ζευγαριτικὴν ὡρίβοιταικὴν κατὰ τὴν ἕκαστον εὐπορίαν καὶ δύναμιν καὶ ἀποκαταστήσῃς ἄντοις δίδοναι τὸ αναλογοῦν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοΐδατῳ παροίκιον τέλος καὶ τὴν δουλείαν αὐτοῦ καὶ ἵνα διδῶσι καὶ σιχοροδοπαράσπορον (?) καὶ νιже: γῆν βοΐδατικῶν τριῶν.... τὴν μίαν βοΐδατικὴν γῆν.— Документъ, и въ особенности, приведенныхъ нами мѣста, очевидно, имѣетъ большой интересъ и важность для вопроса о крестьянскомъ бытѣ париковъ; иль со-
жалѣю, въ немъ не все для насъ ясно до несомнѣнности, и мы принуждены были перевести некоторые термины почти на-угадъ. Прежде всего что такое βοΐδατικὴ и ζευγαριτικὴ, которыми должны быть надѣланы крестьяне, смотря по силѣ и достатку каждого. Этимологическое объясненіе не трудно. Первое выраженіе происходит отъ существит. βοΐδιον, уменьшительного отъ βοῦς, замѣнившаго, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, въ народной рѣчи свое первоначальное простое слово, и слѣдовательно, значащаго волъ οὐ βοΐδατικὴ—земля воловья; но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ-ли, что это земля паствицкая, на которой пасутся волы, или же въ томъ, что это земля, обрабатываемая воломъ? нужно думать, что οὐ δατικὴ γῆ то же самое, что γῆ βότειρα, выраженіе, встрѣчающееся въ одномъ изъ документовъ Фессалійского монастыря Νέα Πέτρα (Acta glaeas IV, 408): кре-
стьяне хотятъ купить рабочаго вола и обрабатывать воловью землю: ἐξωγένεσθαι
βοὸν ἀρότρῳ καὶ ἑρτάσθαι τὴν βότειραν γῆν. Въ «Антике» Пантемоновскаго монастыря (№ 27) напечатана опись одной земли при передачѣ ея. Царскій чиновникъ перечисляетъ блднмыжъ парикосъ съ ихъ полями и огороженными из-
стами; при имени каждого парика обозначается его имущество и подать, съ него сливавшая, и вътъ здѣсь-то много разъ повторяются аналогическія съ затруд-
няющими настъ выраженіемъ, но опять-таки безъ всякихъ данныхъ къ объясненію. Во-бѣдѣтъ ύποστατικὸν, тѣлосъ ύπερτρира δυο. Ζευγαράτον ύποστατικὸν, тѣлосъ ύπερτρира δύο. Русскій переводъ (стр. 213. 214) «подать со скота и живота, два иперирия —
стегновая имущественная подать два иперирия»—безъ сомнѣнія, неправильнъ и не ясны! Гъпостатиکъ значить здѣсь «имѣніе» поземельный участокъ, а выраженія «βοΐδατον, ζευγαράτον», ближайшимъ образомъ характеризуютъ эти участки, служить для обозначенія качества. Можно было бы думать, что первое означаетъ участокъ, который обрабатывается или можетъ быть обрабатываемъ од-
нимъ воломъ, второе — участокъ, обрабатываемый парою воловъ (ζεῦς) въ упражн.; но странно, почему—съ того и другого взимается одинаковая подать...
Во вслѣдъ случаѣ слово зевгарать, зевгаратна земля состоитъ въ связи съ словомъ ζεῦς. югум, ярмо, паро воловъ, ѹдергуш и т. д.

левую землю на сторону Влаттера, отъ которого она перешла къ монастырю, а теперь онъ, сторона Гунаропула пытается передать ее другому лицу, то пусть самъ Гунаропулъ владѣть ею, если хочетъ, и платить за этотъ участокъ слѣдующую съ него подать и прочія повинности париковъ¹⁾, а если онъ самъ не можетъ владѣть имъ, то слѣдуетъ воротить его монастырю и не дозволять передачи отъ Гунаропула къ кому-либо изъ его родственниковъ.

Принужденный отказаться отъ всякихъ притязаній на участки или помѣстья въ Варѣ, Равдоконаки пожелалъ прекратить споръ и за участокъ въ мѣстности Димосіѣ, также перешедшій къ нему отъ Гунаропуловъ чрезъ Влаттера, приобрѣтенный послѣднимъ—покупкою, говорила одна сторона,—насилиемъ, говорила другая. Наскучивъ все продолжавшимися непріятностями, ссорами и судебнными препирательствами, Равдоконаки въ 1236 году (№ 110) отказался за пять ипериевъ въ пользу игумена Павла отъ всѣхъ своихъ правъ на поля и земли въ Димосіѣ и выдалъ противной сторонѣ документы—царскія грамоты и приговоръ Фракійскаго дуки, Иоанна Дука Куртика (см. выше), въ которыхъ заключалось признаніе и подтвержденіе тѣхъ правъ.

Вслѣдъ затѣмъ и оставшее достояніе наследниковъ Гунаропуловъ переходитъ въ руки монаховъ Лемвіотиссы. Въ 1240 году (№ 112) Марія жена Михаила Гунаропула (и ея дѣти, Георгій и Иоаннъ продаютъ игумену монастыря Игнатію участокъ земли въ два модія въ мѣстности Румпаки.

Въ 1246 году (№ 113) Иоаннъ Влаттеръ съ фамиліей продаетъ монастырю и игумену Павлу водянную мельницу. Причиною продажи выставляется многочисленность наследниковъ, имѣвшихъ право на мельницу, и частыя между ними несогласія и споры, вслѣдствіе которыхъ не дѣлалось надлежащихъ работъ и починокъ, такъ что мельница пришла въ совершенный упадокъ. Она все-таки была продана за шесть ипериевъ. Въ числѣ свидѣтелей акта подписьлся Феодоръ Варангіа (Феодоро тобъ Вараггіа). Въ 1250 году (№ 116) дѣти въ родственники Гунаропула, въ числѣ ихъ анахностъ Георгій, упомянутый и въ предыдущемъ актѣ, продаютъ игумену Аѳанасию и екonomу Максиму родовые свои виноградники въ мѣстности Димосіѣ²⁾.

¹⁾ Καταβάλλειν πρὸς μέρος τῆς μονῆς τὰ ὑπέρ τοιούτου βούδατικοῦ ἀνήκοντα τούτῳ τελέσματα καὶ λοιπὰ παροικικὰ βάρη.

²⁾ Ζωμὴν περιουσίαν παναχίων ἐπτὰ εἰς προβατα μεγάλα δεκατρία.

Такимъ образомъ покончены были всякие счеты съ Гунаропулами; но одна представительница этой фамилии была нѣкогда за Констомаромъ (см. о немъ выше), а этотъ Констомаръ имѣлъ наслѣдниковъ, которые тоже заявляли притязанія на земли Вары или Миль. Послѣ отвода и описи земель Михаиломъ Фокою въ 1235 году (№ 120), когда монахи считали себя полными собственниками всей запи-санной за монастыремъ земли, оказалось, что Констомаръ и его род-ственники, Поэзъ Сотирихъ и Мантіанъ, владѣютъ значительнымъ пространствомъ полей и угодій и пользуются доходами въ селеніи Варѣ и его территории, гдѣ они насадили виноградники и т. д. Монахи обратились съ жалобой къ императору; въ присутствіи Кон-стомара и другихъ было разобрано дѣло, и обнаружилось, что въ описи, составленной Фокою, совсѣмъ не упоминается о какихъ-либо владѣ-ніяхъ Констомара или Поэза, и никто изъ нихъ не могъ представить какихъ-либо документовъ, доказывающихъ ихъ право. Вслѣдствіе того суды рѣшили, что Констомаръ и его наслѣдники не должныничѣмъ владѣть внутри территории селенія Вары, и такое рѣшеніе, утвержденное царемъ, поручено было привести въ исполненіе въкоему Агалону Коциду. Изъ ряда другихъ документовъ (№№ 121, 154, 122, 123, 124, 125) видно, однако, что приговоръ, утвержденный имера-торомъ, не легко могъ быть приведенъ въ исполненіе; Поэзъ Соти-рихъ и Мантіанъ не уступали своихъ участковъ: при Ioаннѣ Дукѣ Вататци они были вызываемы къ царскому суду по этому поводу еще другой разъ (№ 123).

Въ 1256 году (№ 154) дука темы Фракісійской Георгій Ма-кринъ получилъ отъ императора Феодора II указъ, въ которомъ го-ворилось, что, несмотря на неоднократные постановленія его отца ¹⁾. Поэзъ Мантіанъ, наслѣдникъ правъ Констомара, все-таки предъявляетъ свои притязанія къ монастырю, безновинъ монаховъ, грозить убить каждого изъ нихъ, кто появится на спорной землѣ или виноградникѣ и т. п., и что поэтому слѣдуетъ принять мѣры для защиты иноковъ и для обувданія своеобразныхъ. Согласно съ этимъ, въ томъ же году (№ 124) Георгій Макринъ снова присудилъ монастырю землю и вино-градники, занятые Мантіаномъ, и грозилъ ему штрафомъ въ тысячу

¹⁾ ἡ τις ὑπόθεσις πολλάχις ἐτυρήθη ὅρισμῷ τοῦ μακαρίου πατρὸς τῆς βασιλείας μου: отсюда видно, что грамота принадлежитъ сыну Ioанна дука Вататци Феодору II; индиктъ XIV, который она помѣчена, такъ разъ соответствуетъ 1256 году, когда Феодоръ считать еще первый годъ своего правленія.

инвертировъ, если онъ не прекратить своихъ насилий. Но и на этомъ дѣло не кончилось. Въ 1259 году императоръ Михаилъ Палеологъ приказываетъ Феодору Калооету, чтобы онъ объявилъ Діавитину и сыновьямъ Поеа, пусть они не осмѣливаются даже ногъ своихъ ставить въ известныя намъ поля, а если будутъ упорствовать въ насилии, то принять мѣры къ прекращенію дерзости. Вслѣдствіе того Калооетъ издалъ грамоту подобнаго же содержанія, какъ и Макринова, но только съ менѣе опредѣленными угрозами. При игуменѣ Кириллѣ, слѣдовательно, около 1257—1259 года старался по-дѣйствовать на упрямыхъ сосѣдей монастыря и смирнскій митрополитъ Федоръ Каллистъ (№ 125).

5.

Слѣдуютъ разнаго рода частныя тяжбы и ссоры монастыря съ сосѣдями. Въ 1193 году (№ 18) ¹⁾ игуменъ монастыря, находившагося подъ властію великой церкви и называемаго Лемвотисой, монахъ Леонтій, явился предъ Вардою Левуномъ, катепаномъ Смирны и Ioannomъ Галиномъ, съ жалобою на имѣющаго мѣстопребываніе въ Мантеѣ Николая Казана, что онъ обижаетъ монастырь въ нѣсколькихъ масличныхъ деревьяхъ, принадлежащихъ монастырю. При этомъ Леонтій показывалъ памятныя записи, отправленныя имъ ко вселенскому патріарху и доказывающія, что монастырь до нашествія безбожныхъ Агарянъ владѣлъ въ числѣ многаго другаго и масличными деревьями въ количествѣ 39, которыя во время разоренія и полнаго уничтоженія монастыря тоже подверглись расхищенію; нѣкто—Николай Казанъ, и самъ находящійся подъ властію великой церкви, захватилъ оставленное и какъ бы никому не принадлежащее, и до сихъ поръ владѣетъ и пользуется онимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ Леонтия былъ и патріаршій отвѣтъ на его жалобы, въ видѣ требо-

¹⁾ Для ближайшаго опредѣленія даты, обозначенной, кроме индикта, вторникомъ 13-го июля, служатъ слѣдующія соображенія: 1) митрополитъ Смирнскіе Константинъ и Лангидъ упоминаются въ документѣ 1207 года; 2) июля 18-го было для XIII столѣтія во вторникъ только въ 1238 году и въ 1283; оба эти года не идутъ; въ 1238 игуменомъ былъ не Леонтій, а апрѣль 1283 года не принадлежитъ XI индикту; 3) слѣдовательно, настоящій годъ документа долженъ быть отыскиваемъ въ XII столѣтіи, чтъ согласно и съ его содержаніемъ (Лемвотисса еще находится подъ властію великой церкви въ Цареградѣ). Всѣмъ условіямъ удовлетворяетъ 1193 годъ.

ванія, чтобы митрополитъ Смирнскій Константина и завѣдывавшій тогда казенными сборами въ округѣ киръ Алексій Констомаръ разобрали дѣло и воротили монастырю его достояніе. Варда Левунъ собственными глазами видѣлъ и грамоту, которая дана была вслѣдствіе разбирательства названныхъ лицъ и присуждала владѣніе означенными маслинами монастырю. Вызвавъ съ своей стороны Льва (выше было Николая) Казана, онъ, въ присутствіи Алексія Кастамонита, Сотириха Алисина, Михаила Калоиды и другихъ, допрашивалъ его: На какомъ основаніи ты владѣешь и пользующешься деревьями, которыхъ присуждены были монахамъ, и по описи, учиненной при Кастамонитѣ, значатся въ податной статьѣ монастыря, за которыхъ на монастырь наложена была подать, и до сихъ поръ имъ уплачиваемая¹)?“ Казанъ ссылался на документъ, данный Лангидой и присуждавшій ему владѣніе спорнымъ предметомъ (*ἀποκατάστασιν παρὰ τῷ Λαγγίδᾳ*). Но этотъ документъ признавалъ бытъ недѣйствительнымъ на томъ основаніи, что онъ не былъ подписанъ митрополитомъ, тогда какъ патріаршимъ повелѣніемъ, на основаніи которого разбиралось дѣло, съѣдствіе поручалось Лангидѣ не одному, а вмѣстѣ съ митрополитомъ (хотя послѣдній самъ передавъ свои полномочія своему свѣтскому товаришу, но важно то, что онъ не засвидѣтельствовалъ подписью своего согласія съ его рѣшеніемъ). Деревья были присуждены монастырю.

Въ 1210 году (№ 55) священникъ Иоаннъ Полея, изъ селенія Манти, вмѣстѣ со своими сыновьями дарить своему племяннику, тоже священнику, Льву Музнерѣ, изъ Смирны, изъ состава родового и наследственнаго имущества, числящагося за нимъ въ его податной статьѣ, тридцать масличныхъ деревьевъ, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній принялъ на себя обязанность взносить ежегодно приходящуюся за эти деревья долю подати—въ томъ самомъ количествѣ, какъ она будетъ взыскиваться съ дарителя казной, именно полторы номисмы²).

Въ 1213 году (№ 54) жена умершаго Михаила Коскини съ дѣтьми продала тому же священнику Льву Музнерѣ свои масличные деревья, числомъ двадцать-семь, съ находящимся подъ ними землею, за семь-

¹) ἐφ'δις καὶ ἀποκαταστάσεως ἑτούχον καὶ εν τῷ πρακτικῷ παρὰ τοῦ Κασταμονίτου γενομένου καταγραμμένα ἐν τῷ στίχῳ τῆς μονῆς, διὸν καὶ τέλος τῇ μονῇ ἐπέθηκε καὶ μέχρι τῆς σήμερον παρὰ τῶν μοναχῶν διβεταῖ.

²) ἀπὸ τοῦ διου στίχου τῶν γονικῶν καὶ κληρονομικῶν ἡμῖν.... ὡς ὁ φειδοντος ἐπιτελεῖν λόγῳ τῶν αὐτῶν ἐλαῖων εἰς τὸν στίχον ἡμῶν ἔκαστον χρόνον νόμισμα ἐν ἦμισι, οἷον ὁ δημόσιος ἀπαιτεῖ.

десять номисмъ, при чёмъ покупатель обязывался вносить продавщицѣ ежегодно для уплаты приходящейся на эти маслины подати полторы номисмы¹⁾.

Сейчасъ упомянутый Иоаннъ Полея, по внушенію сатаны, какъ говорится въ позднѣйшемъ документѣ (№ 28),—предъявилъ притязанія на подаренный имъ самимъ Музиерѣ деревья предъ своимъ господиномъ, ленникомъ и кавалларiemъ Сиргариемъ; оба, и даритель, и одаренный, были уже тогда, въ 1229 году, монахами, и первый назывался Иларіономъ, а второй Леонтиемъ. Монахъ Иларіонъ (Полея) утверждалъ, что онъ подарилъ Леонтию (Музиерѣ), своему племяннику, только двадцать маслинъ, и что, следовательно, десятью онъ владѣть неправильно. Ленный рыцарь Сиргарій поручилъ „домохозяевамъ своей проприи“, чтобы они разобрали споръ и примирili таждущихся. Лучшие люди, собравшись, сейчасъ же увидѣли изъ документа, намъ известного (№ 55), что Полея не правъ, и готовы были присудить всѣ 20 деревьевъ Музиерѣ. Но Полея изъявилъ готовность принять присягу въ вѣрности своихъ словъ. Тогда Музиера сказалъ: „пусть владѣть десятью деревьями, но только не береть на душу присяги“. Прошло 23 года, сынъ Полея Фома и братъ его Георгій, по внушенію сатаны, захотѣли воротить и остальные двадцать деревьевъ и обратились съ своимъ искумъ къ своей госпожѣ Комнина Вранинѣ. Она хотѣла-было вступиться за Полеевъ; но къ ней же обратился и Воловонтъ, которому достались деревья отъ Музиеры, и показалъ ей свои документы на право владѣнія. Тогда госпожа отослала своихъ клиентовъ къ суду. Судъ производился домохозяевами села Панарета. Когда были представлены документы: дарственная запись Иоанна Полеи и судебное опредѣленіе села Аврелия (проприя Сиргарія), то наследникамъ Полеи ничего не оставалось, какъ только отрицать подлинность документовъ, что они и сдѣлали, но панаретскіе домохозяева не принимали отговорки и находили, что братья говорятъ не дѣло. Послѣ долгаго спора предложено было Фомѣ Полею принять отлученіе (*ἀφοριστό*) въ томъ, что документъ подложенъ, и тогда получить спорные деревья. Тотъ не захотѣлъ и тотчасъ скрылся. Съ своей стороны Воловонтъ готовъ былъ принять проклятие въ томъ, что документъ настоащій. Рѣшеніе сельскаго суда само собою понятно.

По просьбѣ игумена монастыря Лемвіотиссы, монаха Герасима, въ

¹⁾ ὅφειλε: δὲ τελέον πρὸς ἡμᾶς ὑπὲρ ἐπιτελείας νομιματα....

1229 году (№ 107), посланъ бытъ митрополитомъ Георгіемъ священникъ и великий сакелларій Смирнскай церкви Константина Варната для разбирательства спора между этимъ монастыремъ и Приноваритами относительно поля, называемаго Спановоимъ (тобъ Ծպահ) и правъ, принадлежащихъ монастырю, какъ владѣльцу полей села Вары. Когда онъ прибыль на мѣсто, онъ пригласилъ священниковъ Комнина и Варазина и домохозяевъ деревни Приноварія, мѣстнаго сборщика (практора) этой деревни, а изъ села Вары—монаха Мелетія Хамокрита и другихъ домохозяевъ. Хамокритъ объявилъ, что онъ, будучи здѣсь старожиломъ, хорошо помнить слѣдующее: село Вары принадлежало прежде Цареградскому монастырю Вседержителя (Пантократора), и въ царствование Мануила Комнина былъ посланъ тѣмъ монастыремъ одинъ монахъ осмотрѣть и переписать поля, считавшіяся за селомъ Варою, и остатъяня владѣнія монастыря, и тотъ монахъ нашелъ, что означенное поле Спаново входило въ составъ угодій села Вары и только насильственнымъ образомъ захвачено Приноваритами; посланный изъ столицы монахъ присудилъ тогда участокъ Спановъ селу Варѣ, но такъ какъ это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе, то другой монахъ, владѣвшій селомъ Варою, отправился въ Цареградъ и сдѣлалъ о всемъ докладъ игумену Пантократора, а сей послѣдній сдѣлалъ представление царю и получилъ отъ него определеніе къ исправлявшему тогда должность Өракисійскаго дука, Киріакутянку, пересмотрѣть дѣло объ угодьѣ Спановоимъ и возстановить во владѣніи того, кому оно будетъ присуждено; когда дука прибыль и заставилъ Приноваритовъ показать, на какомъ основаніи они владѣютъ участкомъ, то они не могли представить никакого объясненія, не могли сослаться ни на какой документъ, такъ что выяснился ихъ насильственный захватъ, и Киріакутянъ присудилъ Приноваритовъ къ штрафу, а разсмотрѣвъ податныя книги (*сочасфора*), присудилъ опять угодье Спаново монастырю Пантократора, отъ котораго оно досталось монастырю Лемвотиссѣ. „Съ тѣхъ поръ“, говорилъ свидѣтель, — „мы и до сихъ поръ владѣли этимъ участкомъ; но недавно Приновариты, воспользовавшись отсутствіемъ игумена и прибѣгнувъ къ насилию, вступили на него съ колесницами и луками и засѣяли въ одинъ день при помощи всѣхъ упряженій селенія (թатѣ тѣս Ծուշարիս тобъ չօքրիս) все поле Спаново“. Такое показаніе далъ прежній сельскій судья (օ թալած չառօքրից), за которымъ прежняя его должностъ навсегда осталась въ видѣ прозвания, въ присутствіи Приноваритовъ, и оно было подтверждено всѣми Варіцами. Но Приновариты тоже всѣ въ одинъ голосъ

утверждали, что Спаново поле принадлежит имъ, такъ какъ оно было владѣніемъ ихъ сопарика (съттароіко) Спана— много лѣтъ тому назадъ. Дѣйствительно отыскано было, что въ Приноварѣ былъ парикъ такого имени, но былъ иѣкогда парикъ Спанъ (Σπανός) и въ селѣ Варѣ, чтѣ помнили Варійцы. Когда вслѣдствіе того поднялся большой шумъ и новый споръ о Спанѣ и его принадлежности къ тому или другому селенію, и не предвидѣлось никакихъ средствъ рѣшить его, то одинъ изъ Приноваритовъ обратился къ игумену монастыря Лемвѣ Герасиму и сказалъ ему: „кирь игуменъ! если ты считаешь себя правымъ, то ступай и вытащи собственными руками пограничные столбы участка“¹⁾. Другой изъ присутствующихъ домохозяевъ Приноварія сейчасъ подалъ игумену застуپъ (λισ्थάριον): „возьми его, и если ты снимешь столбы, мы всѣ отступаемся отъ этого поля“. Игуменъ, взявъ въ руки лыскарь, спросилъ: „всѣ ли вы согласны съ такими словами“, и когда священникъ Комнинъ и всѣ прочіе домохозяева отвѣчали утвердительно, онъ въ присутствіи всѣхъ вытащилъ три столба пограничныхъ, чѣмъ и доказалъ правоту свою и принадлежность Спанова поля монастырю Лемвіотиссѣ.

Въ 1258 г. (№ 14) возникъ споръ изъ-за юрѣльскихъ домовъ, которые куплены были монастыремъ Лемвіотиссой у севаста Мономаха, и на которые объявили теперь притязанія монахи Смирнскаго монастыря св. Николая — на основаніи сосѣдства, дававшаго имъ право предпочтительной покупки. При обсужденіи дѣла обоями игуменами, происходившемъ совершенно мирнымъ образомъ на кровлѣ домовъ, было приято такое соглашеніе, что не позднѣе ближайшаго воскресенья, то-есть, 16-го дня мѣсяца іюня, или уплачена будетъ полная цѣнность имѣнія игумену Лемвіотиссы, или же будетъ съ тѣхъ поръ привано за винъ безпрекословное владѣніе пріобрѣтенными домами.

Въ 1280 г. (№ 60) Фока, зять Кирамаріи, пригласилъ мѣстныхъ стратіотовъ и домохозяевъ селенія Мантені—въ числѣ ихъ храбрѣшихъ стратіотовъ Никифора Фариссея, Георгія Петриція и т. д.— для разбирательства его спора съ монастыремъ. Произошла слѣдующая сцена: когда суды (χρητοι) потребовали отъ монаховъ докумен-тovъ, тѣ отвѣчали, что они не имѣютъ никакого дѣла съ Фокой и ушли въ монастырь; но суды послѣдовали за ними и объявили, что Фока вщетъ правды; тогда монахи вышли со своими документами

¹⁾ κιρ̄ ἡγούμενε, σὺ διτὸς πεζεύσων ἰδίαίς χεραῖν ἀποσπάσεις τὰς στήλας τοῦ τοιούτου χωραφίου, διὰ γυναικῶν τὴν λαβράτων γύροθεν περιορίζομενον....

въ рукахъ—грамотою Вататци, завѣщаніемъ Алексія и его сына Михаила (Тесаитовъ): послѣдній, находившійся тутъ на лицо, призвалъ предъ практоромъ письмо своего отца и домохозяевъ, его сопариковъ (соптаратеіковъ). Суды, то-есть, Георгій Мантіанъ и другіе, признали несправедливость притязаній Фоки.

Въ 1281 г. (№ 38) произошелъ споръ между монастыремъ Лемвіотиссою и монастыремъ Стилла (извѣстно намъ лаврою св. Павла) относительно масличныхъ насажденій и полей; въ одномъ и томъ же мѣстѣ Лемвіотисса владѣла девятью маслинами и полемъ въ два модія, Стилль—14 деревьями, пріобрѣтенными покупкой отъ Гунаропула, но не отъ того Гунаропула, который былъ парикомъ монастыря Лемвіотиссы, а другаго его брата, Ивана, между тѣмъ какъ деревья Лемвіотиссы пріобрѣтены подъ видомъ выморочнаго имущества послѣ Георгія Гунаропула. Монахи Стилла, не довольствуясь купленіемъ, хотѣли захватить и тароіхъ єѣздеца другаго монастыря. Разсмотрѣвъ документы, судъ изъ мѣстныхъ жителей рѣшилъ дѣло такъ, чтобы каждая сторона оставалась при своемъ. Въ числѣ свидѣтелей-судей подписался Феодоръ Варигъ.

Нѣсколько ранѣе 1285 г. (№№ 91 и 92) нѣкто Николай Критикъ продалъ свой полевой участокъ нѣкоему Кутулу, парику монастыря Лемвіотиссы, и выдалъ надлежащій актъ. Шесть лѣтъ Кутуль владѣлъ купленіемъ безпрепятственно, но вотъ что затѣмъ случилось: Номику (нотарію) Керамари понрави1ась эта самая земля, и онъ, пользуясь авторитетомъ и значеніемъ тогдашнаго великаго друнгарія Гавала, насиЛЬственно вступилъ во владѣніе полемъ и заставилъ его. Кутуль, не имѣя возможности противорѣчить, ушелъ къ Куманамъ¹⁾ и при помощи ихъ съ своей стороны прибѣгъ къ насилию, захватилъ въ видѣ залога (ұлғауызы) упраж (Сеогурію) Керамарія и увелъ съ

¹⁾ Здѣсь являются на сцену, знаменитые и въ русской исторіи Полоццы, называемые у византійцевъ всегда Куманами. Послѣ разгрома Татарами, значительная часть ихъ перешла за Дунай въ Византійскіе предѣлы (главная масса переселилась, какъ известно, въ Венгрию) и долго блуждала во Фракіи; царь Ioannъ Дука, по словамъ Никифора Григоры, привлѣкъ ихъ къ себѣ дорогими подарками и ласками и присоединилъ къ войскамъ, при чёмъ предоставилъ имъ для поселенія разныя земли, одни—во Фракіи и Македоніи, другіи въ Азіи—по берегамъ Meандра во Фригіи (Gregor. I, 36). Нѣсколько разъ эти Полоццы являются въ составѣ византійскихъ ополченій (Gregor. I, 111—112, 206; ср. Acropolit.). Любопытна для характеристики Кумановъ черта, сообщаемая въ нашемъ документѣ (стр. 166): флоуың үар ёсті тооті тә үеноң әс үткөр ётарон.

собою. Тотъ въ свою очередь, очутившись въ затрудненіи, обратился къ иѣю ему Фариссею съ просьбой о помощи, дабы выручить воловъ. Фариссей отправился къ Куманамъ, и зная, что не было никакихъ другихъ лучшыхъ средствъ къ умилостивленію этого дикаго и преданного пьянству племени, началъ съ ними торгъ обѣ угощеній; согласились, и было пропито на винѣ цѣлыхъ два имерпира, въ честь, кажется, участвовавшаго и Кутуль. Волы, нужно думать, были выданы. Вследствіе того Керамари считалъ себя уже законнымъ владельцемъ присвоенной земли. Но въ 1270 г. дѣло было поднято на крестьянскомъ мѣстномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ протопопа Гудела Катакалона. Со стороны монастыря Лемвотиссы, парикомъ котораго былъ Кутуль, явился монахъ Маркъ, со стороны Керамари— онъ самъ и еще одинъ его товарищъ. Керамари представилъ—было документъ, актъ продажи Критикомъ земли ему, Керамарію; но этотъ документъ былъ признанъ подложнымъ и недѣйствительнымъ; рѣшено было, что имѣніемъ долженъ владѣть монастырь, такъ какъ Кутуль былъ его парикомъ; а Керамарію было объявлено, что онъ долженъ воротить то, что было несправедливо захвачено отцомъ его.

Михаиль Врана Компинъ, царскій близкій человѣкъ (Андроника II), обижалъ монастырь, захвативъ часть его владѣній на полѣ Меманіона, въ окружности Палатій и въ Варѣ. Онъ съ своей стороны обвинялъ монаховъ въ томъ, что они всходять на гору, которая входить въ составъ его владѣнія, закрѣплленного за нимъ документально, ради древесныхъ порубокъ и для пастбища скота, притомъ, вопреки прежнему обычая, ничего не платя за все это. И вотъ онъ захватилъ въ видѣ залога (ἀράχιον) монастырскихъ овецъ и т. п. Монахи жаловались на него царю (Андронику II), и онъ велѣлъ разобрать дѣло въ судебнѣмъ приказѣ¹). Здѣсь, на основаніи разобраннѣхъ документовъ, особенно грамоты царя Иоанна Дуки Вататци, монастырь получилъ полное признаніе правъ на свои земли. Врана ничего не могъ противопоставить въ свое оправданіе, кроме ссылокъ на старый обычай и додгое пользованіе. Императоръ, утвердивъ приказаное рѣшеніе, велѣлъ доместику восточныхъ округовъ (темѣ) Мануилу Сгуропулу разсмотрѣть дѣло на мѣстѣ, опредѣлить точно границы обояднѣхъ владѣній при помощи свѣдущихъ людей изъ мѣстныхъ жителей, возстановить законный порядокъ, согласно съ рѣшеніемъ приказа. Сгуропулъ, занятый другими важными дѣлами (pag. 282),

¹) σεχρίτω, а ниже βασιλίκων δικαιοτυρίων.

не могъ лично исполнить царскаго указа и поручилъ это вестяриту Пакуріану (его соутрѣфф). Сей послѣдній, пригласивъ представителей Смирнскай митрополіи — духовныхъ депутатовъ, тяжущіяся стороны, въ числѣ ихъ и жителей селенія Мурмунты, которые однако не явились къ разбирательству, мѣстныхъ домохозяевъ и лучшихъ людей, обошелъ съ актами въ рукахъ окрестности и провѣрилъ по пограничнымъ камнямъ, большею частю сохранившимъ надписи, законные границы монастырской земли. Врана и Мурмунта проиграли процессъ. Но послѣдніе все-таки продолжали пасти свой скотъ въ одномъ горномъ луговомъ мѣстѣ, около Вары и Палатій, которое было собственностю монастыря, такъ что дука темы Фока Авторіанъ въ 1287 году получилъ новый приказъ разсудить ссору и все привести въ порядокъ.

Въ 1293 г. (№ 144 и 145) Мануиль Сгуропулъ, для прекращенія ссоръ между монастыремъ и сосѣдними землевладѣльцами, Мануиломъ Дукою Априномъ, Маврозомъ, и крестьянами селенія Нахорія, пославъ своего зятя, Мануила Критопула, пригласивъ въ тоже время письмомъ митрополита Смирнскаго отправить церковныхъ архонтовъ. При помошь мѣстныхъ хорошихъ стариковъ (χρ\u03c7ιστοι γέροντες) изъ села Панарета, Мантеи и другихъ, судьи провѣрили на мѣстѣ границы по документамъ и отвергли притязанія Априна. Но такъ какъ Критопуль отправлялся на должность дуки на островъ Хіосъ (εἰς τὴν δομοκήν ἐνεργείαν τῆς νήσου Χίου) и не успѣлъ разобрать спора съ Неохоритами, то Сгуропулъ поручилъ это своему соутрѣффу Льву Монастиріоту; и тотъ съ домохозяевами и мѣстными стариками (πάντες οἰκοδεσπόται καὶ τοπικοὶ γέροντες) сдѣлалъ, чтѣ нужно, и заставилъ Неохоритовъ выдать обязательство, что они не будутъ, пользуясь своимъ сосѣдствомъ, вступать на монастырскія земли и обрабатывать ихъ для себя; сверхъ того, принудилъ ихъ заплатить десятину съ земель, которыми они захватили въ прошедшемъ году. Впрочемъ, монахи, ради бѣдности крестьянъ, простили имъ морту¹⁾.

Въ 1293 г. (№ 102) военный судья (χριτὴς τοῦ φορσάτου) Хила разбираетъ споръ монастыря съ Михаиломъ Комниномъ Враною: ссоры и раздоры между ними часто доходили до того, что жизнь людей подвергалась опасности; та и другая сторона пускали въ ходъ луки и стрѣлы. Споръ шелъ о землѣ, и обѣ стороны обратились къ Хилѣ,

¹⁾ Pаг. 231, 232: ἵνα ἀποδώσομεν καὶ τὴν τῶν χωραφίων μορτήν,... ἵνα δῆτα μορτήν—ἀνθυπέστρεφαν πρὸς ἡμᾶς.

который, взявъ съ собою хорошихъ людей (χρησίμους ἀνθρώπους) изъ постороннихъ и мѣстныхъ жителей, явился на мѣсто. Монахи представили свою владѣнную запись (то *κράτικόν*), составленную еще 59 лѣтъ тому назадъ, и безъ особенного труда могли проверить указаныя тамъ границы монастырскихъ владѣній; только относительно одного пункта на съверѣ оставались недоразумѣнія и продолжались споры: тутъ суды обратились въ мѣстныхъ знающимъ старожиламъ, и обѣ стороны указали 80-ти-лѣтнаго старика, который долженъ быть все рѣшить. Онъ пошелъ съ крестомъ въ рукахъ и указалъ старые пограничные столбы, сдѣлавшиеся малозамѣтными отъ времени. Столбы велико было вновь поставить, а пограничная земля съ обѣихъ сторонъ, служившая для пастбищъ, должна была и на будущее время оставаться въ общемъ пользованіи, съ тѣмъ чтобы ни та, ни другая стороны не имѣли права превращать ее въ пахатную, и чтобы уничтожены были волчьи ямы (χαύδακες), устроенные ради взаимной ненависти, чтобы можно было въ соседнюю мѣстность, гдѣ ростетъ тростникъ (*σαράκον*), осеннимъ гонять скотъ съ той и другой стороны и т. д.

III.

Третій отдѣль книги греческихъ монастырскихъ актовъ переносить настъ въ Европу, къ древнему Пагасейскому заливу, называемому теперь Воло, къ двумъ Фессалійскимъ обитателямъ, находившимся подъ однимъ управлѣніемъ и потому считаемымъ за одну. На западныхъ скалистыхъ и обрывистыхъ склонахъ горы Пеліона, не подалеку отъ Новой Димитріады, раздѣленная глубокою разсѣяній, до сихъ поръ находятся два большихъ и богатыхъ села, отличающіяся своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, Макриница и Портарія: первое — съ церковью, прежде монастыремъ св. Дѣвы Маріи Скораго Призрѣнія—Макринитиссы, второе — съ женскими монастыремъ св. Ioannou Предтечи, прозвываемымъ Петрою и Новою Петрою. Исторія монастыря Макринитиссы по нашимъ актамъ, дошедшими до настъ въ рукописи Туринской королевской библіотеки, представляется въ слѣдующемъ видѣ: Во времія господства Латинянъ въ Цареградѣ, но уже послѣ разрушенія ихъ Солунскаго королевства, основанаго Бонифаціемъ Монферратскимъ, одинъ изъ мѣстныхъ греческихъмагнатовъ или династовъ изъ фамилии Мелиссиновъ (или какъ постоянно пишется въ актахъ—Малая-

сивовъ), женатый на родственнице Феодора Ангела и его брата Мануила, вовстановителей греческой самостоятельности въ Фессаліи и Эпирѣ, поручилъ епископу города Димитріады Арсенію построить, или можетъ быть, только возобновить монастырь Богородицы въ Макриницѣ. Въ 1230 г. (а можетъ быть, только въ 1245 г., ибо документъ означенъ однинъ третиимъ индиктомъ), епископъ Димитріады Арсеній, завѣдывавшій постройкою, далъ запись Константина Маліасину (№ 18), что ни онъ самъ, ни его преемники не будутъ имѣть никакихъ притязаній на вновь основанный монастырь, отдаваемый етиторомъ подъ надзоръ патріарха. Въ послѣдствіи, именно въ 1256 г. (№ 9), патріархъ Арсеній Авторіанъ прямо объявилъ Макринитиссу своею ставропигіей: Епископы Димитріады, говорить онъ въ своей грамотѣ,—много разъ пытались присвоить себѣ власть надъ монастыремъ Макринитиссою, но ихъ попытки вели только къ большему разъясненію той истины, что обитель должна принадлежать патріарху: это доказываютъ грамоты его предшественниковъ Германа II (1222—1240 гг.) и Мануила (1241—1255 гг.), а различъ образомъ рѣшеніе, произнесенное, по тщательномъ изслѣдованіи вопроса, бывшимъ деспотомъ Мануиломъ, подъ которымъ подписался и епископъ Димитріады Николай Влати, первый вовбудившій споръ; затѣмъ преемникъ Николая, Неофітъ, тоже сдѣлалъ письменное заявленіе въ томъ же смысль. Это признавали, продолжаетъ патріархъ Арсеній,—и попечители монастыря, покойный Константинъ Маліасинъ и его сынъ Николай, обращаясь къ намъ съ просыбами на счетъ монастырскихъ дѣлъ, напримѣръ, избраїя игумена и т. п. Подтверждая права своего престола, патріархъ дѣлаетъ постановленіе о порядкѣ избранія и утвержденія игуменовъ, при чѣмъ должно быть испрашиваемо согласіе етиторовъ, Николая Маліасина и его наследниковъ. Патріархъ соглашается въ своей грамотѣ на то, чтобы расположенный въ епархіи епископа Велестина (древнихъ Феръ) монастырь св. Иларіона былъ низведенъ въ подворье или мѣтохъ Макринитиссы, съ тѣмъ чтобъ епископъ Велестинскій (монастырь былъ его ставропигіемъ) имѣлъ въ немъ поминаніе (*άναφορά*) и получалъ съ него хачоукіонъ. Къ этому послѣднему монастырю кир-Иларіона относится документъ 1246 г. (№ 7). Годъ замѣчательенъ въ томъ отношеніи, что именно на него падаютъ военные дѣйствія Навѣйского императора Вататси противъ солунскіхъ своихъ соперниковъ, окончившіяся присоединеніемъ (большей части) Фессаліи къ владѣніямъ вовстановляемой имперіи; однако изъ нашего

документа должно слѣдовать такое заключеніе, что за деспотомъ Михаиломъ II Ангеломъ остались не одни только владѣнія въ Эпирѣ, какъ обыкновенно полагаютъ, но и южная часть Фессалии. Михаилъ II, которому принадлежитъ грамота, объявляется, что онъ всегда былъ расположень къ монастырю кир.-Иларіона и съ радостю соглашается на просьбу относительно этого монастыря, обращенную къ нему его возлюбленнымъ зятемъ Константиномъ Маласиномъ: Когда высокая рука Божія помогла намъ выгнать изъ нашей области грекопожирательное племя латинское и присоединить къ ней давническую и подчиненную имъ область города Алмира, къ которой принадлежалъ и монастырь Иларіона, то возлюбленный нашъ зять, къ которому монастырь поступилъ въ завѣдываніе отъ нашей царицы¹⁾, просилъ освободить его отъ всакихъ даней и повинностей; мы на это согласились и поведѣли, чтобы монастырь Иларіона именовался монастыремъ Константина Комнина Маласина, а послѣ него пусть онъ перейдетъ къ его сыну, Николаю, и пусть это будетъ наградою за военную заслугу, оказания Константиномъ Ромейской землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь освобождается отъ казенной подати (*χροστιχѣй тѣлесрѣтіа*) въ $2\frac{1}{2}$ ипериира, и вообще отъ всякой дани, теперь существующей или впередъ имѣющею появиться вслѣдствіе „изобрѣгательного ума служащихъ казнѣ лицъ“.

Въ 1259 г. Михаилъ Палеологъ отправилъ въ Европу своего брата Иоанна Палеолога, который и успѣхъ было въ началѣ завладѣть большою частью Фессалии; его отряды доходили до самыkh Новыхъ Патръ. Къ этому времени относится документъ (№ 19), не обозначеній годомъ, а единѣ только индиктомъ, и потому получившій поеди-нѣйшую замѣтку, что Иоаннъ Палеологъ, его выдавшій, не былъ еще тогда деспотомъ, а подписался севастократоромъ. Въ грамотѣ Палеолога говорится, что монастырь Иларіона въ области Алмира, вслѣдствіе нерасположенія владѣвшихъ прежде этого страною деспотовъ²⁾, отобралъ былъ вмѣстѣ и съ половою землею въ 500 модиевъ отъ монастыря Макринитиссы; но теперь, вслѣдствіе просьбы монаховъ

¹⁾ А царица получила его отъ какого-то графа: ὡς δὲ δωρεᾶς τοῦ κόντος ἔχεινον γεγενημένης πρὸς τὴν θείαν μου τὴν βασιλίσσαν.

²⁾ Нужно здѣсь замѣтить, что въ 1259 году Константина Маласина уже не было въ живыхъ, — въ самой грамотѣ Палеолога онъ именуется *μακαρίτης*, а сынъ его Николай былъ зятемъ Палеологовъ.

сего послѣдняго, опять былъ возвращенъ по принадлежности въ видѣ мѣтоха обители св. Дѣвы Маріи Скораго Прізрѣнія.

Борьба между Палеологами и Ангелами за обладаніе Фессаліей и Эпиромъ продолжалась довольно долго. Въ 1260 году, сынъ Михаила II разбилъ и взялъ даже въ плѣнъ Иоанна Палеолога при Трикорифѣ; но въ 1263 и 1264 гг. освобожденный изъ плѣна братъ Михаила Палеолога, успѣвшаго овладѣть Константинополемъ, снова дѣйствовалъ противъ Михаила Ангела. Въ 1265 г. деспотъ Михаилъ покорился и принесъ присягу подданства императору; его сынъ Никифоръ отправился въ столицу, женился на племянницѣ Палеологовъ и возведенъ былъ въ сань деспота. Никифоръ въ 1266 г. (№ 8) и съ своей стороны утвердилъ, по просьбѣ Николая Маласина, за монастыремъ Макринитиссою владѣніе мѣтокомъ Иларіона и всѣми другими его землями и угодьями, селеніемъ Грекѣс, жельницей, однодеревками, солончаками, Влахами, поселившимися въ видѣ парковъ, съ освобожденіемъ монастыря отъ вскихъ податей и повинностей, въ числѣ которыхъ упоминаются десятина отъ свиней (хородехатѣ), и сборъ съ пчелиныхъ ульевъ; ни практиры, ни сборщики государственныхъ податей, ни даже тѣ, которые завѣдуютъ птицами деспота¹⁾, не имѣютъ права чего-либо требовать. Изъ того, что Никифоръ Ангель далъ эту грамоту, можно было бы заключить, что онъ получилъ въ управление, на избѣкотораго рода вассальныхъ правахъ, именно Фессалію; но такому предположенію противорѣчить рядъ другихъ документовъ, принадлежащихъ Иоанну Палеологу и начинаяющихся уже съ 1264 г. (№ 21). Въ грамотѣ, относящейся къ освященному году и отправленной Палеологомъ царскому затю и логопету дрома, объясняется, что монахи Макринитиссы пресили у него какой-нибудь другой пахатной земли въ замѣнь помѣстья Крѣпѣс, которымъ они до сихъ порь корились, и которое потомъ было совсѣмъ затоплено водой, и что поэтому слѣдуетъ передать монахамъ Макринитиссы во владѣніе монастырекъ св. Димитрія подлѣ селенія „Большаго“ (Мѣгѣлѣ) съ его землею. Въ 1268 г. (№ 22) Иоаннъ Палеологъ узналъ, что сборщики податей (οἱ δημοσιῶντες ἐνεργοῦντες) подвергли монастырь Иларіона съ поселившимися при немъ убогими людьми и винодѣлами ежегодной подати въ пользу казны въ 23½ империра и равнымъ образомъ наложили другое 10 империровъ на доставшіе ему покупкою виноградники въ Амирѣ, хотя эти подати

¹⁾ οὗτε οἱ εκδουλεύοντες τὰ δρυες τῆς βασιλείας μου.

были отмѣнены еще прежними государями, деспотами Мануиломъ (Ангеломъ) и Михаиломъ (II Энирскимъ). Теперь, говорится въ грамотѣ,—когда Вседержителю Господу угодно было возвратить эту страну подъ власть нашего императора (Михаила Палеолога), я повелѣваю, чтобы отмѣна той и другой подати имѣла полную силу; пусть монахи Макринитиссы владѣютъ безденно своимъ мѣтохомъ, какъ это было опредѣлено въ нашемъ севастократорскомъ постановлѣнії¹⁾; гла-венствующій (χελωφاتіхѣбѹ) въ той странѣ логоаетъ Метритопулъ не долженъ вступаться въ монастырскіе доходы.—Въ томъ же году (№ 23) деспотъ Иоаннъ Палеологъ повелѣлъ логоаству Василію Метри-топулу передать Макринитиссѣ имѣніе или село Капрену (τὴν Κά-пραναν), а занимавшимъ его до тѣхъ поръ Тцеконамъ (Τσέκωνι), Христофору и Папаникопулу, дать другую землю въ равномъ количе-ствѣ съ прежнею. Серебряная грамота (№ 6), данная монастырю на имѣніе Капрену, относится, по видимому, сюда же. Въ ней говорится, что это имѣніе, цѣнностю въ 50 иперпировъ, и прежде принадлежало монастырю, но было у него отнято несправедливостю и насилиемъ. Сверхъ того, въ этомъ документѣ вновь признается за монастыремъ право держать на близкѣ лежащемъ озерѣ св. Стефана два судна (συ-δάλα) съ рыбаками, то-есть, дѣтей Малогена съ однодеревкой и еще двухъ жителей тоже съ однодереакою. Въ 1270 г. (№ 70) кесарь Стратигопулъ подтвердилъ сдѣланную братомъ царскимъ передачу селенія „Большаго“ въ монастырь Макринитиссы, такъ какъ для большей крѣпости монахи желали утвержденія и со стороны Стратигопула, имѣвшаго по сосѣдству свои частные владѣнія. Въ томъ же году (№ 24) деспотъ Иоаннъ пишетъ, что онъ ранѣе того передалъ имѣніе Капрену цѣнностю въ 50 иперпировъ монастырю Лемвіотиссѣ, но потомъ у него выросло это имѣніе Христофоръ Тцеконъ (ὁ Τσέκων); теперь снова дается предписаніе вѣкоему Алексію Кавалларію передать имѣніе обители²⁾.

Патріархъ Іосифъ подтвердилъ (№ 16) передачу исикастирія Ра-сусы, основанного монахомъ Феодосіемъ, со всему священою утварью и книгами, полученными отъ ктитора Макринитиссы его учителемъ

¹⁾ κατὰ τὴν προτανομένην αὐτοῖς ἡμετέραν σεβαστοκρατορικὴν τραφήν: разумѣется. документъ 1259 г. № 19.

²⁾ Изъ разказа Пахимера о послѣднемъ походѣ Иоанна Палеолога противъ восставшаго деспота Михаила въ 1271 г. мы узнаемъ, что Алексій Кавал-ларій, носившій званіе доместика столы, сопровождалъ армію императора и игралъ важную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ.

аввою Ioannomъ, въ видѣ мѣтоха того же монастыря Макринитиссы. Въ 1272 г. (№ 1) самъ императоръ Михаилъ Палеологъ подтвердилъ за монастыремъ владѣніе всѣми приобрѣтенными имѣніями, освобождая обитель отъ податей и повинностей, исключая двухъ статей, градозданія и стройки судовъ,—эти послѣднія, какъ касающіяся общегосударственныхъ нуждъ, остаются на имѣніяхъ монастыря¹⁾. Патріаршія грамота того же 1272 г. (№ 10) содержитъ подтвержденіе царскаго хрисовула и заключаетъ полное исчисленіе всѣхъ владѣній монастыря. Сверхъ того, въ ноябрѣ этого года (№ 17) почему-то понадобилось еще и синодальное опредѣленіе о передачѣ имѣнія Расусы Макринитиссы²⁾. Въ 1273 г. Ioannъ Комнинъ Палеологъ, опять подписывающійся севастократоромъ (титулъ деспота онъ, какъ известно изъ исторіи,—уступилъ своему племяннику, сыну Михаила Палеолога, Андронику), возвращается монахамъ отобранную имъ у нихъ землю, называемую Kiraکala тоб Zerbo, пожертвованную рабынею затемъ его Николаемъ Maliasinomъ, но ради какой-то временной нужды пожалованную иѣкоему Zorianu, вслѣдствіе чего инохи очутились въ затруднительномъ положеніи. Въ 1275 г. (№ 42) іеромонахъ Феодосій подарилъ Макринитиссѣ въ видѣ мѣтоха монастырекъ св. Marii въ Харменѣ при подошвѣ горы Ossы съ тремя париками-каливитами, тамъ поселенными, и съ ихъ участкомъ³⁾, съ которыхъ поступало оброка четыре іперпира. Парики были даны монастырю все тѣмъ же Николаемъ Maliasinomъ, получившимъ въ монашествѣ имя Iосафа. При монастыркѣ были 4 вола, 1 лошакъ, два осла, 70 овецъ; ему принадлежала половина мельницы.

Въ 1276 г. (№ 38) етиторъ Макринитиссы Николай, въ монашествѣ Iосафъ Maliasinъ, съ согласія братіи, заключилъ сдѣлку съ сосѣднимъ монастыремъ Пречистой относительно земли Петры, переданной Макринитиссѣ главою Великой Валахіи, царскимъ

¹⁾ ἀνει μέντοι τε τῶν δύο κεφαλαίων, τῆς τε καστροκτίσας καὶ καταργοκτίσας, ταῦτα γάρ ὡς κοινωφελῆ καὶ παρὰ τοιούτων τῆς μονῆς ἀπατηθεσονται.

²⁾ При этомъ случаѣ названы имена епископовъ, присутствовавшихъ въ синодѣ; это были: Левъ Ираклійскій, Ioannъ Никомидійскій, Феофанъ Никейскій, Ioannъ Навпактійскій, Ioannikios Thessalonikioskii, Георгій Филиппопольскій, Ioannъ, епископъ города Maditъ, Феодосій Лакедемонскій, Ioannы Kantamovskis и Dymotikoskii, Константина епископъ Кипрскій, Ioannъ—Brisios и Левъ—Berrios.

³⁾ καλοριθῶν τῶν ἐκεῖσε προσκαθημένων, παροίκων τριῶν.—μετὰ καὶ τοῦ στασίου αὐτὸν τίλος ἔχοντων ὑπερπυρα τέσσαρα.

шлекерною Раулемъ: цѣлая половина уступлена была игумену монастыря Пресвятой.

Благодаря усердію той же фамиліи Милиссиновъ (или Малиасиновъ) возникъ около 1271 года женскій монастырь Иоанна Предтечи, прозванный Новою Петрою. Онъ былъ основанъ Анною, женой Николая Малиасина, происходившего изъ царствовавшаго тогда рода Палеологовъ. Документы этого монастыря начинаются любопытнымъ и важнымъ заявленіемъ жителей селенія Дріанувенъ (Δριανούβανη) на имя ктиторовъ обители и ея монахинь (№ 26); когда Николай Малиасинъ и его благочестивейшая супруга Анна, руководимые Божиимъ внушеніемъ, выстроили отъ основанія въ селеніи Дріанувенъ на землѣ (τοκοθεσίᾳ) Архонтицѣ женскій патріаршій монастырь во имя Предтечи, то они пожелали купить для него весь участокъ (ὅλην στάσιν) Михаила Архонтида, чтѣ и было исполнено за нѣсколько лѣтъ тому назадъ; но такъ какъ на участкѣ, поступившемъ во владеніе монастыря, лежала ежегодная подать въ два иперпира и 8 коккіевъ ¹⁾, то жители селенія, зная, что посвященное Богу не должно оставаться въ рабствѣ (οὐ δουλοῦται), взяли на себя взносъ въ казну этихъ двухъ съ одною третью иперпировъ и разверстали такую сумму между собою сообразно съ силами каждого ²⁾.

Затѣмъ цѣлый рядъ актовъ свидѣтельствуетъ о приобрѣтеніи ктиторами различныхъ имѣній по сосѣдству ради своего монастыря, при чёмъ они въ довольно широкихъ размѣрахъ воспользовались тяжелымъ и даже бѣдственнымъ положеніемъ мѣстнаго населенія, пострадавшаго и отъ непрерывныхъ войнъ, театромъ которыхъ была страна, и отъ хлѣбныхъ неурожаевъ или голода. Въ сентябрѣ 1271 года (№ 27) Зоя, дочь умершаго Стефана Сиропула и жена покойнаго Иоанна Мелахрина, узнавъ, что Анна Палеологина Малиасина вознамѣрилась въ скоромъ времени основать монастырь ³⁾, пожелала продать свой родовой участокъ въ области Дріанувенской, состоявший

¹⁾ ὑπέρπυρα δύο καὶ χόχκια ὅκτω: ниже оказывается, что это равняется тѣ двою трітону ὑπέρπυру. Итакъ восемь коккіевъ составляетъ треть иперпира.

²⁾ διὰ τῆς παρούσας — — καταθετικῆς ἡμῶν γραφῆς ἀναδεχόμεθα τὸ δηλωθὲν ἐτῆσιον τέλος καὶ προστιθέμεθα τοῦτο τοῖς ἡμετέροις ἐτῆσιοις ἀρροτίχοις, ὡς καὶ τοῦτο τελεῖσθαι παρ' ἡμῶν ἀναλόγως κατὰ τὴν ἔκαστον ἰσχύν.

³⁾ ὁ δὲ καὶ σὺ θεῷ δι' ὀλίγου μᾶλλος ἀπαρτίσαι: объ устройствѣ монастыря здѣсь говорится въ будущемъ, между тѣмъ какъ въ другихъ документахъ отъ того же года и мѣсяца (сентябрь 1271 г.) онъ представляется существующимъ.

изъ нѣсколькихъ виноградниковъ и виноградныхъ полей, сковори-
ницы и двухъ домовъ, въ которыхъ она жила сама ¹⁾: все это она
уступала за пять иперпировъ, пропая не доплаченну цѣнность,
хотя бы таковая была вдвое или втрое противъ полученной, но съ
тѣмъ условиемъ, что продавица будетъ и сама принята въ устрои-
ваемый монастырь. Въ сентябрѣ 1271 года (№ 28) Михаилъ Ар-
хонтіцъ съ женой продаютъ свое имѣніе (стѣсъ) въ области Дріа-
нуэзской, въ мѣстности, называемой тоже Архонтіцею, съ котораго
они не имѣли никакого дохода, кромѣ того, что сами тамъ жили.
Маласины, получившіе отъ царя въ даръ всю область Дріанузы,
могли бы завладѣть имѣніемъ на правахъ господъ и государей ея,
но они захотѣли быть справедливыми и богобоязненными и лучше
купить имѣніе въ видѣ чуждыхъ и пришлыхъ людей. Узнавъ объ
этомъ, Архонтіцы предложили имъ землю и согласились въ присутствіи
лучшихъ людей (христіоновъ єпосіховъ) взять за него 12 иперпировъ,
которые сейчасъ и были вынесены имъ изъ кивота (аѣтѣ тѣ храстіо
ѹѣ). Въ ноябрѣ 1271 года (№ 29) Михаилъ Мартинъ съ се-
мействомъ, доведенные до крайности бѣдностю и всяческою нуждою,
страдаю отъ долговренного неурожая и не имѣя кѣла для пропи-
танія, рѣшились продать виноградникъ въ окрестностяхъ Веле-
стино (древнихъ Феръ) пространствомъ въ одну олокотинарію ²⁾,
расчитывая прокормить себя и малолѣтнихъ дѣтей на счетъ покуп-
ной цѣны; послѣ переговоровъ въ присутствіи епископа Димитріады
Михаила, они получили отъ ктиториссы Аны 10 иперпировъ.
Въ ноябрѣ 1271 года (№ 30) Николай Варда, тестъ Мартана,
вслѣдствіе тѣсноты, бѣдности и наготы и ради тяжелыхъ временъ
тоже продаетъ свой родовой виноградникъ пространствомъ въ одну
олокотинарію за девять иперпировъ, расчитывая купить на эту
сумму вола, съ тѣмъ чтобы обрабатывать землю. Приписка, сдѣ-
ланная послѣ внизу документа, говорить, что Варда получилъ за
свою часть общаго прежде виноградника столько же, сколько и его зять,
то-есть, десять иперпировъ: очевидно, разность цѣны показалась ему
обидно, и онъ успѣлъ выпросить прибавку.

Въ декабрѣ 1271 года (№ 31) настоятель и экономъ сосѣдняго

¹⁾) оіхѣрата ѡбо — — єхонта єсѡѳевъ хароутіа хай вѣгунъ. Послѣднія скока
для настъ неясны.

²⁾) Олокотинарія (блокотінара) въ смыслѣ измѣрения поверхности — вѣ-
щественное слово; блокотінн значить просто золотую монету, номисму (см. Дюканжа).

монастыря великомученика Георгия тόν Κανάλιον продали за 15 иперпиротов виноградникъ, принадлежавшій ихъ обители, совершенно бесполезный и заброшенный. Въ 1272 году (№ 32) братъ Константина Катцидона, пришедши въ крайнюю бѣдность вслѣдствіе ежедневныхъ вражескихъ напастей въ страну ихъ, терпи нужду и пуждалась въ насущной пищѣ, продасть виноградникъ около Венеции, наследенный собственными его трудами, чтобы купить рабочаго; вола онъ получила отъ монастыря восемь монетъ, а если виноградникъ стоять дороже, то не доизлияное прощается. Братъ Константина, Иоаннъ, за участокъ виноградный въ одну олокотину рю съ третью (ταρὰ τρίτον) взялъ семь иперпиротовъ. Въ то же время (№ 33), подъ гнетомъ тѣхъ же обстоятельствъ и по тѣмъ же побужденіямъ, соседніе жители продали за 26 дукатовъ (δοχάτα) свою мельницу, впрочемъ уже запустѣвшую. Кроме супруговъ Малласиновъ, другимъ благодѣтвіемъ вновь основанного монастыря новой Петры былъ епископъ Димитриады, Михаилъ Панаретъ (№№ 34, 35, 41, 36, 40; ср. № 5, 13, 11, 12, 15). Онъ передалъ монастырю Предтечи находившійся въ ближайшемъ сосѣдствѣ другой монастырь Портарію со Влахами, поселившимися при немъ въ видѣ париковъ, и потомъ еще три другіе монастырка вмѣстѣ съ ихъ землею и сидѣвшими на нихъ убогими (τόν πτωχῶν); онъ подарилъ монастырю мельницу и церковь св. дѣвы Маріи Кукура съ землею и плодовыми деревьями. Всѣ его вкладные записи были подтверждаемы патріархомъ и самимъ царемъ, Михаиломъ Палеологомъ, который выдалъ и общій подтвердительный хрисовулъ на всѣ пріобрѣтенія монастыря (№№ 4, 2). Но въ 1273 году патріархъ Іосифъ возвсталъ противъ Димитриадскаго епископа по поводу его притязаній на исихастирій, подчиненный новой Петрѣ и составившій патріашую ставропигію (№ 14). Однако въ 1280 году (№ 39) этимъ исихастиремъ распоряжается все-таки Михаилъ Панаретъ, передавая его, правда—въ видѣ дара, въ монастырь новой Петры. Въ 1275 году Михаилъ Палеологъ уступилъ новой Петрѣ обитель Латоми въ городѣ Солуни и подтвердилъ соединеніе подъ однимъ управлѣніемъ монастырей Макринитиссы и Иоанна Предтечи или новой Петры.

Въ 1277 году (№ 37) пинкерною Раулемъ, главою Великой Влахии (см. № 38), решено было следующее спорное дѣло: Нѣкто протонебесисъ Мармара получилъ отъ царя въ видѣ проні (έχει διακρούσας) имѣніе Триново (χωρίου τὸν Τρίνοβον), совершенно самостоятельное и отдѣльное, но не довольствуясь этимъ, сталъ дѣлать

попытки присвоить себѣ и соседнее имѣніе Врасть, принадлежавшее монастырю новой Петрѣ, и уже отдалъ слѣдовавшую съ имѣніемъ морту¹). Монахи жаловались Раулю; пригласивъ и другую сторону, онъ сдѣлалъ допросъ и произнесъ приговоръ. При допросѣ протоиерей белиссимъ утверждалъ, что Врасть входитъ въ составъ Триновскаго округа, и слѣдовательно, принадлежитъ къ его прони; но царскій хрисовуль, представленный монастыремъ, и спросъ мѣстныхъ знающихъ людей доказали противное. Приговоръ гласилъ, что монастырю должно быть возвращено имѣніе и собранная съ него Мармарою десятина²).

¹⁾ ὁς καὶ τὴν ἀνήκουσαν ἡμῖν μορτὴν οὗτος ἀφείλετο.

²⁾ καὶ τὴν ἦν δῆκως ἀφείλετο δεκατίαν ἀπὸ τοῦ τοπίου. Отсюда видно, что морту и десятину оставались синонимами.

В. Васильевскій.

(Продолженіе сандуши).

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМѢТКИ.

Пеѣзда въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. С.-Пб. 1879¹⁾.

Еще до посѣщенія прибитольскихъ монастырей, о. Антонинъ по-
бывалъ въ нѣсколькоихъ другихъ, находящихся въ болѣе или менѣе
ближкомъ разстояніи отъ Битоли. 26-го мая отправился онъ въ монастырь Слѣпче, находящійся въ сѣверномъ направлѣніи отъ города, часахъ въ 5—6, и по дорогѣ туда остановился въ маленькомъ бол-
гарскомъ селѣ Прилѣпскаго округа (казы) Слѣпчицѣ, гдѣ осмо-
трѣлъ церковь св. Николая, имѣющую всего четыре шага въ ква-
дратѣ²⁾; въ ней о. Антонинъ нашелъ четыре рукописныя славянскія
книги и четыре печатныя (два экземпляра второй части Октоиха южной
печати 7002 и 7047 г., Анеологіонъ московской печати 1763 г.
и Псалтырь 1769 г.). Изъ рукописей болѣе важны: 1) Евангеліе—на
бомбіцинѣ, in 8⁰, въ черномъ кожаномъ переплѣтѣ, безъ всякаго укра-
шенія XVI вѣка; еще при о. Антонинѣ оно было въ употребленіи
при богослуженіи (служило вмѣсто напрестольнаго); 2) Пентекостарій
—на бумагѣ, in fol.; въ припискѣ на концѣ этой рукописи говорится
между прочимъ слѣдующее: „писасе сиа бѣ твеннайа (не бѣть-
вната?) книга триш въ лѣтѣ 1393 въ дни вънеже попущеніемъ
бѣжіи прѣдани быхомъ грѣхъ ради нашихъ въ рѹцѣ врагъ безза-
конныхъ (?) и мрѣжихъ и бѣзправеднѣй и лукавѣйшѣ паче въссе»

¹⁾ Окончаніе. См. юньскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Какъ видно, подобного рода маленькия церкви въ прошлія времена были
нерѣдкостью на Балканскомъ полуостровѣ. Я самъ видѣлъ, въ селѣ Дебелцовѣ,
Севлиевскаго округа, полуразвалившуюся такую же маленькую церковь.

землѣ. и тогда бысть запустѣніе и скрѣбъ велиа ѿ бѣзбожныхъ измѣнить иже не бысть ни бѣдѣть" (стр. 281). Объ остальныхъ: Триптихъ (трьпѣць, на бум., in fol.) и Апостолъ (in fol., на бум.) не раньше XVII вѣка, съ „неискуснымъ изображеніемъ въ началѣ св. апостола Луки", о. Антонинъ, въ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ. Обозрѣвъ церковь, нашъ путешественникъ посѣтилъ и домъ попа Николы, который жилъ въ Слѣпченскомъ монастырѣ, а приходъ предоставилъ своему сыну, хотя послѣдній считается собственно только помощникомъ, какъ бы викаріемъ своего родителя. При этомъ о. Антонинъ дѣлаетъ краткія замѣтки о внутренней обстановкѣ дома и сообщаетъ довольно интересныя свѣдѣнія о положеніи болгарского сельскаго священника въ Македоніи.

Въ Слѣпченскомъ монастырѣ св. Иоанна Предтечи о. Антонинъ обозрѣваетъ три года передъ симъ отстроенную церковь въ византійскомъ вкусѣ, съ высокимъ куполомъ, и затѣмъ приступаетъ къ бѣглому обозрѣнію около сорока рукописей¹⁾.

Церковь здѣшняя ничего особеннаго не представляетъ, кроме развѣ одной, позднѣйшаго времени, надписи въ алтарѣ подъ большимъ крестомъ и большой деревянной иконѣ св. архангела Михаила, „рѣзной рельефно" (1703 г.).

Рукописи, кроме шести греческихъ, всѣ славянскія, большую частью позднѣйшаго времени, и всѣ на бумагѣ, за исключеніемъ двухъ греческихъ и одной славянской на пергаментѣ²⁾. Изъ нихъ болѣе замѣчательна (№ 1) Тетрогрѣль (на пергам., in 4⁰), которое, судя по нѣкоторымъ даннымъ языка, приводимымъ о. Антониномъ, можно отнести къ XIV вѣку, а самое раннее — къ концу XIII, — но послѣднєе сомнительно. Годъ приписки должно читать 1456 (1456 г.), а вмѣсто Угаршаго, мнѣ кажется, что должно было быть Угаршаго, а всего вѣроятнѣе Угарскаго. Ошибка произошла или по винѣ самого писавшаго, или скорѣе, переписавшаго ее. То же можно сказать и о при-

¹⁾ Григоровичъ нашелъ здѣсь до «60 рукописей и кусковъ рукописей». Очеркъ, 115.

²⁾ Прежде было и пергаментныхъ рукописей въ Слѣпченскомъ монастырѣ больше, но они въ разныя времена были вывезены учеными, а можетъ быть, и неучеными, посѣтителями монастыря. См. Отчетъ Московскаго публичнаго и Румынскаго музеевъ за 1876 — 1878 г. М., 1879 г., стр. 11 (пр 14), 17 (пр 25), 30 (пр 35) и Arkiv za poviestn. jugosl. Ured. Iv. Kukuljević-Sakcinski. U Zagrebu. кн. IV, стр. 164, гдѣ сказано, что сельскіе попы разнесли по селамъ много пергаментныхъ и на толстой бумагѣ рукописей.

водимомъ о. Антониономъ сирить, которое, вѣроятно, было смртъ⁽¹⁾). Какая изъ остальныхъ рукописей болѣе важна—трудно сказать, судя по описанію ихъ о. Антониономъ; между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ въ интересахъ науки положительно должны быть описаны болѣе подробно и обстоятельно, какъ напримѣръ, № 28 (стр. 295): „сборникъ разныхъ статеекъ скорописныхъ не одного времени и не однѣхъ рука“, въ которомъ есть любопытныя мѣстныя замѣтки исторического характера, указанія погоды, врачебныя наставленія и проч. (а также № № 1, 12, 16—22, 27, Лѣствица, стр. 298).

Теперь можно судить только о важности приписокъ на нѣкоторыхъ изъ рукописей; приписки эти приведены о. Антониономъ иногда не въ точномъ, кажется, подлиннике², а только въ транскрипціи, отчего историческая важность ихъ до нѣкоторой степени умаляется. Впрочемъ, и въ представленномъ нашимъ археологомъ видѣ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить съ пользою для исторіи преимущественно разныхъ мѣстностей Македоніи славянского времени, или вѣрѣе, христіанскаго, а также для географіи и отчасти и для языка. „Просто забавная“, по о. Антонину, приписка, на Апостолѣ (№ 5), по видимому—современная: „Хѣта сїїси (1408 г.). Блоуди, блоуди ічи блоуди блоуди брате и паки рѣкѹ блоуди что хощеть бити на вѣби знаменіе и на земли тоуга езекомъ сечь крь (крывь) якоже иѣсть била никогда (стр. 290); она указываетъ на время, когда могли появляться на славянскомъ юго-востокѣ разные рассказы о кончинѣ мѣра и слова о второмъ пришествіи — студита и иподіакона Солунскія церкви Дамаскина³), распространившіеся тамъ въ послѣдствіи времени во множествѣ списковъ, которые составляютъ въ настоящее время достояніе большою частию темныхъ, сирыхъ углововъ⁴) церквей, подваловъ⁵) и церковныхъ притворовъ, где они ожидаются или усердныхъ и достойныхъ изслѣдователей, или гненія. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и приведенное о. Антониономъ мѣсто изъ Служебника (№ 8): „Въ первиихъ именіи Ги архіепископа, протопома и картофи-

¹⁾ Выраженіе: «Господина краля Владислава Албертовика краля Угарш(ск)аго» ср. съ выражениемъ въ запискѣ XVI в. на Тріоди Девичскаго монастыря: «турьски царь султанъ Мѣхмедъ благочестивъ же Петаръ немачки Игнациј Лѣопольдъ». *Ластребовъ*, Податцы за историју српске цркве. У Београду. 1879 г. стр. 82.

²⁾ Ср. статью: «Нерѣшенный вопросъ», *В. И. Ламанскаго* въ *Ж. М. Н. Пр.*, ч. CXLIV, стр. 93—98, 103.

³⁾ Ср. Потѣдка въ Руменію, стр. 297.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 298—9.

лака и прочія попі. Епископа (?) Послѣди же діаконы въ олтарі съ тое: Матеосъ¹⁾, преосвященнаго (?)²⁾ архіп³⁾ка нашого первые Оустыніаны и всее Българіе и всее поморскіе и западные земли" (стр. 291—292), а также приписка 1672 г. на Октоихѣ (№ 11), гдѣ сказано, между прочимъ: „И въсе лето тоурцы повоевашъ на Московскію, и бѣше гладъ крепко по mestамъ на восточнem стране" (стр. 292), и отъ которой дѣйствительно „чѣмъ-то московскімъ вѣтъ, особенно — отъ частаго употребленія е вмѣсто «», а также, прибавлю я, и отъ самаго склада ея; только отсюда нельзя заключить, что подобнаго рода „обстоятельство бросаетъ нѣкую тѣнь на туземное происхожденіе монастырскихъ рукописей". Вопросъ о туземномъ и нетуземномъ происхождении рукописи можетъ рѣшить самимъ лучшимъ образомъ языки всего манускрипта. Приписку могъ сдѣлать и южный Славянинъ, и просто туземецъ, їздившій въ Россію для сбора милостины, чтѣ было не рѣдкостью въ то время. Тогда будуть понятно присутствіе южнославянскихъ словъ, непонятныхъ для Русскаго, о. Антонина: слана, и можетъ быть, зига⁴⁾.

Достойно замѣчанія слово: зборъ⁵⁾, встрѣчающееся въ Синак-саріѣ (№ 17) вм. соборъ: „памъ(?)ть⁶⁾ седмаго збора. Сътый седмий вселенныи зборъ бысть въ Никеї" (стр. 294); также любопытно выраженіе и „кельтски народъ арианскою ересию везешъ въ сѣти" (тамъ же), встрѣчающееся въ Златоустѣ (№ 18) XI в. (1548 г.).

Послѣ этого о. Антонинъ, осмотрѣвъ церковные диптихи, приво-

¹⁾ Въ Orient Christianus Матеосъ ставится между архіепископомъ Антоніонъ XIV в. и Маркомъ XV в.

²⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ мнѣ.

³⁾ Сланъ — первый осенний иней, падающій въ небольшомъ количествѣ при наступлениі, и рѣдко, при окончаніи зимнихъ холодовъ и морозовъ; слану вполнѣ соответствуетъ румынскому *drăguța*. Слану можно замѣтить только по утрамъ. Эта — зига — должно быть или что-нибудь въ родѣ саранчи. Ор. ՚ Суціс (— фѣс) — *zugis*, *zugillum silvestre* у Stephan'a Thesaur. Graecae linguae, IV, 43 (ср. румынск. *жигамъ* и русск. и южно-слав. *задъ*), или же страшный морозъ. Поваріло безъ в послѣ р (вм. поварило), какъ върѣ ви. върѣй, — варай, варкай (варѣти, — рахъ, рахѣша).

⁴⁾ Зборъ употребляется въ разговорномъ болгарскомъ языке въ значеніи сходки, собираща на храмовой праздникъ сельской и городской церкви, но не монастырской. Кажется, только въ этомъ значеніи это слово употребляется въ настоящее время въ болгарскомъ языке.

⁵⁾ Вопросительный знакъ принадлежитъ мнѣ.

дить нѣсколько выдержекъ изъ большаго монастырскаго памятника: *Помѣтникъ престарѣшими архіепископами*, началомъ своимъ относящагося къ XVI в. (на очень толстой бумагѣ, in 4°), очень интереснаго и даже важнаго для ономастики у македонскихъ Болгаръ, для местной исторіи и географіи и исторіи отдельныхъ епархій. Впрочемъ въ немъ самое важное и интересное, — это имена архіепископовъ, митрополитовъ и епископовъ, занимавшихъ въ разныя времена каѳедры разныхъ македонскихъ и не македонскихъ епархій (стр. 299 — 300), а именно: архіепископа дѣрвѣе Іоустианѣе, Прохора, которымъ начинается помѣтникъ³), а за нимъ епископовъ: Никифора, Герасима Агапія⁴), Григорія (Авлонъ), Сосипатра (Кратово)⁵), Патія (Водена), Герасима (Воложъ⁶), Никодима, Герасима (Велесь), митрополита Митрофана⁷) и опять епископовъ: Асанасія и Пахомія. Кроме того, на большомъ деревянномъ диптихѣ отмѣчены имена архіереевъ: Макарія, Діонисія (ок. 1671 г.).

Обозрѣвалъ монастырь, археологъ нашъ не нашелъ ничего достопримѣчательнаго, кроме развѣ четырехъ надписей, имѣющихъ значеніе для исторіи обители: двѣ надъ монастырскими воротами и двѣ въ маленькой церкви пустыни монастыря, называющейся Богословъ (хотя тамошня церковь во имя св. Николая) и находящейся къ сѣверу отъ монастыря; расположена эта пустынь въ прекрасномъ

³) Голубинскій, Краткій очеркъ православныхъ церквей болгарской и проч., стр. 134—135; Григоровичъ, Краткій очеркъ пуштествія. Изд. 2-е, стр. 156 и Сас. С. Мис., 1847, V, стр. 514; Дринкоѣ, Исторически прегледъ на българска-та црква. Венча, 1889, стр. 129, 134.

⁴) Эти три епископа, по предположению о. Антоніка, были «епархиальны», то-есть, занимали епархиальные каѳедры, подчиненные Охридской архіепископіи.

⁵) По предположению о. Антоніка, епископъ Сосипатръ въ Кратово «проживалъ временно или на покое», такъ какъ «сомнительно, чтобы Кратово былъ епископальный городъ» (примѣч. 1-е на стр. 309). Но о Кратовской епархіи см. у Голубинскаго, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 499 и 712. Мало кажется, послѣ этой отмѣты альбомного помѣтника едва ли возможно согласиться съ предположеніемъ г. Голубинскаго о тождествѣ епархіи Колессийской ст. Юстендилльскомъ (тамъ же, стр. 500).

⁶) Воложъ — о. Антонікъ читается за угадъ, называвшіе — городъ въ помѣтнике написано: Боло5.х. Но такого мѣста или города донынѣ неизвѣстно (примѣч. на стр. 300).

⁷) Не есть ли этотъ Митрофанъ — бывшій архіепископъ Охридскій, но изголоженный до или послѣ 1623 г., иль и занимался интригами въ Константиноپоль, Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей, стр. 137.

и уютномъ, немного возвышенномъ мѣстѣ, среди зелени. Находящаяся въ пустыни агіазма или источникъ святой воды привлекаетъ туда, въ извѣстное время года, многихъ поклонниковъ.

Сказавъ нѣсколько словъ объ обители вообще и о тамошнемъ игуменѣ, о. Антонинѣ, къ сожалѣнію ничего не говорить о значеніи этой, одной изъ старыхъ и передовыхъ славянскихъ обителей въ Македоніи для края, объ языке при богослуженіи и пр.¹⁾.

Изъ монастыря Слѣпча и села Слѣпчица 27-го мая нашъ путешественникъ чрезъ болгарское село Варошъ, расположенное на мѣстѣ старого Прилѣпа, гдѣ „еще и теперь можно видѣть „множество“ запустѣлыхъ церквей“ (стр. 312²⁾), — отправляется въ Прилѣпскій монастырь св. архангела Михаила, „бывшій въ черныхъ скалахъ голой горы Марковой“. Изъ Вароша очень извилистая дорога въ монастырь поднимается на гранитную гору. „По сторонамъ дороги торчатъ причудливой формы каменные глыбы. Нѣкоторые изъ нихъ обрублены отвѣсно и по отвѣсу росписаны иконами, отчасти уцѣлѣвшими. При одномъ изъ такихъ изображеній была многострочная надпись, почти совсѣмъ уже изглаженная временемъ, но не исторического, какъ видно, содержанія“. Въ монастырѣ „все вѣдѣ было полно пріѣзжаго народа со множествомъ дѣтей и всякаго рода и вида прислуги, съ кухней и даже съ музыкой“. Тутъ были и не одни христіане. „Доброе сосѣдство“, говорить о. Антонинъ, — „и обоюдная помощь въ нуждѣ все болѣе и болѣе связываетъ разрозненные вѣрою семьи и цѣлии общины“ (стр. 313). Послѣднее обстоятельство радуетъ о. Антонина; онъ видѣтъ въ немъ „симптомъ возрожденія Востока“. Жизненная практика, къ сожалѣнію, говоритъ намъ совсѣмъ другое: Общность экономическихъ интересовъ порождаетъ доброе сосѣдство и соединяетъ самые разношерстные элементы общества, особенно въ простомъ людѣ; но при всемъ этомъ, и даже при благосклонномъ отношеніи султановъ и великихъ визирей и другихъ турецкихъ пашей къ христіанскимъ мѣстамъ, церквамъ и монастырямъ, выразившихся между прочимъ въ дареніи послѣднимъ сиѣчъ и другихъ вѣщей, политические и вѣроисповѣдные страсти и взгляды все-таки берутъ свое.

¹⁾ Ср. Григоровича, Краткій очеркъ путешествія, стр. 115.

²⁾ Ср. Некеу et Daumet, Mission, p. 318 и Haak, Reise von Belgrad nach Salonik. W. 1861, стр. 108—110. О временахъ называемыхъ Прилѣпа у Тафель «Symbol. critic...» въ Abhandl. d. bayer. Ak. der W. 5. В., стр. 49—50.

Подробно описать восходъ на совершенно крутую Маркову гору, о. Антонинъ ограничивается немногими словами о развалинахъ Марковой крѣпости или Марковомъ градѣ, какъ называютъ это мѣсто жители сосѣднихъ болгарскихъ селъ. Нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей помѣщаютъ здѣсь совершенно неосновательно второй Прилѣпъ. Здѣсь была только крѣпость, гдѣ жилъ самъ Марко Кралевичъ¹). Сказавъ нѣсколько словъ о личности Марка Кралевича, авторъ очень многословно излагаетъ длинный рядъ историческихъ вспоминаний о различныхъ событияхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ мѣстомъ и историей Прилѣпа (стр. 315—324), не представляя однако ничего нового и невѣрно еще пріурочивъ къ мѣсту именнаго Прилѣпа древній городъ Стобы или Стобы²).

28-го мая о. Антонинъ обозрѣваетъ небольшую возобновленную въ 1861 г. монастырскую церковь, византійскаго стиля, не представляющую въ архитектурѣ своей ничего замѣчательнаго. Новая штуварка изнутри и снаружи закрыла собою все, что могло удѣлѣть отъ временъ древнихъ. Въ глубинѣ ея открытаго притвора, на западной стѣнѣ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ входной двери, видны фресковыя изображенія царствующихъ лицъ, можно полагать — „киторовъ монастыря“; эти изображенія нашъ археологъ описываетъ довольно подробнѣ; изъ нихъ одно, по правую южную сторону входныхъ дверей,

¹⁾ *Hahn, Reise von Belgrad nach Salonik*, стр. 108—109.

²⁾ Мѣсто древнаго Стобы (Стѣбо, Stobi) совершенно известно и въ течениіи предложеніо. Развалины его были отмѣчены еще до Гана, который совершилъ только, хотя и первѣстально, указать ихъ (*Reise von Belgrad nach Salonik*, стр. 175, 233—236 и карта II). Гораздо точнѣе и при необоримыхъ доказательствахъ, добытыхъ основательнымъ изученіемъ мѣстности, на которой сѣдѣли были, открыты, указали эти развалины французскіе ученые Гюдъ и Домѣ; по ихъ изслѣдованію, несомнѣнѣй городъ Стобы находился между Тиквешомъ и Вардаромъ, на вѣтвѣ, называемой нынѣ Оисса, расположеннаго у слиянія рѣкъ Эригона (нынѣ Черни,—Кара-Су), съ Аксіономъ (Вардаромъ). Находящіяся тутъ развалины города называются жителемъ сестринскъ деревень Ім(и)рж-Краle, или Чушто-Градско (пр. Еридо хѣлѣтра греческ., народныхъ именъ), недалеко отъ болгарскаго селца Градско (10—11 домовъ; *Etatographie*, p. 59, vil. de Башопице; *Матеріалы для изученія Болгаріи*, ч. 3-я, вып. V, стр. 83; у Гана, оп. с., 175, 20 домовъ). Здѣсь еще довольно хорошо заімѣты мѣста древнаго театра и сидѣнія археологической станицы. Кратко въ *Sophistes-gendus de M. Ernest Dujardine*, 5-тие ан. 1861, p. 283, а подробнѣ въ *Mission archéologique de Maccedoine*. Paris. 1864, p. 231—236 эдъ. Французскіе ученые оснариваютъ честь открытия развалинъ Стобы у Гана, ib., p. 458—459 (въ дополненіяхъ). Ср. карту *Lipkertis*, приложенную къ 2-му изд. *Reise von Belgrad nach Salonik Гана*. Wien, 1868.

оказывается портретомъ кралевича Марка, представляющимъ „мужчиной 30-ти лѣтъ съ красивымъ лицомъ, въ царскомъ на византійскій образецъ одѣяніи, въ коронѣ на подобіе архиерейской митры, и съ сияніемъ вокругъ головы, съ длиннымъ четыреконечнымъ крестомъ въ правой руцѣ. По обѣимъ сторонамъ головы видится трехстрочная, хорошо различаемая только слѣва надпись: „Въ хѣ въ реинъ крал Марко“, а съ права видно только слогъ ка. Съ сѣверной (лѣвой) стороны дверей видна фигура старика въ такомъ облаченіи, какъ и предыдущее лицо, только надпись при ней совершенно стерлась“ (стр. 325) ¹⁾. Въ самой церкви о. Антонинъ, сверхъ ожиданія, первый изъ Русскихъ, путешествовавшихъ по Македоніи, открылъ одну изъ древнейшихъ славянскихъ надписей, вырезанную въ три строки довольно ясно и отчетливо на верхней части одной изъ колонокъ церкви; эту, весьма важную для исторіи славянскихъ письменъ и давности литературного славянского языка, надпись, опять читаетъ такъ: „Акто Год агуш айри еппи феа З“ (стр. 326 и 5 л. снимк.; см. си. 1 на моей таблицѣ). У конца первой строки видно на снимкѣ о. Антонина довольно грубое изображеніе птицы,

¹⁾ Эту самую церковь нужно разумѣть подъ видѣнными Ст. Верковичемъ развалинами церкви св. архангела Михаила, отстоящими на $\frac{1}{4}$ ч. разстоянія отъ Прилѣпа; церковь эту называли народъ церковью кралевича Марка, передавая, что досадѣній основалъ ее и что тамъ былъ монастырь. «На стѣнѣ разрушенной церкви, которая изнутри вся покрыта живописью, видно около главныхъ дверей, съ правой ихъ стороны, изображеніе Вукашина, въ видѣ сѣдаго старика, въ великолѣпномъ царскомъ одѣяніи, съ открытой короной на головѣ и скіпетромъ въ руцѣ, а около его головы надпись: въ ХА БА влагательныи краль въкашинъ; а съ лѣвой стороны то же самое (то-есть такое же изображеніе) въ царскомъ одѣяніи, съ короной на головѣ и скіпетромъ къ руцѣ, съ короткой черной бородой, молодой Марко; надпись у его головы отчасти испорчено, но еще хорошо можно различать слова:... вѣр... краль Марко. Гласникъ, 1854, св. VI, стр. 188; *Archie za doveestn. jugoslov.* IV, стр. 185—186. Итакъ, старики безъ надписи у о. Антонина есть Вукашина. Но чьи имена, что Вукашинъ и краль Марко у обоихъ путешественниковъ не стоятъ на одѣяхъ и тѣхъ же мѣстахъ. Жаль, что о. Антонинъ ничего не сообщаетъ о пребываніи состояніи и положеніи монастыря. Покойному А. Ф. Гильфердингу во время посѣщенія имъ этой обители въ 1868 г. тамошніе монахи передали, что церковь возобновлена въ 1861 г. Труды первого археологического съѣзда въ Москвѣ 1869. II. М. 1871, стр. 862. Судя по найденнымъ изображеніямъ, видно, что монахи при возобновлении монастыря оставили нетронутыми стѣны церкви, но крайней мѣрѣ часть ихъ, а внутри церкви, какъ передаетъ Гильфердингъ, колонны, и можетъ быть, еще что-нибудь.

по всей вѣроятности, голубя, а въ концѣ третьей, означающая цифру 7 буква З поставлена между двумя значками, довольно грубо сдѣланными, въ видѣ цвѣтковъ, вѣроятно служащими для украшения. Транскрипцію о. Антонинъ предлагаетъ такую: (въ) лѣто з ф д а г ю(т) є ппз
Анри Феур З (стр. 326). Эту же надпись скопировалъ покойный А. О. Гильфердингъ въ 1868 г. карандашемъ на прозрачную бумагу (см. снимокъ 2-й); по его чтенію выходитъ: „лѣто з ф д пш днн
(Данилъ) є ппз. ф са з“¹⁾). Только вмѣсто кажущейся птички на концѣ первой строки на снимкѣ о. Антонина, у Гильфердинга изображено что-то въ родѣ продолговатаго цилиндра съ неправильными побочными линіями, съ закругленнымъ нижнимъ концомъ и открытою верхнею частию, конечные концы которой загнуты извнѣ; цвѣточки же по сторонамъ цифры З не представляютъ почти никакой разницы отъ тѣхъ, что на снимкѣ о. Антонина, только надъ цилиндрикомъ, что по правую сторону З проведена горизонтальная черта съ кольцеобразнымъ, внизъ обращеннымъ, концомъ извнѣ. Къ такой же чертѣ, наклонно проведенной подъ тотъ же цилиндрикъ, проведена наклонная снизу; а черта, что по лѣвой сторону З, не загнута у верхнаго конца, какъ у о. Антонина, представляя расширение только сверху. Архимандритъ Амфилохій, съ позволенія А. О. Гильфердинга сообщившій объ этой надписи на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1869 году въ своемъ чтеніи о „вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX вѣка по начало XVI вѣка“, называетъ ее,— „единственную, самодревнѣйшую надгробную надпись“, разумѣется славянской. Надгробную надпись называетъ ее о. Амфилохій потому, что у Гильфердинга стоитъ пш вмѣсто агю(т) о. Антонина. О. Антонинъ, оставаясь въ совершенномъ

¹⁾) Такъ же и атласъ къ «Трудамъ», табл. XLVI, а, въ томъ и въ Синихъ съ греческихъ и славянскихъ рукописей и надгробныхъ памятниковъ, сдѣланныхъ архимандритомъ Амфилохіемъ въ мартѣ 1869 года. Изданіе А. И. Жлу-доффа, к. 7. О. Амфилохій, которому А. О. Гильфердингъ передалъ снимокъ съ надписью для сообщенія на первый археологический съѣздъ въ Москву, поправилъ Гильфердинга при чтеніи словъ: днн з ф са з съ цилиндрикомъ изъ двухъ длинныхъ съ кольцеобразными завитками вверху чертѣ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніи приблизительно одного сантиметра, говоря: «Мнѣ кажется— не Андрей ли, хотя здесь буквы р и с есть, но при имени Андрей буква д въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ писалась сверху. На 3-й строкѣ видны некоторые буквы испорченны. Не означаючи ли они: ф є Ѹр. з! ф є Ѹроуарія з!, утверждительно сказать не могу». Труды, II, стр. 862.

недоумѣніи относительно назначения надписи, склоненъ отнести ее по времени ея происхожденія къ определенному въ ней году, не представляя однако, какъ и о. Амфилохій, почти никакихъ доказательствъ за или противъ того, что она относится къ X вѣкѣ. Нашъ авторъ, задавъ себѣ вопросъ: современна ли замѣтка о епископѣ Андрѣѣ самому епископу, отвѣчаетъ, хотя не прямо: „Ее могъ сдѣлать кто-нибудь и сто и четыреста лѣтъ послѣ Андрѣя, особенно если дѣло шло о кончинѣ¹⁾ какого-нибудь замѣчательного для мѣста епископа, не занесенного въ свое время въ мѣстные лѣтописи“ (стр. 326). Но подобные доказательства возможны и въ такомъ родѣ: Дороговизна пергамента, папируса и другихъ писчихъ материаловъ тогдашняго времени, а также и недостатокъ въ искусствъ книжныхъ людакъ въ этомъ незначительномъ, можетъ быть, въ X вѣкѣ монастырѣ, не давали послѣднему возможности вести монастырскую лѣтопись; да и вообще у южныхъ Славянъ лѣтописи не были распространены, судя по незначительному количеству и формѣ тѣхъ, которыхъ дошли до насъ. Кроме того, всякий, употреблявшійся въ то время писчий материалъ—могли думать монахи—не можетъ быть на столько долговременнымъ, какъ камень или мраморъ, чтобы иночи монастыря предпочли камню или же лѣзу помяниникъ, если таковой водился въ то время въ монастырѣ, и притомъ въ должномъ порядке, и т. п. голыя предположенія. Впрочемъ о. Антонинъ съѣзжть оговориться: замѣчая что „возраженіе имѣть свою относительную силу“, онъ прибавляетъ: „Но $\frac{2}{10}$ вѣроятностей на сторонѣ предположенія, что изложеніе надписи принадлежитъ указанному въ ней году. Самое титулованіе епископа „святѣйшимъ“ по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область осмысливыхъ и утвержденныхъ вѣрою именъ и терминовъ, чужезыческихъ и неразумѣемыхъ, но отъ того именно и неприкосновенныхъ для вѣрующаго народа“. И въ этомъ, положительномъ, для надписи, смыслѣ о. Антонинъ мало, чтобы не сказать ни сколько, не помогаетъ дѣлу доказательства ея древности; онъ не приводитъ никакихъ аналогическихъ примѣровъ, подтверждающихъ его мысль, хотя бы въ родѣ того, что новопросвѣщенные христіанствомъ Славяне не разумѣли такого термина, какъ $\alpha\tau\mu\zeta$ или $\alpha\gamma\omega\tau\alpha\zeta$ и другіе подобнаго рода.

¹⁾ Подчеркнувъ слово о кончинѣ, не заменяетъ ли о. Антонинъ на чтеніе А. Ф. Гильфердинга: ΙΧУ вместо своего ἀγάμ(ε)?

Правда, что настоящего времени открыто, или можетъ быть, только дошло до насъ весьма мало памятниковъ славянского письма X в., и поэтому не совсѣмъ возможно дѣлать на основаніи ихъ прямая заключенія о древности надписи 996 г. До этихъ поръ извѣстны: славянская надпись на однѣмъ изъ двухъ греческихъ списковъ Договора ('Оролоуїа) или „Рида“ принадлежащихъ аеонскому монастырю Зографу, на продажу монастырка (μονήριον) св. апостоль святогорскихъ протохору единому иконку въ 6488, то-есть, 980 г.: „Μακάριε ἑρμανᾶς ἵγιαντες ζῳγράφοις ταῦτα σημεῖαντες“¹⁾ Это самый древній изъ до нынѣ открытыхъ памятниковъ славянского письма. Затѣмъ есть еще подпись, только глаголическая, 6490—982 г., открытая въ 1846 г. о. Порфириемъ въ аеонскомъ также монастырѣ Иверѣ, на греческой, писанной на длинномъ и широкомъ пергаментѣ,

¹⁾ См. на особомъ листѣ сн. № 3. Первое извѣстіе о семъ «ридѣ», сообщающее архимандритъ Леонидъ, первый открывшій эти два акта,—въ предпринятомъ имъ сочиненіи: «Историческое обозрѣніе Аеонскихъ славянскихъ обителей», изъ конца 1860-хъ, при надлежащей Болгарѣи, синъ писалъ въ августѣ—сентябре 1866 г., во время пребыванія въ Цариградѣ, и печаталъ въ Херсонескѣ *επαρχίαλοντας εὐδομοστιας* следующаго года (1867), а потому и отдалено. Въ историческомъ обозрѣніи упоминаютъ о рядѣ викратій (на стр. 16—17), и славянская надпись приведена (разумѣется, по видѣ *Επαρχίαλοντας εὐδομοστιя*) не совсѣмъ точно. Тамъ же, стр. 2. Затѣмъ о. Леонидъ доставилъ фотографическую копію съ обоихъ списковъ покойному М. О. Бодянскому, который прекрасно издалъ ихъ въ *Чтениахъ о Общ. Ист. и Др. Р.* 1873, № 1, подъ заглавіемъ «Актъ Зографскаго монастыря на Аеонѣ 980—981 г.» Объ исторіи изданія подпись см. тамъ же стр. 2 и 6 и самую надпись на спискѣ 2. *Флоринскій. Аеонскіе акты С.-Пб.* 1880, стр. 38. Подпись славянская находится подъ припискою, сдѣланною на одномъ только изъ списковъ ряда съ означеніемъ числа 23-го июня, другою рукою, но того же начертанія булавъ. Это число мѣсяца въ припискѣ дало поводъ о. Леониду предположить, что какъ приписка, такъ и славянская надпись, сдѣланы въ сѣдмидесятъ 6489—981 г., такъ какъ самый актъ означаетъ 18-мъ числомъ августа 6488—980 г. Член. *о Общ. Ист. и Др. Р.*, стр. 7—8. Мне кажется, что такъ какъ мѣсто, которое продавалось, упиралось въ Зографъ, какъ сказано въ самомъ актѣ, можетъ быть, въ самые стѣны монастыря, и зографскіе монахи вслѣдствіе того заявляли свое неудовольствіе, то означенные въ припискѣ игумены аеонскихъ монастырей могли собраться въ Зографѣ 23-го июня того же 6488 г. для предварительного разсмотрѣнія дѣла или производства слѣдствія и рѣшенія спора по совѣсти, на чѣмъ, можетъ быть, намекаютъ слова акта: «ἡ παρούσα διαφάνεια ἐγράψῃ παρούσια τῶν ἀρεβέντων Πατέρων, απαρούσια τῶν ἀποφατέντων παρὰ τοῦ Πρώτου καὶ τοῦ Κοινοῦ». Заключена и утверждена купчая крѣпость въ августѣ 6488 г. Поэтому нужно предположить, что приписка сдѣлана въ томъ же году одинъ изъ зографскихъ монаховъ для памяти или по заведенному обычью.

сдѣлъ Ioanna Ивера, основателя иверского монастыря, съ жителями города Кастро Ериссо о земляхъ, принадлежащихъ монастырю иверскому: знакъ поцъ Георгі (знакъ поцъ Георгій)¹⁾. Найденая о. Аитониномъ надпись въ числѣ самыхъ древнихъ, открытыхъ до нынѣ памятниковъ славянского письма, въ хронологическомъ порядке будетъ третьею, а изъ древнейшихъ лапидарныхъ—первой. Впрочемъ есть еще одна надгробная надпись, означенная 919 г. и вырѣзанная на каменной желтой плите, составляющей крышку гроба св. Клиmenta Охридского; она скопирована тѣмъ же A. Ф. Гильфердингомъ въ 1868 г. и гласить:

ВЪ²⁾) ЛѢТ^о 18²⁴ МЕСЕЦА ІІІ^{месяца}
ПРѢСТАНИШЕ
СТЬ КАНДЫТЫ
ШХРНТЬСКИ^{3).}

Но безграмотность грамматических формъ и начертаніе письменъ, употребленіе слова **стѣ** прямо указываютъ на поздннее происхожденіе этой

¹⁾ Первое извѣстіе объ этой подписи находится въ «Указатѣ актовъ, хранящихся въ обитаяхъ св. горы аѳонской» архимандрита, нынѣ епископа, *Порфирия Успенского* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1847, Ч LV, стр. 56—7, затѣмъ со снимкомъ въ его же «Первомъ путешествіи въ аѳонскіе монастыри и скиты въ 1845 г. Ч. I, Отд. 2. Киевъ. 1877», стр. 311; *Флоринскій, Аѳонскіе акты*, стр. 47. Ср. *актъ | човъ* *тво рукою* въ «Первомъ путешествіи», 312.

²⁾ Передъ КИ вырѣзанъ цветокъ, довольно большой, а замѣсть большаго буква К.

⁵⁾ Труды первого археолог. съезда въ Москве въ 1869. II, 862, Атласъ, табл. XLVI, ст. 2, и Снимки и. 8. Эту же надпись скопировалъ еще раньше В. И. Григоровичъ, и издалъ только въ транскрипціи, различающейся нѣсколько отъ снимка Гильфердинга. Очеркъ путешествія, стр. 99, гдѣ XVII вм. XVIII , приведши с.... вм. прѣстанишѣ. Эта надпись на той же плите вырезана еще разъ, но ужасно грубо и безграмотно и непримы строкиами, «дѣтыми» (вѣроятно, мальчиками) впослѣдствіи, какъ объяснилъ Гильфердингу тамошній священникъ (Труды, тамъ же) въ такомъ видѣ:

СТЬ КЛНМЪТЬ А
ШХРНТЬСКИ
БЗ АБ^Х 28^Х МЕСЕЦА 18^{ХХ}
ПРѢСТАНИШЕ

Атласъ, табл. XLVI, ст. 2, и Снимки Амфилохія, л. 8.

надписи¹⁾). Изъ сличенія ея съ образцами древнихъ текстовъ и алфубъ славянскихъ и христіанскихъ греческихъ въ имѣющихся у насъ изданіяхъ по палеографіи, а также и двумя терновскими славянскими надписями на мраморѣ, можно прийті къ заключенію, что если сама эта надпись не вырѣзана въ концѣ XII или въ началѣ XIII в., то есть грубое воспроизведеніе надписи такого содержанія XII—XIII в.—въ XV в.²⁾). Наконецъ, кромѣ этой надписи во время своего путешествія по Болгаріи я нашелъ въ селѣ Прѣславѣ, расположенному частію около, частію на мѣстѣ старого Прѣслава, большой кусокъ отъ большого камня съ двумя рядами славянскихъ письменъ, безъ начала и конца³⁾), по начертанію которыхъ можно отнести эту часть славянской подписи ко времени ранѣе, но едва ли и позже XI в. Но это только одно мое предположеніе, и оно требуетъ доказательствъ, а потому для опредѣленія древности или не древности архангельско-прилѣпской надписи⁴⁾ прямымъ доказательствомъ служить не можетъ. Не можетъ служить такимъ доказательствомъ и глаголическая надпись на актѣ афонско-иверского монастыря. И такъ, остается одинъ нелѣпидарный памятникъ славянскихъ письменъ X в., славянская подпись игумена афонско-зографскаго монастыря на греческомъ актѣ 980 г. Но само собою разумѣется, совершенно недостаточно строить свои доказательства о древности или недревности и подлинности славянской надписи, только на одномъ сравненіи этихъ двухъ памятниковъ славянскаго письма X в. Поэтому нужно обратиться къ греческимъ надписямъ и греческимъ письменнымъ памятникамъ ранніхъ и поздніхъ временъ, а также отчасти и къ такимъ же славянскимъ чтобы, сравнивъ архангельско-прилѣпскую надпись съ ними, такимъ образомъ если не дойти до истины, то по крайней мѣрѣ приблизиться къ ней относительно вопроса о древности или недревности и подлинности открытой о. Антониномъ славянской надписи X вѣка.

¹⁾ Не признаютъ эту надпись древнею ни Григоровичъ, ни архим. Амфилохій. Тамъ же.

²⁾ Ср. епископа Саввы Можайскаго, Палеографические снимки. М. 1863, допол. к., VIII; архим. Амфилохія, Снимки..., к. 1. О терновскихъ надписяхъ см. у Даскалова «Открытия въ древней столице Терновъ» въ Чт. въ Общ. Ист. и Др. Р., 1859, № 2, стр. 18—20. Сравненія я делалъ по своимъ снимкамъ.

³⁾ Вотъ эта надпись: КАН'КОЛІН (ка н'КОЛІН)
НТЖМ

⁴⁾ Такъ я называю надпись 996 г. архангельского Прилѣпского или Краля Марка монастыря.

При сравнении я буду иметь въ виду по преимуществу снимокъ о Антонина; какъ точное воспроизведеніе (fac-simile) архангельско-прилѣпской надписи, о чёмъ заявляетъ самъ путешественникъ (стр. 326, пр. 1 и л. сн. 5) ¹⁾.

Изъ 26 буквъ въ снимкѣ о. Антонина ²⁾ 5 повторяются, а остальные встречаются только по одному разу.

„А или А то со склоненіемъ правою чертою, то съ отвѣсной“ употребляется довольно часто съ VII до начала XI в. и по преимуществу въ X в. въ надписахъ, собранныхъ въ Аениахъ о. Антонина ³⁾). Въ надписахъ XI и XII вв. встречается д или а съ добавочной поперечной чертой сверху (д и а ⁴⁾). Въ письменныхъ памятникахъ греческихъ а и д употребляется почти вѣчительно до X в. и только отчасти послѣ, но по преимуществу въ скорописи ⁵⁾, въ славянскихъ же а почти совсѣмъ не замѣтно, а съ прямой вертикальной чертой обычно и довольно распространено ⁶⁾; оно видно и въ славянской надписи 980 г. (см. снимокъ на особ. листѣ № 3).

Гтаого точно начертанія, какъ въ архангельско-прилѣпской славянской надписи, изображается въ греческихъ христіанскихъ надписахъ аенинскій второй половины X и первыхъ годовъ XI в. ⁷⁾), а раньше того, въ VII—IX в., видно только стремленіе и довольно замѣтное приближеніе къ такому начертанію ⁸⁾). Въ письменныхъ греческихъ — довольно рѣдко въ V—IX и въ скорописи X вв. ⁹⁾, а въ

¹⁾ См. приложенные при семъ на особомъ листѣ копіи со снимковъ о. Антонина (№ 1) и Гильфердинга (№ 2).

²⁾ Въ снимкѣ Гильфердинга 23 буквы.

³⁾ «О древнихъ христіанскихъ надписахъ въ Аениахъ». О.-Нб. 1874, л. сн. 20 №№ 63, 68, 70; л. сн. 21, № 84. Ср. № 55 на л. сн. 19; Среднеевр. Палеографическое наблюденія по памятникамъ греческаго письма. С.-Пб. 1876, стр. 46. Ср. Амфилогія, Снимки.... л. 1.

⁴⁾ Среднеевр. тамъ же.

⁵⁾ Амфилогія, л. сн. 2 и 3; Савса, еписк. Монашскій, Палеографические снимки. М. 1863. Дополненія, л. V. Ср. л. сн. VI.

⁶⁾ Ср. Савса, л. сн. VIII и А въ славянской подпись 980 г.

⁷⁾ Антонинъ, «О древнихъ христіанскихъ надписахъ», №№ 54 (959 г.), 56 (927 г.), 52 (1061 г.) л. сн. 19; № 68 (1007 г.), л. сн. 20. Ср. № 41, л. сн. 18 и № 47 л. сн. 19 и Амфилогія, Снимки, л. сн. 1.

⁸⁾ Антонинъ, №№ 64, 67, 73, 78 на л. сн. 20; № 84 л. сн. 21; № 55 и 60 л. сн. 19.

⁹⁾ Амфилогія, л. сн. 2 и 3. Савса, л. сн. V и VI; Монфансъ, Palaeographia grecorum, pag. 287, 274, 279, 282—283.

славянскихъ только изъ скорописи поацѣйшихъ временъ¹⁾). Герадо чаше употребляется и въ надписяхъ и въ рукописяхъ Г, то есть, съ заключениемъ верхней черты справа крючкомъ винью²⁾; въ такомъ видѣ г перешло въ славянскую азбуку³⁾.

Д и Д — первая изъ этихъ буки въ христіанскихъ греческихъ азинскихъ памятникахъ встрѣчается довольно рѣдко, и то во второй половинѣ X и въ первой половинѣ XI вѣковъ⁴⁾; также мало распространена и въ письменныхъ до X вѣка; но послѣ этого въ скорописи встрѣчается довольно часто⁵⁾. Въ славянскихъ ея совсѣмъ не видно. Вторая же значительно чаше употребляется въ X вѣкѣ, какъ въ надписяхъ⁶⁾, такъ и въ письменныхъ греческихъ памятникахъ, только въ послѣднихъ съ удлиненнымъ верхнимъ концомъ⁷⁾. Въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ она употребляется съ XI по XIV вѣка включительно, но съ удлиненнымъ верхнимъ концомъ, а съ XV вѣка безъ послѣднаго⁸⁾.

€ и є — такого точно начертанія, какъ и въ славянской архангельско-прилѣпской, употребляется эта буква въ азинскихъ греческихъ христіанскихъ надписяхъ, и въ особенности въ надписяхъ Пароенона, преимущественно X и отчасти XI вѣка⁹⁾. Въ памятникахъ письменныхъ греческихъ и славянскихъ почти всегда употреблялось полукруглое и глубокое €¹⁰⁾.

Ѡ, похожее на обратное латинское S, необычно въ такомъ видѣ въ греческихъ памятникахъ неписьменныхъ и письменныхъ. По всейѣвѣроятности, это особенность допущена славянскимъ рѣзчикомъ.

¹⁾ Савса, и. си. VIII.

²⁾ Ср. Срезневскіе, Палеографическая наблюденія, стр. 47.

³⁾ Ср. снимки у Савса, и. си. VIII и начертаніе этой буквы въ славянской подпись 980 г. (см. № 3).

⁴⁾ Срезневскій, Палеографич. наблюденія, стр. 47.

⁵⁾ Амфилогій, ил. си. 2 и 3; Савса, ил. си. V и VI.

⁶⁾ Срезневскій, тамъ же. Ср. Амфилогій, Снимки, и. I.

⁷⁾ Амфилогій, ил. си. 1 и 2; Савса, ил. си. V и VI.

⁸⁾ Савса, и. си. VIII.

⁹⁾ См. снимки съ азинскихъ христіанскихъ надписей Пароенона у Амфилогія, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Азинѣ, и. си. 8, № 6; 9, №№ 7 и 8; 11, № 40; 12 (начала XI в.); 16, № 6, 7, 12; 17, №№ 14, 16, 21, 22, 19, 20; 19, №№ 29, 32, 39 и др. Ср. и. си. 14, № 3 и др. т. Срезневскаго, 47.

¹⁰⁾ Амфилогій, ил. си. 2 и 3; Савса, ил. си. V, VI и VIII въ славянск. подпись 980 (см. № 3).

Впрочемъ, можетъ быть, цифра 6 изображалась такимъ образомъ у Славянъ Балканского полуострова уже въ первое время зарождения славянской письменности. Явилась она, по всей видимости, изъ греческой Z¹⁾, написанной или вырезанной въ одинъ приемъ.

Если это предположеніе вѣрно, то является очень важный фактъ въ исторіи образованія и введенія у Славянъ письменныхъ, или по крайней мѣрѣ, цифровыхъ знаковъ. Въ славянскихъ рукописяхъ XI, XII, XIII и XIV вв. включительно и въ охридской надписи на крышѣ гроба св. Клиmenta встрѣчается такое точно начертаніе этой буквы или цифры²⁾, какъ въ архангельско-прильпской славянской надписи.

З начертанія архангельско-прильпской славянской надписи видно до некоторой степени только въ двухъ — трехъ пароеноанскихъ въ Аейнахъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ X в.³⁾; больше сходства видно въ начертаніи этой буквы въ славянской надписи съ начертаніемъ ея въ греческихъ письменныхъ памятникахъ VIII—X вв., и особенно въ скорописи, съ тѣмъ только разницей, что вместо наклонности нижнаго крючка является стремление къ полукружью послѣдняго, преобладающему въ послѣдующемъ вѣкѣ и въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ⁴⁾. Такого же начертанія эта буква является и въ славянской подпись 980 г.⁵⁾. Впрочемъ въ начертаніи этой буквы въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ XI в. видно довольно тщательное стараніе писца приблизиться къ начертанію ея въ архангельско-прильпской славянской надписи⁶⁾. Однако изъ сравненія начертаній З видно, что въ IX—X вв. оно не имѣло одного опредѣленного характера въ начертанії⁷⁾.

Р (Н, Р).—Н древнее начертаніе такого сокращенія въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ не замѣтно, но начертаніе буквы оста-

¹⁾ Ср. изображеніе этой буквы въ некоторыхъ греческихъ рукописяхъ II в. *Савва*, л. си. V.

²⁾ *Савва*, л. си. VIII. *Амфилогій*, Синики, л. 8.

³⁾ Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. си. 16, № 6 (6427 г.—919 г.), въ особенности 7, 11; л. 17, № 20.

⁴⁾ *Амфилогій*, лл. си. 2 и 3; *Савва*, лл. си. V, VII и VIII. Ср. *Средневѣково*, 48.

⁵⁾ См. на особомъ листѣ синикъ № 3.

⁶⁾ Ср. *Савва*, Палеографические снимки, л. VIII.

⁷⁾ Ср. *Средневѣково*, 48.

валось постоянно употребительнымъ¹⁾, какъ и ё и ꙗ²⁾, и въ такомъ видѣ перешло оно и въ славянскую азбуку³⁾. Изображеніе этой буквы въ архангельско-прилѣпской славянской надписи по своему начертанію и характеру совершенно одинаково съ изображеніемъ ея въ греческихъ христіанскихъ аенисскихъ надписяхъ X и начала XI вѣковъ и отчасти раньше⁴⁾.

Д совершенно такого же начертанія, какого оно въ архангельско-прилѣпскомъ памятниѣ, употребляется въ аенисскихъ христіанскихъ греческихъ надписахъ, преимущественно съ половины X в.⁵⁾. Въ письменныхъ памятникахъ греческихъ такое начертаніе является съ V и преимущественно съ VI в. и сохраняется, особенно въ скорописи, до XVII и далѣе вѣковъ, хотя верхнее продолженіе правой линіи въ прописныхъ буквахъ не всегда замѣтно⁶⁾. Въ славянскихъ же оно является только въ XII и XIV вв. и очень явственно въ XVI и XVII вв.⁷⁾.

Н (и, и) такого начертанія, какого эта буква въ архангельско-прилѣпской славянской надписи, встрѣчается по преимуществу въ древнихъ надписяхъ христіанскихъ IV—V и раньше⁸⁾. Въ христіанскихъ греческихъ надписяхъ X в. аениского Пареенона, описанныхъ о. Антониномъ, въ начертаніи разбираемой славянской надписи встрѣчается только два раза⁹⁾ и еще въ двухъ надписяхъ,— въ одной—

¹⁾ Срезневский, 48; Амфилогій, ил. сн. 1, 2 и 3; Саева, ил. сн. V.

²⁾ Срезневский, 48, 49; Амфилогій, ил. сн. 1, 2 и 3; Саева, ил. сн. V, VI и VIII.

³⁾ Саева, ил. сн. VIII и славянская подпись 980 г.

⁴⁾ Ср. Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 16, № 7; 20, № 70, 68 и др.

⁵⁾ Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 9, №№ 8, 9, 17; 11, № 40; 12, №№ 1, 2, 7, 8; 19, № 54, ср. № 55; 20, № 66; 23, № 89. Ср. Срезневскую, 49 и Амфилогія Снимки, л. 1.

⁶⁾ Амфилогій, ил. сн. 2 и 3; Саева, ил. сн. V и VI; Ср. Срезневскую, тамъ же.

⁷⁾ Саева, ил. сн. VIII. Ср. начертаніе этой буквы въ славянской подпись 980 г.

⁸⁾ Срезневский, Палеографическое наблюденіе, 36, 38—41, 44, 45; Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 8, № 1; 11, №№ 4, 5, стр. 42; 23, №№ 90, 91; 25 № 9; 26, №№ 10, 13, 16—21 (ср. Срезневскую, 45). Ср. л. сн. 17, № 17; 18; № 31.

⁹⁾ О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 8, № 6 (6475—967); Ср. Срезневскую, 50; Антонинъ, тамъ же, 18, № 28 (нач. X в., стр. 40).

первой половине XI в.¹⁾, а другой—второй половине XII в.²⁾. Въ X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ какъ въ надписяхъ, такъ и въ письменныхъ памятникахъ греческихъ, употребляется преимущественно Η³⁾), рѣдко являющееся въ древнихъ христіанскихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ⁴⁾, особенно современныхъ, и признаное и въ славянской азбукѣ⁵⁾.

Кольцеобразное Ο употребляется въ древнихъ греческихъ аенинскихъ христіанскихъ надписяхъ, хотя и не очень часто и въ некоторыхъ изъ приведенныхъ о. Антониомъ воденскихъ эпитафияхъ⁶⁾; въ X в. оно видно только на двухъ христіанскихъ аенинскихъ надписяхъ⁷⁾. Въ памятникахъ письменныхъ греческихъ оно обычно въ V—VIII и даже IX в., но съ колебаниями⁸⁾, а въ славянскихъ почти не замѣтно.

II—древнее начертаніе этой буквы безъ выступовъ сверху, только немного суженное въ аенинскихъ греческихъ христіанскихъ надписяхъ до половины XI в. представляется господствующимъ⁹⁾; такого же начертанія эта буква является и въ славянской подписи 980 г.¹⁰⁾. Въ такомъ же видѣ она перешла въ славянскую азбуку¹¹⁾. Въ надписяхъ греческихъ христіанскихъ съ X в. вошло въ употребленіе ΤΤ, имѣя иногда продолженіе верхней черты только справа ΤΤ¹²⁾.

¹⁾ Тамъ же, л. сн. 11, № 5 (6548—1040).

²⁾ Тамъ же, л. сн. 19, № 55 (6611—1103).

³⁾ См. снимки аенинскихъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ у Аントонина, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ; Срезневскій, 50; Альфимовъ, л. сн. I, 2 и 3; Савва, л. сн. V.

⁴⁾ Срезневскій, оп. с., 36—37; Rossi, La Roma sotterranea cristiana. II. Roma. 1864, pag. 282, 283.

⁵⁾ Савва, л. сн. VIII и начертанія этой буквы въ славянской подписи 980 г. Впрочемъ древнее начертаніе υ (Η) встрѣчается и въ славянскихъ памятникахъ XIII в., не съ другимъ однако оттискомъ—Η.

⁶⁾ Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 25, № 9, стр. 81—2; Срезневскій, оп. с., 37—8., л. сн. 24, № 101, стр. 72228; Срезневскій, 39—40; л. сн. 14, № 3, стр. 39; Позадка въ Румелію, л. сн. 4, №№ 2, 6, 15, 18.

⁷⁾ Антонинъ, оп. с., л. сн. 8, № 6; 9, № 17; оп. Срезневская, 50.

⁸⁾ Альфимовъ, л. сн. 2 и 3; Савва, л. сн. V.

⁹⁾ Срезневскій, 50—51; Альфимовъ, л. сн. I.

¹⁰⁾ См. снимокъ № 3.

¹¹⁾ Савва, л. сн. VIII.

¹²⁾ Срезневскій, 51.

Въ письменныхъ греческихъ христіанскихъ памятникахъ изъ ряда съ древнимъ начертаниемъ является и начертаніе съ выступами¹⁾.

Начертаніе надстрочного *ε* въ разбираемой мною славянской рукописи видно въ вѣкоточныхъ древнихъ христіанскихъ надписяхъ²⁾ и очень во многихъ болѣе позднаго времени—Х³⁾ и другихъ вѣковъ⁴⁾ какъ и въ греческихъ письменныхъ христіанскихъ памятникахъ съ V по X в., въ которыхъ преобладаетъ полуовалъное и не широкое начертаніе этой буквы⁵⁾. Въ славянскихъ памятникахъ это является удлиненнымъ и суженнымъ⁶⁾.

T—начертаніе этой буквы въ разбираемой славянской надписи было обычно въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ наравнѣ съ *T* до позднаго времени, при чёмъ въ первомъ случаѣ допускалось испрямленіе верхней поперечной черты (*Τ*)⁷⁾. Такимъ же образомъ употреблялось оно и въ письменныхъ памятникахъ греческихъ, за исключеніемъ V—VII вв., и скорописныхъ⁸⁾ и славянскихъ⁹⁾. То же можно сказать и о начертаніи *Φ*, которое съ XI вѣка стало опускаться за строку¹⁰⁾.

X по своему начертанію походить нѣсколько на *Γ*, гдѣ, какъ и здѣсь, нижній, передній полукругъ сдѣланъ въ одинъ пріемъ, какъ и въ славянской подписи 980 г. во второй разъ въ концѣ¹¹⁾. Въ письменныхъ видно почти такое же *X* только въ скорописи неуставной¹²⁾.

Ϊ не имѣть почти никакого сходства съ своимъ начертаніемъ въ письменныхъ памятникахъ¹³⁾; видно только нѣкоторое подобіе въ начертаніи въ открытомъ мною отрывкѣ прѣславской надписи, особенно въ нижнемъ полукругѣ.

¹⁾ Амфилогій, лл. он. 2 и 3; Савса, лл. сн. V и VI.

²⁾ Амфилогій, л. сн. 26, № 20, 19.

³⁾ Тамъ же, л. сн. 23, № 83 (6421—912); 24, № 44, 46 (безъ года); 19, № 54 (6467 г.—959 г.).

⁴⁾ Тамъ же, л. сн. 13, № 18 (6607—1199 гг.).

⁵⁾ Амфилогій, лл. сн. 2 и 3; Савса, лл. сн. V и VI.

⁶⁾ Савса, л. сн. VIII, и начертаніе этой буквы въ славянской подписи 980 г.

⁷⁾ Среднеоскій, 51; Амфилогій, л. сн. 1.

⁸⁾ Амфилогій, лл. сн. 2 и 3; Савса, л. сн. V.

⁹⁾ Савса, л. сн. VIII. Въ славянской подписи 980 г. *T* целикомъ въ тонъ самонъ идетъ, гдѣ загибается при сложеніи пергамента, вслѣдовательно немногого потерлось, а потому не ясно замѣтно.

¹⁰⁾ Среднеоскій, 52; Амфилогій, лл. сн. 1, 2 и 3; Савса, лл. сн. V и VIII.

¹¹⁾ См. сн. № 3.

¹²⁾ Савса, л. сн. VIII.

¹³⁾ Ср. тоже.

W—начертаніе этой буквы въ архангельско-прильпской надписи походитъ на начертаніе ея въ греческихъ христіанскихъ надписахъ преимущественно XI вѣка¹⁾), въ которыхъ письмена начертаны то уставомъ, то скорописью, и такъ, что количество уставныхъ все болѣе уменьшается, а количество скорописныхъ увеличивается²⁾; въ X и раньше этого вѣка видно начертаніе, гдѣ средняя свѣтлая поднимается наравнѣ съ боками, а иногда вѣсъ три верхніе конца были какъ бы срѣзаны³⁾. Герадо больше сходства въ начертаніи этой буквы съ начертаніемъ ея въ письменныхъ христіанскихъ памятникахъ греческихъ и славянскихъ почти всѣхъ временъ⁴⁾.

Наконецъ, начертаніе Y (ч) въ снимкѣ Гильфердинга почти совершенно незамѣтно въ славянскихъ, открытыхъ донынѣ, надписяхъ и письменныхъ памятникахъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, но не со всѣми оттѣнками, въ нѣкоторыхъ изъ письменныхъ XI столѣтія⁵⁾. Только въ отрывѣ прѣславской надписи встрѣчается одинъ разъ ч. точно такого же начертанія, какъ и въ разбираемой архангельско-прильпской надписи.

Обращаюсь затѣмъ къ дѣлымъ словамъ надписи.

Во второй строкѣ надписи два слова въ снимкѣ о. Антонина, именно АГІС и АН'РІ значительно разнятся отъ тѣхъ же словъ въ снимкѣ Гильфердинга, гдѣ они изображены такъ: ПІІ и АН'НІ⁶⁾. Который изъ этихъ двухъ снимковъѣрѣе, не легко окончательно решить имѣющему подъ руками только одни снимки съ надписи безъ подлинника. Я могу только предположить, можетъ быть даже не въ пользу истины, что снимокъ и чтеніе архангельско-прильпской славянской надписи болѣе правдоподобны у о. Антонина, чѣмъ ея снимокъ и чтеніе у Гильфердинга—по тому, вонпервыхъ, что снимокъ о Антонина есть fac-simile надписи, какъ заявляетъ самъ авторъ „Поѣздки въ Румелію“, между тѣмъ какъ Гильфердингъ сдѣлалъ свой снимокъ карандашемъ на прозрачную бумагу, какъ заявилъ объ этомъ архимандритъ Амфилокій на первомъ археологическомъ

¹⁾ Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ л. сн. 3, № 4; 5, № 17 10, № 18—20; 11, № 5 и др. Ср. Среднеевская, 52; Снимки Амфилокія, л. 1 и Савса, л. сн. V.

²⁾ Среднеевский, 46.

³⁾ Тамъ же, 52.

⁴⁾ Амфилокій, лл. сн. 2 и 3; Савса, лл. сн. VI и VIII.

⁵⁾ Савса, л. сн. VIII.

⁶⁾ См. снимки №№ 1 и 2.

съездѣ въ Москвѣ въ 1869 г.¹⁾; и во вторыхъ, что сдѣланные о. Антониномъ снимки съ аенискихъ христіанскихъ греческихъ и латинскихъ, а также и съ македонскихъ надписей, приложенныхъ къ „Поѣздкѣ въ Румелію“, въ значительномъ большинствѣ случаевъ вѣрнѣ и правильнѣе снимковъ со многихъ изъ тѣхъ же надписей, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ путешествовавшихъ по Македоніи прежде и послѣ о. Антонина²⁾, какъ отчасти указано было на это мною и будетъ еще указано ниже. Кроме этого, едва ли возможна въ отношеніи право-писанія форма πω̄; но крайней мѣрѣ ни древнихъ, ни въ болѣе позднаго времени славянскихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ подобного рода титлованіе πω̄ и ω въ такомъ мѣстѣ слова мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; а тѣмъ менѣе была возможна, кажется мнѣ, такая форма въ столь раннее время славянской письменности. Не начертано ли πω̄ по подражанію ἑτελει(ι, η)ω̄ христіанскихъ надписей?

Слово αγιω̄ (ἀγιώτατας) въ собранныхъ о. Автониномъ въ Аениахъ христіанскихъ надписяхъ встрѣчается 25 разъ, изъ которыхъ въ сокращенной формѣ 16 разъ³⁾; съ титломъ же, только не такого начертанія, какъ въ разбираемой здѣсь славянской надписи, оно встрѣчается всего разъ—въ первыхъ годахъ XII вѣка⁴⁾. По начертанію это слово, по видимому, скорѣе походить на свое начертаніе въ 4 аенискихъ христіанскихъ греческихъ надписяхъ — двѣ конца XI и двѣ начала XII вѣка—и особенно въ одной 1103 г.⁵⁾; но по формѣ своей оно вѣрно слѣдуетъ епископскимъ надписямъ, найден-

¹⁾ Труды первого археологического съезда въ Москвѣ 1869 II. М. 1871, стр. 882.

²⁾ Ср. Срезневскому, Палеогрæческихъ изображеній, стр. 8.

³⁾ Именно 3 раза VII в. (685 г. по Срезневскому, стр. 28; ор. Антонина, л. сн. 20, № 67, стр. 61, и 694 г., л. сн. 21, № 84), 3—VIII (704, 714 и 779 гг. по Срезневскому, 28; Антонина, л. сн. 20, № № 73, 76 и 75, стр. 63—64), 3—IX (808, 813, 819 гг. по Срезневскому, 28; Антонина л. сн. 19, № № 60 и 61, 20, № 78, стр. 59, 60), 2—конца XI в. (1069 и 1087 г., л. сн. 19, № № 48 и 51) и 2—первыхъ годовъ XII (1103 г. оба раза, л. сн. 18, № 41; 19, № 55) 4—XII в. скопинск. (1112, 1175, 1182 и 1190, л. сн. 21, № № 80—89); въ нихъ 8 епископскихъ (всѣ съ VII по IX в. включительно).

⁴⁾ О древнѣхъ христіанскихъ надписяхъ, л. сн. 18, № 41 (1103 г.). Титло, какъ въ нашей надписи см. тамъ же, л. сн. 19, № 51 (1087 г.) и много рода на л. сн. 20. № 75 (679 или 780 г.).

⁵⁾ Тамъ же, л. сн. 19, № 55 и см. мое примѣч. 1.

нимъ о. Антониномъ въ Асманѣ. Между этими надписями встречаются только двѣ X вѣка словомъ ЯГЮТИО и ЯГЮТИ†¹⁾.

Вполнѣ справедливо замѣчаетъ о. Антонинъ, что „титулованіе епископа „святѣйшимъ“ по гречески указываетъ на время, когда славянскій языкъ еще слишкомъ робко выступалъ въ область освященныхъ и утвержденныхъ вѣрой именъ и терминовъ, чужезычныхъ и неразумѣемыхъ²⁾), но отъ того именно и неприосновенныхъ для вѣрующаго народа“ (стр. 326). Только относительно „неразумѣемыхъ“ нельзя, по моему, согласиться съ о. Антониномъ; не отъ того принято АГІШ въ разбираемой славянской надписи, что оно не было понятно Славянамъ, а отъ того, что имъ придавалась больше значенія и важности лицу, къ которому оно примѣнялось. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить вель (отъ велѣ), вместо mare прилагаемое предъ титулами молдавскіхъ придворныхъ высшихъ чиновныхъ лицъ, какъ напримѣръ, вель постельникъ, вель пахарникъ, вель логофетъ и др., постоянно встрѣчающіяся въ грамотахъ румынскихъ господарей до самаго почти послѣдняго времени вместо marele Postelnici (постѣлникъ вѣлъ марѣ, —cel mare), marele Paharnică (пахарникъ вѣлъ марѣ), marele Logofetă логофетъ вѣлъ марѣ), встрѣчающихся у Дим. Кантемира въ его „Описаніи Молдавіи“³⁾; или же принятое отъ южныхъ Славянъ влѣдика (vlădica) для означенія архіерея вместо чисто румынского стѣпнитор (st pinitor), означающаго то же, что и влѣдика.³⁾.

Но, принимая слово АГІШ, я по необходимости долженъ допустить, что разбираемая здѣсь архангельско-дрильская славянская надпись не дошла до насъ въ полномъ своемъ составѣ, — иначе нельзя будетъ себѣ объяснить причому отсутствію въ ней слова, означающаго назначеніе надписи. Къ сожалѣнію, ни о. Антонинъ, ни Гильфердингъ почти ничего не сообщаютъ о вышеизложенномъ состояніи надписи. О. Антонинъ говоритъ только, что „дифровые буквы вырезаны такъ ясно

¹⁾ Тамъ же, я. сн. 19, №№ 56 (927 г.) и 54 (981 г.).

²⁾ Латинское и румынское академическ. изданія, 1873, pag. 77—79, 1875, pag. 64, 81—82 и издание монастыря Нямцу (въ Молдавіи), 1825, стр. 186, 188—189.

³⁾ Впрочемъ не переведенные греческіи слова можно найти и въ пѣвчо-рыхъ славянскихъ руменицахъ XI в., напримѣръ, *W* (=ѡѣ). ИСАНА ХИРКА при *Пѣ* и ИСАНА АНКОНІ; породо (parab sos) при *РДН* и др. «О съмѣрзивѣшемъ онтому XI вѣка юго-славянскаго юсowego письма, найденномъ въ 1868 г. А. Ф. Гильфердингомъ въ Струмицѣ. Архимандрита Амфилохія. И 1874», стр. I, X, примѣчанія 3 и 4.

и отчего ли, что не даютъ повода ни къ малѣйшему сомнѣнію въ вѣрности ихъ чтенія" (стр. 326). Въ этомъ вполнѣ можно согласиться съ о. Антониномъ, тѣмъ болѣе что его снимокъ въ этомъ мѣстѣ сходенъ со снимкомъ Гильфердинга. А. Ф. Гильфердингъ, по сообщенію архимандрита Амфилохія, передаетъ, что при возобновлении монастырской церкви въ 1861 г., "древняя колонна, гдѣ запись, не была тронута" ¹⁾). Верковичъ, посѣтивший монастырь въ 1853 году, когда послѣдній былъ въ развалинахъ, о колонахъ церкви даже и не упоминаетъ ²⁾). Тѣмъ не менѣе некоторые признаки обоихъ снимковъ заставляютъ думать, что должны были быть въ надписи еще слова, которыхъ теперь нѣтъ, и именно съ лѣвой ея стороны. О. Антонинъ въ началѣ первой строки, предъ словомъ **ΛΕΤΟ**, отмѣтилъ продольными черточками, что въ надписи не достаетъ одного слова, которое должно было стоять надъ словомъ **ΑΓΙΟ**, чтѣ во второй строкѣ (см. си. № 1). Въ снимкѣ Гильфердинга этотъ пропускъ не отмѣченъ, но **Λ** представлено только съ половиной, опущенной внизъ правою стороной, а это опять даетъ понять, что надпись немнога въ этомъ мѣстѣ испорчена. Но если бы даже **Λ** было и цѣло, то и тогда пропускъ можно замѣтить, такъ какъ слово **ΛΕΤΟ** начинается не съ того пункта, съ какого начинается слово **ΠΩ** во второй строкѣ. По всей вѣроятности, передъ словомъ **ΛΕΤΟ** стояло **ΕΞ**, обычное въ славянскихъ означеніяхъ годовъ, начиная съ самыхъ раннихъ временъ славянской письменности. Кромѣ этого, въ снимкѣ Гильфердинга передъ словомъ **ΦΕΑ** въ третьей строкѣ видна какая-то царапина сверху внизъ и внизу отъ нея, съ отклоненіемъ вправо, поставлена точка, и притомъ третья строка начинается опять не съ того пункта, съ какого начинается вторая, чтѣ впрочемъ въ снимкѣ о. Антонина почти совсѣмъ не замѣтно. Сверхъ того, предъ словомъ **ΦΕΑ** надписи нѣтъ слова **ΜЦА**, также обычного въ греческихъ и въ славянскихъ надписахъ и рукописяхъ самыхъ раннихъ

¹⁾ Труды первого археологического съезда въ Москвѣ, 1869. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Ст. Верковичъ въ частной бесѣдѣ сообщилъ мнѣ недавно, что въ настоящее время помнить только то, что стѣны церкви съ живописью, хорошо сохранившимся, стояли со всѣхъ сторонъ, а внутри ея можно было различить хорошо престолъ, который также стоялъ; оставленное было все полно болѣею кучей мусора, образовавшагося отъ упавшихъ крыши, куполовъ и сводовъ, и обросшаго мелкими кустарниками и даже большими деревьями. О колонахъ онъ хорошо не помнить: можетъ быть, они были покрыты мусоромъ.

христіанскихъ временъ. Какое слово было начертано предъ АПГ^О, и было ли тутъ только одно слово или больше, въ настоящее время едва ли возможно догадаться.

АПН въ снимкѣ Гильферднага есть не удачное воспроизведеніе АПРН снимка о. Антонина¹⁾. Въ открытыхъ до этого времени греческихъ аенинскихъ христіанскихъ надписяхъ это имя встрѣчается довольно рѣдко—въ формѣ 'Ανδρέας²⁾. Форму АПРН я считаю народною³⁾, хотя едва ли можно слышать что-нибудь подобное у вынѣшнихъ Болгаръ.

ЕПІПЪ въ славянскихъ письменныхъ памятникахъ древнихъ и позднѣйшихъ въ такомъ видѣ и сокращеніи, кроме сложного съ ἀρχι (= архи(и)епіпъ), встрѣчается довольно рѣдко, а большою частью съ к между обоими п (= епіпъ). Въ греческихъ изданныхъ донынѣ христіанскихъ надписяхъ Х в. это слово въ сокращеніи изображается такъ: επίσκ или επίσκ⁴⁾, и разъ, по видимому, безъ сокращенія⁵⁾. Также большою частью безъ сокращенія пишется оно въ греческихъ рукописяхъ X в. въ отдѣльности и въ сложности съ ἀρχι (= ἀρχιεπίσκοπος)⁶⁾.

Феда представляетъ необычное въ греческихъ надписяхъ и письменныхъ памятникахъ сокращеніе февраля⁷⁾; начертанная послѣ

¹⁾ Ср. архимандр. Амфилакій «О взаимнѣ греческой письменности на славянскую съ IX по начало XVI вѣка», въ Труд. первого археологич. съѣзда въ Москве 1869 г. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Въ книгѣ о. Антонина «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аенинахъ» 'Ανδρέας встрѣчается только три раза; и. сн. 21, № 84: ΑΝΔΡΕΑΣ (693 г., стр. 66); и. сн. 10. № 18: ΑΝΔΡΕΑΣ (1039 г. стр. 25) и и. сн. 20, № 77:

АПР (безъ указания года, стр. 64).

³⁾ Св. Андрій, уменьш. Андріемъ (русское прозваніе Андріашевъ) у Румыновъ, Андрій и Андрійко у Малоруссовъ.

⁴⁾ Антонинъ, О древнихъ христіанскихъ надписяхъ, и. сн. 19, №№ 61 (стр. 59); 20, №№ 67 (стр. 61), 75 (стр. 63), 76 (64), 78 (ib.); 21. № 84 (66).

⁵⁾ Тамъ же, и. сн. № 7 (43).

⁶⁾ Амфилакій, Палеографическое описание греческихъ рукописей IX и X вѣка определенныхъ лѣтъ, съ 26 таблицами снимковъ въ дѣй краски. Т. I. М.

1879, табл. сн. XVI (стр. 49), XII (38), XV (42); но ἀρχιεπίσκοπο—табл. XIV (стр. 72).

⁷⁾ Антонинъ, О др. хр. надписяхъ, и. сн. 9, № 7—φευρα; 10, № 28—φευροαρ; 11,

нечо наклоненное вправо черта съ завитымъ верхнимъ концомъ, я полагаю, представляетъ собою букву ρ (р) и предназначена служить вмѣстѣ съ тѣмъ въ видѣ украшения, — тогда получится: ф€(урѣ)ар...¹⁾. Въ древнихъ славянскихъ памятникахъ мнѣ неизвѣстно такое сокращеніе²⁾.

Остаются еще въ обоихъ снимкахъ надписи разные значки, изъ которыхъ начертанный въ первой строкѣ я уподобилъ на первый разъ птичкѣ, голубю, присутствіе изображенія которого въ христіанскихъ надписяхъ не невозможно, а начертанный въ концѣ третьей строки — цвѣткомъ. Казалось бы, что грубая отѣлка этихъ изображеній, если предположить, что они сделаны не совсѣмъ искусственнымъ Славяниномъ, вполнѣ естественна. Но при внимательномъ сравненіи этихъ изображеній съ точки зрѣнія технической съ буквами надписи можно замѣтить, что отѣлка первыхъ совершенно не гармонируетъ съ довольно отчетливо и чисто отѣлкою каждой изъ послѣднихъ. Выѣзжавшій такъ хорошо буквы въ надписи могъ, мнѣ кажется, лучше выразить подобіе птицы и цвѣтковъ, чѣмъ то, какое видно на снимкахъ надписи: птица безъ ногъ и головы и какие-то стебельки цвѣтковъ, беспорядочно разбросанные въ концѣ третьей строки надписи. При всемъ этомъ я однако не склоненъ отрицать въ этихъ изображеніяхъ подобія птицы и цвѣтковъ, но думаю — не представлены ли они въ грубой формѣ самимъ рѣзчикомъ намѣренно, скрывая въ себѣ какія нибудь слова, — чтобы читающій надпись легко могъ догадаться или подмѣтить скрытыя слова. Мнѣ казалось, что грубое изображеніе птицы представляетъ слово юнд (то-есть, индиктіонъ), при чемъ трубочка съ завитыми въ кругъ линіями, ее составляющими, имѣющая своимъ основаніемъ не совсѣмъ правильный треугольникъ и служаща, мо-

№ 37 — феорварю, № 40 — феорварю (-1057 г. и д. сн. 19, № 54 также, -959 г.); 17, № 19 — феорвар (-917 г.). Впрочемъ ср. ф€W л. сн. 21, № 80 (1112 г.) стр. 64—5. Срезневскій, 57.

¹⁾ Буквы въ видѣ украшения весьма обычны въ греческихъ христіанскихъ надписяхъ того же почти времени, чтѣ и разбираемая вѣдь славянская надпись. Архимандр. Аментохий почему-то читаетъ это слово ф€бр. Труды первого археологического съзыва 1869 г. II. М. 1871, стр. 862.

²⁾ Впрочемъ если вѣрою мое предположеніе относительно ф€(урѣ)ар..., то срв. фѣ (то-есть, ф[е]рѣ) въ дань (-зле—1527 г.) у Јастребова, Податци за историју српске цркве. у Београду. 1879, стр. 223.

жеть быть, на мѣсто шеи и головки представляемой птички, изображаетъ букву й, а верхніе круги означаютъ двоеточіе, ставимое надъ славянскимъ ѹ. Неправильный треугольникъ, изображающій туловище птицы, тогда представлялъ бы букву А, а двѣ параллельно извивающіяся черточки, изъ которыхъ концы правой изъ нихъ примыкаютъ къ правой сторонѣ треугольника, изображая крылья птицъ, представляли бы въ то же время букву и [и].

Само собою разумѣется, что это мое предположеніе не правдоподобно, ибо въ греческихъ аенисскихъ извѣстныхъ до нынѣ христіанскихъ надписяхъ не замѣтно такого написанія индиктіона¹⁾, хотя, съ другой стороны, между всѣми изображеніями птицъ и другихъ животныхъ на надписахъ нѣть даже и подобія такого, какое видимъ въ славянской архангельско-прилѣпской надписи. Правда, въ христіанскихъ надписахъ Фисиона и Пропилеевъ видно не мало монограммъ и изображеній предметовъ видимыхъ, представляющихъ монограммы цѣлыхъ словъ, изъ которыхъ иные слишкомъ поспѣшно, по моему мнѣнію, названы о. Антониномъ свидѣтельствомъ „балагства“ и „памятникомъ древней дѣтской игры въ „камешки“, но относительно которыхъ совершенно вѣрно имъ же замѣчено, что они „свидѣтельствуютъ о неискусствѣ минувшихъ поколѣй“²⁾; но и между ними нѣть ничего почти похожаго на фигуру въ снимкѣ о. Антонина. Если эта фигура дѣйствительно представляетъ голубя, то подобная же фигура, нужно полагать, была вырѣзана и передъ началомъ первой строки архангельско-прилѣпской надписи.

Немного наклоненная вправо черта изъ двухъ параллельныхъ линій съ оканчивающимися сверху круглыми завитками изображенная послѣ цифровой буквы З, нужно полагать, представляетъ собой букву ѹ, и тогда число мѣсяца будеть З¹ (17), какъ полагаетъ и архимандритъ Амфилохій³⁾. Чѣдѣ представлена изъ себя не совсѣмъ горизонтальная черта, изображенная съ круглымъ завиткомъ надъ только что указанной чертой—трудно сказать. На снимкѣ Гильфер-

¹⁾ Означеніе индиктіона въ монограммахъ, правда довольно не замысловатыхъ, и вообще изображеніе буквъ на подобіе предметовъ видимой природы не необычны въ христіанскихъ греческихъ надписяхъ. О древніхъ христіанскихъ надписяхъ, о. Антонина, я. сн. 5, № 18 (—1062 г.); 13, № 11 (—1154 г.); 20, № 66 (—1007 г.); 25, № 8 (—1064 г.); 12, № 10 (—1064 г.).

²⁾ Тамъ же, стр. 30, 37 и я. сн. 8, №№ 41—45; 12, № 21.

³⁾ Труды первого археологического съзыва въ Москвѣ 1869 г. II, стр. 862.

динга эта черта изображена не горизонтальной, но наклонной вправо, и отъ середины ея вправо же проведена другая черта такимъ образомъ, что обѣ вмѣстѣ образуютъ треугольникъ безъ основания, лѣвая сторона которого продолжена отъ вершины и оканчивается кружкомъ, опущеннымъ внизъ. Можетъ быть, этотъ треугольникъ произошелъ отъ неудачного исполненія снимка, но можетъ быть, онъ представлялъ букву Δ (=день?). Однако трудно рѣшиться думать, чтобы горизонтальная черта съ круглымъ завиткомъ у праваго конца, изображенна въ томъ снимкѣ надъ предполагаемою мною буквой $\mathfrak{z}$ при $\mathfrak{Z}$, произошла отъ неудачного исполненія снимка; она или прибавлена совершенно, разумѣется, невинно самимъ Гильфердингомъ, или же представляетъ титло надъ цифрами числа мѣсяца (= $\mathfrak{Z}^{\mathfrak{i}}$).

Послѣ всего сказаннаго можно, по моему, восстановить славянскую надпись въ слѣдующемъ видѣ:

(кз) А $\mathfrak{E}$ Т $\mathfrak{O}$ $\mathfrak{Z}$ $\mathfrak{A}$
 (?) (?) АГИШ АН $\mathfrak{H}$ РИ впп
 (мѣ) Ф $\mathfrak{E}$ Р $\mathfrak{Z}$ (или $\mathfrak{Z}^{\mathfrak{i}}$) (А?)

Эта архангельско-прильскская славянская надпись по виѣшнему расположению своихъ частей относится къ разряду тѣхъ нѣсколькихъ надгробныхъ епископскихъ надписей VII, VIII и IX вв., которыхъ снялъ о. Антонинъ въ Аениахъ въ бывшемъ Пареонопѣ, и въ которыхъ однѣхъ между множествомъ другихъ встрѣчается слово епископъ (ѣпісюхос) ¹⁾; поэтому и эту надпись можно считать скорѣе надгробной, чѣмъ другаго какого-либо рода.

Въ заключеніе нужно сказать, что въ настоящее время мы имѣемъ очень мало данныхъ для сравненія, чтобы окончательно рѣшить во-

¹⁾ О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аениахъ, *т. сн. 21, № 84* (стр. 68); *20, № 73, 75, 76, 78 и 72* (62—64). Ср. (*№ 84 т. сн. 21*):

† МОКТВРІОНМА
 INAZETELIΩθН
 ANAPREACOAGIO
 НМЕПІСК ЕТОГС
 ΣCB

Списокъ аенискихъ епископовъ по надписямъ см. у о. Антонина, тамъ же, стр. 74, а исправленный у Срезневского, *Палеографические наблюденія*, стр. 28.

прось о времени происхождения архангельско-прилѣпской славянской надписи на колонѣ, но изъ сдѣланного мною сравненія этой надписи съ тѣми греческими и славянскими данными, которая можно имѣть теперь подъ руками, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: Славянская архангельско-прилѣпская надпись на церковной колонѣ не можетъ быть конца X в., а только конца XI и даже начала XII в.

Изъ архангельско-прилѣпского монастыря нашъ путешественникъ отправляется въ другойсосѣдній монастырь Трескавецъ, стоящій далѣе (вѣроятно, отъ предыдущаго монастыря), къ сѣверу на продолженіи Марковой горы, на Трескавцѣ¹⁾, у подошвы которой, къ западу, лежитъ городъ Прилѣпъ. Народное название этой обители Богородица (отъ церкви во имя Рождества Богородицы). По дорогѣ туда о. Антонинъ видѣлъ одно изъ „изображеній, украшающихъ гранитныя скрижали, стоящія подъ открытымъ небомъ и подверженныя всѣмъ атмосферическимъ вліяніямъ“²⁾. Вотъ какъ описывается о. Антонинъ это, во всякомъ случаѣ, интересное изображеніе: „Изображеніе сдѣлано по штукатурѣ, видимо, очень давнѣе. Представленъ въ естественную величину всадникъ—воинъ на бѣломъ конѣ, со щитомъ въ одной и мечемъ въ другой рукѣ. Не похоже, чтобы это были св. мученики Георгій или Димитрій, изображаемые обыкновенно съ копьями. Воклі головнаго сіянія сохранились двѣ буквы: О А, означающія конечно ѿ бѣюс—святой, и больше ничего. Подъ изображеніемъ была большая надпись въ 7 строкъ, но она нещадно истреблена временемъ. Я съ трудомъ могъ разобрать только два слога ИО и МА... Даже и того не могу опредѣлить славянская ли она, или греческая была въ свое время. Болѣе похоже, что греческая“ (стр. 330). Это изображеніе должно быть въ родѣ тѣхъ изображеній языческаго времени, какія встрѣчаются около Шумы и ея окрестей, какъ напримеръ, изображеніе на выравненной отъ верха до низу скалѣ, возвы-

¹⁾ Вершина Трескавца называется Златоврѣхъ; на немъ, по преданію жителей окружныхъ селъ и Прилѣпа, возвышался когда-то золотой иѣзуитъ, который былъ видѣнъ на далекомъ разстояніи въ окрестности. Христіане, снявъ иѣзуита, построили на томъ самомъ мѣстѣ, где онъ стоялъ, монастырь, иззвѣстный теперь подъ названіемъ Богородица и Трескавецъ. *Heilige et Daumet, Mission archéologique de Macedoine*. Paris. 1864, стр. 318; ср. Гана, *Reise...* Wein. 1861, стр. 110.

²⁾ Не эти ли изображенія имѣютъ въ виду и Ганъ? Тамъ же, стр. 109. Ср. Иречка, Ист. Болг., Одесса 1878 г. стр. 78—79.

шающейся надъ селомъ Калуревцы, и въ другихъ мѣстахъ¹⁾). Видѣнное о. Антониномъ изображеніе служило для него предзнаменованіемъ того, о чёмъ ему говорили бывальцы, еще въ Енотѣ, именно, что въ Трекавцѣ есть и древнія надписи, и древнія рукописи, и древнія церкви, выстроенные на основаніяхъ языческаго храма (стр. 329)²⁾. Съ монастырскихъ вершинъ открывается прекрасный видъ на Прилѣпъ и прилѣпскія пода. Самый монастырь, по описанію о. Антонина, не великъ; устройство, управление и населеніе его такія же, какъ и въ предыдущемъ, съ тою только разницей, что въ послѣднемъ обучаются мальчики чтенію и письму. Здѣшній старецъ-игуменъ передалъ нашему путешественнику, что монастырь существуетъ уже „четыредесять стотинъ (4000) лѣтъ. Братій же бывало когда-то тутъ три стотины, такъ что по всей горѣ и даже на обнаженныхъ скалахъ, висящихъ надъ монастыремъ, шутить нашъ авторъ, жили въ пещерахъ и разсыпинахъ болголюбивые отшельники, питаемые монастыремъ“ (стр. 332). Какъ бы то ни было, но это предавіе указываетъ на то, что монастыры очень стары и въ старыя времена въ немъ было много иконъ. Въ низкой и темной монастырской церкви престоль и жертвенникъ сдѣланы изъ „цѣльныхъ кусковъ камня, обдѣланного въ видѣ куба съ расширенными основаніями и карнизомъ по образцу древнихъ надгробныхъ или посвятительныхъ памятниковъ языческаго времени“, съ греческими надписями языческаго же времени на каждомъ (тамъ же). На престольномъ камнѣ вырѣзано, что „260 года Флавія Ника Никандорова (дочь) исполняетъ свой обѣтъ Аполлону Этевданскому (ΑΠΟΛΛΩΝΙ ΕΤΕΓΔΑΝΙΣΚΩ)“ (стр. 332—333, примѣченіе 1 и 5 л. сн.), а на жертвенникѣ—что „за Тита Флавія, сына Антіоха, Аполлодоръ по обѣту посвящаетъ жертвен-

²⁾ Ср. Григоровича, Очеркъ..., 116. Ср. описание у *Heugley et Daumei*, Mission, 318—319.

никъ (или памятникъ) Аполлону Отевданскому (ΑΠΟΛΛΩΝΙ ΟΤΕΒΔΑΝΩ¹).

Затѣмъ о. Антонинъ дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ объ этихъ надписяхъ. Относя надпись 260 г. къ 53 г. передъ Р. Х. по македонской эрѣ, онъ приводитъ нѣсколько своихъ соображеній о происхожденіи названій Аполлона: Этевданскій (Этевданискъ—'Ετεύδανισκος) и Отевданскій (Отевданъ—'Οτεύδανος). Признавая оба эти названія Аполлона мѣстными, тѣмъ не менѣе онъ думаетъ, что этевданско^с есть Тавданискъ (sic), а это—не совсѣмъ удачная передача греческимъ письмомъ нашего: Тевдоискій и могло образоваться также, какъ изъ Иваницы — Иоаницкій. „Смѣло, конечно, признать“, прибавляетъ о. Антонинъ;—„существованіе на этихъ мѣстахъ до Р. Х. славянской стихіи, но откуда мы взялись въ Европѣ?“ (стр. 334, пр. 1). Не совсѣмъ однако увѣренный въ послѣднемъ своемъ предположеніи, онъ спрашиваетъ: „Не предположить ли, наконецъ, что два чествовались тутъ Аполлона, одинъ—Отевданъ, а другой—Этевданискъ?“ и отвѣчаетъ: „И то возможно“. Объ Аполлодорѣ нашъ авторъ, можетъ быть, удачно догадывается, что „онъ же самый и есть Т(итъ) Флавій, выпрошенный, вѣроятно, родителями у Аполлона и нарѣченный въ благодарность за это, кромѣ метрическаго имени, еще Аполлоновымъ даромъ“ (тамъ же).

Мнѣ кажется, можно допустить вмѣстѣ съ Гѣзе и Доме, что Отевданскій—происходенія пеонійскаго и напоминаетъ скиескаго Итосира (или Ойтосура—Οιτόσυρος), котораго Греки отожествляли съ Аполлономъ²). Названіе: Ετεύδανισκος (ср. πανίσχος, απτήρισχος, Ἰραχλίσχος, δρομίσχος, βασιλίσχος) указываетъ, по всей вѣроятности, на молодость, или лучше сказать, на дѣтскій возрастъ Аполлона³). Подобного рода Богидѣти, какъ маленький Бахусъ у Гарпократа, были очень популярны

¹) Эта надпись изданы уже нѣсколько разъ и въ послѣдній у *Hesych et Dammet, Mission..., 319*, где во второй конецъ 6-й строки и 7-й приведены въ такомъ видѣ: ΕΥΞΑΛΕ, а у о. Антонина ΕΥΞΑ, а въ первой въ концѣ 4-й строки
NOF
ΑΕΝΟΣ

и началѣ 5-й стоять ΑΠΟΑ вмѣсто ΑΠΟΛ
ΛΩΝΙ
ΛΩΝΙ

²) Herod., IV, 59; ср. Hesych. Τοιτόσυρος и Согр. inscript. gr., nr 6013. Гѣзе и Доме говорить, что Отевданъ и Ойтосуръ даютъ новый случай, могущій служить доводомъ для тѣхъ ученыхъ, которые находить родство между еракийскими и скиескими народами. Mission..., 319.

³) Тамъ же.

во время империи и почитались, по преимуществу, какъ и въ дан-
номъ случаѣ, женщинами¹). Имена лицъ, исполняющихъ свой обѣтъ,
Т. Флѣоюс (T. Flavius) и Флѣоула Нѣка (Flavia Nica)²) вполнѣ, ка-
жется, подтверждаютъ это предположеніе, пріобрѣтающее, по мнѣнію
Гезе и Доме, еще болѣе значенія вслѣдствіе 260 года македонской
эры, который соотвѣтствуетъ, по нимъ, 114 г. по Р. Х. во время
правленія Траяна³).

Кромъ этихъ двухъ надписей, о. Антонинъ приводить еще и третью греческую, относимую имъ почему-то къ 1333 г. и высѣченную на одной изъ мраморныхъ плитъ помоста, куда плита попала изъ поперечной стѣны церкви. Хорошее употребленіе! „Неблагопріятное это обстоятельство“, прибавляетъ о. Антонинъ, — „было причиной, что большая часть надписи стерлась совершенно“. Прежде она лежала надъ гробомъ нѣкоего Тоссоѣц (стр. 335 и 5 л. сл.⁴).

⁴⁾ Тамъ же.

²⁾ По всей вероятности, муж и жена.

³⁾ Тамъ же, стр. 319—320.

⁴⁾ Эта надпись приводится у *Henneuy et Daumet, Mission, 321*, въ слѣдующемъ видѣ:

ΕΚΟΙΜΗΘ· ΔΟΔΟΣΤΟΘΥ
ΝΙ· — ΚΟΔΑΟΣΤΟΣΟΝС· М· — ΙΝ· —
ΔΥΓ· ΓΣΤΟΝΜ· — Κ· ΑΕΠΗ
ΤΗСВАДСЛЕИДССТЕФ
ENE
—
—

Въ транскрипції этой подпись вместо 5 стоит С. Концовъ трехъ инициалъ строят надписи, приведенныхыхъ у о. Антонина, здесь есть, и о нихъ не упоминается. Имя Тосуй или Тосой, или просто Тосу и Тосо, очевидно не славянского происхождения. Тосу называется одинъ изъ двухъ мадьярскихъ вождей, покорившихъ землю между Самошью и Кёрёшью. См. у Гильфердинга, Собр. сочн. I, стр. 94. Такъ оно писалось и произносилось у Византійцевъ; но сами Мадьяры произносили это имя Тошу, и въ такомъ видѣ оно перенято южными Славянами, у которыхъ, и только у однихъ, оно встрѣчается; у Сербовъ Тобша и Тоша, см. Корадича, Српски рѣчики. У Бечу. 1852, стр. 747, где невѣрно совершенно считается уменьшительнымъ отъ Тодор. Въ такую же погрѣшность впадаютъ и Французы: Гезе в Доме, Mission, I. с. У Болгаръ, какъ собственное имя, оно уже не употребляется, во обычно, какъ произваніе въ формѣ уменьшительной: Тошковъ, Тошковичъ. Ср. Ташу, Ташо у Болгаръ и Ташы, Таша у Румыновъ, которое пріурочивается къ Атавастъ, но кажется, невѣрно.

Жаль, что эта надпись, не дошла до насъ въ цѣлости тѣмъ болѣе, что упоминаніе въ ней имени Стефана, по всей вѣроатности, краля Сербскаго, по предположенію о. Антонина, VIII (?) Сильнаго или Душана¹), не безцѣльно или не безъ причины; можетъ быть, упоминаяемый въ надписи Тосоৎс или Тосеৎс былъ какимъ-нибудь важнымъ лицомъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ во время правленія этого сербскаго государя. По всей вѣроатности, этотъ самыи Тошо упоминается въ одномъ изъ недавно изданныхъ хрисовуловъ Стефана Душана, данномъ Хиландарскому аеонскому монастырю; тамъ онъ отмѣченъ, какъ властелинъ²). Вѣроатно, этотъ властелинъ Тошо былъ одинъ изъ етиторовъ трескавецкаго монастыря Богородицы.

Осмотрѣвъ хорошенко церковь, о. Антонинъ нашелъ еще двѣ надписи, собственно записи: одна на иконѣ Богоматери, помѣщенной въ правомъ длинномъ придѣлѣ, на которой, между прочими, упоминается имя Прилѣпскаго митрополита Іосифа (1569 или 1599 г.), не упомянутаго у Лекіена въ *Oriens Christianus*; другая же находится надъ другою иконой Богоматери въ томъ же придѣлѣ и написана въ нижнѣй стѣнѣ, отдѣлающей первую отъ большой церкви, и по видимому, служившей когда-то дверью. По окружности нишевой арки написано: „Изволеніемъ отца... и пр... съи образъ въ лѣто, 1590“. 5939 годъ соотвѣтствуетъ 431 отъ Р. Х. „Иконы такой“, говорить о. Антонинъ,— „отдаленной древности, да еще писанной на стѣнѣ, мнѣ еще не случалось не только видѣть, но даже слышать. Не довѣряя глазамъ своимъ, я стала освѣщать цифры съ разныхъ сторонъ, и убѣдился, наконецъ, что слововая буква *е* подправлена. Очевидно, что первоначально на мѣстѣ ея стояло *З*, и годъ выходилъ тогда 1431“ (стр. 341—342). Я нарочно такъдолго остановился на этой поддѣлкѣ, чтобы имѣть случай сказать, что въ Болгаріи такія поддѣлки не особенная рѣдкость, и нужно быть иногда очень внимательнымъ и осторожнымъ, чтобы не попасть въ обманъ. Здѣсь поддѣлка сдѣлана, можетъ быть, съ самою невинною цѣллю; но бываютъ случаи, когда поддѣлки подобного рода вызываются интересами материальными и тогда употребляется больше искусства для того, чтобы скрыть подлогъ.

¹⁾ Тѣмъ же признается и у *Heugey et Daumet*, по которымъ индиктіонъ 7-й пришелся въ правленіе Душана два раза: въ 1339 и 1354 гг. Mission, тамъ же.

²⁾ „...властелинъ прѣствами Тошо“, у *Флоринскаю, Аеонсіе акты*. С.-Пб. 1880 г., стр. 74. Ср. *Heugey et Daumet*, op. cit. et l. c.

„Въ притворѣ церкви, по правую сторону входной западной двери было когда-то, какъ и въ монастырѣ Архангеловъ, изображеніе во весь ростъ какого-то вѣнценосца, конечно“, говоритъ о. Автонинъ, — „китора церкви, отъ которого осталось теперь только верхушка короны, окруженной славиемъ. Хорошо сохранилась за то прекрасная головка ангела съ боку цара, обращенная къ нему. Кромѣ ея, по другую сторону изображенія, отлично хорошо сохранилась греческая трехстрочная надпись: „Στεφάνος ἐν χῷ τῷ θῷ πιστῷ¹⁾ κράλης καὶ αὐτοκράτωρ ἀπόστολος Σερβίας καὶ παραθαλασίας“²⁾. Даты нѣтъ никакой (стр. 335—336 и л. 5 сн.)³⁾. Послѣ этого зачѣмъ „какого-то вѣнценосца“? Очевидно, изображенъ тутъ былъ Стефанъ Душанъ⁴⁾.

Очень жаль, что о. Автонинъ не описываетъ подробно и не представляетъ снимка или рисунка съ „половинчатой двери, деревянной, темного отъ давности цвета, изукрашенной обильной и хитрою рѣзьбой, изображающею святыхъ, какого-то скрипача, драконовъ, грифовъ, оленей и проч.“, тѣмъ болѣе, что эта рѣзьба есть „замѣчательный образчикъ древняго славянскаго художества“ (стр. 336).

Сказавъ за этими нѣсколько словъ о пріемной комнатѣ, куда позвали нашего путешественника, и о прекрасномъ видѣ, открывающемся съ монастыря на долину Придѣпа, онъ рисуетъ наружный видъ и форму церкви, на наружной стѣнѣ которой видѣль славянскую восьмистрочную надпись, высѣченную на мраморной плитѣ, вставленной по

¹⁾ У о. Автонина: πιστῷ(sic)ς.

²⁾ На у В. И. Григоровича, ни у Heugley et Daumet обѣ этомъ изображеніи и надписи не упоминаются.

³⁾ О. Автонина приводить въ недоумѣніе κράλης (вм. Basileus) καὶ αὐτοκράτωρ, непривычные для Стефана Душана. «Можно согласить краля съ самодержцемъ въ лицѣ Стефана», говоритъ онъ, — «развѣ предположивши, что надпись и изображеніе сдѣланы, когда Душанъ еще собирался возвестъ себѣ въ царя, и пускай, какъ говорится, пробный шаръ къ тому татуоломъ самодержца» (стр. 336). Трудно сказать—вѣрно ли предположеніе о. Автонина, или вѣтъ, но въ сербско-славянскихъ грамотахъ между прочимъ онъ называется. «Стефанъ, по юсти божиен краль и самодержецъ всѣхъ сербскихъ земель и поморскихъ» (1234—1240), или «Стефанъ въ Хѣта бга благовѣрни (или: вѣрни) самодержецъ и краль» (1336, 1345 г.) у Флоринской, Аѳонскіе акты. С.-Пб. 1880 г., стр. 26—27; 68—69; и только одинъ разъ по гречески въ греческой грамотѣ 1346 (6854) г., данной монастырю св. Иоанна Предтечи, что окомо Сербса: «Στέφανος ἐν χῷ τῷ θῷ πιστῷς κράλης καὶ αὐτοκράτωρ Σερβίας Ρωμανίας». Гласникъ, IX, св. XXVI (по старому счету), стр. 24 и у Саомъ, Мессионикѣ вѣбліафти, I, стр. 239.

по всей вѣроятности, ктиторство царя Уроша или они добижаива, или же его самаго.

Послѣ этого о. Антонинъ разсмотрѣлъ списокъ съ грамоты Стефана Четвертаго¹⁾, какъ сказано въ спискѣ, данной монастырю на вѣдѣніе разными угодіями, безъ означенія года; съ списка онъ „списалъ иѣсколько строкъ на память“. Самый подлинникъ „отосланъ въ Бѣлградъ для ученыхъ изслѣдований“ (стр. 338—339). По языку приведенного отрывка списка, несомнѣнно, что грамота подложная или же грубая поддѣлка, и должно быть, очень недавняя, на что указываетъ уже и подпись: „Стефанъ во Христа Бога благовѣрный краль и самодержецъ Сѣрбскому и Поморскому и Болгарскому земли“ (тамъ же¹⁾), невозможна ни по формѣ, ни по языку²⁾. Поэтому и важность этого хрисовула въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, какую придаетъ о. Антонинъ, будеть только относительная. Въ „Стефанѣ Четвертомъ“ авторъ книги „Повѣдка въ Румелію“ видѣтъ „Стефана хріпаваго или Уроша I“ (1237—1270 гг.)³⁾, который „вѣроятно и быль“, говорить онъ,— „изображенъ при входѣ въ церковь, на ктиторскомъ мѣстѣ“, хотя монастырь вѣрить, что ктиторомъ его быль знаменитѣйшій изъ монарховъ сербскихъ Стефанъ Душанъ“ (стр. 339).

Затѣмъ о. Антонинъ приступаетъ къ обзорѣ монастырскихъ рукописей славянскихъ книгъ. Чтобы дать понятіе о томъ, гдѣ и какъ хранились эти рукописи, и въ какомъ состояніи онѣ находились, я приведу весьма любопытныя слова самого автора. „Мы обратились къ игумену“, говоритъ о. Антонинъ,— „съ заявленіемъ, что въ бытность въ Битолѣ мы слышали о большомъ желѣзномъ сундуке, полномъ старыхъ рукописей,

¹⁾ Объ этой грамотѣ упоминается у *Heuzey et Dauquet, Mission.*, 320, гдѣ подпись читается: «Stephan vo Khrista blahotchestivi kral i samodergetz vse Serb-skom i romashkom Bolgarskom zemli».

²⁾ Изъ сравненія отрывка о. Антонина и грамоты, напечатанной *Dаничичемъ* въ *Гласникъ*, кн. XIII, стр. 369—377, и упомянутой *Григоровичемъ*, *Очеркъ*, 117, пр 3, и склоненъ думать, что видѣній о. Антониномъ списокъ ничто иное, какъ грубая передѣлка этой послѣдней или поддѣлка подъ нее. Она дѣйствительно дана монастырю Трескавцу. Подлинникъ въ очень неисправномъ видѣ, безъ начала и безъ конца и безъ подписи дарителя, хранится въ бѣлградской национальной библіотекѣ. Впрочемъ, самъ о. Антонинъ считаетсякопію не вѣрною подлиннику, говоря: «хрисовулъ представляется, судя по этому, весьма сомнѣтельный» (стр. 339, пр. 1).

³⁾ По *Даничичу*: Стефана Душана, *Гласникъ*, XIII, 369. Ср. *Григоровича*, *Очеркъ*, 117. Миѣмъ этихъ двухъ ученыхъ о времени издания грамоты, мнѣ кажется, справедливыми.

хранящемся въ какомъ-то заклѣпѣ обители. Игуменъ улыбнулся на этотъ сумбуръ важныхъ словъ. Знаю, сказаъ онъ, — кто вамъ говорилъ объ этомъ. Но мы ему отдали послѣднее, что еще было въ сундукеъ-то не стягившаго совсѣмъ, — „едно големо Евангеліе“¹⁾. Теперь въ сундукеъ только куча разорванныхъ изгнившихъ листовъ. Однако же, замѣтить, что намъ непремѣнно хочется добраться до завѣтнаго сундука, охотно повѣль насъ въ церковь. Мы остановились передъ одною, до нельзя низкою и узкою дверцей и пролѣти въ темное и тѣсное подполье, гдѣ, при свѣтѣ восковыхъ свѣчей, сейчасъ усматрѣть воображаемое сокровище. Сундукъ самъ могъ поспорить съ любою гнилью. Можно по тому было загадать, въ какомъ состояніи находятся старегомыя имъ рукописи. И точно, когда мы открыли его, взору нашему представился цѣлый ворохъ гнилой и затхлой бумаги въ изорванныхъ, измятыхъ и скомканныхъ листахъ, разбитыхъ тетрадахъ, и, наконецъ, нѣсколько цѣльныхъ, но страшно растрепанныхъ, книгахъ въ черномъ кожанномъ переплетѣ²⁾ (стр. 339—340³⁾). Такъ хранится рукописи не въ одномъ этомъ монастырѣ, но почти во всѣхъ славянскихъ и отчасти греческихъ обителяхъ Балканского полуострова⁴⁾; а о томъ, какъ онѣ хранятся въ

¹⁾ То-есть, одно большое Евангеліе. Не это ли пергаментное Евангеліе досталось, бывшему въ то время, секретарю русскаго консульства въ Битолѣ? (стр. 353, ср. 341).

²⁾ Ср. стр. 358. Поэтому-то монахи этого монастыря не хотѣли показать В. И. Григоровичу ни одной рукописной книги. Очеркъ, 118.

³⁾ Вотъ какъ описываетъ иконъ Пареевій библіотеку монастыря св. Иоанна, что около Сара. «Повели настъ въ библіотеку, говорить онъ, и показали намъ множество кожанныхъ и бумажныхъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго бреженія, о чёмъ много обожиновали и созмѣти; уже многія повредились. Мы спросили: «почему такъ безъ всякаго присмотра находится библіотека?» Намъ отвѣтили: «А на что эти книги цѣлѣ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и всѣ братіи-болгары, но читать по-славянски ни одинъ не разумѣеть; потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у настъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, никогда не читаютъ по-болгарски, а вѣдѣ по-гречески. Хотя и всѣ—болгары живутъ, хотя и ничего по-гречески не понимаютъ, и мірые, и священники, но такъ заведено издревле, и уже привыкли: потому что съ юности учились читать и пѣть по-гречески. А сія библіотека жертвована болгарскими и сербскими царями...» Сказание о странствіяхъ и путешествіяхъ по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ. II. Изд. 2. С.-Пб. 1858, стр. 67. Замѣтительно, что въ «Сказаниіи о началѣ и настоющемъ положеніи монастыря св. Иоанна Предтечи», С.-Пб. 1864, въ концѣ котораго приведено разказъ о посѣщеніи этого монастыря икономъ Парееніемъ, совсѣмъ опущено приведенное иной мѣсто изъ этого разказа о библіотекѣ монастыря; и въ самомъ «Сказаніи» сказано только, что библіотека въ

селяхъ страшно даже и сказать. Я могъ бы привести множество фактъвъ и случаевъ подобного рода, видѣнныхъ мною во время путешествія по Болгаріи¹⁾). Драгоцѣнныя письменные и неписьменные памятники славянской и неславянской древности и старины Балканскаго полуострова могутъ быть избавлены отъ погибели и разсыпания, во многихъ случаяхъ равносильного погибели, безотлагательнымъ приступлениемъ къ ихъ собиранию и описанію. Но для этого силы одного человѣка недостаточны. О количествѣ и содержаніи видѣнныхъ тамъ о. Антониномъ книгъ можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующихъ его словъ: „Все, что попадалось на глаза, относилось къ церковному обиходу, представляя собою остатки Миней, Тріодей, Псалтырей и тому подобное, и почти все было бумажное. Листки хлопчатки составляли рѣдкость“. Прежде были тамъ и пергаменты, но теперь не отъ нихъ осталось и слѣда (стр. 340, пр. 1). „Всѣхъ книгъ насчитали 15“, говорить далѣе о. Антонинъ. „Описывать ихъ не стоило труда, да къ тому же еще и темнота, едва разгоняемая свѣтотомъ огарка, обливавшаго платье наше воскомъ, гнали насть неумолимо наверхъ. Съ девятыми листами отъ „голема“ (большаго) Евангелія, не захваченныхыхъ въ свое время вмѣстѣ съ книгою въ Битоль, мы, по порученію игумена, взялись доставить, куда слѣдовало“ (стр. 341). Изъ рукописей приводятся заглавія только двухъ съ годами, а именно: „Слова Гтыхъ бѣ (на бум. in-f.), большая и крѣпко разбитая книга“, которую списалъ въ 6976 (1468) г. „Григоріе грекъ Ш костур“²⁾)

обители заведены по совету просвѣщенаго монаха Герасима изъ Фессалоники, который въ 1735 г. подарилъ обители часть крови, истекшей изъ честной главы св. Иоанна Предтечи, стр. 35. Григоровичъ передаетъ, что славянскія рукописи этого монастыря сожжены. Очеркъ путешествія, 122.

¹⁾ Какъ, напримѣръ, въ Тырновѣ, въ селахъ: Ласковцѣ около Тырнова, Златарицѣ, Тичѣ, мѣстечкѣ Жеравнѣ, Троянскомъ монастырѣ, сельцѣ Боянѣ около Софіи, городѣ Самоковѣ, Пловдивѣ (Филиппополѣ) и въ другихъ мѣстахъ. А сколько погибло отъ небреженія безвозвратно!..

²⁾ Приводи эту приписку, о. Антонинъ, по видимому, удивляется, что въ 1468 году «иасторійскій Грекъ интересовался славянскимъ переводомъ отеческихъ писаний». Но „Григоріе грекъ Ш костур“, по всей вѣроятности, былъ такой же Грекъ, какъ и «*Ζλάτχος φιλογενής Ἀλλῆν ἀπό Γάμπρον*» (*Раковскій, Горский Пѣтникъ*). У Новый Садъ, 1857, стр. 269 и *Иречекъ, Исторія Болгаръ*. Изд. 2-е, Одесса, 1878, стр. 657, пр. 8), или приводимый нашимъ авторомъ Поповичъ; только тогда не былъ извѣстенъ греко-болгарскій вопросъ и „Григоріе грекъ Ш костур“. искъ себѣ съ болгарскимъ языкомъ тамъ, какъ нынѣ живутъ себѣ помаки изъ Болгаръ, которые, считая себя Турками, говорятъ

и „Линнел мартие“ (бумага, in-fol.), писанная въ 7220 (1712) г. (стр. 340—341).

Изъ этого монастыря нашъ путешественникъ спускается, чрезъ Маркову Паланку, въ болгарское село Варошъ (домовъ 188 или 113), расположеннное на мѣстѣ Старого Прилѣпа (у Византійцевъ Прілѣпосъ, у Туровъ Перлепе¹), гдѣ, по преданию, было 70 церквей; мѣста 30-ти изъ которыхъ указываются еще и нынѣ. Въ настоящее время въ селѣ есть 3 церкви, и довольно старыя, интересныя въ архитектурномъ отношеніи—св. Димитрія²), св. Петра и св. Николая, которыя, видимо, всѣ относятся къ одному и тому же времени. Судя по надписи или втиторской замѣткѣ въ церкви св. Николая, онѣ построены въ XIII в. (ἐκ βάθρου ἀνεγέρθη... τοῦ Ζ (1299 г.) Νοεμβρίου... стр. 346, пр. 8), когда Прилѣпъ, по всейѣ вѣроатности, не принадлежалъ еще Сербамъ.

О Старомъ Прильпѣ, какъ родинѣ королевича Марка, воспѣтаго народною поэзіею, авторъ ничего не сообщаетъ. Несомнѣнно, что о немъ существуютъ мѣстныя преданія, пѣсни, разказы и проч.^{3).}

все-таки по болгарски. Не объ этомъ ли Григорій и переводъ изъ Метафраста упоминаетъ Голубинскій, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, стр. 709.

1) *Топография, Материалы*, стр. 263; *Ethnographie des vilayets*, pag. 4 (vii. Монастырь). Варошъ—было ли собственное название города, или только нарицательное, не совсемъ легко сказать въ настоящее время. У греческихъ логографовъ приводится слово βάρις въ значеніи τείχος, Ѳ стоя, Ѳ πύργος (Hesychius) или βάραις—πλοια, τείχη, стоя, αὐλαι, αφάραι (Suidas, p. 416, которое нужно читать φυρουραι по G. d'Arnaud),—у Стефана Thesaur. gr. II, 130, quo murorum firmat significatum. Происхожденія это слово восточного, еврейскаго (тамъ же, ср. прим. 1 на стр. 367 у о. Антонина). Ср. городъ *Бади* въ Апуліи (Thesaur. I, gr., II, 128). По всей видимости, Варошъ означаетъ городище и употребленъ вместо болгарского градище, такъ какъ городъ перенесенъ въ другое мѣсто. Впрочемъ, *варошъ* въ Македоніи употребляется въ значеніи города. Извѣстны подробности о старомъ Прилѣпѣ см. у Гана, Op. c., стр. 108—110. *Tafel, Symbolarum criticarum, geographiam Byzantinam spectantium part. duas.* I, стр. 49—50 (въ *Abhandl. der Histor. Klasse d. k. bayerischen Akad. d. W.*, 5 B. Munchen, 1849). *Hammer, Bosna u. Rumeli.* Wien, 1812, стр. 96. Переводъ или Перепись ср. съ албано-греческими терминами—ч (можетъ быть, отъ περ+λάϊκα—а или λάϊχα, у Гана, *Alban. Studien* Jena, 1854, стр. 961 и 60 словаря). Не отсюда ли болгарское Прилѣпъ, византійское *Пордапос*, какъ изъ Сардана Срѣбренъ и т. п.?

Описание ея, а также и описание большого изображения въ ней см. у Гана, Reise von Belgr. nach Salonik. W. 1861, стр. 109—110.

³⁾ *Младиновъ*, Български народни пѣсни. Земунъ, 1861, стр. 254. Ср. Иречка, Исторія Болгарь. Изд. 2-е, Одесса, 1878, стр. 434—486.

Также почти ничего не сообщаетъ онъ и о древности Вароша или его началѣ, но ограничивается приведеніемъ трехъ-четырехъ надин-сей въ церкви св. Николая, изъ которыхъ три греческія и одна славянская. Первая древняя, безъ конца и безъ года, времена Септимія Севера, на большомъ камнѣ, вставленномъ въ стѣну притвора церкви (стр. 344, пр. 1, б л. сн.); другая также въ притворѣ, греческая, глубоко вставленная въ стѣну, и потому изъ того, что видно, нельзя вывести опредѣленного смысла (тамъ же); третья, ктиторская, и четвертая, славянская, на стѣнѣ, по лѣвой сторонѣ дверей, вводящихъ въ самыи храмъ: „Помени моле... раба своего Димитра“ (стр. 347), къ сожалѣнію, не сказано, какаго времени¹⁾.

Не менѣе достойно примѣчанія и слѣдующее: „Въ темномъ углу той же паперти“, говорить о. Антонинъ, — „мы досмотрѣлись шкафа. Онъ оказался безъ замка. На полочкахъ валялся всякий хламъ церковный, негодный, или на время ненужный для употребленія. На ряду со всѣмъ прочимъ валялось и около десятка старыхъ и погнившихъ рукописныхъ книгъ богослужебного содержанія XVII—XVIII в., безжалостно брошенныхъ на конечное истребленіе... Не сомнѣваюсь, прибавляетъ авторъ, что ими наполненъ былъ когда-то весь шкафъ, но лучшіе изъ нихъ, конечно, попали въ карманы и сакъ-вояжи со-страдательныхъ туристовъ. Хотя бы уже то, что осталось, священники забрали и спрятали въ Архангельскомъ монастырѣ (разумѣется, въ томъ же самомъ подпольи, которое посѣтилъ о. Антонинъ), во свидѣтельство того, что Прильпъ когда-то жилъ широкою славянской жизнью (значить книги были славянскія), не смотря на свою греческую иконосицу“ (стр. 347).

О торговомъ городѣ Прильпѣ, куда нашъ путешественникъ пріѣхалъ изъ Вароша, почти ничего не сообщается, кромѣ развѣ того, что на здѣшней, пресловутой въ краѣ, ярмаркѣ открыта „продажа русскихъ богослужебныхъ книгъ, особенно кіевской печати“ (стр. 348), и что на весь городъ одна церковь²⁾, при 13 священникахъ (при 7700 христіанскаго населенія)³⁾, завѣдывающихъ 8-ю приходами, двѣ-три довольно интересныя замѣтки о духовенствѣ (стр. 349).

¹⁾) Ганъ приводить четыре греческия надписи, найденные въ развалинахъ одной изъ тамошнихъ церквей, во отличныхъ отъ приведенныхъ о. Антониномъ. Reise, стр. 241, а описание развалинъ на стр. 110.

²⁾) Ср. Григоровичъ, Очеркъ, 116.

³⁾) Ethnographie... (vilayet de Monastir), pag. 1.

Изъ Приѣзда о. Антонина возвращается въ Битолю, откуда, чрезъ нѣсколько времени, отправляется въ „Старую Болгарію“ (?), то-есть, въ Охридъ.

На этомъ о. Антонинъ прерываетъ свой разказъ въ книгѣ „Поѣздка въ Румелію“.

Изъ подробнаго обзорнаго книги о. Антонина можно заключить, что саму важную, интересную, и вѣдѣтъ съ тѣмъ, саму содержащую часть ея составляютъ греческія, латинскія и славянскія надписи, которыхъ здѣсь помѣщено болѣе 56, и которыхъ почти всѣ, за весьма небольшими исключеніями, впервые скопированы имъ, и нужно сказать, очень удачно, затѣмъ — замѣтки, хотя довольно краткія и не совсѣмъ обстоятельныя, о славянскихъ рукописяхъ, видѣнныхъ авторомъ въ нѣкоторыхъ посѣщенныхъ имъ славянскихъ монастыряхъ въ Македоніи, расположенныхъ въ окрестностяхъ Битоли и Приѣзда. Почти о всемъ остальномъ упомянуто вскорѣ, мимоходомъ, кратко, на скорую руку или „на память“, не смотря на то, что авторъ не рѣдко впадаетъ въ совершенно ненужное многословіе. Встречемъ, и въ этихъ случайныхъ замѣткахъ можно встрѣтить не мало мѣсткій, интересныхъ и даже важныхъ замѣтокъ по археологіи, исторіи, географіи и этнографіи посѣщенныхъ авторомъ мѣстностей; здѣсь авторъ очень часто ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые, если самъ онъ не рѣшаеть, то заставляетъ другихъ рѣшать ихъ. Если взять во вниманіе время — какіе-нибудь 14 дней, — употребленное на путешествіе по Македоніи, то нужно признать, отдавая справедливость почтенному о. Антонину, что онъ работалъ очень усердно и сдѣлалъ все, чтобъ только могъ сдѣлать неутомимый труженикъ.

Не смотря на то, что почти всѣ надписи, приведенные о. Антониномъ, за очень небольшими исключеніями, до выхода въ свѣтъ „Поѣздки въ Румелію“, уже изданы были западно-европейскими и отчасти греческими учеными и неучеными путешественниками по Македоніи, тѣмъ не менѣе, между этими надписями встрѣчаются нѣсколько, совершенно неизвѣстными ученому миру и притомъ довольно важныя для исторіи. Кроме того, эти надписи, будучи собраны въ одну книгу и если не всегда удачно и вѣрно объяснены, за то довольно вѣрно въ большинствѣ случаевъ списаны и переведены, всегда съ приведеніемъ подлинника, составляютъ драгоценное приобрѣтеніе для русскихъ ученыхъ, занимающихся древнею, среднею и отчасти новою исторіей Македоніи и, пожалуй, нѣкоторыхъ отдалѣнныхъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Нельзя не благодарить поэтому Русское

Археологическое общество за изданіе книги о. Антонина и не выразить желанія, чтобы эта книга была началомъ цѣлаго ряда изданій предметомъ которыхъ будутъ археология славянскихъ земель.

При всемъ томъ, нельзя, однако, не поставить автору „Поѣздки въ Румелію“ въ укорь, что онъ, написавъ свою книгу вскорѣ послѣ 1865 г., держалъ ее въ рукописи до настоящаго времени и такимъ образомъ лишалъ ученый міръ возможности пользоваться собранными имъ почти 15 лѣтъ тому назадъ памятниками греко-римской древности и византійско-славянской старины Македоніи, и кромѣ того, далъ западно-европейскимъ ученымъ время предвосхитить, такъ сказать, отъ Русскихъ честь первого изданія этихъ памятниковъ. Но если даже не обращать особаго вниманія на это послѣднее обстоятельство, то все же авторъ, издавая свою книгу теперь, долженъ былъ сдѣлать указанія на существующаія уже изданія и объясненіе тѣхъ которыхъ изъ приведенныхъ у него надписей западно-европейскими и греческими учеными, а также и на имена послѣднихъ о историко-географическомъ значеніи того или другаго посѣщенаго имъ мѣста въ Македоніи. Безъ этого книга о. Антонина въ настоящемъ ея видѣ является нѣсколько запоздалою, и сверхъ того, этимъ затрудняется пользованіе ею, особенно въ дѣлѣ сравненія ея сообщеній съ тѣми же данными, но изданными у другихъ авторовъ, до выхода ея въ свѣтъ.

Въ заключеніе не могу не выразить еще разъ сожалѣнія, что ни авторъ, ни издатель или издатели „Поѣздки въ Румелію“ не обратили серьезнаго вниманія на излишество многословія, отвлекающаго, или точнѣ, парализующаго вниманіе читателя къ сущности дѣла и во многихъ случаяхъ затемняющаго смыслъ и значеніе излагаемаго, особенно для того, кто не очень знакомъ съ предметомъ послѣд资料. Не будь этого многословія, книга сократилась бы почти на половину, и при почти всегда совершенной и безукоризненной точности и правильности приводимыхъ авторомъ собственныхъ именъ и названий мѣстностей и ихъ краткихъ описаній, въ видѣ замѣтокъ, а также мѣткій, удачно скваченныхъ чертъ характера встрѣтившихся ему людей, могла бы служить удобнымъ и полезнымъ руководствомъ для будущихъ русскихъ и нерусскихъ путешественниковъ по посѣщеннымъ о. Антониномъ мѣстностямъ Македоніи.

ДОПОЛНЕНИЯ.

При печатании первой половины моей статьи (*Ж. М. Н. Пр.*, июнь) въ некоторыхъ мѣстахъ допущены были пропуски, которые считаю нужнымъ здесь дополнить:

Стр. 392, по окончаніи приглѣч 1 нужно прибавить: а также и очень интересныя замѣтки по этиографіи у *Heugey et Daumet* въ «Mission archéologique de Macédoine». Paris. 1864.

Стр. 401, къ 3-му примѣч.: Х. Даскаловъ на основаніи одной славянской воздвѣшшаго времени надгробной надписи, найденной имъ въ тѣрновской церкви 40 мучениковъ, полагаетъ, что тѣрновская великая лавра или церковь сорока мучениковъ «была обращена въ мечеть не тотчасъ послѣ завоеванія Турками Тѣрнова». «Открытия въ древней столице болгарской Тѣрновой» въ Чене. въ Обществѣ Исторіи и Древн. россійск., 1859, кн. 2, стр. 20; Ср. Иречка, Исторія Болгаръ. Изд. 2-е. Одесса. 1878, стр. 453—444, 450. Вт 1877 г., по взятіи Русскими Тѣрнова, мечеть обращена опять въ христіанскую церковь и посвящена болгарскому войску. Предположенія Даскаловъ нужно считать вѣрными; ибо въ повѣствованіи Владислава грамматика о перенесеніи мощей св. Иоанна Рыльскаго въ 1470 г., гдѣ сказано вѣсколько словъ о церквяхъ и святыняхъ Тѣрнова, объ обращеніи церквей въ мечети даже и не упоминается. См. Гласник, кн. V, св. XXII по старому счету), стр. 289, 291. Ор. іеромонаха Неофита Рыльца, «Описание Болгарскаго священнаго монастыря Рыльскаго. София 1879», стр. 34—35.

Стр. 407, къ словамъ: «Впрочемъ, имѣя въ виду количество этихъ предавий, нельзя не признать въ нихъ исторической основы, хотя, можетъ быть, и сильно искаженной» нужно сдѣлать слѣдующее примѣченіе: Ср. преданіе о взятіи Турками Дизъ-Даркійскаго монастыря, находившаго на горѣ, отдалающей съ востока городъ Правадію отъ села Дизъ-Даркій. По этому преданію, здѣсь укрѣпились разсѣянные жители ванной Турки Правадіи. «Длинный и широкій онрагъ, отдѣляющій сей монастырь отъ остальной части горы, защищенной, кроме того, непрѣступными утесами, уничтожалъ всѣ покушенія Турокъ овладѣть оною. Огражденные такимъ образомъ Византійцы (?) долго и мужественно отражали непрѣтателя; но наконецъ — стѣстные запсы ихъ втоцились. Томимые голодомъ, рѣшились они отрядить вѣсколько человѣкъ своихъ согражданъ въ городъ, для добычи продовольствія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ передался врагамъ и объяснилъ имъ крайность и покушенія своихъ соотечественниковъ. Воспользовавшись этой измѣнною, Турки поспѣшили наполнить хлѣбныя корзины осажденныхъ своими воинами и явьючи въ омы византійскихъ муловъ, привели съ помощью перметчиковъ въ монастырь Дизъ-Даркійский. Тамъ, съ наступленіемъ ночи, напали они врасплохъ на осажденныхъ и истребили всѣхъ до послѣдняго». Тесляковъ «Письма изъ Болгаріи». М. 1833, стр. 167 — 168. Ср. другое преданіе, сообщенное о. Антониномъ, по которому первые мусульманскіе соглядаты Румеліи, приставшіе къ Зебенику, захватили тамъ первого, попавшаго имъ, жителя и отвезли его въ Азію. Здѣсь Султанъ накормилъ, напоилъ его, одѣлъ въ дорогое платье и спросилъ, не знаетъ

и онь кого, кто провелъ бы вѣрно и бѣзопасно къ Каллиполю и мусульманскую дружину. Европеецъ, какъ и слѣдовало ожидать, предложилъ ласковому и щедрому Турукъ свои услуги». Поѣзда въ Румелию, стр. 38. Правадійские жители нѣсколько уже видозмѣнили первое предавіе, говоря, что между посвященными была и «дочь главнаго военачальника осажденныхъ», которая, бывъ «поражена красотой одного изъ невѣрныхъ, скрыла подъ брачными доспѣхами свои собственные прелести, и перерождена такими образомъ, отправилась въ городъ съ византійскими депутатами. Потомъ промѣнила она въ станъ оттоманскій, и открыла своему возлюбленному предирѣнію осажденныхъ, умоляла его воспользоваться случаемъ для побѣга въ монастырь Дазъ-Даркійскій. Обманувъ ложными клятвами свою легкомысленную любовницу, коварный Турокъ воспользовался ея тайвою. Предшествуемый злополучною красавицей, она помѣстить своихъ воиновъ въ хатѣмы королевы Византійцевъ, и съ наступлениемъ ночи со всѣхъ сторонъ ударилъ на осажденныхъ. Владѣвъ монастыремъ, Турки предали мечу и пламени все, что до тѣхъ поръ имъ противилось». У Теллакова «Письма изъ Болгаріи» стр. 169—170. Ясно, что эта редакція преданія позднѣйшая. Ср. хаджи *Калфу*, Bosna und Rumeli. Ueberge. von Hattig. Wien. 1812 §. 31. О развалинахъ этого монастыря см. у Теллакова, тамъ же, стр. 166—167. Не эти ли развалины разумѣтъ хаджи Калфа подъ «развалинами крѣпости времень невѣрныхъ»? Ib., стр. 32.

Стр. 417, въ примѣч. 6 между словами: «but-lagă (или băt-lagă — длинного размѣра бочки для водки)» и «и затѣмъ boutellus...» нужно вставить сѣдующее: βετία (въ греческой описи 6651 (1143 г.) имущества обитали Ксиалургу въ «Актахъ русского на святомъ Аeonіи монастыре св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Киевъ. 1873 г. я, стр. 56)—основы родъ кади. Сверху она дѣлается шире и къ концу идетъ уже, одинаково не дѣлаетъ изъ себя она конуса. Отверстіе съ сверху имѣетъ видъ овального и въ такомъ видѣ простирается до низу. И всегда кади эти имѣютъ видъ уединенный. (Теперь принято ихъ называть паравѣтия). Значительной величины бочки (например, вѣсомостью ведарь въ 100 и больше) назывались иногда βετία—терминъ, ветрѣющійся преимущественно въ бумагахъ XVII и XVIII вв. (Тамъ же примѣч. на стр. 63), или *Butte*. Въ томъ же примѣч. послѣ «*Cilac'a, Diction...*» нужно прибавить: и *Frigidesci, Dictionarul topografic si statistic al României. Bucuresti* 1872, pag. 82—73.

Стр. 418. Послѣ «Витома (название горы около Софія)» нужно прибавить: «и Витошевъ, и къ этому слѣдующее примѣч.: *Милићевъ, Кнежевина Србија. У Београду. 1876, стр. 776*, где не сказано мѣстности ли, горы, села или рѣки это название».

„ Послѣ «или *Bitočići* въ Прилѣпскомъ округѣ (казѣ) Битольскаго вѣласта» прибавить нужно: «и потому въ названіи караулы: *Витошица* на границѣ Ужицкаго округа въ Сербіи, и примѣч.: *Милићевъ, Кнежевина Србија. У Београду. 1876, стр. 724*».

„ Къ примѣч. 1 нужно прибавить: Ср. название горы *Битъ* въ грамотѣ Степана Уроша, данной монастырю св. Николая на островѣ Скадрскаго

сбора *Вранчиши*. *Јастребов*, Податци за историју српске цркве. Београд. 1879, стр. 218, 213—214. *Гласник*, X, св. XXV (по старому счету) стр. 156—167, 187, 189.

„Къ примѣч. 3 нужно прибавить: Ср. название села *Витачиша* (въ округѣ Зилхи въ Македонії, Текмоъ, Материалы для статистики..., стр. 237), собственные имена въ Болгарѣ: *Вито* и (женск.) *Вита*, *Витакъ* и *Витана* (у Л. Каравелова, Памятники народного быта Болгаръ. I, М. 1861, стр. 288. Ср. Fründesova, Dictionarul topografic și statistică alături de România. Bucureşti. 1872, pag. 256—257) въ сравненіи съ *Голубъ* (весьма рѣдко встречающеся въ Болгарѣ), *Галубъ* (у Сербовъ) и *Гулубъ* (Нильши — произвѣніе у Румыновъ). Ср. *Слатовитъ* и *Витъ* у северо-западныхъ Славянъ. Затѣмъ также ср. *Витоеница*, река,—притокъ р. Млавы, и монастырь; въ документах XIV в. **ВИТЕЛЬНИЦА** 8 **БРАНИЧЕВЪ** (*Гласник*, VII, св. XXVI (ст. сч.), стр. 264), а у сербскихъ Румыновъ — *Витомиша* (у Милићевића, ор. с., стр. 1022 и прим. 1); *Витаничи* (село въ Велесской епархіи въ Македонії. Материалы для изученія Болгарии. Ч. 3-я, в. V. Букурештъ, 1877, стр. 93) и др. *Вито* не нужно смѣшивать съ *Виты* и у румынск. *Витю* (*Vitiu*), уменьшительными отъ *Витора*, потому, что эти уменьшительные, впервыхъ, явились не давно, следовательно,—на востокѣ Европы они новые, и восторыхъ, ни у Болгаръ, ни у Румыновъ между употребляемыми народомъ собственными именами ихъ неѣть.

„Къ примѣч. 6 нужно прибавить: Ср. Черногорія — у Албанцевъ Малини (нал. (гора)+зи [черный], у *Јастребова*, Податци за историју српске цркве. Београд. 1879, стр. 208.

Стр. 419. После: «и такимъ образомъ вышло Толи-монастырь» нужно еще прибавить: (надъ Букче-Манастиръ и др.).

Стр. 422. После: «стру сўрбію» нужно еще прибавить: «(э)тъ "Артемічъ", а къ цѣлой надписи, къ которой относятся эти слова, нужно сдѣлать слѣдующее примѣч. «О. Автономъ въ транскрипціи пропускаетъ цѣлую 4-ю строку надписи. ICAPTEMIN, а между тѣмъ переводить пропущенное: «раскуну Артемидъ», читая, вѣроятно, іс(ѹ) "Артемічъ".

Стр. 426. По окончаніи примѣч. 4 нужно прибавить: Ср. *Актомина*, О древнѣхъ христіанскихъ надписяхъ въ Аеннахъ. С.-Пб. 1874, стр. 81—82, л. си. 21, № 9, и *Срезневскію*, Палеографическое наблюденіе по памятникамъ греческаго письма. 1876, стр. 37—38, примѣч. 1 (на стр. 38).

Стр. 428. Ви. «св. Иоанна Римскаго» нужно: «св. Иоанна Рымского» и въ примѣч. 1 (строка 4-я) ви. «спект. I», слѣдуетъ читать: «спект. part. duae. I.».

III. Сырму.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

I.

Правильная организація нашихъ начальныхъ школъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ,—дѣло послѣднаго времени и принадлежитъ всесф'юро министерству народного просвѣщенія. Если не брать въ расчетъ преобразованныхъ изъ уѣздныхъ городскихъ училищъ, представляющихъ высшія изъ начальныхъ школъ и по своему курсу въ общихъ предметахъ равняющихся учительскимъ семинаріямъ, то лучшими изъ низшихъ училищъ безспорно остаются сельскія министерскія одноклассныя и двухклассныя. Пора убѣдиться, что дѣло не только въ числѣ школъ, но и въ правильной организаціи ихъ учебной части. Въ то время, какъ училища, гдѣ обученіе ведется неудовлетворительно, посѣщаются неохотно и немногими изъ дѣтей, лучшія изъ начальныхъ школъ на столько переполнены учащимися, что часто нельзя бываетъ принять всѣхъ желающихъ безъ ущерба гигієническимъ или педагогическимъ условіямъ. Эту потребность населенія въ правильно поставленныхъ начальныхъ школахъ министерство народного просвѣщенія предугадало еще въ 1869 году, внеся въ государственный совѣтъ проектъ объ учрежденіи двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ на средства казны, съ пособіемъ отъ сельскихъ обществъ, земскихъ учрежденій и частныхъ лицъ. Къ 1878 году состояло ихъ уже 878. Если принять во вниманіе, что для открытія училищъ этого типа требовались зна-

чительныя жертвы и со стороны крестьянскихъ, и со стороны земельныхъ учрежденій, то уже одна цифра ихъ краснорѣчиво говорить о возрастающемъ довѣріи къ нимъ населенія. Еще болѣе убѣждаемся мы въ сочувствіи общества къ министерскимъ сельскимъ училищамъ, сравнивая число учащихся съ среднимъ числомъ учениковъ во всѣхъ начальныхъ народныхъ школахъ. Извѣстно, что въ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народного просвѣщенія за 1877 годъ видимъ, что на каждое двухклассное министерское училище среднимъ числомъ приходилось 85 учащихся, не смотря на то, что во многихъ училищахъ по тѣснотѣ помѣщенія или по другимъ причинамъ приходилось многимъ отказывать въ приемѣ дѣтей. Въ то же время на каждое начальное училище (считая школы всѣхъ наименованій) приходилось среднимъ числомъ 43 ученика. Такое быстрое возрастаніе, какъ самихъ министерскихъ училищъ, такъ и учащихся въ нихъ, можетъ быть объяснено только ихъ правильной организацией; курсъ этихъ училищъ не чета курсу обыкновенныхъ сельскихъ школъ, существующихъ на основаніи положенія 1874 года. Двухклассные училища даютъ учащимся почти столько же свѣдѣній, а по нѣкоторымъ предметамъ даже болѣе, чѣмъ давали, напримѣръ, преобразуемыя теперь уѣздныя училища, и при томъ въ системѣ несравненно лучшей, чѣмъ то было въ уѣздныхъ училищахъ. Ихъ цѣль не простая грамотность и сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній, а нравственное и умственное развитіе дѣтей, и цѣль эта не забыта ни въ подробностяхъ программы, ни даже въ распределеніи числа еженедѣльныхъ уроковъ по отдѣленіямъ и предметамъ преподаванія. Учителя ихъ получаютъ достаточное содержаніе (330 р. въ годъ). Большинство министерскихъ училищъ снабжено въ достаточномъ количествѣ книгами и учебными пособіями. Они часто осматриваются инспекторами народныхъ училищъ, помогающими учителямъ советами и указаніями.

Воспитательная цѣль, положенная въ основѣ министерскихъ программъ, такъ строго проведена и въ распределеніи уроковъ, что уклоненія отъ какихъ-либо подробностей инструкціи и измѣненія въ числѣ уроковъ по классамъ и отдѣленіямъ неизбѣжно должны, какъ это мы сейчасъ увидимъ, вести къ ущербу въ отношеніи воспитательнаго значенія учебныхъ занятій.

На сколько не цѣлесообразны бываютъ уклоненія отъ инструкціи, это мы разсмотримъ на расписаніи уроковъ, рекомендуемомъ г. Барановскимъ для начальныхъ училищъ, состоящихъ при учительскихъ

семинаріяхъ¹). Мы останавливаемся на его распределеніи, потому что считаемъ г. Барапова болѣе другихъ потрудившимся надъ занимющимъ его вопросомъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ преподаванія въ начальной школѣ—это законъ Божій, и правильная постановка преподаванія его въ министерскихъ училищахъ тѣмъ важнѣе, что цѣль преподаванія здѣсь не одно сообщеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній, а „воспитаніе дѣтей въ христіанской благочестивой жизни по закону православной церкви“.

Очевидно, что если живое слово преподавателя и его непосредственное воздействиe на учениковъ есть вообще *conditio sine qua non* обученія, то въ преподаваніи закона Божія, имѣющемъ въ виду прежде всего воспитательная цѣль, живое слово законоучителя является почти единственнымъ средствомъ къ достижению этихъ цѣлей. Не самостоятельныхъ работъ, не заучиванія отмѣченныхъ преподавателемъ въ книжкѣ молитвъ и разказовъ требуетъ инструкція, а живой прочувствованной бесѣды законоучителя-пастыря съ дѣтьми въ классѣ. Можно, пожалуй, спорить (да и то едва ли) противъ мнѣнія, что заучивание молитвъ дома по книжкѣ, повтореніе на дому разказовъ по учебнику ослабляетъ чувствованія, въ которыхъ здѣсь вся сила. Можно, пожалуй, отстаивать право законоучителя относить повтореніе усвоенного изъ классныхъ бесѣдъ къ самостоятельнымъ работамъ. Но говорить серьезно, что ученики на урокахъ закона Божія должны быть заняты самостоятельными работами, въ чёмъ бы эти послѣднія ни состояли, нельзя. Иначе—какое же нравственно-воспитательное значеніе имѣло бы такое преподаваніе, какое это было бы воздействиe на сердце ребенка? Нѣть; нужно, чтобы уроки закона Божія были бесѣдами пастыря съ дѣтьми; нужно, чтобы законоучитель обращался ко всѣмъ ученикамъ, и всѣ его слушали; нужно, чтобы лѣти не дѣлились на два, на три отдѣленія, занятыя самостоятельными работами, а законоучитель не былъ бы простымъ надзирателемъ въ ихъ самостоятельныхъ работахъ.

Инструкція для сельскихъ министерскихъ училищъ имѣла это въ виду, и слѣдуя ей, приходится распредѣлять учебныя занятія такимъ

¹) Журн. Мин. Нар. Пр., 1878 года № 12 и брошюра г. Барапова «Подробный планъ въ начальной народной школѣ съ указаніемъ самостоятельныхъ работъ». 1871. Тверь.

образомъ, чтобы ученики на урокахъ закона Божія все время находились подъ прямымъ и непосредственнымъ воздействиемъ на нихъ преподавателя. Слѣдя ей, законоучитель занимается съ однимъ только отдѣленіемъ. Вотъ еженедѣльное число уроковъ закона Божія въ классныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія:

Первый классъ.

1-й годъ	2-й годъ	3-й годъ
6 уроковъ	6 уроковъ	4 урока

Второй классъ.

4-й годъ	5-й годъ
4 урока	3 урока

Такое распределеніе уроковъ предполагаетъ не общепринятую систему, когда законоучитель одновременно занимается съ двумя-тремя группами, давая одной или двумъ изъ нихъ самостоятельную работу, а такую, когда онъ занимается съ одною частью класса въ то время, какъ законоучитель занимается съ другою; потому что въ противномъ случаѣ уроковъ въ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіяхъ было бы столько въ каждомъ, сколько ихъ въ третьемъ отдѣленіи 1-го класса, а уроковъ въ младшемъ отдѣленіи 2-го класса было бы столько, сколько ихъ въ старшемъ отдѣленіи, чѣмъ въ школахъ съ общепринятою системой распределенія уроковъ всегда таѣ и бываетъ. Только при такомъ распределеніи уроковъ преподаваніе закона Божія становится бесѣдою, ведущею дѣтей къ благочестивой жизни, могучимъ, нравственно-воспитательнымъ средствомъ. Къ сожалѣнію, многія изъ нашихъ сельскихъ училищъ, сроднившіяся съ давно принятой системой, по недоразумѣнію или по чому-либо другому не сразу выступили на новый плодотворный путь, указанный инструкціей. За то училища, при распределеніи уроковъ руководившіяся ею, дорожатъ выгодами такого распределенія.

Въ статьѣ г. Барапова „Устройство учебной части въ начальныхъ училищахъ“ авторъ почему-то полагаетъ, что „указанное въ инструкціи число уроковъ по каждому предмету возможно только въ томъ случаѣ, когда каждое (?) отдѣленіе помѣщается въ особомъ помѣщеніи и имѣть отдельнаго учителя (?); дѣйствительное же число уроковъ учителя и законоучителя будетъ 20 въ недѣлю (?), или 6—въ младшемъ, 7—въ среднемъ и 7—въ старшемъ отдѣленіяхъ“.

Намъ трудно было понять сначала, какимъ образомъ г. Бараповъ могъ истолковать такимъ образомъ требованія инструкціи, какъ

могъ онъ свести число уроковъ, назначенныхъ инструкціей, до такихъ ничтожныхъ размѣровъ. Внимательнѣе просматривая статью г. Баранова, мы нашли, что его расчетъ былъ слѣдующій. Онъ по-чemu-то исключилъ изъ числа назначенныхъ 24 уроковъ 4 урока черченія въ старшемъ отдѣленіи, хотя въ расписаніи, имъ самимъ составленномъ, черченіе имѣть мѣсто. Оставшіеся 20 уроковъ онъ распредѣляетъ между законоучителемъ и учителемъ такимъ образомъ, что оба они занимаются въ разное время и всегда съ тремя отдѣленіями каждый. Результатъ ясенъ: вмѣсто 40 уроковъ съ преподавателями, вычитанныхъ нами, мы имѣемъ только 20, да и значеніе этой послѣдней цифры умаляется болѣе чѣмъ на половину, если принять во вниманіе, что урокъ одного учителя съ тремя отдѣленіями, при равныхъ другихъ условіяхъ, никогда не можетъ дать того, что дастъ урокъ съ однимъ и даже двумя отдѣленіями. Самъ г. Барановъ, когда расчетъ, имъ принятый, приведетъ его къ заключенію, что „изъ всего учебного времени на занятія съ каждымъ отдѣленіемъ учитель можетъ удѣлить только третью часть, или другими словами, въ теченіе трехъ лѣтъ обучения въ школѣ ученики занимаются непосредственно съ учителемъ только одинъ годъ“, — удивляется и восклицаетъ: „Выводъ, по истинѣ, поразительный!“ Говоря о занятіяхъ учителя съ тремя отдѣленіями учениковъ, отличающихся, какъ по познаніямъ, такъ и по развитію, онъ вынужденъ прибавить: „Это обстоятельство въ высшей степени усложняетъ учебное дѣло; существуетъ даже мнѣніе, что занятія одного учителя съ несколькими группами суть не болѣе, какъ фокусъ, доступный немногимъ учителямъ...“

Насчитавъ въ одноклассной министерской школѣ уроковъ съ преподавателями въ каждомъ отдѣленіи отъ 6 до 7 въ недѣлю, онъ говоритъ: „Такого числа уроковъ недостаточно на занятія съ учителемъ даже въ народныхъ школахъ“. Но вмѣсто того, чтобы исправить дѣло лучшимъ распределеніемъ уроковъ, онъ значительно увеличиваетъ общее число учебныхъ часовъ въ недѣлю и уменьшаетъ число уроковъ закона Божія вчетверо противъ требованій инструкціи. Основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, онъ находить возможнымъ и вполнѣ достаточнымъ назначить въ начальномъ училищѣ при семинарии—для младшаго отдѣленія 18 уроковъ въ недѣлю въ первое полугодіе и 24 урока во второе, для учениковъ среднаго отдѣленія 28 уроковъ, и для учениковъ старшаго отдѣленія 30 уроковъ въ недѣлю. Изъ этого общаго числа на законъ Божій онъ отдаляетъ

только 4 урока въ недѣлю на всѣ три группы начальной школы, а на каждую по $1\frac{1}{3}$ часа въ недѣлю. Изъ этой ничтожной цифры въ дѣйствительности придется сдѣлать вычетъ на раздачу самостоятельныхъ работъ во время урока и на руководство ими, такъ какъ законоучитель занимается одновременно съ тремя отдѣленіями. Сколько же времени останется на дѣйствительныя занятія законоучителя съ каждымъ отдѣленіемъ, да и останется ли что-нибудь, и чѣмъ можетъ быть сдѣлано при этомъ? Кромѣ того, чѣмъ занимаются ученики младшаго отдѣленія, когда законоучитель занимается съ среднимъ или старшимъ отдѣленіемъ? Можетъ ли здѣсь быть рѣчь о достижениіи цѣлей, поставленныхъ инструкціей относительно преподаванія закона Божія?

Жаль, что г. Бараповъ не указалъ, на какомъ основаніи онъ считаетъ возможнымъ столь значительно уменьшить число уроковъ въ начальной школѣ по закону Божію. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ въ начальномъ обученіи, а во всѣхъ правильно поставленныхъ школахъ принято сосредоточивать наибольшее число уроковъ на главныхъ предметахъ преподаванія. Цѣль, съ какою г. Бараповъ замѣняетъ узаконенное распределеніе уроковъ по отдѣленіямъ и предметамъ преподаванія, цѣль, состоящая въ томъ, чтобы увеличить число уроковъ съ преподавателями, также не можетъ оправдать уменьшенія уроковъ по закону Божію, потому что было бы въ высшей степени странно уменьшать число уроковъ по одному изъ важнейшихъ предметовъ съ цѣлью увеличенія общаго числа уроковъ. Да и достигнута ли эта цѣль? Еслибы г. Бараповъ оставилъ нетронутымъ общее число уроковъ, назначенныхъ инструкціей, а не заставилъ 7—8-лѣтнихъ дѣтей сидѣть на скамье 82 урока въ недѣлю вместо назначенныхъ 60, то на занятія съ преподавателями онъ имѣлъ бы, по его собственнымъ словамъ, всего 20 часовъ въ недѣлю. Въ начальномъ училищѣ при семинаріи, то-есть, образцовымъ для другихъ училищъ, конечно, преподаются и пѣніе, и гимнастика, и вѣроисповѣдь, ремесла; прибавьте все это—и девятилѣтній ученикъ старшаго отдѣленія начального училища будетъ сидѣть въ школѣ 7 часовъ въ день или 42 часа въ недѣлю, то-есть, гораздо болѣе, чѣмъ восемнадцатилѣтній ученикъ VII класса гимназіи при несравненно лучшыхъ гигієническихъ условіяхъ. Такою дорогою цѣной г. Бараповъ достигаетъ увеличенія уроковъ съ преподавателемъ до 30 въ недѣлю, по необходимости, впрочемъ, имъ самимъ созданной, относя 'остальные часы во всѣхъ отдѣленіяхъ на самостоятельныя

работы. Сопоставляя эту цифру съ распределениемъ, приведеннымъ нами выше и отвѣчающимъ требованіямъ инструкціи, невольно приходишь въ недоумѣніе, какимъ образомъ г. Барановъ, стремясь увеличить число уроковъ съ учителемъ, заставляя съ этой цѣллю сидѣть учениковъ въ школѣ ежедневно до 7 часовъ и уменьшая ради той же цѣли число уроковъ по закону Божію до величины, теряющей въ дѣлѣ преподаванія съ тремя группами всякое значеніе,—приходить къ результату, совершенно обратному тому, къ какому хотѣлъ пріѣдти.

Тщетно искали бы мы въ статьѣ и брошюрѣ г. Баранова какихъ-либо уважительныхъ основаній къ тому, чтобы отвергать распределеніе уроковъ, предлагаемое инструкціей. Вотъ все, что мы нашли: „Указанное въ инструкціи число уроковъ по каждому предмету возможно только въ томъ случаѣ, когда каждое отдѣленіе помѣщается въ особомъ классѣ и имѣть отдельнаго учителя“.

Мы видѣли уже, что нѣтъ крайней необходимости имѣть для каждого отдѣленія особаго учителя; и при тѣхъ преподавательскихъ силахъ, какія есть въ каждомъ одноклассномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, то-есть, при учителѣ и законоучителѣ, расписаніе уроковъ можетъ быть составлено такъ, что безъ всякаго увеличенія классныхъ ежедневныхъ занятій получится такое количество уроковъ съ учителемъ (40 уроковъ), какое самъ г. Барановъ считаетъ, „основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, вполнѣ достаточнымъ“ не только для того, чтобы ученики усвоили курсъ одноклассныхъ училищъ, но и для того, чтобы сообщить имъ свѣдѣнія, отнесенные инструкціей ко 2-му классу.

Что касается помѣщенія, то вовсе нѣтъ необходимости, чтобы въ каждомъ двухклассномъ училищѣ было 5 классныхъ комнатъ, а въ каждомъ одноклассномъ три, какъ это полагаетъ г. Барановъ. Сверхъ двухъ комнатъ въ двухклассномъ училищѣ и одной въ одноклассномъ, въ каждомъ изъ нихъ нужна только одна комната для учениковъ, съ которыми законоучитель занимается въ то время, какъ остальные ученики заняты съ учителемъ. Такъ какъ законоучитель всегда занимается съ однимъ отдѣленіемъ, то комната, о которой идетъ рѣчь, можетъ быть очень небольшая, и если такой нѣтъ при каждомъ училищѣ, то ее не трудно пристроить; лишь бы только не отвергали разъ установленныхъ требованій на какихъ-то никаку непонятныхъ соображеніяхъ, лишь бы только не узаконили такой организаціи учебной части въ начальномъ учи-

лицѣ, при которой закону Божію по числу уроковъ, назначенныхъ на его преподаваніе, отводится мѣсто второстепенного не стоящаго вниманія предмета, ученики сидятъ на скамьѣ до 7 часовъ въ день, а число уроковъ съ преподавателями представляетъ все-таки скромную цифру. Въ извѣстныхъ мнѣ училищахъ, где введено выше-приведенное распределеніе уроковъ, при преподаваніи закона Божія одно отдѣленіе переходитъ или въ особо устроенную комнату, или же въ комнату, назначенную для ремесленныхъ занатій.

Самъ г. Барановъ въ другой статьѣ своей „Городскія училища“, требуя такой же организаціи всѣхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ, какая допускается положеніемъ только въ трехклассныхъ, говоритъ, что если можетъ встрѣтиться къ тому препятствіе, со-стоящее въ недостаткѣ классныхъ помѣщеній, то ею „не трудно устра-нить заразѣ при открытии каждого училища“.

Возможно еще одно возраженіе противъ защищаемаго нами рас-пределенія уроковъ въ министерскихъ училищахъ. Число уроковъ учителя возрастаетъ до 24 въ недѣлю, а число уроковъ законоучи-теля до 16; но, впервыхъ, по справедливому замѣчанію г. Бара-нова, „во всякой общественной дѣятельности, а тѣмъ болѣе въ дѣя-тельности учебно-воспитательной, личныи удобства и интересы должно ставить на второмъ планѣ“; ввторыхъ, вездѣ въ извѣстныхъ намъ училищахъ и учителя, и законоучители окотно берутъ это число уро-ковъ, лишь бы не заниматься со всѣми тремя отдѣленіями разомъ, лишь бы, благодаря значительному числу уроковъ съ учителями, пре-подаваніе шло успѣшно, лишь бы ученики возможно большее время пользовались непосредственнымъ воздействиемъ преподавателя.

II.

Правильно поставленныи народныи школы поступаютъ вполнѣ рационально, когда къ утреннимъ занятіямъ относятъ сообщеніе уче-никамъ новыхъ свѣдѣній, требующихъ болѣе напряженного вниманія, а къ послѣобѣденнымъ — повтореніе уже пройденаго.

Въ нашей педагогической литературѣ нерѣдко встрѣчаются однако требования, противорѣчащія этому правилу. Такъ, г. Барановъ назна-чаетъ для начальныхъ училищъ, какъ мы видѣли, до 30 уроковъ въ недѣлю, не считая пѣнія, ремесль и гимнастики, а въ статьѣ „Го-

родскія училища¹⁾ для послѣдніхъ онъ назначаетъ въ разныхъ отдаленіяхъ, начиная со втораго года обученія, отъ 24 до 30 часовъ въ недѣлю, также не считая пѣнія, гимнастики, ремесль и дополнительныхъ предметовъ. Если припомнить, что какъ въ начальные училища, такъ и въ городскія, поступаютъ дѣти отъ 7-ми-лѣтняго возраста, то несообразность этого будетъ очевидною. Да и не одинъ г. Барановъ настаиваетъ на увеличеніи учебныхъ часовъ въ нашихъ начальныхъ училищахъ. Баронъ Корфъ доходитъ до того въ этомъ направленіи, что требуетъ шести-часовыхъ ежедневныхъ занятій отъ начинающихъ учиться дѣтей, не считая времени, назначенаго на обученіе пѣнію и не упоминая о занятіяхъ гимнастикой. Впрочемъ, баронъ Корфъ къ утреннимъ занятіямъ относитъ только 4 часа въ день, назначая на обѣдъ и отдыхъ достаточное, по нашему мнѣнію, время отъ 12 до 2 часовъ, послѣ чего дѣти снова собираются въ школу на два часовыхъ урока. Не смотря на такую значительную продолжительность ежедневныхъ занятій, они менѣе утомляютъ ребенка, чѣмъ бѣти-часовая ежедневная дообѣденная занятія. Но баронъ Корфъ не дѣлаетъ никакой разницы между начинающими учиться и учащимися третій учебный годъ.

Г. Барановъ часто ссылается на „Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“ Ушинскаго. Для него привести слова Ушинскаго нерѣдко значить доказать свою мысль. Покойный педагогъ въ томъ же руководствѣ говоритъ слѣдующее: „Я убѣжденъ²⁾, что усовершенствованіе педагогическихъ пріемовъ приведетъ еще къ большему умѣнью пользоваться временемъ, и что даже то число часовъ, которое назначаются теперь въ лучшихъ школахъ для первоначальнаго обученія (позже мы увидимъ, сколько учебныхъ часовъ, по мнѣнію Ушинскаго, можетъ быть назначено въ хорошей школѣ) со временемъ покажется слишкомъ большимъ“. Въ этихъ словахъ, по нашему мнѣнію, заключается приговоръ системамъ и г. Баранова, и барона Корфа. Не мѣшаетъ запомнить гг. педагогамъ, что существеннымъ признакомъ правильно устроенной школы служитъ расчетливое распоряженіе временемъ.

Сколько же времени ученики разнаго возраста должны удѣлять ежедневно на учебныя занятія въ школѣ? Обращаясь къ указаніямъ на этотъ счетъ нашей педагогической литературы и практики, при-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1879 г. № 11.

²⁾ Руководство къ преподаванію по „Родному Слову“, стр. 16.

помнимъ слова Ушинского: „Что касается до продолжительности урока, то на первое время довольно будетъ часа по утру и получаса послѣ обѣда. На слѣдующій годъ можно будетъ прибавить по получасу—полтора часа утромъ и часъ послѣ обѣда; далѣе—два часа утромъ и по крайней мѣрѣ до 9 лѣтъ не идти выше 3 часовъ ежедневныхъ занятій. Сначала черезъ каждые полчаса, а потомъ черезъ часъ давайте полный отдыхъ ребенку—пусть онъ немного побѣгаетъ, порѣвѣвится и привыкнетъ принуждать себя переходить отъ игры къ дѣлу“. Марсель говорить: „Уроки должны прекращаться прежде, чѣмъ ребенокъ выкажетъ какой-либо признакъ утомленія“.

Інструкція для сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія назначаетъ въ младшемъ и среднемъ отдѣлениі 1-го класса, гдѣ учатся дѣти отъ 7-лѣтнаго возраста, 18 часовыхъ уроковъ въ недѣлю или 3 урока въ день, въ старшемъ отдѣлениі—24 урока, а во 2-мъ классѣ—26 уроковъ въ недѣлю.

Положеніе о городскихъ училищахъ назначаетъ для 1-го класса, въ которомъ учатся дѣти отъ 7-лѣтнаго возраста, 18 уроковъ въ недѣлю, а для высшихъ классовъ—по 24 урока въ недѣлю, не считая пѣнія и гимнастики.

Такимъ образомъ и установленія нашего министерства народнаго просвѣщенія, и мнѣніе одного изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ Ушинского, глубоко знаящаго природу дѣтей, все убѣждаетъ насъ, что 7-ми—9-ти-лѣтнаго ребенка нельзя безъ вреда для него заставлять учиться въ школѣ до обѣда болѣе 3 часовъ въ день, а учениковъ старшихъ классовъ низшихъ училищъ—болѣе 26-ти часовъ въ недѣлю.

Кто стоитъ близко къ народной школѣ, кому дорого здоровье и будущность дѣтей, кто видѣлъ 7—8-ми лѣтнаго ребенка послѣ трехчасовыхъ правильныхъ занятій въ училищѣ, всегда значительно утомляющихъ молодыя силы, тотъ знаетъ, что вышеупомянутыя цифры представляютъ максимум уроковъ въ народной школѣ до обѣда. Однажды надорванные силы въ громадномъ большинствѣ случаевъ остаются надорванными на всю жизнь. Не поправимый вредъ принесетъ ребенку та школа, которая послѣдуетъ совѣтамъ людей, требующихъ—противно утвержденнымъ положеніямъ и указаніямъ лучшихъ педагоговъ—усилевія до обѣденныхъ занятій въ народной школѣ до шести часовъ въ день.

Одинъ изъ вопросовъ, которые мы предположили здѣсь разсмотрѣть, состоитъ въ томъ, сколько времени можетъ продолжаться безъ

перерывовъ самостоятельная работа учениковъ начальной школы, и часто ли сбѣдуетъ прибѣгать къ перемѣнѣ однихъ занятій другими.

Можно признать бесспорнымъ то мнѣніе, что ребенокъ, хотя и очень любить дѣятельность, и почти всегда, когда свѣжъ и здоровъ, сильно желаетъ быть занятымъ чѣмъ-нибудь, но не можетъ подолгу удерживать вниманіе на одномъ предметѣ и потому любить разнообразіе въ занятіяхъ. Это явленіе, очевидно, происходитъ отъ недостаточнаго развитія вниманія. Задача школы развить эту способность упражненіемъ, при чѣмъ переходъ отъ легкаго къ трудному обязательнѣй болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. „Для 8-ми или 9-ти-лѣтнаго ребенка“, говоритъ въ своей педагогической антропологии Ушинскій¹⁾,—„почти не возможно вынести десятиминутнаго направленія вниманія на одинъ и тотъ же предметъ; но постепенная привычка можетъ, расширить этотъ короткій промежутокъ времени до нѣсколькоихъ часовъ“.

Стонѣть посмотрѣть, какъ хороший, опытный учитель даетъ урокъ дѣтамъ, недавно начавшимъ посѣщать школу. Въ одинъ и тотъ же часъ онъ и познакомить ихъ съ новымъ звукомъ, и повторить старые, заставить разложить на звуки нѣсколько новыхъ словъ, показать новый элементъ буквы и предложить написать его въ сочетаніи съ элементами, усвоенными раньше; онъ дѣлаетъ все, чтобы не утомить начинающаго ученика какимъ-нибудь однороднымъ продолжительнымъ занятіемъ, переходя отъ одного упражненія къ другому, поддерживая веселое и доброе настроеніе класса.

Къ сожалѣнію, во многихъ начальныхъ училищахъ забывается требованіе, о которомъ идеть рѣчь. Уроки нерѣдко распредѣляются такимъ образомъ, что каждая самостоятельная работа въ младшемъ отдѣленіи, состоящемъ изъ новичковъ, продолжается столько же, сколько и въ старшемъ отдѣленіи: и тѣ, и другие сидѣтъ за каждой работой по цѣлому часу безъ перерывовъ. Баронъ Корфъ въ своей книжѣ „Русская начальная школа“ прилагаетъ нѣсколько расписаний учебныхъ занятій и всѣ они имѣютъ въ виду такую постановку самостоятельныхъ упражненій, что одна и та же работа продолжается цѣлый часъ, въ теченіе котораго учитель занимается съ другимъ отдѣленіемъ. Г. Бараповъ, сравнивая способы занятій съ тремя отдѣленіями, отдаетъ преимущество тому изъ нихъ, когда „учитель, давъ самостоятельный работы двумъ отдѣленіямъ, занимается весь урокъ съ остальнымъ отдѣленіемъ и только въ концѣ урока удѣ-

¹⁾ Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Часть I, стр. 22.

ляетъ нѣсколько времени на проверку исполненныхъ работъ". Онъ полагаетъ, что при этомъ способѣ самостоятельная работы, задаваемая на большее время, могутъ быть серьезнѣе и принесутъ пользу. „Наконецъ", прибавляетъ онъ, — „учитель здѣсь (при продолжительности самостоятельныхъ работъ до часа) легко можетъ распределить самостоятельныя работы по предметамъ обучения и внести ихъ въ роспись классныхъ занятій, а это послужитъ къ установлению нѣкоторой системы и последовательности въ классныхъ занятіяхъ". Но всѣ эти доводы нельзя признать убѣдительными.

Если нѣть оснований настаивать на томъ, чтобы часовой урокъ съ учителемъ былъ посвященъ не одному предмету, то это потому только, что учитель имѣеть полную возможность разнообразить занятія и тѣмъ не дать утомиться даже ученикамъ младшихъ классовъ. На урокѣ чистописанія, напримѣръ, ученики сначала смотрятъ, какъ пишетъ учитель на классной доскѣ, и слушаютъ его объясненія, а затѣмъ сами упражняются въ чистописаніи. На урокѣ ариѳметики учитель при участіи учениковъ выводитъ то или другое правило, задаетъ задачи, наконецъ можетъ заставить учениковъ самихъ придумывать задачи и примѣры, къ усвоенному правилу относящіеся. Въ преподаваніи исторіи ученики слушаютъ разказъ, сами передаютъ его содержаніе, дѣлаютъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, сближенія только что усвоенного события съ другими, прежде пройденными. Во всѣхъ приведенныхъ нами здѣсь случаяхъ разнообразіе между отдѣльными частями урока таѣтъ велико, и когда нужно, такъ легко можетъ быть увеличено еще больше, что вопросъ объ утомлѣніи на урокахъ съ учителемъ сводится только къ способностямъ преподавателя. Совсѣмъ другое дѣло — самостоятельная работа, обнимающая одну тему. Немного такихъ работъ, которая, продолжаясь цѣлый часъ, не утомили бы начинающаго ученика. Весьма возможно также, что учениковъ, обучающихся третій годъ, не утомить часть вниманія, направленного на одинъ предметъ, если школа въ первые два года обучения успѣла развить въ нихъ способность вниманія, и если работа, имъ данная, сама по себѣ достаточно разнообразна; но нѣть никакого сомнѣнія въ томъ, что самостоятельная работа въ младшемъ отදленіи не должна продолжаться болѣе получаса, а въ теченіе первыхъ недѣль обученія даже такая продолжительность работы должна быть признана утомительной.

Еще рѣзче бросается въ глаза неправильная постановка самостоятельныхъ работъ въ большинствѣ нашихъ начальныхъ школъ, если

мы обратимъ внимание на то, какъ это работы. Г. Барановъ совершенно справедливо утверждаетъ, что въ большинствѣ народныхъ школъ всѣ самостоятельные работы сводятся къ двумъ, а именно: механическому списыванію съ книги и рѣшенію задачъ. Немалая заслуга г. Баранова состоять, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ первый, сколько намъ известно, сдѣлалъ попытку привести всѣ самостоятельные работы въ систему. При всемъ томъ планъ самостоятельныхъ работъ, предложенный г. Барановымъ, оставляетъ желать еще многаго. По его плану ученики, только что начинаящіе учиться, самостоятельно занимаются черченіемъ прямыхъ линій. Этой работѣ ученики младшаго отдѣленія въ первую недѣлю посвящаютъ четыре урока, при чёмъ упражненіе продолжается безъ перерывовъ цѣлый часъ. Едва ли мы впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что трудно встрѣтить и взрослого человѣка, который не получилъ бы отвращенія къ занятію, еслибы оно состояло въ томъ, чтобы въ продолженіе часа, сидя въ одной неподвижной позѣ, выводить правою рукой однѣ и тѣ же прямые линіи. Одеревенѣть рука, опустить голова, возьметъ скуча. Это относительно взрослого. Что же сказать, когда подобные эксперименты прилагаются къ семилѣтнимъ дѣтямъ въ первые дни посвященія школы?

Кромѣ черченія прямыхъ, въ планѣ г. Баранова въ первую недѣлю обученія встрѣчаючи очертаія простѣйшихъ предметовъ (4 урока). Для слѣдующихъ недѣль г. Барановъ предлагаетъ новые самостоятельные работы, какъ то: письмо буквъ, по мѣрѣ ихъ изученія, зачеркиваніе заученныхъ буквъ на лоскуткахъ газетъ, письмо элементовъ буквъ, разложеніе изученныхъ чиселъ при помощи крестиковъ и черточекъ. Не трудно видѣть, что не слѣдуетъ ни одно изъ подобныхъ упражненій продолжать въ теченіе часа. Возьмите любого начинаящаго ученика, заставьте его дѣлать одну изъ работъ, рекомендуемыхъ г. Барановымъ, и вы убѣдитесь, что чрезъ полчаса ребенокъ будетъ утомленъ. Минутный отдыхъ во время урока, какой рекомендуется баронъ Корфъ, мало принесетъ пользы при условіи продолженія одной и той же работы.

Полчаса, посвящаемые работѣ въ младшемъ отдѣленіи, не мѣшаютъ ей быть серьезною и производительною, потому что серьезность и производительность ея зависятъ отъ иныхъ условій. Полчасовые работы также, какъ и часовныя, могутъ быть заносимы въ распределенія классныхъ занятій и могутъ быть ведены въ неменѣе строгой послѣдовательности.

Что касается до учениковъ старшаго отдѣленія, то для нихъ не утомительна и часовая работа; но и здѣсь необходимо распредѣлять дневныя занятія такимъ образомъ, чтобы сама смысна ихъ служила отдыкомъ.

Еслибы предметы преподаванія на какой-либо день недѣли были расположены, напримѣръ, такимъ образомъ, что за чтеніемъ слѣдовала бы ариѳметика, потомъ гимнастика, далѣе законъ Божій, и наконецъ, чистописаніе, то степень утомленія была бы гораздо менѣе, чѣмъ еслибы за диктантомъ, напримѣръ, слѣдовало чистописаніе, а далѣе черченіе и снова чистописаніе; результаты уроковъ, количество приобрѣтенныхъ свѣдѣній и навыковъ были бы при различныхъ системахъ распредѣленія уроковъ различны. Дѣло въ томъ, что въ числѣ предметовъ курса начальной школы нѣтъ ни одного, который требовалъ бы напряженія всѣхъ способностей ученика: предметы эти различны, какъ по содержанію, такъ и по тому, развитію какихъ способностей они служить. Второй изъ приведенныхъ нами случаевъ распредѣленія уроковъ требуетъ упражненія ограниченного круга способностей, и такъ какъ разнообразіе въ предметахъ, слѣдующихъ въ данномъ случаѣ одинъ за другимъ, очень не велико (во всѣхъ упражненіяхъ преобладаетъ механическая работа руки), то, во первыхъ, получается значительная степень утомленія, а во вторыхъ, многія изъ способностей, развитіе которыхъ лежитъ на обязанности школы, остаются въ теченіе дня не затронутыми. Совершенно обратное представляетъ первый случай распредѣленія уроковъ по часамъ дня. Приемы и направление мышленія, имѣющіе мѣсто при чтеніи книги совсѣмъ не похожи на тѣ, какіе употребляются при ариѳметическихъ вычисленіяхъ. Вотъ почему переходъ отъ урока чтенія къ ариѳметикѣ есть уже самъ по себѣ отдыхъ для учащагося. Слѣдующій затѣмъ получасовой урокъ гимнастики представляетъ новое освѣжающее средство. Урокъ закона Божія, отличаясь отъ трехъ первыхъ по содержанію своему, дѣйствующему на сердце ученика, въ то же время совпадаетъ въ большинствѣ школъ и съ перемѣнной преподавателя, что также служить освѣжающимъ средствомъ. Послѣдній урокъ чистописанія рѣзко отличается отъ всѣхъ первыхъ. Такое разнообразіе между смысняющими другъ друга предметами экономизируетъ силы ученика, поддерживаетъ въ немъ свѣжестъ и бодрость въ теченіе всего учебнаго дня, дѣйствуетъ ежедневно на развитіе всѣхъ его способностей.

Къ сожалѣнію, необходимость разнообразія въ учебныхъ занятіяхъ

начаальной школы недостаточно сознана многими изъ нашихъ педагоговъ. Вотъ расписаніе уроковъ приложенное къ „Русской Начальной Школѣ“ барона Корфа. Дообѣднныя занятия. Суббота. 2-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—списываніе съ книги. 3-й урокъ—чистописаніе. 1-й классъ. 1-й урокъ—чистописаніе. 2-й урокъ—чтение. 3-й урокъ — тоже чтеніе. 4-й урокъ — скоропись. Вторникъ. До обѣда. 1-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ — чтеніе. 3-й урокъ — списываніе съ книги. 4-й урокъ — чистописаніе. II-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—чтение. 3-й урокъ—чистописаніе. 4-й урокъ — упражненія (письменный) по „Родному Слову“. Послѣ обѣда, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ. Понедѣльникъ. I-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—чистописаніе. II-й классъ. 1-й урокъ—диктовка. 2-й урокъ—скоропись. Вторникъ. I-й классъ. 1-й урокъ—скоропись. 2-й урокъ—диктовка ¹⁾.

Въ распределеніяхъ уроковъ г. Баранова встрѣчаемъ едва ли не болѣе однообразія, чѣмъ у барона Корфа. Вотъ нѣсколько на удачу взятыхъ выдержекъ изъ „примѣрного“ расписанія, составленного авторомъ съ цѣлью „показать порядокъ ежедневныхъ занятій въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ“: I-й классъ. Старшее отдѣленіе. Среда. 1-й урокъ—грамматика. 2-й урокъ — грамматическая упражненія. 3-й урокъ — законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій. II-й классъ. Младшее отдѣленіе. Вторникъ. 1-й урокъ—Естественная исторія. 2-й урокъ—естественная исторія. 3-й урокъ—законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій. Въ тотъ же день въ старшемъ отдѣленіи II класса. 1-й урокъ—арифметика. 2-й урокъ — арифметическая упражненія; 3-й урокъ — законъ Божій. 5-й урокъ — черченіе. Тотъ же классъ. Старшее отдѣленіе. Четвергъ. 1-й урокъ—геометрія. 2-й урокъ—геометрическія упражненія. 3-й урокъ—законъ Божій. 4-й урокъ—законъ Божій ²⁾. Въ большинствѣ случаевъ разница между двумъ слѣдующими одинъ за другимъ уроками заключается только въ томъ, что урокъ съ учителемъ смыкается урокомъ безъ учителя по тому же предмету.

Почти то же видимъ мы и въ расписаніи уроковъ, составленномъ г. Барановымъ для начальныхъ училищъ. Но число уроковъ по закону Божію отнесено къ двумъ днямъ (вторнику и пятницѣ) — на каждый день по два урока, слѣдующихъ одинъ за другимъ. Въ по-

¹⁾) Русская начальная школа бар. Корфа, стр. 249.

²⁾) Жур. Мин. Нар. Просв. 1879 г.

недѣльнику ученики младшаго отдѣлѣнія три часа посвящаютъ самостоятельнымъ упражненіямъ и только одинъ часъ занимаются съ учителемъ. Если принять во вниманіе, что самостоятельные упражненія въ этомъ отдѣлѣніи крайне однообразны и въ первыя дѣй недѣли сводятся только къ черченію прямыхъ линій и къ рисованію очеркія простѣйшихъ предметовъ, то понятно, какъ они должны быть утомительны для дѣтей. Г. Барановъ рекомендуетъ въ иной день заниматься только двумя предметами, относя на каждый изъ нихъ половину учебнаго времени.

III.

Мы видѣли, что по мнѣнію барона Корфа и г. Баранова усвоеніе новыхъ свѣдѣній для ребенка также легко, какъ и повтореніе уже разъ усвоеннаго, что и то, и другое будто бы безъ вреда для успѣховъ обученія можно безразлично предлагать дѣтямъ, какъ тогда, когда мозгъ еще свѣжъ, такъ и тогда, когда онъ утомленъ самостоятельными работами и уроками¹⁾. По видимому, эти нарушенія довольно извѣстныхъ требованій педагогіи дѣлаются въ виду нѣкоторыхъ практическихъ выгодъ. Г. Барановъ приводитъ мои слова: „Ученики среднихъ учебныхъ заведеній въ изобиліи снабжены всѣми нужными книгами и учебными пособіями; притомъ же они на столько развиты, что могутъ въ извѣстной степени пользоваться руководствами и безъ помощи преподавателя находить—къ кому могли бы обратиться за разъясненіями; между тѣмъ ученики начальной школы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ окружены невѣжественными родителями и средой, едва имѣютъ одну книжку, часто весьма сомнительного достоинства, да еслиъ и были снабжены всѣми нужными пособіями, безъ посторонней помощи не могли бы пользоваться ими, а эту помощь можетъ оказать имъ только учитель“,— и вслѣдъ за тѣмъ прибавляется: „На основаніи этихъ совершенно вѣрныхъ соображеній нужно прійті къ тому заключенію, что обученіе въ этихъ училищахъ должно основываться на классныхъ занятіяхъ“.

¹⁾ Мы говоримъ здѣсь объ ученикахъ младшихъ отдѣлѣній; въ старшемъ отдѣлѣніи, по нашему мнѣнію, вполнѣ возможны и такие самостоятельные работы, которыхъ приносутъ не менѣе пользы для учениковъ, но за то потребуютъ отъ нихъ и неменьшаго напряженія силъ, чѣмъ уроки съ учителемъ, напримѣръ, письменное изложеніе видѣннаго и слышаннаго и. т. д.

Пока требование г. Баранова выражается въ такой общей формѣ, съ нимъ соглашается каждый. Но выражение „классный занатія“ допускаетъ слишкомъ широкое толкованіе. Нерѣдко это выраженіе прилагается къ такимъ упражненіямъ учениковъ, въ которыхъ только и есть класснаго, что они производятся въ классной комнатѣ.

Г. Барановъ подъ классными занятіями разумѣеть тѣ самостоятельные работы, которымъ исполняютъ ученики двухъ отдѣленій въ то время, когда учитель занятъ съ третьимъ. И вотъ чуть-ли не съ цѣлью дать возможно больше такихъ самостоятельныхъ работъ г. Барановъ и баронъ Корфъ значительно увеличиваютъ число ежедневныхъ часовыхъ уроковъ въ начальной школѣ.

Кому случалось давать урокъ въ начальной школѣ, тотъ знаетъ, что это дѣло не совсѣмъ легкое. Упростить предметъ съ цѣлью сдѣлать его болѣе доступнымъ, уловить моментъ, когда можно сообщить то, что есть самаго труднаго въ урокѣ, поддержать напряженное вниманіе 8-ми-9-лѣтнаго ребенка, которому всегда трудно сосредоточиваться на одномъ предметѣ, постоянно повѣрять, хорошо ли всѣми усвоено только что сказанное, заставить учениковъ самихъ принять дѣятельное участіе въ отысканіи требуемаго вывода, обобщенія, сравненія и т. п., повторить старое въ сочетаніи съ новымъ, указать въ новомъ старое, прежде усвоенное, не дать прерваться логической связи между отдѣльными частями урока, — все это требуетъ не мало опыта. Если въ это время что-либо будетъ отвлекать учителя, то онъ не достигнетъ цѣли, а отвлекать его при системѣ, защищаемой г. Барановымъ, будутъ непремѣнно. Въ той же комнатѣ находится одно или два другія отдѣленія, которымъ дана самостоятельная работа, доступная — какъ требуетъ г. Барановъ — „даже ученикамъ среднихъ способностей“. Дѣти со способностями ниже среднаго уровня всего скорѣе не сумѣютъ сдѣлать такую работу: они или обратятся къ учителю за разъясненіями и тогда прервутъ его занятія, или же будутъ бездѣльничать и скучать. А въ школьнай скучѣ — повторяемъ вмѣстѣ съ г. Барановымъ слова Ушинскаго — скрывается источникъ множества дѣтскихъ проступковъ и даже пороковъ: шалостей, лѣни, капризовъ, отвращенія отъ ученья, хитрости, лицемѣрія, обмановъ и тайныхъ грѣховъ. Избѣжать этого при общепринятой системѣ, гдѣ обученіе основано на массѣ самостоятельныхъ работъ, трудно, потому что нельзѧ же въ самомъ дѣлѣ принародливать самостоятельные работы къ дѣтамъ иищаго уровня по развитию и своеобразіямъ; это вредило бы лучшимъ.

Г. Барановъ понимаетъ, на сколько вредно, когда ученики, занимающіеся самостоятельными работами, отвлекаютъ учителя отъ урока, и требуетъ такого порядка въ школѣ, при которомъ учителя не тревожили бы пустыми вопросами. Любопытно однако, какъ можно научить дѣтей отличать пустой вопросъ отъ дѣльного. Положимъ, одинъ изъ занятыхъ самостоятельной работой учениковъ никакъ не можетъ решить задачи, или не понимаетъ выраженія, слова, встрѣтившагося въ книгѣ, и просить учителя помочь ему: будетъ эта просьба пустою или дѣльною? Если такие вопросы въ школѣ допускаются, то учителю очень часто придется отвлекаться, такъ какъ подобная просьба—самое обыкновенное явленіе въ начальной школѣ.

И такъ, если учитель долженъ быть сосредоточенъ на своемъ урокѣ съ однимъ отдѣленіемъ, если въ школѣ установленъ такой порядокъ, при которомъ ученикъ, занятый самостоятельной работой, затрудняется спросить учителя, обратиться къ нему за помощью, обязанъ не слушать словъ учителя, потому что слова эти обращены къ другому отдѣленію и могутъ только развлекать занятыхъ своею самостоятельной работой,—то при чёмъ же тутъ руководство учителя, воздействіе его на учениковъ, занятыхъ не съ нимъ, обязанныхъ его не слушать? А г. Барановъ утверждаетъ, что здѣсь-то именно (при веденіи самостоятельныхъ работъ такимъ способомъ) и „есть то воздействиѣ, которое желательно“. „Развѣ“, спрашивается онъ,—„такая работа (самостоятельная) обдумывается, задается и прогрѣвается не учителемъ?“ Даѣе онъ говоритъ: „Правда, при веденіи занятій съ двумя-тремя группами, вниманіе учителя, занимающагося съ одною группою, нѣсколько (?) отвлекается другими группами, исполнющими самостоятельный работы; но въ этомъ случаѣ нуженъ болѣе всего учительской глазъ, который необходимо долженъ видѣть все, что дѣлается въ классѣ“. Не много же приобрѣтутъ ученики отъ такого воздействиѣа, и нельзя назвать это само по себѣ почетнѣе средство (учительской глаза) главнымъ изъ тѣхъ, какими располагаетъ школа.

Но допустимъ, что учитель, основывающій успѣхъ школы на самостоятельныхъ работахъ, придающій имъ большее значеніе уже по тому одному, что ихъ число, при общепринятой организаціи начальной школы, вдвое больше числа учительскихъ уроковъ, станетъ руководителемъ работъ, не будетъ запрещать дѣтямъ обращаться къ нему за разъясненіями, будетъ наводить тѣхъ, кто затрудняется въ исполненіи работы, постараится предупреждать ихъ ошибки,—что же станетъ съ урокомъ, который онъ даетъ свободному отъ само-

стоятельныхъ работъ отдѣлений? Всего вѣроятнѣе, такого урока совсѣмъ не будетъ.

Г. Барановъ въ подтверждение защищаемой имъ постановки самостоятельныхъ работъ приводитъ прекрасное мѣсто изъ книги Ушинскаго о выгодахъ, какія достигаются тѣмъ, что ученикъ готовить всѣ уроки подъ руководствомъ учителя. Но эти слова говорить не за систему г. Баранова, а противъ нея. Они требуютъ не одного „учительского глаза“; они требуютъ, чтобы учитель шагъ за шагомъ сльдѣлъ за исполненiemъ учениками заданного урока; „изучалъ“ при этомъ индивидуальности „дѣтей“—что и кому изъ нихъ дается легко чѣмъ и кому трудно; показывалъ имъ легчайшіе приемы изученія; отвѣчалъ на каждый идущій къ дѣлу вопросъ, — можетъ быть, и „пустой“ съ точки зренія взрослого человѣка, но всегда важный для ребенка; достаточно подробно объяснялъ, чего не понимаетъ ученикъ (а начинающій не понимаетъ весьма многаго и всего чаще даже такихъ вещей, что учитель и предвидѣть-то ихъ не всегда можетъ); замѣчалъ свои собственные ошибки, для чего внимательно наблюдалъ бы за исполненiemъ урока каждымъ ученикомъ; предупреждалъ всяко ложное пониманіе, часто превращающееся посредствомъ зазубриванія въ умственный недостатокъ, значить—наводилъ бы ученика на вѣрный путь при первомъ подозрѣніи ошибки.

Все это несомнѣнно плодотворныя занятія; учитель, слѣдующій такимъ совѣтамъ, сдѣлаетъ очень много; но такая работа поглотить все вниманіе учителя, все его время и потребуетъ отъ него не менѣе напряженія силъ, чѣмъ и обыкновенные уроки; такая работа не мыслима, если учитель занять съ другимъ отдѣленіемъ; она не совмѣстна съ системой, защищаемою г. Барановымъ; вышеприведенія слова Ушинскаго требуютъ совсѣмъ иной постановки самостоятельныхъ работъ; они требуютъ отъ учителя не простаго надзора и раздачи работъ, а дѣятельнаго руководства въ самостоятельныхъ учебническихъ упражненіяхъ. Надо отличать привѣты, проведенные въ книгѣ Ушинскаго, отъ подробностей въ примѣненіи ихъ на практикѣ, такъ какъ въ послѣднемъ отношеніи и у Ушинскаго встрѣчаются недостатки и противорѣчія.

Нѣть ничего легче для учащихъ“ говорить Ушинскій,—„какъ отмѣтить ногтемъ или карандашемъ страницу въ книжѣ и задать ребенку выучить ее къ слѣдующему разу“. Но посмотрите, какъ ребенокъ, предоставленный слишкомъ рано самому себѣ, бѣтъ надъ этой „учительской“ страницей, какъ зубрить ее безтолково, уде-

сятеряя свой трудъ неумѣнемъ за него взяться, наѣтъ пачеасть и тетрадь, и руки, и лицо чернилами, какими горькими слезами обольѣть иную не удавшуюся букву, — и вы поймете, отвуда иногда берется въ дѣятѣ отвращеніе къ ученью*. Эти слова относятся почти столько же къ самостоятельнымъ работамъ въ томъ видѣ, въ какомъ рекомендуетъ ихъ г. Бараповъ, сколько и къ самостоятельнымъ работамъ, задаваемымъ на домъ. И въ первомъ случаѣ ученикъ почти не пользуется помощью учителя, а только его надзоромъ, въ которомъ нѣть недостатка, вѣроятно, и дома. Руководство учителя и въ томъ, и въ другомъ случаѣ сводится только къ тому, чтобы „обдумать работу, задать ее и провѣрить“.

Обученіе стремится стать процессомъ саморазвитія — это несомнѣнно; но несомнѣнно также и то, что оно возможно лишь при дѣятельномъ участіи учителя, не только задающаго и провѣрающаго, но и руководящаго и помогающаго. Начинающіе учиться требуютъ отъ преподавателя больше помощи, старшіе ученики меньше; и общепринятая постановка самостоятельныхъ работъ грызти противъ учениковъ младшаго отдѣленія, исполняющихъ свои работы самостоятельно, безъ помощи учителя также, какъ и ученики старшихъ отдѣленій.

Разсмотрѣвъ ближе, какія работы рекомендуетъ г. Бараповъ въ младшемъ отдѣленіи для уроковъ безъ учителя, мы увидимъ, что въ нихъ самодѣятельность учащихся во многихъ случаяхъ не играетъ почти никакой роли.

Если гдѣ индивидуальная, независимая дѣятельность ученика имѣеть болѣе всего мѣста, такъ это при изученіи математики вообще и ариѳметики въ частности. За исключеніемъ немногихъ терминовъ и знаковъ, встрѣчающихся въ ариѳметикѣ, весь материалъ этого предмета можетъ быть разработанъ самимъ ученикомъ, если учитель сумѣеть въ надлежащей системѣ предлагать ученикамъ даныя для выводовъ. Всѣ отношенія между числами, дѣйствія, примѣненія послѣднихъ къ решенію задачъ, все это можетъ быть выведено самими учениками, при хорошемъ учителѣ. Поэтому естественно требованіе отъ самостоятельныхъ работъ по ариѳметикѣ, чтобы она болѣе служила саморазвитію учениковъ, чѣмъ работы по другимъ предметамъ. Между тѣмъ г. Бараповъ рекомендуетъ вотъ какія самостоятельные работы по ариѳметикѣ, начинаящіяся лишь съ пятой недѣли обученія: Младшее отдѣленіе: 5-я недѣля: разложеніе изученныхъ чиселъ (изучено 1, 2, 3, 4, 5) при помощи крестиковъ, черточекъ (2 ур.). Недѣля 6-я тоже. Недѣля 7-я тоже и такъ далѣе до 10-ї недѣли,

начиная съ которой и до конца года разложение чиселъ посредствомъ черточекъ вѣдь замѣняется составленіемъ табличекъ изученныхъ чиселъ. Такія занятія, по нашему мнѣнію, крайне мало вовлаждаютъ самодѣятельность. Въ самомъ дѣлѣ, число изучено на урокахъ съ учителемъ, а значитъ, и разложено, сдѣланы выводы изъ разложенийъ, решено сколько задачъ въ предѣлахъ изученныхъ чиселъ; ученики знаютъ, какъ разложить число и что получится послѣ каждого отдельного разложения. Чего же еще? Но икъ заставляютъ разлагать тѣ же самыя числа, въ томъ же самомъ порядкѣ, получать каждый разъ тѣ же самыя выводы, какіе они сдѣлали и усвоили раньше. Гдѣ тутъ самодѣятельность? И не дается ли такая работа главнымъ образомъ, чтобы занять чѣмъ-нибудь отдаленіе, которое безъ того будетъ изѣшать учителю? Сколько однообразія и скучи въ такихъ упражненіяхъ!

О пѣкоторыхъ другихъ самостоятельныхъ работахъ, рекомендуемыхъ г. Барановымъ для первого года обучения, мы имѣли случай говорить раньше. Но вѣдь необходимо указать еще на одинъ родъ самостоятельныхъ занятій, внесенныхъ въ планъ г. Баранова и представляющихъ нарушеніе весьма важнаго требования, о которомъ мы еще не имѣли случая говорить. Дѣло въ томъ, что при выборѣ самостоятельныхъ работъ во всякой школѣ, а въ начальномъ училищѣ, при краткости его курса, въ особенности, весьма важенъ вопросъ: какъ велика цѣна результата заданной работы съ цѣнностью другихъ работъ, и на сколько эта работа необходима? Въ начальныхъ школахъ многоедается совершенно лишнихъ работъ, хотя каждая изъ нихъ и преслѣдуется какую-нибудь болѣе или менѣе опредѣленную цѣль. Счетъ бывть, помѣтившихся въ строкѣ или страницѣ учебника, зачеркиванье тѣкъ или другихъ буквъ на лоскуткахъ газетъ и другія тому подобныя занятія, можетъ быть, тоже принесутъ ученику какую-нибудь пользу; но, волервыхъ, въ такихъ занятіяхъ нѣть необходимости, и вовторыхъ, на ихъ мѣсто можно поставить другія работы, несравненно болѣе полезныхъ и необходимыхъ. Между тѣмъ въ планѣ г. Баранова въ младшемъ отдѣленіи, начиная съ 3-й недѣли и до 9-й включительно, мы встрѣчаемъ въ числѣ самостоятельныхъ работъ зачеркиваніе изученныхъ буквъ на лоскутахъ газетъ. Нужно ли говорить, что запоминаніе формы изученныхъ буквъ есть для начинающихъ учиться дѣло сравнительно легкое, и затрудненія въ обученіи чтенію никогда не сведились къ тому, чтобы ученики часто забывали очертанія изученныхъ буквъ; но еслиъ это было и такъ,

то средство возобновить въ памяти ученика забытую букву всегда подъ руками и вездѣ практикуется. Оно состоитъ въ томъ, чтобы при изученіи новыхъ буквъ и соответствующихъ имъ звуковъ вводить ихъ въ сочетанія со всѣми прежде пройденными. Зачеркиванье буквъ тутъ ни при чемъ, потому что само по себѣ оно не воскресить въ памяти ученика забытой буквы, а тѣмъ болѣе звука, ею изображаемаго.

Въ то же время г. Барановъ въ своемъ конспектѣ упомянулъ изъ виду иѣкотория крайне существенные занятія. Растигнувъ зачеркиванье буквъ на цѣлую семь недѣль, онъ не нашелъ возможнаго на наглядныя бесѣды удѣлить болѣе одного или двухъ уроковъ только въ первую недѣлю обученія, хотя никому не пріедѣтъ въ голову сравнивать послѣднія занятія съ первыми по относительной ихъ пользѣ.

Слѣдуя составленному подобнымъ образомъ распределенію, преподаватели учать каждого ученика, пробывшаго три года въ школѣ, не одинъ годъ (какъ это считаетъ неизбѣжныи г. Барановъ), а два съ половиною года, и только на полгода оставляютъ ученика безъ своего непосредственнаго руководства.

Исходя изъ той мысли, что къ возможности независимаго отъ учителя труда ученикъ долженъ быть подготовленъ, и что самостоятельная работы безъ руководства учителя для учениковъ младшаго отдѣленія чаще представляются мукой, чѣмъ ученьемъ, чаще отвращающе отъ школьнаго занятій, чѣмъ пріохочивающе къ нимъ, мы не отнесимъ для младшаго отдѣленія ни одного часа въ недѣлю на такія самостоятельные работы, которыя исполнялись бы безъ всякой помощи учителя.

Желая внести возможно болѣе разнообразія въ дообѣденныи занятія, мы старались распределить уроки по часамъ дня такимъ образомъ, чтобы самый переходъ отъ одного занятія къ другому представлять отдыхъ для ученика.

Въ распределеніе внесено иѣсколько такихъ уроковъ, когда учитель не занимается исключительно ни съ однимъ изъ трехъ отдѣленій, когда всѣ ученики заняты самостоятельными работами, а учитель руководитъ ими: предупреждаетъ ихъ ошибки, подмѣчаетъ, что изъ пройденнаго и чѣмъ именно недостаточно усвоено, восполняетъ пробѣлы въ ихъ познаніяхъ, помогаетъ слабымъ, даетъ новую работу тѣмъ, кто успѣши покончилъ заданную, поддерживаетъ тѣхъ, кто, не найдя правильнаго рѣшенія вопроса, впадаетъ въ уныніе, бо-

ретомъ съ навыками вредными въ какомъ-либо отношеніи, даетъ практическіе советы, какъ удобнѣе приступить къ работе, и проч.

Нѣть сомнѣнія, что при такой постановкѣ самостоятельныхъ работъ, послѣдніе могутъ быть несравненно серьезнѣе, чѣмъ тѣ, какія используются лишь подъ надзоромъ учителя. Такія работы могутъ преслѣдоваться не только повтореніе стараго, но могутъ служить и къ изученію нового. Видѣсто того, напримѣръ, чтобы занимать учениковъ скучнымъ разложеніемъ уже разложенныхъ и изученныхъ чиселъ, какъ этого требуетъ для самостоятельныхъ работъ г. Барановъ, можно заставлять разложить еще не пройденное число, разумѣется, въ томъ случаѣ, если учителъ воспользовался предыдущими уроками, чтобы выгнать ученикамъ пріемы разложения и составленія таблицъ.

Обращалась къ послѣобѣденнымъ занятіямъ, замѣтимъ, что они, по всему вѣроятію, будутъ сочувственно приняты и родителями учащихся въ сельской начальной школѣ. Май недавно пришлось осмотрѣть нѣсколько частныхъ школъ грамотности, и я не встрѣтилъ ни одной изъ нихъ, где не было бы послѣобѣденныхъ уроковъ. На вопросъ — что побуждаетъ дѣлить учебный день на двѣ половины, я слышалъ одинъ отвѣтъ: молъ родителей.

Къ сожалѣнію, намъ приходится здѣсь напоминать, что повтореніе пройденного, при правильной постановкѣ этого дѣла, требуетъ меньшаго напряженія силъ, чѣмъ изученіе новаго. Г. Барановъ, напримѣръ, говорить, что самостоятельные работы, предлагаемыя нынѣ въ своемъ планѣ, и преслѣдующія повтореніе усвоенныхъ уже свѣдѣній (а въ младшемъ отдѣленіи даже дословное повтореніе ихъ), утомляютъ болѣе, чѣмъ занятія съ учителемъ, то-есть, изученіе вновь. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Общепринятое требование дидактики: поступай такъ, чтобы ученикъ видѣлъ старое въ новомъ — именно на томъ и основано, что все новое требуетъ отъ ученика наибольшаго напряженія силъ, а слѣдовательно, и болѣе его утомляетъ. Вотъ почему повтореніе усвоенного, приготовленіе уроковъ должно быть, по возможности, отнесено къ послѣобѣденнымъ часамъ и не отнимать у дѣтей утреннихъ часовъ, которые слѣдуетъ посвятить болѣе труднымъ занятіямъ.

При такой организаціи школы, ученики приходятъ въ училище на часъ, на полтора послѣ обѣда для исполненія заданныхъ имъ работъ. Они занимаются не подъ надзоромъ только, а подъ непосредственнымъ и всегда дѣятельнымъ руководствомъ учителя; но руководство это не должно быть веденіемъ ученика „на помочахъ“. Пи-

шущій эти строки имѣть случай наблюдать послѣ обѣдненія занятія самостоятельными работами и можетъ указать на некоторые детали такой постановки работы.

При решеніи арифметической задачи, ученикъ нерѣдко не умѣетъ расположить данные на доскѣ, не сумѣть на выгодный образъ расположить дѣйствія на бумагѣ,—учитель помогаетъ ему совѣтомъ, а при случаѣ показываетъ скорѣйшій прѣемъ дѣйствія надъ извѣстными числами, посовѣтуетъ повторить таблицу мѣръ, позабытую ученикомъ.

При исполненіи письменныхъ работъ, ученикъ часто неправильно держитъ перо, коверкаетъ извѣстную букву или слово. Чтобы не дать развиться вредному навыку, нужно съ особеннымъ вниманіемъ следить за всѣмъ етимъ, потому что вѣтъ работы, болѣе трудной и непрѣятной для учителя и учениковъ, какъ бороться съ навыкомъ разъ привыкающимъ. Въ школахъ, где самостоятельные работы дѣлаются въ классной комнатѣ лишь въ присутствіи учителя, а не подъ его прямымъ руководствомъ, вредные навыки среди учениковъ весьма многочисленны.

Если ученики учатъ наизусть объясненное стихотвореніе или готовить разказъ данной статьи, учителю приходится слѣдить—правильно ли произносятся слова, чтѣ особенно важно въ народныхъ начальныхъ школахъ, почти всегда состоящихъ изъ учениковъ, не привыкшихъ слышать литературную рѣчь и коверкающихъ чуть не каждое слово. Однихъ дообѣдненныхъ занятій въ данномъ случаѣ недостаточно.

Почти во всякой школѣ приходится встрѣчать учениковъ съ недостатками органовъ произношенія, выговаривающихъ *r* какъ *л*, *m* какъ *s*, и проч. Уроковъ, записанныхъ въ расписанія, мало для исправленія такихъ недостатковъ, а они должны быть и почти всегда могутъ быть исправлены.

Мы уже говорили, что въ школахъ приходится давать такие уроки, которые соотвѣтствовали бы силамъ учениковъ по меньшей мѣрѣ среднихъ способностей. Если при этомъ нежелательно, чтобы въ слабыхъ ученикахъ, встрѣчающихся непреодолимыя трудности въ исполненіи урока, развилось отвращеніе къ ученью, то прямая учительская помощь для такихъ учениковъ необходима. Такой помощи не допускается общепринятая организація самостоятельныхъ работъ, и удивительно ли, что въ нашихъ школахъ встречаются ученики, махнувшіе рукой на всѣ уроки. Ихъ называютъ тупыми, лѣнивыми, идѣотами,

а между тѣмъ нерѣдко оказывается впослѣдствіи, что они и способны, и трудолюбивы. Объясненіе въ большинствѣ случаевъ таково: Встрѣтилось нѣсколько разъ затрудненіе при исполненіи урока, беспокоить учителя „пустыми“ вопросами запрещено, спросить товарища тоже, и вотъ мальчикъ мало по мало убѣждается, что ученье ему не по силамъ, превращается въ лѣтняя, начинаетъ ненавидѣть самостоятельные работы а вмѣстѣ съ ними и школу, и учителя. А мало ли такихъ лѣтняевъ, которые при лучшей постановкѣ самостоятельныхъ работъ могли бы быть и прилежными, и способными?

Извѣстно, что въ первый годъ обученія дѣти при чтеніи заданного склонны все свое вниманіе обращать на механизмъ чтенія, такъ какъ онъ для нихъ въ эту пору еще труденъ. Если при этомъ оставить учениковъ безъ дѣятельного руководства учителя, то они привыкаютъ видѣть въ словѣ только буквы, сочетавшіяся извѣстнымъ образомъ, а не понятіе, имъ выражаемое, читать безъ толку и безъ смысла. Чтобы не дать образоваться такому навыку, въ первое время ученья ребенка, необходимо заставлять его всматриваться въ смыслъ читаемаго не только на урокахъ чтенія, но и на самостоятельныхъ работахъ.

Чтобы удовлетворить указаннымъ выше требованіямъ отъ самостоятельныхъ работъ въ начальной школѣ, нужно, чтобы учениковъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ первыхъ лѣтъ обученія руководили въ дѣлѣ приготовленія уроковъ самъ учитель.

На практикѣ при введеніи послѣбѣденныхъ занатій не можетъ встрѣтиться какихъ-либо непреодолимыхъ препятствій. Ученики охотно соглашаются приходить въ школу послѣ обѣда, потому что при такой постановкѣ работы легче и скорѣе приготавливаются уроки; потому что для нихъ гораздо менѣе изнурительно окончить всю работу въ два приема, отвѣляемые достаточно продолжительнымъ отдыхомъ, чѣмъ въ одинъ продолжительный срокъ времени.

В. Вахтеренъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НИКОЛАЕВСКАЯ ГЛАВНАЯ АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ ВЪ 1878—1879 ГОДУ.

Въ апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за текущій годъ уже было помѣщено извѣстіе о поѣздкѣ почтеннаго директора нашей знаменитой астрономической обсерваторіи академика О. В. Струве въ Сѣверную Америку въ 1879 году для заказа нового рефрактора величайшихъ размѣровъ. Вслѣдствіе обстоятельствъ, связанныхъ съ осуществленіемъ этого важнаго предпріятія, имѣющаго окказать столь сильное влияніе на будущую дѣятельность обсерваторіи, признано было полезнымъ, чтобы отчетъ, ежегодно представляемый директоромъ обсерваторіи комитету ея, обнималъ на сей разъ дѣятельность обсерваторіи не за одинъ минувшій, а за два послѣдніе года. Предлагаемъ здѣсь извлеченіе изъ этого составленнаго О. В. Струве двухгодового отчета, не внося впрочемъ въ него то, что относится къ вышеупомянутой поѣздкѣ почтеннаго академика и къ заказу нового рефрактора.

Прежде всего скажемъ однако о состояніи инструментовъ обсерваторіи. Устарѣлое устройство старого рефрактора Николаевской обсерваторіи, при всемъ совершенствѣ его объектива, много мѣшало удобству наблюденія. Не говоря уже о томъ, что отъ 40-лѣтнаго употребленія различныя части его обвѣтшали, главные недостатки его состояли въ слѣдующемъ: размѣры каменнаго пьедестала мѣшали наблюденію въ извѣстныхъ направленіяхъ; часовой механизмъ былъ стариннаго устройства, далеко уже не соответствовавшаго современному

нымъ требованіямъ науки; круги были слишкомъ малыхъ размѣровъ, и освѣщеніе поля и нитей представляло большія неудобства сравни-тельно съ новѣйшими приспособленіями. Для устраненія этихъ недостатковъ въ 1879 году перестройка штатива рефрактора была поручена гамбургской механической фирмѣ гг. Ренсольдъ, которая обязалась окончить перестройку въ теченіе полутора года, но успѣеть, кажется, исполнить ее гораздо раньше, такъ что, вѣроятно, еще осеню текущаго года можно будетъ продолжать наблюденія этимъ инструментомъ и строжайше испытать сдѣланныя въ немъ нововведенія въ виду примѣненія оныхъ при монтировкѣ новаго 30-дюймового рефрактора.

Устройство штатива новаго рефрактора потребуетъ, вѣроятно, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 лѣтъ. Поэтому, если окончательный заказъ его будетъ сдѣланъ вынѣшнею осенюю, можно расчитывать, что весь инструментъ будетъ готовъ лѣтомъ или осенюю 1882 г. Въ такихъ видахъ теперь уже представляется необходимымъ подумать о выборѣ мѣстности для помѣщенія новаго рефрактора. Башню для него предполагается поставить съ южной стороны обсерваторіи въ разстояніи отъ 30 до 40 саженъ отъ главнаго зданія. Башня эта должна имѣть діаметръ примѣрно въ 54 фута и такую же высину надъ поломъ; самый же полъ будетъ возвышенъ надъ грунтомъ лишь на столько, чтобы лежаль нѣсколько выше скѣжныхъ заносовъ. Башня будетъ состоять изъ двухъ частей—изъ кирпичной постройки, на которую будутъ положены рельсы, и изъ желѣзной подвижной части, покрытой съ обѣихъ сторонъ дурно проводящимъ тепло материаломъ. Въ настоящее время архитекторъ Царскосельскаго дворцового правленія Видовъ, нѣсколько лѣтъ уже руководящій постройками въ обсерваторіи, занять составленіемъ общаго проекта башни и связи ея съ главнымъ зданіемъ обсерваторіи. По полученіи отъ него этого проекта нужно будетъ вступить въ переговоры съ механическими заводами о постройкѣ подвижной части башни, которую, вѣроятно, можно будетъ заказать въ нашей столицѣ, за исключеніемъ развѣ рельсовъ, движущаго механизма и люковъ, которые всего удобнѣе и дешевле будетъ заказать у извѣстной фирмы Говарда Грубба въ Дублинѣ, спеціально занимающейся подобными сооруженіями. Кирпичную постройку предполагается сложить въ теченіе 1881 года, такъ что все будетъ приготовлено къ немедленной установкѣ инструмента, когда онъ получится на мѣстѣ лѣтомъ 1882 года.

Временное отсутствіе инструмента въ большой башнѣ обсерваторіи

рін еще въ 1879 году дало возможность тщательно осмотрѣть эту башню и исправить обвѣтшавшія въ ней части. Всѣ главныи части ея оказались совершенно здоровыми, за исключеніемъ люковъ и по-крышки, которые и были возобновлены. Кромѣ того, остается еще исправить движущій механизмъ, сильно потерпѣвшій отъ долговременного употребленія. Лѣтомъ 1880 года предполагается сдѣлать еще постройку около этой башни. Всѣдѣствіе роста деревьевъ, насажден-ныхъ вокругъ обсерваторіи для огражденія ея отъ вѣтровъ и снѣж-ныхъ заносовъ, горизонтъ мѣстности въ самомъ сосѣдствѣ обсерваторіи начинаетъ такъ суживаться, что едва можно найти мѣсто для наблюденія земныхъ предметовъ и для обозрѣнія всего неба до горизонта. Для устраненія этого неудобства предположено передѣлать наклонную крышу окружающей башню библіотеки въ платформу съ необходимыми для временной установки переносныхъ инструментовъ столбами. По мнѣнію архитектора, это измѣненіе легко выполнимо и и не будетъ въ ущербъ общему виду обсерваторіи.

При ближайшемъ обсужденіи вопросовъ, сопряженныхъ съ при-ступленіемъ къ новому ряду фундаментальныхъ опредѣленій для эпохи 1885 г., оказалось желательнымъ, кромѣ исполненнаго уже пе-редѣлія вертикального круга, предпринять и нѣкоторыя другія усовершенствованія въ двухъ главныхъ меридіаныхъ инструментахъ, обѣщающія еще болѣе увеличить точность наблюденій. Какъ въ пас-сажномъ инструментѣ, такъ и въ вертикальномъ кругѣ, устроено центральное освѣщеніе поля зрѣнія по способу гг. Репсольдъ, при помоши маленькаго зеркальца, помѣщенного на срединѣ внутренней поверхности объектива. Кромѣ того, для пассажнаго инструмента изго-тавляется теперь микрометръ для точнѣйшаго наблюденія преиму-щественно околополярныхъ звѣздъ. Въ вертикальномъ кругѣ исполнена трудная задача перешлифовки цапфъ, и устранина замѣченная наклонность круга, такъ что теперь во всѣхъ положеніяхъ круга отчивываніе его можетъ производиться съ одинаковою легкостью и точ-ностью. Передѣлки эти выполнены г. Гербстомъ по указаніямъ гг. Ваг-нера и Нюрена.

Часы Тиде, помѣщающіеся въ стеклянномъ цилиндрѣ подъ по-стояннымъ давленіемъ воздуха, осенью 1879 года опять установлены въ центральномъ подвалѣ, гдѣ температура измѣняется чрезвычайно медленно, въ предѣлахъ 4—5 градусовъ въ теченіе всего года. По-слѣднія изслѣдованія г. Гассельберга о сырости въ этомъ подвалѣ

1*

дали недостаточно благопріятный результатъ, такъ что обыкновенныхъ часовъ нельзя поставить тамъ, не подвергая ихъ порчѣ отъ ржавчины. Но для часовъ Тиде, герметически замкнутыхъ въ цилиндръ, этой опасности не существуетъ, и въ самомъ дѣлѣ послѣ девятимесячнаго пребыванія въ подвалѣ, въ нихъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ ржавчины. Притомъ давленіе воздуха въ ихъ цилиндрѣ измѣнилось лишь на $\frac{1}{10}$ дюйма. Ходъ этихъ часовъ вообще удовлетворителенъ; чувствительныя неровности его, сопряженныя съ измѣненіями амплитуды качанія маятника, случались хотя лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, но нельзя не приписать ихъ самому устройству часовъ. Во избѣженіе сомнѣній въ подобныхъ случаяхъ въ круглой залѣ обсерваторіи, гдѣ температура мѣняется также довольно медленно, установлены превосходные часы Говю и связаны проводомъ съ релѣ отъ часовъ Тиде, такъ что одни часы могутъ контролировать и въ случаѣ надобности замѣнять другія.

По распоряженію великаго князя генераль-адмирала, инструменты обсерваторіи, употребленные для наблюденія прохожденія Венеры въ Приморской области Восточной Сибири, лѣтомъ прошлаго года возвращены въ Цулково, вмѣстѣ съ двумя изъ употребленныхъ тамъ же переносныхъ башнѣй. Къ сожалѣнію, эти инструменты много пострадали во время морскаго пути отъ ржавчины. Наименѣе пострадалъ четырехдюймовый геліометръ, и стараніями гг. Нюренса и Баклунда онъ снова приведенъ въ состояніе полной пригодности для наблюденій; онъ установленъ въ одной изъ переносныхъ башнѣй съ южной стороны обсерваторіи. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается приступить и къ основательному исправленію геліографа въ механической мастерской обсерваторіи. Къ счастію, главныя оптическія части онаго, по видимому, пострадали немного, а повреждены только оси и часовой механизмъ.

Обращаемся къ произведеніямъ въ обсерваторіи астрономическимъ наблюденіямъ.

До лѣта 1879 года, когда приступлено было къ передѣлѣ большаго пассажнаго инструмента и вертикального круга, оба эти инструмента служили только для нѣкоторыхъ специальныхъ опредѣленій и изслѣдований. Пассажнымъ инструментомъ г. Вагнеръ проанаблюдалъ всего 430 прохожденій звѣздъ при 208 отчетахъ меридианныхъ марокъ и 113 нивелировкахъ оси, а вертикальнымъ кругомъ г. Нюренъ сдѣлалъ 61 полное наблюденіе полярной звѣзды. Теперь оба инструмента приведены въ полную готовность для начатія новаго ряда

фундаментальныхъ опредѣленій для эпохи 1885 г., къ которому будеть приступлено въ августѣ текущаго года.

Свободнымъ отъ фундаментальныхъ опредѣленій временемъ г. Нюренъ воспользовался для нового опредѣленія коэффиціента аберраціи помощью пассажнаго инструмента, установленаго въ первомъ вертикаль. Произведенный имъ для этой цѣли двухлѣтній рядъ наблюдений 4-хъ звѣздъ закончено былъ осенью 1878 г. При обработкѣ этихъ наблюдений, прошлою весною, г. Нюренъ пришелъ къ прискорбному заключенію, что всѣ эти наблюденія въ строгомъ смыслѣ неудовлетворительны для прямой ихъ цѣли. Оказались въ отдѣльныхъ опредѣленіяхъ зенитныхъ разстояній частію внезапные скачки, частію зависимость отъ времени года, которые, конечно, должны были имѣть значительное влияніе на величины аберраціи, выводимыя изъ различныхъ звѣздъ, хотя можно было предположить, что, вѣроятно, это влияніе уничтожилось бы въ среднемъ выводѣ. Принимая въ соображеніе, что подобного явленія въ прежнихъ опредѣленіяхъ покойнаго В. Я. Струве не встрѣчалось, нужно было заключить, что въ установкѣ инструмента въ теченіе времени произошли какія-нибудь перемѣны; и дѣйствительно, дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что мало по малу полъ зала немнога опустился и пришелъ въ соприкосновеніе съ каменнымъ столбомъ инструмента. Достаточно было перейти наблюдателю съ одной стороны инструмента на другую, чтобы причинить замѣтное передвиженіе уровня, находящагося на оси инструмента. По открытии этого обстоятельства, осенью прошлаго года, оно, конечно, было немедленно устранено, а г. Нюренъ рѣшился совершенно бросить прежній рядъ наблюдений и приступить къ производству новаго. Такъ какъ именно въ настоящее время точнѣйшее опредѣленіе аберраціи имѣть особенную важность въ виду произведенныхъ разными учеными прямыхъ опредѣленій скорости свѣта, то предполагается теперь произвести новый рядъ наблюдений на болѣе широкихъ основаніяхъ. Вместо 4-хъ звѣздъ прежнаго ряда теперь работа обнимаетъ 25 звѣздъ, на столько яркихъ, чтобъ ихъ можно было наблюдать въ такія времена года, когда влияніе аберраціи довольно значительно. Начавъ новый рядъ 17-го декабря 1879 г., г. Нюренъ успѣлъ уже, благодаря благопріятнымъ атмосферическимъ условіямъ, собрать къ 1-му мая текущаго года 158 полныхъ наблюдений 19 изъ этихъ звѣздъ, при 120 отчетахъ азимутальныхъ марокъ. По предварительному вычислению оказывается, что замѣченныхъ въ прежнемъ ряду недостатковъ теперь совершенно незамѣтно. Поэтому можно надѣяться,

что чрезъ $1\frac{1}{2}$ года будетъ возможность представить ученому міру во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающее довѣрія опредѣленіе этого важнаго въ астрономіи элемента.

Наблюденія помошью меридіанного круга были продолжаемы г. Ромбергомъ съ обычнымъ его усердіемъ. Съ 1-го мая 1878 г. по 7-е іюня 1879 онъ успѣль совершино окончить рядъ, имѣвши пред-метомъ опредѣленіе положеній двойныхъ звѣздъ, произведя за этотъ промежутокъ времени не менѣе 7078 наблюденій. По окончаніи этого ряда наблюдателю доставленъ былъ желательный отдыхъ командиро-ваніемъ его на два мѣсяца за границу. До своего путешествія и послѣ него по 1-е мая текущаго года г. Ромбергъ собралъ еще 2272 наб-люденія.

Во время путешествія г. Ромберга меридіанный кругъ переданъ былъ г. Бакланду, которому важно было ближе познакомиться съ этимъ инструментомъ въ виду порученного ему завѣдыванія оконча-тельнымъ выводомъ главнаго каталога звѣздъ изъ наблюденій, про-изведенныхъ меридіаннымъ кругомъ съ 1839 по 1874 г. Г. Бакландъ воспользовался этимъ случаемъ для производства дополнительныхъ опредѣленій къ наблюденіямъ зоны, произведенными имъ на Дерпт-ской обсерваторіи.

Наблюденія самого директора обсерваторіи помошью большаго рефрактора обнимаютъ только годовой срокъ, именно до разборки инструмента въ исходѣ мая 1879 года. Въ теченіе этого времени сдѣлано было 165 измѣреній двойныхъ звѣздъ и нѣсколькихъ гуман-ностей. Кромѣ того, въ 15 ночей комета Борзена связана была съ близлежащими звѣздами.

Наблюденія г. Линденмана фотометромъ Целльнера надъ яркостью звѣздъ различныхъ классовъ въ послѣднее время часто прерывались другими не терпящими отлагательства работами. Всего имъ сдѣлано 107 наблюденій для означенной цѣли.

Шестидюймовый рефракторъ Ренсольда, какъ и прежде, употреб-ляемъ былъ г. Дубяго преимущественно для наблюдений двойныхъ звѣздъ, слишкомъ далеко отстоящихъ одна отъ другой для наблюде-нія въ большой рефракторъ. Г. Дубяго получилъ въ отчетный періодъ 136 микрометрическихъ измѣреній избранныхъ имъ звѣздъ. Кромѣ того, имъ сдѣлано 60 измѣреній 4-хъ звѣздъ, составляющихъ извѣ-стную трапецию въ созвѣздіи Ориона. Эти измѣренія ясно доказали, что наблюденія г. Дубяго, подобно наблюденіямъ г. Струве, подвер-жены доволъ по значительнымъ систематическимъ погрѣшностямъ.

Для двойныхъ же звѣздъ большаго разстоянія эти погрѣшности, какъ извѣстно, совершенно изчезаютъ. Наконецъ, г. Дубяго, получилъ еще 3 наблюденія кометы Борзена и 6 наблюденій планеты Диапы, обработку которой для *Berliner Jahrbuch* онъ взялъ на себя.

Четырехдюймовый геліометръ Репсольда, установленный въ ноябрѣ, временно переданъ г. Баклунду, который занимался въ зимніе мѣсяцы ближайшимъ опредѣленіемъ постоянныхъ величинъ инструмента. Для этого произведены имъ общепотребительныя для этой цѣли микрометрическія измѣрения Плеядъ и звѣздъ созвѣздія Гидры, а также нѣсколько измѣрений двойныхъ звѣздъ. Принимая въ соображеніе, что этотъ геліометръ по своему устройству и оптическому достоинству принадлежитъ къ лучшимъ инструментамъ своего рода, г. Баклундъ намѣренъ произвести имъ рядъ измѣрений спутниковъ Юпитера для точнѣшаго опредѣленія массы этой планеты, а также предпринять, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, новыя по возможности точные измѣрения диаметровъ главныхъ планетъ.

Старый геліометръ теперь употребляется какъ простая зрительная труба. Будучи снабженъ кольцевымъ микрометромъ, онъ заступаетъ мѣсто совершенно оставленной теперь безъ употребленія трубы Бадера и послужилъ г. Вятраму для производства нѣсколькихъ наблюдений астероидовъ.

Переходя къ работамъ астрофизической лабораторіи, должно сказать, что согласно первоначальному плану, занятія въ ней преимущественно направлены были на изслѣдованіе измѣненій спектровъ при значительномъ измѣненіи вибрацийъ обстоятельствахъ. Съ этой цѣлью въ первое время г. Гассельбергъ произвелъ рядъ опытовъ надъ влияниемъ низкихъ температуръ на электрическія разряженія въ газахъ и надъ повышеніемъ температуры этихъ газовъ при такихъ разряженіяхъ. Вероятно, результаты его опытовъ найдутъ себѣ полезное примененіе для объясненія явлений въ кометахъ и въ туманностяхъ, для объясненія сѣверного сиянія и т. п.

Извѣстно, что спектры кометъ имѣютъ общий типъ, близко подобающій въ спектрамъ углеводородныхъ соединеній; однако въ частностяхъ есть между ними довольно значительные различія. Поэтому г. Гассельбергъ въ послѣднее время трудился надъ разысканіемъ условій, при которыхъ могли бы появиться въ спектрѣ углеводородовъ подобныя этимъ различіямъ отклоненія. Въ представленномъ имъ Академіи Наукъ мемуарѣ, дающемъ вмѣстѣ съ тѣмъ критический разборъ всѣхъ спектральныхъ наблюдений кометъ, опь представляетъ

отчетъ о томъ, до какой степени ему удалось произвести подобныя отклоненія.

Опыты эти до сихъ поръ произведены весьма несильнымъ спектрископомъ, и безъ сомнѣнія, много выиграютъ въ точности и значеніи, если для нихъ будуть имѣться болѣе сильныя средства. Въ такихъ видахъ Николаевская обсерваторія вступила въ сношенія съ извѣстнымъ оптикомъ г. Пражмовскимъ въ Парижѣ, 30 лѣтъ тому назадъ служившимъ въ Пулковѣ, о доставленіи ей первокласснаго спектр скопа, при устройствѣ котораго были бы примѣнены всѣ новѣйшия пріобрѣтенія науки. Полученіе этого инструмента ожидается въ теченіе нынѣшняго года.

Какъ только возвращенный изъ Владивостока геліографъ будетъ исправленъ, г. Гассельбергъ приступить снова къ производству фотографическихъ снимковъ солнца, съ цѣлью изслѣдованія обстоятельствъ, которыми обусловливаются результаты, выводимые изъ измѣреній этихъ снимковъ.

Спектральными наблюденіями свѣтильщ въ Николаевской обсерваторіи пока еще не занимались. Для нихъ представится болѣе удобный случай, когда старый ея рефракторъ получитъ новую монтировку. Между тѣмъ для наблюденія необыкновенныхъ явлений въ прошломъ году выписанъ малый астроспектроскопъ Фогеля, легко привинчивающійся къ любому инструменту.

Всѣ снаряды и химические материалы теперь установлены въ удобные шкафы. Эта мѣра должна служить не только для порядка вообще, но и для предохраненія приборовъ отъ столь возможныхъ при химическихъ манипуляціяхъ случайностей. Такъ, напримѣръ, небольшой взрывъ уже случился при работахъ г. Гассельберга надъ бензиновымъ газомъ, къ счастію, безъ другихъ вредныхъ послѣдствій, кроме разрушенія воздушного насоса, находившагося въ связи со стекляннымъ цилиндромъ, въ которомъ производились электрическія разряженія.

Къ числу важнѣйшихъ работъ обсерваторіи принадлежитъ вычисление и обнародование рядовъ наблюденій.

Во введеніи къ изданию въ началѣ 1878 года IX тому Пулковскихъ Наблюденій, содержащему въ себѣ микрометрическія измѣрения двойныхъ звѣздъ, произведенныя О. В. Струве, данъ былъ окончательный выводъ формулъ, по которымъ эти измѣрения должны быть исправлены для освобожденія ихъ отъ систематическихъ погрѣшностей. По этимъ формуламъ вычислены теперь г. Дубяго поправки

всѣхъ наблюденій, помѣщенныхъ въ IX томѣ. Исправленныя наблюденія публикованы въ видѣ прибавленія къ этому тому.

Начатое въ 1878 г. печатаніе наблюденныхъ г. Вагнеромъ прямыхъ восхожденій звѣздъ фундаментальнаго каталога для эпохи 1865 г. совершено окончено. XI томъ Наблюденій, содержащей въ себѣ на 58 печатныхъ листахъ наблюденія, произведенныя до конца 1865 г., уже изданъ. Остальная часть наблюденій г. Вагнера, заканчивающаяся 1872 годомъ и составляющая 37 листовъ XII тома, также отпечатана; но для изданія этого тома въ свѣтѣ остается еще составить подробное введеніе и вывести окончательные прямыя восхожденія фундаментальныхъ звѣздъ и по нимъ поправки другихъ пулковскихъ главныхъ звѣздъ. Большая часть приготовительныхъ работъ для этого введенія уже окончена.

XIII и XIV томы предназначены для наблюденій склоненій звѣздъ фундаментальнаго каталога для эпохи 1865 г. 26 листовъ XIII тома уже напечатаны, и г. Ниурень, завѣдывающей этой работой, надѣется, что этотъ томъ можетъ быть выпущенъ въ свѣтѣ въ теченіе нынѣшняго года. Для составленія окончательного каталога склоненій пулковскихъ главныхъ звѣздъ всѣ приготовительныя вычислениа окончены.

Въ непродолжительномъ времени обсерваторія надѣется приступить къ печатанію еще не изданныхъ томовъ первого ряда, именно VIII и X. Первый изъ нихъ долженъ содержать въ себѣ каталогъ 5363 звѣздъ, основанный на наблюденіяхъ, произведенныхъ меридіанами кругомъ съ 1839 по 1874 г. и напечатанныхъ въ VI и VII томахъ. Обработкой этого каталога до лѣта 1878 г. завѣдывалъ бывшій адъютантъ-астрономъ обсерваторіи фонъ-Астенъ, скончавшійся лѣтомъ 1878 г. Теперь этотъ трудъ переданъ его преемнику г. Бак-лунду, которому до исхода прошлаго года помогалъ г. Левицкій, оставившій нынѣ службу при обсерваторіи. Кроме того, яѣкоторыя изъ относящихся сюда вычисленій передавы были постороннимъ вычислителямъ. Теперь работа эта на столько подвинулась, что понадобится едва ли болѣе полугода для составленія окончательного каталога.

Обработка микрометрическихъ измѣреній, имѣющихъ войти въ X томъ, сама по себѣ не требуетъ обширныхъ вычислений, за исключениемъ лишь вычисленій поправокъ отъ рефракціи для паръ звѣздъ очень большаго разстоянія. Послѣднія вычислениа въ ближайшемъ времени будутъ окончены. Поэтому печатаніе этихъ измѣреній могло бы быть начато при первой для г. директора возможности заняться

имъ. Но по принятому плану желательно отложить на некоторое время это издание, потому что г. Струве намѣренъ помѣстить въ немъ сравненіе абсолютныхъ и относительныхъ движений наблюденныхъ парь звѣздъ, а такъ какъ абсолютные движения должны быть выведены преимущественно изъ сравненія дерптскихъ меридианыхъ опредѣленій съ новѣйшими подобными опредѣленіями г. Ромберга, то приходится выждать приведенія этихъ послѣднихъ.

Кромѣ составленія и печатанія исчисленныхъ выше томовъ Наблюдений, состоящими при обсерваторіи лицами напечатано 16 сочиненій, болѣе или менѣе объемистыхъ и относящихся къ разнымъ частямъ астрономическихъ знаній.

Библиотека обсерваторіи въ послѣдніе два года увеличилась на 362 тома книгъ и 342 брошюры и диссертаций. Изданій обсерваторіи разослано: за границу 1336, внутри имперіи 590 экземпляровъ. Печатаніе 2-й части систематического каталога библиотеки обсерваторіи, обработанной преимущественно г. Линдеманомъ, нынѣ окончено. Составляя 73 печатные листа, каталогъ этотъ содержитъ въ себѣ, въ круглыхъ числахъ, 2000 названий книгъ и 9000 названий журнальныхъ статей и брошюръ и представляетъ такимъ образомъ весьма важное дополненіе къ первому каталогу, содержащему въ себѣ 4000 названий книгъ и 15000 названий журнальныхъ статей и брошюръ. Остается только напечатать алфавитный указатель и введеніе, и книга можетъ поступить въ руки астрономовъ, которыми она давно ожидается, какъ важнейшее литературное пособіе при астрономическихъ занятіяхъ.

Изъ числа ученыхъ путешествій, предпринятыхъ лицами, при надлежащими къ составу обсерваторіи въ послѣдніе два года, важнейшее есть, безъ сомнѣнія, путешествіе г. директора для заказа большаго рефрактора. Кромѣ того, другими чинами обсерваторіи исполнены были слѣдующія поѣздки: для посѣщенія прошлогодняго собранія международнаго астрономическаго общества командированы были въ Берлинъ гг. Ромбергъ и Гассельбергъ. Послѣдній изъ нихъ представилъ подробній отчетъ о своемъ путешествіи, изъ которого видно, на сколько оно было для него полезно и поучительно. Въ особенности на новой астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ, состоящей подъ главнымъ управлѣніемъ гг. Ауверса, Кирхгофа и Ферстера, онъ видѣлъ много интереснаго по своей специальности, при обязательномъ содѣствіи гг. Фогеля и Лозе.

Въ нынѣшнемъ году командированы за границу гг. Вагнеръ и

Нюренъ. Первый изъ нихъ въ особенности имѣть въ виду переговорить съ заграничными учеными и художниками объ удобнѣйшемъ устройствѣ снаряда для опредѣленія абсолютныхъ личныхъ уравненій, въ виду примѣненія снаряда для нашихъ фундаментальныхъ опредѣленій; г. же Нюренъ преимущественно желаетъ посѣтить обсерваторіи въ Лейденѣ, Гринвичѣ и Парижѣ, для ближайшаго ознакомленія со способами фундаментальныхъ опредѣленій, принятymi на этихъ обсерваторіяхъ.

Послѣ основанія главной обсерваторіи одною изъ первыхъ заботъ В. Я. Струве было опредѣлить географическія ея координаты со всевозможной точностью. Такъ какъ Пулково должно было служить центромъ для всѣхъ астрономическихъ и геодезическихъ работъ въ Россіи, то въ высшей степени важно было точнѣйшимъ образомъ связать его по долготѣ съ заграничными обсерваторіями; и въ особенности съ Гринвичской, которая 200-лѣтнєю своею образцовою дѣятельностью заслужила полное право считаться исходною точкою счета всѣхъ долготъ, и для которой вычислялся единственный тогда въ своемъ родѣ англійскій морской иѣзыкесловъ. Для этой цѣли произведены были подъ главнѣмъ управлѣніемъ В. Я. Струве въ 1843 и 1844 годахъ двѣ большія хронометрическія экспедиціи, одна—между Пулковымъ и Альтоной, и другая—между Альтоной и Гринвичемъ, представившія случай развѣтъ незадолго предъ тѣмъ вошедшіе въ употребленіе способы опредѣленія и переноски времени. Въ конечномъ результата получена была разность долготы $= 2^{\circ} 1' 18''$, 674 съ вѣроятною ошибкою $\pm 0''$, 057, изъ которой, вслѣдствіе измѣненія съ тѣхъ порь положенія Гринвичскаго пассажнаго инструмента, нынѣ слѣдуетъ вычитать $0''$, 007. Высокая степень точности, которую на Николаевской обсерваторіи приписали этому опредѣленію, встрѣчена была тогда съ сомнѣніемъ некоторыми первоклассными астрономами; но въ новѣйшее время она блестательно подтверждена. Когда, полтора года тому назадъ, сообщены были профессору Оппольцеру въ Вѣнѣ окончательные результаты произведенного въ 1875 г. телеграфнаго опредѣленія разности долготы Пулкова и Вѣнны, и г. Оппольцеръ связалъ ихъ съ незадолго предъ тѣмъ произведенными опредѣленіемъ долготы Вѣнны отъ Гринвича, получилась разность долготы Пулкова и Гринвича $= 2^{\circ} 1' 18''$, 63 $\frac{1}{2}$; лишь на $0''$, 036 отличающаяся отъ нашего старого опредѣленія.

Телеграфные опредѣленія долготъ Варшава-Вильно, Варшава-Ковель, Пулково-Дерптъ и Вильно-Рига произведены въ лѣтніе мѣ-

сяца 1878 и 1879 годовъ подполковниками Рылько и Померанцевымъ согласно программѣ, составленной В. К. Делленомъ. При каждомъ опредѣлѣніи наблюдатели вмѣстѣ со своими инструментами мѣнялись мѣстами. Кромѣ того, они съ достохвальнымъ усердіемъ по пѣскольку разъ въ каждомъ году непосредственно опредѣлили свои личныя уравненія и собрали такимъ образомъ весьма драгоцѣнныи матеріаъ для изслѣдованія вопроса о томъ, на какую точность долготъ можно расчитывать при употребляемыхъ нынѣ способахъ. Если удастся со временемъ совершенно отѣлить постоянныи инструментальныи ошибки отъ личныхъ погрѣшностей, то это изслѣдованіе можетъ привести къ оставленію инструментовъ на мѣстѣ, и слѣдовательно, къ значительному сокращенію и труда издержекъ.

Въ послѣдніе предъ отчетнымъ періодомъ года въ Николаевской обсерваторіи произведено было вычисление широтъ, опредѣленныхъ полковникомъ Пржевальскимъ во время его путешествія 1876 и 1877 годовъ. Послѣ того гг. Вагнеръ и Делленъ занимались возможно точнымъ вычислениемъ сдѣланныхъ г. Пржевальскимъ, въ семи мѣстахъ, 11 разъ наблюденій высотъ луны. Хотя въ сущности нельзѧ было ожидать высокой точности отъ отѣленныхъ опредѣлений, произведенныхъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе довольно значительный трудъ, употребленный на эти вычислениа, не остался безполезнымъ, такъ какъ полученные абсолютныи долготы придаутъ картографіи пройденной знаменитымъ путешественникомъ страны значительно прочное основаніе. Притомъ, исполнная эту работу, обсерваторія воспользовалась случаемъ доставить нашимъ неутомимымъ и безстрашнымъ путешественникамъ ободряющую увѣренность, что она не жалѣть силъ для извлечения наилучшихъ результатовъ изъ наблюденій, добытыхъ съ такими трудами и лишеніями.

Подобнымъ же образомъ г. Делленъ недавно участвовалъ въ вычислениі астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ г. Пѣвцовымъ въ 1878 и 1879 годахъ въ Монголіи и Китаѣ. Главною задачею было извлечь наибольшую пользу для долготъ изъ довольно значительного числа покрытій небольшихъ звѣздъ, наблюденныхъ въ разныхъ мѣстахъ безъ предварительного приготовленія, почему довольно трудно было идентифицировать эти звѣзды. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не встрѣчаются въ болѣе точныхъ каталогахъ, а потому опредѣлениа ихъ мѣстъ будутъ сдѣланы только будущею зимою.

Г. Вагнеръ окончилъ обработку наблюденій г. Рафаилова, про-

изведенныхъ во время путешествія г. Чотанина по сѣверо-западной Монголіи. Статья, содержащая въ себѣ результаты его вычислений, препровождена въ Императорское русское географическое общество для напечатанія.

При новѣйшихъ перевычисленіяхъ наблюдений прохожденія Венеры, произведенныхъ въ 1761 г., не разъ возникалъ вопросъ о точномъ географическомъ положеніи мѣстности, где аббатъ Шаппъ д'Отерошъ наблюдалъ это явленіе въ Тобольскѣ. Это обстоятельство послужило г. Вагнеру поводомъ ближе заняться этимъ предметомъ. Извѣстно было только, что Ганстенъ, Дуз и Эрманъ, во время своего извѣстнаго путешествія по Сибири, разыскали мѣстность Шапповой обсерваторіи, но другихъ подробностей никогда не было обнародовано. Теперь г. Вагнеру обязательно доставлены были профессоромъ Фернлеемъ въ Христіаніи копія журнала Дуз и письмо, относящееся къ этому предмету. При помощи этихъ данныхъ и плана города Тобольска отъ 1831 г., доставленного полковникомъ Коверскимъ изъ архива главнаго штаба, г. Вагнеру удалось точно отнести мѣсто Шапповой обсерваторіи къ пунктамъ города, опредѣльными Федоровыми.

Изслѣдованій компенсаціи хронометровъ въ послѣдніе два года не произведено въ обсерваторіи, потому что ограниченное число находившихся тамъ хронометровъ не могло бы оправдать труда, кото-
рого стоитъ поддержание необходимыхъ для этихъ изслѣдованій по-
стоянныхъ температуръ. Уменьшеніе числа наличныхъ хронометровъ произошло отъ того, что наибольшая часть принадлежащихъ военно-
топографическому отдѣлу главнаго штаба хронометровъ въ 1878 г.
была въ употребленіи при столь же превосходныхъ, сколь обширныхъ
астрономическихъ и геодезическихъ работахъ, произведенныхъ на
театрѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, работахъ, которыи на всегда
останутся славнымъ памятникомъ трудолюбія и искусства русскихъ
геодезистовъ. По возвращеніи же этихъ хронометровъ, они нуждались въ тщательномъ осмотрѣ и чисткѣ, такъ что лишь весною тек-
ущаго года были возвращены въ Пулково.

За то въ теченіе послѣдняго года г. Делленъ произвелъ другія
весьма любопытныя изслѣдованія о ходѣ 15 хронометровъ. Для удоб-
ства этихъ работъ, въ его квартирѣ устроено реле, соединенное съ
нормальными часами, такъ что, не выходя изъ кабинета, онъ можетъ
дѣлать во всякое время желаемыя наблюденія. Предметомъ его изслѣ-
дованій были, впервыхъ, измѣненія въ ходахъ хронометровъ, за-

висящія отъ наклоннаго положенія послѣднихъ, вовторыхъ, измѣненія суточныхъ ходовъ въ зависимости отъ времени, истекшаго послѣ ихъ заводки. Поводомъ къ первой части изслѣдованій послужили преимущественно замѣченія генераль-лейтенантомъ Маевскимъ измѣненія ходовъ двухъ принадлежащихъ ему отличныхъ хронометровъ Вирена при незначительномъ даже наклоненіи ихъ. Подобное влияние наклонности найдено было также въ некоторыхъ другихъ хронометрахъ, и въ иныхъ даже еще въ большей степени. Поэтому весьма важно было обратить вниманіе художниковъ на это обстоятельство, котораго въ прежнихъ хронометрахъ Дента и Кессельса, лѣтъ 25—30 назадъ, не смотря на тщательное изслѣдованіе ихъ, не замѣчалось.

Испытанія хронометровъ относительно периодическихъ суточныхъ измѣнений дали вообще весьма благопріятный, въ смыслѣ ровности хода, результатъ. Однако нашлись иѣкоторые хронометры, въ которыхъ подобныя измѣненія столь значительны, что нельзя было бы пренебречь ими въ точнѣйшихъ опредѣленіяхъ, каковы, напримѣръ, телеграфныя опредѣленія долготъ. При 48-часовомъ ходѣ хронометровъ измѣненія гораздо болѣе чувствительны. Такъ, напримѣръ, два хронометра, одинъ Вирена, другой Фроджема, дали суточные ходы, различные на двѣ секунды, смотря по тому, были ли эти ходы выведены изъ первыхъ 8 часовъ послѣ заводки, или изъ послѣднихъ 8 часовъ до заводки.

Вышеупомянутый хронометръ Вирена—тотъ самый, въ которомъ сдѣлано устройство для отчитыванія размаховъ баланса. Г. Делленъ много трудился надъ изслѣдованіемъ его и приходитъ въ слѣдующемъ результатахъ: 1) замѣченія въ этомъ хронометрѣ измѣненія суточнаго хода при заведѣ чрезъ 48 часовъ совершиенно совпадаютъ съ соотвѣтственными измѣненіями размаховъ баланса, такъ что по введеніи поправокъ отъ размаховъ восстанавливается изумительно правильный за весь промежутокъ ходъ; 2) коэффиціентъ, найденный для поправки хода отъ периодическихъ измѣненій размаховъ, вполнѣ примѣнимъ также къ поступательнымъ измѣненіямъ хода въ теченіе двухъ лѣтъ, выражающимся въ измѣненіяхъ размаховъ; 3) измѣненія хода хронометра отъ наклонности, хотя совпадаютъ съ измѣненіями размаховъ баланса, но слѣдуютъ другому закону, который нужно еще ближе изслѣдовывать.

О работахъ, произведенныхъ въ механической мастерской обсерватории по исправленію главныхъ инструментовъ, уже упомянуто

выше. Оийъ всѣ произведены г. Гербстомъ съ извѣстною его тщательностью. Здѣсь же должно сказать о произведенномъ, согласно желанію товарища генераль-фельдцейхмейстера, графа Баранова, приспособленіи устроеннаго 25 лѣтъ тому назадъ по указаніямъ директора обсерваторія дальнемѣра къ употребленію въ полевой артиллериі. Труднѣйшою задачею этого измѣненія было придать коллимациіи инструмента по возможности болѣе постоянства, такъ чтобы она не измѣнялась при быстрой перевозкѣ инструмента вмѣстѣ съ батареями. Въ этомъ отношеніи задача решена вполнѣ удачно. Послѣ десятиверстной перевозки инструмента при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ на простой телегѣ, не замѣчено ни малѣйшаго сѣда измѣненій коллимациіи. Но, съ другой стороны, это усовершенствование сопряжено было съ значительнымъ увеличеніемъ вѣса инструмента, а потому удобопримѣнимость его для военныхъ цѣлей можетъ подлежать еще сомнѣнію.

Въ послѣднее время изготовлены г. Гербстомъ два универсальные инструменты для морскаго вѣдомства. По изслѣдованіи оба оказались устроенными весьма цѣлесообразно. Можно было бы только пожелать, чтобы дѣленія, хотя для предстоящаго назначенія инструментовъ удовлетворительны, еще въ большей мѣрѣ соответствовали другимъ отличнымъ качествамъ этихъ инструментовъ.

Въ кругъ дѣятельности обсерваторіи входятъ также и занятія учебнаго характера. Съ начала нынѣшняго года въ званіи сверхштатныхъ астрономовъ состоять при обсерваторіи кандидатъ Дерптскаго университета Людвигъ Струве и кандидатъ С.-Петербургскаго университета Левъ Вучиховскій. На дніахъ командированъ въ обсерваторію отъ Харьковскаго университета кандидатъ Александръ Рейнботъ.

Въ концѣ 1878 г. окончили двухлѣтній практическій курсъ въ Пулковѣ три офицера Николаевской академіи генеральнаго штаба: капитанъ Гладышевъ и штабсъ-капитаны Назарьевъ и Барановъ. По успѣшности практическихъ занятій первыхъ двухъ изъ нихъ и по удовлетворительности представленныхъ ими сочиненій, ихъ можно было признать достаточно подготовленными для предстоящей имъ геодезической дѣятельности, почему они и были представлены къ переводу въ разрядъ геодезистовъ; что же касается до штабсъ-капитана Баранова, то какъ практической, такъ и теоретической его подготовкѣ значительно мѣшала болѣзнь его глазъ, и по результатамъ

всѣхъ вообще его занятій онъ могъ быть выпущенъ только по второму разряду.

Въ нынѣшнемъ году оканчиваютъ слушаніе здѣшнаго курса также трое офицеровъ: маіоръ Макаревичъ, капитанъ Поморцовъ и штабс-капитанъ Гедеоновъ.

Обыкновенно офицерами академіи генерального штаба во второе лѣто ихъ пребыванія здѣсь исполняются подъ руководствомъ ихъ непосредственнаго наставника небольшія астрономическія и геодезическія операциіи, при самостоятельной обработкѣ которыхъ они имѣютъ случай выказать пріобрѣтенныя на обсерваторіи познанія. Такъ лѣтомъ 1878 г. имъ предложена была задача: опредѣлить долготу и широту новой магнитно-метеорологической обсерваторіи въ Павловскѣ. Превосходно исполненные наблюденія были тщательно обработаны капитаномъ Гладышевымъ въ видѣ темы для выпускнаго сочиненія. Г. Гладышевъ нашелъ, что Павловская обсерваторія лежитъ на $37^{\circ} 98' \text{ к}.\text{в.}$ оть Пулкова подъ широтою $59^{\circ} 41' 9''$, 1. Довольно замѣчательно, что этотъ выводъ въ обоихъ координатахъ до сотыхъ долей секунды согласенъ съ координатами, выведенными А. Ф. Вагнеромъ изъ измѣренныхъ по его указаніямъ управлявшимъ Павловской обсерваторіей г. Мильбергомъ горизонтальныхъ угловъ между различными, известными по положенію, геодезическими пунктами. Это согласие доказываетъ, что между Пулковымъ и Павловскимъ не за мѣсто ни малѣйшаго слѣда отклоненія отъѣсной линіи.

Въ нынѣшнемъ году офицерами академіи между прочимъ будетъ сдѣлана точная нивелировка для опредѣленія высоты Павловска относительно Пулкова. Такимъ образомъ и третья координата Павловской обсерваторіи, именно высота ея надъ уровнемъ моря, имѣющая для этой обсерваторіи наибольшую важность, скоро будетъ известна съ большою точностью.

Отъ гидрографического департамента командированы были на обсерваторію въ началѣ нынѣшняго года капитанъ Стенинъ и мичманъ Ланевский-Волкъ для приготовленія подъ руководствомъ В. К. Деллена къ предстоящимъ инымъ астрономическимъ опредѣленіямъ при гидрографическихъ работахъ въ Приморскомъ краѣ Восточной Сибири; первый изъ нихъ съ живѣйшимъ усердіемъ воспользовался пребываніемъ на обсерваторіи и дѣйствительно пріобрѣлъ такой навыкъ въ астрономическихъ опредѣленіяхъ, что можно ожидать отъ него вполнѣ успѣшного выполненія возложенныхъ на него работъ. Къ сожалѣнію, пребываніе г. Ланевского на обсерваторіи было чрезвычайно

кратковременно, но можно надѣяться, что отличные способности его вознаградятъ недостаточность его подготовки.

Наконецъ, остается упомянуть о пребываніи на обсерваторіи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль геодезиста подполковника Померанцева, извѣстнаго превосходными своими телеграфными опредѣленіями долготы. Будучи назначенъ помощникомъ начальника Туркестанского военно-топографического отдѣла, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ завѣдывать выстроенной недавно въ Ташкентѣ астрономической обсерваторіей, а потому онъ желалъ поближе познакомиться съ приемами чисто научныхъ астрономическихъ наблюдений. Можно ожидать, что подъ его управлениемъ новая обсерваторія, кромѣ выполненія работъ для геодезическихъ цѣлей, пріобрѣтетъ достойное имя и на чисто астрономическомъ поприщѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1879 ГОДУ.

Минувшій годъ составляетъ, въ лѣтописяхъ Русскаго географическаго общества достойное продолженіе его прежнаго многополезнаго существованія. Представляемъ обозрѣніе важнѣйшихъ событий этого года въ жизни общества, и прежде всего, упомянемъ о тѣхъ членахъ его, которыхъ въ минувшемъ году лишилось Общество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и географическая наука и связанныя съ нею знанія.

Въ числѣ скончавшихся членовъ Общества должно назвать прежде всего митрополита Московскаго Илліокентія, прославившаго свою проповѣдью на Алеутскихъ островахъ и въ бывшихъ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ и описавшаго бытъ туземнаго населенія; затѣмъ А. И. Левшина, извѣстнаго своимъ описаніемъ Киргизской орды и участіемъ въ статистическихъ работахъ министерства государственныхъ имуществъ; М. Л. Онацевича, заслужившаго извѣстность своими геодезическими и гидрографическими работами въ Восточномъ и Ледовитомъ океанахъ; извѣстнаго зоолога академика Ф. Ф. Брандта, и наконецъ, К. И. Тихонравова, автора многихъ статистическихъ, этнографическихъ и историко-археологическихъ изслѣдований о Владимірской губерніи.

Текущая дѣятельность Общества выражается преимущественно въ ученыхъ экспедиціяхъ, имъ снаряженныхъ, и въ отдѣльныхъ поѣздкахъ его членовъ. Въ истекшемъ году количество научныхъ силь, направлennыхъ на изученіе окраинъ Россіи и прилежащихъ странъ, было столь же значительно, какъ и въ предшествующіе годы. Въ сѣверо-западной Монголіи по направлению къ Тибету производила свои из-

слѣдованія экспедиція Н. М. Пржевальскаго; тамъ же, но сѣвернѣе, дѣйствовали Г. Н. Потанинъ и А. В. Адріановъ; тамъ же, но восточнѣе пролегаТЬ маршруты поѣздки М. В. Пѣвцова; ближе къ западу въ бассейнѣ Или и Текеса производилъ свои изслѣдованія г. Алфераки; на пространствѣ русскаго Туркестана, Бухары и Хивы работали подъ начальствомъ великаго князя Николая Константиновича Н. А. Маевъ, И. В. Мушкетовъ, Н. Н. Зубовъ, Н. В. Сорокинъ; еще ближе къ западу, на визовьяхъ Аму, производили свои работы нѣсколько лицъ, входящихъ въ составъ правительственной экспедиціи, состоящей подъ начальствомъ А. И. Глуховскаго. На другой, противуположной окраинѣ, именно на Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ, продолжали свою дѣятельность поручикъ Тягинъ и молодой натуралистъ Оскаръ Нордквистъ, командированный Обществомъ къ участію въ экспедиціи профессора Норденшельда. Къ нимъ долженъ былъ присоединиться еще А. В. Григорьевъ, командированный Обществомъ на встречу профессора Норденшельда; но это предпріятіе, къ сожалѣнію, окончилось неудачей.

Еще въ 1878 году представленъ былъ Н. М. Пржевальскимъ въ совѣтъ Археографического Общества проектъ новой экспедиціи въ среднюю Азію, которая должна была быть непосредственнымъ продолженіемъ только что оконченной неутомимымъ путешественникомъ экспедиціи на озеро Лобъ-Норъ.

Признавая полную невозможность пройти до Лассы черезъ Лобъ-норъ, въ особенности въ виду послѣднихъ событий въ Кашгаріи, г. Пржевальскій нашелъ необходимымъ избрать одинъ изъ болѣе далекихъ, кружныхъ путей. Сравнительная оцѣнка всѣхъ этихъ путей заставила его остановиться на двухъ изъ нихъ, какъ наиболѣе удобныхъ: одинъ, болѣе короткій, черезъ Гучень, Хами, Цайдамъ, Ша-джеу и верховья Голубой рѣки, представляетъ болѣе интереса по своей неизвѣстности и пролегаетъ черезъ мѣстности, почти совершенно не изслѣдованныя, но въ то же время нѣсколько опасенъ вслѣдствіе значительнаго количества китайскихъ войскъ, наполнающихъ сѣверные города этого пути; другой, болѣе далекій путь идетъ черезъ Ургу и Куке-норъ и далѣе большою караванною дорогой; вполнѣ безопаснѣй и спокойнѣй, путь этотъ въ то же время тажелъ по своей длини, и пролегая по мѣстности, уже изслѣдованной, не представляетъ большаго научнаго интереса.

Предполагая достигнуть Лассы тѣмъ или другимъ путемъ, смотря

по обстоятельствамъ, г. Пржевальский выразилъ въ своемъ проектѣ намѣреніе посвятить около года на изученіе Тибета, сдѣлать экспедицію въ юго-восточную часть его и возвратиться въ Россію черезъ Западный Тибетъ, Хотанъ, Кашгаръ и Туркестанъ.

По одобреніи этого проекта какъ совѣтомъ Общества, такъ и правительствомъ, 20-го января 1879-го года г. Пржевальскій со спутниками своими оставилъ Петербургъ, направляясь въ Зайсанскій постъ, гдѣ сложено было имъ на сохраненіе все снаряженіе экспедиціи.

Выступивъ изъ Зайсана въ началѣ апрѣля, экспедиція къ 1-му мая, достигла рѣки Булаганъ, пройдя около 600 верстъ отъ Зайсана черезъ Булунь-тохой вверхъ по рѣкѣ Урунгу. Къ 30-му мая экспедиція была уже въ Хами, сдѣлавъ такимъ образомъ около трети пути, раздѣляющаго Зайсанъ отъ Гималаевъ. Китайскія власти въ Хами оказали экспедиціи самый радушный пріемъ, и что было особенно важно для Пржевальскаго, дали ему конвой изъ офицера и семи солдатъ. Присутствіе этого конвоя на пути, не огражденномъ пикетами, было чрезвычайно полезно для экспедиціи, такъ какъ гарантировало ея безопасность на случай возможнаго недоразумѣнія съ китайскими властями. За Хами, гдѣ окончилась населенная часть сѣверо-западной Монголіи, передъ нашими путешественниками лежала самая трудная и опасная часть пути: безконечная, песчаная раскаленная въ это время года Хамійская пустыня, такъ-называемая Мушуньская Гоби. 347-ми-верстный переходъ черезъ эту пустыню въ юго-восточномъ направлениі длился цѣлыхъ двѣ недѣли, съ 1-го по 14-е іюна. Переходъ этотъ былъ страшно труденъ: жара доходила днемъ до $+38^{\circ}$ Ц. почва же нагрѣвалась до $+68^{\circ}$. Сухость воздуха была огромная. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ идти впередъ днемъ было невозможно; приходилось подвигаться ночью. Переходъ впрочемъ окончился благополучно: потеряли всего лишь двухъ верблюдовъ. Животная и растительная жизнь степи оказалась крайне бѣдною: изрѣдка попадались мѣста съ тонкою травою, но и эти оазисы отстоять одинъ отъ другаго верстъ на 70 и болѣе. Изъ животныхъ экспедиція встрѣтила только *Antilope subgutturosa* и дикихъ верблюдовъ, которые заходять сюда изъ пустыни Лобъ-пора. На всемъ протяженіи черезъ Гоби до Ша-джеу экспедицію провожалъ китайскій конвой, данный Пржевальскому Хамійскими властями.

Довольно продолжительное пребываніе въ Ша-джеу совершенно вознаградило путешественниковъ за перенесенные ими лишенія. Оазисъ Ша-джеускій весьма плодороденъ: это лучшее, послѣ Кульджи, мѣсто

редней Азии. Тотчасъ за городомъ стоять града смычущихъ песковъ, составляющихъ восточный край Лобъ-норского Кумъ-тага; за песками высится террасами громадныя горы, мѣстами переходящія за съѣжную линію. Здѣсь Лобъ-норскій Алтынъ-тагъ соединяется съ Куке-норскимъ Нань-шанемъ. Такимъ образомъ вопросъ объ этомъ соединеніи рѣшенъ окончательно. Во время своего пребыванія въ Ша-джеу г. Пржевальскій предпринималъ нѣсколько экспедицій въ близъ лежащія горы Нань-шань, частью съ научною цѣлью, а частью для отысканія проводниковъ, которые могли бы указать экспедиціи путь на Куке-норъ, къ Тибету. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца попытки его встрѣтить проводниковъ оказывались безплодными; наконецъ, 24-го юла, онъ встрѣтился въ горахъ трехъ Монголовъ, охотившихся тамъ, и собирая отъ нихъ разспросный свѣдѣнія, узналъ, что они родомъ съ озера Сертенъ, которое лежитъ къ юго-западу отъ Ша-джеу, и отъ кото-рого путь идетъ прямо на Куке-норъ. Оставивъ Ша-джеу, г. Пржевальскій и его спутники направились черезъ Куке-норъ къ Цайдаму, а 12-го сентября, перейдя черезъ границы юнаго Цайдама, вышли на большую дорогу, ведущую изъ Китая въ Тибет и охраняемую китайскими пикетами.

Мѣстные монгольскіе чиновники Си-нинъскаго округа, у которыхъ г. Пржевальскій оставилъ на храненіе два ящика съ своими коллекціями, отговаривали нашего путешественника пускаться въ этотъ путь. Си-нинъскій (или Куке-норскій) амбанъ посыпалъ къ г. Пржевальскому приближенного своего толмача, чтобы передать ему какія-то письма, вѣроятно, заключавшія въ себѣ советы и просьбы измѣнить направление и отправиться въ Сычуань, но толмачъ этотъ не засталъ уже г. Пржевальскаго въ предѣлахъ Си-нинъскаго округа и привезъ письма обратно къ амбану. По видимому, Китайцы не ожидали, что путешественникъ нашъ самъ найдеть себѣ проводниковъ изъ Ша-джеу въ Цайдамъ и оттуда направится прямымъ путемъ, не заходя на Куке-норъ. Хорошее вооруженіе экспедиціи, при которомъ она не нуждается въ китайскомъ вооруженномъ конвое, соединенное съ рѣшительностью и быстротою движений ее начальника, разстроили до сихъ поръ всѣ планы Китайцевъ.

Дальнѣйшия извѣстія о г. Пржевальскомъ указываютъ однако, что онъ не могъ проникнуть въ Лассу и въ настоящее время уже направляется къ русскимъ предѣламъ чрезъ внутренній Китай.

Новая экспедиція Г. Н. Потанина въ сѣверо-западную Монголію является, точно также какъ и экспедиція г. Пржевальскаго, непо-

средственнымъ продолженiemъ только что оконченной. Разрабатывая собранный имъ материалъ, г. Потанинъ могъ убѣдиться, что Монголія представляетъ еще много новыхъ вопросовъ, не затронутыхъ имъ въ первую экспедицію. Такъ какъ совѣтъ Общества согласился съ этимъ мнѣніемъ, то и рѣшено было вновь командировать г. Потанина для посѣщенія тѣхъ частей сѣверо-западной Монголіи, которыя не были имъ осмотрѣны въ первую поїздку.

Исходнымъ пунктомъ, изъ которого экспедиція вступила въ мѣстности, мало дотолѣ изслѣдованныя, былъ Кошагачъ. Оставивъ Кошагачъ 9-го іюня 1879 года, экспедиція отправилась на наемныхъ верблюдахъ въ Улангомъ, въ вершинахъ рѣки Тожонгты перевалила че-резъ Сайльтемъ, и затѣмъ, оставивъ озеро Цаганъ-норъ въ правой рукѣ, спустилась въ долину Беконъ-бере, и переправившись черезъ эту рѣку достигла урочища Алтынъ-хатысынъ, до которого доѣзжалъ въ XVIII столѣтіи русскій посолъ къ Алтынъ-хану—Старковъ. Отсюда экспедиція достигла до Улангома. Здѣсь г. Потанинъ купилъ верблюдовъ и поднялся, въ половинѣ іюля, на алپы, отдѣляющія низменность озера Убса отъ степной долины рѣки Беконъ-бере. Во время путешествія Потанинъ собралъ образцы флоры пройденной мѣстности и взялъ образцы горныхъ породъ. Нанятый г. Потанинимъ въ Уалъ крещеный и грамотный Телеутъ Иванъ Чивальковъ записалъ нѣсколько алтайскихъ былинъ на татарскомъ языке. Кроме того, г. Потанинъ лично записалъ по русски много вариантовъ шаманскихъ легендъ. Спутникъ его А. В. Адріановъ, занимаясь естественно-историческими работами, въ то же время снялъ фотографически виды наиболѣе замѣчательныхъ мѣстностей, нѣсколько типовъ, предметы и принадлежности шаманского богослуженія и нѣсколько каменныхъ бабъ. Изъ Улангома, гдѣ къ экспедиціи примкнулъ топографъ г. Орловъ, экспедиція направилась на сѣверъ, въ систему Енисея. Обогнувъ озеро Убса съ запада, она достигла до устья рѣки Торхоликъ, самаго значительного притока озера Убса съ сѣвера; по долинѣ этой рѣки экспедиція углубилась въ ущелья хребта Танну-ала; влѣво отъ дороги были усмотрѣны ломки каменной соли, залегающей въ пластахъ песчаника и конгломератовъ. Линію монгольскихъ карауловъ дорога пересѣкаетъ при караулѣ Цициргана, который расположенъ на рѣкѣ Торхоликѣ. Всѣ караулы къ западу отъ Дзиндзилика конные, то-есть, такие, на которыхъ Монголы служить только по три года и потомъ смѣняются, а потому здѣсь неѣть того богатства въ скотѣ, какое экспедиціяви

дѣла на лавіи къ востоку отъ Дзиндзилка, гдѣ караулы имѣютъ постоянное населеніе. Изъ двухъ ближайшихъ горныхъ проходовъ экспедиція избрала западный, болѣе удобный, идущій чрезъ притокъ Торхолика, рѣчку Абурь-амрыкъ; подъемъ былъ пологій и мало лѣсистый, спускъ—кругой и густо заросшій лиственицей. Выходовъ кристаллическихъ породъ на гребѣ не замѣчено; обнаженія на обоихъ склонахъ хребта состоятъ изъ песчаниковъ и конгломератовъ. Нѣсколько ниже по теченію экспедиція встрѣтила населеніе, состоящее изъ Уранхайцевъ и занятое уборкой хлѣбовъ. Отъ Торхолика путь экспедиції лежалъ вверхъ по долинѣ Улу-кема; 8-го октября (новаго стиля) экспедиція достигла устья рѣки Елегеша, выше которого на берегу Улу-кема нашла замкну минусинскаго купца Сафьянова. Выше устья Елегеша хребетъ Танну-ола отходитъ отъ Улу-кема на значительное разстояніе, и здѣсь на лѣвомъ берегу разстилается степь, на которой лежать озера: Тувь-куль, Джидеръ и Алгый; на первомъ Уранхайцы добываютъ соль и продаютъ русскимъ купцамъ. Устье рѣки Елегеша лежитъ между скалистыми горами, состоящими изъ песчаниковъ, между которыми залегаютъ пласты каменнаго угла. Отъ замкны Веселкова до замкны Сафьянова лѣвый берегъ Улу-кема плоскій. На Елегешѣ экспедиція нашла многолюдное населеніе изъ Уранхайцевъ, принадлежащихъ къ хошуну Уинъ. Оставивъ русскія замкны, экспедиція направилась вверхъ по лѣвому берегу рѣки Ха-кема. Чрезъ три перехода путешественники достигли до ставки огурда (князя) Сальджакъ-Уранхайцевъ, по имени Май-тере, близъ рѣки Буренъ. Огурда принялъ экспедицію любезно въ даль проводниковъ и рабочихъ до озера Терь-норъ или Терь-куль. За одинъ переходъ до устья Бурена долина Улу-кема уже опять стѣсняется горами; выше Бурена Улу-кемъ течеть въ тѣсныхъ берегахъ; дорога экспедиціи должна была проходить по гористой и лѣсистой странѣ. Обыкновенно отъ Бурена до Терь-нора считается 10 дней ходу на выучныхъ лошадахъ, но на верблюдахъ, и при этомъ въ позднее время года, когда перевалы завалены глубокамъ снѣгомъ, путешественники должны были употребить 25 дней, чтобы дойти до береговъ Терь-нора. Мѣстные жители по этой дорогѣ на верблюдахъ не ходятъ: хлѣбъ и соль съ Бурена на Терь-норъ доставляются исключительно на выучныхъ лошадахъ. Оставивъ берегъ Бурена, дорога на Терь-норъ близъ устья Бельбека подходитъ къ Ха-кему, но потомъ отклоняется далеко на югъ, почти къ вершинамъ его притока Большаго Джебека, и пересекаетъ долины другихъ притоковъ Ха-кема-Сидзима,

Малаго Джабея и Уима. Первые долины узки; вся окрестная страна представляет гористую, съ трудомъ проходимую тайгу изъ лиственница, елей и кедровъ; дорога проходитъ или по гребнямъ горныхъ грядъ, или по южнымъ косогорамъ, которые менѣе лѣсисты, чѣмъ сѣверные склоны горъ; по сѣвернымъ склонамъ, и особенно по дну долинъ, заваленному валежникомъ, совсѣмъ вѣтъ проѣзда; да и тамъ, где проходитъ дорога, экспедиціи приходилось разчищать ее: постоянно четыре или два человѣка шли впереди каравана и рубили лѣсъ; иногда приходилось дѣлать дневку, пока люди были заняты рубкой лѣса; въ день приходилось дѣлать не болѣе семи верстъ. На этомъ пути экспедиціи встрѣчались только немногіе берестяные шалаші Урянхайцевъ-звѣропромышленниковъ. Долина Уима представляетъ высокую лежащую котловину въ нѣсколько верстъ ширинѣ: дно ея—сплошное болото, въ этой пустынной мѣстности сальджакъ-урянхайскій огурда выставляетъ пиветъ изъ нѣсколькихъ шалашей, который обизанъ возить почту и чиновниковъ. Пересѣкши рѣку Уимъ близъ ея впаденія въ Большой Джабей, а затѣмъ и этотъ послѣдній, дорога поднимается на горы, сопровождающія правый берегъ Джабея, и переваливъ черезъ нихъ, спускается къ вершинѣ рѣки Калтагай; долиною этой рѣки она выходитъ на долину рѣки Тарбагатай, а изъ послѣдней переваливаетъ въ долину рѣки Карги или Харги. Плоскій перевалъ отдѣляетъ эту рѣку отъ котловины, въ которой лежитъ озеро Терь-норъ. Озеро окружено со всѣхъ сторонъ горами, имѣть извилистые берега и много острововъ. На берегу его экспедиція застала жителей, которые составляютъ такъ-называемый озерный сумынъ (Нурь-сумынъ или Куль-сумынъ), подчиненный сальджакскому огурду. Жители имѣютъ стада коровъ, лошадей и овецъ и занимаются ловлей рыбы въ озерѣ посредствомъ сѣтей изъ конского волоса. По общему показанію мѣстныхъ жителей, рѣка, вытекающая изъ озера Терь-норъ, называется Ха-кемъ, или какъ произносятъ терь-норскіе жители, Ха-хемъ. Съ южного берега озера экспедиціи открылся видъ на высокій хребеть Таниу-олы, протянувшійся съ восточной стороны озера въ направленіи съ юга на сѣверъ. Изъ четырехъ горныхъ проходовъ, находящихся въ этомъ хребтѣ, экспедиція направилась на самый южный, лежащій въ вершинахъ рѣки Агашъ, которая течетъ въ Бальдинъ-голь: перейдя въ бродъ послѣднюю, экспедиція по долинѣ небольшой рѣчки поднялась на перевалъ; здѣсь лиственничный лѣсъ доходитъ почти до вершины перевала; гребень хребета состоитъ изъ гранитонъ и гранито-сіенитонъ, которые вскорѣ въ до-

лииъ р. Термиса уступаютъ мѣсто известнякамъ, почти непрерывно тянущимся отсюда до береговъ Тельгира. Населеніе стало встрѣчаться только тогда, когда экспедиція спустилась къ нижней части течения Термиса; сначала появились Уранхайцы озерааго сумына, а потомъ на Агырѣ и Дархаты. Отъ Термиса снѣга быстро уменьшаются, на днѣ же долинъ Агыра и Тельгира не было вовсе снѣга. Сюда приходитъ почти все Дархатское племя на зимовку; на сѣверной сторонѣ Танну-олы остаются только ламы, живущіе постоянно въ куренѣ на Шишкитѣ. Нѣкоторыя семьи пришли на зимовку только за нѣсколько дней до прибытія экспедиціи; такой поздній срокъ перекочевки объясняется тѣмъ, что въ видахъ засухи и неурожая травы въ прошлое лѣто Дархаты дольше промедлили на сѣверной сторонѣ хребта, чтобы позже начать потраву тельгирскихъ степей. На Агырѣ г. Потанинъ нанялъ десять лошадей и налегкѣ выѣхалъ въ дархатскій курень, переваливъ еще разъ чрезъ Танну-олу по горному проходу Джами-митенъ-дабанъ, лежащему между рѣками Алтырѣ и Бальбрѣкъ. Миновавъ послѣдній, дорога 'переваливаетъ еще черезъ горный проходъ Оленъ-дабанъ и спускается въ долину р. Шишкита, верстахъ въ 40 выше курена. Слѣдуя внизъ по правому берегу Шишкита, достигаешь до дархатского монастыря, довольно богатаго и обширнаго. Здѣсь экспедиція нашла дворъ русскаго купца Посылина, который ежегодно зимуетъ здѣсь, выѣзжая въ Иркутскъ только на одинъ мѣсяцъ среди зимы. Изъ дархатского куреня экспедиція отправилась въ Тунку; сначала ѿхали вверхъ по рѣкѣ Арасаю, потомъ по рѣкѣ Улей, впадающей въ него слѣва; въ вершинахъ этой рѣчки поднялись на перевалъ, и затѣмъ по другой рѣчкѣ, которая называется Ойги, спустились къ берегу озера Косоголъ. Далѣе дорога идетъ на сѣверъ по западному берегу озера; проходить сначала по покатому заливу, лежащему между озеромъ и сопровождающими его берегами горами. Сѣвернѣе устья рѣки Хатынъ по берегу озера разстилается болотистая безлѣсная безсѣжная равнина, имѣющая до трехъ верстъ ширину и мало возвышающаяся надъ озеромъ; сѣверный берегъ озера извилистъ и часто образуетъ бухты, отрѣзанныя отъ него песчаными косами, по которымъ иногда и пролегаетъ дорога. Горный перевалъ изъ котловины Косогола въ долину рѣки Иркута имѣть менѣе крутые спускъ и подъемъ, чѣмъ перевалъ между Косоголомъ и Шишкитомъ. 23-го ноября экспедиція выѣхала въ мѣстечко Мондъ, гдѣ нашла первыя деревянныя юрты нашихъ Бурятъ, а 25-го ноября добралась до первой казачьей деревни Туранъ, откуда началась

постоянная санная дорога. 1-го декабря 1879 года г. Потанинъ и его спутники уже прибыли въ Иркутскъ, гдѣ намѣрены были пройти зиму надъ разработкою собранного материала и съ наступлениемъ весны имѣютъ въ виду опять продолжать экспедицію.

Въ теченіе лѣта 1879 года экспедиціей пройдено 1,800 верстъ; опредѣлено г. Оловыемъ 6 астрономическихъ пунктовъ, и составлены карты маршрутовъ 1) отъ Кошъ-агача до Улангома, 2) отъ Улангома до Кобдо и 3) отъ Улангома до сѣвернаго конца озера Косогола; сдѣланъ рядъ барометрическихъ наблюденій за весь пройденный путь; приготовлено 80 чучель птицъ, и собрано до тысячи экземпляровъ насѣкомыхъ, до 400 видовъ растеній и 120 образцовъ горныхъ породъ.

Не распространяясь столь же подробно о другихъ экспедиціяхъ, совершенныхъ по иниціативѣ или при участіі Географического общества, замѣтимъ только, что всѣ онѣ дали существенные научные результаты. Такъ экспедиція М. В. Пѣвцова въ Куку-Хото, начатая еще въ 1878 году, доставила богатыя топографическія данныя о внутреннемъ Китаѣ: маршрутную съемку, географическое распределеніе 28 опорныхъ пунктовъ, барометрическія опредѣленія высотъ, рядъ геогностическихъ свѣдѣній и коллекціи естественно-исторической. Экспедиція для изслѣдованія направлениія средне-азіатской желѣзной дороги и р. Аму доставила материалы для пополненія картъ южной Бухары и Гиссара, подробно изучила р. Аму на всемъ протяженіи ее судоходности, произвела астрономическія опредѣленія нѣсколькоихъ пунктовъ, также наблюденія метеорологическія и естественно-историческія и собрала значительный запасъ археологическихъ, этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, преимущественно о Бухарѣ. Точно также опытъ учрежденія метеорологической станціи на Новой Землѣ увѣличался полнымъ успѣхомъ и доставилъ богатый материал о климатѣ Новой Земли.

Поѣздки, совершенныя членами Географического общества въ предѣлахъ Европейской Россіи, имѣли въ 1879 г. по преимуществу характеръ антропологическихъ изслѣдований. Такъ И. С. Поляковъ совершилъ поѣздку въ Тульскую, Воронежскую, Казансскую и Пермскую губерніи и въ Закавказье, разыскивая во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ слѣды каменного вѣка; важнѣйшія изъ его находокъ въ этомъ отношеніи были сдѣланы у с. Костенокъ, въ Воронежской губерніи, гдѣ имъ найдены каменные орудія совмѣстно съ костями мамонта. Точно также обильную добычу каменныхъ и костяныхъ орудій до-исторического вѣка, а

въѣстъ съ тѣмъ и нѣсколько череповъ древнѣйшихъ людей, найдено А. А. Иностраннымъ при рѣтѣ Сасского канала близъ Ладожскаго озера. Наконецъ, К. С. Мережковскому удалось найти богатыи залежи каменныхъ орудій въ южной части Крыма.

Кромѣ исчисленныхъ экспедицій и поѣздокъ отдѣльныхъ лицъ, Географическое общество содѣйствуетъ обогащению географической науки чрезъ собираніе разнаго рода свѣдѣній при посредствѣ многихъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ теченіе 1879 года этимъ путемъ оно получило обширный запасъ метеорологическихъ наблюденій, рядъ свѣдѣній по изученію способовъ землевладѣнія въ Россіи, нѣсколько записокъ о народныхъ юридическихъ обычаяхъ, и наконецъ, вообще новые материалы по русской этнографії.

При такомъ разнообразномъ развитіи своей изслѣдовательной дѣятельности, Географическое общество естественно должно въ широкихъ размѣрахъ развивать и свою дѣятельность издательскую. Въ теченіе 1879 года имъ выпущены въ свѣтъ: 1) новый томъ перевода Риттера „Землевѣдѣнія Азіи“, заключающій въ себѣ описание Восточной Сибири; 2) Описание Кашгаріи, составленное А. Н. Куропаткинымъ; 3) VIII-й томъ Записокъ по общей географії, и 4) XV-й томъ Извѣстій Общества. Приготавляются же къ печати, а частью и отпечатаны, описания путешествій Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. А. Чекановскаго и новые томы Записокъ по разнымъ отдѣленіямъ Общества.

Авторитетъ, который издавна пріобрѣло себѣ Русское Географическое общество въ ученомъ мірѣ своею разнообразною дѣятельностью, сдѣлалъ для Общества обязательнымъ участіе въ разныхъ международныхъ предприятияхъ, имѣющихъ отношение къ географическимъ знаніямъ. Такъ, въ прошломъ году общество участвовало, чрезъ своихъ представителей, въ состоявшейся въ Гамбургѣ конференціи по вопросу объ учрежденіи международныхъ поларныхъ станцій и въ Парижскомъ международномъ конгрессѣ для обсужденія различныхъ проектовъ прорытія Панамскаго перешейка. Съ еще большимъ сочувствіемъ отнеслось Общество къ важному научному предприятію, осуществленному въ минувшемъ году въ Россіи, именно къ Московской антропологической выставкѣ: въ этой выставкѣ Географическое общество имѣло свой особый отдѣлъ, на которомъ, по его инициативѣ, были собраны богатыи коллекціи предметовъ доисторической древности изъ разныхъ преимущественно петербургскихъ музеевъ казенныхъ и частныхъ.

Собрания общества, по примѣру прежнихъ лѣтъ, происходили какъ по отдѣленіямъ, такъ и общія, и были посвящены различными сооб-

щевіямъ членовъ и постороннихъ лицъ о совершенныхъ ими путешествіяхъ, изложению новыхъ изслѣдованій какъ собственно по географіи, такъ и по этнографіи и статистикѣ, и обсужденію нѣкоторыхъ новыхъ явлений отечественной литературы по части географическихъ знаній. Въ связи съ этимъ послѣднимъ родомъ занятій Общества стоить и присужденіе имъ почетныхъ наградъ. Въ минувшемъ году состоялось слѣдующія присужденія: медаль имени почетного члена графа Ф. П. Литке присуждена А. А. Иностранцеву за его сочиненіе: „Геологический очеркъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи; большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—Н. И. Золотницкому за составленный имъ чувашско-русскій словарь; такая же медаль отдѣленія статистики В. И. Орлову за исполненные имъ по порученію Московскаго губернскаго земства труды: 1) Статистическая свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи Московскаго уѣзда, и 2) Формы крестьянского землевладѣнія въ Московской губерніи. Сверхъ того, Обществомъ выдано разнымъ лицамъ пять малыхъ золотыхъ медалей и 27 серебряныхъ за разные труды на пользу Географическаго общества.

PRAEMIA MILITIAE ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О НАДЪЛЪ ВЕТЕРАНОВЪ ЗЕМЛЕЮ.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Материалъ для нашего изслѣдованія дала главнымъ образомъ эпиграфика. Мы старались собрать все, чѣмъ только можно было найти для нашего вопроса, и смысль думать, что между изданными надписями отъ нашего вниманія не ускользнуло ничто существенное.

Что касается до литературнаго материала, то мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Въ корпусѣ грамматиковъ *Scriptores rei agrariae* (или *Grammatici Veteres*—изданіе Lachmann, Blume, Rudorff) мы совершенно устранили изъ разсмотрѣнія всѣ даннныя, какія представляютъ одна изъ его составныхъ частей—*Liber Coloniarum*. Профессоръ Моммзенъ считаетъ въ настоящее время эту книгу не болѣе какъ оригинальнымъ апокрифомъ. Онъ пришелъ къ этому мнѣнію при вторичной обработкѣ итальянскихъ надписей, которою онъ теперь занятъ. Мнѣніе Моммзена было въ этомъ случаѣ для насъ выше всякаго сомнѣнія.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о предшествующихъ обработкахъ нашего вопроса въ ученой литературѣ. Собственно говоря предметомъ специальнаго изслѣдованія онъ еще не былъ, но отдѣльные стороны вопроса подвергались разсмотрѣнію. Назовемъ прежде всего—Zumpt: *Commentationes epigraphicae*, 1850; статья: *de coloniis militariibus*—и затѣмъ Marquardt—въ первомъ томѣ *Römische Staatsverwaltung* (*Handbuch der römischen Alterthümer*, томъ четвертый). Мы совершенно устранили изъ нашего изложенія какія бы то ни было полемическія отступленія, а потому не войдемъ въ нихъ и здѣсь.

Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что какъ въ постановкѣ вопроса, такъ и въ частностяхъ, намъ слишкомъ часто приходится расходиться какъ съ Цумптомъ, такъ и съ Марквартомъ.

Именемъ *praeemia militiae* принятъ обозначать тѣ вознагражденія, какія получали ветераны римского войска при выходѣ въ отставку. Для выраженія этого понятія у древнихъ не было точно установленного термина: тогда какъ въ актахъ официального характера преобладаетъ слово *praeemia* (безъ прибавки *militiae*), писатели употребляютъ большую частью общее слово—*commoda*¹). При первомъ обозначеніи придается факту вознагражденія ветерановъ характеръ государственного института, при второмъ выступаетъ наружу приватный характеръ обычая. Второе обозначеніе древнѣе первого: оно попадается еще у писателей временъ республики.

Нашею задачей будетъ обозрѣть исторію этого вопроса въ пе-
риодъ Римской имперіи. Основанія такого ограниченія выясняются въ
дальнѣйшемъ изложеніи.

I.

Въ периодъ Римской имперіи обычай вознаграждать ветерановъ существуетъ какъ твердо установленный государственный институтъ, но возникновеніе и утвержденіе его принадлежитъ эпохѣ республики. Въ республиканскомъ Римѣ обязанность защищать отечество лежитъ на всѣхъ гражданахъ. Постоянного войска нѣтъ, но лишь только является надобность въ вооруженной силѣ, граждане берутъ оружіе и составляютъ легіоны. Государство не обязано вознаграждать воиновъ за ихъ труды и потери. Но уже изъ весьма ранней эпохи есть у насъ неоднократныя извѣстія о томъ, что, послѣ удачной войны, бывшия участники похода получаютъ отъ полководца денежные подарки. Суммы для этой цѣли брались часто изъ военной добычи²). По праву она принадлежала государству, и оно часто отчуждало опредѣленную часть въ пользу арміи. Для полководца этотъ обычай вознаграждать солдатъ за походъ былъ средствомъ снискать

¹⁾ Monumentum Ancyranum, III, 28: *praemia persolvi*, ср. III, 37; Digesta 21, 2, 11: *in praemia veteranis assignata*; Suet. Octav. 49 *commoda missionum*: Cicero Phil. V, 19: *Commoda militum veteranorum*; Suet. Vitell. 15: *Commoda iustae militiae*. Suet.; Salius, 44 *Gommoda emeritae militiae*.

²⁾ Marquardt, Römische Staatsverwaltung, II, 274 sqq.

себѣ популярность у народа, а потому понятно, что съ течениемъ времени подарки такого рода становились съ каждымъ разомъ больше. Пагубное влияние на весь строй государственной жизни началъ обнаруживать этотъ обычай въ ту эпоху, когда началась въ Римѣ борьба за власть между отдѣльными полководцами. Въ эту эпоху постолиной революціи военная служба стала карьерой, где можно было скорѣе и больше нажиться, и солдаты стали принадлежать уже не государству, а лично тому или иному полководцу. Отношения между солдатами и его вождемъ приняли форму контракта, въ которомъ солдатъ выговаривалъ себѣ то или иное вознагражденіе. Благодаря этому обычая, полководцы нашли способъ сдѣлать армию постоянной *de facto*, сохранивъ при этомъ видимость законности. Для этой цѣли воспользовались однимъ древнимъ институтомъ римской государственной жизни: мы разумѣемъ надѣль гражданъ землей и выведеніе колоній.

Свидѣтельства о надѣль землею гражданъ восходятъ къ самыи древнимъ временамъ исторіи Рима. Въ постоянныхъ войнахъ съ соцѣдами Римъ расширилъ свою территорію и вновь пріобрѣтенные земли часто раздѣлялись между гражданами (*adsignatio viritana*). Само собою разумѣется, что граждане, сдѣлавшіе походъ, были первыми при этомъ раздѣль. Одною изъ формъ, въ какой реализовался надѣль землею, было выведеніе колоніи. Оно имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда граждане, получавшіе надѣль, обязывались переселиться въ новое мѣсто и образовать тамъ новую городскую общину. Обязанность организовать новый городъ, дать ему специальный законъ (*lex coloniae*) возлагалась на одного изъ магистратовъ Рима путемъ расширенія его *imperium*. Римская колонія была, какъ опредѣляли ее сами Римляне, *quasi effigies populi Romani*¹⁾ и служила римскому народу какъ форпостъ (*prorugaculum*²⁾) въ расширеніи его владычества. Такъ смотрѣли Римляне на свои колоніи въ первый периодъ своей исторіи. Но въ теченіе многовѣковой исторіи Рима этотъ институтъ служилъ разнымъ цѣлямъ и попадалъ въ разныя руки. Въ эпоху Гракховъ выведеніе колоній должно было послужить способомъ прочно обосновать демократію, возсоздавая исчезнувшій въ безпрерывныхъ войнахъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Вскорѣ послѣ Гракховъ начинается борьба за *imperium* и вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха гос-

¹⁾ A. Gellius. Noctes Att. XVI, 13, 9.

²⁾ Cicero leg. agr. 2, 27, 73.

подства милитаризма. Институтъ выведенія колоній переходитъ въ новую фазу своего развитія: имъ овладѣваютъ полководцы и примѣняютъ для своихъ цѣлей. Въ колоніи выводятся бывшіе солдаты.

Но выведеніе колоній было, какъ мы замѣтили выше, лишь одною изъ формъ, въ какой осуществлялся надѣлъ землею. Полководцы прибѣгали часто и къ assignatio virilana, при чемъ вовсе не стѣснялись въ средствахъ добывать необходимый для этого ager publicus. Такъ весьма часто случалось, что итальянскіе города должны были уступать часть своей территории въ пользу солдатъ: всѣ подобного рода поселенія военныхъ людей были въ рукахъ полководцевъ крѣпостями противъ древней республики. Опираясь на нихъ, новый монархическій принципъ все болѣе утверждался въ Римскомъ государствѣ.

Превращеніе ветерановъ въ землевладѣльцевъ было не болѣе какъ расположениемъ войскъ въ гарнизоны: полководецъ могъ при первой надобности обратить ихъ въ действительную армию, какъ действительно и случалось¹⁾. Что касается до солдатъ, то они разсматриваются надѣлъ землею какъ свое право. Для характеристики тогдашняго положенія Рима не лишено интереса обратить вниманіе на то, что право это за солдатами признаютъ не только представители милитаризма—полководцы, но также и старые республиканцы, партія сената. Дѣло идетъ прежде всего о томъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ армию, а применить ее въ ту пору можно было только болѣе или менѣе обфоржленнымъ подкупомъ, и сенатъ не стѣснялся прибѣгать къ этому средству. Такъ, въ борьбѣ противъ Антонія партія сената устами Цицерона старается увѣрить солдатъ, что они, оставаясь на ея сторонѣ, не только достигнутъ всѣхъ тѣхъ же выгодъ, какихъ ждутъ отъ полководца, но даже могутъ получить больше. Въ пятой филиппикѣ Цицеронъ говоритъ: С. Pansa A. Hirtius coss. alter^r ambove, si eis videretur, cognoscerent, qui ager in eis coloniis esset, quo milites veterani deducti essent, qui contra legem Iuliani possideretur ut is militibus veteranis divideretur; de agro Campano separatim cognoscerent iurirentque rationem de commodis militum veteranorum angendis²⁾.

Тогдашнюю государственную практику въ области этого вопроса

¹⁾ Самый наглядный примѣръ подобнаго образа дѣйствій со стороны римскихъ полководцевъ даетъ намъ Аппіанъ въ своемъ повѣтствованіи о первыхъ шагахъ Августа на поприщѣ политической дѣятельности Bell. Civ. III, 12, 31, 42; ср. Sic. Flac. I, 162, 9 sqq.

²⁾ Cicero, Phil. V, 19, 13.

характеризовалъ въ нѣсколькихъ словахъ одинъ позднѣйшій авторъ граматикъ Гигинъ (начала втораго вѣка). Упоминая о наградахъ, какія выпадали на долю ветерановъ въ періодъ борьбы за единовластье, онъ говоритъ: *terra tunc praeemissi erat*¹⁾. Этому порядку было положено предѣлъ имперіей.

Побѣда императора надъ сенатомъ и утвержденіе монархіи было въ то же время побѣдою военного элемента въ государственной жизни Рима надъ гражданскимъ. Но если въ періодъ борьбы за власть армія занимала центральное положеніе въ Римскомъ государствѣ, если къ ней перешла *de facto* суверенность римскаго народа, то послѣ прочнаго утвержденія единовластия одною изъ первыхъ заботъ римскаго владыки явилось стараніе свести армію на степень необходимой функции государственной жизни, сдѣлать ее орудіемъ въ рукахъ главы государства, отнявъ отъ нея все то значеніе, какое она имѣла въ революціонную эпоху. Армія дѣлается прежде всего постотною²⁾. *De facto* была она такою и прежде, но теперь санкционируется этотъ фактъ на почвѣ законодательства. За этою общую мѣрой сдѣдовала другая болѣе частнаго характера, а именно опредѣленіе продолжительности срока службы. Рядомъ съ этимъ проведена была еще одна знаменательная реформа: регламентациія вознагражденія ветерановъ при выходѣ въ отставку. Прежній революціонный способъ дѣйствій полководцевъ въ области этого вопроса, при которомъ такъ часто страдали интересы итальянскихъ поземельныхъ собственниковъ, былъ теперь навсегда отмѣненъ. И сюда проникла строгая законность, которую имперія постепенно ввела во всѣ отрасли государственной жизни древняго міра. Вознагражденія, на какія могъ расчитывать солдатъ по выслугѣ срока службы, были строго опредѣлены.

Свидѣтельства объ этихъ важныхъ реформахъ Августа имѣемъ мы у Светонія и Діона Кассія. Первый ограничивается слѣдующею короткою замѣткой: *Quidquid ubique militum esset, ad certam stipendiorum praeemiorumque formulam adstrinxit, definitis pro gradu cuiusque et temporibus militiae, et commodis missionum*³⁾. Если прежде каждый солдатъ, поступая на службу, имѣлъ надежду получить, по минувшей надобности въ его услугахъ⁴⁾, участокъ земли въ Италии (*terra tunc*

¹⁾ Gramatici Veteres, издание Лахманна. I р. 176.

²⁾ Dio Cassius, 52, 27; 56, 40, 2.

³⁾ Suet. Octav. 49.

⁴⁾ Veteranus было въ республиканский періодъ понятіемъ противоположнымъ

praeium erat), и самъ Августъ, пока онъ былъ принужденъ бороться за власть, надѣлалъ солдатъ землею, то теперь разъ навсегда было установлено, что солдаты, по выслугѣ срока службы, имѣютъ право лишь на известную сумму денегъ. Самимъ определеннымъ образомъ свидѣтельствуетъ Дионъ. Кассий обѣ этой реформѣ въ слѣдующихъ словахъ: δέταξε... τὰ χρήματα βασιλεύμενοι τῆς στρατείας ἀντὶ τῆς χώρας, ἣν ἀεὶ ποτε ἦτοι, λήφοντο¹⁾). Въ Monumentum Ancyranum, этомъ драгоценѣйшемъ источникѣ для исторіи основателя Римской имперіи, понятія praeia и pecunia взаимно противополагаются какъ другъ друга исключающія. Такъ напримѣръ I. 20 pecuniam pro pr[aeiis a] me dedi..

Надѣль землею связанъ съ выведенiemъ получавшаго землю въ колонію или вообще съ возвращенiemъ его, какъ полноправнаго члена, въ чуждой ему доселѣ городской общинѣ. Если же на мѣсто земли является опредѣленная сумма денегъ, то ветераны возвращаются въ свои прежнія municipia, и государство, послѣ уплаты денежной награды, не обязано было въ отношеніи къ нимъ никакою заботой. Наше утвержденіе основывается на словахъ Антическаго памятника. III, 22 и сл. Августъ упоминаетъ о надѣлахъ, которые онъ произвелъ въ 724 и 740 годахъ, и затѣмъ продолжаетъ такъ: postea Ti. Nerone et M. Pisone Consulibus itemque C. Antistio et D. Laelio cos. et C. Calvisio et L. Pasieno consulibus et L. Lentulo et M. Messala consulibus et L. Caninio et Q. Fabricio consulibus veteranos emeritis stipendis in sua municipia remisi, praeia aere numerato persolvi...

Перечисленные здесь консулы соотвѣтствуютъ слѣдующимъ годамъ—747, 748, 750, 751, 752. И такъ, всѣ ветераны, получившие отставку въ эти годы, не были выведены въ колонію и не получили земельныхъ надѣловъ, какъ это случалось прежде. Изъ противопоставленія, въ вышеприведенныхъ словахъ Августа, раздачи земли ветеранамъ и уплаты имъ денегъ, какъ двухъ фактовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ порядкѣ времени, мы въ правѣ заключить, что въ глазахъ самого Августа уплата награды (praeia), деньгами была мѣрой, приведенною имъ въ замѣнъ прежней раздачи земель.

И такъ, Августъ, когда его единовластіе было прочно утверж-

тиго,—создать уже сдѣлавшій походъ и вновь поступающій. Война могла продолжаться лишь вѣсколько мѣсяцевъ, всякий тиро, по ея окончаніи, былъ уже veteranus и имѣлъ право на вознагражденіе отъ полководца.

¹⁾ Dio Cassius 54, 25, 5.

дено, разорвавъ окончательно съ прежнимъ порядкомъ въ отношеніи арміи и на мѣсто прежней революціонной мѣры ввелъ въ практику вознагражденія солдатъ за ихъ службу строгій законный порядокъ.

II.

Переходимъ теперь къ изслѣдованию данныхъ касательно суммы вознагражденія, какъ ее установилъ Августъ, и затѣмъ — къ обозрѣнію исторіи этого института до самаго его исчезновенія.

Свѣдѣнія наши по этому вопросу довольно скучны. Лишь два писателя — Светоній и Діонъ — даютъ намъ нѣсколько данныхъ; но если даютъ они немного, за то свѣдѣнія эти носятъ довольно опредѣленный характеръ и не даютъ мѣста какимъ-нибудь разнорѣчивымъ толкованіямъ¹⁾. Діонъ Кассій въ описаніи дѣяній Августа сообщаетъ намъ, что, вмѣсть съ установленіемъ срока службы, Августъ опредѣлилъ также размѣры вознагражденія: Εὐγενίσθη τοῖς μὲν ἐκ τοῦ βοροφράριοῦ πεντάκις χιλίας δραχμῶν, ἐπειδὴν ἔχαιρε καὶ τοῖς δὲ ἐτέροις τρισχιλίας ἐπειδὴν εἴκοσι στρατεύονται διδοοθαί (55,23). Считая на римскую монетную единицу, преторианцы должны были получать двадцать тысяч сестерцій, а легіонары — двѣнадцать. Деньги эти выплачивались изъ основанной Августомъ особенной кассы, которая носила имя *aerarium militare*. Объ основаніи и назначеніи ея мы имѣемъ свидѣтельство въ Анкірскомъ памятнике: *aerarium militare, quod consilio meo constitutum est, ex quo praemia darentur militibus, qui vicena plurave stipendia emeruissent...* (III, 35 sqq.). И такъ, по словамъ самого Августа, единственное назначеніе военного эрадія было — выплачивать *praemia* выслужившимъ свой срокъ и получающимъ отставку солдатамъ²⁾.

¹⁾ Въ эпиграфическомъ матеріалѣ есть у насъ никакихъ извѣстій о *praemia*, исключая одной надписи изъ времени императора Тиберія. Въ ней, правда, упоминается слово *praemia*, но для исторіи вопроса она не даетъ ровно ничего. *Coptus Inscr. Lat. V n. 5832—veteranus signif(fer...) aquilifer leg. V... accepit ab imperatore praemia duplicita.*

²⁾ О свѣдѣніяхъ о военномъ эрадіи мы также изъ Светонія и Діона. Первый въ жизнеописаніи Августа сообщаетъ саѣдующее: *utque perpetuo ac sine difficultate sumptus ad tuendos eos (milites) prosequendosque suppeteret aerarium militare cum vectigalibus novis instituit* (Octav. 49). Слова *prosequendos* и *tuendos* подали поводъ некоторымъ ученымъ заключить, будто на военномъ эрадіи лежала не только забота объ уплатѣ денегъ ветеранамъ (*tuendos*), но также и о

Что касается до размѣровъ суммы, которую получали ветераны, то она осталась неизмѣнною въ томъ видѣ, какъ ее установилъ Августъ, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ—дѣ царствованія императора Каракаллы. Но прежде чѣмъ говорить о перемѣнѣ, которую произвѣль этотъ императоръ, мы должны оговорить небольшое колебаніе, имѣвшее мѣсто при императорѣ Гайѣ. Суммы, которыхъ государство принуждено было расходовать на ветерановъ, были, по всему вѣроятію, весьма значительны. Пускаться въ приблизительный статистический вычисленій—весьма рискованно; но довольно будетъ указать на то обстоятельство, что самъ Августъ не имѣлъ возможности исправно выплачивать ргаенія своимъ ветеранамъ, и многие солдаты принуж-

надѣлѣть ихъ землею (*prosequendos*). Одно уже то, что изъ словъ Августа въ *Monumentum Ancyranum* нельзя никакимъ образомъ этого вывести, позволяетъ намъ сомневаться въ искусственное толкованіе. Мнѣніе это раздѣляется и такими авторитетными людьми, какъ Hirschfeld и Budorff. Первый изъ нихъ изложилъ свои взгляды въ статьѣ: *Das agrarium militare—Fleckeneisen's Jahrbücher*. 1868 (стр. 684 сл.). Что до втораго, то имъ приведены два мѣста изъ его изслѣдованія объ аграрномъ вопросѣ—*Grammatici veteres II*, p. 332—*Augustus hat «die Mittel für die Deduction der Colonien aus dem Militärarar genommen»* и p. 365—«aus ihm wurden die Landstücke gekauft». Но у Рудорфа нетъ и намека на какое бы то ни было доказательство.

Кромѣ Светонія иже мы свѣдѣнія объ основаніи военного варія у Диона Кассія. Послѣдній упоминаетъ объ этомъ, разказывая событія 760 (6 по Р. Х.) года. Сюда относится, между прочимъ, большое денежное пожертвованіе, которое сдѣлалъ Августъ въ военный варій (ср. *Monument. Ancy. III*, 35 сл.). Дионъ сообщаетъ при этомъ также вѣсколько замѣчаній о лицахъ, на которыхъ возлагалось завѣдываніе этого кассой, но обѣ ея назначения не говорить намъ вовсе. Обыкновенно въ этомъ смыслѣ толкуютъ слѣдующія слова: *блөс хәї түү трафұн* хәї тѣ үәра һаффанасъ (55, 24, 9), и Гиршфельдъ сопоставляетъ даже эти слова со словами Светонія—*prosequendos et tuendos*. Но тому, кто безъ предварительного мнѣнія прочитаетъ текстъ Диона въ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, совершенно невозможно согласиться съ такимъ объясненіемъ выше приведенныхъ словъ Диона. Послѣдній упоминаетъ объ основаніи *agrarium militare*, разглаголъ о финансовыхъ затрудненіяхъ Августа (55, 24, 9, 25). При тогдашнемъ числѣ налоговъ Августу не хватало денегъ на военные потребности государства. Онъ прибегаетъ сначала къ добровольнымъ пожертвованіямъ, затѣмъ самъ даетъ большую сумму денегъ въ военный варій, и налогоплательщикъ, устанавливаетъ для поддерханія новой кассы два новыхъ налога—*vigentia hereditatum* и *centesima regum venalium*. Въ такой послѣдовательности излагается дѣло у Диона, и потому мѣр кажется, что стоящія въ началѣ слова: *блөс трафұн* хәї тѣ үәра һаффанасъ никакъ не имѣютъ того смысла, какой имъ хотеть дать Hirschfeld.

дены были ожидать своихъ наградъ, оставаясь въ строю долго послѣ срока службы. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуетъ Тацитъ, по поводу восстания, которое разразилось въ Германии и Панноніи въ первый годъ правлѣнія Тиверія. Не лишено интереса указать при этомъ случаѣ и на то, что вопросъ о срокѣ службы дважды рѣшился Августомъ. Сначала Августъ принялъ такие сроки: для преторианцевъ — двѣнадцать лѣтъ, и для легионаровъ — шестнадцать, какъ мы знаемъ о томъ изъ Диона¹); но затѣмъ, не имѣя возможности выплачивать ргаємія, такъ какъ число ветерановъ было при этихъ срокахъ весьма велико, Августъ установилъ новые сроки, а именно: для преторианцевъ — шестнадцать, и для легионаровъ двадцать лѣтъ, какъ мы знаемъ опять изъ того же Диона²). Но и при этихъ болѣе продолжительныхъ срокахъ военный эзарій не обладалъ достаточными средствами, чтобы уплачивать ргаємія всѣмъ въ срокъ, и потому по смерти Августа оказалось въ арміи (какъ сообщаетъ Тацитъ) большое число солдатъ, которые оставались на службѣ тридцать и даже сорокъ лѣтъ³). Ревнивый къ своимъ правамъ, императоръ Тиверій былъ весьма строгъ въ отношеніи къ арміи. Онъ достигъ императорскаго сана по выбору сената, а потому и чувствовалъ себя совершенно независимымъ отъ солдатъ. Светоній въ его биографіи даетъ намъ прямое свидѣтельство объ этомъ: *militi nihil impunit largitus est*⁴). Институтъ ргаємія не былъ отмѣненъ, но въ это царствованіе было сильно замѣтно стараніе правительства удерживать ветерановъ при знаменахъ по выслугѣ лѣтъ службы. Въ организациіи римскаго войска существовала для этого особая форма. Мы разумѣемъ *vexillatio veterorum*, о которой такъ часто идетъ рѣчь въ надписяхъ. Самый фактъ засвидѣтельствованъ въ слѣдующихъ словахъ Светонія: *missiones veterorum garissimas fecit*⁵). Но какъ бы то ни было, при Тиверіи не было сдѣлано ни одного шага къ отмѣнѣ права ветерановъ на денежныя награды по окончаніи службы. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ при преемникѣ Тиверія, если

¹) Dio Cassius 54, 25. Воспоминаніе объ этихъ старыхъ болѣе легкихъ срокахъ долго живо въ арміи; возмутившіеся легіоны германскіе (въ 14 году) хотѣли добиться ихъ возстановленія.

²) Dio Cassius 55, 23.

³) Tacitus Ann. I, 17.

⁴) Suet. Tib. 48.

⁵) Ibid.

не въ смыслѣ окончательнаго упраздненія этого института, то въ формѣ уменьшения установленной Августомъ суммы. Exercitu recessendo—говорить Светоній въ жизнеописаніи Гая—commoda emeritae militiae ad sex milium sumptum rescidit¹⁾). Теперь сами собою ставятся вопросы: 1) простиралась ли эта мѣра на всю армію? и 2) была ли она послѣдовательно проведена и сохранилась ли посль смерти Калигулы?

Изъ связи, въ какой являются эти факты въ разказѣ Светонія, можно, какъ мнѣ кажется, отвѣтить отрицательно на эти вопросы. Мѣра эта проводится въ бытность Гая при германской арміи, наряду со многими другими, которыми императоръ хотѣлъ показать свою заботу о поддержкѣ дисциплины въ войскахъ. Съ большоюѣроатностью можно предположить, что преемникъ Гая, обязанный солдатамъ своимъ возвышениемъ на престоль и позорно купившій его у солдатъ, не придерживался въ вопросѣ объ уплатѣ ветеранамъ ихъ наградъ распоряженія своего предшественника и воротился къ тому образу дѣйствій, какои былъ введенъ Августомъ.

Отъ времени императора Клавдія нѣть въ нашихъ источникахъ какого бы то ни было извѣстія о реформѣ въ этомъ вопросѣ до эпохи императора Каракаллы. Ко времени послѣднаго относится значительное увеличеніе суммы вознагражденія. Дионъ Кассій сообщаетъ намъ слѣдующее: τοις στρατιώταις ἀδλα τῆς στρατείας, τοις μὲν ἐν τῷ δοροφερικῷ τεταγμένοις ἑξάκις χιλίας διακοσίας πεντήκοντα, ταῖς δὲ πεντάκις χιλίαις λαρβάνειν²⁾). 6250 драхмъ составляютъ 25 тысячъ сестерцій, пять тысячъ драхмъ — двадцать тысячъ сестерцій, чѣдѣ составляетъ противъ прежнихъ цифръ (двадцать и двѣнадцать тысячъ) значительное увеличеніе³⁾. Военный эзарій, изъ котораго уплачивались деньги ветеранамъ, опирался главнымъ образомъ на налогъ *vigesima hereditatum*, который былъ введенъ Августомъ при основаніи этой кассы. Не безынтересно поэтому указать на то, что именно тотъ императоръ, который увеличивалъ сумму ргаемія, удвоилъ также и этотъ налогъ (ἀντὶ τῆς εἰκοστῆς ἡ δεκάτη)⁴⁾.

¹⁾ Sueton. Gaius, 44.

²⁾ Dio Cassius, 77, 24. Мы читаемъ съ исправленіемъ, предложеннымъ Lange.

³⁾ Надо впрочемъ замѣтить, что римская монета въ эпоху Каракаллы сильно понизилась въ ценѣ противъ первого вѣка имперіи. См. Marquardt, Staatsverwaltung, II, p. 69 sqq.

⁴⁾ Dio Cassius, 77, 9, 4.

Вышеприведенное мѣсто Діона есть послѣднее наше извѣстіе объ уплатѣ денегъ ветеранамъ. Если мы поставимъ вопросъ о томъ: какъ долго сохранился въ римской государственной практикѣ обычай платить этотъ единовременный пансионъ получающимъ отставку солдатамъ, — то надо сказать, что наши источники не даютъ на него прямаго отвѣта. Косвенные указанія можно извлечь изъ тѣхъ извѣстій, какія мы имѣемъ касательно аегаріум *militare*. Мы разумѣемъ надписи, въ которыхъ упоминаются завѣдывавшіе этимъ казнокраинищемъ префекты (*praefecti aerarii militaris*). Въ настоящемъ случаѣ важность имѣютъ для насъ болѣе позднія по времени. Такъ, до насъ дошла одна надпись изъ времени императора Коммода¹⁾.

S. SABVCIO. C· F· QVIR·MAIORI — — — PRAEF·AERARI·MIL.

Отецъ императора Элагабала, Sex. Varius Marcellus, былъ также префектомъ военного эзарія, какъ свидѣтельствуетъ надпись, сдѣланная на его гробѣ по приказанію его жены²⁾). Наконецъ послѣдняя по времени надпись относится къ царствованію императора Александра Севера³⁾.

P. IVLIO·IVNIANO·MARTILIANO·C·V·— — — —
— — — PRAEFECTO·AERARI·MILITARIS· — — —

Это послѣднее свидѣтельство позволяетъ намъ предполагать, что при Александрѣ Северѣ уплата наградъ ветеранамъ еще продолжала существовать; но во всякомъ случаѣ институтъ этотъ не пережилъ третьего вѣка нашей эры. То было бурное время для Римской имперіи: снаружи тѣснили ее варвары, внутри—раздирали смуты „тридцати тиранновъ“. Въ такое время не было возможности заботиться объ обеспеченіи ветерановъ. По всему вѣроятію, отмѣна этого института не была связана съ какимъ-нибудь государственнымъ актомъ, упразднившимъ его; но онъ просто вышелъ изъ употребленія и былъ забытъ.

Въ законодательныхъ актахъ четвертаго вѣка возобновляются наши свѣдѣнія обо всѣхъ сторонахъ государственной жизни древнаго міра, но при всемъ богатствѣ источниковъ въ области военныхъ древностей не слышно болѣе ни слова о правахъ ветерановъ на еди-

¹⁾ Wilmanns, *Exempla Inscriptionum latinarum*, n. 1196.

²⁾ Латинскій и греческій текстъ этой надписи—Wilmanns, n. 1208.

³⁾ Wilmanns, n. 1214.

новременное денежное пособие отъ государства. Институтъ praemia militiae пересталъ существовать.

III.

Обеспечение солдатъ деньгами при выходѣ ихъ въ отставку было—какъ мы говорили выше—замѣной прежнего обычая награждать ихъ землей. Но и послѣ установления этого нового порядка надѣль солдатъ землею не прекратился. Въ теченіе всего первого и втораго вѣка попадаются то у писателей, то въ надписяхъ, указания на факты этого рода. Самъ собою ставится вопросъ: въ какомъ отношеніи находится выведение солдатъ въ колоніи (*deductio*) и надѣль ихъ землею новому порядку уплаты praemia деньгами?

Наши источники не даютъ намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ; что же до попытокъ объясненія, то мы, съ своей стороны, предлагаемъ слѣдующую: Августъ снялъ съ государства обязанность обеспечивать каждого ветерана поземельнымъ надѣломъ, которую создали полководцы въ периодъ борьбы за *imperium*; но онъ не имѣлъ въ то же время никакой надобности ограничивать себя на будущее время, а потому за государствомъ осталось право замѣнять по своему усмотрѣнію деньги землею.

Бывали ли такие случаи при Августѣ послѣ тѣхъ дедукцій, какія были имъ предприняты непосредственно послѣ битвы при Акциумѣ и затѣмъ около 740 (14) года,—объ этомъ нѣть извѣстія въ нашихъ источникахъ¹⁾. Для времени Тиверія и Гая наши источники опять таки совершенно молчать объ этомъ; но при двухъ послѣднихъ императорахъ изъ дома Юліевъ—при Клавдіи и Неронѣ, надѣль ветерановъ землей и выведение ихъ въ колоніи засвидѣтельствовано са-

¹⁾ Есть одно мѣсто у Тацита, которое приніято истолковывать въ такомъ смыслѣ, но на немъ, какъ мнѣ кажется, весьма трудно основываться. Разумѣю мѣсто изъ рѣчи Песцения къ взбунтовавшимся солдатамъ германского войска: *Annales I, 17: Ac si quis tot easus vita superaverit, trahi adhuc diversas in terras, ubi per pompe agrogum uligines paludum et inculta montium accipiant.* Мнѣ кажется, что одно уже то, что эти слова составляютъ часть дѣла, ослабляетъ ихъ значеніе. Тацитъ старается собрать все, на что солдатъ можетъ жаловаться, и въ данномъ случаѣ онъ перенесъ въ прошлое условія своего времени: въ концѣ первого и въ началѣ втораго вѣка подобные надѣлы землею въ далекихъ углахъ провинцій были дѣйствительно часты (какъ будетъ указано въ дальнѣйшемъ изложеніи), но для эпохи Августа и Тиверія — это болѣе нежели сомнително.

нымъ положительнымъ образомъ. Мы попытаемся дать по возможности полный перечень этихъ фактовъ, но прежде этого необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній болѣе общаго характера.

Право вѣдать землею, принадлежащей римскому народу (*ager publicus*), входить въ прерогативы императорской власти съ самаго начала монархического порядка въ Римѣ. Оно перешло въ имперію какъ традиція прошлаго. Полководцы республиканского Рима революціонной эпохи постоянно добивались права распоражаться „общественною землею“. Имъ обыкновенно удавалось получить это право законнымъ путемъ—чрезъ комісіи (*lex de agris dandis adsignandis* или *lex de coloniis deducendis*), и они примѣняли его затѣмъ въ своихъ видахъ, а именно надѣляли землею своихъ ветерановъ. Часто полководцамъ не хватало общественной земли для удовлетворенія требованій солдатъ; въ такомъ случаѣ они не задумывались прибѣгать къ депосседированию собственниковъ. Такъ было при Суллѣ, такъ было и при тріумвирахъ. Со временемъ утвержденія монархіи право вѣдать *ager publicus* принадлежитъ нераздѣльно императору. Это случилось не въ силу какого-нибудь закона или формального распоряженія, но вошло въ комплексъ правъ императора какъ фактъ. Августъ въ первые же годы своего единовластія вознаградилъ собственниковъ за отнятый отъ нихъ въ прежнее время земли¹⁾). Въ этомъ событии заключалось торжественное признаніе неприкосновенности частной собственности. Что же касается до *ager publicus*, то тутъ императоръ удержалъ за собою абсолютное право вѣдѣнія и распоряженія.

Въ вопросѣ о правѣ собственности на землю существовало въ Римскомъ государствѣ огромное различие между Италией и провинціями. Такъ какъ оно имѣетъ существенное значеніе для нашего вопроса, то намъ необходимо остановить здѣсь на немъ вниманіе. Различіе это состояло въ томъ, что только въ Италии земля могла принадлежать въ полную собственность по римскому праву; что же до провинцій, то ихъ территорія съ точки зренія права была *ager publicus*. Легко видѣть, какая важная практическія послѣдствія должно было повлечь за собою это теоретическое различіе. Въ виду этого мы разсмотримъ сначала факты истории надѣла создать, имѣвшіе мѣсто въ Италии, а потомъ перейдемъ къ провинціямъ.

Ager publicus, который образовался въ Италии въ периодъ ея за-воеванія, и съ исторіей котораго связаны имена государственныхъ

¹⁾) *Monumentum Aeneum*, III, 22 сл.

дъятелей отъ Спурія Кассія до Юлія Цезаря, этотъ исторический ager publicus не дошелъ до имперіи. Переходъ его въ частное владѣніе совершался двойнымъ путемъ: съ одной стороны, государство отчуждало его въ пользу оккупировавшихъ его богачей ¹⁾), съ другой—пользовалось имъ для основанія колоній и раздачи гражданамъ мелкими участками. Еще раньше имперіи полководцы принуждены были прибѣгать къ насильственному захвату частной собственности для удовлетворенія требованія ветерановъ. Гдѣ же слѣдуетъ искать тотъ ager publicus, которымъ могли располагать императоры?

Существование ager publicus въ Италии находитъ себѣ объясненіе въ общемъ отношеніи государства къ землѣ, на которой была основана колонія. Дѣло въ томъ, что всѣ участки, оказавшіеся по какимъ бы то ни было причинамъ безъ владѣльцевъ, считались собственностью государства ²⁾). Причины, по которымъ участокъ могъ оказаться безъ владѣльца, могли быть слѣдующія: впервыхъ—если владѣлецъ умиралъ безъ наследниковъ и завѣщанія; во вторыхъ—если владѣлецъ покидалъ свой участокъ. Послѣдній случай повторялся нерѣдко въ военныхъ колоніяхъ, чтѣ и весьма понятно, если принять въ соображеніе, каковъ былъ контингентъ колонистовъ ³⁾).

Быть и еще одинъ общий фактъ, благодаря которому оставались въ разныхъ городахъ Италии участки земли, принадлежащіе государству. Мы разумѣемъ вопросъ о subseciva. Subseciva существовали въ городахъ, основанныхъ Римлянами, какъ результатъ ихъ системы межеванія. Какъ известно, территорія колоній дѣлилась на centuriae, четырехугольные участки размѣромъ въ двѣсти югеровъ. Формы, какія допускало традиціонное искусство землемѣровъ, были—квадратъ, прямоугольникъ и ромбъ. Все, что не могло войти въ эти правильные фигуры, оставалось въ раздѣла. Кроме того могло случиться, что при выведеніи колоніи число участковъ превосходило число колонистовъ; въ такомъ случаѣ оказывались въ территоріи города участки, никому не принадлежащіе.

¹⁾ Главное значеніе въ этомъ вопросѣ принадлежитъ закону 111 (643) года; см. Marquardt, Staatsverwaltung. I, 441 sq.

²⁾ Мы не беремся доказать этого относительно древнихъ колоній, но что касается до coloniae militares, то въ корпусѣ граматиковъ не мало указаний на такое отношеніе государства.

³⁾ Примеры—Siculus Flaccus—Gram. vet. I, 162; Tacitus Ann., 14, 27 по подводу колонизаціи Апіціума и Тарента.

Всѣ подобного рода земли, какъ не вошедшиа вовсе въ раздѣлъ, такъ и не доставшиа никому въ частную собственность, назывались *subseciva*. Временно всѣ они принадлежали городской общинѣ, въ области которой они находились. Но право собственности на нихъ принадлежало государству, и потому города обязаны были платить государству за пользованіе ими извѣстный налогъ¹⁾.

И такъ участки, покинутые своими владельцами или выморочные и *subseciva*, представляли въ Италии толь агер *publicus*, располагать которымъ могли императоры. Само собою разумѣется, что у нихъ былъ всегда въ рукахъ способъ создать агер *publicus* путемъ покупки, и они—какъ мы будемъ имѣть случай указать впослѣдствіи—дѣйствительно прибѣгали къ этому образу дѣйствій.

Послѣ этого замѣчаній мы переходимъ къ перечисленію отдельныхъ фактовъ по вопросу о надѣлѣ земли ветеранамъ въ Италии. Матеріалъ, какимъ въ настоящее время обладаетъ наука, не представляетъ большого изобилия; слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что врядъ ли можно надѣяться на увеличеніе нашихъ свѣдѣній по этому вопросу въ будущемъ, такъ какъ эпиграфическія находки послѣдніхъ десятилѣтій не прибавили, можно сказать, ничего къ тому, чѣмъ было извѣстно въ этой области²⁾.

Первое извѣстіе, какое мы имѣемъ о надѣлѣ земли ветеранамъ въ Италии въ императорскій періодъ Рима, принадлежитъ эпохѣ Клавдія. Городъ Teanum Sidicinum, въ Кампаніи, былъ колонизованъ при этомъ императорѣ, какъ свидѣтельствуетъ его имя, дошедшее до насъ на двухъ надписяхъ³⁾—COL. CL(audia) FIRMA. TEANVM. Къ сожалѣнію, эти двѣ надписи составляютъ нашъ единственный источникъ въ этомъ случаѣ, а потому намъ приходится ограничиться по отношенію къ этому факту однимъ лишь допуще-ніемъ, что колонія была туда выведена⁴⁾. Изъ временъ Нерона свѣдѣнія наши уже много богаче. Тацитъ называетъ четыре города, куда въ это царствованіе были выведены ветераны, а именно—Сарна, Ни-

¹⁾ Gramatici Veteres. I 132, 81, 6, 7.

²⁾ Въ настоящее время надписи Италии подвергнуты новой обработкѣ профессоромъ Момизевомъ. Онъ составлять IX и X томы *Corpus Inscriptionum latinarum*.

³⁾ *Inscriptiones Regni Neapolitani*, nn. 3989 и 3999.

⁴⁾ *Liber coloniarum*, pp. 232, 10 и 238, 19, говорить о выведеніи ветерановъ при Клавдіи въ Кумы и Веллты, но такъ какъ мы приняли эту книгу за апокриѳъ, то мы оставляемъ безъ вниманія эти данные.

ceria, Tarentum, Antium¹). Тацитъ не оставляетъ насъ въ невѣдѣніи касательно пѣлей, которыхъ руководили въ данномъ случаѣ правительствомъ. Въ первыхъ трехъ городахъ поселеніе ветерановъ было вызвано обезлюдѣніемъ ихъ; прискорбный фактъ этотъ не былъ чѣмъ иибудь исключительнымъ въ тогдашней Италии. Правительству приходилось заботиться объ укрѣпленіи городовъ—*firmae colonias, locorum infrequentiae subvenire*, какъ выражается Тацитъ. Производить колонизацію, посылая солдатъ въ колоніи, было въ то время традиціей, а потому совершенно естественно, что прибѣгли къ выведенію ветерановъ и при Неронѣ, когда опустѣніе древнихъ городовъ привлекло на себя вниманіе правительства. Забота объ обезспеченіи солдатъ не играла тутъ ровно никакой роли; напротивъ того: правительство воспользовалось ветеранами для достиженія государственныхъ цѣлей.

Что до четвертаго изъ вышеназванныхъ городовъ — колоніи Антиум, то выведеніе сюда ветерановъ было вызвано особыннмъ обстоятельствомъ. Въ этомъ городѣ родился Неронъ. Выведеніе въ него ветерановъ было дѣломъ честолюбія императора: онъ хотѣлъ придать городу больше блеска, а потому въ число его гражданъ приписаны были богатые примипилары и преторіанцы. *Antium coloniam deduxit*—говорить Светоній²)—*adscriptis veteranis e praetorio additisqne reg domicilii translationem ditissimis primipilarum*. Муниципальная жизнь въ древней Италии налагала на богатыхъ гражданъ обязанность дѣлать щедрые подарки городу: такъ, напримѣръ, возвдвигать статуи, предпринимать постройки общественныхъ зданій и т. д.; а поэтому естественно было ожидать, что прививъ богатыхъ гражданъ въ Антиумъ послужить къ украшенію и обогащенію города.

Послѣ смерти Нерона наступилъ двухлѣтній періодъ борьбы за имперію, окончившійся утвержденіемъ Фламіевъ на престолѣ Юліевъ. Подъ управлениемъ первого императора изъ новой династіи слышимъ мы гораздо чаше, чѣмъ при прежніхъ, о надѣлѣ солдатъ землею. Сюда относится, впервыхъ—свидѣтельство Гигина о раздачѣ земель въ Самніумѣ: *comperi in Samnio, uti quos agros veteranis divus Vespasianus assignaverat*³). Къ сожалѣнію, надписи не даютъ намъ въ

¹⁾ Tacitus Ann. 14, 27 и 13, 31.

²⁾ Sueton. vita Neronis. 9.

³⁾ De generibus controvers. Grom. Veteres. I, 131, 17.

этомъ случаѣ никакой помощи¹⁾). Вовторыхъ—въ области древнаго Сабинума есть у насъ надпись изъ города Reate, которая говорить о ветеранѣ, получившемъ земельный надѣль въ его территоріи²⁾:

— — — VETERANVS. LEG. VIII. AVG.

DEDVCTVS. AB. DIVO VESPASIANO.

QVIRIN. REATE. — —

Втретьихъ—въ Кампаниѣ древнія колонія Puteoli получаетъ имя COL. FL. AVG. PVTEOLI. Имя Flavia несомнѣнно указываетъ на то, что населеніе этого города было увеличено при Флавіахъ выведеніемъ ветерановъ³⁾.

Есть иѣкоторая вѣроятность, что и Капуа получила новыхъ колонистовъ около того же времени. Въ такомъ смыслѣ можно истолковать слѣдующія надписи, найденные на территорії этого города:

VET. LEG. XII. FVL.—Inscriptiones Regni Neapolitani p. 3627

— — — LEG. V. MAC. " " " p. 3630

VET. LEG. X. FRETIENSIS. " " " p. 3629

Всѣ эти три легіона стояли въ Іудѣѣ подъ командой Веспасіана, *vetus Vespaſiani miles*, какъ называется ихъ Тадітъ⁴⁾.

Наконецъ, вчетвертыхъ—въ Луканії. Здѣсь въ городѣ Paestum выведены были солдаты мизенскаго флота. Объ этомъ фактѣ говорить намъ одинъ изъ недавно открытыхъ военныхъ дипломовъ, выданный отъ имени Веспасіана въ 71 году⁵⁾. Мы приводимъ изъ него иѣсколько строкъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ нашему вопросу:

VETERANIS. QVI. MILITAVERVNT IN.

CLASSE MISENENSI. — — —

ET. SVNT. DEDVCTI. PAESTVM. — —

¹⁾ Одна надпись изъ Bovianum могла бы быть истолкована въ этомъ смыслѣ, если читать ее такъ, какъ она издана профессоромъ Моммзеномъ въ *Inscriptiones Regni Neapolitani*—п. 4987:

— — — VESPASIANI. — — D. LEG. XI. CL.

Букву D проф. Моммзенъ объяснялъ прежде какъ сокращеніе слова *deductus*; но при новой обработкѣ италіанскихъ надписей онъ убѣдился, что слѣдуетъ читать не D, а C то-есть, *centuria*. Въ виду этого мы исключаемъ эту надпись изъ разсмотрѣнія: присутствіе центуриона ровно ничего не доказываетъ въ нашемъ вопросѣ.

²⁾ Wilmanns, п. 2095.

³⁾ Inscr. R. N., пп. 2492, 2493, 2495, 2491.

⁴⁾ Tacitus Hist. V, 1.

⁵⁾ Ephemeris Epigraphica, II, p. 457 sqq.

Это сравнительное изобилие извѣстій о надѣлѣ земли ветеранамъ изъ времени императора Веспасиана не можетъ быть простымъ слу-чаемъ. Съ большою вѣроятностю можно допустить, что самые факты этого рода были при немъ чаще, чѣмъ при другихъ императорахъ.

Причину же тому слѣдуетъ искать въ томъ пути, какимъ Веспасианъ достигъ трона. Ему выпало на долю завоевать Италию, чего не приходилось дѣлать ни одному изъ его предшественниковъ со времени Юля Цезаря. Надѣлъ солдатъ землею, Веспасианъ вознаграж-далъ ихъ за труды и опасности, понесенные ими во славу его име-ни. Говоря объ этихъ фактахъ, нельзя оставить безъ вниманія слѣ-дующее обстоятельство: Всѣ наши источники называютъ Веспасиана въ одинъ голосъ „бережливымъ“; какъ же удалось ему, не приводя никакой революціонной мѣры, надѣлать солдатъ землею въ Италии? Разгадку даетъ намъ въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, извѣстіе объ отношеніи Веспасиана къ Subseciva. Онъ требовалъ строгаго со-блюденія правъ государства на эти земли. Subseciva опніа—говорить Гигинъ¹⁾—quae non vaniissent aut aliquibus personis non cessassent, sibi vindicasset. По всему вѣроатію, границы между землей, принад-лежащею городу и находившеюся только въ пользованіи у него, приходили съ теченіемъ времени въ забвение, и налогъ за право поль-зованія не выплачивался. Веспасианъ попытался ввести строгую от-четность этого отношенія. Сохраняя за государствомъ право собствен-ности на subseciva, онъ имѣлъ подъ руками большую возможность замѣнить уплату раемія земельнымъ надѣломъ.

Но вскорѣ послѣ Веспасиана вопросъ о subseciva подвергся корен-ной реформѣ. Императоръ Доміціанъ предоставилъ всѣ земли этого рода въ полную собственность тѣмъ, у кого они были во владѣніи въ моментъ изданія эдикта. Четыре автора свидѣтельствуютъ объ этой мѣрѣ—Светоній, Гигинъ, Фронтинъ и Агенній Урбікъ²⁾. Намъ трудно оцѣнить теперь значеніе этой мѣры съ положительной сто-роны при полной невозможности собрать какія бы то ни было стати-стическія данныя по этому вопросу. По существу же этотъ эдиктъ Доміціана представляетъ большую аналогію съ закономъ 111 года до Р. Х., въ которомъ государство отказалось отъ права собствен-ности на земли, занятые оптиматами. Теперь повторилось, въ мень-

¹⁾ Gromatici veteres I, p. 132 sqq.

²⁾ Frontinus Grom. Vet., p. 54, 11. Agennius Urbicus ibid., p. 81. Hyginus—ibid., p. 133, 18. Sueton. Vita Domitiani, c. 9.

шихъ размѣрахъ, то же самое. Эдиктъ Домиціана былъ принятъ со-временниками какъ большое благодѣяніе. Онъ долженъ былъ повлечь за собою большое облегченіе въ торговыхъ оборотахъ съ землею.

Въ данномъ случаѣ для насъ важно указать на тотъ результатъ распоряженія Домиціана, что съ его проведениемъ *ager publicus* въ Италии былъ доведенъ до своего *piacitum'a*, а потому и возможность надѣла солдатъ землею была на будущее время сильно затруднена. Помимо вымороныхъ владѣній въ колоніяхъ (о чёмъ мы говорили выше) оставался только одинъ способъ добывать *ager publicus* для надѣловъ, а именно: покупать землю у частныхъ людей. Такъ и случилось действительно: преемникъ Домиціана, императоръ Нерва, предпринявъ рѣшеніе вывести нѣсколько колоній въ Италии, дѣлаетъ прежде всего распоряженіе о покупкѣ земли подъ колоніи¹⁾.

Какія колоніи были выведены Нервой-- этого мы не знаемъ; но дошли до насъ одна надпись изъ Нолы, въ которой рѣчь идетъ о сол-датѣ, получившемъ надѣль въ этомъ городѣ по распоряженію импе-ратора Нервы²⁾:

MIL. ELEG. XV. APOLL. MIL. COH. XI. VRB.

VETERANO. COH. EIV(sdem)

DEDVCTO. A. DIVO. N(erva)

Эта надпись есть послѣднее по времени свидѣтельство о надѣль ветерановъ землею въ Италии. Материалъ, которымъ обладаетъ наука въ настоящее время, не даетъ для позднѣйшаго времени ни одного намека на какой-нибудь фактъ этого рода. Этимъ мы и заканчи-ваемъ отдѣль нашего изслѣдованія, посвященный Италии, и перехо-димъ къ провинціямъ.

IV.

Мы уже имѣли случай отмѣтить разницу, какая была между Италией и провинціями въ отношеніи правового положенія земли и поземельной собственности. всякая провинціальная территорія была съ точки зрѣнія права—*ager publicus*; провинціаль былъ по этому на своей землѣ не собственникъ, а только *possessor*, право же собственности на землю принадлежало римскому народу или императору, на котораго пере-

¹⁾ Свидѣтельства, сюда относящіяся, собраны у Моммзена: *Staatsrecht II*, 955.

²⁾ *Inscr. R. Neap.*, p. 1993.

иша суверенность народа. *In solo provinciali*—говорить юристъ Гай—*dominium populi Romani est vel Caesaris, nos autem possessionem tantum vel usufructum habere videmur*¹⁾.

Такимъ положениемъ провинциальной земли объясняется та свобода, съ какою Римляне выбирали мѣста для своихъ колоній, прокладывали свои прямыя и широкія дороги и отчуждали землю участками въ пользу того или другаго гражданина²⁾. То же самое отношение выражалось въ тѣхъ налогахъ, какими облагалась поземельная собственность въ провинціяхъ, въ противоположность Италии, где, какъ известно, земля была свободна отъ податей³⁾. Налогъ лежалъ на самой землѣ, а потому и взимался со всякаго, кто владѣлъ ею независимо отъ того, былъ ли онъ римскій гражданинъ, или провинциалъ. Здѣсь у мѣста будеть замѣтить, что Римляне придумали впослѣдствіи способъ освобождать себя и въ провинціяхъ отъ уплаты поземельной подати: для этого создана была форма *jus italicum*. Римскіе города, получавшіе это право, считались стоящими на итальянской землѣ, а потому и не платили поземельной подати со своихъ территорій. Врочемъ эти маленькие оазисы терялись на огромномъ пространствѣ провинцій Римской имперіи, и въ общемъ можно разсматривать всю провинциальную землю подлежащею уплатѣ поземельной подати.

Выведеніе римскихъ колоній въ провинціи не было въ императорскій періодъ дѣломъ новымъ: оно началось еще со времени Гая Гракха. Но цѣли, какія пре следовались тогда, были существенно

¹⁾ Gai Institutiones II, 7.

²⁾ Факты этого рода слыхались еще въ третьямъ вѣкѣ нашей эры, какъ свидѣтельствуетъ о томъ одно мѣсто юриста Павла, дошедшее до насъ въ Дигестахъ 21, 2, 11. Нѣкто купилъ землю въ провинціи Германіи на берегу Рейна и уплатилъ часть съ стоимости. Но прежде чѣмъ онъ вошелъ во владѣніе своимъ приобрѣтеніемъ, оказалось, что правительство обратило часть этого имѣнія на участки ветеранамъ. Покупщикъ, въ виду уменьшенія приобрѣтенной имъ земли, отказывается уплатить всю сумму, за которую было ему продано имѣніе. Дѣло переносится на судъ римскаго юриста, и онъ решаетъ его въ пользу продавца. И такъ надъ провинциальной землей лежала всегда тяжелымъ бременемъ опасность отчужденія съ въ пользу государства или въ пользу частнаго лица, которому правительство считаетъ себя почему либо обязаннымъ доставить поземельную собственность.

³⁾ Привилегированное положеніе Италии продолжалось до конца третьаго вѣка. Императоръ Діоклесіанъ сравнилъ Италию съ провинціями. Marquardt, R. Staatsverwaltung, I, 80.

отличны отъ тѣхъ, которыхъ имѣло въ виду императорское правительство. Провинциальная колонія Августа стоять на рубежѣ двухъ эпохъ и потому не представляютъ чистаго типа, какой носятъ позднѣйшія, а потому мы, оставляя ихъ въ сторонѣ, обращаемся къ колоніямъ, выведеннымъ при преемникѣ Августа.

Наши источники не даютъ намъ никакихъ свѣдѣній касательно выведенія колоній въ провинціи при двухъ первыхъ преемникахъ Августа: лишь начиная съ эпохи Клавдія знаемъ мы факты этого рода. Мы склонны думать, что отсутствіе свѣдѣній не есть простой случай, а что дѣйствительно только со времени Клавдія начинаются дедукціи; причину тому слѣдуетъ, по всему вѣроятію, искать въ слѣдующемъ: Царствованіе Клавдія отличается отъ двухъ предшествующихъ особенно рѣзко въ одномъ отношеніи: оно богато внѣшними войнами, а съ войнами шло рядомъ основаніе колоній. Такъ, на западѣ была присоединена къ имперіи цѣлая провинція — Британія. Послѣ первого удачнаго похода, совершенного подъ личнымъ командованіемъ императора, была возведена колонія ветерановъ въ кельтское селеніе *Camulodunum*. Ей было дано имя *Colonia Claudia Victricensis*, при чемъ послѣдній эпитетъ долженъ быть напоминать о побѣдѣ императора надъ кельтскими племенами¹⁾. Объ основаніи Камуладунума Тадитъ говоритъ слѣдующими словами: *colonia Camuladunum Valida veteranorum manu deducitur in agros captivos, subsidium adversus rebelles et imbuendis sociis ad officia legum*²⁾. И такъ, эта колонія соответствуетъ тому же самому назначению, какое имѣли колоніи первого периода римской исторіи: она должна служить какъ *propugnaculum imperii Romani*.

На другой окраинѣ имперіи — въ Африкѣ видимъ то же самое. Царь Мавретаніи, Птолемей, былъ умерщвленъ въ Римѣ по приказу Калигулы. Клавдій, по возшествіи на престолъ, хотѣлъ сдѣлать страну римскою провинціей. Это удалось ему только послѣ двухлѣтней войны³⁾. Когда страна была окончательно умиротворена, туда были выведены слѣдующія колоніи: двѣ — въ западной половинѣ Мавретаніи — *Licas* и *Tingi*, одна — въ восточной — *Oppidum Novum*⁴⁾.

¹⁾ *Corpus Inscr. Lat. VII*, p. 33.

²⁾ *Tacitus Ann. 12,32.*

³⁾ *Dio Cassius, 60, 8, 9.*

⁴⁾ *Plinius. Nat. Hist. V, 1,2 и 3 ibid. 20: eiusdem (Claudii) iussu deductis veteranis oppidum Novum.* Мы пока оставляемъ въ сторонѣ то обстоятельство,

Въ восточной половинѣ имперіи знаемъ мы также нѣсколько колоній Клавдія. Такъ, впервыхъ, въ Финикии *Colonia Claudia Caesaris Ptolemais*, о которой сообщаеть Пліній¹⁾). Касательно этой колоніи знаемъ мы даже, какимъ легіонамъ принадлежать выведенные сюда ветераны: то были — шестой, девятый, десятый и одиннадцатый, какъ свидѣтельствуетъ одна монета, принадлежащая этому городу²⁾). Что касается до причинъ, вызвавшихъ основаніе этой колоніи, то изъ географического ея положенія можно заключить, что оно состоялось подъ вліяніемъ присоединенія Іудеи къ провинціи Сиріи³⁾). Наконецъ, на Балканскомъ полуостровѣ относится къ тому же царствованію если не основаніе одной колоніи, то по крайней мѣрѣ усиленіе въ ней римскаго элемента: а именно *Colonia Aprensis*—во Фракіи носить всегда имя *Claudia*⁴⁾). Въ 46 году стала эта страна римскою провинціей, а потому совершенно естественно, что около того же времени было усиленіе лежавшій въ ней римскій городъ.

Во всѣхъ вышеупомянутыхъ колоніяхъ ясно видны стратегическія цѣли правительства. Основаніе другихъ если и не преслѣдуется прямо стратегическія цѣли, то во всякомъ случаѣ ясно свидѣтельствуетъ о заботахъ правительства объ укрѣплении римскаго элемента въ далекихъ провинціяхъ. Такія колоніи были: *Archelais* въ Каппадоніи⁵⁾), *Colonia Claudia Aequum* въ Далмации⁶⁾), *Colonia Claudia Savaria* въ Норикѣ⁷⁾), и наконецъ, *Colonia Claudia Agrippinensium* въ Галліи⁸⁾.

Всѣ эти колоніи предполагаютъ ветерановъ какъ колонистовъ.

что хотя этотъ городъ получалъ колонію ветерановъ, но, какъ городъ, не былъ возведенъ на степень колоніи.

¹⁾ Plinius, N. H. V, 75.

²⁾ Eckhel, *Doctrina Nummorum* III, 424. Легіоны названы цифрами, какъ и сказано въ офиціальномъ языке; съ прозвищами то будуть — VI Ferrata, X Fretensis, XI Claudia, IX Hispana.

³⁾ Marquardt, *Staatsverwaltung*, I, 253.

⁴⁾ Corpus Inscr. Lat. III, 386, изъ п. 326, можно заключить, что этотъ городъ былъ и раньше колоніей.

⁵⁾ Plinius, N. H. VI, 8.

⁶⁾ C. I. L. III, p. 2026: *Colonia Aequitas*.

⁷⁾ Plin. N. H. III, 146. C. I. L. V, п. 1011. Впослѣдствіи граница между Норикомъ и Панноніей прошла иначе, и городъ этотъ лежалъ въ Панноніи.

⁸⁾ Имя города читается различно въ надписяхъ, то — *Colonia Agrippinensis* — Wilmanns, п. 2283, то *Colonia Claudia Agrippinensis* — Inscr. Regni Neap., п. 1426, то *Colonia Agrippinensis* — Wilmanns, п. 833.

Такимъ образомъ, во времена императора Клавдія обезпеченіе солдатъ землею случалось довольно часто, какъ мы можемъ заключить изъ сравнительно большого числа колоній, обязаннныхъ ему своимъ основаніемъ. Для нашей цѣли весьма важно указать на ту огромную разницу, какая лежитъ между военными колоніями Клавдія и Августа. При Августѣ, точно также какъ и до него, въ періодъ борьбы за imperium, необходимость наградить солдатъ за службу есть тотъ мотивъ, который побуждаетъ императоровъ выводить колоніи; теперь же правительство преслѣдує при ихъ основаніи свои цѣли, и солдаты служить лишь орудіемъ въ его рукахъ.

Въ царствованіе Клавдія надѣль солдатъ землей осуществляется не только въ формѣ выведенія колоній, но также и въ другой, болѣе простой, а именно—въ формѣ раздачи ветеранамъ участковъ на про странствѣ терраторіи провинціальныхъ городовъ. Для ветерана фактъ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ право гражданства въ данной городской общинѣ; что же до города, то ни его устройство, ни правовое положеніе въ имперіи не измѣнялись отъ перемѣны въ составѣ его гражданъ. Мы знаемъ два такие случая изъ времена правлѣнія Клавдія: Oppidum Novum — въ Мавретаніи (о чёмъ было упомянуто выше), и Sicum — въ Далмации — in quem locum — какъ говоритъ Пліній¹⁾ — divus Claudius veterans misit. Быть можетъ, сюда слѣдуетъ присоединить еще третій случай: въ далматинскомъ городѣ Scardona найдена надпись, въ которой рѣчь идетъ о центуріонѣ ветерановъ четвертаго легіона (centurio veteranorum leg. IV Mac.). Профессоръ Моммзенъ предполагаетъ, на основаніи этой надписи, что и въ этотъ городъ были также выведены ветераны²⁾.

Мы представили полный перечень фактovъ касательно надѣла землею ветерановъ въ провинціяхъ, которые относятся ко времени императора Клавдія. По порядку времени слѣдуетъ перейти къ Нерону; но изъ этого царствованія мы не имѣемъ свѣдѣній ни объ одномъ фактѣ этого рода. Изъ эпохи борьбы за престолъ знаемъ мы два случая подношенія колоній—такъ называемая adiectio familiatum. Они имѣли мѣсто въ двухъ испанскихъ колоніяхъ—Hispalis и Еме-

¹⁾ Plinius Hist. Nat. III, 141.

²⁾ С. I. L., III, 2817. Мы приводимъ этотъ фактъ какъ предположеніе Моммзена; другихъ данныхъ нетъ, а свидѣтельство надписи далеко не убѣдительно; легко могло случиться, что пребываніе центуріона ветерановъ въ этомъ городѣ не находилось ни въ какой связи съ выведеніемъ.

rita Augusta. Предприняты были они по распоряжению императора Оттона, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Тацитъ¹⁾.

Изъ времени царствования Веспасиана, отъ которого дошло до насъ столько памятниковъ по надѣлу солдатъ землей въ Италии, есть у насъ свѣдѣнія объ аналогичныхъ фактахъ и въ провинціяхъ.

Такъ прежде всего—въ Іудеѣ, гдѣ Веспасианъ, а послѣ него Титъ, вели войну. Въ связи съ умиротворенiemъ провинціи находится основаніе колоніи—*Prima Flavia*²⁾. Кромѣ того, въ городѣ Эммаусѣ было поселено восемьсотъ ветерановъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Іосифъ Флавій: ὅκταχοσίοις — — ἀπὸ τῆς στρατῖς διαφειμένοις χωρίον ἔδωκεν εἰς κατοίκησιν, δὲ καλεῖται μὲν Ἀμφαοῦς³⁾. Далѣе, въ восточной половинѣ имперіи знаемъ мы еще слѣдующія колоніи Веспасиана: во Фракіи—*Deultum*, о чёмъ сообщаетъ Пліній⁴⁾. Этотъ фактъ подтверждень въ настоящее время недавно отысканою надписью, называющею и легіонъ, ветераны которого были сюда выведены⁵⁾. Для насъ имѣютъ важность слѣдующія слова этой надписи:

IN·COLONIA·FLAVIA·PACIS·DEVLTENSIVM.
— — CVM·MILITAVERIMVS·IN·LEG.·VIII·AVG.
·ET·POTITI·HONESTA·MISSIONE·A·SACRATISSIMO.
IMP.·IN·COLONIAM·DEVLTVM·DEDVCTI·SIMVS. — —

Въ верхней Панноніи Веспасианомъ основана *COLONIA FLAVIA. SISCIA*⁶⁾. О томъ, какіе ветераны были сюда выведены, узнаемъ мы изъ „военнаго диплома“, выданнаго въ 71 году⁷⁾.

VETERANIS·QVI·MILITAVERVNT·IN.
CLASSE·RAVENNATE — — · ET DEDVCTI ·
SVNT·IN·PANNONIAM. — —

На территоріи древней Силезіи найдена одна надпись, которая

¹⁾ Tac. Hist. I, 78.

²⁾ Plin. Nat. Hist. V, 69: Caesarea, nunc Colonia Flavia Prima a Vespasiano imperatore deducta.

Cp. Paulus—Dig. 50, 18, 8, 7: Divus Vespasianus Cœsarienses fecit colonos, non adiecto ut iuris italicici essent, sed tributum his remisit capitis; sed divus Titus etiam solum immune interpretatus est.

³⁾ Flavius Josephus, Bell. Jud. VII, 6, 6.

⁴⁾ Plin. N. H., IV, 45: Deultum cum stagno quod nunc Deultum vocatur veteranorum.

⁵⁾ C. I. L. VI, n. 3828.

⁶⁾ C. I. L. III, p. 501 sqq.

⁷⁾ Wilmanns, n. 2862.

можетъ подтвердить наше предположеніе, что солдаты равенскаго флота были выведены именно въ этотъ городъ Панноніи¹⁾:

(ve)T.EX·OPTION(e. cl. prae)TORIAE·RAVEN(natis).

Всѣ до сихъ поръ перечисленныя колоніи принадлежать восточнай половинѣ имперіи; что касается до западной, то тутъ мы назовемъ прежде всего весьма важную въ стратегическомъ отношеніи колонію Aventicum въ Галліи. Самое имя ея COL·FL·CONSTANS·EMERITA·HEL(vetiorum) ясно говорить о томъ, что сюда были выведены ветераны²⁾.

Можно назвать еще двѣ колоніи Веспасіана, но о нихъ, къ сожалѣнію, эпиграфика не дала до сихъ поръ ни одного извѣстія, такъ что даже ихъ топографическое положеніе остается до сихъ поръ вполнѣ неизвѣстнымъ. Мы разумѣемъ города: Flaviobriga—въ Испаніи³⁾ и Flaviopolis—во Фракіи⁴⁾.

Мы перечислили всѣ колоніи Веспасіана, на сколько позволяютъ намъ это источники. Изъ времени его сыновей знаемъ мы одну колонію въ Панноніи — Colonia Flavia Sirmium, которая, по всему вѣроятію, принадлежитъ Доміціану и находится въ связи съ дакійскимъ походомъ этого императора⁵⁾. Династія Флавіевъ заканчиваетъ собою первый вѣкъ нашей эры. Намъ удалось такимъ образомъ прослѣдить основаніе военныхъ колоній въ теченіе всего первого вѣка. Переходя ко второму вѣку, мы не станемъ пытаться представить полный перечень фактovъ этого рода, такъ какъ въ настоящее время это дѣло представляетъ слишкомъ существенные затрудненія. Мы ограничимся поэтому только главнейшими и болѣе достовѣрными. Вотъ рядъ такихъ колоній: При императорѣ Нервѣ—въ Африкѣ⁶⁾:

COL·AVG·MARTIALIS·VETERANORVM·SITIFENS(is)

При императорѣ Траянаѣ—

въ Панноніи: COL·VLPIA.POETOVIOPSIS.⁷⁾

въ Дакіи: COL·SARMIZEGETVSA.⁸⁾

¹⁾ C. I. L. III, n. 3971.

²⁾ Incriptiones Confoederationis Helvetiae (Mommsen), nn. 175, 179.

³⁾ Plin. Nat. Hist. IV, 110.

⁴⁾ Ibid. IV, 47.

⁵⁾ C. I. L. III, n. 3230 и стр. 418 sqq.

⁶⁾ Renier, Inscriptions de l'Algérie, nn. 3274, 3277.

⁷⁾ C. I. L. III, 753.

⁸⁾ Ibid. 1443.

въ Африкѣ: CO(lonia mar) C(i)ANA.TR || ANA·T(hamugadensium)¹⁾.
При императорѣ Адріанѣ —

въ Палестинѣ, какъ результатъ окончательного умиротворенія
страны; Colonia Aelia Capitolina²⁾;

въ Панноніи—Colonia Aelia Mursa³⁾.

При императорѣ Маркѣ Аврелии —

въ Дакіи: COL·AVR·APVLVM. (какъ называется этотъ городъ
недавно найденная надпись⁴⁾).

Наконецъ, при императорѣ Септиміи Северѣ—въ Іудѣї колонія—
Sebaste⁵⁾.

Перечисленныя нами колоніи далеко не представляютъ собою
всѣхъ. Мы ограничиваемся приведеніемъ ихъ потому, что связь каж-
дой изъ нихъ съ выведеніемъ ветерановъ можно вообще доказать или
есть, по крайней мѣрѣ, основаніе допускать ее. Мы изложимъ наши
основанія для каждой изъ нихъ въ частности. Что касается до той,
которая стоитъ первою въ нашемъ перечинѣ, Sifensis, то въ ея име-
ни слово veteranorum ясно говорить намъ объ ея происхожденіи.
Изъ времени Траяна имѣемъ мы прямыхъ свидѣтельства о надѣлѣ
солдатъ землею. Такъ, на территории Poetovio найдена надпись, при-
надлежащая ветерану втораго легіона (Legio II Adiutrix) слѣдующа-
го содержанія⁶⁾:

CORNELIVS. C. F. POM. DETR. VERVS.

VET. LEG. II. ADI. DEDVCT. C(oloniam) V(lpiam
T(raianam) P(aetovionem)
MISSIONE. AGR. II (missione agraria altera).

Свидѣтельство этой надписи слѣдуетъ привести въ связь со слѣ-
дующими словами граматика Гигина⁷⁾ evocatus Augusti — — — in
Pannonia agros veteranis ex voluntate et liberalitate imperatoris Tra-
iani Augusti Germanici adsignaverat. О другой колоніи Траяна, Сар-

¹⁾ Renier, Ibid., n. 1479.

²⁾ Dig. 50, 15, 1, 7.

³⁾ C. I. L. III, n. 2279.

⁴⁾ Ephemeris Epigraphica II, n. 405.

⁵⁾ Dig. 50, 15, 1, 7.

⁶⁾ C. I. L. III n. 4057. Какой смыслъ имѣютъ слова missio agraria altera—
это остается до сихъ поръ открытымъ вопросомъ.

⁷⁾ Gromatici Veteres I, 121. 8.

мизегетузъ выведеніе туда ветерановъ заświadтвовано юристомъ Павломъ¹), а также и надписями²).

Касательно колоніи Адріана Aelia Mursa мы имѣемъ такое же прямое свидѣтельство въ одной надписи, гдѣ этотъ императоръ называется Conditor, при чмъ упоминается имя втораго легіона—legio II Adjutrix³). Все это достаточно опредѣленно говоритъ о происхожденіи этой колоніи. Что до колоніи въ Палестинѣ Aelia Capitolina, то она слишкомъ близко связана съ іудейскою войной, чтобы мы могли предположить иныхъ колонистовъ, кромѣ военныхъ.

Для эпохи Марка Аврелия привели мы колонію Apulum. Городъ этотъ существовалъ до возышенія его на степень колоніи, какъ какъ плавае тринадцатаго легіона (legio XIII Gemina); позднѣе является онъ какъ colonia Aurelia Apulum. Допущеніе, что возведенію на степень колоніи дѣйствительно предшествовало выведеніе сюда ветерановъ, основывается на слѣдующемъ обстоятельствѣ:

Въ періодъ времени отъ Марка Аврелия и до 238 года надписи называютъ Apulum одновременно колоніей и муниципіей. Эту двойственность можно объяснить только такимъ образомъ, что право колоніи (ius coloniae) простиравалось только на часть городской общины, и именно на вновь поселенныхъ туда колонистовъ, тогда какъ коренные жители города остались на положеніи municipes⁴).

Намъ остается еще упомянуть о послѣдней изъ названныхъ нами колоній—Sebaste, изъ времени императора Септимія Севера. Наше допущеніе основывается въ данномъ случаѣ на цитатѣ изъ Ульпіана, дождшій до насъ въ Диагестахъ⁵): *divus quoque Severus in Sebastenam civitatem coloniam deduxit.*

Рядъ колоній, которыхъ мы представили, обнимаетъ собою эпоху первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры. А такъ какъ основаніе колоній для императорской эпохи совпадаетъ съ фактомъ дедукціи ветерановъ, то мы въ правѣ утверждать, что фактъ уплаты солдатъ ихъ praemia поземельнымъ надѣломъ находилъ отъ времени до времени себѣ примененіе въ государственной жизни имперіи до начала третьаго вѣка.

¹⁾ Dig. 50, 15, 1.

²⁾ C. I. L. III, p. 228. Предисловіе Моммзена къ надписямъ Сармизегетузы.

³⁾ C. I. L. III n. 3279.

⁴⁾ C. I. L. III p. 182. Высказанное здѣсь мнѣніе Моммзена вполнѣ подтвердилося недавною находкой, изданною въ Ephemeris Epigr. II, p. 405.

⁵⁾ Dig. 50, 15, 1.

Но послѣ Септимія Севера нѣть уже никакой возможности наслѣдить подобнаго рода фактъ. Правда, новые колоніи возникаютъ отъ времени до времени, но тутъ уже можно стойкою опредѣленностью констатировать фактъ разрыва между понятіями *deductio* и *colonia*, который подготовлялся еще съ первого вѣка. Искать первыхъ признаковъ этого разъединенія повело бы насъ слишкомъ далеко отъ разбираемаго нами вопроса изаставило бы насъ войти въ область болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній, а потому мы ограничимся указаниемъ на факты болѣе достовѣрные. Но прежде чѣмъ перейти къ самымъ фактамъ, необходимо выяснить тѣ общія условія, которыхъ содѣйствовали разъединенію понятій колоніи и дедукція.

Колонія была римскимъ городомъ съ известнымъ внутреннимъ устройствомъ. Какія побужденія правительства ни вызывали бы ея основанія, какія цѣли ни преслѣдовало бы оно при этомъ, были ли получавшіе надѣль въ новомъ городѣ—*milites* или *togati*, выводились ли ее императоръ въ силу своей власти, или въ силу специального закона (*lex*)—коль скоро колонія была основана, всѣ эти условія не имѣли болѣе никакого значенія: колонія продолжала затѣмъ существовать какъ городъ съ известными правами и привилегіями. Это значеніе римской колоніи было причиной того, что вскорѣ послѣ упроченія монархіи выработалось въ римской государственной практикѣ понятіе *ius coloniae*. Права и привилегіи, составлявшія его, имѣли своимъ результатомъ то, что для города, лежавшаго въ предѣлахъ имперіи ¹⁾, возвышеніе на степень колоніи было и въ высшей степени почтено, и выгодно. Понятно такимъ образомъ, почему Тацитъ ²⁾ могъ выставить выведеніе колоніи въ городъ Ага Ubiorum, какъ проявленіе честолюбія Агриппины: здѣсь родилась она во время пребыванія Германика на Рейнѣ, и теперь, ставъ императрицей, возвысила его на степень колоніи, *effigies populi Romani*.

Въ данномъ случаѣ сообщенію *ius coloniae* провинціальному городу предшествуетъ дедукція ветерановъ; но изъ того же царствованія знаемъ мы фактъ дарованія городу колоніального права виѣ всякой связи съ дѣйствительной его колонизаціей. Мы разумѣемъ городъ Цезарею въ Мавретаніи. Caesarea— —Iuba regia, говорить Пліній,

¹⁾ Мы дѣлаемъ эту оговорку, чтобы исключить изъ разсмотрѣнія *civitates liberae et foederatae*, такъ какъ эти послѣднія, съ точки зренія права, лежатъ въ имперіи, стоять рядомъ съ нею.

²⁾ Tac. Ann. 12, 27.

a divo Claudio coloniae iure donata¹⁾). Другой такой случай имѣлъ мѣсто при Неронѣ въ Италии: *vetus oppidum Puteoli ius coloniae et cognomentum a Nerone apiscuntur*²⁾.

Во второмъ вѣкѣ дарование городу „права колоніи“ становится гораздо чаще. Весьма замѣчательный фактъ этого рода принадлежитъ времени Траяна. Въ Нижней Германии вблизи лагеря тридцатаго легиона образовалось мало по малу обширное городское поселеніе. Императоръ возводилъ его на степень колоніи. Такъ возникла *Colonia Trajana* на римскомъ Рейнѣ³⁾.

При императорѣ Адріанѣ случаи сообщенія *ius coloniae* были весьма часты. По словамъ сына Геллія, многіе города обращались къ императору съ просьбой сдѣлать ихъ колоніями (*in ius coloniarium mutari*), и многіе достигли желаемаго. Говоря объ этомъ, Геллій сообщаетъ намъ нѣсколько драгоценныхъ замѣчаній, которые наглядно характеризуютъ современное ему состояніе вопроса о колоніяхъ. Упоминая о рѣчи, которую императоръ произнесъ въ сенатѣ по поводу ходатайства испанскихъ городовъ, просившихъ о дарованіи права колоніи, Геллій говоритъ, что императоръ высказалъ удивленіе тому—*quod et ipsi Italenses et quaedam item alia municipia antiqua in quibus Uticenses nominat, cum suis moribus legibusque uti possent, in ius coloniarum mutari gestiverint*⁴⁾. Изъ этихъ словъ Адріана, равно какъ и изъ затрудненія самого Геллія определить—что такое колонія, и чѣмъ она отличается отъ другихъ городовъ,—видно какъ въ ту пору затемнилось первоначально столь простое понятіе. Понятія *polonia* и *deductio* разъединились съ течениемъ времени все больше и больше. Особенно характеристичный фактъ въ этомъ отношеніи можно указать изъ времени императора Коммода. Его биографъ приводить⁵⁾, какъ проявленіе дикой надменности этого императора, то, что онъ потребовалъ, чтобы городъ Римъ назывался *Colonia Commodiana*. Возможность подобного факта ясно говоритъ, какъ мало знали въ ту пору жители колоніи, и какъ мало осталось въ немъ отъ его первоначального значенія.

Но какъ ни затемнилось бы въ ту пору первоначальное понятіе

¹⁾ Plin. Nat. Hist. V, 20.

²⁾ Tacit. Ann. 14, 27.

³⁾ Hermes. VII, статья Моммзена *Lagerstädte*, p. 323.

⁴⁾ A. Gellius, Noctes Atticae, 16, 13.

⁵⁾ Script. Hist. Aug. vita Commodi, c. 8.

колонії, съ этимъ именемъ соединялись все-таки извѣстныя права и преимущества. Допустить это принуждаетъ насъ то обстоятельство, что пожалованія городовъ правомъ колоніи можно прослѣдить и много позднѣе императора Адріана. Особенно часты этого рода факты при Септиміи Северѣ. Въ Дигестахъ сохранилось свидѣтельство о трехъ городахъ въ Сиріи, которые получили отъ него *ius coloniae*. *Tyrgium colonia... huic divus Severus ob insignem fidem ius italicum dedit, Heliopolitana... per belli occasionem italicae coloniae rem publicam accepit, Laodicensa colonia in Syria Coele, cui divus Severus ius italicum ob belli civilis merita concessit*¹⁾). Въ Мезии городъ Трэсмись, служившій долго лагеремъ тринацатаго легіона (*legio XIII Gemina*), получиль колоніальное устройство одновременно съ перемѣщеніемъ этого легіона въ Дакію²⁾). Самый интересный примѣръ представляетъ Ротаїssa. Это селеніе было *vicus*, то-есть, съ точки зреінія права, не было общиной, самостоятельнымъ цѣлью. Когда же туда былъ по-мѣщенъ легіонъ для постоянного пребыванія, то Potaissa была возведена на степень колоніи³⁾). Изъ времени императора Каракаллы есть одно извѣстіе о подобнаго рода фактѣ. Оно засвидѣтельствовано Ульпіаномъ: *et Emisena civitati Phoenices imperator noster ius coloniae dedit iurisque italicici eam fecit*⁴⁾).

Число колоній было въ Римской имперіи весьма велико. Обо многихъ изъ нихъ можно сказать, какому императору обазаны онѣ этимъ титуломъ, о другихъ можно только съ нѣкоторою вѣроятностью указать на эпоху, къ которой относится ихъ возвышеніе на степень колоніи. Но допускать связь между началомъ колоніального устройства въ отдѣльныхъ городахъ и выведеніемъ туда ветерановъ, — какъ обыкновенно дѣлается до сихъ поръ⁵⁾), — вполнѣ неосновательно. Факты надѣла солдатъ землею въ связи съ основаніемъ колоніи никакимъ образомъ не идутъ дальше эпохи Септимія Севера. Государство мало по малу совершило отстрилило отъ себя заботу о ветеранахъ. Селить же ихъ для упроченія римскаго духа въ провинціяхъ не представлялось тогда никакой надобности, такъ какъ провинціи

¹⁾ Dig. 50, 15, 1.

²⁾ Hermes VII, p. 323 см.

³⁾ Dig. 50, 15, 1. *Vicus Potavissensium (sic) qui a divo Severo ius coloniae impetravit.* Ср. Hermes VII, цитированная статья Моммизена.

⁴⁾ Dig. ibid.

⁵⁾ Marquardt. Staatsverwaltung I, p. 457. Веронская надпись вовсе не говоритъ того, что въ ней хотятъ вычитать.

были уже вполне романизованы. Но если теперь не надо было больше основывать prorupascula imperii Romani для успешного хода романизации завоеванных провинций, за то настоящая борьба на всей границах повела къ сооружению крѣпостей, въ нашемъ смыслѣ слова, въ пунктахъ важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, а также и вдоль границъ. Но для нихъ было бы уже недостаточно ветерановъ: ихъ занимали гарнизоны изъ дѣйствующей арміи.

V.

Для полноты нашего изслѣдованія мы должны перейти теперь къ новой формѣ, въ какой осуществлялся надѣль ветерановъ землею въ третьемъ вѣкѣ нашей эры. Имперія находилась въ эту эпоху въ постоянной войнѣ съ вѣшними врагами: варвары тѣснить ее на всемъ протяженіи ея границъ. Отстоять цивилизованный міръ отъ напора варваровъ является главнымъ дѣломъ императоровъ.

Въ видахъ охраненія границъ была проведена между прочимъ свѣдущая мѣра: въ пограничныхъ округахъ ветераны и солдаты получали землю съ обязательствомъ охранять за это границу на определенномъ протяженіи. Другое требование, которое правительство предъявляло такимъ поселенцамъ, — была обязательность военной службы для ихъ дѣтей. Въ царствованіе какого императора создана была эта мѣра — решить этотъ вопросъ совершенно невозможно. Первое же свѣдѣніе о фактическомъ примѣненіи этой новой формы надѣла имѣеть мы изъ времени Александра Севера. Бiографъ его разсказываетъ слѣдующее: *Sola, quae de hostibus capta sunt, limitaneis ducibus et militibus donavit, ita ut eorum essent, si heredes eorum militarent, nec unquam ad privatos pertinarent, dicens attentius eos militaturos, si etiam sua rura defendenterent. Addidit sane his et animalia et servos, ut possent colere quod accepserant, ne per inopiam hominum, vel per senectutem possidentium desererentur rura vicina barbariae*¹⁾.

И такъ, земля становится собственностью солдата; но владѣютъ

¹⁾ Scrip. Hist. Aug. v. Alex. c. 58. Резонирующей тонъ этого послѣдняго замѣчанія, которое начинается словомъ *запе*, заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ — нашелъ ли Лампридий въ своемъ источнике эти детали, или же просто это его догадки. У него былъ предъ глазами обычный образъ дѣйствий правительства касательно *agri vacantes*; быть можетъ, онъ просто перенесъ въ прошлое современный ему образъ дѣйствий. Нельзя пройти молчаніемъ и того, что *duces limitanei* — понятіе четвертаго, а не третьего вѣка.

оны ею уже не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ получали надѣлы ветераны при выведеніи колоніи (то была полная квиритская собственность): ихъ право владѣнія подходитъ скорѣе подъ понятіе possessio.

Объ этомъ въ высшей степени интересномъ для насть событій Лампридій говоритъ вскользь, такъ что изъ его словъ нельзѧ даже съ точностью опредѣлить мѣсто, где императоръ Александръ создалъ военные поселенія этого рода. Самый фактъ упомянутъ у Лампридія въ связи съ тѣми счастливыми войнами, которыя Александръ Северь велъ въ Африкѣ, Иллірикѣ и Армении. Отсюда можно, по видимому, предполагать, что эти поселенія имѣли мѣсто въ обычныхъ пограничныхъ провинціяхъ, то-есть, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Армении.

Весьмаѣроятно, что институтъ надѣла землю съ сервитутомъ охраны границы и военной службы для дѣтей получавшаго землю — получили уже въ началѣ третьаго вѣка большое распространение. Весьма драгоценной находкой для исторіи этого вопроса былъ недавно найденный фрагментъ военнаго диплома изъ первой половины третьаго вѣка¹⁾). Дѣло идетъ о ветеранахъ нѣсколькихъ когортъ, которые становятся milites castellani въ Нижней Панноніи (около города Vetus Salina). Въ данномъ случаѣ достойно замѣчанія и то обстоятельство, что землю получаю ветераны когортъ, то-есть, auxiliaries. Въ первомъ вѣкѣ въ колоніи выводились только ветераны легионовъ. При Веспасианѣ удостоены были того же самаго флотскіе солдаты, но мы не знаемъ ни одного подобнаго случая относительно cohortiales. Въ эпоху начала имперіи существовала огромная разница между солдатами легионовъ и когортъ: тогда какъ въ первые открыть былъ доступъ исключительно римскимъ гражданамъ, когорты и вообще auxilia состояли изъ варваровъ. Всякое племя, включенное въ Римскую имперію, обязано было поставлять определенное число годныхъ для военной службы людей, которые затѣмъ формировались въ cohortes и alae (то-есть, отряды пѣшихъ и конныхъ). Вооружены были они болѣе чисто своимъ туземнымъ оружіемъ²⁾, и какъ выражается Тацитъ³⁾, — militia tantum disciplinae romana habebantur.

¹⁾ Надпись издана Моммзеномъ: Archäologische Mittheilungen aus Oesterreich. 1879 выпускъ I.

²⁾ Tac. Hist. II, 89: dein quatuor et triginta cohortes ut nomina gentium aut species agnorum forent discretæ.

³⁾ Tac. Ann. III, 42.

Въ третьемъ вѣкѣ процессъ романизаціи былъ во многихъ частахъ имперіи законченъ, право гражданства распространено на всѣхъ свободно-рожденныхъ подданныхъ императора, такимъ образомъ и прежнее различіе между легіонарами и аукзиліарами должно было исчезнуть. Если же эти послѣдніе продолжаютъ существовать въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ¹⁾, то уже не какъ варвары въ противоположность гражданамъ, а просто какъ болѣе подвижная часть арміи, пъ противоположность къ крупнымъ единицамъ, каковы легіоны (позднѣе numeri). Служба во „вспомогательныхъ отрядахъ“ (*auxilia*) была легче чѣмъ въ легіонахъ въ эту позднѣйшую эпоху Имперіи, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Вегетій: *plerique in auxiliariis festinant militiae sacramenta percipere, ubi et minor sudor et maturiora sunt praemia*²⁾.

Дипломъ когорталовъ изъ *Vetus Salina* интересенъ еще въ одномъ отношеніи. Въ немъ мы впервые встрѣчаемъ терминъ *milites castellani*: такъ называются обитатели вновь созданныхъ государствомъ военныхъ поселеній.

Въ законодательныхъ актахъ пятаго вѣка попадаются еще отголоски мѣры — укрѣплять границу этими способомъ. Мы разумѣемъ слѣдующіе законы: въ Теодосіанскомъ Кодексѣ — VII, 15, 2 и въ Юстиніановомъ — XI, 60, 3. Оба они вызваны незаконнымъ переходомъ принадлежащихъ военнымъ поселеніямъ земель (*fundi limitrophi*) въ частные руки. Новые владѣтели не знаютъ ничего о сервитутахъ, которые лежать на этихъ земляхъ. Императоры повелѣваютъ устранить этотъ незаконный порядокъ, восстановить — *quaes antiquitas indicavit* и передать эти земли въ ихъ прежнихъ границахъ „пограничнымъ солдатамъ“ (*milites limatei*)³⁾ — *sine ullo collationis onere*⁴⁾. Частные люди (*homines conditionis privatae*), которые были повинны въ незаконномъ владѣніи, должны немедленно подъ страхомъ наказанія (и притомъ *capitalis sententia cum publicatione bonorum*) отступиться отъ этихъ земель (*cedere atque deferre*).

Въ видахъ охраненія границъ примѣнялась еще и другая мѣра. Пограничные земли отдавались во владѣніе такъ называемымъ *Gen-*

¹⁾ *Codex Theodosianus* VII, 20, 4 законъ 325 года.

²⁾ *Vegetius de re mil.* II, 3.

³⁾ Термины *milites limatei* и *milites castellani* употребляются какъ одозначущіе въ языкахъ Кодексовъ.

⁴⁾ Объясненіе см. Kuhn. *Die S. und G. Verfassung des R. Reichs.* I, p. 61.

tiles съ тѣмъ же самимъ обязательствомъ относительно государства¹⁾. Въ Теодезіанскомъ кодексѣ дошелъ до насъ одинъ императорскій указъ, выданный на имя викарія Африки въ 409 году, который говоритъ о налѣжахъ этого рода, какъ о старинномъ учрежденіи (*antiquorum humanae provisione*)²⁾. Gentiles обязаны заботиться о томъ,— ne fossati limitisque nulla in parte timoris esset suspicio. Этотъ указъ вызванъ тѣмъ же обстоятельствомъ, какъ и тѣ два, о которыхъ мы только что говорили, а именно: многія земли этого рода перешли въ частныя руки. Въ виду этого, императоръ повелѣваетъ: или, чтобы лица, владѣющія такими землями, принали на себя охраненіе границъ, или, чтобы gentiles были возстановлены въ своихъ правахъ.

Охрана границъ посредствомъ milites castellani и gentiles — суть двѣ мѣры, которыя созданы для одной и той же цѣли, а потому они могутъ замѣнить другъ друга. Заключить это можно изъ слѣдующаго: викарію Африки предоставляется право передавать ветеранамъ земли, принадлежавшія gentiles, лишь бы только государство ничего отъ этого не теряло и ветераны были бы обязаны тою же службою, какая возложена была на gentiles при отдачѣ имъ земель.

Факты, разсмотрѣнныя нами выше, побуждаютъ насъ указать вдѣсь на одну въ высшей степени замѣтальную черту государственной жизни позднѣйшаго периода Римской имперіи. Мы разумѣемъ возникновеніе наслѣдственнаго военнаго сословія. Первый случай обязательной военной службы для дѣтей солдатъ, какой даютъ наши источники, относится ко времени царствованія Александра Севера: milites limitanei получаютъ пограничныя земли съ обязательствомъ отдавать дѣтей своихъ въ солдаты. Надпись изъ Vetus Salina, о которой было выше упомянуто, также говоритъ объ этомъ обязательствѣ (*in provincia probatis filiis ex se procreatibus*). О томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и слѣдующая замѣтка въ жизни императора Проба—veteranis omnia illa, quae auguste adeuntur loca privata (*in Isauria*) donavit, addens, ut eorum filii ab anno octavo decimo, mares dumtaxat ad militiam mitterentur³⁾). Но если въ III вѣкѣ дѣти ветерановъ обязаны поступать въ военную службу только въ томъ случаѣ, когда

¹⁾ Подъ этимъ именемъ разумѣются племена варварскихъ народовъ, селившіеся въ предѣлахъ имперіи, но сохранившія при этомъ свое родовое устройство. Уже во II вѣкѣ въ надписяхъ слово *gens* имѣть этотъ смыслъ.

²⁾ Cod. Theod. VII.

³⁾ Script. Hist. Aug. vita Probi, c. 16.

родители ихъ удостоиваются особенной милости отъ государства, а именно получаютъ землю (чтò носить характеръ случайности), то ужь въ самомъ началѣ IV вѣка дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Въ Теодозианскомъ кодексѣ имѣемъ мы цѣлый рядъ законовъ (отъ 312 до 398 года), которые всѣ подтверждаютъ обязательность военной службы для дѣтей солдатъ¹⁾. Основаніе требовать отъ солдатъ ихъ дѣтей на службу видать законы въ тѣхъ привилегіяхъ, какими пользуются ветераны: *privilegia parentibus eorum indulta*²⁾. Солдатскія дѣти, когда имъ исполнится 16 лѣтъ, обязаны явиться къ чиновникамъ, завѣдывавшимъ пріемомъ на службу³⁾. Неоднократно повторяется: *sciant veterani liberos suos... offerendos esse militiae*⁴⁾. Рядомъ съ этимъ читаемъ мы слѣдующую фразу: *quicunque castrensi stirpe progenitus diversis se officiis indiderunt, etiam manu iniecta retrahatur*⁵⁾.

Въ чёмъ же состояли эти привилегіи, на которыхъ императоры ссылаются, требуя отъ солдатъ опредѣлить дѣтей въ военную службу? Уравновѣшивали ли они тяжесть возлагаемой за пользованіе ини обязанности?

Прежде всего надо замѣтить, что въ Теодозианскомъ кодексѣ нѣть вообще никакихъ общихъ постановленій касательно этого пункта. Преимущества, которыхъ тотъ или другой императоръ сообщаетъ своимъ ветеранамъ такой-то арміи, являются въ формѣ узаза *ad hoc*. Сопоставляя эти указы между собою, можно, конечно, составить себѣ понятіе объ общей тенденціи привилегій: они всѣ сводятся на изысканія отъ пѣкоторыхъ изъ тѣхъ тяжелыхъ обязанностей оброковъ, какими обременяла имперія въ это время своихъ подданныхъ. Такъ, напримѣръ, ветеранамъ обыкновенно предоставляется свобода отъ поголовной подати, или употребляя нашъ терминъ — отъ подушной. Иногда солдатъ получаетъ эту свободу и для жены, но это уже исключение и находится въ зависимости отъ числа выслуженныхъ лѣтъ и отъ рода войскъ, гдѣ солдатъ служилъ. Объ уплатѣ какихъ-нибудь ргаемія девъгами — нѣть и помину, какъ объ этомъ имѣла мы случай

¹⁾ *Codex Theodos. VII, 21.*

²⁾ *Ibid., 21, 2.*

³⁾ *Ibid., 4.*

⁴⁾ *Ibid., 7 et 9.*

⁵⁾ *Ibid.*

сказать выше. Само собою разумѣется, что государство не беретъ на себя заботы объ обеспеченіи ветерана землею, но тѣмъ не менѣе существуетъ и теперь для ветерановъ возможность перехода къ жизни земледѣльца, а именно—государство позволяетъ ветеранамъ занимать необработанный и никому непринадлежащій земли и признаетъ право собственности на нихъ за тѣмъ, кто возьметъ на себя ея обработку. Чтобы возвѣдить у ветерановъ охоту приниматься за плугъ, государство обѣщаетъ имъ *immunitas* — свободу отъ поземельного налога. Вотъ слова закона: *vacantes terras accipient easque regretuo habeant immunes*¹⁾. Для того чтобы облегчить обзаведеніе необходимыми хозяйственными принадлежностями, государство обѣщаетъ выдать желающему приняться за обработку земли извѣстную сумму денегъ (въ одномъ законѣ — *viginti quinque millia follium*—VII, 20, 3) и кромѣ того дать безвозмездно пару воловъ и пятьдесятъ модиевъ различныхъ продуктовъ на сѣмана (*amplius addentes*—какъ читаемъ въ другомъ законѣ—VII, 20, 8—*ut etiam ad culturam eorumdem agrorum et animalia et semina praebeamus*). Кто выходилъ въ отставку изъ разряда войскъ, носившаго имя *protectores*, тотъ получалъ двѣ пары воловъ и сто модиевъ. За землей ветерана признавало государство свободу отъ повинностей—*nullum ex his agris stipendum* (VII, 20, 8) *nullamque annuatim praestationem*. Не смотря на всѣ эти льготы и привилегіи, правительству врядъ ли удавалось привлечь ветерановъ къ земледѣлію: главное занятіе, къ которому они обращались, была торговля. Государство даетъ здѣсь извѣстныя привилегіи ветеранамъ. Такъ, они не платятъ таможенного сбора съ опредѣленного *maximum* товаровъ. Вотъ слова одного изъ относящихся сюда законовъ (VII, 20, 2)—*qui negotii gerendi habuerit voluntatem huic centum follium summam immunem habere permittimus*²⁾. Другой законъ (*ibid.*, 9) позволяетъ ветеранамъ *emere vendere negotiari ab omni munere universisque reditibus auri et argentii, sed et portorii indemnes esse oportet*³⁾. Они свободны отъ *lustralis collatio*—по XIII, 1, 2; но и здѣсь опять-таки съ извѣстными ограниченіями, причемъ принимается во вниманіе родъ войска и число лѣтъ службы⁴⁾.

¹⁾ Cod. Theodos. VII, 20, 3.

²⁾ Законъ относится къ 326 году.

³⁾ Налогъ, называвшійся *aurum et argentum*, соотвѣтствовалъ приблизительно нашимъ гильдейскимъ сборамъ.

⁴⁾ Cod. Theodos., XIII, 1, 7 и 14.

Юліанъ Кулаковскій.

ПО ПОВОДУ JUVENAL. SAT. VII. 88—89.

При чтении статьи, помещенной въ этомъ отрывѣ выше на стр. 181—218 подъ заглавиемъ: „О жизнеописаніи Ювенала“, не можетъ не поражать то обстоятельство, что авторъ ея, г. Нагуевскій, относится къ своимъ источникамъ недостаточно критически. Странное впечатлѣніе производить сопоставленіе такихъ именъ, какъ Фридлендера, О. Яна, ученыхъ, пользующихся высокимъ научнымъ авторитетомъ, съ компиляторами въ родѣ Жанена, Дечы¹⁾ и Вейднера. Еслибы г. Нагуевскому извѣстна была рецензія издания Вейднера, помещенная въ *Zeitschr. f. d. Gymnasialwesen*, XXIII, р. 210—239, то онъ отнесся бы, вероятно, къ произведенію новѣйшаго нѣмецкаго изданія Ювенала менѣе серьезно; а во всякомъ случаѣ ему не слѣдовало на стр. 198, прим. 1, названной статьи слѣпо выписывать примѣчаніе Вейднера къ *Juv. Sat. VII 89*, ни принимать его чтеніе, давнимъ давно исправленное Ф. Моммизеномъ. Г. Нагуевскій читаетъ разбираемыя стихи Ювенала, вмѣстѣ съ Вейднеромъ, такимъ образомъ: *Ille (то-есть, Paris) et militiae multis largitur honorem, Semenstris digitos vatim circumligat auro*, и прибавляетъ къ nimis слѣдующее объясненіе: „Подъ выражениемъ *semenstre aurum* разумѣется здѣсь военное трибучество (*Plin. Ep. IV 4*), соединенное со временемъ Цезаря и Августа со всѣми правами и преимуществами, которыми пользовались римскіе всадники. Къ числу отличий сословія римскихъ всадниковъ принадлежало и золотое кольцо. Безъ сомнѣнія, въ видахъ предоставить военное трибучество, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всадническія права, большему числу лицъ,

¹⁾ Называемаго на стр. 188 «новѣйшимъ знатокомъ (!) Ювенала» ср. о Дечѣ (Doetsch): *Jahresber. ueber die Fortschr. d. class. Alterth.* II р. 1146.

изъ огромной массы искателей этой должности, срокъ ся былъ ограниченъ во время Домиціана 6-ю мѣсяцами". Послѣднія слова почти совпадаютъ съ концомъ примѣчанія Вейднера.

Подъ словами *semenstre autum* можно было бы подразумѣвать только золотое кольцо, свойственное римскимъ всадникамъ какъ знакъ отличія, такъ какъ съ званіемъ военного трибуна сопряжено было званіе всадника; ср. Appian. Pun. 104 ἀπὸ τῆς σφραγῖδος εὑρόν—христофоромъ γὰρ τῷν στρατευμένῳ οἱ χλιάρχοι. Съ другой стороны, известно, что какъ скоро кто разъ получилъ это кольцо, то онъ носилъ его въ продолженіе всей своей жизни,—развѣ только въ силу наказанія лищался этого права. На такомъ основаніи нѣкоторые ученые предполагали, что въ рукописномъ чтеніи разбираемаго мѣста Ювенала заключается ошибка, и что вм. *semenstri* слѣдуетъ читать *semenstris*, соединяя послѣднее слово съ предыдущимъ *militiae*. Моммзенъ, въ своихъ Epigraphische Analekten въ Berichte ueber die Verhandlungen der K. Saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philologisch-histor. Klasse, 1852, IV, p. 250, не измѣняя рукописнаго чтенія, предлагаетъ читать: *ille et militiae multis largitur honorem semenstri, vatuum digitos circumligat auro*, при чемъ указываетъ на то, что въ надписи, находившейся прежде въ замкѣ Thorigny на лѣвой сторонѣ камня въ строкѣ 13-ой (*Semenstris autem epistolam, ubi propediem vacare cooperit, mittam, cuius militiae salarium, id est HS XXV p. in auro suscipe*) такимъ же образомъ встрѣчается *semenstris* безъ прибавленнаго *tribunatus*. Кромѣ того, *semenstris* встрѣчается безъ существительнаго въ *vita Juvenalis* II у Яна, стр. 387. Толкованіе мѣста Ювенала, предложенное Моммзеномъ,—единственно возможное, и оно принято О. Яномъ въ послѣднемъ его изданіи Ювенала. О томъ, чтобы срокъ военной службы трибуновъ формально былъ ограниченъ, какъ утверждаютъ гг. Вейднеръ и Нагуевскій, рѣшительно ничего неизвѣстно. Вероятно, трибуны служили номинально одинъ годъ, за что и получали годовое жалованіе (см. вышеупомянутую надпись), а фактически шесть слишкомъ мѣсяцевъ (тайогем *paragem anni*).

Всѣ эти свѣдѣнія г. Нагуевскаго могъ бы найти у Becker-Marquardt, Roem. Alterthuemер, III, 2, p. 278, или у Marquardt, Roem Staatsverwaltung, II, p. 357.

Э. Вергъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ по греческой филологии, вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году.

Приступая къ обзору книгъ, вышедшихъ у насъ по греческой филологии въ прошломъ году, мы должны предварительно оговориться, что пока мы можемъ дать отзывъ только о вѣкоторыхъ изъ нихъ такъ какъ, къ сожалѣнію, оказывается дѣломъ далеко не легкимъ достать во-время все, чтд появляется у насъ въ печати по какой бы то ни было отрасли науки.

Больше всего вышло переводовъ, къ которымъ мы относимъ не только переводы греческихъ авторовъ на отечественный языкъ, но также и переводы съ новѣйшихъ языковъ сочиненій, относящихся къ греческому языку, литературѣ и древностямъ. Затѣмъ слѣдуетъ небольшое число изданій греческихъ авторовъ, частью со словарями, частью съ комментаріями, и наконецъ—самое небольшое число приходится на самостоятельный изслѣдовавія.

Въ 1879 году появились слѣдующіе переводы греческихъ авторовъ:

1) Исторія Греціи—Ксенофонтъ, переведенная Янчевецкимъ (который еще раньше издалъ переводъ Анабазиса, Меморабилій, Киропедіи и къ 1880 г. обѣщааетъ напечатать переводъ мелкихъ статей Ксенофонтата).

2) Анабазисъ—Ксенофонтъ, перевелъ Тимошенко. Киевъ.

3) Критонъ—Платона, перевель Горбовъ (судя по тому, что Критонъ составляетъ 1-й выпускъ, можно думать, что переводчикъ намѣренъ перевести и другіе диалоги Платона). Замѣтимъ кстати, что Критонъ Платона

быть еще раньше переведены Аристовымъ и въ нынѣшнемъ году вышелъ уже вторымъ изданіемъ.

4) Жизнеописанія — Плутарха, переводъ подъ редакціей Герье; вин. I. Москва.

5) Страбонъ. Географія, въ XVII книгахъ, переводъ съ предисловіемъ и указателемъ Ф. Мищенка. Москва.

6) Война мышей и лягушекъ, забавная поэма Гомера, переводъ В. Воскресенскаго. С.-Пб.

Отлагая на будущее время разборъ вышеозначенныхъ переводовъ, мы напередъ замѣтимъ, что вообще признаемъ пользу только такихъ переводовъ, которые, отличаясь вѣрностью и точностью, въ то же время не лишены литературного достоинства. Переводы же, которые дѣлаются исключительно съ цѣлью помочь ученикамъ, по нашему мнѣнію, составляютъ величайшее зло въ школьномъ дѣлѣ, потому что они, волервыхъ лишаютъ учениковъ самодѣятельности и такимъ образомъ въ самомъ корыѣ подрываютъ цѣль изученія классическихъ языковъ, и вовторыхъ, пріучаютъ ихъ къ употребленію такого русскаго языка, какимъ никто не говоритъ и не пишетъ. Мы, разумѣется, не желаемъ, чтобы это замѣчаніе отнесли къ вышеупомянутымъ переведамъ, такъ какъ мы до сихъ поръ не имѣли случая познакомиться съ ними. Случайно достали мы только Аиабазисъ Ксенофонтова, переведенный г. Янчевецкимъ (изд. 2-е, 1879 Киевъ). Перелистывая переводъ г. Янчевецкаго, мы замѣтили, что онъ вообще мало передаетъ простоту и изящество Ксенофонтовой рѣчи. Нерѣдко попадаются мѣста, напоминающія собою тяжеловатость и вычурность дословныхъ переводовъ и въ то же время не вполнѣ точно передающія смыслъ греческаго текста. Вотъ нѣсколько выдержекъ.

Стр. 50, кн. 2, гл. 5, § 10: „и если бы мы теперь убили тебя, то иначе ли мы поступили бы, чѣмъ послѣ убийства своего благодѣтеля начали бы борьбу съ царемъ, самимъ могучимъ новымъ противникомъ (πρὸς βασιλέα τὸν μέγιστον ἑρεβρον)? А сколькихъ надеждъ и ваковыхъ я лишилъ бы себя допустивъ сдѣлать тебѣ что-либо дурное, объ этомъ я сейчасъ буду говорить“ (εἰ δέ τι κακὸν ἐπιχειρήσαμι ποιεῖν, ταῦτα λέξω).

Стр. 51, кн. 2, гл. 5, § 18: „или, быть можетъ, ты находишь, что у насъ недостаетъ мѣстностей, удобныхъ для нападенія? Не таковы ли вы проходите съ трудомъ и притомъ преданныя намъ низменности? не таковы ли вы видите лежащія на вашемъ пути горы“

(оъ тосабта мѧн пеðіа һұмін філіа Ծұн толлѡ поңғ діакореңесеңе, тоң сабта дѣ өрт ұмтү өртте Ծұн тареутеа) и проч.

Стр. 56, кн. 2, гл. 6, § 18: „но стремясь къ такимъ важнымъ цѣлямъ, онъ, съ другой стороны, явно держался того, что не желаль достиженія ничего путемъ несправедливости, напротивъ по его убѣждению слѣдовало достигать цѣлей рука обь руку съ справедливостью и порядочностью; а безъ этихъ качествъ нельзя“ (сѹн тѣ діказіф қа-халѣ).

Встрѣчаются также и невѣрные переводы. Такъ на стр. 5 (кн. 1, гл. 2, § 12) слова Ксенофonta әлдегето дѣ ҳаі соуғиенеңесаі Кѣрон тѣ Клисса переводаются слѣдующимъ образомъ: „говорили, что Киръ заключилъ союзъ съ этой Киликианкой“. Въ текстѣ говорится вовсе не о политическомъ союзѣ, а о любовныхъ связахъ Кира съ Киликианкой. На стр. 7 (кн. 1, гл. 2 § 20) читаемъ, что „Киръ казнилъ Перса Мегаферна, придворного сановника въ красномъ платѣ (?) и еще одного вельможу изъ мѣстныхъ правителей“. Это переводъ греческаго текста: Κѣрос ἀπέκτενεν ἄνδρα Πέρσην Μεγαφέρνην, φοικιαστὴν ρασίλεον, ҳаі ётеро тиң тәң ұпархон донастын.

Впрочемъ, въ пользу г. Янчевецкаго можно сказать то, что онъ, переводя Ксенофonta, не имѣлъ въ виду однихъ только учениковъ гимназіи, потому что тогда не для чего было бы переводить ему такія сочиненія Ксенофonta, которыхъ никогда не читаются въ гимназіяхъ. Поэтому мы советуемъ ему при новомъ изданіи исправить неровности слога и неточности въ передачѣ греческаго текста и снабдить свой переводъ большими примѣчаній.

Кромѣ переводовъ греческихъ авторовъ, въ текущемъ году вышло также нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго языка частью учебниковъ частью сочиненій, относящихся къ греческой филологии. Мы пока представимъ только перечень этихъ переводныхъ сочиненій, отлагамъ разборъ ихъ на будущее время:

- 1) Синтаксисъ по Коху—Григоревскаго.
- 2) Греческая этимологія по учебнику Коха—Чернаго.
- 3) Книга упражненій по греческой этимологіи по руководству Везенера съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, составленная Чернышъ.
- 4) Нидерле, Грамматика Греческаго языка. Этимологія; съ чешскаго переводъ Мейерь.
- 5) Боницъ, О происхожденіи Гомеровскихъ поэмъ, переводъ Мейеръ

6) Бэкъ, Энциклопедія и методологія філологіческой науки, ве-ревель Аландскій.

7) Штолль, Герои древней Греціи, переводъ подъ редакціей Васильевскаго. Изд. 2-е.

Если принять во внимание переводныя сочиненія не только за нынѣшній годъ, но и за предыдущіе годы, то окажется, что болѣе всего переводится грамматикъ и упражненій къ нимъ. По крайней мѣрѣ почти вся лучшая греческая грамматики, существующая на нѣмецкомъ языке, переведены, нѣкоторыя даже по нѣсколько разъ, какъ, напримѣръ, грамматика Курцуса. Пора, кажется, попробовать изложить греческую грамматику болѣе самостоятельно, а также болѣе самостоятельно составить и упражненія къ переводамъ съ русскаго языка на греческий. Мы, конечно, не требуемъ, чтобы составители учебниковъ по грамматикѣ придумали что-нибудь совершенно новое, но полагаемъ, что материалъ грамматический можно распределить и изложить — и не стѣсняясь нѣмецкими учебниками. Лучшіе иностранные учебники по греческому языку могутъ и должны служить только пособіями, но рабски подражать имъ нѣть никакой надобности. Самый материалъ грамматический, не смотря на то, что онъ кажется совершенно установленнымъ, все-таки не мѣшаетъ провѣрять и дополнять по лучшимъ критическимъ изданіямъ авторовъ и по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ. Точно также не слѣдуетъ думать, что всѣ этимологическія особенности греческаго языка объяснены окончательно и вполнѣ удовлетворительно (напомнимъ только о формахъ гомеровскихъ). Особенно желательно было бы, чтобы синтаксисъ греческаго языка былъ обработанъ болѣе сравнительно съ русскимъ и церковнославянскимъ языками и такимъ образомъ сдѣлался бы болѣе доступнымъ для пониманія учащихся. Такъ, напримѣръ, учение о временахъ глаголовъ, о причастіи, о неопределенній формѣ и т. п. можно изложить гораздо яснѣе и понятнѣе, если сблизить и сравнить ихъ съ соответствующими формами русскаго языка. Затѣмъ нѣкоторыя статьи синтаксиса слѣдовало бы изложить подробнѣе, а нѣкоторыя — сокращеннѣе, чѣмъ это дѣлается въ нѣмецкихъ учебникахъ. Такъ, напримѣръ, учение о членѣ уже потому слѣдовало бы изложить обстоятельнѣе, что въ русскомъ языке ничего подобнаго не существуетъ. Правила же обѣ употребленіи падежей можно и сократить и вообще передѣлать, имѣя въ виду сходство въ этомъ отношеніи греческаго языка съ русскимъ. Впрочемъ опытъ болѣе самостоятельнаго изложения синтаксиса слѣданъ г. Чернымъ (Греческая грамма-

тика гимназического курса Э. Чернаго. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1879). Особенно удачно изложена у него статья объ употреблении временъ глагола. Къ наименѣе удачнымъ слѣдуетъ отнести самую первую главу его Синтаксиса, въ которой говорится о членѣ. Особенно показался намъ страннымъ способъ рубрикаціи примѣровъ, приведенныхъ для поясненія общаго правила (которое—кстати замѣтимъ—выражено слишкомъ сжато и неудобопонятно). Употребленіе греческаго члена (говорится въ синтаксисѣ г. Чернаго) лучше всего объясняется слѣдующими примѣрами:

- а) ἡ σοφία σώει τὸν ἀνθρώπον: мудрость спасаетъ человѣка (die Weisheit rettet den Menschen);
- б) ὁ σοφὸς φεύγει τὸ ἄγαν (чрезмѣрно) χαίρειν (радоваться): мудрецъ избѣгаетъ чрезмѣрной радости;
- с) τὸ ἀγαθόν, δόνημ, добро, благо; и пр.
- д) τὰ ἡμέτερα, τὰ ἡμῶν (αὐτῶν) nostra, nostra res, наше (имущество) и т. д.

Едва ли ученикъ изъ этихъ примѣровъ лучше выучится употреблению члена, чѣмъ изъ отдѣльныхъ правилъ съ соотвѣтствующими примѣрами. Не пойметъ онъ также, почему ὁ σοφὸς отнесенъ къ одной рубрикѣ, а τὸ ἀγαθόν къ другой. Наконецъ, не поможетъ ему и указаніе на то, что греческій членъ въ большинствѣ случаевъ соотвѣтствуетъ опредѣленному члену въ нѣмецкомъ и во французскомъ языкахъ, а отсутствіе греческаго члена большою частью соотвѣтствуетъ случаямъ употребленія нѣмецкаго и французскаго неопредѣленного члена,—такъ какъ нѣмецкій и французскій членъ составляютъ такой же камень преткновенія для учащагося, какъ и греческій. Къ слабымъ сторонамъ Синтаксиса г. Чернаго слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести и нѣкоторую несистематичность въ распределеніи матеріала. Такъ ученіе объ употребленіи падежей разбито у него на двѣ отдѣльныя статьи, изъ которыхъ первая (кѣроятно—общая) помѣщена непосредственно послѣ ученія о согласованіи подлежащаго и сказуемаго, а другая (специальная или дополнительная) — въ концѣ Синтаксиса. Сравнивая эти два отдѣла, нельзя понять, почему одни случаи отнесены къ первому, а другие—ко второму отдѣлу. Такъ въ 1-мъ отдѣлѣ, на стр. 12, приводятся глаголы, которые въ греческомъ языке сочиняются съ винительнымъ, а въ русскомъ съ дательнымъ, потому что они въ греческомъ языке принимаются за переходные глаголы, напримѣръ, εὑρετεῖν, φέλεῖν т. п. Во 2-мъ отдѣлѣ, на стр. 104, особо упоминаются глаголы θεραπεύειν, θωπεύειν, ἀμείβεσθαι, какъ

будто они также не подходят подъ это правило. Вследствие того, что учение о падежахъ разорвано на двѣ части, встречаются и повторенія. Такъ на стр. 12, въ отдѣлѣ о винительномъ падежѣ, замѣчается, что глаголы *во-твѣтѣ*, *со-мѣфѣре*, *ло-зѣтѣтѣ* сочиняются съ дательнымъ; то же повторяется еще разъ на стр. 104, притомъ также въ отдѣлѣ о вин. падежѣ. Въ общемъ отдѣлѣ о дательномъ падежѣ, на стр. 14, приводятся всего два правила: вонервыхъ, что въ греческомъ языке существуетъ сходный съ латинскимъ *dativus possessivus* при глаголѣ „быть“, и вовторыхъ, что глаголы, выражающіе взаимное, совмѣстное, общее дѣйствіе или сообщество сочиняются съ дательнымъ. То же повторяется еще разъ въ дополнительномъ отдѣлѣ о дат. пад. на стр. 110 (§ 119, § 121). Вся разница заключается въ томъ, что въ дополнительномъ отдѣлѣ приводится еще нѣсколько новыхъ глаголовъ, которые легко могли бы быть помѣщены и въ общемъ отдѣлѣ; разрывать же ихъ и составлять изъ нихъ особое правило нѣтъ никакого основанія. Вообще учение о падежахъ въ Синтаксисѣ г. Чернаго представляетъ конгломератъ разныхъ практическихъ правилъ, частью по сравненію съ латинскимъ языкомъ, частью по сравненію съ русскимъ, безъ всякой внутренней связи. Впрочемъ, не смотря на эти недостатки, Синтаксисъ г. Чернаго, какъ опись изложения синтаксическихъ правилъ сравнительно съ русскимъ и латинскимъ языками, заслуживаетъ полнаго вниманія. Замѣтимъ кстати, что г. Черный составилъ весьма полезный русско-греческий словарь гимназического курса, приспособленный преимущественно къ его же Сборнику материаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языка на греческій для 4 высшихъ классовъ гимназіи.

Переходимъ теперь къ изданію греческихъ классиковъ для гимназій. Сколько намъ известно, въ прошлыхъ годахъ выходили изданія классиковъ большей частью съ краткими словарчиками, безъ всякихъ комментаріевъ. Большинство такихъ изданій принадлежитъ г. Кремеру. До какой степени они распространены, служить доказательствомъ то, что, напримѣръ, *Иліада* Гомера вышла уже четвертымъ изданіемъ, а *Анабазисъ Ксенофonta*—шестымъ изданіемъ. Пока не имѣлось у насъ греческо-русскаго словаря, приспособленного къ потребностямъ гимназій, изданія Кремера были, конечно, полезны, такъ какъ они выручали учениковъ изъ бѣды. Съ появленіемъ же греческо-русскаго словаря необходимость и значеніе ихъ вообще умалились. Не говори ужъ о томъ, что приобрѣтеніе такихъ отдѣльныхъ словар-

чниковъ съ текстомъ обходилось слишкомъ дорого, замѣтимъ только, что словарчики г. Кремера далеко не даютъ ученику всего того, чѣмъ можно и должно было бы ожидать отъ специальныхъ словарей. Во-первыхъ, въ нихъ не указаны ни формы, ни конструкціи, встрѣчающіяся у автора, и весьма мало обращено вниманія на фразеологію. Затѣмъ имена собственныя большою частью только переводятся, а не объясняются, а если объясняются, то недостаточно; напримѣръ: *Αθάνας* дор. вм. *Αθηνᾶς*, *Αεινία*, *Άδραστος* Адрастъ, *Αἰγυπτός* Египетъ, *Αἰνέας* Эней и т. п. Наконецъ, главный ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что при словѣ не отмѣчается ни этимологія, ни коренное значение его, а дается только то значение, которое пригодно для перевода, при чѣмъ нерѣдко встречаются неточные и невѣрные переводы словъ и фразъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ словарчика г. Кремера къ трагедіямъ Софокла (замѣтимъ кстати, что трагедіи Софокла изданы г. Кремеромъ въ двухъ выпускахъ: первый содержитъ въ себѣ трагедіи: *Аяксъ*, *Электра*, *Эдипъ царь*, второй—остальные трагедіи: *Эдипъ въ Колонѣ*, *Антигона*, *Трахинійки* и *Филоктетъ*; не смотря на то, что каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ разныя трагедіи, однако и къ тому, и къ другому выпуску присоединены одинъ и тотъ же словарчикъ):

- ἀγέλη стадо быковъ;
- ἄγονος 2 не рождающійся (?);
- ἀγύμνασιος 2 не мучимый;
- ἀγυά улица во мн. страна; деревня, село, область;
- αιόλα νύξ (подъ сл. αἰόλος) свѣтлая ночь;
- ἄμπυξ колесо;
- ἀμφίθρεπτος 2 кругомъ сгущенная, запекшаяся кровь (=αἷμα πεπηρός);
- ἀμφικίων кругомъ основанный на колоннахъ (?);
- ἀναγκαῖος 3 необходимый, тѣмнѣкъ 'Ορέστης εἴ ἀναγκαῖας τούχης Орестъ скончался пагубной судьюю;
- ἀκουστός слушаемый (вм. слышимый);
- ἀντεῖπον и ἀντείρηκα возражаю (вм. возразилъ);
- ἄνυξ колесо;
- ἀπορθόψ управляю, веду;
- ἀπόμοτος чего отрицаніе можно утверждать клятвой;
- ἀραγμός удары въ грудь;
- ἄτραχτος стрѣла;
- ἄτροτος безпрестанный;

άχνη роса;
 βραχίων часть руки отъ локтя до кисти;
 δεινόπος ужасный, страшный; διάстрофος помраченный;
 διήνεμος открытый для вѣтеръ (?), высокий;
 δίπαλος 2 страты греческое воинство, воспламененное противъ
 Ахса двумя полководцами.

δύσαυλος 2 дѣлающій несноснымъ пребываніе гдѣ л.;
 ἐγγενῆς (при сл. ἐγγενής) съ природною вѣрностю; .
 (ἐκρήγνυμι)—χαθ' юмѣ; оѣпот' ἐκρήγει μάχῃ сраженіе не простирается
 до настъ; и т. д. и т. д.

Къ этимъ недостаткамъ присоединяются еще разныя погрѣшности противъ русскаго языка. Какъ въ переводахъ, такъ и въ объясненіяхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, попадаются обероты не русскіе, неправильные и иногда неудобопонятныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ: ἀγέντον τοιεῦти обратить что хбо случившееся въ небы-
 алое; Διός οսօς Діонісій (вм. Діонисъ или Вакхъ), сынъ Зевса и Семелы, божество, въ которомъ олицетворено дѣйствіе и обработка (?)
 винограда, энергическое образованіе первобытной, дикой природы и
 высшее, благородное одушевленіе; при сл. ἔκτοπος—οὐδανὸς πρὸς ἔκτοπον
 тѣмнѣрѣ она умерла своею рукою, не чуждою (?), и др. Всякій согла-
 сится, что въ настоящее время изданія греческихъ авторовъ съ та-
 кими словарчиками составляютъ нѣчто совершенно лишнее.

Гораздо настоятельнѣе чувствуется нынѣ потребность въ изда-
 ніяхъ авторовъ съ комментаріями, которые помогали бы ученикамъ
 основательнѣе и глубже понять содержаніе читаемаго. Написать хо-
 рошій комментарій къ автору—дѣло далеко не легкое. Кромѣ основа-
 тельнаго знакомства съ языкомъ автора, а также съ содержаніемъ
 его сочиненій, необходимо еще имѣть педагогическую опытность и
 педагогическій тактъ, чтобы при объясненіи автора дать ученику
 именно то, что нужно, и не дать ничего лишняго и пустаго. Лиш-
 нимъ считаемъ мы, напримѣръ, объясненіе такихъ словъ и формъ,
 которыхъ ученикъ при помощи лексикона и грамматики самъ безъ
 труда можетъ разобрать, или же толкованіе какой-нибудь самой про-
 стой мысли, которую ученикъ и самъ можетъ легко понять. Не только
 лишнимъ, но и положительно вреднымъ, считаемъ мы простые пере-
 воды отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, такъ какъ они лишаютъ
 ученика всякаго самостоятельнаго труда и такимъ образомъ прямо
 противодѣйствуютъ той цѣли, для которой читаются авторы. Если
 не такъ легко избѣжать всего лишняго въ комментаріяхъ, то еще

труднѣе дать то, что положительно необходимо для болѣе основательного и глубокаго пониманія автора. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ не только сообразоваться съ характеромъ литературнаго произведения, которое объясняется, но и съ степенью знанія и развитія тѣхъ, для кого оно объясняется. Одно требуется, напримѣръ, для объясненія поэта, другое—для объясненія прозаика, одно—для Гомера, другое—для Демосеона или Платона. Точно также иначе приходится писать комментаріи для начинающихъ, иначе для людей знакомыхъ уже съ элементарными знаніями по грамматикѣ, литературѣ и древностямъ греческимъ.

Пока у насъ вообще мало вышло изданій греческихъ авторовъ съ комментаріями. Въ текущемъ году, сколько намъ известно, появилось всего три такихъ изданія, а именно слѣдующія:

1) Иліада Гомера съ комментаріями для употребленія въ гимназіяхъ, I и II пѣсни, составилъ И. И. Гроспичъ.

2) Плутарховы жизнеописанія Демосеона, Цицерона, Цезаря со словаремъ и комментаріемъ, составилъ Лѣсковецъ.

3) Одиссея Гомера съ примѣчаніями, выпускъ 3-й, Е. Шмидъ.

Мы пока можемъ сообщить наши замѣчанія только объ Иліадѣ г. Гроспича (Плутарховы жизнеописанія г. Лѣсковца намъ не удалось достать, а 3-й выпускъ Одиссеи г. Шмida мы получили на дняхъ, такъ что не имѣли возможности просмотрѣть его; впрочемъ о достоинствахъ труда г. Шмida быть уже помѣщенъ отзывъ на страницахъ этого журнала). Комментаріи къ Иліадѣ г. Гроспича по объему довольно обширны, но, къ сожалѣнію, скучны и неудовлетворительны по содержанію. Прежде всего изобилуютъ они переводами какъ отдельныхъ словъ, такъ и цѣлыхъ выражений, притомъ переводами не всегда точными или удачными. Для образчика выпишемъ переводы, помѣщенные въ примѣчаніяхъ г. Гроспича къ первымъ стихамъ Иліады: Πұлғұлдаш Пелеева сына, әблөмәнұт гибельный, әңүхе причинилъ, қофимоус могучий: пройафен отослалъ (!) низринулъ, аўтоус ихъ самихъ, әләріа добычею, әтәлеіето совершалось, ёк об әң тә прѣта съ того времени какъ въ первый разъ, әрісантте состязавшись (!), біос превосходный, а не божественный; оғеңе ихъ обоихъ, әріді қонéхе привель къ спору (!), ҳоләдеіс разсердившись, и т. д. и т. д.

Переводъ слова сопровождается обыкновенно кое-какими примѣчаніями, не всегда вирочемъ идущими къ дѣлу или вѣрными. Какой ученикъ пойметъ, напримѣръ, слѣдующее примѣчаніе къ выражению әріді қонéхе: „привель къ спору; но должно принять въ соображеніе

ніе, что воля бога не состоитъ въ томъ, чтобы ссорить Ахиллеса съ Агамемнономъ; язва, посланная имъ, даетъ поводъ къ ссорѣ ихъ". Особено странны примѣчанія г. Гроспича по части грамматики и метрики. Они напоминаютъ намъ то давно минувшее время, когда все, что составляло особенность или старинного языка или діалекта и не подходило подъ правила вульгарной грамматики, приписывалось обыкновенно прихоти поэта, такъ называемой поэтической вольности или же требованиемъ размѣра. Не странно ли читать въ настояще время такое примѣчаніе, какое, напримѣръ, дѣлается при словѣ *о́бломéчнъ* (2 ст., стр. 1): „двугласная буква *о* вмѣсто гласной *о* поэтомъ пишется (!!) во многихъ словахъ, какъ-то *о́бломо*, *о́бломо*“ и пр., или къ слову *хро́тѣф* (ст. 15, стр. 3) „*contractio* у поэта обыкновенно не соблюдается“; или къ слову *е́эльдѡр* (ст. 41, стр. 7): „гласная *е* предполана этому слову, подобно какъ въ *ео́сі*, *еé*“, и т. п. Точно поэты, по своей прихоти, могъ коверкать языки, какъ угодно: и удлинять звуки, и сливать или не сливать ихъ, и даже приставлять къ слову какой-нибудь звукъ и т. п. Требование размѣра играетъ у г. Гроспича тоже не малую роль. Имъ объясняется и „раздѣленіе въ словѣ *бóш* двугласной *о* на двѣ отдельныя гласныя“ (ст. 59, стр. 10), и форма „*éта́роис* вмѣ. *éта́роис*“ (ст. 153, стр. 23), и между прочимъ, даже употребленіе *тóса* во множ. числѣ (ст. 45, стр. 8), и многое другое. Попадаются также и грубые ошибки въ этимологіи; такъ на стр. 9, ст. 59, при словѣ *плагұбéнти* поставлены въ скобкахъ слѣдующія настоящія времена отъ этого причастія: *плáбш* и *плáбш*. Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, обѣщає обратить особенное вниманіе на изложеніе миѳическихъ преданій, обычаевъ, обрядовъ и народныхъ повѣрій, также дать примѣчанія о древней географіи, жизни героевъ, подвиги которыхъ прославляются въ Иліадѣ и вообще о собственныхъ именахъ (предисловіе, стр VI). Къ сожалѣнію, г. Гроспичъ больше обѣщаеть, чѣмъ выполняетъ. Такъ, напримѣръ, на 1-й же страницѣ его комментаріевъ не только ничего не сообщается о жизни героя Ахилла и Агамемнона (чтд, пожалуй, не особенно и нужно), но не говорится даже, кто былъ Ахилль и отецъ его Пелей; точно также какъ ничего не сказано объ Агамемнономъ и не объяснено, почему онъ названъ *áнаé әнбрóн*. Не находимъ мы также никакихъ примѣчаній ни о Зевсѣ (стр. 2), ни о Герѣ (стр. 9), ни объ олимпійскихъ жилищахъ боговъ (ст. 18), ни о Талеонібѣ и Еврибатѣ и вообще о роли глашатаевъ у древнихъ Грековъ (ст. 320), ни о многомъ другомъ. Иногда даются довольно

курьезныхъ объясненія греческихъ обрядовъ. Такъ, на стр. 46 и 47 (къ ст. 449 и 462) говорится, между прочимъ, что за неимѣніемъ ячменя жертвоприносящіе посыпали голову жертвенного животнаго чѣмъ-нибудь другимъ, напримѣръ, дубовыми листьями, а за неимѣніемъ вина окропляли сожигаемую жертву водою. Г. Гросличъ возводить въ обрядъ пародію на обрядъ, о которой разказывается въ XII пѣснѣ Одиссеи. Впрочемъ, выставляя недостатки комментаріевъ г. Грослича, мы не желаемъ сказать, чтобы трудъ его былъ совершенно негоденъ. Рядомъ съ примѣчаніями лишними и невѣрными попадается также много вѣрныхъ и пригодныхъ. Но мы должны заметить, что если г. Гросличъ желаетъ съ пользою продолжать свой трудъ, то долженъ, впервыхъ, въ объясненіяхъ грамматическихъ и метрическихъ строго держаться научнаго метода, ввторыхъ, обратить больше вниманія на объясненіе содержанія, не упуская ничего, но притомъ и не вдаваясь въ лишнія подробности, и наконецъ, оставить совершенно не педагогическій методъ переводить почти всякое слово и объяснять то, чѣмъ ученики должны уже знать изъ грамматики, какъ-то: о значеніи настоящаго времени или прошедшаго несовершенного и т. п.

Такъ какъ рѣчь запла обѣ учебникахъ, то мы присоединимъ кстати еще нѣсколько словъ о довольно курьезномъ трудѣ, написанномъ также въ пособіе учащимся. Полное заглавіе его слѣдующее: Словарь особенностей греческихъialectовъ дорического, эолическаго, іонического и аттическаго съ образцами этихъ dialectовъ. Пособіе при чтеніи греческихъ классиковъ, составилъ по Гедерику, Папе и Коссовичу Ф. Добрянскій. Вильна, 1879¹⁾). Уже одно заглавіе обнаруживаетъ въ авторѣ не только незнаніе источниковъ, по которымъ можно было бы составить подобный трудъ, но и полнѣшую перазборчивость въ пользованіи второстепенными пособіями; потому что только такимъ образомъ можно объяснить, почему г. Добрянскій не ограничился однимъ Папе, и если этого было мало, не присоединилъ къ нему Пассова, а вѣсто того взялъ устарѣлого Гедерика и лексиконъ Коссовича, который, какъ известно, составленъ отчасти по Пассову, отчасти по Папе. Впрочемъ это была бы еще не большая бѣда, еслибы только г. Добрянскій дѣйствительно со-

¹⁾ Замѣтимъ, что это вовсе не словарь, а алфавитный index или указатель dialectическихъ формъ, встрѣчающихся у авторовъ, кромѣ безъ всякихъ цитатъ.

ставилъ свой словарь по Гедерику, Папе и Коссовичу. На дѣлѣ оказывается однако совершенно иное. Его словарь на каждой страницѣ испещренъ самыми грубыми и непростительными ошибками, какихъ нѣть ни въ одномъ изъ указанныхъ иныхъ пособій. Возьмемъ хотя бы 17-ю страницу:

ά, мѣстоименіе притяжательное женскаго (!) рода эп. вм. є́х отъ є́х;

ἀάθην, I аор. стр. эп. вм. ḥθηн, отъ ḥφ (ни ḥάθηн, ни ḥθηн никогда не встрѣчается);

ἀάσθηн, I аор. стр. эп. отъ ḥφ (не отъ ḥφ, а развѣ отъ ḥάφ);

ἀφράхηсαн, I аор. іон. вм. ḥφрахѣсаn, отъ ḥφрахѣс или ḥφрахъс (это слово неизвѣстно откуда взято г. Добрянскимъ, ужъ не ḥφрахѣс ли это?);

ἀγάгъс, прич. 2 аор. іон. вм. ḥгагѡн, атт. вм. ḥгѡн отъ ḥгѡ;

ἀγахтищéн, вин. ед. прич. пр. сов. стр. дор. и зол. вм. ḥгахех-тисмáнн, отъ ḥгахтїсѡ (!), и т. д.

Для курьеза прибавимъ еще нѣсколько примѣровъ, которые случайно намъ бросились въ глаза при перелистываніи книги: ḥорев, 1 л. мн. 2 аор. атт. вм. є́орев отъ є́ми; ḥбрш 2 л. ед. 1 аор. атт. и іон. вм. ḥбртш (такъ поставлено удареніе у г. Добрянского); фѣс 3 ед. 2 аор. сосл. іон. вм. фѣ и т. п. Кто пишетъ пособіе для учащихся, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ знать склоненія и сироженія.

А. Вейсманъ.

(*Продолжение будетъ*).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„Р О Д И Н А“.

Сборникъ для класснаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Издание шестое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фему и К°*.

„СОЛНЬШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ *А. РАДОНЕЖСКІЙ*. Издание съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 75 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Москву, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ.

Адресъ издателя: Пантелеимоновская ул., д. № 7, кв. 8.

1-го ИЮЛЯ вышла и разослана подписчики VII-я, ПОЛЬСКАЯ,
книга исторического журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание книги: I. 6-е июня—день открытия памятника Пушкину.—II. Речь профессора О. Б. Миллера, сказанная 6-го июня въ память Пушкина.—III. А. С. Пушкинъ, биографический очеркъ, окончаніе, подъ ред. П. А. Ефремова.—IV. Жюбарь и А. С. Пушкинъ, сообщ. В. В. Никольскій.—V. Послание въ стихахъ и письмо А. С. Пушкина, 1819—1823 гг.—VI. Письма А. С. Пушкина къ Н. И. Гавдачу, 1820—1830 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ.—VII. Письмо А. С. Пушкина къ П. Б. Мансурову, 1819 г. Сообщ. акад. Я. Е. Гротъ.—VIII. Воспоминанія А. М. Карагызовой о знакомствѣ ея съ А. С. Пушкинымъ.—IX. Встрѣчъ съ А. С. Пушкинымъ въ 1824 и 1829 гг. воспоминавія И. Б. Потокскаго.—X. Обзоръ нового изданія «Собрания сочинений Пушкина».—XI. Стихотворенія М. И. Бестужева-Рюмина, Н. И. Гнѣдича, А. Писарева.—XII. Присоединеніе Грузіи къ Россіи, исторический очеркъ (окончаніе), Ад. П. Берже.—XIII. Записки профессора Д. И. Ростиславова.—XIV. Записки принца Евгения Виртембергскаго: война въ 1828 г.—XV. Переписка императора Николая Павловича съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1828 г.—XVI. Записки сельского священника: житѣ-бытъ сельского пастыря со дня прѣѣза его въ приходъ.—XVII. Слово о поему Игорѣ—въ переводе Герасима Петровича Павловаго.—XVIII. А. В. Фрейгангъ † 1880 г.—XIX. Рассказы и заметки Кн. А. И. Баратинскаго.—Архіепископъ Ириней Несторовичъ.—Архимандрит Гаврилъ Воскресенскій.—День 14-го декабря.—Корнетъ Атуевъ въ 1850 г.—Даль въ Нашкандъ и проч. XX. Библиографический листокъ русско-историческихъ книгъ. Сост. профессоръ В. С. Иконниковъ.

Приложения: Къ этой книжѣ приложены два снимка, исполненные въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ съ подлинныхъ двухъ черновыхъ писемъ А. С. Пушкина къ барону Геккерену, 1836 г.

Портретъ А. С. Пушкина съ гробу съ рисункомъ одного изъ учениковъ К. П. Брюллова, гравюра Академика Сѣрѣкова получена изъ Ниццы (но слуху болѣзнью гравера) только 29-го июня, поэтому не могла быть отпечатана при этой книжѣ, а будетъ разослана при Августовской книжѣ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г.

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одиннадцатый годъ изданія] продолжается. Цѣна за 12 книгъ въ годъ съ портретами и проч. приложеніями **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою. (Осталось немногого экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ). Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьевъ, на Спасскомъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. И ногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. не-премѣнно при каждой книгѣ) **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкой.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книгѣ портретами. Цѣна за каждый годъ **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старинѣ» **М. И. Семенский.**

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

ЧАСТЬ ССХ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ В. С. ВАЛАШЕВА

Благороднѣйшаго Камерального Училища, между Вознесенскими и Маріинскими воротами, д. № 90—1.

1880.

Средняя Подъяческая, 1.
3126.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

I. ВЫСОЧАЙШИЙ РЕСКРИПТЪ

ДАННЫЙ на Имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини
Марии Павловны.

Ваше Императорское Высочество.

По действующимъ положенію о женскихъ гимназіяхъ министерства народного просвѣщенія и уставу женскаго, графа Дмитрія Николаевича Блудова, училища въ Острогѣ (Волынской губерніи), попечительницы названныхъ заведеній утверждались въ своемъ званіи и увольнялись отъ оного властію въ Богъ почившій Любезнѣйшей Супруги Нашей Императрицы Маріи Александровны; сверхъ сего, женскія гимназіи и прогимназіи министерства народного просвѣщенія, равно какъ виденское и холмское марининскія женскія училища состояли, по уставамъ ихъ, подъ Августѣйшимъ Ея покровительствомъ.

Нынѣ признали Мы за благо ввѣрить вѣдѣнію, покровительству и материнскому -попеченію Вашего Императорского Высочества вышеупомянутыя заведенія министерства народного просвѣщенія, со всѣми правами, принадлежавшими блаженной памяти Императрицы Маріи Александровне.

На подлинномъ Собственномъ Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Искренно вѣсть любящій

АЛЕКСАНДРЪ“.

4-го июля 1880 года. Въ Царскомъ Селѣ.

1*

II. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШИЙ УКАЗЪ

ДАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

1880 года юля 5-го. Оберъ-прокурору первого департамента правительства сената, тайному советнику Маркову — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра народного просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

III. ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЪНІЕ.

8. (6-го мая 1880 г.). О преобразованіи Либавской Николаевской гимназіи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственного совѣта, о преобразованіи Либавской Николаевской гимназіи Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣть исполнить.

Подпись: предсѣдатель государственного совѣта Константина.

Мнѣніе государственного совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представление министерства народного просвѣщенія о преобразованіи Либавской Николаевской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

1) Существующую въ гор. Либавѣ шестиклассную Николаевскую гимназію преобразовать, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ семиклассный составъ, съ примѣненіемъ къ ней учебнаго курса и учебныхъ плановъ прочихъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа.

2) Проектъ новаго штата Либавской Николаевской гимназіи представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе; и

3) Сумму, ассигнуемую нынѣ на содержаніе означенной гимназіи изъ государственного казначейства, отпускать и на будущее время

въ томъ же размѣрѣ, т. е. по шести тысячѣ ста восьмидесяти шести руб. въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

ШТАТЬ

ЛИБАВСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классы и разряды.		
	Одному.	Всемъ.	По должности.	По штату на учебнр.	По пенсіи.
	Р у б л и.				
Директоръ (онъ же и старшій учитель), добавочнаго жалованья по сему званію	—	800	800	V	V
Инспекторъ (онъ же и старшій учитель); добавочнаго жалованья по сему званію	—	300	300	VI	VI
Ему же столовыхъ	—	150	150	—	—
Законоучитель православнаго исповѣданія	1	300	300	—	II
Старшіе учителя { наукъ . . . . . русскаго языка и словесности	5	700	3500	VIII	VIII
Младшіе учителя { наукъ . . . . . русскаго языка. французск. языка	1	700	700	VIII	VIII
Имъ же квартирныхъ	—	240	1440	—	—
Имъ же квартирныхъ	—	550	1650	IX	IX
Учитель русскаго языка при параллельныхъ классахъ	1	550	550	IX	IX
Ему же столовыхъ	—	140	140	—	—
Въ размѣрахъ пенсій, положенныхъ для Дорогомиловской гимназии.					

Число лицъ.	Содержание въ годъ.		Классы и разряды.			
	Одному.	Всемъ.	По должности.	По штату из музейн.	По пенсії.	
				Пенсії.		
	Рубах.					
Учителя искусствъ	рисованія, черчесія и чистописанія. шевія . . . . . гимнастики . . .	1 250 1 150 1 160	260 150 160	X — —	X — —	VIII — —
Письмоводитель	1	400	400	X	X	VIII
На канцелярскія потребности	—	—	50			
На усиление канцелярскихъ средствъ для русской переписки	—	—	800			
На учебныя пособія	—	—	150			
На содержаніе дома, служителей и прочие расходы	—	—	1200			
ИТОГО	17	—	14490			

Примѣчанія: 1-е. Кромѣ окладовъ, определенныхъ въ штатъ учителямъ наукъ, а также русскаго языка и словесности, лицамъ симъ производится особое изъ городскихъ доходовъ и изъ сбора за ученіе добавочное содержаніе по 600 руб. каждому, всего на сумму 6600 руб. въ годъ.

2-е. Въ счетъ исчисленныхъ по сему штату суммъ, отпускаются: 6186 руб. изъ государственного казначейства, 8700 руб. изъ доходовъ города Либавы и 6204 руб. изъ сбора за ученіе.

3-е. Могущіе быть отъ сихъ суммъ остатки по окончаніи года раздѣляются на двѣ части: одна треть этихъ остатковъ, на общемъ основаніи, передается въ государственное казначейство, а двѣ трети представляются въ распоряженіе Либавской училищной коллегіи, для употребленія исключительно на нужды местной гимназіи.

Подписьлъ: предсѣдатель государственного совѣта Константинь.

IV. ВЫСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

22-го апреля 1880 года. (№ 6). Производятся, за отличие: причисленный къ министерству народного просвѣщенія, статскій советникъ Василій Ефремовъ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій советникъ Владимира Морковниковъ—въ дѣйствительные статскіе советники.

Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, деканъ физико-математического факультета, дѣйствительный статскій советникъ Феофилактовъ—ректоромъ сего университета на четыре года, съ 28-го марта 1880 года, съ увольненіемъ отъ должности декана (Выс. пов. 7-го апреля 1880 года).

Отставной гвардіи полковникъ князь Голицынъ—почетнымъ попечителемъ Тульской гимназіи, на три года.

Статскій советникъ Бѣлаго, отставной гвардіи поручикъ Устимовичъ и потомственный почетный гражданинъ Нечаевъ, вновь почетными попечителями реальныхъ училищъ на три года: Бѣлаго—Ливенскаго, Устимовичъ—Кременчугскаго Александровскаго и Нечаевъ—Тверскаго; послѣдніе два съ 4-го апреля 1880 года.

Назначается: дѣлопроизводитель VI класса департамента народного просвѣщенія, коллежскій советникъ Родевичъ—дѣлопроизводителемъ V класса сего департамента.

Зачитается въ командировку за границу съ ученою цѣлію: экстраординарному академику Императорской академіи наукъ Шмидту—отпускъ за границу на одинъ мѣсяцъ.

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, дѣйствительному статскому советнику Овсянникову—отпускъ за границу на два мѣсяца и шесть дней.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: причисленному къ министерству народного просвѣщенія, статскому советнику Данилевскому—на одинъ годъ.

Командируются съ ученою цѣлію: въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Владимира-Будановъ—на одинъ годъ, съ 15-го августа 1880 года.

За границу: экстраординарный профессоръ Императорскаго Вар-

шавскаго университета, статскій совѣтникъ Навроцкій — на два мѣсяца, съ 20-го мая 1880 года.

Вице-директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вагнеръ и старшій астрономъ сей обсерваторіи, надворный совѣтникъ Нюренъ — на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Успенскій и экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Герцъ — на лѣтнєе вакаціонное время 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ Первольфъ — на лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней, считая съ 20-го мая 1880 года.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Наукъ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій совѣтникъ Эргардъ — на три мѣсяца, съ 1-го іюня 1880 года.

Ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стржедзинскій — на три мѣсяца и двѣнадцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Морковниковъ — на три мѣсяца и двадцать шесть дней, съ зачетомъ въ сліо командировку разрѣшенную ему отпуска за границу на два мѣсяца.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Толстопятовъ и лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Львовъ — на четыре мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, статскій совѣтникъ Соколовъ — на четыре мѣсяца, съ 15-го мая 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Бекетовъ — и доцентъ сего университета Гоби — на четыре мѣсяца, съ 1-го іюня 1880 года.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Селивановъ — на четыре съ половиною мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета Цвѣтаевъ — на шесть мѣсяцевъ, съ зачетомъ въ сліо командировку разрѣщенную ему отпуска за границу на два мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, магистръ Нерсесовъ — на одинъ годъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: сверхштатному помощнику прозектора Императорского Варшавскаго университета Эльзенбергу—до шести мѣсяцевъ.

Увольняется въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный советникъ Невѣровъ—на три мѣсяца, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный советникъ Бунге—отъ должности ректора сего университета, съ 28-го марта 1880 года (Выс. пов. 7-го апрѣля 1880 года).

Почетные попечители гимназій: Симферопольской, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій советникъ Маразли, Астраханской, дѣйствительный статскій советникъ Сергѣевъ и Одесской третьей, Степанъ Ралли—отъ сихъ должностей.

Почетный попечитель Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища Павелъ Ралли—отъ сей должности.

17-го мая 1880 года. (№ 7). Производится ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій советникъ Вальзазарь Богищичъ—въ дѣйствительные статскіе советники, съ 26-го апрѣля 1880 года (Выс. пов. 26-го апрѣля 1880 г.).

Утверждается: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, деканъ медицинскаго факультета, дѣйствительный статскій советникъ Ковалевскій—ректоромъ сего университета, на четыре года съ увольненіемъ отъ должности декана.

Продолжается срокъ командировкы за границу съ ученою цѣлію: доктору медицины Татаринову—на одинъ годъ.

Ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному советнику Бетлингу—на три года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ—съ 10-го июня по 20-е июля 1880 года.

Директоръ главной физической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій советникъ Вильдъ и ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Стида—оба на два мѣсяца, съ 20-го июля 1880 года.

Доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Фойницкій—на четыре мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшенного ему двухмѣсячнаго заграницнаго отпуска.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій—на два года.

Увольняется, согласно прошению: почетный попечитель Херсонской гимназіи Маврокордато—отъ сей должности.

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

23. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендіи имени тайного советника Владимира Ипполитовича Доргобужинова при Костромской гимназії.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Собранныя по подпискѣ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, служащихъ въ Костромской губерніи и другихъ лицъ всѣхъ сословій, сумма въ 3,700 р. назначается для учрежденія въ Костромской гимназіи стипендіи имени тайного советника Доргобужинова, въ память 11-ти лѣтнаго слишкомъ служенія его начальникомъ Костромской губерніи.

2) На присвоеніе сей стипендіи имени тайного советника Владимира Ипполитовича Доргобужинова 15 февраля 1880 г. посгѣдовало Высочайшее созволеніе.

3) Вышеизначенный капиталъ заключающійся въ пяти билетахъ государственного банка за №№ 18,041, 109,525, 9,610, 43,633 и 114,795 на 3,650 рублей и одной пятидесяти рублевой облигациіи восточнаго займа за № 446,593, составляя неприкосновенную собственность Костромской гимназіи, хранится въ Костромскомъ-губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ суммъ гимназіи и проценты съ капитала, въ количествѣ 185 р. въ годъ, употребляются на содержаніе стипендіата.

4) Стипендіатъ назначается: при жизни тайного советника Доргобужинова по его избранію, безъ всякихъ ограниченій, а послѣ смерти его по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи утвержденному попечителемъ Московскаго учебнаго округа преимущественно изъ дѣтей чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ Костромской губерніи и предпочтительно предъ другими изъ круглыхъ сиротъ и полусиротъ, заслуживающихъ пособія по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Такъ какъ при выборѣ стипендіата будетъ обращаться вни-

мание на успѣхи и поведеніе избираемаго, то, въ случаѣ пониженія успѣховъ стипендіата къ концу учебнаго года, зависящихъ не отъ болѣзни или причинъ, признанныхъ педагогическимъ совѣтомъ гимназии вполнѣ уважительными, или, при неудовлетворительности поведенія, педагогическому совѣту, въ согласія тайного советника Доргобужинова, а по смерти его, съ разрѣшеніемъ начальства Московскаго учебнаго округа предоставляется право лишать стипендіи такого стипендіата, въ которомъ будетъ замѣчена вышеуказанная перемѣна къ худшему, и опредѣлять на мѣсто его другаго, болѣе достойнаго, указаннаго въ 63 пунктѣ порядкомъ.

6) Избранный стипендіатъ содержитсѧ на проценты съ пожертвованнаго капитала въ состоящемъ при гимназии пансионѣ. Если же по количеству процентовъ не представится возможности вносить въ пансионъ полной положенной платы, то, при несогласіи родителей, воспитателей или опекуновъ добавлять ежегодно недостающія до полной платы деньги, проценты съ капитала должны быть выдаваемы имъ по ассигновкамъ директора гимназіи, впередъ за полугодіе.

7) Могущіе образоваться по какому-либо случаю остатки отъ процентовъ должны быть, по мѣрѣ накопленія, обращаемы въ процентныя бумаги и присоединяемы къ основному капиталу, доколѣ проценты со всего капитала не составлять суммы, необходимой для полнаго взноса въ пансионъ за содержащаго стипендіата. Въ случаѣ же если и за симъ будутъ остатки отъ процентовъ, то они должны храниться на особомъ счету и изъ этихъ остатковъ по постановлению педагогическаго совѣта, стъ согласія тайного советника Доргобужинова, а по смерти его съ утвержденіемъ попечителя московскаго учебнаго округа, могутъ выдаваться особыя пособія окончившимъ вполнѣ успѣшно гимназіческій курсъ и поступающимъ въ вышѣя заведенія стипендіатамъ.

8) По окончаніи въ заведеніи курса, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

24. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ, учрежденныхъ при С.-Петербургской пятой гимназіи въ память умершаго С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Умершій С.-Петербургскій 2-й гильдіи купецъ Николай Алексѣевичъ Погребовъ, по третьему пункту духовнаго завѣщанія, утвер-

жденного С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ къ исполненію 9-го августа 1879 г., завѣщаТЬ внести въ совѣтъ 5-й С.-Петербургской гимназіи два 5% билета государственного банка за №№ 371 и 372 то 5000 руб. каждый, всего на сумму десять тысячъ (10000) рублей, съ текущими при нихъ купонами, завѣщанные имъ на вѣчныя времена, для учрежденія изъ % съ этого капитала при С.-Петербургской 5-й гимназіи пяти стипендій его имени, на слѣдующихъ условіяхъ.

2. Стипендіи эти должны быть навсегда предоставлены недостаточнымъ ученикамъ чисто русскаго происхождения и преимущественно купеческаго и мѣщанскаго сословія города С.-Петербурга, и въ случаѣ, еслибы таковыхъ достойныхъ не оказалось, то и изъ крестьянскаго званія, но никакъ не распространяя права получения этихъ стипендій на учениковъ другихъ сословій.

3. Назначеніе стипендіатовъ должно зависѣть отъ выбора педагогическаго совѣта, который, однако, долженъ руководствоваться условиями, упомянутыми въ II пунктѣ сего положенія.

4. Изъ ста (100) рублей, предназначенныхъ каждому стипендіату, должна быть прежде всего удерживаема установленная въ пользу гимназіи плата за право ученія, а остающаяся затѣмъ сумма выдается ученику, по полугодію, на одежду и покупку учебныхъ пособій.

5. Стипендіату, окончившему курсъ въ гимназіи и желающему продолжать свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, выдача таковой стипендіи можетъ быть продолжена еще на одинъ годъ, если педагогическій совѣтъ гимназіи признаетъ это необходимымъ для обеспеченія существованія стипендіата, причемъ должно быть представлено въ гимназію удостовѣреніе, что нуждающійся въ продолженіи стипендіи дѣйствительно принять и состоять въ числѣ воспитанниковъ высшаго учебнаго заведенія.

При выходѣ въ тиражъ которого либо изъ помянутыхъ въ I пунктѣ сего положенія билета, педагогическій совѣтъ гимназіи обязанъ замѣнить оный новымъ равной цѣнности изъ числа бумагъ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ; при этомъ остатокъ, могущій образоваться при покупкѣ нового билета, долженъ быть употребленъ на единовременное пособіе какъ ученикамъ, такъ въ особенности окончившимъ курсъ и нуждающимся въ средствахъ къ существованію.

7. На присвоеніе симъ стипендіямъ имени С.-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова, 14-го марта 1880 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

25. (22-го марта 1880 г.). Правила для съездовъ представителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа.

(Утверждены г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1. Учительскіе съѣзыды представителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа созываются для обсужденія и разработки возникающихъ изъ практики гимназій педагогическихъ вопросовъ.

2. Съѣзыды открываются, по представлению попечителя учебнаго округа, съ разрѣшеніемъ министра народнаго просвѣщенія. Промежутокъ времени между каждымъ съѣздомъ долженъ быть отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ, смотря по количеству и важности накопившихся вопросовъ.

3. Для участія въ съѣздахъ, конференціи гимназій Дерптскаго учебнаго округа, соображаясь съ свойствомъ предложенныхъ съѣзду вопросовъ, выбираются изъ своей среды тѣхъ лицъ, которые по своей специальности и большей или меньшей компетентности могутъ принести наибольшѣе пользы въ работахъ съѣзда. Попечитель, съ своей стороны, можетъ приглашать на съѣздъ тѣхъ лицъ, присутствие которыхъ онъ признаетъ нужнымъ. Отъ него зависитъ также, смотря по характеру вопросовъ, предлагать подлежащему факультету университета прислать на съѣздъ своего представителя.

4. Директорамъ и конференціямъ гимназій, а также съѣздаамъ дозволяется представлять на усмотрѣніе попечителя учебнаго округа тѣ вопросы, обсужденіе которыхъ на слѣдующемъ съѣзда они считаютъ желательнымъ. Тѣ изъ этихъ вопросовъ, которые будутъ попечителемъ одобрены, а равно и вопросы, выбранные самими попечителемъ, сообщаются отдѣльными гимназіями для предварительного обсужденія въ конференціяхъ, а затѣмъ, по поступлениі отъ нихъ заключеній, попечитель, по каждому изъ вопросовъ, который имѣеть быть предложенъ съѣзу, назначаетъ изъ числа директоровъ или учителей гимназіи референта и кореферента по возможности различного по этому вопросу образа мыслей и имѣть передается заблаговременно весь материалъ для разработки и подготовки.

5. Засѣданія съѣзовъ не публичны, но въ качествѣ посѣтителей могутъ на нихъ присутствовать профессора Дерптскаго университета, члены конференціи гимназій округа и тѣ лица, которымъ предсѣдателемъ съѣзда будетъ дано особое разрѣшеніе.

6. Для руководства совѣщаніями съѣзда попечитель назначаетъ предсѣдателя. Съѣздъ самъ выбираетъ своихъ дѣлопроизводителей.

7. Подробности порядка предварительной подготовки и разъяснен-

нія вопросовъ на самомъ съѣзда опредѣляются предсѣдателемъ съѣзда, при чмъ, кромѣ общихъ засѣданій, могутъ быть образованы комиссіи изъ отдельныхъ членовъ съѣзда для ближайшей разработки отдельныхъ вопросовъ, прежде передачи ихъ на общее обсужденіе.

8. Каждый, окончательно разработанный, вопросъ вносится предсѣдателемъ въ общее засѣданіе съѣзда. Обсужденіе дѣла начинается съ доклада референта и замѣчаній кореферента, послѣ чего открываютя пренія, которыми руководить предсѣдатель. Отъ сего послѣдняго зависитъ пригласить къ участію въ преніяхъ и кого-либо изъ педагоговъ, присутствующихъ на засѣданіи въ качествѣ посѣтителей, если ихъ опытность и познанія могутъ быть полезными для разъясненія дѣла.

9. Результатъ совѣщанія опредѣляется голосованіемъ, при чмъ когда въ числѣ членовъ съѣзда будутъ нѣсколько представителей одной и той же гимназіи, то они имѣютъ всѣ вмѣстѣ лишь одинъ голосъ.

Исключение изъ этого правила составляетъ лишь предсѣдатель съѣзда, который хотя бы и принадлежалъ къ личному составу гимназіи, имѣть самостоятельный голосъ.

10. Протоколы засѣданій съѣзда ведутся сообща дѣлопроизводителями, а на слѣдующемъ же засѣданіи представляются на утвержденіе съѣзда и подписываются предсѣдателемъ и дѣлопроизводителями. По окончаніи съѣзда предсѣдатель съ приложеніемъ всѣхъ протоколовъ доноситъ о ходѣ съѣзда попечителю округа, который въ свою очередь доносить каждый разъ министру народнаго просвѣщенія.

11. Участіе въ съѣздахъ принимается каждымъ по добровольному согласію и потому путевые и другія издержки несутся членами съѣзда, вообще говоря, на свой счетъ. Но отъ гимназіи и ея директора зависитъ установленнымъ порядкомъ просить о назначеніи командированіемъ ихъ представителямъ пособія изъ специальныхъ средствъ заведенія, если состояніе этихъ средствъ это позволяетъ.

12. Расходы по самому съѣзду, на канцелярскіе и другія потребности, печатаніе протоколовъ и т. д. распредѣляются по расчету утвержденному попечителемъ, на всѣ гимназіи округа и покрываются изъ ихъ специальныхъ или хозяйственныхъ суммъ. Каждая гимназія получаетъ въ свое распоряженіе опредѣленное количество печатныхъ экземпляровъ протоколовъ, известное число которыхъ представляется также попечителю округа.

26 (2-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи, учреж-

денної при Бѣлостоцкомъ реальнемъ училищѣ въ память чудеснаго избавленія Государя Императора отъ влодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 года.

(Утверждено г. б. министромъ народного просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 30-й день марта 1880 г., при Бѣлостоцкомъ реальнемъ училищѣ учреждается одна стипендія въ память избавленія драгоцѣнной жизни Его Императорскаго Величества отъ угрожавшей опасности 2-го апрѣля 1879 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ пятьсотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Бѣлостоцкаго реальнаго училища: надворнымъ советникомъ Н. Н. Маракуевымъ и состоящимъ въ VIII классѣ П. А. Двукраевскимъ.

2) Пожертвованный капиталъ хранится, въ пяти 5% билетахъ 3-го восточнаго займа, въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальнѣхъ средствъ Бѣлостоцкаго реальнаго училища, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена не-прикосновеннымъ.

3) Въ случаѣ закрытія Бѣлостоцкаго реальнаго училища, капиталъ этотъ передается, съ тѣмъ же назначеніемъ, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа, въ другое подобнаго рода мужское учебное заведеніе.

4) Въ случаѣ имортазаціи билетовъ 3-го восточнаго займа, на вырученную стоимость ихъ имѣютъ быть приобрѣтены училищемъ другіе государственные 5-ти процентные билеты.

5) Стипендію пользуется одинъ изъ бѣднѣшихъ учениковъ училища, изъ русскихъ подданныхъ, православнаго исповѣданія, оказавшій при отличномъ поведеніи хороши успѣхи въ наукахъ.

6) Проценты съ стипендіального капитала обращаются на уплату за право учения стипендіата въ училищѣ, но, въ случаѣ освобожденія его отъ платы за учение, они могутъ выдаваться на руки стипендіату за каждое истекшее полугодіе.

7) Выборъ стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

8) Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса или выхода его по какимъ-либо причинамъ изъ училища; но и во время пребыванія въ заведеніи онъ можетъ быть лишенъ стипендіи по малоуспѣшности или неодобрительному поведенію, вслѣдствіе опредѣленія о томъ педагогическаго совѣта.

9) По выходѣ изъ училища, вслѣдствіе окончанія курса или по

другимиъ какиыль-либо причинамъ, стипендіатъ не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

27 (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендіи Его Величества Императора Александра II-го, при Астраханской мужской гимназіи.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народного просвѣщенія).

1) Почетный попечитель гимназіи, члены педагогического совѣта, служащіе въ Астраханской гимназіи и ктиторъ гимназической церкви, въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора, собрали капиталъ, составившій, въ пятипроцентныхъ бумагахъ третьяго восточнаго займа, 600 руб.

2) На проценты съ означеннаго капитала, учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 г., при Астраханской гимназіи стипендія Имени Его Величества Императора Александра II и ученикъ, пользующійся ею, называется стипендіатомъ Его Величества Императора Александра II-го.

3) Стипендію можетъ пользоваться только ученикъ Астраханской гимназіи, который удовлетворяетъ условію § 31 устава гимназій, Высочайше утвержденного 30-го іюля 1871 г., т. е. сынъ совершенно недостаточныхъ родителей, заслуживающій стипендіи по своему поведенію и прилежанію.

4) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту гимназіи, который и лишаетъ стипендіата права на получение стипендіи, если онъ перестаетъ удовлетворять условію § 31 устава.

5) Ежегодный процентъ, по назначению педагогического совѣта, употребляется на приобрѣтеніе для стипендіата учебныхъ пособій и, по мѣрѣ возможности, на покупку или ремонтъ бѣлья, платы и обуви для него. Отъ усмотрѣнія педагогического совѣта зависитъ выдать и всѣ 30 руб. на руки родителямъ или опекунамъ стипендіата.

6) Стипендіатъ освобождается отъ взноса денегъ за право учения, если только число освобожденныхъ отъ платы учениковъ не достигло еще 10% общаго числа освобождаемыхъ отъ платы учениковъ гимназіи.

7) На обязанности директора гимназіи лежить получение процентовъ съ капитала и, въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ билетовъ, своевременный обмѣнъ ихъ на другія, гарантированныя правительствомъ, выгодныя процентныя бумаги.

8) Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ, по случаю не-

рекомендаций вакансій или по другимъ причинамъ, по распоряженію педагогическаго совѣта, или выдаются по окончаніи стипендиатомъ курса, или же присоединяются къ неприкосновенному капиталу для увеличенія его.

28. (2-го апРѣля) 1880 г.) Положеніе о стипендиї Государа Императора Александра II, учрежденной при Томскомъ Алексѣевскомъ реальному училищѣ.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Въ ознаменование первого двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора, на проценты съ капитала въ 400 р., собранного по добровольной подпискѣ служащими при Томскомъ Алексѣевскомъ реальному училищѣ, учреждается при училищѣ, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 30-го марта 1880 г., стипендиа на вѣчныя времена подъ наименованіемъ стипендиї Его Величества Императора Александра II-го.

2) Проценты съ означенного капитала ежегодно употребляются на уплату за право ученія стипендиата, а остатокъ, могущій образоваться отъ незамѣщенія вакансій, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія онаго.

3) Стипендией можетъ пользоваться только ученикъ Томскаго Алексѣевскаго реального училища, преимущественно изъ крестьянскаго сословія, оказывающей хорошие успѣхи въ наукахъ и отличного поведенія, который въ этомъ случаѣ носить название стипендиата Его Величества Императора Александра II-го.

4) Выборъ стипендиата представляется педагогическому совѣту Томскаго Алексѣевскаго реального училища.

5) Означенный въ § 1 капиталъ, по обращеніи его въ правительственные процентныя бумаги, составляетъ неприкосновенную собственность Томскаго Алексѣевскаго реального училища, хранится, вмѣстѣ съ специальными средствами училища, въ Томскомъ губернскомъ казначействѣ, и на хозяйственный комитетъ училища возлагается обязанность следить за тѣмъ, чтобы она была своевременно обмѣниваема на выгодныя правительственные процентныя бумаги.

6) Стипендиатъ пользуется стипендию до окончанія курса ученія или выхода по какимъ-либо причинамъ изъ училища, но и во время пребыванія въ заведеніи можетъ быть лишенъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта реального училища, стипендиї, по малоуспѣшности въ наукахъ или неодобрительному поведенію.

29. (5-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи Василія и Сергѣя Сорокинихъ, учрежденной при Бѣлевской прогимназії.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народного просвѣщенія).

1) На проценты съ пожертвованного, въ означенномъ исполнениишагося 25-ти лѣтія царствованія Государя ИМПЕРАТОРА, потомствен-но почетною гражданкою Сорокиной капитала въ 1000 р. заключающагося въ 5% билетъ государственного банка 2-го выпуска, учреждается при Бѣлевской прогимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 15-го февраля 1880 г., одна стипендія, съ наименованиемъ оной: „стипендія Василія и Сергѣя Сорокинихъ“.

2) Проценты съ означенного капитала, хранящагося въ Бѣлевскомъ уѣздномъ казначействѣ, выдаются ежегодно одному изъ бѣльныхъ учениковъ Бѣлевской прогимназіи, отличному по поведенію и успѣхамъ.

3) Право выбора стипендіата предоставлено жертвовательницею педагогическому совѣту Бѣлевской прогимназіи.

4. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіей до окончанія курса въ прогимназіи, если онъ постоянно будетъ имѣть, при отличномъ поведеніи, хорошия успѣхи.

30. (17-го апрѣля 1880 г.) Положеніе о стипендіи имени Его Величества ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

(Утверждено г. бывшимъ министромъ народного просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 14-го апрѣля 1880 г., при Рыбинской 6-ти классной мужской прогимназіи учреждается на пожертвованный педагогическому совѣту капиталъ пятьсотъ руб., заключающійся въ пяти облигацияхъ восточнаго займа 1877 г. за №№ 511900, 511901, 511902, 511903 и 511919, одна стипендія подъ наименованиемъ: „стипендія Его Величества Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.“

2) Стипендію имѣютъ право пользоваться преимущественно дѣти крестьянъ Рыбинскаго уѣзда, а за отсутствіемъ таковыхъ, дѣти изъ-щанъ города Рыбница.

3) Право избрания стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту.

4) За безуспѣшность въ наукахъ и неодобрительное поведеніе воспитанникъ лишается стипендіи, по опредѣленію педагогического совѣта.

5) Стипендіатъ, оставшійся на другой годъ въ томъ же классѣ, можетъ сохранить стипендию только по особо уважительнымъ причинамъ.

6) Обезпечивашій стипендию капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ. Если отъ процентовъ этого капитала, по какимъ-либо причинамъ, образуется свободный остатокъ, то онъ присоединяется къ главному капиталу.

31. (1-го июня 1880 г.) Уставъ общества международного права.

(Утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

I. Цѣль и составъ общества.

§ 1. Общество международного права имѣть цѣль:

- 1) содѣйствовать развитию международного права;
- 2) содѣйствовать распространению правильныхъ возвѣтъ на международные отношенія;
- 3) покровительствовать всѣмъ попыткамъ кодификаціи принциповъ международного права;
- 4) содѣйствовать установленію и укрѣпленію дружелюбныхъ международныхъ отношеній и миролюбивыхъ возвѣтъ.

§ 2. Для достижения означенныхъ цѣлей общество имѣть периодическія собранія, издастъ свои протоколы и записки, устраиваетъ, съ разрѣшеніемъ правительства, публичныя лекціи, назначаетъ преміи за составленіе или изданіе подходящихъ къ цѣлямъ общества сочинений, актовъ и материаловъ и т. и.

Вообще общество принимаетъ всѣ мѣры, которыя признаетъ полезными для разработки международного права и распространенія здравыхъ понятій о международныхъ отношеніяхъ.

§ 3. Общество составляетъ члены: а) действительные, б) почетные и в) сотрудники.

§ 4. Членами общества могутъ быть какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы.

§ 5. Дѣлами общества управляетъ совѣтъ, состоящий изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя общества, членовъ и секретаря. Одинъ изъ членовъ совѣта исправляетъ должность казначея.

■ § 6. Общество имѣть свою печать съ надписью: „Общество международного права“.

II. Избрание членовъ общества и управление дѣлами общества.

§ 7. Дѣйствительными членами общества могутъ быть лица, извѣстные своею ученой или практической дѣятельностью на пользу науки международного права и мирнаго развитія международныхъ отношеній.

§ 8. Кандидаты въ дѣйствительные члены должны быть предложены не менѣе двумя дѣйствительными членами. Предложенія рассматриваются въ совѣтѣ общества и, по одобреніи ихъ, поступаютъ для баллотировки въ общее собраніе дѣйствительныхъ членовъ.

§ 9. Дѣйствительные члены вносятъ въ кассу общества, ежегодно, не менѣе 10 р. Ежегодный взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ во 100 р.

§ 10. Почетные члены избираются обществомъ, по предложенію совѣта, изъ числа лицъ, имѣющихъ особыя заслуги на поприщѣ развитія международного права и мирнаго течения международныхъ отношеній. Почетные члены имѣютъ всѣ права и обязанности дѣйствительныхъ членовъ, но денежнымъ вносомъ не обязаны.

§ 11. Члены-сотрудники избираются обществомъ, по предложенію совѣта, изъ числа лицъ, изъявившихъ готовность быть полезными обществу и оказать ему свое содѣйствіе. Члены-сотрудники могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ общества, но имѣютъ голосъ только со-вѣщательный.

§ 12. Дѣйствительный членъ, два года не внесший слѣдующихъ съ него денегъ, считается сложившимъ съ себя сіе званіе.

§ 13) Предсѣдатель общества и совѣта, вице-предсѣдатель и члены совѣта избираются на два года изъ числа дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ по списку кандидатовъ, предлагаемыхъ на каждую изъ тѣхъ должностей совѣтомъ.

Примѣчаніе. Если Особа Императорской фамилии удостоить общество принятіемъ на себя званія предсѣдателя, то изложенный выше порядокъ выбора примѣняется только къ избранію вице-предсѣдателя.

§ 14. Секретарь общества избирается, тѣмъ же порядкомъ, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ на три года. На его обязанность возлагается составленіе протоколовъ засѣданій общества, переписка по дѣламъ общества и исполненіе решений общества, подъ руководствомъ предсѣдателя.

§ 15. Казначей общества избирается изъ числа членовъ совѣта

на 3 года; на его обязанности лежит ведение отчетности по завъдыванию денежными суммами, принадлежащими обществу.

§ 16. Всѣ выборы какъ въ члены общества, такъ и въ поименованные выше должности по одному, производятся въ собраніяхъ, закрытыми баллотировками, простымъ большинствомъ голосовъ.

§ 17. Совѣтъ назначаетъ вопросы, подлежащие обсужденію въ собраніяхъ, утверждаетъ задачи на преміи, производить всѣ расходы или утверждаетъ ихъ.

§ 18. Для дѣйствительности засѣданія совѣта требуется присутствие не менѣе трехъ членовъ. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ: при раздѣленіи голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

III. О собраніяхъ общества.

§ 19. Собранія общества созываются предсѣдателемъ, съ согласія совѣта, и бываютъ годовые и обыкновенные.

§ 20. Годовое собраніе созывается ежегодно 28-го февраля, въ день изданія Императрицею Екатериною II декларациіи о первомъ вооруженномъ нейтралитетѣ.

§ 21. Собраніе выслушиваетъ отчетъ о дѣятельности общества за прошлый годъ и предположенія совѣта о вопросахъ, подлежащихъ разработкѣ и обсужденію; избираетъ должностныхъ лицъ; раздаетъ преміи или награды и избираетъ трехъ членовъ комиссіи для разсмотрѣнія отчетности общества.

§ 22. Обыкновенныя собранія происходятъ не менѣе шести разъ въ годъ, съ ноября по май. Въ этихъ собраніяхъ дѣлаются сообщенія по предметамъ, подлежащимъ обсужденію общества, читаются статьи, дѣлаются предложения относительно разработки какого нибудь специального вопроса изъ области международныхъ отношеній и т. под.

§ 23. Наблюденіе за порядкомъ въ собраніяхъ принадлежитъ предсѣдателю общества или, въ его отсутствіе, вице-предсѣдателю.

§ 24. Всѣ сообщенія и статьи должны быть изложены на русскомъ языке.

Примѣчаніе. Употребленіе языковъ иностранныхъ можетъ быть допускаемо, въ исключительныхъ случаяхъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія предсѣдателя.

§ 25. Для предварительного изученія подлежащихъ обсужденію

вопросовъ и составленія докладовъ собранию общества, могутъ быть образуемы специальными комиссіи изъ членовъ общества. Члены такихъ комиссій избираются обыкновенными собраниями изъ числа членовъ общества, по предложеніямъ совета.

32. (21-го іюна 1880 г.). Циркулярное предложение гг. по-печителямъ учебныхъ округовъ объ отмѣтѣ представлениія министерству отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ.

На основаніи циркулярного предложениія министерства народнаго просвѣщенія отъ 4-го ноября 1870 г. и дополнительныхъ къ нему циркуляру распоряженій, управлениія учебныхъ округовъ сообщаютъ на разсмотрѣніе министерства отчеты директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, представляемые ими по мѣрѣ обозрѣнія школъ.

Находя, что въ настоящее время, по истеченіи почти десятилѣтія со времени организаціи инспекціи, не настоитъ болѣе прежней надобности въ разсмотрѣніи инспекторскихъ отчетовъ въ центральномъ управлениі министерства, я призналь нужнымъ отмѣнить существующій на основаніи упомянутыхъ мною распоряженій порядокъ отчетности директоровъ и инспекторовъ народныхъ школъ и сосредоточить въ управлениіяхъ учебными округами близкайшее наблюденіе и направление дѣятельности инспекціи, при чемъ предоставляю вашему превосходительству установить, по ближайшему соображенію съ мѣстными условіями, тотъ порядокъ доставленія вамъ директорами и инспекторами отчетовъ, который вы признаете наиболѣе цѣлесообразнымъ и наименѣе обременительнымъ для инспекторовъ, возложеніе на которыхъ слишкомъ обширныхъ канцелярскихъ обязанностей не можетъ не отозваться вредно на общемъ характерѣ ихъ дѣятельности, требующей по преимуществу живаго, а не бумажнаго отношенія къ дѣлу.

Затѣмъ прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ для свѣдѣнія тотъ порядокъ, который вами въ этомъ отношеніи будетъ установленъ, и о дѣятельности лицъ инспекторскаго надзора по осмотру училищъ и по благоустройству ихъ благоволить въ годовыхъ по управлению округа отчетахъ излагать подробныя данные и ваши заключенія по каждой въ отдѣльности губерніи.

33. (10-го іюля 1880 г.). Правила о стипендіи срдинарнаго

профессора Московского университета действительного статского советника Захарына.

(Утверждены г. управляющим министерством народного просвещения).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ рублей, пожертвованного ординарнымъ профессоромъ Московского университета действительнымъ статскимъ советникомъ Григориемъ Антоновичемъ Захарынымъ и заключающагося въ 10-ти облигацияхъ 3-го восточнаго займа учреждается при Московскомъ университете одна стипендія, которая, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 7-го юля 1880 года, носить наименование „стипендія ординарного профессора Григория Антоновича Захарына.

§ 2. Размеръ стипендіи пятьсотъ руб. въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается для студентовъ медицинскаго факультета, исключительно русскаго происхожденія.

§ 4. При назначеніи стипендіи, принимаются во вниманіе лучшіе успѣхи на переходныхъ экзаменахъ и медали за сочиненія, а для студентовъ первого курса—лучшія отмѣтки по аттестатамъ зрѣлости и окончаніе курса въ среднемъ учебномъ заведеніи съ медалью. При одинаковыхъ успѣхахъ, решающее значеніе при назначеніи стипендіи должны имѣть бѣдность, семейное положеніе и тому подобныя обстоятельства.

§ 5. Въ случаѣ не перехода стипендіата въ слѣдующій курсъ, стипендія можетъ быть оставлена за нимъ лишь въ томъ случаѣ, если переходъ не состоялся вслѣдствіе болѣзни, или другихъ уважительныхъ причинъ, засвидѣтельствованныхъ факультетомъ.

§ 6. Порядокъ назначенія стипендіи опредѣляется существующими на сей предметъ правилами.

§ 7. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала, образовавшіеся по какому бы то ни было случаю, присоединяются къ капиталу.

VI. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

19-го апрѣля 1880 года (№ 5). Утверждаются: ординарный профессор Императорскаго Московскаго университета, статский советник Тольскій—деканъ медицинскаго факультета сего университета, по 13-е ноября 1880 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго универси-

тета, статскій совѣтникъ Троицкій — деканомъ историко-филологического факультета сего университета.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій — деканомъ математического факультета сего университета.

Исправляющій должность директора училищъ Тобольской губерніи Пановъ — въ сей должности.

Исполняющій обязанности инспектора Одесской второй гимназіи, статскій совѣтникъ Нейкирхъ — директоромъ Мариупольской гимназіи.

Исправляющій должность директора Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища Тюменцевъ — въ сей должности.

Исправляющій должность директора Омской учительской семинарии, надворный совѣтникъ Водяниковъ — въ сей должности.

Назначаются: управляющій Нижегородскою удѣльною конторою, статскій совѣтникъ Сиверсъ — членомъ попечительства Нижегородскаго реальнаго училища, на три года.

Надворный совѣтникъ Мироновъ, есаулъ Мироновъ, сотникъ Билевъ, казакъ торгового общества Авдѣевскій и кузнѣцъ Москалевъ — членами попечительства Урюпинскаго реальнаго училища, на три года.

Причисляется къ министерству народнаго просвѣщенія, согласно прошенію: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Бѣлявскій, съ увольненiemъ отъ настоящей должности, съ 12-го апрѣля 1880 года.

Переводится на службу въ министерство народнаго просвѣщенія: причисленный къ государственному контролю коллежскій секретарь Штиглицъ, съ причисленiemъ къ сему министерству, съ 12-го апрѣля 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, съ 25-го марта 1880 года.

Командируются: астрономъ Императорскаго Новороссійскаго университета Блокъ — на двадцать восемь дней, въ Тифлисъ, и лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета Цельцамъ — на два мѣсяца, въ Москву и С.-Петербургъ; оба съ ученою цѣлью.

Причислены къ министерству народнаго просвѣщенія: коллежскій ассессоръ Арнольдъ и статскій совѣтникъ Бѣлявскій — въ

Томскъ, считая командировку первого съ 22-го марта 1880 года, а послѣднаго съ 12-го апрѣля 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на пятиадцать днѣй: директоръ Виленскаго еврейскаго учитальскаго института, коллежскій асессоръ Котельниковъ—въ С.-Петербургъ.

На двадцать одинъ день: директоръ Уральской войсковой гимназіи, статскій совѣтникъ Любарскій—въ С.-Петербургъ.

На двадцать восемь дней: начальникъ Радомской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебединцевъ—въ гор. С.-Петербургъ, Вильно и Киевъ.

На двадцать девять днѣй: окружный инспекторъ Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ—въ Нерчинскую, Вятскую и Пензенскую губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года: директоръ Варшавской VI мужской гимназіи, завѣдывающей Варшавской III женской гимназіею, титуларный совѣтникъ Стефановичъ—въ Гродненскую и Ковенскую губерніи и въ С.-Петербургъ, и директоръ Царицынской Александровской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Третьяковъ—въ Самарскую губернію и въ Крымъ; послѣдній по болѣзни.

Съ 10-го мая по 1-е юля 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонтовичъ—въ Москву.

На три мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Якевичъ—въ разныя губерніи, по болѣзни.

Въ Россіи и за границу: дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камер-юнкера, коллежскій асессоръ Камовскій—на два мѣсяца.

Наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ Мусселіусъ—на лѣтнее вакаціонное время и сверхъ сего по 1-е сентября 1880 года.

За границу: съ 17-го мая по лѣтнее вакаціонное время 1880 года: исправляющій должностъ экстраординарного профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нижній Знегерь, по болѣзни, независимо отъ разрѣшенаго уже ему отпуска на вакаціонное время.

На двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Водковъ.

Съ 15-го іюня по 31-е іюля 1880 года: учитель Псковской гимназии, надворный советникъ Прокаска.

Съ 1-го іюля по 15-е августа 1880 года: учитель Кіевскаго реального училища Хоминъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакационное время 1880 года: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, статскій советникъ Ласковскій, и св. Владимира, Кистяковскій, экстраординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета: протоіерей Дьячукъ, статскій советникъ Барановскій, коллежскій ассесоръ Крышка и Вржесиовскій, доценты Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, статскій советникъ Вольфригъ и Дерптскаго, надворный советникъ Вальтцъ и Мазингъ, наставникъ-руководитель гимназии Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, завѣдывающій оною, дѣйствительный статскій советникъ Нейлисовъ, инспекторъ училищъ города Варшавы, дѣйствительный статскій советникъ Горнбергъ, заслуженный преподаватель Симферопольской гимназии Хамарито, старшій учитель Рижской губернской гимназии, надворный советникъ Курцъ, учителя гимназій; С.-Петербургскихъ: второй, статскій советникъ Кенигъ, коллежскій советникъ Дроатерь и состоящий въ VIII классѣ Давиденковъ, пятой, Гошеронъ-де-Лаффоссъ и шестой, Кабеле, Астраханской, Фуксъ, Симферопольской, Кашиаръ, Варшавскихъ мужскихъ: II — статскій советникъ Сколовскій, Рудзинскій, Влошекъ, Крынскій, Герцъ, Околовъ, Баранецкій и Дуйсбургъ, III — надворный советникъ Шумовскій, Хойко, Шухевичъ, Тиме, Яслевичъ, Бондакевичъ и Дембіцкій, Калишской мужской, статскій советникъ Фукъ, коллежскіе советники Домбровскій и Ковалскій, титулярный советникъ Бальчевскій, Смогоржевскій, Реутъ, Гильмеръ и Никъ, Кильдецкой мужской, надворный советникъ Шперль, Кремеръ, Вабнеръ, Матулевичъ, Чарнецкій и Рыбарскій, Плоцкой мужской, статскій советникъ Масловскій, Щербовичъ-Вечорть и Токсъ, учителя прогимназий: Варшавскихъ мужскихъ: I — коллежскій ассесоръ Коперницкій, II — Грубецкій, Ченстоховской мужской, Крживицкій, Ростковскій и Грабовскій, Сандомирской мужской, Кауль, Вильновскій и Цѣлиховскій, Хорсонской, Твердый, Глуховской, Рѣшетиловичъ, учителя реальныхъ училищъ: Одесского, статскій

совѣтника Сергѣева коллежскаго совѣтника Бальсадо, Екатеринославскаго, Гонсбергеръ, Варшавскаго, статсмъ совѣтникъ Надѣпинскій, коллежскій совѣтникъ Мальмъ, Бляэль, Глембоцкій, Жолтовскій, Делакроа, сверхплатинный учителъ сего училища Вроблевскій, Влоцлавскаго, Коссовскій и Ловичскаго, Сикорскій и Грабовскій, учители училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Ании въ С.-Петербургѣ: статсмъ совѣтникъ Диттманъ, надворный совѣтникъ Бреме, коллежскій ассесоръ Кенигъ, состоящій въ VII классѣ Фаберь и пасторъ Отто, помощникъ инспектора Лодвинскаго высшаго ремесленнаго училища Маркевичъ, учители сего училища: статсмъ совѣтникъ Грофе, коллежскій совѣтникъ Шмидтъ и Фуксъ, врачъ того же училища Вольбергъ, учители Варшавскаго рисовального класса: титуларный совѣтникъ Каминскій въ Герсонѣ, начальница Херсонской Марлинской женской гимназіи Софы Гозадинова, преподавательница сей гимназіи Едена Гозадинова, надзирательницы женскихъ гимназій: Симферопольской, Марья Хамарито и Варшавской IV, Филиппеусъ, классные лады женскихъ прогимназій: Замостской, Боровской и Петровской, Костенецкая, учитель Варшавской учительской семинаріи Клемке, исправляющій должность штатнаго смотрителя Феллинскаго уѣзднаго училища Веке, начальница Дерптскаго городскаго высшаго дѣвичь资料的
го училища фонъ-Риггофъ, учителъ одноклассныхъ гимназій начальникъ общихъ училищъ Кѣлецкой учебной дирекціи: Слабошевскаго, Вернастъ и Прандоцинскаго, Хеллеръ и второй учитель двухкласснаго Влоцлавскаго городскаго мужскаго училища Сартисъ; изъ нихъ по болѣзни: Дѣланъ, Бараповскій, Крышка, Вржесніовскій, Нейлисовъ, Горнбергъ, Сымодовскій, Рудзинскій, Влошакъ, Околозъ, Баранецкій, Дуйсбургъ, Фукъ, Домбровскій, Ковалевскій, Бальчевскій, Смогоржевскій, Реутъ, Гильдеръ, Пинъ, Кремеръ, Вабнеръ, Матуловичъ, Чарнецкій, Рыбарскій, Щербовичъ-Вечоръ, Кеперницкій, Грудецкій, Каунъ, Вильновскій, Налепинскій, Мальмъ, Бляэль, Жолтовскій, Вроблевскій, Коссовскій, Каминскій, Герсонъ, Софы Гозадинова, Марья Хамарито, Филиппеусъ, Боровская, Костенецкая, Вернастъ, Хеллеръ и Сартисъ.

На два мѣсяца: директоръ Лиѳляндской общественной гимназіи въ гор. Феллинѣ, коллежскій ассесоръ Зеземанъ, учитель Бѣлоцерковскаго реальнаго училища Мисливецъ, начальница Азовской женской прогимназіи княгиня Абкази и канцелярскій чиновникъ канцеляріи прѣбечителя Одесскаго учебнаго округа Орлай.

Съ 3-го іюня по 20-е августа 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Струве, по болѣзни.

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и десять дней: исправляющій должность доцента Императорскаго Варшавскаго университета Аандрускій, по болѣзни.

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 г. в пятнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій советникъ Дыдынскій, по болѣзни.

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и двадцать дней: классная дама Радомской женской гимназіи Марія Зомбковская и учительница сей гимназіи Іоанна Зомбковская, обѣ по болѣзни.

На лѣтнєе вакаціонное время и по 10-е сентября 1880 года: исправляющій должность экстраординарного профессора Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, коллежскій асессоръ Шеборъ.

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, дѣйствительный статскій советникъ Ко-сицкій, Московскаго, Бабухинъ и Деритскаго, статскій советникъ Гершелльманъ, учителя С.-Петербургскихъ гимназій: Ларинской, состоящій въ VIII классѣ Блумбергъ и шестой, статскій советникъ Клеманъ и начальница Тульской женской гимназіи Вѣкова; изъ нихъ: Ко-сицкій, Бабухинъ, Блумбергъ, Клеманъ и Вѣкова по болѣзни:

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: ординарные профессоры Императорскаго Деритскаго университета, статскіе советники Митгофъ и Гофманъ, и доцентъ сего университета Кохъ; изъ нихъ Гофманъ съ 18-го мая 1880 года.

На два вакаціонные мѣсяца и двадцать восемь дней: библиотекарь Императорской Публичной Библиотеки, дѣйствительный статскій советникъ Стасовъ.

На три мѣсяца: учитель Тверской гимназіи Ирупаръ, по болѣзни.

Съ 1-го іюня по 18-е сентября 1880 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира Хлѣбниковъ и доцентъ сего университета Вазаровъ.

На лѣтнєе вакаціонное время 1880 года и два мѣсяца: директоръ С.-Петербургской пятой гимназіи Шрамекъ, по болѣзни.

На четыре месяца: учительница Ревельского высшего городского девичьего училища Менинке, по болезни.

Увольняются, согласно прошениям: ординарный профессор Императорского Харьковского университета, действительный статский советник Масловский—отъ должности декана физико-математического факультета сего университета.

Ординарный профессор Императорского Московского университета статский советник Клейн—отъ должности декана медицинского факультета сего университета.

Объявляется праянательность министерства народного просвещения: почетному попечителю Кишиневской гимназии, въ звании камер-юнкера, Геращеневскому—за усердие его на пользу народного образования.

Предсѣдателю Аккерманской уѣздной земской управы, Бессарабской губерніи, Мерману—за полезную деятельность его по улучшению состоянія народныхъ школъ въ Аккерманской уѣзде.

Исключается изъ списковъ умершій: директоръ Марупольской гимназии Хартахай.

18-го мая 1880 г. (№ 6). Утверждается: приват-доцентъ Вюрцбургского университета, докторъ Эмининггаузъ—ординарный профессоромъ Императорского Дерптского университета по каѳедрѣ психиатрии, съ 3-го апреля 1880 г.

Исправляющей должность экстраординарного профессора Императорского С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ монгольской и калмыцкой словесности, докторъ монгольской словесности, действительный статский советникъ Голстуинский—въ сей должности, съ 7-го апреля 1880 г.

Имѣющій свидѣтельство на званіе домашнаго учителя Лешъ—директоромъ мужскаго училища, состоящаго при евангелическо-лютеранской св. Петра и Павла церкви въ Москвѣ, съ 22-го апреля 1880 г.

Исправляющей должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народного просвещенія, коллежскій регистраторъ Эриксонъ—въ сей должности, съ 22-го апреля 1880 г.

Титуларный советникъ Рюминъ—почетнымъ попечителемъ Александровской Серпуховской прогимназіи, на три года.

Инородецъ Олекминского округа и того же улуса Степанъ Идельгинъ—почетнымъ попечителемъ Якутской прогимназіи, на три года.

Назначаються: дѣлопроизводитель VII класса департамента народного просвѣщенія, въ званіи камер-юнкера, надворный советникъ князь Кантакузинъ, графъ Сперансій—дѣлопроизводителемъ VI класса сего департамента, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Дѣлопроизводитель VIII класса департамента народного просвѣщенія, титулярный советникъ Талашевъ—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 22-го апрѣля 1880 г.

Столоначальникъ канцелярии попечителя Киевскаго учебнаго округа, титулярный советникъ Корейша—членомъ совѣта попечителя сего округа, съ 12-го апрѣля 1880 г.

Инспекторъ Ярославской гимназии, статскій советникъ Рогозиникъ-Борисовъ—исправляемую должность директора Шуйской прогимназии, съ 1-го апрѣля 1880 г.

Виленскій губернскій архитекторъ, статскій советникъ Чагинъ, директоромъ Виленской астрономической обсерваторіи, полковнику Смыслову и управляемому Виленскому газовому заводу Шеффельду—новыи членами попечительства Виленскаго реальнаго училища, на три года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, статскій советникъ Соничъ, съ 21-го октября 1879 г.

Директоръ народныхъ училищъ Московской губерніи, действительный статскій советникъ Краснопѣковъ, съ 6-го декабря 1879 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго Деритского университета, действительный статскій советникъ Александръ фонъ-Эттингенъ, съ 17-го апрѣля 1880 г.

Командируются съ ученою цѣллю: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Штуkenбергъ—на четыре мѣсяца и двадцать дней, въ Заднепровскій край и въ Кавказъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: врачу Московскій четвертой гимназіи Родионову — на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на двадцать восемь дней: директоры гимназій: Троицкой, статскій советникъ Будде — въ Москву и Тульской, статскій советникъ Новиселовъ — въ С.-Петербургъ, Москву и Тверь; послѣдний по болѣзни.

Съ 20-го іюня по 1-е августа 1880 г.: директоръ народныхъ

училищ Олонецкой губерніи, действительный статский советник Соколовъ — въ разныхъ губерніи, по болѣзни.

На ютнєе вакаціонное время 1880 г.: директоръ историко-филологического института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, тайный советникъ Давровскій — въ разныхъ губерніи, директоры гимназій: Варшавской III музейной, статский советникъ Солдатовъ — въ Гродненскую губернію и Симферопольскую, надворный советникъ Тимошевскій — въ разныхъ губерніи, директоръ Ростовского Петровского реального училища Урусовъ — въ Рязанскую губернію, директоръ Виленского учительского института, надворный советникъ Іраклевскій — въ Виленскую, Гродненскую и Варшавскую губерніи, директоръ Преславльской учительской семинаріи, коллежскій асессоръ Паховскій — въ С.-Петербургъ и на Кавказъ, неправляющій должность директора Новинской учительской семинаріи, титулярный советникъ Товаревскій — въ Гродненскую губернію и начальница Одесской Маринской женской гимназіи Патлаевская — въ разныхъ губерніи; начальникъ Солдатовъ и Товаревскій по болѣзни.

На ютнєе вакаціонное время 1880 г. и семь дней: директоръ Слудской гимназіи, статский советникъ Носовичъ — въ разныхъ губерніи, по болѣзни.

На ютнєе вакаціонное время 1880 г. и десять дней: директоръ Александровской Сумской гимназіи, статский советникъ Сибиревъ — въ Москву и С.-Петербургъ, по болѣзни.

На два иѣсаца: начальникъ архива министерства народного просвѣщенія, действительный статский советникъ Онисиметковъ — въ разныхъ губерніи и помощникъ замѣткодержателя департамента народного просвѣщенія, губернскій секретарь Новицкій — въ Новгородскую губернію, оба по болѣзни.

За границу и въ Россію на два иѣсаца и двадцать девять дней: помощникъ помочника Казанского учебного округа, действительный статский советникъ Малиновскій, по болѣзни.

* За границу: на четырнадцать дней: учитель Шавельской гимназіи Семонъ.

На три недѣли: директоръ рижской городской гимназіи, статский советникъ Шведеръ и инспекторъ Рижского городского реального для гражданъ училища, коллежскій асессоръ Бергъ, оба со второй половины августа 1880 года.

На ютнєе вакаціонное время 1880 года: ordinariные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Гатчинскаго

бергеръ и Станкевичъ, Дорпскаго, статской советнице Ленинъ, Варшавскаго действительный статской советникъ Тырковскій, Симоненко и Вислоцкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Гиршманъ, доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій, лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій советникъ Вергъ, директоры гимназий: Варшавской IV мужской, надворный советникъ Бульмерингъ и Гольдингемской, коллежскій советникъ Бютнеръ, инспекторъ Новгородской гимназии, статской советникъ Мичатекъ, учителя гимназий: С.-Петербургскіхъ: первой, статской советникъ Калье, седьмой, Марсіо, Новгородской, Яновской, Псковской, коллежскій советникъ Витошинскій, Московскихъ: первой, Гавелька, пятой, Нехачекъ, Рязанской, коллежскій ассесоръ Рейнеръ, Варшавскаго мужскихъ: IV—статской советникъ Залѣскій, коллежскій советникъ Еленопчинскій, Радлинскій, Радзюкина, Квѣтневскій, Полкотицкій, Попловскій и коллежскій секретарь Наркевичъ, VI—Медингъ, Веттикеръ, Гольдбергъ, Гомолевскій, Краснобельскій и Дицштейнъ, Радомской мужской, Бадовскій, Бруцендерфъ и Служевскій, Петроковской мужской, Канскій, Витебской, Антоненко, Рышельевской, Бавлика, Оренбургской Рихтеръ и Вавра, Мичавской, Детлофъ, старшій учитель Ревельской губернской гимназии, надворный советникъ Кирхгоферъ, помощникъ классныхъ наставниковъ Ёлецкой мужской гимназіи Червинскій, исправляющій должность учителя Симферопольской женской гимназіи Билинкевичъ, инспекторы прогимназій: Одесской первой, юнгежскій ассесоръ Гаспль и Авовской, Якимовъ, учителя прогимназій: Прилукской: коллежскій советникъ Зарицкій, Шуйской, Янушка, учителя реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго второго, Мабилья, Севастопольскаго Константиновскаго, Корвекъ, Киминевскаго, Демченко и Рижскаго для гражданъ, Цельхау, учитель главнаго ёйменскаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Бруннеръ, инспекторъ С.-Петербургскаго реформатскаго училища Тидеманъ, учителя его училища: Гартманъ, Гаге, Петрикъ, Майеръ, Брокнеръ и Ирекъ, штатный смотритель Венденскаго ўезднаго училища, коллежскій ассесоръ Вемъ, классная дама Рижской женской Ломоносовской гимназіи фонъ-Миллеръ, учительницы Калужской женской гимназіи Гафкеръ и Симонова, преподавательница Дорпскаго городскаго высшаго ёзвачьяго учи-

лица Кеммереръ и учитель Рижского городского начального для дѣвочекъ училища св. Иоанна, коллежский регистраторъ Бернгардтъ; изъ нихъ по болѣзни: Тыровскій, Симоненко, Вислоцкій, Бергъ, Бульмерингъ, Витошинскій, Залѣскій, Конопчинскій, Радлинскій, Радзюкинасъ, Бѣйтневскій, Полькотыцкій, Поплонскій, Наркевичъ, Бедовскій, Брундendorfъ, Служавскій, Канскій, Черанскій, Корвенъ, фонъ-Миллеръ, Гафнеръ, Симонова и Бернгардтъ.

На десять дней и лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Дівериуа и учитель Острожской прогимназии Шармаркевичъ; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четыриадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Бродовскій, по болѣзни.

На семнадцать дней и лѣтнее вакаціонное время 1880 года: второй проекторъ Императорскаго Дерптскаго университета Браунъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и восемнадцать дней: учитель Варчевской V мужской гимназии Машевскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій советникъ Каастеленъ, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, Шерцль, Варшавскаго, Гейеръ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Йорданцовъ, исполняющій должность доцента Лаваренскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій советникъ Окромчаделовъ-Серебраковъ, управляющій Варшавскимъ рисовальными классами, въ званіи камергера, Лихницкій, учитель Ревельской губернской гимназии, коллежскій секретарь Шпренгель, наставникъ Казанскої учительской семинарии Бебровниковъ, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Валекскаго, коллежскій асессоръ Даббертъ и Еннендорфскаго, коллежскій асессоръ Штейнъ; изъ нихъ: Каастеленъ, Гейеръ, Окромчаделовъ-Серебраковъ, Лихницкій, Шпренгель, Даббертъ и Штейнъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: докторъ Императорскаго Дерптскаго университета д-ръ Виво.

До конца лѣтнаго вакаціоннаго времени 1880 года: старшій учитель Рижской губернскай гимназіи Тилингъ, по болѣзни, считая съ 8-го мая 1880 года.

Съ 1-го іюня по 1-е августа 1880 года: учитель Севастопольскаго Константиновскаго реальнаго училища Павровскій.

На три мѣсяца: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій советникъ Патлаевскій и учитель С.-Петербургскай седьмой гимназіи, статскій советникъ Лефрецъ; оба по болѣзни.

На четыре мѣсяца: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный советникъ Броссе, по болѣзни.

Увольняются: окружной инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій советникъ Падренъ-де-Карне — отъ службы, за выслугу срока, съ 1-го мая 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій советникъ Волковъ — отъ ея должности, согласно прошенію.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: дѣйствительному тайному советнику Мальцеву, попечителю Нечаевскаго народнаго училища, землевладѣльцу Касаткину и Ковровскому купцу Герасимову, за пожертвованія въ пользу начальныхъ народныхъ училищъ: первымъ — Гусевскѣ двукласснаго мужскаго и женскаго и Урицкаго однокласснаго, вторымъ — Нечеевскаго и третьимъ — Тучковскаго, во Владимірской губерніи.

Попечительницѣ Даниловскаго училища ингинѣ Грузинской и почетной библиотекаринѣ Гусевскаго женскаго двукласснаго училища Гайдуковой — за заботы о вѣрнѣмъ попеченію ихъ училищахъ, во Владимірской губерніи.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій советникъ Лавитскій.

28-го мая 1880 года. (№ 7). Утверждаются: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, дѣйствительный статскій советникъ Рахманиновъ — деканомъ физико-математического факультета сего университета, съ 7-го апреля 1880 года по 18-е февраля 1883 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій советникъ Минаевъ — ординарнымъ профессо-

ромъ сего университета по каѳедрѣ сравнительного языкознанія, съ 15-го мая 1880 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ государственного права Загоскинъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права, съ 9-го апрѣля 1880 года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: ординарный профессоръ Императорской медико-хирургической академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Склифасовскій, съ утвержденіемъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ хирургической факультетской клиники, съ 15-го мая 1880 года.

Соѣзжательный членъ ветеринарнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ Гордѣевъ, съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ частной патологіи и терапевтической клиники Харьковскаго ветеринарнаго института, съ 3-го ноября 1879 года.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывшій учитель С.-Петербургской патой гимназіи, магистръ Императорскаго Дерптскаго университета, Луніакъ, съ 1-го марта 1880 года.

Изъ отставныхъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Бараповскій, съ 15-го мая 1880 года.

Оставляется на службѣ на пять лѣтъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, тайный совѣтникъ Буличъ, съ 3-го апрѣля 1880 года.

Увольняются въ отпускъ: въ Россіи: на шесть недѣль: предсѣдатель Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій — въ Могилевскую губернию, директоръ Алферовской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кулінъ — въ Прибалтійскія губерніи и Виленскій директоръ народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Поповъ — въ южныя губерніи; послѣдніе два по болѣзвни.

Съ 20-го іюня по 8-е августа 1880 года: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, коллажскій совѣтникъ Бараповъ — на Кавказъ, по болѣзвни.

На похорона мѣсяца: начальникъ Ломжиской учебной дирекціи, надворный совѣтникъ Стронинъ — въ Гродненскую губернію, по болѣзвни.

На лѣтнее вакационное время 1880 года: директоры гимназій:

Екатеринославской, статский советник Алæевъ — на Кавказъ, въ Крымъ и С.-Петербургъ, Кишиневской, статский советникъ Колловичъ Немировской статский советникъ Кизимовскій и Новгородсїверской статский советникъ Порскаловъ—въ разныхъ губерніи, директоры реальныхъ училищъ: Александровскаго Орловскаго, дѣйствительный статский советникъ Еривоносовъ—въ разныхъ губерніи, Кишиневскаго, статский советникъ Кордянъ—во внутреннія губерніи, Херсонскаго, статский советникъ Месниевъ—въ Харьковскую и Таврическую губерніи, Николаевскаго Александровскаго, статский советникъ Таратыгинъ—на Кавказъ, Вольскаго, статский советникъ Можайскій—въ Крымъ, директоры прогимназій: Херсонской, статский советникъ Суриженко—въ Херсонскую и Таврическую губерніи, Прилукской, статский советникъ Каменскій—въ разныхъ губерніи, Феодосійской, состоящей въ V классѣ, Виноградовъ и директоръ Байрамчской учительской семинарии, статский советникъ Блохинъ—въ разныхъ губерніи; изъ нихъ Можайскій, Каменскій и Блохинъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и десять дней: директоръ Вологодской гимназіи, дѣйствительный статский советникъ Красовъ—въ разныхъ губерніи.

На два мѣсяца: директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статский советникъ Садоковъ—изъ Нижегородскій уѣздъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народного просвѣщенія, титулярный советникъ Преображенскій—въ разныхъ губерніи.

На два съ половиною мѣсяца: директоръ Одесской третьей гимназіи, дѣйствительный статский советникъ Поруновъ—въ разныхъ губерніи и начальница Верданской женской гимназіи Щепетова-Семгина—на Кавказъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: директоръ Московской второй гимназіи, коллежскій советникъ Гулевичъ—во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать девять дней: директоры гимназій: Николаевской Царскосельской, дѣйствительный статский советникъ Нискаревъ—въ Гафсалъ и во внутреннія губерніи и Полтавской, дѣйствительный статский советникъ Шафрановъ—въ разныхъ губерніи; оба по болѣзни.

За границу и въ Россіи: на лѣтнее вакаціонное время 1880 года: ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный советникъ Благовѣщенскій.

За границу: на пятнадцать дней: учителя днепропетровского реального училища Пеко и Булле.

На двадцать восемь дней: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссийскаго университета Вериго.

На лѣтнее вакационное время 1880 года: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій советникъ Бруннеръ, прозекторъ сего университета, надворный советникъ Вильгемскій, дадеантъ того же университета, надворный советникъ Бергбомъ, лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Дзевульскій, лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, доцентъ советникъ Флери, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологического института, коллежскій советникъ Шмидъ, преподаватель сего института и состоящей при немъ гимназіи коллежскій советникъ Голубовъ, старшій титорскій помощникъ лицей Цесаревича Николая Юргенсонъ, директоръ Московской VI гимназіи Лавровскій, учителя гимназій: С.-Петербургской шестой, статскій советникъ Бастенъ, Киевской второй, статскій советникъ Ростодкій, Курской, Брезоварь, Рязанской, Прядки, Виленской, Цейдлеръ, Керченской Александровской, Гроднѣхъ, Холмской мужской, Бобруѣхъ, Мариампольской мужской, Островской и Гольдштейнъ и Ломжинской мужской, Кершъ, старшіе учителя: гимназій: Рижской губернской, коллежскій советникъ Кольбергъ и Аренсбургской, надворный советникъ Гольцимайеръ, инспекторъ Ченстоховской мужской прогимназіи Дахновичъ, учитель С.-Петербургской пятой прогимназіи Ганске, учителя реальныхъ училищъ: Кашиневскаго, Брянцевъ-де-Леге, Астраханскаго, Вильманъ и Єлоштокскаго, де-Мобежъ, учителя Варшавской III женской гимназіи Гласть и Фровейнъ, классная дама Варшавской IV женской гимназіи Гончарова, старшая надзорительница Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Полубинская, учительница сего института Доманская и учителя того же института: Раковскій, Витковскій, Круликовскій и Новицкій, учителя Варшавскихъ воскресно-ремесленныхъ училищъ: 12-й—Сегеть, 8-й и 10-й—Комаръ и однокласснаго Конинскаго начальнаго общаго училища Тимъ; пятьшихъ по болѣзни: Бергбомъ, Лавровскій, Шмидъ, Голубовъ, Кольбергъ, Дахновичъ, Кершъ, Гончарова, Полубинская, Доманская, Раковскій, Витковскій, Круликовскій, Новицкій, Сегеть, Комаръ и Тимъ.

На лѣтнее вакационное время 1880 года и четырнадцать

дней: классная дама Варшавской II женской гимназии Вогоявленская, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и четырнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета Гаусманъ.

На лѣтнее вакаціонное время по 15-е августа 1880 года: учитель Уфимской гимназии Паскало.

На два мѣсяца; почетный попечитель Гатчинской учительской семинаріи Бурда и директоръ Смоленской гимназии Гобза; изъ нихъ Бурда по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1880 года и двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Картьевъ и классная дама Варшавскаго II женской гимназии Дементьевъ; послѣдняя по болѣзни.

На четыре мѣсяца: почетный смотритель С.-Петербургскаго Рождественскаго городскаго училища, надворный совѣтникъ Воронинъ.

Увольняется, согласно прошенію: отставной тайный совѣтникъ Максимовичъ—отъ званія члена особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, съ 1-го мая 1880 года.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундириный пелука-фтанъ, должности присвоенный: бывшему окружному инспектору Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Надренѣ-де-Карне.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: бывшему врачу Аккерманской Пааловской женской прогимназіи, надворному совѣтнику Герценштейну—за безмездную семилѣтнюю службу его въ этомъ заведеніи.

Бывшему врачу Преславльской учительской семинаріи Сысоеву—за безмездную службу въ сей семинаріи.

Почетному блюстителю Шаблыкинского двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Каравеевскаго уѣзда, статскому совѣтнику Блохину—за содѣйствіе его къ лучшему устройству сего училища.

Учителю музыки Варшавской учительской семинаріи, директору оркестра Варшавскихъ театровъ Мюнхгеймеру—за постоянное его вниманіе къ нуждамъ учащихся и за устроенные имъ въ текущемъ учебномъ году въ пользу ихъ концерты.

Дѣйствительному статскому совѣтнику Базилевскому—за сдѣлан-

ное имъ денежное пожертвование въ пользу Уфимской Маринской женской гимназии.

Чистопольскому 1-й гильдіи купцу Челнішеву—за пожертвование его на отѣлку зданій для Богородского и Неманского сельскихъ училищъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНИЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу подъ заглавиемъ: „Краткіе очерки классической миѳологии для учащихся обоего пола, съ изображеніями верховныхъ Олимпийскихъ божествъ. Составилъ Ф. Брамсонъ. Одесса. 1880 г.“—допустить какъ пособіе по миѳологии для среднеучебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавиемъ: „Избранныя сочиненія Платона. II Лачеть. Греческій текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Издалъ А. О. Постишиль, преподаватель древнихъ языковъ при Киевской 1-й гимназіи. Киевъ. 1880 г. цѣна 75 к.“,—внести въ число одобренныхъ для гимназій министерства народнаго просвѣщенія учебныхъ пособій.

— Брошюру „Anhang zum Stufengang für das schriftliche Bechnen; von Heinrich Wöhler. Москва. 1880 г.“—одобрить въ видѣ учебнаго пособія въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и вообще во всѣхъ училищахъ, ведущихъ преподаваніе ариѳметики на немецкомъ языке, и рекомендовать ее основнымъ библиотекамъ гимназій и реальныхъ училищъ всѣхъ другихъ учебныхъ округовъ.

— Книгу „Очеркъ греческихъ древностей“. Пособіе для гимназистовъ старшихъ классовъ. Составилъ преподаватель Виленской гимназіи В. Латышевъ. Часть I. Государственный и военный древности. Вильна. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.—внести въ списокъ одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для гимназій и прогимназій учебныхъ пособій по греческому языку.

— Брошюру: „Заразныя и повалынныя болѣзни. Отчего они происходятъ и какія слѣдуетъ принимать мѣры противъ ихъ распространения“.

неаія. Общедоступное изложение. В. Попандопуло. М. 1880 г.—допустить въ библиотеки низшихъ училищъ для чтенія взрослыхъ.

— Книгу подъ заглавиемъ: 1) „Исторія русской словесности, древней и новой. Сочинение А. Галакова. Т. I и II, издание второе, съ перерѣнами. С.-Петербургъ 1880 г. 2) То же сочинение. Т. I, отдѣль 2-й. С.-Петербургъ 1880 г.“—рекомендовать какъ пособіе для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебная книга русской исторіи. Соч. С. Соловьевъ, издание 8-е. Москва. 1880 г. Цѣна 1 р. 25 к.“—рекомендовать какъ руководство при преподаваніи русской исторіи.

— Книгу подъ заглавиемъ: „Анабазисъ Ксенофonta съ комментариями и словаремъ, составленными Я. Левенштейномъ, преподавателемъ Московской 2-й гимназіи. Москва 1880 г. Цѣна 1 р. 50 к.“—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку.

— Книгу: „Отечественная исторія. Курсъ среднихъ учебныхъ заведений, мужскихъ и женскихъ, съ приложеніемъ хронологической таблицы и трехъ картъ. Сост. С. Рождественскій. Изд. 6-е. С.-Пб. 1880 г. Цѣна 1 р.“—одобрить въ видѣ руководства для гимназій.

— Брошюру: „Таблицы русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ. Составилъ С. Шафрановъ. Полтава. 1880 г.“—одобрить какъ учебное пособіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, мужскихъ и женскихъ, и въ реальныхъ училищахъ, для низшихъ классовъ, а равно въ учительскихъ институтахъ и семинарияхъ.

— Книгу подъ заглавиемъ: „Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе зубовъ на долгое время и ихъ лѣченіе безъ выдергиванія. С.-Петербургъ 1880 г.“—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведений.

— Книгу подъ заглавиемъ: „Общий курсъ словесности. Составилъ М. Калмыковъ, преподаватель словесности въ Новочеркасской гимназіи. Издание 2-е исправленное. Новочеркасскъ 1880 г.“—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи словесности.

— Книгу: „Г. В. Штоль. Миѳы классической древности. Переводъ съ немецкаго В. И. Покровскаго и П. А. Медведева. Томъ I, изд. 2-е. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 коп.“—признать полезною и нужною для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведений вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу подъ заглавиемъ: „Изъ древней истории Болгаръ. Сочин. Матвія Соколова. С.-Пб. 1879 г.” — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (для учениковъ старшаго возраста).

VI. ОПРЕДѢЛЕНИЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ изданную г-жею А. Бахметовой брошюру: „Какъ освободилась Русь изъ-подъ ига Татарскаго въ 1480 г. М. 1880 г.” — призналъ возможнымъ допустить означенную брошюру въ библиотеки народныхъ училищъ. Съ таковыимъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. управляющій министерствомъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную протоіереемъ горнаго института А. Рудаковымъ книгу: „Наставлѣніе въ законѣ Божіемъ. С.-Пб. 1877 г.” призналъ возможнымъ, согласно съ заключеніемъ духовно-учебного комитета при святѣйшемъ Синодѣ, утвержденнымъ опредѣленіемъ святѣйшаго Синода, допустить названную книгу въ употребленію въ качествѣ руководства по закону Божію въ начальныхъ сельскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Съ таковыимъ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета изволилъ согласиться и г. товарищъ министра.

ОФИЦІАЛЬНЫЕ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ, по всеподданійшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 11-й день июня 1880 г. Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: 5-й С.-Петербургской гимназіи и 6-й С.-Петербургской прогимназіи портретовъ г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, дѣй-

ствительного тайного советника графа Толстого, а въ актовомъ залѣ Екатеринбургской гимназіи—портретовъ графа Дмитрія Андреевича Толстого и бывшаго попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, тайного советника Лавровскаго.

— Государь ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданѣйшему докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 17-й день мая 1880 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Киевской 3-й гимназіи и Киевской прогимназіи портретовъ бывшаго попечителя Киевскаго учебнаго округа, генераль-лейтенанта Антоновича.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 3-го юля 1880 г. разрѣшилъ взимать плату за ученіе въ открываемомъ въ текущемъ году въ г. Минскѣ реальному училищѣ по сорока руб. въ годъ съ каждого ученика.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 3-го юля 1880 г. утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Костромской гимназіи размѣръ платы за ученіе въ названной гимназіи, съ начала будущаго 1880—1881 учебнаго года, въ нормальныхъ классахъ по двадцать четыре руб., а въ приготовительномъ по шестнадцати р. въ годъ съ каждого ученика.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 28-го іюня 1880 г. разрѣшилъ оставить параллельное отдѣленіе при III-мъ классѣ гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и на будущій учебный годъ и открыть параллельное отдѣленіе при I-мъ классѣ этой гимназіи, въ замѣнъ параллельнаго отдѣленія при II-мъ классѣ, съ относеніемъ расходовъ по содержанію сихъ отдѣленій на счетъ суммы Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

— Его превосходительство г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія 28-го іюня сего 1880 г., утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ Орловскаго Александровскаго реальнаго училища размѣръ платы за ученіе въ названномъ училищѣ, съ начала будущаго 1880—1881 г. по тридцати пяти руб. въ годъ съ каждого ученика.

— Съ 1-го юля текущаго года открывается въ г. Черкасскѣ 4-хъ классная прогимназія. Инспекторомъ этой прогимназіи назначенъ учитель Киевской 2-й гимназіи, статскій совѣтникъ Подгаецкій.

— 3-го минувшаго мая открыто одноклассное начальное училище министерства народного просвещения въ м. Михалполь, Лети-чевского уѣзда Подольской губерніи.

— 19-го минувшаго мая послѣдовало открытие Биларского двух-классного училища министерства народного просвещения Чистопольского уѣзда Казанской губерніи. При открытии сего училища поступило въ оное 111 учениковъ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНИЙ ВЪ ЛАНГО- БАРДСКОЙ ИТАЛИИ¹⁾.

IV.

Общественный строй Лангобардского королевства.

Если судить о всемъ бытѣ Лангобардской Италии по тому перевороту, который завоеваніе произвело въ ея политическомъ строѣ, то прійдется заключить, что съ 568 года для нея началась совершенно новая исторія, отрѣзанная отъ предшествовавшихъ событий, не нуждающаяся для своего объясненія въ явленіяхъ Готской и Римской эпохъ. Въ государственной сферѣ измѣнились не только имена, но и самая сущность дѣла: исчезла правильная, сложная администрація, исчезла подать, власть какъ-то разошлась между королемъ и областными вождями, при чёмъ ихъ взаимные отношенія опредѣлялись не столько закономъ, сколько фактическими силами.

Сравнивая строеніе общества до Лангобардскаго завоеванія и послѣ него, мы находимъ глубокія различія, но связь между обѣими эпохами и преемственность развитія очевидны. Трудно сказать, увеличилось или уменьшилось народонаселеніе вслѣдствіе завоеванія, вознаградилъ ли Италию приплывъ новыхъ поселенцевъ и завоевателей за истребленіе и продажу въ рабство части Римлянъ²⁾. Несомнѣнно, что если не

¹⁾ Продолженіе. См. аврѣльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

²⁾ Пергаме, *Storia de la diritto italiano*, IV, 253, 254, утверждаетъ, что Лангобарды дали такъ бы новое населеніе многимъ опустѣвшимъ частямъ Италии, и въ доказательство ссылается на конецъ 32-й главы II книги Павла Дількона: *Roruli, qui more segetum exsteverant*. Между тѣмъ Павелъ діаконъ, очевидно, говоритъ

количественно, то качественно появление лангобардского элемента имѣло обновляющее значеніе. Финансовый гнетъ, который оказывалъ такое важное влияніе на общественный бытъ Римской имперіи, ведя къ прикрытию свободныхъ арендаторовъ, къ принижению мелкихъ свободныхъ людей, финансовый гнетъ исчезъ въ новомъ варварскомъ государствѣ, сословія которого получили возможность развиться свободнѣе и самостоятельнѣе. Явилась масса свободныхъ людей и получила свободные надѣлы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, на время по крайней мѣрѣ, наполнился промежутокъ между владѣльцами латифундій и пролетаріями, рабами, крѣпостными; громадныя владѣнія распались. Нѣть надобности прибѣгать къ отдельнымъ свидѣтельствамъ, чтобы доказать, что дѣло было именно такъ—тутъ говорить достаточно громко общія соображенія; относительно главныхъ, только что указанныхъ результатовъ не могло быть и не было разногласія. Но эти несомнѣнныи и общіе факты пріобрѣтаются особенный интересъ и значение при близкой оцѣнкѣ; являются вопросы: въ какой степени устранило завоеваніе неравенства собственности, на сколько времени задержало ихъ развитіе, въ какой мѣрѣ эти неравенства вліяли на сословное положеніе и на распределеніе политической власти у Лангобардовъ, какъ отразились германскія и римскія формы на правѣ веществномъ и личномъ. Но всѣмъ этимъ вопросамъ свидѣтельства толкаются и комбинируются различно¹⁾). Относительно распределенія общественной массы на классы и сословія, по видимому, не можетъ быть сомнѣній: законодательные памятники указываютъ намъ, если не численныя отношенія между отдельными группами, то ихъ характеристическая черты и проведенные между ними въ правѣ границы. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается однако, что и въ этомъ случаѣ, уже при самомъ началѣ изслѣдованія, приходится идти весьма осторожно, чтобы достигнуть вѣрныхъ заключеній. Прежде всего, ко-

тутъ о многочисленномъ населеніи византійской эпохи, которое Лангобарды истребляли при герцогахъ. Мѣсто, вѣроятно, взято изъ какого-нибудь римскаго источника, можетъ быть, представляеть гезинѣ жалобъ царя Григорія Великаго.

¹⁾ Я, конечно, не имѣю въ виду въ настоящей главѣ представить всестороннее и подробное изслѣдованіе о массахъ лангобардскаго общества или его землевладѣніи. Касаясь только существеннѣшихъ или право относящихся до моей специальной цѣли вопросовъ, я отсыпаю для остальныхъ подробностей главныхъ образомъ къ слѣдующимъ сочиненіямъ: *Bandi di Vesme e Possesi, Vicende della proprietà fondiaria in Italia; Schupfer, Degli ordini sociali e del possesso fondiario appo Langobardi*, въ *Sitzungsberichte der K. Akademie zu Wien*, XXXV; *Pertile, Storia del diritto italiano*, III и IV.

нечно, необходимо принять во внимание, что законодательные свидѣтельства не представляютъ однороднаго цѣлаго, а распадаются на двѣ главныя массы, изъ которыхъ первая относится къ половинѣ VII, а вторая расположена между десятыми и пятидесятыми годами VIII вѣка.

Постановленія Ліутпранда и Аистульфа не просто дополняютъ постановленія Ротари, а часто измѣняютъ ихъ или свидѣтельствуютъ о совершившихся независимо отъ законодательства измѣненіяхъ. Ясно, что мы должны разобрать ихъ сначала поровну, а затѣмъ уже постараться установить связь преемственности и развитія.

Эдиктъ Ротари, какъ и всѣ варварскія законодательства, не за-дается цѣлью представить систематическую и полную характеристику правовыхъ отношеній. Всего менѣе старались составители изобразить точную схему сословій и классовъ. Но въ двухъ отношеніяхъ существовавшая въ дѣйствительности схема отражается косвенно въ эдиктѣ: наиболѣе мѣста въ немъ занимаетъ опредѣленіе вознагражденій пострадавшихъ отъ преступлений, опредѣленіе, которое столько же зависитъ отъ положенія обижденныхъ, сколько отъ свойства обиды; затѣмъ, нѣсколько параграфовъ посвящено отношеніямъ зависимыхъ людей.

Оба рода постановлений рѣзко различаются только два состоянія людей—свободныхъ и рабовъ¹⁾). Существуютъ, правда, различные разряды вольноотпущеныхъ, но они тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ, съ одной стороны—къ свободнымъ, съ другой—къ рабамъ. Объ однихъ памъ придется еще говорить, когда мы коснемся людей свободного состоянія; теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемыхъ альдіахъ²⁾). Хотя для достиженія альдіоната необходимо пройти черезъ извѣстный обрядъ отпуска на волю³⁾), хотя раза два

¹⁾ Поэтому въ 13-мъ и 14-мъ параграфахъ, напримѣръ, противополагаются просто homo liber, а не liber и servus. О второстепенныхъ разрядахъ не упоминается. Относительно юридического положенія рабовъ см. обстоятельное изложеніе Шупфера въ *Wiener Sitzungsber.* XXXV, 270—276.

²⁾ Ср. *Periile, Storia del diritto*, III, 28; *Boos, Liten und Aldionen; Гегель, Städteverfassung*, I, 398, совершенно произвольно, вопреки яснѣйшимъ свидѣтельствамъ, приравниваетъ ихъ къ fulfrealамъ. А между тѣмъ альдіонатъ какъ разъ для Гегеля имѣетъ особенное значеніе.

³⁾ Ed. Rotharis, 224: Item qui haldium facere voluerit, non illi dit quattuor vias. Haec sunt quattuor genera manumissionum. Tamen nece:se est propter futuri temporis memoriam, ut qualiter liberum aut liberam thingaverit, ipsa manumissio

принадлежность алъдіевъ къ свободнымъ¹⁾ оговаривается прямо, тѣмъ не менѣе они отдѣляются отъ рабовъ весьма незначительнымъ промежуткомъ, который притомъ въ большинствѣ случаевъ остается незамѣтнымъ. По цѣниости (60 солидовъ²⁾), алъдій едва возвышается надъ такъ-называемымъ *servus ministerialis* (50 солидовъ³⁾), а при вознагражденіи за раны и увѣчья не принимается въ расчетъ даже это отличие — алъдій просто приравненъ къ несвободному министеріалу⁴⁾. Самостоятельную правоспособную личность алъдій не имѣется ни разу въ эдиктѣ Ротари; между прочимъ, пени за понесенный ему вредъ идутъ господину⁵⁾. Оттого эдиктъ, когда дѣлѣе идетъ о перечисленіи главныхъ состояній, иногда обходить алъдіевъ и очевидно подводить ихъ подъ родовое понятіе рабовъ, несмотря на присутствіе въ ихъ положеніи нѣкоторой примѣси личной свободы. Эта примѣси отличаетъ алъдіевъ отъ рабовъ въ римскомъ смыслѣ, сближаетъ ихъ съ римскими колонами, но вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не противорѣчитъ германскимъ традиціямъ о рабствѣ. Извѣстно, какъ Тацитъ, который на нѣсколькихъ страницахъ своей „Германіи“ оставилъ вамъ сборникъ основныхъ и исконныхъ принциповъ германской культуры, характеризуетъ германское рабство. Эта характеристика вполне подходитъ къ алъдіонату. Въ связи со всѣмъ сказаннымъ я рѣшаюсь предложить объясненіе одного загадочного мѣста эдикта, толкованіе которого играло важную роль въ разсужденіяхъ о взаимномъ положеніи Римлянъ и Лангобардовъ послѣ завоеванія. Я разумѣю 194-й параграфъ⁶⁾.

---

in cartolam libertatis commemoretur. Et si cartolam non fecerit, tamen libertas ei permaneat.

¹⁾ Roth. 205: Si quis haldiam alienam, id est qui iam de matre libera nata est, violentiam fecerit, conponat solidos quadraginta. Ср. 206; Roth. 217: Si haldia aut liberta in casa aliena ad maritum intraverit et servum tulerit, libertatem suam amittat. Et si dominus necllexerit eam replecare ad servitium, mortuo tamen marito, vadat sibi una cum filiis suis et cum omniis res suas, quantas in tempore, quando ad maritum intravet, secum adduxit. Nam amplius nulla consequatur: vi- tium suum repunit, quia servum consensit. Ср. Schupfer, *Wiener Sitzungsbl.* XXXV, 294.

²⁾ Roth. 129.

³⁾ Roth. 130.

⁴⁾ Roth. 76 и сл.

⁵⁾ Это видно косвенно изъ того, что позднейшее право дѣлаетъ робкія попытки хоть часть штрафовъ передать алъдіямъ. См. ниже.

⁶⁾ Roth. 194: Si quis cum ancilla gentile fornicatus fuerit, conponat domino eius solidos viginti; si cum romana ancilla conponat sold. duodicem.

Большую часть въ немъ видѣли доказательство того, что всѣ классы римского общества, даже до рабовъ включительно, были поставлены ниже соответствующихъ германскихъ классовъ по праву и по цѣнности. Такого рода объясненіе довольно естественно и удовлетворительно, если взять разбираемый параграфъ въ отдѣльности, но совершенно непримѣжимо, если смотрѣть на него какъ на одинъ изъ 362 параграфовъ эдикта Ротари. Отчего оттѣ единственная разница оцѣнки, въ массѣ же остальныхъ случаевъ привадлежность Римскому или Германскому племени нисколько не видоизмѣняетъ оцѣнки, не квалифицируетъ преступленія? Эдиктъ не могъ стоять разъ игнорировать племенное различие и разъ, въ совершенно третьюстепенномъ случаѣ, подчеркнуть его, но онъ могъ весьма легко, держась вообще извѣстной терминологіи для обозначенія сословій, въ видѣ исключенія, употребить для нихъ другое обозначеніе, соответствующее вполнѣ дѣйствительности и потому всѣмъ понятное. Мне кажется, что подъ *ancilla* римана въ нашей статьѣ разумѣется рабъ вполнѣ смыслъ этого слова, обыкновенно обозначаемая простымъ терминомъ „*ancilla*“. Видѣто же альдіи говорится о германской рабѣ, *ancilla gentilis*. Кроме того, что это толкованіе устраиваетъ необходиимость неудовлетворительного объясненія, изложеннаго выше, оно подтверждается двумя весьма существенными обстоятельствами. Во-первыхъ, если устраниТЬ предлагаемое мною объясненіе, то останется совершенно не оговореннымъ весьма часто встрѣчавшійся, конечно, случай прелюбодѣянія альдіи¹⁾. Во-вторыхъ, значительная разница въ размѣрахъ штрафа (12 и 20 солидовъ) соответствуетъ, вообще говоря, отношеніямъ между штрафами за альдіевъ и за рабовъ²⁾. Въ 194-й статьѣ интересно не само по себѣ курьезное отступленіе отъ обычной терминологіи, а выражавшійся въ этомъ отступленіи прослѣскъ исторического движения, которое привело къ альдіонату. Рабы,

¹⁾ Параграфъ 205-й сюда не подходитъ, потому что трактуетъ обѣ изнасилованіи. Ему соответствуетъ § 207—обѣ изнасилованія рабыни.

²⁾ Штрафъ за альдіевъ обыкновенно вдвое больше, нежели за простыхъ рабовъ, но это правило допускаетъ значительныя исключения. Такъ, отрубившій ухо рабу платить тѣ же два солида, чѣмъ и отрубившій ухо альдію. Roth., 83 и 107. Вообще замѣчательны безпричинныя, по видимому, колебанія въ оцѣнкѣ которыхъ не позволяютъ составить сколько-нибудь правильныхъ схемъ штрафовъ на основаніи трехъ рядовъ постановлений Ротари: 45—75 относительно свободныхъ, 76—102 относительно альдіевъ и министериаловъ, 103—126 относительно рабовъ. Если брать только главныя цифры, то они будутъ относиться другъ къ другу приблизительно, какъ единица къ двумъ и шести.

приведенные Лангобардами, и по происхождению, и по роли на столько отличаются отъ массы рабовъ, найденныхъ на римской почвѣ, что имъ отводится особое положеніе, къ которому естественно должны примкнуть колоны, лично свободные люди, прикрепленные имперіей, отданные почти въ полное распоряженіе господина остатковской эпохой. Со всѣмъ тѣмъ, хотя для германскихъ рабовъ, для альдіевъ, прискако это отдалъное положеніе, они все-таки, во множествѣ случаевъ на столько связаны съ общемъ массой рабовъ, что не можетъ быть и рѣчи о приведеніи всего римскаго населенія въ состояніе, столь близко граничащее съ рабствомъ.

Эдиктъ Ротари указываетъ намъ только въ общихъ чертахъ иѣсто класса и не даетъ никакихъ прямыхъ и положительныхъ определеній¹⁾, но для ихъ приниженнаго положенія во время Ротари характерно и то обстоятельство, что единственный разъ, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ альдія къ господину, а не къ третьимъ лицамъ, ограждается интересъ господина²⁾.

Намъ нѣть надобности останавливаться подробно на статьяхъ эдикта, посвященныхъ рабамъ: онъ сами за себя говорятъ. Обращаю вниманіе только на то, какъ значительно разчлененъ классъ, очевидно, благодаря своей долгой исторіи, предшествовавшей лангобардскому завоеванію. Онъ распадается на три главные разряда по роду занятій: мицестеріалы³⁾ или домашніе рабы, пастухи⁴⁾ и земледѣльческие рабы⁵⁾. Въ каждой изъ этихъ профессій не трудно различить верхній и нижній, администрирующій и подначальный слой⁶⁾: даже

¹⁾ Сколько-нибудь подробно вдѣлъ занимается только вопросомъ о воззрѣженіи за вредъ, нанесенный альдіямъ, и обѣ ихъ бракахъ съ людьми другого состоянія.

²⁾ § 235: Non licent haldius cuiuscumque, qui haamund factus non est, sine voluntate patroni sui terra aut mancipia vindere, sed neque liberum dimittere.

³⁾ Roth., 130: Si quis servum alienum ministeriale occiserit probatum, ut supra, ant doctum, conponat solidos. quinquaginta. Cp. 76: De illos vero ministeriales dicimus, qui docti domui nutriti aut probati sunt.

⁴⁾ Roth., 133, 135, 136.

⁵⁾ Roth., 132, 134.

⁶⁾ § 131: De alio vero ministeriale, qui secundus ei (esse?) invenitur, tamen nomen ministeriale habet, si quis occiderit, conponat solidos viginti et quinque. § 134: Si quis servum alienum rusticum qui cum massario est occiserit, conponat solidos sedicem. § 135: Si quis porcarium alienum occiserit, magistrum tamen illum, qui sub se discipulos habit duo aut tres aut amplius, conponat solidos quinquaginta. De inferiores autem porcarios, si quis occiderit, conponat solidos viginti et quinque. Cp: Schupfer въ Wiener Sitzungsb. XXXV, 280.

на основаніи скудныхъ и мимоходныхъ упоминаній эдикта можно заключить о существованиі многочисленныхъ рабскихъ хозяйствъ съ твердою организацией и значительнымъ раздѣленіемъ труда. Можно уловить еще одну любопытную черту этихъ хозяйствъ: обработка земли ведется не плантаторскимъ способомъ, не большими, движимыми господиномъ или управляющимъ группами, а отдѣльными мелкими дворами (*massae*). Но эта сторона лангобардскаго быта выясняется гораздо лучше изъ грамотъ, нежели изъ законодательныхъ памятниковъ.

Кромѣ рабовъ и алѣдіевъ, эдиктъ Ротари постоянно упоминаетъ о свободныхъ — *liberi, bartones liberi*. О какихъ-либо аристократическихъ родахъ или привилегированныхъ лицахъ не говорится ни разу. Неужели, однако, свободные люди представляли однообразную массу, лишенную всякихъ степеней и оттѣнковъ? Первое указаніе на то, что дѣло было иначе; даетъ эдиктъ въ тѣхъ мѣстахъ, где говорится о вознагражденіи за убийство свободного человѣка. Эдиктъ не опредѣляетъ штрафа или штрафовъ, а говоритъ, что они опредѣляются *secundum angargathungi*¹⁾. Самое выраженіе *angargathungi* толкуется — *secundum qualitatem personae*²⁾ или же *secundum nobilitatem et generositatem*³⁾.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, прямое указаніе на различія цѣнности по качеству убитаго лица, которое, въ свою очередь, сводится на различие знатности или родовитости⁴⁾. Ни о какомъ нозвышенніи головщины сообразно служилому или землевладѣльческому положенію неѣть пока рѣчи. Кромѣ указанія, заключающагося въ упомянутыхъ статтяхъ эдикта, въ нихъ содержится и не лишенный интереса вопросъ: должны ли мы предположить, что суммы головщины, которыя составляютъ такую важную составную часть варварскихъ законодательствъ и въ то же время обойдены такъ странно въ древнейшей лангобардской Правдѣ,—должны ли мы предположить, что эти суммы

¹⁾ Roth., 14.

²⁾ Roth., 48, 74. Ср. Liutpr., 62.

³⁾ Roth., 75: *Si infans in utero matris suae nolendo occisus fuerit ab aliquem: si ipsa mulier libera est et evaserit, adpraetetur ut libera secundum nobilitatem suam, et medietatem quod ipsa voluerit, infans ipse conponatur. Nam si mortua fuerit, conponat eam secundum generositatem suam, excepto quod in utero eius mortuum fuerit, ut supra, cessante faida, eo quod nolendo fecit.*

⁴⁾ Понятие родовитости, очевидно, выражено въ самомъ словѣ или фразѣ *angargathungi*. Ср. Gattung.

были уже фиксированы, если не въ какомъ-либо не дошедшемъ до насъ памятникѣ, то въ народномъ сознаніи и обычай? Предполагаетъ ли ссылка на angargathungi нѣсколько установленныхъ градаций свободного состоянія, которымъ соотвѣтствуетъ нѣсколько постоянныхъ штрафовъ, или мы должны думать, что ни градаций, ни штрафы не были еще приведены въ окончательную ясность, и за всякийъ убийствомъ слѣдовала самостоятельная оцѣнка убитаго въ судѣ, оцѣнка, при которой главное вниманіе обращалось на знатность рода, и допускались весьма субъективные оттѣнки и колебанія? Я рѣшительно склоняюсь на сторону послѣднаго мнѣнія, въ пользу котораго можно указать на слѣдующіе факты: Впервыхъ, не имѣло бы смысла говорить въ эдиктѣ о цѣнности алдіевъ и рабовъ и умалчивать о цѣнности свободныхъ людей, еслибы эта цѣнность могла выражаться двумя-тремя опредѣленными суммами. Вторыхъ, когда Ліутправдъ счелъ нужнымъ ввести законодательные опредѣленія относительно головщины, онъ ограничился указаніемъ максимума и минимума, допуская для промежуточныхъ ступеней колебанія субъективной оцѣнки ¹⁾). Третыхъ, въ томъ случаѣ, когда здѣсть ссылаются на точныя цифры цѣнности, то-есть, въ случаѣ вознагражденія за рабовъ и полусвободныхъ, онъ употребляетъ постоянно выражение „qualiter adpretiatus fuerit“ ²⁾). Это выраженіе само по себѣ отлично шлобы и къ постоянному вергельду свободныхъ, но эдиктъ его сознательно обходитъ и замѣняетъ уже упомянутымъ: secundum angargathungi³⁾. Въ результатѣ мы должны принять, что хотя масса свободныхъ далеко не представлялась чѣмъ-то однообразнымъ, хотя были уже въ эпоху Ротари отличія и градации сообразно родовитости ³⁾,

¹⁾ Liutpr., 62: Reminiscimur enim, qualiter iam statuimus: qui hominem libertum occiserit, ut res suas in integrum perdat. — Consuitudo enim est, ut minima persona, qui exercitalis homo esse invenitur, centum quinquaginta solidos conponatur, и т. д.

²⁾ Roth., 14: Si quis homicidium in absconse penetraverit in barone libero, aut servo vel ancilla, et unus fuerit aut duo tentum, qui ipsum homicidium fecerint, noningentos solidos conponat. Si vero plures fuerint, si ingenuus, qualiter in angargathungi (id est secundum qualitatem personae Roth. 48) ipsum homicidium conponat; si servus aut libertus, conponat ipsum ut adpraetiatius fuerit. Et si expolia de ipso mortuo tulerit, id est prodraup, conponat octugenta solidus. Ср. 81 и др.

³⁾ Латинскіе источники вообще даютъ скучный материалъ для оцѣнки юридическихъ отличій, и потому я не прибегаю къ ихъ помощи въ этой главѣ. Но въ данномъ случаѣ, кажется, совершенно умѣстно сослаться на вниманіе

тѣмъ не менѣе, расчлененіе общества ея еще не пошло на столько далеко, чтобы вызвать признаніе обычаемъ или закономъ вѣсколькихъ опредѣленно разграниченныхъ классовъ, главнымъ признакомъ которыхъ явались бы видоизмененія вергельда.

Одно подраздѣленіе уловить было особенно легко и его дѣйствительно можно замѣтить уже въ эдиктѣ Ротари. 224-я и 225-я статьи даютъ намъ возможность наблюдать за тѣмъ, какъ вступаютъ въ со-
стоіиѣ свободныхъ людей лица, первоначально ему не принадлежав-
шія¹⁾). При этомъ оказывается, что термины „свободный“ и „незави-
симый“ человѣкъ не покрываютъ другъ друга: можно сдѣлать раба
или альдіа свободнымъ (*fulcree* или *fulcfree*) и не предоставить ему
независимости (*non haamund*). Выдѣляется разрядъ свободныхъ лю-
дей, подчиненныхъ извѣстному патронату, и законодательство указы-
ваетъ, какъ они въ отношеніи наслѣдства уступаютъ совершенно нез-
ависимымъ людямъ. Безъ сомнѣнія, это было не единственное отли-
чие между двумя разрядами вольноотпущеныхъ: самое понятіе па-
tronata, или *shundium'a*, примѣненіе къ власти отпускающаго на
волю, предполагаетъ нечто большее, нежели простое зачисленіе па-
tronona по наслѣдству непосредственно вслѣдъ за дѣтьми вольноотпу-
щенаго, предполагаетъ покровительство, съ одной стороны, и извѣстное
подчиненіе—съ другой. Размѣры этого покровительства и подчиненія
опредѣлить на основаніи законодательства Ротари невозможно. Можно
сказать одно: завязывающаяся связь аналогична съ дружинными отно-
шеніями, при которыхъ заработанное дружинникомъ имущество также

тое мѣсто Павла Диакона о назначении Гизульфа герцогомъ въ Фриулѣ. Paul. Diac., II, 9.

¹⁾ Roth. 224: — — Item qui fulcree soerit et quatuor vias ei dederit, et ha-
amund a se, id est extraneum non fecerit, talem legem patronus cum ipso vivat
tamquam si cum fratrem aut cum alio parente suo libero, langobardo: id est si fili-
lius aut filias legitimas, qui fulcree factus est non dimiserit, patronus succedit,
sicut super scriptum est: § 225: Si libertas, qui fulcree factus est, filius dereli-
querit legitimus, sint illi heredes; si filias, habeant legem suam; si naturales, ha-
beant et ipsi legem suam. Et si casu faciente sine heredes mortuus fuerit, et antea
iudicaverit se vivo res suas proprias, id est ande-gawere et ari-gawere secundum
legem langobardorum, habeat cui donaverit. Nam quantum de res benefactori suo
per donum habuit, si eas non oblegavit in libertatem, ad ipsum patronum aut ad
heredes eius revertantur. Et si alequid in gasindio ducis, aut privatorum hominum
obsequium, donum munus conquisiuit, res ad donatore revertantur. Alias vero res,
si, ut dictum est, heredes non derelinquerit, aut se vivo non iudicaverit, patronus
succedat sicut parenti suo.

точно не поступает въ собственность служившаго, а продолжаетъ оставаться отчасти подъ вліяніемъ вожда и пожалователя¹⁾). Во всякомъ случаѣ—и это особенно важно—мы имѣемъ въ лангобардскихъ „fulfree“ разрядъ людей хотя вполнѣ свободныхъ, но находящихся подъ покровительствомъ и защитой другихъ свободныхъ людей. Нѣть основанія ограничивать этотъ разрядъ рабами, отпущенными на извѣстныхъ условіяхъ. Прежде всего, ихъ положеніе придается распространить также на ихъ потомковъ, освобожденіе которыхъ отъ зависимости иначе было бы оговорено. Но самое название fulfree ручается за то, что мы въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло не съ простой категоріей вольноотпущеныхъ, въ родѣ франкскихъ denariales, homines regii, homines ecclesiastici, а съ подраздѣленіемъ въ средѣ свободныхъ людей, къ которому, при извѣстныхъ условіяхъ, выводилъ отпускъ на волю.

Таковы главные результаты, которые можно добыть изъ эдикта Ротари относительно сословной организаціи. При Гrimoальдѣ и особенно при Ліутпрандѣ и Аистульфѣ многое представляется въ совершенно иномъ видѣ.

Что касается низшихъ классовъ—рабовъ и альдіевъ, то имъ отведено въ позднѣйшихъ эдиктахъ гораздо менѣе мѣста, чѣмъ у Ротари, но въ то же время замѣчается стремленіе хотя сколько-нибудь улучшить и оградить ихъ существованіе. Весьма ясный отпечатокъ этого стремленія носитъ уже первая статья Гrimoальда²⁾, по которой господамъ воспрещается произвольно увеличивать оброки альдіевъ, статья, повторяющая въ данномъ случаѣ извѣстныя постановленія римскихъ законовъ относительно колоновъ. У Ліутпранда является совершенно новое юридическое представление объ альдіахъ и рабахъ, какъ о лицахъ, которыхъ необходимо вознаградить за понесенный ими ущербъ, а не какъ о предметахъ, за ухудшеніе которыхъ вознаграждается ихъ владѣлецъ. Новый взглядъ и новое правило высказываются въ 139-й статьѣ Ліутпранда³⁾ и въ 3-й и 4-й статьяхъ, такъ

¹⁾ Roth., 177: *Si quis liber homo potestatem habeat intra dominium regni posteri cum fara sua megrare ubi voluerit—sic tamen si ei a rege data fuerit licentia,—et si aliquass res ei dux aut quicunque liber homo donavit, et cum eo posuerit permanere, vel cum heredes ipsius: res ad donatorem vel heredes eius revertantur.*

²⁾ Grim., 1: *Similiter et si haldius fuerit, inpendat obedientia patrono suo, sicut per triginta annos fecit, et ei nova a domino suo amplius non inponatur; sed liceat cum res suas habere, quas per triginta annorum spatia iuste possedit.*

³⁾ Liutpr., § 139: *Si haldius cuiuscumque haldiam alienam tulerit, aut servus*

называемаго *notitia de actoribus regis*¹⁾, которая, по всей вѣроятности, также принадлежитъ этому королю. Въ послѣднемъ случаѣ примѣненіе принципа ограничено царствованіемъ короля, издавшаго распоряженіе²⁾. Но главный интересъ возбуждаютъ не изолированныя статьи, а тѣ части позднѣйшаго законодательства, которыя раскрываютъ передъ нами процессъ раздробленія массы свободныхъ людей, возвышенія своеобразныхъ аристократическихъ слоевъ. 62-я статья Ліутпранда, опредѣляя крайніе размѣры головщины, свидѣтельствуетъ о весьма значительныхъ неравенствахъ въ средѣ Лангобардовъ, потому что за человѣка низшаго разбора назначаетъ полтораста, а за человѣка первого сорта, если можно такъ выразиться—триста солидовъ. Между этими двумя предѣлами можетъ колебаться вѣргельдъ. На тѣ же крупныя неравенства указываетъ и 89-я статья, которая позволяетъ судѣй дать своей женоѣ мету въ размѣрѣ четырехсотъ

---

ancilla, et antequam de ipso coniugio aliquam convenientia domini eorum inter se faciant, contegerit, ut quispiam miser homo ipsam haldiam aut ancilla, qui est uxor alterius, fornicatu fuerit, ita previdimus ut ei de ipsa culpa debeat subiacere ille qui hoc malum perpetraverit, cuius uxorem adulteravit; nam dominus eiusdem mulieris tantum mundium de ea suscipiat, si aldia fuerit, sicut lex est; et si fuerit ancilla, accipiat pretium aut vegariam, sicut convenerit. Hoc autem ideo prospexitus de uxore de servo vel aldione, quia si de libero hominem quispiam miser homo mulierem adulterant, ad maritum eius conponit, ut etiam non habeat eas mundistam, nam non ad parentes.

¹⁾ § 3: *Si quis servus noster occisus fuerit, duas partis de ipsa compositionem tollat curtis nostra, et tertiam pars parentis ipsius servi nostri defuncti, sicut superius diximus. Hoc autem in diebus nostris et in tempore regni nostri statuimus, quamvis lex nostra non sit: post autem nostrum decesum, qui pro tempore principa fuerit, faciat, sicut ei deus inspiraverit aut rectum sicut secundum animam suam previderit. Quia non semel, sed multotiens cognovimus ubi talis causam emer- serit, quoniam nec in rebus publicis, nec nulla rationem palatii profuerit, quod exinde actoris nostri tollerunt; et insuper invenimus et cognovimus multos actores nostros, qui tollebant de singulis unde decem solidos, unde sex, unde amplius, et dabant talem spatium atque tranquillum, donec ipse qui homicidium faciebat obseg- fare potuisset, ut exinde nihil daret. Proindeque previdimus statnere: curtis nostra medietatem de aldionis et quas partes de servas sicut super diximus, habeat, et relinqua parte ipsi parentis propinquai, ut unde habent dolore, habeant in aliquo propter mercedem consolationem.—§ 4: Propter deum et eius misericordia precipimus atque statuimus sola pietatis causa, ut si aldius noster occisus fuerit, medie- tam de ipsa compositionem tollat curte nostra, et medietatem parentes ipsius de- functi, si vivo patrem habuerit aldione nostro, sive matrem, sive fratres, sive filii.*

²⁾ *Boretius, Die Capitularien im Langobardenreich.*

солидовъ; остальные „знатные“ люди могутъ дать триста солидовъ, и не больше; наконецъ, просто свободные люди даютъ по желанию¹⁾). Ни та, ни другая статья не показываютъ намъ однако, на чмъ основано было привилегированное положение „первых и знатныхъ“. Видно только, что оно было независимо отъ службы, потому что въ 62-й статьѣ оговаривается особая привилегія газиндовъ, а въ 89-й—привилегія судей.

Служба создаетъ преимущества, но онѣ сравнительно незначительны, и аристократические слои развиваются независимо отъ нея. Большѣе опредѣленное понятіе о свойствѣ дѣленій свободнаго класса мы получимъ, если сравнимъ съ только что приведенными статьями другой рядъ постановленій, который, правда, не стоитъ съ ними въ очевидной связи, но, какъ мнѣ кажется, представляетъ ту же сословную организацію только со стороны обязанностей, а не преимуществъ: я разумѣю статьи относительно воинской повинности. Всѣ свободные люди Лангобардскаго королевства, бѣзъ различія племени и землевладѣнія, были призваны служить въ войскѣ и потому синонимомъ слова „свободный“ являются термины: „agmannus и exercitialis“. Разграничіе, которое иногда пытались проводить²⁾ между свободными землевладѣльцами, несущими конную службу ариманнами, и просто свободными людьми, идетъ въ разрѣзъ съ очевиднѣйшимъ свидѣтельствомъ источниковъ; службой обязаны были не одни землевладѣльцы, а всѣ свободные, но тѣмъ не менѣе отбывалась служба не всѣми одинаково, потому что существовали весьма значительныя неравенства. 83-й параграфъ Ліутпранда показываетъ намъ, какого рода изъятія допускались по отношенію къ низшимъ слоямъ. Бѣднѣйшіе, безземельные люди не освобождаются всѣмъ классомъ отъ воинской повинности, но изъ ихъ числа судья, шультгейсъ и десятникъ имѣютъ право обратить нѣкоторыхъ на исполненіе необходимыхъ въ ихъ отсутствіе хозяйственныхъ работъ. Точно также они могутъ оставить

¹⁾ Luitpr., § 89: Si quis coniugi suaem dare voluerit, ita nobis iustum esse comparuit, ut ille, qui est iudex, debeat dare, si voluerit, in solidos quadrigentos, amplius non, minus quomodo convenerit; et reliqui novilis homenis debeant dare in solidos trecentos, amplius non; et si quiscumque alter homo minus voluerit, quomodo convenerit.

Baudi di Vesme e Fossati, Vicende della propriet, 193; Schupfer Wiener Sitzungsb. XXXV, 395 и 416 и сл.; Troya Condizione dei Vinti Romani. Несостоятельность различія указана уже Генелемъ, Stdtverfassung, I, 395. Ср. также Пертиле, Storia del diritto, III, 190.

дома нѣсколько человѣкъ изъ такихъ, которые содержать только одну лошадь, при чёмъ лошади берутся подъ выюки отирающагося въ походъ начальника ¹⁾.

Если 83-я статья Ліутпранда имѣть дѣло съ самыми послѣдними ступенями свободнаго состоянія, то 2-я статья Аистульфа, регулирующая вооруженіе, показываетъ намъ болѣе достаточные классы. Аистульфъ разбиваетъ все воинство на три группы по вооруженію ²⁾: младшіе, вѣроятно тѣ же, о которыхъ шла рѣчь въ § 82 Ліутпранда, должны являться въ войско съ щитомъ, стрѣлами и колчаномъ; ратники второго разряда вооружены щитомъ и копьемъ и обязаны явиться верхомъ; наконецъ, лучшимъ людямъ обязательно имѣть панциры. При этомъ устанавливается своего рода цепь, по которому арианій зачисляется въ тотъ или другой классъ; по поводу этого цепица необходимо отмѣтить затрудненіе въ толкованіи. Текстъ постановленія говоритъ прямо, что тотъ, кто владѣеть сеюю оброчными дворами, долженъ имѣть панциры, кто имѣть сорокъ югеровъ земли, выѣзжаетъ верхомъ со щитомъ и копьемъ. И въ томъ, и другомъ случаѣ опредѣляется, по видимому, minimum владѣнія, подразу-

¹⁾ Liutpr., 83: De omnibus judicibus, quando in exercito ambolare necessitas fuerit, non dimittant alios homenis, nisi tantummodo qui unum cavallo habent, hoc est homines sex, et tollant ad saumas suas ipos cavallos sex; et de minimis hominibus, qui nec casas nec terras suas habent, dimittat homenia decem: et ipsi hominis ad ipsum iudicem faciant per ebdomata una operas tres, usque dum ipse iudex de exercito revertitur. Sculdabis vero dimittat homenіis tres, qui cavallus habent, ut tollant ad saumas suos cavallos tres; et de minoribus hominibus dimittat homenіis quinque, qui faciant ei operas, dum ipse reversus fuerit, sicut ad iudicem diximus, per ebdomata una operas tres. Saltarius quidem tollat cavallo uno, et de minoribus, qui ei operes faciat, tollat homine uno, et faciat ei operas, sicut supra legitur. Et si amplius iudex vel sculdahis aut saltarius dimittere presumperit homines sine regis permisso aut iussione, qui in exercito ambolare devit conponat virgild suo in sagro palatio.

²⁾ Ahist., 2: De illos homines qui possunt loricam habere et minime habent, vel minores homines, qui possunt habere cavallum et scutum et lanceam et minime habent, vel illi homines qui non possunt habere nec habent unde congregare, debent habere scutum et eccura. Et stetit ut ille homo, qui habet septem casas massarias, habeat loricam suam cum reliqua conciatura sua debeat habere et cavallos; et si super habuerit per isto numero debeat habere caballos et reliqua armatura. Item placuit, ut illi homines, qui non habent casas massarias et habent quadraginta iugis terrae, habeant cavallum et scutum et lanceam; item de minoribus hominibus principi placuit, ut si possunt habere scutum, habeant eccora cum sagittas et areum.

мѣвается выраженіе „по меньшей мѣрѣ“, но дѣло въ томъ, что во второй разрядъ зачисляются не всѣ владѣльцы, имѣющіе не менѣе сорока югеровъ и менѣе семи оброчныхъ дворовъ: напротивъ того, приведено весьма ясно: *qui non habent casas massaricias*. Спрашивается: въ какой разрядъ попадаетъ, напримѣръ, владѣлецъ пяти дворовъ? Такъ какъ границы втораго разряда непреложно ясно приведены съ обѣихъ сторонъ (*habet—XL juga terre; non habet—casas massaricias*), то остается одно только средство, чтобы выйти изъ затрудненія,—отступить отъ обыкновеннаго, и на первый взглядъ, весьма естественнаго толкованія мѣста о первомъ разрядѣ и принять, что семь оброчныхъ дворовъ являются *maxim'omъ*, а одинъ оброчный дворъ, сверхъ воздѣлываемой собственными руками земли, — *minim'omъ* при опредѣленіи его положенія. Такое толкованіе вполнѣ подтверждается тѣмъ, что за все лишнее противъ семи дворовъ владѣлецъ долженъ держать соотвѣтствующее число лошадей и доспѣховъ. Въ результатѣ получается слѣдующая схема классовъ: люди безземельные или сидѣціе на неполныхъ надѣлахъ; владѣльцы полного свободнаго надѣла (*Vollhufner*), и вообще мелкие землевладѣльцы, сами обрабатывающіе землю; помѣщики, владѣющи, помимо своего надѣла, оброчными дворами, отъ одного до семи и даже больше. По перечисленнымъ тремъ разрядамъ распредѣляются не только землевладѣльцы, но и купцы, состояніе которыхъ не заключается въ подвижной собственности, или по крайней мѣрѣ, не можетъ быть мѣрено ею¹⁾. Упоминаніе о купцахъ, безъ сомнѣнія, весьма интересно, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о довольно значительномъ развитіи торговли, съ одной стороны, и о присутствіи и скоплѣніи денежныхъ капиталовъ — съ другой. Но во всякомъ случаѣ на образованіе классовъ торговая дѣятельность имѣть совершенно второстепенное вліяніе. Это ясно уже изъ крайней неопределенности, съ которой говорится о распределеніи торгового люда: законодатель даже не пытается провести какія-либо точныя границы, а просто упоминаетъ о крупныхъ, слѣдующихъ за ними по состоянію (*sequentes*) и мелкихъ торговцахъ. Землевладѣніе является главнымъ основаніемъ для распределенія общественныхъ тягостей между свободными людьми, потому что глав-

¹⁾ *Ahist., 3: Item de illis hominibus, qui negotiantes sunt et pecunias non habent: qui sunt maiores et potentes, habeant loricam et cavallos, scutum et lanceam; qui sunt sequentes, habeant abalios, scutum et lanceam; et qui sunt minores, habeant coccoras cum sagittas et arcum.*

нымъ образомъ землевладѣніе создавало значительныя неравенства между ними. Вліяніе этихъ неравенствъ на отбытіе важнѣйшей государственной обязанности мы должны прослѣдить въ подробностяхъ. и при этомъ естественно является предположеніе, что классы по отбыванію повинности устанавливались не случайно, а примѣнительно къ уже сложившимъ дѣленіямъ. Повинности, возложенной по размѣру состоянія, должны соответствовать преимущества, вытекающія изъ состоянія; кто сильно служилъ, тотъ больше и цѣнился. Потому, искажется, не будетъ ошибкой, если мы посмотримъ на статьи о вергельдѣ, метѣ и воинской повинности, какъ на постановленія другъ друга дополняющія и призваны регулировать съ разныхъ сторонъ одну и ту же организацію общественныхъ классовъ, развѣтвившуюся постепенно изъ массы свободного состоянія, благодаря образованію крупныхъ земельныхъ неравенствъ. Нашъ приемъ находитъ себѣ подтвержденіе, кроме общихъ соображеній, въ сравненіи съ аналогическими явленіями у Англосаксовъ и въ томъ характерномъ фактѣ, что въ серединѣ всей воинской лѣстницы Аистульфа, въ положеніи, такъ-сказать, нормального арманна, находится владѣлецъ сорока югеровъ, то-есть, нормального германского надѣла — гуфы¹⁾.

Такимъ образомъ, въ основаніи расчета находится какъ разъ величина не случайная, а какъ бы каноническая, величина, тѣсно связанная съ понятіемъ о средне-свободномъ человѣкѣ не только у Лангобардовъ, но и у племенъ внутренней Германии.

Если признать, что въ войсковыхъ дѣленіяхъ Аистульфа мы имѣемъ главные классы свободного общества его времени, то имѣстѣ съ тѣмъ выяснится, при сравненіи съ данными эдикта Ротари, слѣдующій любопытный фактъ: въ началѣ VII вѣка сильное вліяніе на цѣнность личности оказываетъ ея принадлежность къ старому знатному роду; въ половинѣ VIII вѣка главнымъ мѣриломъ оцѣнки является состояніе, прежде всего землевладѣніе. Я не хочу сказать, чтобы въ эпоху Ротари совсѣмъ не принимался въ расчетъ послѣдній элементъ, чтобы при Ліутпрандѣ и Аистульфѣ старые роды были уже совершенно затерты — промежутокъ между эдиктами слишкомъ коротокъ для того, чтобы предположить подобного рода полную перемѣну. Но несомнѣнно, что центръ тяжести въ обществѣ перемѣстился отъ старой племенной знати, выцвившейся во времена блужданій и войнъ

¹⁾ Schupfer въ Wiener Sitzungsbl., XXXV, 419.

Лангобардовъ у Балтійскаго моря и въ Панноніи¹⁾, къ новому аристократическому слову, обиванному своимъ могуществомъ земельной собственности и королевской службѣ.

Фактическія неравенства богатства и могущества порождаются въ мало развитомъ обществѣ не только соціально-политическія неравенства сословій и классовъ, ведутъ не только къ расщепленію общественной массы и къ обособленію ея частей: они въ то же самое время вызываютъ соединенія сильныхъ и слабыхъ, при которыхъ первые привлекаютъ преобладать, покровительствовать и распоряжаться, послѣдніе подчиняются и служатъ. На перерывѣ горизонтальныхъ сословныхъ отложенийъ вдуть, если можно такъ выразиться, въ вертикальномъ направлении идти частныхъ союзовъ. Чѣмъ слабѣе государство, тѣмъ болѣе значенія приобрѣтаютъ эти союзы, тѣмъ болѣе они поглощаютъ чисто политическихъ элементовъ. Законодательные памятники Лангобардскаго племени отражаютъ наимъ отчасти и этотъ второй соціальный процессъ. Я уже отметилъ въ 224-й статьѣ Ротари существование интереснаго разряда вольноотпущеныхъ, которые получили право свободныхъ людей, но остались отъ прежнихъ господъ въ некоторой зависимости. 11-я статья Аистульфа показываетъ, что отпущеные даже въ лучшемъ случаѣ (*qui hamund facti sunt*) считались нравственно обязанными повиноваться отпустившему, какъ благодѣтелю, и это нравственное обязательство было возведено Аистульфомъ въ юридическое правило²⁾.

Не одни рабы и вольноотпущеные окружаютъ сильного, богатаго и щедраго человѣка—вокругъ него собираются свободные помощники и дружиныки, которые за свою службу, на времена своей службы, полу-

¹⁾ Ср. Schupfer въ *Wiener Sitzungsb.*, XXX, 421; Pertile, *Storia del diritto*, III, 121.

²⁾ Ahist. ¶11: *Anterioris edicti leguntur capitula, ut quis langobardus pertinenter suum in quarta manu tradiderit et ad se hamunt fecerit, ant circa altario deducendum sacerdoti tradiderit, soluti ab omnem conditionem servitutis permanerint. Sed quoniam perversi hominis benefactores suos accepta libertatem postprodcebant, et ipsi eum postmodum retinere nequequam valebant, multi hominis timentis ne sui liberti eos postponerent, libertatem eis facere obmittebant. Propterea statuimus, ut si quis langobardus pertinenter suum thingare voluerit in quarta manu et cartola illi fecerit, et sibi reservaverit servitium ipsius dum advixerit, et decreverit, ut post obidum eius liber sit: stabilem debeat permanere secundum textu cartule quam ei fecerit, quia iustum nobis apparuit, ut homo benefactorem suum, viante eum, dimittere non debeat. Nam qui in ecclesia liberum dimiserit per manus sacerdotis, sic maneat ei libertas, sicut anterior edictus contenit.*

чаять отъ него подарки¹⁾). Его покровительства и заступничества на судѣ ищутъ вдовы, сироты и бѣдяне. Постановленія королей VIII вѣка показываютъ намъ, эти кружки частнаго вліянія на столько сложившимися и крѣпкими, что государственная власть считаетъ необходимымъ частью воспользоваться ими, частью ограничить ихъ дѣйствіе. Съ одной стороны, крупный землевладѣлецъ призванъ разыскивать своего арендатора, познанаго въ убийствѣ²⁾; съ другой—короли стараются уничтожить подрывающей правосудие обычаймагнатовъ вступаться на судѣ за своихъ клиентовъ³⁾), какъ показываетъ самое двукратное повтореніе, законодательное предписаніе не производить въ данномъ случаѣ надлежащаго дѣйствія. И не мудрено, потому что относительно своихъ приближенныхъ, своихъ газиндовъ короли сами отступаютъ отъ начала равноправности и равноподчиненности всѣхъ подданныхъ. Въ случаѣ столкновенія съ простымъ ариманомъ, газинъ не подвергается обыкновенному суду, не подпадаетъ даже непосредственно рѣшенію какого-либо чрезвычайного,

¹⁾ Roth., 177.

²⁾ Liutpr., 92: *Si quis liber homo, in terra aliena resedens livellario nomine, humicidium fecerit et fugam lapsus fuerit, tunc ille, in cuius terra ipse humicida habitavit, habeat spatium in mense uno ipsum hominem perquirendum; et si eum invenerit, licentiam habeat ipsum hominem, quamvis liber sit, conpraehendendum et tradendum in manus illius cui humicidium fecit. Et si hoc non fecerit, dare debeat mediaetatem de omnibus rebus movilibus, excepto tectoras, quas in ipsa casa ipse humicida habuit. Quod si nec hoc voluerit facere ipse cuius terra est, dare debeat livellario nomine ipsa terra ei, cui humicidium factum est, ut reddit ei exinde, sicut ille reddebat, qui ipsum humicidum fecit. Tamen de his trebus capitulis in illius sit potestatem elegendi, cuius terra est, at faciat exinde unam qualem voluerit.*

³⁾ Ratchis, 3: *Et hoc volumus, ut nullus homo presumat causa alterius ad dicendum supprehendere aut causare, nisi cum notitia de iudice suo, causam de vidua aut de orphano dicendum. Nam qui, ut diximus, de conliberto suo causa supprehendere aut causare presumpserit, conponat widrigild suum, medietatem regi et mediaticam indici suo. Et si iudex, qui fuerit ante quem causa altercatur, hoc fieri permiserit aut consenserit, conponat regi widrigild suum.—Ratchis 11: Si quis causam alterius agere aut causare presumpserit in presentia regis aut indicis, excepto si rex aut iudex licentiam dederit de vidua aut de orphano aut de tale hominem qui causam suam agere non potit, conponat wirigild suo, medietatem regi et mediaticam ei contra quem causaverit. Et si forte aliquis per simplicitatem causam suam agere nescit, veniat ad palatio, et si rex aut iudex praeveriderit, quod veritas sit, tunc ei dare debeat hominem, qui causam ipsius agat.*

положимъ — королевского трибунала: онъ вызывается, страннымъ образомъ, быть судьей въ собственномъ дѣлѣ¹⁾). Понятно, что если въ этомъ отношеніи преимущества газиндовъ доведены до такого край-наго предѣла, почти до абсурда, то и относительно зависимыхъ людей они не подчинены общимъ правиламъ. По 11-му параграфу Рахиса газинъ можетъ заступаться за своего человѣка на судѣ²⁾). Совокуп-ность приведенныхъ постановлений, такъ какъ они ни отрывочны, показываетъ намъ въ полномъ дѣйствіи въ Лангобардскомъ королевствѣ такъ-на-зывающую коммандацию, притомъ не въ смыслѣ частноправового под-чиненія, однохарактерного съ теперешними служебными отношеніями между свободными людьми, а въ смыслѣ политического соединенія, которое восполняетъ государство и вмѣстѣ разлагаетъ его. Множество послѣдствій этого союза остаются не тронутыми лангобардскимъ зако-нодательствомъ, — мы не знаемъ, давалась ли какая-либо присяга всту-павшимъ въ службу своему вождю, не знаемъ, въ какомъ отношеніи находилась личная связь коммандациіи къ земельнымъ отношеніямъ по арендѣ, влекло ли за собою вступленіе въ чей-либо *mundium* пере-водъ титула собственности на покровителя; можемъ только догадаться относительно громаднаго вліянія могущественнаго землевладѣльца и патрона въ своемъ околодѣ по хозяйству и по суду, по церковнымъ и военнымъ дѣламъ, относительно громаднаго фактическаго давленія такого магната на людей свободнаго положенія, но малой силы.

Что мы во всякомъ случаѣ не преувеличиваемъ значенія указан-наго явленія, называя его право коммандацией, комбинируя его раз-съянныя черты въ законодательствѣ и предполагая еще большее раз-витіе его на практикѣ, — доказательствомъ тому можетъ служить тотъ замѣчательный фактъ, что франкскіе завоеватели Италии, у ко-торыхъ коммандациія играла такую важную роль и существовала въ такой развитой формѣ, не перенесли ея въ Италию, потому что нашли ее уже вполнѣ готовою. 22-й параграфъ капитулярия Пипина³⁾, по

¹⁾ Ratchis, 14.

²⁾ Ratchis, 11: *Si enim quiscumque liber homo in servitio de gasindio regis, aut eius fidelis introierit, et iudex, de sub quem fuerit, dolose eum obpremere quesierit, pro eo quod ipse in alterius servitio introivit, et per ipsum dolum inlecite ei iudi- caverit, et forsitan ab ipso iudice suo iustitia invenire non potuerit: tunc conponat iudex, sicut supra legitur, et ille in cuins obsequio est, habeat licentia causam eius agere, et usque ad legem perducere; sic tamen, ut antea vadat ad iudicium de indi- ce suo, ut ad ipsum suscipiat iustitiam.*

³⁾ § 22: *Stetit nobis de illis hominibus libertis Longobardis, ut licentiam ha-*

необходимости требующій широкаго распространительнаго толкованія разобранныхъ выше статей Ліутпранда и Рахиса, даетъ вмѣстъ съ тѣмъ любопытное указаніе на то, какого способа критики и объясненія нужно вообще держаться относительно отрывочныхъ, неохотно и неполно высказывающихся варварскихъ Правъ¹⁾.

Для поправки и пополненія добытаго до сихъ поръ изъ скучнаго законодательнаго источника обратимся къ матеріалу, доставляемому грамотами. Факты не столь цѣнны, но за то ихъ гораздо больше.

Первое, что настъ поражаетъ при чтеніи различныхъ завѣщаній, дарственныхъ грамотъ, арендныхъ договоровъ и тому подобныхъ документовъ, которые сохранились въ довольно большомъ количествѣ отъ VIII вѣка,—это рѣзкое раздѣленіе общества на два отдѣла. Въ законодательствѣ рѣзко выставляется впередъ различие свободныхъ и рабовъ, а всѣ остальные дѣленія являются совершенно второстепенными; въ грамотахъ черта между двумя группами проходитъ иначе и гораздо выше: выдается различіе между свободными собственниками, распоражающимися землею, и массой мелкаго люда, находящагося въ чужой волѣ и считающагося при землѣ. Масса эта состоять изъ людей различнаго сословнаго положенія, изъ рабовъ, альдіевъ и свободныхъ; къ известнымъ намъ изъ законовъ сословнѣмъ элементамъ примѣшиваются и другіе, не поддавшіе подъ законодательныя опредѣленія: старый классъ колоновъ, представители промежуточныхъ ступеней между рабствомъ и свободой, люди, находящіеся въ фактическомъ рабствѣ и пользующіеся фактической свободой (*pro servis, pro liberis*)²⁾. Въ грамотахъ всѣ эти разряды лицъ значительно сближаются, потому что на нихъ падаютъ весьма сходныя, иногда одинаковыя обязанности. Отличія альдія, раба и ливелларія существуютъ, но они стушевываются передъ противоположностью между господскимъ

beant se commendandi ubi voluerint, sicut a tempore Longobardorum fecerunt, in tantum ut suo comiti faciant rationabilia quae debent.

¹⁾ Ср. Шунфера въ *Wiener Sitzungsb.* XXXV, 488; Энрико Паджи, *Cenni storici intorno alle leggi riferibili ale' agricoltura*, I, 61 выводить коммандю изъ стремленія побѣденныхъ Римлянъ достигнуть сколько-нибудь безопаснаго положенія.

²⁾ Одинъ примѣръ изъ многихъ въ дарственной грамотѣ Аугуста аббатству Фареъ отъ декабря 767 года. *Troya*, Cod. diplomatico langobard. № 881; V, 433: *casalem qui dicitur sisinnianus cum colonis servis ancillis familiis universis, liberis, proliberis, servis, proservis.*

дворомъ—*curtis dominica*¹⁾, *sala*²⁾, *sundro*³⁾, *domus culta*⁴⁾, и зависимыми дворами—*casaes massariciae, coloniciae, tributariae*⁵⁾.

О рабахъ упоминается рѣдко, больше въ общихъ перечисленіяхъ, когда стараются не пропустить ни одного разряда⁶⁾, нежели въ частныхъ случаяхъ. Развь только мы встрѣчаемъ упоминаніе о весьма значительномъ числѣ рабовъ (64; 92, если считать съ только что отпущенными на волю⁷⁾). Однако, если *servi* и *ancillae* упоминаются сравнительно рѣдко, то изъ этого обстоятельства мы въправѣ заключить только, что ихъ мало держали въ домѣ⁸⁾: въ деревняхъ рабское населеніе весьма многочисленно, но обозначеніемъ его служить терминъ—*massarii*⁹⁾, взятый отъ оброчного двора (*massa*). Самое измѣненіе названія свидѣтельствуетъ объ улучшении быта рабовъ, о переходѣ ихъ къ быту крѣпостныхъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя господа распоражаются еще личностью массаріевъ, жертвуютъ и завѣщаютъ ихъ, но дѣлаютъ они это, за самими немногими исключеніями¹⁰⁾, при распоряженіи своимъ земельнымъ участкомъ, такъ что связь массарія съ землей, его пользованіе надѣломъ не нарушается. Точно также устанавливается известный канонъ по отношенію къ оброку и къ барщинѣ, который, какъ ни былъ бы онъ тяжелъ подъ часть, исключаетъ произвольные вымогательства помѣщика. Въ случаѣ перехода собственности изъ рукъ въ руки, этотъ канонъ весьма часто оканчива-

¹⁾ *Troya*, № 718; IV, 658. Ср. *Schupfer*, *Wiener Sitzungsb.* XXXV, 455, и сл.

²⁾ Ed. Roth. 133, ср. 352. *Troya*, № 663.

³⁾ *Troya*, № 603, IV, 248; № 738, V, 65.

⁴⁾ *Troya*, № 641; IV, 373; № 757, V, III; № 839, V, 326. Особенно настакновъ на этомъ пункте потому, что большую частью подъ «*domus culta*» разумѣются дворъ раба или оброчного крестьянина.

⁵⁾ *Troya*, *passim*; *Schupfer*, въ *Wiener Sitzungsb.*, XXXV, 460 и сл.

⁶⁾ Напримеръ, *Troya*, № 867; V, 395.

⁷⁾ Редѣльный актъ между епископомъ Переадеемъ Луккскимъ и его племянникомъ Сундерадомъ отъ 15-го мая 761 г. *Troya*, № 765; V, 127 и сл.

⁸⁾ *Mol. Hist. Patr.* XIII, 11: tam intrinsecus domos cum familia quamque colonas cum omnibus cespitibus. Тоже различие между рабомъ, quae mihi ad manus servire videtur, и колоной у *Troya*, № 711; IV, 644.

⁹⁾ Ed. Roth., 234.

¹⁰⁾ Мѣновая грамота между Переадеемъ Луккскимъ и Аланундомъ аббатомъ св. Петра in Camaiore отъ 5-го февраля 761 г.; *Troya*, № 755: V, 106: — et recepid a te per alia pagina in Camvio pro suprascriptam rem casa vestra in loco Agello—ubi residet quidam Ratcaus Massarius vester cum omnia mobile vel immobile—excepto homenis de predictas casas, quod minime cambiavimus inter nos.

тельно закрѣпляется зазѣщателемъ или договаривающимися сторонами¹⁾). Въ общемъ, положеніе крестьянъ рабскаго происхожденія на столько возвысилось, что иногда, если дѣло идетъ о повинностяхъ и отношеніи къ землѣ, ихъ приравниваютъ къ полусвободнымъ и даже къ свободнымъ съемщикамъ. Такъ, въ 764 году свободный человѣкъ Луитперт арендуетъ землю у Луккскаго епископа Передея и при этомъ обѣщаетъ платить оброки и справлять барщину, *sicut est consuetudo vobis facere alii massarri de ipso loco*²⁾. Въ 767 г. Гальдоинъ жертвує церкви Спасителя въ Нобуле (*Val di Serchio*), *una casa shea massaricia in Quesa*, въ которой сидѣть свободный человѣкъ³⁾.

Такого рода примѣровъ можно бы подобрать много изъ коллекцій лангобардскихъ грамотъ у Троя.

Отличія альдіевъ отъ простыхъ массаріевъ менѣе всего отражаются въ грамотахъ. Правда, *casaes aldionales* противополагаются иногда такъ-называемымъ *casaes massariciae*, *aldiones* упоминаются раздѣльно отъ „*servi*“⁴⁾; тѣмъ не менѣе въ свойствахъ повинностей и общаго положенія различій не замѣчается. Мы знаемъ изъ юридическихъ памятниковъ, что личность альдія цѣнилась выше, нежели личность раба, что она была защищена до извѣстной степени закономъ отъ произвола господина, но въ грамотахъ всѣ эти черты не находятъ выраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждается общее, высказанное

¹⁾ Дарственная грамота Альфреда, Януарія и Гарона монастырю св. Петра, Павла и Феодосія въ Чивитатекла около Тревізо отъ 710 г.; *Troya*, № 387, III, 113, 114: *dono familias tres in vicino ubi dicitur Pimano, id est Vectore Joanne, et Marino Massari cum omnia quidquid ad eos pertinere videtur qualiter eorum censo fecimus*. Зазѣщаніе Арипрранда въ пользу церкви св. Фомы въ Луккѣ, св. Петра и Ксавіера въ Оливето, отъ октября 758 г.; *Troya*, № 723; IV, 680: *Sic tamen ut homenis qui in casas massaricias meas nunc presenti abitant, qui mihi aliquid pertinuerunt aut perteneant, aut eorum filiis vel nepotes, vel quis ex eorum germine procreati fuerint, vel procreati sunt, pro unoque anno persolvant redditum curte ubi residierit, sicut est consuetudo in superscriptis Ecclesias. Nam nullus nullo tempore angarias vel quolibet schuphias in jam dictas Ecclesias facere debeant: et si quis rector de predictis Ecclesias ad superscripti homenis aliquid superposuerit, aut substraxerit, aut foras expellere quosquierit, aut angaria, aut quolibet scuphia super posuerit, hoc insituo ut si provatum fuerit, tunc ab illo die omni tempore tertia portione de ipsa casa in prefinito donata et cessa sit illi homini, cui aliquid, ut supra dictum est, superpositum fuerit.*

²⁾ *Troya*, № 810; V, 252.

³⁾ *Troya*, № 867; V, 395.

⁴⁾ Напримеръ, въ только-что приведенной грамотѣ Гальдоина: *casaes massaricias et aldionales — — seruos, ancillas, aldionibus et aldiones*.

выше наблюдение, что, въ сущности, альдіи не составляли раздѣльного сословія наравнѣ съ рабами и свободными, а тѣсно примыкали къ первому изъ этихъ двухъ состояній. Для вѣтъ неопределеннаго положенія характерно то обстоятельство, что хотя случаи отпуска на волю являются весьма часто, отпускаемые всегда переводятся не изъ класса рабовъ въ классъ альдіевъ, а изъ того и другаго въ классъ свободныхъ¹). Если такимъ образомъ отрицательныя, такъ сказать, свидѣтельства характеризуютъ соприкосновеніе между разрядами крестьянъ полусвободныхъ и несвободныхъ, то съ другой стороны, по отношенію къ весьма многочисленнымъ свободнымъ съемщикамъ чужихъ земель проводится весьма рѣзкая и замѣтная грань, которая дѣлить все зависимое населеніе на двѣ половины. Грань эта всего лучше видна въ судебномъ рѣшеніи по дѣлу между альдіемъ Луціемъ и его господиномъ Тотономъ de Campileune²). Луцій старается доказать, что онъ служилъ, платилъ оброки и исправлялъ барщину, какъ свободный арендаторъ и потому имѣть право во всякое время оставлять свой участокъ, избавиться отъ подчиненія. Тотонъ доказываетъ, что Луцій несъ службу не по договору, а какъ принадлежащий ему альдій, въ силу личной зависимости, которая можетъ быть прекращена только волею господина. При этомъ выдѣляются два факта: съ одной стороны, ясно сознанное юридическое различіе между людьми, принадлежащими господину своею личностью, лишенными свободы идти куда глаза глядятъ³), и людьми, обязанными только въ силу собственной рѣшимости, служащими не господину, а землевладѣльцу; съ другой стороны, фактическая однотипность жизни и обязанностей этихъ двухъ классовъ, которая въ частныхъ случаяхъ затруднила рѣшеніе вопроса о томъ, къ какой группѣ принадлежитъ человѣкъ, и даже, гдѣ кончается одна, гдѣ начинается другая группа. Въ указанномъ нами процессѣ, напримѣръ, трудно отдѣлаться отъ подозрѣнія, что состоявшееся въ пользу Тотона рѣшеніе было непра-

¹⁾ Напримеръ, завѣщаніе Грата изъ Монды, отъ августа 789 года. Monum. H. P. XIII, 74, № 39: *servos et ancillas, alditiones vel aldianes liberos et liberas civesque Romanos esse constituit.*

²⁾ Mon. Hist. Patr., XIII, 133, № 73.

³⁾ *Baudi di Besme e Fossato, Vicende della proprietà fondiaria*, 170, позагаютъ, что главное различіе между альдіями и колонами въ томъ, что первые не прикрѣплены къ землѣ. Они, можетъ быть, болѣе колоновъ прикрѣплены къ землѣ, потому что принадлежать ея хозяину, тогда какъ некоторые изъ колоновъ могутъ оставить свой участокъ.

вильное, что могущественный землевладелецъ воспользовался давностью поселенія крестьянина, сходствомъ между службою свободной и несвободной, наконецъ, слабостью и безгласностью маленькаго человѣка, чтобы навсегда прикрѣпить его къ своимъ владѣніямъ.

Тѣ же самыя характерныя черты бросаются въ глаза, если обратиться къ тѣмъ грамотамъ, которымъ прямо говорять о живущихъ на чужой землѣ свободныхъ людяхъ (*liberi, qui terra aliena resident*). Есть разрядъ грамотъ, который специально посвященъ опредѣленію ихъ отношеній: это арендные договоры, такъ-называемые „*libelli*“ или *copulationiae*¹⁾. Довольно много такихъ договоровъ дошло до насъ еще отъ периода самостоятельного существованія Лангобардскаго королевства, хотя послѣ 774 года число ихъ значительно увеличивается, содержаніе становится разнообразнѣе, и выясняются нѣсколько главныхъ видовъ договоровъ. Эти обстоятельства едва ли должно объяснять однимъ увеличеніемъ общаго числа грамотъ, сравнительнымъ богатствомъ дипломатическаго материала: вѣдь число грамотъ другаго рода, напримѣръ, дарственныхъ, въ то же самое время относительно уменьшается. Необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя общія особенности содержанія лябеллярныхъ договоровъ, какъ на характерный признакъ времени. Позднѣйшия договоры могутъ быть прежде всего раздѣлены на два главныхъ класса: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ настоящую аренду на опредѣленный срокъ, на нѣсколько поколѣній, или, наконецъ, на вѣчныя времена, при которой связь между договаривающимися опредѣляется чисто условіями договора и не ведетъ за собою какого-либо личнаго подчиненія или надзора, при этомъ нѣть рѣчи о пребываніи снимающаго на участкѣ — онъ можетъ быть имъ переданъ, эксплуатированъ съ помощью другихъ лицъ, и т. п. Вторую категорію составляютъ „*колонатные*“ договоры: крестьянинъ снимаетъ землю „*ad reseedendum et legitimum census reddendum*“, попадаетъ въ личную зависимость отъ помѣщика, обыкновенно получаетъ отъ него хозяйственную помощь рабочимъ инвентаремъ или сѣmenами и подвергается хозяйственному надзору.

До 774 года рѣшительно преобладаетъ аренда втораго рода ²⁾: снимаютъ небольшия участки на одну семью мелкие безземельные люди, или же владѣніе участками предоставляется отпущенными на волю алдіямъ и рабамъ; въ обоихъ случаяхъ крестьянинъ самъ воз-

¹⁾ Ср. Schupfer въ *Wiener Sitzungsb.* XXXV, 471, 474 и сл.

²⁾ Ср. Schupfer въ *Wiener Sitzungsb.* XXXV, 472, 473.

дѣлываетъ участокъ, который отъ него и получаетъ имя. Крупныя и срочныя аренды составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключение¹⁾), Срокъ въ контрактѣ вообще не оговаривается, хотя разрывъ контракта предусмотрѣнъ: съемщикъ воленъ уйти съ земли, но въ такомъ случаѣ онъ оставляетъ всю свою движимость, или по крайней мѣрѣ, большую часть ея²⁾). Это послѣднее обстоятельство весьма важно въ двухъ отношеніяхъ: въ первыхъ, оно служить косвеннымъ доказательствомъ, что собственникъ обыкновенно доставляетъ рабочій инвентарь; во вторыхъ, оно объясняетъ неопределенность срока и какъ бы невыгодное положеніе собственника, который не былъ огражденъ отъ внезапнаго ухода крестьянина: *de facto*, послѣднему приходилось держаться разъ занятаго мѣста, чтобы не потерять все, что онъ наработалъ (*laborem perdere*). Такимъ образомъ, эти свободные договоры, въ сущности, порождали постоянную зависимость льбеляриевъ отъ собственниковъ и значительно приближали визшіе классы свободнаго населенія къ массѣ альдѣвъ и рабовъ. Отбывал однѣ и тѣ же патримониальныя повинности, селись въ перемежку съ крѣпостными, не имѣя фактической возможности покинуть свой надѣль, свободные земледѣльцы на чужой землѣ впадали въ состояніе весьма близко подходящее къ тому, въ которомъ находились ихъ собратья несвободнаго происхожденія. Если это сближеніе опутывало свободнаго человѣка крѣпостными узами, то оно же содѣствовало переходу людей низшаго разбора въ число лично свободныхъ. Какъ легко и почти незамѣтно совершался переходъ, видно, напримѣръ, изъ только что приведенной тосканской грамоты 736 года³⁾). Свободные люди Файхази и Пасквале вступаютъ по отношенію къ монастырю св. Са-

¹⁾ Въ 757 году, напримѣръ, Гундуальдъ беретъ въ управлѣніе такъ-называемую «*curtis germaniana*», отъ которой зависѣло множество мелкихъ участковъ, *Troya*, № 718, IV, 658. Примѣръ срочной аренды въ № 854, V.

²⁾ *Troya*, № 502, III, 617: *Si nos pasquale et faichisi vel nostros heredes de ipsa casa exire voluerimus aut ipsas warcinicas facere minime voluerimus exearius bacui et inanis.* *Troya*, № 510, III, 682: *Si exinde exire volueris cum tantum exeat quantum adduxet ipse aut tili ejus et si ego Taso aut filii ejus menare volueris exeras cum medietatem de omnem res mobile.* Ср., напримѣръ, *Troya*, № 627, IV, 346. См. также *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsbl.* XXXV, 489.

³⁾ *Troya*, № 502, III, 615: *manifestum est quod de libera mater natis sumus et de istato nostro nulla condicione bovis redivibamus nisi tantum bovis de ipsa casa vel omni res patris nostro Warcinisca facere diceamus sicut pater noster quoniam Veninatus usam facere fuet ad pratum sicandi stabulum faciendum in via ubi bovis opum fuerit sicut unum de Warcini vestri etc.*

турнира въ Тосканелльѣ въ тѣ же точно отношенія, въ какихъ находился ихъ отецъ альдій Бененатъ; сословное положеніе измѣнилось, но служба и владѣніе остались тѣми же.

То же самое явленіе находитъ себѣ краснорѣчивое выраженіе въ завѣщаніяхъ и купчихъ, которыми известное лицо передаетъ другому какія-либо земли съ сидѣющими на нихъ рабами и рабынами, альдіями мужскаго и женскаго пола, и свободными людьми: послѣдніе, благодаря своей оброчности и связи съ землею, становятся предметами распоряженія наравнѣ съ людьми, лишенными своей воли. Повторяется явленіе фактическаго прикрѣпленія крестьянскаго класса, на которое мы указывали уже въ Римской имперіи III вѣка. При этомъ экономический процессъ прикрѣпленія къ надѣлу раба и свободного человѣка сопровождается соціальнымъ процессомъ смягченія этихъ рѣзкихъ сословныхъ противоположностей и постепенного преобразованія сословного порядка отъ распределенія общества по личному состоянію его членовъ, къ распределенію по занятіямъ и главное по отношению къ землѣ. И та, и другая сторона дѣла, особенно же послѣдня, выражается, кроме уже приведенныхъ факторовъ, въ съдующемъ явленіи. Лангобардскія грамоты VIII вѣка особенно часто упоминаются при описаніи земельныхъ хозяйствъ, заключеній договоровъ о землѣ, и т. п. о „колонахъ“. Въ этомъ разрядѣ колоновъ сходятся свободные и несвободные элементы, его различныя части объединяются только одинаковымъ землевладѣльческимъ положеніемъ, которое становится такимъ образомъ показателемъ личного положенія¹⁾. Самый терминъ „колонъ“ приходится переводить неопределеннымъ въ сословномъ отношеніи, но определеннымъ по характеристики занятій, русскимъ терминомъ „крестьянинъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, мы встрѣчаемся съ такими колонами, которые, очевидно, мало чѣмъ отдѣляются отъ работъ или, по крайней мѣрѣ, отъ полусвободныхъ. Въ 709 году Ромуальдъ II Беневентскій жалуетъ монастырю св. Петра *ad aquam S. Petiti* четырехъ колоновъ съ участкомъ земли²⁾. Въ знаменитомъ завѣщаніи

¹⁾ Шунферь, трактатъ о колонахъ въ Запискахъ Винской академіи, XXXV, 485 и сл. совершенно игнорируетъ разнородность состава этого класса и потому изображаетъ его невѣрно. Очень недостаточно также изложеніе Пертиле, *Storia del diritto*, III, 38. Образование крѣпостного состоянія сильнѣ относить уже къ концу X вѣка (III, 36).

²⁾ *Troya*, № 385; III, 109: *Concedimus Zillonem et Warnecausum, Stephanum*

Сенаторы и Теоденды (714 года) колоны съ ихъ землями поставлены рядомъ съ домашними рабами какъ рабы земледѣльческіе ¹). Точно также не свободными были колоны, жившіе на казенной землѣ въ герцогствѣ Сполетскомъ ²). Самое название колонъ указываетъ намъ на характеръ и происхожденіе зависимости этихъ людей. Это наследники многочисленнаго класса римскихъ колоновъ, первоначальная свобода которыхъ успѣла значительно затеряться, благодаря законодательству римскихъ императоровъ и остатокъскихъ королей. Испечь эту классъ не могъ уже по своей распространенности и значительности; кромѣ того, по своему характеру, онъ вполнѣ отвѣчалъ требованиямъ времени, наконецъ, онъ находилъ у самихъ Лангобардовъ родственное себѣ явленіе альдіоната, членовъ котораго онъ и могъ привлечь къ себѣ. Однако, въ то же время ясно, что далеко не всѣ лангобардскіе колоны VIII вѣка принадлежать къ несвободнымъ или полусвободнымъ людямъ. Въ составъ класса входятъ элементы, которые только по названию не подходятъ подъ рубрику свободныхъ либелларіевъ. Въ 748 году, Бона жертвуетъ аббатству Фарфѣ свой дворъ *de Fornicata* ³). Отъ него зависятъ колоны, которымъ предстоитъ сохранить свои участки подъ условіемъ несения прежнихъ повинностей. Но они могутъ и не пожелать этого, и въ такомъ случаѣ они вольны уйтти и даже унести съ собою движимость—условіе указывающее на особенно льготное положеніе. Въ 765 году Кунимундъ жертвуетъ свою недвижимую собственность нѣсколькимъ церквамъ въ Серміо ⁴). При этомъ упоминаются участки съ колонами, но колоны въ данномъ случаѣ сидятъ по договору съ собственникомъ, то-есть, какъ либелларіи. Но самый любопытный случай, на которомъ, такъ

---

seu et Therseradom cum casa et terrula, in quantum habere visi sunt, qui fuerunt coloni nostri de subactione nominati Anumis actionari nostri.

¹) *Mon. Hist. Petr.* XIII, 2, № 1.

²) Судебное рѣшеніе по дѣлу о границахъ лѣсной дачи св. Акинея. *Troya*, № 602; IV, 241. Дарственная грамота герцога Лупо Сполетского Фарфѣ, отъ 750 года. *Troya*, № 637, IV, 364 и с.х.

³) *Troya*, № 622; IV, 338: *Si ipsi homines coloni nostri residere voluerint in ipso casale, omne servitium aut dationem quod nobis fecerunt de predicto casale Fornicata qui in suprascripto gualdo esse videtur, persolvant in ipso Dei coenobio tantummodo ut nulla eis fiat superimpositio, nisi ut superius diximus quantum de prenominato casale nobis persolverant. Et si minime Colonis ipsi in eodem casale residere voluerint habeant licentiam exequendi de casale ipso cum mobilibus suis.*

⁴) *Troya*, № 839, V, 326: — — cum omnibus colonis qui ipsam terram per carta illam percolere videmini.

сказать, встречаются два сословныхъ значенія термина колонъ, мы находимъ въ грамотѣ 757 года¹⁾. Колонъ Феликсъ, очевидно, свободный по состоянію человѣкъ, жертвуетъ Фарфѣ при землѣ колону Чоттулу, очевидно женщину не свободнаго состоянія, къ которой непосредственно вслѣдъ за этимъ приравнивается уже прямо рабыня (*et aliam ancillam meam nomine Ansulam*).

Въ послѣднемъ случаѣ разница состоить въ томъ, что одна служить „ad manus“, то-есть, занятая ручной домашней работой на господина, а другая обрабатываетъ съ своимъ сыномъ какой-нибудьмъ клочкомъ земли. Приведенныхъ примѣровъ, май кажется, достаточно для подтвержденія сказаннаго выше о слѣдѣ разнородныхъ по сословному положенію классовъ въ одну массу крѣпостнаго крестьянства, массу еще далеко не обособившуюся, своими нижними слоями впадавшую въ полное рабство и въ то же время втягивавшую въ свою среду множество свободныхъ людей. Я не буду здѣсь говорить о характерѣ и сравнительной тяжести повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ, но май кажется необходимымъ, прежде чѣмъ перейти къ классу земельныхъ собственниковъ, привлечь два слова относительно понятія о крестьянскомъ надѣлѣ или участкѣ, какъ оно вырабатывается и высказывается уже въ VIII вѣкѣ.

Послѣ всего сказаннаго о фактическомъ возвышеніи несвободныхъ и фактическомъ приниженіи и прикрѣплѣніи свободныхъ крестьянъ, не покажется страннымъ, если я буду говорить не о *peculium*' однихъ и арендномъ участкѣ другихъ, а о крестьянскомъ надѣлѣ и хозяйствѣ вообще. Подъ прикрытиемъ полной собственности свободныхъ землевладѣльцевъ и въ подчиненіи ей образуется, такъ сказать, зависимая собственность или наследственное владѣніе на крестьянскихъ участкахъ. Участки всякаго рода колоновъ, изъ рабовъ, альдіевъ и свободныхъ, передаются по наслѣдству, потому что господину невыгодно согнать раба, арендатору невыгодно бросить аренду, потому что состоялся опредѣленный уговоръ или распоряженіе; какъ бы то ни было, первый шагъ на пути развитія земельной собственности низшихъ классовъ отъ временнаго, случайнаго пользованія и *peculium*'а въ позиціальному владѣнію, обложеному всякаго рода повинностями въ

¹⁾ *Troya*, № 711; IV, 644: — — et colonam meam nomine Ciottulam cum filio sup Teoderico et filia sua Formulosa, et aliam ancillam meam quae mihi ad manus servire debet nomine Ansulam et meditatem de puero meo Maurontone, vel quidquid habere visus fuero vel moriens derelinquo.

пользу сеньера, и наконецъ, къ свободной мелкой собственности—первый шагъ, состоящій въ признаніи наследственности участковъ уже сдѣланъ въ VIII вѣкѣ. Грамоты уже говорятъ о колонахъ, какъ о владѣльцахъ лѣсной дачи, которую собственникъ, герцогъ Сполетскій, жалуетъ Фарфѣ¹⁾, упоминаютъ мимоходомъ о наследственномъ правѣ вольноотпущеныхъ либелларievъ на свои надѣлы, какъ о вещи, само собою разумѣющейся²⁾.

Въ то же самое время врѣпостному или свободному арендатору не уступлено право самовольно распоражаться землею, видоизмѣнять ея хозяйственное назначение, отчуждать или дробить ее³⁾. Въ соотвѣтствіи непримисловенности наследственного владѣнія является непримисловенность самого надѣла, а однимъ изъ главныхъ условій послѣдней служить въ свою очередь нераздѣльность его. Семья рабовъ или колоновъ потому не снимается господиномъ съ участка, что она составляетъ съ нимъ хозяйственное единство, но по той же самой причинѣ и самый участокъ не долженъ быть раздробленъ. Наслѣдственность владѣнія при этихъ условіяхъ влечетъ за собою не семейные раздѣлы, на чужой землѣ немыслимые, а образованіе домовыхъ общинъ, которые сдерживаются нераздѣльностью своего двора и поля. Отсюда постоянныя упоминанія о нѣсколькихъ consortes, compartionarii, которые сидѣть на одномъ и томъ же участкѣ. Несвободная семья, обрабатывавшая одинъ надѣль, называется въ грамотахъ condonat—господинъ распоряжается не порознь ея членами, а всей ея совокупностью⁴⁾. Образованіе такого рода домовыхъ общинъ не ограничивалось одиѣми семьями рабовъ и алѣдіевъ, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго документа. Бонуальдъ и Родуль, свободные либел-

¹⁾ *Troya*, № 607; IV, 256: Concessimus gualdum — — cum terris de colonis qui ipsum gualdum possederunt.

²⁾ Купчая между монахами Аллономъ и Альбуномъ и аббатствомъ Фареой отъ 761 года. *Troya*, № 751; V, 97: Si autem quoquo tempore ipsijam dicti homines ab hac luce abstracti fuerint absque haerede, ipsa res ad sacrosantum monasterium revertatur.

³⁾ Roth., 235. Cp. *Notitia de actoribus regis*, и Roth., 234.

⁴⁾ Пожалованіе Ремуальда Беневентскаго вестарарію Уреу отъ 720 года *Troya*, № 430, III, 309: Concessimus — — condonam nomine Ioannis cum uxore, filii, et filiabus, quae fuerunt de Graeci — — cum casa, vineis, territorio, cultum vel inculatum, cum mobili et immobili, omnia et in omnibus. Cp. *Troya*, №№ 559 (IV, 118), 568 (IV, 150) и множество другихъ. *Schupfer* въ *Wiener Sitzungsb.* XXXV, 292, не достаточно выясняетъ это любопытное явленіе.

ларіи, не будучи въ состояніи уплачивать оброки и чести положенную барщину за пользованіе своимъ участкомъ берутъ себѣ помощниковъ и допускаютъ къ равному участію въ выгодахъ Марціанула; онъ вступаетъ въ ихъ семью на правахъ брата и сонаследника¹). Вообще, явленіе совмѣстного владѣнія нѣсколькихъ лицъ на крестьянскихъ земляхъ на столько распространено, что мы ваталкиваемся на его слѣды почти во всѣхъ грамотахъ, упоминающихъ о крестьянскомъ населеніи.

Отъ описания различныхъ подраздѣленій нижняго общественного слоя крестьянского населенія и его трехъ степеней зависимости, мы должны теперь перейти къ характеристикѣ слоя свободныхъ землевладѣльцевъ, господствовавшаго надъ только что описанными классами. Грамоты въ этомъ случаѣ даютъ только весьма недостаточный отвѣтъ. Такъ какъ материалъ достался намъ исключительно изъ первоклассныхъ и монастырскихъ архивовъ, то свѣтское землевладѣніе представлено въ немъ настолько неполно, что нельзя составить себѣ точнаго понятія о распределѣніи собственности въ какой-нибудь отдельной области. Даже о количествѣ и формахъ духовнаго владѣнія мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, какъ по отдаленности эпохи, такъ и потому, что многие документы, касающіеся материальныхъ интересовъ церкви, подложны или сильно интерполированы.

Такъ, напримѣръ, совершенно нельзя судить о недвижимости аббатства Нонантулы въ VIII вѣкѣ по грамотамъ, которые будто бы даны ему въ этотъ периодъ? Какъ доказалъ Вюстенфельдъ, послѣ пожаровъ монастыря въ концѣ IX вѣка (889 и 899 гг.) древніе документы были реставрированы по благоусмотрѣнію монаховъ X вѣка²). Но во

¹⁾ *Troya*, № 684, IV, 535: *Ideo constat nos Bonualdum et Rodulum germanos, considerantes parvulitatem nostram et quod minime censum vel angarias de portioncula nostra dominis nostris persolvere valeamus. par concessum et jussionem Domini Fulcoaldi Abatis Monasterii sanctae Dei genitricis semperque virginis Mariae in cuius Casale nomine Fornicata videmur residere. Iterum et cum concessum Domini Fulculi et Domini Mauri in cuius Casale id est Casula portionem nostram tenemus, te Martianulum germanum matris nostrae in ipsa substantiuncula nostra affratamus: et in tertia portione te heredem esse volumus. In ea vero ratione ut seu angarias seu census nobiscum pariter persolvere debeas: et, si alicuo tempore nos dividere voluerimus, terra vineas olivas cultum vel incultum mobilia vel immobilia tam de Fornicata quam etiam de Casula, omnia ex omnibus, sicut superius diximus, velut uterius noster nobiscum dividere debeas.*

²⁾ *Wüstenfeld*, delle falsificazioni di alcuni documenti concernenti la Storia d' Italia, въ *Archivio Stor. Ital.* N. Ser. X, 81.

всякомъ случаѣ, если не можетъ быть и рѣчи о какой-либо даже приблизительной статистикѣ земельной собственности до франкскаго завоеванія, находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ позволяетъ намъ составить общее понятіе о движениі, происходившемъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ, позволяетъ намъ подобрать примѣры для характеристики главныхъ чертъ этого движенія. Свѣтское землевладѣніе, хотя и недостаточно, но все-таки изображается нашими грамотами или въ тотъ моментъ, когда оно, въ силу завѣщанія или дарственного акта, переходитъ въ область владѣнія церковнаго, или же даже и въ предшествовавшіе моменты — въ силу того, что церковь принадѣла вмѣстѣ съ недвижимостью и относящейся до нея документы. При этомъ мы можемъ наблюдать не самые классы свободнаго населенія, а тѣ экономическія неравенства, на которыхъ основаны эти классы.

Неравномѣрность въ распределеніи собственности громадная. Съ одной стороны, являются передъ нами небольшіе участки; на нихъ свободная семья едва успѣваетъ сохранить свою полную, обеспеченную землей, самостоятельность, едва удерживается, чтобы не впасть въ положеніе безземельного, оброчного люда, о которомъ мы, говорили выше. Мы узнаемъ объ участкахъ, которые продаются за кусокъ сала и шесть мѣръ проса общею цѣнностью въ одинъ солидъ¹⁾. Иногда документъ отмѣчаетъ самый переходъ отъ свободнаго владѣнія къ оброчному, передачу земли подъ давлѣніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, сосѣду, крупному собственнику.

Такъ, въ 765 году, Бонуль продаетъ свою землю Гунтефриду и получаетъ ее обратно въ наследственную аренду, обязуясь работать 12 дней въ году на нового господина²⁾. Съ другой стороны, во всѣхъ частяхъ лангобардской Италии обнаруживаются громадныя скопленія

¹⁾ Купчая, заключенная между Мауриссономъ и Убальдукомъ съ одной стороны, аббатствомъ Фарой, съ другой, въ 760 году. *Troya*, № 743, V, 79. Ideo que constat nos Maurissonem et Ubaldulum *Compartionarios*, de proprio nostris spontanea et bona voluntate nostra vendidisse tibi Raginfredo Monacho de Monasterio Sanctae Dei genitricis semperque virginis Mariae terram nostram in Septempentio, in appretiato solido uno. Et recepimus nos suprascripti Maurisso et Ubaldulus pro ipso solido paccam de lardo unam pro medio Solido et sex modia milii pro medio solido.

²⁾ *Troya*, № 844, V, 334. Примѣры перевода земли въ руки церкви у Шуппера, въ *Wiener Sitzungsbl.* XXXV, 484 и сл. Ср. *Enrico Poggi, Cenni storici*, II, 69 и сл.

недвижимой собственности въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Менѣ всего выставляются крупные свѣтскіе собственники въ Сполето и Беневентѣ, гдѣ герцогская власть действуетъ особенно самостоятельно, сосредоточившись вокругъ себя не только политическое значение, но и массу недвижимости. За то въ сѣверныхъ провинціяхъ, въ такъ-называемой Австріи и Невстрія, а особенно въ Тосканѣ, мы номинутно наталкиваемся на чрезвычайно крупныхъ владѣльцевъ. Стоитъ прочесть дарственную грамоту Сенатора и Теоделинды въ Павіи ¹⁾, (714 г.), завѣщаніе Тассилона въ Лукѣ ²⁾ (768), раздѣльный актъ епископа Передеа съ своимъ племянникомъ Синдерадомъ въ Лукѣ ³⁾ (762 г.), актъ основанія монастыря св. Петра въ Palazzo Вальфредомъ въ Пизѣ ⁴⁾ (754 г.), протоколъ допроса королевскаго нотариуса Гунтерама по дѣлу между епископами Сіены и Ареццо ⁵⁾ (715 г.), чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какими

¹⁾ Mon. Hist. Patr., XIII, 2. Надо замѣтить, что послѣдній издатель грамоты, Порро Ламбертиаги считаетъ ее подложною, какъ мѣр кажется, безъ достаточнаго основаній. См. однако Holder-Egger, Regesten, № 49.

²⁾ *Troya*, № 384, V, 440.

³⁾ *Troya*, № 778; V, 164.

⁴⁾ *Troya*, № 687, IV, 544.

⁵⁾ *Troya*, № 406; III, 186 и сл.: (I свид.) — — *dam tempore suo quondam Willerat et ejus filio Zotto enim (monasterium S. Ampsani) a fundamentis restaurasset — — in ipso monasterio me Willerat et Zotto ordinaverunt quia servus eorum proprius fui. — — (V) Presbiter Deusdedit senex de baptisterio S. Joannis in Rancia interrogatus dixit: — — misit me Willerat a Bonum hominem episcopum aretine ecclesie ut ipse me consecraret. — — (VII) Septimus Presbiter Garibald de monasterio S. Archangeli in Fundoloco interrogatus dixit: monasterio ipso fundavit Zotto, et pecunia ibidem dedi — — me consecrabit bone memorie Vitalianus episcopus Aretine ecclesie per rogo quondam Zottoni, quia cum epistola ejus ad eum ambulavi. (XXI) — — isto monasterio (S. Donati ab Apsa) dominus Aripertus Rex instituit, atque donavit propter suam mercedem, sed Warmnefrit gastaldus de sua substantia hic beneficio fecit. Nam cum epistola Warnefrit fuemus. — — Nam et S. Donato in Cintiliiano Vitalianus episcopus sgravit per rogo sacerdotum Arcane ecclesiae — — Homines fuerunt senenses, ambulabant ad S. Felice dioecia Clusina. Postea quod Uillerat subtraxit eos de plebe Clusina. (XXIII) — — Nam et in ecclesia S. Quirici in dioecia S. Donati ambulabamus ad baptismum et ad consignationem per manus episcopo Aretino, nam antiquo tempore ad S. Felice qui est dioecia Clusina ambulabamus, sed quia fuemus homines senenses, subtraxit nos exinde Willerat Gastaldus et fecit nos plebe S. Donati — — (XXVIII) cum epistola Willerat multoties electus clericus venire adecclesiam S. Donati — — (LIX) Item Gaudiosus liber homo similiter dixit: quinquaginta anni sunt, quod de Lucana civitate hic me collocavi. Et sedeo in terra quondam Zottani». — Поправки и до-*

имѣніями, или лучше сказать, какимъ количествомъ имѣній владѣли лангобардскіе аристократы различныхъ мѣстностей. По послѣднему изъ приведенныхъ документовъ въ центрѣ всего дѣла епископовъ за пограничные приходы оказывается могущественная семья Виллерада и Потто, которая держитъ въ своихъ рукахъ гастальдатъ въ Сиенѣ и въ то же время владѣть массою земель въ спорныхъ округахъ. Семья эта способствуетъ восстановленію правильной церковной организации въ предѣлахъ гастальдата, возобновляетъ разрушенія церкви и строить новые. Какъ гастальды сіенскіе, этимагнаты стараются расширить влияніе епископа Сіенскаго на всю область гастальдата и вытѣснить изъ нея чужихъ епископовъ Кіузи и Ареццо, не находящихся подъ ихъ могущественной рукой. Даже на основаніи отрывочныхъ и косвенныхъ данныхъ процесса можно составить себѣ представление о честолюбивой, широкой, насильственной политикѣ этихъ Виллерадовъ и Варнефридловъ, соединявшихъ силу должностнаго положенія съ земельнымъ богатствомъ. И если даже епископу Ареццо, человѣку также весьма сильному, имѣвшему непосредственный доступъ къ королю, было такъ трудно отбиться отъ подобныхъ враговъ, то каково же было бороться съ ними простымъ ариманнамъ! И замѣчательно, что оттѣ примѣръ сосредоточенія мѣстной силы въ рукахъ одного владѣльца относится чуть ли не половинѣ VII вѣка.

Нужно ли говорить, что богатство церквей и особенно монастырей, а вмѣсть съ тѣмъ ихъ общественное влияніе, начинаютъ слагаться и даже достигаютъ весьма значительной степени еще въ эпоху самостоительного лангобардскаго королевства? Монастыри св. Маріи въ Павіи, св. Софии въ Беневентѣ, св. Викентія на Вольтурно, знаменитыя аббатства Боббіо, Нонантула, Фарфа основаны и разрослись при лангобардскихъ короляхъ. Когда намъ придется, на основаніи подобныхъ свидѣтельствъ IX и X вѣка, характеризовать соціальное значеніе этихъ церковныхъ центровъ, мы вернемся къ тѣмъ даннымъ, которые остались намъ для оцѣнки ихъ влиянія и богатства въ періодъ предшествовавшій 774 году. Въ настоящее время мы должны коснуться еще тѣхъ случаевъ, когда въ грамотахъ выражалась уже не количественная или экономическая разница между крупными собственниками, съ одной стороны, мелкими владѣльцами и арендаторами,

поплемія сравнительно съ изданіями Брунетти и Тройа сдѣланы по копії XI вѣка, снятой пріимпідеріемъ Герардомъ. Рукопись хранится въ архивѣ соборнаго капитула въ Ареццо, за № 2.

съ другой, а политическая отличія этихъ общественныхъ классовъ. Феодальные отношенія существенно характеризуются, между прочимъ, тѣмъ, что крупное землевладѣніе привлекаетъ къ себѣ политическую силу и разлагаетъ государственное верховенство; путями къ этому результату являются у Франковъ коммандатія и иммунитетъ; и мы видѣли, на основаніи законодательныхъ памятниковъ, что, по крайней мѣрѣ, первое изъ этихъ явленій замѣчается въ лангобардской исторії. Оно оставило нѣкоторые слѣды и въ грамотахъ, хотя мы и не находимъ на лангобардской почвѣ тѣхъ постоянныхъ упоминаній о „mitium“, „sermo“, „mundium“, какія встрѣчаются во франкскихъ договорахъ, или такого развитаго института, какъ англо-саксонскій глафордатъ. Тѣмъ не менѣе, и у Лангобардовъ упоминаются, кромѣ рабовъ, либелларіевъ и дружинниковъ лица, находящіяся подъ личнымъ покровительствомъ и въ зависимости, лица, которыя, вѣроатно, отвѣчаютъ франкскимъ *in mundio vel in sermone positi*. Въ одномъ завѣщаніи 760 года нѣкто Атолльари оставляетъ часть своего имущества Синдрудѣ, которую онъ называетъ „*obsequialis mea*“¹⁾). Въ 761 г. монахи Алло и Альбани продаютъ аббатству Фарфѣ свои земли²⁾ и людей. При этомъ они упоминаютъ о вольноотпущеныхъ, поставленныхъ подъ защиту монастыря“. *Qui pro defentiore ipsorum ad ipsum superascriptum monasteriu aspectum et defensione habere debeant salva libertate sua.* Въ мѣновомъ актѣ 764 г. мы находимъ упоминаніе о платежѣ, по самому имени своему связаннымъ съ отношеніями покровительства, *mundium'a*³⁾). Оставляя участокъ свобод-

¹⁾ *Troya*, № 742, V, 77: *Si Sindruda obsequiale mea super decessu meo viherit, volo ut parte de vinea mea posita trans flumen in loco Iselito in integrum. simul et terra mea in Arena, mea portione in integrum: haec omnia post meo decessu sit in potestate ipsius Sindrude usufructuando et regendo tantum.*

²⁾ *Troya*, № 751, V, 97. *Шупфер*, въ *Wiener Sitzungsbl.*, XXXV, 490 приводитъ больше свидѣтельствъ, но подбираетъ ихъ, между прочимъ, изъ актовъ IX вѣка.

³⁾ *Troya*, № 825, V, 299, 300: *Ego Lupo actionarius filius ejusdem Rodeparti concambiaci tibi venerabilis Halane abbas de M. S. Dei genitricis Marie quod situm est in Acutiano vel cuncte congregati M. hoc est tertiam portionem de casale qui est in Scandiliano quantum a fratribus meis mihi in parte venit cum colonis qui in ipsa portione resident hoe est vobis in integrum tradidimus possidendum excepto quos filii ipsorum colonorum, qui liberi sunt de ipsa portione si exire voluerint mundionem quem nobis dare debent in M. S. Marie persolvant — — cum colonis qui in ipso casale resident hoc est Barosulo Corvuli et Godalo et alii homines liberos qui in ipso casale in colonia resident et in M. vel vobis mundionem habent dare mihi persolvere debeant.*

нынѣ, колоны должны откупаться у господина, заплативъ ему „шап-
діонемъ“.

Коммендація возникаетъ вслѣдствіе пріобрѣтенія власти надъ лицами, иммунитетъ—вслѣдствіе пріобрѣтенія власти надъ территоріей; послѣдній институтъ во всѣхъ отношеніяхъ шире первого. Тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ несомнѣнное средство. Охватывая всѣхъ свободныхъ людей, поселенныхъ на извѣстной терраторіи, коммендація естественно переходитъ въ иммунитетъ. Недостаетъ только прямаго признания правительствомъ исключительной власти, сложившейся въ терраторіи. И въ этомъ отношеніи первые, хотя весьма нерѣшительные, шаги сдѣланы уже въ лангобардскую эпоху. Шупферъ¹⁾ указываетъ на льготы и извѣятія въ отношеніи пошлинь и государственныхъ повинностей, которыми короли и герцоги надѣлаютъ монастыри. Но для нашей цѣли особенно интересна привилегія, выданная св. Викентію на Вальтурно, въ которой прямо упоминается о юрисдикціи монастыря надъ своими зависимыми людьми²⁾. Случай этотъ, правда, совершенно изолированный, но обстоятельство это объясняется легко именно тѣмъ, что впослѣдствіи, какъ замѣчаетъ Шупферъ,—иммунитетная привилегія поддѣльвались. Мы въправѣ предположить, что во многихъ монастыряхъ подлинныя грамоты, которыхъ, можетъ быть, изобразили бы намъ, болѣе или менѣе подробно, лангобардскій иммунитетъ, были замѣнены поддѣльными, распространявшиими понятіе иммунитета до предѣловъ, которые оно получило въ франкскую эпоху.

Остается сгруппировать разрозненные черты, на которыхъ я указывалъ до сихъ поръ, и восстановить передъ собою, насколько возможно, общій видъ лангобардскаго общества въ періодъ самостоятельности Лангобардскаго государства. Послѣ всего, что говорилось до сихъ поръ о неравенствахъ собственности, на каждомъ шагу поражающихъ насъ при чтеніи лангобардскихъ грамотъ, повліявшихъ

¹⁾ Istituzioni. 407 и сл. Ср. *Baudi di Vesme e Fossati*, Vicende della proprietà fondiaria, 217.

²⁾ Жалованная грамота Гваульса II Беневентского на церковь св. Маріи «in Locosanlo». *Troja*, № 649; IV, 394: Concedimus etiam, ut illi homines, qui super terram ipsius Ecclesiae ordinati fuerint ad laborandum, nullum publicum servitium facere alicui, nisi eidem sacro loco. Omnia vero in praedicta Ecclesia Sanctae Mariae concessa cum ipsa Ecclesia sub jurisdictione Monasterii Sancti Vincentii Martyris subjicimus perpetuis permanenda temporibus absque ullius molestia, vel contradictione.

на сословныхъ разграниченияхъ и выразившихъся поэтому въ юридическихъ памятникахъ, нѣтъ, кажется, надобности особенно настаивать на томъ, что лангобардское завоеваніе не повлекло за собою подчиненія итальянского землевладѣнія сельской общинѣ, которая, если не уничтожила, то сдерживала бы неравенства съ помощью передѣловъ и аграрной полиціи. Индивидуальный принципъ господствуетъ не всецѣло, но онъ стѣсняется не родовою или сельскою общиной, а представлениемъ о солидарности семьи въ имущественномъ отношеніи и о правахъ сыновей на наследство¹⁾). Нѣть данныхъ, чтобы предполагать влияніе на имущество лица болѣе широкихъ круговъ нежели семейный. Само по себѣ крайне невѣроятное предположеніе, что вся система римской собственности подверглась полной перемѣнѣ и уступила мѣсто общинной германской собственности, падаетъ совершенно вслѣдствіе того, что мы въ источникахъ постоянно слышимъ о частной собственности, свободномъ распоряженіи ею, сосредоточеніи ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣть никакихъ указаний на сколько нибудь значительное распространеніе общинного владѣнія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ выводить существованіе передѣловъ у итальянскихъ Лангобардовъ изъ такихъ свидѣтельствъ, какъ приводимая Шупферомъ²⁾ купчая, заключенная между Тинкуломъ и Мандіоломъ,—съ одной стороны, и Маурициемъ—съ другой, въ 730 году. Продавцы обязуются, въ случаѣ, если казна отберетъ у нихъ землю *de fiwadis*, за которую они взяли деньги, вознаградить покупщика въ другомъ мѣстѣ³⁾). Не говоря о фантастичности толкованія *fiwadia* отъ *Fipucus* и *wadia* (*fidejussio*), между тѣмъ какъ имѣется въ виду просто *Viehweide*, надо замѣтить, что ничто не заставляетъ предполагать какіе-либо передѣлы, а гораздо скорѣе можно думать въ данномъ случаѣ о предварительномъ раздѣлѣ или выдѣленіи земли казной, за которымъ и послѣдовала продажа, при естественной оговоркѣ о возможности другого надѣленія. Притомъ, если даже предположить тутъ передѣлъ, все-таки нѣть никакой возможности на основаніи одного подобного факта говорить о владѣніи общин-

¹⁾ *Pertile*, Storia del diritto, III, 365. См. слѣдующую главу.

²⁾ *Schupfer* въ *Sitzungsber.* XXXV, 433 и сл. Ср. *Istituzioni politiche* 404, гдѣ объясненіе, помалу, еще курьезнѣе.

³⁾ *Troya*, № 481, III, 534; — — Si qualire tempore forsitan ipsa terra propter nos nostra in integrum publicum requiescerit, et ad devesionem revinerit cuicumque in alio homine, et novis in alio locum ad vicem sorte redditum fuerit, si voluntaria tu Mauricius ipsa terra, nos tibi sine aliqua mora ipsa terra reddamus.

номъ въ строгомъ смыслѣ въ лангобардской Италии¹⁾). Въ то же время нельзя отрицать общаго пользованія нѣкоторыми угодьями, такъ какъ упоминанія о „silvae comitines“, „camps comitines“ встречаются въ достаточномъ числѣ въ нашихъ памятникахъ²⁾). Говоря о самомъ завоеваніи и заселеніи страны лангобардами, я привелъ одно мѣсто Павла Діакона, которое отлично объясняетъ спорадическое упоминаніе объ угодьяхъ въ общемъ пользованіи. Я разумѣю мѣсто относительно поселенія различныхъ Сарматовъ и Свевовъ цѣлыми отдѣльными деревнями³⁾). Въ подобной деревнѣ, занятой людьми одного племени, легко могли сохраниться порядки общинного пользованія хотя и тутъ примеръ окрестныхъ римскихъ и смѣшанныхъ поселеній долженъ былъ приводить къ быстрому разложению прежнихъ обычаевъ. Какъ бы то ни было, въ большинствѣ случаевъ завоеватели приобрѣли землю среди Римлянъ и черезъ Римлянъ, не внесли въ Италию какихъ-либо новыхъ экономическихъ принциповъ, а примѣнились къ существовавшимъ до завоеванія формамъ владѣнія и хозяйства⁴⁾). Оттого и самый общественный строй, основанный на землевладѣніи, измѣнился только въ частностяхъ вслѣдствіе толчка, даннаго завоеваніемъ; въ сущности же, главные общественные классы, ихъ отношенія и тенденціи развитія остались весьма сходными въ лангобардскую эпоху съ тѣмъ, чѣмъ они были въ эпоху римскую. Если что измѣнилось, то благодаря радикальной перемѣнѣ въ политической организаціи. Хотя завоеваніе дробитъ крупную собственность, создаетъ довольно многочисленный классъ среднихъ и мелкихъ собственниковъ германского происхожденія, тѣмъ не менѣе весьма быстро число ихъ уменьшается по причинамъ, которыхъ отгадать не трудно — благодаря обременительной тяжести военной

¹⁾ Wiener Sitzungsbl. XXXV, 433: Queste parole riassumano un'intera storia. Anzitutto la divisione e ridivisione delle sorti fra i cittadini del regno, il carattere pubblico di queste sorti, la fideiussione ad esse congiunta, il loro vincolamento a determinate famiglie o genti и пр. и пр. Ср. Pertile, Storia del diritto, IV, 323. *Бауди ди Весме и Фоскати* призываютъ для объясненія къ гипотезѣ вторичнаго раздѣла земель ок. 730 года, Vicende della proprietà fondiaria, 164.

²⁾ Schupfer въ Wiener Sitzungsbl. XXXV, 436.

³⁾ Paul. Diac. II, 32.

⁴⁾ *Бауди ди Весме и Фоскати* держатся иного взгляда. Они устанавливаютъ четыре вида права на землю и на вещи. Такого рода дѣленіе получается однако вслѣдствіе смѣшанія понятій о власти собственника и власти должностнаго лица. Vicenda della proprietà fondiaria in Italia, 159, и сл.

службы, благодаря затрудненію для мелкихъ людей охранять свою личную безопасность и собственность среди постоянныхъ смуты и борьбы, благодаря давленію сильныхъ сосѣдей, которые скапаютъ земли, отбираютъ ихъ за долги, наконецъ, просто отнимаютъ. Все это вліянія, неизбѣжныя въ исторіи варварскихъ государствъ и тѣмъ болѣе могущественны, что правительственная власть слишкомъ слаба и проникнута частнымъ характеромъ, чтобы воспротивиться этимъ вліяніямъ или хотя бы даже относиться беспристрастно къ возгорѣвшейся въ обществѣ борьбѣ за преобладаніе, собственность и существование. Правительственная власть становится сама орудіемъ для частныхъ цѣлей своихъ слугъ,—работаетъ ихъ обогащению и соціальному возвышенію. Повсюду образуются на счетъ мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ громадные комплексы собственности въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; при сосредоточеніи собственности сохраняется, вслѣдствіе отсутствія капитала и администраціи дробность хозяйства и разрозненность пользованія: при дробности хозяйства различные, совершенно разнородные классы зависимаго населенія сливаются въ общую массу полусвободныхъ оброчныхъ владѣльцевъ; при сосредоточеніи собственности слагается аристократія, которая не только отмѣчается въ обществѣ сословными привилегіями и обязанностями, но, кроме того, захватываетъ по отношенію къ зависимому населенію долю политического покровительства и вліянія.

Такимъ образомъ въ соціальномъ отношеніи лангобардская эпоха продолжаетъ дѣло римской эпохи по образованію колонатныхъ хозяйствъ на крупныхъ комплексахъ собственности и подготавливаетъ дѣло франкской и феодальной эпохъ по приведенію мелкаго свободнаго земледѣльческаго населенія въ политическую зависимость отъ аристократіи.

II. Виноградовъ.

МАКСЪ МЮЛЛЕРЪ И ФИЛОСОФІЯ ЯЗЫКА.

Сочиненіе Лудвига Нуара ¹⁾.

IV.

Максъ Мюллеръ и проблема происхожденія языка.

„Какъ ни казалось бы это парадоксальнымъ, но я утверждаю, что мы совершенно не можемъ знать индивидуумовъ и никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить индивидуальность какой-либо вещи.

„Нарцательные имена не только имѣютъ важное влияніе на раз-
витіе языковъ, но и прямо необходимы для нихъ. Еслибы сущес-
твовали только собственные имена (*nomina propria*) индивидуаль-
ныхъ вещей и не было именъ нарцательныхъ (*nomina appellativa*),
тогда вовсе невозможно было бы говорить“.

Этими замѣчательными словами въ „*Nouveaux essais sur l' enten-
dement humain*“ великий Лейбницъ пролилъ новый свѣтъ на сущность
языка и мышленія. Предшественникомъ его былъ Локкъ. Онъ также
сказалъ: „То, что обозначаютъ слова, есть общія понятія (general-
ideas)“.

„Такимъ образомъ“, продолжаетъ Лейбницъ, говоря о происхож-
деніи и образованіи общихъ понятій,— „все ученіе о родахъ и видахъ,
которое производитъ столько шума между записанными учеными, а по-
мимо ихъ не пользуется большимъ вниманіемъ, вполнѣ сводится

---

¹⁾ Окончаніе. См. юльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

только къ образованію абстрактныхъ понятій большаго или меньшаго объема, имѣющихъ известныя названія".

Не достойны ли вниманія эти слова и въ настоящее время? Не заключаютъ ли они въ себѣ мудраго наставленія о томъ, чтобы мы, прежде чѣмъ спорить о происхожденіи родовъ и видовъ во внѣшнемъ мірѣ, постарались уяснить себѣ, что разумѣется подъ этими словами, и какимъ образомъ такія понятія образуются въ нашемъ мышленіи, въ нашемъ духѣ? Замѣтимъ это кстати.

Анализируя человѣческій языкъ, мы изумляемся и поражаемся тѣмъ же, что обнаруживаетъ природа во всѣхъ своихъ созданіяхъ, именно—необыкнѣннымъ, безконечнымъ разнообразіемъ формъ при невѣроятной простотѣ и скучности средствъ. Кто могъ бы повѣрить (еслибы самъ не обратилъ на то вниманія), что весь человѣческій языкъ осуществляется посредствомъ различныхъ комбинацій самого незначительного количества звуковъ, и что весь процессъ человѣческаго мышленія, неразрывно связанного съ этимъ незначительнымъ средствомъ, совершается чрезъ посредство въ высшей степени простаго механическаго аппарата, приспособленнаго къ производству членораздѣльныхъ звуковъ?

Но чѣмъ же такое то внутреннее, духовное; что соотвѣтствуетъ этому механизму, слову, по скольку оно есть звукъ? Чѣмъ такое понятіе, значеніе словъ? Какимъ образомъ отдѣльные понятія могутъ выражаться отдѣльными звуками и быть понятными? Можетъ быть, это предметы внѣшняго міра, удерживаемые и воспроизводимые нами посредствомъ фонетическихъ знаковъ, то-есть, какъ говорить Цицеронъ: „*Vocabula sunt notaes gemitum*“, изреченіе, которымъ до Лейбница и Локка, по видимому исчерпалась сущность языка?

Эти вопросы вновь должны быть подвергнуты серьезной критикѣ, если желаемъ пролить новый свѣтъ на необыкновенно важную и столь же темную проблему происхожденія языка. И кажется, наступило время для болѣе энергичнаго и успѣшнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, если только великия результаты языкознанія суть не бесполезно нагроможденный матеріалъ, а драгоцѣнная собственность человѣчества для рѣшенія послѣднихъ, важнѣйшихъ вопросовъ философіи и антропологии.

Въ этомъ то и проявилось глубокомысліе и философскій духъ Макса Мюллера. Онъ первый изъ изслѣдователей языка рѣшился съ факеломъ эмпирическаго знанія (сознаніе необходимости его онъ также высказалъ въ числѣ первыхъ) заглянуть въ тѣ темныя глубины,

откуда только и можно ожидать удовлетворительного отвѣта на великий, загадочный вопросъ о происхожденіи человѣческаго духа.

Исходнымъ пунктомъ для него служатъ вышеприведенные взгляды Локка на сущность и особенность человѣческаго языка. Онъ приводить подлинныя слова знаменитаго англійскаго мыслителя, который, объяснивъ — какъ образуются общія понятія, какъ умъ, наблюдая одинъ и тотъ же цвѣтъ въ извести, снѣгъ и молокъ, соединяетъ эти частные представленія подъ общимъ понятіемъ бѣлизны,—продолжаетъ: „Если у кого-либо возникнетъ сомнѣніе относительно того, не могутъ ли и животныя такимъ же образомъ соединять и распространять до известной степени свои понятія, то, по моему мнѣнію, можно положительно утверждать, что способность абстракціи имъ совершенно чужда, что, напротивъ того, способность образования общихъ понятій составляетъ существенное отличіе человѣка отъ животныхъ и наше преимущество, котораго никогда животныя не могутъ достигнуть“¹⁾.

Но эта способность абстракціи или образования общихъ понятій, продолжаетъ Максъ Мюллеръ,—можетъ проявиться только при посредствѣ языка, который составляетъ исключительную особенность человѣка, принадлежитъ ему по стольку, по скольку онъ—человѣкъ. То, что во внѣшнемъ мірѣ — языкъ, то во внутреннемъ — разумъ. Онъ есть самый рѣзкій отличительный признакъ различія между человѣкомъ и животнымъ. Поэтому тайна происхожденія человѣка можетъ быть освѣщена только объясненіемъ происхожденія языка. Какія же объясненія даетъ намъ сравнительное языкознаніе на основаніи изслѣдовавшаго до сихъ поръ материала, объясненія, съ помощью которыхъ за решеніе этого вопроса можно было бы приняться съ большою надеждой на успѣхъ.

„Результатъ моихъ лекцій“, — говорить нашъ авторъ, „таковъ: послѣ того какъ мы объяснили въ развитіи языка все доступное объясненію, остается не объясненнымъ одно — такъ называемый корень. Эти корни составляютъ существенные элементы всѣхъ языковъ. Открытие это чрезвычайно упростило проблему происхожденія языка. Оно навсегда покончило съ тѣми мечтательными описаніями его, которыхъ обыкновенно предполагались доказательству въ пользу божественнаго происхожденія языковъ. Мы уже не услышимъ болѣе о томъ чудесномъ средствѣ, которое можетъ выражать все, что мы воспринимаемъ по-

¹⁾ Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, S. 305.

средствомъ зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и езжанія, которое есть живой отпечатокъ вселенной, которое даетъ форму возвышеннымъ чувствамъ нашей души и тѣлесный образъ самымъ смѣлымъ грезамъ нашей фантазіи, которое въ точной умственной перспективѣ соединяетъ настоящее, прошедшее и будущее и на всемъ выражаетъ различные оттенки увѣренности, сомнѣнія, случайности. Все это совершенно вѣрно, но уже не кажется намъ чудеснымъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сказки изъ „Тысячи и одной ночи“. Умозрительный духъ, говорить д-ръ Фергюсонъ,—при сравненіи первой и послѣдней ступени прогрессивного развитія языка чувствуетъ такое же изумленіе, какъ путешественникъ, который, постепенно поднявшись на горныхъ высоты и потомъ внезапно взглазнувъ оттуда внизъ въ неизмѣримо глубокую пропасть, думаетъ, что онъ могъ подняться на такую ужасную высоту только при посредствѣ сверхъестественной помощи. Нѣкоторымъ, умамъ кажется заблужденіемъ и униженіемъ перейти съ этой возвышенной точки зрѣнія на историческую почву. Они предпочитаютъ непонятное, которому могутъ удивляться, понятному, которое могутъ уразумѣть. Но для зрѣлого ума дѣйствительность привлекательные вымысла, и простота идей дороже запутанности. Хотя эти корни покажутся, можетъ быть, сухими въ сравненіи со стихотвореніями Гете, однако въ одномъ кориѣ заключается нечто болѣе изумительное, чѣмъ во всей лирической поэзіи міра.

Что же такое эти корни? Въ нашихъ новыхъ языкахъ они могутъ быть обнаружены только посредствомъ научнаго анализа, и относительно древнихъ языковъ до санскрита включительно мы можемъ сказать, что собственно корень никогда не употреблялся въ качествѣ пошеп или verbum. Но первоначально однако онъ употреблялся такимъ образомъ, и въ китайскомъ языѣ, къ счастію, сохранился представитель той первоначальной корневой формациіи языка, лежащей, подобно граниту, подъ другими пластами человѣческой рѣчи. Поэтому корни суть не просто научныя абстракціи, какъ обыкновенно утверждаютъ, но они первоначально употреблялись какъ настоящія слова. Теперь мы должны решить: какой внутренній духовный фазисъ соответствуетъ этимъ корнямъ, какъ зародышамъ человѣческой рѣчи?

Сколько новыхъ истинъ, высказанныхъ въ простой, удобопонятной формѣ! Какъ много въ нихъ наставленія и возбужденія для философской мысли, хотя, къ сожалѣнію, для большинства нынѣшнихъ философовъ слова эти остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Про-

блема происхождения языка приведена въ такую простую форму, указанна узкая тропинка, хотя чрезъ густую чащу терновника, но прямо ведущая къ цѣли. Изслѣдуйте происхождение этихъ корней, этикъ residua, оставшихся въ титлѣ химика; языкознаніе открываетъ предъ вами къгдатъ періодъ жизни языка. Omne vivit ex ого,—эти ога, открытыя физиологіей языка въ ея эмпирическихъ изслѣдованихъ, суть корни. Посредствомъ еще не выясненного наукой развитія и роста ихъ вся языки возвысились на степень чудныхъ образовъ, чувственныхъ формъ разума и внѣшнаго средства духа. Съ помощью этихъ корней и внутренняго ихъ содержанія человѣкъ всю вселенную обратилъ въ свою духовную собственность, выражая и отпечатливъ ее въ этихъ формахъ.

Откуда же взялись эти корни? Какъ они произошли? Какъ стали они постоянной собственностью человѣка? Какъ получили они свои значенія? Когда Максъ Мюллеръ читалъ свои лекціи, между языковѣдами были въ ходу преимущественно два мнѣнія по этому вопросу: энергическая борьба съ этими мѣйніями и окончательное изгнаніе ихъ изъ области языкознанія составляла исключительную, прочную его заслугу.

Оба эти мнѣнія основываются на одномъ, всюду распространенному, естественному и потому извинительному заблужденію. Именно, какъ языкъ все выражаетъ посредствомъ звуковъ, то очень естественно было, по крайней мѣрѣ по отношенію къ его элементамъ, то-есть, корнямъ, изслѣдовать причинную связь, каковая преполагалась между звукомъ и значеніемъ его.

Излюбленной у языковѣдовъ древняго и нового времени была теорія звукоподражательная, или какъ называлъ ее Максъ Мюллеръ, „гав-гав-теорія“. „Такъ какъ являющееся намъ во внѣшнемъ мірѣ“, говорить Гейгеръ, — „не представляетъ другого пункта сравненія со словомъ, кроме того, что оно также можетъ быть воспринято слухомъ и притомъ чрезъ посредство какого-либо похожаго на слово звука, то понятно, почему эта гипотеза могла показаться необыкновенно ясною и удачною“.

Еще божественный Платонъ въ своемъ безконечно прекрасномъ діалогѣ „Кратиль“ указалъ на возможность такого происхожденія словъ, при чемъ однако сдѣлалъ въ высшей степени глубокомысленное замѣчаніе: „Подражать голосамъ животныхъ отнюдь не значитъ называть ихъ“ (то-есть, животныхъ).

Лейбницъ¹⁾ также признавалъ звукоподражательность, и именно по отношению къ голосамъ животныхъ, обильнымъ источникомъ множества коренныхъ словъ: „Сюда относится, напримѣръ, латинскій глаголь соахаге“, говорить онъ,— „который употребляется о лягушкахъ и соответствуетъ нѣмецкому quaken (русс. квакать). Вообще, и многія другія нѣмецкія слова заимствованы, кажется, отъ крика и шума этихъ животныхъ. Такъ, до настоящаго времени употребляется производное отъ этого глагола слово въ формѣ уменьшительного имени о праздновѣ болтунѣ и пустомель „Quackeler“ (состѣ. „квакунъ“). А такъ какъ звукъ или крикъ животныхъ служитъ признакомъ жизни, и по немъ узнаютъ живое существо, не видя его, то отсюда же произошло древнѣе нѣмецкое слово „queck“ (англ. quick). Ясные слѣды этого слова сохранились до сихъ порь въ языѣ: Quecksilber = vif-argent (живое серебро, ртуть), erquicken (оживлять, укрѣплять); точно также словомъ Quecke называется неистребимая, повсюду встрѣчающаяся на поляхъ сорная трава“ (пырей). Едва ли нужно прибавлять, что эти сравненія въ сущности несостоятельны.

Гердеръ тоже держался этой теоріи; голоса животныхъ, по его мнѣнію, служатъ для наблюдающаго человѣческаго духа признакомъ отличія. „Ты—блѣющее“, говорить человѣкъ овѣ, и вслѣдъ затѣмъ звукъ животнаго неразрывно соединяется съ представлениемъ самаго животнаго. Точно также и Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ геніальномъ сочиненіи: „О различіи организмовъ человѣческаго языка и о вліяніи этого различія на умственное развитіе человѣческаго рода“²⁾ признавалъ подражаніе звукамъ природы важнымъ факторомъ при образованіи языка, хотя отъ него не скрылась слабость и сомнительность этой гипотезы, по смыслу которой человѣческий языкъ въ продолженіе извѣстнаго времени былъ концептомъ голосовъ различныхъ животныхъ. „Это“, говорить онъ,— „настоящая живопись въ словахъ: какъ картина представляетъ видъ, въ какомъ предметъ является взору, такъ языкъ обозначаетъ то, что дѣйствуетъ на слухъ. Такъ какъ здѣсь для подражанія берется не членораздѣльный звукъ, то этотъ способъ выраженія находится въ некоторымъ образомъ въ противорѣчіи съ членораздѣльностью слова: отъ этого противорѣчія въ звукоподражательныхъ словахъ физический звукъ или преобладаетъ во вредъ членораздѣльности, или самъ ослабѣваетъ до того, что тѣ-

¹⁾ Nouveaux essais, livre III, chap. 2.

²⁾ Русскій переводъ П. Биллярскою. С.-Петербургъ. 1859, стр. 76.

ряется звуковое сходство съ предметомъ—смотри по тому, въ какой мѣрѣ сильно или слабо чувство членораздѣльности дѣйствуетъ на образованіе такихъ словъ. Поэтому звукоподражательность, если она сильно развита въ языкѣ, подвергаетъ его упреку въ нѣкоторой грубоcти, и тамъ, гдѣ господствуетъ вѣрное чувство языка, звукоподражаніе является рѣдко и при дальнѣйшемъ развитіи языка все болѣе и болѣе исчезаетъ¹⁾.

Эта теорія, какъ бы ни казалась она ясна и заманчива, противорѣчить всѣмъ извѣстнымъ до сихъ поръ фактамъ языка. Эту истину съ величайшою опредѣлленностью и рѣшительностью высказалъ Максъ Мюллеръ и тѣмъ навсегда устранилъ постоянно повторявшіяся попытки производить языкъ изъ того источника, которому суждено то позвалиться, то вновь теряться въ пескѣ. „На это мы возразимъ“, говоритъ онъ¹⁾, — „что хотя во всякомъ языкѣ есть слова, образовавшіяся посредствомъ простаго звукоподражанія, но они составляютъ самую незначительную часть словаря. Они—игрушки, а не орудія языка и всякая попытка привести самыя обыкновенные и употребительныя слова къ звукоподражательнымъ корнямъ, въ концѣ концовъ кончается полной неудачей... Нельзя, конечно, отрицать того, что какой-либо отдѣльный языкъ могъ образоваться на началахъ звукоподражанія, но имѣеть полное право утверждать, что до сихъ поръ не найдено ни одного языка, который дѣйствительно образовался бы на этихъ началахъ. Есть, конечно, нѣкоторыя слова, какъ, напримѣръ, кукушка, составленныя очевидно по звукоподражанію. Но такого рода слова подобны искусственнымъ цветамъ, не имѣющимъ корня. Они бесплодны и неспособны выразить ничего иного, кроме того предмета, звуку которого подражаютъ. Такъ какъ слово кукушка не выражаетъ ничего другаго, кроме крика извѣстной только птицы, то его нельзя было примѣнить къ обозначенію какого-либо общаго качества, которое было бы принадлежностью и другихъ живыхъ существъ.... Слово кукушка никогда не могло ничего иного обозначать, кроме кукушки, и между тѣмъ какъ слово Rabe (воронъ) (произведенное отъ богатаго значеніями корня RU = шелестить, шумѣть, кричать) указываетъ на многія родственныя по происхожденію слова отъ гитог (шумъ) до gufen (звать), отъ гаупен (шептать) до англ. то gouw, — кукушка стоитъ совершенно отдельно и одиноко, какъ

¹⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, I, S. 309.

старый холостякъ, какъ сухой колъ въ живой, покрытой свѣжими листьями изгороди.

„Какъ бы мы ни старались отыскивать внутреннюю связь между звукомъ и значеніями словъ въ нашихъ теперешнихъ языкахъ, думая, напримѣръ, въ squirrel слышать шелестъ бѣлки, въ Krähe (ворона), Katze (кошка) и т. п. звуки, свойственные этимъ животнымъ, однако всѣ эти звукоподражанія исчезнутъ, какъ скоро мы прослѣдимъ темы, послужившія къ образованію словъ, до ихъ происхожденія изъ корней. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что известные намъ языки не образовались изъ ревущихъ, шипящихъ, бренчащихъ, трескучихъ, шумящихъ и гремящихъ звуковъ природы, а указываютъ на другое происхожденіе“.

Вторая теорія, также имѣющая видныхъ представителей между философами языка, производила языкъ, по примѣру Эпикура, а изъ новыхъ Де-Бресса (*Traité de la formation mécanique des langues* 1756¹) и Кондильяка, отъ звуковъ, выражающихъ чувствованія человѣка. Этую теорію, признающую звуки, воскликанія радости и скорби зачатками человѣческой рѣчи, Максъ Мюллеръ кратко и мѣтко называлъ „фу-фу-теоріей“ или междометкой.

Эта теорія также вполнѣ опровергается выводами языкоznанія „Безъ сомнѣнія“, говорить Максъ Мюллеръ²), „во всякомъ языке есть междометія, и некоторые изъ нихъ могли войти глубже въ составъ языка и послужить къ составленію сложныхъ словъ. Но все-таки это не языкъ. Языкъ начинается тамъ, где кончаются междометія. Между настоящими словомъ, напримѣръ, смѣяться“ и воскликаніемъ ха! ха!, между „страдать“ и „охъ!“ такая же разница, какъ между непроизвольнымъ актомъ и звукомъ чиханья и глаголомъ „чи-

¹) Такъ какъ эта теорія, не смотря на ясное какъ божій день опроверженіе Макса Мюллера, находить еще много приверженцевъ между естествоиспытателями, то пусть будетъ известно имъ, что они напрасно изопрятъ свою фантазію: въ этой остроумной книгѣ они найдутъ все, что можно было сказать разумного, если только можно построить что-либо разумное на противорѣчащемъ здравому смыслу основаніи, а именно, что г, litera sapientia, обозначаетъ непрѣятное, что голосъ скорби глубокъ—oh, heu, hélas,—голосъ изумленія отличается высотой—oh, ah, голосъ радости—краткій и повторяющійся—ha, ha, ha, he, he, he, неудовольствіе и отвращеніе выражается губными звуками—fl, vae, rub, rufi, сомнѣніе и отрицаніе носовыми—huh, hoh, hon и т. д., и что отъ нихъ происходятъ самыхъ употребительныхъ слова!

²) Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache I, S. 315.

хать". Огромную разницу между языкомъ и междометіями прекрасно высказалъ еще Горнъ Тукъ: „Царство языка“, говорить онъ, —, основывается на упадкѣ и гибели междометій“. Безъ искусной изобрѣтательности языка человѣческаго ничего не имѣлось бы, кроме междометій, для взаимной изустной передачи всѣхъ своихъ чувствъ. Ржаніе лошади, ревъ коровы, лай собаки, чиханье, кашель, стоикъ, крикъ съ такимъ же правомъ могутъ быть названы частими рѣчи, какъ и междометія. Произвольно употребляются междометія только тогда, когда сила и внезапность душевного волненія или страсти возвращаютъ человѣка къ естественному состоянію и заставляютъ его на время забыть употребленіе языка или вслѣдствіе какого-нибудь обстоятельства краткость времени не позволяетъ воспользоваться имъ.

„Правда, одно краткое междометіе можетъ быть выразительнѣе, точнѣе, краснорѣчивѣе цѣлой длинной рѣчи; правда, восклицаніе, соединенное съ оживленными тѣлодвиженіями, съ выражениемъ глаꙗть, гораздо лучше можетъ выразить содержаніе чувствованія, чѣмъ всѣ слова, но все-таки это не языкъ, по крайней мѣрѣ не тотъ языкъ, который является намъ въ качествѣ человѣческаго языка всюду, где мы встречаемся съ людьми.... Что касается попытки этимологически производить прямо отъ междометій нѣкоторыя изъ нашихъ словесныхъ формъ, то онъ всегда будутъ безуспѣшны, и именно вслѣдствіе того ложнаго мнѣнія, по которому мы видимъ въ звуки элементъ выразительности.

Обѣ теоріи, какъ звукоподражательная, такъ и междометная, опровергаются тѣми философскими соображеніями, сущность которыхъ высказана Лейбницемъ въ словахъ, приведенныхъ въ началѣ этой главы:

„Еслибы существенные элементы человѣческой рѣчи были или только простыми восклицаніями, или подражаніями звукамъ природы, то трудно было бы понять, почему животные не имѣютъ языка. Не только попугай, но и пересмѣшникъ, и другія птицы очень удачно подражаютъ членораздѣльнымъ и членонераздѣльнымъ звукамъ, и нѣтъ почти ни одного животнаго, которое не могло бы произнести такихъ междометій, какъ бз, уа и т. п. Очевидно также, что если обладаніе общими понятіями обусловливаетъ полное различие между человѣкомъ и животнымъ, то языкъ, основывающійся на междометіяхъ и подражаніяхъ крикамъ животныхъ, не могъ бы служить вицѣниемъ выраженіемъ этой отличительной способности человѣка. Въ такомъ случаѣ всѣ слова, по крайней мѣрѣ въ началѣ (а это только и занимаетъ насъ теперь), были бы знаками индивидуаль-

ныхъ впечатлѣній и ощущеній и только постепенно, мало по малу, примѣнялись бы къ выражению общихъ понятій¹⁾.

Теорія, основывающаяся на анализѣ языка по законамъ языко-знанія, прямо противорѣчить вышеприведеннымъ воззрѣніямъ. Въ концѣ концовъ мы получаемъ корни, изъ которыхъ каждый выражаетъ общую, а не индивидуальную идею. Каждое слово, если мы анализируемъ его, заключаетъ въ себѣ предикативный корень, по которому мы узнаемъ предметъ, къ нему относящийся".

Другими словами, сущность языка состоитъ не въ томъ, что известными предметомъ вышнаго міра вызывается звукъ изъ глубины чувствующаго и воспринимающаго существа — этому воззрѣнію соответствуетъ теорія рефлексивныхъ звуковъ Штейнталя, — но въ томъ, что этимъ звукомъ иѣчто сказывается, что при этомъ иѣчто мыслятся и иѣчто предицируется о предметѣ.

Въ этомъ отношении Максъ Мюллеръ высказалъ великую, неоцѣненно важную истину (за которую мыслители люди дадутъ ему прозвание: „Дарвинъ духа“), выставивъ безпрерывную, обусловливаемую продолжительнымъ развитіемъ преемственность понятій, какъ несомнѣнныи, важныи выводъ языко-занія.

„Никогда“, говорить онъ, — „не бываетъ въ исторіи развитія языка, на сколько оно доступно нашему наблюденію, чтобы объектъ или понятіе соединялось со звукомъ вдругъ, какъ бы ни съ того, ни съ сего, какъ бы чрезъ нѣкотораго рода generatio aequivoса. Объектъ существуетъ для нашего сознанія только въ понятіи, которое мы о немъ имѣемъ, а само понятіе существуетъ только въ звуки, то-есть въ тѣхъ, во вышнемъ знакѣ, если угодно“.

Къ такому же выводу пришелъ и Лазарь Гейгеръ. Въ виду важности предмета я позволю себѣ привести наиболѣе важныи мысль изъ его сочиненія „Ursprung der Sprache“ (стр. 127 и 64), которая еще болѣе подтверждать и уснить мысль Макса Мюллера:

„Въ духовной природѣ также не бываетъ скачковъ, какъ и въ физической, духовное развитіе слагается изъ столь же малыхъ элементовъ, какъ и физическое.

„Медленность развитія, выданіе противоположности изъ незавѣтныхъ уклоненій повсюду въ исторіи служитъ причиной, съ одной стороны, раздѣленія значенія, и съ другой — уясненія его... Я не могъ отыскать такого пункта, когда понятіе являлось бы вдругъ, — такое

¹⁾ Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache I, S. 318.

понятіе, которое не происходитъ отъ другаго, уже существующаго, когда, следовательно, дутъ принужденъ быть для представлениі искать вѣшнаго выраженія въ звукѣ или вслѣдствіе новаго впечатлѣнія возвуждать себя къ воспроизведенію звука".

Своё мнѣніе Гейгеръ основываетъ, какъ видно изъ этихъ словъ, на любой мысли великаго Лейбница, что природа нигдѣ не допускаетъ скачковъ, что, напротивъ, всѣ измѣненія, какъ переходы только, въ высшей степени незначительны,—на мысли, которая, по выразительному замѣчанію Лейбница, поднимаетъ вопросъ о переходныхъ ступеняхъ между животнымъ и человѣкомъ. Эти посредствующія сущеста, хотя и погребенныя подъ развалинами необыкнаго прошедшаго, нѣкогда дѣйствительно существовали, жили; надъ оживленіемъ или возстановленіемъ ихъ соединенными силами работаютъ языкознаніе и философія, стараясь открыть засыпанный источникъ происхожденія языка.

Но и основная мысль преемственности или генетической связи всѣхъ человѣческихъ понятій была уже въ геніальной головѣ Лейбница, хотя и не такъ ясно сознавалась имъ, какъ могли ее высказать Максъ Мюллеръ и Гейгеръ, смотря съ высоты науки на громаду бывшаго въ ихъ распоряженіи материала. Вообще изъ тѣхъ идей, которыхъ наиболѣе интересуютъ современные умы, нѣть почти ни одной, которой въ зародышномъ состояніи нельзя было бы найти въ сочиненіяхъ Лейбница. Въ доказательство я приведу нѣкоторыя мысли изъ его „*Nouveaux essais*“ (IV, chap. 4):

„Развѣ вы забыли, любезный Филалетъ, что наши идеи искони лежатъ въ нашей душѣ, и что всѣ наши мысли происходятъ изъ своего собственнаго источника, помимо непосредственнаго влияния на душу постороннихъ факторовъ“, говорить Лейбницъ въ опроверженіе теоріи Локка о происхожденіи нашихъ идей изъ чувственнаго наблюденія.

Если эта мысль истинна, если ее подтверждаетъ и громко высказываетъ языкознаніе, признаніемъ именно этой истины, возвведеніе на степень науки, то мы пріобрѣтаемъ драгоценную, прочную почву для дальнѣйшаго изслѣдованія, и исчезавшую до сихъ поръ въ туманной дали проблема происхожденія языка вдругъ приближается на доступное намъ разстояніе, вдругъ появляется на видимомъ для насъ горизонтѣ съ ясно обозначенными границами.

Выходы, которые сдѣлалъ самъ Максъ Мюллеръ изъ этой важной основной истины, суть слѣдующіе:

1) Звуки языка вездѣ и во всѣ времена обладали известнымъ значеніемъ, и звуками языка они стали по стольку, по скольку имѣли это свойство. Этимъ выводомъ ниспровѣргаются обѣ теоріи: и междометная, и звукоподражательная.

2) Въ языѣ нѣтъ ничего мертваго, чѣмъ не было бы нѣкогда живымъ. Этимъ положеніемъ объясняется и устраняется видимая исключительность флексий, образовательныхъ слоговъ и всего формального состава языка. Слово *frucht-bag* не могло бы явиться, еслибы второй слогъ не имѣть собственнаго, самостоятельнаго значенія; а если въ сознаніи современнаго языка утратилось его значеніе, то наука объясняетъ намъ, что слово это имѣло такое же значеніе, какъ *frucht-bringend*¹⁾.

3) Начиная съ простыхъ элементовъ—односложныхъ, первичныхъ корней, языкъ прошелъ періодъ вторичныхъ, третичныхъ корней, потомъ возроставшее обиліе образованій и формъ полисинтетического или агглютинирующаго періода, прежде чѣмъ достигъ ясности, точности, чуднаго богатства мыслей и выразительности, свойственныхъ періоду флексивному и новѣйшимъ языкамъ. Путь науки долженъ быть, конечно, обратный. Цѣль языковданія тамъ, гдѣ—колыбель языка.

4) Въ духѣ корнямъ соответствуютъ прочные, постоянные элементы разума; почти всѣ они предикативнаго характера, и только немногіе изъ нихъ, именно мѣстоименныя темы, указательныя. Такимъ образомъ, по скольку корни, какъ звуки, есть фонетические типы, по стольку въ духѣ имъ соответствуютъ логические типы, типы мысли, тѣ—phonetical types, а эти—conceptual types или gational concepts. Другими словами, эти послѣдніе суть постоянныя формы и нормы, въ которыхъ языкъ, то-есть, мысль разума, отпечаталъ и обратила въ свою собственность все твореніе.

5) Первоначальными духовными содержаніемъ, древнѣйшими значеніями корней, на сколько они доступны анализу изслѣдователя, было ничто иное, какъ чувственная восприятія, впечатлѣнія, *sensuous impressions*.

¹⁾ Въ русскомъ языкѣ оба эти прилагательные *fruchtbar* и *fruchtbringend* имѣютъ значение—плодородный, плодоносный. Чтобы показать на русскомъ языкѣ различие между ними съ рассматриваемой точки зрѣнія, въ соответствие первому изъ нихъ, можно, можетъ быть, поставить неупотребительное въ простомъ видѣ прилагательное (без—, иного—) плод—и—ый; тогда второму будетъ соответствовать плод—о—носный, плодъ приносящий. *Прим. перев.*

На этомъ положеніи, какъ на пунктѣ, до котораго въ лицѣ Макса Мюллера дошло языкознаніе по вопросу о происхожденіи языка, счи-
тавшемся до сего времени не разрѣшимымъ, я долженъ остановиться
нѣсколько дольѣ. Съ этого пункта и самъ Максъ Мюллеръ произво-
дилъ изслѣдованіе; но изслѣдованіе его не могло быть особенно плодо-
творнымъ, потому что положеніе это хотя и заключаетъ въ себѣ
истину, но высказываетъ не всю ее, а скорѣе только половину, одну
сторону истиннаго содержанія дѣла.

Въ виду важности предмета, я приведу подлинныя слова его:
„All roots i. e. all the material elements of language, are expressive
of sensuous impressions, and of sensuous impressions only“ (Lectures
on the science of language, edit. II, p. 372) (всѣ корни, то-есть,
всѣ материальные элементы языка, выражаютъ чувственныя впечатлѣ-
нія, и только одни чувственныя впечатлѣнія). „The only definition
we can give of language, during that early state is, that it is the
conscious expression in sound, of impressions received by all the
senses“ (Chips from a German Workshop, vol. II, p. 54) (единствен-
ное опредѣленіе, которое мы можемъ дать языку въ такомъ раннемъ
его состояніи, это то, что онъ есть сознательное выраженіе въ звукахъ
впечатлѣній, ощущаемыхъ всѣми чувствами).

Я сказалъ: съ этого пункта Максъ Мюллеръ производилъ изслѣ-
дованіе таинственнаго, скрывавшагося до сихъ поръ отъ взоровъ смерт-
наго, происхожденія языка и разума. Построенная имъ сообразно съ
этотою основною мыслью теорія слѣдующая¹⁾:

„Существуетъ законъ, общий почти для всей природы, по которому всякая существующая вещь издаетъ звукъ. Всякое вещество имѣеть свой особенный звукъ. О болѣе или менѣе совершенномъ строеніи металловъ мы можемъ судить по ихъ сотрясеніямъ, по от-
вѣту, который даютъ они, если спросить у нихъ о свойственномъ имъ отъ природы звукѣ. Золото звучитъ иначе, нежели свинецъ, дре-
рево иначе, нежели камень, и это различие звуковъ обусловливается
различиемъ сотрясений тѣлъ. То же было и съ человѣкомъ, соверше-
нѣйшимъ изъ организмовъ между всѣми созданіями природы. Чело-

¹⁾) Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Deutsch von Böttger, S. 331.
Кстати замѣтимъ здѣсь, что профессоръ Максъ Мюллеръ самъ никогда не удовас-
твовался вѣрю, соединяющею съ именемъ Гейзе, теоріей, принимая ее только
за неимѣніемъ лучшей. Это видно, напримѣръ, изъ его «Vorlesungen über Darwins
Sprachphilosophie», где онъ искалъ другого рѣшенія данного вопроса.

вѣкъ въ совершенномъ первобытномъ состояніи былъ одаренъ не одною только способностью выражать свои чувствованія междометіями и свои ощущенія—звукоподражаніями, подобно животнымъ; онъ обладалъ также способностью придавать разумныя концепціямъ своего духа болѣе совершенное, членораздѣльное выраженіе. Эту способность онъ не самъ образоваль. Это былъ инстинктъ, инстинктъ духа, столь же непроизвольный, какъ и всякий другой инстинктъ. Человѣкъ утрачиваетъ свои инстинкты, когда перестаетъ нуждаться въ нихъ; вѣшнія чувства его ослабѣваютъ, когда они становятся бесполезными для него, какъ напримѣръ, чутье. Такъ утратилась та творческая способность, дававшая каждому представлению, послѣ первого его образования въ мозгу, звуковое выраженіе, когда исполнила свое назначение. Число этихъ фонетическихъ типовъ въ началѣ должно было быть почти бесконечно велико, и только благодаря процессу естественного выданія, который мы еще можемъ наблюдать въ древнейшей исторіи словъ, постепенно уничтожились нѣкоторые изъ массы болѣе или менѣе синонимическихъ корней, и всѣ они приведены къ известному количеству опредѣленныхъ типовъ. Вместо того, чтобы производить языкъ отъ девяти корней, какъ дѣлаетъ д-ръ Меррей (Merray), или отъ одного, мы должны признать, что первому образованію корневыхъ элементовъ предшествовалъ періодъ неограниченаго роста—весна языка, за которую послѣдовала не одна осень”.

Здѣсь, я полагаю, будеть умѣсто привести тѣ пункты, въ которыхъ Лазарь Гейгеръ отступаетъ отъ Макса Мюллера, съ которымъ онъ почти вездѣ согласенъ, и выбираетъ путь, болѣе правильный по моему мнѣнію и ближе ведущій къ цѣли. Эти два пункта слѣдующіе:

1) Болѣшная послѣдовательность въ отношеніи къ тому главному принципу, что языкъ производить, развиваетъ одно понятіе изъ другаго.

О гипотезѣ Макса Мюллера въ частности Гейгеръ говорить слѣдующее: „Предположеніе утраченной въ настоящее время способности къ созданію языка и соединяющееся съ этимъ мнѣніе о совершенствѣ первобытнаго состоянія приводить насъ къ непонятному, и мы не далеки отъ признания того, что по самой природѣ вещей для насъ навсегда невозможно понять истинный смыслъ первоначальныхъ корней и объяснить фактъ происхожденія языка”. Самъ Гейгеръ остался нѣренъ основному положенію, что при происхожденіи языка дѣло совершалось точно также, какъ совершается теперь при развитіи

всѣхъ языковъ, только несравненно медленнѣе; поэтому онъ предполагаетъ въ началѣ не безчисленное множество звуковъ, а одинъ только звукъ, вызванный извѣстнымъ представлениемъ. „Ключъ къ значенію слова лежитъ въ утратившемся значеніи... Масса дѣйствительно присущихъ всѣмъ словамъ значеній, можетъ во всякомъ случаѣ быть сведена къ одному центральному пункту, и пунеть этотъ не иначе гдѣ, какъ въ происхожденіи самаго языка... Но почему же слова первоначально имѣютъ такъ мало значеній, и чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ меньше? На это я могу дать только одинъ отвѣтъ: потому что въ началѣ человѣкъ такъ мало замѣчалъ“ (*Ursprung der Sprache*, S. 130).

2) Чувственныя ощущенія, которыхъ признаетъ Максъ Мюллеръ въ качествѣ источника происхожденія языка, допуская дѣйствіе впечатлѣній всѣхъ вѣнчанихъ чувствъ (*impressions received by all the senses*), Гейгеръ ограничиваетъ однимъ чувствомъ зрѣнія. „Непропровержимое убѣжденіе, вынесенное мною изъ наблюденія надъ всѣми вещественными составомъ языка, на сколько онъ былъ доступенъ моему наблюденію, слѣдующее: Ощущеніе, о постепенномъ возрастаніи которого свидѣтельствуетъ языкъ, есть ощущеніе зрительное... Различеніе предметовъ посредствомъ зрительныхъ ощущеній, и интересъ именно къ этому, составляетъ отличительную особенность человѣка“ (*Ursprung der Sprache*, S. 142).

Но не смотря на эти новыя и несомнѣнно плодотворныя разсужденія, Гейгеръ не рѣшился подойти къ самой цѣли, хотя надѣялся на достижениѳ и даже, какъ видно изъ собственныхъ его намековъ, полагалъ, что достигъ ея. Вообще собственнымъ путемъ языкознаніе не могло достигнуть ея; для этого надобно было производить изслѣдованіе съ другой стороны, именно со стороны философіи, науки о человѣческомъ духѣ, и потомъ уже со средствами и выводами языкоznанія произвести послѣднюю, рѣшительную попытку подъ руководствомъ философской мысли.

Послѣ чтенія моей книги „Ueber den Ursprung der Sprache“ Максъ Мюллеръ, признавая сдѣянный въ ней шагъ впередъ, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Я все-таки остаюсь при своихъ затрудненіяхъ. Сущность проблемы, мнѣ кажется, заключается въ происхожденіи мышленія, или коротко говоря, въ переходѣ отъ восприятія къ понятію. Кто объяснить мнѣ, какъ приходитъ человѣкъ къ понятію „два“, тотъ объяснить мнѣ происхожденіе языка“. Въ этихъ словахъ глубокая истина. Отъ чисто чувственного ощущенія невозможно

дойти до мысли, также невозможно, какъ изъ движущейся матеріи не возможно вывести духа. Только подъ условiemъ предположенія способности воспріятія можемъ мы понять развитіе міра, только подъ условiemъ предположенія понятій можемъ мы дойти до происхожденія разума.

Между тѣмъ какъ всѣ предшествующіе философы языковѣды, включая сюда Макса Мюллера и Лазаря Гейгера, производили языкъ и мышление, согласно съ общераспространеннымъ воззрѣніемъ (а также и мнѣніемъ всей философіи), изъ ощущенія, то-есть, пассивнаго акта, я первый выбралъ противоположный путь и сказалъ: „Языкъ есть дитя воли, а не страданія; корни языка выражаютъ собственную дѣятельность человѣка, и характеръ ихъ опредѣляется дѣйствиемъ этой дѣятельности, по скольку она обнаруживается въ проявленіи. Мысль человѣческая исходить изъ двойного источника: субъективной дѣятельности—воли, и объекта, доступнаго чувственному наблюдению“. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ вполнѣ согласился Максъ Мюллеръ.

Это—необыкновенно великая и важная задача (опытная и понимаемая, если не многими, то по крайней мѣрѣ наиболѣе проницательными умами), надъ исполненiemъ которой въ настоящее время работаютъ языкознаніе и философія. Дѣло идетъ не о чёмъ иномъ, какъ о возобновленіи, возстановленіи и окончаніи исполненскаго дѣла могучаго Канта, о томъ, чтобы изслѣдовать и понять происхожденіе, образованіе, ростъ и усовершенствованіе величайшаго чуда вселенной, человѣческаго разума. Съ этой задачей можетъ помѣряться въ важности только ученіе объ образованіи и раздѣленіи планетныхъ системъ¹⁾.

¹⁾ Если кому-либо это утвержденіе покажется слишкомъ смѣлимъ, то я приведу свидѣтельство автора, котораго нельзѧ заподозрить въ преувеличеніи. Бокъ, самъ рѣшительный, по моему мнѣнію, и послѣдовательный изъ новѣйшихъ детерминистовъ, то-есть, послѣдователей того направленія философіи, которое всюду видѣть одинъ жестяній законъ природы, принуждентъ былъ высказывать следующее, съ его точки зренія во всякомъ случаѣ въ высшей степени замѣчательное признаніе: The highest of our socalled laws of nature are as yet purely empirical. You are startled at that assertion; but it is literally true. Not one single physical discovery that has ever been made has been connected with the laws of the mind that made it; and until that connexion is ascertained, our knowledge has no sure basis. On the one side we have *mind*; on the other side we have *matter*. These two principles are so interwoven, they so act upon and perturb each other that we shall never really know the laws of the one, unless we also know

Если найдено слово освобождения, то вся будущая философия будетъ философией языка, какъ съ полнымъ убѣжденіемъ, которое раздѣляю и я, сказалъ Максъ Мюлльеръ.

the laws of both. Every thing is essential; everything hangs together and forms part of one single scheme, one grand and complex plan, of which the universe is the theatre.—They who discourse to you of the laws of nature, as if those laws were binding on nature, or as if they formed part of nature, deceive both you and themselves. The laws of nature have their sole seat, origin and function in the human mind» (*A. Buckle, The influence of women on the progress of knowledge. Lecture delivered 1858.*). («Самые важные изъ известныхъ намъ, таихъ называемыхъ, законовъ природы имѣютъ до сихъ поръ характеръ чисто эмпирическій. Всѣ удивляютъ эта мысль, но она буквально справедлива. Ни одно изъ открытій, сдѣланыхъ въ естествознаніи, не связано съ законами ума, сдѣлавшаго это открытие, а до тѣхъ поръ, пока связь эта не будетъ опредѣлена, знаніе наше не можетъ быть прочно. Съ одной стороны, мы имѣемъ умъ, съ другой—материю. Оба эти начала такъ тѣсно связаны между собою, таихъ сильно влияютъ другъ на друга, что мы не будемъ знать одного изъ нихъ, не зная законовъ обоихъ. Въ природѣ все цѣльно, все связано, и каждое составляетъ только часть цѣлаго, одинъ изъ эпизодовъ той величественной драмы, театромъ для которой служитъ вселенная. Люди, рассказывающіе о законахъ природы, управляющихъ ею и составляющихъ часть ея, обманываютъ и себя, и вѣрь. Законы природы существуютъ, рождаются и действуютъ только въ умѣ человѣка (Бокля, «Этюды». Переводъ съ англійскаго. С.-Пб. 1867. Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія, стр. 203—204).

Изслѣдованіе и изученіе законовъ этого духа въ его истинной, существенной функции — мышленіи—составляетъ задачу, высокую цѣль языкознанія. Слова Бокля ясно указываютъ на отрадное явленіе, несомнѣнно совершающееся въ наше время, а именно—на то, что приближается конецъ господству материализма, что мѣсто его скоро займетъ болѣе высокое, благородное и достойное человѣческаго міросозерцанія. Всѣ факты говорить за то; господство великаго синтеза, исходи составлявшаго послѣднюю цѣль всей философіи, наступить прежде, чѣмъ окончится наше столѣтіе. Я приведу еще одно мѣсто изъ напечатанного въ *Revue des deux mondes* сочиненія объ ученіи Эпікура, вполнѣ согласное съ мнѣніемъ Бокля:

«Epicure est le premier dans l'antiquit  qui ait ni  r solument ce qui 芒tait hors des prises directes et de la port e des sens. A ce titre, il peut 芒tre consid r  comme l'expression confuse et inconsciente du positivism  qui d clare qu'il n'y a pas d'objet pour l'esprit humain en dehors des lois de la nature. Il a le premier creus  le foss  qui s' largit tous les jours et qui s pare la m taphysique de la science de la nature. Pour les esprits sp culatifs les questions d'origine et de fin sont les plus importantes de toutes celles, auxquelles tout le reste se rapporte; pour les autres il n'y a qu'une seule 芒tude, celle des ph nom nes et de leur d pendance r ciproque.... demandant seulement 芒 la nature morte les secrets qu'elle lui r v le pour 芒clairer le jeu et les ressorts de l'organisme vivant. Cette s para-

V.

Моя теорія происхожденія языка.

Хотя эта брошюра имѣеть другую цѣль, однако я считаю не-безполезнымъ привести здѣсь, по крайней мѣрѣ въ самыхъ общихъ чертахъ, то рѣшенніе проблемы, какое я далъ въ своемъ сочиненіи „Ursprung der Sprache“. Наиболѣе цѣлесообразно будетъ, если я по-ложение вопроса, представленное Максомъ Мюллеромъ въ заключительныхъ словахъ первой серии „Lectures on the Science of language“ въ качествѣ послѣднаго результата его многостороннихъ и глубокихъ изслѣдованій языка (который онъ такъ мѣтко названъ „тѣ-ломъ человѣческой мысли“), какъ исходный пунктъ для дальнѣйшихъ заключеній философіи изложу собственными его словами.

Читатель увидить изъ этого, какъ близокъ былъ Максъ Мюллеръ къ рѣшенію вопроса, даже, можетъ быть, удивится, что онъ не отвѣрилъ послѣдней двери, которая отдѣляла его отъ сокровенного мѣста рожденія человѣческой мысли и могла привести къ объясненію совершиенно удовлетворительному, въ самомъ себѣ находящему оправда-ніе. Мы уже видѣли, что одну изъ главныхъ заслугъ Макса Мюллера

tion date d'Epicure: si une telle gloire a été r  serv  e   celu qui a divis   l'esprit humain en deux parties presque irreconciliables, quelle gloire n'attend pas celui qui fera cesser ce divorce et qui, par la *metaphysique* et la *physique* r  concili  es dans une juste mesure d'ind  pendance et de services r  ciproques, reconstrira l'unit   scientifique de l'esprit?» (E. Caro въ Rev. d. d. m. Nov. 1878, p. 112). (Эпікуръ первый изъ древніхъ рапшительно отвергъ то, что не подлежитъ непосредственному познанію и чувственному восприятію. Съ этой точки зрѣнія на его ученіе можно смотрѣть, какъ на смутное и безсознательное выраженіе мози-тизма, не признающаго никакого объекта познанія для человѣческаго духа въ законовъ природы. Онъ первый прорылъ ровъ, съ каждымъ днемъ увели-чивающійся, который отдѣляетъ метафизику отъ естествознанія. Для умовъ спе-циалистичнаго вопросъ о началѣ и цѣли имѣть первостепенную важность — къ нему сводится все остальное, для другихъ же существуетъ только одинъ пред-метъ изученія — это явленія и ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга. Они стараются достичь таинства мертвой природы, чтобы объяснить дѣятельность и измѣненія живаго организма. Это раздѣленіе началось съ Эпікура; если такая слава осталась за тѣмъ, кто раздѣлилъ на дѣлъ почти несогодимыи области, то какак же слава ожидаетъ того, кто уничтожитъ это раздвоеніе, и примиривъ метафизику съ физикой, признавъ самостоятельность ихъ и взаимную необходи-мость другъ для друга, восстановить единство научнаго духа?)

составляетъ энергическая, постоянная борьба и побѣда надъ исконнымъ, укоренившимся заблуждениемъ, по которому вещи, какъ та-ковыи, соединились въ человѣческомъ духѣ съ звуками, которые ка-кимъ-то необъяснимымъ образомъ стали именами или звуковыми обозна-ченіями этихъ вещей¹⁾). Тѣмъ труднѣе искоренить это заблужденіе²⁾, что оно нокится на непоколебимомъ убѣждѣніи, на увѣренности въ томъ, что міръ объективный, міръ предметовъ, воспринимаемыхъ на-шими вѣщими чувствами, составляетъ наиболѣе древній, необходимый и естественный источникъ человѣческаго познанія, а слѣдоват-ельно, и человѣческаго языка; что, слѣдовательно, ясное небо было по-знако и названо прежде, чѣмъ ясное расположение духа, дыханіе прежде, чѣмъ наказаніе, образъ прежде, чѣмъ воображеніе. Несомнѣнно, въ чѣмъ вполнѣ согласны филология и философія, что духовныя свойства го-раздо позднѣе стали доступны языку, чѣмъ чувственныя объекты³⁾.

¹⁾ «Vocabula sunt notaes grecis», сказалъ еще Цицеронъ, и это же положеніе взялъ Гердеръ эпиграфомъ къ своему составляющему эпоху въ наукѣ сочиненію «Ueber den Ursprung der Sprache».

²⁾ Какъ укоренилось это заблужденіе, можно видѣть изъ того, что даже та-кой замѣчательный лингвистъ, какъ М. Бреаль, не смотря на ясное, какъ день, опроверженіе Макса Мюллера, вновь возвращается къ нему, и напримѣръ, подъ корнемъ *bhar* ставить такой вопросъ: «обозначалъ ли онъ *носильщика тяжести, или самую тяжесть...* или *дитя*, которое матъ носятъ въ утробѣ?». Даѣте: «Невѣроятно, чтобы въ односложномъ періодѣ не было выражений для обо-значенія *солнца, трона, пламени*. Но какъ только эти слова пришли въ сопри-косновеніе съ мѣстонимными элементами и образовали глагомы, значеніе икъ сдавалось растяжимое, и они *дѣрзнули* отъ корни, которые имѣли значеніе *сѣ-ти, тремѣть, пламѧть*» (*M. Bréal*, Les racines des langues Indo-Européennes, р. 3 et 4). Это значитъ представлять дѣло такъ разъ наоборотъ, самать дерево верхушкой въ землю, а корень вверхъ! Положеніе, высказанное Бреалемъ на стр. 6, что корень загр укачиваетъ на имя пресмыкающагося, что названія частей тѣла *rad* нога, *pas* носъ, *dent* зубъ, *card* сердце, какъ соответствующія наиболѣе простымъ понятіямъ, должны были существовать *прежде* глагольныхъ корней, живо напоминаетъ мнѣ шутку Потта и замѣчаніе Курциуса по поводу ея (Griech. Etymol., S. 108): «Потть въ шутку, какъ примеръ такого представления дѣла, приводить для дена корень *gen* «быть щекой», а для корня *as*, который Лео Мейеръ извлекаетъ изъ *azinus*, въ такомъ случаѣ не остается иного выбора, кроме зна-ченія «быть обломъ».

³⁾ Тотъ фактъ, что всѣ слова, обозначающія отвлеченные понятія, происхо-дятъ отъ словъ, выражающихъ чувственныя понятія, вѣрный разъ ясно и опредѣленно былъ высказанъ Локкомъ; овъ теперь вполнѣ подтверждается вы-водами *сравнительной языкоznанія*. Всѣ корни, то-есть, всѣ материальные эле-менты языка, обозначаютъ чувственныя впечатлѣнія, и такъ какъ всѣ слова,

Но иное дѣло, что эти объекты были древнѣйшимъ предметомъ, первоначальнымъ материаломъ мысли и языка, и иное дѣло, какъ они первоначально были познаны и названы.

Далѣе я предоставлю говорить Максу Мюллеру:

„Въ языѣ есть какъ бы окаменѣлая философія, и если мы станемъ искать древнѣйшее слово для *Namen*, то найдемъ въ санскрите *nāman*, въ латинскомъ *nomēs*, въ готскомъ *nāmo*. Это *nāman* стоять вмѣсто *gnāman* и произведено отъ корня *gnā*, знать, слѣдовательно, оно означало первоначально то, посредствомъ чего мы познаемъ вещи, дѣлаетъ ихъ доступными познанію.

Какъ же мы познаемъ вещи?

„Первый шагъ къ истинному познанію, шагъ, который, какъ бы ни казался онъ незначительнымъ, всегда отличаетъ человѣка отъ животныхъ, есть наименование вещи. А наименование есть не что иное, какъ классифицированіе, подчиненіе частнаго общему; и все, что мы знаемъ эмпирически или научно, мы знаемъ въ силу и посредствомъ своихъ общихъ понятій.

„Именно тамъ, где человѣкъ расходится съ міромъ животныхъ, въ томъ пункте, где мы замѣчаемъ первый проблескъ разума, какъ откровеніе внутренняго міра, видимъ мы истинное начало языка. Анализируйте какое угодно слово, и вы найдете, что оно выражаетъ общее понятіе, свойственное тѣмъ индивидуальнымъ предметамъ, которые обозначаются названіемъ.

„Что значить слово *māsa*?—Мѣритель. Солнце?—Родитель. Что значить слово *земля*?—Вспаханная. Если земля по санскритски называется *sarva*, такъ это произошло отъ того, что ее представляли подъ общимъ понятіемъ пресмыкающагося, выражаемымъ корнемъ *śri*. Однимъ изъ древнѣйшихъ названій для человѣка было санскр. *sharta*, греч. *φροτός*, латинск. *mortalis*. *Marta* значить „смертный“, и замѣчательно, что въ томъ мірѣ, где все измѣняется, увядаетъ и умираетъ, это именно слово было выбрано, какъ характеристическое для обозначенія человѣка.

„Было еще много другихъ названій для человѣка, какъ вообще въ древнемъ языѣ было много различныхъ именъ для всѣхъ предмет-

даже наиболѣе отвлеченные и возвышенные, происходить отъ корней, то выводы философа Локка, какъ вполнѣ подтверждающіе выводами науки о языкахъ, должны быть признаны вѣрными». *Max Müller, Lectures on the Science of language*. 9 edit. II, p. 372.

твъ. Одна какал-нибудь черта, показавшаяся особенно характеристичною наблюдающему, становилась причиной образования нового названия. Въ обыкновенныхъ санскритскихъ словаряхъ находимъ 5 названий для руки, 11 для свѣта, 15 для облака, 20 для луны, 26 для змѣи, 33 для убийства, 35 для огня, 37 для солица. Солнце могло быть названо блестящимъ, свѣтищимъ, грѣющимъ, хранителемъ, губителемъ, волкомъ, львомъ, окомъ неба, отцомъ свѣта и жизни. Отсюда такое обиліе синонимовъ въ древнѣйшихъ языкахъ, отсюда та борьба за существованіе между словами, которая ведеть къ уничтоженію менѣе сильныхъ, менѣе удачныхъ и менѣе плодотворныхъ словъ и оканчивается побѣдой одного пріуроченнаго, приличнаго названія для каждого предмета во всакомъ языѣ. Этотъ процессъ естественнаго подбора (*natural selection*), или какъ онъ правильнѣе называется, разумной элиминаціи (*rational elimination*), то-есть, страхиванія засохшихъ плодовъ съ жизненнаго дерева языка, можно наблюдать, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, и въ нынѣшнихъ языкахъ, даже въ такихъ старыхъ, многолѣтнихъ, каковы французскій и англійскій. Какъ происходило это дѣло въ то время, когда языки въ первый разъ покрылись роскошными почками, можно судить по нѣкоторымъ отдѣльнымъ фактамъ, напримѣръ, по тому, что фонъ-Гаммеръ насчитываетъ 5744 слова, употреблявшися по отношенію къ верблюду.

„Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ языкоznанія составляетъ открытие того, что всякое слово первоначально есть предикатъ, что всѣ безъ исключенія слова, хотя бы они служили для обозначенія индивидуальныхъ понятій, происходить отъ общихъ понятій. Уже прежде было известно, что языкъ составляетъ отличительный признакъ человѣка; известно было и то, что обладаніе общими понятіями, способность отвлеченія, составляетъ непереходимую границу между человѣкомъ и животнымъ, но что то и другое суть различныя выраженія одной и той же способности, было понято только тогда, когда теорію корней предпочли звукоподражательной и междометной. Однако, хотя наша новѣйшая философія не вѣдала этого, древнимъ поэтамъ и художникамъ языка истина эта была очень хорошо известна¹⁾). Такъ, Греки называли языкъ *logos*, но *logos* значитъ также лежащая въ основѣ языка духовная сила—разумъ, и *alogon* служило

¹⁾ Древняя философія также не нашла иного лучшаго выраженія для міро-строительного, всевластнаго начала, какъ два родственныхъ слова *чоус* и *лбус*.

обозначеніемъ, и притомъ особенно характеристичнымъ, животнаго. Ни одно животное, за исключениемъ человѣка, не думаетъ, не говорить. Языкъ и мысль нераздѣлимы. Слова безъ мыслей — мертвые звуки, мысли бѣзъ словъ — ничто. Думать — значитъ говорить безъ словъ, говорить — значитъ думать въ звукахъ⁴.

„Послѣдний вопросъ нашей науки таковъ: какъ можетъ звукъ стать выражениемъ мысли? Какъ корни сдѣлались знаками общихъ понятій? Какъ абстрактное понятіе измѣренія стало выражаться корнемъ ша понятіе мысли — man? Какъ га получило значеніеходить, sthâ — стоять, sad — сидѣть, dâ — давать, tag — умирать, char — ходить, kag — дѣлать?

„Четыреста-пятьсотъ корней, остающіеся въ различныхъ семействахъ языковъ въ качествѣ послѣднихъ, неразложимыхъ элементовъ, — не междометія и не звукоподражанія. Ихъ можно назвать первообразами звуковъ, фонетическими типами (phonetic types); какъ бы ни объясняла ихъ психологъ или метафизикъ, а для языковѣда они — послѣдніе факты (ultimate facts)⁴.

Далѣе слѣдуетъ приведенная въ предыдущей главѣ попытка объяснить происхожденіе корней по примѣру Гейзе. Но при этомъ авторъ разумно отдаляетъ научно обоснованное отъ простой гипотезы, присоединяя слѣдующее замѣчаніе:

„Подобныя теоріи, конечно, имѣютъ известное значеніе; однако я не согласился бы подписатьсь подъ ними, потому что мы не имѣемъ права сказать, что смѣлая аналогія можетъ быть пригодна для дѣйствительного объясненія проблемы происхожденія языка. А изъ результатовъ, до которыхъ мы дошли послѣ тщательнаго, свободнаго отъ предвзятыхъ мнѣній анализа имѣющихся у насъ фактovъ, имѣемъ право выдавать за истину только то, что всякий языкъ начинается съ корней, и что корни эти ни болѣе, ни менѣе, какъ фонетические, звуковые типы. То, что за ними, то уже не языкъ, хотя оно также можетъ представлять интересъ для психологическихъ изслѣдований. А все то, что мы наблюдаемъ въ дѣйствительномъ языкѣ, произошло изъ этихъ корней. Слова суть только различные оттиски съ этихъ фонетическихъ матрицъ, или если угодно, вариации, модификаціи (и притомъ совершенно понятныя въ своемъ образованіи) тѣхъ типическихъ звуковъ, которые на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ признаны за residuum всей человѣческой речи“¹⁾.

¹⁾ Max Müller, Lectures on the Science of language, p. 432 sq.

Такъ говорилъ и писалъ Максъ Мюллеръ въ 1860 году, и спустя 18 лѣтъ послѣ того, онъ имѣлъ полное право сказать:

„Читатели моихъ „Лекцій по наукѣ о языкахъ“ припомнить, съ какою энергией противился я всякой попыткѣ со стороны языковѣдовъ перейти за эти корни, какъ старался выставить ихъ послѣдними результатами тщательнаго анализа звуковъ. Можетъ быть, иные по-думали тогда, что мои протесты противъ всѣхъ и всякой попытки игнорировать или обойти эти корни и произвести какое-нибудь слово или какую-нибудь грамматическую форму отъ простыхъ восклицаній или подражаній звукамъ природы, были слишкомъ сильны. Но теперь, я думаю, всѣ, даже бывшіе мои противники, согласятся, что малѣшная уступка тому, что я тогда не для ироніи, а только для выразительности называлъ „гавъ-гавъ-теоріей“ и „фу-фу-теоріей“, привела бы къ полному паденію языкоznанія“¹⁾.

Далѣе Максъ Мюллеръ говоритъ:

„Но если къ какой-либо возвышающейся стѣною горѣ, которая съ нашей стороны непереходима, указанъ извѣстный и притомъ единственно правильный путь, это еще отнюдь не значитъ, что за той высокой стѣной нѣть или не можетъ быть ничего. Еслибы мы стали судить о корняхъ на основаніи того, какъ нѣкоторые изслѣдователи языка говорятъ о нихъ, то намъ пришлось бы признать, что они не только *indescrribilia*, а просто упавшіе съ неба илладіумы, сущность и происхожденіе которыхъ совершенно недоступны нашему пониманію²⁾. Чтобы предохранить себя отъ такого воззрѣнія, я счелъ необходимымъ присоединить нѣсколько словъ въ заключеніе моихъ лекцій, подобно живописцу, который, окончивъ ландшафтъ, проводить нѣсколько штриховъ на заднемъ планѣ, чтобы показать, что и тамъ еще есть мѣръ. Языкоznаніе, по моему мнѣнію, исполнило свое дѣло, выразивъ смѣльную проблему происхожденія языка въ болѣе опредѣленной формѣ: „какъ произошли корни?“ Сколько мы выиграли съ этой перемѣнной фасадѣ, лучше всего могутъ оцѣнить тѣ, кто изу-

¹⁾ *Contemporary Review*, February 1878: „On the Origin of Reason“, pag. 466.

²⁾ Такая односторонность и косность господствуетъ въ противоположной партии, у философовъ, не могущихъ ни признать зависимости мышленія отъ языка, «ни на волость отступить отъ обычной теоріи, по которой люди въ извѣстное время получили безыменными общія понятія, коимъ потомъ, съ развитіемъ взаимныхъ сношеній и духовнаго общенія, дали тѣ фонетические языки, которые мы называемъ словами». *Max Muller, Lectures on the Science of language*, II, p. 371.

ЧИЛЬ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПОПЫТКАХ ПРОШЛОГО СТОЛѢТИЯ ОБЪЯСНИТЬ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.

„Но дальше того пункта, гдѣ языковѣдѣ принужденъ первичные элементы языка сложить, такъ сказать, къ ногамъ философа, одно языкознаніе, въ отдѣльности отъ науки мышленія, не можетъ насть вести. Приходится производить новую очистку и притомъ въ противоположномъ направлениі. Чтобы показать, въ какой лагерь я смотрѣмъ, отъ кого ожидалъ рѣшенія послѣдней проблемы происхожденія корней, я обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что всякий предметъ въ природѣ при колебаніи сотрясается и производитъ сотрясенія. Это мнѣ казалось высшимъ распространенiemъ и глубочайшимъ распространенiemъ того, что я разумѣлъ подъ языкомъ. Обѣ проблемы, какъ относительно измѣненія простыхъ восклицаній, междометныхъ или звукоподражательныхъ, въ фонетические типы, такъ и относительно перехода простыхъ опущеній въ понятія, я оставилъ нетронутыми, въ надеждѣ, что собственно философы скоро поймутъ, какъ могутъ быть освѣщены электрическимъ свѣтомъ языкознанія нѣкоторые изъ наиболѣе темныхъ пунктовъ психологіи, и съ живѣйшою энергией примутся за переданный имъ материалъ, вполнѣ готовый для того, чтобы изъ него построить здравую и прочно обоснованную философскую систему“.

Благосклонный читатель можетъ подумать, что это обращеніе къ „философамъ-специалистамъ“ встрѣтило непосредственный, живой откликъ. Какая высокая и прекрасная задача была предложена философіи, задача столь же достойная ея самой, сколь необходимая и полезная для всего ея развитія! Съ какою жадностью должна была бѣ она ухватиться за этотъ случай оправдаться въ глазахъ свѣта, того самаго свѣта, въ которомъ вотъ уже почти пятьдесятъ лѣтъ какъ идутъ опасные толки о томъ, что вся философія есть не что иное, какъ толченіе воды въ ступѣ, неудобоваримое пустословіе, къ которому теперь никого калачомъ не заманишь, и которое годно на то лишь, чтобы набивать пустыя головы донентовъ высокомѣріемъ и чванствомъ, а студенческія — сумасбродствомъ и пустыми фантазіями! *Hic Rhodus, hic salta!* Покажите свои силы! Философія, которая разрѣшила одинъ такой вопросъ, дастъ вѣрное ручательство своего внутренняго достоинства и получить полное право на всеобщее уваженіе.

Но чтѣ же на самомъ дѣлѣ вышло? Обѣ этомъ скажетъ намъ Максъ Мюллеръ:

„Я, признаться, часто удивлялся равнодушію, особенно психоло-

говъ, къ тому полному перевороту, который совершился у нихъ на глазахъ въ области языкознанія. Они смотрѣли на это такъ, какъ будто дѣло вовсе не касалось ихъ. Чѣмъ же это значить? Еслиъ языкъ былъ только внѣшнею формой мысли, то и тогда никакая философія, желающая проникнуть въ существо мысли и объяснить происхожденіе ея, не должна была бы пренебрегать тщательнымъ изученіемъ его. Чего не дали бы Гоббесъ, Локкъ за „сравнительную грамматику“ Боппа! Чѣмъ сказали бы мы, еслибы біологи объясняли природу и законы органической жизни, не обращая вниманія на живое тѣло? А гдѣ же мы будемъ искать и гдѣ найдемъ живое тѣло мысли, какъ не въ языке? Чѣмъ такое эти двѣ проблемы, оставленыя безъ отвѣта языкознаніемъ:

„1) Какъ могутъ простыя восклицанія стать фонетическими типами?

„2) Какъ могутъ ощущенія перейти въ логическія понятія?

Чѣмъ такие обѣ эти проблемы, взятые вмѣстѣ, какъ не высочайшая проблема всей философіи:

„Какъ произошелъ разумъ?

Исходными пунктами при решеніи этой проблемы служили для меня слѣдующія положенія:

1) Языкъ есть продуктъ общественности и общественного инстинкта; онъ развилъ, возрѣлъ и достигъ высшаго совершенства среди общественной жизни.

2) Языкъ есть дитя воли, дѣятельности, а не страданія. На мѣсто чисто чувственныхъ восприятій (sensations), изъ которыхъ никогда не могло образоваться ничего подобнаго концепціямъ разума (rational concepts), прочнымъ, типическимъ, постоянно возобновляющимся при посредствѣ слова построеннымъ разума, мы должны поставить активную волю, самопроизвольную дѣятельность, которая, по общепринятому мнѣнію, присуща и животной жизни, а по ученію монистической философіи лежать въ основѣ всей природы, всѣхъ безъ исключенія явлений.

3) Изъ двухъ приведенныхъ пунктовъ выходитъ слѣдующее положеніе: существуетъ не только симпатія страданія, радости — обѣ специфически обнаруживаются у человѣка плачомъ и смѣхомъ, а также возбужденными совокупными движеніями, изъ которыхъ потомъ развиваются танцы, пѣніе и музыка,— но и симпатія воли, дѣятель-

ности, направленной на внутренний мир и обнаруживающейся въ дѣйствіи.

4) Эта взаимная, симпатическая дѣятельность сопровождалась первоначально звуками, которые, какъ при танцахъ и играхъ, вырывались невольно вслѣдствіе сильного стѣсненія одушевленія отъ взаимныхъ дѣйствій, и такъ какъ они всякий разъ являлись при извѣстной дѣятельности, то въ концѣ концовъ такъ тѣсно соединялись съ нею, что приобрѣтали способность напоминать объ этой дѣятельности. Здѣсь начало человѣческой мысли, потому что здѣсь начало корней.

5) Изъ этихъ положеній само собою слѣдуетъ, что мысль человѣческая происходитъ изъ двойного источника, впервыхъ, собственно дѣятельности, которая, будучи неразрывно соединена съ человѣкомъ, во всякое время находится въ его распоряженіи для того, чтобы произвести любое дѣйствіе, и во вторыхъ, самаго этого дѣйствія, которое, будучи видимымъ чрезъ восприятіе зрѣнія, обусловливаетъ возможность пониманія и объясненія¹⁾). Только при посредствѣ этого дѣйствія звуки получали свои значенія, и чѣмъ болѣе эти дѣйствія, то-есть, дѣятельность создавшихъ языкъ поколѣній, специализировались, тѣмъ болѣе значеній приобрѣтали корни языка.

6) Поэтому жизнь языка стоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ самой человѣческой дѣятельности. Вовсе не вслѣдствіе случайного совпаденія, въ то самое время, какъ великая наука сравнитель-

¹⁾) Это соотношеніе, до сего времени упускавшееся изъ виду ессю философіей, имѣетъ высокое, даже, можно сказать, фундаментальное значеніе для ессю философіи. Здѣсь въ первый разъ ставится *terminus medius* между субъектомъ и объектомъ, считавшимся до сего времени несоединимымъ, дѣятельность и дѣйствіе соединяются въ одно, какъ актъ. Хотя это отношеніе съ наибольшую ясностью и очевидностью должно обнаруживаться и обнаруживается на духовномъ созданіи человѣка—языкѣ, однако открыть его здѣсь стоитъ не малаго труда. Происходить это отъ того, что одинъ источникъ, субъективный, сиаг и поразительной ясностью второго, объективнаго, такъ бытъ заслоненъ, что его совершенно упускали изъ виду или считали несущественнымъ. Но то, что выступаетъ предъ вами съ поразительной ясностью въ духовной жизни, то лежитъ въ основе ессю сущаго и можетъ послужить къ пониманію и объясненію глубочайшей и послѣдней тайны міра, жизни индивидуальной. Предчувствіе этой истины можно замѣтить у некоторыхъ изъ выдающихся естествоиспытателей. Такъ, знаменитый Клодъ Бернаръ говоритъ: «Matière vivante et conditions extérieures: la vie résulte constamment du rapport réciproque de ces deux facteurs» (жизнь есть результатъ постоянного взаимодѣйствія двухъ факторовъ: живой матеріи и вѣзвшихъ условій).

наго языкоznания старается прослѣдить человѣческія понятія до ихъ глубочайшихъ корней, скрытыхъ въ тысячелѣтнихъ шахтахъ,—антропология съ тою же цѣлью слѣдить за исторіей человѣческой дѣятельности до самыхъ темныхъ яи зачатковъ, открывавшихся въ грубыхъ каменныхъ орудіяхъ, этихъ свидѣтеляхъ *tool-making animal*, какъ говорить Франклинъ, или какъ мы говоримъ, *not only gregarious, but cooperative animal*. И этотъ параллелизмъ одинаково знаменателенъ и ясенъ, потому что, какъ эти орудія съ приближенiemъ ко временамъ первобытнымъ становятся все грубѣе, несовершенѣе, такъ что въ грубо отесанномъ камнѣ мы имѣемъ какъ бы зародышъ теперешняго топора, клина, ножа, молота, пилы и т. п., такъ и слова, чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ слабѣе относительно значенія, тѣмъ болѣе, такъ сказать, приближаются къ моллюскамъ и вмѣсто того, чтобы твердо соединяться съ извѣстными значеніемъ, какъ бы распыляются въ рукахъ изслѣдователя.

7) Нѣть никакого сомнія, что древнійшими значеніями коренныхъ словъ были человѣческія дѣятельности. Философія могла бы и собственнымъ путемъ дойти до этого заключенія, потому что наиболѣе близкими, извѣстными и понятными должна была быть собственная дѣятельность. Всякій непредубѣжденный изслѣдователь убѣдится въ этомъ, если заглянетъ въ любой словарь корней. Не солнце и луна, не носъ и ротъ, не я или ты встрѣтить онъ тамъ, но и не свѣтить или горѣть — никакой основательный этимологъ, еслибы онъ и нашелъ ихъ тамъ, не сочтетъ такихъ значеній основными,— но копать, бить, рыть, скоблить, рвать; встрѣтить онъ много корней съ значеніемъ тереть, и отсюда мазать, намазывать, красить, другое—плести, связывать, еще другое—дѣлить, раздѣлять.

Если вы подумаете о томъ, какъ мысль, то-есть, языкъ пришелъ къ понятію блестѣть или свѣтить, то вамъ можетъ показаться, что такое представленіе—одно изъ самыхъ простыхъ и естественныхъ. Но нѣть! Первобытный человѣкъ былъ нѣмъ предъ свѣтомъ и не могъ его назвать, потому что назвать—значить перенести извѣстное качество на что-либо, а вовсе не значить произнести безсодержательный звукъ. Здѣсь недоставало, слѣдовательно, одного изъ двухъ источниковъ мысли,—собственной дѣятельности, а только отъ нея мысль могла дойти до этихъ понятій¹⁾). Точно также свѣтъ и иракъ, день

¹⁾ Яноѣ Гриимъ въ своей Нѣмецкой грамматикѣ (II, 85), по поводу перехода понятій изъ одной области ощущеній въ другую—отъ звука къ свѣту, напри-

и ночь, огонь и солнце представляли для языка цветъ, или скорѣе нѣчто окрашенное, а это именно и было понятно, потому что человѣкъ самъ красился. Значеніе „красить“ указываетъ на древнѣйшее „намазывать“, а это вполнѣ естественно имѣть въ основѣ „тереть“, „растирать“. До какой степени мы и теперь находимся подъ влияніемъ этого первобытнаго воззрѣнія, читатель можетъ понять изъ того, что мы и теперь на небѣ ничего не видимъ, кромѣ цветовъ.

8) Но не все, что мы привыкли обозначать именемъ человѣческой дѣятельности, находить себѣ выраженіе въ тѣхъ сокровенныхъ глубинахъ корней. Дѣтски наивная и ужъ вовсе не научная философія языка, прямая наслѣдница ловкаго на объясненія чего бы то ни было XVIII столѣтія, имѣющая и до сихъ порь послѣдователей, выставила въ началѣ образованія языка такія понятія, какъ „папа, мама, есть, пить и т. п. основными“, изъ которыхъ развилось все остальное. Эта гипотеза также вполнѣ опровергается изслѣдованіемъ корней. Длинными-длинными окольными путами дошелъ языкъ, то-есть, человѣческая мысль, до такихъ понятій, какъ голодъ и жажда. Да и какъ понимается ёда? Какъ дѣленіе. Нѣмъ Metzger (мясникъ) и Messer (ножъ) восходять къ корню *mat*, раздѣлять; *gotsk*. *mats* значить

мѣръ, *hellen* (*sonare*), *höll* (*sonorus*, позднѣе *lucidus*), др.-в.-нѣм. *braht* (*strepitus*), и.-в.-нѣм. *Pracht*. (*splendor*), говорятъ: «Странно, что въ большей части этихъ прилагательныхъ первое мѣсто принадлежитъ звуку—значеніе цвета позднѣйшее!» Но нашей теоріи въ этомъ вовсе ничего вѣтъ странного. То, что проявляется въ этихъ словахъ, есть сила, *energia*, а они могутъ происходить только изъ субъективного источника, могутъ быть обнаружены только самопроизвольной дѣятельностью. А съ этой областью совпадаетъ міръ звуковъ, но не міръ свѣта. Я могу произвести громкій звукъ (*Schall*, *Hall* (*scal*) посредствомъ сильного удара (*Schlag*), производящаго звукъ (ср. *Donnerschlag*), но не могу собственнюю дѣятельностью произвести свѣтъ. Поэтому мы говоримъ о громкомъ цветѣ, даже о громкомъ звуке. Такъ говоритъ Ригъ-Веда: «Огонь кричитъ свѣтомъ» (*Rv. 6. 3, 5*) и «Солнце кричитъ какъ новорожденное дитя» (*Rv. 9. 73, 1*). Точно также говорить и новый поэтъ:

La dove 'l sol tace *) (Dante, Inf. I, 63)

Io venni in loco d'ogni luce muto **) (ibid. 5, 28).

Это даетъ намъ указаніе относительно основнаго, коренного значения латинскаго *clarus*; первоначально было не *clara luce*, какъ стоятъ въ словаряхъ, но *clara vox*.

*) «Гдѣ солнца лучъ, смолкая не живитъ» (букв. солнце молчитъ) (Данте. Адъ. Перев. съ итальянскаго В. А. Петрова. С.-Пб. 1871, I, 61).

**) «Гдѣ свѣтъ дневной безмолвіемъ пораженъ» (букв. въ пространство «безмолвное отъ солнца») (ibid. 5, 28).

лица (meat), matjan— ъсть. Нѣм. Heischer соотвѣтствуетъ лат. carni-fex, греч. δαῖτρος, то-есть, тотъ, кто раздѣляетъ, раздробляетъ на куски; къ этому же слову относится δαίνουαι, ъсть, и δаіс, пиръ. Интересенъ слѣдующій стихъ Гомера:

Μοίρας δυσσάμενοι δαίνουντ' ἐρικοδέα δαῖτα (Od. γ, 66),

какъ примѣръ специализированія словъ, происходящихъ отъ основныхъ понятій (rational concepts), первоначально совершение сходныхъ. Если въ этомъ предложеніи подставить въ качествѣ подлежащаго δаітю μόνας, то оно, примѣнительно къ древнѣшему образу выраженія, получить такую форму: „Дѣлители раздѣлили дѣлимое и раздѣлили прекрасное дѣленіе“, то-есть, гости раздѣлили порціи и наслаждались прекраснымъ пиромъ. Въ такомъ же отношеніи стоять другъ къ другу евр. akal, ъсть, и shaakelet, ножъ: послѣднее понимается вовсе не какъ „орудіе ъды“, но оба слова указываютъ на древній-шее значение akal, раздѣленіе, раздробленіе пищи на куски.

Какъ же объясняется это? По нашей теоріи, находящей здѣсь сильное подтвержденіе, дѣло объясняется самыи простыи образомъ. Не индивидуальная ъда и питье были въ началѣ предметомъ названія: это животныя функции, которые могутъ совершаться безъ языка и служить въ сохраненію жизни; но только тамъ, где эти дѣйствія переходять въ фокусъ общаго возврѣнія, становятся общими, когда, слѣдовательно, они производятся при участіи всѣхъ членовъ общества, когда они рассматриваются, понимаются съ точки зрѣнія совокупности, тогда дѣлаются они предметомъ названія, то-есть, объектомъ разума.

Точно также очень легко объясняется совпаденіе понятій пасти и удѣлять, какъ, напримѣръ, въ греч. τέρῳ; Як. Гриммъ приводитъ много примѣровъ совпаденія понятій братъ и пастбище¹⁾; если нѣмецкіе крестьяне называютъ поля своей общини Gemarkung, то это даетъ объясненіе относительно др.-нѣм. слова Mark=Wald (льсь), при чмъ это послѣднее вовсе нельзя, подобно И. Гримму и Вейганду, объяснять чрезъ „темный“: оно вмѣстѣ съ Makre, шеркен и т. п. указываетъ на слово обозначенія (границы, межи); нѣм. das Vieh, гор. faihu, санскр. ра॒са, лат. реси, имѣютъ первоначальнымъ значеніемъ „привязанное“ (санскр. ра॒са, ра॒са, узы); Гейгеръ изъ реципіа, англ. fee и подобного же перехода понятій въ евр. шіqneh (собственность и скотъ), гор. skatts, сокровище, др.-фризск. sket, слав.

¹⁾ Geschichte der deutschen Sprache, p. 29.

скотъ, выводить значение „собственность“; такой же переходъ по-нятій повторяется и въ нынѣшнемъ англійскомъ языкѣ, гдѣ cattle произошло изъ capitale. Все это вновь доказываетъ, какъ превратна теорія звукоподражанія: въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ языка мы встрѣчаемъ не ревущій скотъ или шумящіе лѣса, а скорѣе то, что мы привыкли называть абстракціей, и что есть именно отпечатокъ человѣческой мысли.

9) Человѣческая мысль, мысленіе, есть самопроизвольная, самосознательная дѣятельность, а не случайная игра безсознательныхъ атомовъ, какъ воображаетъ близорукій материализмъ. Мы произвели ее изъ общей дѣятельности; на этомъ прочномъ основаніи она поконится съ первого вступленія человѣка въ царство разума. Съ этой дѣятельностью она находится въ неразрывной связи многія тысячи лѣтія, которая должно было прожить человѣчеству, чтобы подняться на нынѣшнюю высоту. Языкъ есть голосъ общества. И въ настоящее время высшимъ назначениемъ его служить устроеніе, направленіе и употребленіе отдѣльныхъ силъ для общихъ цѣлей, для общественной, органической дѣятельности, то-есть, труда, потому что трудъ есть не что иное, какъ органическая дѣятельность, почему працелюбцы и пользуются общимъ презрѣніемъ; благодаря ему именно, осуществились безчисленныя чудеса промышленности, измѣненія земной поверхности для господства человѣка. Безконечнымъ удивленіемъ будемъ мы поражены, если подумаемъ, что все это, рассматриваемое съ вѣтшией стороны, есть дѣйствие слабаго дыханія усть, раздающагося звука, то-есть, незначительного сотрасенія воздуха.

Если я въ предыдущемъ изложеніи (которое въ узкихъ границахъ этого сочиненія должно быть, конечно, очень краткимъ, общимъ) разрѣшилъ поставленную Максомъ Мюллеромъ задачу, если я показалъ, какъ концепціи разума могли и должны были произойти естественнымъ путемъ;

какъ они соединились со звуками, которые чрезъ это именно получили свои значенія, между тѣмъ какъ прежде они были вѣтшими выраженіями инстинктивнаго побужденія, и стали такимъ образомъ звуковыми типами, то-есть, словами;

то въ заключеніе я не могу обойти вопроса, какъ міръ вещей, который, по обычному мнѣнію, обозначается и характеризуется языкомъ по присущимъ этимъ вещамъ качествамъ, могъ войти въ ясно освѣщенное пространство мысли разума, или что то же, въ область звукового выраженія въ языкѣ. Отъ решенія этого вопроса зависитъ

жизнь или смерть моей теоріи; если въ этомъ пунктѣ факты несогласны съ нею, то она неизбѣжно падаетъ,—если же факты согласны, она получаетъ новое блестящее подтверждение, приближающее ее къ высшей степени человѣческой достовѣрности.

Но чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, должно предварительно решить другой, метафизической вопросъ, а именно: что такое вещь? Впрочемъ, я избавлю читателя отъ этихъ изслѣдований и удовольствуюсь опредѣлениемъ, которое даетъ Ланге въ своей прекрасной „Исторіи материализма“¹⁾:

„Вещью называется группа явлений, которая мы понимаемъ единично, абстрагируя множество спѣленій и внутреннихъ измѣненій“.

Ужъ изъ этого опредѣлениія само собою слѣдуетъ, что для животныхъ вещи не существуютъ. Утверждать, что они способны постигнуть нечто подобное, не рѣшатся и самые крайніе дарвинисты.

Для человѣка дерево, выросшее изъ корня, имѣющее стволъ и вѣтви, есть отдельная сущность или вещь. Но этого не знаетъ и наиболѣе совершенная обезьяна, взирающаяся на свое дерево и находящая себѣ пріютъ и обыкновенное мѣстопребываніе подъ хорошо известнымъ ей покровомъ листьевъ. Никогда и нигдѣ не видано, чтобы какая-либо толпа обезьянъ сдѣлала попытку вырвать дерево изъ земли и пересадить его на другое мѣсто. Если въ новѣйшихъ естественныхъ исторіяхъ говорится о земледѣлии трудолюбивыхъ муравьевъ, обрабатывающихъ свои поля и терпѣливо ожидающихъ, когда они созрѣютъ, то самое енисходительное название для такихъ фантазий: ученое сумасбродство!

Какимъ же образомъ для человѣка существуютъ вещи?

Причина этого простая, и именно—та, что онъ имѣеть языкъ, даетъ имъ названія. При этомъ должно замѣтить, что эта высшая сила его вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для него источникомъ безконечнаго заблужденія, заставляя его воображать, что вездѣ, гдѣ дано слово, существуетъ эквивалентное ему существо или вещь. Справедливо говорить Лазарь Гейгеръ: „На дѣлѣ видимъ мы, какъ мышленіе борется со словами и лишь съ трудомъ освобождается отъ ихъ оковъ, а часто въ продолженіе всего извѣстнаго намъ времени до настоящаго дня старается изслѣдовывать природу существъ, которыхъ

¹⁾ *Lange, Geschichte des Materialismus*, 3-te Aufl. II, p. 217.

нигдѣ не существуютъ, кромѣ представлений далекаго прошедшаго, гдѣ живутъ они въ тѣхъ чудныхъ звукахъ¹⁾).

Название вещей должно отличать отъ обозначенія ихъ. Я могу обозначить совершенно неизвѣстный мнѣ предметъ (напримѣръ, мѣсто), такъ что впослѣдствіи могу найти его. Название же всегда есть иѣчто осмысленное—перенесеніе уже извѣстнаго качества, обобщеніе, классификацірованіе.

Но название для мысленія человѣка есть въ то же время и обозначеніе вещей. Только прежде самыи вещи должны быть отличены посредствомъ своихъ отличительныхъ признаковъ, чтобы затѣмъ къ нимъ могли быть приложены названія, съ помощью которыхъ они могутъ быть классифицированы, или какъ говорить Кантъ, познаны въ понятіи (то-есть, словѣ²⁾).

При этомъ мы вовсе не должны думать, что та чудная сила интеллекта, мыслительной дѣятельности разума, властно господствующая надъ нами теперь и составляющая истинное существо наше, та способность, посредствомъ которой мы отличаемъ, изслѣдуемъ, обозначаемъ и называемъ вещи по ихъ отличительнымъ признакамъ, была присуща человѣку въ первобытномъ состояніи. Это значило бы представлять дѣло слишкомъ легкимъ, это было бы истинное *petitio principii*, объясненіе посредствомъ того, что само болѣе всего нуждается въ объясненіи.

Нѣть, человѣкъ называлъ не за тѣмъ, чтобы называть, и обозначалъ не за тѣмъ, чтобы обозначать.

Но онъ обозначалъ и достигалъ этимъ возможности называть, то-есть, обозначенное вновь обозначалъ посредствомъ звука. Какъ происходило послѣднее, я сказалъ выше, и это составляетъ важнейшую часть моей теоріи.

Какъ же и зачѣмъ обозначать онъ вещи? А просто тѣмъ, что свою дѣятельностью, общественною работой для цѣлей жизни модифицировалъ ихъ, что копалъ пещеру, сплеталъ древесныя вѣтви, сдирая съ животныхъ кожу, съ дерева кору. Такимъ образомъ развились та чудная, до сихъ поръ не объясненная способность абстракціи самыми естественнымъ путемъ. Человѣкъ научился понимать вещи,

¹⁾) Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I p. 100.

²⁾) Кантъ различаетъ воспринятіе въ ощущеніи, воспроизведеніе въ фантазіи и познаніе въ понятіи.

создавал ихъ. Его собственные создания и были для него первыми вещами. Эти вещи получали для него самостоятельное существование внутри его,—то начинялся периодъ созданія духа, слабо и незамѣтно загорался тотъ свѣтъ, который теперь освѣщаетъ землю и далекія небесныя пространства.

Я поясню сказанное слѣдующимъ мѣстомъ изъ своего сочиненія о происхожденіи языка¹⁾:

„Объектомъ дѣятельности служить то, что языкъ вмѣшается въ безопасное русло развитія, и изъ чего онъ творить міръ абстракцій, первого зародыша которыхъ должно искать въ общественной работѣ, направленной на видоизмѣненіе, модификацію окружающей природы. Такъ, пещера, яма есть уже абстракція: она можетъ быть большая или маленькая, каменная или песчаная: она можетъ быть здѣсь или тамъ; она можетъ быть въ двухъ или трехъ экземплярахъ, а все-таки сущность ея, которой соответствуетъ известное слово, остается одна и та же. Такое измѣненіе міра, входя въ человѣческое сознаніе, упрощиваясь въ немъ, чтобы никогда болѣе не исчезать²⁾, есть первая

¹⁾ L. Noire: Der Ursprung der Sprache, p. 346.

²⁾ Такъ какъ оно служило къ поддержанию жизни, было самопроизвольно и потому постоянно возобновлялось. «Not every random perception is raised to the dignity of a general notion, but only the constantly recurring, the strongest, the most useful; and out of the endless number of general notions that suggest themselves to the observing mind, those only survive and receive definite phonetic expression which are absolutely requisite for carrying on the work of life». Max Muller, Lectures on the Science of language II, p. 340. (Не всякое случайное ощущеніе возводится въ достоинство общаго понятія, но только постоянно возвращающеся, сильнейшее, наиболѣе полезное, и изъ бесконечнаго числа общихъ понятій, которые внѣдряются въ наблюдающихъ умахъ, только тѣ уживаются и получаютъ звуковое выраженіе, которые необходимо нужны для продолженія труда жизни).

Нельзя ничего естественнѣе и понятнѣе того, что ежедневные занятія служили источникомъ опредѣленія понятій, происхожденія постоянныхъ типическихъ формъ разума или возврѣній. Отъ корня *vah*, ткать, происходитъ не только санскр. *āgnavābhi*, паукъ, но и брас, сотканная поэтомъ пѣснь. Мы говоримъ теперь: сплетать измѣну, ковать злодѣйскіе замыслы, Грекъ говорилъ: δόλος καὶ μῆτις ὑφαίνειν, Римлянинъ: consuere dolos, texere fraudes. Прекрасно и очень живописно говорить Гомеръ: κακὴ φρεσὶ βισσοδομέουσα, въ глубинѣ, то-есть, въ скрѣвленномъ мѣстѣ, въ засадѣ.

Посмотрите, какъ до сего времени самыя абстрактныя науки—математика и астрономія, которые, по видимому, совершенно чужды непосредственной дѣятельности, стоять на той же точкѣ арѣнія! Чѣдъ такою дуга, хорда, радиусъ,

ступень, которую человѣческій разумъ помошью звуковъ языка высѣкаетъ на твердой гранитной скалѣ, чтобы отсюда перейти на вторую ступень и такъ же постепенно подниматься все выше, пока, наконецъ, послѣ многихъ тысячелѣтій, не достигнетъ онъ той высоты, гдѣ онъ поставилъ свой тронт, и смотря съ него на землю, какъ на поприще своего могущества и власти, порывается взлетѣть на неизслѣдимыя небесныя пространства и находить возможность держаться и тамъ точно также, какъ въ началѣ, при помощи своихъ собственныхъ, конечно, совершенно идеальныхъ, построеній".

Теперь я могу сказать: Кажется страннымъ, но въ то же время служить неопровергимымъ подтвержденіемъ моей теоріи, что всѣ вещи вступаютъ въ горизонтъ человѣческаго разума, то-есть, такимъ образомъ становятся вещами въ той мѣрѣ, въ какой онъ претерпѣваютъ человѣческую дѣятельность, и что онъ соотвѣтственно тому получаютъ свои обозначенія, свои имена. Это исключительный законъ происхожденія древнійшихъ существительныхъ, которыхъ всѣ, какъ мы уже сказали, по необходимости принадлежать миру объективному. Человѣческая дѣятельность отличала вещи, постепенно приближаясь къ нимъ, привлекая ихъ въ свое владѣніе и видоизмѣняла ихъ сообразно съ своими потребностями. Обозначенные такимъ образомъ вещи тотчасъ получали свои имена отъ примѣненной къ нимъ дѣятельности.

Въ силу такого обозначенія языка дерево является какъ обдѣланное — ободранное, лишенное коры или какъ горючій матеріаль; хлѣбъ (gratium) есть растертое, смолотое; почва (der Grund), земля (erde) получаетъ имя отъ растиранья, раскрашиванья (раскрошить), Meer (море, mare, mor) родственно съ Moor, Morast (болото, торф), расплывающеся, тинистою массой. Животное есть мясо, добыча охоты, ободранное. Корень глагола обдирать, снимать обозначаетъ выѣсть съ тѣмъ кожу или шкуру, а также мясо, такъ какъ то и другое является результатомъ дѣятельности; это, слѣдовательное, генетиче-

кругъ? Возьмите любое предложеніе, напримѣръ, начало первого Кеплерова закона: *The areas swept out by the vector drawn from the sun etc.* (Путь, проходящий по вектору отъ солнца и т. д.). Чѣмъ такое area? — высушенное, утоптанное място для постройки, тогъ; чѣмъ такое sweep? — выметенный, вычищенный; чѣмъ такое vector? — тотъ, кто ведеть, движетъ повозку; чѣмъ такое to draw? — англосакс. dragan, идти и нести, др.-в.-нѣм. tragen. Почему эти понятія такъ прочно утвердились въ нашей памяти? Это не трудно понять, нужно только пожелать понять.

ское, а также наглядное обозначение. Такъ, рыбы чешуя представляется для человѣка только чрезъ скобленіе, чашечка (*Schale*) плода чрезъ раскалываніе (*skat, skal*); потомъ это слово чрезъ чашу для питья (*Trinkschale*) получило значеніе черепа, который въ качествѣ вмѣстилища мозга (*Hirnshale*) служилъ для той же цѣли. Лазарь Гейгеръ, открывшій этотъ законъ развитія значеній, не сдѣлавъ впрочемъ необходимыхъ выводовъ изъ него, выразилъ его въ одномъ положеніи, которое я съ необходимыми измѣненіями, слѣдующими изъ моей теоріи, передамъ въ такомъ видѣ¹⁾:

„Отъ дѣйствій человѣка — этого главнаго источника мысли,—исключительно интересующихъ первое создающее языкъ поколѣніе, наименованіе непосредственно переходитъ къ вещамъ — второму главному источнику мысли,—когда онѣ приходять въ соприкосновеніе съ человѣческою дѣятельностью, происходить изъ нея или претерпѣваются видоизмѣненія; оно генетически представляется безчисленное множество орудій, слѣдить за деревомъ, начиная съ того момента, когда оно въ видѣ дровъ поступаетъ въ распоряженіе человѣка, чрезъ всѣ стадіи измѣненія его въ бревно, доску, столъ и такимъ образомъ постепенно проходить чрезъ всѣ его видоизмѣненія, достигая каждого ни прежде, ни послѣ, какъ именно тогда, когда оно въ своей пассивной роли приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ общественною дѣятельностью человѣка, главнымъ и постояннымъ стимуломъ способности языка“.

Такъ какъ Гейгеръ не сдѣлалъ самыхъ важныхъ и послѣднихъ выводовъ отсюда, то онъ часто высказываетъ удивленіе, открывая дѣйствительно замѣчательные факты, которые находятся въ полномъ согласіи съ приведеннымъ закономъ, но только въ моей теоріи находить вполнѣ удовлетворительное и несомнѣнное объясненіе.

Такъ, онъ говоритъ:

„Дерево, имя которого въ *блѣ* и *materia* образовалось на основѣ общаго понятія о матеріи, составляетъ господствующій матеріаль первобытнаго времени и получило свое название отъ скобленія какъ то видно, напримѣръ, изъ греч. *έλον* и иѣм. *Schaft* (стержень); бѣро обозначаетъ сверхъ того дерево какъ матерію и уже древними было производимо отъ основнаго значенія сдирать кору (*deirf*); это слово особенно важно по причинѣ своего распространенія во всѣхъ семействахъ“.

¹⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft, I, p. 42; L. Noiré, Ursprung der Sprache, p. 311.

ствахъ индо-европейскихъ языковъ¹⁾). Тотъ фактъ, что удаление коры а не срубка дерева, ведеть къ понятію дровъ, можетъ быть объяснено двумя причинами, которая, кажется, обѣ могутъ быть приняты. Въ первыхъ, понятіе дровъ, безъ сомнѣнія, древнѣе обладанія орудіями, необходимыми для срубки дерева; а во вторыхъ, здѣсь при наименованіи выступаетъ на сцену принципъ наглядности, потому что дрова, собственно, мясо дерева, обнаруживаются только по снятіи коры²⁾). Но въ высшей степени замѣчательно, что и дерево было названо отъ дровъ, и слѣдовательно, какъ живой организмъ, заимствовало свое имя отъ человѣческой дѣятельности³⁾.

Читатель, для которого моя теорія ясна, не найдетъ ничего удивительного въ аналогичномъ переходѣ понятій отъ wood къ tree.

Далѣе Гейгеръ говоритъ: „Разсматривая слова, обозначающія тѣло, почти всегда можно замѣтить, что это название перенесено съ мертваго тѣла, съ трупа, на живое тѣло. Žѣma, какъ замѣтилъ еще Аристархъ, употребляется у Гомера только о мертвомъ тѣлѣ. Откуда эта странность языка, что онъ отъ понятія мертваго тѣла переходитъ къ названію своего собственнаго тѣла?“⁴⁾

Я, признаться, вовсе не нахожу этого страннымъ; для меня, напротивъ, было бы въ высшей степени удивительно, еслибы переходъ понятій совершился иначе. Человѣческое познаніе исходитъ изъ міра объективнаго, и съ отдѣльныхъ частей тѣла животныхъ или человѣка название переносится на собственное тѣло. Мы, конечно, говоримъ теперь о своемъ мясѣ, своей кожѣ, своихъ костяхъ, не думая о происхожденіи этихъ понятій. Но все-таки самое поверхностное размышленіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что они не могли имѣть другаго происхожденія. Отсюда тотъ фактъ, что большинство членовъ человѣческаго тѣла понимается языкомъ, какъ суставы, а отсюда ясно, что такія производства, какъ Боппово, по коему kaga, рука, производится отъ kag, дѣлать, и представляется значеніе „органа дѣятельности по превамуществу“, несостоятельны.

¹⁾ Самскр. drus, дрова и дерево, dâru, дрова, брѣс, дерево, бори, дрова, копье, готск. triu, англ. tree, ирл. daur, др.-слав. дрѣво. Оно же сохранилось въ Hol-lun-der (бузина), Wachhol-der (можжевельникъ, Lin. Juniperus).

²⁾ бѣро, сакскр. dar, готск. gataira, to tear, сдирать кору.

³⁾ Geiger, Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Ver-unft, II, p. 27.

⁴⁾ Ibid., p. 136.

Я удовольствуюсь этими немногими примѣрами въ доказательство того, что этимологические факты согласны съ мою теоріей, что для языка вещи существуютъ не по стольку—какъ предполагается между-метной теоріей — по скольку они возбуждаютъ удовольствіе или отвращеніе, и еще менѣе—какъ воображаетъ звукоподражательная теорія — по скольку предметы вицшняго мѣра воютъ, ревутъ, свистятъ, но и не по стольку—по крайней мѣрѣ судя по древнѣйшимъ свидѣтельствамъ языка, по скольку они дѣятельны, но единственно по стольку, по скольку они соприкасаются съ человѣческою дѣятельностью, модифицируются, видоизмѣняются, или коротко говоря, по скольку они принимаютъ извѣстный видъ.

Это одинъ изъ важнѣйшихъ и плодотворнѣйшихъ результатовъ языкознаніе; съ нимъ согласно еще и то, что даже тѣ вещи, которыя по своей природѣ стоятъ вицъ человѣческаго вліянія, точно такимъ же образомъ становятся объектами человѣческой мысли, какъ и остальные, что они называются такимъ образомъ, какъ будто бы сдѣланы рукой человѣка.

Такимъ образомъ, слова der Teich (to dig, прудъ), lacus, Lache (болото, лужа), Loch (яма), какъ и кельнское loch, сводятся къ основному возврѣнію замѣщеннаго и выкопаннаго; точно также отъ корня ku или sku происходить какъ нѣм. hohl (пустой) и Hohle (пещера), такъ и греч. κόλος, и лат. coelum, то-есть, небесный сводъ; такъ, мы до сихъ поръ говоримъ о шпицѣ, вершинѣ горы, хотя Spitze значить собственно заостренное, сдѣланное острѣніе; такъ, основное представленіе о тканѣ, плетеніи, сгибаніи приводить не только къ произведеніямъ человѣческихъ искусствъ, но и къ обозначенію того, что представляетъ однородное или подобное возврѣніе, и такимъ образомъ къ сплетнямъ, вздору, тростнику. Такъ, face происходитъ отъ facies, первоначально работа или фигура вещи, выраженіе, повторяющееся въ новѣйшихъ языкахъ, гдѣ feature, очевидно, испорченное factura, работа; точно также слово figura по своему значенію прямо родственно съ fingo, figulus и указываетъ на свое происхожденіе отъ горшечнаго искусства; также и forma, если мы сравнимъ его съ санскр. ghartta, горшокъ, и formaceus, глиняный. Такимъ образомъ даже свою паружность, наиболѣе извѣстное и дорогое для него, человѣческое лицо человѣкъ могъ обозначить не иначе, какъ приведя его въ связь съ своею дѣятельностью, представивъ его себѣ такъ, какъ будто бы оно было продуктомъ этой дѣятельности.

Эта способность понимания мира вещей по ихъ наружности, это отличие находящихся во взаимной связи явлений видашаго мира по ясныи, все болѣе и болѣе опредѣленнымъ очертаніямъ—способность, которая развилась до такой степени, что теперь научный глазъ видѣть наружность вещей тамъ, гдѣ конкретный глазъ, даже вооруженный самыми совершенными инструментами, ничего не можетъ различить,— есть исключительно человѣку свойственный даръ воззрѣнія. Животный лишенъ этого дара, за исключеніемъ незначительныхъ зачатковъ, а въ человѣкѣ онъ есть плодъ языка и соединенной съ нимъ творящей и образующей дѣятельности. Читатель ясно можетъ понять это, если подумаетъ, какъ различно зрѣніе у различныхъ людей, если вспомнить, что мастеръ, привыкшій производить вещи, будеть ли онъ слесарь, механикъ, архитекторъ или скульпторъ, смотрѣть на произведенія своего искусства совершенно иначе, нежели профанъ или праздный зѣвака.

Фигура есть общий факторъ всѣхъ вещей: всякое усовершенствованіе, всякий успѣхъ въ человѣческой дѣятельности и устройствъ обнаруживается на ней. Она стоитъ ближе всего къ разуму, потому что она есть нѣкотораго рода наполненіе пространства и воспринимается наиболѣе духовнымъ изъ нашихъ чувствъ, глазомъ, такъ какъ мышеніе есть внутреннее видѣніе, а языкъ, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, находится въ непосредственной связи со свѣтомъ и звукомъ. Поэтому въ видоизмѣненіи наружности вещей заключается непрерывный послѣдовательный прогрессъ, основной характеръ развитія. А безпрерывный, послѣдовательный, незамѣтный, но тѣмъ не менѣе прочный прогрессъ и составляетъ сущность языка.

Я опредѣлилъ въ самыхъ общихъ чертахъ древнійшиій періодъ происхожденія и развитія языка. Это было время на нашей землѣ, когда для человѣка, по крайней мѣрѣ для его мышленія, не существовало ни мужчины, ни женщины, ни дитяти, ни солнца, ни мѣсяца, ни животнаго, ни дерева, ни я, ни ты, ни здѣсь, ни тамъ, а существовалъ только небольшой запасъ звуковъ, которые сопровождали его дѣятельность и соединялись съ объектами, производившими или видоизмѣняемыми этой дѣятельностью.

Это періодъ объективнаго созданія языка.

Громадный переворотъ долженъ былъ произойти въ духовной жизни, послѣ того какъ люди начали поднимать свои взоры отъ земли, къ которой они до тѣхъ порь были прикованы, къ вѣчнымъ звѣздамъ, къ небу, оставшемуся неизмѣннымъ и неподвижнымъ, въ

то время какъ сами они раздѣтѣли, увидали и умирали, къ утренней зарѣ, приводившей съ собою новый день и прогонявшей мракъ ночи, къ гонимымъ бурами облакамъ, которыхъ послѣ томительного долгаго зноя

gnädig ernst den langerflehten Regen
mit Donnerstimme und mit Windesbrausen
in wilden Strömen auf die Erde schütten

(съ суровою щедростью въ бурныхъ потокахъ изливали на землю давно желанный дождь съ грозой и бурей).

Несомнѣнно, что долженъ былъ нѣкогда наступить такой переворотъ — не вдругъ, какъ-бы экспромтомъ, а медленно и постепенно, какъ всякое развитіе, — когда дѣйствующимъ силамъ природы стали приписываться чувства, и онъ, благодаря дѣйствію распаленной фантазіи, стали считаться живыми дѣятельными существами, когда объекты незамѣтно превратились въ субъекты, и языки, мышеніе получили тотъ характеръ, который мы теперь знаемъ за ними, и который кажется намъ столь естественнымъ, что мы воображаемъ, что и всегда такъ должно было быть.

Этотъ періодъ совпадаетъ съ происхожденіемъ религіи, которая, по словамъ Гейгера, оказала невѣроятное, почти неограниченное влияніе на образованіе человѣческаго чувства. Происхожденіе миѳологии есть необходимая, высоко важная ступень развитія въ жизни языка и духовной жизни человѣчества. Лингвистически онъ можетъ быть обозначенъ какъ періодъ, когда субъекты впервые стали выдѣляться изъ неопределеннности мыслительного процесса и получать самостоятельное существованіе.

Эту истину предчувствовалъ еще Отфридъ Мюллеръ: „Миѳологіческій образъ выраженія“, говоритъ онъ, — „превращающей всѣ существа въ лица, всѣ отношенія въ дѣйствія, есть нѣчто столь своеобразное, что для развитія его мы должны предположить особый періодъ въ цивилизаціи народовъ“¹⁾.

Но здѣсь я умолкаю, потому что здѣсь человѣкъ началъ говорить²⁾, а у него мы должны учиться и пока только учиться.

¹⁾ Otfried Müller, Prolegomena zu einerwissenschaftlichen Mythologie, p. 73.

²⁾ Max Müller, Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religions of India. London, 1878.

Н. Громовъ.

ФЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ КАКЪ ПИСАТЕЛЬ¹⁾.

VII.

Литературная и общественная деятельность Феофана въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго. Педагогическія сочиненія; сочиненія объ обрядахъ; отношеніе къ расколу. «Правда воли монаршей» и историческіе труды. Проповѣди. Царствованіе Екатерины I и Петра II. Новое положеніе Феофана въ лініи виѣзжихъ обстоятельствъ на его литературную дѣятельность.

Выступая рѣшительнымъ противникомъ и безощаднымъ гонителемъ ложныхъ вѣрованій и пристрастій къ буквѣ въ дѣлѣ вѣры, Феофанъ Прокоповичъ, какъ мы видѣли, сознавалъ необходимость бороться со всѣми тѣмъ проявленіями религіознаго чувства, которыя онъ считалъ неправильными, искажающими чистоту и смыслъ христіанскаго вѣроученія, бороться не столько карательными мѣрами, сколько путемъ нравственнаго убѣжденія и наставлениія, путемъ прямого, положительного изложенія тѣхъ правильныхъ вѣры и нравственности, какая желательно было провести въ народное сознаніе. Съ этой цѣлью въ Духовномъ Регламентѣ было предписано епископамъ и священникамъ—ближайшимъ учителямъ народа—проповѣдывать въ церквяхъ; но въ виду недостатка въ средѣ духовенства такихъ учителейъ людей, которые могли бы съ успѣхомъ исполнять эту обязанность, признана была „всеконечная нужда имѣти вѣкія краткія и простымъ человѣкамъ уразумительныя и ясныя книжіцы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть,— и тыа книжіцы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничные дни, въ церкви предъ народомъ. А хотя и есть таковыхъ книгъ

---

¹⁾) Продолженіе. См. юльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за тепущій годъ.

довольное число", прибавляет Регламентъ, — „сія есть „Омологія" или „Исповѣданіе Православное", такожь и нѣкіихъ великихъ учителей святыхъ толковательный бесѣды и слова нравоучительны; обаче се есть неудобное всему, наипаче простому пароду ученіе. Ибо книга Исповѣданія Православнаго немалая есть, и для того въ памати¹ простыхъ человѣкъ неудобъ вмѣщаема, и писана не просторѣчно, и для того простымъ не вельми внятна¹). Такожь и книги великихъ учителей... писаны суть елинскимъ языкомъ, и на томъ токмо языѣ внятны суть, а переводъ ихъ славянскій сталъ теменъ и съ трудностю разумѣется отъ человѣкъ и обученныхъ, а простымъ невѣжамъ отнюдь недостизаемый есть... ²⁾ А простому народу вмушать подобаетъ то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно по своему званію должно... Аще бы вѣдали вси самыя главнѣйшія вѣры наша догматы, и кое есть устроенное отъ Бога спасенія нашего смотрѣніе; и аще бы вѣдали заповѣди Божія, еже уклонитися отъ зла и творити благое: то довольно бы имъ было наставленіе". Въ виду всего этого, признано было необходимо мъ „сочинить три книжицы небольшия: первую—о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры наша, такожь и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ; вторую — о собственныхъ всякаго чина должностяхъ; третью таковую, въ которой собраны будуть съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина. Первая и вторая книжица имѣть будетъ доводы своей отъ самого Св. Писанія, но внятны всѣмъ и краткія; третія же отъ св. отецъ тое же, что въ первой и во второй поучающая". Эти книжицы предполагалось читать въ церквяхъ въ такомъ порядке, чтобы всѣ три могли быть прочитаны въ четверть года; кромѣ того, Регламентъ замѣчаетъ, что „первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія".

Задачу составленія такихъ „ книжицъ" взялъ на себя самъ авторъ ▲

¹⁾ Рѣчь идеть о такъ называемомъ «Большомъ катихизисѣ», составленіе которого приписывается Петру Могилѣ. Первое изданіе этой книги на славянскомъ языку, подъ заглавиемъ «Православное исповѣданіе вѣры», вышло въ Москвѣ въ 1696 г., второе—тамъ же, 1709 г. См. Лекарская, Н. и Л., II, 189—191.

²⁾ Еще въ XVII вѣкѣ орловскій проповѣдникъ находилъ, что сочиненія Симеона Полоцкаго «за высоту словесъ» народу совершенно недоступны; а о сочиненіяхъ Златоустаго не только мѣране, но и священники говорили, что они писаны на иностранномъ языке. Опис. Рум. Муз., стр. 632.

Духовнаго Регламента, и притомъ одновременно съ составленiemъ послѣдняго. Еще до выхода его въ свѣтъ, въ 1720 году, напечатана была, по повелѣнию государя, небольшая книжка подъ заглавiemъ „Первое ученіе отрокомъ“, заключающая въ себѣ азбуку вмѣстѣ съ краткимъ объясненiemъ десяти заповѣдей, молитвы „Отче нашъ“, символа вѣры и девяти блаженствъ. Эта книжка вскорѣ сдѣлалась обязательнымъ руководствомъ для обученія всѣхъ русскихъ дѣтей¹⁾; она печаталась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, для разсылки по епархіямъ; синодъ предписалъ, „дабы всякий священникъ, и диаконъ, и причетник имѣли у себя букварь, и прилежно по сему заповѣди Божиѣ стъ толкованiemъ и прочее въ твердую память принимали“; эту же книжку приказано было читать по церквамъ, „вмѣсто книгъ Ефрема Сирина и отъ Соборника и прочихъ нѣкоторыхъ“²⁾.

Такимъ образомъ, букварь Феофана Прокоповича имѣлъ двоякое назначение: онъ долженъ былъ служить первою книгой, какъ дается въ руки дѣтямъ, начинающимъ учиться; онъ же долженъ быть служить для простого народа замѣною устной церковной проповѣди. Толкованія заповѣдей и символа вѣры предлагались дѣтямъ, какъ материалъ для первого упражненія въ чтеніи и для заучиванія наизусть, — предлагались народу, какъ средство для правильного уразумѣнія основъ православной вѣры. Такимъ соединенiemъ двухъ задачъ въ одной и той же книжѣ наглядно характеризуется взглядъ Феофана и Петра Великаго на народъ, какъ на толпу неразумныхъ дѣтей, которыхъ надо воспитывать и учить при помощи тѣхъ же приемовъ, какіе прилагались въ малолѣтнимъ — при помощи букваря и лозы. Послѣднюю держалъ въ своихъ рукахъ Петръ, о первомъ заботился Феофанъ.

Въ приисловіи къ „Первому ученію“, онъ такъ излагаетъ свои мыслья объ этомъ предметѣ: отъ воспитанія зависить вся жизнь человѣка, что подтверждается примѣромъ не только отдельныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ: „въ которомъ народѣ многія свары, нева-

¹⁾ Въ уставѣ 31-го мая 1722 г. говорится: «Понеже совершенійшихъ ученій богословскаго и философскаго, также и нужнейшихъ языковъ искусства еще за скудостю довольноыхъ къ сему учителей преподать невозможно: того ради учить... по недавно изданымъ первого отроковъ ученія книжцамъ, букварями именуемымъ»; при этомъ учителя должны всего болѣе стараться «такъ (ученикамъ своимъ) оные буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли». П. С. З., VI, № 4021.

²⁾ Пекарский, Н. и Л., II, 549—550. П. С. З., VII, № 4172.

висти, коварства, татъбы, разбои и прочія злонравія—не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ доброго наставленія дѣтямъ¹. Правда, что наклонность ко злу есть во всякомъ человѣкѣ, какъ свойство врожденное, какъ послѣдствіе первого грѣхопаденія; но эта наклонность еще болѣе усиливается отъ общенія съ злыми людьми и можетъ обратиться въ привычку. „Какова же добра надѣятися, гдѣ нѣтъ доброго хѣтія воспитанія? А воспитаніе такое въ Россіи — кто не видѣть, какъ скудно? Мнози и благочестніи у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, виже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Не многіе ли обрѣтаются книгою, которые заповѣдей Божіихъ, и символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ? Ей, многажды хуждіе и злѣшіе бывають! Не имуще бо страха Божія за лишеніемъ доброго воспитанія, когда читать и писать научилися, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы, и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пасквили, портить записи, договоры, духовницы, прѣтворяютъ указы²). Нѣцы же, помышляя о себѣ, что понеже читать умѣютъ, весьма мудры суть, дерзаютъ вымышлять плевельная ученія, мимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлаютъ“. Отроки до сихъ поръ были лишены подобающаго воспитанія, говорить Феофанъ,—потому что учебные книги для вихъ хотя и существовали, но были писаны „словенскимъ высокимъ диалектомъ, а не просторѣчіемъ“, и вслѣдствіе этого для дѣтей были непонятны. Еслибы Феофанъ захотѣлъ быть откровеннѣе, то онъ могъ бы пояснить еще, что вѣдь прежнія книжицы для первоначального обучения, буквари и прописи, внушили дѣтямъ безусловную покорность авторитету старины, святости преданія, суевѣрную боязнь „мнѣнія“, какъ источника всѣхъ золъ, и презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ,—слѣдовательно, именно все то, противъ чего Петръ и Феофанъ особенно возставали²). Народъ необходимо было перевоспитать, внушить молодому поколѣнію уваженіе и стремленіе къ тому,

¹⁾ Изъ этого видно, какъ высокого стоялъ Феофанъ, какъ общественный дѣятель, сравнительно съ некоторыми нѣшими публицистами недавняго времени: послѣдніе вовсе отрицали необходимость народного образования, основываясь на томъ, что грамотность въ рукахъ мужика является только средствомъ для поддѣлки паспортовъ: Феофанъ, указывая на подобный злоупотребленія, рекомендуетъ искоренять ихъ путемъ «ученія доброго и основательнаго»...

²⁾ Объ этихъ книгахъ см. Лекарская, Н. и Л., I, 167—179.

чего прежде учили бояться, дать ему возможность воспринять тѣ идеи, которыхъ проводились въ жизнь реформою. „Первое ученіе отрокомъ“ было однимъ изъ орудій для достижения этой цѣли.

Какъ мы уже видѣли, Феофанъ Прокоповичъ, по складу своего ума, былъ мыслитель, не столько развивавшій какую-нибудь положительную доктрину, сколько старавшійся, путемъ критики, устранить препятствія, тормозившія движение въ обществѣ новыхъ идей. Феофанъ—плохой систематикъ; даже заранѣе опредѣливъ планъ, которому онъ находитъ нужнымъ слѣдовать въ своихъ разсужденіяхъ, онъ рѣдко умѣеть удержаться въ предѣлахъ этого плана, и почти всегда вдается въ постороннія полемическія разсужденія по поводу вопросовъ второстепенныхъ, повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ, иного не договариваетъ, и т. д. Словомъ, онъ не можетъ долго удержаться на отвлеченной высотѣ и всюду ищетъ непосредственнаго отношенія къ окружающей его дѣйствительной жизни, или по крайней мѣрѣ, повода къ тому, чтобы высказать свой взглядъ на известныя житейскія явленія. Даже въ курсѣ богословія всего болѣе заботится онъ не о положительному разъясненіи догматовъ, а о томъ, чтобы доказать справедливость своихъ мнѣній отрицаніемъ противоположнаго, критикою, полемикою; эту критику и полемику онъ умѣеть вести чрезвычайно искусно, подмѣчая малѣйшіе промахи своихъ противниковъ и выставляя ихъ мнѣнія въ смѣшномъ или нелѣпомъ видѣ. Эта отрицательная сторона во всѣхъ его сочиненіяхъ занимаетъ главное мѣсто; онъ является критикомъ и разрушителемъ старыхъ понятій вездѣ, даже и тамъ, гдѣ, по самой задачѣ сочиненія, ему слѣдовало бы строго ограничиться одною положительной стороны дѣла. Такъ, напримѣръ, „Первое ученіе отрокомъ“ представляетъ не что иное, какъ азбуку и краткій катихизисъ, который, по мысли автора, долженъ быть заучиваться дѣтьми наизустъ тотчасъ же вслѣдъ за азбукой, вмѣсто псалмовъ и молитвъ; слѣдовательно, въ этой первой книжкѣ, которая дается въ руки дѣтамъ, повидимому, совсѣмъ не должны были бы имѣть мѣста никакія отрицательныя и полемическія замѣчанія, тѣмъ болѣе, что для дѣтей они и не могли быть вполнѣ понятны. На самомъ дѣлѣ вышло, однакоже, иное. Феофанъ и здѣсь не могъ строго выдержать несвойственнаго ему положительнаго тона, и, объясняя заповѣди и символъ вѣры, счѣль нужнымъ вставить въ это толкованіе двусмысленные и насмѣшилівые отзывы о древне-русскомъ благочестіи, о почитаніи иконъ, мощей, священныхъ мѣсть и пр.: „Идололѣженіе есть“, говоритъ онъ,— „когда

кто честь Божію воздаєтъ образу или подобію юїй-либо вещи... идоли, то-есть—образишки; о христіанскихъ же іконахъ что разумѣти подобаетъ?... Лгутъ на Бога оні проклятіи лестцы, которыи іконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту нѣкоему притворяютъ чудеса и откровенія... Нерѣдко таковыи явишася прелестницы, которыи прибытка ради притворяни за святыхъ мощи пронесоша, якоже въ Москвѣ иногда случися, что всѣмъ извѣстно есть¹⁾). И иная иѣская симъ подобная, подъ покрывають святости, лестцы оніе просвѣтымъ людемъ утвердиша, якоже мleко пресв. Богородицы, кровь Іисуса Христа и власы брады его, что все противно истинѣ²⁾, и т. п.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что въ „Первомъ учени“ относительно мощей, іконъ и пѣкоторыхъ обрядовъ почти дословно повторено то-же самое, чтѣ было сказано въ Регламентѣ; но Регламентъ назначался для взрослыхъ людей, и притомъ для тѣхъ, которыми вмѣнялось въ специальную обязанность блюсти за чистотою православнаго вѣроученія, а букварь имѣть въ виду читателей, только что познакомившихся съ азбукой. Очевидно, Феофанъ не находилъ нужнымъ дѣлать различія между тѣми и другими, хотѣль въ самомъ раннемъ возрастѣ подорвать ту вѣру въ непреложность старого преданія, какая внушалась дѣтямъ прежними учителями, и заронить въ дѣтскую душу съмѣна сомнѣнія и критики.

Эта особенность, рѣзко отличавшая новый букварь отъ всѣхъ прежнихъ, а также совершенное игнорированіе освященнаго обычаемъ порядка обученія дали противникамъ Феофана удобный поводъ сильно напастъ на его произведеніе. „Нѣкоторые изъ Русскихъ“ (писателей), говорить бiографъ Прокоповича,—„не одобряли его катихизиса, потому что ученіе о поклоненіи іконамъ изложено въ немъ иначе, чѣмъ у Яворскаго въ „Камнѣ Вѣры“. Изъ этихъ противниковъ одни нападали на „Первое учени“ по принципу, какъ на произведеніе, противное духу православія, другіе—просто изъ желанія излить свою досаду на Фео-

¹⁾ Изъ дома секретаря монастырскаго приказа Макара Бѣлагена быль взятъ въ синодъ серебранный ковчегъ съ изображеніемъ мученика Христофора; въ ковчегѣ хранились мощи, которыя, по освидѣтельствованію, оказались скончаною костью. Петръ приказалъ перелить ковчегъ въ какой-нибудь церковный сосудъ, а сконченую кость положить въ синодальную кунсткамеру и написать на нее трактать съ такимъ объясненіемъ, что прежде, когда духовныхъ инквизицій не было, употреблялись такія и тому подобныя суперстіи, которыя и отъ приходящихъ въ Россію грековъ производились, что нынѣ синодальнымъ тщаніемъ уже истреблены. Соловьевъ, XVIII, 217.

фана, которого считали виновникомъ всѣхъ золъ. Изъ возражений первого рода намъ известно одно, принадлежащее перу молдавскаго господаря, кназя Дмитрия Кантемира (сынъ котораго, Антіохъ, былъ такимъ горячимъ поклонникомъ Прокоповича). Человѣкъ, по отзыву современниковъ, „вѣло разумный“ и образованный, Кантемиръ, однакоже, былъ горячимъ сторонникомъ древняго греческаго благочестія и образованія, а потому къ отрицательнымъ мнѣніямъ Феофана отнесся очень подозрительно и строго. Написанный имъ разборъ „Перваго ученія“ имѣть цѣлью доказать, что эта книга несогласна съ духомъ православія и потому вредна¹). Мы не станемъ подробно рассматривать этотъ разборъ, такъ какъ онъ уже изложенъ и разсмотрѣнъ довольно обстоятельно въ статьѣ г. Извѣкова, пришедшаго къ тому заключенію, что возраженія Кантемира „иногда натянуты и мелочны до пустого словопрепнія, иногда поспѣшны и неосмотрительны, но въ большинствѣ случаевъ мѣтки, здравы и доказательны“. Послѣднее замѣченіе относится къ тѣмъ частямъ рецензіи, где Кантемиръ отстаиваетъ древне-русское благочестіе и религіозное чувство противъ двусмысленныхъ и насыщенныхъ отзываовъ Феофана, находя, что подобный тонъ въ дѣтской книжѣ совсѣмъ не у мысль. Значеніе „Перваго ученія“, какъ букваря, рельефно оттѣняется нападками критика на смѣлость автора, покинувшаго торную дорогу своихъ предшественниковъ и пренебрегшаго загѣщаніями стариной правиломъ обучать „въ началѣ буквамъ, сирѣчъ азбуцѣ, потомъ же часовники и псалтиры и прочія божественные книги“²). Феофанъ, какъ мы

¹) «Мѣста примѣрачая въ катаклизисѣ, иже отъ безыменнаго автора на славянскомъ языке изданы и «Первое ученіе отрокомъ» именовать есть»—рук. И. И. Б., Q. I, № 273 (изъ собр. гр. Ф. А. Толстова, II, 433); то-же сочиненіе на латинскомъ языке—въ рук. Моск. дух. акад., № 277. См. статью г. Извѣкова: «Одинъ изъ малоизвѣстныхъ литературныхъ противниковъ Ф. Прокоповича», въ *Зарѣ*, 1870, VIII; Чистовича 50—54 Пекарскою, Н. и Л., I, 179—181. Кантемиръ, по всейѣѣности, написалъ свое возраженіе на латинскомъ языке, и затѣмъ оно было переведено на русскій, можетъ быть, тѣмъ самимъ Ильинскимъ, который жилъ въ домѣ кназя въ качествѣ учителя и переводилъ его «Книгу систему или состояніе мухамеданскій религіи». Ср. Пекарскую, Н. и Л., II, 584.

²) «Надревне русскимъ дѣтводамъ и учителямъ обычай былъ и есть учить малыхъ дѣтей въ началѣ—азбукѣ, потомъ—часословицу и псалтиры, въ такихъ листахъ; потомъ некоторые преподаютъ чтеніе апостола. Возрастающихъ же препровождаются къ чтенію библии, бесѣдѣ евангельскихъ и апостольскихъ, и къ разсужденію высокаго разумѣнія, заключающагося въ тѣхъ книгахъ». Забѣльинъ, Опыты изуч. русск. др. и ист., I, 69.

сказали выше, тотчасъ вслѣдъ за азбукой и складами даетъ толкова-
ние заповѣдей, молитвы „Отче нашъ“ и символа вѣры; Кантемиръ
находитъ, что это противорѣчить постановленіямъ православной церк-
ви, которая сама расположила, когда чому учить изъ писанія; а
именно—азбуки должны предшествовать и за ней слѣдоватъ извѣст-
ные молитвы, въ порядкѣ, разъ навсегда опредѣленномъ; затѣмъ —
символъ вѣры, часословъ, октоихъ и псалтыри: „И сей убо чинъ есть
и наставлениe, еже долгимъ уже временемъ и отъ толикихъ вѣковъ
всегда соблюдаemo толикое возьмѣ употребительство, яко аще бы
инъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ усиливался привести
чинъ, хотя благочестнымъ и ревностнымъ сie началь бы тщаніемъ,
обаче едава ли никакоже могъ-бы, яко миу, избыти порока подозрѣ-
нія; колыми паче или древнаго обычая истребитель мнимъ и прези-
раемъ быль бы“. Такимъ образомъ, даже нарушеніе порядка препо-
даванія въ глазахъ защитниковъ старины было тяжкимъ грѣхомъ,
чуть не ересью; поэтому можно судить, какъ отнеслись люди ста-
раго образа мыслей къ новымъ идеямъ, которыхъ Феофанъ пытался
проводить даже въ букварѣ. Кантемиръ, вообще избѣгающій рѣзкихъ
полемическихъ выходокъ, заключаетъ свой разборъ „Перваго ученія“
ироническимъ замѣчаніемъ на счетъ автора этой книги: „Мнози быть
могутъ, иже отвѣтъ жезль и одежду паstryрскую носити являются;
внутрь-же суть наемницы, волкамъ безопасно похищати популациоnи;
паче же сами, овчоу прикрывшися кожею, волы суть... Восклидаше
иногда Кicerонъ, римскаго краснословія начальникъ: о tempore, o
mores! не нетребѣ и нынѣ восклидати: о церкви, о паstryре!“

Феофанъ Прокоповичъ, имѣвшій право считать себя и по уму, и
по образованію гораздо выше своихъ противниковъ, относился къ
нимъ съ глубокимъ пренебреженіемъ; въ его глазахъ эти люди были
„прекословцы, буесловцы, прузы, безумные разкащики, не разумѣющіе
писанія и сражающіеся съ собственными мечтами и сновидѣніями,
школьники, латиноу губы примаравши, собирающіе свои познанія
только пошептомъ отъ ересей папежскихъ, сумасброды и неуки, не
вѣдущіе не токмо св. писанія, которое и что есть не знаютъ, но и
самаго того ремеслинка, которыхъ хвалятся“. Противорѣчіе раздра-
жало его, и нерѣдко, благодаря такому отношению къ противникамъ,
онъ забывалъ тѣ благоразумныя правила ученої полемики, которыхъ
когда-то внушалъ своимъ киевскимъ слушателямъ¹⁾. Доказательствомъ

¹⁾ См. выше, въ 3-й главѣ.

этому можетъ служить его отвѣтъ на критику Кантемира, изложеній въ формѣ письма къ какому-то „преподобнѣйшему отцу“, — по вѣроятной догадкѣ г. Чистовича — къ Аѳанасию Кондоиди, греческому священнику, жившему въ доії Кантемира. Не останавливаясь на подробномъ разборѣ возраженій своего критика, Оеофанъ даетъ имъ общую оцѣнку съ особенной, ему одному только свойственной точки зрѣнія: „Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ“, говоритъ онъ, — „въ чёмъ кто учителемъ хощеть быти. Но искусный долженъ есть долго и прилежно и слова, и вещь, и самой вещи естество и обстоятельства, и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусствіи и такъ прилежніи, ово за невеликое остроуміе, ово за несильное въ богословіи обученіе; того ради глаголеть Духъ Святый, да не многи касаются дѣла учительскаго, боящеся большаго осужденія. Что бо сѣдѣуетъ таковому легкомысленному учителству? Первое — распри, а въ народѣ сумнительство, потомъ и расколы, и ереси и факціи... Отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекрасными дѣлами не сѣдѣуетъ-ли сіе, что слышавше оное прекрасное слово человѣцы простіи не похотятъ отрокомъ своимъ сего толь полезнаго давати наставлениія, и тако многие отроцы въ грубости и неставлениіи останутся, и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ, величественно благочестныхъ, вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекраснѣемъ толь неискуснымъ и неправеднымъ...“

Такимъ образомъ, человѣкъ, позволяющій себѣ критически относиться къ возврѣніямъ Прокоповича, совершаеть чуть не государственное преступленіе; отъ критики, несогласной съ тѣми положеніями, которыя Оеофанъ признаетъ единствено вѣрными, происходить и ереси, и политические заговоры! Впослѣдствіи, по поводу другихъ возраженій, Оеофанъ высказалъ эту мысль въ самой опредѣленной и рѣзкой формѣ: „Не на единаго же писателя ищетъ толикаго осужденія (говорить онъ объ одномъ изъ наиболѣе ярыхъ своихъ критиковъ), — но и на тѣхъ, которые дерзнули сія въ церковь вносить: какъ и въ прежнихъ словахъ своихъ на тѣхъ наступаетъ, которые дерзнули печатать порицаемыя отъ него книжны. А внесль они въ церковь Цетръ Великій и, по его указу, св. синодъ и вси россійские архиерей“¹⁾.

¹⁾ Чистовичъ, 237.

По свидѣтельству Антіоха Кантемира ¹⁾, „Катихизисъ православ-
вия вѣры Ф. Прокоповича на многіе чужестранные языки переве-
день, печатанъ, и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается“²⁾. Намъ
извѣстѣ только одинъ переводъ его на нѣмецкій языкъ ³⁾. По сло-
вамъ самого Феофана, по этой книгѣ учился Петръ II.

Дальнѣйшимъ развитiemъ правоучительной части „Перваго уче-
нія“ служить книга „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкова-
ніе“, написанная Феофаномъ по специальному порученію Петра и на-
печатанная въ 1722 году (три изданія въ одинъ годъ). По свидѣ-
тельству Голикова ⁴⁾, въ памятной книжкѣ Петра Великаго было,
между прочимъ, записано: „Написать книгу о ханжахъ и изъять въ
блаженства (крутьость Давидову и пр.), что не такъ, какъ они дума-
маютъ, и приплѣсть къ требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣль-
цемъ ростовскаго (то-есть, епископа Дмитрія) съ товарищи... также,
что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Отвѣтомъ на
это требование была книга о блаженствахъ, по словамъ Ю. Самари-
на — одно изъ лучшихъ произведений Феофана, объясняющее очень
многое въ тогдашнемъ умственномъ и нравственномъ развитіи Рус-
скаго народа.

Книга эта послана была царю, находившемуся тогда въ Астра-
хани, и очень ему понравилась: „Книгу о блаженствахъ всю чель“
писалъ онъ), — „которая зѣло изрядна и прямой путь христіанскій;
только надлежитъ предисловіе сдѣлать, въ которомъ розныи наши
толкованія неправыи ханжевскія всѣ выяснить, дабы читающій перво
свой порокъ узналь, а потомъ пользу прямую и истинную. Такожъ
въ концѣ силу всей книги зѣло короткою выпискою безъ толку (по-
неже онъ уже выше писать) положить, дабы могъ на память оное
имѣть, понеже всей книги на память невозможно имѣть...“ ⁴⁾ Из-
вѣстно, кромѣ того, что Петръ и самъ написалъ нѣсколько замѣ-
токъ о ханжествѣ и лицемѣріи; въ его бумагахъ найдена небольшая
записка съ толкованіемъ заповѣдей, въ которой доказывается, что
ханжество и святошество заключаютъ въ себѣ грѣхи противъ всѣхъ

¹⁾ Сочиненія, изд. Глазунова, I, 78.

²⁾ Erste Unterweisung der Jugend, enthaltend das ABC—Büchlein, etc. Auf
Beispiel Sr. Czaar. Majest. Petri I in den Druck gegeben. S. l. et a., 4°. (И. П. В.)

³⁾ Дѣянія П. В., XI, 493.

⁴⁾ Некарский, Н. и Л., II, 552. Къ книгѣ о блаженствахъ, действительно,
приложенъ такой краткій конспектъ.

десети заповѣдей¹⁾). Видя въ древне-русскомъ благочестіи почти исключительно суетнѣе и лицемѣрную набожность, служащую прикрытиемъ для пѣлей вовсе не религіозныхъ, онъ особенно интересовался подробною разработкою этого вопроса, служившаго въ то время темою для очень многихъ литературныхъ произведеній. Этому же вопросу посвящена и книга Прокоповича, представляющая практическое примѣненіе его богословскихъ идей. Мы уже видѣли, что Феофанъ, въ своемъ учениіи объ „оправданії“, выступилъ противникомъ господствовавшей въ нашеіь народѣ и раздѣлявшейся нашими богословами идеи, что вѣчную жизнь можно заслужить извѣстными подвигами, достоинство которыхъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью или сопровождающими ихъ лишеніями и страданіями. Вслѣдствіе того онъ относится и къ монашеству если не совсѣмъ отрицательно, то, по крайней мѣрѣ, не очень благосклонно, признавая аскетический идеалъ несостоительнымъ вообще, а практическое приложеніе его требованій въ Россіи — несомнѣннымъ съ понятіемъ благоустроеннаго, строго централизованного государства, въ которомъ каждый подданный долженъ нести извѣстныя повинности. Между тѣмъ, масса народа не хотѣла пассивно воспринимать новые идеи, внесенные въ нацъ преобразовательной дѣятельностью правительства, и вступила съ его централизаторскими стремленіями въ активную борьбу, выдѣляя изъ среды своей то цѣльныя толпы непокорныхъ, то отдѣльныя личности, громко заявлявшія о своемъ нежеланіи подчиняться новому порядку вещей. Конецъ XVII и начало XVIII вѣка — эпоха, когда эта противоположность между стремленіями народными и правительственными достигла уже значительной рѣзкости — представляетъ множества примѣровъ людей, умышленно бросавшихъ въ опасности, искавшихъ мученій и смерти и думавшихъ такимъ образомъ спасти свою душу отъ царства антихristова. Въ такихъ людяхъ Феофанъ видѣлъ неизвѣдь, фанатизированныхъ ханжами и лицемѣрами ради какой-нибудь корыстной цѣли; поэтому онъ направилъ свои удары не столько на первыхъ, сколько на вторыхъ, которымъ и посвящена большая часть книги о блаженствахъ. Необходимость изданія этой книги доказывается, въ предисловіи, тѣмъ, что „многи кривотолки блаженства онъ не прямо разсуждаютъ и не въ своей ихъ силѣ разумѣютъ, и потому аки воздухъ біюще подвизаются и сльпо идутъ въ вѣчную погибель“. Толкованіе каждого блаженства дѣлится на двѣ части: въ первой ав-

¹⁾ Соловьевъ, XVIII, 201.

торъ имѣть цѣлью „отринути непрамыи“, а во второмъ— „показати прямый словесъ Христовыхъ разумъ“. Особенаго вниманія заслуживаетъ первая часть, такъ какъ въ ней заключается опроверженіе различныхъ ложныхъ мыслей, которыя въ то время были въ ходу въ народѣ, и подробное разсужденіе о добровольномъ мученичествѣ.

Въ толкованіи первого блаженства (блаженіи нищіи духомъ) авторъ доказываетъ, что здѣсь разумѣется нищета не вещественная, „икоже толкуютъ по себѣ человѣцы лѣнивіи, прошаки и воловиты безстудніи и прочіи имъ подобніи; ибо вещественная нищета сама собою есть вещь средняя, ниже Богу любимая, ниже Богу противная“. Такъ же объясняется и выраженіе „блаженіи алчущіи и жаждущіи правды“. Въ статьѣ о „кроткихъ“ находимъ характеристику лицемѣровъ, увлекающихъ народъ своюю мнімою святостью: „Суть и таковіи, которыхъ опасный человѣкъ не трудно признаетъ, сіе же напаче потому, что или преизлишне смиряются, или дѣйствія нѣкая природѣ своей противная показываютъ. Голову, напримѣръ, на едино плечо преклоняютъ, голось отончеваютъ, оскабляются безвременно, вздыхаютъ часто и безъ причины, и пр. Даъ-бы Богъ, дабы умудрился иногда простый народъ, и хотя бы отъ сихъ удобопознаваемыхъ лестцовъ оберегалъ себе. Зѣло вредны спасенію суть вышеупомянутіи искусствіи лестцы, но и сіи простая сердца уловляютъ“.

Въ статьѣ о „миротворцахъ“ Феофанъ снова касается вопроса о ложномъ мирѣ и мніомъ благополучнѣи, о которомъ онъ говорилъ въ словѣ при открытии синода: „Прелестніи суть миротворцы или миросказатели и оні, которіи не попускаютъ проповѣдати въ народѣ, каковая у насъ вражда съ Богомъ и междособна съ близкими... Тakovіи суть отъ духовнаго чина оні, которіи, оберегая себѣ, да не стыдно имъ будетъ, яко невѣжды суть и во своемъ званіи нерадивіи, еще и искусѣйшей отъ нихъ братіи завиды, обыкли на дѣло учительское прерицати: на что намъ учителя и учения, на что проповѣди? православніи христіане есмы, сіаетъ благочестіе, церковь святая процвѣтаетъ... Но мнімый се и мечтанный миръ проповѣдуете, о други! лице притворное, а не сущую вещь показуете“.

Послѣднія три блаженства соединены въ одну статью и, по всей вѣроятности, составляютъ именно тотъ трактатъ о мученичествѣ, о которомъ говорить Феофанъ въ письмѣ къ Марковичу. Говоря о людяхъ, добровольно идущихъ на страданія и смерть, Феофанъ обращаетъ вниманіе на различные мотивы, побуждающіе ихъ къ этому. Прежде всего, говорить онъ, есть такие меланхолики, которые не мо-

гутъ равнодушно видѣть чужого благополучія и потому радуются страданіямъ ближнаго и восхваляютъ страдающихъ; затѣмъ, бываютъ и такие, которые, страдая вполнѣ заслуженно, за свои злодѣйства, стараются представить себя мучениками за правду; далѣе, есть люди, которые, „не по разуму ревнуй, страдать готовы за мнимую имъ правду, не разсуждая, достойно ли есть толикой ревности, о чёмъ ревнуютъ до крове своея; многажды бо что они помышляютъ истинно быти, должно есть; что вмѣняютъ въ правду, самая есть неправость“... Феофанъ доказываетъ, что невѣдѣніе въ подобныхъ случаяхъ не можетъ служить извиненiemъ, такъ какъ всякий долженъ всѣми средствами доискиваться истины и къ ней стремиться. Наконецъ, „еще суть и такови безумніи, которіи слышаніемъ или чтеніемъ славныхъ подвиговъ мученическихъ услаждаеми и акибы завидяще славы ихъ, ищущи и безъ причины страданія, или сами себѣ смерти предаютъ... Въ Россіи у насъ голосная повѣсть вездѣ, что множество таковыхъ окаянныхъ воюю себе предали сожженію... И зри, каковы плоды изытии могутъ отъ таковыхъ безумныхъ страдальцевъ: когда бо таковый слышитъ законъ Божій—якоже хощете, да творять вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде — помыслити въ себѣ можетъ: я хощу, дабы мене мучили, то и мнѣ не грѣхъ другого погубить... Не такови ли суть и наши раскольщики, излика враждебни, яростю дыщущіи, верховной власти вложелатели, щастливыхъ намъ викторій нелюбящіи, злоключеніемъ отечества веселящи, весьма человѣконенавистницы“. Они, „бѣшенюю нѣкою покотю жаждуще мученія, сами на себѣ лгутъ и вину, мученія достойную, притворяютъ себѣ, да мучими будутъ“; но между ними встрѣчаются и такие, которые нарочно совершаютъ преступленія съ цѣлью заслужить мученическій вѣнецъ; такъ, напримѣръ, „явился единъ и другій, которіи на высочайшую власть не за иѣкую ея неправду, но славищеся дерзновеніемъ своимъ, не убоались изблевати досадительная мерзсловія, хулы и укоризны, симъ будущія славы мечтаніемъ услаждающе себѣ: хвалимы буду и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сіе постражду; напишется о мнѣ исторія, пронесется всюду похвала: не единъ, удивляясь, скажетъ о мнѣ: великодушенъ мужъ былъ, царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоился... О, окаянніи сумасброды! Мало такихъ бѣшенными нарицати: есть се нѣкое зло, равнаго себѣ имени не имущее“!

Одною изъ причинъ подобныхъ явлений Феофанъ признаетъ невѣжество, и въ особенности — недостатокъ богословскихъ знаній: „невѣжды бо злобніи и гордіи, читать только грамоты изучившияся, меч-

таютъ о себѣ, что суть они уже совершеніи мудрены; не знающе же, что разумѣется во имени семъ писаніе божественное, кую-либо тетрадь, аще и пребезумно составленную, нарицаютъ божественнымъ писаніемъ; и когда набредутъ на чѣлвѣкъ повѣсти о мученикахъ недостовѣрныя (яковыхъ въ разная темы времена безъ числа наплѣтено), и увидѣть, что будто страдалецъ хулительно и укоризненно кричалъ на властей, услаждаются тѣмъ, яко мужественнымъ нѣкимъ, по мнѣнію своему, дерзновеніемъ... и тако оканніи мужественно въ пропасть адскую летать, и многимъ прочимъ путь погибельный показываютъ".

Это разсужденіе о мнимомъ мученичествѣ вошло, въ сокращенномъ видѣ, въ увѣщеніе, изданное отъ синода 16-го июля 1722 года¹⁾), и имѣвшее цѣлью показать, что „не всякое страданіе, но токмо страданіе законно бывающее, то-есть за известную истину, за догматы вѣчныхъ правды, за непремѣнныи законъ Божій, полезно и богоугодно есть“. Повторяя дословно главнѣшія положенія, заключающіяся въ книгѣ о блаженствахъ, Феофанъ замѣчаетъ, что въ Россіи, какъ въ государствѣ православномъ, никогда не можетъ быть гоненія правды ради: но что еслибы таковое и произошло, то все-таки не слѣдуетъ, безъ особаго изволенія Божія, рѣшаться на мученический подвигъ, и „когда возможно укрытия, тогда бѣгати богоугодно есть“. Доказывая, далѣе, что властямъ слѣдуетъ повиноваться и ихъ почитать, Феофанъ говоритъ, что у насъ противники правительства—„сіи прельщающи и прельщаеміи глупцы, православнаго монарха безчестить, и аще бы могли—и низринуть, и за таковую безбожную дерзость страдать до крове не стыдятся“; въ примѣръ приводится „злодѣй разстрѣга“ Василий Левинъ. Въ заключеніе синодъ обращается ко всѣмъ благомыслящимъ людямъ съ увѣщеніемъ, „да внимаютъ наставлению, которое отъ божественныхъ и учительскихъ писаній пространно утверждено есть въ новопечатной книжцѣ о блаженствахъ евангельскихъ“. Это увѣщеніе, точно также, какъ и саму книгу о блаженствахъ, было велѣно, „всенародного ради вѣдѣнія, священникамъ повсѧмъсачно, въ воскресные дни и господскіе праздники во святыхъ церквахъ, а при ярманкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собраніе,— и предъ церквами для множества людей по литургіи во услышаніе всѣмъ читать, дабы оное увѣщательное разсужденіе, во общую пользу сочиненное, всякъ вѣдалъ, и невѣдѣніемъ никто бѣ не отговаривался“.

¹⁾ П. С. З., VI, № 4053 (стр. 742—746).

Книга о блаженствахъ служила также учебною книгою для дѣтей, какъ дополненіе къ катихизису, читалась и твердилась наизустъ въ школахъ.

Въ 1721 году Феофанъ Прокоповичъ, по порученію царя и отъ имени синода, написалъ небольшое разсужденіе по вопросу, для того времени весьма важному—о бракахъ съ иновѣрцами, то-есть, о томъ, могутъ ли иностранцы жениться на православныхъ, не принимая православнаго исповѣданія. Этотъ вопросъ поднимался еще въ 1644 году, когда пріѣзжалъ въ Москву датскій принцъ Вольдемаръ, чтобы жениться на одной изъ дочерей царя Михаила Феодоровича; въ то время наши богословы рѣшили его отрицательно; но постоянно увеличивавшійся съ тѣхъ порь наплытъ европейцевъ въ Россію и болѣе тѣсное сближеніе съ ними настоятельно требовали перерѣшенія этого вопроса. Продолжительное пребываніе въ плену множества Шведовъ, взятыхъ во время войны съ Карломъ XII и сосланныхъ въ Сибирь, сдѣлало ихъ какъ бы природными Русскими; очень многие изъ нихъ, потерявъ надежду на размѣнъ или выкупъ, были не прочь совсѣмъ остаться въ мѣстахъ своей ссылки и тамъ жениться; но для этого имъ необходимо было переходить въ православіе, что, конечно, служило немаловажнымъ препятствіемъ для такого рода браковъ. Петръ, цѣнившій шведскихъ пленниковъ, какъ людей, полезныхъ своими указаніями и трудами въ горнозаводскомъ дѣлѣ, которое въ то время у насъ было еще въ зародышѣ, поручилъ синоду издать указъ, разрѣшившій имъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, какія сохраняются и въ нынѣ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ по этому предмету¹⁾). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспользовался этимъ частнымъ случаемъ для того, чтобы возвести его въ общее правило, и поручилъ Феофану написать разсужденіе, въ которомъ аргументами изъ св. писанія, твореній отцовъ церкви и историческими „прикладами“ доказывается, что браки православныхъ съ христіанами другихъ исповѣданій не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ и потому не должны возвуждать никакого „сомнительства совѣсти“²⁾. Это разсужденіе, по объему очень небольшое, было издано въ томъ же году, въ видѣ „послания къ православнымъ“ отъ синода³⁾, и въ количествѣ 1,000 экземпляровъ разослано по всѣмъ епархіямъ.

¹⁾ Указъ 23-го іюня 1721 г., въ П. С. З., VI, 3798.

²⁾ 28-го августа 1721 г., П. С. З., VI, 3814. См. Лекарскую, Н. и Л., II, 506—507 и *Büsching's Magazin für die Neue Historie und Geographie*, IX, 340—341.

Къ этому же разряду сочиненій Прокоповича относится небольшое разсужденіе, изданное въ 1724 году подъ заглавиемъ: „Истинное оправдание правовѣрныхъ христіанъ, крещенiemъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“¹⁾). Вопросъ о совершеніи обряда крещенія какъ мы уже говорили въ 1-й главѣ, имѣлъ у настѣ въ XVII вѣкѣ особенную важность и возвуждалъ сомнѣнія и недоумѣнія. Въ Потребникѣ иноческомъ, изданномъ въ 1637 году въ Москвѣ, предписано вторично крестить погруженiemъ всѣхъ тѣхъ, кто „не истинно крещенъ — обливанъ“; въ 1645 году, во время пребыванія въ Москвѣ датскаго принца Вольдемара, „Дмитрей Франзбековъ да большого собора Пречистыя Богородицы ключарь Иоаннъ Насѣткинъ“ имѣли объ этомъ предметѣ продолжительный споръ съ датскаго королевича иѣмичиномъ Матвѣемъ Андреевымъ съ товарищи, котораго „уличали“ евангеліемъ, св. отцами, правилами апостольскими и даже иѣменецкою книгою Децинаремъ, а также рукописными церковно-славянскими книгами; но Матвѣй остался при своемъ, и споръ окончился тѣмъ, чѣмъ кончается большинство споровъ на Руси²⁾). Между тѣмъ, въ Малороссії обрядъ крещенія съ давнихъ порь совершался обливанiemъ, которое и узаконено малороссійскими требниками. Это обстоятельство, при появленіи въ Москвѣ южно-русскихъ ученыхъ монаховъ и при той полемикѣ, какая вскорѣ возникла у нихъ съ представителями московской книжности, давало послѣднимъ поводъ обвинять Киевлянъ въ неправославіи, въ латинствѣ. Мы знаемъ, что даже Стефана Яворскаго называли Ляшенкомъ и обливаникомъ. Разсужденіе Феофана Прокоповича имѣть цѣлью доказать, что крещеніе посредствомъ обливанія столь же законно и согласно съ правилами православной церкви, какъ и крещеніе погруженiemъ, и такимъ образомъ, окончательно очистить репутацію малороссійского духовенства отъ нареканій и упрековъ въ неправославіи. Отчасти это разсужденіе вы-

¹⁾) Полное заглавіе см. у *Лекарскаго*, II, 610 — 611. Третье изданіе этой книги вышло въ М., 1784; кроме того, она перепечатана въ IV части сочиненій Феофана (М. 1774). Въ Москвѣ же, въ 1779 г., напечатанъ переводъ ея на латинскій языкъ.

²⁾) Онъ безусловно отрицалъ отеческія творенія и русскія рукопаси; «и какъ Дмитрий положилъ иихъ немецкую книгу децинарию, и они въ неї смотрѣли и разсуждали, и въ неї написано по гречески и по немецки погруженіе, а не обливаніе... И стали весьма браниться, и книгу свою децинарию учили онъ, иѣмичинъ Матвѣй, о столь бить», и т. д. (Изъ рукописи Киевской дух. академіи, цитируемой въ статьѣ г. Петрова въ *Тр. К. Ак.*, 1872, IV, 23).

звано, можетъ быть, и личными обстоятельствами, потому что если „черкасишки“ вообще, за немногими исключеніями, не пользовались расположениемъ старо-церковной партіи, то самъ Феофанъ, какъ главный представитель нового направленія, всего болѣе подвергался нападкамъ и обвиненіямъ въ ереси; очень можетъ быть, что при этомъ, въ числѣ прочихъ доказательствъ его неправославія, служило и то, что онъ „не истинно крещенъ“. Такимъ образомъ, возстановленіе репутацію малороссійского духовенства вообще, онъ возстанавливаетъ „свою собственную“.

Но „Истинное оправданіе“ имѣть еще и другую сторону, для насъ гораздо болѣе интересную. Дѣло въ томъ, что возраженія противъ поливательного крещенія могли исходить не отъ всей старо-церковной партіи, въ средѣ которой многія лица были сами крещены точно также, а именно отъ представителей коренной московской ста-рины, и всего болѣе, всего сильнѣе — отъ представителей древняго благочестія, старого обряда. Это обстоятельство даетъ Феофану удобный поводъ всю силу обрушиться на старообрядческихъ учите-ляхъ; обличенію ихъ невѣжества и закоснѣлости посвящено обшир-ное предисловіе къ „Истинному оправданію“, написанное въ юмо-ристическомъ тонѣ, напоминающемъ „разговоръ селянина съ граж-даниномъ да дѣячкомъ“. Это предисловіе, вмѣстѣ съ нѣсколькими страницами проповѣдей, трактующихъ о томъ же предметѣ, даетъ очень ясное понятіе о взглядахъ и приемахъ Феофана, и потому мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ подробнѣе.

Какъ человѣкъ просвѣщенный, Феофанъ презираетъ религіозныя умствованія простого народа — „мужицкую, а паче бабскую богослово-ю и философию“, — и негодуетъ на то, что невѣжды осмѣливаются учить другихъ. „Невѣждамъ“, говоритъ онъ, — „подобало бы, когда рѣчь есть о тайнахъ богословскихъ, требовать яснаго наставления отъ свѣ-дущихъ лицъ, самимъ не мѣшаться не въ свое дѣло, молчать и вся-чески языкъ свой обуздывать; но противное видимъ: и особы ученыя не такъ дерзновенно разглагольствовать обыкли, якоже слѣпніи не-вѣжки многіи. Они охотники, когда ничего не вѣдаютъ, о всемъ и го-ворить, и писать, и препираться. Дивная венецъ: откуду бы имъ такъ безумная охота?“

Причину такого стремленія къ умствованію — стремленія, по пони-тиямъ Прокоповича, совершенно неумѣстнаго и продержостнаго — онъ видѣть въ двухъ обстоятельствахъ: „Первое, что самое оныхъ не-вѣжество, которымъ слѣпніи суще, ничего богословскаго не вѣдаютъ,

творить ихъ невѣдущими и самихъ себе, и не допускаетъ знать быть себе невѣжливыхъ; но когда слоговъ книжныхъ изучатся, и честь и писать могутъ,— помышлаютъ, что уже все получили и не осталось, чтѣ бы имъ еще познать подобало... сколько до ихъ руки приидетъ нѣкіихъ тетрадей, и то неискусно сопишикъ, по большой же части и смѣха достойныхъ, напримѣръ,—проповѣдей Аввакумовыхъ, сказокъ о 12 пятницахъ, притворныхъ откровеній, чудесныхъ ложныхъ по-вѣстей, суетныхъ нѣкіихъ преданій и прочихъ басней, сія они писанішка получивше, помышлаютъ, что уже получили и обнали вся предѣлы мудрости и дошли до самаго дна богословіи... Вторая же вина таковой продержности есть киченіе и чванство и желаніе славы учительской. Сія вина не особо дѣйствуетъ, но вышеупомянутой первой сопослѣдствуетъ. Помышляя бо бездѣльникъ о себѣ, что мудръ есть, желаетъ, дабы и вси тоже о немъ думали, и яко премудра славили и почитали; и тако не можетъ терпѣть молчанія, опасаися, да не помыслить кто о немъ, что онъ не все знаетъ. Того ради никакого въ разговорѣ съ людьми не упустить случая, въ ко- торомъ бы можно ему, какъ воронѣ, голось испустить... и видя про- столюдины, что угодны къ прельщенію, а не имѣя самъ довольнаго къ прельщенію ни ума, ни слова, во утвержденіе басенъ своихъ, часто, ово лицемѣрно вздыхая, ово гордо поднося бровь и пашеки своя надыман (кажется бо ему, что такъ мудріи дѣлаются) часто сихъ между рассказами своими рѣчей употребляетъ: „великое дѣло бого- словія! не всякъ постигаетъ глубину богословія! не всякъ знаетъ силу св. писанія!“ и прочая, симъ подобная. Се-же того ради повторяетъ, дабы слышащи помышляли, что онъ все тое до дна знаетъ; а онъ— и что есть писаніе, и что богословія такъ не вѣдаетъ, какъ под- земный кротъ о дневномъ свѣтѣ... ¹⁾).

¹⁾ Въ одной изъ своихъ проповѣдей (1728 г.) Феофанъ повторяетъ то же са- мое: «И жалостно, и смѣшно видѣти, когда человѣкъ, перомъ только начини и нѣчто по книгамъ съѣпти извѣшній, въ богословіеніи дѣла вступивъ, учнетъ вракати и скавывать о Божіѣ, о ангелахъ, о бѣсахъ.. да о всемъ томъ такъ симѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ бытъ до третіаго не- бесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священная писанія, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ; часто на св. отецъ шлетъ, хотя доскѣлъ и вѣдомости не получать, кто и гдѣ они; многажды воскликнцааетъ: «глубина богословія! великое дѣло богословія!»—а онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ камъки архитектуру. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышати такъ глупыя погудки? какъ же и не жалостно видѣти слѣпого,

Этими взглядами на расколъ опредѣляется и отношение къ нему Феофана Прокоповича. Въ расколѣ онъ видить, прежде всего, результатъ крайнаго невѣжества: „Аввакумъ распопъ, Лазарь, Никита и прочіи возопили въ народѣ, яко пьяни или бѣшены, безумными кликомъ, наблевали на св. церковь ложныхъ клеветъ, наплели безъ чина суетѣй и неслыханныхъ преданій, и весьма христіанству странныхъ и отечеству нашему студныхъ и срамотныхъ догматовъ; что же сдѣлалося? о, стыдѣнія твоего, Россіе! такъ многое число вѣрующихихъ и послѣдовавшихъ себѣ получили, что мѣста не обрящемъ, гдѣ бы оныхъ лестцовъ не были наследники и ученики, ово тайны, ово же и явны“. Наиболѣе вѣрными средствомъ для борьбы съ расколомъ Феофанъ признаетъ, поэтому, просвѣщеніе, и вообще — мѣры кротости и увѣщаанія. Съ другой стороны, онъ находитъ, что „учители раскола россійскаго — туши и грубы сумасброды, и единой части христіанскаго исповѣданія не знающіи, но токмо обманою простого народа чреву своему служащи, сущіи атеисти, прямые безбожники“, — люди, возбуждающіе темную массу къ бунту и неповиновенію властямъ и, слѣдовательно, весьма вредные для государства; противъ такихъ людей онъ рекомендуетъ строгія репрессивныя мѣры. Въ Духовномъ Регламентѣ предписывается „по всей Россіи никого отъ раскольщиковъ не возводить на власти, не токмо на духовныхъ, но и на гражданскихъ, даже до послѣднаго начала и управленій, чтобы не вооружать намъ на нась же злыхъ непріятелей, и государству, и государю непрестанно зло мыслящихъ“. Но подобнымъ мѣрамъ Феофанъ, очевидно, придавалъ только значеніе мѣръ исключительныхъ, чрезвычайныхъ; вообще же онъ относился къ расколу, для тогдашнаго времени и для своего положенія, довольно либерально, и въ этомъ отношеніи стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ. Въ книгѣ „О блаженствахъ“ Феофанъ, говоря о необходимости умиротворенія церкви, даетъ замѣчательныя наставленія, какъ слѣдовало бы обращать раскольниковъ и вообще вести споры о предметахъ вѣры: „Должни убо суть искусніи учители, аще великаго сего миротворенія участницы желаютъ быти, искусно, ясно и доводно показовати народу, что поманутыя и имъ подобныя вещи (пункты разногласія старообрядцевъ съ господствующею церковью) весьма

дерзновенно бродящаго по мѣстамъ бѣдственнымъ и отсюду пропастными окружаемыи, каковъ есть путь богословскій, по которому и высокочуеніи не безъдно ходить?“ (Слова и Рѣчи, II, 245—246).

суть среднія, и прене о оныхъ есть суетное... Должны же суть (учители) блюстися всѣхъ таковыхъ, и въ дѣлѣ, и въ словѣ, и въ пишемыхъ отъ себе разсужденіяхъ, дѣйствій, которая раздражаютъ сердце человѣческое: ибо таковая раздражительная дѣйствія не токмо мира составити не могутъ, но еще и вящія распри и раздоры вводить. Суть же именно сія наипаче: слово или тѣлесное движение гордое, презрѣніе и руганіе лицъ спорныхъ, клевета на своихъ соперниковъ и насильное на несогласующихся намъ наступательство... И неразумно творять тѣ, которые въ проповѣдахъ, или въ разговорахъ, или и въ пишемыхъ отъ себе книгахъ на противниковъ православія ругательные рѣчи и притчи бодущія, досады и лай мешутъ на нихъ. Не помнить таковыи дѣла своего; дѣло бо пріемлють обращати заблуждая; яковое же надѣяніе обращенія можетъ быти, когда тыхъ, которыхъ обратити хощемъ, жестоко раздражаемъ? И неправильная отговорка, естьли кто скажетъ: „съ еретиками или раскольниками дѣло мнѣ, альхъ алѣ потчую“; но помнити долженъ еси, что дѣло твое? не казнити бо, но врачевати влыхъ хощеши, лалми же и укоризнами не уврачуеши.... Насильное на противныхъ наступательство не годно есть, когда кто иновѣрныхъ разграбленіемъ имѣнія, узами и темницами и смерти угражденіемъ хощеть понудити къ обращенію; таковыми бо лютостями паче раздражается, нежели преклоняется сердце мучимаго“.

Въ этихъ словахъ—строгое осужденіе той системы, которой держались, по отношенію къ старообрядцамъ, представители нашей церкви, или раздѣявши взгляды московскихъ книжниковъ XVII вѣка, или воспитавшиеся на католической доктринѣ о безпощадномъ преслѣдованіи еретиковъ: Питиримъ епископъ Нижегородскій, Феофилактъ Лопатинскій, Стефанъ Яворскій и многіе другіе. Извѣстно, что эти лица въ своей полемикѣ съ расколомъ не только не считали возможнымъ обходиться безъ самой энергичной браны, какая только извѣстна въ русской печати, но не отступали даже и передъ несправедливыми обвиненіями, передъ извращеніемъ фактovъ и подлогомъ, если надѣялись этимъ способомъ выиграть дѣло; въ практической же своей дѣятельности во обращенію раскольниковъ нерѣдко прибѣгали къ самому грубому насилию, которое вполнѣ оправдывалось ихъ теоретическими взглядами. Достаточно сравнить приведенные нами выше (во 2-й главѣ) выраженія Стефана Яворского о раскольникахъ и главу „О наказаніи еретиковъ“ въ его „Камнѣ Вѣры“ съ выдержками изъ книги о блаженствахъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какая бездна раздѣляетъ понятія

объ этомъ предметѣ представителей старо-церковной царти и Феофана. Послѣдній, не скрывая своей досады на раскольниковъ, какъ на людей невѣжественныхъ, толкующихъ о томъ, чего сами не понимаютъ, выражается, однако, гораздо рѣзче о тѣхъ представителяхъ официально-учительного класса, которые, „мнѣнія ради высокаго о латинскомъ учениіи своемъ, зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ и все, что имъ на умъ привергается, аbie безъ размышенія, право ли, худо ли, приемлютъ; николиже истины познати не могутъ, но, угощая себѣ, всегда оной противляются“. Онъ признается, что основные пункты разногласія съ раскольниками — „вещи весьма среднія“, и замѣчаетъ, что „аще кто вещь среднюю упрамствомъ своимъ поставить въ догматъ, той уже самъ еретикъ есть, понеже дѣлаетъ то составомъ вѣры, чтѣ Богъ не сдѣлаль“. Этотъ упрекъ въ равной степени прилагается какъ къ раскольникамъ, такъ и къ представителямъ официального православія, не видѣвшимъ въ расколѣ ничего, кроме „перстовъ“, да „аллилуї“, и съ своей стороны хлопотавшимъ только о томъ, чтобы раскольники ходили въ православные храмы, хотя бы и изъ страха. Феофанъ понимаетъ, что дѣло вовсе не въ „перстахъ“; онъ не прочь, иногда, посыпаться надъ „бабской богословіей“, но серьезное вниманіе считаетъ нужнымъ обращать только на государственное и общественное значеніе раскола, какъ силы, протестующей противъ новыхъ порядковъ, противъ централизма, уничтожавшаго старую земщину. Покуда несогласіе съ господствующими порядкомъ выражается только въ спорѣ о церковныхъ обрядахъ — несогласныхъ слѣдуетъ оставить въ покое; это — невѣжество, неразуміе, съ которымъ бороться можно только увѣщаніями и „добрѣмъ учениемъ“, а не принудительными мѣрами, не достигающими никакой цѣли. Но если „церковные противники“ являются противниками правительства, отказываются исполнять общія для всѣхъ подданныхъ предписанія верховной власти и открыто возставать противъ нея, тогда — другое дѣло: тогда ихъ нужно преслѣдовать и искоренять всѣми мѣрами, но совсѣмъ не за то, что они крестятся двумя перстами — пусть хоть и вовсе не крестятся, — а за то, что они — бунтовщики. Таковъ былъ взглядъ Феофана Прокоповича на расколъ; это была точка зрѣнія совершенно государственная, девизомъ которой было „distinguo“ — слово, значеніе которого было совершенно непонятно для людей, стоявшихъ за старину и привыкшихъ отождествлять церковь съ государствомъ. Строгое ограниченіе сферы дѣятельности церкви и подчиненіе ея государству — дѣло, въ которомъ Феофанъ

игралъ такую важную роль,—опредѣлило и возврѣнія его на расколъ. Церковь имѣетъ власть только духовную, нравственную, и потому должна дѣйствовать только поученіемъ и увѣщаніемъ, а не принудительными мѣрами, право примѣнять которыхъ принадлежитъ только государственной власти; какъ церковь не должна вмѣшиваться въ дѣла государственные, такъ и государственная власть не должна преслѣдовать людей за религіозныя убѣжденія, если эти люди живутъ мирно и безпрекословно исполняютъ распоряженія власти. Эта вѣзгльдъ у Феофана, можетъ быть, выдержанъ не вполнѣ послѣдовательно, проведенъ недостаточно опредѣленно; но Феофана, все-таки, слѣдуетъ признать первымъ русскимъ писателемъ, высказавшимъ въ духѣ вѣротерпимости, и первымъ русскимъ іерархомъ, примѣнившимъ—или, покрайней мѣрѣ, старавшимся примѣнить этотъ принципъ на практикѣ, совѣтуя царю дѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Петръ, какъ известно, и самъ раздавалъ мнѣнія Феофана, и еще въ 1716 г. включилъ въ архіерейскую присягу обязательство „съ противными церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостю поступать“¹⁾). Въ 1722 году отъ синода было издано увѣщаніе, написанное въ томъ же духѣ и, по всей вѣроятности, при ближайшемъ участіи Феофана; въ этомъ увѣщаніи синодъ, послѣ пространного разсужденія о невѣжествѣ и происходящемъ отъ него вредѣ, заявляетъ о своемъ намѣреніи „отвратить невѣждъ отъ суеты“ и приглашаетъ всѣхъ раскольниковъ, сомнѣвающихся и колеблющихся въ вѣрѣ, автиться къ опредѣленному сроку „должнаго ради съ синодомъ о несогласіи ихъ разглагольствія, нескрыто и безъ всякой боязни“, съ тѣмъ, что имъ будетъ дана полная свобода и безопасность для изложения своихъ мнѣній²⁾). Срокъ, назначенный для „разглагольствія“, несколько разъ откладывался, причемъ прибавлялось уже, что съ неявившимися поступлено будетъ „безъ послабленія“; но раскольники, очевидно, хорошо помнили „смиренную, кроткую и душеполезную“ бесѣду съ ними Питирима и другихъ подобныхъ ему пастырей, и не смотря на самыя настоятельныя приглашенія, въ синодъ не шли, а засыпали о приближеніи къ ихъ скитамъ и пустынамъ „начальства“ и ожидали, по прежнимъ примѣрамъ, истязаній и мученій, предпочитали имъ добровольное самосожженіе... Новое „пастырское увѣщаніе къ православнымъ христіанамъ“, изданное синодомъ

¹⁾ П. С. З., V, 2985, § 2.

²⁾ П. С. З., VI, 3891.

15-го января 1725 года¹⁾, указывая на такие факты, жалуется на раскольниковъ, которые „на безопасный тѣлесному и душевному здравію полезный разговоръ явитися не хощутъ... и тако сіи безсовѣстнii, безбожнii, не по совѣсти, ни по закону Божию ходащи, нерадящi о своемъ спасенiи, возлюбивше паче тьму, неже свѣтъ, не хотять прiйти ко свѣту, да не обличатся дѣла ихъ лукавая. Блюдитеся убо таковыхъ — увѣщааетъ синодъ — яко исковъ, яко азыхъ дѣлателей, лъстецовъ, лжеучителей; не мните быти у нихъ коему основанiю зло-вѣрія ихъ,—аще бо имѣли что, пришли бы и объявили бы намъ; на единомъ упрямствѣ точiю лжи и прелести утверждаютъ, не имуще вины о грѣхѣ своемъ, и весьма бессовѣстни суть. Не токмо же блюдитеся ихъ, но и обличайте таковыя, и открывайте укрывающихся, и представляйте праведному суду государеву“.

Противорѣчие раздражаетъ. Синодъ не выдержалъ мягкаго това, рекомендованаго Феофаномъ, и по прежнему, разразился бранью на невѣждъ, дерзнувшихъ не послушаться, когда ихъ снисходительно уговаривали и „честью просили“. Такая же двойственность замѣтна и въ дѣйствiяхъ правительства по отношению къ расколу. До слѣдствiя по дѣлу царевича Алексея, Петръ относился къ расколу съ полнымъ равнодушiемъ, не смотря на представленiя Стефана Яворскаго, которому поручено было вѣдать раскольнички дѣла,—о необходимости искоренить „язву“. По расчетамъ экономическимъ, онъ нашелъ нужнымъ даже юридически признать, и такъ сказать, оформить существование раскола, приказавъ заносить раскольниковъ въ двойной подушный окладъ. „Если они подлинно честны и прилежны“, говорилъ онъ,—„то пусть вѣрють, чemu хотятъ; когда нельзя обратить ихъ отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособить ни огонь, ни мечъ; а мучениками быть за глупость—ни они той части не достойны, ни государство отъ того пользы имѣть не будетъ“²⁾). Вслѣдствiе такого взгляда на дѣло, по словамъ старообрядческаго писателя, „великому Петру монаршескую прiemлющу область, всюду гонения и муки о староцерковномъ благочестiи преставаху царскимъ милосердiемъ“³⁾). Вообще, Петръ хотѣлъ, главнымъ образомъ, только того, чтобы точно опредѣлить численность приверженцевъ раскола, для цѣлей фискальныхъ, и потому требовалъ, чтобы всѣ рас-

¹⁾ П. С. З., VII, 4635.

²⁾ Голиковъ, Дѣянiя, III, 156—157; VIII, 152.

³⁾ Правосл. Обозр. 1865, XI, 419.

кольники перешли въ „записные“, назначая строгія наказанія за ихъ укрывательство. Послѣ суда надъ царевичемъ, обнаружившаго между прочимъ, что въ расколѣ заключалось ядро народной оппозиціи противъ правительственныхъ нововведеній, Петръ сталъ, какъ будто, болѣе склоняться на сторону мѣръ, предлагавшихся Яворскимъ и другими духовными лицами, раздѣлавшими мѣннія автора „Камни Вѣры“. Впрочемъ, и теперь не было рѣшительного поворота къ гоненію, и Петръ всеѣль прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда „возможно явную вину сыскать, кроме раскола“¹⁾, и внушать раскольникамъ, что они преслѣдуются не за старую пѣру, а за пепориновеніе властямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ считалъ возможнымъ и нужнымъ дѣйствовать на расколъ путемъ миссионерскимъ. Такъ, одновременно съ изданіемъ первого синодскаго увѣщанія, въ 1722 году, въ одинъ изъ центровъ раскола—въ „Выгорѣцію“—былъ посланъ архимандритъ Неофитъ, которому дана особая инструкція. „Святѣйшій синодъ“, сказано въ ней,—„не намѣренъ ни каковымъ образомъ оныхъ (раскольниковъ) озлоблять, но со усердіемъ требуетъ свободнаго о противности съ ними разглашествія“, устранивъ всякия принудительныя мѣры со стороны гражданской власти. Неофиту данъ совѣтъ—„пригласить ланддата и прочихъ знатныхъ персонъ“, но не „для иныхъ какихъ способовъ, а единственно достовѣрнаго ради свидѣтельства, котораго-бѣ никто пороковать не могъ“; вѣдьно раскольниковъ „къ скорому и неосмотрительному отвѣту не принуждать, а дать справиться съ книгами; съ упорными и непокорными никакой жестокости не употреблять, и свободы ихъ не пресѣкать“²⁾.

Ѳеофанъ Прокоѳовичъ лично, какъ мы уже замѣтили, находилъ въ расколѣ только „смѣха и жалости достойную матерію“. При первомъ появленіи своемъ въ Великороссіи, онъ былъ пораженъ тою неудержимою страстью къ теоретическимъ богословскимъ спорамъ, какою отличались не только духовные, но и свѣтскія лица; онъ замѣтилъ, что при крайне ничтожномъ количествѣ положительныхъ знаній, всякий считаетъ себя непогрѣшимъ мудрецомъ, и что всѣ эти люди бу碌чи „глупыѣ Римскаго папы“, страдаютъ „болѣзнью богословствова-

¹⁾ Есиповъ, Раск. дѣла XVIII ст., II, 221—222.

²⁾ Рассказъ объ этой миссіи см. въ ст. Н. И. Барсова «Братья Денисовы», въ *Прав. Обозрѣніи* 1865, XII, и въ книгѣ Г. В. Есипова «Раск. дѣла XVIII ст.», т. II, статья «Кержевцы».

ваниі"; что вмѣсто стремлениія къ истинѣ господствуютъ предразсудки, всякий лѣзетъ въ учителя, а учиться никто не хочетъ, „всѣ догматствуютъ, всѣ богословствуютъ, опредѣляютъ, рѣшаютъ, постановляютъ; число богослововъ почти равняется числу смертныхъ, и у каждого свои догматы“¹⁾. Эти слова, сказанныя, собственно, о московскихъ „латынщикахъ“, Феофанъ примѣняетъ и къ представителямъ древнаго благочестія: „пьяные солдаты, негодные подъячие, купцы и ремесленники, деньщики и маркитанты, даже женщины—превосходныя учительницы!—всѣ богословствуютъ“¹⁾). Ясно, что авторъ этихъ словъ руководится не злобой на еретиковъ, а досадою на людей, которые, ничего не смысла, мѣшаются не въ свое дѣло, въ специальность, о которой они имѣютъ такое же понятіе, какъ Калмыки обѣ архитектурѣ. При такомъ образѣ мыслей Феофана становится вполнѣ понятнымъ, отчего онъ не могъ полемизировать съ расколомъ въ духѣ „Іезала Правленія“ и „Увѣта Духовнаго“, какъ полемизировалъ Феофилактъ Лопатинскій, авторъ „Обличенія неправды раскольнической“, и не могъ предлагать противъ раскола такія рѣзкія мѣры, какія совѣтовались тѣмъ же Феофилактомъ и Феодосіемъ Яновскимъ. Послѣдніе считали, напримѣръ, необходимымъ совершенно разорить Выговское общежительство, между тѣмъ какъ Феофанъ вѣль съ Семеномъ Денисовымъ богословскую переписку, и по словамъ раскольническаго писателя, „словесы своими за Выговлянъ великимъ персонамъ возношаше“. Великія персоны склонялись на сторону Прокоповича, и Феодосій съ досадой отзывался, что „габинетъ—раскольникамъ прибѣжище и заступленіе“. Съ своей стороны, и расколъ съ благодарностью вспоминаетъ о „Феофанѣ Прокопьевичѣ, архиепископѣ

¹⁾ Epistolae, pp. 53—57, 58. Ср. слова Дмитрия Ростовскаго: «Съ трудомъ можно гдѣ найти истиннаго сына церкви; почти въ каждомъ городѣ обрѣтается особая вѣра; простые мужики и бабы догматизируютъ и учать о вѣре». (Соловьевъ, XVI, 28). Феофилактъ Лопатинскій также говорилъ: «Что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ».

Выше (въ 1-й главѣ) мы упомянули о подобномъ же отзывѣ Григорія Навіаніана, слова которого примѣнялись нашими писателями къ своему времени и народу. Вотъ этотъ отзывъ: «Византія наполнена ремесленниками и рабами, глубокомысленными богословами, которые проповѣдуютъ въ своихъ мастерскихъ и на улицахъ. Если ты придешь къ мѣни и размѣнилъ серебряную монету, то она не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ отличается Отецъ отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба,—она тебѣ отвѣтить, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, испечень ли хлѣбъ, скажетъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего».

Новоградскомъ¹, не смотря на то, что Феофанъ не всегда действовалъ однѣми только мѣрами кротости¹).

Кромѣ всѣхъ этихъ сочиненій и трактатовъ, имѣющихъ непосредственную или отдаленную связь съ духовнымъ Регламентомъ, Феофанъ написалъ, по порученію царя, особый политический трактатъ въ оправданіе суда надъ наследникомъ русскаго престола и нового указа о престолонаслѣдіи. Этотъ указъ или „уставъ“, публикованный 5-го февраля 1722 года, заключается въ слѣдующемъ:

„Объявляемъ, понеже всѣмъ вѣдомо есть, какою авессаломской злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, что не раскаяніемъ его оное намѣреніе, но милостію Божію ко всему нашему отечеству пресеклось; а сіе не для чего иного у него взросло, токмо отъ обычая старого, что большому сыну наследство давали... сей недобрый обычай не знаю, чего для таѣтъ быть затверждень (въ доказательство его негодности приводятся примѣры изъ св. писанія, изъ Степенной книги, и ссылка на царя Ивана Васильевича, который похваленъ за то, что вѣсколько разъ перемѣнялъ назначенныхъ наследниковъ престола), на что и другое, сему подобные есть довольные примѣры, о которыхъ, краткости ради времени, нынѣ вѣдь не упоминаемъ, но впредь оные особливо выданы будуть въ печать... заблагоразсудили мы сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оной хочеть, тому и опредѣлить наследство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ“².

Обѣщаніе издать особливо „довольные примѣры“ было исполнено Феофаномъ, который въ томъ же 1722 году написалъ подробное

¹) Чистовичъ въ Чт. Общ. Ист., 1859, 136; Есиповъ, Люди старого вѣка, 267 и сл.; Барсовъ, Н. И., Историч. критич. и полемич. опыты, стр. 114—127 („Личность Феофана“). Въ раскольнической библиотекѣ Павла Любопытного (Чт. Общ. Ист., 1863, I, 50) говорится, что Семенъ Денисовъ написалъ Феофану „важное и трогательное, благочестіе и витійства исполненное посланіе о православіи вѣры, о догматѣхъ и обрядахъ Христовой и Никоновой вѣры“. Биографъ Феофана у Шерера (Nord. Nebenst., I, 261) говоритъ, что онъ «hos schismatiscos scriptis et consiliis sapientissimis, tam moderatis, quam pro ratione temporis severioribus, impugnavit, plures claustris ad meliorem frugem et informationem inclusos, ab errore ad gremium ecclesiae revocavit». Слова Феодосія—въ Русск. Арх. 1864 стр. 135.

²) П. С. З. VI, 3893. Ср. Büsching's Magazin, IX, 347 п XX, 392.

разсуждение подъ заглавиемъ: „Правда воли монаршой во определеніи наслѣдника державы своей“¹⁾), представляющее, въ сущности, подробное развитіе мысли, высказанной въ „уставѣ“. Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится, что она написана не для того, чтобы предохранить „уставъ“ отъ „прекословія нѣкіихъ въ политическомъ учениіи сильныхъ противниковъ“: ибо отъ числа таковыхъ философовъ ни единаго, который бы уставъ сей опорочити имѣлъ, отнюдь не надѣясь;—и не для того, чтобы уставу подати нѣкое пособіе, еже бы увѣщать и преклонить подданныхъ къ принятію его: уставы бо и всакіе законы, отъ самодержцевъ въ народѣ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просить, аки бы свободнаго, но истигаютъ, яко должнаго. Едина же сочиненія книжіцы сея вина есть, что понеже въ народѣ нашемъ обрѣтаются такъ непокойный головы и страстью прекословія свербящая сердца, что никакового установленія, отъ державной власти произносимаго, похвалити не хотятъ... и съють въ отечествѣ нашемъ матежей плевели, а иностраннымъ подаютъ безчестное мнѣніе о народѣ россійскомъ, яко бы въ немъ варварскіе нравы и государямъ своимъ вѣрность притворная, и послушаніе за гибѣвъ токмо, а не за совѣсть, рабски, а не сыновиѣ творимое.. того ради, по согласію духовнаго и мирскаго главнаго правительства²⁾), судилося за благо сочинить сю книжіцу, дабы безумныхъ, но упрямыхъ уста заградить, простосердечныхъ же, но невѣжливыхъ отъ вреднаго опыту блазнословія сохранить невредимыхъ, купно же и иностраннымъ порочное о народѣ нашемъ мнѣніе отнять, и подать имъ вину лучшихъ о насть помысловъ“³⁾). Цѣль, слѣдовательно— вполнѣ патріотическая: съ одной стороны—убѣдить „свербоязычныхъ роптателей“, о чемъ Феофанъ особенно старался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, потому что роптателей этихъ было не мало, и *argumenta baculina* Преображенского приказа оказывались для нихъ, несмотря на всѣ усыпія Ромодановскаго, и Толстаго недостаточ-

¹⁾ Попытана въ П. С. З., VII, № 4870 (стр. 602—643) и у Туманскою, Собр. разн. записокъ и соч., служ. къ доставл. свѣд. о жизни Петра В., X (1788), 123—243. Объ отдельныхъ изданіяхъ см. Пекарскою, Н. и Л., II, 571—575, 664—665.

²⁾ Собственно—по указу царя, переданному черезъ новгородскаго архиепископа Феодосія и Петра Авдееевича Толстого (Чистозичъ, 120).

³⁾ Вероятно, съ этой послѣднею цѣлью «Правду» перевели на нѣмецкій языкъ и издали въ Берлинѣ, въ 1724 году.

ными¹⁾); съ другой стороны—внушить иностранцамъ, что Русскіе—народъ благонравный, и что отзывы въ родѣ тѣхъ, какой сдѣланъ, напримѣръ, Гербніемъ (и приведенъ нами выше) несправедливы. Если труды Феофана потратились попа прасну, такъ это зависѣло, конечно, не отъ него—онъ исполнилъ свою задачу вполнѣ добросовѣстно,—а отъ того принципа, который онъ взялся защищать...

„Правда“ начинается восхваленіемъ „устава о наслѣдствії“, который, по словамъ автора, „есть аки презерватива или предохранительное врачевство, и къ получению доброго, и къ отдаленію злого состоянія преполезнейшее“; онъ „не токмо никоему же о неправдѣ подозрѣнію не подлежитъ, но какъ здравому и естественному разуму, такъ и самого Бога неложному слову согласуетъ“. Въ доказательство этого слѣдуютъ „резоны или доводы“, подтверждающіе, что какъ вообще отецъ можетъ лишить своего сына наслѣдства, такъ и государь можетъ избирать себѣ наслѣдникомъ кого угодно и отстранять отъ наслѣдства своихъ преемниковъ по закону. Въ этихъ доводахъ, представляющихъ, такъ сказать, философію произвола, Феофанъ воспользовался, вѣмъ арсеналомъ своей учености; здѣсь находимъ самыя разнообразныя цитаты—изъ Св. Писанія и кодекса Юстиніана, изъ отцовъ церкви и Гуго Гроція, Ливія, Ціцерона, Светонія, Кассіодора, Прокопія и пр. Рассуждая о различныхъ видахъ правления, Феофанъ высказываетъ мнѣніе, что всякое правительство основано на общественномъ договорѣ,—„имѣть начало отъ первого вѣсемь или иономъ народъ согласія, всегда и вездѣ по волѣ своей, премудро дѣйствующу смотрѣнію Божію. Сie же глаголемъ,—прибавляетъ онъ,—„о честномъ и правильномъ началѣ монархіи, не воспоминая здѣ монархій оныхъ, которыхъ начало приютили отъ иѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, насильствомъ народъ себѣ покорившаго“. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о преимуществахъ наслѣдственной монархіи предъ избирательной—тема, которой Феофанъ уже касался, какъ мы видѣли выше, въ одной изъ проповѣдей 1716 года²⁾). Послѣ „резоновъ“ приводятся многочисленные „екземпли или примѣры, которые свободу и власть родительскую въ опредѣленіи наслѣдниковъ

¹⁾ Въ «Уставѣ», впрочемъ не забыты и этого рода аргументы: «Кто же сему будетъ противенъ или иначе какъ толковать станетъ—сказано тамъ,—тотъ за измѣнника почетенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будетъ».

²⁾ Слова п Рѣчи, I, 101 п сл.

утверждаются"; примеры эти делятся на двѣ группы—„отъ исторій человѣческихъ“ и „отъ исторій Св. Писанія“.

Трактатъ заключается побѣдоноснымъ обличеніемъ приверженцевъ старины: „Уэрѣвъ толикую доводовъ силу и толицій свидѣтелей облакъ, отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ неложнаго слова Божія, не токмо видѣть (роптатель), что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути отнюдь не можетъ. Что бо здѣ вопреки намъ речеть? Не оный ли безумный, упрямый и безответственный обычный отвѣтъ: дѣло новое? О, студнаго и окаяннаго суесловія! Аще бы и новое се дѣло, что же самая новость вредитъ?... Зло—и старое зло есть; добро—и новое добро есть. Развѣ бы еще сказалъ кто, что дѣло сіе у насъ не бывало. Хотя бы и не бывало—что противно?... Что же, хотя бы у насъ и не бывало, если доброе и полезное есть, яко же есть—бѣдны мы были, если не было у насъ, а благополучно, что у насъ настало. Первѣ явился огненное оружіе у прочихъ народовъ, нежели у насъ; но если бы и къ намъ оно доселѣ не пришло,—что бы было и гдѣ бы уже была Россія? Тожде разумѣй и о книжной типографії, о архитектурѣ, о прочихъ честныхъ ученіяхъ. Разумный есть и человѣкъ, и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добра приять не хощеть... И отъ сихъ извѣстно, что упрямому прекословцу ничтоже ино здѣ остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе“.

Въ императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ, въ отдѣлѣ иноязычныхъ книгъ о Россіи, находится небольшое разсужденіе нѣкого Трейера (Gottlieb Samuel Treuer, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, касающихся Россіи) на ту же тему, на какую написана „Правда воли монаршей“. Это—небольшая (24 стр. in—40) брошюра, впервые указанная Петерскимъ¹⁾ и озаглавленная: „Untersuchung nach dem Recht der Natur, wie weit ein Fuerst Macht habe seinen Erst gebohrnen Printzen von der Nachfolge in der Regierung auszuschliessen“; она напечатана въ 1718 году, по поводу суда надъ Алексѣемъ Петровичемъ, о чёмъ говорится въ ея предисловіи („das notable Exempel eines der grössten Potentaten in Europa, welches zu dieser Schrift Gelegenheit gegeben“...), и состоитъ изъ трехъ главъ: въ первой рассматривается вопросъ: имѣсть

¹⁾ Н. и Л., II, 428.

ли старший сынъ государя естественное право на престолонаслѣдіе—и рѣшается утвердительно; во второй говорится о томъ, можетъ ли государь располагать престоломъ по своей волѣ, и въ какихъ именно предѣлахъ, и утверждается, что государь самодержавный имѣть право предоставлять престоль, кому пожелаетъ; въ третьей излагаются причины, по которымъ сынъ государя можетъ быть устранинъ отъ престолонаслѣдія—„злоправіе“, неспособность и т. п. Заключеніемъ своихъ авторъ подтверждаетъ историческими и даже миѳологическими примѣрами, ссылаясь, какъ и Феофанъ, на древнихъ классиковъ и на Гроція. При всемъ сходствѣ темы и содержанія въ „Изслѣдованіи“ Трейера и въ „Правдѣ воли монаршой“, нѣмецкая книжка,ѣроятно, не была известна Феофану. Заключаемъ такъ, впервыхъ, потому, что Феофанъ не зналъ по нѣмецки, а ввторыхъ, потому, что онъ, придавая особенную цѣну свидѣтельствамъ иностранцевъ, не преминулъ бы упомянуть объ этой книжкѣ, если бы она была у него въ рукахъ.

Въ лейпцигскомъ изданіи *Acta eruditorum* 1723 года¹⁾ появилась рецензія на трактатъ Феофана (можетъ быть, имъ же написанная), въ которой излагается содержаніе книги и находится сочувственный отзывъ о распоряженіи царя, рѣшившагося предпочесть добродѣтель праву первородства, поставившаго благо страны выше своихъ личныхъ чувствъ.

Трактатъ Прокоповича, напечатанный вмѣстѣ съ „Уставомъ о наслѣдствіи россійскаго престола“, тѣмъ самымъ приобрѣталъ силу законодательного акта. Еще большее значеніе получиль онъ въ царствованіе Екатерины I, когда, вслѣдствіе распространившихся въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ подметныхъ писемъ, противники „устава“ были преданы торжественной анаеміи (форму которой сочинилъ тотъ же услужливый Феофанъ), а „Правду“ нашли нужнымъ напечатать въ количествѣ 20 тысячъ экземпляровъ и разослать по всѣмъ провинціямъ для всенароднаго чтенія въ церквяхъ. Изъ одного синодскаго дѣла²⁾ видно, что ее предполагалось даже перевести на шведскій языкъ; но указомъ Петра II, въ іюлѣ 1727 года, вѣрно было ее отъ всѣхъ

¹⁾ August., p. 348—353. Чистовічъ, 120—121.

²⁾ Дѣло архива св. синода, типogr., 1727 г., марта 20-го, № 4: „Ежели конечно вѣщевикихъ киркахъ тѣ книги беспереводу еруского на швейцарской языкѣ читать не могутъ, велеть и перевести и читать“ — распоряженіе Выборгской провинціи oberъ-коменданта Шувалова. Ср. Пекарскаю, И. и Л., II, 664.

отбирать. Четыре года спустя, при Антъ Иоанновиѣ, на „Правду воли монаршой“ снова ссылаются, какъ на актъ законодательный; вообще, на нее считали нужнымъ и удобнымъ ссылаться въ оправдание произвола въ дѣлѣ престолонаследія¹⁾). Впослѣдствіи князь М. М. Щербатовъ называлъ эту книгу „памятникомъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому“; для того, чтобы эту характеристику признать вѣрною, слѣдовало бы прибавить, что Феофанъ въ „Правдѣ“, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ этого періода, не смотря на ихъ лъстивый тонъ, не говорилъ ничего такого, чтѣ противорѣчило бы его убѣжденіямъ; такимъ образомъ, его „подобострастіе“ заключалось, главнымъ образомъ, въ преувеличеніи тѣхъ частныхъ выводовъ и примѣненій къ современности, какіе дѣлались имъ изъ основнаго общаго принципа божественнаго права и пассивнаго повиновенія. Этотъ принципъ, къ которому привела Феофана безусловная преданность идеѣ реформы, и защитникомъ котораго онъ остался въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, будучи проведенъ съ систематическою послѣдовательностью до самыхъ крайнихъ предѣловъ, имѣль для Феофана роковыя послѣдствія. Развѣ вступивъ на этотъ скользкій путь, сойти съ него уже трудно. Оправдывая всѣ дѣйствія Петра, Феофанъ былъ, по крайней мѣрѣ, панегиристомъ, истолкователемъ и защитникомъ реформ, въ которой видѣть залогъ благоденствія Россіи; но обстоятельства измѣнились, и Прокоповичъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, неминуемо долженъ былъ, по выражению того же князя Щербатова, „жертвовать законъ изволеніямъ Барона“ и оставить въ исторіи свое имя на ряду съ именемъ ненавистнаго временщика....

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о занятіяхъ Феофана исторіей. Мысль о составленіи русской исторіи вообще, и исторіи своего времени въ особенности, какъ известно, сильно занимала Петра Великаго; онъ дѣлая распоряженія о собираніи историческихъ материаловъ, поручалъ разнымъ лицамъ „изъ russкихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно“, самъ отмѣчая, что нужно „вписывать въ исторію“ и т. д. Составленіе русской исторіи было еще въ 1708 году поручено Федору Поликарпову; тотъ занимался этимъ дѣломъ семь лѣтъ, за труды получилъ 200 рублей, однако его исторія „не очень благоугодна была“²⁾). По заключеніи Ништадтскаго мира

¹⁾ П. С. З. VII, 5131; VIII, 5909.

²⁾ См. Пекарскую, Н. и Л., I, 315—323; Соловьевъ XIII, 190; Смирнова, Ист. моск. слов.—гр.-лат. акад., 74.

Петръ началъ заботиться о составлениі исторіи шведской войны, которую считалъ важнѣйшимъ событиемъ своего царствованія; плодомъ этихъ заботъ былъ сборникъ извѣстій о походахъ, сраженіяхъ и разспорженіяхъ царя по управлѣнію, изданный впослѣдствіи, по повелѣнію Екатерины II, кн. Щербатовымъ, подъ заглавіемъ: „Журналъ или поденная записка Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія ништадтскаго мира“. Есть основаніе предполагать, что материалы, занесенные въ журналъ въ сыромъ видѣ, имѣлось въ виду обработать и вообще „со укращеніемъ исторію сю собрать“, и что именно это дѣло было поручено Феофану. Во времена Пересидскаго похода въ 1722 году, Петръ сообщалъ Прокоповичу свои указанія на этотъ счетъ; Феофанъ отвѣчалъ: „Что присланніемъ нынѣ вашего величества указомъ въ достопамятныхъ славныхъ в. в. дѣлахъ исторіи пополнить и исправить мнѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить усердно тщуся“. Въ результатѣ этого „тщанія“, получилась рукопись, также изданная впослѣдствіи (1773 и 1788 гг.) кн. Щербатовымъ, подъ заглавіемъ: „Исторія императора Петра Великаго отъ рожденія его до полтавской бatalіи, сочиненная Феофаномъ Прокоповичемъ“. Г. Чистовичъ, обозрѣвъ рукопись, служившую оригиналомъ для этого изданія¹), пришелъ къ заключенію, что она вовсе не есть сочиненіе Феофана, а была только просмотрѣна и исправлена имъ по порученію государя, какъ дѣжалось это и съ другими сочиненіями и переводами²). Въ общемъ это заключеніе совершенно вѣрно; но что касается до частностей, то намъ кажется, что г. Чистовичъ слишкомъ увлекся наружными видомъ рукописи и, можетъ быть, не особенно внимательно отнесся къ ея содержанію; иначе онъ едва ли ограничилъ бы участіе Прокоповича въ этомъ трудѣ одними только незначительными поправками, касающимися „главнымъ образомъ — измѣненія словъ и оборотовъ изъ церковно-славянскаго языка на русскія“. Внимательное чтеніе этого труда должно привести къ нѣсколько иныхъ результатамъ. Прежде всего замѣтимъ, что книга дѣлится на четыре главы или „книги“. Первая—самая короткая—говорить о рожденіи Петра Великаго и о событияхъ до начала Шведской войны, въ особенности—о стрѣлецкихъ бунтахъ, о флотѣ и о путешествіи Петра за границу. Во второй начинается исторія Шведской войны, о причинахъ которой го-

¹) Находилась прежде въ госуд. архивѣ, а теперь въ Публ. Библиотекѣ — Эрм. 1, 2, 73.

²) Ф. Прокоповичъ, 121—124.

ворится согласно съ извѣстнымъ „Рассужденіемъ“; разказъ о войнѣ прерывается, въ началѣ третьей книги, отступленіемъ, трактующимъ объ основаніи и расположеніи Петербурга, и затѣмъ продолжается, уже безъ всякихъ отступлений, до Полтавской битвы, описаніемъ которой оканчивается вся книга. Разказъ о войнѣ основывается на походныхъ журналахъ, донесеніяхъ главнокомандующихъ, въ особенности же—на „Книгѣ Марсовой“ или собраніи реляцій о баталияхъ до 1713 года. Изъ этихъ источниковъ дѣлаются, въ хронологическомъ порядке, длинные дословныя выписки; выписываются даже вѣдомости о томъ, сколько пушекъ взято или сколько выстрѣловъ сдѣлано въ томъ или иномъ сраженіи. Ясно, слѣдовательно, что большую часть книги нельзя считать сочиненіемъ Феофана. Онъ только виѣшнимъ образомъ соединяетъ эти *disjecta membra* исторіи, вставляя въ текстъ, гдѣ находилъ нужнымъ, нѣсколько словъ, а чаще дѣлая на поляхъ замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „О семъ справится надобѣ — о семъ подлиннѣе писать—ари, здѣ пространнѣе положить (о томъ то)—реляцію вписать о баталии“, и т. п. Изъ этихъ замѣтокъ только одна, по своей характерности, заслуживаетъ вниманія: въ разказѣ о пребываніи цара въ Кіевѣ (1706 г.) Феофанъ находилъ нужнымъ вставить описание свадьбы свѣтлѣйшаго князя, то-есть, Меншикова... ¹⁾.

Но, кромѣ этихъ краткихъ замѣтокъ и поправокъ, въ „Исторіи“ есть вставки болѣе обширныи и—несомнѣнно—принадлежащиа перу Феофана. Таковы во второй книгѣ—рѣчи Карла XII и Петра Великаго къ своимъ войскамъ подъ Архангельскомъ и въ началѣ четвертой—характеристика Мазепы и Запорожской Сѣчи. Эти двѣ вставки мы считаемъ несомнѣнными произведеніями Прокоповича, потому что въ первой четверти XVIII столѣтія въ Россіи такъ писать могъ только онъ одинъ. Приведемъ, въ подтвержденіе сказанного, характеристику Мазепы, въ которой тонкая наблюдательность Феофана соединяется съ присущими ему малороссійскимъ юморомъ:

„Былъ въ то время въ Малой Россіи гетманъ Иванъ Мазепа, родомъ и самъ малороссійчикъ, или, какъ просто зовутъ, черкасникъ, но понеже въ юномъ возрастѣ въ польскихъ дворахъ служилъ и всѣмъ тамошнимъ нравамъ прі奥巴клъ, хотя и безчестно оттуда (какъ повѣсть несетъ) вышелъ; однако къ народу оному вельми преклоненъ и паче нежелѣ къ своему отечеству доброхотенъ явился. Видѣли то

¹⁾ Ист. Петра В., изд. 2-е, М. 1788, стр. 162.

на немъ не по одному дѣлу, которые сблизка сообщаться ему могли; однако же такъ хитрый былъ и пристрастія своя утаевати искусень, что людемъ, которыхъ опасался, весьма не таковъ, каковъ внутри былъ, мысли быти. Великороссійскому наипаче народу, котораго весьма ненавидѣль, такъ любовнымъ, доброжелательнымъ и привѣтливымъ себя ставилъ, что таковой его злобы, какую послѣ изблеваль, отнюдь началяти было можно. Такъ и царскому величеству увѣривъ себя, не преставалъ различными мнимыми услугами и всякимъ вѣрности видомъ утверждати доброе о себѣ мнѣніе... Еще-жъ и немощь себѣ и всего тѣла дряхлость притворяя, не былъ бо воистину такъ безсиленъ, какова являлая себя, аки бы и стояти, и сидѣти долго не могъ; однако же неотступныхъ держаль лѣкарей и часто отъ одра не вставалъ, весь пластырями обложенъ, стена тяжко и едва голось издавая, аки расслабленъ и подумерть. Такими притворы такъ обаяль многихъ, что всякъ дерзнуль бы власвидѣтельствовати, не быти въ немъ кромѣ смерти иного чаянія. Быль догадливъ и мнителенъ паче мѣры, во всѣхъ словахъ и дѣлахъ чужыхъ усматриванъ, нѣтъ-ли коє тайны. Но сіе свое любопытство съ великимъ и хитрымъ опасеніемъ хранилъ, такъ лице и очи въ бесѣдахъ управления, будто онъ произнесенную отъ другого рѣчь, хотя и была иносказательна, не больше разумѣль, только какъ слышалъ. Если же нѣчто ясно было предложено, тщился умно отвѣтствовати, дабы его прочіи имѣли за простосердечнаго, да не за глупаго; хитростенъ же вельми былъ, какъ пристрастія людскія познавать, и кто кому доброжелателенъ или противенъ и къ чему преклоненъ, увѣдать, различные на сіе способы прибиравъ; наипаче же проискивалъ того въ пирорваніи, щедродарствуя и учреждая допъяна, такожъ и самъ, якобы излишне хмѣленъ, открывая будто сердце свое, и въ толпихъ коварствахъ своихъ часто съ воздыканіемъ пререкалъ на хитрыхъ людей, и простосердечie похвалилъ; и такъ и присутствующихъ гостей ловилъ, и черезъ нихъ извѣдывалъ и иныхъ, друговъ и господиновъ ихъ; такожъ поступать научалъ и нѣкіихъ тайниковъ свойкъ, однако же таковыхъ и таковый видъ являющихъ, чтобы не можно гостеви познать, что они его секрету служатъ... А понеже намѣреніе его было отторгнуты отъ россійской державы Малую Россію и паки подвести подъ иго польское; того ради, дабы народъ малороссійскій, яко отъ природы отъ поляковъ отвращенъ, не догадался таковыхъ его умысловъ, великимъ показывался православія ревнителемъ, — церкви каменные сози-

далъ, сосуды и утвари церковные и иная его подаянія всюды были...”¹⁾.

Не говоря о слогѣ,— кн. Щербатовъ самъ сознается, что онъ исправлялъ слогъ „Исторія”,—намъ кажется, что всякий, знакомый съ трудами Феофана и его манерою выражаться (вообще, а не съ его языкомъ въ частности), прочитавъ этотъ отрывокъ, долженъ признать его вышедшімъ изъ-подъ пера Прокоповича, на томъ простомъ основаніи, что кромѣ его написать это было некому. То же слѣдуетъ сказать и объ упомянутыхъ нами рѣчахъ, и о изображеніи Запорожья, которыхъ мы здѣсь не станемъ выписывать. Къ Сѣчи Феофанъ относится очень строго, называя ее, какъ и Стефанъ Яворскій, гнѣздомъ разбойниковъ, буйной ватагой, не знавшою закона; это и понятно при той роли, какую играли Запорожцы въ Шведской войнѣ, и съ той точки зренія, съ какой Прокоповичъ вообще смотрѣлъ на события русской исторіи.

И такъ, „Исторія Петра Великаго”, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ рукописи и дважды издана Щербатовымъ, представляется намъ въ такомъ видѣ: это были черновые тетради, въ которыхъ кто-нибудь, по приказанію царя, выписывалъ изъ реляцій и другихъ документовъ свѣдѣнія о событияхъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядке; Феофанъ заботился объ „украшенії” этой исторіи, поправляя слогъ, дополняя разказъ своими вставками, связывая воедино отдѣльныя его части; при этомъ онъ набрасывалъ и самъ нѣсколько страницъ, въ родѣ указанныхъ нами (болѣе мелкия вставки трудно выдѣлить). Затѣмъ все это было переписано набѣло, и Феофанъ снова сталъ просматривать рукопись и поправлять слогъ, при чемъ на поляхъ дѣлалъ замѣтки о томъ, чтѣ ему казалось нужнымъ внести въ нее. Такимъ образомъ, и эта вторая рукопись, попавшая въ печать, есть не болѣе, какъ черновая, не отдѣленная окончательно. Можеть быть, этой окончательной отдѣлкѣ помѣшила смерть цара; можетъ быть, и самъ Петръ былъ не особенно доволенъ представленной ему въ такомъ видѣ исторіей—теперь сказать трудно.

Феофанъ вообще интересовался исторіей и на занятія ею посвящала часть своего времени. Татищевъ, близко его знавшій, говорить, что онъ „въ испытаніи древности великое показалъ тщаніе”. Тотъ-же Татищевъ сообщаетъ, что Прокоповичъ сочинилъ книжину объ Амазонкахъ, въ которой „многими отъ древнихъ доводы” доказы-

¹⁾ Тамъ-же, 184—187.

валъ, что онѣ были славянскаго происхождени. „О томъ, что они были Славяне“, говорить Татищевъ,— „онъ простиранно доказывалъ, чтò миѣ не весьма памятно, и книжцы оной ни въ кабинетѣ, ни въ библіотекѣ его величества не отыскано, токмо вѣдаю, что черная въ его письмахъ осталась“¹). Не ошибается ли, однако, нашъ историкъ? Дѣло въ томъ, что въ 1722 году была напечатана „Кнїга історіографія початія имене, славы и разшренія народа славянскаго“—переводъ сочиненія Мавра Орбіни „Il Regno degli Slavi“; въ этой книгѣ авторъ-католикъ утверждаетъ, что просвѣтитель Славянъ Кирилль былъ посвященъ въ епископы папой Адріаномъ III, а Меѳодій, братъ Кирилла, скончался въ Римѣ. Въ русскомъ изданіи, въ концѣ книги, помѣщено „разсмотрѣніе повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіи“, въ которой приведенное выше мнѣніе опровергается цитатами изъ сочиненій Кедрина, Куропалата, Зонары, Баронія, Нестора, Длугоша, Венцеслава, лѣтоисца чешскаго, Бліодуса, Сабелликуса и Кромера. Это разсужденіе въ перечѣ сочиненій Прокоповича—въ собраніи его словъ и рѣчей, — у митр. Евгения и Филарета и у Пекарскаго приписывается Феофану; но г. Чистовичъ документально доказалъ, что оно составлено Феофилактомъ Лопатинскимъ. Такъ какъ въ прошломъ столѣтіи участіе Феофана въ русскомъ изданіи Орбіни считалось несомнѣннымъ, а въ книгѣ этой есть, между прочимъ, глава „О амазонахъ женскаго полу, славныхъ воинахъ славянскихъ“, то не былъ ли Татищевъ введенъ этимъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе что по собственному его сознанію, сущность дѣла была ему „не весьма памятна?“ Вопросъ этотъ, конечно, остается открытымъ, потому что вѣть основанія положительно утверждать, что Феофанъ самъ не могъ высказать объ Амазонахъ подобное мнѣніе; известно, что Тредіаковскій думалъ о нихъ точно также²).

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разсужденіи Прокоповича, относящемся къ тому же времени. Въ 1722 году, по возвращеніи изъ Персидскаго похода, царь, на одномъ празднике, завелъ рѣчь о языческой религіи, и узнавъ, что обѣ этомъ предметъ есть сочиненіе Аполлодора, приказалъ въ синодѣ перевести его на русскій языкъ, чтò и было исполнено типографскимъ спрашивщикомъ Барсовымъ. Кнїга напечатана въ январѣ 1725 года, подъ заглавiemъ: „Аполлодора грамматика азинейскаго библіотеки или о

¹) Ист. Росс., I (М., 1768), 41, 436, 438.

²) Пекарскій, Н. и Л., I, 331—332, Чистовичъ, 30.

богахъ“¹). Пётръ поручилъ Феофану написать къ ней предисловіе, въ которомъ „объяснить намѣреніе, съ каковыми книга та переведена, и въ концѣ той книги окончаніе изъ христіанскихъ писаний, для вѣдѣнія той книги прочитывающимъ, въ которомъ объявить, како язычики, прежде познанія христіанского благочестія, въ неизвѣстіи своемъ заблуждалисѧ, и каковыхъ боговъ имѣли“. Исполняя это порученіе, Феофанъ объясняетъ читателямъ, какая польза для христіанства заключается въ томъ, чтобы знать, въ чёмъ именно состоитъ „меркое многобожіе зловѣріе“, перечисляетъ боговъ греческой и римской мифологии, говорить о поэтахъ, и т. п.

По свидѣтельству бiографа Феофана у Шерера, онъ написалъ еще (неизвѣстно только, въ какую именно пору своей жизни) церковную исторію, въ которой описалъ ученіе и священные обряды православной церкви до Константина Великаго и показалъ происхожденіе различныхъ суетѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ²). Сочиненіе это, о которомъ нигдѣ болѣе не упоминается, слѣдуетъ, вѣроятно, считать утраченнымъ.

Въ этомъ періодѣ своей дѣятельности Феофанъ, повидимому, рѣдко произносилъ проповѣди; по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ свѣдѣнія только о пяти проповѣдахъ его (по одной на каждый годъ). Это и неудивительно, такъ какъ онъ и безъ того былъ чрезвычайно занятъ дѣлами по синоду и по составленію разсмотрѣнныхъ нами выше сочиненій.

28-го января 1722 года, въ Москвѣ, во время торжествъ по поводу заключенія Ништадтскаго мира, Феофанъ, по повелѣнію царя и въ его присутствии, произнесъ (въ Успенскомъ соборѣ) обширное слово о значеніи счастливо окончившейся продолжительной войны со Шведами³). Тема этого слова, которую разрабатывали и другіе проповѣдники—Яворскій, Бужинскій, Лопатинскій —заключается въ сравненіи обѣихъ воевавшихъ сторонъ между собою, и затѣмъ—въ сравненіи Россіи доцетровской съ Россіей, преобразованной Петромъ, — „ибо“, говоритъ Прокоповичъ, — „соразсужденіе бывшихъ нашихъ неимѣющей съ самою противившѣйся намъ стороны покажетъ ясно, какое милостивое сотворилъ съ нами смотрѣніе свое Вышній въ прошедшій войнѣ, чрезъ сего великаго ministra своего, державнѣйшаго

¹) Некарскій, Н. и Л., II, 630—632; Голиковъ, Дѣянія, XV, 244—245.

²) Чистовичъ, 590.

³) Напечатано 2-го августа 1723 г.—Слова въ Рѣчи. II, 71—97.

нашего императора". Война началась съ того, что „раздраженная отъ Швеціи Россія яко съ просоны на противника своего устремилася, и метнувшись на Швецію, силы оной не разсуждала"; всѣ выгоды были на сторонѣ непріятелей, но побѣда, все-таки, осталась за нами— явное доказательство особенного благоволенія Божія къ Россіи. Сдѣлавъ краткій обзоръ войны съ этой точки зреянія, проповѣдникъ приходитъ къ заключенію, что „главное дѣло смотрѣнія Божія—даній Россіи во главу толикій и толь дивными талантами обогащенный мужъ. Видимо смотрѣніе отъ начала царствованія его: коль страшная безбожныхъ матежниковъ возвстанія — ужасно и воспоминати; можно знати, что шатался то діаволь; однакожъ все оное шатаніе не человѣческою, но иѣкою невидимою силою укрошено. намѣренаго конца своего не получило. Когда же воспоминаемъ, что выше-помянутымъ злодѣямъ или помогало, яко собою возвѣтившимся, или имѣсто орудія вражды своей, яко на зло готовыхъ, употребляло лицо другое... кто таковъ? которое лицо? увы, бѣдствія и студа! срамно говорить: лицо, ему (царю) единоутробное... да кто же онъ таковъ? оле! трепещетъ языкъ такового имени въ таковомъ дѣлѣ произносити! оле! увы! сестра! родная сестра, да природному своему званію противная и аки бы утробу свою отъ себе извергшая...“ Далѣе, въ томъ же тонѣ, вспоминается 1718 годъ— „неслыханное и необычное бѣдство — сильнейшее на отца возвстаніе, да каковое? и сродными, и кровными сковники вооруженное, и разнообразныхъ злодѣевъ, лукавыхъ рабовъ, и лицемѣрныхъ святцевъ, и сильныхъ, и немощныхъ, и богатыхъ, и нищихъ суккурусами подкѣплленное“, — „свирипый бунтъ донскій и жестокій матежъ астраханскій“ и измѣна „окаяннаго“ Мазепы. Послѣ всего этого проповѣдникъ указываетъ на счастливыя послѣдствія, какія имѣла для Россія война именно со Шведами, а не съ какимъ-либо инымъ изъ соѣдніихъ народовъ: „апе бы иѣкъ кто-либо къ войнѣ возбудилъ Россію, все не то было бы, что уже есть; мало то, что отнятныи иѣкія страны не были бы возвращены: но то большее, что не уиѣла бы еще Россія и трактовати, и воевати со европейскими народы: не разумѣла бы намѣреній, претенсій и хитростей ихъ, не вѣдала бы силь и регулы воинскихъ, не отворила бы себѣ моря сѣвернаго, и къ честной съ лучшимъ свѣтомъ коммуникаціи, и къ безопаснѣйшему предѣловъ своихъ охраненію... нынѣ же чрезъ сію войну получила Россія все лучшее, изучилася недовѣдомыхъ себѣ, земный и водный путь къ пользѣ и славѣ своей отвѣрила и великимъ безопаснѣемъ оградила отечество свое“.

Послѣ этого объясненія, проповѣдникъ задается вопросомъ: чѣмъ мы можемъ и должны благодарить Бога за такое благоволеніе къ Россіи? Такая благодарность должна состоять, впервыхъ, въ стараніи всѣми силами поддерживать и развивать то, что создано Петромъ Великимъ,—регулярное войско и флотъ; вторыхъ, въ заботѣ правительственныйхъ лицъ о всенародной пользѣ. Вы желаете, говорить Феофанъ,—чтобы весь народъ сознательно радовался миру; но какъ же можетъ онъ радоваться, если не будетъ ощущать на себѣ благихъ послѣствій этого мира? „Мира плоды отъ виѣ—безпечаліе отъ нашествія и безопасніи къ чужимъ странамъ, купли ради и политическихъ пользъ многихъ, исходы и входы; но сія уже благополучнымъ самодержца нашего оружіемъ получили мы. Плодъ же мира отъ внутрь есть уменіе народныхъ тяжестей, что будетъ, если не будетъ расхищеніе государственныхъ интересовъ; плодъ мира есть—своей всякому чести и имѣнія цѣлостъ, щитомъ правды сохраняема, что будетъ, если не будетъ въ судѣхъ тлетворныя страсти и злодѣйственныхъ взятковъ; плодъ мира есть общее и собственное всѣхъ изобиліе, что будетъ, если переведется многое множество тунеядцевъ, искоренятся татѣбы и разбои, и искусство экономическое заведется; плодъ мира есть всякихъ честныхъ учений стяжаніе,—что будетъ, если отложа высокое о нась мнѣніе, гнушатися начинѣмъ грубої и невѣжества и дѣлами нашимъ лучшаго во всемъ (ревнуя прочімъ честнымъ народамъ) исправленія возжелаемъ“. Во всѣхъ публицистическихъ сочиненіяхъ Феофана это мѣсто—едва ли не единственное, гдѣ онъ, какъ будто, обращается не отъ имени правительства къ обществу, какъ обыкновенно говорилъ онъ,—а отъ имени общества къ правительству, являясь не истолкователемъ правительственныйхъ мѣропріятій, а ходатаемъ въ пользу элементарныхъ народныхъ нуждъ предъ лицомъ власти. Онъ и самъ, по видимому, сознаетъ, что заговорилъ въ необычномъ для него тонѣ, и тутъ же старается поправить свою „неловкость“ оговоркою, что „не моего искусства есть о семъ подробнѣ разсуждати: искуснѣе о семъ разсудятъ высокоправительствующая сословіа“. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Феофана — образованнѣшаго русскаго человѣка своего времени—оправдались слова, сказанныя нѣкогда Крижаничевъ: „Казенная дума есть одинъ изъ наипотребѣйшихъ промысловъ для Русскаго народа. Въ иныхъ земляхъ и народахъ могло бы быть сіе казенное думанье излишне, то-есть, тамъ, гдѣ людство само по себѣ и отъ природы своей есть быстрого разума, домысливо, работ-

ливо, заботливо; а въ семъ русскомъ преславномъ государствѣ казенныя думы никакъ не лишни, но всячески корыстны и потребны: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумають, аще имъ ся не покажеть...¹⁾). Феофанъ является во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ именно защитникомъ „казеной думы“, и съ своей стороны считаетъ совершенно неумѣстнымъ вдаваться въ какія бы то ни было разсужденія объ общественныхъ нуждахъ и интересахъ съ точки зрѣнія самого общества. Послѣднее, по его понятіямъ, не должно имѣть въ своихъ дѣлахъ никакого голоса: для этого оно не компетентно, все это гораздо „искуснѣе“ разсудить другое; ему же нѣтъ надобности объ этомъ заботиться — за него думать и все дѣлаетъ „казенна дума“, такъ что ему остается только повиноваться и благодарить. Даже приведенное нами выше мѣсто изъ проповѣди Феофана, гдѣ онъ, по видимому, обмолвился, въ сущности, представляетъ отголосокъ той же „казеной думы“ — рѣчи Петра къ сенату, въ которой кратко сказано то же самое, что проповѣдникъ развиъ подробнѣе, въ болѣе изящной литературной формѣ...

Въ слѣдующемъ (1723) году Феофанъ произнесъ проповѣдь въ день царскихъ именинъ, въ Троицкомъ соборѣ. Изъ синода былъ посланъ Гавриилу Бужинскому указъ „оную проповѣдь напечатать, въ обычномъ тетрадей числѣ, немедленно“; но Бужинскій указа не принялъ, отзылся, что „означенной проповѣди ему отъ преосв. Феофана не отдавано, и печатать безъ той формы (!) нечего, а какъ оная форма ему будетъ отдана, тогда бъ онай указъ и принести“. Болѣе мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этой проповѣди²⁾. Можетъ быть, это была импровизація, не записанная авторомъ.

7-го мая 1724 года Петръ короновалъ свою супругу въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. Прокоповичъ произнесъ при этомъ похвальное и привѣтственное слово, въ которомъ доказывалъ историческими „прилагами“, что изъ всѣхъ женщинъ, когда-либо носившихъ корону, Екатерина — самая достойная, потому что въ ея великой душѣ всѣ добродѣтели „во всесладкую арионю согласуются“, и что, конечно, „самъ Богъ высокое свое къ монархинѣ нашей благоволеніе, многообразными знаменіи показанное, преславною сею коронацію запечатлѣти изволилъ“³⁾.

¹⁾ Русск. Госуд., I, 42—43.

²⁾ Пекарский, Н. и Л., II, 595.

³⁾ Слово это напечатано (безъ конца) въ Собраниі словъ и рѣчей Феофана, II, 103—111.

Наконецъ, въ день нового (1725) года Феофанъ произнесъ (въ Петербургѣ) небольшую проповѣдь, разъясняющую смыслъ христіанскаго поздравленія съ новымъ годомъ¹⁾). Эта проповѣдь замѣчательна по вставленной въ нее юмористической выходкѣ противъ раскольниковъ, выражавшихъ свое недовольство по поводу обращенія сентябрьскаго новолѣтія въ январьское²⁾). „Новый годъ отъ сего дне начинаяемъ“, говорить Феофанъ, — „слава Богу! но не слава Богу у лже-братіи нашей раскольниковъ. Ибо ихъ учителя, желая славитися видомъ всякихъ премудрости, не довольно себѣ имѣютъ показывать искусство свое въ богословіи, чудныя воистину составляя догматы и священнымъ писаніемъ нарицая тетрата и невѣдомыхъ авторовъ. Еще къ тому служить имъ и фізика, о зачатіи, напримѣръ, младенца во чревѣ матери, и грамматика, о нарѣчіи „вѣкомъ“, а не „вѣковъ“, и о имени Іисусовѣ, и географія, о земномъ раї, о Римахъ, о Вавилонахъ, и ариѳметика, о аллілуїи, и архитектура, о дѣланіи крестовъ, и музыка, о церковномъ пѣніи, и мануфактура, о камилавкахъ и клобукахъ, и еще не знаю какая хитрость о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія: такъ много знаютъ они господа! Что же? чудо было бы, если бы они оставили хронологію; не оставили, ибо перенесенное отъ септемврія на январь новолѣтіе, которое уставилъ державный монархъ нашъ лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ... ставать въ великую ересь панамари апостати, и погубленіемъ лѣть Божіихъ нарицаются. Се видимъ — и хронологи они суть изрядни!“ Проповѣдникъ доказываетъ, что нѣтъ непреложного закона, который бы обязывалъ начинать годъ съ того, а не съ другого дня, и что „въ вещахъ среднихъ, каковое есть новолѣтіе, если что опредѣляются власти верховныя, всякаго подданнаго совѣсть одолжается къ послушанію“.

¹⁾ Напечатана 8-го января того же года. — Слова и Речи, II, 113—125.

²⁾ «И той лже-Христосъ... въ 1700 году возобнови, по совершенномъ своей злобы совершеніи, новолѣтіе яиусовскоє... Собра весь свой поганскій синклитъ и постави храмъ идолу ветхо-римскому, Яиусу, и предъ всемъ народомъ нача творити чудеса, чревъ діавола, подъ видомъ яиумазіи, и вси восхищаша ему единокласно: «Виватъ, виватъ Новый Годъ!» и отъ того дни разосла свое указы во всю Россію... Всѧ господни лѣти истреблены, а сатанины возвѣщеніи». Членія Общ. Ист., 1863, I, смысль, стр. 53—55.

28-го января того же года Петра Великаго не стало. Феофанъ, вмѣстѣ съ недругомъ своимъ, Феофилактомъ Лопатинскимъ, присутствовалъ при послѣднѣхъ минутахъ жизни царя и оставилъ объ этихъ минутахъ „Краткую повѣсть“¹⁾). Поводомъ къ написанію этой „Повѣсти“ послужило, по словамъ автора, между прочимъ, и то, что „о семь несовершенныи повѣсти, отъ иностраннныхъ печатанныхъ, произошли; и какъ ония“, прибавляетъ Феофанъ, — „много отъ сущей истины отстоять, понеже составлены изъ реляцій куріозныхъ, и отъ совершенного извѣстія о семь не имѣющихъ людей начало свое имѣютъ, то понуждаютъ насъ, дабы мы, какъ самовидцы-свидѣтели, которыми все сіе извѣстія есть, истинную повѣсть написали, которую, свидѣтельствующей намъ совѣсти нашей, никаковыми работствуя страшемъ, прамо, какъ дѣжалось, предложимъ“. Феофанъ разказываетъ, довольно обстоятельно, о болѣзни царя, и о томъ, съ какими чувствами находились у его смертной постели разныя приближенныя лица, въ особенности же государыни; подробно передаетъ обстоятельства смерти Петра, не упоминая, однако, о томъ, что за нѣсколько часовъ предъ смертью онъ хотѣлъ писать завѣщаніе; затѣмъ разказываетъ о вступлении на престолъ Екатерины I: „Нѣцы разсуждать почали, подаетъ ли право такое (на престолъ) коронація; когда и въ прочихъ народахъ царицы коронуются, а для того наслѣдницами не бывають. Но тогда нѣкто²⁾ воспоминулъ, съ какимъ намѣренiemъ государь супругу свою короновалъ... (для того) что аще бы какимъ случаемъ его не стало, праздный престолъ тако безъ наслѣдника не остался бы и всякая вина матежей и смущеній благовременнѣе пресѣчена быть могла бы. О таковомъ намѣреніи покойнаго императора оный нѣкто воспоминувъ, слался на свидѣтельство слышавшихъ оное государево слово и здѣ присутствующихъ; что единъ перве ясно подтвердилъ, также и прочие засвидѣтельствовали. И тако безъ всякаго сумнительства явно показалось, что государыня императрица державу россійскую наслѣдовала, и что не елекція дѣляется, понеже прежде уже наслѣдница толь чинно и славно поставлена“.

Въ этомъ объясненіи — причина и цѣль изданія книги Феофана.

¹⁾ О смерти Петра Великаго краткая повѣсть. С.-Пб. 1726 (по Соколову, I, 826, — 1725, 4^о). Впослѣдствіи перепечатана въ С.-Пб. 1819 и 1831 г., 8^о.

²⁾ Самъ Феофанъ: см. разказъ Бассевича въ Русск. Арх. 1865 года, стр. 628—632.

Устранение отъ престола малолѣтнаго сына царевича Алексѣя и необычное, по тому времени, воцареніе женщины вызвало разныя „сумнительства“ не только въ народѣ на который не обращали особынаго вниманія, но и въ высшихъ классахъ общества, на что указываетъ и Феофантъ; кромѣ того, неизвѣстно еще было, какъ будетъ принято воцареніе Екатерины иностранными державами. Въ виду всего этого, было необходимо найти и представить какое-нибудь вское доказательство правильности и законности совершившагося факта.

Такимъ доказательствомъ послужили приведенные Феофаномъ и засвидѣтельствованные другими лицами слова Петра, ясно выражавшія его волю. Напечатаніе „Краткой повѣсти“ и ея распространеніе въ переводахъ на латинскій и нѣмецкій языки было, такимъ образомъ, дѣломъ политической необходимости.

„Повѣсть“ оканчивается подробнымъ описаніемъ церемоніала похоронъ царя.

На смерть Петра Великаго Феофантъ произнесъ двѣ проповѣди: первую—въ день погребенія царя, 1-го марта, вторую—въ день Петра и Павла¹⁾. Проповѣдь на погребеніе долгое время считалась образцовой и помѣщалась въ христоматіяхъ, хотя, въ сущности, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Она очень коротка и состоитъ почти изъ однихъ восклицаній и уподобленій; но она не есть порывъ непосредственнаго скорбнаго чувства, вылившагося въ сильнѣмъ словѣ; она представляется произведеніемъ искусственное, кабинетное, строго-размѣренное, написанное по всѣмъ правиламъ школьнай риторики. Самаринъ²⁾ справедливо замѣчаетъ, что въ Феофанѣ элементъ мыслительности преобладалъ надъ чувствомъ, и что его критическое направление, обсужданіе, анализъ, выражавшійся во всѣхъ

¹⁾ Оба эти проповѣди, напечатанные отдельно въ томъ же году, были переведены самими авторами на латинскій языкъ и напечатаны вмѣстѣ съ латинскимъ же переводомъ «Краткой повѣсти», въ 1726 г., въ Ревель и Гамбургъ, подъ заглавіемъ: «Lacrymae Roxolanae, seu de obitu Petri Magni brevis narratio duaeque de laudibus ejusdem divi principis orationes». Въ томъ же году въ Гамбургѣ вышелъ и нѣмецкій переводъ этой книги: «Russland's Thränen, oder kurtze Nachricht vom Tode Petri des Grossen. Aus d. latein. ins teutsche übersetzt».

²⁾ Латинскій переводъ перепечатанъ впослѣдствії (1743) въ «Lucubrationes Th. Prokopowicz», р. 5—84; по русски оба проповѣди—въ собраниі словъ и рѣчей Феофана, II, 127—169.

²⁾ Сочиненія, V, 442.

его трудахъ, не допускалъ въ немъ сильного порыва. Приступъ надгробнаго слова—такъ называемый „стремительный“:

„Что се есть? до чего мы дожили, о Россіане! что видимъ? что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ! Не мечтаніе ли се? не сомніе ли нацъ привадѣніе? ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Быновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію и воздвигшій въ толикую силу и славу, или паче—рождшій и воспитавшій, прямый сынъ отечества своего отецъ... противно желанію и чаянію скончалъ жизнь“... Затѣмъ проповѣдникъ говорить о значеніи этой утраты для Россіи и въ рядѣ сравненій перечисляетъ качества и труды Петра: „Се оный твой, Россіе, Самсонъ... се твой первый, о Россіе, Іафетъ... се Моисей твой... се твой Соломонъ... се твой, о церкви россійской, и Давидъ, и Константинъ...“ Далѣе слѣдуетъ утѣшеніе: Петра не стало, но духъ его живеть съ нами въ его дѣлахъ, живеть въ достойной его преемницѣ — Екатеринѣ. Слово заключается молитвою къ Богу о утѣшениі печали и обращеніемъ къ Россіи: „Но, о Россіе! видя, кто и каковъ тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебѣ“.

Другое, пространное слово юноши — „на похвалу Петра Великаго“—представляетъ подробную и полную характеристику лучшихъ сторонъ личнаго характера царя и перечень важнейшихъ событий его царствованія, такъ-сказать общий выводъ изъ всѣхъ прежнихъ похвальныхъ и привѣтственныхъ проповѣдей Прокоповича. Какъ почти вся эти проповѣди, слово это дѣлится на двѣ главныя части: „Посмотримъ“; говорить юноши,—„на двойственную должность и дѣло, — первое, яко просто царя, второе, яко цара христіанскаго, и каковъ и колику въ обоихъ сихъ Петръ показался“. Обязанности цара вообще заключаются въ защищениіи и добромъ управлении государства, для чего необходимо обладать военною силой и политическимъ разумомъ; Петръ обладалъ обоми этими качествами, и при томъ въ высшей степени. Юноша говоритъ о рано проявившейся въ Петре склонности къ воинскимъ занятіямъ, объ учрежденіи регулярнаго войска, о построеніи флота, наконецъ—о войнахъ съ Турцией и Швеціей. Говоря о первой, онъ затрагиваетъ и „восточный вопросъ“, замѣча, что „крѣпкое его (цара) намѣреніе было попрать и умертвить дракона Магометова, или помѣ изгнать его изъ рабъ восточнаго,—и не безнадежное того чаянія было, аще бы ты, о добрая Европа! отстала права и обычая своего, то-есть не согласія и рв-

ній, и аще бы другъ другу, во общемъ всѣхъ бѣдствій, не завидѣлъ, но сноспѣществовалъ". Говоря о второй войнѣ, повторяетъ то, что было сказано въ проповѣдахъ по поводу Полтавской побѣды и Ништадтского мира. Перехода затѣмъ къ государственной дѣятельности Петра, проповѣдникъ замѣчаетъ, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ государей, умѣвшихъ соединять съ войною попеченія о гражданскомъ устройствѣ и внутреннемъ исправленіи. Онъ отправился въ далекое, необычное и трудное путешествіе по Европѣ, не для своей только, но для общей пользы всего своего народа: "Единоличное свое и собственное добро, еслибы не сообщилъ всему отечеству своему, никогда бы въ добро себѣ не поставилъ.. и мало ли тщаніемъ своимъ сдѣлалъ? что не видимъ цвѣтущее, а прежде сего намъ и невѣdomое,—не все ли то его заводы? если на самое малѣшее нѣчто, честное же и нужное посмотримъ, на чинѣйшее, глаголь, одѣяніе и въ дружествѣ обхожденіе, на трапезы и пированія, и прочія благопріятныя обычай,— но исповѣдьмили, что и сего Петръ насъ научилъ? И чимъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся. Что же рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искусствахъ, которыми нынѣ дѣти россійстія съ охотою учатся, съ радостю навыкаютъ, и полученная показываютъ съ похвалою? тань прежде были ли? не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркль, а прочаго орудія и именъ не слыхано; а если бы гдѣ вѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарѣзано... Но тако по единому дѣла Петрова исчислія, никогда конца не дойдемъ: лучше все дѣлма силами оглавити, которыхъ себѣ отъ государей своихъ всякий народъ требуетъ. Сie же суть: народная польза и безнечаліе".

Польза заключается въ учрежденіи различныхъ коллегій, а также— заводовъ, фабрикъ, въ проведеніи путей сообщенія и т. п.; безнечаліе— въ правосудіи, въ войскѣ, флотѣ, крѣпостяхъ. Петръ основалъ Петербургъ— "врата на мори, когда оно везеть къ намъ полезная и потребная, замокъ томужде морю, когда бы оно привозило на насъ страхи и бѣдствія"; онъ "сочинилъ довольные регламенты и многія скрижали законныя... и дабы всякое злодѣйство яко въ зеліи ехидна скрытия не могло, чинъ фискалъства опредѣлилъ, и одолжилъ (то-есть обязалъ) оное не токмо траты государственного интереса, но и персональныя подданныхъ своихъ обиды усматривать въ объявлятия, таковыхъ напаче бѣдныхъ человѣкъ, которіи суда и управы искати или ради худости своей не могутъ, или ради силы

обидащихъ не смыть¹⁾). Все же то утвердиъ и заключилъ высокимъ правительствомъ сенатскимъ. Сенатъ—дѣйствительная рука монарха; сенатъ—орудіе и правительство правительства. Коллегія прочія яко весла и парусы, а сенатъ—корнило²⁾.

Затѣмъ Феофанъ переходитъ ко второй части—къ характеристикѣ Петра, какъ государя христіанскаго. Эта часть проповѣди замѣчательна тѣмъ, что Феофанъ, вмѣстѣ съ дѣлами Петра, оправдываетъ и восхваляетъ свои собственные. Сначала онъ повторяетъ общія соображенія, высказанныя въ „Розыскѣ“ о понтифексахъ: „И яко не должны царіе воинствовать, развѣ или за нужду, или за охоту свою, а дабы порядочно дѣйствовало воинство, смотрѣти должны; и яко упражнятися купечествомъ не царское дѣло, а дабы обманства въ купляхъ не было, наблюдать дѣло царское есть, тоже разумѣти о ученияхъ философскихъ, и о разныхъ мастерствахъ, и о землемѣдѣї, и о всей прочей економіи; тако хотя проповѣдю слова утверждати благочестіе на царехъ не лежитъ долгъ, однако же долгъ ихъ есть, и великий, о томъ пещися, дабы и было, и прямое было ученіе христіанское и церкви христіанской правленіе“. Петръ и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ весьма много полезнаго: „Вѣдалъ онъ, каковая темнота и слѣпота лжебратія нашей — раскольниковъ: безприкладное воистину безуміе, весьма же душевредное и пагубное, а колико бѣднаго народа множество отъ оныхъ лжеучителей прельщающіо погибаєтъ—и по отеческому своему сердоболію не оставилъ ни единаго способа, чѣмъ бы тьму оную прогнati и помраченныхъ просвѣтiti: велиль писати увѣщанія, и проповѣдми наставляти, и обѣщаніемъ милости и нѣкимъ утѣшениемъ, то—есть, десными и шуми отъ заблужденія отводити, и въ мирный разговоръ призывати; и не безплодное попеченіе его явилось: многія тысячи обращенныхъ на письмѣ имѣемъ³⁾, а упрамія и жестоковѣнія горшаго себѣ осужденія, яко безответнія, ожидаютъ“. Петръ постоянно заботился о томъ, чтобы разсѣять мракъ невѣжества и просвѣтить суетѣровъ; проповѣдникъ перечисляетъ мѣры, принятныя съ этою цѣлью. Онъ искоре-

¹⁾ Интересна противоположность въ отъзывахъ объ этомъ учрежденіи Прокофьевича и Яворского (въ словѣ «О храненіи заповѣдей Господнихъ»): первый смотритъ съ точки зрения официальной, правительственной, второй—съ точки зрения практической, общественной..

²⁾ Оставаясь откровеннымъ, Феофанъ долженъ быть бы прибавить: и только на лисьемъ.

иаъ предразсудки: „Возбуждалъ аки отъ сна чинъ пастырскій, дабы суетная преданія исторгали, въ обрядахъ вещественныхъ силъ спасительской не быти показывали, боготворити иконы запрещали, и учили бы народъ духомъ и истину поклоняться Богу“. Онъ ненавидѣлъ лицемѣре „и отъ сея сладкія отравы всакими образы поданныхъ своихъ оберегати тщался: притворная чудеса, сновидѣнія, бѣснованія искоренялъ, лъстецовъ, колтунами, желѣзами и рувицами, и лукавымъ смиреніемъ, и воздержаніемъ къ виду святыми позлащающими себѣ, познавати училъ, и ловити и истязовать приказывалъ“; заставлялъ всѣхъ ходить въ церковь; сюда же относятся „пovelѣнія имъ заводы школъ, сочиненія книжницъ богословскихъ, древнихъ учителей и историковъ церковныхъ переводы, священнаго писанія исправленіе; сюды смотрѣли и старинныя артикулы монашескія возобновленія, и правила священства и всего церковнаго клира, и, дабы въ сѣмени и корени начиналось добро, поданное отрокомъ въѣры прямой ученіе“ (то-есть, „Первое учение отрокомъ“), и учрежденіе синода.

Заботы Петра о пользѣ народа не ограничивались настоящимъ временемъ: онъ имѣлъ въ виду и будущее, и потому, отходя въ вѣчность, оставилъ Россіи вполнѣ достойную преемницу и продолжательницу своихъ дѣлъ—Екатерину.

За изображеніемъ Петра, какъ царя, слѣдуетъ характеристика его, какъ человека, гдѣ, между прочимъ, восхваляется онъ и за то, что „гдѣ подобало, знаніе свое прикрывалъ, чтѣ политичестіи учители диссимулациею нарицаютъ и въ первыхъ царствованія полагаютъ регулахъ“.

Слава Петра признана и провозглашена всѣмъ міромъ. (Приводятся различные свидѣтельства иностранцевъ, при чемъ указывается, между прочимъ, на *Acta Eruditorum* и на книгу Буддея). Вся Россія есть статуя Петра, весь мірь—проповѣдникъ его славы. Самъ Богъ за свидѣтельствовалъ свое благоволеніе къ нему, хранилъ его невредимымъ среди бѣдствий, ему угрожавшихъ, и не оставилъ его въ посѣднія минуты жизни. Феофанъ повторяетъ сказанное о смерти Петра въ „Краткой повѣсти“ и влагаетъ ему въ уста слова къ Россіи, на которую устремлены его взоры съ высоты неба. Проповѣдь заключается утѣшениемъ и молитвой.

Блестящая характеристика Петра, сдѣланная Прокоповичемъ, не имѣть себѣ равной въ русской литературѣ XVIII столѣтія, за исключеніемъ только похвального слова Ломоносова. Ни одинъ изъ

современниковъ Петра, даже изъ тѣхъ, которые были горячими защитниками его дѣяній, не сумѣлъ отнестись къ нему съ практической, государственно-общественной, точки зрења, не сумѣлъ соединить всѣ выдающіяся черты его личности и дѣятельности въ одинъ яркій, реальный образъ, выдвинувъ на первый планъ именно тѣ стороны, которыхъ всего болѣе заслуживали вниманія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ на слово Гавриила Бужинскаго, произнесенное 28-го января 1726 года, которое, по свидѣтельству Новикова, „столько тогдашними слышателями было уважено, что, кроме россійскаго тиcenія, трудами бывшаго тогда въ Санктпетербургѣ англичанскаго пастора Фомы Консетта¹⁾ въ пользу иностраннѣхъ и на латинскій діалектъ переведено и въ Берлинѣ въ 1726 году напечатано“. Слово это и по тону, и по приемамъ чрезвычайно похоже на риторическія упражненія Стефана Яворскаго. Указавъ на общую печаль по поводу смерти царя — „отца отечества,— проповѣдникъ находить нужнымъ „разсудити, что есть смерть, едина-ли она есть, или многія суть на насть смерти; каковаго она рода и фамиліи, кто ея отецъ“ и даже описать ея наружность: „иконописцы ю пишутъ безтѣлесну, токмо едиными высокими kostями состоящую, и не много бы отъ ея вкуса въ кушаны, чается, накипѣло“. Обо всемъ этомъ говорится довольно пространно, для того, чтобы доказать, что коса смерти „нашла на камень Христа Господня“, вслѣдствіе чего Петръ Великій, „аще и умре, но живъ есть, предлежитъ во гробѣ тѣломъ, но живеть Богови, живеть богохранимой своей фамиліи, живеть любимому своему отечеству“ и царствуетъ въ Россіи въ лицѣ Екатерины. „Се уже имаши, Россіе, пластырь на сердечную язву твою!“ воскликнѣаетъ проповѣдникъ, заключая свое слово самю братию, самю общую характеристику Петра, въ которой говорится больше о его твердой вѣрѣ, чѣмъ о его дѣлахъ, и внушается слушателамъ, что они должны подражать его вѣрѣ, чтобы, умирая тѣлесно, избѣжать смерти духовной²⁾.

Вмѣстѣ съ Петромъ Великимъ Феофанъ похоронилъ лучшую, самую блестящую пору своей литературной дѣятельности, ту пору, когда дарованія его раскрылись во всей своей полнотѣ. Связанный съ царемъ-преобразователемъ единствомъ основныхъ убѣждений, бывшій его совѣт-

¹⁾ *Consett*, авторъ сочиненія «The present state and regulations of the church of Russia», 2 vols. London, 1729.

²⁾ Проповѣди Бужинскаго, 224—263.

никомъ и однимъ изъ самыхъ умѣлыхъ исполнителей его воли, Феофанъ въ этомъ періодѣ дѣйствовалъ почти самостоятельно, не стѣсняясь никакими вѣшними препятствіями, не имѣя никакой задней мысли. Побѣда въ борбѣ съ людьми стариннаго закала давалась ему легко, да и сами эти люди не смѣли открыто выступать противъ него, видя, что онъ дѣйствуетъ подъ защитою „долгихъ рукъ царскихъ“; протестъ могъ выражаться только въ глухомъ ропотѣ, да время отъ времени—въ подметныхъ письмахъ — этомъ единственно возможномъ въ то время способѣ полемики съ официальной литературою. Обстоятельства, при которыхъ Феофану пришлось дѣйствовать въ теченіе послѣдніхъ 11-ти лѣтъ своей жизни, имѣли, какъ увидимъ ниже, совершенно иной характеръ.

Съ вступленіемъ на престоль Екатерины I положеніе Феофана не измѣнилось; напротивъ, какъ одинъ изъ людей, болѣе всего содѣйствовавшихъ (конечно, по личнымъ причинамъ) воцаренію Екатерины, онъ пріобрѣлъ, въ первое время, сильное вліяніе и даже, какъ известно, успѣлъ погубить новгородскаго архіепископа Феодосія Яновскаго и занять его мѣсто. Правда, ему приходилось заискивать передъ Меншиковымъ,—передъ тѣмъ, кого онъ нѣкогда обѣщалъ восхвалять вѣчно, а теперь, въ интимныхъ разговорахъ, называлъ „недобрымъ человѣкомъ, который многими злости дѣлаетъ, а показывается богомоль“¹⁾; но Феофанъ не грустилъ недостаткомъ той диссимулациіи, которую восхвалилъ въ Петрѣ Великомъ и того умѣнья наружно согласовать свои поступки съ желаніемъ сильныхъ міра сего, — умѣнья, котораго зачастую не хватало у его соперниковъ. Впрочемъ, Феофану не долго пришлось оставаться въ покой: Меншиковъ, не смотря на заискиванія новгородскаго архіепископа, началъ смотрѣть на него косо, явно благоволилъ представителю староцерковной партіи, ростовскому архіерею Георгію Дашкову, и провелъ его въ синодъ, въ качествѣ „третьаго члена“ (первымъ былъ Феофанъ, вторымъ — Феофилактъ Лопатинскій, относившійся къ Прокоповичу, какъ мы видѣли, не особенно дружелюбно). Съ появлениемъ въ синодѣ Дашкова — человѣка честолюбиваго и невавидѣвшаго малороссійскихъ архіереевъ — между нимъ и Феофаномъ неизбѣжно должна была начаться борьба, и она началась, какъ на почвѣ общихъ уѣждений, такъ и еще болѣе на почвѣ личной, въ слѣдующемъ же, 1726 году, доносомъ Марьелла Родышевскаго „о непри-

¹⁾ Чистовичъ, 203—204.

стойныхъ словахъ и церковныхъ противностахъ“ Феофана, которому пришлось отписываться и оправдываться даже отъ такихъ обвинений, что онъ „сказывалъ, будто при успеніи Богоматери апостолы на облакахъ собраны не были“. Тайная канцелярія взѣшивала богословскіе аргументы противниковъ и гѣшала, кто изъ нихъ мыслить согласно съ православнымъ ученіемъ... Не смотря на подробныя объясненія, данные Феофаномъ по поводу „Маркеллова мятежнаго письмовѣданія“, императрица указала „впередъ ему, архіерею, противностей св. церкви, какъ показалъ на него онъ архимандризъ, никакихъ не чинить, но имѣть бы чистое и безсоблазненное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ, также въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ чтобы ни малой отмѣны не чинилъ передъ великороссійскими архіереи; а ежели онъ въ противности св. церкви по чьему изобличенію явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ“.

Это было первое предостереженіе, для Феофана, очевидно, совершенно неожиданное. Выслушавъ этотъ указъ, онъ былъ такъ пораженъ, что когда ему приказали росписаться: „Сей его императорскаго величества указъ слышалъ я, Феофанъ“, и пр., то онъ, отъ волненія, пропустилъ въ этой подпискѣ слово „указъ“¹⁾.

Эти обстоятельства достаточно объясняютъ, почему литературная дѣятельность Феофана въ это время не представляетъ такого разнообразія и обилия произведеній, какъ въ царствованіе Петра Великаго. Ему приходилось писать очень много, но не проповѣдей и трактатовъ, а разсужденій на темы, задаваемыя Тайною канцеляріей,— приходилось доказывать свою невинность и виновность своихъ противниковъ. Борьба, начавшаяся въ 1726 году, продолжалась до послѣдняго дня жизни Феофана; на нее онъ потратилъ весь запасъ своего таланта и остроумія, все свое умѣніе „разбирать, разсуждать и проницать утромы“ людей, всѣми силами стравившихся его уничтожить. Нужно прочесть эти документы, сохраненные архивами страшной канцеляріи, чтобы видѣть, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ изворотливый умъ Феофана въ самыхъ ничтожныхъ словахъ находить „годное въ истязанію“,—чтобы понять, что ойтъ не даромъ прошелъ школу іезуитскихъ контроверсій. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и трудолюбіемъ Феофанъ разбираетъ каждое слово, каждую

¹⁾ Членія Общ. Ист. и Др., 1862, кн. I, отд. II. 51.

букву въ „тетрадяхъ“ и „доказательствахъ“ своихъ противниковъ, неутомимо пишетъ листъ за листомъ, и его труды увѣчиваются успѣхомъ: десятки людей водятъ въ застѣнкѣ по спицамъ, поднимаютъ на дыбу, бьютъ кнутомъ и батогами „нешадно“, ссылаютъ „неисходно“ въ отдаленнѣйшіе монастыри, ведутъ на плаху... Мы не будемъ касаться подробностей этой продолжительной борѣбы, представляющей очень краснорѣчивую и характерную страницу въ исто-рии русского общества; она подробно, по источникамъ разсказана въ книгѣ г. Чистовича; мы обратимъ внимание только на тѣ ея стороны, которыхъ имѣли отношеніе къ литературной дѣятельности Феофана, такъ какъ приемы, имъ впервые внесенные въ литературные отно-шенія и нашедшие у насъ такое обширное примѣненіе впослѣдствіи, объясняютъ очень многое какъ въ нашей общественной жизни, такъ и въ литературѣ...

Въ царствованіе Екатерины I литературная дѣятельность Феофана ограничивалась только проповѣдничествомъ. Кромѣ двухъ, раз-смотрѣнныхъ нами выше, проповѣдей, посвященныхъ Петру Вели-кому, онъ произнесъ еще слово въ день воспоминанія коронаціи Ека-терины, 7-го мая 1726 года¹⁾. Проповѣдь эта, въ сущности, пред-ставляетъ повтореніе главной темы „Слова о власти и чести цар-ской“: Феофанъ снова поднимаетъ вопросъ: „что дѣло монарховъ и какое подданныхъ должноство“, а затѣмъ объясняетъ „коликую по-дала намъ пользу августы нашей коронація и колиаго требуетъ отъ насъ Богу благодаренія“. Сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи и значеніи короны, онъ останавливается на томъ, что корона озна-чаетъ славу и честь, и что честь эта выражается въ св. писаніи тѣмъ, что цари называются богами. Отсюда слѣдуетъ, что они „ни-коей по Божїи власти не подлежать, ни каковому суду о дѣлѣхъ своихъ отвѣтствовати не должны, отнюдь на земли не судими и неприкосно-вении,—что и другимъ доводомъ въ книжicѣ „Правда воли монар-шай“ прежде отъ насъ показано“. Отсюда же слѣдуетъ, что всѣ под-данные должны безпрекословно повиноваться царю и ни въ какомъ случаѣ не роптать на него. Феофанъ приводить, по этому поводу, стихъ Эвклезіаста: „Въ совѣсти твоей не кляни царя, и въ клѣти ложинцы твои не кляни богатаго, яко птица небесная донесеть гласъ твой“. Этотъ стихъ онъ повторялъ и впослѣдствіи, охотно принимая

¹⁾ Слова и Рѣчи, II, 171—192; въ первый разъ напечатано въ С.-Пб. 25-го июня 1726 года.

на себя роль небесной птицы, когда это было для него выгодно, и оправдывая свой образъ дѣйствій подобающими текстами.

Послѣ этого общаго разсужденія, Феофанъ обращается къ коронаціи Екатерины и доказываетъ, что Петръ короновалъ жену свою „не ради вѣкіхъ персональныхъ своихъ или склонностей, или интересовъ, но ради всенародной пользы и отъ многихъ бѣдъ предохраненія“, и, конечно,—„по особому въ семъ дѣлѣ смотрѣнію Божію“. Наконецъ, проповѣдникъ находитъ нужнымъ остановиться на „прекрасловіи таковыхъ малконтентовъ, которія косыма очима на сынишь, въ женской десницѣ держимый, смотря, и не обрѣтая никакового на владѣтельство сіе порока, тѣмъ единимъ порицати дерзнутъ, что женское есть, и невѣждамъ оное показуя, аки бы не бывалое и неприличное, могутъ смущати сердца простал“¹⁾. Отвѣтъ на такое возраженіе, конечно, было необходимо, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ женщина не занимала русскаго престола. Феофанъ приводить „многія царствовавшихъ женъ екземпли или образы“ въ доказательство того, что царствованіе женщины не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго: „Не видать сего тіи, которія въ исторіяхъ не обучаются, и не дивно то; дивно, что многіи суть, которіи чего не вѣдаютъ, о томъ, аки бы и никогда не бывало, помышляютъ; но таковыхъ и прочихъ невѣжество отселѣ безотвѣтно будетъ“.

Другое слово, касающееся Екатерины и произнесенное 16-го мая 1727 года, было — слово надгробное ¹⁾). Феофанъ выхваляетъ Екатерину, и сравнивалъ ее съ Петромъ Великимъ, находитъ, что она, какъ при жизни царя, такъ и послѣ его смерти, была вѣрною его помощницей и исполнительницей его предначертаній. Потеря Россіи велика; но Богъ не до конца прогнѣвался на насть, и отнявъ у насть Петра и Екатерину, далъ намъ юнаго императора — Петра Втораго который, дасть Богъ, будетъ вторымъ Петромъ Великимъ. „Ты исѣтиши болѣзни наша, ты отрешь слезы сѣтующей Россіи“, обращается проповѣдникъ къ 12-лѣтнему императору, — „отъ тебе надѣемся сладкихъ и здравыхъ плодовъ истиннаго правосудія, государственнаго тихомирія, благоутробная ко всѣмъ милости и всенародного исправленія и благосостоянія“, и т. д.

На дѣлѣ, однакоже, новое царствованіе не могло быть утѣшитель-

¹⁾ Напечатано 14-го іюна 1727; Слова и Рѣчи, II, 193—201. Въ вѣмѣцкомъ переводе находится у *Martini, Nachricht aus Russland* (Francf. и Lpz. 1731), S. 223—232.

нимъ для Феофана. На престолъ вступилъ сынъ злополучнаго царевича—того самаго, противъ котораго Прокоповичъ гремѣлъ въ своихъ проповѣдяхъ, гибель котораго онъ оправдывалъ въ ученомъ трактатѣ,—сынъ человѣка, имѣвшаго „великое пристрастіе къ попамъ“, то-есть, къ староцерковной партии. Эта партия подняла теперь голову. „Смерть Петрову“, пишетъ авторъ „Молотка на Камень Вѣры“,—„воскресоша паки Яворскаго единомышленники: Феофилактъ Лолатинскій, епископъ Тверскій, Георгій Дашковъ, такожъ епископъ Алексѣй Титовъ Коломенскій помощю сувѣрныхъ, паче же Петру и отечеству невѣрныхъ рабовъ, вступя въ синодъ, все доброе сѣмя исторгнули и, по своимъ прихотямъ прилежа, о тиранствѣ панежискомъ трудились; изъ которыхъ добрый пастырь стада кобыль, Дашковъ, уже таъ близко былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось“¹⁾). Реакція въ пользу старины дѣлала быстрые успѣхи. Взглядами новаго правительства на прошедшее и настоящее, естественно, руководила мысль о несчастной участіи царевича Алексѣя и нерасположеніе къ Петру Великому и его ближайшимъ помощникамъ, въ числѣ которыхъ Прокоповичъ выдѣлялся рѣзко. Столицею государства опять слѣдалась Москва; Петербургъ—созданіе Петра Великаго—забыть; царица Евдокія Федоровна торжественно возвращена ко двору, и людямъ, ее осуждавшимъ, пришлось теперь гнуться и заискивать передъ нею. Иностранные резиденты сообщали своимъ правительствамъ, что Русское государство скоро возвратится въ прежнее свое состояніе, и что великия предприятия Петра I скоро разлетятся прахомъ. „Полудержавный властелинъ“ Меншиковъ, старавшійся упрочить свое шаткое положеніе при новомъ дворѣ, не могъ простить Феофану обиднаго отзыва и явно былъ на сторонѣ его враговъ; всѣ сочиненія, въ которыхъ говорилось что-либо противъ царевича Алексѣя, были запрещены, а въ томъ числѣ и „Правда воли монаршой“, на которую правительство ссылалось за два мѣсяца передъ тѣмъ²⁾; Феофану пришлось первымъ поставить свою подпись на синодскомъ протоколѣ обѣ отборніи и уничтоженіи этой книги³⁾). Даже типографіи, въ во-

¹⁾ Чистовицъ, 397—398.

²⁾ Въ манифестѣ 27-го мая 1727 года, о видахъ Антона Девіера и товарищѣ. П. С. З., VII, 5084.

³⁾ Указъ верховнаго тайного совѣта, 26-го июля 1727 г., въ П. С. З., VII, 5131; дѣло арх. св. синода, типогр., 1727 г., № 4, протоколъ 28-го июля; Пекарский, Н. и Л., II, 664—665; Чистовицъ, 223—224.

торыхъ, при Петрѣ I, напечатана большая часть сочиненій Феофана,— и тѣ были закрыты, и впередь велико церковныя книги печатать подъ наблюденiemъ синода въ Москвѣ, а гражданскія — тоже не иначе, какъ съ аппропбацией синода — въ Петербургѣ, при академіи наукъ. „Мое положеніе“, писалъ Феофанъ въ это время одному изъ русскихъ архіереевъ, — „было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено... казалось, я находился уже въ царствѣ молчания“. Паденіе Меншикова (октябрь 1727) облегчило Феофана, выразившаго въ своихъ письмахъ чрезмѣрную радость по поводу этого событія и не пощадившаго при этомъ прежняго своего милостивца. Говоря о Меншиковѣ, онъ какъ будто даже затрудняется подобрать достаточно сильныхъ выраженій для того, чтобы выказать всю свою ненависть къ временщику, передъ которымъ еще наканунѣ сгибался до земли: онъ называетъ его нечестивѣйшимъ тиранномъ, безразсудѣйшимъ человѣкомъ, воплощеніемъ порока, негоднѣйшею изъ всѣхъ двуногихъ тварей (*omnium bipedum nequissimus*). „Онъ былъ возведенъ почти до царскихъ палатъ и выказалъ столь же великую неблагодарность, сколь велики были оказанныя ему благодѣянія... Взирая на судьбы божественнаго промысла, я, въ глубинѣ души, былъ убѣжденъ, что близокъ уже часъ, когда Богъ ниспровергнетъ этого атеиста, возвышившагося до вершины могущества и преступленій. И вотъ, мы видимъ, что такъ и случилось. Этотъ колосъ, выросшій изъ пигмея, оставленный своею фортуною, которая довела его до опьяненія, упалъ съ величимъ шумомъ... Богъ, воскрешающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іакова, разрушилъ совѣты нечестивыхъ и, сомкнувши уста зіявшаго на насъ земного тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному своему милосердію“, и т. д. ¹⁾.

Но противники Феофана не дремали. Дашковъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы достичь патріаршества; существуетъ изгѣстіе, что изъ верховнаго совѣта былъ даже посланъ въ синодъ запросъ о томъ, „можно ли въ нынѣшнее время быть въ Россійской церкви патріарху“, и что на этотъ запросъ отвѣчалъ Феофанъ, приводя „важные ре-
зыны“ въ доказательство невозможности возстановленія патріаршества ²⁾. На Феофана, какъ на главнаго дѣятеля и представителя церковно-административной реформы, направлены были удары партій, ния которой было—легіонъ, а орудіе—тотъ же Маркелль Родышев-

¹⁾ *Epistolae*, pp. 63—64, 69—73; *Труды Кіевск. Ак.* 1865, № 4, стр. 596—600.

²⁾ *Русск. Арх.*, 1863, стр. 705—706.

скій, отъ которого Феофанъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ отдѣлаться. Въ доношеніяхъ, подаваемыхъ на имя императора, Маркелль увѣрялъ, что Феофанъ ересіархъ, Гавріилъ Евреянинъ, Кроникъ злобный и иные, симъ подобные, собирающе суть злочестивое¹⁾ перечислялъ всѣ сочиненія Прокоповича, и доказывалъ, что его ученикъ „многіе могутъ кальвинскую и лютеранскую ересью заразится и отъ церкви отпади“, просилъ всѣ эти сочиненія (и конечно, самого ихъ автора) „отъ церкви святой отрыгнуть и воничтожить“²⁾. Феофану снова пришлось отписываться и оправдываться; на этотъ разъ онъ выступилъ уже обвинителемъ Маркелла въ государственномъ преступлении—въ поношении чести Петра Великаго, по указу и съ одобреніемъ котораго издавались книги, обличаеыя Маркелломъ въ разныхъ ерсахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, придавая своей борьбѣ съ Маркелломъ характеръ борьбы науки съ невѣжествомъ, Феофанъ доказывалъ, что Родышевскій превосходить „оныхъ лжеучителей, Аввакума съ товарищи, которые сдѣлали расколъ, безчисленными душами пагубный и того ради велими плачевныи“,—превосходить ихъ потому, что „хотя и весьма грубый и иенаученный есть, и скѣта учений, по природной своей тупости достать отнюдь не могъ и не можетъ, но понеже слышится, что онъ въ училищахъ былъ и самъ безстудно о томъ хвалится, можетъ у простыхъ получить о себѣ мнѣніе высокаго мудреца, и потому могутъ невѣжки удивиться разказамъ его“. Этимъ Феофанъ достигъ своей цѣли: ему удалось „убрать“ Родышевскаго, хотя только на время, „до указу“.

Зашитникомъ и покровителемъ Прокоповича въ эту, трудную для него, пору былъ Остерманъ, воспитатель молодого императора. За Феофана, по справедливому замѣчанію Соловьевъ³⁾, были люди, которыми дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, люди, въ глазахъ которыхъ ударъ Феофану былъ также-лимы ударомъ этому просвѣщенію; можно сказать, что въ глазахъ этихъ людей, для которыхъ новый порядокъ вещей представлялся светомъ въ сравненіи съ тьмою,—что въ глазахъ этихъ людей Феофанъ былъ наследникомъ Петра, главнымъ носителемъ идеи преобразованія въ смыслѣ образования... Низверженіе ученьшаго епископа Новгородскаго было бы, въ глазахъ этихъ людей и въ глазахъ Европы,

¹⁾ Некарский, Н. и Л., I, 236.

²⁾ Чистозичъ, 230—244.

³⁾ XIX, 127—128.

самымъ вѣрнымъ знакомъ разрушения дѣла Петрова и возвращенія къ прежнему варварству; но подать этотъ знакъ никакъ не могли согласиться люди, у которыхъ не сколько съ языка, по крайней мѣрѣ официально, имя Петра Великаго. Остерманъ, разумѣется, не могъ желать ни возстановленія патріаршества, ни вообще поворота къ старинѣ и въ этомъ вполнѣ сходился съ умнымъ и ловкимъ архіереемъ. Оба они были дѣти однихъ и тѣхъ же условій извѣстнаго времени и должны были подать другъ другу руки для поддержанія того направлѣнія, которое ихъ воспитало. „Феофанъ Прокоповичъ“, говорить Соловьевъ¹⁾, — „могъ быть свергнутъ только такимъ же Феофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи“.

Въ 1727 году Остерманъ составилъ краткіе учебные планы для занятій съ царемъ различными науками; книжка эта издана въ томъ же году подъ заглавіемъ: „Расположеніе ученій е. и. в. Петра Втораго“, и пр.; въ концѣ ея (стр. 67—82) помѣщено „мѣніе“ Феофана, „каковыми образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянородного отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ“. Эта программа преподаванія закона Божія представляетъ, въ сущности, популярно изложенію (и разумѣется, значительно сокращенную) программу Феофанова богословскаго курса: сначала приводятся доказательства бытія Божія и божественнаго происхожденія Св. Писанія, затѣмъ „разрушаются неправые законы и ереси“ (то, что въ курсѣ составляетъ предметъ введенія); далѣе излагается положительное ученіе о Богѣ и его свойствахъ (*de Deo ad intra*) и догматы православной вѣры.

Феофанъ, не удовлетворяясь этими теоретическими разсужденіями, сдѣлалъ попытку осуществить ихъ на практикѣ и съ этой цѣлью написалъ небольшой катехизис или „Краткое ученіе христіанское, малому отроку и невѣжѣ всякому прислушающе, бесѣдами учителя и ученика составленное“²⁾. Въ предисловіи Феофанъ говоритъ, отъ имени учителя, что книги вообще бываютъ вредныя и полезны; слѣдуетъ осторегаться первыхъ и читать послѣднія. Изъ нихъ же одни полезны для жизни временной, другія — для жизни вѣчной. Послѣднія составляютъ библію; следовательно, ее необходимо читать и почитать болѣе всѣхъ другихъ книгъ. Но для того, чтобы читать и понимать ее, нужно предварительно „познать сокращенное сказаніе основа-

¹⁾ Тамъ же, 186.

²⁾ Находится въ рукописи П. Библиотеки, изъ собр. Погодина, № 1175.

тельного (то-есть, основного) въ книгахъ сихъ ученія", которое и излагается въ катехизисѣ кратко и ясно, по довольно своеобразному методу: ученикъ задаетъ учителю разные вопросы (расположенные, конечно, систематически); учителъ отвѣтываетъ и объясняетъ; затѣмъ, по окончаніи каждого отдѣла, учителъ начинаетъ спрашивать тѣми же вопросами, какіе дѣлалъ прежде ученикъ, а послѣдній отвѣтываетъ словами учителя.

Катехизисъ Феофана и планъ преподаванія закона Божія моло-
дому царю заслужили хвалебные отзывы со стороны жившихъ въ
Россіи иностранцевъ. Бассевичъ писалъ, что это произведение „заслу-
живаетъ удивленія и можетъ быть образцовымъ во всякой религії“;
въ 1731 году Шумахеръ сообщалъ въ Москву академику Гроссу:
„Наставление pro rorphyrogenito риего его преосвященства будетъ
напечатано, согласно переданному вами приказанию; только не из-
вѣстно ли вамъ, позволяетъ ли намъ также напечатать это настав-
ление по нѣмецки? Это такое произведение, которое доставить много
удовольствія иностранцамъ“. И дѣйствительно, оно скоро было пере-
веденено на нѣмецкий языкъ ¹⁾.

Стараясь упрочить свое пошатнувшееся вліяніе, Феофанъ не упус-
каль ни малѣшаго случая, чтобы сдѣлать государю что-нибудь пріят-
ное и тѣмъ расположить его къ себѣ. Въ январѣ 1728 года Петръ II
посѣтилъ Новгородъ. Феофанъ, встрѣчая его во главѣ всего духо-
венства, вывелъ съ собою „малыхъ отроковъ“, которые привѣтство-
вали цара рѣчью, указывая, что и „пастыри ихъ“ желаетъ ему много
жѣть жить и царствовать. Затѣмъ, Феофанъ предложилъ царю уго-
щеніе „въ великосредней архіерейской палатѣ, которая была укра-
шена—потолокъ и стѣны—сдѣланными лавровыми вѣтвями дивно въ
узорь, померанцевыми и апельсиновыми яблоками, висящими въ ихъ
листвахъ... Во время обѣда играла музыка въ другой палатѣ; при
столѣ его величества пѣли собственные архіерейскіе пѣвчіе псалмы
Давидовы, къ царевымъ лицамъ написанные, такожде и многоглѣт-
ствія. По окончаніи же стола раздаваны отъ его преосвященства
изданные на латинскомъ языкѣ печатные вирши, къ предше-
ствію восприятія короны е. и. величества“. Вечеромъ была иллюми-
нація и фейерверкъ ²⁾.

¹⁾ Русск. Арх., 1865, стр. 621; Пекарскій, Ист. Ак. Н., I, 519. «Vorschläge
wie ein Printz in der christlichen Religion solle unterrichtet werden», s. l. et a., 8°.

²⁾ Др. Росс. Библіоека, изд. 2-е, IX, 484—494.

Латинская ода Феофана, написанная однимъ изъ любимыхъ метровъ Гораций, напечатана въ „Miscellanea Sacra“¹⁾). Передадимъ ея содержание.

„Си ѿши, подъ покровомъ Божества, туда, куда оно благосклонно призываетъ тебя; си ѿши, Москва нетерпѣливо ждетъ тебя, готова тебѣ царскій вѣнецъ; тебя охраняютъ ангелы; къ тебѣ широкими потоками отовсюду стекается народъ, жаждущій тебя увидѣть,—пустѣть города и деревни, всѣ бѣгутъ на дорогу, у всѣхъ одно желаніе—насладиться твоимъ лицезрѣніемъ, увидѣть тебя въ порfirѣ, на царскомъ престолѣ. На этомъ престолѣ ты авишь собою примѣръ справедливаго и мудраго суды, карающаго преступленія, коварство, хитрость и обманъ; ты твердою рукою поразишь вредоносную клевету и ненасытное любостяжаніе, и унизишь горделивые замыслы (намекъ на Меншикова); насть же, людей, которые проявляютъ простосердечную преданность и святую вѣрность царю и Богу, ты будешь всегда имѣть своими ближними совѣтниками (намекъ на себя самого). Злодѣй не посмѣть приблизиться къ твоему порогу, и быстро удалится въ изгнаніе. И такъ, взойди на тронъ, возьми сильною рукою наследственный скіпетръ, и будь вторымъ Петромъ Великимъ. А ты, о Боже! дай, чтобы все это исполнилось ко благу общему.

„Такъ пѣмъ, послѣдняя на встрѣчу, смиренный Феофанъ“²⁾.

Въ Москвѣ Прокоповичъ снова встрѣтилъ царя привѣтственной рѣчью отъ лица всего духовенства; онъ же совершилъ, 25-го фев-

¹⁾ Стр. 150—153. Вотъ первыя строфи оды:

Contende felix, auspice Numine,
Quo te serenis nutibus evocat,
Votisque perducit tuorum,
Petre, decus columenque nostrum.
Te Mosqua summo poscit anhelitu,
Sanctumque, coeli consilio, decus
Offerre festinet, tnaeque
Laeta parat diademma fronti, etc.

²⁾ При этомъ Феофанъ показалъ свое искусство и въ составленіи стихотворныхъ игрушекъ, какія были въ ходу въ Киевской академіи въ его время: онъ приписалъ въ концѣ оды еще два стиха, гензаметромъ, для обозначенія, римскими буквами-цифрами, года ея написанія:

ReX regVM Petro sanCIVIt regna seCVnDo (=1727),
nVnC DeCVs IMperII trlbVIt bonVs arbiter J;sl (=1727).

рала, обрадъ коронаціи, при чемъ снова произнесъ очень льстивое привѣтствіе¹), представляющее, въ главныхъ чертахъ, повтореніе латинской оды.

Кстати объ этой послѣдней. Тредіаковскій, въ первомъ изданіи *‘своего „Рассужденія о одѣ вообще“*, вышедшемъ еще при жизни Феофана (1734 г.), далъ о ней чрезвычайно восторженный отзывъ. Феофанъ, по словамъ его, *„какъ другой Гораций, толь благородно и высоко, славно и великолѣпно вознесся въ своей предражайшой одѣ...“*, что Гораций бы самъ, посмотрѣвъ ону, въ удивленіе пришелъ, и тужь бы его преосвященству справедливость похвалы учинилъ, которую я ему теперь отдалъ. Я когда приѣхалъ изъ Франціи въ С.-Петербургъ и черезъ帮忙 одного мнѣ друга лишь впервые стала читать сообщенную мнѣ ту оду, и почувствовалъ энтузиазмъ ее превысокий, то въ толь великий энтузиазмъ удивленія и самъ пришелъ, что не могъ, съидѣтельствуясь совѣстю мою, удержаться, чтобы съ дважды или съ трижды не вскричать: Боже мой, какъ эта ода хорошо и мастерски сдѣлана!... Однако впослѣдствіи, въ 1752 году, когда автора этой оды давно уже не было на свѣтѣ, Василій Кирилловичъ, перепечатывая свое разсужденіе въ *„Собраниі сочиненій и переводаў“*, счелъ нужнымъ этотъ восторженный отзывъ вовсе исключить²).

Феофанъ написалъ манифестъ о коронаціи; но участіе его въ этомъ торжествѣ проявилось еще и другимъ, довольно оригинальнымъ образомъ: для вѣзда царя въ Москву строились триумфальные ворота, и Феофану, какъ человѣку, знающему толкъ въ *„исторіяхъ“*, приказано было отъ верховнаго тайного совѣта сочинить къ этимъ воротамъ эмблемы, что онъ и исполнялъ вмѣстѣ съ Феофилактомъ Лопатинскимъ³). Это былъ, вирочемъ, не первый приимеръ подобнаго рода; еще при Петре Великомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось что-нибудь *„ко украшенію изобрѣсти“*, обращались къ синоду, потому что тамъ сидѣли люди ученые, которые могли выдумать все, что нужно. Такъ, въ 1721 году, по случаю заключенія Ништадтскаго мира, царь указалъ построить въ Москвѣ триумфальные ворота, а *„рисунки тѣмъ вѣмъ воротамъ и проблемы (?)“*,

¹⁾ Эта рѣчи напечатаны въ собр. словъ и рѣчей Феофана, II, 221—227.

²⁾ Пекарскій, Ист. Ак. Наукъ, II, 46, 47.

³⁾ Чистовичъ, 228

какъ гдѣ пристойно,—сочинить въ духовномъ синодѣ¹⁾). Мы имѣемъ отъ царствованія Петра II еще два свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что Феофану (какъ впослѣдствіи — Ломоносову) приходилось заниматься рѣшенiemъ такихъ „ученыхъ“ задачъ. Это—письма его въ „сіательнѣйшему и превосходительнѣйшему господину“, по всей вѣроятности—къ Остерману. Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ въ 1728 году, Феофанъ говоритъ:... „Изволите требовать отъ меня изобрѣтенія иѣкої эмблемы на фейерверкъ въ честь е. в. великой книжны (то есть Наталии Алексѣевны, сестры Петра II), въ день рожденія ея; и я, любовь превосходства вашего за утвержденіе моей къ вамъ любви имѣя, на толь честное и важное ваше требование охотно склонась, сколько могъ, о требуемомъ изображеніи помыслихъ. И пришло мнѣ на память, что у древнихъ поэтовъ луна сестрою солнцу нарицается; известно же, что луна отъ солнца свѣтъ свой пріемлетъ; и того ради показалася мнѣ не неприличная торжествованію сему эмблема: въ концахъ полусфера земной на одной сторонѣ—солнце, а на другой—луна, отъ солнца просвѣщаема, въ знаменованіе сестры государевой, славу свою отъ государя, брата своего, имѣющей; и надъ ними—треугольникъ сіяющій, свѣтъ, всѣхъ свѣтлостей виновный, съ надписаніемъ, на три мѣста различнымъ: „отъ того, чрезъ сего, свѣтъ мой“.

Изъ этого видно, что въ фейерверочной изобрѣтательности учёный богословъ и публицистъ-проповѣдникъ не уступалъ какому-нибудь Штелину..

Другое письмо къ тому же Остерману было вызвано приготовленіями къ свадьбѣ Петра II, въ 1729 году. Оберъ-гофмейстеръ спрашивалъ ерхіерея, какие вѣнцы находить онъ болѣе удобными для предстоящей церемоніи. Феофанъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, счѣлъ нужнымъ пуститься въ пространное разсужденіе о происхожденіи вѣнцовъ, съ цитатами изъ сочиненій митрополита Оневскаго, изъ Евкологія (требника) греко-латинскаго, Якова Гоара, и даже изъ Сидонія Аполлинарія, съ указаніями на обычай и обряды еврейскіе, греческіе, грузинскіе, и т. д., все это для того, чтобы въ концѣ вѣнцовъ предложить самую обыкновенную вещь—„подѣлать корона“ съ обрамленіями, потому что въ нашихъ церквяхъ употребляются вѣнцы, похожіе на царскіе²⁾.

¹⁾ П. С. З., VI, 3830.

²⁾ Оба эти письма напечатаны въ *Маякѣ* 1842, т. I, смѣсь, 122—124; послѣднее, кроме того, въ *Московитинѣ* 1852, № 22, и въ *Трудахъ Кіевск. Акад.* 1865, стр. 611—613.

Неблагоприятныи виѣшнія обстоятельства роковыи образомъ ото-
звались на литературной дѣятельности Феофана. Проповѣди, произ-
несенные имъ въ царствование Петра II, служатъ этому доказатель-
ствомъ. Въ нихъ проповѣдникъ уже не является, какъ прежде, ора-
торомъ-публицистомъ, смѣло берущимся за обсужденіе важнѣйшихъ
общественныхъ вопросовъ своего времени; напротивъ, онъ всѣми си-
лами старается удержаться въ предѣлахъ церковнаго поученія на
отвлеченные евангельскіи темы, вернуться въ той порѣ, когда онъ
только что начиналъ свою проповѣдническую дѣятельность и произ-
носилъ въ Киевѣ свои первыи „orationes asceticae“. Но привычка къ
практической, реальной постановкѣ всакаго рода вопросовъ, хотя бы
самыхъ отвлеченныхъ, не смотря на все противодѣйствие, береть
свое и въ рѣчи Феофана, правда—только изрѣдка, прорывается, на-
рушая постно-благочестивый тонъ, бойкая фраза, мѣткое сравненіе,
юмористическая выходка. Такова, напримѣръ, уже цитированная нами
выше характеристика раскольниковъ въ словѣ въ день Петра и Павла
(1728 г.). Въ этой же проповѣди Феофанъ, говоря осуемудріи, указы-
ваетъ въ примѣръ на людей, смотрящихъ на религию только съ
виѣшней стороны: „Что видать, христіаномъ обычное, виѣшнее,—це-
ремоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранити посты
установленныи, весело проводити праздники, вжигати свѣщи, употреб-
ляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣ-
лаютъ, какъ мартышки“, и т. д. Здѣсь же онъ нападаетъ на „умство-
ваніе любителей невѣжества“, которые полагаютъ, что „всякое спаси-
тельное вѣдѣніе политическому человѣку есть непристойно: извѣ-
ствуемся о семъ отъ того, что часто, когда рѣчь есть о наставленіи
благородныхъ дѣтей, слышимъ голосы, что дѣтей таковыхъ св. пи-
санію обучати не надлежить, и что поповское то дѣло, попамъ о
томъ мороковать должно. О, голосы безумны!“ восклицаетъ про-
повѣдникъ, — „о, рѣчи безстудныи и богопротивныи! Тебѣ же, госпо-
дине добрый, для того, что господинъ ты, стыдно знати спасительный
о насть промисль Божій?“ и т. д. Обращаясь къ царю, Феофанъ вну-
шаетъ ему о необходимости заботиться о вѣчномъ спасеніи народа, —
„да не возникаютъ безбожія, да не умножаются буесловія, ереси, раз-
доры, суетлія, да не будетъ въ людяхъ и душевредное безстрашіе,
и словомъ реши—да не возстанутъ передъ нами окаянныи мудрецы,
но да процвѣтаютъ боголюбиви младенцы“ ¹⁾). Ужъ изъ этого можно

¹⁾ Слова и Рѣчи, II, 247, 249, 256.

видѣть, до какой степени измѣнился общій тонъ Феофана. Не даромъ же Меншиковъ читалъ ему мораль, внушая, что онъ долженъ жить, „какъ всѣ Великороссійскіе архіереи живутъ“; не даромъ и Родышевскій доносилъ на „поученія, не именно въ разныхъ годѣхъ напечатанныя“. Въ трудной и опасной борьбѣ съ многочисленными врагами, Феофану, конечно, было не желательно давать имъ въ руки личнѣй поводъ къ обвиненію или безъ необходимости раздражать ихъ, и безъ того раздраженныхъ, рѣактіями нападками. Феофанъ надѣялся, что счастье опять повернется на его сторону, но до времени находилъ нужнымъ выждать. Онъ выждалъ.

II. Морозовъ.

(Окончаніе будетъ).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА¹⁾.

IV.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ своей статьи мы постарались извлечь и расположить въ порядкѣ все содѣржаніе трехъ монастырскихъ актовыхъ книгъ, изданныхъ въ сборникѣ Миклошича и Мюллера, отмѣтивъ не только то, что важно теперь и можетъ быть пріурочено къ настоящему состоянію византійскихъ знаній, но и то, что можетъ оказаться цѣннымъ въ будущемъ, при сопоставленіи съ новыми имѣющими появиться на свѣтѣ материалами, при ботѣ глубокомъ и широкомъ сравнительному изученіи византійского внутренняго быта. Кромѣ того, слѣдованное нами подробное обозрѣніе всего наличнаго содѣржанія Вѣнскаго сборника должно было восполнить недостатки или пробѣлы этого изданія, которые дѣлали его почти недоступнымъ для пользованія ученыхъ, не имѣвшихъ возможности или желанія погружаться въ специальное изученіе всѣхъ его документовъ по порядку. Теперь мы должны, согласно съ нашей программой, обратиться къ Аеонскимъ актамъ, при чѣмъ предметомъ нашихъ разсужденій могутъ быть только тѣ изъ нихъ, которые уже обнародованы въ печати, то-есть, главнымъ образомъ Акты русскаго Пантелеимоновскаго монастыря; не изданныя сокровища этого рода, находящіяся уже съ давнаго времени весьма не далеко отъ нась,

---

¹⁾ Окончаніе. См. іюльскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

въ двухъ нашихъ столицахъ, все-таки не на столько легко для чашь доступны, чтобы мы могли включить ихъ въ область своихъ занятій.

Для ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано относительно Аеона, и что еще предстоитъ сдѣлать во имя русской ученой чести, мы еще разъ рекомендуемъ въ высшей степени интересное и живое изслѣдованіе нашего молодаго слависта, Т. Д. Флоринскаго, которое онъ самъ назвалъ библиографическимъ разысканіемъ (заглавіе его приведено въ началѣ нашей статьи). Тамъ можно найти исторію знакомства съ аеон-архивами, начиная со временъ нашего путешественника XVIII вѣка, скими пѣшеходца о. Василія Барскаго, и до новѣйшихъ временъ, въ которыхъ эпоху составляютъ дѣятельность преосвященнаго Порфирия (Успенскаго) и экспедиція на Аеонъ П. И. Севастьянова. Г. Флоринскій представилъ наконецъ ученому миру—и въ этомъ его главная заслуга—подробный отчетъ о томъ, что сдѣжалось съ большимъ собраніемъ фотографическихъ снимковъ съ Аеонскихъ актовъ, вывезеннымъ нѣкогда изъ двухъ путешествій на Аеонъ Севастьяновымъ и потомъ какимъ-то страннымъ образомъ затерявшимся въ Россіи. Не г. Флоринскій первый, и не онъ одинъ интересовался этимъ вопросомъ: сколько мы знаемъ, приходили на этотъ счетъ запросы даже изъ-за границы; но никто, кромеъ его, не имѣлъ столько энергіи и настойчивости, чтобы добраться наконецъ до послѣднихъ слѣдовъ и снять съ драгоценныхъ собраній покрышку неизвѣстности (употребляемъ его собственное выраженіе), которая на нихъ лежала въ продолженіе двадцати лѣтъ. Г. Флоринскій имѣлъ, такимъ образомъ, полное право упрекать русскихъ ученыхъ въ равнодушіи и безучастіи къ самымъ близкимъ своимъ задачамъ и обязанностямъ, и сказать то, что написано на стр. 20-й его разысканія: „Право, горько и обидно дѣлается за такое небрежное отношение представителей русской науки къ трудамъ замѣчательнаго путешественника, и просто досадно, что такие цѣнныя материалы остаются неизвѣстными и даже просто теряются“. Не ограничиваясь сѣтованиями, что съ нами довольно таки часто бываетъ, г. Флоринскій не только сдѣлалъ подробное обозрѣніе греческихъ и славянскихъ актовъ собранія Севастьянова, или частей его, отысканныхъ въ Московскому Румянцевскому музеѣ и въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ, но и положилъ начало ихъ изданію въ печати. Исходя изъ своихъ специальныхъ ученыхъ интересовъ, онъ остановился на документахъ, имѣющихъ ближайшее отношение къ славянской, въ частности сербской исторіи временъ Стефана Душана, и напечаталъ въ своей книжкѣ шесть грамотъ этого периода на слав-

вянскомъ языкѣ и семь актовъ на греческомъ языкѣ. И это еще не все. Въ видѣ вполнѣ заслуженной награды за свой благородный пыль и любовь къ ученому дѣлу, г. Флоринскій въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ кто-либо другой, и ближе, чѣмъ кто-либо другой, получилъ возможность познакомиться — все-таки, впрочемъ, съ одною только частицею — другаго обширнаго собранія копій аеонскихъ письменныхъ памятниковъ всякаго рода; мы разумѣемъ старѣшее и еще болѣе обширное собраніе преосвященнаго Порфирия. Вопреки всякимъ слухамъ, ходившимъ въ ученыхъ кружкахъ и даже вопреки распространеннымъ вездѣ обычаямъ ученой ревнивой несообщительности по отношенію ко всему не изданному и рѣдкому, достойный и ученый архипастырь не только доставилъ нашему молодому слависту возможность воспользоваться своимъ собраніемъ для изученія данной эпохи, но и позволилъ теперь же напечатать шесть драгоценныхъ греческихъ актовъ царя Стефана Душана. Такимъ образомъ, г. Флоринскій издалъ тринадцать греческихъ актовъ, ведущихъ свое происхожденіе съ Аеона; мы воспользуемся ими, равно какъ и четырнадцатью хрисовулами, данными монастырю св. Иоанна Предтечи въ городѣ Серѣ (Σερρας) какъ самимъ Стефаномъ Душаномъ, такъ и его родственниками, Византійскими императорами Андроникомъ II и Андроникомъ III¹⁾), при своихъ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ, которыхъ мы намѣрены пріурочить къ актамъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря. Кто дастъ себѣ трудъ прочесть изданную Саюю грамоту Стефана Душана Серскому монастырю вслѣдъ за напечатанными выше десятью грамотами Андрониковъ, тотъ убѣдится, что нѣть никакого различія между хрисовулами, подпісаными Византійскими императорами, и между греческими грамотами Серскаго царя Стефана. Само собою является предположеніе, что и славянскія грамоты Серскіхъ и Болгарскихъ государей должны находиться въ близкомъ родствѣ съ греческими и византійскими актами и могутъ служить къ объясненію послѣднихъ, равно какъ и наоборотъ сами могутъ быть объяснены ими. Нѣкоторые примѣры того мы увидимъ ниже.

Теперь мы возвращаемся къ главному нашему предмету. Сборникъ „Акты русскаго на святомъ Аеонѣ монастыря св. Пантелеи-

¹⁾ Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη ἐπιτάξια К. Н. Сафд. Тόμος I, 201—242. Эти хрисовулы изданы по копіямъ, которые были переписаны въ началѣ XVIII столѣтія патріархомъ Иерусалимскимъ Хрисанеомъ Нотаромъ и сохранились въ manuscr. привадлежащемъ библиотекѣ константинопольской церкви св. Гроба.

мона¹¹ вышелъ въ Киевѣ, въ 1873 году, на средства самой обители, подавшій добрый, но однако до сихъ поръ оставающійся безплодныиъ, примѣръ другимъ афонскимъ монастырямъ. Въ этомъ сборнику заключаются: 32 византійскихъ документа, изъ коихъ самый древній относится къ 1030 году, а самые новые принадлежатъ Константино-польскимъ патріархамъ первой половины настоящаго столѣтія; одинъ сербскій документъ на греческомъ языке, 13 молдаво-влахійскихъ грамотъ на греческомъ языке, 15 сербскихъ грамотъ на сербскомъ языке, 6 русскихъ на русскомъ языке, 3 молдаво-влахійскихъ на славянскомъ языке и 15 молдаво-влахійскихъ по языку, какъ и по принадлежности; всего 86 документовъ. Византійская часть содержитъ въ себѣ малованныя грамоты и царские приказы, юридические и межевые документы, весьма важные и любопытные по содержанію. Греческій текстъ, равно какъ и румынскій, сопровождается параллельнымъ русскимъ переводомъ, и сверхъ того, многіе изъ документовъ снабжены комментаріями, объясняющими темныя и неудобопонятнія выраженія; въ началѣ книги помѣщена краткая исторія самого монастыря. Вообще нужно отдать честь настоятельству почтенной русской обители; оно пришло всѣ мѣры, чтобы сдѣлать свое изданіе всѣмъ доступными и какъ можно болѣе полезными. Русскій переводъ, сдѣланній лицомъ, обладающимъ живымъ знакомствомъ съ современнымъ народнымъ греческимъ языкомъ, составляетъ несомнѣнную заслугу даже и предъ лицомъ науки; только относительно пояснительныхъ примѣчаній мы должны замѣтить, что они не всегда стоять на высотѣ ученыхъ требованій и не обличаются въ составителѣ специального знакомства съ византійскими податными и правительственныеими порядками^{1).} Все-таки мы считаемъ своимъ долгомъ принести великую благодарность переводчику и объяснителю греческихъ документовъ Цантелей-мовскаго сборника. Сдѣлавъ ихъ несравненно болѣе понятными и доступными, чѣмъ акты, изданные Мицлошичемъ и Мюллеромъ, онъ освобождаетъ насъ отъ необходимости примѣнить въ отношеніи къ нимъ тотъ же приемъ подробнаго обозрѣнія всего содержанія, какой

¹⁾ На стр. 161 онъ оставляетъ безъ перевода слово той єллатикой, не зная, по собственному признанію, о чёмъ тутъ говорится; на стр. 209 онъ недоумѣває, какое собственно понятіе выражается словами ѡктоурафії єгисбтус, въ только предположительно говорить о значеніи зевгарія и модія. Но первое есть, конечно, єллатико, то-есть, плата за вѣду (или хоженое, по старому русскому выражению), а второе означаетъ уравнительную (привраточную) перепись. О зевгарѣ и модіѣ сейчасъ будетъ рѣчь.

быть нами принять въ отношеніи къ сборнику, вышедшему въ Вѣнѣ. На этотъ разъ мы можемъ избрать другую систему. Мы воспользуемся актами Аеонскаго Пантелеимоновскаго монастыря, съ прибавленіемъ другихъ отчасти означенныхъ выше пособій (акты гг. Флоринскаго и Саен), для разясненія нѣсколькоихъ основныхъ вопросовъ византійской податной системы, то-есть, нестараемся извлечь изъ нихъ то, что кажется наиболѣе цѣннымъ намъ самимъ, предоставляемъ другіе поиски другимъ изслѣдователямъ.

Мы остановимся прежде всего на вопросѣ о величинѣ зевгарія и модія, изъ коихъ послѣдній особенно часто встрѣчался намъ въ актахъ малоазіатскихъ монастырей въ смыслѣ единицы поземельнаго измѣренія, но безъ всякихъ опредѣленныхъ указаний или даже намековъ на его дѣйствительную величину. Что касается зевгарія, также очень обычного термина, то уже филологическимъ путемъ не трудно дойти до справедливой догадки, что это греческое выражение соотвѣтствуетъ латинскому *jugum* (ярмо); а *jugum*, со временемъ податной реформы Діоклетіана и Константина Великаго, означало земельный надѣль, служившій основаніемъ для раскладки поземельнаго налога; въ смыслѣ единицы распределенія *jugum* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русской сохѣ. Благодаря недавно найденнымъ и только что теперь вполнѣ изданнымъ сирійскимъ отрывкамъ, содержащимъ въ себѣ переведенный съ греческаго сборника законовъ V вѣка по Р. Х., въ настоящее время нѣть уже сомнѣнія, что римская соха (*jugum*) или голова (*caput*), по крайней мѣрѣ на востокѣ, представляла не отвлеченную фиктивную величину цѣнностію въ 1000 солидовъ, какъ думали прежде, а совершенно реальную единицу измѣренія полей и земель, установленную закономъ въ соотвѣтствіи съ различнымъ качествомъ земли въ различныхъ мѣстахъ и потому не всегда одинаковую по величинѣ. Вотъ два важные для насъ пункта, которые теперь подтверждаются сирійскимъ Законникомъ и могутъ считаться вполнѣ несомнѣнными. При Діоклетіанѣ совершено было всеобщее измѣреніе недвижимыхъ имуществъ въ имперіи, или—другими словами—введенъ былъ кадастръ, составлены писцовые книги, должностновавшія подлежать общему пересмотру чрезъ 15 лѣтъ. При этомъ единицей измѣренія служить югеръ (*jugerum*), римская четверть, составляющая именно четвертую почти часть нашей десятини (2518 м. 22) ¹⁾. Но податною величиною, подлежащею позе-

¹⁾ Югеръ почти равняется прусскому моргену; 500 югеровъ—49 $\frac{1}{4}$ моргенамъ; прусский же моргенъ равняется 0,23337 десятинамъ. Слѣдовательно, югеръ даже

мельному налогу, единицею распределения его—считалась соха (*jugum*) или сарп^т, которая состояла не всегда изъ одного и того же количества югеровъ или четвертей, а заключала ихъ въ себѣ большие или меньшие, смотря по тому, къ какому изъ семи определенныхъ закономъ классовъ принадлежала земля ¹). Въ Сиріи существовала слѣдующая норма для воздѣланной земли (помимо пастбищъ):

Соха равняется 5 югерамъ земли подъ виноградникомъ:

“	=	20	”	” первого класса.
”	=	40	”	” втораго или худшаго
”	=	60	”	” третьаго ”
”	=	225	деревьямиъ масличной или оливковой план-	
				тациі перваго класса.
”	=	450	деревьямиъ масличной плантаціи вто-	
				раго класса.

Такимъ образомъ, если мы оставимъ въ сторонѣ виноградныхъ и масличныхъ насажденій, то уже въ Римской имперіи земля по качеству почвы раздѣлялась на три разряда, точно такъ какъ это было послѣ

менѣе одной четверти десятины; но для удобства счета, въ точности котораго пока нѣть специальной нужды, мы вездѣ принимаемъ югеръ и моргенъ за четверть десятины.

¹) Не имѣя возможности пользоваться новѣйшимъ переводомъ сирійско-римскаго Законника (*Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem V Jahrhundert*, herausgg. von *Böhme und Sachau*. Leipzig, 1880), приводимъ сдѣлавшееся классическимъ мѣсто по переводу Рѣдигера, исправленному и обнародованному Моммсеномъ въ журнале *Hermes* (за 1869 годъ), III, 430: *Agros vero rex Romanus mensura perticæ sic emensus est. Centum perticæ sunt πλέθρον. Ибоγον autem diebus Diocletiani regis emensum et determinatum est. Quinque jugera vineæ quae Χ πλέθρα efficiunt, pro uno jugo posita sunt. Viginti jugera seu XL πλέθρα agri consiti annonas dant unius jugi. Trunci CCXXV olearum vetustarum unius jugi annonas dant; trunci CDL in monte unum jugum dant. Similiter si ager deterioris et montani nomine positus est, XL jugera, quae efficiunt LXXX πλέθρα, unum jugum dant. Sin in τριτῳ positus seu scriptus est, LX jugera, quae efficiunt (CXX) πλέθρα, unum jugum dant. Montes vero sic scribuntur. Tempore scriptioñis ii, quibus ab imperio potestas data est, aratores montanos ex aliis regionibus advocant, quorum δοχιασία scribunt, quot tritici vel hordei modios terra montana reddat. Similiter etiam terram non consitam, quae pecudibus minoribus pascua praebet, scribunt, quantam covrileσαν in ταπεῖον factura sit, et postulatur pro agro pascuo, quem in ταπεῖον quotannis offerat, denarius (aureus) unus seu duo seu tres et hocce tributum agri pascui exigunt Romani mense Nisan (апрѣль) pro equis suis. Cp. Marquardt, Staatsverwaltung, II, 219; Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines—sub v. *сарп* (sixième fascicule, pag. 914). Но въ послѣднемъ—ошибочные цифры.*

въ Византійской имперіи, а затѣмъ и въ Московскомъ государствѣ; въ послѣднемъ, при опредѣлениі величины сохи, то-есть, при опредѣлениі количества податей на ту или другую мѣстность, принималось въ соображеніе качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Вообще способъ распределенія по-земельныхъ налоговъ, употреблявшейся въ Московскомъ государствѣ, едва ли слѣдуетъ считать совершенно оригинальнымъ¹⁾). Обращаемся къ главной нашей темѣ. Относительно величины зевгарія или сохи въ Византійской имперіи среднихъ вѣковъ, притомъ въ европейскихъ ея частяхъ, все-таки оставалось сомнѣніе, такъ какъ одной аналогіи съ восточными областями было недостаточно, а другихъ прямыхъ данныхъ не было. Понятно послѣ этого, какую желанную находку представляютъ указанія на величину зевгарія, заключающіяся въ актахъ Руссика и совсѣмъ не оцѣненные по достоинству комментаторомъ. Пусть они относятся къ очень позднему времени; это не отнимаетъ у нихъ ихъ высокаго значенія, потому что отношенія такого рода никогда не меняются быстро и скоро. Вотъ подразумѣваемыя нами данныя: Въ 1407 году императоръ Мануилъ Палеологъ пове-

¹⁾ Дѣлаемъ небольшую выписку изъ наиболѣе новаго сочиненія, трактующаго о предметѣ, которая можетъ послужить и къ объясненію нашихъ намековъ, и къ разясненію самаго существа дѣла. «Податная система древней Россіи представляетъ въ высшей степени своеобразное явленіе.... Подати налагались въ древней Россіи не на лицо, а на имущество. Такъ какъ имущество состояло главнымъ образомъ въ землѣ, то она и была преимущественнымъ предметомъ обложенія. Для распределенія по-земельныхъ налоговъ употреблялся весьма оригинальный способъ. Всѧ занятая земля Московского государства раздѣлялась на участки, называемые сохами, такимъ образомъ, что каждый изъ этихъ участковъ по доходности былъ равенъ другимъ и могъ быть обложенъ въ одинаковыхъ размѣрахъ съ другими. Понятно, что при различныхъ достоинствахъ земли, соха не могла представлять какой-либо определенной величины и измѣнялась по времени и мѣстнымъ условіямъ. Важкое въ смыслѣ системы, вѣрѣ было бы сказать, что дѣлилась не земля, а сумма налога раздѣлялась на определенные равные доли, которые потомъ и разлагались по землѣ, при чёмъ равнотѣрность обложения не могла быть иначе достигнута, какъ только пропорциональнымъ измѣненіемъ величины участковъ. При опредѣлениі величины сохи, то-есть, при опредѣлениі количества податей на ту или другую мѣстность, принималось въ соображеніе, впервыхъ, качество почвы, раздѣлявшейся въ этомъ отношеніи на худую, среднюю и добрую. Первой полагалось на соху больше, второй менѣе, третьей еще менѣе: такъ если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней земли шло 1000 четвертей, худой уже 1200, и т. д. П. А. Соколовскій, Экономический бытъ земледѣльческаго населения Россіи предъ крѣпостными правою. С.-Петербургъ. 1878.

лѣль отвести Русскому монастырю три сохи (зевгарія) изъ свободной царской земли лучшаго качества (№ 25, стр. 127). Исполнивъ этотъ приказъ, царскіе чиновники озабочились пріисканіемъ „таковой и толикой“ земли въ особенномъ опредѣленномъ мѣстѣ, но такъ какъ не возможно было найти столько сплошной земли столь хорошаго качества, то они взяли участки въ разныхъ мѣстахъ, но тоже наиболѣшаго и первого качества, смирили ихъ землемѣрно и передали монахамъ по описи, въ которой и обозначена въ модіяхъ общая величина всѣхъ участковъ. Сколько же было всѣхъ модіевъ въ трехъ соахъ или зевгаріяхъ? Всѣхъ модіевъ сами чиновники насчитали 748, а за исключеніемъ какихъ-то неподлежащихъ счету земель,—616 модіевъ. Итакъ, мы имѣемъ положительное указание на величину зевгарія въ византійское время—и въ европейскихъ ея частяхъ. Зевгаръ или византійская соха равняется 205 или даже 249 модіямъ. Къ сожалѣнію, и модій не представляетъ совершенно ясной и точно опредѣлимой величины. Первоначально, это есть мѣра емкости сыпучихъ тѣлъ, и уже потомъ, вслѣдствіе перенесенія, стать означать поземельную мѣру: въ этомъ отношеніи модій имѣеть сходство съ древнерусскимъ коробомъ, хотя по величинѣ гораздо меньше его. Справивается: въ какомъ отношеніи находится модій, какъ поземельная мѣра, къ римскимъ югерамъ? Если бы мы не имѣли другихъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, то должны были бы удовольствоваться сопоставленіемъ 20 югеровъ лучшей земли, составлявшихъ одинъ зевгаръ на востокѣ по сирійскому Законнику, съ 249 модіями, составлявшими зевгаръ на западѣ, и отсюда вывести заключеніе, что югеръ равнялся двѣнадцати съ половиною модіями съ небольшимъ, и что на нашу десятину приходилось бы около сорока-шести модіевъ. Но есть другія, болѣе правильные указанія на величину модія, какъ мѣры поверхности; хотя эти указанія и принадлежать еще римскимъ временамъ, но опять-таки въ этомъ отношеніи нельзя предполагать большую перемѣну для среднихъ вѣковъ. Римскіе землемѣры считали три модія въ югерѣ¹⁾; модій составляеть одну третью римской четверти и $\frac{1}{12}$ нашей десятины. По этому расчету зевгаръ или соха заключаетъ въ себѣ 68 югеровъ или даже 89 югера лучшей земли (19 или 20,5 десятины) — вмѣсто 20 старой сирійской нормы. Вотъ

¹⁾ Gromatici veteres, ed. Blume und Budorff, I, 96: In centuria agri jugera CC, modii DC. Ibid., pag. 359: Jugerum unum pedes CCXL et in latitudine pedes CC faciunt terra modiorum III.

другой примеръ: Въ 1419 году (№ 26) Русскому монастырю переданы были на полуостровѣ Кассандри тридцать зевгарей земли безъ опредѣленія ея качества; по межевой описи оказалось въ этихъ тридцати византійскихъ соахъ 4039 $\frac{1}{2}$ квадратныхъ модіевъ ¹⁾. Судя по этому, зевгаръ заключалъ въ себѣ 134 модія съ небольшимъ или 45 югеровъ ($10\frac{1}{10}$ десатины); впрочемъ, нужно замѣтить, что количество 4039 $\frac{1}{2}$ модіевъ въ тридцати надѣлахъ оказалось только по вычетѣ (*ἀποεκτίσμας*) бесполезной и неудобной земли, и что всей земли было нѣсколько большее количество модіевъ. Прибавимъ еще одно свѣдѣніе, относящееся къ южной Италии. Здѣсь, въ бывшихъ византійскихъ владѣніяхъ, въ Норманнскій периодъ полагали въ зевгарѣ 30 модіевъ, слѣдовательно, 10 югеровъ ²⁾.

Сообщенія новѣйшихъ греческихъ ученыхъ могутъ служить къ дальнѣйшему разясненію дѣла, и особенно къ разясненію неравномѣрности зевгаріевъ. Отъ нихъ мы узнаемъ, что зевгаръ еще и теперь встрѣчается въ греческихъ областяхъ Турецкой имперіи (но не въ королевствѣ); онъ состоить обыкновенно изъ такого пространства пахатной земли (*γῆ ἀρότρους*), для обработки которого требуется пара воловъ; не пахатная земля, находящаяся внутри пространства, не принимается въ расчетъ; поэтому зевгаръ въ тѣхъ мѣстахъ, где полей мало, а много лѣсу или горъ, можетъ достигать весьма большого объема; во тамъ, где вся земля сплошь пахатная, объемъ зевгарія равняется 100—200 гонамъ, *στρέμμata*, смотря по качеству земли; а одинъ гонъ, *στρέμμα*, единица измѣренія, часто встрѣчавшаяся намъ въ первой половинѣ статьи, равняется приблизительно $\frac{1}{10}$ нашей десатинѣ, слѣдовательно, зевгаръ достигаетъ при различныхъ условіяхъ +10—20 десатинъ. Нѣть сомнѣнія, что Турки переняли отъ Византійцевъ измѣреніе земли зевгарями, и что посредствомъ сокращенія выраженія *ζευγάρι* образовалось слово чифъ, а затѣмъ чифлыкъ, означающее совокупность зевгаріевъ, составляющихъ одно имѣніе опять-таки не одинаковой величины ³⁾.

¹⁾ ἀτινὰ μετὰ τὸν ἀποεκτίσμον (ἐντὸς τοῦ περιορισμοῦ εὑρίσκεται καὶ μέρος ἔχρησιμευτον καθόλου καὶ τραχύτατον; συμψηφιζόμενα κατὰ κεφαλὴν καὶ πόδας ἀποτελοῦσι τὴν μοδίων ο. τ. δ.).

²⁾ *Spata, Diplomi greci inediti*, pag. 422. (Мы имеемъ оттискъ изъ неизвѣстнаго намъ итальянскаго изданія или журнала).

³⁾ Καλλιγᾶς, περὶ Βουλοφαροῖς παρὰ Ρωμαῖοις καὶ Βοζαντινοῖς: журналъ Павлопса 1859, Фуллід. 223, pag. 146 и отдѣльно: Таїта пінта та характеристикѣ сир-

При введеніи новой податной системы при Діоклетіанѣ предполагалось, что перепись земель, кадастровыя или писцовые книги, служащія основаниемъ для раскладки поземельного налога и указывающія число сохъ, находящихся въ областяхъ, общинахъ и во владѣніи отдельныхъ лицъ, будуть вновьновляемы чрезъ каждыя пятнадцать лѣтъ, другими словами—имѣлись въ виду пятнадцатилѣтнія общія ревизіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, бюджетные періоды, называемые индиктами. Но въ нашихъ источникахъ нигдѣ не видно сгѣдовъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ когда-либо вновь совершилась подобная обширная операция; напротивъ, мы имѣемъ такой разказъ, что когда при императорѣ Василіѣ I Македонянинѣ тогдашний глава приказа большой казны (ό τὴν τοῦ γενικοῦ τὸ τηγυχαῖτε διέπου ἀρχήν) предложилъ послать по всѣмъ округамъ или воеводствамъ (темамъ) такъ-называемыхъ приправщиковъ и дозорцевъ, то царь отвергъ это предложеніе, хотя и обѣщавшее увеличеніе казенныхъ доходовъ, впервыхъ, потому, что представленные министромъ кандидаты для исполненія предполагаемаго порученія, избранные изъ лучшіхъ чиновниковъ, все-таки показались Василію неиздѣжными и недостойными; вовторыхъ, потому, что самъ царь не могъ взяться за это дѣло безъ нарушенія приличій, хотя важность его, пожалуй, того бы и требовала, и втретихъ, потому, что два высшіе сановника, на честность и безкорыстіе которыхъ можно было положиться, не согласились взяться за многосложное и хлопотливое дѣло подъ предлогомъ своихъ преклонныхъ лѣтъ: такимъ образомъ, во все царствованіе Василія не было переписи¹⁾—судя по буквальному смыслу словъ автора его біографіи, ни общей, ни частной.

πίπτουν ἀχριβέστατα πρὸς τὸ ἄλλοτε παρ' ἡμῖν, καὶ νῦν ἐν Τουρκίᾳ, ἐν χρήσει ζευγάριον, διότι τοῦτο ἀποτελεῖ τὴν ἔκτασιν τῆς ἀρσίμου γῆς, δούγος βῶν δύναται ἐν τῷ ἑτει ν' ἀφοριώσῃ. Ή πρὸς τὴν ἀρσίμην γῆ περιλαμβανομένη μὴ ἀρσίμος, ὁσηδήποτε καὶ ἀν ἦναι, πάντοτε συναπαρτίζει τὸ ζευγάριον, μὴ αυνυπολογίζομένη, τὸ ὅποιον ἐπομένως, ἔτσι ἡ μὴ ἀρσίμος είναι πολλή, τούτεστι δάσος, ὅρεινή ἐπιφανεία καὶ γῆ τραχεῖα, δύναται νὰ περιλάβῃ μεγίστην ἔκτασιν. "Οταν δύμων δλη ἡ γῆ τοῦ ζευγαρίου είναι ἀρσίμος, ὡς ἐν πεδινῇ χώρᾳ, ἡ ἔκτασις αὐτοῦ είναι μεταξὺ 100 καὶ 200 στρέμματα (décarses), κατὰ τὴν ποιότητα τῆς γῆς. Οὐδεμία ὑπάρχει ἀμφιβολία, ὅτι οἱ Οθωμανοὶ παρὰ τῶν Βογαντινῶν ἐδέχθησαν τὴν εἰς ζευγάριον καταμέτρησιν τῶν κτημάτων καὶ ἐν τοῦ περιεκτικοῦ τοῦ ζευγαρίου (τζιφ) ἀσχηματισθή ἡ δηλούσα τὰ κτήματα λέξις τζιφλίκ, ἣτοι ἀθροισμα ζευγαρίων.

¹⁾ Theophanis continuat. lib. V, pag. 346, 347, ed. Bonn. Біографія Василія, составляющая эту пятую книгу, приписывается его внуку, Константину Багрянородному.

Послѣднее довольно невѣроятно; во всякомъ случаѣ, въ другихъ источникахъ весьма часто говорится о частныхъ ревизіяхъ по областямъ, округамъ и даже отдельнымъ большихъ комплексамъ монастырскихъ земель, для чего давались иногда полномочія обыкновеннымъ областнымъ начальникамъ (отсюда нѣсколько разъ встрѣчавшіяся намъ титулы: δοῦλος καὶ ἀναγράφεως; см. предыдущую книжку Журнала Министерства Народн. Просвѣщ., стр. 107—112 и т. д.), для чего существовала громадная армія писцовъ, дозорщиковъ, приправчиковъ (*ἀναγράφεις, ἑπότται, ἔξισθαι*): въ Византии мы находимъ всю терминологію древней московской податной системы, и въ этомъ не будетъ вичего удивительнаго, если мы согласимся съ мнѣніемъ, уже давно высказаннымъ, что самыя земельныя описи и писцовые книги древней Руси ведутъ свое начало отъ византійскихъ образцовъ¹⁾). Пока извѣстный участокъ земли не былъ записанъ въ податныхъ или писцовыхъ книгахъ за новымъ владѣльцемъ, пріобрѣвшимъ его куплей или какимъ другимъ способомъ, поземельную подать за этотъ участокъ вносили, конечно, тотъ, кто владѣлъ имъ прежде; другими словами — требованія сборщиковъ податей обращались къ тому, за кѣмъ участокъ записанъ былъ въ книгѣ, чей стихъ или столбецъ онъ составлялъ тамъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересны многочисленные примѣры сдѣлокъ между старымъ и новымъ владѣль-

¹⁾ Еще Неволинъ, въ рѣчи объ уставахъ государственного межеванія въ Россіи (Полное собраніе сочиненій, VI, 446), высказалъ мысль, что образецъ древнихъ русскихъ инвентарныхъ описей, слѣды которыхъ сохранились въ Уставѣ Святослава 1137 года о церковной дани и въ Уставныхъ грамотахъ Ростислава Смоленского, были византійскіи имущественные описи церквей и монастырей. Въ нашемъ изложеніи, можетъ быть, найдется нѣчто подtrzymающее эту мысль, но мы представляемъ угадывать аналогіи проницательности читателей. Отътнѣмъ только одну мелочь, которая иначе, пожалуй, останется незамѣченной, и которая имѣть близкое отношеніе къ вопросу. Мы просимъ припомнить византійскую стародавносію, кресто-прохожденіе (см. юльской книжкѣ стр. 141, 142, 161). Вотъ русская тому аналогія: «Образное хожденіе было доказательство, основанное на вѣрѣ и совѣсти и употреблявшееся въ тѣхъ случаяхъ (спора о межахъ), когда не было никакой возможности обнаружить истину. Оно состояло въ томъ, что одинъ изъ тяжущихся, всѣдѣствіе брошенного жребія или добровольнаго съ обѣихъ сторонъ согласія, взялъ образъ Господа или Божіей Матери или одного изъ болѣе почитаемыхъ святыхъ угодниковъ — —, и поставилъ на голову, шель по спорному пункту; прохожденіе пространство означало мену» и т. д. П. Исаакова, Опытъ исторического наслѣдованія о межеваніи (Москва, 1846) стр. 33. Ср. Сочиненіе Неволина, VI, 408, 481.

цами, особенно часто встрѣчавшіяся въ актахъ монастыря Лемвіо-тиссы и отмѣченные нами въ своемъ мѣстѣ. Купивъ за деньги извѣстное количество модіевъ, пріобрѣтатель, впервыхъ, уплачивается опредѣленную договоромъ покупную сумму, и затѣмъ принимаетъ на себя обязанность ежегодно вносить казенную подать, отдавая ее либо въ руки продавца, иначе прежняго хозяина, отвѣщающаго за ея поступление предъ казной, либо прямо сборщикамъ податей: возможно то и другое, есть указанія на тотъ и на другой способъ¹⁾). Это—такъ-называемая въ актахъ *ἐπιτέλαις*, всегда означаемая опредѣленной цифрой, что и открываетъ возможность полезныхъ соображеній о высотѣ поземельной византійской подати: встрѣчается *ἐπιτέλαις* въ одну номисму (золотую монету) за 18 маслинъ, стоящихъ пять номисмъ (см. предыдущую книжку Журн. Министерства Народного Просвѣщенія, стр. 134); но встрѣчается также *ἐπιτέλαις* въ $\frac{1}{2}$ иперпира за 40 маслинъ, проданныхъ за 36 иперпировъ (стр. 137), и даже восемь коккіевъ, то-есть, $\frac{1}{3}$ иперпира за 46 маслинъ (стр. 133). Сопоставленіе этихъ данныхъ, которыхъ уже собраны нами въ первой половинѣ статьи, во всякомъ случаѣ будеть свидѣтельствовать о неравномѣрности обложенія, а въ большинствѣ случаевъ и о крайней высотѣ его.

Поземельная подать легко узнается въ византійскихъ актахъ подъ названіемъ зевгаратикія (*ζευγαρατίκιον*); но она же должна быть разумѣема и подъ ситаркіей (*σιταρχία*, *σιταρχία* и *σιταρχεία*), которую мы уже встрѣчали въ документахъ Вѣнскаго сборника и которую на русскомъ языке мы выражали названіемъ „житнаго“, имѣя въ виду попадающейся въ болгарскихъ грамотахъ терминъ „житарство“. Такого объясненія мы, правда, не найдемъ ни въ словарѣ Дюканжа, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ; но на него наводить прямое замѣчаніе одного аено-пантелеимоновскаго документа (№ 21, стр. 174): той *κεφαλαίος τῆς σιταρχείας*; *ηγούν τοῦ ζευγαρατηκήον*, что въ русскомъ переводаѣ совершенно неправильно объяснено взыскомъ по статьѣ о хлѣбномъ продовольствіи войска, то-есть, зевгаратнымъ взыскомъ (стр. 175): нужно было сказать „по статьѣ житнаго сбора, то-есть, поземельной подати“. Въ другомъ документѣ того же монастыря со-

¹⁾ *Acta graeca IV*, 125 въ началѣ (сравн. въ юльской книжкѣ *Журнала Минист. Народн. Просвѣш.*, стр. 135): *ὁφεῖλετε δὲ ἐπιτέλαιν πρὸς ἡμᾶς καθ' ἔκστον καιρόν.* *Acta*, pag. 121 ὃς *ὁφεῖλοντος ἐπιτέλαιν — — εἰς τὸν στίχον ἡμῶν* (ср. *Журналъ М. Н. Пр.*, тамъ же стр. 154 и 155).

общается еще и третье название поземельной подати: ἀλφυρικοῦ οἰταρχίας (№ 20, стр. 168). Последнее наименование, означающее гумейный сборъ (отъ ἀλφυροῦ, гумно), равно какъ и первое, означающее первоначально хлѣбную доставку или проишанть, какъ бы указываютъ на то, что поземельная подать взималась натурой. Такъ дѣйствительно и бывало въ римское время, откуда ведутъ свое начало всѣ эти податные порядки и обычай; главный налогъ на землю взимался тогда то деньгами, то натурой. Римской традиціи достаточно, чтобы объяснить происхожденіе термина ситаркіи, и нѣтъ нужды предполагать, что и въ византійское время сохраняло свою силу натуральное государственное хозяйство. Въ актахъ монастыря Лемвіотиссы мы встрѣтили прямое указаніе на то, что поземельная подать и тогда, когда она именовалась житною (ситаркіей), все-таки взималась въ монетѣ. Монастырек св. Георгія Экзокастрита платилъ одинъ имперіоръ въ видѣ ситаркіи (*Acta graeca*, IV, 45: υἱὸν οἰταρχίας ὑπέρτορον ἔν; ср. юльскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 127); въ другомъ мѣстѣ (стр. 86) мы встрѣчаемъ житныя монеты, ωρίσματα ἀγάπης, οἰταρχίας, взимаемыя съ париковъ.

Вопросъ о томъ, сохранилась или нѣтъ въ византійское время наравнѣ съ поземельной и подушной или поголовной подать со свободныхъ людей, и если сохранилась, то подъ какими именно наименованіями, вопросъ, разрѣшеннемъ котораго занимался Цахаріѣ въ своемъ известномъ мемуарѣ, посвященномъ римской податной системѣ¹⁾, не находить себѣ въ нашихъ актахъ на столько положительного и яснаго решенія, чтобы можно было замѣнить догадки изслѣдователя чѣмъ-нибудь новымъ и несомнѣннымъ. Внимательный читатель могъ замѣтить, что въ нашемъ изложеніи актовъ Вѣнскаго сборника только однажды встрѣтилось выраженіе „поголовная подать“ (юльская книжка Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, стр. 106), которымъ мы передали греческое выраженіе κεφαλαιότραφον, въ са-момъ дѣлѣ не могущее означать ничего другаго. Въ аѳонскихъ актахъ изъ собранія преосв. Порфирия, напечатанныхъ г. Флоринскимъ, два раза встречается выраженіе κεφαλαῖον въ смыслѣ поголовной подати. Стефанъ Душанъ прощаетъ Иверскому монастырю требуемыя со стороны казны поголовную и поземельную подать за имѣніе Радоливо:

¹⁾ Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens — въ Запискахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ 1863 г.

е́нвергетай тò ἀπò тòι Рафолíбоу ἀπαιτούμενου παρà тòι μέροις, тòι δημο-
сію хефала́ю (безъ всякаго сомнінія, нужно читать: хефала́ю) хай
тò Σευγαρατíκиou (стр. 93). Въ другой грамотѣ того же государя и той
же обители говорится, что Иверскій монастырь до 1346 г. платилъ
за имѣніе Радоливо двѣстіи іперпировъ въ видѣ поземельнаго налога,
и двѣстіи — въ видѣ поголовнаго¹⁾). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ
возможности решить, на сколько близкую копію представляеть гра-
мота царя Стефана Душана въ отношеніи къ предшествовавшему
того же содержанія хрисовулу, который данъ былъ Иверскому мона-
стырю императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, такъ какъ хрисовуль
Палеолога объ имѣніи Радоливо остается неизданнымъ. Трудно все-
таки думать, что упомианіе о поголовной подати составляетъ осо-
бенность сербскихъ податникъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что въ одной
изъ грамотъ Душана прямо дѣлается ссылка на прежнія, то-есть, ви-
званійскія времена. Что касается καπνικόν, подъимаго, представ-
ляющаго, по весьма авторитетному мнѣнію, видоизмененіе и замѣну
старой поголовной подати послѣ ея довольно ранней отмѣны для сво-
бодныхъ людей, то въ тѣхъ актахъ, которые составляютъ для насъ
ближайший предметъ изученія, не встрѣчается такого выраженія. Не
въ греческой, а въ славянской части пантелеимоновскаго сборника
встрѣчаемъ мы „дымину“, авный переводъ слова καπνικόν. Царь
Стефанъ Душанъ въ 1350 году (№ 49, стр. 358) освобождается сво-
бодныхъ людей, имѣющихъ поселиться на землѣ, принадлежащей
Габровской церкви, „одь приселище и димине“ (стр. 360). Дым-
нина встрѣчается также въ грамотѣ Болгарскаго царя Константина
Асѣна (ранѣе 1278 г.), представляющей подтвержденіе привилегій,
дарованныхъ монастырю св. Георгія Побѣдоносца въ Скопіи преж-
ними, то-есть, Византійскими государями²⁾. Въ греческихъ актахъ
встрѣчается καπνολόγιον, очевидно, одно и то же съ καπνικόν, въ
Янинской грамотѣ императора Андроника II 1319 г.: ἵνα οὐδὲν ἀπαι-
τήται ὅλως ἐξ αὐτῶν βιολόγιον ἢ καπνολόγιον ἢ νόμιστρον, λιμνάον πάχ-
τον, ἢ ζευγολόγιον, ἢ ὄφική, ἢ μελισσονόμιον ἢ χοιροδεκτία³⁾), — а равнымъ

¹⁾ τὰ μὲν διακόσια ὑπέρπυρα ὑπέρ Σευγαρατίκιου, τὰ δὲ διακόσια ὑπέρ κεφα-
λαίου (стр. 95).

²⁾ Грамота издана у Срезневская, Своднія и замѣтки о неизвестныхъ и
 малоизвестныхъ памятникахъ. Приложение къ XXXIV тому Записокъ Академии
Наукъ.

³⁾ Χρονογραφία τῆς Ἡπείρου, II, 306.

образомъ въ современныхъ ей еессалійскихъ грамотахъ¹⁾). Въ эпирской грамотѣ *καπνολόγιον* непосредственно следуетъ за *βιολόγιον*, и по видимому, отличается отъ этого послѣднаго (и раздѣлительное, а не объясняющее). Но *βιολόγιον* и по мѣсту, которое оно занимаетъ, и по филологическому составу и смыслу выраженія — всего скорѣе означаетъ поголовную подать, единственную изъ основныхъ податей, не встрѣчающуюся въ дальнѣйшемъ перечисленіи (погемельная подать разумѣется подъ *ζευγολόγιον*); съ *βιολόγιо*,ѣвѣроятно, тоже-
ственно тѣ *βιωτίχιον*, встрѣчающееся въ грамотѣ Стефана Душана, изданной г. Флоринскимъ²⁾). Основываясь на указанномъ отличи-
ніи, мы позволяемъ себѣ усомниться въ тождествѣ поголовной и подымной подати, не смотря на авторитетъ Цахаріа³⁾. Намъ ка-
жется, что даже и тѣ тексты, которые прежде были известны, не давали полнаго права на отождествление. Приведенный нами еще
прежде въ нашихъ Матеріалахъ (апрѣльская книжка 1879 г., стр.
400) отрывокъ изъ „Судебной практики“ (Паїра) Еостасія пока-
зываетъ, что подымное есть сборъ съ населенныхъ имѣній; съ
пустой земли и съ одинокой человѣческой головы онъ не взи-
мается. Катуихо́ могъ существовать самостоятельно наряду съ
поголовной податью, и при сложности византійской податной системы
въ этомъ не будетъ ничего странного. Мы склонны думать, что ви-
зантійская подымная подать находится въ ближайшемъ родствѣ съ
податью, взимаемую, по видимому, съ жилья и усадебной земли, ко-
торая изрѣдка встрѣчается въ греческихъ и славянскихъ грамотахъ
подъ греческимъ названіемъ *οἰκόμοδον*: „узимати одь икомоде
имущими стас (то-есть, *στάσιν*) на три перпери“, говорится въ хиандарской сербской описи (у Флоринскаго, Аеонікіе акты, стр. 31); „ни
дани вязти, ни комад, ни митати (такъ слѣдуетъ писать вмѣсто
„мита ты“), ни десятокъ“ — читается въ болгарской грамотѣ Іоанна

¹⁾ *Heuzey et Daumet, Mission archéologique de Macédoine*, pag. 456.

²⁾ Аеонікіе акты, стр. 83. Здѣсь *βιωτίχιον*, выраженіе, истати сказать, не
обрѣтаемое ни въ никакихъ словаряхъ, стоять рядомъ съ другими терминами, че-
вие которыхъ очень затруднило нашего слависта, и которыми, по нашему мнѣнію,
могутъ относиться тоже къ *κοινοговномъ* сборамъ: обѣ этомъ сейчасъ будеть
сказано ниже, а теперь мы должны только замѣтить, что вѣтъ ничего невѣроят-
наго въ употреблениіи сербскими составителями греческой грамоты всѣхъ трехъ
сионийскихъ выражений для одного и того же понятія.

³⁾ См. *Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens*, pag. 13.

Александра (Срезневского, Свѣдѣнія и замѣтки въ вышеуказанномъ изданіи, стр. 32); въ одномъ документѣ смирнского монастыря Лембіотиссы мы встрѣтили оіхородокараспороч, въ значеніи повинности, платимой париками—нужно думать—за жилье (оіхос) и усадебную землю (параспороч).

У Цахарія приведены еще два важныхъ указанія о византійской „дыминѣ“, заслуживающей и нашего вниманія. Продолжатель хроники Феофана разказываетъ о Михаилѣ Аморейскомъ (820—828 гг.), что онъ, желая изъявить свое благоволеніе двумъ азіатскимъ провинціямъ (Обсикіанской и Арменіаковѣ) за ихъ вѣрность во время восстания, простилъ имъ изъ платимой въ казну подымной подати одинъ миллиарисій (серебряную монету); жители всѣхъ другихъ провинцій, между прочимъ и этихъ двухъ, съ давнаго времени платили ежегодно въ видѣ подымного по два миллиарисія, а теперь имъ было прощеніе одинъ изъ этихъ миллиарисіевъ¹). Итакъ, въ началѣ IX вѣка подымная подать составляла одну шестую номисмы или византійского золотаго (номисма заключала 12 миллиарисіевъ), около 60 копѣекъ—съ дыма. Объ императорѣ Ioannѣ Цимисхіѣ говорится, что онъ простилъ такъ-называемое подымное всѣмъ тяглымъ людямъ во всѣхъ провинціяхъ²). Намъ кажется, однако, что нѣтъ никакой необходимости въ томъ и другомъ случаѣ думать о настоящей законодательной мѣрѣ, обязательной для послѣдующихъ временъ; и въ первомъ, и во второмъ случаѣ, была только временная царская милость, имѣвшая значеніе на одинъ годъ, въ роли прощенія недоброкачественности. Цимисхій торжествовалъ означеннымъ способомъ свою победу надъ Святославомъ Русскимъ³).

¹⁾ Theophan Continuat., ed Bonn., pag. 54: τὸ εἰς, τὸ βασιλικὸν τελούμενον τιμίον δημόσιον καπνικὸν οὕτω λεγομένον μιλιαρισίου ἐν συγκεχώρητι: τῶν γὰρ δὲλλων πάντων ἀνὰ δύο τελούντων ἀνέκαθεν μιλιαρισίων, δὲλλὰ καὶ αὐτῶν τούτων, τότε τὸ ἀφεῖθη διὰ τὴν εὔνοιαν.

²⁾ Cedren. II, 413: Ἀφῆκε δὲ καὶ τοῖς ὑποφόροις τὰς τῶν δὲλλων θεράπτων τὸ λεγομένον καπνικόν.

³⁾ Уже Цахарія въ своемъ мемуарѣ указалъ на несправедливость мѣнія Калингаса, что подымное есть первоначально общинный сборъ, превратившійся въ государственный и поступающий въ пользу епископовъ. Церковный сборъ, называвшійся то каноническимъ, то подымнымъ, существовалъ отдаленно отъ государственной соплеменной подати. Полагаемъ, что и на Руси въ московской пеприодѣ «великаго государя подата и подымные денія» должны быть отличаемы

Итакъ, мы отвергаемъ тожество поголовной и подымной податей. Но за то, на основаніи изданныхъ и не изданныхъ грамотъ, бывшихъ въ нашихъ рукахъ, мы положительно можемъ утверждать, что такъ называемое *άερικόν* и *άέρ* есть не что другое, какъ та же поголовная подать подъ другимъ названіемъ, ибо въ актахъ встрѣчаются такія выраженія: „*ἀπαιτήσει καὶ οὐρητήσει κεφαλαῖον ἢ ἄερος*“ (не изданная грамота Михаила Палеолога), *ὑπὲρ ἄερος τῶν τοιούτων ὅλων παροίκων* (Проктымъ Иверского монастыря). Въ греческой грамотѣ Стефана Душана изъ собрания преосвященнаго Порфирия, изданной г. Флоринскимъ, *άέρ* встрѣчается въ слѣдующей связи: Сербскій царь заявляетъ, что онъ освобождается Иверскому монастырю отъ всякой подати за мнѣніе Радоливо—отъ поголовной и отъ поземельной (место приведено выше стр. 368); вслѣдствіе того, продолжаетъ дальше грамота,— всѣ входящія въ составъ имѣнія имущества и метохи должны быть соблюдаены свободными не только отъ казенныхъ статей, взысканій и дачъ, но и отъ взысканія поземельной подати: *αλλὰ καὶ τῆς ἀπαιτήσεως τοῦ Σευγαρατικοῦ, τῆς ὄραικῆς καὶ καστροκτησίας, τοῦ ἐννομοῦ τῶν ζώων αὐτῶν*,¹ тѣн проѣзжавъ хорѣонъ касательно, тоѣ *ἄερος*, тоѣ *βυλλήχου*, тоѣ *μιττάτου*. Такъ какъ здѣсь, при параллельности обоихъ мѣстъ, повторена во второмъ отрывкѣ поземельная подать, упомянутая въ первомъ, то слѣдуетъ ожидать повторенія во второмъ отрывкѣ и поголовной подати (*κεφαλαῖον*)—хотя бы подъ другимъ названіемъ. Но изъ всѣхъ перечисленныхъ податей только одинъ *άέρ* означающій воздухъ, которымъ дышутъ всѣ, допускаетъ возможность отожествленія или приуроченія къ поголовной подати; всѣ другія названія имѣютъ очень понятный и совсѣмъ иной смыслъ. Въ другой грамотѣ того же Стефана Душана изъ собрания Севастіянова г. Флоринскій (Аеонскіе акты, стр. 83) разобралъ слѣдующее: *ωσκύτως εὐεργετεῖ ἡ βασιλεία μου τὴν ταῦτην μονὴν τὸ Σευγαρατικον* — — — — — *τὸν ἄ..ρα (?) τὸ χαρέσιον (χαρέβιον)? τὸ βιωτικόν.* Мы уже объяснили послѣднее выраженіе въ смыслѣ поголовной подати; подѣляемъ теперь, что не было нужды предаваться недоумѣнію и предъ двумя предшествующими выраженіями: подъ нес说出ъ разобраннымъ *ά..ρα* скрывается, конечно, *άέρ*; *χαρέσιον* можетъ быть только *χαράτσιον=χάρατζа=nόμισμα χαράγματος*, то-есть, поголовный

отъ того подымянаго, что «митрополичъ десятильникъ имѣть — — подымное со крестильнаго всікаго двора по денгѣ». Ср. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. Графа Дмитрия Толстаго, стр. 16.

сборъ, позднѣйшій турецкій характеръ. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что всѣ три выраженія означаютъ одно и то же, приведены и поставлены рядомъ въ видѣ синонимовъ¹⁾.

Мы нѣсколько углубились въ сложный лабиринтъ византійской податной системы, хотя сдѣлали только самую слабую попытку къ разясненію ужасающей номенклатуры разныхъ повинностей и сборовъ, встрѣчаемыхъ въ греческихъ актахъ и грамотахъ. Интересъ задачи, которой мы посвятимъ еще нѣсколько строкъ, усиливается близкими отношеніемъ византійской номенклатуры къ загадочнымъ иногда выраженіямъ сербскихъ и болгарскихъ грамотъ; а съ другой стороны, и самое изслѣдованіе предмета облегчается возможностью сравнительного изученія византійскихъ и славянскихъ источниковъ. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ славянскія выраженія объясняются греческими и наоборотъ. Приведемъ одинъ примѣръ. Стефанъ Душанъ о землѣ, принадлежавшей церкви св. Николая и передаваемой имъ патріарху, пишетъ (Акты Пантелеимоновскаго монастыря, № 50, стр. 366): „и сию землю выше писанною прѣкве старого Николи никто по силѣ да ю не тежи, тько комоу ю дає митрополитъ изъ десетька, развѣ парикъ що се обрѣта, да си свое башине тѣже безъ десетька, а ѹто имоу тежати землю црковною лихъ свое башине, да даю и парици сотъ тогази прѣкви десетька“. При объясненіи этого мѣста всегда будетъ полезно припомнить и византійскихъ париковъ, и византійскую морту, которая здѣсь называется десяткомъ, а равно и часто втрѣчающееся выраженіе „родовая земля“ (γῆ τοιχῆ), отчина, которая бываетъ и у париковъ и вполнѣ соответствуетъ башинѣ. Приведемъ еще одинъ примѣръ, который и воротитъ насъ снова къ византійской податной системѣ, къ знаменитымъ четыремъ или тремъ статьямъ, составлявшимъ ея основу и часто упоминаемымъ въ Аѳонскихъ актахъ. Въ грамотѣ Александра, цара Болгарскаго, Зографскому монастырю 1842 года, два раза говорится объ освобожденіи обитателей отъ взноса пятидесяти иперпировъ, которые онъ собственно долженъ былъ бы уплачивать „ради житарства и горнины“

¹⁾ Формула постамовленія царемъ въ катепаны (κατεπανίκοι), изданныхъ теперь Савою (Bibliotheca graeca. VI, 641), где встречается упоминаніе объ аэрѣ, была еще известна Дюканжу, который въ приведенъ соответствующую выписку въ своемъ словарѣ sub voce ἀερίκοι.

и градозиданія”¹). Полагаемъ, что и знающій славистъ не вдругъ догадается, что нужно разумѣть подъ житарствомъ и что подъ горниною. Съ другой стороны, если не много уяснится значение греческой ситаркіи чрезъ сопоставленіе ея съ житарствомъ, то по крайней мѣрѣ для нась, смыслъ греческаго слова ὄρική, означающаго подать, скълька вполнѣ яснѣмъ только послѣ того, какъ мы убѣдились въ тожествѣ его съ горниною. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ болгарской грамоты мы имѣемъ три изъ знаменитыхъ „четырехъ статей“ византійскихъ, которыя иногда являются и самостоятельными, безъ дополненія четвертой статьей. Слѣдующее сопоставленіе скълькаетъ это несомнѣнныемъ: Въ хрисовулѣ императора Андроника ионастырю Предтечи въ городѣ Сѣрѣ (Σερρῶν), данномъ во просьбѣ Стефана Душана, мы читаемъ (*Sathas, Bibliotheca graeca I, 217, 218*), что онъ не будетъ взыскивать ни ситархіи (житарства), ни ὄρικῆς (горнины), ни градозиданія, ни пастбищнаго (ἐννομίου). То же самое повторяется и во многихъ другихъ грамотахъ. Стр. 226: ἀπαιτήσως τὸν δημοσιακὸν κεφαλαῖον τῆς σιταρχίας, τῆς ὄρικῆς, τῆς καστροκτισίας καὶ τοῦ ἐννομίου, (то же самое стр. 227 въ той же грамотѣ). Стр. 229: ἀνώτερα δὲ ταῦτα καὶ τῆς τῶν δημοσιακῶν κεφαλαῖον διατηρεῖσθαι ἀπαιτήσως, σιταρχίας, καστροκτισίας καὶ ὄρικῆς, ἕπι δὲ καὶ ἐννομίου (то же самое на стр. 231 той же грамоты). Стр. 235: τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρχίας, τῆς ὄρικῆς, τῆς καστροκτισίας, τοῦ ἐννομίου и т. д. Стр. 240: τῆς σιταρχίας, τῆς καστροκτισίας, τῆς ὄρικῆς, τοῦ φόνοος καὶ τῆς εὑρέσεως τοῦ θησαυροῦ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ ὄρική, горнина, является въ числѣ четырехъ статей наряду съ ἐννομίου, пастбищнымъ, хотя обѣ подать почти совершенно однородны, такъ какъ горнина означаетъ поборь со скотомъ, пасущагося въ горахъ, а ἐννομίου поборь со скотомъ, пасущагося на поляхъ и лугахъ. Градозиданіе, древнее русское городовое дѣло, кастротикія, не требуетъ объясненій: оно означало здѣсь, какъ и вѣдѣ, обязанность дѣлать городъ (вала и ограды), возить для этого каменья, известъ и т. п. Въ другихъ грамотахъ четыре статьи формулируются вѣсколько иначе, чѣмъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ. 1) Вмѣсто ситаркіи часто стоять Σειταρατікіон, и въ случаѣ своего присутствія почти постоянно на первомъ планѣ, какъ и ситаркія, которая уже всегда отсутствуетъ при зевгаратикіѣ: новое доказательство тождества поземельной по-даты (зевгаратикія) и ситаркіи или житного сбора. 2) Вмѣсто паст-

¹) *Средневѣково, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXXI, 27.* Въ указанномъ изданіи.

бишваго является загадочная пареенофеорія, дѣворастлѣніе, которую Цахаріѣ даже во второмъ изданіи своего классического сочиненія принималъ за что-то въ родѣ феодального права, *droit de seigneur, jus primae noctis*¹⁾: ошибка, которая теперь, послѣ изданія значительного числа неизвѣстныхъ прежде грамотъ, была бы невозможна. 3) Иногда же, въ замѣнѣ другихъ статей, на ряду съ пареенофеоріей является душегубство и обрѣтеніе сокровища. Именно это сосѣдство и это сопоставленіе пареенофеоріи, дѣворастлѣнія, съ душегубствомъ и доказываетъ, что тутъ дѣло идетъ не о какомъ-либо позорномъ правѣ, потому, что еще никогда нигдѣ ни монахамъ, ни кому другому не давалось еще права на убийство, а рѣчь идетъ просто о судебныхъ пошлинахъ за извѣстныя преступленія, какъ это относительно душегубства и объясняется въ эпирской грамотѣ Андроника II. Тамъ же дается объясненіе и подати, называемой „обрѣтеніемъ сокровища“ — въ томъ весьма просто и естественномъ смыслѣ, что всякие клады, оказавшіеся дѣйствительно существующими, принадлежать царской казнѣ. Самый текстъ будетъ приведенъ ниже, вслѣдъ за другими примѣрами, которые мы заимствуемъ изъ Пантелеимоновскихъ и вообще Аеонскихъ авторъ. По хрисовулу императора Андроника Русскому монастырю (акты Пантелеим. мон. № 20, стр. 166), обитель освобождается отъ всякаго взысканія и отагощенія, существующаго въ области, опричъ слѣдующихъ четырехъ статей: убийства, дѣворастлѣнія, обрѣтенія сокровища и гуменного, то-есть, житнаго сбора²⁾. Въ грамотѣ Стефана Душана митрополиту города Зихнѣ (*Sathas, Bibliotheca graeca*, I, 235) въ слѣдъ за ситархіей, горниною, градозиданіемъ и пастиціемъ (четыре статьи), слѣдуютъ еще: пчелиный сборъ (съ ульевъ), свиной и овечій десятокъ и затѣмъ дѣворастлѣніе. Въ другомъ греческомъ хрисовуле Стефана Душана (изъ собранія преосв. Порfirія, у г. Флоринскаго, стр. 93): взысканіе зевгаратикія, горнины, градозиданія,

¹⁾ Geschichte des griechisch-römischen Rechts, p. 247: Hier (въ хрисовуле Андроника Младшаго 1331 года) kommt sogar die пареенофеорія d. h. das *jus primae noctis*. Такимъ образомъ Цахаріѣ знать, очевидно, одинъ только случай упомянанія о пареенофеоріи: теперь, когда мы можемъ указать икъ больше десятка, и почти всегда въ одной и той же связи, где дѣворастлѣніе является въ видѣ общегосударственного дохода или повинности, мы безъ всякихъ труда исправляемъ его ошибку.

²⁾ ἄνευ μόνον τῶν καθολικῶν τεταγμένων τεσσάρων τούτων κεφαλαιών, ἡγουν φονικῶν, παρενοφθορίας, εὑρέσεως θησαυροῦ καὶ ἀλυνιατικῶν ἥτοι αιταρχίας.

пастбищного, — — аера, дровъ и соломы, военного постоя, а равно всѣхъ другихъ взыскиемыхъ и даваемыхъ казенныхъ статей, и самого душегубства или убийства, пароенофеоріи, обрѣтенія сокровища¹⁾). Тамъ же (стр. 94) говорится ниже о трехъ статяхъ—убийствѣ, дѣворастії и обрѣтеніи сокровища²⁾). Въ грамотѣ Иверскому монастырю (у Флоринскаго № 3, стр. 97) на первомъ мѣстѣ стбить зевгаратикій (посемельная подать), затѣмъ слѣдуетъ градовиданіе, пастбищное со скота, а потомъ „такъ-называемый губелятникъ, обычно взыскиемый въ Римскомъ государствѣ“ (то λέγομενον τουβελάτικον, отъ чѣмъ сонѫѳес аѣтатеіода: єт тѣ тѣн 'Ромаіону архѣ): такъ что мы готовы опять видѣть здѣсь душегубство, производя загадочное слово отъ борна губить (если только тутъ не ошибки вмѣсто βιγλαтикона, сторожевое). Наконецъ, значеніе нашихъ трехъ статей окончательно разъясняется слѣдующими данными: Въ одномъ славянскомъ хрисовулѣ Сербскаго краля Степана Уроша (Флоринскій, стр. 24) дается такая привилегія одной церкви: „И що се очини вражда (φόνος) мегоу црковными людми, да осудима црковь, такожде и дѣль (дѣвичь) разбой (=пароенофеорія)³⁾. Въ эпирской грамотѣ, о которой мы говорили выше, жителямъ города Янини дается право наказывать того, кто впадеть въ вину душегубства, по мѣстному обычью: „А когда случится обрѣтеніе сокровища кѣмъ-нибудь, то если въ самомъ дѣлѣ такое оказывается существующимъ, найденное принимается и вносится въ богохранную казну (θεοφρόντον βεστιάριον); если же служъ о сокровищѣ будетъ ложнымъ и будетъпущенъ изъ злобы противъ кого-нибудь, то пусть произведено будетъ расслѣдованіе, и когда обнаружится истина, пусть не тревожатъ болѣе человѣка, на кото-раго сказано было обрѣтеніе сокровища“⁴⁾. Какъ важенъ былъ во-

¹⁾ Подлинный греческій текстъ отчастія уже приведенъ выше (стр. 371) при объясненіи «аера». Приводимъ здѣсь ради одного нужнаго замѣчанія продолженіе, также не измѣщенное: καὶ πάντων τῶν ἀπαιτούμενων καὶ διδομένων ἑτέρων δημοσια-ριῶν κεφαλαίων, καὶ αὐτοῦ τοῦ ἀβιωτικίσου,... τε τοῦ ψόνου, τῆς παρθενοφ-θορίας, τῆς εὐρέσεως τοῦ θησαυροῦ. Мы полагаемъ, что между двумя подчеркнутыми словами въмѣсто точекъ, указывающими на неразборчивость письма, просто слѣдуетъ читать ѡте (или): въ такомъ случаѣ ἀξιωτικονъ будеть то же са-мое, чтѣ фόнос, какъ это допускаетъ и этимологія слова.

²⁾ триῶν κεφαλαίων τοῦ φόνου, τῆς παρθενοφθορίας καὶ τῆς εὐρέσεως θησαυροῦ.

³⁾ Срав. стр. 75: о судѣ старцевъ за вражду. Ср. Ius Graecorum., III, 367.

⁴⁾ Χρονογραφія тѣ; Ηπειρου, II, 304: "Ετι γὰρ ὁ μέλλων ἐμπεσεῖν εἰς φόνον, παιδεύηται ὑπὲρ τούτου κατὰ τὴν ἐκεῖσες συντηθέτων.

просъ о сокровищахъ и кладахъ въ Византійской имперії, объ этомъ свидѣтельствуютъ слова знаменитаго Аенискаго митрополита Михаила Акомината въ рѣчи къ одному вновь поставленному (въ концѣ XII вѣка) областному правителю, гдѣ онъ рисуетъ наступившую новую эру справедливости и благополучія: „Теперь никого не потащутъ въ суду, по поводу обрѣтенія кладовъ, клаузники, отказывающіе такого рода дѣла; никто не будетъ принужденъ платить груды денегъ, какъ будто онъ напалъ на заповѣдныя сокровища Креза или Мидаса“¹⁾.

Поземельная (посошная) и подымная подать съ ихъ менѣе обычной спутницей—поголовью или подушною (аеромъ), и четыре, либо три статьи, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, далеко не исчерпываютъ списка таѣостей, лежавшихъ на землевладѣльцахъ и крестьянскомъ населеніи. Слѣдуетъ еще цѣлый рядъ повинностей, съ большею или менѣе подробностью исчисляемыхъ въ царскихъ жалованыхъ грамотахъ монастырями съ цѣлью освобожденія обитателей отъ всячаго рода вымѣсканій и чиновничихъ злоупотребленій. На первомъ мѣстѣ часто ставится ямская повинность, ангарія и парангарія, состоявшая въ обязанности поставлять подводы, коней, воловъ, ословъ, и конечно, нужныхъ при этомъ людей для провоза разныхъ царскихъ сановниковъ и гонцевъ, а равно солдатъ, и также для перевозки военныхъ принадлежностей²⁾. Составляя наслѣдіе Римской имперіи, въ которой почтовая повинность вызывала самыя горькія жалобы и почти отчаяніе городскихъ обществъ, ангарія теперь лежала преимущественно на крестьянства.

Какимъ образомъ производилась раскладка повинности—мы точно не знаемъ. По всей вѣроятности, не всѣ селенія исправляли ее на турою, то-есть, поставляли лошадей на станціи или по нашему ямы; селенія, отдаленные отъ обычныхъ мѣстъ передвиженія, могли вно-

¹⁾ Οὐκέτι οὐδ' ἐφ' εὑρέματι θησαυρῶν ἐλκυσθῆσται τις παρὰ τῶν ἀνοριττόντων. δίκας τοιαύτας καὶ βιασθῆσται δῆκας γρηγάτων ἀποδοῦναι ως τὰ τοῦ Κροῖσου, ἡ Μίδου εὐρητώς. Λάμπρος, Μιχαὴλ τοῦ Ακομινάτου τὰ σωζόμενα (ἐν Αθηνais, 1879), pag. 177.

²⁾ Ангарія (ἀγγαρία, но и ἀγχαρία: Флоринскій, Аѳонскіе акты, стр. 86) встречается весьма часто. Любопытно упоминание ея въ болгарскихъ грамотахъ: «ни конъ енгарепсати, ни воловы, ни ослите, ни подводу взяти» (Среднеземскій, Свѣдѣнія и замѣтки, стр. 33); «ни имъ зевгаре енгарепсати то ни конъ, ни скотину (тамъ же, стр. 38).

сить деньги, какъ это было въ Московскомъ государствѣ (ямщика, ямскія деньги). Въ Патмосской грамотѣ Алексія Комнина, сверхъ того, отмѣчается сюда же кривадлежаніе обязанности сельскихъ жителей содержать дороги, мосты, разнаго рода пристанища и загоны для прокрытия и отдохновенія людей и скота¹⁾.

Съ ямскою повинностью соединялась постойная, состоявшая въ обязанности не только давать помѣщеніе, но и содержаніе или коры мѣровѣщающимъ. Извѣстно, что въ римское время путешественники получали подорожную, въ которой и обозначалось, имѣть ли онъ право только на *evectio* (провозъ), или же имѣсть съ тѣмъ и на *tractoria* (содержаніе); пользоваться послѣднимъ можно было отъ двухъ дней до пяти, но притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ Патмосской грамотѣ 1088 года, вообще содержащей въ себѣ наиболѣе подробныя свѣдѣнія по данному предмету, эта повинность называется *ἀπλήκτον*, словомъ, обыкновенно употреблявшимся для военнаго поста²⁾. Правомъ поста и коры, по этой грамотѣ, могутъ пользоваться судьи, воеводы, сборщики податей, практиры, дуки, катепаны, чужеземные послы и проводники ихъ, проводники ссылныхъ³⁾, и вообще царскіе люди, послыаемые по какой-нибудь казенной надобности. Здѣсь же исчисляются предметы, которыхъ могли требовать путешественники; поставка ихъ жителями замѣняла постойную повинность⁴⁾; поименованы слѣдующія животныя: мулы, полумулы, ослы, полуослы, лошади, кобыли, лошаки, овцы, козы, олени, собаки, охотничья и пастушья, гуси, утки, фазаны, журавли, павлины, голуби, а вмѣстѣ съ тѣмъ и птицы яйца. Савовники и чиновники имѣютъ право на помѣщеніе и приемъ, хѣфиды иллѣ *ὑπόδοχη*; они могутъ требовать вина, масла, хлѣба, ячменя, овса, всякихъ огородныхъ растеній, масла и т. д.

Военный постой, *μετάτον*, *μητάτον*, *μιτάτον*, соединялся точно также съ обязанностью прокармливать войско, идущее въ походъ или возвращающееся изъ него⁵⁾.

Еще разъ должна быть отмѣчена военная или ратная повинность и упоминаемая рядомъ съ нею корабельная или морская:

¹⁾ *Zachariae, Jus Graecorum.* III, 374. ὁδοστρῶν, γεφυρῶν, παροικιατῶν, ἐννόμων, φραγγομητῶν, φραγγετῶν.

²⁾ *ἀπλήστων*, *μεσαπλήστων* *χριτῶν*, *στρατηγῶν*, *ἀπαιτητῶν*. Вмѣсто *ἀπληστων* слѣдѣтъ, безъ сомнѣнія, читать «*ἀπλήκτων*».

³⁾ *μανδατόρων* тобѣ бр҃омъ прѣօбѣс *ἄγοντων* ή *έξοριστος*.

⁴⁾ *καὶ ὑπὲρ τῶν ἀπλήστων χερείας χρεῖων*.

⁵⁾ *φοσσάτου διατροφῆς καὶ ἀπλήστων ἐπὶ πόλεμον ἀπίοντος η ὑποστρέφοντος*.

вооруженіе моряковъ, стрѣлковъ пѣшихъ и конныхъ, палиценоносыцъ (ματσουχάтѡу), копѣйщиковъ и другихъ стратіотовъ. Патиосская грамота говоритъ о многихъ частностяхъ и подробностяхъ, но къ сожалѣнію, изложеніе ея такъ беспорядочно, что нельзя иногда угадать, къ какой главной статьѣ эти подробности относятся. Къ военной по-винности и къ строенію катогръ, то-есть, военныхъ судовъ (*κατεργούχτιсіа*), иначе, къ военно-морской повинности, относится, можно думать, обязанность рубить и перевозить лѣсъ, пилить доски, давать парусину, къ чему другія грамоты прибавляютъ еще паклю, коноцию, смолу и т. д. Къ военно-постойной повинности принадлежитъ, вѣроятно, обязанность давать желѣзо и гвозди для кованія лошадей (*σιδуро бѣссеиς ἡ χαρφοπτάλοι και μαγιο*); вообще же къ постому—обязанность давать дрова и солому (*βολάχоров*, сѣно (*χόρтиса*) и т. п.). Отдѣльно отъ „пастбищного“ стоять во многихъ грамотахъ подать съ домашнаго скота разнаго рода: съ овцѣй, особенно со свиней (овчій и свиной десятокъ славянскихъ грамотъ), и даже со ячнѣй или пчелничьимъ ульевъ (*μαλισooмію*, ячнѣйный десятокъ), и отъ проплода скотнаго¹). Очень рѣдко въ греческихъ документахъ говорится о повинностяхъ, относившихся къ царской охотѣ, тогда какъ въ сербскихъ аеонскихъ и не аеонскихъ грамотахъ обыкновенно упоминается освобожденіе отъ псаря и соколара (сокольничаго). Несомнѣнно однако, что и Византійскіе государи имѣли свою зѣрнину и птичью охоты, соединенные съ содержаниемъ наѣстнаго штата заѣдущихъ оними лицъ и съ разными привилегіями, отаготительными для подданныхъ. Мы видѣли, что въ грамотѣ Никифора Ангела, деспота Эпирскаго, говорится о его царскихъ птичникахъ, которыми запрещается чѣго-нибудь требовать въ имѣніяхъ одного монастыря²). У Аны Комники (Alexiad., VII, 370) упоминаются царскіе ястребы (*βασιλікѣ ἵερακас*). У Михаила Палеолога его приближеній, Константина Хадина, о которомъ рѣчь была выше, косильваніе протоіеракарія, не наименуя—главнаго сокольничаго. Нѣть сомнѣнія, что подъ геракаремъ сербской грамоты Стефана Душана,

¹⁾ παρουῆς γεννημάтѡу. Въ формулахъ, изданныхъ теперь Саюю (Bibliotheca graeca, VI, 645), тотъ, кому поручается сборъ десятины, обязывается брать тѣ зѣдкіи чѣнчи матихѣ пасѣцѣ сіобдо и пасѣчѣ чѣнчи матихѣ катаспордѣ, кай сіобдо. и проч. Въ грамотѣ Стефана Душана (у Флоринскаго, стр. 86) слѣдуетъ читать: συνδѣсіас γενнημатѡу.

²⁾ См. юньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.*, стр. 164. О Константинѣ Хадинѣ: тамъ же, стр. 124.

при которомъ ся издатель поставилъ знакъ вопроса, разумѣется также скопольничій (*ιεραχάριος*, какъ въ греческомъ актѣ *πρωτο-ιεραχάριος*). Къ перечисленнымъ разрядамъ повинностей намъ остается прибавить нѣсколько отдельныхъ терминовъ и выражений, имѣющихъ либо синонимическое, либо частное значеніе. *Ψωροβυρία*, хлѣбное взысканіе, очевидно, находится въ связи съ постнойю повинностью и относится къ содержанию чиновниковъ; это то же самое, что и упоминаемая въ другихъ грамотахъ досѣ *σίτου καὶ σιγελάτου*, дача хлѣба, вина и масла; *βιγλιάτιχον* (Флоринскій, Аeonікіе акты, стр. 98) не можетъ быть ни чѣмъ другимъ, кроме сторожевой службы; *διάβατον*, встрѣчающееся въ греческомъ актѣ Стефана Душана (*ibid.*), — то же самое, что *διάβατο*, стоящее на ряду съ *κούμερκηмъ* (*коумеркъ*) въ болгарской грамотѣ (Свѣдѣнія и Замѣтки, стр. 38), слѣдовательно, взысканіе, относящееся къ товарамъ и торговлѣ; такъ какъ *χοιράρχιον* означаетъ собственно таможенную пошлину, то *διάβατо* должно означать пошлину за провозъ (транзитъ) товаровъ внутри страны. Это то же самое, что *διάβατіхонъ* въ грамотѣ Андроника Младшаго городу Монемвасіи (см. у Диканжа). *Νόμιστρον* или *νόμιδρον* есть только другое выражение для *έννομου* и означаетъ пастбищный сборъ со скота. Жировина славянскихъ грамотъ равняется греческому *βαλάνιστρον* и заимствуетъ свое название отъ дубовыхъ желудей.

Цахаріе-фонъ-Лингенталь, какъ известно — первый авторитетъ въ вопросахъ, соприкасающихся съ исторіей византійского права, могъ указать только три хрисовула, содержащихъ въ себѣ наиболѣе подробное исчисление повинностей, лежавшихъ на нарикахъ. Это были хрисовулы Алексія Комнина Христодулу, основателю монастыря на островѣ Патмосѣ (объ этой грамотѣ рѣчь была выше), хрисовулъ Іоанка Вататци о возстановлѣніи монастыря Лемвіотиссы близъ Смирны 1228 года, и хрисовулъ Андроника Младшаго относительно правъ и привилегій монастыря на островѣ Патмосѣ. Дополненія сдѣланные въ текстѣ указанія ссылкою въ примѣчаніи еще на двѣ грамоты, изъ коихъ одна есть *запѣтная* намъ эпирская грамота Андроника II, Цахаріе дѣлаетъ такую замѣтку, сопровождающую притомъ знакомъ восклицанія, что, быть можетъ, какому-нибудь греческому ученому и удастся объяснить эти отчасти загадочные подати и повинности¹⁾). Перечитывая теперь

¹⁾ Vielleicht dass es einem griechischen Gelehrten gelingt, diese zum Theil rätselhaften Abgaben und Reallasten zu erklären! Geschichte des griechisch-römischen Rechts, pag. 247.

снова указанные хрисовулы, мы, къ немалому своему удивленію, замѣчаемъ, что для насъ почти ничего не остается въ нихъ темнаго и затруднительного, и что если есть что-нибудь непонятное въ первой Патмосской грамотѣ 1088 года, то это не относится собственно къ названию и сущности податей, а къ поименованію двухъ-трехъ предметовъ, взысканіе которыхъ входило вмѣстѣ съ другими въ составъ извѣстной повинности. Въ видѣ повѣрки мы представляемъ, впервыхъ, переводъ на русскій языкъ соотвѣтствующаго мѣста изъ грамоты Смиренскому монастырю Лемвютиссѣ (Acta graeca, IV, 4). Монастырскіе парики селенія Милъ освобождаются: „отъ всякой и всяческой тягости, ямской повинности и ямщицы (ангари и парангари), какъ всякаго другаго, такъ и хлѣбнаго взысканія (псомозиміи), городового дѣла (кастрохтисіи), стройки судовъ (катерготисіи), рубки и доставки какого бы то ни было лѣса, доставки пакли, конопли, смолы, пережиганія углей, содержанія постоеvъ для военныхъ людей и для гражданскихъ лицъ (ματέαοι καταβέσεως καὶ ἀπλήχτου), отъ потребъ воеводскихъ и катепанскихъ, отъ настѣнщаго, отъ поголовнаго (ἀέρος), отъ поставки моряковъ и волѣйниковъ, отъ требованія десятинъ¹⁾), отъ дачи овецъ, поставки упражненыхъ телегъ, исключая ситархію и любовь, двѣ статьи, подлежащія взысканію въ пользу казны". Затѣмъ говорится еще о специальныхъ поборахъ съ рыбной ловли, устроенной монастыремъ. Если будутъ принять высказанные нами соображенія относительно аера и ситархіи, то во всемъ этомъ не совсѣмъ понятнымъ останется только одна *άγάπη*, стоящая рядомъ съ ситархіей (житарствомъ); но почти нѣть сомнѣнія, что это есть синонимическое выраженіе для одной изъ уже извѣстныхъ намъ податей, можетъ быть, для которой-нибудь изъ четырехъ статей²⁾). Въ описи имѣній монастыря Лемвютиссы, составленной въ 1235 году (Acta Graeca, IV, 17), къ сожалѣнію, не повторены тѣ повинности, которыхъ остаются на монастырекомъ помѣстьѣ Милахъ: иначе мы могли бы имѣть разъясненіе недоумѣнія; за то опять перечисляются всѣ снимаемыя повинности и подати, начиная съ «аера того селенія» (καὶ τὸν ἄέρα τοῦ αὐτοῦ

¹⁾ ἀπαίτησεως σουδօստին: почему мы переводимъ это слово десятиною, объясненіе тому находится выше въ примѣчаніи на стр. 378.

²⁾ Но очевидно, вопросъ, поставленный нами выше, въ одномъ цѣлѣ примѣчаній о тождествѣ *άγάπη* съ поголовною податью, получаетъ отвѣтъ отрицательны. См. юльскую книжку, стр. 118.

χερίου), а за выгономъ двукъ упряженыхъ телегъ еще прибавлена поставка парусиной ткани и какихъ-то казакадъ (ἀρματάγινον καὶ καζάκαδεν), очевидно, также какой-нибудь матери или ткани. Что касается второй Патмосской грамоты 1331 года, то здесь весьма кратко перечислены главнѣйшия подати, отъ которыхъ освобождаются парики монастыря съ прибавлениемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ, о чѣмъ прямо сдѣлана оговорка въ документѣ.

Вотъ самыи текстъ, сообщаемый нами въ подлиннике, такъ какъ чтеніе, установленное Цахаріа, требуетъ легкой, но довольно важной по своимъ послѣдствіямъ поправки: той же κεφαλαιον, тѣс стархіас, той ἄροс, той ἀφιστіхіо, тѣс παρθενοφθορіас, той ξενοτалоїс λεγομено, той μητріатіас, той ἀлатотефо, той ζωγρатіхіо... Если въ самомъ дѣлѣ поставить запятую послѣ слова κεφαλαιоν, то оно само по себѣ будетъ означать поголовную или подушную подать, и следовательно, слово ἄροс, читаемое дальше, уже будетъ выражать что-нибудь другое, а не поголовную подать, какъ мы принимали. Но есть сомнѣнія, что засята стоять ошибочно и неправильно, въ чёмъ убѣдится всякий, кто дастъ себѣ трудъ просмотрѣть параллельныя мѣста во вновь изданныхъ грамотахъ¹⁾: κεφαλαιоν значить здѣсь не capitatio, а сарит, не головщина, а глава; и переводъ отрывка будетъ слѣдующій: „Освобождаемъ монастырскихъ париковъ отъ всякаго угнетенія и отгощенія, а равно отъ всѣхъ обычныхъ мѣстныхъ взысканій, именно отъ статьи, называемой житнымъ сборомъ, отъ поголовной подати, отъ убийства, дѣворастія (дѣвичьяго разбоя), такъ называемой гостиной подати, помѣсячнаго (дѣй послѣдня суть, очевидно, мѣстныхъ подати), отъ соланой подати и отъ поземельной“, отъ всѣхъ другихъ казенныхъ взысканій и требованій²⁾. И здѣсь все понятно, за исключеніемъ двухъ мѣстныхъ податей. Верочемъ, легко догадаться о значеніи по крайней мѣрѣ одной изъ нихъ: гостиная

¹⁾ Флоринскій, Аеоніскіе аланы, стр. 44: σῶτε γὰρ τὸ κεφαλαιον τῆς (τε) σταρχίας ἀκατηρίσατε εἴς πότεν. Ср. стр. 77 и 81.

²⁾ Въ этой грамотѣ упомянуто дѣворастіе, но вмѣсто зуничества, обыкновенно стоящаго съ нимъ рядомъ, названо здѣсь ἀφιστіхіо. Такимъ образомъ, наше объясненіе слова подтверждается, и никакъ не противорѣчитъ этому объясненію, очевидно, другое значеніе термина, встрѣчающагося однажды въ другой связи, именно: въ значеніи третьей части или въ известномъ случаѣ половины имущества, достающагося послѣ смерти парика его господину или землевладѣльцу, въ значеніи mortuarium. См. *Zachariae, Gesch. des gr.-römisch. Rechts*, 248.

подать можетъ означать постороннюю повинность, а мѣсачная — либо пастищное, налогъ на скотъ, страннымъ образомъ опущенный, либо сборь въ пользу мѣстныхъ властей. Наконецъ, въ первой Патмосской грамотѣ 1088 года только вскользъ упоминаются главныя подати, между прочимъ сборы, поголовные и подымные (прособовъ *ἀπόφων хαι κατηνέου*), обязательная продажа хлѣба по пониженнымъ цѣнамъ (*συνονή*), а все внимание устремлено на болѣе подробное описание посторонней повинности, разнаго рода кормовъ и повинности военно-морской. Здѣсь совершенно непонятно остается, между прочимъ, вслѣдствіе дурнаго состоянія подлинной рукописи и недостающіхъ въ изданіяхъ словъ для контекста, собственно только одна строка съ выраженіями: *Σερμένου πολεμικῶν, χαρφῶν και λοιπῶν ἀλλῶν*. Здѣсь возможны только догадки: *χαρφός* вѣроятно одно и то же съ *χέρβαλον* и въ такомъ случаѣ означаетъ раппум *viliogem*, *crassigem*, грубую ткань, въ соотвѣтствіе съ парусиной, о которой упоминалось выше¹⁾. Военные вермюны напоминаютъ еракійские плащи или нақидки, называемые у Геродота вирами (*Σεράς τεριφερλημένος πολῆς VII, 75*); въ родствѣ ли они съ казакадами — сказать трудно²⁾), но во всякомъ случаѣ неясность относится здѣсь не къ существу дѣла, а къ второстепеннѣйшимъ его подробностямъ. Выводъ, къ которому мы хотѣли пріѣти, состоить въ томъ, что чѣмъ больше будетъ издаваемо грамотъ, тѣмъ легче будетъ намъ становиться изученіе ихъ содѣжанія, тѣмъ больше будутъ исчезать трудности, пока останавливающія даже такихъ знатоковъ дѣла, какъ Цахаріз. Простая частица „то-есть“ (*ὅτοιον*), стоящая въ одномъ аѳонскомъ актѣ между синтаксіей и зевгаратикіемъ, дала намъ возможность понять настоящій характеръ такъ часто упоминаемой синтаксіи, а союзъ „или“ (*ἢτα*), стоящей между *ἀβιστίχιον* и убийствомъ, фоносъ, объяснилъ непонятное прежде значеніе этого слова среди исчисления разнаго рода повинностей.

Наименование и количество византійскихъ податей и повинностей, конечно, даетъ пѣкоторое представленіе о тяжести того бремени, которое лежало на землемѣльческихъ классахъ. Можетъ быть, и справедливо замѣчаніе, которое нѣрѣдко дѣлаютъ новые историки, что именно здѣсь находится объясненіе, почему христіанское населеніе азиатскихъ, а послѣ — и европейскихъ частей имперіи сравнительно

¹⁾ Въ такъ-называемомъ варварскомъ текстѣ Никиты Хоніата (pag. 783) та *χάρβαλα* *και* *φοχισμένα* *ρύζω*.

²⁾ Можно также предположить, что *Σερμένος* = *δερμένος* отъ *δέρμα*, кожа.

легко примирялось съ владычествомъ Турокъ-Сельджуковъ и Турокъ-Османовъ. Сами византійскіе историки, объясняющіе, что ихъ соотечественники добровольно никогда бросались въ огонь рабства, снасаясь отъ дыма домашней податной системы (*καπνόν форолоғас Никита Хоніатъ* rag. 97), могутъ быть считаены первыми распространителями такого взгляда. Но для болѣе вѣрнаго и полнаго пониманія подобныхъ отзывовъ нужно еще имѣть въ виду другую сторону дѣла, которая, можетъ быть, заставитъ насъ сказать, что не столько количество налоговъ, сколько способъ ихъ взиманія былъ причиной жалобы и стоновъ. Мы не будемъ останавливаться на общей характеристицѣ византійскаго чиновничества, величество котораго въ концѣ XI вѣка считалось, говорить современникъ,—десятками тысячъ¹⁾), и даже не будемъ заниматься специальнымъ изученiemъ пріемовъ и обычаевъ, которыми отличались разнаго рода сборщики податей, даньщики, писцы, дозворщики и т. п., хотя на это намѣлось бы достаточно материала въ давно известныхъ источникахъ, между прочимъ, въ весьма любопытныхъ страницахъ Никиты Хоніата, съ особаго рода юморомъ изображавшаго права высшихъ представителей управлениія именно со стороны ихъ финансовой политики²⁾). Пока мы отмѣтимъ только нѣкоторыя интересныя черты, заключающіяся въ недавно изданной перепискѣ знаменитаго Пселла (пятый томъ Средневѣковой Греческой Библіотеки, издаваемой Сасю). Мы видимъ отсюда, что въ его времѧ (XI вѣкъ) служба по сбору податей была обыкновеннымъ начальствомъ служебной карьеры для способныхъ молодыхъ людей, какъ это было и съ самимъ Пселломъ; видѣсь мы можемъ наблюдать крѣпкія связи столичнаго чиновничества съ провинціальнымъ и общіе взаимные интересы, связывавшіе мелкаго начинаящаго практитора или нотарія, съ его покровителемъ при царскомъ дворѣ, защищающимъ своего *protégé* противъ всякаго рода напастей. Вотъ, напримѣръ, письмо Пселла, уже важнаго тогда сановника при царежкомъ дворѣ, къ областному начальнiku Оракійской области, Кесиру (№ 47, rag. 279): Пселлъ ходатайствуетъ за какого-то нотарія, который былъ вызванъ Кесиромъ изъ столицы къ мѣсту своего служенія и долженъ былъ отдать отчетъ въ неправильно высканныхъ деньгахъ: по просту говоря, онъ былъ уличенъ въ лжониствѣ и вымогательствѣ при сборѣ податей. Что

¹⁾ Attalat, rag. 275. Πάσος ἡ φούχλητος ὑπὲρ μοριάδας ἀνδρῶν παραμετροιμένη.

²⁾ См. для примера характеристики министровъ Мануила, особенно Иоанна Пуцинскаго—хотя въ русскомъ переводе; стр. 70—73.

же пишеть въ защиту его настъ философъ? „Не всѣ“, говорить онъ—„апостолы, не всѣ Миносы и Радаманы“. А затѣмъ, въ концѣ концовъ, оказывается, что лихоймецъ былъ должникъ Пселла и началъ свои операции на его деньги, въ чёмъ и не постыдился сознаться самовній заступникъ. Вотъ письмо Пселла (№ 100, стр. 348), въ которомъ онъ рекомендуетъ другому областному правителью тоже сборщика податей: этотъ—еще новичекъ въ искусствѣ взысканій, или какъ выражается ученый корреспондентъ,—„первоупражненный жеребчикъ на податица дѣлъ“, и потому нуждается въ хорошемъ руководителе, который, въ случаѣ нужды, сдержалъ бы его горячность и уклоненія въ сторону, на подобіе опытнаго воинца: пусть самъ вестаркъ (ти-туль провинціального самовнія) будетъ такимъ руководителемъ. Вотъ еще одно посланіе Пселла (№ 104), въ которомъ онъ обращается къ областному правителью (судѣ) Целопонниса и Эллады уже съ просьбой оказать покровительство противъ мѣстныхъ сборщиковъ податей одному изъ его знакомыхъ, носившему духовный санъ епископа. „Предъ другими“, старается онъ умилостивить самаго безжалостнаго и жаднаго представителя тогдашней самовній іерархіи (это былъ Никифорица, о которомъ есть не мало рассказовъ у современниковъ и позднѣйшихъ историковъ), — „предъ другими изъ судей имѣютъ силу ладошка, дающая взятку, либо слеза, текущая изъ очей, а предъ тобою достаточно одного слова“. Вѣроятно, или по крайней мѣрѣ, такъ мы должны думать изъ уваженія къ Пселлу, что въ числѣ этихъ сборщиковъ податей не былъ тотъ, котораго онъ самъ рекомендовалъ правителью Целопонниса и Эллады (№ 82, rag. 269), какъ достойнаго молодаго человѣка, притомъ хорошаго рода, который сдѣлаетъ честь всѣмъ практикамъ строгою справедливостію своихъ взысканій, и который въ самомъ дѣлѣ не былъ, но видимому, таинъ ловокъ, какъ другие; онъ жаловался своему покровителю (см. № 33, стр. 268) на свою судьбу, на то, что онъ на первый разъ не успѣлъ убѣдить Элладу внести казенные подати и заставилъ Пселла ходатайствовать предъ областнымъ начальникомъ о содѣйствіи ему. Но можетъ быть, тутъ подразумѣвался тотъ другой сборщикъ, который тоже началъ свою карьеру подъ покровительствомъ Пселла, тоже жаловался ему на трудности взысканія податей (№ 34, rag. 269), и который оказался его родственникомъ (№ 144, rag. 383): чрезъ посредство его Пселль, вѣроятно, и долженъ былъ получить въ подарокъ изъ Эллады античныя статуи, противъ ожиданія—не дошедшія до него. На этихъ ука-

занять мы останавливаемся¹⁾). Еще более красноречиво говорить тѣ документы, которые обличаютъ не лица, а саму систему. Вотъ именно двумъ изъ такихъ документовъ, ближе знакомящихъ насъ съ механизмомъ византійской системы взиманія податей и налоговъ, мы и посвятимъ остальную часть нашей статьи. Мы при этомъ не нарушимъ ни внутренней связи нашего исследования, ни прямаго отношенія его къ изучаемымъ нами монастырскимъ актамъ, такъ какъ именно въ этихъ документахъ мы найдемъ объясненіе различий отдельныхъ выраженій, встрѣчающихся и въ архивахъ. Эти документы суть: 1) счетное руководство (для сборщиковъ податей императора Алексія Комнина) и 2) дополнительная записка Михаила Акакія, митрополита Афинскаго, императору Алексію Ангелу, о состояніи Афинской области.

V.

Взиманіе главной, то-есть, земельной подати въ Византійской имперіи сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями для самихъ податныхъ чиновниковъ, и во всякомъ случаѣ, требовало отъ сборщикомъ податей довольно сложныхъ вычислений, потому, впервыхъ, что земельная подать сопровождалась различными дополнительными сборами, высчитываемыми пропорционально съ количествомъ основной цифры (въ родѣ французскихъ *centimes additionels*), и потому, во вторыхъ, что въ имперіи не всегда обращалась монета одного и того же достоинства; напротивъ, нѣкоторые изъ государей прибегали къ порчѣ денегъ, такъ что подъ именемъ номисмы или империала начиная ходить монета совершенно другаго вѣса, почти даже другаго металла, чѣмъ настоящій старый империаль или златница.

Прежде всего относительно монеты нормального чекана намъ нужно знать слѣдующее: Со времени Константина Великаго и до конца имперіи господствовала система, въ которой главною денежною единицею была золотой имперіаль, такъ называемый *solidus*, номисма, империаль; и въ полагалось 72 на фунтъ (литру) золота; слѣдовательно, империаль долженъ быть вѣсить 4,55 гр. и стоять на наши деньги около 4 рублей (4 талера 6,9 Silbergr.) Затѣмъ следовала серебряная монета, тысячникъ, *shiliarense* или *milliaricus*, названная такъ потому, что на фунтъ золота первоначально полагалось 1000

¹⁾ См. еще №№ 65 (о тяжести налоговъ), 138 (о парикахъ, отошедшихъ отъ монастыря), 93, 26, 166, 192 и т. д.

зтихъ серебряныхъ монетъ, а на одинъ солидъ или иперииръ приходилось бы $13\frac{8}{9}$, или 14; но на самоть дѣлѣ считалось 12; следовательно, миларисъ стоилъ приблизительно отъ 30 до 35 копѣекъ. Была еще въ употреблениіи болѣе мелкая серебряная монета въ поло-вину милариса или тысячника; это кератій харѣтъ, сродни нашему пятымътысячному. Кератіевъ было 24 въ номисмѣ; следовательно, и коккій, хокхюнъ, который также встрѣчался въ актахъ Миклонича, есть тотъ же кератій. Затѣмъ оставалась мѣдная размѣнная монета—пуды или фоллы (фольсъ, фоллъ), которыхъ сначала было 210 въ номисмѣ, а потомъ считалось 144, какъ было и въ періодѣ, ближе часъ касающійся; это—наши дѣвъ копѣекъ или немного того болѣе. Дабы предупредить поддѣлку золотой монеты и всякаго рода искашенія ея доброкачественности, чтѣ могло быть причиной многихъ неудобствъ въ торговлѣ и столкновеній между подданными, постановлено было еще въ римское время, что монета будетъ приниматься по вѣсу, сопрѣзно съ образцовымъ экземплярами, имѣвшими особую форму и полный вѣсъ $\frac{1}{72}$ фунта въ точности; такие образцовые иперииръ, разсылаемые по всѣмъ главнымъ городамъ имперіи, именовались екагія, то-есть, вѣсовыми¹⁾. Изъ многихъ прымѣровъ, приведенныхъ нами въ напоминаніи содержанія авторскихъ книгъ малоазіатскихъ монастырей, видно, что и въ XIII вѣкѣ въ сдѣлкахъ купли и продажи между частными людьми постоянно дѣлались оговорки относительно качествъ платежныхъ единицъ; когда выговариваются ёсѣи, то это значитъ, что требуются полновесные старые иперииръ или златницы. Въ то время, которымъ мы занимаемся, эти оговорки нужны были не только въ виду существованія порченой или обрѣзанной монеты, но и въ виду худшей низкопробной монеты, вущенной въ оборотъ самими государями. Особенно сильные упреки за порчу монеты раздаются въ источникахъ противъ императора Алексія I Комнина. „Этотъ императоръ“, читаемъ мы у Зонары (ed. Dindorf, IV, 240),—„уже нашедшій номисму испорченную его предшественниками, сталь ее выѣывать изъ мѣди и употреблять такую монету для своихъ царскихъ расходовъ; между тѣмъ, уплаты податей онъ требовалъ настоающими золотыми; иногда, впрочемъ, онъ принималъ и другую монету, также золотую, но полузолотую, отчасти даже мѣдную“. Не совсѣмъ ясенъ для насъ смыслъ приведенныхъ словъ историка объясняется дальше. Изъ документа, которымъ мы намѣренны заняться ниже сего, мы увидимъ, что въ самоть дѣлѣ

¹⁾ Sabatier, Description gенерale des monnaies byzantines, I, 53 (Paris, 1862).

Алексий Коминъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ и почти полного финансового разоренія, на ряду съ прежними золотыми номисмами — 12 милларисий (серебряныхъ монетъ), пустилъ въ оборотъ какой-то сплавъ изъ меди и золота или серебра и золота, должноставшій хедеть за номисму или империеръ, носявшій ея имя, но равнозначащей по цѣнности четыремъ милларисиямъ = $1\frac{1}{2}$ рубля вмѣсто четырехъ рублей. Шедати онъ, действительно, желая получать въ хорошей монетѣ, не во всякомъ случаѣ было бы клеветою противъ него утверждать, что онъ отказывался отъ своей собственной византийской монеты; онъ самъ, какъ увидимъ, готовъ былъ принимать ее по курсу. Долго ли были въ ходу византийские монеты, введенныя Алексеемъ Коминомъ, намъ не известно. Въ началѣ XIII столѣтія, какъ мы узнаемъ изъ весьма любопытнаго сообщенія одного современаго и вполнѣ достовѣрнаго западнаго писателя, — въ имперіи обращались империеры, хотя и изъ нашего достоинства сравнительного съ полновѣсными номисмами старого образца, но все-таки несравненно высшаго, чѣмъ номисмы въ четыре милларисия. „Империеръ есть золотая монета и стоитъ три серебряныхъ солида“, пишетъ Радульфъ de Coggleshale¹⁾. Безъ сомнѣнія, подъ солидомъ онъ разумѣеть англо-

¹⁾) Radulphi de Coggleshale Chronicon Anglicanum ed. Stevenson, pag. 150 (Въ собраниі Scriptores rerum Britannicarum). Denique dicunt redeuntes, quod quotidianus redditus imperatoris continet XXX millia pergres; pergrae vero est nummus aureus, et valet tres solidos argenti. Еще болѣе, чѣмъ переложеніе империера на шиллинги, интересна первая часть показанія, говорящая о ежедневномъ доходѣ императора въ 30,000 золотыхъ. Рѣчь идеть здесь объ императорѣ Балдуинѣ; но въ отношеніи къ нему сумма представляется столь неѣроятною, что ее можно считать только традиціей изъ недавнихъ временъ самостоятельности Восточной имперіи, перенесенію на латинскаго феодальнаго государя завоеванной Византіи. Очень возможно, что при Коминахъ и даже Ангелахъ доходъ казны простирался въ годъ до 10.950,000 империоровъ; для XII и XIII вѣка это громадная сумма. При возшествіи на французскій престолъ Филиппа-Августа, налоги приносили королю только 8,000 империоровъ; благодаря дѣятельности Филиппа, они достигли 72,000 империоровъ; въ 1372 году государственные расходы во Франціи простирались до 1.172,000 франковъ, изъ коихъ 68,000 на содержаніе королевскаго дома (*Nero, Les Finances Francaises*, I, 13, 68). Но патріотическому новѣйшему греческому ученому историку Папаригопулou 10 миллионовъ кажется мало. Онъ полагаетъ тоже, что сообщаемая Радульфомъ цифра относится собственно къ доходамъ византийского периода и управлѣнія, но только той именно части прежней имперской территории, которая досталась Балдуину (очень сложно и совсѣмъ неѣроятно). А такъ какъ это будетъ только четвертая часть всѣхъ земель бывшей Византійской имперіи, то для периода Коминовъ и Ангеловъ нужно будетъ прив-

норманской шиллингъ, наиболѣе употребительную тогда въ Британіи монету, въ 4—5 пенни; она содержала въ себѣ чистаго серебра 144 грана (теперешний шиллингъ 80, 7), и равнялась 1, 9408 теперешнему шиллингу¹). Итакъ, хотя и не совсѣмъ точно, а только приблизительно въ иперпирѣ XIII столѣтія заключалось до шести нынѣшнихъ шиллинговъ, не менѣе 1, 80 коп. на серебро. Но другимъ даннымъ, на которыхъ основаны новѣйшие ученые специалисты въ данной области, иперпиръ въ XIV столѣтій равнялся 8 франкамъ (Heyd, Geschichte des Levanthandels, I, 543, и приводимъ тамъ сочиненія). Какъ бы то дѣло ни было, все-таки въ посѣдѣ XI, и конечно, въ XII вѣкѣ приходилось при сборѣ податей производить расчетъ по

нать сумму вчетверо большую. Если мы согласимся съ этимъ, то все-таки не поймѣмъ какимъ образомъ у него изъ 30 тысячъ золотыхъ въ день сдѣлалось 184.000.000 драхмъ въ годъ, а изъ учетверенныхъ 30 тысячъ иперпировъ въ день ($=43.600.000$ въ годъ) сдѣлалось годовыхъ 730.000.000 драхмъ. Но сколько же драхмъ онъ считаетъ за иперпиръ? Ламиро Старшій, которому онъ, по видимому, сдѣлываетъ (см. Paparrigop. Histor., V, 991), принадлежитъ XIII столѣтія цѣнность иперпира въ $11\frac{1}{2}\%$ нынѣшнихъ франковъ: счетъ вѣроятно, преувеличенній, — но кажется, это все-таки менѣе 15 драхмъ. Наконецъ, перевода византійскіе миллионы на нынѣшніе, Папарригопуло (IV, 47) полагаетъ, что 730.000.000 равняются выѣзжшимъ тремъ съ половиною миллиардами (3,500 мил.), такъ какъ нужно принять въ разчетъ относительную цѣнность денегъ или золота тогда и теперь. Но нѣтъ ли и тутъ большой ошибки? Мы знаемъ, что дѣйствительно цѣнность денегъ уменьшилась или другими словами цѣны товаровъ увеличились въ новѣйшихъ государствахъ Европы въ сравненіи съ средними вѣками почти въ десять разъ. Воль стояла въ Англіи: въ 1145 году, 3 шиллинга, въ 1185—5 $\frac{1}{2}$, шиллинга, въ 1194—4 шиллинга, въ 1230—8 шиллинговъ. Текерь—30 ф. (Vocke, Geschichte der Steueren des Britisch. Reichs: Leipzig, 1866, p. 5). Но это было въ такихъ странахъ, которыхъ шли отъ варварства къ цивилизаціи, отъ первобытного хозяйства къ болѣе развитому и сложному, отъ бѣдности къ богатству. Если Византія въ среднихъ вѣкахъ была несравненно богаче даньгами, чѣмъ Англія, то и цѣны товаровъ въ ней тогда были несравненно выше и вовсе не увеличились внослидѣствія такъ, какъ въ Англіи. Мы теперь знаемъ, что корова стоила въ предѣлахъ Византійской имперіи $3\frac{1}{2}$, полновѣсныхъ новомисы уже въ 987 году, воль стояла 9 полновѣсныхъ золотыхъ монетъ въ 1271 году, 9 монетъ въ 1272 (см. іоильской книжки стр. 104, 168). Невѣроятно, чтобы въ теперешней Греціи эти предметы стоили въ пять разъ болѣе. Много разсуждая о сомнительномъ сообщеніи Вениамина Тудельского, Папарригопуло не отвѣтилъ наиболѣе достовѣрной цифры, относящейся къ исторіи византійскому фінансовому, именно—свидѣтельства Никифора Григоры, что въ его время (XIV вѣкъ) поземельный налогъ приносилъ ежегодно одинъ миллионъ иперпировъ.

¹) Маклеодъ, Основанія политической экономіи (русский переводъ, стр. 489).

двойной монетѣ, по двойному, такъ сказать, курсу: понятно, какое обширное поле открывалось для злоупотреблій византійскихъ чиновниковъ, слишкомъ всегда склонныхъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для вымогательствъ и обмана. Чтобы помочь дѣлу и обуздати хищныхъ агентовъ своей казны, императоръ Алексѣй приказалъ составить два образцовыхъ расчета для вниманія податей: одинъ для старой, прежде узаконенной, номисмы, и другой для новой, низкопробной монеты. Первая формула или норма приписывается, въ надписаніи любопытного памятника, даже не Константина Великому, а самому императору Августу.¹⁾: представление, основанное на похвальномъ уваженіи къ старинѣ, однако на сей разъ совершенно неосновательное.

Неосновательность представления о собственно римскомъ происхожденіи стариннаго стечного руководства доказывается добавочными статьями, которые, какъ мы сказали, сопровождали поземельную подать, и способъ вниманія и учета которыхъ также сообщается въ нашемъ памятнику. Не всѣ изъ этихъ добавочныхъ статей ведутъ свое начало изъ такой глубокой древности. На первомъ мѣстѣ стоитъ статья, называемая дикератомъ, какъ бы десяти-алтыникомъ (два кератія, а кератій можно сравнить съ пятнадцатымъ). По свидѣтельству Феофана (Theophani Chronogr., I, 634), подать эта была введена первымъ изъ иконоборческихъ императоровъ, послѣ большого землетрясения въ 740 году. Такъ какъ жители Константинополя не въ столице были въостановлены разрушеніемъ землетрясениемъ столь же столицы, то Левъ Исавръ взялъ это на счетъ казны, а въ замѣнѣ того надбавилъ къ податямъ всѣхъ своихъ подданныхъ по одному милиарисю (=два кератія) на каждую золотую монету (хотя єлохотію). Такая добавочная подать, очень естественно, осталась и послѣ восстановленія стѣнъ, ее замѣнили при Алексѣй Комнинаѣ съ каждой номисмы старой и новой, съ каждой доли номисмы въ соответствующей пропорціи. Вторая надбавка, вѣроятно, еще позднѣйшая, состояла изъ шести дулл или фолловъ на количество основной подати, превышающее $\frac{1}{6}$ номисмы; она поэтому и называлась энзифолиумъ (шестипульникомъ, єбафолломъ). Это еще не все. При руководствѣ для податныхъ расчетовъ мы читаемъ слѣдующее замѣченіе (Zachariae, p. 891): „Вотъ что требуется и взыскивается ради казны. Кромѣ этого, сбор-

¹⁾ Памятникъ въ первый разъ былъ изданъ Монбономъ, а теперь находится въ собраний номинации *Либретто Імп. Семесоком.*, III, 385—400.

щикъ (практоръ) всегда имѣлъ обыкновеніе вѣчно спринговать и въ свою пользу; именно на каждую номисму однѣй милліарисѣй пошлины (это буквальное значение слова *συγχέσεις*) или поминка, что составляетъ $\frac{1}{12}$ номисмы, а сверхъ того, въ видѣ вознагражденія за ногоутощеніе (*ποδοκόπιον*) того его человѣка, который привлекаетъ плательщика къ взносу должнаго казнѣ,—погоннаго (=хоженаго, *άλατικόν*) 12 пуль или $\frac{1}{24}$ номисмы. Такъ какъ дикерато-экзофольный сборъ принадлежалъ казнѣ, то онъ отмѣчался въ счетѣ (*κατάσταχον*), представляемомъ сборщикомъ въ главный приказъ. Пошлины (*πομικηία συγχέσεις*) и погонное вносились также въ казну и въ главный приказъ, но казначейская вѣдомость (*λιστы, ἀριθμός*) о пріестѣ ихъ выдавались отсюда приказными отдельно на каждый податной участокъ согласно съ представленнымъ счетомъ (хотѣ тѣу єїфесу єхас-тѣс тѣв *διοκήσεων*—то есть безъ побѣки?), такъ какъ они взимались, какъ сказано, въ пользу сборщика и людей его. Они вносились въ его счетѣ (*εἰς τὸ κατάσταχον αὐτῷ*), но не вносились въ квитанцію плательщика, выдаваемую послѣднему сборщикомъ. Однако, впослѣдствіи времени, и эти оба сбора взяты были за себя казнью, и съ тѣль поръ они назначаются подробно въ квитанціи плательщиковъ извѣстнаго селевія—примѣрно такъ: (ноземельной подати) сумма: сто номисмъ; дикерату сто милліарисій, то-есть, восемь номисмъ съ третью ($8\frac{1}{3}$); экзофолъ 25 милліарисій= $2\frac{1}{2}$ номисмы; пошлины или поминка 3 номисмы; погоннаго или хоженаго 1 номисмъ, а всего вѣдѣть съ дикерато-экзофольномъ, пошлиной и хоженіемъ 114 номисмъ съ одною третью и съ $\frac{1}{12}\text{-ю}^4$.

Итакъ, уже отсюда мы видимъ, что вслѣдствіе добавочныхъ статей подать увеличилась на $10^5\frac{1}{12}\%$. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что надбавки въ пользу сборщика и его людей (*συγχέσεις и ἄλατικόν*) не могли простираться выше десяти номисмъ и оставались неподвижными, начиная съ податного основнаго взноса въ 200 интерпировъ. Тутъ скрывается некоторое покровительство капиталистамъ и бегачамъ, или по византійскому выражению, особамъ; чѣмъ кружнѣе была сумма (основнаго) налога, и чѣмъ она болѣе превосходила сумму въ 200 монетъ, тѣмъ менѣе становился процентъ надбавки вслѣдствіе неподвижности „пошлины и хоженаго“ или погоннаго. Съ другой стороны, спрашивается: чѣмъ же вознаграждали себя сборщики съ тѣль поръ, какъ у нихъ стали отбирать въ казну взимавшіеся ими прежде для себя поборы? Такъ какъ жалованья имъ не выдавалось, то конечно, они соиздѣли себѣ въ видѣ старыхъ званий поборы. Государ-

ственное казначейство или приказъ большой (собственно общей) казны выдавалъ сборщикамъ акrostихи, то есть, податные листы, по которымъ они и взимали подать въ своихъ участкахъ съ крестьянъ и особъ (χωρίται καὶ πρόσωπα). Сборщики потомъ усчитывались въ казначействѣ и отвѣчали предъ нимъ за полное поступление всего количества податей по акrostикамъ или по расписаниемъ; следовательно, они должны были употреблять всяческия средства къ тому, чтобы не поплатиться самимъ, но чтобы взыскать какъ можно больше. Мы уже замѣтили, что сложность расчета вслѣдствіе многихъ добавочныхъ статей была такъ велика, что могла затруднить даже благонамѣренныхъ сборщиковъ; что же сказать о тѣхъ, которые захотѣли бы воспользоваться ею съ лихомѣстными цѣлями?

Въ приведенномъ нами выше отрывкѣ уже сообщена нормальная формула расчета при ста номисмахъ основной подати. Съ одной номисмы требуется:

- 1) дикерать 1 милларисий =^{1/12} номисмы
- 2) ахзафолль 6 фолловъ (пуль)=^{1/48} "
- 3) пошлина 1 милларисий =^{1/12} "
- 4) за ъзду и хоженое 12 фолловъ (пуль)=^{1/24} "

Въ первой части нашего памятника, посвященнаго образцовому расчету взиманія податей по старому монетному курсу, подробно излагается развитіе приведенной сейчасъ формулы по всѣмъ четыремъ или пяти элементамъ. Въ новѣйшемъ изданіи, какъ и следовало, сплошной текстъ подлинника обращенъ въ таблицы. Первая таблица служитъ для объясненія дробныхъ чиселъ поземельной или основной подати, такъ какъ она могла быть и меньше одной цѣльной золотой единицы. Таблица имѣеть слѣдующій характеръ:

$\frac{1}{48}$ номисмы	=	6 фоллавъ	
$\frac{1}{24}$	"	= 12	"
$\frac{1}{24} + \frac{1}{48}$	"	= 18	"
$\frac{1}{8}$	"	= 36	"
$\frac{1}{8} + \frac{1}{48}$	"	= 42	"
$\frac{1}{12}$	"	= 1 милларисю	
$\frac{1}{6}$	"	= 2	"
$\frac{1}{4}$	"	= 3	" . . . и т. д.

Во второй таблицѣ прибавляется къ расчету дикерать; въ ней объясняется сколько дикерата нужно взимать при основной подати

въ $\frac{1}{48}$ номисмы и т. д., и сколько это будетъ составлять вмѣстѣ. Таблица имѣеть приблизительно слѣдующій видъ:

Номисм.	Дикератъ въ фоллах.	Сумма	или:
$\frac{1}{48}$	1	7 ф.	
$\frac{1}{12}$	2	26 ф. = 1 милл. 2 ф.	
$\frac{1}{4}$	6	$\frac{1}{6} \frac{1}{48}$ ном. = 3 милл. 6 ф.	
$\frac{1}{3}$	8	$\frac{1}{3} \frac{1}{48}$ и 2 ф. = 4 милл. 12 ф.	
$\frac{1}{2}$	12	$\frac{1}{12} \frac{1}{48}$ ном. = 9 милл. 12 ф.	
$\frac{1}{2} \frac{1}{48}$	13	$\frac{1}{12} \frac{1}{24} \frac{1}{48}$ ном. и 1 ф. = 6 милл. 19 ф. и т. д.	

Затѣмъ слѣдуютъ другія двѣ гораздо болѣе сложныя таблицы. Въ первой прибавляется къ основной подати и дикерату еще экзак-фолль, начинающійся при основной подати въ $\frac{1}{4}$ номисмы ($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$; аѣтъ той присоѣдѣто юто бѣрою). Здѣсь расчетъ усложняется еще такъ-называемою антистрофою, то-есть, указаніемъ мелкихъ денегъ, выдаваемыхъ плательщику въ видѣ сдачи, такъ какъ плательщикъ долженъ былъ по возможности вносить свою подать цѣльными золотыми монетами, а не обременять казну негодною мѣдью. Наконецъ, послѣдняя таблица прибавляетъ къ расчету и пошлину (поминокъ) съ хоженымъ или погоннымъ. Въ первой таблицѣ счетъ доведенъ до 10,000 номисмъ включительно, а во второй—только до 200, по причинѣ, для насъ понятной. Вотъ какъ идетъ онъ въ той и другой: Слѣдуетъ поземельный подати $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{6}$ номисмы или двѣ части (бѣрою); къ этому дикерата слѣдуетъ 16 фолловъ, экзакфоллу—6 фолловъ; вмѣстѣ это будетъ $\frac{1}{2} \frac{1}{6} \frac{1}{24} \frac{1}{48}$ номисмы и 4 фолла, или же 8 миллиарисьевъ и 22 фолла; слѣдуетъ требовать одну цѣльную монету (харѣматос юмпера) и въ видѣ антистрофы воротить $\frac{1}{4}$ номисмы и 2 фолла. Впрочемъ, начиная съ двухъ цѣльныхъ номисмъ основной подати, таблица становится гораздо проще и ограничивается расчетомъ двухъ добавочныхъ статей и указаніемъ общей суммы. Примѣръ изъ другой таблицы: подати одна номисма; дикерату $\frac{1}{12}$ номисмы, экзакфоллу $\frac{1}{48}$ номисмы; пошлины $\frac{1}{12}$ номисмы; хоженаго $\frac{1}{24}$ номисмы; все вмѣстѣ $\frac{1}{6} \frac{1}{24} \frac{1}{48}$ номисмы. Первая таблица даетъ возможность переложить долю империа или номисмы въ ходячую монету.

Мы до сихъ порь имѣли дѣло со старымъ образцовымъ расчетомъ; теперь мы должны перейти къ еще болѣе сложному новому, который въ самомъ заглавіи памятника приписывается императору Алексѣю Комину и былъ вызванъ распространениемъ новыхъ денегъ низшаго

достоинства. Введенiemъ къ нему служить рядъ документовъ, содержащихъ въ себѣ, съ одной стороны, недоумѣнія и запросы, по-вергнутые на разсмотрѣніе императора высшими финансами чиновниками, а съ другой—рѣшенія императора. Здѣсь весьма много любопытнаго. Прежде всего мы знакомимся изъ доклада главнаго государственаго казначея съ слѣдующими фактами: Въ двухъ европейскихъ провинціяхъ, Фракіи и Македоніи, подати каждый годъ взыскивались по старому типу. Въ III индиктѣ (ХІІІ ?...) Димитрій Каматиръ согласился внести подать съ этихъ провинцій вдвое противъ прежнаго (значитъ, взять ее какъ бы на откупъ), и такъ какъ этого не исполнилъ, то домъ его былъ преданъ разграбленію. Потомъ на XIV индиктѣ (1091 г.) сборъ подати былъ порученъ Никифору Артавазду, который сдалъ ее въ томъ же индиктѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ, чтобы она была поручена ему и на XV индиктѣ 1092 г.). При семъ въ своей памятной запискѣ онъ признался, что, взымая подати въ сказанныхъ провинціяхъ, онъ нашелъ такой порядокъ, при которомъ въ однихъ селеніяхъ вмѣсто одного миллиариса спрашивалась одна номисма, въ другихъ — вмѣсто двухъ миллиарисовъ одна необтертая (*τραχός*) номисма, въ другихъ же брали ее за три и за четыре миллиариса; напротивъ, всѣ особы (*πρόσωπα*) и монастыри, а также иѣкоторые изъ селеній вносили номисму только за 12 миллиарисовъ¹. Отсюда мы видимъ, что съ крестьянъ сборщики податей могли брать въ шесть и двѣнадцать разъ болѣе надеждашаго. Артаваздъ не отрицалъ, что и самъ онъ слѣдовалъ примѣру предшественниковъ, и только спрашивалъ, какой системы онъ долженъ будеть держаться въ слѣдующемъ году (XV индиктѣ).

Императоръ отвѣчалъ на запросъ, что слѣдуетъ взыскивать со всѣхъ, съ крестьянъ и особы одинаково, именно—при взиманіи пребавочныхъ статей (дикератозезафолла, пошлины и погоннаго) слѣдуетъ требовать вмѣсто миллиариса или прежней небольшой серебряной монеты одну новую номисму, чтѣ составляло увеличеніе вчетверо¹), а² при требованіи основной подати, расчитывавшейся всегда примѣнительно къ золотой монетной единицѣ²), спрашивать старую золотую номисму съ ея приложеніями. Но такой способъ взысканія показа-

¹) ἀντὶ ἀργυροῦ ἔνος ἥτοι μιλιαρησίου ἐν νόμισμα ἐν εἰσπράττεσθαι διὰ τε τοῦ δικερατοζεζαφόλλου ο κ. д.

²) ἐπὶ δὲ τῇ ἀπαιτήσει τῶν νομισμάτων τὸ τραχὺ παλατίου ἐν ἀπαιτεῖσθαι νόμισμα μετά τῶν παραχολουθημάτων αὐτοῦ.

зался плательщикамъ податей слишкомъ тяжелыми, — нужно думать, не столько даже вслѣдствіе возвышенія, происшедшаго отъ замѣны прежней серебряной монеты новою, сколько отъ разныхъ злоупотребленій сборщиковъ, пользовавшихся запутанностью расчетовъ по двойной монетной системѣ. Какъ бы то дѣло ни было, императору сдѣланъ былъ новый докладъ вышесказаннымъ Аратавазомъ съ ходатайствомъ объ облегченіяхъ. На это послѣдовало рѣшеніе, общій смыслъ котораго, по видимому, заключался въ томъ, что теперь всѣ податные расчеты предписывалось производить на новую монету: 1) начиная снизу, позволялось мелкія доли (лѣттѣ фунта), преобладавшія, конечно, при податныхъ расчетахъ, то-есть, величины въ $\frac{1}{40}$ — $\frac{1}{10}$ номисмы и т. д., вносить новыми мѣдными деньгами, — до четырехъ миллиарисій; а какъ скоро изъ сложенія этихъ мелкихъ долей составлялось четыре миллиарисія, то требовалась соотвѣтствующая имъ по цѣнности новая — полусеребряная бѣлая номисма. Такъ какъ за 12 миллиарисіевъ теперь взыскивалось такихъ номисмъ три, и такъ какъ приложения или добавочные статьи, слѣдовавшіе за каждой номисмой, начинались теперь гораздо скорѣе, увеличивались втрое, то очевидно, для казны не было никакой потерь отъ введенія единообразного расчета. Но въ высшей степени любопытно и характеристично толкованіе, которое дали царской резолюціи сборщики податей. Они поняли въ ней только то, что полныя суммы, равняющіяся одной новой монетной единицѣ, должны быть взыскиваемы именно въ видѣ этой новой единицы, то-есть, бѣлой номисмы; но мелкія доли они продолжали расчитывать по старой системѣ, то-есть, по курсу 12 миллиарисіевъ въ номисмѣ, не смущаясь тѣмъ, что вслѣдствіе ихъ расчетовъ часть выходила гораздо болѣе цѣлаго. Положимъ, что съ известнаго плательщика слѣдовало взыскать $1\frac{1}{4}$, номисмы; за одну цѣлую номисму съ него совершенно законно брали монету въ четыре миллиарисія, новую монету Алексія Комнина, но половину номисмы считали ему по прежнему въ шесть миллиарисіевъ (такъ какъ прежняя номисма ихъ имѣла 12), и потому эти шесть миллиарисіевъ перелагали на новый счетъ, то-есть, брали за нихъ одну новую номисму и два миллиарисія. Такимъ образомъ, выходило, что за половину взыскивали въ полтора раза болѣе, чѣмъ за цѣлое: и даже болѣе, чѣмъ въ полутора раза, такъ какъ за номисмою, полученною посредствомъ сложенія мелкихъ долей, при уплатѣ основнаго налога сей часъ же слѣдовали всѣ приложения, всѣ добавочные статьи. Къ части приказа большої казны нужно замѣтить, что такой расчетъ произвелъ тамъ

нѣкоторое недоумѣніе и даже споры; часть приказныхъ (сакретихої) утверждала, что царскій указъ разумѣлъ мелкія доли, лѣктѣ фтрафа, по расчету четырехъ миллиарисіевъ въ номисмѣ, что поэтому $\frac{1}{3}$ номисмы равняется только двумъ миллиарисіямъ. Но такъ какъ для рѣшенія спора нужно было обращаться къ государю, а онъ долгое время находился въ отсутствіи, на западныхъ границахъ имперіи, тревожимъ Бодиномъ и Волканомъ Сербскими, отчасти же въ Филиппополь, то рѣшено было держаться толкованія болѣе выгоднаго для интересовъ казны, и въ продолженіе двухъ индиктовъ XV и I (1091—1093 годы отъ сентября по сентябрь) подати собирались по изложенной системѣ. Когда, въ 1094 году, царь вернулся въ столицу, и ему сдѣланъ былъ докладъ о бывшихъ недоумѣніяхъ и о принятомъ рѣшеніи, то онъ высказалъ строгое порицаніе и полное неудовольствіе. Мое рѣшеніе было совершенно ясно и недвусмысленно, говорилось въ новой его резолюціи:—мою было повелѣно взыскивать цѣльныя суммы въ одну номисму новыми бѣлыми номисмами ¹⁾), а мелкія доли мѣдными деньгами—по расчету четырехъ миллиарисіевъ въ номисмѣ, такъ что тотъ, за кѣмъ причиталось $\frac{1}{3}$ номисмы, долженъ быть взносить два миллиарисія,

кто долженъ былъ $\frac{1}{3}$ — 1 милл. 8 фолл.

$\frac{1}{4}$	—	1	—	—
$\frac{1}{6}$	—	—	16	—
$\frac{1}{8}$	—	—	12	—
$\frac{1}{12}$	—	—	8	—
$\frac{1}{24}$	—	—	4	—
$\frac{1}{48}$	—	—	2	—

Источникомъ мнимой неясности, по словамъ царской резолюціи, было только постыдное лихомиство сборщиковъ податей; императоръ не рѣшается обвинять и приказныхъ (сакретихої); хотя они и знали, что взиманіе податей производится не соотвѣтственно съ царскимъ "повелѣніемъ", но можетъ быть, они съ самаго начала имѣли намѣреніе учитывать сборщиковъ по ихъ же собственной системѣ расчета, о которой теперь и докладываютъ царю. Дѣйствительно, императоръ повелѣлъ взыскать со сборщиковъ все то, что они сами взыскивали съ народа, дабы придуманная ими неясность не послужила имъ въ пользу-

¹⁾) τὸ μὲν χάραγμα νόμισμά διὰ τραχέων ἀσπρῶν νομισμάτων ἀπαιτεῖσθαι.

зу¹⁾. Они, собственно говоря, заслуживали бы даже наказания, но по членъю люблю своему императору довольствуется отбораниемъ отъ нихъ въ свою казну плодовъ ихъ бессовѣтнаго обмана, имѣвшаго послѣдствіемъ тажкое обремененіе народа. Только на будущее время имъ предписывается быть осторожнѣе и держаться законныхъ нормъ, указанныхъ царемъ. Послѣ, какъ мы узнаемъ изъ третьаго доклада чиновниковъ казначейства, не встрѣчалось уже прежнихъ недоумѣй; а если они возникли, то въ другомъ видѣ и не со стороны сборщиковъ податей. При собирааніи податей послѣ 1094 года, въ столицѣ начались такие плательщики, которые считали неправильнымъ и нелогичнымъ платить за новую номисму, втрое меныше прежней и требуемую съ нихъ несравненно чаще, чмъ прежняя, тѣ же 30 фолловъ приложенийъ или добавочныхъ статей дикератоэказафолла, какія прежде сопровождали настоящую золотую номисму; они полагали, что согласно съ понижениемъ номисмы втрое, и приложенийъ съ нея слѣдуетъ брать втрое меныше, то-есть, 10 фолловъ. Послѣдовала третья парская резолюція, которая указала средній примирительный путь, то-есть, постановила взимать приложенийъ съ номисмы—не втрое, а вдвое менѣе прежняго, другими словами—15 фолловъ съ номисмы. Вопросъ о поборахъ пошлинномъ (сочѣвѣ) и погонномъ (ѣлатикомъ) все-таки потребовалъ нового доклада и новой резолюціи. Онъ былъ рѣшенъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и вопросъ о дикератоэказафолль, то-есть, опредѣленъ въ 18 фолловъ съ номисмы. Такимъ образомъ теперь за номисмою слѣдовало всего 33 фолла вмѣсто прежнихъ 66 фолловъ. Таблицы разъясняютъ новую систему въ ея подробностяхъ.

Эти добавочные статьи при новомъ расчетѣ дѣлались особенно тагостными при замедленіяхъ и отсрочкахъ въ уплатѣ податей, при существованіи недоимокъ; миллиариси (четвертаки) тогда превращались въ номисмы (рубли), и съ каждой номисмы вновь слѣдовала надбавка приложенийъ. Напримеръ, плательщикъ долженъ былъ вносить ежегодно одну номисму и три миллиариси, и просрочилъ два года. Его долгъ будетъ уже три $\frac{1}{4}$ номисмы, ибо 4 миллиариси составляютъ одну номисму; а дополнительныхъ статей будетъ слѣдовать къ этимъ $\frac{3}{4}$, номисмамъ 115 фолловъ; при прежнемъ расчетѣ: но-

¹⁾ ἵνα οἱ μὲν διοικηταὶ λογαριασθῶσι καθὼς ἀπῆτησαν, τὸ τῶν διοικήσεων ἀκρόστιχον.

номисма въ 12 милли., приложение въ 66 фолловъ,—приложений было бы номисма 165 фолловъ.

За царскими резолюциями и таблицею расчета, на нихъ основанной, въ нашемъ документѣ слѣдуетъ еще приписка, вѣроятно—позднейшая, потому что въ ней предлагаются два образца для расчета, изъ коихъ первый основанъ уже на томъ предположеніи, что 16 мѣдныхъ фолловъ составляютъ одну новую (такжѣ шероховатую, не обтертую) номисму, а второй на томъ, что номисма разнится даже 12 фолламъ: порча монеты достигла такой степени, что она упала до $\frac{1}{2}$ своей цѣнности. По второй парадигмѣ оказывается, что платящікъ, обязанный уплатою подати въ одну номисму и 9 миллиарисіевъ и просрочившій два года, уплачиваетъ съ приложеніями ни болѣе ни менѣе какъ 56 номисмъ нового чекана. Вотъ этотъ краснорѣчівый расчетъ:

1) недоимка	2 номисмы
2) приложений къ нимъ . .	— 66 фолл.
3) недоимка	18 милл. = 132 ,
4) за 18 миллиарисіевъ или за 4½ номисмы приложений по 83 фолла на номисму.	148½ ,

А всего 2 номисмы, 646½ фолловъ; такъ какъ 12 фолловъ составляютъ номисму, то и слѣдуетъ за двѣ номисмы и 18 миллиарисіевъ требовать 56 номисмъ. Предъ этимъ вѣмѣть всакія дальнѣйшия разсужденія.

Въ заключеніе мы сообщаемъ въ своеемъ переводѣ другой весьма любопытный и важный документъ, тоже бросающій яркій свѣтъ на византійскую податную систему. Разумѣемъ знаменитый докладъ Михаила Акомината, Аѳинскаго митрополита, императору Алексію Ангелу (1195—1203 гг.), содержащій въ себѣ жалобу на бѣдствія его епархіи отъ разныхъ золъ, преимущественно отъ тижестьи налоговъ. Этотъ документъ въ подлинникѣ былъ изданъ уже давно и не одинъ разъ¹⁾; знакомство съ нимъ сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, интересующихся судьбою Аѳинъ въ средніе вѣка; существуютъ его переводы не только на нѣмецкомъ, но и на русскомъ языкѣ²⁾.

¹⁾ Прежде всѣхъ оны были изданы Табелемъ въ его изслѣдованіи «De Thea-salonica episcopis agto»; потомъ были перенесены въ сочиненіе «Michael Acominatos», 118—126, въ Мимель, въ Patrologia graeca, t. 140.

²⁾ Намецкій переводъ «Меленска въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ, русскій въ Православномъ Обозрѣніи 1873 года, № 11, стр. 705—709.

Однако, мы должны сказать, что если прежнія изданія текста и оказываются довольно исправными даже послѣ новой тщательной проверки рукописей и новой перепечатки документа въ полномъ собраніи сочиненій Акомината, издаваемомъ ученымъ Грекомъ Лампросомъ¹), то переводы, особенно нѣмецкій переволь Еллісена, были неудовлетворительны и страдали неизложимыми промахами. Мы воздерживаемся отъ подробныхъ и длинныхъ комментаріевъ на докладную или памятную записку Михаила Акомината. Матеріалъ для нихъ находится отчасти въ рѣчахъ митрополита къ современнымъ ему преторамъ, то-есть, гражданскимъ правителямъ Эллады и Пелопоннеса (называемымъ у Пселла судьями), которыхъ еще ранѣе изданія Лампросомъ были списаны нашими русскими учеными Ф. И. Успенскими, сообщившими обширные извлечения наиболѣе интересныхъ мѣстъ на страницахъ этого самаго журнала, отчасти же въ не изданныхъ письмахъ Акомината, съ которыми еще не успѣло настъ познакомить и Ф. И. Успенский (статьи его о неизданныхъ сочиненіяхъ Михаила Аенинскаго въ этомъ журналь не кончены); отрывки изъ нихъ сообщаютъ тотъ же самый Лампросъ, который потомъ взялъ на себѣ задачу полнаго изданія сочиненій Михаила, въ своемъ предшествовавшемъ трудѣ „Аенинъ въ концѣ XII вѣка“ (1878 г., въ Аенинахъ). Но мы пока не воспользуемся этимъ матеріаломъ; мы надѣемся, что послѣ всего предыдущаго разсужденія о податяхъ и повинностяхъ содержаніе рѣчи будетъ понятно читателю и безъ большихъ объясненій. Михаилъ Акоминатъ жалуется на слишкомъ частныи переписи и межеванія, которымъ подвергалась Аенинская область, и которыхъ, конечно, сопровождались различными поборами въ пользу писцовъ и дозорщиковъ, на часто повторяющееся и не пропорциональное взиманіе „корабельныхъ денегъ“²); затѣмъ упомянувъ мимоходомъ о по-

¹) Μихαїλ Ἀκομίνατος τοῦ Χενιάτου τὰ σωζόμενα. Τόμος I. Εν 'Αθήναις 1879. Второй томъ долженъ быть явиться весною текущаго года, но пока еще, мы не имѣемъ извѣстій объ его выходѣ. Греческія изданія здѣсь получаются съ большими трудомъ; наши казенные библіотеки, Публичная и Академія Наукъ, остаются при старыхъ привычкахъ и не имѣютъ сношеній съ Аенинами, несмотря на то, что правительство признаетъ мѣры для учрежденія тамъ Русской археологической школы. Мы обязаны принести благодарность одному изъ нашихъ академическихъ друзей, проф. И. Е. Троицкому, имѣющему личныи связи съ Аенинами чрезъ посредство греческихъ духовныхъ особъ, за дорого цѣненную имъ возможность знакомства съ трудами и хадоміями ученыхъ Эллиноваго королевства.

²) Къ сожалѣнію, здѣсь въ греческомъ подавленіи вышли цифры, обозначающія количество высыпанныхъ сумокъ, и остались только условные знаки, выражавшіе слово «номисма».

земельной подати и о набѣгахъ пиратовъ, господствовавшихъ тогда въ греческихъ водахъ и опустошавшихъ приморскія области на дальнемъ разстояніе внутрь материка—объ этой главной причинѣ разоренія и обезлюденія Эллады весьма часто говорится въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, — онъ переходитъ къ подробному описанію нашествія на Аѳинъ чиновниковъ, сопровождающихъ претора, то-есть, гражданскаго губернатора Пелопоннеса и Эллады, которому подчинены были и Аѳинъ, несмотря на нѣкоторыя свои привилегіи: рѣчь идеть о требованіяхъ, предъявляемыхъ на основаніи постной и ямской повинностей. Два мѣста въ концѣ документа остаются не совсѣмъ понятными. Въ одномъ говорится о какомъ-то отношеніи къ сбору податей придворного сановника, называемаго мистикомъ: мы можемъ указать только на то, что по одной грамотѣ Алексія II (Jus Graecorum. III, 506) мистикъ долженъ былъ принимать мѣры въ защиту монастырей, подвергшихся неправильнымъ податнымъ взысканіямъ. Въ другомъ мѣстѣ сказано нѣсколько словъ въ защиту сель и участковъ крестьянскихъ противъ такъ-называемыхъ „замковыхъ“, *καστρικού*, *castrenses*, *castriciani* и *καστρικού* суть солдаты, составляющіе постоянный гарнизонъ какой-нибудь крѣпости или лагеря. Совершенно понятно, что солдатамъ, составлявшимъ гарнизонъ Аѳинскаго „замка“ (акрополя?), могло быть воспрещено приобрѣтеніе крестьянскихъ земельныхъ участковъ; трудность заключается въ дальнѣйшихъ словахъ нашего документа: *εἰς συντριβὴν γὰρ τοῦτο, τὸν δρούγγων καὶ βλεφρὸν ἀφορᾶ η δὲ τὸν δρούγγων ἀπώλεια τοῦ καθ' ἡμᾶς ὄρiou πάντος εἰς ἀπώλεια.* Ламбростъ (Аѳинъ въ концѣ XII в., стр. 94) не находитъ удовлетворительного объясненія, какъ не дали такого Елисей и Гонфъ. Мы перевели слово *δρούγγως* (*caterua militum*) выраженіемъ почти противоположнымъ по значенію: (крестынская) община, — и только такимъ образомъ получили удовлетворительный смыслъ. Мы видѣли (см. юльской книжки стр. 123), что катепаникіемъ называется территорія или округъ, обязанная поставкой извѣстнаго количества судовъ; точно также, думаемъ мы, еще менѣшая территорія или крестьянская община, обязанная поставить извѣстное количество военныхъ ополченцевъ — сухопутныхъ или морскихъ, могла бытъ названа „отрядомъ“ (*δρούγγος*). Слѣдуетъ саммѣ текстъ нашего перевода:

„Недостойные и ничтожные рабы могутственнаго и святаго царскаго величства твоего осмѣливаются просить тебя о слѣдующемъ,

господинъ нашъ святой! Наша Аениская область, съ давниго времени уменьшающаяся въ числѣ своихъ жителей вслѣдствіе непрерывныхъ тяжелыхъ поборовъ, въ настоѧщее время подвергается опасности превратиться въ то, что называется Скиескою пустынею. Причина этому опять-таки та, что мы обременены всяческими поборами (ἐπτρείσις), даже болѣе многочисленными и тяжелыми, чѣмъ прочія намъ сосѣднія области. Мы два и три раза, и вообще, слишкомъ часто въ сравненіи съ нашими сосѣдними странами подвергались переписямъ и межеваніямъ, при которыхъ почти блошиними шагами измѣрялась наша песчаная и бесплодная почва, пересчитывалася каждый волосъ на головѣ, тѣмъ болѣе каждый листъ винограда или другого растенія ¹⁾). Мало того и прочія мірскія тягости и повинности—въ другіхъ областяхъ, или совсѣмъ съ самаго начала не взыскиваются, или облегчаются преторами, которыхъ могутъ имъ оказывать такого рода милость, такъ какъ они же сами часто и за-

¹⁾ Οὐ μόνον γάρ ἡμεῖς διε τρὶς καὶ πολλάκις παρὰ τὰς γεωτονούντας ἡμῶν χώρας ὑπέστημεν ἀναγραφὰς καὶ ἐπιτρήψις ἀναφορῶν (Ламп. ἀναγραφῶν), γεωμετριῶν ἔχουσι φολλῶν ἀντικρος τὰς ὑπόφαμα ταῦτι καὶ λυπρόγενα ἡμῶν γῆδια. Относительно чтенія, какъ видно, существуетъ сомнѣніе: вмѣсто ἐπιτρήψις ἀναφορῶν, какъ было у Тафеля, Лампросъ читаетъ ἐπ. ἀναγραφῶν, не объясняя однако, есть ли это его поправка, или чтеніе бывшаго въ его рукахъ кодекса. Во всякомъ случаѣ новое чтеніе не предоставляетъ удовлетворительнаго смысла: какое же различіе между описями и наблюденіями или зрѣлищемъ описей? Зачѣмъ такая тавтологія? Иль дальнѣйшаго видно, что измѣреніе Акомината было, на риду съ отвлеченными указаниями на перепись, представить бѣдствіе въ эсизомъ конкретномъ образѣ; поэтому предъ словомъ: γεωμετριῶν, измѣряющихъ, слѣдовало бы ожидать указаний или на лицъ, производящихъ измѣреніе, или же на материальныя орудія измѣренія и межеванія. Мы предполагаемъ послѣднѣе. Правда, что слово «ἀναφορά» не встречается въ совершенно подходящемъ значеніи, но есть ἀναφορῶν и ἀναφορέως въ значеніи шеста, на которомъ носить тяжесть, или коромысла, и самое ἀναφορά одинъ разъ встрѣчается въ значеніи верхней пластики, потолка (*tabulatum supernum Geoponic liber VI, cap. 1, ed. Niclas. 1721, tom. I, 427*). Мы догадываемся, что подъ «ананфорою» и въ данномъ вѣтѣ разумѣется либо шестъ (*regisca*), которымъ производится измѣреніе, либо мензура (*planehette*). Авторъ записки хочетъ сказать: мы слишкомъ часто испытывали зрѣлище шестовъ,immernden die staubige Erde, und t. d. Въ текстѣ мы поставили вмѣсто того отвлеченное выраженіе «межеваніе». Переводъ Елисеева гласитъ: *denn nicht nur haben wir zwei und drei und mehr mal so viel, als unsere Nachbarlandschaften an Ertreissen und Aufpassereien der Zollverleger anzuastehen;* и согласно съ тѣмъ прескій переводчикъ: «мы подвергаемъ вынуждательствамъ и грабежу сборщикомъ податей».

въдуютъ ихъ взисканіемъ, или по крайней мѣрѣ, принимаютъ въ томъ участіе своимъ содѣйствіемъ¹⁾). А у насъ всѣ эти поборы и повинности вымѣскиваются, и притомъ всѣ со всемъ тажестью, и при томъ у насъ гораздо прежде, чѣмъ у другихъ, хотя мы и находимся въ самой углу Эллады.

„Примѣромъ можетъ служить только что минувшее лѣто. Когда назначена была постройка судовъ (катеръ), мы первые, и притомъ мы одни изъ всѣхъ, заплатили за это, хотя никакихъ судовъ не было на самомъ дѣлѣ построено. Когда потомъ воротился (хата-тактвомотос) Павсій Спиріонъ, опять мы одни внесли корабельныя деньги. Наконецъ еще разъ мы дали известное количество Сгуру и претору, когда съ насъ, противъ нашей воли, вымѣсили столько, сколько не заплатили даже Фивы и Европъ. Между тѣмъ на нашу область и по древнему обычая, и на основаніи опредѣленного въ указѣ росписианія приходится въ нѣсколько разъ менѣе, чѣмъ должны вносить двѣ упомянутыя области.

„Мы не будемъ жаловаться на взисканіе земельной подати, на разбой морскихъ разбойниковъ²⁾). Но какъ могли бы мы безъ слезъ рассказать о преторскомъ вымогательствѣ и насилии! Такъ какъ преторъ не имѣть никакого отношенія къ нашей маленькой области— ни по взиманію податей, ни по отправляемо преторской юрисдикції,— ибо царская золотая грамота воспрещаетъ ему сажай вводѣ въ Аенны; то, какъ бы изъ уваженія къ золотымъ грамотамъ онъ придумываетъ посытить насъ ради „поклоненія“ (святыхъ, ради богомолья). Онъ является во всеоружіи, съ цѣлью сомнѣніемъ своихъ слугъ, привлекая и мѣстныхъ трутней, разныхъ предложенийъ людшинъ (ἀνθρώπων ἀστα τριφολιῶν); какъ будто собирались сдѣлать вторженіе въ землю неприятельскую и варварскую, оять добываетъ себѣ ежедневное промытаніе грабежемъ и хищеніемъ. Впереди его, говоря словами Писа-

¹⁾ ἡ συνεργούσια πάντως τοῖς ἐνέργοις. Переводъ Блаксема: oder doch *der Belasteten auf alle Weise beispielen*—свидѣтельствуетъ о полномъ неизнакомствѣ съ византійскою фразеологіей; да и вообще «*ἐνέργοις*» никакъ не можетъ значить «обремененными», а скорѣе «обременяющими». Русскій переводчикъ: «преторами, — которые содѣйствуютъ имъ (платильщикамъ) въ отбываніи ихъ (налоговъ).

²⁾ Εἴημεν ἀναφέρειν τὴν τοῦ κχήνεος ἀπειτησιν, τὴν λεηλασίαν τῶν φαλεττίων ληπτῶν.

ния, бѣжитъ гибель, такъ-называемые „пріемщики“¹⁾; они требуютъ на каждый день по пятьсотъ медимновъ жита для людей и лошадей; имъ нужны цѣлый стада овецъ, цѣлые стаи птицъ и всѣ виды морской рыбы, а вина—такое количество, что столько и не наберется на нашихъ виноградникахъ: не будемъ однако, слишкомъ распространяться, исчисляя все въ подробности²⁾. Сверхъ того, они еще требуютъ за это платы себѣ, какъ будто какіе благодѣтели, и платы не плохой какой-нибудь и маловѣсной, но такое количество тиже-лаго золота, которое могло бы удовлетворить желания ненасытной души ихъ. Затѣмъ является самъ преторъ и прежде чѣмъ совершилъ свое поклоненіе Богоматери, на одного онъ царапающимъ руки³⁾ за то, что тѣль будте бы не кинуть ему, на встречу, другаго запираетъ въ тюрьму и подвергаетъ пень по другой причинѣ. Такимъ образомъ, угощавшись ими столько дней, сколько ему заблагорас-судится, онъ требуетъ себѣ чалобитья (буквально: поклоннаго проско-чтѣнію)—не знаемъ, потому ли, что онъ самъ поклонился (былъ че-ломъ) Богородицѣ,—и не только онъ самъ этого требуетъ, но и каз-начай (Логураскѣ), и протовестіарій, и протоконстантирий, и даже вся его свита. Онъ заявляетъ намъ, что не прежде поднимется отсюда, какъ собственными руками получивъ что слѣдуетъ. Мы усердно про-симъ и клянемся, что не иначе можемъ внести это, какъ сдѣлать общую складчину (вѣтъ хоісъ брачос таюсто). Онь мало по малу смат-чается, и оставивъ сборщика, должностнаго выискать деньги, со-бирается въ дальнѣйшій путь. Но потомъ—рѣдкое выдумное живот-ное уйдетъ отъ повода: (отъ лиссой ловленности). А еще хуже—иное, будучи взято подъ предлогомъ лиссой ловленности, продается почтомъ собственному хозяину, да не одинъ разъ, а часто и дважды. И вся-кая скотина, какого бы то ни было рода, похищается и потомъ про-дается (своему же хозяину) или взятымъ совѣтъ уходить.

Къ чему же это, святый государь нашъ, такая на насть гибель?

¹⁾ ὑποδοχάτορες Ср. Niceph. Rhosae de rexitat. bellica: υποδοχάριοι. У Болгаръ: подахатори. Иречекъ—Брунъ, Истор. Болгаръ, 524.

²⁾ καὶ ἵνα μὴ μαρτυρῶμεν, τοῖς κατὰ μέρος ἀπεβίοντις. Елисеевъ это пере-водитъ: «und die ausserdem, um uns kurzzufassen, noch die Leute einzeln verfol- gen und in Strafe nötigen». Русскій переводчикъ: «и которые (чтобы не говорить настъ долго) еще преслѣдуютъ и наказываютъ частныхъ лицъ».

³⁾ тобъ хатагъярѣ: чтеніе Лампрова наиболѣе идущее къ дѣлу; другія чтенія приведены тамъ-же въ примѣчаніи.

Казна отъ этого не только не получаетъ никакой выгода, напротивъ, терпить ущербъ, такъ какъ отъ этого въ короткое время очень многіе изъ насъ выселяются, и наша страна дѣлается почти пустынною, какъ мы сказали выше, а вмѣстѣ съ тѣмъ сокращается количество признанной поземельной подати (холоботскѣ тѣ єгуномъ ѿхрощу). Посему, поставивъ на видъ только небольшую часть того, что мы терпимъ, просимъ человѣволюбивѣшее царство ваше оказать и къ намъ состраданіе, усмирить бурное наводненіе налоговъ (хокаси тѣн хатахлоэрбъ тѣн єктромѣ), или же опредѣлить, чтобы они сдѣлялись болѣе умеренны, для насть выносимы и соотвѣтствовали находящимся у насть царскимъ опредѣленіямъ, ибо мы ничего не просимъ новаго или вреднаго для казны. Вопервыхъ, мы просимъ избавить насть отъ преторскаго нашествія, набѣга и разоренія, такъ чтобы данный намъ защитникъ, высокопревосходительный мистикъ, отнятое (у насть) получалъ изъ взносовъ преторскихъ, и пусть будетъ дано какое-нибудь письменное вѣщеніе и угроза, что они подвергнутся крайнему наказанію¹⁾, если они не будутъ воздерживаться отъ Аениской области. Потомъ, пусть мы будемъ давать складки на суда и морской сборъ (сѹбдосіасъ плѣмѣнъ хай плѣмѣнъ) въ томъ количествѣ, сколько на насть положила раскладка (апографѣ) дромологоюста, киръ Иоанна Дуки, и не болѣе того, и пусть бы вмѣсто падающаго на насть по этой раскладкѣ сбора съ насть не требовали взносовъ безъ всяаго (царскаго) опредѣленія, потому что надъ нами несчастными иногда сбывается и это.

Такъ какъ мы подвергались многимъ переписямъ, о чёмъ мы уже выше докладывали, то мы просимъ, чтобы бремя переписи не было еще разъ налагаемо на страну нашу, еслибы даже и рѣшена была въ какихъ другихъ сосѣднихъ странахъ (ав таїс ѡллаис хѡраси тѣн хатотэрбъ) таковая перепись, но чтобы подтверждено было данное намъ на этотъ счетъ высокочтимое опредѣленіе твоего царства, и чтобы равнымъ об-

¹⁾ У Тафеля, Елисена и даже у Лампрона одно чтение: тѣ ёсчата пѣїѳесда, которое слѣдуетъ признать совсѣмъ негоднымъ. Елисенъ переводить: durch eine schriftliche Bekanntmachung und Drohung ihnen angedenet wird, in Altem zu gehorchen, wenn Sie nicht das Gebiet von Athen meiden wollten. Русский переводчикъ: «повели имъ во всемъ слушаться (твоей воли), если не хотятъ быть высланы изъ округа афинскаго». Несомнѣнно, что въ текстѣ слѣдуетъ читать: тѣ ёсчата пѣїссса (отъ пѣїхъ) и переводить соотвѣтствующимъ образомъ.

разомъ были подтверждены другія въ разное время данныя намъ опредѣленія, запрещающія всякому изъ замковыхъ захватывать какимъ бы то ни было способомъ и пользоваться селами и участками крестьянскими; ибо это ведеть къ разоренію и гибели (крестьянскихъ) общинъ, а гибель ихъ есть гибель всего нашего округа. Если это будетъ сдѣлано, то и мы могли бы спастись и спасены были бы для казны слѣдующіе съ настъ доходы, и спасшись, мы не перестали бы молиться о святотѣ твоемъ царствѣ, къ которому какъ недостойные рабы, рѣшились обратиться этимъ прошеніемъ".

■. Васильевскій.

КРИТИЧЕСКИЯ И БИБЛIOГРАФИЧЕСКИЯ ЗАМЪТКИ.

Геродотъ и его музы. Историко-литературное изслѣдованіе Ф. Н. Дылчана.
Часть I. Варшава. 1877.

Предъ нами лежитъ лишь первый томъ труда г. Дылчана. Онъ посвященъ главнымъ образомъ наложению жизни Геродота. Авторъ говоритъ сначала подробно о родинѣ Геродота, соизвѣстствуетъ дошедшія до насъ свѣдѣнія изъ исторіи Галикарнасса; входитъ затѣмъ въ обсужденіе вопроса о семье Геродота и годѣ его рождения. Затѣмъ слѣдуетъ весьма обширный отдѣлъ о „воспитаніи и образованіи Геродота“. Авторъ воспользовался этимъ отдѣломъ, чтобы дать довольно обстоятельное изслѣдованіе о поэтахъ, коихъ творенія были близко знакомы Геродоту, а такъ какъ Геродотъ зналъ чутъ ли не всю поэтическую литературу своего времени, то эта отдѣлъ книги г. Дылчана разбросъ въ исторію греческой поэзіи вообще до времени Геродота. Далѣе слѣдуетъ глава о Самосѣ, который былъ второю родиной Геродота. Слѣдующій отдѣлъ: „Приготовленіе Геродота къ исторіографії“ обнимаетъ собою исторію исторіографіи до Геродота съ подробнымъ перечисленіемъ сочиненій такъ-называемыхъ логографовъ. Въ седьмой главѣ описаны путешествія Геродота. Здѣсь авторъ даетъ подробное перечисленіе странъ и народовъ, которыхъ посѣтилъ Геродотъ, локализуя данные Геродотовой исторіи. Въ восьмой главѣ: „Гдѣ и когда написалъ Геродотъ свою исторію“ представляетъ краткій очеркъ исторіи возникновенія Геродотовой исторіи. Въ двухъ послѣднихъ главахъ—IX и X—излагается исторія основанія города Турій, обсуждается вопросъ о годѣ этого событія, участіе въ немъ Геродота,

смерть его въ этомъ городѣ и предлагается вѣроятное рѣшеніе о годѣ его смерти.

Таково содержаніе первой части сочиненія г. Дьячана. Чѣдѣ бу-
дуть обнимать слѣдующія—на это авторъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго
намека ни во введеніи, ни въ самой книжѣ. Мы упоминаемъ объ этомъ
обстоятельствѣ, потому что оно ставитъ насъ въ иѣкоторое затрудне-
ніе касательно вопроса, который неоднократно задавали мы себѣ при
чтениі книги: намѣренno ли то или другое опущено авторомъ, чтобы
войти во вторую часть, или же мы въ правѣ высказать свое не-
доумѣніе относительно подобныхъ случаевъ, такъ какъ авторъ вообще
закончилъ свое изложеніе данного вопроса? Чтобы перейти къ част-
ностямъ, обращаемся къ восьмой главѣ: о времени и мѣстѣ возник-
новенія исторіи Геродота. Эта глава обнимаетъ всего 14 страницъ
въ книжѣ г. Дьячана. Тетъ, кому знакомо современное направленіе въ
изученіи классическихъ писателей, преимущественно въ Германіи,
знаетъ, конечно, какой особенно напряженный интересъ вызываютъ
въ настоящее время вопросы объ исторіи—если можно такъ вы-
разиться—композиції сочиненій древнихъ авторовъ, о времени
и мѣстѣ возникновенія отдельныхъ частей ихъ, и конецъ, объ источ-
никахъ каждого автора.

На послѣдній изъ этихъ трехъ вопросовъ авторъ отвѣчаетъ до-
вольно пространно въ главахъ о воспитаніи и образованіи Геродота
(IV), о приготовленіи его къ исторіографіи (VI) и объ его путеше-
ствіяхъ (VII), хотя и тутъ мы имѣемъ кое-что замѣтить; но вопросъ
о композиції творенія Геродота дѣйствительно не въ должной сте-
пени разсмотрѣнъ авторомъ. Такъ, напримѣръ, г. Дьячанъ вовсе
даже не упоминаетъ въ этой главѣ о статьяхъ берлинскаго профес-
сора А. Кирхгофа, которая, какъ известно, породили большиіе споры
въ ученомъ мірѣ. Правда, статьи эти не были ему неизвѣстны, онъ
упоминаетъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, но именно тутъ, гдѣ, кажется,
ихъ всего болѣе слѣдовало бы имѣть въ виду, тутъ-то онъ почему-
то и оставилъ имъ безъ вниманія. Впрочемъ, онъ не только не
неизвѣстны автору, но онъ пользуется даже выводами профессора
Кирхгофа въ своей послѣдней главѣ. Профессоръ Кирхгофъ, утвер-
ждаетъ, что послѣдняя часть Геродотова труда написана била въ
Аеннахъ послѣ 433 года. Онъ сопоставляетъ всѣ намеки, которые
попадаются у Геродота на событія первыхъ годовъ Пелопонес-
ской войны, и доказываетъ также, что въ исторіи Геродота нѣтъ
слѣдовъ событій позже 425 года. Всѣ аргументы Кирхгофа вос-

произведены въ книгѣ г. Дьячана. Правда, въ заключеніи есть небольшая разница: г. Дьячанъ предполагаетъ, какъ и большинство ученыхъ, что Геродотъ умеръ около этого времени, не успѣвъ докончить своего сочиненія; Кирхгофъ же готовъ допустить, что онъ просто пересталъ писать подъ вліяніемъ тяжелыхъ событій Пелопонесской войны: онъ-де мечталъ дать картину возвеличеній и не видавшаго дотѣлъ блеска и славы демократическихъ Афинъ, — теперь же, послѣ смерти Перикла, послѣ язвы, послѣ разореній, причиненныхъ войной, положеніе было такъ безотрадно, что перо выпадало изъ рукъ, и Геродотъ пересталъ писать, не доведя своего труда до конца. Признаемся, что эти соображенія профессора Кирхгофа нацежутся намъ слишкомъ патетичными, и предположеніе, что Геродотъ умеръ около 425 года, — которое раздѣляетъ и в. Дьячанъ, — кажется намъ гораздоѣ вѣроятнѣе, чѣмъ эта трагическая подавленность также-лями настоющими; но замѣтимъ также, что г. Дьячанъ принужденъ признать 425 годъ годомъ смерти Геродота и потому еще, что онъ помѣщаетъ годъ его рожденія раньше, чѣмъ какъ то дѣлаютъ обыкновенно, а именно въ 490 году (стр. 34), а о выходящей изъ ряда вѣнъ долговѣчности Геродота у насъ нѣтъ никакихъ сѣдѣній.

Возвращаясь къ главѣ о композиціи твореній Геродота, замѣтимъ, что авторъ весьма бѣгло коснулся тутъ не безинтересного вопроса: действительно ли твореніе Геродота возникло въ той послѣдовательности, въ какой мы его имѣемъ, или же передъ нами лежитъ лишь окончательная редакція, въ которой Геродотъ выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе во время пребыванія въ Туріяхъ?

Авторъ склоняется въ пользу втораго предположенія, но онъ не извлекаетъ отсюда никакихъ заключеній; допущеніе же это важно, напримѣръ, въ слѣдующемъ вопросѣ: какую часть своего сочиненія читалъ Геродотъ въ Аѳинахъ? было ли то начало творенія въ той послѣдовательности, въ какой мы его имѣемъ теперь, то-есть, мидійская исторія и начало и возстаніе Персидской импераціи, или же то было что-нибудь другое: напримѣръ, походъ Ксеркса? Профессоръ Кирхгофъ не задумывается признать первое; но вслѣдъ, кто внимательно прочтеть первую книгу Геродота, не можетъ не пріѣхти къ убѣждѣнію, что многія историческія детали обработаны здѣсь въ связи съ тѣми сѣдѣніями, которыхъ Геродотъ собралъ въ Италии, то-есть, послѣ 444 года. Хотя живую и подвижную воинскую публику могла самыми непосредственнымъ образомъ заинтересовать и эта частъ сочиненія, но изъ того, что Аѳинане назначили Геродоту вознагражденіе

изъ государственной кассы, не будетъ ли естественѣе предположить, что онъ выбралъ для чтенія въ Аеннахъ именно ту часть своего труда, въ которой онъ возвеличилъ Аенны, а именно эпоху Персидскихъ войнъ, гдѣ одни Аенны стояли на высотѣ панэллинскаго патротизма?

Выше было уже упомянуто, что авторъ довольно подробно останавливается на вопросахъ о приготовленіи Геродота въ дѣятельности историографа. Въ этихъ главахъ мы находимъ, впервые, слѣдующее: Авторъ даѣтъ перечисленіе путешествій Геродота по даннымъ, какія легко извлекаются изъ его сочиненія, и при этомъ онъ локализуетъ факты, сообщаемыя Геродотомъ, въ разныхъ городахъ и странахъ, какіе посѣтилъ Геродотъ. Мы должны сознаться, что въ частностяхъ мы очень часто не можемъ согласиться съ авторомъ. Какъ, напримѣръ (стр. 163), говоря о пребываніи Геродота въ Лидіи, авторъ помѣщаетъ сюда также миѳ о происхожденіи Этрусковъ отъ Лидійцевъ, которые выселились въ Италию, бывъ принуждены къ тому голодомъ, посѣтившимъ ихъ страну на долгіе годы? Если строже анализировать это извѣстіе Геродота (I, 94), то кажется, нельзя не прійти въ мысли, что весь этотъ миѳ есть сдѣланная Геродотомъ комбинація двухъ извѣстій: въ Лидіи онъ слышалъ, быть можетъ, о переселеніи части Лидійскаго племени въ одну изъ сосѣднихъ областей въ Малой Азіи, въ Италии же узналъ о вторженіи Этрусковъ въ страну Умбрію (послѣднее могъ онъ узнать лишь послѣ 444 года, то-есть, послѣ своего переселенія въ Туріи); затѣмъ онъ комбинировалъ эти данные, увлекаясь, быть можетъ, сходствомъ имёнъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ, и такимъ образомъ возникъ миѳ о лидійскомъ происхожденіи Этрусковъ.

Совершенно то же слѣдуетъ сказать и о другомъ извѣстіи. На стр. 168 г. Дѣлчанъ говоритъ, что Геродотъ узналъ отъ Финикиянъ, что они перешли въ страну, которую они тогда занимали, съ береговъ Краснаго моря. Здѣсь опять ложная комбинація Геродота: онъ дѣйствительно могъ слышать отъ Финикиянъ о переходѣ ихъ изъ восточныхъ странъ на западъ, но это восточное море могло быть не чѣмъ инымъ, какъ Мертвымъ моремъ, котораго Геродотъ совсѣмъ не знаетъ.

На стр. 173 авторъ цитируетъ Нег. III, 119, и Sophocles Antigone 905 sqq.—какъ доказательство близкихъ связей Геродота съ Софокломъ. Хотя, правда, авторъ имѣть за себя авторитетъ Кирхгофа (который, впрочемъ, тутъ не названъ), тѣмъ не менѣе надо сказать,

что большинство ученыхъ считаетъ эти стихи не принадлежащими Софоклу.

На стр. 177 перечисляются данные, которыми Геродотъ узналъ отъ дельфийскихъ жрецовъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что на этотъ источникъ необходимо свести гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ какъ то дѣлаетъ авторъ; такъ, напримѣръ, большую часть истории Креза, всѣ или почти всѣ свѣдѣнія, касающіяся „семи мудрецовъ“ (они локализовались тамъ около знаменитаго треножника, побывавшаго у нихъ всѣхъ и посвященнаго затѣмъ Аполлону), а также и многое другое.

На стр. 204, говоря о посвященіи Геродотомъ города Кретона, авторъ продолжаетъ: „Здѣсь, безъ сомнѣнія, узналъ онъ и о всѣхъ приключенияхъ врача Демонеда, Кретонца по происхожденію, съ которымъ въ свое время никто не могъ соперничать въ его искусствѣ“. Мы рѣшаемся предложить нѣкоторую перемѣну въ локализаціи этого извѣстія. Анализъ его гораздо скорѣе указываетъ на Тарентъ, чѣмъ на Кретонъ, а присматриваясь ближе къ разказу, пожалуй, можно прийти къ мысли, что и самъ авторъ этого разказа названъ Геродотомъ. Геродотъ упоминаетъ (III, 130) имя раба Демонедова Ежітчу,—онъ и есть, по всему вѣроятно, авторъ этого разказа, въ которомъ его господинъ играетъ такую видную роль, такъ старательно выдвинутъ на первое мѣсто, при чѣмъ историческая правда извѣрное сильно пострадала.

По поводу главы о путешествіяхъ Геродота позволимъ себѣ замѣтить еще слѣдующее: Г. Дычанъ извлекаетъ изъ сочиненія Геродота указанія на то, какія страны были имъ посѣщены, но вопросъ о послѣдовательности этихъ путешествій оставленъ совершенно въ сторонѣ. Авторъ считаетъ подобного рода изысканія бесплодными гаданіями, результатъ которыхъ никогда не можетъ быть достовѣрнымъ фактомъ (стр. 159). Конечно, нельзя въ общемъ не согласиться съ авторомъ, что изысканія подобного рода имѣютъ характеръ довольно проблематичный, но есть случаи, где съ большою достовѣрностью можно установить послѣдовательность путешествій Геродота. Такъ, напримѣръ, городъ Газа зовется у Геродота Каѣдти, то-есть, по египетски—Kazatu, тогда какъ еврейское его имя ‘Azza, ассир. Chazita. Не слѣдуетъ ли отсюда съ достовѣрностью заключить, что Геродотъ попалъ въ Сирію изъ Египта, а не наоборотъ? А такъ какъ мы знаемъ, что онъ былъ въ Сиріи, и что ему знакома суховутная дорога изъ Сиріи въ Египетъ, то мы въ правѣ заключить, что это послѣднее путешествіе въ Сирію случилось позднѣе, чѣмъ его посѣщеніе Египта. Мы не сомнѣваемся,

что такихъ указаний можно найти не мало въ трудахъ Геродота, но авторъ не хотѣлъ ихъ касаться изъ принципа, и пожалуй, онъ правъ въ томъ отношеніи, что подобного рода мелочи имѣютъ довольно маловажное значеніе; приведенный же выше примѣръ съ достаточнотою убѣдительностью говоритъ, что дѣло идетъ не всегда о беспочвен-ныхъ комбинаціяхъ и фантазіяхъ ученыхъ и не о случайныхъ наименовахъ Геродота, а о данныхъ подъ чѣмъ довольно положительного характера.

Въ главахъ „О воспитаніи и образованіи Геродота“ и „О пригото-вленіи его къ исторіографіи“ авторъ довольно обстоятельно изла-гааетъ исторію какъ поэтической, такъ и прозаической литературы до Геродота. Можно бы, пожалуй, оспаривать правильность помѣщенія очерка поэтической литературы въ главу о воспитаніи и образованіи Геродота, тѣмъ болѣе, что въ изложеніи автора нигдѣ не отмѣчено, гдѣ же собственно начинается образование этого писателя. Авторъ такъ подробнѣ говорить о томъ, что поэзія составляла сущность древняго воспитанія, что, читая эту главу, по неволѣ приходишь къ мысли, что — по мнѣнію г. Дьячана — Геродотъ изучилъ всѣхъ греческихъ поэтовъ въ школѣ. Но останавливаться на этомъ — значило бы придавать слишкомъ много значения нѣкоторому недостатку въ расположеніи материала. Что же касается до знакомства Геродота съ поэтами, то оно не подлежитъ никакому сомнѣнію, и мы можемъ быть только благодарны автору за то, что онъ собралъ и сопоставилъ матеріалъ по этому предмету. Иначе должны мы отнестись къ другой главѣ: „Приготовленіе Геродота къ исторіографіи“. Здѣсь авторъ даетъ очеркъ всѣхъ историковъ, писавшихъ до Геродота, выражая при этомъ полную уѣренность, что Геродотъ не только зналъ ихъ, но и пользовался ими. Тутъ дѣло многое труднѣе, чѣмъ относительно поэтовъ. Такъ, напримѣръ, авторъ не видитъ причины сомнѣваться въ томъ, „что Геродотъ былъ знакомъ съ сочиненіемъ Ксанея“ (стр. 151). Ксанея Мидянинъ писалъ раньше Геродота, а потому нѣть ничего невозможнаго въ этомъ предположеніи, но такъ какъ Геродотъ самъ ни разу не упоминаетъ о Ксанеѣ, то единственная воз-можность разрешить вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ авторовъ есть анализъ тѣхъ главъ Геродота, гдѣ рассказана лидійская исто-рия; при внимательномъ же анализѣ оказывается слѣдующее: отдѣль-ные черты Геродотовой исторіи Лидійскаго царства собраны имъ или въ Дельфахъ, или непосредственно отъ жителей города Сардъ, или отъ милетскихъ Іонянъ. Если въ частныхъ случаяхъ и можно

прийти въ мысли, что у Геродота былъ подъ руками письменный источникъ (какъ, напримѣръ, въ замѣткахъ о завоеваніи греческихъ городовъ Лидианами), то въ этомъ источнику можно признать развѣ только Гекатея, а никакъ не Есанеа. Вообще, что касается до критики Геродота у г. Дьячана, то какъ въ изложеніи путешествій Геродота, такъ и здѣсь, приходится замѣтить, что анализъ Геродота по отношенію къ вопросу объ его источникахъ или идетъ слишкомъ недалеко, или вовсе отсутствуетъ; а между тѣмъ критика Геродота въ этомъ отношеніи весьма важна не только для уразумѣнія самого сочиненія, но и для болѣе прочного обоснованія историческихъ фактъ, которыми мы обязаны Геродоту.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ отмѣтить нѣсколько мелочей, которыхъ намъ попались на глаза.

Стр. 22, имя Tschirner слѣдуетъ по русски передавать Чирнеръ, а не Чилириеръ.

Стр. 2. Авторъ говоритъ о началѣ исторіографіи у Грековъ и приводить этотъ фактъ въ связь съ персидскимъ завоеваніемъ. „Потерявъ политическую самостоятельность и почувствовавъ надъ собою власть персидскихъ деспотовъ, жители цвѣтушихъ юнійскихъ колоній должны были, какъ естественно, отказаться отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ и сосредоточить всю свою умственную дѣятельность на чтеніи и изученіи родной литературы и созерцаніи прошлой славы“. Мы совершенно несогласны съ этимъ представлениемъ о персидскомъ игѣ. Изъ словъ г. Дьячана можно, пожалуй, заключить, что и въ самомъ дѣлѣ Персы уничтожили всякую самостоятельность въ греческихъ городахъ, ввели строго централизованную администрацію и т. д. Но ничего подобнаго и не было, отношения были самые свободные, и Греки весьма мало чувствовали свою зависимость.

Стр. 82. Авторъ упоминаетъ о свиданіи Креза съ Солономъ, ни однімъ словомъ не давая замѣтить, что весь этотъ разказъ—вымыселенный, что историческая критика давно отказалася ему въ достовѣрности. То же самое слѣдуетъ сказать о мнемомъ переименованіи города изъ Аїтса въ Щоло, сдѣланного будто бы даремъ этого города въ честь Солона. Имя Аїтса есть переводъ финикійскаго имени Щоло, которое значить скала.

Стр. 187. Авторъ упоминаетъ о путешествіи Геродота въ Колхиду и о второмъ путешествіи его въ Египетъ, при чемъ Геродотъ будто бы сдѣлалъ его, чтобы проѣхать показаніе Колхидянъ о происхожденіи ихъ отъ Египтянъ. Авторъ цитируетъ здѣсь комментарій Штей-

на къ Ц. 104. Насъ удивило, что Штейнъ въ своемъ примѣчаніи пред-
остерегаетъ именно отъ такого заключенія, къ какому пришелъ г.
Дьячантъ; цитата же у этого послѣдняго должна служить, повидимому,
подтвержденіемъ его мнѣнія.

Ф. И.

Поездка въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена сотрудника
Императорского Русского археологического общества. С.-Пб. 1879.

Къ концу прошлаго года Императорское Русское Археологическое
Общество издало это сочиненіе архимандрита Антонина, написанное
за 14 лѣтъ передъ симъ. Этотъ фактъ, позднее появление въ печати
разсматриваемой книги, необходимо имѣть постоянно въ виду при ея
 чтеніи. Записываніе и объясненіе письменныхъ памятниковъ — вотъ
главный пунктъ тяготѣнія въ разысканіяхъ нашего археолога; изда-
ние же ихъ 14 годами позже, чѣмъ они имѣть записаны и объяснены,
хотя, конечно, не можетъ ни окладывать такого дѣлателя, ни отни-
мать его правъ на старшинство открытій, все же не можетъ не вре-
дить дѣлу науки. Принимать въ расчетъ время написанія этого со-
чиненія нужно еще и потому, что тяжкимъ положеніемъ Болгаръ въ
1865 г., когда происходила поѣздка о. Антонина, объясняются от-
части тѣ ощущенія жгучаго страданія, которымъ приходилось ему пе-
реживать тогда въ душѣ своей, и которая ярко отпечаталась въ
его записной книжкѣ.

Не часто надѣляютъ насъ учено-литературными описаніями пра-
вославнаго Востока наши тамошніе старожилы: тѣмъ болѣе радостно
привѣтствуемъ эту „Поѣздку въ Румелію“, написанную однимъ изъ
нашихъ археологовъ, однимъ изъ немногихъ у насъ знатоковъ исто-
рии и современнаго положенія единовѣрнаго намъ Востока.

Съ 1874 г. публикѣ нашей стало доступнымъ капитальное изслѣ-
дованіе архимандрита Антонина: „О древнихъ христіанскихъ надписяхъ
въ Аениахъ“¹⁾). Чокойный И. И. Среѣневскій, подвергнувъ это изслѣ-
дованіе обстоятельному разбору, приписываетъ ему „бесспорно самое
важное мѣсто въ ряду новыхъ трудовъ, по увеличенію запаса грече-
скихъ христіанскихъ надписей... Трудъ архимандрита Антонина досто-

¹⁾) О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аениахъ. Архимандрита Анто-
нина. С.-Пб. 1874. (Стр. 84. Приложены 25 л., изъ которыхъ однѣ съ рисун-
ками, а прочие 24 съ эпиграфическими снимками, исполненными въ литографии
В. А. Прохорова).

и не полного вниманія и признательности", прибавляет Срезневский,— „какъ потому, что въ немъ находится много нового, дополняющаго прежніе запасы, такъ и потому, что онъ исправляетъ многія неправильности чтенія, осмысленія и объясненія прежде сдѣланныхъ аенісскихъ надписей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сводить частныя наблюденія къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ"¹⁾). Такъ оцѣненъ былъ по достоинству исключительно эпиграфический трудъ нашего ученаго.

Сочиненіе, на которое обращаемъ теперь вниманіе читателей, „Поѣзда въ Румелію", носить менѣе специальный характеръ. Оно наложено въ видѣ дневника, веденнаго авторомъ со дня его выѣзда изъ Константиноополя 13-го мая 1865 г. до выѣзда его изъ Битолы 31-го мая того же года. Къ впечатлѣніямъ, переживаемымъ въ каждый изъ этихъ 18 дней, онъ присоединяетъ то разказаніе объ исторіческихъ событияхъ посѣщаемой мѣстности, то краткое описание памятниковъ древнаго и новаго зодчества, то чтеніе, переводъ и разборъ сдѣланныхъ имъ надписей. Мы сперва послѣдуемъ за путникомъ по мѣстностямъ, имъ осмотрѣннымъ, и передадимъ коротко нѣкоторыя его впечатлѣнія, замѣткія и мысли, а потомъ познакомимъ читателей съ нѣкоторыми изъ его находокъ, присоединяя и свои замѣтки.

Завидѣній архимандритомъ Антониномъ съ парохода Каллиполь напоминаетъ ему переправу Турокъ съ азиатскаго берега на европейскій въ 1356 г. Это былъ первый городъ въ Европѣ, которымъ они овладѣли. „Теперь кто ни начинаетъ говорить о Каллиполѣ", пишетъ авторъ,— „это первое, чѣмъ онъ, такъ сказать, тычетъ въ глаза опозоренному мѣсту..." Но справедливость заставляетъ нашего ученаго указать на то, что христоненавистное знамя аравійскаго реформатора развѣвалось уже больше чѣмъ за шесть вѣковъ до Каллипольской переправы въ Испаніи и во Франціи, больше чѣмъ за пять вѣковъ въ Италии, за 118 лѣтъ въ Россіи, и наконецъ, въ самой Оракіи задолго до того были хорошо известны самые Турки подъ ихъ собственнымъ именемъ. Приводятся факты²⁾). Каллипольская переправа Турокъ допущена была, по мнѣнію автора, вслѣдствіе сближенія Иоанна

¹⁾ Палеографическое наблюденіе по памятникамъ греческаго письма. И. И. Срезневский. Въ прилож. къ ХХVIII т. Замѣтокъ Император. Академіи Наукъ № 3. С.-Пб. 1876. См. стр. 8. Къ этому труду своему И. И. Срезневскій приложилъ: „Замѣткіе объ аенісской надписи со словами Крайсъ проф. Ф. Ф. Соколова, и мое письмо о паренесонской надписи, начинаящейся со словъ: Агіс Маріа.

²⁾ Поѣзда въ Рум., стр. 25—26.

Кантакузина съ Турками, а это сближеніе объясняется необходимостью. „Въ возникшее междуусобіе между Кантакузиномъ и „законнымъ“ императоромъ, онъ уже прямо признавъ на помощь турецкія орды, окончательно пріучивъ ихъ такимъ образомъ къ мысли о завладѣніи Фракіею, а следовательно, и Константинопольемъ. Человѣкъ съ государственнымъ умомъ, патріотизмомъ и гуманными стремленіями не могъ дѣйствовать на обумъ или по увлечению... Крайность заставила его, повидимому, отбиваться отъ наступающаго врага (къ сожалѣнію, иногда и личаго) всѣмъ, чтѣ есть подъ руками, а следовательно, и Турками. Все равно, своего греческаго войска не было. Разные Алане, Комане, Вараги и tutti quanti, къ коимъ привыкла прибѣгать имперія, ничѣмъ не представлялась лучше Турковъ“¹⁾). Прибавимъ отъ себя: имперія давнымъ давно имѣла эту вредную привычку—прибѣгать къ чужеземеннымъ наимитамъ, привычку, которую постоянно порицали историки современные или близкіе къ событиямъ. Не находимъ ли въ средневѣковыхъ греческихъ историкахъ возобновляющагося протesta противъ такой политики? И ничего однако не помогло. Далѣе авторъ все болѣе и болѣе раскрываетъ свои возврѣнія на отношенія Византійской имперіи къ султанамъ и на самого I. Кантакузина.

Вотъ ёдуть мимо Лампака. Здѣсь отпразднована была въ 1284 г. свадьба между сыномъ Никейскаго императора Иоанна Ватаци и дочерью краля Болгарскаго Асена. По случаю этой свадьбы находились на лицо и самъ императоръ съ женой и сыномъ, и краевна-невѣста; но самого краля тутъ не было, онъ остался въ Каллиполѣ. Это обстоятельство вызываетъ у путешественника-мыслителя такой рядъ замѣчаній: „Нельзя понять, отчего самъ краль не отправился вмѣсть съ ними на свадьбу... Вѣрно, онъ на досугѣ высматривалъ тѣмъ временемъ, какъ и чтѣ прибрать къ своимъ рукамъ, при удобномъ случаѣ, у Риги²⁾ то или у царя—все равно, на столь значительномъ стратегическомъ пункѣ, каковъ Элліспонтъ... Дѣти были новѣнчаны; но отсутствующій Асенъ послѣ брака заговорилъ о разводѣ... своей іерархіи съ Константинопольскимъ престоломъ. По его желанію и императорскому настоянію, тутъ же составленъ былъ синодальный актъ, предоставившій Терновскому архиерею независимость церковную

¹⁾ Попадка въ Рум., стр. 31.

²⁾ Это былъ Балдуинъ II.

и патріарій титулъ..... Константинопольскій державець¹⁾ перепуганъ былъ этимъ родственнымъ союзомъ единовѣрныхъ государей. Пана увидѣлъ, что столькихъ лѣтъ дѣло унії въ Болгаріи было простою комедією, заключившейся автономіею церкви Болгарской. Продолжись только согласие и единодушие Ватачи и Асена и ихъ преемниковъ, православіе восторжествовало бы на Востокѣ и надъ панствомъ, и надъ исламомъ, и надъ антиевангельскими идеями „народности“ въ Христовой церкви. Но... Давно не видать ни Каллипола, ни Лампака. Держимся ближе къ южному берегу пролива²⁾ и т. д. Изъ приведенного мѣста видень отчасти взглядъ автора на возможность иного исхода судьбы Балканского полуострова, еслибы между Греками и Славянами XIII в. было больше пониманія своей обойдной пользы.

Спорадскіе острова, одинъ за другимъ показывавшіеся взорамъ путешесвенника, напоминали ему собою разныя міеологическія сказанія, прикованныя къ этимъ островамъ, и вызывали въ немъ попытки ихъ объясненія³⁾. Первою мѣстностію на материкѣ, къ которой причалилъ пароходъ, былъ Порто-Лаго, второю—Кавала или Неаполь времёнъ апостольскихъ⁴⁾). Путники воспользовались остановкой парохода въ Кавалѣ и пошли къ старымъ стѣнамъ этого городка. Стали подниматься въ гору по направлению этихъ старыхъ стѣнъ и осмотрѣли пять башенъ. У второй изъ нихъ, увидали развалины церкви до того малой, что нельзя было рѣшить, для кого и для чего она существовала въ древности. На мѣстѣ бывшаго престола поставленъ черепокъ, и въ немъ видишь нѣсколько крупинокъ недожженаго ладана. Трогательное усердіе христіанско! Не менѣе трогаетъ и терпимость мусульманская. Освященное мѣсто совершенно чисто⁵⁾). Вотъ ёдутъ мимо Аеона. Интересно сг҃дѣть за о. Антоніномъ, какъ онъ съ палубы парохода надали узнаеть, гладя въ трубу, одинъ за другимъ монастыри аеонскіе, давно ему знакомые, и перебираеть одно за другимъ самые разнохарактерныя воспоминанія⁶⁾. Пристали къ Фессалоникѣ. Въ этомъ городѣ, посвященномъ авторомъ уже въ тре-

¹⁾ Это тотъ же Балдунъ.

²⁾ Повадка въ Рум., стр. 37—38. Рѣчь идетъ о Дарданельскомъ проливѣ.

³⁾ Повадка въ Рум., оэр. 45—47, 61—62. См. особенно замѣтку о замческихъ таинствахъ, стр. 52—53 и прим. 2.

⁴⁾ П. въ Р., 59—60.

⁵⁾ Повадка въ Рум., стр. 61. Общий видъ Кавалы я. 1.

⁶⁾ Тамъ же, 75—78. Общий видъ Аеона я. 1.

тій разъ, пробылъ онъ болѣе двухъ сутокъ, и съ него-то начинается сухопутное его странствованіе. Приводятся данные о Солунской кафедрѣ. „Она одна изъ немногихъ, удержанавшихся на высотѣ древняго положенія митрополіи или лучше архиепископій въ первоначальномъ смыслѣ слова, какими были и именовались кафедры Кесарійская, Ефесская, Мирская..., коихъ представители были действительными „начальниками епархій“ извѣстной области. Ей подвѣдомы до сихъ порь восемь епископій, въ числѣ коихъ двѣ—Дойранская и Полянская, исключительно славянскія, хотя и въ другихъ епархіяхъ большинство населенія, судя по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ Константинополѣ, тоже составляютъ Болгаре“¹). По статистикѣ Фессалоники сообщено, что „приходскихъ церквей въ ней 12, включая въ то число и митрополію, и монастыри Чауши. Кроме ихъ, есть еще 5—6 церквей въ разныхъ (преимущественно святогорскихъ) подворьяхъ... Всѣхъ православныхъ жителей въ городѣ полагаютъ круглымъ числомъ 10,000, — вдвое менше Евреевъ и втрое противъ Турокъ. Преобладающая рѣчь турецкая и греческая. Евреи въ большинствѣ знаютъ ту и другую“²).

При обозрѣніи Фессалоники даются нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о св. Софії (нынѣ мечеть)³). Отмѣчено, что рѣдчайшия, если не единственная по своей древности, мозаическія изображенія въ куполѣ чрезвычайно древней церкви св. Георгія (Ротонды) не проливаютъ желанного свѣта на вопросъ о времени, когда это святилище языческое обращено въ христіанскую церковь. „Имена изображенныхъ въ этомъ куполѣ святыхъ, исторически извѣстны, принадлежать III вѣку христіанскому. Это наибольшее частью мученики изъ воиновъ... Замѣчательно, что въ числѣ изображенныхъ мучениковъ нѣть св. Димитрія, ни св. Георгія, коего именемъ украиналось когда-то зданіе. Не были ли они изображены на той части купольного свода, которая повреждена (именно восточной)—сказать не можетъ“, заключаетъ нашъ археологъ⁴). Сомнѣнія его относительно времени возстановленія церкви св. великомученика Димитрія и относительно мѣстоположенія Киворія заслуживали бы ближайшаго разсмотрѣнія со

¹) Позадка въ Рум., стр. 85. Очень мало, что не сказано, гдѣ живутся основанные свѣдѣнія—въ патріархіи или въ русской письмѣ.

²) Тамъ же, стр. 86.

³) Тамъ же, стр. 88. Планъ св. Софії на Л. 2.

⁴) Тамъ же, стр. 89—90.

сторонъ знатоковъ этого дѣла¹⁾). Въ этой же церкви прочтена надпись о кончинѣ Спандони, о которой рѣчь еще впереди. Церковь св. Апостоловъ обращена въ мечеть; церковь св. Феодоры не доставлась исламу²⁾). Очень замѣчательна перечень санктыхъ, принадлежащихъ Фессалоникѣ; она заготовлена былъ еще дома³⁾). Сличивъ этотъ перечень съ Тафелевымъ, мы находимъ, что сіи перечни могли бы во многомъ другъ друга дополнить⁴⁾). Далѣе нѣсколько свѣдѣній о писателяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Фессалоникѣ⁵⁾), и историческій очеркъ судебъ этого города. „Я ограничусь тѣмъ“, заявляетъ о. Антонинъ, — „что сдѣлалъ склонъ съ той эпохи Фессалоники, когда она величалась столицею союзной себѣ державы“⁶⁾). Но то, что самъ авторъ называетъ на стр. 111 склономъ, а на 154 ветхимъ или ветошнымъ словомъ о Палеологахъ, которое стоило ихъ, то мы, не обиравшись, должны охарактеризовать, какъ краткие, общедоступные очерки судебъ Фессалоники отъ исхода XII в. до второй четверти XV, и видѣть въ нихъ заслугу автора. Очерки эти, хотя и составлены насконо, но основаны на чеканѣ нѣкоторыхъ источниковъ и представляютъ вѣрный, какъ намъ кажется, взглядъ на общее положеніе дѣла въ названныя времена. Глубокаго изслѣдованія предмета искать въ нихъ не слѣдуетъ, и это снимаетъ съ критики обязанность относиться къ нимъ со всемъ научною строгостью: но они живы и интересны и многихъ изъ читателей познакомятъ впервые съ этой эпохой, у насъ мало извѣстно. Скажемъ больше: и тѣмъ изслѣдователи, которые научно займутся исторіей Фессалоники, Славянъ и Византіи за означенныя времена, не слѣдовало бы обойдти эти очерки, которые ихъ во всякомъ случаѣ ознакомятъ съ опредѣленно высказанными взглядами на тѣ времена такого знатока минувшаго и настоящаго положенія православнаго Востока, каковъ о. Антонинъ. На прощеніе съ Фессалоникой, при посѣщеніи Чашского монастыря⁷⁾, авторъ успѣлъ таки пересмотрѣть его рукописную книги, и

¹⁾ Тамъ же, стр. 94—97. Ср. относительно возстановленія церкви св. Дионія соображенія Тафеля, *De Thessalonica ejusque agro*, Bergol., 1839, стр. 123 и далѣе. Планъ и внутренность въ Позадѣ, на л. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 104.

³⁾ Позадѣ въ Рум., 106—109.

⁴⁾ Ср. *Tafel, Th. L. F.*, *De Thessalonica*, стр. 144—155.

⁵⁾ Позадѣ въ Рум., 109—111.

⁶⁾ Позадѣ въ Рум., стр. 111.

⁷⁾ Онъ прежде именовался Хорватскимъ и Влатейскимъ.

сличивъ ихъ съ имѣющимся въ монастырѣ каталогомъ, исправить и значительно пополнить его¹⁾.

18-го мая, выѣхавъ изъ Фессалоники. Отправились на югъ. Пресекли дѣлѣ рѣки Галикѣ (древній Эхедоръ) и Вардаръ (древній Аксій), доѣхали до хана Бана. Въ верстѣ отъ него—сѣвериѣ находятся, какъ полагаютъ, развалины древней столицы Македоніи—Пеллы, въ теперешней деревушкѣ Аллах-клиѣ, по болгарски Палатица, на высшемъ сравнительно мѣстоположеніи. Поздняя пора дня и обезсиленіе путешественника есть слишкомъ послѣшной, непривычной ему, верховойъ щады покрепатствовали ему осмотрѣть Пеллу²⁾. По дорогѣ между Ениджѣ(Яницаѣ) и Границио ему приходило на умъ, что „когда въ цѣлый долгій перѣѣздъ не увидишь ни города, ни села, ни кола ни двора, никакого признака укоренившейся осѣдлой жизни, то поневолѣ становишь думать: значить, тутъ несподручно жить добрыми людами“³⁾). Рецензенту, при чтеніи этого мѣста, невольно пришла на память поговорка Грековъ: „Гдѣ ступить турецкая нога, тамъ трава не ростетъ“. Когда вслѣдъ затѣмъ стали видѣться вдали селенія, не у кого было осѣдлomиться, какъ они зовутся и кѣмъ обитаются; нашъ путешественникъ почти постоянно отставалъ отъ сопокъ сопутниковъ, догоняя ихъ черезъ каждыя десять минутъ, а когда равнялся съ ними, то не имѣвъ уже окоты пускаться въ разговоръ⁴⁾). Но вотъ, 19-го мая дѣхали до города Водены. Привѣтствуя этотъ край, авторъ пишетъ: „Мѣстные имена Водена, Бистрица говорятъ уже велегласно, что мы достигли настоящей земли славянской. Вся область Воденская у мѣстныхъ жителей носить имя Мѣглена⁵⁾), отъ слова мѣгла или мгла, обозначающаго физический характеръ мѣстности, перенесенней водными испареніями“⁶⁾). Живописно изображены Воденскіе водопады⁷⁾). Попытку мифологическаго и ис-

¹⁾ Попѣзда въ Рум., стр. 187.

²⁾ Попѣзда въ Рум., стр. 173—174.

³⁾ Тамъ же, стр. 183.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 184.

⁵⁾ Г. Сырку противополагаетъ этому посаѣднему свѣдѣнію о протяженіи Мѣглена, другія болѣе подробныя свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, также, какъ и о. Антонинъ, умалчиваютъ о своемъ источнике. См. рецензію г. Сырку на Попѣзду въ Румелію въ юнѣской книжкѣ сего года Журн. Мин. Нар. Пр., стр. 409 въ прим. 1.

⁶⁾ Попѣзда въ Рум., стр. 187.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 189.

торического очерка Эдессы=Водены читатель найдет у автора нѣсколько ниже¹⁾.

Особенное внимание наше обратили на себя двѣ догадки о. Антонина, одна по поводу осады Водены Иоанномъ Ватаци въ 1251 г., другая по случаю осады того же города Иоанномъ Кантакузиномъ въ 1328 г. Первая осада описана очевидцемъ ея, вполнѣ надежнымъ человѣкомъ, Георгиемъ Акрополитомъ²⁾. „Намъ кажется страннымъ“, недоумѣваетъ о. Антонинъ, — „зачѣмъ тутъ было произойти осадѣ. Уже ли городъ могъ быть приверженъ къ своему слѣпому, старому, и силою навязанному, властителю?“³⁾ Не знаемъ, не было ли это дѣломъ какой-нибудь факции „родолюбцевъ“⁴⁾ въ городѣ, для которой и самая тѣнь самостоятельности политической была дорога, въ виду всепоглощающаго византизма, котораго естественнымъ представителемъ былъ императоръ⁵⁾. Пишущий этотъ отзывъ не отрицає вѣроятности такого рѣшенія этого труднаго вопроса и замѣчаетъ только, что партія, сопротивлявшаяся Иоанну Ватаци (если таковая была), могла отстаивать свою независимость, состоя и не изъ однихъ Болгаръ или даже изъ однихъ Грековъ. Не нужно было принадлежать непремѣнно къ Славянскому племени для того, чтобы не сочувствовать давленію крайнаго византизма. Притомъ же жители Водены, кто бы они ни были, могли при всей ненависти своей къ латинскому игу, не желать господства надъ собою царя Никейского. Однимъ словомъ, партія ли то была, или все населеніе, а попытка отбить Иоанна Ватаци могла произойти по разнымъ причинамъ совершенно независимо отъ племени, къ которому эта партія и это населеніе принадлежали. Для определенія же народности жителей Водены въ серединѣ XIII в. недостаточно того предположенія, которое высказано авторомъ, а нужны какіе-либо ясные факты или доводы. Благодаримъ автора за поставленный вопросъ и за попытку его разрѣшенія; чего больше и желать отъ воспоминаний ученаго? Не пожелать ли побольше такого рода воспоминаний отъ путешествующихъ ученыхъ? Не шевелить ли также вопросы и догадки застояніемъ понятій сиднейской науки?

¹⁾ Тамъ же, стр. 191—200.

²⁾ Georgius Acropolita, с. 49, р. 97. Въ Corp. Script. Hist. Byz.: Constantinus Manasses, Joël, Georgius Acropolita. Ed. Bonn. 1837.

³⁾ Феодору Комнину-Ангелу, бывшему императору Фессалоніческому.

⁴⁾ Подъ «родолюбцами» авторъ Позданъ постоянно разумѣетъ Болгаръ.

⁵⁾ П. въ Рук., стр. 197.

Другую осаду Водены, относящуюся къ 1328 году, изображаетъ самъ осаждавшій ее Иоаннъ Кантакузинъ. Историкъ-очевидецъ упоминаетъ обѣ озеръ, при которомъ стоялъ этотъ городъ. „Понять нельзя“, утверждаетъ археологъ-очевидецъ, — „какое и гдѣ тутъ могло быть озеро. Развѣ предположить, что водопадъ былъ когда-нибудь запруживаемъ“¹⁾). Это предположеніе путеописателя кажется намъ правдоподобнымъ, если нельзя допустить, что озеро въ теченіе времени совершенно высохло, или что воды его, прервавшись черезъ какую-нибудь естественную препону, утекли въ сосѣднія болѣе низменныя лощины. Такъ-называемыя въ Греціи катавоеры (*καταβόρα*) содѣйствуютъ стоку излишней воды. Объяснить переворотъ въ природѣ воденскихъ окрестностей — дѣло физической географіи. Допустить порчу въ текстѣ Кантакузина нѣтъ возможности, потому что этотъ текстъ, кроме слова λίμνη == озеро, представляетъ еще и выраженіе οἱ ἀπὸ τοῦ τριτάφεων == дѣйствовавшіе съ тріарь²⁾). Съ другой стороны, нѣтъ основанія заподозрить вѣрность разказа Кантакузина.

Мы остановились на двухъ осадахъ Водены, потому что археология нашъ является тутъ толкователемъ историческихъ источниковъ.

По выѣздѣ изъ Водены путники оставили выѣздѣ *viam Egnatiam*, (направленія которой держались при совершеніи пути изъ Фессалоники въ Водену) и предпочли вѣхать въ Битоль другою дорогою, болѣе прямую³⁾). Когда пересалили черезъ гору Нидже, на незначительной сравнительно высотѣ ея, открылась передъ всадниками великая равнина древней Пелагоніи, называемая теперь Битольской⁴⁾). Наконецъ, прибыли въ Битоль. Производству этого имени отъ „обитель“ дается предпочтеніе передъ объясненіемъ его отъ албанскаго „битой“⁵⁾. Второе значитъ по албански „голубъ“, стало быть имѣть тогъ же смыслъ, какъ и греческое имясосѣдней горы „Перистери“, но въ пользу происхожденія отъ „обитель“ свидѣтельствуетъ другое имя этого города „Монастырь“⁶⁾). Изъ Битолы совершенна побѣдка въ село Слѣпиште, близъ которого находится монастырь Иоанна Предтечи, заключающей въ себѣ старыя рукописи. Для этого „направи-

¹⁾ II. въ Р., стр. 199, пр. 1.

²⁾ Corpus Sc. H. B. Iosn. Cantacuzenus, III, 128, 19 и 129, 5 ed. Bonn. 1828.

³⁾ Поза: въ Рум., стр. 235.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 239.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 253—3. См. видъ горы Перистери, я. 6. Въ своей рецензії г. Смрку входитъ въ подробныхъ размѣсканія по этому предмету. Ж. М. Н. Пр., июнь, 1880, 415—419.

дись прямо къ съверу, но не большою Прилѣпской дорогою, пересѣкающею діагонально Пелагонскую равнину, а другою, какъ бы параллельно той, западнѣе ея, по не широкой долинѣ, отдѣленной оть большой равнины невысокимъ горнымъ хребтомъ¹⁾). Миновавъ четыре хана, прибыли въ церковь св. Николая, въ селѣ Слѣниште, гдѣ досмотрѣлись старыхъ рукописныхъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ²⁾). Близъ села находится на возвышенномъ и прекрасномъ мѣстѣ монастырь св. Иоанна Предтечи. „Темныя стѣны его сразу выскакали его значительную древность“³⁾). Красивая церковь въ византійскомъ вкусѣ съ куполомъ оказалась совершенно новою⁴⁾). На замѣчаніе нашего путешественника, „что еслибы такая благолѣпная церковь была въ селѣ, а не въ пустынѣ, оть нея больше было бы пользы для мѣста, монастыря и при старой церкви имѣть бы то же значеніе, полученъ отвѣтъ, что монастырская церковь выстроена на пожертвованіи, собиравшемсяся прямо и исключительно на нее; при иномъ назначеніи пожертвованій, самый сборъ оказался бы невозможнымъ... И такъ, не только у насъ“, заключаетъ о. Антоний, — „но и въ остальномъ православномъ мірѣ идея монастыря береть верхъ надъ идеей приходской церкви. Не замѣчательно ли это?“⁵⁾ Здѣсь осмотрѣно и описано до сорока рукописей, почти все церковно-славянскихъ, — греческихъ же только четыре: всѣ духовнаго содержанія. Изъ церковныхъ диптиховъ и съ иконъ выписаны имена нѣсколькихъ братій и игуменовъ монастыря⁶⁾). Отсюда отправились къ большому селу Варошу, гдѣ былъ Прилѣпъ старыхъ временъ; тутъ посѣтили монастырь св. Архангеловъ, гдѣ нашли двѣ иконы краля Марка⁷⁾). Поднимались на Маркову гору, гдѣ находятся развалины Маркова замка⁸⁾). Слѣдуютъ домыслы автора объ этомъ замкѣ и о Прилѣпѣ, какъ родинѣ Марка Кралевича⁹⁾). Марковъ замокъ отожествленъ авторомъ съ При-

¹⁾ Попз. въ Рум., стр. 276.

²⁾ Попз. по Рум., стр. 276—280. Описание ихъ, стр. 280—282.

* ³⁾ Стр. 285.

⁴⁾ Стр. 286.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 286—287.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 288—302.

⁷⁾ Попз. въ Рум., стр. 312—313; 324—325. На одной изъ этихъ иконъ славянская напись съ именемъ краля Марка, ср. л. 5, рядъ 2, въ снимкахъ.

⁸⁾ Попз. въ Рум., стр. 314—315.

⁹⁾ Тамъ же, стр. 316—317.

льской крѣпостью византійскихъ писателей¹⁾). Третья славянская обитель, разсмотрѣнная авторомъ, это—Богородица, по народному зову, а прозваніе Трѣсковецъ; имѣеть при себѣ школу²⁾). Здѣсь найдено нѣсколько надписей языческихъ и христіанскихъ (къ которымъ мы еще обратимся далѣе) и славянскій хрисовулъ, данный Стефаномъ IV Трѣсковецкой обители, который, судя по видѣнной о. Антониномъ копіи, считаетъ онъ сомнительнымъ³⁾). Въ той же обители найдены и описаны двѣ церковно-славянскія рукописныя книги; а на одной иконѣ прочтено имя митрополита Прилѣпскаго Іосифа (1569 или 1599 г.), неизвѣстнаго Лекеню въ его *Oriens Christianus*⁴⁾). Въ Варошѣ описаны три церкви, всѣ древнія⁵⁾; въ Буковскомъ монастырѣ четыре церковно-славянскія рукописи⁶⁾, въ Христофоровомъ монастырѣ списана греческая надпись, о которой скажемъ ниже. Обѣ эти обители находятся между Варошемъ и Црилѣпомъ. Въ этомъ городѣ о. Антонинъ осмотрѣлъ и описалъ нѣсколько надписей, о которыхъ мы тоже будемъ говорить далѣе. Въ концѣ книги выражено намѣреніе автора юхать въ старую Болгарію⁷⁾.

Во все времена своего проѣзда отъ Фессалоники до Прилѣпа изслѣдователь нашъ доискивался древнихъ памятниковъ. Снятые имъ надписи въ ліатографическихъ копіяхъ помѣщены, на четырехъ листахъ, приложенныхъ къ разбираемой нами книжѣ, а именно на 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ; на остальныхъ четырехъ листахъ — рисунки видовъ и церквей. Всѣхъ надписей 52; изъ нихъ 3 латинскія, 5 славянскихъ и 44 греческія. Мы займемся только нѣкоторыми изъ греческихъ.

Определить время возстановленія церкви св. Димитрія въ Фессалоникѣ ни по памятникамъ, ни по историческимъ свидѣтельствамъ, пока еще нельзя. Нашъ археологъ прочелъ на одной плитѣ (у бывшихъ входныхъ дверей) 6983 г.=1475, а на другой 6989=1481; на основаніи этихъ дать можно бы строить предположеніе, что 50 лѣть спустя по завоеваніи города Турками, церковь св. Димитрія еще продолжала быть домомъ христіанской молитвы⁸⁾. Подобное предполо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 322.

²⁾ Тамъ же, стр. 331; ср. 344. См. рисунки на л. 7 и 8.

³⁾ Тамъ же, стр. 338—339.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 341.

⁵⁾ Позв. въ Рум., стр. 344—346. Ср. рисунки на л. 8.

⁶⁾ Стр. 457—360. Ср. ниже эдѣсь стр. 31.

⁷⁾ Позв. въ Рум., стр. 376.

⁸⁾ Позв. въ Рум., стр. 101. Надѣюсь, ни авторъ, ни издатель не посѣтуютъ

жение высказано было и Тафелемъ на основаніи второй изъ упомянутыхъ здѣсь плитъ, описанной Кузинери. На второй изъ плитъ о. Антонинъ читаетъ фамилію Σπανδούης, что вѣроятно, точнѣе, чѣмъ Σπαντούης, какъ у Кузинери: фамилія Спандони, поясняетъ онъ,—и теперь слышится кое-гдѣ на Востокѣ. На плитѣ этой, въ то время, когда видѣлъ ее означенный французскій ученый, находились въ начальѣ похвальные стихи Лукѣ Спандони, потомъ то же известіе о кончинѣ этого лица, что и у нашего археолога, и въ концѣ извѣстія, послѣ 6989 г., еще обозначеніе января мѣсяца. Ни о мѣсяцѣ, ни о стихахъ не упоминаетъ о. Антонинъ; значитъ, одна часть плиты откололась, другая либо откололась, либо истерлась¹⁾). Вотъ участъ памятниковъ образованности въ странахъ необразованныхъ: кто могъ бы лучше списать, тотъ пришелъ позже. Спѣшите, молодые ученые на Востокѣ; спасите, что осталось; доройтесь до новыхъ находокъ старой отжившей жизни; дополните скучные наличные запасы.

Водена дала нѣсколько цѣнныхъ написей языческихъ и цѣлую группу написей надгробныхъ христіанскихъ. Прекрасно сохранившимся памятникомъ съ именами эфиварха и эфировъ пополняется число найденныхъ до 1865 года однородныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ высоко-правственномъ возврѣніи на свою молодежь, какое имѣли древніе Греки. Годъ 928 македонской эры (=16 по Р. Х.) не подлежитъ сомнѣнію.

На первый разъ ограничимся немногими замѣтками. Здѣсь имя отца Клавдія Серииа (=Серена) заключаетъ въ себѣ пропускъ одной буквы, судя по снимку²⁾; это подтверждается и особымъ замѣчаніемъ самого о. Антонина, что „слово: δο.χεο не представляется испорченнымъ“³⁾. Рецензентъ предлагаетъ вставить ρ, и читать тутъ известное имя ΔΟΡΚΟΥ. Затѣмъ чтенію: „Аниасъ, Александръ Папа.. дровнцевъ“ предпочтитаю, основываясь на заявленіяхъ самого автора, (см. прим. 1, къ стр. 205), читать: „Аніасъ Александръ, сынъ Папы“=’Ανιάτος Ἀλέξανδρος Πάπα. При такомъ чтеніи: вонер-

на меня за то, что я, когда это можно, не повторяю описокъ и опечатокъ и не оговариваю каждой изъ нихъ отдельно.

¹⁾ См. *Tafel, De Thessalonica*, стр. 125—127, который перепечатывается и стихи и запись по *Cousinéry, Voyage dans la Macédoine*, I, 42 и слѣд. Ср. Потѣвъ въ Рум., стр. 101 и прим. 3. Ср. прим. 2 къ стр. 401, *Журн. М. Н. П.*, іюнь, гдѣ Г. Сырку высказываетъ сходную догадку.

²⁾ Л. 3, на лѣвой столбцѣ.

³⁾ Стр. 205, прим. 1.

выхъ, имѣемъ два имени для того же лица и имя его отца, чѣмъ сохраняется обычнаа формула; преобладающая въ этой написи вовторыхъ, оставляемъ при этомъ лицѣ достопамятное сочетаніе „*πο-*
βέδης Александръ (=заступникъ мужей). Окончаніе „... дровѣзы“, показывающее, что ΔΡΩΒΥΟС принято было прежде за род. пад., исправлено самимъ постоянно слѣдящимъ за собою археологомъ нашимъ, который пишетъ¹⁾: „Похоже какъ бы на то, что тата есть род. п. извѣстнаго и изъ нашихъ святцевъ (16-го марта), подобнаго имени, а слѣдующее за нимъ имя начиналось или съ αὐ или съ φα или еще иначе какъ“. То-есть, по мнѣнію автора, это либо Αὐбрό-
 β ιος, либо Φαιδρόβιος²⁾. Изъ семи языческихъ, большою частію, надгробныхъ памятниковъ важны, по обозначенію года, двѣ: Л. Э. Эпакфродита (316 г. Мак. эры) и С. Педія (276 г. М. эры). Въ первомъ говорится, что господинъ ставитъ надгробіе своимъ отпущенными на волю рабамъ. Списавшій спрашивается. „Не кроется ли причина такого рѣдкаго вниманія въ какихъ-нибудь неизвѣстныхъ родственныхъ отношеніяхъ первого къ послѣднимъ? И онъ Юлій, и тѣ зовутся Юліемъ и Юліей. Какъ будто не даромъ такая щедрость на знаменитое имя. Притомъ же Юлій junior прозванъ еще побѣдоносцемъ, а Юлія (сестра его?) и прямо возвеличена прозваніемъ Рима (Ρώμη)... Что-то довольно замысловато“³⁾. Рецензентъ изъ тѣхъ же семи языческихъ памятниковъ останавливается еще передъ двумя. Одному изъ нихъ о. Антониномъ представлена такая транскрипція: Г. Πέδου καὶ Ὁστρίας Καδίων καὶ Ἀτίας Παραμόνας καὶ Σχειρίου τῷ τάκυφ ζῆντος ἐποίησαν, и переводить: Г. Педу и Острія, Кадіонъ и Атія, Парамона и Сабина чаду при жизни самимъ себѣ сдѣлали. Объясняетъ же о. Антонинъ эту надпись такъ: „Въ настоящемъ случаѣ родители, лишившись безвременно своего чада, устроили для него саркофагъ, предназначая его въ то же время и для самихъ себя, только не стумѣли складно заявить о томъ. Но это—наименьшая изъ несообразностей рассматриваемой надписи. Если слѣдовать предложенному нами чтенію, то выйдетъ, что у шести родителей было одно чадо, и то осталось не поименованымъ! Другого же чте-

¹⁾ Стр. 206, прим. 1.

²⁾ Нѣкоторыи изъ написей, снятыхъ о. Антониномъ, были изданы прежде изданиемъ его снимковъ, хотя списаны послѣ него. Мы излѣчимъ, что не можемъ, по нездоровью, воспользоваться какъ бы слѣдовавшою, работами другихъ.

³⁾ Позв. въ Рим., стр. 224; сним. л. 3, правый столб.

нія мы пока не придумаемъ. А допускать неполноту или повреждение текста вѣтъ никакого основанія¹⁾. Но не прибавляя подписной йоты подъ словами та॒ та॒, то-есть, принимая эти два слова въ двойственномъ числѣ, я перевожу слѣдующимъ образомъ: „Гай Педовъ и Острія Кад... (?) , и Атія Парамона и Савина, двѣ ихъ дочери, заживо сжали себѣ устроили“ ¹⁾). Любопытенъ эпиграфический обломокъ слѣдующий:

POTIN
MEPOVT^ω NKAΘOCl^ω
MEN^ω NCEKOVNΔAN^ωΔ.

Авторъ „Побѣдки“ переводить... приверженныхъ Секундановъ... но отъ дальнѣйшаго объясненія отказывается ²⁾). Соглашаясь вполнѣ съ такимъ переводомъ, мы представимъ нашу попытку объясненія. Секундановъ (Secundani) нахожу въ 8-й главѣ Нотиціи Востока въ числѣ воиновъ, состоявшихъ въ распоряженіи magistri militum per Illyricum; къ этому свѣдѣнію Нотиціи, издатель ея Бѣкингъ даетъ такую замѣтку: „i. e. Legionis II Secundanorum colonia Arausio (hod. Orange) fuit (Plin. III. 4., sect. 5)³⁾. И такъ, „Секунданы“, это имя легіона. Но здѣсь тѣу Еженоудѣмъ зависить отъ слова, котораго сохранилась лишь вторая часть, а эта часть не является ничего похожаго ни на сратопадон, та॑тма, сонта॑тма, которыми Греки переводили латинское legio въ болѣе древнее время, ни на λεγάον, какъ передавалось оно позже: эту вторую часть надо легко восстановить въ (υ)μέρο, а нумеромъ (numerus, νούμερος) въ позднѣйшія времена иногда называли когорту или вообще какую-либо часть легіона. Такъ, въ одной написи читаемъ: C. Annus Valens VETeranus EXNUMero FRUMentariorum LEGionis III, гдѣ нумеръ значитъ сотню ⁴⁾). Въ житіи св. Георгія сказано, что онъ находился ἐν γηράφῃ ἐπιστήμῃ τῶν Ἀντικύρων (cod. 1447 Par. Gr. и въ житіи его по Метафрасту, ἐν γηράφῃ τῶν

¹⁾ Пѣз. вѣтъ Рум., стр. 226, прим. 1; снимковъ л. 3, столб. правый. Какъ понимать Καδίων? Есть мужское имя Κάδος, ими города Κάδοι (въ Месоп.), название части Иллірии Καδία (см. Папе-Бензелера, Wörterbuch der Griech. Eigennamen); но сіи имена не помогаютъ объяснить высѣченного на камнѣ Καδίων.

²⁾ Стр. 227 и прим. 3; снимковъ л. 3., столб. левый внизу.

³⁾ Notitia Orientis, ed. Boeckhing I, p. 35, p. 228, пот. 19.

⁴⁾ Marquardt, Handbuch d. Röm. Alterth. III, 2, p. 391, въ прим. 2247, гдѣ выписка изъ Grut. 520, 8.

'Αυτοῖς (cod. 1178 olim 148) Par. Gr. и cod. 123 Vienn. Theolog Gr.¹⁾. Секунданы, отмѣченные въ Воденской надписи, имѣли, какъ видно изъ оной, почетное прозвище „приверженныхъ“ = χαροφόρεσι, прозвище близкое къ pia fidelis и т. п., аналогичное съ victrix и т. п., какими величались, помимо разныхъ мѣстныхъ и личныхъ содружина, какъ легіоны, такъ и отдельныя когорты. Остается подрѣзанное въ своемъ началѣ роти: если прочесть здѣсь πρότην, то къ какому существительному отнести это? разумѣть ли σχατονταρχίαν (=centuriam), то есть, 60-ю часть легіона или же τάγη (=turmag=эскадронъ), утверждать не рѣшаюсь.

Христіанскіе греческіе памятники въ Воденѣ, кромѣ своей многочисленности (ихъ 18), важны еще и потому, что большую частью принадлежать къ одному кладбищу. Почти всѣ они на самыхъ надписяхъ своихъ имѣютъ первый словомъ μνήμοριον (=memoria). Слово это, хотя и занесено въ Thesaurus linguae Graecae и въ Glossarium m. et. inf. gr. Дюканжа, съ обозначеніемъ его смысла, но только въ формѣ μνήμοριον, а не μνήμοριο: по этому μνήμορио, такъ явственно повторяющеся столько разъ на памятникахъ, современныхъ его употребленію, представляетъ фактъ новый и интересный. За симъ словомъ слѣдуютъ на памятникахъ большую частію званія и имена почившихъ. Между званіями читаемъ: пресвитеръ, діаконисса, дѣвственница, пѣвецъ, чтецъ, икономъ, коневрачъ (πποιατρε л. 4, № 14), икодомъ (οιχοδόρε л. 4. № 6=строитель). Πποιατρος известное въ позднее время, у классиковъ не встрѣчается. (Thes. I. G. подъ этимъ словомъ). Οιχοδόρος любопытно тѣмъ, что, принадлежа классической эпохѣ, удержалось въ византійской письменности больше въ смыслѣ домостроительства духовнаго; здѣсь же въ древнемъ смыслѣ строителя зданія. „Всѣ надписи христіанскія“, полагаетъ о. Антонинъ (исключая № 18):—„по характеру письма представляются принадлежащими одной и той же эпохѣ, и такъ какъ, по счастію, на одной изъ нихъ оказалась хронологическая дата, слѣдующая общепринятой въ Македоніи эрѣ, не оставляющая сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ IV вѣкомъ христіанскимъ, то сегодняшнюю находку нашу, не оби-нусь, можно назвать „сокровищемъ“. Сличая христіанскія надписи съ языческими, дѣйствительно, убѣждаясь, что ихъ раздѣляетъ не-большой (сравнительно) промежутокъ времени. Начертаніе буквъ въ

¹⁾ Сими указаніями за рукописи житія св. Георгія и обязанъ проф. А. Н. Веселовскому.

первыхъ почти не разится отъ послѣднихъ. Недостаетъ въ нихъ только Ω, Σ, и Е, замѣняемыхъ ψ, ζ и ε, которыхъ употребление встрѣчается, впрочемъ, и въ языческихъ, особенно же въ № 25. Исключительная особенность христіанскихъ есть слитное начертаніе двоегласнаго со въ видѣ ε, хотя наравнѣ съ нимъ (и даже въ одноть и томъ же словѣ, напримѣръ, ΔΟΥΔΚΙΤІε) встрѣчается и раздѣльная форма письма¹⁾. (Дальше о материаlh). Выписанные вѣдѣсь наблюденія опытнаго палеографа вызываютъ вниманіе анатоковъ и любителей эпиграфики. Не могу вступать съ ними въ состязаніе, не считая себя достаточно хорошо подготовленнымъ и обстановленнымъ: но не смотря на то, прошу, во поводу Ваденскіхъ меморій, выслушать одно замѣченіе, неотвѣтно меня занимающее. Тотъ самый „меморій“, который, по мнѣнию уважаемаго палеографа, свою лѣтописсю отыткой опредѣляетъ и возрастъ воего открытаго имъ христіанскаго кладбища, онъ-то самый и вызываетъ во мнѣ недовѣріе—по характеру языка. Надпись начинается съ IXΘΥΣ²⁾. Исследователь говорить: „Считать слѣдующія за словомъ Ιχѹсъ три буквы χμγъ продолженіемъ заключающагося въ немъ тайного смысла, мы не можемъ возможнымъ, потому что, если еще съ натяжкой можно въ μγъ предполагать сокращеніе μέτας, то въ χ положительно нельзя угадать никакого таиншаго подхоящаго смысла, а главное—потому, что самымъ естественнымъ образомъ усматривается въ нихъ хронологическая цифра, дающая 643-й годъ Александровой или Македонской эры, соответствующій 331-му христіанскаго лѣтосчислевія³⁾. Съ приведеннымъ мнѣніемъ мѣшаетъ согласиться языкъ надписи, приведшій въ сомнѣніе и самого открывшаго ее. „Несовсѣмъ грамотное выраженіе ёνα.. και τὸ ёνα“, объясняетъ онъ,—, выдаетъ вполнѣ безграмотную руку писца, не знаящаго, что слово μημόριον среднаго рода, и что слѣдовало ему писать, вместо ёνα, ёν.“⁴⁾. Пишущему эту статью кажется, что вѣдѣсь вопросъ не въ томъ, зналъ ли писецъ, что μημόριоν среднаго рода, или не зналъ этого, а въ томъ—могла-ли въ первой половинѣ IV в. до Р. Х. существовать форма ёνа вместо ёν, могъ ли кто-либо, въ то время сказать или написать: μημόρια δύο ёνа (такого-то) και τὸ ёνа (того-то)?

¹⁾ П. въ Рум. 227—228.

²⁾ Позв. въ Р. ст. 216. Синк. я. 4, № 6.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ П. въ Р. пр. 4 къ стр. 214.

Мнѣ кажется, что не могъ; и я не могу отказаться отъ этого мнѣнія, пока не будетъ доказана рядомъ письменныхъ свидѣтельствъ возможность означенней формы и означеннаго словесочленія въ IV в. нашей эры. Правда, въ пользу древности памятника служитъ начертаніе письменъ и $\chi\theta\sigma$: но не могло ли то и другое явиться изъ подражанія болѣе древнимъ памятникамъ? Которому же признаку дать предпочтеніе въ настоящемъ случаѣ: формамъ ли алфы, болѣе или менѣе исторически обслѣдованнымъ, или такому сочетанію буквъ ($\chi\theta\gamma$), которое, какъ число — неизвѣстно, а какъ монограмма — загадочно? Итакъ, если меморій съ начальнымъ $\chi\theta\sigma$ значительно позадиѣ IV в., то по всей вѣроятности, и прочія христіанскія надгробія, открытые нашимъ археологомъ въ Воденѣ, сходныя съ упомянутымъ по характеру письменъ, не могутъ принадлежать въ IV в., а должны относиться ко времени значительно позднѣйшему.

Изъ написей, найденныхъ и списанныхъ въ Трѣсковцѣ, особенно интересны двѣ языческія: на одной Аполлѣнъ Этевданискъ, на другой Аполлонъ Отевданъ¹⁾. Автору не удалось объяснить, что произвѣщѣ: мы также отказываемся отъ всякаго толкованія о немъ. На написи, рѣдко упомянутъ царь Стефанъ, относимой поэтомъ арх. Антониномъ не раньше 1333 г., и кѣто Николай Тосуй (стог $\chi\mu\kappa$), сохранившіяся въ предпослѣдней строкѣ семь буквъ: ГЛАДНАРН, я думаю, составляютъ середину слова (μ) $\lambda\lambda\lambda\alpha\rho\tau\mu\kappa$ ($\mu\kappa\omega$), означающаго монету въ двѣнадцатую долю солида. Здѣсь это слово, вѣроятно, во множ. ч., но не видать, въ какомъ падежѣ²⁾. Въ славянской написи о Дабиживѣ (1362 года) читается „енохияръ“, чтѣ авторъ производить изъ греч. $\circ\lambda\circ\chi\circ\alpha\tau\mu\kappa$ = виночерпій, или изъ $\circ\chi\circ\chi\circ\alpha\tau\mu\kappa$ = конюшій, давая предпочтеніе первому словопроизводству³⁾. Не зная такихъ словъ въ греческомъ языкѣ, мы обозначили ихъ звѣздочкой, какъ догадки о. Антонина. Нѣчто подобное первому, быть можетъ, и найдется (слич. $\circ\lambda\circ\chi\circ\alpha\tau\mu\kappa$ у Дюканжа).

Въ Старомъ Прилѣпѣ (= селѣ Варошѣ) описаны три церкви, которыхъ построеніе авторъ относить къ XIII — XIV вв.: это мнѣніе основано на томъ, что церкви сіи видимо принадлежать къ одному и тому же времени, а въ одной изъ нихъ, церкви св. Николая, на

¹⁾ П. въ Р., стр. 333. Снимк. л. 5, въ 4 ряду.

²⁾ Тамъ же, стр. 335. Снимк. л. 5, въ 4 ряду.

³⁾ Тамъ же, 337—338.

чертано: ἐκ βαθροῦ ἀνεγέρθη... Κῶζ Νεαμβρίου...—, съ основания возвышенности въ 6807" (= 1299 г.)¹). Христіанская греческая надпись, снятая въ Христофоровомъ монастырѣ, гласить, по чтенію и истолкованію арх. Антоніна, „съ кончины“, случившейся въ ноябрь мѣсяцѣ, иѣкоего Марка, по поводу чего и призываются святые апостолы и ученики принести молитву владыкѣ Спасу Христу о (упокоеніи) души его". Нельзя не согласиться съ такимъ объясненіемъ въ общемъ его смыслѣ; но въ частностяхъ есть затрудненіе, вслѣдствіе исказленія состоянія надписи. Послѣднія слова ея по снимку:

ИР... ЕУОНТЕ
АННАИТ... ΥХН...
ΑΥΤΟΥ

Перепись нашего палеографа значительно подвигаетъ дѣло: *ιπ(ερ)εօօօօτα(ς)... αῆναι τὴν φορὴν(υ) αὐτοῦ*. Толкованіе же, объ упомянутомъ "навело меня на чтеніе (δ)αῆναι=„научиться, познать“. Моленіе о томъ, „чтобъ душа его пришла къ познанію“ (Господа, въ посмертномъ своемъ состояніи). Полная γῆβος, ἔπειρυση Бога, по апостолу, является лишь послѣ смерти (1 Кор. 13, 2). Поэтому предлагаемое нами восполненіе текста и графически, и по значенію кажется намъ подходящимъ².

Въ самомъ городѣ Битолѣ (стр. 365), въ саду митрополита, списана слѣдующая прекрасная надпись:

ΑΥ. ΙΟΥΔΙΑΝΟΣ
ΑΥ. ΑΜΙΑΝΘΗΝ
CVMBION
ICAPTEMIN
ANEΘΗΚΟΝ
ΚΑΤΑ ΚΕΛΕΥΣΙΝ
ΤΗΣ ΘΕΟΥ

Переводъ снисавшаго: „Ав(релій) Юліанъ Ав(релію) Аміанту сожительницу, равную Артемидѣ. Воздвигъ по повелѣнію богини“. Ісафарію въ томъ видѣ, какъ это слово находится на плитѣ, конечно, значитъ: „равную Артемидѣ“. Не смотри на то, научный скептицизмъ переводчика навѣръ его самого

¹) П. въ Р., 346. См. планы и рисунки церкви на л. 8.

²) П. въ Р., 363. Снимк. л. 5, рядъ 5.

на сомнѣніе въ вѣрности такого пониманія, въ данномъ случаѣ: „Могъ бы кто-нибудь“, продолжаетъ онъ,— „отъ такого ревниваго божества ожидать скорѣе казни новой Ніобѣ, дерзнувшей сравняться съ нимъ, чѣмъ ласки и почести. Развѣ предположить, что къ вѣку Аврелиевъ и Аврелій и самыя божества колоніальной Греціи присмирѣли и сдѣлались человѣчнѣй подъ римскою ферулой“. Но сомнѣніе, высказанное толкователемъ, натолкнуло насъ на другое предположеніе: мы читаемъ „εἰς Ἀρτεμίῳ ἀνέβηκον“ = „а посвятиль Артемидѣ“ (то-есть, мою сожительницу). Рѣзчикъ вырѣзалъ, какъ произносили: *εαρτεμιν εἰς αρτεμιν*. Замѣна же дат. падежа, въ которомъ слѣдовало бы поставить лицо, которому слѣжало посвященіе, винительный съ предлогомъ *εἰς*— дѣло очень простое во II в. нашей эры; вѣдь и *ἀνέβηκον* не по аттически. При такомъ *ἀνέβηκον*, какъ мы его разумѣемъ, не приходилось бы супругу опасаться гибели ревнивой богини¹⁾). Есть еще двѣ очень интересныя изысканія греческихъ написи²⁾): на первой изъ нихъ упомянуто о замѣщаніи Веттія Филонова, по коему онъ предоставилъ совѣту города право получать проценты съ опредѣленнаго капитала (на неї 243 г. Мар.—70 л. до Р. Хр.). Въ написи о Фронтонѣ Діонисіевѣ отмѣтимъ порядочный неологизмъ окончаніе *εις*, а не *εες* въ *τοις καιονες*, заставляющій жалѣть, что годъ ея подлежитъ сомнѣнію.

Ближайшее разсмотрѣніе написей, снятыхъ о. Антониономъ, ихъ переписи, ихъ объясненія, выводовъ, слѣдившихъ имъ изъ своего новаго запаса, покажетъ высокое значение этого труда.

Въ разбираемомъ сочиненіи многихъ читателей привлечетъ къ нему высказанное авторомъ живое сердечное сочувствіе къ необходимости возвращенія среди населения славянского церковной службы на церковно-славянскомъ языке. И въ школѣ славянской желаетъ онъ находить азбуку, а не алфавитарій. Взглядъ свой по этому вопросамъ проводить онъ черезъ весь свой трудъ сильно и настойчиво, по временамъ даже рѣзко. Все это вполнѣ понятно, особенно когда вспо-

¹⁾ П. въ Р., с. 365; Снимк. л. 5, рядъ 7. Объясненія о. Антониана и наши останутся совершенно непонятными для читателя, который ограничится транскрипціей, находящуюся въ текстѣ о. Антониана, и не посмотрѣтъ на самыи его снимки. Въ текстѣ пропущено *ΙΣΑΡΤΕΜΙΝ*. Г. Смѣрку вѣрно прочелъ *εἰς Ἀρτεμιν*, но невѣрно прописалъ о. Антониану чтеніе *ἴσημη* *Ἀρτεμιν*, котораго о. Антонианъ и не предлагалъ, и не могъ предложить.

²⁾ П. въ Р., ст. 366, 370; Снимк. л. 6.

³⁾ П. въ Р., с. 372; снимк. л. 5, рядъ 5.

мнимъ, что все это писалось еще въ 1865 г. Мы смотримъ на сдѣланныя авторомъ наблюденія надъ всѣмъ имъ видѣннымъ, какъ на одинъ изъ источниковъ, изъ которыхъ будетъ черпать, и къ которымъ критически относится будущій историкъ болгарскаго возрожденія. Многостороннаго разсмотрѣнія и систематического изложенія означенныхъ вопросовъ, равно какъ и другихъ съ ними смежныхъ, болѣе или менѣе затрагивающихъ идею славянскихъ національностей, — мы адѣсь не находимъ; да несправедливо было бъ и искать этого въ дневникѣ. Откровенный же признанія, даже сердитыя выходки гораздо явственнѣе высказываютъ и положеніе дѣль на Балканскомъ полуостровѣ и личное настроеніе русской души всѣми уважаемаго лица, нежели вѣчныя недомолвки, отъ которыхъ вѣтъ неправдой.

Гавриилъ Дестунинъ.

Приповетка о Александру Великомъ у старој ѿриској књижевности. Критички текст и расправа од Стојана Новаковича. У Београду. 1878.

Какъ на Руси, такъ и у Сербовъ, исторія обѣ Александра Великому („Александри“) была въ старину одною изъ любимѣйшихъ книгъ народнаго чтенія. Интересное ея содержаніе, удовлетворявшее во многомъ любознательности пытливаго ума, было одною изъ главныхъ причинъ ея распространенности у народовъ Азии и Европы. При скудости свѣдѣній о народахъ и природѣ разныхъ странъ, средневѣковый читатель могъ найти здѣсь этнографію, исторію и географію неизвѣстной ему части свѣта, и притомъ еще обставленную романическимъ колоритомъ. Эта завлекательность „Александри“ должна быть принимаема въ расчетъ при возникновеніи различныхъ редакцій ея — у Славянъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ.

Ко времени появленія „Александри“ въ славянскихъ литературахъ, первоначальная основа ея, восходящая, — по вѣрному замѣчанію А. Н. Пыпина — къ ближайшему времени самой эпохи Александра Великаго и состоявшая сперва изъ разказовъ о геройскихъ подвигахъ и удивительныхъ странствованіяхъ Македонскаго царя, которые уже въ то время принали отчасти легендарный характеръ, мало по малу пріобрѣла ту форму, которая, понятно, стала мало походить на ея первообразъ¹⁾. Въ этой позднѣйшей формѣ находимъ смышеніе элемент-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, Очеркъ литературной истории старинныхъ новелей и сказокъ русскихъ, стр. 32.

товаъ языческихъ съ христіанскими. На ряду съ именами языческихъ боговъ и героевъ поставлены христіанскій Богъ и библейскія лица. Такъ, Македонскій царь Филиппъ, возвратившись изъ своего далекаго похода въ Азію въ Филиппополь, по случаю вѣсти о рожденіи дотолѣ безплодной женой его Олимпіадою сына Александра, привѣтствуетъ своего наслѣдника слѣдующими словами: „Радуйся, второй прекрасный Іосифе, второй храбрый Ахиллес! Ты мнѣ дарованъ; всімъ даръ совершиенъ исходить есть Бога“¹⁾). Но кто первоначально сообщилъ ему эту вѣсть? языческий богъ Аммонъ; когда Филиппъ былъ еще изъ Азіи, этотъ богъ явился ему во снѣ и повѣдалъ ему о томъ²⁾). Но повѣсти однажды выходятъ, что настоящій отецъ Александра есть Египетскій царь Нектенабъ, и этотъ царь, умирая отъ руки своего сына Александра, объявляетъ сыну: „Я отхожу, сынъ мой Александръ, ты адъ, въ подземную, гдѣ всѣ эллинскіе боги заключены великимъ богомъ Саваоемъ“³⁾.

Ко времени появленія „Александри“ въ славянскихъ литературахъ, образовались двѣ редакціи ея—греческая и латинская, которая распространялись и у Славянъ: первую приняли восточные Славяне, а вторую—западные. Въ настоящей статьѣ приходится говорить только о греческой редакціи, перешедшей въ литературы болгарскую, русскую и сербскую. Греческая редакція первоначально появилась у Славянъ въ болгарскомъ переводаѣ, который перешелъ въ Россію и Сербію⁴⁾). Временемъ возникновенія этого болгарского перевода можно полагать вторую половину XII в. или первую XIII в., но никакъ не раньше и не позже. Доказательство тому, что раньше—напримѣръ, въ половинѣ XI в.—не могъ явиться этотъ переводъ, мы имѣемъ въ томъ фактѣ, что онъ неизвѣстенъ нашему хѣтописцу Нестору; Несторъ,

¹⁾ По изд. проф. Янича въ кн. III Starin., стр. 226;

²⁾ Ibid., стр. 225.

³⁾ Ibid., стр. 228. Кроме того, въ уста языческихъ царей влагаются изречения премудрого Соломона, см. стр. 233, 234, 254, 264, 281 и др.

⁴⁾ Извѣстны три текста греческой редакціи. Г. Новаковичъ въ предисловіи къ своему изданию сербской Александри ставитъ вопросъ: по какому изъ трехъ греческихъ текстовъ, принятыхъ во вниманіе издателемъ К. Миллеромъ въ XXVI кн. Scriptorum грæcorum bibliotheca—древнѣйшему ли, съ языками IX в., или двумъ позднѣйшимъ, изъ которыхъ поздній представляетъ прѣкторы отъличіе,—сдѣланъ славянскій переводъ?—и отвѣщаетъ, что по вѣку греческаго текста можно опредѣлить вѣкъ возникновенія славянскаго текста (стр. V). Но, вѣдь, славянскій переводчикъ иѣль однозначную возможность вѣка позднѣйшее время воспользоваться спискомъ древнѣйшими или позднѣйшими.

говоря о нашествии Половцевъ въ 1096 г. и о дивномъ чудѣ въ Югрѣ, заимствуетъ свой разказъ о нечестныхъ народахъ, заключенныхъ въ горахъ Александромъ Македонскимъ, не изъ псевдо-Каллиссеона въ болгарскомъ переводаѣ, а изъ Месодія Патарскаго. Какъ это могло случиться? Вполнѣ основательны слова А. Н. Пыпина: „Можно было бы ожидать, что лѣтописецъ пашъ, говоря о народахъ, заключенныхъ Александромъ, сослался бы на псевдо-Каллиссеона, если бы дѣйствительна Александрия паша была современна переводу Мадали, — потому что это преданіе очень тѣсно связано съ дѣяніями Александра“¹⁾). Но въ слѣдующихъ актѣхъ словоъ того же изслѣдователя: „Слѣдовательно, называя Месодію Патарскаго, онъ или выражаетъ свое предпочтение къ его авторитету, или же простое незнаніе „Александрии“, которая въ то время еще не появилась въ русской письменности“²⁾), вслѣдъ не видѣть нѣкотораго противорѣчія: пресвитеръ Григорій перевѣлъ греческую хронику Мадали вмѣстѣ съ псевдо-Каллиссеономъ; славянскимъ переводомъ этой хроники пользуется Несторъ, и однако ему неизѣтно произведеніе псевдо-Каллиссеона „Александрия“. Доказательство тому, что болгарскій переводъ „Александрии“ не могъ явиться поэзіе первой половины XIII в., мы находимъ въ томъ фактѣ, что переводъ этого уже внесенъ въ лѣтопись Переяславля Суздальскаго, писанную 1261 г.³⁾.

Но кроме этого болгарскаго перевода, на Руси извѣстность имѣла и сербскій переводъ. Уже Востоковъ, разбирая одинъ сербскій и русскіе списки „Александрии“, указалъ на то, что послѣдніе происходили изъ сербской редакціи⁴⁾; самый сильный доводъ въ пользу этого мнѣнія — присутствіе въ русскихъ спискахъ объясненій греческихъ словъ сербскими. Такъ, въ сербскомъ спискѣ № 175 (въ Румянц. муз.) читаемъ: Александръ основаъ единъ городъ и „наречѣ имъ ему Драмъ, по сербскому же языку наречѣтсѧ поточица“⁵⁾; въ русскихъ спискахъ, напримѣръ, въ Погорѣловскомъ сборникеъ Импер. Публичной Библіотеки, XVII в., № 1172, на л. 225, читаемъ: „градъ же ту созда и нарече имъ ему Драмъ, иже па сербскомъ языку поточица наречется“⁶⁾;

¹⁾ Очеркъ, стр. 46.

²⁾ Ibid.

³⁾ Предисловіе князя Оболенскаго къ изданію лѣтописца Переяславля Суздальскаго.

⁴⁾ Опис. рук. Румянц. муз., подъ № 175.

⁵⁾ См. также над. прое. Яичча Star. III, стр. 229—230.

⁶⁾ А. Н. Пыпинъ, Очеркъ лѣт..., стр. 39.

а въ одномъ спискѣ слово „сербскій“ измѣнено, по незѣжству писца, на „сибирскій“ (по сибирскому языку). Подобныи объясненія греческихъ словъ сербскими не единичны, а потому не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что составитель сербской редакціи былъ Сербъ; переводилъ онъ прямо съ греческаго подлинника, какъ это доказали сначала проф. Ягичъ¹⁾, а затѣмъ проф. Новаковичъ. Послѣдній сказаъ послѣднее слово о сербской редакціи „Александрии“. Г. Ягичъ въ предисловіи къ своему изданію „Александрии“ писалъ: „Не можетъ ствѣчать на вопросѣ—всѣ ли извѣстны сербскіе списки представляютъ одну и ту же редакцію“²⁾. Г. Ягичъ, знаятъ, оставилъ еще при мнѣніи, высказанномъ имъ въ „Исторіи сербско-хорватской литературы“, что возможна сербская „Александрия“, какъ списокъ съ древнаго болгарскаго перевода, наряду съ чисто-сербской редакціей, представляющей прямой переводъ греческаго подлинника.

Такое мнѣніе совершенно вѣрно. Напротивъ того, г. Новаковичъ, признавъ точно также двѣ редакціи перевода „Александрии“ въ сербской письменности—старую и новую³⁾, рѣшительно высказался въ пользу самостоятельности сербскаго перевода каждой изъ нихъ. Уважаемый ученый устранилъ нѣкоторое проглядывающее въ вышеприведенныхъ словахъ профессора Ягича недоумѣніе, но самъ слишкомъ увлекся, когда говорить о невозможности перехода болгарскаго перевода „Александрии“ въ Сербію. Основанія для подобнаго мнѣнія г. Новаковича не вполнѣ убѣдительны: полного вѣянія болгарской литературы на сербскую до XV в. отрицать нельзя, — мнѣніе это, кажется, не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Держась такого воззрѣнія на этотъ предметъ, мы считаемъ умѣстнымъ замѣтить, что составитель „житія“ короля Степана Дечанскаго, первый продолжатель труда архіепископа Дамила, при заимствованіи своихъ цитатъ изъ „Александрии“, долженъ былъ пользоваться болгарскимъ переводомъ „Александрии“, занесеннымъ въ Сербію. Если же принять, напротивъ, самостоятельность сербскаго перевода этой старой редакціи, то на кого изъ сербскихъ книжниковъ XIV в. могли бы мы указать, какъ на автора этого перевода? Главные сербскіе дѣятели на поприщѣ письменности въ первой половинѣ XIV в.—архіепископъ

¹⁾ Star., III, 1871 г., стр. 213—215.

²⁾ Ibid., стр. 208.

³⁾ См. его предисловіе къ изд. „Александрии“, стр. XXII.

Никодимъ и Даниилъ II, не могли взяться за этотъ переводъ. Желая устранить разногласіе міжній, мы обратили внимание на сличеніе цитатъ въ „житії“ Степана Дечанскаго (по „Родослову“) съ редакціями болгарской и сербской; но работа эта ни къ чему не привела, такъ какъ составитель „житія“ не цитировалъ „Александрию“, а лишь ограничился, такъ сказать, однимъ общимъ впечатлініемъ, какое онъ самъ имѣлъ, отъ чтенія этой повѣсти: изъ рѣчей, приведенныхъ въ „Александрии“, мы не находимъ въ „житії“ ровно ничего. Имѣемъ право, поэтому, полагать, что составитель не особенно близко былъ знакомъ съ ней: одна ссылка на источникъ, безъ полнаго пользованія имъ, не свидѣтельствуетъ о настоящемъ знакомствѣ съ нимъ.

Самостоятельный сербскій переводъ „Александрии“ съ греческаго подлинника могъ появиться скорѣе всего въ періодъ усиленной литературной дѣятельности у Сербовъ, въ правлѣніе миролюбиваго деспота Степана Лазаревича (1389—1427 гг.).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о самой „повѣsti“ и о времени ея появленія въ сербской литературѣ, обратимъ вниманіе на самый текстъ ее, какой читаемъ въ изданіи профессора г. Новаковича. Принять его вполнѣ удовлетворительнымъ нельзя. Цѣль настоящей статьи — указать замѣченныи нами невѣрности въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, сравнительно съ чтеніемъ деритскаго списка „Александрии“, копія коего хранится въ Москвѣ въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 175. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что указываемъ лишь такія отличія, которыхъ или замѣняютъ смыслъ, или представляютъ болѣе старое чтеніе.

Въ деритскомъ спискѣ читаемъ: „Еладской отецъ обладаше“ (л. 1), чёму въ изданіи проф. Новаковича соотвѣтствуетъ: „еладскимъ островомъ обладашшоу Філіппу...“

Можно принять чтеніе деритскаго списка въ разказѣ о томъ, какіе народы составили союзъ противъ волжско-царя Нектенава: „Вѣхъ же съвѣщали свѣі езици на Нектенава Перси, Ивери, и Арапи, и Адѣнни, Виши, и Елапи, и иные высточны езици“ (л. 2), тогда какъ въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, читаемъ: „Персці, Ивери, Кіане, Арапи, Іетиопіа, Гелагы“ и пр. (л. 2)¹). Этимъ устраивается загадочное название народа — Кіанъ.

¹) Статья эта въ Михаловичевомъ спискѣ № 31, хранящемся въ настоящее время въ библиотекѣ Юго-Славянской академіи въ Загребѣ.

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ, что на извѣщеніе Вервека (Верверика, по дерптск. сп.) о движеніи на Египетъ царя Дарія съ другими восточными царами, Нектенавъ отвѣтилъ: „ти оубо вѣрно ти работоу добрѣ съвршилъ иssi, о наинствіи Гезръксена ирака на Егуптъ и вѣсточ'ныхъ царь“ (стр. 4), то-есть, замѣчается несоответствие въ обозначеніи именъ, чего нѣть въ дерптскомъ спискѣ: „добро сътворилъ еси понеже възвестиль еси мнѣ дошастіе цѣа Дарія въ драгахъ вѣсточнихъ црбъ“ (об. л. 2)¹⁾.

У Новаковича (Нектенавъ): „вльшебную леканомать начать творить“ (стр. 4; чего нѣть въ сп. Михановича, № 31); въ дерптск. сп.: „вѣковно врачеваніе сътвори“ (л. 3)²⁾.

Въ описаніи образа бога Амона по тексту, принятому въ изданіи проф. Новаковича, читаемъ: „крилоути же грыпъсози, алати и чръни“ (стр. 7; въ Миханов. сп. № 31, стр. 4); но въ спискѣ дерптскому чтеніе болѣе вѣрное: „крила Грифова зата и червлены“ (л. 5).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ, что Александръ „оліадоу въ ок'су (въ Миханов. сп. — отлиснію) за годините наоучи“ (стр. 10), а въ дерптск. сп.: „научивъся Иліадѣ и Одиссію за годище“ (об. л. 6).

Вместо неясного слова въ рѣчи Аристотеля къ Александру, по изданію г. Новаковича: „Фер'и ре Александ're, аште царь на земли наречеши се“ (стр. 11), въ спискѣ дерптскому имѣемъ: „о храбрии Алеандре“ и пр. (об. 7).

Вместо читаемаго у г. Новаковича: „отъ виегоже (Нектенава) наоучи (Александъ) хожденія небеснаа. єї живог'никъ и єї иланитъ, сльноу, лоукоу и лоуноу извѣсто, акинось, смиронось, афродитијеръ идол'ноумъ ира; суга же на кседесъ описан'на бѣху по подобію“ (стр. 12), въ дерптскомъ спискѣ имѣемъ: „..., сици и лѹнѹ въз на каминтій сърасонъ, Арисъ, Азродить, Ермисъ, и въса сія на дасце ношаніе, описанію же бѣхе възако по своемѹ редѹ“ (л. 7—8).

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „бехоу (Елиномъ игри) сице: олимъбіа, истаніа, емеа, посидона“ (стр. 15), а въ дерптск. сп.: „бѣхѹ сице: Солямъбіа, Истыміа, Емеа и Сидона“ (л. 10).

Вместо неясного въ изданіи г. Новаковича выраженія: „Тоу же

¹⁾) Нѣть въ спискѣ Михановича.

²⁾) Въ сп. Михановича совсѣмъ иное чтеніе.

Александъ пришъдъ съ неглоторскими витезами бороти се въроучи, Лоимедоушемъ же и Калименоушемъ, онъ же съ воеводою своимъ Потомесемъ" (стр. 15), — въ дерптск. сп. читаемъ: „т^в (на мѣсто игрѣ) Александъ пришъдъ, и повелъ витезомъ своимъ бывшее на немъ Лоимедоуш^в и Калименаш^в" и пр. (л. 10).

Въ изданиі г. Новаковича число убитыхъ Александромъ Македонскимъ Куманъ обозначено: „и, тисоушть" (стр. 17), а въ дерптск. сп.: „кі тисуши" (об. л. 11); но въ послѣднемъ не обозначено число убитыхъ Македонянъ.

Въ изданиі г. Новаковича вѣтъ слѣдующихъ строкъ: „и Македониенъ т^в (у трупа царя Филиппа) стоеще рѣше, тако да будеть всенъ противлюющімъ Александъ, Солимбада же т^в стоеще плакашесе горко; тѣло же Филиппово (на златомъ фдре положише)" (л. 13); спр. стр. 19 изданиі г. Новаковича.

Въ изданиі г. Новаковича: „къ Филипу стоу брати се рече" (стр. 20), вѣрише въ сп. дерптск.: „къ Филип^в съ град^в събратисе повелъ (Александъ) (об. л. 13).

Въ рѣчахъ главныхъ представителей народа на собраніи, созванномъ Александромъ послѣ смерти Филиппа, Александръ титулуется „крайемъ" по изданию г. Новаковича (стр. 20—21), а въ дерпскомъ спискѣ онъ называется „царемъ" (об. л. 13—14).

Въ изданиі г. Новаковича „Римъ же на оп'ине дръжаше се, іакоже и Аеінане" (стр. 32), въ сп. дерптск.: „Римъ же на велико съдръжашесе якоже и Аеіна" (л. 23).

Въ отличие отъ текста г. Новаковича, въ которомъ сказано, что жители Рима поднесли Александру „блудь самотвор'нихъ тисоуштоу и двѣ сти" (стр. 33), въ сп. дерптск., какъ и въ Михановичевомъ¹⁾, сказано: „изнесоше ем^в кі. блудь самотворниихъ Ш кі. камень многоцѣнниихъ" (л. 24). Послѣднее чтеніе вѣрише, ибо соответствуетъ дальнѣйшему разказу.

Въ спискѣ дерпскомъ есть слѣдующее мѣсто: „Александъ же о семъ (даражъ Римлянъ и другихъ западныхъ царей) ѿмилнисе, и повелъ имъ дати²⁾ за кі лѣтъ, и войскъ ѿрѹжнѹ повелъ дати имъ, Лашмеда же нѣкоего приснаго своего и вѣрна дружга въ Римъ пра постави, и вѣсъ западнимъ пре мъ послѹшати его повелъ,

¹⁾ Подъ строкой въ изданиі Новаковича выдернута изъ него (стр. 33, сноска 4).

²⁾ Въ спискѣ описка—дати.

злата же многа и войски великие ютъль съзываю, на южные юстримисе страны" (об. л. 25); въ изданиі г. Новаковича изъ начала приведенаго здѣсь мѣста кое-чего нѣть, а вмѣсто южные стоять: „на оучешкоу землю" (стр. 35).

Въ изданиі г. Новаковича читаемъ: Александръ дошелъ „до Окіана рѣки... и трехъ рѣкъ иже в'соу землю обтачоутъ" (стр. 35), а въ дерптск. сп.: „до Окіана мора приспѣвъ, иже въсъ ютъль землю" (л. 26) ¹⁾.

Вмѣсто „къ стране придіскои (фаридискои—сп. Михаї.) пріиде" (Александръ), въ изданиі г. Новаковича (стр. 37),— въ дерптск. сп. читаемъ: „къ фрадайской възвратисе земли" (об. 27). Минерва въ спискѣ, изданиомъ г. Новаковичемъ, названа кралицею (стр. 39), въ спискѣ Михановича госпожею (ib.), а въ дерптскомъ богинею: „Изнесоше емъ на иконѣ юписанъ образъ богине Менерве" (об. л. 28).

Согласно съ Михановичевымъ спискомъ, въ дерптскомъ сказано, что Александръ Македонскій пробылъ въ предѣловъ Македоніи 17 лѣтъ (стр. 41).

Согласно съ Михановичевымъ спискомъ, и въ дерптскомъ въ письмѣ Египтанъ къ врачу Александрову Филиппу добавлено, что за отравление Александра онъ будетъ много награжденъ. Прибавку эту г. Новаковичъ счелъ безсмыслицею ²⁾, но въ то же время текстъ дерптского списка представляетъ нѣсколько иной вариантъ: „аще Александра врачевнимъ и ядовитымъ билдюмъ юмориши, въсемъ Египту пра сътворити те имамы, и ю Дарія вѣлми почтены будеши" (об. л. 37) ³⁾.

Въ изданиі г. Новаковича: „Александъ рече прѣстati рѣвами" (стр. 52); вѣроятѣ въ сп. дерптск.: „Алѣксандъ же рѣвамъ престати новѣй" (л. 39).

Въ изданиі г. Новаковича читаемъ: „Даріе же призыва воєводу великаго, Миман'ду именемъ, и къ имену рече: шесть (сты) тисоушти въз'имъ изъбран'ыхъ Пер'сы и двѣстѣ тисоушти Мидѣнъ (и. б. тисоуште Етиопы) и. д. ста тисоушти пешыцъ стрѣльцы" (стр. 54), а въ дерптск. сп. имѣемъ слѣдующее чтеніе: „Дарие же великии царь призвавъ великаго своего воєводу Миманта и къ немъ рече г. съть

¹⁾ И въ Михановичевомъ спискѣ не говорится о трехъ рѣкахъ (см. подстр. примѣчаніе въ изданиі г. Новаковича (стр. 35)).

²⁾ Подстроч. примѣчаніе 12 (стр. 50—51).

³⁾ Ср. стр. 50 въ изданиі г. Новаковича.

тис⁸иць Персь избранни^Х възамъ, и двѣ тис⁸ица мидъ, и четыреста тис⁸иць съ стрѣлами пѣшиць, и двѣстѣ тис⁸иць Есакиць" (об. л. 40).

Нѣсколько отличное чтеніе представляетъ слѣдующее мѣсто въ дерптск. сп.: „Амвісъ же въ Дарію пришель, и възвѣсти єм⁸ въса іаже сътвори и како Алѣксандъ животъ єм⁸ дарова. Тогда Даріе покимавъ головою своею и рече: ми елико възможемъ да творимъ, и Амвісъ рече къ нему: себѣ работъ мою мъчимъ да съ платихъ и животъ мон ѿ рѣки Алѣксандровы въезхъ" (л. 46) ¹⁾.

Въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „Алексендро же въ тоу ношть іави се пророкъ Іереміа съ философомъ Іерусалимскимъ" (стр. 63), а въ сп. дерптск. съ Финеесомъ архиереемъ іерлимскимъ" (об. л. 47).

Въ изданіи г. Новаковича: „Рѣка бо асирскаа всакоу ношть замрзаше" (стр. 68), а въ дерптск. сп.: „Рѣка бо Арсинойская бѣше такова" и пр. (л. 42).

Въ изданіи г. Новаковича: „єлико очима нашима могохомъ разоумѣти, да д. ста тисоуште тисошть бѣхоу" (войска Порова) (стр. 69), а въ дерптск. сп.: „єлико ютима нашима відѣхомъ и тако разумѣхомъ до четыри тис⁸иць тис⁸ица бѣшъ" (об. л. 53).

Послѣ побѣды Александра надъ Даріемъ, Персы идутъ на поклонъ Александру и говорять: „многа лѣта Алѣксандъ великомъ, въсего свѣта цр⁸ и Персидскомъ г⁸в⁸, съ дъщерю Даріевою Роксандою" по списку дерптскому (об. л. 45) ²⁾, тогда какъ въ изданіи г. Новаковича читаемъ: „И тако приведоше прѣдъ нюга персидскоу царицу, съ дыштерию Роксандою" (стр. 72).

Виѣсто слѣдующихъ словъ въ изданіи г. Новаковича „и се речь макамъше ихъ" (стр. 78) въ дерптск. сп. имѣемъ: „Сія же имъ г⁸ листѣ ихъ бѣшъ, яко да не вѣдѣть си⁸ (пославіе царя Сенхоса) и Устрашаетсѧ, и зад⁸ да не возвратетсѧ" (л. 50).

Въ дерптск. сп.: „Макари бо по Словенскому⁸ єзику⁸ блаженны наричутсѧ" (об. л. 57), а въ изданіи г. Новаковича: „по сърбскому⁸ кзыкоу" (стр. 88).

Въ дерптск. сп.: „они же о вѣснениі єго много жалостни бѣхъ" (об. л. 58), а въ изданіи г. Новаковича: „они же о кръсманіи єго много жалостни бѣху" (стр. 89).

¹⁾ Ср. стр. 61 въ изданіи г. Новаковича.

²⁾ Ошибочно повторена номерація.

Въ спискѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, опущены слѣдующія слова: „поля нѣкоего широка дошьдъ“ (об. л. 58) (Александъ), на кото-ромъ онъ нашелъ глубокій ровъ¹⁾.

Слѣдующее мѣсто въ дерптскомъ спискѣ отличается отъ соотвѣтствующаго мѣста въ изданіи г. Новаковича: „и се рекъ (Александъ) воисцѣ направитися повелѣ бга' срѹжіа, и съ собою х'рты и пардосы повѣсти повелѣ, и тако горѣ снѹ съ воинскою обшиль и 6. тисѹщъ людий ѿ никъ 8хвати, и въ становѣ всесхъ ихъ приведе“ (л. 61); ср. въ изд. Новаковича стр. 93.

Болѣе соотвѣтствуетъ смыслу рѣчи выраженіе поразихомсѣ (дерпск. сп., л. 66) вмѣсто сразихомсѣ (въ изд. Новаковича, 100) въ рѣчи Пора въ вельможамъ, послѣ его пораженія Александромъ: потеря со стороны Пора и Александра обозначена въ дерптскомъ спискѣ нѣсколько различно: „и тѣ Алеꙗандъ ѿ Поровиѣ войске 8би д.ста тисѹщъ и ѿ Алеꙗандровыхъ падѣ 5. тисѹщъ и тако“ (об. л. 66); ср. въ изд. Новаковича, стр. 100.

Разница въ перечисленіи нечистыхъ народовъ, завоеванныхъ Александромъ: въ дерптскомъ спискѣ читаемъ: „8ть же саици тиє ихъ же заклони тамо Алеꙗандъ Гоеи, Имагоен, Наваген, Агиси, Езаниен, Диварсы, Фотииси, Невни, Фарсаны, Климады, Занарты, Өфани, Марматани, Хахони, Агримарды, Снѹфаги, Чоглавы, Фардени, Насине, Аласине, Фосоникии, Салатари“; въ изданіи г. Новаковича „Насине“ совсѣмъ нѣть, если не слѣдуетъ видѣть ихъ въ „Ансине“, которые въ текстѣ г. Новаковича занимаютъ предпослѣднее мѣсто; Салатарамъ списка дерптского соотвѣтствуютъ въ сп. г. Новаковича Татари; врата, за коими были завоеваны эти народы, названы въ сп. г. Новаковича „каскаа вратѣ“, а въ дерптскомъ: „касписка“ (ср. стр. 110 изд. Новаковича и л. 73 дерпск. сп.).

Согласно съ Михановичевымъ спискомъ, и въ дерптскомъ спискѣ Амастронская царица Клеофila названа „Клеофила Кандакія Амастріонска царица“ (л. 78); ср. изд. Новаковича, стр. 110.

Въ спискѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, не находится въ перечисленіи раздѣловъ Александровой монархіи слѣдующей добавки: „Фи-

¹⁾ Ср. Новакович, стр. 90.

ничъ же дада Нѣмъчью землю и Фрачжское господство" (об. л. 85); ср. стр. 126 изд. г. Новаковича.

Нѣтъ въ си. Новаковича слѣдующаго: „аще ли промисло^{*} твоимъ и враче вѣсакого (sic, вм. врачевьского) хитростю, паки съравняются кола иже суть съставы, тогда паки съ дѣю здравствуетъ, огнь топлѣе ѿбъ земли сѹсъ, выздѣхъ хрюкотина чрна жельчъ, огнь и выздѣхъ противное, огнь съединеніе, и выздѣхъ землѣ мокрѣ и ѿбъ, рода и ст҃деній и ѿбъ, а се четыремъ съставомъ ими^{**} члвчское состоится тѣло, имѣй ѹмы да разгмѣтъ“ (об. л. 89); у г. Новаковича этому соотвѣтствуютъ только слѣдующія слова: „Апте ли промысломъ твоимъ и врачевьской хитростю паки четыри има истькнеть се кола, кже соуть състави, тог'да паки тѣло съ дѣю здравствоуєтъ“ (стр. 130).

Во многомъ отличается слѣдующее мѣсто въ дерптскомъ спискѣ: „тогда(послѣ полученія письма отъ матери Олимпиады чрезъ Аристотеля) рече Александръ, блаженъ есть вѣакъ чѣкъ, кои слуша родитель своихъ заповѣдь, паки рече къ Аристотелю: шиши книгъ и вѣкоре пошли, да приидетъ къ намъ прица Шлимбіада, и паки да идемо заедно въ Македонію, но мнѣ речено есть въ вѣки Македониѣ не вїдти, и тако на ѿбѣдь сѣдошѣ властелі и кнези, вѣсехъ по достоянію нареди яко же подобаетъ Потоломъ, Филона, и Антиоха и Селевка[†]ша близъ себѣ посади на шестой степени, Аристотеля же чѣтѣля своего посади више вѣсехъ, потому вѣста Аристотель съ ѿбѣда и изнесе дари“ (л. 92) Ср. въ изд. г. Новаковича (стр. 134, гл. 22).

Изъ представленныхъ выше указаний можно усмотрѣть ближайшее сходство дерптского списка съ Михановичевымъ. Начиная же приблизительно съ главы 22-й по 26-ю (стр. 134 по изданію г. Новаковича), замѣчается различіе въ чтеніи, но не въ содержаніи. Стоитъ для этого сравнить мѣсто, гдѣ разказывается, какъ Александръ Македонскій посыпался надъ однимъ персидскимъ вельможею старикомъ, который подкрашивалъ свои волосы и бороду, желая казаться молодымъ (см. у г. Новаковича стр. 136) ¹⁾.

¹⁾ Основываемся на вѣкоторыхъ вариантахъ изъ Михановичева списка въ изд. г. Новаковича.

Съ большою или меньшою вѣрностью можно признать подобное же отношеніе и дальнѣйшей части съ 26-й главы (по изд. Новаковича) между спискомъ дерптскими и изданными у г. Новаковича: различій въ содержаніи нѣтъ. Отмѣчаемъ впрочемъ одно: въ дерптскомъ спискѣ Александрія досталась, по смерти Александра, Итоломею и Филону (л. 10б), тогда какъ въ текстѣ, изданномъ г. Новаковичемъ, она досталась одному Итоломею (стр. 150).

Владимѣръ Качановскій.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Травинъ. Руководство къ низшей геодезии. Наставлениe къ употреблению геодезическихъ инструментовъ и производству различного рода съемокъ и нивелирования. Съ приложениемъ ХII таблицъ чертежей. Москва. 1880.

Объемистый трудъ г. Травина раздѣленъ на 11-ть главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ описаны инструменты и способы, прилагаемые къ съемкѣ участковъ большихъ размѣровъ. Въ первой главѣ обстоятельно разъясняется (на 46 стран.) объ устройствѣ, повѣркѣ и употреблении повторительного и простаго теодолитовъ и универсальнаго инструмента. Во второй главѣ излагаются вѣрность градусныхъ дѣленій лимба, вернери и эксцентричность центра вращенія алидадъ и алидадныхъ круговъ. Третья глава посвящена производству съемокъ, основанныхъ на триангуляціи. Въ главахъ IV, V, VI и VII излагаются топографический и геодезический способы нивелирования, съ описаніемъ относящихся сюда приборовъ. Въ главѣ VIII говорится о топографической съемкѣ и способахъ изображенія неровностей на земной поверхности, а въ IX—о производствѣ глазомѣрной съемки. Въ гл. X разбираются вопросы, решаемые по снятymъ планамъ, и между прочимъ, излагаются различные способы возвобновленія межъ. Наконецъ, гл. XI посвящена „перерисовкѣ плановъ, безъ измѣненія и съ измѣненіемъ масштаба“, и описанію пантографовъ. Послѣднія 27 страницъ книги заняты таблицами различного рода.

Достоинство труда г. Травина, помимо опрятной внѣшности и отчетливости чертежей, заключается въ полнотѣ содержанія, мѣстами переходящей даже въ излишество; недостатки—въ нагроможденіи ме-

лочей, многословій и стилистическихъ промахахъ. Не довольствуясь подробнымъ описаніемъ топографическихъ и геодезическихъ инструментовъ, авторъ „Руководства“ нерѣдко входитъ въ мельчайшія изслѣдованія несовершенствъ въ устройствѣ посѣдніхъ, прибѣгая при этомъ даже къ помощи дифференциального вычисления (стр. 150 и др.). Наклонность автора къ многорѣчью и погонѣ за мелочами видна, напримѣръ, изъ статьи „определение количества земли, какъ всего пространства (,) изображенного на планѣ, такъ и въ отдельныхъ угодьяхъ“ (стр. 259—306), статьи, занимающей 32 страницы, не считая 16-ти страницъ, отошедшихъ подъ описание планиметровъ. Въ эту статью вошелъ, между прочимъ, и перечень геометрическихъ теоремъ, слушающихъ къ определенію площадей наиболѣе употребительныхъ очертаній (§ 160).

Нельзя не замѣтить при этомъ, что растянутостью описаній въ „Руководствѣ“ не всегда обусловливается ясность изложения. Такъ, напримѣръ, на объясненіе определенія угловъ по способу покойнаго академика В. Струве потрачено 5 страницъ (18—22), даже приложеніе „журналъ наблюдений“, и все-таки, сущность самаго дѣла, дѣла нехватраго, осталась не вполнѣ разъясненою. Ясности изложения не мало повредили, какъ упомянуто выше, еще и недостатки стилистического характера. Такія выраженія, напримѣръ, какъ: „координаты точки, на горизонтѣ которой опредѣляется азимутъ (,) вычитать изъ координата точки, для направлениія на которую ищется азимутъ“ (правило, напечатанное курсивомъ на стр. 89), или: „если длинные межники полосъ кривые опредѣлены промѣромъ линій pp', qq', gg', то...“ (стр. 305),—къ сожалѣнію, не рѣдкость въ книгѣ г. Травина.

Впрочемъ, занимающее насть сочиненіе, по обилію собраннаго въ немъ материала и по общему характеру изложения, можетъ служить небезполезною справочною книгой для преподавателей землемѣрія и инвентировки.

Курсъ топографіи или низшей геодезіи. Составилъ С. Бєликовъ, корпуса военныхъ топографовъ геодезистъ, штабск.-капитантъ, преподаватель 8-го военнаго Александровского училища. Часть I. Введение. Черченіе плановъ и пользованіе ими. Ч. II. Инструментальная съемка. Съ чертежами въ текстѣ. Москва, 1890.

По заявлению автора въ предисловіи, названное сочиненіе предназначено „не для специалистовъ, но для большинства людей, которымъ встрѣчается, или можетъ встрѣтиться, надобность иметь свѣ-

дѣнія по топографії". Предполагая въ читателяхъ лишь элементарные познанія изъ алгебры, геометріи и тригонометріи, г. Бѣликовъ ограничился въ своемъ „Курсѣ“ изложеніемъ свѣдѣній, необходимыхъ только для пользованія топографическими планами и при производствѣ простѣйшихъ геодезическихъ работъ. Первая часть „Курса топографії“ посвящена черченію и чтенію плановъ, вторая — „инструментальной съемкѣ“. О черченіи и чтеніи плановъ авторъ говоритъ въ пяти главахъ, изъ которыхъ въ самой обширной, 3-й, занимающей, впрочемъ всего 39 страницъ, разказано о способахъ „изображенія на планахъ меровностей мѣстности“. Изложеніе всей первой части сжатое, но удобопонятное, не смотря на шероховатости, какъ, напримѣръ:

„Измѣнивъ условія составленія плановъ и картъ, полное опредѣленіе ихъ (условій, или плановъ и картъ?) будетъ заключаться въ сѣдующемъ“ (стр. 5).

„Такъ какъ онѣ (постоянныя величины Е и С) зависятъ отъ ея длины (ножки планиметра), то ей даютъ такой размѣръ...“ (стр. 76).

Отмѣтимъ мимоходомъ и не совсѣмъ точное опредѣленіе „карты“ (стр. 6):

„Изображеніе на бумагѣ горизонтального положенія значительного пространства, составляемое помощью высшей геодезіи(,) называется картой“.

Вторая часть „Курса топографії“ состоитъ, какъ и первая, тоже изъ пяти главъ: въ первой говорится объ измѣреніи линій на мѣстности и описывается мѣдная цѣпь, тесьма и веревка, стальная лента, эклиметръ и три вида эккеровъ; во вторую, по поводу измѣренія угловъ на мѣстности, вошли описанія ноніуса, визирныхъ приборовъ, инструментовъ для опредѣленія вертикального и горизонтального направлений, астролябіи; устройство мензуры съ принадлежностями и опредѣленіе посредствомъ ея величины угловъ и положенія точекъ, находящихся на мѣстности, помѣщено въ третьей главѣ, а производство съемки мензурую — въ четвертой; въ послѣдней главѣ трактуется обѣ измѣренія угловъ наклоненій, объ опредѣленіи высотъ и значеніи горизонталей на планѣ.

Не смотря на сжатость и мѣстами неправильность языка, эта часть „Курса“ читается также легко, какъ и первая. Неправильность языка преимущественно замѣтна тамъ, где автору приходилось имѣть дѣло съ двѣпличастіями, или иѣкоторыми мѣстонименіями, или съ словомъ „пока не“:

„Направивъ диаметръ ab на точку D , нить съ отвѣсомъ будетъ находиться противъ дѣленія“... (стр. 9).

.... „Обращая его (предметное стекло) къ предмету AB ... внутри трубы получится обратное изображеніе“ (стр. 24).

„Чтобы ориентировать по ней (лини ab) мензуру, становится съ нею въ одну изъ точекъ данной линіи, положимъ, $A(.)$ и приводить ее въ горизонтальное положеніе“... (стр. 48). Въ этомъ нескладномъ періодѣ, словомъ „она“ замыкается въ первый разъ „линия“, въ по-слѣднихъ же двухъ — „мензура“.

...(стр. 3) „давахъ ему знать, чтобы онъ подвигался вправо или влѣво до тѣхъ поръ, пока вѣха (не) совпадеть съ отвѣсной плоскостью“... Такое передвиженіе провѣривающихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока они (не) вступятъ въ такія точки“...

Книжки г. Бѣликова изданы довольно оправданно, но къ сожалѣнію, выпущены въ продажу по слишкомъ высокой цѣнѣ (2 р. 15 коп. за 167 страницъ); не оправдываемой даже присутствіемъ въ нихъ 128 чертежей.

Практическое общемаштабное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ, примѣнительно къ курсамъ реальныхъ училищъ, техническихъ, заводскихъ, желѣзно-дорожныхъ и другихъ школъ, въ V отдѣлахъ: 1) геометрическое линейное черченіе съ курсомъ элементарной геометріи и сборникомъ задачъ; 2) обученіе о проекціяхъ; 3) обученіе о тѣняхъ; 4) перспективы; 5) решеніе геометрическихъ задачъ на мѣстности. Съ приложеніемъ отдельного атласа чертежей. Составлено учителемъ 8-й Московской гимназии и Строгановскаго центральнаго училища техническаго рисования А. Заручинскимъ и преподавателемъ математики въ 3-й Московской гимназии К. Тадеромъ. Москва, 1876.

Авторы названной книги поставили себѣ задачей составить „общепонятие руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ“ примѣнительно къ потребностямъ такихъ учебныхъ заведеній, цѣли, образовательные средства и программы которыхъ совершенно различны. Въ самомъ дѣлѣ, много ли общаго, у реальныхъ, напримѣръ, училищъ, въ основание которыхъ положены стройный, вполнѣ законченный курсъ элементарной математики, и заводскихъ или желѣзно-дорожныхъ школъ, преслѣдующихъ, главнымъ образомъ, тѣ или другія специальные цѣли? Только одинаковость названийъ некоторыхъ предметовъ преподаванія — рисование, черченіе, начертательная геометрія и др., излагаемыхъ, смотря по школѣ, въ различныхъ объемахъ, и конечно, по разнымъ методамъ. Ученники реальныхъ

училищъ обязаны относиться вполнѣ сознательно къ проведению всякой линіи на чертежѣ, отъ нихъ требуется умѣнье объяснить тотъ или другой приемъ въ составлѣніи рисунка. При этомъ, изящество работы, быстрота выполненія, конечно, не упускаются изъ виду, но они отодвинуты на второй планъ въ общеобразовательномъ заведеніи. Отъ учащихся въ специальныхъ школахъ требуются, прежде всего, близкое знакомство съ техническою стороной начертательного искусства, сно-ровка, навыкъ, а затѣмъ уже теоретическая познанія въ извѣстномъ объемѣ. Принимая все это во вниманіе, должно признать что составить одно вполнѣ удовлетворительное руководство по какому-либо предмету для заведеній, преслѣдующихъ различныхъ цѣли, при неодинаковой технической подготовкѣ учащихся, очевидно, дѣло невозможное.

Обращаясь къ труду гг. Заруцкаго и Тадера, отмѣтимъ въ немъ, изъ 5-ти отдѣловъ, четыре (I, II, IV и V), входящіе въ курсъ реаль-ныхъ училищъ, хотя и не въ тѣхъ объемахъ, въ какихъ они изложены упомянутыми авторами. Первый отдѣль— „геометрическое ли-нейное черченіе“—подходитъ довольно близко подъ требование реаль-ныхъ училищъ, за исключениемъ, однако, излагаемаго въ немъ курса геометріи, уже слишкомъ элементарнаго. „Ученіе о проекціяхъ“ (отд. II) и „рѣшеніе геометрическихъ задачъ на мѣстности“ (отд. V) наложены въ „Практическомъ общепонятномъ руководствѣ“ ниже, а „перспек-тивы“ (отд. IV) выше требованій реальныхъ училищъ, въ которыхъ про-ходится начертательная геометрія и низшая геодезія (землемѣріе и невеллировка); о перспективномъ же черченіи сообщаются уча-щимся лишь весьма ограниченныя свѣдѣнія. „Ученіе о тѣнахъ“, составляющее III-й и довольно обстоятельно развитый отдѣль „Прак-тическаго общепонятнаго руководства“, совсѣмъ не входитъ въ про-граммы реальныхъ училищъ.

И такъ, со стороны содержанія, трудъ гг. Заруцкаго и Тадера, не смотря на указанное выше несогласіе его съ программами, нельзя назвать совершенно непригоднымъ для реальныхъ училищъ.

« Вагданемъ теперь на внутреннія его качества. Языкъ „Практичес-каго общепонятнаго руководства“, говоря вообще, довольно удобопоня-тенъ, но не чуждъ крупныхъ шероховатостей. Приведемъ примѣры:

Параллелепипедъ названъ въ книжѣ гг. Заруцкаго и Тадера па-раллелопипедомъ (стр. 169, 358, 362).

На стрan. 77 напечатано: „Построить многоугольникъ, подобный данному многоугольнику ABCDEF, положимъ (,) для прим. (,) въ

$\frac{7}{12}$ его (?) величины⁴. Задача формулирована неясно, и только изъ приложенного къ ней рѣшенія можно догадаться, что слова „его величины“ относятся къ длине триметра данного многоугольника.

На стран. 117: „.... въ такихъ случаяхъ (то-есть, когда чертежъ назначены для практической цѣли) необходимо имѣть чертежи, которые представляли бы совершенно изображеніе на нихъ, со всѣми отличіями геометрическихъ формъ каждой части предмета въ точнѣйшихъ ея измѣненіяхъ“.

На стран. 153: „Затѣмъ, послѣ объясненія учителемъ назначенія и размѣровъ предмета, который ученики будутъ чертить, предла-гаетъ (?) имъ сдѣлать масштабы, принявши, напримѣръ, вершокъ за сажень и самъ чертить масштабъ на доскѣ“, и проч.

Подобныхъ выписокъ можно было бы сдѣлать весьма много (см. стран. 15, 114, 129, 248, 859, 366 и др.).

Нельзя не замѣтить, что ясности изложенія „общепонятного руководства“ сильно вредитъ неправильная разстановка знаковъ препинанія, изъ которыхъ не посчастливилось преимущественно запятныи, разбросанными, если судить по многимъ мѣстамъ въ текстѣ, какъ бы совершенно случайно (стр. 129, 202, 204, 232, 251, 275, 281 и мн. др.).

Опечатокъ въ рассматриваемой книжѣ—многое множество (стр 12, 13, 15, 16, 18, 22, 24, 26, 27 и т. д.). Изъ нихъ особенно неумѣстны, разумѣется, вкрашившися въ ссылки на §§ и чертежи (стр. 48, 49, 50, 52, 65 и много др.). Вообще, текстъ труда гг. составителей, не-богатый литературными достоинствами, изданъ, въ корректурномъ отно-шении, весьма небрежно. О послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя не пожа-лѣть, въ виду серьезности содержанія книги, значительности затратъ на ея изданіе, и въ то же время, явного нежеланія даже оговорить хотя бы важнѣйшіе изъ опечатокъ и редакціонныхъ промаховъ.

Перечисленные нами немаловажные недостатки „Практическаго общепонятного руководства“ въ значительной мѣрѣ искупаются, по счастью, почти безукоризненно составленнымъ „атласомъ чертежей“, изящно отлитографированнымъ на 48 листахъ плотной бумаги.

А. Г. Гавловский. Руководство геометрическаго черченія. Одобрение главнымъ управлениемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ для военныхъ гимназій. Курсъ V класса. Черченіе плоскихъ фігуръ. С.-Пб., 1880.

Руководство геометрическаго черченія, составленное по программѣ военныхъ гимназій преподавателемъ геометрическаго черченія въ 1-й С.-Петербургской военной гимназіи **А. Г. Гавловскимъ** и одобрение главнымъ управлениемъ военно-учебныхъ заведеній, какъ учебникъ геометрическаго черченія въ военныхъ гимназіяхъ. I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. С.-Пб. 1879.

Какъ первое, такъ и второе сочиненія г. Гавловского приноровлены исключительно къ программѣ военныхъ гимназій, во многомъ отличающейся отъ программѣ геометрическаго черченія и начертательной геометріи реальныхъ училищъ. Такъ, въ курсъ V-го класса военныхъ гимназій не входатъ: построенія оваловъ, юниковъ и спиралей различныхъ видовъ, вычерчиваніе кривыхъ линій при помощи лекаль, спрямленіе окружности круга и решеніе задачъ, относящихся къ нѣкоторымъ случаямъ разыскыванія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ. Всѣхъ этихъ статей нѣть и въ той части „Руководства“ г. Гавловского, которая носить заголовокъ „Черченіе плоскихъ фігуръ“, а между тѣмъ онъ обязательны для реальныхъ училищъ.

Во второмъ сочиненіи г. Гавловского, опять вслѣдствіе вышеупомянутой разницы въ программахъ военныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, не нашли себѣ мѣста, между прочимъ, ни свойства касательныхъ плоскостей къ конусу и цилинду, ни вычерчиваніе винтовъ съ треугольной и квадратной нарезками; но за то теорія перспективы изложена въ названномъ сочиненіи подробнѣе, чѣмъ требуется въ реальныхъ училищахъ, и имѣется статья о „построеніи тѣней въ перспективѣ“, не входящая въ программу реальныхъ училищъ.

Впрочемъ, не смотря на все вышесказанное, мы не затрудняемся признать обѣ книги г. Гавловского полезными учебными пособіями, между прочимъ, и для реальныхъ училищъ, именно „Черченіе плоскихъ фігуръ“ — для IV и V классовъ, второе же сочиненіе — для VI класса, такъ какъ въ „Руководствахъ“ г. Гавловского наибольшая часть материала, входящаго въ программы названныхъ классовъ, разработана весьма обстоятельно, ясно и правильно.

Можно посовѣтовать, однако, почтенному автору, при новомъ изданіи „Руководства“, устраниТЬ нѣкоторыя неправильности и шероховатости языка, въ родѣ *нижеслѣдующихъ:*

„Изъ точки С, данной въ прямой АВ, провести къ ней (точкѣ?) параллельную“ (§ 17 курса V класса),

„Можетъ случиться, что (,) возставивъ перпендикуляры изъ срединъ линій АВ и ВС, перпендикуляры эти не пересѣкутся“. (Курсъ V класса стр. 26).

„Полученнымъ прямая (шп, т'п') есть искомыя“ (стр. 32 въ теоріи проекцій). „Послѣдня есть точки схода“... (стр. 56, тамъ же).

„Въ томъ случаѣ, когда линія... лежитъ въ плоскости..., то общее правило опредѣленіе (а) ихъ слѣдовъ непримѣнно“ (стр. 25, теор. проекцій).

Также нежелательно было бы встрѣтиться въ новомъ изданіи книгъ г. Гавловскаго съ ошибочными равенствами, напечатанными на страницахъ 66 и 70 „Курса V-го класса“, съ искаженіемъ слова, „параллелепипедъ“ (на стр. 40 и 100 теоріи проекцій), а равнымъ образомъ и съ пропускомъ указаній на таблицы, при ссылкахъ на чертежи, впрочемъ, отлично исполненного атласа.

Упрощенное счетоводство по русской системѣ. И. Г. Савелова. С.-Пб. 1879.

Сущность предлагаемаго г. Савеловымъ счетоводства заключается въ записи всѣхъ торговыхъ операций однѣми только „цифрами безъ текста“ въ единственную книгу—„книгу счетовъ“, приходо-расходную. Хозяинъ или завѣдующій торговымъ домомъ предварительно составляетъ занумерованный списокъ счетовъ тѣхъ товаровъ, лицъ и учрежденій, которые входятъ въ сферу дѣятельности фирмы. Въ счеты, помѣщенные присвоенными имъ номерами, заносится, на приходъ или расходъ, всякая запись или торговая операция только цифрами, ибо послѣдними, проставленными въ соотвѣтственныхъ графахъ, выражаются не только денежныя суммы, но и названія мѣсть, товаровъ и лицъ, къ которымъ имѣть отношеніе произведенная операция. Названія учрежденій, товаровъ и лицъ, прикосновенныхъ къ торговой сдѣлкѣ, замѣняется номеромъ, взятымъ изъ вышеупомянутаго занумерованного списка. Всѣ частные записи счетовъ вносятся, также цифрами, и въ „счетъ торгового дома“ (собственно, въ „итоги счетовъ“), съ тою лишь разницей, что всякое полученіе суммы, всякая прибыль или приращеніе наличного имущества вписывается въ расходъ торгового дома, а выдачи, убытки и расходы по торговлѣ—въ приходъ. Всѣдѣствие такого распределенія записей, частныя суммы, значащія въ расходѣ и приходѣ лицъ и учрежденій, ведущихъ дѣла съ торго-

вой фирмой, входить въ составъ приходо-расходныхъ итоговъ общаго счета послѣдней. Признакомъ вѣрности записей по книгѣ счетовъ служить равенство суммы итоговъ всѣхъ частныхъ счетовъ съ итогами въ счетѣ фирмы. Оправдательные документы—накладныя, ордера, ассигновки и т. под.—занумеровываются, для облегченія справокъ, въ послѣдовательномъ порядке, и выставленный на нихъ пумеръ вносится, въ книгѣ счетовъ, въ графу „NN документовъ“. Ошибки и утайки въ предлагаемомъ г. Савеловымъ счетоводствѣ могутъ быть открыты безъ особеннаго труда, если коснется фирмы будуть внимательно относиться къ своему дѣлу, напримѣръ, аккуратно записывая, хотя бы онять цифрами, всякую торговую операцию, помимо „глета торгового дома“, еще въ свою памятную книжку.

Прекрасно изданная, хотя и недешевая, брошюра г. Савелова состоитъ изъ краткаго „Введенія“, поясняющаго основную мысль автора, изъ образчика „Памятной книжки“ и образчика „Книги счетовъ“.

Руководство минералогіи для реальныхъ училищъ. Составилъ А. Я. Гердт. Второе переработанное издание. Съ 108 рисунками въ текстѣ¹⁾). С.-Пб. 1890 г.

Сочиненіе это не представляетъ строго систематического изложенія минералогіи; но такъ какъ оно назначается для реальныхъ училищъ, а по учебнымъ планамъ этихъ заведеній (гдѣ вся естественная исторія проходится въ 8 уроковъ) курсъ минералогіи полагается не систематический и сокращенный, то отсутствіе строго систематического порядка не можетъ превратствовать разбираемой книгѣ служить руководствомъ въ реальныхъ училищахъ. Расположеніе предметовъ въ ней приближительно соответствуетъ учебному плану. Именно изложеніе собственно минералогическихъ свѣдѣній начинается съ разсмотрѣнія породъ (Глава V. Строеніе земли. Почва. Понятіе о горныхъ породахъ). Точно также особую главу составляютъ „руды и металлы“ (глава IX). Есть и таблица для дихотомическаго опредѣленія почвъ (стр. 92), минераловъ, входящихъ въ составъ горныхъ породъ (стр. 198—200), и т. п. Наконецъ, сообразно съ учебными планами, авторъ вездѣ указываетъ техническое примѣненіе

¹⁾ Такъ означено на первомъ листкѣ; но на второмъ стоитъ: со 150 рисунками въ текстѣ; но оказывается 155 фигуръ, изъ которыхъ иные, впрочемъ, соединяются по двѣ по три въ одинъ рисунокъ.

описываемыхъ минераловъ, довольно долго останавливается на добываніи соли, жалѣза и т. п. Въ концѣ книги есть краткій очеркъ горнаго промысла въ Россіи. Въ другихъ отношеніяхъ авторъ дѣлаетъ отступленія отъ учебнаго плана. Именно главы о химическихъ свойствахъ и о кристаллографіи, которая предполагается проходить въ VI классѣ, стоятъ въ разбираемомъ руководствѣ прежде тѣхъ главъ о породахъ, который проходится въ V классѣ. Да и вообще, объемъ предметовъ, излагаемыхъ въ этой книгѣ,ъ несколько болѣе того, что требуется учебнымъ планомъ. Сверхъ того, есть главы совершенно лишнія; такъ, первая глава (о земномъ шарѣ) относится собственно къ математической географіи, глава—физическая свойства воздуха—къ физикѣ, и т. п. Подобная перестановка и избытки не представляютъ однако препятствія въ употребленію книги, какъ скоро она въ другихъ отношеніяхъ составлена сообразно со своей цѣлью.

Научный матеріалъ книги можно признать довольно доброкачественнымъ, такъ какъ въ немъ замѣчаются лишь мелкія неточности и не встрѣчается никакихъ грубыхъ ошибокъ. Главное достоинство изложения автора заключается въ легкости и занимательности, хотя занимательность, какъ, впрочемъ, обыкновенно бываетъ, часто проходитъ изъ интересовъ постороннихъ минералогіи. Авторъ вставилъ даже иѣкоторые рассказы, впрочемъ очень идущіе къ дѣлу, назрѣмѣръ, объ обвалѣ горы Россбергъ (стр. 49), описание колей Велички (стр. 132) и т. п.; рассказы эти напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Вслѣдствіе живости изложения, книга г. Герда представляетъ многія мѣста, которыхъ будутъ не просто изучаться, а читаться учениками, чтѣ, конечно, нужно одобрить, если при этомъ нѣть ущерба сущности дѣла.

Къ сожалѣнію, чисто-научный интересъ не всегда выдержанъ, какъ слѣдуетъ. Такъ, на стр. 12 и 13 очень любопытно разказаны опыты Монгольфіеровъ, но затѣмъ самыи принципъ поднятія воздушныхъ шаровъ объясняються (въ концѣ стр. 18) неудовлетворительно. Аэростаты поднимаются на основаніи такъ-называемаго начала Архимеда, а вовсе не потому, что „шары воздуха падаютъ къ землѣ и вытѣсняютъ съ дороги болѣе легкій аэростатъ“, какъ выражается авторъ. Предположеніе этихъ шаровъ, придуманное авторомъ, ни мало не объясняетъ дѣла, а скорѣе затѣмняетъ его. Между тѣмъ принципъ Архимеда, конечно, долженъ быть отчетливо усвоенъ каждымъ ученикомъ реальнаго училища.

Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсъ (хвойный лѣсъ). Составилъ Дмитрий Кайгородовъ, преподаватель С.-Петербургскаго Лѣснаго института. (Со многими рисунками). С.-Пб. 1880.

Цѣль книги Г. Кайгородова состоитъ въ томъ, чтобы познакомить читателей съ хвойными деревьями, растущими въ Россіи и составляющими туть лѣсъ, который нашъ народъ называетъ краснолѣсемъ. Въ слѣдующемъ выпускѣ авторъ предполагаетъ дать понятіе о чернолѣсѣ¹⁾). Бесѣды написаны для читателей неспециальныхъ; поэтому авторъ сначала даетъ читателямъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о строеніи и жизни растеній вообще и деревьевъ въ особенности, а затѣмъ описываетъ довольно подробно сосну, ель, лиственницу, кедръ, пихту и можжевельникъ. Кромѣ ботаническаго описанія дерева, мы находимъ въ бесѣдахъ г. Кайгородова свѣдѣнія о различныхъ разновидностяхъ хвойныхъ деревьевъ, о почвѣ, где они лучше ростутъ, о способѣ разведения лѣсовъ и рольѣ изъ сосны, ели и лиственницы, обѣ употребленіи древесины, о выгонѣ смолы и другихъ древесныхъ продуктовъ и т. под.; такимъ образомъ рассматриваемая книга содержитъ многое складнѣйшее, въ высшей степени полезное для всякого грамотного человѣка. Изложеніе удоболятно и не отличается сухостью; напротивъ, г. Кайгородовъ, очевидно, самъ любить лѣсъ; статьи его написаны съ очевиднымъ желаніемъ передать это чувство и его читателямъ. Встрѣчаются, правда, выраженія не совсѣмъ правильныя, но все-таки въ общей сложности слѣдуетъ признать, что изложеніе книги удовлетворительно. Рисунокъ въ книжѣ много и они очень хороши. Какъ специалистъ по лѣсоводству, авторъ, конечно, не впадаетъ въ научныя ошибки, и выборъ ботаническихъ свѣдѣній сделанъ разумно, то-есть, ограничивается тѣмъ, что нужно для знакомства съ жизнью дерева и пониманія наставлений относительно практическаго пользованія выгодами лѣса. Можно сказать лишь одно замѣчаніе относительно расположения материала въ книжѣ г. Кайгородова. Напрасно онъ не отдѣлилъ отъ описания сосны (перваго изъ описываемыхъ имъ деревьевъ) многія общія разясненія, которыя черезъ-чуръ растянули статью обѣ этомъ деревѣ и были бы болѣе уместны въ первой бесѣдѣ, въ которой говорится о жизни дерева вообще. Издана книга очень изящно, даже слишкомъ роскошно.

¹⁾ Этотъ второй отдѣлъ сочиненія г. Кайгородова — о чернолѣсѣ — помѣщены отдѣльными статьями въ издаваемомъ г.-жею Каширевой журналѣ *Семейные Вечера* 1879 и 1880 годовъ.

Стѣнной зоологический атласъ изъ 86 таблицъ, во акварелии Лейтемана, изданіе Леемана.

Ручной зоологический атласъ, изъ тѣхъ же 86 таблицъ, только меньшаго размѣра.

Атласы эти представляютъ собраніе довольно красивыхъ картинокъ, такъ какъ животныхъ изображены въ живописныхъ позахъ и раскраска, очевидно, нѣсколько отступающая отъ натуры, имѣть нечто эффектное. На каждой таблицѣ изображено, за двумя-тремя исключеніями, только по одному животному; следовательно, всего не болѣе сорока животныхъ, чѣмъ, конечно, очень мало для зоологического атласа, особенно для ручного. При этомъ рисунки не содержать ничего поучительнаго, какъ обыкновенно выражаются натуралисты. Поучительнымъ называется изображеніе какихъ-нибудь частностей организаціи, важныхъ для изученія животнаго и трудныхъ по нѣкоторой сложности или мелкости. Такъ и въ этихъ атласахъ на рисункахъ, изображающемъ акулу, представлена ея необыкновенная икра, на рисункахъ шелковичной бабочки—ея коконъ, гусеница, личинки. Но на другихъ рисункахъ ничего подобнаго нѣть. Такимъ образомъ, по содержанію, эта атласъ очень бѣденъ и уступаетъ множеству другихъ, хотя менѣе красивыхъ, но за то менѣе дорогихъ и болѣе приспособленныхъ къ дѣлу.

По этимъ основаніямъ едва ли можно одобрить выборъ, сделанный Н. Фену. Нельзя также не видѣть, что русскія надписи, сделанные въ русскомъ атласѣ, на которомъ г. Фену подписался издателемъ, и который онъ почему-то назначается для начальныхъ школъ, составлены очень ошибочно, безъ всякаго знакомства съ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, *Pteropus edalis* переведено летучая мышь, тогда какъ это не наша летучая мышь, а животное Индійского архипелага и по-русски называется криланъ сибирский. *Mustela martes* переведено просто куница, тогда какъ это лѣсная куница. *Vos americanus* переведено буйволъ, тогда какъ это не буйволъ, а бизонъ. *Aquila fuiva* переведено карагужъ (то-есть, *A. naevia*), что невѣрно, а въ скобкахъ поставлено хелзанъ—название, которому одному и слѣдовало бы стоять. Всего интереснее, что надъ изображеніемъ осетра, *Acipenser Sturio*, написано было сперва обыкновенный лосось, потому это название заклеено и поставлено стерлядь, чѣмъ, конечно, ближе, но тоже не вѣрно. Не станемъ перечислять другихъ ошибокъ, но замѣтимъ одно непростительное упущеніе. На рисункахъ пчелы въ стѣнномъ атласѣ объяснены по нѣмецкіи

всѣ отдельныя изображенія, обозначенныя для того особыми номе-
рами. Но въ ручномъ атласѣ, вѣроятно для удобства начальныхъ
школъ, номера уничтожены и никакихъ объясненій нѣть, а только
на верху вмѣсто простаго пчела написано рабочая пчела, чтѣ
относится собственно только къ фигуру въ лѣвомъ углу, къ наскѣко-
мому, существу мѣдъ изъ цвѣтка.

Такое недостаточное и крайне небрежное изданіе, притомъ доро-
гое, не можетъ быть полезно при преподаваніи.

•
**Элементарный географический атласъ по квадратнымъ картамъ, составленный
С. А. Бобровскимъ. М. 1879 г.**

**16 таблицъ квадратныхъ картокъ для черченія географическихъ картъ. При-
ложеніе къ атласу С. А. Бобровского.**

Элементарный атласъ г. Бобровского состоитъ изъ двухъ тетрадей. Первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ 16 картъ, изображающіе цѣлые материки, важнѣйшия части нѣкоторыхъ изъ нихъ, и наконецъ, главное, — моря; всѣ эти карты, на которыхъ моря и реки раскры-
шены, изображены на квадратныхъ съткахъ; эта часть атласа пред-
назначается служить образцомъ при черченіи картъ. Вторая тетрадь
состоитъ изъ такого же числа и такихъ же размѣровъ квадратныхъ
сътокъ; на этихъ съткахъ ученики, по мысли автора, должны чер-
тить карты по соотвѣтствующимъ упомянутымъ образцамъ. Курсъ
этотъ г. Бобровскій предназначается для дѣтей до-школьного возраста и
для низшихъ классовъ учебныхъ заведеній. Окончательная цѣль, кото-
рою задается составитель, состоитъ въ томъ, чтобы довести учащихся
до возможности безъ руководства преподавателя чертить каждую
карту на память и безъ сътокъ; при этомъ авторъ предполагаетъ,
что черченіе должно начинаться съ отдельныхъ частей материка. Упо-
требление квадратныхъ картокъ при начальномъ рисованіи и геоме-
трическомъ черченіи съ давнихъ поръ уже освоено педагогической
практикой и считается несомнѣнно полезнымъ, о чёмъ можно судить
по большему числу пособій, существующихъ въ германской учебной
литературѣ. По аналогіи можно было бы заключить, что квадратные
сътки могутъ быть съ такою же пользою примѣнены къ черченію
географическихъ картъ, какъ и къ обыкновенному черченію; но это
едва ли такъ. Два названные рода черченія имѣютъ совершенно
различныя цѣли, поэтому одно средство для обоихъ видовъ черченія
пригодиться уже не можетъ. При рисованіи, окончательную цѣль

служить правильность линій, симметрія въ частяхъ; при черчені географическомъ правильное начертаніе составляетъ только начало и должно быть названо дѣломъ второстепеннымъ; далѣе, при навыкѣ въ рисованії, клѣтки легко оставляются безъ вреда дѣлу, такъ какъ въ воображеніи воспитанника цѣлый образъ предмета удерживается относительно легко; при черченіи же географическомъ, внимание учениковъ необходимо должно болѣе сосредоточиваться на клѣткахъ въ виду разнообразія линій и по причинѣ трудности держать въ воображеніи предметъ въ цѣломъ видѣ. На этомъ основаніи ученикъ, учившійся рисовать по клѣткамъ въ извѣстный періодъ, тѣ же предметы рисуетъ совершенно свободно, не думая о клѣткахъ; при черченіи на память какой-либо географической карты, ученикъ неизбѣжно долженъ держать въ воображеніи свое мѣсто квадратныхъ клѣтокъ; это послѣднее обстоятельство неизбѣжно будетъ служить для него помѣхой въ то время, когда придется чертить карты уже по градусной сѣткѣ, и эта помѣха будетъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе у ученика память. Въ виду этого обстоятельства, съ дидактической точки зре-
нія, никакъ образомъ нельзя оправдать намѣреніе г. Бобровскаго черченію по градуснымъ сѣткамъ предносилъ еще цѣлый курсъ черченія по квадратнымъ клѣткамъ: это значило бы идти къ цѣли обучения непримыкющими методическими путемъ. Такой курсъ можетъ быть уместенъ, только тамъ, где при небольшомъ числѣ уроковъ по географіи невозможно требовать надлежащаго черченія картъ, какъ, напри-
меръ, въ учителльскихъ семинаріяхъ, хотя и въ виду такихъ курсовъ необходимо, чтобы мѣстности, находящіяся на одной широтѣ и на одномъ меридианѣ, были и на квадратныхъ клѣткахъ на одной линіи, чего, между прочимъ, мы не видимъ у г. Бобровскаго; а равно необходимо было бы держаться при всѣхъ картахъ единообразнаго масштаба, чего мы опять-таки не находимъ у г. Бобровскаго.

Для другихъ учебныхъ заведеній, какъ, напримѣръ, гимназій, атласъ г. Бобровскаго можетъ имѣть значеніе не въ качествѣ элементарного курса черченія, а какъ пособіе, въ томъ случаѣ, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ преподаватель не руководить учениковъ при черченіи географическихъ картъ, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда преподавателю понадобилось бы дать въ руки ученикамъ ясную, упрощенную карту для копирования ея при помощи клѣтокъ. Этой послѣдней цѣли можетъ служить, за исключеніемъ полу-шарій, каждая карта г. Бобровскаго, ибо всѣ карты составлены та-
кательно и ясно, что не остается желать ничего лучше.

Въ помощь учащимся. Родная старина. Отечественная история въ рассказахъ и картинахъ. (съ IX по XIV ст.). Составилъ В. Д. Сиповскій.—53 полихромныхъ изображений въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова на отдельныхъ листкахъ. С.-Пб. 1879.

Въ предисловіи г. Сиповскій весьма подробно объясняетъ назначение и характеръ своего труда.

Книга его представляетъ общедоступное и довольно подробное изложение важнейшихъ событий древнаго періода русской исторіи (до Куликовской битвы). Она предназначается преимущественно въ помошь учащимся отъ 13 до 15 лѣтъ, которымъ еще недоступны не только большие научные труды по русской исторіи, но и христоматіи, представляющія сборникъ отрывковъ изъ научныхъ сочиненій и статей и расчитанныхъ на старшій возрастъ. Сообразно съ своею цѣлью, авторъ старался ближе держаться непосредственныхъ первоначальныхъ источниковъ, хотя пользовался и новѣйшими учеными трудами. Сказанія первоначальной лѣтописи и литературно-исторические памятники, подобные поученію Владимира Мономаха, Слову о полку Игоревѣ, житію св. Феодосія,—переданы почти дословно. Особенное внимание обращено на то, чтобы, не вредя серьезности, довести языкъ книги до возможно большей простоты. Для болѣе нагляднаго ознакомленія учащихся съ бытовой стороной жизни предковъ помѣщены рисунки, изображающіе древнія зданія, вооруженія, одѣжды.

Съ своей стороны, мы должны сказать, что вообще авторъ выполнилъ поставленную себѣ задачу съ большою старательностью, умѣньемъ и соответствующимъ успѣхомъ. По отношенію къ содержанію можно сдѣлать только два замѣчанія. Для дѣтскаго возраста, можетъ быть, совсѣмъ излишни толкованія обѣихъ источникахъ нашего знанія о прошедшемъ—о значеніи народнаго преданія, пѣсни, лѣтописи; во всякомъ случаѣ, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они изложены въ книжѣ, эти разсужденія, полагаемъ, будутъ слишкомъ утомительны для дѣтей 13-ти лѣтъ, не смотря на всѣ старанія автора, сдѣлать ихъ живѣе и доступнѣе. То же самое мы думаемъ и о второй главѣ: „Какъ жили наши предки за тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ“, посвященной описанію страны, народнаго быта, нравовъ и обычаевъ, вѣрованій. Глава эта совершенно умѣстна въ популярной книжѣ, назначаемой для чтенія взрослыхъ людей, мало знакомыхъ съ событиями отечественной исторіи; но дѣти даже въ томъ возрастѣ, о которыхъ говорить г. Сиповскій, предпочтутъ прямо перейти къ отдельнымъ живымъ лицамъ и ихъ дѣяніямъ;—ин-

тересоваться политическимъ и общественнымъ бытъ и нравами безличныхъ народныхъ массъ—не въ ихъ природѣ. Только въ пользу дикарей дѣлаютъ они исключение—совершенно понятное. Всѣ старанія автора о наглядности и изобразительности тутъ ничему не помогутъ. Благодаря этимъ заботамъ, только растягивается описание того, о чёмъ свѣдѣнія лучше было бы сообщить въ краткихъ и сжатыхъ чертахъ, если уже это необходимо. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, задача книги, назначаемой для школы, не совсѣмъ склоняется съ задачами популярной книги. Даже мы замѣчаемъ, что, пользуясь новѣйшими учебными трудами по русской исторіи, г. Сиповскій однако устоитъ противъ соблазна разыскать новый теорій о происхожденіи Русского государства и спокойно держится въ этомъ вопросѣ лѣтописного преданія, какъ это и подобаетъ въ книгѣ для первоначального чтенія. Можетъ быть указать одинъ случай, гдѣ г. Сиповскій отступаетъ отъ своего мудрого правила—соблюдать уваженіе къ преданіямъ русской первоначальной лѣтописи. Исторія Святослава и его борьбы съ Цимисхиемъ разказана, главнымъ образомъ, по византійскимъ источникамъ; сделана только робкая попытка удержать изъ русского источника то, что болѣе интересно. Многія выраженія и подробности разказа указываютъ здѣсь прямо на заимствованія изъ „Исторіи Россіи“ г. Иловайского, который, какъ известно, совершенно отвергаетъ значеніе русской лѣтописи въ данномъ случаѣ; именно оттуда, изъ этого источника ведутъ свое начало двѣ-три сомнительныя, хотя не особенно важныя, черты (голова у Святослава—была бритая, Русы отступали—закинувъ за спину свои огромные щиты и т. п.) Такимъ образомъ и здѣсь г. Сиповскій могъ бы сложить съ себя ответственность на другаго, еслибы мы ведули обвинять его за отступленіе отъ своего правила въ главѣ о Святославѣ; — но мы полагаемъ, что именно въ данномъ случаѣ отступленіе было всего болѣе необходимо, такъ что остается извинить только мелкіе частные промахи. Вообще, въ самомъ существенномъ отношеніи — въ выборѣ исторического материала и въ способѣ его передачи книга — г. Сиповскаго заслуживаетъ всяческой похвалы. Въ ней несомнѣнно проглядываютъ даже такія качества, которыхъ всего рѣже встрѣчаются въ книгахъ, имѣющихъ родственное назначеніе — искреннее сочувствіе къ предмету и теплое отношеніе къ родной сторонѣ, хотя иной разъ слышится иѣкоторая изысканность и манерность простоты. Очень важное, даже первостепенное значеніе въ книгахъ, назначаемыхъ для дѣтей и для народа,

имѣть языкъ. Совершенно справедливо, что на эту сторону предмета обращено было особенное вниманіе автора. Мы признаемъ, что онъ достигъ своей цѣли: книга его написана яснымъ и простымъ языкомъ, совершенно доступнымъ пониманію грамотнаго простолюдина и тѣмъ болѣе ученика гимназии 1-го класса. Мы назвали бы этотъ языкъ вполнѣ безукоризненнымъ, еслибы иногда онъ не сбивался безъ нужды на простонародный тонъ и складъ. Совсѣмъ не нравится намъ, между прочимъ, постоянно встрѣчающаяся частица коли, особенно излюбленная г. Сиповскимъ. Почему думаетъ онъ, что коли понятнѣе и проще, чѣмъ если? Во всякомъ случаѣ, на тѣхъ страницахъ, где употребляются такія выраженія, какъ „раздѣленіе труда“, „жизнь не стоитъ“, можно обойдтись и безъ коли. И въ лѣтописи Святославъ не говорить: „коли сложу свою голову, то думайте о себѣ сами“ (стр. 41). Вѣроятно, и препод. Сергій Радонежскій, которому авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ, очень хорошо написанныхъ, не выражался такъ, какъ это значится на стр. 212: „коли самъ Богъ претерпѣлъ всякия лишенія, то намъ—не великое дѣло потерпѣть лишенія за свои грѣхи“. Въ другомъ отношеніи неправильно выраженіе на стр. 166 о Татарахъ: „происходили они изъ Монгольского племени“. Можно было сказать: „принадлежали они къ Монгольскому племени“—и т. п. или „были Монгольскимъ племенемъ“. Что касается рисунковъ, изображающихъ древнія одежды, вооруженія, зданія и т. п., то они, конечно, будутъ приваты всѣми сть благодарностью и похвалою. Замѣчанія возможны только по отношенію къ такимъ картинамъ, которые представляютъ сцены историческихъ событий, воспроизведенныя чутемъ новѣйшаго художественнаго вымысла, какъ, напримѣръ, послѣ 58 стр. картина „Крещеніе Кіевланъ“. Позволяемъ себѣ выразить сожалѣніе, что въ книгѣ не приложено никакой историко-географической карты.

Книга издана въ высшей степени тщательно, опрятно и даже красиво. Печать разборчивая и четкая. Опечатокъ почти нѣть.

Русский языкъ. Опытъ практическаго учебника русской грамматики, изложеній по новому плану. Синтаксисъ для младшаго возраста. Оставилъ К. Ф. Петровъ. С.-Пб. 1880.

Хотя авторъ и выставилъ въ заглавіи, что его русская грамматика изложена по новому плану, мы не видимъ, въ чёмъ заключается эта новость. Вышедший первый курсъ состоитъ изъ трехъ

ЧАСТЬ ССХ, отд. 3.

отдѣловъ; въ первомъ говорится о простомъ предложениі, во второмъ—о частахъ рѣчи, въ третьемъ—о предложениі сложномъ. Содержание каждого отдѣла распадается на нѣсколько уроковъ, и каждый урокъ излагается въ такомъ порядке: примѣры, выводы изъ нихъ и задачи на объясненный урокъ; затѣмъ, въ концѣ каждого отдѣла, помѣщены: образцы упражненій, статьи для повторенія и вопросы для повторенія. Если такое распределеніе уроковъ и отдѣловъ, по мнѣнію автора, есть нѣчто новое, то онъ ошибается: оно скорѣе старое, каждому преподавателю очень известное и во многихъ прежнихъ руководствахъ употребленное.

Можетъ быть, новостью называется такое распределеніе всего грамматического курса, которое на первой ступени ставить сокращенный синтаксисъ, для младшаго возраста (въ 1-мъ классѣ), на второй — этимологію (для 2-го класса) и на третьей—пространный синтаксисъ (для 3-го класса). Но и въ такомъ предположеніи книга г. Петрова не безъ предшествовавшихъ образцовъ. Въ литературѣ грамматической давно известна учебникъ А. П. Смирнова, состоящій также изъ трехъ курсовъ и съ такимъ же содержаніемъ въ каждомъ курсѣ. Но дѣло въ томъ, что по учебнымъ планамъ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 8-го іюня 1877 г., въ 1-мъ классѣ гимназіи изъ русской грамматики положено проходить этимологію до ученія о словообразованіи, во 2-мъ окончаніе этимологіи и синтаксисъ простаго и слитнаго предложеній, главнаго и придаточнаго, а въ 3-мъ—синтаксисъ сложнаго предложенія. Поэтому опытъ практическаго учебника русской грамматики г. Петрова не пріурочивается къ 1-му классу гимназій, но все же онъ можетъ быть призванъ за книгу, которая содержитъ въ себѣ ясное, сокращенное и точное изложеніе русской грамматики.

Краткая систематическая грамматика нѣмецкаго языка. Составилъ Берн. Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ. Москва. 1879.

Означенная „Грамматика“, при составленіи которой авторъ, какъ онъ говоритъ, руководствовался „разными иностранными и здѣшними учебниками“, состоить изъ двухъ частей. Первая часть—этимологія—представляетъ сухой перечень голыхъ, такъ называемыхъ, этимологическихъ правилъ съ дѣленіями, подраздѣленіями и дробленіями, обозначенными цифрами и буквами въ слѣдующемъ родѣ: § 54 склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій показано въ § 5, 4, 7 а; въ § 7 а; въ

26, д, е.—§ 12. 4. в: еп безъ перезвучія гласной принимаютъ имена упомянутыя въ § 12, 2, а, в и т. д.—Впрочемъ, этимологія г. Берга не представляетъ ничего нового. Планъ и приёмы въ ней тѣ же, что и у г. Кейзера (*Краткая нѣмецкая грамматика*, I часть. Этимологія, 1-е изданіе: 1860 года). Иногда новый авторъ слово въ слово повторяетъ правила старого. Напримеръ:

г. Кейзеръ.

(Грам. изд. 13-е 1879) стр. 6.

5. Удвоенные и составные гласные всегда произносятся долго (протяжно); напримѣръ das Haag (волось)... das Haus домъ. Стр. 14.

18. Родъ узнается по значенію (nach der Bedeutung) и по окончанію (nach der Endung) и обозначается числомъ.

Г. Бергъ, конечно, не всегда передаетъ свои правила точь въ точь въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены у г. Кейзера, напримѣръ, статья 10:

„Среднаго рода (суть): имена металловъ, земель, городовъ, собирательныхъ и вещественныхъ предметовъ и другихъ частей рѣчи, употребляемыхъ въ видѣ существительныхъ; напримѣръ, das Eisen, das Paris, das A и B“.

Излишнимъ считаемъ указывать на нѣкоторую разницу въ распределеніи этого правила у г. Кейзера (стр. 16); замѣтимъ только, что примѣръ das Paris принадлежитъ г. Бергу и что буквы A и B, называемыя имъ частями рѣчи, являются уже у г. Кейзера подъ этиимъ неправильнымъ названіемъ.

Измѣненія, предложенные г. Бергомъ, сами по себѣ ничтожныя, не могутъ быть признаны улучшеніями. Такъ, напримѣръ, къ существительнымъ женскаго рода, во множественномъ числѣ смигчающимъ коренную гласную и кончашимся въ И. Р. В. на e, а въ Д. на ei, г. Бергъ (стр. 22) прибавилъ еще слѣдующія: die Not, die Zucht, die Statt, die Flucht. Прибавленія совершенно излишня. Множественное число первыхъ двухъ существительныхъ употребляется изрѣдка и то только въ дат. падежѣ съ предлогами, что слѣдовало бы оговорить; множественное число существительного die Statt, въ свою очередь, употребляется только въ дат. пад. съ предлогами и притомъ не

г. Бергъ.

§ 3. Удвоенные и составные гласные произносятся всегда протяжно das Haag волось, das Haus домъ.

§ 8. Родъ узнается по значенію (an der Bedeutung) и по окончанію (an der Endung) и обозначается числомъ.

смѣгчаягласной, вътакихъ выраженіяхъ, какъ, напримѣръ, von Statthen gehen, zu Statthen kommen; наконецъ, die Fluchtобразуетъ множественную форму, употребляется во всѣхъ надежахъ, но она заучить не FlÃchtes, дат. FlÃchtes (какъ выходитъ по объясненію г. Берга), а FlÃchten (во всѣхъ надежахъ).—Нѣкоторыя правила упущены авторомъ, напримѣръ, правило о родѣ именъ существительныхъ сложныхъ, хотя онъ приводить „das Frauenzimmer, die Mannsperson и др. существительные сложные въ видѣ примѣровъ, не подходящихъ подъ общее правило о родѣ именъ существительныхъ по значенію. Въ статьѣ „О нарѣчи“ г. Бергъ, опустивъ общую часть, говорить лишь о степеняхъ сравненія тѣми же словами, какъ г. Кейзеръ; только въ примѣрахъ произошла вѣкоторая разница, и то, большей частью, вслѣдствіе типографскихъ погрѣшностей, которыхъ въ этой маленькой брошюрѣ много. Вместо nicht ein geringsten напечатано im gerinsten (и безъ отрицанія), вместо „въ высшей степени“—высшей степени.

Объ употреблениіи союзовъ и въ предлагаемомъ „Синтаксисѣ“ ничего не говорится, за то въ немъ появляются нѣкоторыя другія статьи и параграфы, находящіеся въ этимології г. Кейзера и опущенные въ этимології г. Берга. Наибольшія измѣненія, сдѣланныя г. Бергомъ, часто весьма неудачны. Такъ, напримѣръ, въ § 49 этого „Синтаксиса“ говорится: „*tant* (французское *on*) употребляется въ 3-мъ лицѣ ед. числа, когда означается дѣйствіе безъ дѣйствующаго лица“. Въ этимології г. Кейзера (стр. 51) точнѣе сказано, „дѣйствіе безъ означенія дѣйствующаго лица“. Замѣчательно еще, что этотъ § у г. Берга озаглавленъ „употребленіе неопределѣленыхъ местоименій“, хотя въ немъ говорится только объ одномъ *tant*. Впрочемъ, нашъ разборъ сдѣлся бы слишкомъ пространнымъ по отношенію къ такой маленькой книжѣ, какъ предлагаемый „Синтаксисъ“, еслибы мы стали приводить его съ тѣми руководствами, которыми г. Бергъ вѣроятно пользовался. Къ тому же „Синтаксисъ“ этотъ не составленъ по готовому образцу (какъ этимологія того же автора), но за то онъ отличается отсутствиемъ всякаго опредѣленнаго плана, всякой системы. Правила въ немъ, или лучше сказать, обрывки такъ называемыхъ правилъ не только не находятся между собою въ логической связи, но, и взятыя порознь, оказываются крайне произвольными и пепѣрными. Возьмемъ для примѣра „употребленіе члена при именахъ вещественныхъ“. Приводятся четыре правила.

„§ 9 членъ ставится при именахъ вещественныхъ:

а) „Когда означается опредѣленное количество вещества“.

Правило невѣрно; примѣры „das Wasser der Newa; das Brod des Arbeitens ist sauer“ вовсе не выражают определенного количества ни воды, ни хлѣба.

б) „Когда передъ нимъ находится прилагательное“. Это правило тоже лишено основанія, и самъ авторъ на той же страницѣ говоритъ „Frisches Wasser ist gesund“.

в) „Когда дѣлается сравненіе; напримѣръ: das Eisen ist hart, das Blei ist weich. Man glaubte frher, das der Mond nicht grsser als ein Kse sei“. Въ первомъ примѣрѣ никакого сравненія не происходитъ. Во второмъ—название вещества, именуемаго сыромъ, сопровождается членомъ, но сравненіе тутъ не при чёмъ. Членъ *ein* передъ Kse имѣть обос�уляющее значеніе и показываетъ, что рѣчь идетъ объ отдельномъ кругѣ этого вещества.

г) „Иногда для обозначенія надежа; напримѣръ: er gab ihm Wasser anstatt der Milch“. Членъ въ этомъ примѣрѣ „для обозначенія надежа“ совершенно лишній. Другое дѣло, еслибы сказано было: онъ предпочитаетъ одно вещество другому, тогда при одномъ изъ нихъ членъ былъ бы необходимъ. Но такого примѣра г. Бергъ не приводить. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ четырехъ правилъ нѣтъ ни одного, которымъ можно было бы руководствоваться. Не многимъ лучше объясняется „опущеніе члена при имени вещества“ въ трехъ правилахъ:

§ 10. „Членъ не ставится при именахъ вещественныхъ“:

а) „Когда говорится о какомънибудь веществѣ вообще; напримѣръ: Frisches Wasser ist gesund“.

б) „Когда говорится о неопределенномъ количествѣ вещества; напримѣръ: gib mir Brod“. Это второе правило ничѣмъ не отличается отъ первого, потому что—„говорить о какомънибудь веществѣ вообще“ все равно, что говорить о „неопределенномъ количествѣ“ этого вещества. Притомъ, когда говорятъ о совершенно определенномъ количествѣ вещества, то при названіи его также опускается членъ, напримѣръ: gib mir ein Pfund Brod.

в) „Когда говорится о перечислении вещества; напримѣръ: er hat Milch, Butter und Kse gekauft“. Это невѣрно. Перечисление, въ данномъ случаѣ, на опущеніе члена никакого влиянія не имѣть. Еслибы говорилось о покупателѣ, купившемъ одно какоенибудь вещество, то членъ при немъ все равно былъ бы опущенъ. Достаточно, кажется, приведенныхъ образчиковъ, чтобы признать несостоятельность означенаго „Синтаксиса“.

Концентрические курсы. Переводы при изучении немецкаго языка съ привлечениемъ концентрической грамматики и алфавитнаго словаря, съ указаниемъ всѣхъ измѣнений словъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ курсахъ. Составилъ А. Шмидтъ. Первая часть. Первый и второй курсы. Цѣна 70 коп. Вторая часть. Третій и четвертый курсы. С.-Петербургъ. 1878.

Первый изъ означенныхъ „курсовъ“ заключаетъ въ себѣ упражненія въ переводахъ съ изучаемаго языка на русскій и обратно. „Въ слѣдующихъ „курсахъ“ не дается болѣе образцовъ, такъ какъ по окончаніи первого „ученикъ“ (по словамъ г. Шмидта) уже пріобрѣлъ въ переводѣ нѣкоторый навыкъ и самостоятельность“.

Этотъ первый курсъ, которому составитель придаетъ такое значеніе, состоять изъ текста и пріуроченныхъ къ нему грамматическихъ правилъ. Текстъ въ 39 упражненіяхъ представляетъ фразы, изложенія въ четырехъ оборотахъ рѣчи—начиная съ первого упражненія, и расширяющіяся до придаточнаго предложенія — начиная со второго.

„Въ придаточномъ предложеніи—говорить 8-е правило—спрягаемая форма глагола ставится на концѣ, напримѣръ: Marie lernte, während Luise spielte“. Примѣромъ, показывающимъ спрягаемую форму глагола на концѣ, какъ въ придаточномъ, такъ и въ главномъ предложеніи, также поясняется правило. Кромѣ того, составитель, поторопившись введеніемъ придаточнаго предложенія, забылъ о главномъ: ученику неизвѣстно, что въ такихъ фразахъ 2-го упражненія, какъ, напримѣръ: „когда я плакалъ, онъ смылся“, главное предложеніе подвергается обратному словорасположенію. Что же касается придаточнаго, то оно въ упражненіяхъ, слѣдующихъ за вторымъ, такъ рѣдко появляется, что незачѣмъ было бы его и вводить: „онъ кончилъ, когда я началъ“. „Когда я началъ“ ученикъ невѣрно передастъ „als ich fing an“, на основаніи пріуроченнаго къ упражненію правила: „если удареніе на частії, то она отдѣляется въ простыхъ спрягающихъ формахъ глагола“. Въ этомъ случаѣ, составитель забылъ о придаточномъ предложеніи.

Вмѣстѣ съ придаточномъ предложеніемъ вводится во второе упражненіе Imperfектum и Perfectum. Столько трудностей за-разъ для ученика слишкомъ обременительно, а сложная форма прошедшаго совершенія не соответствуетъ степени усвоенныхъ ученикомъ знаній. Одна эта форма, введенная въ началѣ курса, весьма рѣдко свидѣтельствуетъ о неправильномъ распределеніи въ немъ учебнаго материала.

„Perfectum— говорить 6-е правило—составляется изъ Praesens глаголовъ haben или sein (смотря по тому, съ какимъ изъ глаголовъ данный глаголъ спрягается) и съ 2 Particípium (см. 74 правило) данного глагола“.

Отыскавъ во второмъ курсѣ 74 правило о томъ, что „zweites Particípium слабаго спряженія оканчивается на t или et и начинается обыкновенно съ префиксомъ ge“, ученикъ, начиная съ 4-го упражненія 1-го курса, встрѣчаетъ глаголы: besuchen, verkaufen, unterrichten и проч., ничего не зная о глаголахъ съ неотдѣляемыми частицами, образующихъ второе причастіе несогласно съ “общимъ правиломъ, а въ 10-мъ упражненіи онъ для перевода фразы „отослали ли ты уже наши письма?“ долженъ составлять второе причастіе глагола abschicken, не имѣя никакого понятія ни о существованіи глаголовъ съ отдѣляемыми частицами, ни о томъ, что такого рода глаголы, въ свою очередь, образуютъ названную форму по своему. Во второмъ упражненіи ученикъ знакомится съ такими фразами, какъ „ich habe gelernt“. (я учился), не зная собственного значенія глагола haben, изученіе которого ему предстоитъ въ 8-мъ упражненіи: глаголь sein (разомъ Praesens, Imperfectum, Perfectum, Futurum, Imperativ) изучается въ 6 упражненіи. Правила же о томъ, какие глаголы спрягаются съ глаголомъ haben, какие съ глаголомъ sein, нѣтъ ни въ первомъ, ни во второмъ курсѣ.

Все это весьма неудобно. Пріуроченные же къ упражненіемъ правила таковы, что они окончательно сбьютъ ученика съ толку. Ограничиваемся немногими примѣрами.

Правило 2-е: „Нарѣчіе обыкновенно стоитъ на концѣ предложения“. Вопреки этому правилу, начиная со втораго упражненія, нарѣчіе (впрочемъ, совершенно правильно) стоитъ на 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ, и т. д., мѣстѣ отъ конца, даже въ самомъ началѣ предложения.

Правило 16-е: „Мѣстоименія втораго лица обыкновенно пишутся прописною буквою“. Въ упражненіяхъ названныхъ мѣстоименія въ такомъ видѣ не представляются. Составитель, вѣроятно, хотѣлъ сказать „третье лицо множ. числа“, употребляемое въ известныхъ случаяхъ вмѣсто втораго. Но и это 3-е лицо во всѣхъ упражненіяхъ г. Шумдта, сколько мы замѣтили, напечатано строчною буквою.

34-е правило: „Числительное ein.. склоняется какъ членъ. Остальные числительные мало измѣняются“.

32-е правило: „Послѣ именъ числительныхъ, начиная со слова два, имена существительные ставятся въ именительномъ падежѣ

множ. числа, напримѣръ, Uhren, drei Nüsse". Такими вырванными изъ связи словами правило плохо поясняется. Лучше было бы просклонять ихъ. На основаніи же правила ученикъ безграмотно напишетъ: Vor drei Jahre (вм. Jahren).

На 37 стр. своихъ грамматическихъ упражненій г. Шилдтъ приводить фразу: er hat viele Messer въ доказательство, что „послѣ viele има существительное употребляется въ именительномъ падежѣ, а не родительномъ“. Существительное Messer въ приведенной фразѣ употребляется, конечно, въ винительномъ падежѣ. Опять слѣдуетъ сказать, что авторъ лучше сдѣлалъ бы, еслибы просклонялъ:

- N. Viele Messer.
- G. Vieler Messer
- D. Vielen Messern.
- A. Viele Messer.

Въ 16-мъ упражненіи авторъ знакомитъ ученика съ глаголами сильного спряженія по образцу неправильного глагола stehen и даже формулируетъ правило по этому случаю: „Въ сильномъ спряженіи коренная гласная буква изменяется, напримѣръ, stehen, stand, gestanden“.

Deutsche Chrestomathie für russische Gymnasien, Progymnasien und Realschulen mit sprachlichen und sachlichen Erläuterungen und einem deutsch-russischen Wörterbuche von Friedrich Brandt. S.-Petersburg. 1877.

Названная хрестоматія, предназначенная для русскихъ учебныхъ заведеній, заключаетъ въ себѣ нѣмецкія статьи для упражненія въ переводахъ на русскій языкъ. Статьи расположены по родамъ литературныхъ произведеній, къ которымъ относятся, въ слѣдующемъ порядке: 1) басни, 2) параболы, 3) сказки, 4) легенды, 5) аллегоріи, 6) исторические отрывки, 7) баллады и романы, 8) драмы. Каждому отдѣлу предпосылается краткое вступление на нѣмецкомъ языкѣ, поясняющее тотъ родъ литературы, которому посвящается этотъ отдѣлъ. Сверхъ того, статьи сопровождаются, большою частью, разными замѣтками, написанными также по-нѣмецки. Въ концѣ книги приложенъ алфавитный нѣмецко-русскій словарь.

Наибольшимъ почетомъ въ хрестоматіи пользуются басни, параболы и сказки; историческихъ отрывковъ, сравнительно, мало; баллады и романы, за исключеніемъ „Лѣснаго царя“ Гете, всѣ принадлежатъ Шиллеру.

На синтаксических особенностях и рѣдко употребляемых въ новомъ нѣмецкомъ языке выраженія не обращено никакого вниманія. Такие обороты, какъ, напримѣръ (на стр. 4): sie hatte sich ihres Gebens erwogen ученикъ долженъ переводить при объясненіи (въ словарѣ), что erwogen по-русски „разсматривать, обдумывать, соображать“. Вообще очень трудно опредѣлить характеръ сообщаемыхъ замѣтокъ, которыхъ нерѣдко приводятся совершенно неожиданно и некстати. Напримѣръ, по поводу того, что лисица (въ баснѣ Fuchs ohne Schwanz, стр. 10) заговорила съ Цацерономъ, объясняется: „Marcus Tullius Cicero, geb. d. 3 Januar 106 v. Ch. и т. д. wurde am 7 December d. Jahres 43 ermordet“. Въ другой баснѣ (стр. 15) молодой парень Fritz, съ устремлениемъ занимающейся дрессировкою собакъ, шутя называется „профессоромъ“. Professor—объясняетъ примѣчаніе—Lehrer einer Universität, auch verdiente Lehrer an Gymnasien erhalten im einigen Ländern das Prädikat Professor. На 1 стр. сообщается въ замѣткахъ, что словомъ „плутъ“ (Schalk) новые писатели особенно обозначаютъ купидона.

Непонятна вообще цѣль этихъ замѣтокъ. Если онѣ, по мнѣнію составителя, служатъ разъясненіемъ трудныхъ въ текстѣ мѣстъ, то онѣ должны были бы быть написаны по русски. Въ предлагаемомъ же видѣ онѣ налагаются на ученика двойной трудъ.

Теоретическо-практическое руководство къ изученію французскаго языка для женскихъ учебныхъ заведеній, въ семи частяхъ, составилъ Ф. А. Дюсиметьеръ, преподаватель 1-й Харьковской гимназіи. Часть первая. Харьковъ. 1879.

Изъ предисловія къ первой части названнаго руководства видно, что авторъ его, г. Дюсиметьеръ, находитъ большинство существующихъ учебниковъ несоответствующими условиямъ преподаванія иностранныхъ языковъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и потому занялся цѣлью составить учебникъ специально для этихъ заведеній. Находя при томъ, что измѣненіе метода преподаванія, происходящее отъ перемѣны учебниковъ по классамъ, оказываетъ вредное влияніе на занятія и дѣлаетъ невозможными правильные и быстрые усѣхъ, авторъ нашелъ нужнымъ раздѣлить свой трудъ на семь частей, чтобы дать для каждого класса книгу, составленную по одному общему методу. Мотивы эти, конечно, важны по отношенію къ элементарнымъ классамъ; но съ той поры, какъ изученіе этимологическихъ формъ,

ЧАСТЬ ССХ, отд. 3.

съ главнѣйшими положеніями синтаксиса закончены, иѣть, кажется крайней надобности составлять для каждого класса отдельную книгу; если такое дробленіе учебника представляетъ удобство въ экономическомъ отношеніи, то оно имѣетъ также свои невыгоды при справкахъ и повтореніи курсовъ старшихъ классовъ.

Представленная первая часть труда г. Дюсиметьера, назначенная для 1-го класса женскихъ заведеній, заключаетъ шесть отдѣловъ. Первый изъ нихъ посвященъ изученію произношенія, правиль образованія женского рода въ прилагательныхъ и множественного числа; во второмъ — рѣчь идетъ объ отрицаніи, о членахъ определенномъ и неопределенному и объ именахъ числительныхъ; въ третьемъ—о глаголѣ, о вопросительной формѣ, о личныхъ мѣстоименіяхъ; въ четвертомъ—о неправильныхъ глаголахъ; въ пятомъ—о частичномъ членѣ, о предлогахъ *à*, *de*, *dans*, *en*, мѣстоименіяхъ *et*, *u* и о степеняхъ сравненія. Изъ этого краткаго перечня заглавій видно, что г. Дюсиметьерь береть для первого класса слишкомъ широкую грамматическую задачу. Весь этотъ курсъ распадается на 70 уроковъ, изъ которыхъ многие, начиная съ пятаго, заключаютъ почти страницу текста, такъ что за-разъ не могутъ быть выучены. Если каждый изъ нихъ дѣлить только на двѣ части, то слова и переводъ ихъ могутъ быть выучены 10-ти лѣтними дѣтьми не менѣе какъ въ 140 уроковъ. Прибавивъ къ этому 6-й отдѣль—то-есть, статьи для перевода, стихи для заучиванія, таблицу неправильныхъ глаголовъ, переводъ грамматическихъ объясненій на французскій языкъ, а также переводы съ русскаго, встрѣчающіеся иногда между уроками, получится такая масса работы, для которой женскія заведенія не имѣютъ въ одномъ классѣ достаточнаго числа уроковъ, ни 10-ти лѣтнія дѣвочки достаточно развитія и силъ. Разсмотривая эту массу нагроможденнаго материала нужно удивляться, какъ авторъ понималъ цитату изъ Квинтиліана, которую онъ избралъ какъ бы своимъ девизомъ и которой начинаетъ свое предисловіе. Въ русскомъ переводѣ эта цитата гласитъ: „Учителъ, которому приходится руководить юными умами, обязанъ имѣть въ виду ихъ слабость и не слишкомъ обременять ихъ непосильными уроками; онъ долженъ воздерживаться отъ излишней поспѣшности и приоравливаться къ своей юной аудиторіи, потому что умъ ребенка подобенъ сосуду съ узкимъ горломъ, который остается пустымъ, если въ него лить воду большою струею, но который незамѣтно наполняется, когда ту же воду лить въ него во-

немногу—капля за каплей". Имея въ виду, что 1-я часть учебника г. Дюсиметьера заключаеть 171 страницу учебного материала при очень широкой грамматической задачѣ, нужно сказать, что авторъ желаетъ влить французскій языкъ въ головы 10-ти-лѣтнихъ дѣвочекъ весьма большою струею, и что онъ совершенно пренебрѣгъ разумными советами Квинтиллана. Въ системѣ автора нѣть правильнаго равновѣсія: изученіе глагола начинается только въ третьемъ отдельѣ, а на протяженіи 34 огромныхъ уроковъ упражненія построены только на 3-мъ лицѣ глаголовъ *avoir* и *être* и нѣсколькоихъ глаголовъ 1-го спряженія въ *présent* и также въ 3-мъ лицѣ, которые даются просто какъ вocabулы. Неправильные глаголы, конечно, нужны, но въ первомъ курсѣ можно бы обойдтишь меньшимъ ихъ числомъ и меньшимъ числомъ временъ, пока ученицы еще не могли укрѣпиться въ правильныхъ спряженіяхъ, которые даются то же какъ-то съ-разу и Большою струею. Авторъ боится на протяженіи 21 урока сказать ученицѣ, что французская существительная имѣютъ при себѣ членъ, или что есть *h-aspirée*, а уже въ пятомъ урокѣ спѣшить преподать, гдѣ слѣдуетъ ставить прилагательная, обозначающія цѣль пред-мета.

Авторъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ даетъ только правила безусловно вѣрныя. Вонервыхъ, его правила далеко не все выражены удобопонятно для маленькихъ дѣтей, и вовторыхъ, не все безусловно вѣрны. Такъ, на стр. 21, сказано: „слова, которые оканчиваются въ единственномъ числѣ на *a*, измѣняютъ это окончаніе во множественномъ числѣ на *ai*. Одно слово *bal* имѣть во множественномъ числѣ *s*". Такъ какъ слова: *carnaval*, *régal*, *vargal*, *original*, *chacal* также принимаютъ *s*, то вышеприведенное правило съ однимъ исключеніемъ не безусловно вѣрно, и если въ 1-мъ классѣ не слѣдуетъ давать всѣхъ исключений изъ правила, то также не слѣдуетъ говорить безусловно, что есть только одно исключение, тогда какъ ихъ существуетъ много. На стр. 63 въ правилѣ 2-мъ сказано: „подлежащее въ третьемъ лицѣ ставится послѣ глагола только тогда, когда выражено мѣстоименіями *il*, *elle*, *ils*, *elles*". А гдѣ же ставится подлежащія *se* и *op* въ вопросительномъ оборотѣ? Если приведенное правило не безусловно вѣрно, то также не вѣрно и слѣдующее за нимъ на той же страницѣ подъ № 3-мъ. На стр. 68 правило № 2 (говорится о глаголахъ 2-го спряженія): „если же гласная окончанія будетъ одно только *i*, то коренное *i*, вмѣстѣ

съ окончаниемъ „сливается въ одно i, что бываетъ въ passé défini и въ формѣ, служащей для составленія сложныхъ формъ (participe passé): fini“. Не говори уже о томъ, что подобное объясненіе совершенно лишне для 10-ти лѣтнихъ девоцекъ, оно рѣшительно не вѣрно въ научномъ отношеніи. Такихъ безусловно „вѣрныхъ“ правилъ съ точки зоря г. Дюсиметтера можно бы набрать очень много въ его первой части.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РУССКОЙ УЧЕНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ВЪ ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛІ.

Въ ноябрѣ 1876 года князю В. А. Черкасскому, въ то время назначеному состоять при его высочествѣ великому князю главно-командующему Дунайскою арміей, а впослѣдствіи исполнявшему обязанности начальника гражданскаго управлѣнія въ Болгаріи,—представлена была однимъ изъ известныхъ нашихъ ученыхъ А. Н. Пыпинъ записка, въ которой развивалась мысль о необходимости и своевременности историко-этнографического изученія южно-славянскихъ земель.

„Русское государство и общество“, говорить въ своей запискѣ г. Пыпинъ,—оказываютъ единоплеменные народамъ юга содѣйствіе своего могущества и своего сочувствія. Въ настоящую минуту идеть первоначальный и основной вопросъ политического обеспеченія ихъ національного бытія. Но когда это обеспеченіе будетъ въ известной мѣрѣ достигнуто, тогда можетъ и долженъ выступить другой вопросъ—не менѣе существенного значенія, и въ которомъ государство и общество могутъ имѣть свое различное участіе. За помощью материальною должна слѣдовать помощь нравственная, которая, не ограничиваясь однимъ сочувствіемъ единоплеменности и единовѣрія, заявила бы себя содѣйствіемъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ южно-славянскихъ народовъ. Это могла бы быть помощь для бѣдной материально и угнетенной морально церкви, помощь для народной школы. Наконецъ, могла бы быть оказана южно-славянскимъ народностямъ

услуга, которая въ то же время составила бы интерес самаго русского общества, и даже государства. Это—ближайшее изученіе южно-славянскихъ земель, въ особенности именно тѣхъ, которые до сихъ поръ своимъ политическимъ положеніемъ были закрыты даже для научнаго изученія, именно Болгаріи, а также Герцеговины, Старой Сербіи и Босніи".

Дѣйствительно, обстоятельное изученіе этихъ странъ одинаково важно какъ для ихъ собственныхъ будущихъ судебъ, такъ и по давнимъ историческимъ отношеніямъ къ нимъ Русскаго народа. Эта мысль обстоятельно развита г. Пыпиномъ въ его запискѣ: „Извѣстны", говорить онъ, — „тѣсныя связи древней Руси съ южнымъ Славянствомъ — связи религіозныя (отъ южнаго Славянства пришло къ намъ Священное Писаніе, религіозныя книги, первое духовенство); связи образовательныя (первые начатки письменности состояли въ усвоеніи старо-славянскихъ книгъ, приходившихъ съ юга); связи общественно-политическія (съ юга пришелъ старо-славянскій переводъ „Кормчей", первого церковнаго законодательства), и т. д. Въ послѣднія десятилѣтія наша историческая наука тѣмъ больше расширяетъ свои изслѣдованія, тѣмъ больше находитъ фактовъ многоразличныхъ политическихъ и образовательныхъ связей древней Руси съ народами южно-славянскими. И когда говорится объ этихъ историческихъ связяхъ древней Руси съ южнымъ Славянствомъ, то подъ этимъ послѣднимъ надо разумѣть въ особенности Болгарію. Извѣстно (хотя до сихъ поръ мало объяснено это явленіе), что одинъ изъ первыхъ Русскихъ князей думалъ даже перенести центр своего господства въ Болгарію: такимъ образомъ, и до принятія Русью христіанства, Русскихъ влекло въ эти южныя страны, занятыя родственнымъ племенемъ. Вслѣдствіе этихъ историческихъ отношеній, изученіе болгарской древности есть во многихъ случаяхъ изученіе древности русской. Такое историческое изученіе, понимаемое въ широкомъ научномъ смыслѣ, предполагаетъ, конечно, много различныхъ сторонъ, начиная отъ чистой археологии до изученія современного быта, поэзіи и преданій. Особенная необходимость подобныхъ изученій въ Болгаріи является, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что именно Болгарія изъ всѣхъ славянскихъ странъ была, къ сожалѣнію, всего менѣе доступна для русскаго изученія. Въ то время, какъ въ европейской литературѣ явилась въ послѣднія десятилѣтія цѣлая масса путешествій и книгъ о Болгаріи (Ami Boué, A. Blanqui, Lejean, Paton, Barth, M. A. Walker, Mackenzie and Irby, Toser, Saint-Clair and Brophy, Kanitz, Aug.

Дозен, Barkley и проч.), русская литература съ 1840-ыхъ гдѣль мо-
жетъ указать почти только одно путешествіе, сдѣланное въ тѣ годы
извѣстніемъ профессоромъ В. И. Григоровичемъ. Не слѣдуетъ думать,
чтобы недостатокъ русскихъ путешествій происходилъ отъ одного
недостатка интереса: онъ объясняется просто трудностью для Рус-
ского вообще путешествовать въ странѣ, гдѣ самая безопасность его
была бы мало обеспечена, и попытки изученія страны и народа на-
влекли бы подозрѣніе. Путешествія Русскихъ въ славянскія земли въ
послѣднее время были дѣломъ довольно обыкновеннымъ, но только
кромѣ Болгаріи и вообще турецкихъ земель.

„Могутъ сказать, что Болгарія, испытавшая съ XIV вѣка столько
историческихъ переворотовъ, опустошений, посторонняго подавляющаго
гнета, можетъ не представить никакой добычи для исторического
изученія, о которомъ выше упомянуто. Но, впервыхъ, этого никакъ
нельзя сказать впередъ, и притомъ самое этнографическое изученіе
современного народного быта (которое теперь только еще начато
немногими попытками самихъ Болгаръ),— не говоря о томъ, какое
значеніе имѣть оно само по себѣ,—можетъ представить неожиданный
открытия несомнѣнной исторической цѣнности. Кромѣ того, есть по-
ложительные основанія думать, что не смотря на всѣ опустошения
отъ Турокъ и истребленіе славянской старины отъ фанаріотовъ, въ
этихъ странахъ еще могутъ найдти замѣчательные памятники древ-
ности. Объ этомъ свидѣтельствуютъ находки Григоровича, которому
при всей скромности его средствъ удалось открыть и спасти для
науки драгоцѣнныя памятники древнѣйшей болгарской письменности,
между прочимъ, неизвѣстные дотолѣ памятники о дѣятельности св.
Кирилла и Меѳодія. Покойный Гильфердингъ, въ своемъ путешествіи
по Восніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи и позднѣѣ въ Болгаріи,
успѣлъ также приобрѣсти рѣдчайшіе письменные памятники, между
прочимъ, до него также совершенно неизвѣстные и исполненные
интереса для разясненія не только южно-славянской, но и древней
русской письменности“.

Но и независимо отъ тѣсныхъ отношеній къ древней Руси, страны
южнаго Славянства, ихъ жители и нравы представляютъ предметъ
изученія, являющій собою живѣйшій исторический интересъ въ обще-
славянскомъ смыслѣ. Въ запискѣ г. Пыпина обращено вниманіе и на
этую сторону вопроса: „Чемъ начиналась ихъ исторія? Съ какими за-
датками выступали они на свое поприще? Какъ послѣ страшной
катастрофы и подъ тяжкими испытаніями магометанскаго ига они

уѣдь сократить свою народную личность? Каки моральные основы имѣть и можетъ имѣть искъ ожидаемое и желаемое возрожденіе? Всѣ это вопросы, къ которымъ не можетъ не обращаться книга историка и этнографа, вниманіе единоплеменного общества и вниманіе всѣаго друга человѣчества. Нѣсколько вѣковъ странная судьба турецкихъ Славянъ совсѣмъ скрывала искъ и вида, — до искъ не доводили ни человѣколюбивыя сочувствія, ни историческое знаніе. Нора позабочтиться, чтобы до нихъ достигло и то, и другое. Уже не одинъ разъ было замѣчено, что обѣ этихъ странахъ гораздо большия писано и известно въ нѣмецкой и англійской литературѣ, нежели въ русской: факты дѣйствительно бросающій неблагопріятный смотръ на внутреннія между-славянскія отношенія".

Наконецъ, есть еще обстоятельство, которое — по мнѣнію г. Пиццина — должно побудить насъ къ историческому и этнографическому изученію болганскоаго Славянства: „Болгарская народность находится еще на первой ступени своего возрожденія, на той ступени, которая уже пройдена другими славянскими народностями. Въ то время, когда другое, — благодаря въ особенности болѣе благопріятнымъ политическимъ условіямъ, — пріобрѣли уже (какъ, напримѣръ, Сербы) известную долю образованности, имѣютъ своихъ ученыхъ (въ томъ числѣ дѣйствительно серьезныхъ) и свои ученые учрежденія, Болгари еще только стремятся пріобрѣсть средства образования. Они, конечно, пріобрѣтутъ возможность правильного образования лишь тогда, когда эта возможность дана будетъ сколько-нибудь сноснѣй политическимъ положеніемъ. Крайняя бѣдственность искъ положенія не допускаетъ самаго появленія такихъ передовыхъ и дѣятельныхъ личностей, которые могли бы стать во главѣ пробуждающагося национального сознанія, какими были Палачкѣй, Шафарикъ или Колларъ у Чеховъ, Караджичъ у Сербовъ и т. д.; у Болгаръ браты Миладиновы погибли безвѣстной смертью въ турецкой тюрьмѣ, едва успѣвъ начать свой трудъ национальныхъ и ученій (ими слѣдуетъ лучший доселѣ сборникъ болгарскихъ пѣсенъ). Не смотря на то, въ Болгарскомъ народѣ обнаруживается въ послѣднія десятилѣтія несомнѣмое стремленіе къ национальному самосознанію. Всакое национальное возрожденіе, — приижровъ его совершилось очень много съ конца прошлаго столѣтія, — начиналось обыкновенно обращеніемъ къ старинѣ и изученію народности, стремленіемъ къ отысканію исторической древности, къ изученію народной поэзіи и преданий, и т. д. И это очень естественно: народъ, подавленный тяжелой исторіей или убѣслимый

чужою иноязычною цивилизацией, при первомъ вовникновеніи самосознанія стремится восстановить свою національную личность, и не находя ея органъвъ и выраженій въ настоящемъ, ищетъ ее—вонпрѣкъ—въ историческомъ прошломъ, гдѣ она была никогда сильна и свободна, гдѣ она имѣла свое подное проявленіе,—и въторыхъ—въ національномъ преданіи, то-есть, народной поэзіи, обычаяхъ и повѣрыахъ, которыхъ во времена чужаго гнета оставались (болѣе или менѣе) неприкословеннымъ наслѣдьемъ старины, выражениемъ бытовой особности, задушевной народной мысли и поэтическаго чувства. Подобные поиски за стариною и народностью никогда не оставались безплодны: Чехи въ подобныхъ поискахъ нашли замѣчательные памятники, у Сербовъ нашелся богатой запасъ народной героической поэзіи, который въ началѣ столѣтія произвелъ такое сильное впечатлѣніе даже въ европейскомъ литературномъ мірѣ,—и то, и другое явилось какъ драгоценное народное достояніе; воскресшія преданія старины становились предметомъ новой національной гордости и новымъ поощреніемъ для возрождавшейся литературы. Въ періоды возвращенія лучшіе умы часто отдавали свои силы именно этому поприщу, и предшественниками политического возрожденія бывали историки-филологи, этнографы, археологи. Эти предметы бывали самыми живыми предметами національной литературы и получали значеніе, какого не могли бы вовсе имѣть въ литературѣ, прочно установившейся.

„На этой стадіи развитія находится теперь и болгарская образованность и литература. Правда, нынѣшнія условія ины, чѣмъ были у Чеховъ, Хорватовъ, Сербовъ: политическое развитіе славянскихъ сосѣдей, достаточно сильная литературы ихъ должны вліять на болгарскую литературу, напримѣръ, доставить ей много готоваго исторического содержанія и т. п.; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вопросы исторического и этнографического самоизученія получать, или уже имѣть, и здѣсь тотъ же специальный интересъ и національно-образовательное значеніе.

„Поддержка этихъ изученій, русскими, а также и болгарскими силами съ русскимъ содѣйствіемъ и ободреніемъ, была бы благородною и цѣнною помощью, значение которой не довольно понимается или вовсе не понимается людьми, мало вникающими въ подобные вопросы, но которая несомнѣнно послужила бы сильной нравственнюю связью возрождающейся народности съ Русскимъ государствомъ и обществомъ. Здѣсь образовалась бы общая почва научныхъ и лите-

ратурныхъ интересовъ, и общество, которое основалось бы въ этой области, не осталось бы безъ благотворного влияния на взаимное пониманіе двухъ обществъ, взаимное пониманіе, которое можетъ быть существенно полезно въ международныхъ отношеніяхъ Славянства, и надѣстательнѣйшаго, къ сожалѣнію, мы имѣли недавно случай видѣть въ сербскихъ дѣяцахъ. Эта общая почва можетъ образоваться тѣмъ легче и естественнѣе, что болгарское национальное движеніе уже имѣло своихъ дѣятелей въ нашей средѣ: въ русской литературѣ совершилась дѣятельность Юрия Веневитина, который одинъ изъ первыхъ имѣлъ сильное возбуждающее влияніе на умы Болгарь; въ русской литературѣ дѣйствовали и дѣйствуютъ на пользу своего народа многие образованные и учёные Болгари (Априловъ, Чалазовъ, Жиневровъ, Каравеловъ, Дриновъ и проч.).

Поддержка о которой мы говоримъ, была бы необходима, и безъ сомнѣнія, высоко оцѣнена Болгарами потому, что до сихъ порь всѣдѣствіе ихъ политического положенія и тѣхъ силъ, какія есть, остаются крайне разбросаны и дѣйствуютъ подъ различными влияніями чужой обстановки: въ Константиноопольѣ, въ Вѣнѣ, въ Букаремѣтѣ; въ наиболѣе выгодномъ положеніи могли бытъ тѣ, которые дѣйствовали въ Россіи, но во всякомъ случаѣ эти силы не имѣли до сихъ порь своего собственного национального средоточія, не могли организоваться въ цѣльную работу. Они не имѣютъ наконецъ и материальныхъ средствъ, необходимыхъ для учёныхъ розысканій, путешествий и предпріятій. У насъ не однажды высказывались упреки южному Славянству, что его дѣятели иногда слишкомъ поддаются чужимъ неславянскимъ влияніямъ, вредящимъ истинно-славянскому интересу, при чёмъ подразумѣвается упрекъ, что они не ищутъ своихъ идей въ Россіи; но справедливость требуетъ признать, что мы съ своей стороны сами сдѣлали очень немногого (и пока въ настоящемъ положеніи литературы не могли сдѣлать много) для того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ нравственными и умственными узами.

„Еслибы Россія, какъ государство и какъ общество, примирила помощь балканскому Славянству, и особенно Болгаріи, и въ этомъ отношеніи,—мы думаемъ, что это было бы такимъ удовлетвореніемъ национальной потребности южнаго Славянства, такимъ вниманіемъ къ народному чувству, которыя оставались бы одни изъ лучшихъ свидѣтельствъ истинно братскаго отношенія къ родственному племени“.

Результатомъ всѣхъ таковыхъ соображеній и разсужденій г. Чалазина является мысль о спароженіи историко-этнографической экспеди-

дииі для изученія Болгаріи, а также старой Сербіи, Босні и Герцеговини, экспедиції, которая могла бы дѣйствовать подъ покровительствомъ русской власти, на пользу обеихъ народовъ.

По предположенію г. Пыпина, въ кругъ предметовъ занятій экспедиціи должно войти изученіе вещественныхъ памятниковъ, памятниковъ письменныхъ, этнографического распределенія племенъ славянскихъ и не славянскихъ на Balkанскомъ полуостровѣ, народной поэзіи и языка. Размеры экспедиціи могутъ опредѣлиться только тѣми обстоятельствами, при которыхъ она можетъ быть снаряжена, и самое осуществленіе ея г. Пыпинъ предполагаетъ возможнымъ при соединеніи участія разныхъ русскихъ ученыхъ учрежденій.

Проектъ этотъ встрѣтилъ живое сочувствіе со стороны князя Черкасского; но во время развитія военныхъ дѣйствій онъ не могъ заняться этимъ дѣломъ, а затѣмъ кончина его въ самый день заключенія Санть-Степанского договора остановила дальнѣйшій ходъ предпріятія.

Снова вопросъ о проектѣ г. Пыпина возбужденъ былъ только въ исходѣ 1879 года. Въ засѣданіи 7-го декабря отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества выслушало записку г. Пыпина, въ которой и отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ; присутствовавший въ этомъ засѣданіи академикъ Я. К. Гротъ заявилъ, что предпріятие это, проектъ второго было уже рабоѣ представлѣнъ въ Императорскую Академію Наукъ, встрѣчає полное одобрение и со стороны Академіи, которая готова оказать ему свою нравственную поддержку. Сверхъ того, находившійся въ томъ же засѣданіи отдѣленія этнографіи секретарь Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества (въ С.-Петербургѣ), профессоръ И. В. Помиловскій, предложилъ внести вопросъ о предполагаемой экспедиціи на обсужденіе этого общества, а предѣдателъ предварительного комитета VI сѣѧда русскихъ естествоиспытателей, профессоръ А. Н. Бекетовъ, заявилъ о своемъ намѣреніи представить означенному съѣзду предложеніе объ изученіи Balkанского полуострова въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ виду столь очевидно выразившагося общаго сочувствія къ изложенному предположенію, отдѣленіе этнографіи образовало комиссию для выработки подробнаго плана экспедиціи. Въ комиссіи этой пришли участіе: профессоръ В. В. Богишичъ, профессоръ В. Г. Васильевскій, профессоръ А. Н. Веселовскій, профессоръ В. И. Ламанскій, Л. Н. Майковъ, А. Н. Пыпинъ, В. В. Стасовъ и П. А. Сирку; а позднѣе, когда предложеніе о снаряженіи экспедиціи было разсмо-

трѣю и съ тѣмъ же сочувствіемъ встрѣчено въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ, къ составу комиссіи присоединились, какъ представители этого общества, академикъ А. Ф. Вычковъ и профессора И. В. Помяловскій и А. В. Праховъ.

Образовавшись въ такомъ составѣ комиссіи, независимо отъ принятаго ею на себя порученія выработать планъ экспедиціи и разные программы для работы ея членовъ, признала полезнымъ отнести въ тѣмъ ученымъ и писателямъ русскимъ и инославянскимъ, которые научно занимались какою-либо областью славяновѣдѣнія или лично посѣтили Балканский полуостровъ, съ просьбою дать свои отзывы касательно задачъ и способовъ дѣйствія экспедиціи. Подобныя же просьбы были обращены отъ лица комиссіи ко многимъ русскимъ и инославянскимъ ученымъ обществамъ, занятія которыемъ соприкасаются съ предметомъ экспедиціи. На письма эти получено много отвѣтей, въ которыхъ выраженіе сочувствія къ дѣлу экспедиціи соединяется съ весьма важными научными указаніями: въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть того, что мысль, заявленная въ отдѣлѣніи этнографіи, находитъ себѣ живое одобрение среди знатоковъ Славянства¹⁾. Изъ числа ученыхъ обществъ, приславшихъ комиссіи отвѣтъ, должно назвать въ особенности два: Общество любителей древней письменности (въ С.-Петербургѣ), изъявившее готовность принять на себя издание особенно замѣчательныхъ рукописей, если таковыя будутъ найдены членами предполагаемой экспедиціи, и Московское археологическое общество, которое, по мысли своего предсѣдателя графа А. С. Уварова, пришло на себя трудъ составить полный очеркъ программы для археологического отдѣла экспедиціи.

На основаніи какъ собственныхъ соображеній комиссіи, такъ и указаний, сообщенныхъ отъ тѣхъ лицъ, съ коими она вступала въ сношенія, задача и планъ экспедиціи опредѣляются въ слѣдующихъ чертахъ.

¹⁾ По настоящему времени отвѣтныя письма получены отъ слѣдующихъ лицъ: оо. архимандритовъ Антонина и Леонида, гг. И. А. Бодуена де-Буртене, Р. Ф. Брандта, А. С. Будиловича, Л. Гейтлера, Е. Е. Голубинскаго, М. С. Дрикова, К. О. Иречка, Ф. Каница, Кентрижинскаго, А. А. Бочубинскаго, Г. Крека, А. А. Крынскаго, П. А. Кудаковскаго, П. А. Лавровскаго, А. А. Майкова, В. В. Макушева, П. Матковича, Ф. Михошича, Л. Милковскаго, Р. И. Недзвецкаго, И. И. Первомъя, М. П. Петровскаго, Н. А. Попова, А. А. Потебни, П. А. Ровинскаго, А. Яблоновскаго и В. Я. Ягича.

Предполагаемая экспедиция должна имѣть въ виду цѣли: 1) этнографическую и 2) археологическую.

Съ точки зритія этнографии населеніе Балканского полуострова представляетъ соединеніе нѣсколькихъ народностей, связанныхъ между собою какъ прямую, такъ и настоящей своею жизнью. Поэтому, хотя первоначальная идея экспедиціи имѣла въ виду изученіе только однихъ племенъ южно-славянскихъ, комиссія, при дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, не могла не придти къ заключенію, что работы экспедиціи должны быть расширены и распространены болѣе или менѣе и на другие народы, обитающіе на Балканскомъ полуостровѣ въ сосѣдствѣ съ Болгарами и Сербами. Въ такомъ же смыслѣ высказались въ своихъ отвѣтахъ и нѣкоторые изъ тѣхъ ученыхъ, къ коимъ обращалась комиссія. Взаимное влияніе, которое оказывали съ давнинъ перъ и продолжаютъ оказывать другъ на друга южные Славяне, Румыны, Греки, Албанцы и Турки, служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ для такого возврѣнія. Согласно тому комиссія полагаетъ, что изученіе южно-славянскихъ племенъ должно быть поставлено въ центрѣ задачи будущей экспедиціи, какъ главный предметъ изслѣдованія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ экспедиція должна обратить свое вниманіе и на другие народы полуострова и ихъ также подвергнуть изученію—прежде всего въ ихъ отношеніяхъ къ Славянамъ, а затѣмъ и самостоятельно—въ тѣхъ случаяхъ, если они до сихъ поръ мало подвергались научному наблюдению. Изъ числа обитателей Балканского полуострова не-славянскаго происхожденія, Румыны за Дунаемъ и Албанцы остаются изученными, безъ сомнѣнія, столь же мало, какъ и южные Славяне; поэтому комиссія полагаетъ, что въ задунайскіе Румыны и Албанцы должны привлечь къ себѣ столь же полное вниманіе членовъ экспедиціи, какъ и Сербы, и Болгары. Напротивъ того, Грековъ и въ особенности Турокъ члены экспедиціи могли бы изучать лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для выясненія ихъ вліянія на прочія народности полуострова.

- Затѣмъ, въ предѣлахъ самого населенія южно-славянскаго не всѣ части его требуютъ изученія одинаково всестороннаго, да и не всѣ части полуострова представляютъ одинаковые удобства для научныхъ изслѣдованій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи многое, безъ сомнѣнія, будетъ зависѣть, съ одной стороны, отъ благопріятнаго оборота обстоятельствъ, а съ другой—отъ осторожности и такта самихъ членовъ экспедиціи.

Переходя затѣмъ къ самимъ предметамъ изслѣдованія, должно сказать, что по части этнографіи они должны заключаться:

- 1) въ изученіи мѣстныхъ языковъ съ прѣ нарѣчіемъ и говорами, какъ основѣ племененнаго дѣянія;
- 2) въ изученіи быта народовъ, обитавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Ближайшее изученіе строя и состава болгарскаго языка составляетъ одну изъ настоятельѣйшихъ потребностей славянской филологии. Изученіе это должно дать богатые материалы для рѣшенія вопроса о томъ—возможны ли считать Болгарию родиной такъ-называемаго церковно-славянскаго языка, затѣмъ должно указать весьма мало известныя до сихъ порь различія болгарскихъ говоровъ, въ особенности западныхъ, и изъ отношенія къ языку сербскому, наконецъ — должно внести въ словарь болгарскаго языка значительный вкладъ, который выйдетъ съ тѣмъ послужить материаломъ для опредѣленія отношеній болгарскаго языка къ языкамъ сосѣднихъ народовъ. Точно также, на территории сербскаго языка необходимо подвергнуть изслѣдованію еще не изученные до сихъ порь областные говоры его въ Восѣї; Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Наконецъ, то же должно сказать и относительно мѣстныхъ оттѣновъ въ языкахъ румынскомъ и болгарскомъ.

Указанный отдѣльный изслѣдований экспедиціи дасть возможность опредѣлить какъ границы распространенія каждого изъ названныхъ языковъ, такъ и раздѣльные линіи въ области каждого изъ нихъ. Особенно важно въ этомъ отношеніи точно изслѣдоввать и опредѣлить границу между областями языковъ болгарскаго и сербскаго. Совокупность тѣхъ вопросовъ, которые должны войти въ составъ діалектологическихъ изслѣдований экспедиціи, имѣть быть изложена въ особыхъ программахъ, основанной на указаніяхъ какъ членовъ комиссіи, такъ и другихъ ученыхъ, изъявившихъ готовность доставить ей свои отзывы.

Основнымъ материаломъ для діалектологическихъ и вообще лингвистическихъ изслѣдований должно служить собрахіе образцовъ живой народной рѣчи изъ различныхъ мѣстностей и записываніе памятниковъ народного творчества. Этотъ предметъ долженъ составить особенную заботу членовъ экспедиціи, и притомъ записываніе пѣсенъ, пословицъ и вообще образцовъ народнаго языка должно производиться по однобразнымъ правиламъ, о предварительномъ установлѣніи которыхъ озабочится комиссія.

При записываніи памятниковъ народного творчества должно имѣть

въ виду и интересы историко-литературные; такъ, напримѣръ, желательно собрание бытевыхъ болгарскихъ пѣсень, между прочими, о краевитѣ Маркѣ; въ особенности необходимо заняться собраниемъ памятниковъ болгарского эпоса въ Родопскихъ горахъ и такимъ образомъ здѣсь, на мѣстѣ, проверить существование въ устахъ народа тѣхъ пѣсень, которыхъ изданы Ст. Верковичемъ подъ заглавиемъ „Славянской Вѣды“ и подали поводъ къ сомнѣніямъ въ ихъ подлинности.

Наконецъ, при записываніи народныхъ пѣсень желательно обращать вниманіе на размѣръ и напѣвъ ихъ, для чего въ составѣ экспедиціи необходимо иметь—конечно временно—особое лицо со специальными сѣдѣніями по музыкальной части.

Кромѣ вопросовъ о языѣ, этнографический отдѣлъ экспедиціи имѣть занятія задачами, касающимися собственно изученія быта народного: сюда входитъ наблюденія по части нравовъ, обычаевъ, обрядовъ, покрѣпъ, вѣшней обстановки народной жизни, домашнаго хозяйства, занятій, промысловъ, и наконецъ, состоянія образованности. Наблюденія надъ всѣми этими предметами среди Болгаръ, Румыновъ за Дунаемъ и Албанцевъ были до сихъ поръ производимы почти исключительно одними иностранцами, которые многого не могли замѣтить и записать. Конечно, и члены предполагаемой экспедиціи, какъ путешесственники, пребываніе которыхъ въ той или другой мѣстности должно быть ограничено извѣстнымъ periodомъ времени, не могутъ изслѣдоватъ быть мѣстныхъ жителей въ совершенной полнотѣ, для чего, какъ извѣстно, необходимъ продолжительный наблюденія въ одной мѣстности; уже упомянуто выше, что и не всѣ народности полуострова нуждаются въ обслѣдованіи одинаково подробно; такъ, напримѣръ, Сербы княжества описаны въ этнографическомъ отношеніи весьма обстоятельно. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы работы экспедиціи дали отвѣтъ на главные вопросы изъ этнографической сферы, какъ, напримѣръ, характеристику осмотрѣнныхъ народностей въ тѣхъ мѣстностяхъ, где они являются въ наиболѣе чистомъ видѣ, а также характеристику ихъ въ зависимости отъ географическихъ условий страны (жители горъ и жители долинъ), очеркъ мѣстностей, где замѣчается смѣшаніе народностей, и где одна оказывается болѣе или менѣе сильное влияние на другую, и т. д. Описаніе такихъ представителей населения какъ Гагаузы—Болгары, почти утратившіе свой родной языкъ и замѣнившіе его турецкимъ, какъ Помаки—также Болгары, принявши исламъ, но сохранившіе свой народный языкъ, какъ Куювлахи въ Македоніи, Фессаліи и Эпирѣ, какъ иѣкоторыя племена Черногор-

скія (напримѣръ, Васкоевичи), можетъ по своей новости представить болыпшой научный интерес даже и въ томъ случаѣ, если не будетъ совершенно полнымъ. Весьма важное значение могутъ также имѣть замѣтки русскаго наблюдателя о населеніи, обитающемся у сербо-балгарской этнографической границы, или о степени удруности румынскаго элемента въ отношеніи, какъ къ Сербамъ, такъ и къ Болгарамъ, и т. п.

Для руководства при этнографическихъ наблюденіяхъ члены экспедиціи могутъ пользоваться общей этнографической программой, изданной Географическимъ Обществомъ, которую комиссіей нѣсколькою передѣлала и расширила, примѣнивъ ее имѣсть съ тѣмъ къ мѣстныхъ условіямъ Балканскаго полуострова. Эта же программа, переведенная на болгарский, а въ случаѣ надобности, и на другие мѣстные языки, должна быть распространяется среди интеллигентныхъ лицъ изъ мѣстного населения, съ просьбой о доставлении на нее откликъ. Такимъ образомъ можетъ отчасти быть пополненъ тѣтъ недочетъ въ этнографическихъ подробностяхъ, избытка которыхъ и нельзя ожидать отъ странствующихъ членовъ экспедиціи.

Подобнымъ же образомъ должна быть распространяется среди мѣстной интеллигентіи и особая программа по собиранию свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ, составленная примѣнительно въ жизни южнославянскихъ племенъ В. В. Богиличемъ¹⁾). Комиссія полагаетъ, что вообще на юридический бытъ населения должно быть обращено особое вниманіе экспедиціи, а притомъ необходимо имѣть въ виду и приобрѣтеніе письменныхъ памятниковъ, относящихся до юридического быта—въ подлинникахъ или копіяхъ.

Какъ въ сообщеніи мѣстныхъ этнографическихъ свѣдѣній, такъ же представители мѣстной интеллигентіи могутъ оказать экспедиціи помощь и въ собраніи памятниковъ устнаго народнаго творчества (пѣсень, сказокъ, преданий, пословицъ и пр.), и въ указаніи мѣстныхъ древностей. Поэтому замѣтки по означеннымъ предметамъ также внесены въ общую этнографическую программу.

Собирание статистическихъ свѣдѣній, которые относились бы ко всей совокупности тѣхъ странъ, гдѣ должна действовать экспедиція, какъ, напримѣръ, свѣдѣній объ общемъ количествѣ населенія, не

¹⁾ Программа эта, написанная первоначально по юербски, существуетъ уже въ болгарскомъ перевѣздѣ и съ небольшими измѣненіями переведена также на русский и румынский языки.

можетъ быть возможно на членовъ ея—даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ пользоваться покровительствомъ Болгарского правительства, на которое впрочемъ экспедиція имѣть полное основаніе расчитывать. Все, чего можно требовать отъ членовъ экспедиціи въ отношеніи статистики, это—приобрѣтеніе нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ о промыслахъ въ той или другой мѣстности, согласно указаніямъ, которыми также изложены въ общей этнографической программѣ, въ отдѣлѣ о промыслахъ. Но было бы совершенно необходимо, одновременно съ открытиемъ дѣйствій экспедиціи, ходатайствовать передъ Болгарскимъ правительствомъ о производствѣ нѣкоторыхъ статистическихъ обслѣдованій силами мѣстной администраціи. Въ этомъ отношеніи прежде всего полезно было бы составленіе полныхъ списковъ населенныхъ мѣсть, списковъ, которые могли бы служить основою для всякихъ другихъ статистическихъ работъ; въ дальнѣйшемъ же будущемъ, особенно въ случаѣ организаціи статистической части въ Болгаріи, можно было бы имѣть въ виду установление метрическихъ записей по приходамъ, которыхъ могли бы дать матеріалъ для статистики движенія населения. Составленіе же списковъ населенныхъ мѣсть, съ означеніемъ ихъ названій на всѣхъ тѣхъ изъ мѣстныхъ языковъ, на коихъ эти названія существуютъ, представить важное подспорье для распределенія этнографическихъ особей на картѣ полуострова, а также дастъ богатый матеріалъ по географической номенклатурѣ, весьма полезный для исторической этнографіи и географіи Балканского полуострова.

По части древностей Балканский полуостровъ—если не считать его южную оконечность, собственно Грецію, да Константинополь—представляется еще менѣе изслѣдованнымъ, чѣмъ въ отношеніи этнографическомъ. Между тѣмъ находки, случайно до сихъ поръ сдѣланные, указываютъ на богатство почвы полуострова въ отношеніи древностей. Здѣсь встрѣчаются:

- 1) памятники первобытной древности или доисторические;
- 2) памятники древности классической, то-есть, греческие и римские, а также принадлежащіе мѣстнымъ народамъ, современнымъ греко-римскому классическому періоду;
- 3) памятники византійские христіанскіе;
- 4) памятники болгарской и сербской древности.

Нацонецъ, могутъ быть встрѣчены въ древности восточные.

Все это должно сдѣлаться предметомъ разысканія, описанія, сри-

созывания или фотографирований, измерений и вообще научного исследования.

Отъ количества средствъ, которыми окажутся въ распоряженіи экспедиціи, будетъ зависѣть—какіе размѣры можно прідать такого рода археологическимъ работамъ, каковы исследованія древне-обитаемыхъ пещеръ, древніхъ путей, городищъ, раскопка мургана и т. п. По мнѣнію комиссіи, подобные поиски могутъ быть произведены экспедиціей только въ видѣ опыта или предварительной разведки, болѣе же полное исследованіе такого рода памятниковъ должно быть предоставлено будущему. Во всякомъ случаѣ заслугой экспедиціи будетъ, если она соберетъ возможно большее количество генографическихъ указаний относительно находящихся въ осмотрѣнной ею территории земляныхъ и каменныхъ сооруженій, или вообще такихъ памятниковъ, исследование которыхъ требуетъ раскопокъ. Для облегченія членовъ экспедиціи въ этомъ отношеніи комиссія полагаетъ снабдить ихъ особыми историко-географическими справками, которые могутъ пригодиться имъ при осмотрѣ мѣстностей полуострова, особенно замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи.

Комиссія полагаетъ, что особенное вниманіе археологического отдѣла экспедиціи должны привлечь къ себѣ тѣ вещественные памятники, которые находятся надъ землей и подвергаются возможности уничтоженія, передѣлки или утраты въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Такъ памятники архитектурные — церкви, монастыри, келлія, дома жителей и проч., должны быть тщательно осмотрѣны, срисованы, измерены на планы и измѣрены, какъ спаружи, такъ и внутри. То же должно дѣлать и относительно памятниковъ живописи, именно—церковныхъ фресокъ, и относительно всякаго рода рельефныхъ изображений и надписей. Не должны быть забыты и мелкия юзанныя изображенія изъ кости и дерева, и вообще предметы таль-называемые художественно-промышленные, относящіеся къ церковной и домашней утвари, посудѣ, одѣждѣ и си украшениіи, оружію и т. п. Все это должно быть срисовываемо, военпреводимо въ снимкахъ, а если возможно, то и приобрѣтаемо въ подлинникахъ.

Общая программа для археологическихъ исследованій экспедиціи имѣть быть выработана — какъ уже сказано выше — Московскимъ археологическимъ обществомъ. Съ своей же стороны комиссія обязалась составленіемъ особаго наставленія членамъ экспедиціи для дѣланія снимковъ съ рельефныхъ изображеній и надписей. Сверхъ того, такъ какъ для указанія и собранія разнаго рода древностей

весьма полезны могутъ быть представители мѣстной интеллигентіи, комиссія полагаетъ нужнымъ снабдить членовъ экспедиціи особою запиской о собираніи древностей, составленною на основаніи „Записки о русскихъ древностяхъ“, которая издана Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, для того чтобы эта записка могла быть распространяема между мѣстными образованными людьми.

Наконецъ, еще одинъ предметъ долженъ войти въ кругъ занятій экспедиціи: это—разысканіе памятниковъ письменности и старопечати. Хотя древніе письменные памятники уже неоднократно привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ, посѣвшихъ Балканский полуостровъ, и многія рукописи были уже оттуда вывезены, тѣмъ не менѣе весьма позволительно надѣяться, что могутъ еще быть сдѣланы замѣтительныя находки въ этомъ отношеніи, и вслѣдствіе этого будеть полезно произвести такого рода поиски, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они вовсе не были дѣлаемы; такъ, напримѣръ, слѣдуетъ искать древнихъ болгарскихъ грамотъ у Помаковъ въ Родопскихъ горахъ; тамъ же, гдѣ существованіе письменныхъ памятниковъ уже было указано, какъ, напримѣръ, въ разныхъ монастыряхъ, въ томъ числѣ и Атонскихъ, необходимо провѣрить прежде сдѣланныя описи. Произведенія старопечати славянской, румынской и греческой, которые могутъ встрѣтиться членамъ экспедиціи, также не должны быть оставляемы ими безъ вниманія, такъ какъ иѣкоторые южно-славянскія изданія восходятъ къ XV—XVI вѣкамъ, когда на полуостровѣ существовали уже славянскія типографіи; весьма возможно, что между книгами, которые могутъ быть такимъ образомъ найдены, встрѣтятся экземпляры такихъ изданій, которыхъ вовсе неизвѣстны библіографамъ.

Такова, въ краткихъ словахъ, программа экспедиціи, выработанная комиссией. Совѣтъ Географического Общества принялъ ее съ полнымъ одобрениемъ и въ настоящее время приступилъ къ изысканію способовъ для осуществленія этого предприятия, которое можетъ принести существенную пользу отечественной наукѣ и въ то же время много содѣйствовать развитію народного самосознанія среди нашихъ южныхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

ПУТЕШЕСТВИЯ РУМЫНСКИХ УЧЕМЫХ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ.

Предки нынѣшнихъ Румынъ, послѣ паденія римско-византійскаго владычества въ большей части Балканскаго полуострова и въ Дакіи, постепенно подпали владычеству и вліянію Болгаръ. Территорія, именемъ обитаемая Румынами, входила въ составъ Болгарской державы Крума, Бориса, Симеона, и можетъ быть, Петра и Самуила, послѣ котораго въ Болгаріи начинается періодъ почти двухсотлѣтнаго византійскаго владычества. Чѣдѣ было съ Румынами, или вѣрѣ, чѣдѣ происходило въ странахъ, занимаемыхъ нынѣ Румынами, за весь этотъ послѣдній періодъ — трудно теперь сказать; мы обѣ этомъ знаемъ очень мало или почти ничего. Только опять видимъ мы Болгарію и Румынію подъ однимъ скіптромъ Болгарскаго царя Іоанна Асена, о національномъ происхожденіи котораго, въ наше время, стали спорить румынскіе и славянскіе историки. Были ли и теперь Румыны, или то, чѣдѣ нынѣ называется Румыніей, въ прежніхъ или же иныхъ отношеніяхъ къ Болгарамъ, — обѣ этомъ также ничего почти неизвѣстно, какъ неизвѣстно окончательно и то, когда, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ образовались Молдавія и Валахія, откуда пошла румынская народность, и такою ли была она въ то время, какова теперь, или нѣть.

Несомнѣнно, повидимому, что съ того времени, какъ Славяне Балканскаго полуострова, и преимущественно Болгары, стали терять свою политическую и нравственную почву, или лучше сказать, свою политическую роль на Балканскомъ полуостровѣ вслѣдствіе вторженія ви-

зантійской порчи въ ихъ соціальну и нравственную жизнь, порчи, поддерживавшій у нихъ азіатскую дикость и грубость нравовъ и нерѣжество, а также вслѣдствіе частыхъ нападеній на полуостровъ разныхъ азіатскихъ народовъ, и на конецъ, Османовъ, сперва въ такъ называемой Молдавіи, а потомъ и въ Валахіи образуется по княжеству, во главѣ которыхъ стоять Славяне, сужа по собственнымъ именамъ первыхъ основателей этихъ княжествъ. По моему, это собственно не образованіе новыхъ княжествъ, а только перенесеніе лучшими или передовыми людьми изъ среды болгарскихъ Славянъ, раздѣленными, быть можетъ, на двѣ партіи, центра тяжести политической и нравственной, а потомъ и политической самостоятельности—съ праваго, южнаго берега Дуная на лѣвый, съверный, где во все продолженіе владычества Турокъ на Балканскомъ полуостровѣ ведется съ послѣдними борьба, правда, иногда лишь подпольная, за самостоятельность. Однимъ изъ лучшихъ доказательствъ тому служить то важное обстоятельство, что послѣ покоренія Турками славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ Молдавію и Валахію стремятся вся почти лучшіе люди южнаго Славянства. Стремились ли они сюда и во время существованія еще отдельныхъ славянскихъ политическихъ единицъ на полуостровѣ—это въ настоящее время мало извѣстно; но румынскія летописи прямо и ясно говорятъ, что новые княжества съ первыхъ годовъ своего существованія находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ южнымъ Славянствомъ, и не видно, чтобы эти сношения были враждебны.

Какія условія и какие этнографические элементы представляли Молдавія и Валахія для образованія новыхъ княжествъ—не такъ-то легко решить, какъ, по видимому, кажется съ первого взгляда. Извѣстно, между прочимъ, что Крумъ перевезъ своихъ адрианопольскихъ пленниковъ на съверный берегъ Дуная. Затѣмъ, нужно было бъ удивляться тому обстоятельству, что Болгари до самыхъ послѣднихъ моментовъ существованія турецкаго владычества въ съверной Болгаріи почти всегда находили радушный приютъ въ Румыніи, куда они стремились въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ другую какую-либо изъ славянскихъ державъ или какое-либо другое европейское государство. Конечно, для объясненія этого обстоятельства должно имѣть въ виду, въ числѣ другихъ причинъ, и географическое положеніе Румыніи и Болгаріи. Но мнѣ кажется, не менѣе выгодъ представляетъ въ этомъ отношеніи и Сербія, и даже болѣе, если имѣть въ виду племенное родство и почти одинаковыя политическія обстоятельства Сербіи и

Болгарії. Однако, въ Сербію болгарскіе поселяне ходатъ почти исключительно на заработки, а нѣсколько попытокъ къ сближенію иного рода между Сербами и Болгарами окончились совершенно неудачно и породили даже непріязнь между тѣми и другими. Австрія, часть которой входила въкогда въ составъ Болгарского царства, и притомъ болѣе сильная во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ Румынія или Сербія, могла бы служить въ нѣкоторомъ родѣ спасительнымъ якоремъ для Болгаріи въ турецкое время, тѣмъ болѣе, что этого желало, для нѣкоторыхъ цѣлей, само австро-венгерское правительство; въ Семиградіи мы видимъ даже болгарскія поселенія, явившіяся здѣсь при Маріи Терезії; въ послѣднее время завязываются торговыя сношенія,— въ Вѣнѣ появляются болгарскіе купцы и предприниматели; болгарскіе поселяне съ давніхъ порь приходили сюда на заработки, какъ и въ Румынію; въ разныхъ австрійскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ воспитываются молодые Болгаре, Австрійцы изучаютъ Болгарію и пишутъ о ней книги. Но при всемъ томъ, въ Австріи Болгаринъ не чувствовалъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ чувствовалъ себя въ Румыніи, и не могъ быть полезнымъ для своей родины на столько, на сколько онъ былъ полезенъ ей, живи въ Румыніи, гдѣ онъ былъ какъ у себя дома, ибо тамъ почти цѣлые города, въ особенности при-дунайскіе, до недавняго времени были почти болгарскими, да и легенды обѣ основаній нѣкоторыхъ изъ румынскихъ городовъ связывали съ именами разныхъ юго-славянскихъ вельможъ, можетъ быть, и сказочныхъ. Значитъ, если признать, что одною изъ главныхъ причинъ перенесенія центра тяжести политической самостоятельности болгарской съ праваго берега Дуная на лѣвый было выгодное географическое положеніе Румыніи, то нужно признать и то, что эта причина была не единственной, а были еще и какія-либо другія, которыхъ еще нужно опредѣлить.

Восточные, сѣверные и западные предѣлы Румыніи всегда соприкасались, и такъ сказать, переплетались съ предѣлами славянскихъ поселеній, и до настоящаго времени трудно еще найти этнографическую, исторически измѣнявшуюся, границу между тѣми и другими. Исторія князя Давіла Романовича Галицкаго, исторія Бырладской республики въ Молдавіи и многіе другіе исторические факты служатъ слишкомъ яснымъ тому доказательствомъ.

Еще болѣе заставляетъ меня вѣрить въ предположеніе о перенесеніи центра политической самостоятельности Болгаріи съ праваго берега Дуная на лѣвый еще одно очень важное обстоятельство—

именно, что язы́къ въ новыхъ княжествахъ съ самого ихъ основанія и почти вплоть до XVII в., какъ въ церкви, такъ и въ официальныхъ и отчасти неофициальныхъ бумагахъ, а можетъ быть, и въ высшихъ слояхъ общества, былъ славянскій, и притомъ онъ былъ такъ распространенъ, что подъ влияніемъ характера и особенностей румынскаго языка получилъ нѣсколько иную окраску, отличающую его отъ дѣловаго языка Болгаріи, Сербіи и южной Руси. Благодаря этому обстоятельству, литературные сношения Румыніи съ Болгарами и вообще со Славянствомъ и Аеономъ были очень долгое время постоянными, и даже можно сказать, непрерывными, а впослѣдствіи Румынія была литературнымъ и отчасти политическимъ передаточнымъ пунктомъ между южнымъ Славянствомъ сперва, а потомъ Аеономъ—и южною Россіей, а позже и Москвой. Отъ обстоятельства, безпристрастного и чисто научного разъясненія этихъ явлений зависитъ выясненіе многихъ вопросовъ румынской исторіи, оставшихся до настоящаго времени весьма темными; таковы—вопросы объ образованіи румынской народности, введеніи и распространеніи христіанства въ Румыніи, началѣ самостоятельной Румынской церкви, переводѣ румынскихъ богослужебныхъ книгъ, зарожденіи національной литературы и проч.

Какъ известно, румынскій языкъ состоять почти на половину изъ славянскихъ словъ, которыхъ, несмотря на тщательныя старанія Миклошича и Чикака, не всѣ еще собраны, — словъ, фонетическій строй которыхъ отличаетъ въ нихъ глубокую древность. Воцреки установленнію мнѣнію можно думать, что изслѣдованія въ области румынского языка окажутъ большую пользу славянской филологіи, въ особенности относительно нарѣчій южно-славянскихъ, и преимущественно болгарскаго; изслѣдованія эти возбудятъ между прочимъ цѣлую массу вопросовъ касательно соединенія двухъ элементовъ — славянскаго и латинскаго въ румынскомъ языкѣ, вопросовъ о томъ, въ какой мѣрѣ и степени происходило это соединеніе, то-есть, на чьей сторонѣ было превосходство: на латинской или на славянской, а до этого—при какихъ условіяхъ уживались эти два элемента, и какая была предварительная работа, какіе остатки романізма или румынизма видны еще въ нынѣшнихъ языкахъ славянскихъ и не славянскихъ Балканскаго полуострова, и каково ихъ взаимное воздействиѣ и т. п., однимъ словомъ, цѣлый рядъ вопросовъ, не только не затронутыхъ, но и не возбужденныхъ еще наукой, и въ довершеніе всего—вопросъ о томъ, можно ли признать, что Румынія есть пунктъ,

гдѣ встрѣтились, соединились и даже слились два міровые элемента, двѣ культуры—римская и греко-славянская.

При такой постановкѣ вопросовъ въ сферѣ изученія румынской исторіи, а отчасти и исторіи южныхъ Славянъ, изслѣдованія въ области той и другой получаютъ несолько иное направлѣніе, чѣмъ то, котораго придерживаются преимущественно румынскіе историки, руководимые въ большинствѣ случаевъ при решеніи вопросовъ, касающіхся исторіи своего народа, национальными тенденціями нового закала, вслѣдствіе чего исторические вопросы лишь болѣе запутываются и получаются заключенія, совсѣмъ несогласныя съ строгими требованиями исторической правды и справедливости. При иномъ же направлѣніи будетъ ясно, что румынская исторія безъ исторіи славянской всегда будетъ мало понятна, чтобы не сказать, совсѣмъ непонятна и не полна—подобно тому какъ во многихъ отношеніяхъ не будетъ понятна и полна и исторія южныхъ Славянъ, а отчасти и юго-западной Россіи, безъ серьезнаго и основательнаго изученія румынской исторіи.

Ни у Славянъ, ни у Румыновъ почти нѣтъ людей, вполнѣ подготовленныхъ для того, чтобы приступить къ изученію исторіи Румыніи въ необходимой связи съ исторіей Славянъ, и наоборотъ,—нѣтъ людей знакомыхъ съ языками, жизнью, литературой и т. п. той и другой народности. Между тѣмъ такие люди болѣе всего нужны въ настоящее время, когда не имѣется почти никакихъ пособій, подготовительныхъ работъ, чтобы прямо взяться за самое дѣло.

Собственно говоря, отъ румынскихъ учёныхъ болѣе, чѣмъ отъ славянскихъ, слѣдовало бы ожидать работъ по собиранию и разработкѣ источниковъ и материаловъ, касающихся исторіи Румыновъ, въ связи съ исторіей славянской, потому что подобного рода работы по преимуществу входятъ въ область ихъ исторіи. Между тѣмъ, Румыны немного сдѣлали въ этомъ отношеніи. Михаилъ Коголинчану¹⁾, Пашій Иларіанъ²⁾, Треб. Дауріану³⁾, Александръ Одобес-

¹⁾ Въ *Archivu românească*, вышедшемъ подъ его редакціей въ Яссахъ въ 2-хъ томахъ. Онъ же издалъ и молдавскія лѣтописи два раза: въ Яссахъ, въ 3-хъ томахъ, въ 1845—1852 гг., и въ Букарештѣ въ 1872—1874 гг.; вышло только 3 тома, а должны были еще два, въ которыхъ будутъ заключаться вазашенія лѣтописей.

²⁾ Въ «Tesauro de monumente istorice pentru România atât din vechiu tipar și cîtu și manuscrise cea mai mare parte straine, adunate, publicate și preparate și note illustrate», издававшемся подъ его редакціей въ 1862, 1863 и 1865 гг. въ Букарештѣ.

³⁾ Въ *Magazinu istoricu genitru Dacia*, изд. въ Букарештѣ въ 5-ти томахъ

ку¹), епископъ Мелхиседек²), Евдоксій Гурмизали³) и немного другихъ издали лишь кое-какие материалы, къ разработкѣ которыхъ еще никто почти изъ румынскихъ ученыхъ, за весьма небольшими исключеніями, не приступалъ. Можно сказать, одинъ только нынѣшній директоръ румынскихъ государственныхъ архивовъ, В. И. Хындеу, собралъ и собираетъ, издавалъ и издаетъ почти больше, чѣмъ вся его предшественники, материаловъ и документовъ, имѣющихъ значеніе и для исторіи Румыновъ, и для исторіи Славянъ, и продолжаетъ разрабатывать до нѣкоторой степени нѣкоторые вопросы, относящіеся къ исторіи того и другихъ народовъ⁴). Славянскіе ученыe во всякомъ случаѣ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ румынскіе, сдѣлали въ дѣлѣ изученія отношений Румыновъ

подъ редакціей его и Никол. Бѣлеческу. Томы III и V содержатъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи славянской и румынской.

¹) Въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, издававшихся въ Букурештѣ и Яссахъ и преимущественно въ издававшейся подъ его редакціей въ продолженіе трехъ лѣтъ въ Букарештѣ *Revista româna*.

²) Въ своихъ: «Chronica Husilor» si a episcopiei si a asemenea primire. Dupre documentele episcopiei si alte monumente ale terei. Bucuresci. 1878, «Chronica Romanului si a episcopiei de Romani». Comprusa dupre documente nationali-române si streine, edite si inedite. Buc. 1875 г. въ 2-хъ частяхъ и «Lipovenismulu adică schismatici și rascolnicii și ereticii rusești. Dupre autorii rusi și învățări nationale române. București. 1871 г., где на стр. 176—141, 414—494 и 515—538 подробно говорится о русскихъ раскольникахъ и разныхъ русскихъ мистическихъ сектахъ въ Румыніи.

³) Собранные имъ «Documente privitoare la istoria Românilor. Bucuresci» и издаваемые особою комиссіею на средства румынского министерства народного просвѣщенія. Изданы до сихъ поръ томы VI (1879) и VII (1876), заключающие въ себѣ документы изъ XVIII в. (всѣхъ томовъ будетъ 7); его же «Fragmente zur Geschichte der Rumänen. I. B. Bucaresci. 1878 (румынский переводъ, впрочемъ, довольно плохой, изданъ тамъ же въ 1879 г.).

⁴) Свои труды, касающіеся исторіи Славянъ и Румыновъ, Хындеу печаталъ въ ясскихъ и букурештскихъ періодическихъ изданіяхъ, изъ которыхъ можно указать, какъ самые главные, слѣдующіе: *Arhiva istorică a României*, издававшейся въ Букурештѣ въ 1864—1865 и 1867 гг. на средства румынского министерства народного просвѣщенія подъ редакцію Хындеу; здесь Хындеу напечаталъ, между прочимъ, много документовъ, важныхъ для исторіи союзеній Румыновъ съ Россіей; *Traian*, издававшейся Хындеу всего годъ, тамъ же; въ немъ отъ напечатанъ, между прочимъ, свое довольно длинное разсужденіе о славянскихъ элементахъ въ румынскомъ языке. По прекращенію этого изданія, Хындеу издавалъ въ продолженіе 8-и лѣтъ до 1877 г. включительно *Coșintea Rîi Tisăi* — журналъ-газету научную, литературную и промышленную, посвященную исторіи, политическимъ наукамъ, праву, медицине, естественнымъ наукамъ, поэзии,

къ той или другой изъ славянскихъ народностей; да и раньше они стали собирать касающіеся этого предмета документы и материалы. Труды Миклошича, Венелина, Григоровича, Стадницкаго ¹⁾, Палаузова и др. по отмѣченнымъ мною вопросамъ давно уже известны,—нѣкоторые изъ этихъ трудовъ сдѣлались даже настольными книгами для занимающіхся изслѣдованіями по исторіи отношеній Славянъ къ Румынамъ. Недавніе труды Яблоновскаго ²⁾, Калужницкаго ³⁾, а также небольшой сборникъ молдавскихъ грамотъ, вышедший въ текущемъ году въ Коломыѣ, и множество грамотъ, актовъ и разныхъ другихъ документовъ, разсѣянныхъ по русскимъ и не русскимъ специальнымъ изданіямъ и относящихся къ исторіи Румыновъ въ связи съ исторіей Славянъ,—составляютъ очень цѣнныя данныя для изученія исторіи взаимныхъ отношеній тѣхъ и другихъ народовъ.

бібліографіи, народной словесности и пр., а съ 1876 г. только исторіи, языко-
знанію и народной психологии. Здѣсь Хышдеу напечаталъ, кроме грамотъ на
русскомъ и славянскомъ языкахъ, много весьма интересныхъ и цѣльныхъ замѣ-
токъ по вопросамъ, относящимся къ исторіи литературныхъ связей и сношеній
Славянъ, преимущественно южныхъ, и Румыновъ. Его во многихъ отношеніяхъ
важная для слависта «Istoria critică a Românilor» имѣетъ своимъ предметомъ
историческое обозрѣніе румынской территории. Къ сожалѣнію, эта исторія пре-
кратилась на начальѣ втораго тома, выдержавъ два изданія первого. Нако-
нецъ, самый капитальный, послѣдній донынѣ изъ трудовъ Хышдеу, вѣдающійся
на средства управлія румынскими государственными архивами и выходящій
подъ общимъ заглавіемъ: *БІЛДЕТЕ ДЕ ЕХТРДН* (Старинные рѣчи), не менѣе, а
можетъ быть, болѣе, чѣмъ вся его прежніе труды, вѣденъ для слависта-историка
и языковѣда. До этихъ поръ вышло только *два* тома, изъ которыхъ въ первомъ,
носившемъ заглавіе: «Limba română vorbită intre 1550—1600». (Румынскій разго-
ворный языкъ 1550—1600. Studiu paleografico-linguisticu. Bucurescî. 1878), зато-
гивается не мало вопросовъ, касающихся славянской филологии, а во второмъ,
озаглавленномъ «Cărțile poporane ale Românilor în secolul XVI» (Румынскіе народ-
ные книги XVI в. Bucur. 1879), сравниваются нѣсколько рукописныхъ текстовъ
апоирическихъ сказаний съ нѣкоторыми славянскими и отчасти западно-евро-
пейскими.

¹⁾ O wsiah tak zwanychъ wołoskich. Lwow. 1848.

²⁾ Documenta moldawskie i multeńskie z archiwum miasta Lwowa (Odbitka z tomu VII u Aktów grodzkich). We Lwowe 1878, in 4° (стр. 60, со снимка съ гра-
моты). Ему же принадлежитъ и большая часть изслѣдований «Ueber die Wande-
rungen der Einwohner in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten. Von Dr.
Franz Miklosich. Wien. 1879.

³⁾ Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Actai listy. Warszawa. 1878, составляю-
щія т. X историческаго «Zródła dziejowe».

Но все собраные и отчасти изданные до настоящего времени документы и памятники этого рода составляют весьма небольшую часть всего, чѣдь относится къ истории Румыновъ, находится въ неизвѣстности и разсѣяно по разнымъ славянскимъ и отчасти неславянскимъ архивамъ и библиотекамъ; и во видимому, Румыны еще не скоро смогутъ воспользоваться всѣми этими сокровищами славянскихъ библиотекъ и архивовъ, такъ какъ большинство румынскихъ ученыхъ искчи совершило незнанію до настоящего времени со славянскими нарѣчіями, древностями, исторіей, литературами, жизнью и бытомъ славянскихъ народностей. Вслѣдствіе того труды румынскихъ ученыхъ по собиранию материаловъ для исторіи Румыніи въ большинствѣ случаевъ ограничивались собираниемъ документовъ и памятниковъ, написанныхъ не на славянскомъ языке, а по преимуществу на латинскомъ, въ меньшемъ количествѣ — на греческомъ, затѣмъ — на нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. Незнаніемъ румынскихъ ученыхъ со славянской объясняется и то печальное обстоятельство, что румынские историки не могли до настоящего времени пользоваться массой документовъ весьма важныхъ для исторіи не только Румыніи, но и Славянскихъ народовъ, по преимуществу южныхъ, документовъ, написанныхъ пославянски и отчасти чисто славянскихъ, лежащихъ въ небреженіи въ библиотекахъ и архивахъ Румыніи или же разсѣянныхъ и нерѣдко обреченныхъ на совершенную гибель въ разныхъ закоулкахъ румынскихъ монастырей и церквей, какъ въ самой Румыніи, такъ и въ ея нынѣшнихъ предѣловъ.

Я не задаюсь въ настоящей статьѣ цѣлью изложить исторію румынской исторіографіи, но намѣренъ сдѣлать лишь очеркъ путешестій румынскихъ ученыхъ съ ученою цѣлью по славянскимъ землямъ и по Аѳону.

Съ тѣхъ поръ, какъ у румынскихъ ученыхъ усилилось сознаніе необходимости въ критической разработкѣ румынской исторіи, явилась, какъ мы уже видѣли, и необходимость приступить къ собиранию и изученію нужнаго для того материала. Но при этомъ оказалось, что масса материала для румынской исторіи разсѣяна въ загравическихъ библиотекахъ, архивахъ и музеяхъ, преимущественно въ славянскихъ, и потому явилась надобность предпринимать путешествія съ цѣлью собирать этого рода материала.

Это сознаніе пробудилось сперва у отдельныхъ лицъ, занимающихся исторіей Румыніи, и потому инициатива собирания историческихъ материаловъ въ Румыніи, можно сказать, всесцѣло принадлежитъ

отдѣльными личностямъ. Только не очень давно правительство румынское явилось на помощь ученымъ; по инициативѣ послѣднихъ, а въ послѣднее время, и румынского академического общества, румынское министерство народного просвѣщенія устроило нѣсколько командиро-вокъ, между прочимъ, и въ славянскія земли Австро-Венгрии, Россію и на Балканскій полуостровъ—для изученія, собираанія и списываній, а если возможно, и для приобрѣтенія въ подлинникахъ авторовъ, документовъ и вообще материаловъ для исторіи Румыніи, хранящихся въ тамошнихъ библіотекахъ, архивахъ, музеяхъ и у частныхъ лицъ.

Количество данныхъ и материаловъ, имѣющихся у меня подъ руками для составленія этой статьи, заставляетъ меня начать обзоръ путешествій румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ съ обо-зрѣніемъ путешествій двухъ изъ нихъ по Россіи и съ изложеніемъ ре-зультатовъ ихъ поисковъ въ здѣшнихъ библіотекахъ, архивахъ и му-зеяхъ. Вносясьтаки я изложу путешествія румынскихъ ученыхъ съ ученой цѣлью на Балканскій полуостровъ, и наконецъ, въ славян-скія земли Австро-Венгрии.

I.

Румынскіе ученые или забывали, или просто не хотѣли до сихъ поръ знать, какія сокровища заключаются въ себѣ русскіе архивы и книгохранилища для исторіи и даже для старой литературы Румыніи, для политическихъ и торговыхъ сношеній Молдаво-Валашскихъ господарей съ Московскими царями, а потому и для литературныхъ сношеній преимущественно Молдавіи съ юго-западною Россіей и Польшой, и между прочимъ, съ Могилевскою академіей въ Кіевѣ, основателемъ которой былъ Румынъ, митрополитъ Петръ Могила. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить результаты работъ гг. Одобеску и Точилеску, и особенно послѣднаго, въ русскихъ библіо-текахъ, архивахъ и музеяхъ.

Александъ-Іонъ Одобеску, изъ знатнаго боярскаго рода, бывшій во время Кузы министромъ народного просвѣщенія, а нынѣ профессоръ археологии въ Букурештскомъ университѣтѣ,—одинъ изъ самыхъ видныхъ писателей и ученыхъ румынскихъ настоящаго времени. Румынія можетъ гордиться Одобеску, какъ своимъ первымъ археоло-гомъ, и какъ таковой, онъ можетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ Европѣ. Его „Исторія археології“¹⁾, оставшаяся почти безъ

¹⁾ Cursu de archeologiei. Istoria archeologiei. Studiu introductiv la acăstă șciință. I. Anticitatea. Renascerea. București. 1877. XV+763, in 8°.

вниманія, такъ какъ написана на малоизвѣстномъ румынскомъ языке, составляетъ немаловажный вкладъ въ археологическую литературу. Онь одинъ изъ румынскихъ ученыхъ довольно основательно знакомъ съ русскими христіанскими и отчасти до-христіанскими древностями, также очень хорошо знакомъ съ древностями византійскими, а до нѣкоторой степени и со славянскими. Основательно знал старую румынскую литературу, жизнь Румыновъ и ихъ народное художество и будучи отчасти знакомъ съ славянскимъ и русскимъ языками, онъ не обладаетъ лишь основательнымъ знаніемъ одного изъ живыхъ славянскихъ языковъ, чтобы пользоваться безъ затрудненія всѣмъ тѣмъ, что представляютъ въ настоящее время литературы Славянъ по археологии.

Одобеску былъ въ Россіи въ 1869—1870 гг.; посѣтилъ Одессу, Москву, Троице-Сергіевскую лавру и Петербургъ, где занимался преимущественно археологіей, а именно скиескими и русско-византійскими христіанскими древностями и знакомился съ русской литературою по археологіи и съ тѣмъ, что издано было у насъ изъ материаловъ для румынской исторіи. Подробные результаты его научныхъ занятій въ Россіи до настоящаго времени еще не обнародованы. Въ данную минуту я могу указать только на два его труда, составленные, между прочимъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ въ Россіи, а именно—очень дѣльное и серьезное въ научномъ отношеніи изслѣдованіе о скиескихъ древностяхъ, очень недавно напечатанное въ Лѣтописахъ румынского академического общества (т. XI, отд. II)¹⁾, и небольшую статью: „Воздухъ съ вышитымъ изображеніемъ положенія Спасителя во гробъ, пожертвованный въ 1601 г. въ русскій Тихвинскій монастырь и найденный въ Быстрицкомъ монастырѣ въ Валахії“, съ обширными и богатыми примѣчаніями²⁾). Кроме того, есть нѣсколько замѣтокъ и краткихъ описаній древностей въ Россіи въ „Исторіи археологіи“.

Уважая изъ Москвы дѣйствительнымъ членомъ Московского археологического общества, А. Одобеску унесъ съ собою пріятное вос-

¹⁾) О содержаніи этого весьма любопытнаго изслѣдованія было недавно сдѣлано сообщеніе въ Московскому археологическому обществу.

²⁾) Эта статья помѣщена въ не совсѣмъ удовлетворительномъ русскомъ переводе съ французскаго языка съ 3-ихъ отдельныхъ синкапъ въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества, издающихихъ подъ заглавіемъ Древности. Томъ IV. М. 1879, стр. 1—36.

поминаніе и дружеское чувство къ своимъ русскимъ пріятелямъ и къ Россіи, какъ государству съ блестящимъ будущимъ и славной исторіей.

Молодой ученый Григорій Точилеску, по окончаніи курса по юридическому факультету въ Букурештскомъ университѣтѣ, былъ отправленъ румынскимъ министерствомъ народного просвѣщенія въ Прагу, въ тамошній университетъ, для изученія славянскаго языка и славянской исторіи, съ тѣмъ, чтобы, по возвращенію въ Румынію, занять имѣвшую открыться каѳедру славянскаго языка и исторіи въ Букурештскомъ университетѣ. Но выборъ лица со стороны министерства оказался неудачнымъ для указанной цѣли. Г. Точилеску пробылъ въ Прагѣ два года и получилъ тамъ степень доктора философіи, но славянскаго языка и славянской исторіи не изучилъ, тѣмъ болѣе, что къ этому совершенно не было подготовленъ, да и охоты особенной къ тому не приобрѣлъ. Вследствіе того и открытие славянской каѳедры въ Букурештскомъ университѣтѣ, къ сожалѣнію, отсрочено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, то-есть, до того времени, пока не найдется членовъ, достойный и способный занять ее.

И вотъ этого-то доктора философіи Пражскаго университета, по инициативѣ румынскаго академического общества, румынское министерство народного просвѣщенія командировало въ Россію съ ученою цѣлью.

Но прежде чѣмъ сказать—что именно долженъ быть сдѣлать и что сдѣлать г. Точилеску въ Россіи, я назложу причины, побудившія румынское академическое общество затѣять эту командировку, тѣмъ болѣе, что эти причины могутъ служить довольно рельефною характеристикой взгляда румынскихъ ученыхъ на важность, значеніе и необходимость изучать памятники румынской литературы и документы касательно исторіи Румыніи, хранящіеся въ иностранныхъ библіотекахъ и архивахъ.

Еще съ самаго начала своего существованія, румынское академическое общество рѣшило издать латинскій подлинникъ и новый румынскій переводъ труда Молдавскаго господаря Димитрія Кантемира: „Описаніе Молдавіи“; изданіе это должно было служить началомъ полнаго изданія сочиненій Кантемира по рукописямъ, которыми общество имѣло получить изъ Петербурга, отъ академіи наукъ; кроме того, предположено было составить и издать подробное жизнеописаніе Д. Кантемира съ критическимъ обзоромъ его литературныхъ

трудовъ и сочиненій ¹⁾). Издание „Описанія Молдавії“ и составленіе жизнеописанія Кантемира общество возложило на одного изъ своихъ членовъ, Папія Иларіана ²⁾), который и принялъ было на себя это порученіе, но почти чрезъ годъ заявилъ обществу, что жизнеописанія Кантемира онъ не могъ до того времени приготовить, такъ какъ у него подъ руками не было всѣхъ литературныхъ трудовъ и сочиненій Д. Кантемира, а именно: „Moldavicae nobilitatis genealogiae“ и „Historia Vlahica“, а также и переписки Д. Кантемира съ Берлинской академіей наукъ, переписки, которая, по предположенію издателя, должна была существовать, такъ какъ Д. Кантемиръ былъ членомъ этой академіи. Помимо этого Иларіанъ заявилъ, что не знаетъ русскаго языка, на которомъ написаны были весьма важные труды по этому предмету ³⁾.

Какъ бы то ни было, но Папій Иларіанъ успѣлъ издать въ 1872 году латинскій подлинникъ „Descriptio Moldaviae“, но на румынскій языкъ перевелъ изъ него для изданія только два печатныхъ листа. Послѣ того Иларіанъ заболѣлъ, а потомъ вскорѣ и умеръ.

Новое изданіе румынскаго перевода „Описанія Молдавії“ вышло въ свѣтъ въ 1875 г. подъ редакціей другого члена академического общества, Іосифа Ходоша ⁴⁾). Вопросъ о жизнеописаніи Д. Кантемира такимъ образомъ остался открытымъ. Въ слѣдующемъ 1876—1877 г. впервые изданъ былъ румынскій переводъ „Исторіи Оттоманской имперіи“ Д. Кантемира подъ редакціей того же І. Ходоша и также по порученію академического общества; за этимъ рѣшено было приступить къ изданію самаго капитального труда Д. Кантемира — „Молдаво-Валашской хроники“.

Но уже при самомъ началѣ изданія сочиненій Д. Кантемира явилась необходимость имѣть подъ руками подлинники этихъ сочиненій. Румынскія изданія нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя и существовали, но переводы и списки для нихъ были сдѣланы съ русскихъ, нѣмецкихъ и новогреческихъ изданій и переводовъ сочиненій Д. Кантемира. Рукописные подлинники почти всѣхъ сочиненій Молдавскаго господаря хранятся въ русскихъ библіотекахъ и музеяхъ, такъ какъ Д. Кантемиръ

¹⁾ *Ananiale societatei academiei romane. Sessiunea an. 1870. Т. III. Bucurescii. 1871, pag. 48. Т. IV, p. 53, 143—5 и предисловіе къ «Descriptio Moldaviae». Bucur. 1872, p. IX.*

²⁾ *Annal. soc. acad. romane*, t. III, стр. 48 и t. IX, p. 143—145.

³⁾ *Ibid.*, t. IV, p. 143.

⁴⁾ Предувѣдомленіе къ румынскому переводу «Descriptio Moldaviae». Bucur. 1875, p. IV.

миръ долго жилъ и умеръ въ Россіи, да и большую часть своихъ произведеній написать здѣсь: вслѣдствіе того академическое общество, затѣмъ изданіе полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира, должно было такъ или иначе обратиться по этому поводу къ Россіи. Еще 21-го августа 1871 г. академическое общество избрало делегатовъ изъ своихъ членовъ для сношенія и объясненія съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Букурештѣ по вопросу о получении всѣхъ рукописныхъ и не рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира для снаженія съ нихъ копій¹⁾). И дѣйствительно, на засѣданіи исторического отдѣленія академического общества 27-го августа 1874 г. былъ представлена списокъ нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій и дѣловыхъ бумагъ Антіоха Кантемира, полученныхъ въ Букурештѣ чрезъ русскаго генерального консула изъ Московскаго Руманцевскаго музея и Императорской Публичной Библиотеки, но о „Молдаво-валашской хроникѣ“ и вообще о сочиненіяхъ Д. Кантемира въ этомъ спискѣ не было и помину, такъ какъ русскій генеральный консулъ забыть упомянуть объ этихъ послѣдніхъ въ своемъ донесеніи нашему министерству иностраннѣй дѣлъ по этому предмету. Полученные рукописи академическое общество признало для себя не нужными, и возвративъ ихъ русскому консулу, рѣшило обратиться къ нему вторично съ просьбой о присыпѣ обществу рукописи „Молдаво-валашской хроники“ Д. Кантемира²⁾.

На засѣданіи общаго собранія академического общества 20-го августа 1877 года представлена была ему при отношеніи русскаго генерального консула барона Стуарта списокъ нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира и рукописныхъ и печатныхъ произведеній Антіоха Кантемира съ интересомъ объяснительной запиской нашего почтеннаго академика А. А. Куника относительно нѣкоторыхъ рукописныхъ и печатныхъ произведеній Д. Кантемира. Изъ отношенія было видно, что рукопись „Молдаво-валашской хроники“ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностраннѣй дѣлъ, откуда, по положенію обѣ архивѣ, рукописи и книги не выдаются и посланы быть не могутъ куда бы то ни было. Баронъ Стуартъ совѣтовалъ обществу послать въ Москву лицо, которое сило бы копію съ рукописи³⁾). Послѣ этого, по опредѣленію общества, членъ онаго Одобеску обратился къ известному нашему ученому,

¹⁾ *Annale societatis academice romane*, t. IV. Вис. 1872, p. 144—5.

²⁾ Ibid., t. VII (Bucur. 1874), p. 88—90.

³⁾ Ib., t. X, sect. I (Bucur. 1877), p. 15—18.

графу А. С. Уварову съ просьбой: не найдеть ли онъ въ Москвѣ че-
ловѣка, который снѧлъ бы копію съ „Молдаво-валашской хроники“. Но такъ какъ графъ Уваровъ долго не давалъ отвѣта на просьбу г. Одобеску¹⁾, то отдаленіе, чтобы не останавливать работу по изда-
нію сочиненій Д. Кантемира, постановило напечатать небольшое
приписываемое ему сочиненіе: „Біографія семейства Бранковановъ и
Кантакузинъ“, которое и было издано въ 1878 г. вмѣстѣ съ неболь-
шимъ философскимъ трактатомъ того же автора: „Диаванъ, или сперъ
мудреца съ міромъ или судъ между душою и тѣломъ“; для снѧтия
же копіи со всей рукописи „Молдаво-валашской хроники“, а также и
другихъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ румынской исто-
рии и литературѣ, хранившихся въ русскихъ архивахъ и библиоте-
кахъ, оно изложило командироватъ въ Россію Григорія Точилеску.
„Молдаво-валашскую хронику“ решено было издать въ слѣдующемъ
году. На путешествіе г. Точилеску въ Россію опредѣлено было исхо-
датайствовать отъ правительства сумму въ 2500 франковъ²⁾.

Весьма характерны мнѣнія, выраженные по этому вопросу членами академического общества. Одинъ изъ нихъ, Т. Лауріану, выска-
залъ противъ этой командировки. Онъ говорилъ, что, не будучи въ
принципѣ противъ ученыхъ командировокъ, онъ однако считаетъ нуж-
нымъ сообразоваться съ несостоительностью общества и правительства
относительно материальныхъ средствъ; онъ выражалъ опасеніе, что
сума въ 2500 франковъ будетъ недостаточна и вызоветъ еще но-
вые расходы. Кроме того, онъ высказалъ убѣжденіе, что скопированіе
„Молдаво-валашской хроники“ не tanto необходимо, какъ кажется,
тѣмъ болѣе, что асское изданіе означенной хроники 1836 г. сдѣлано
покойнымъ филологомъ, профессоромъ Сеулеску, какъ положительно
извѣстно, при самомъ тщательномъ изученіи ея подлинника, и потому
командированное обществомъ лицо найдеть, вѣроятно, очень неболь-
шія различія между изданнымъ текстомъ хроники и рукописнымъ, и
то разѣ только въ правописанії. Притомъ, собственно говоря, реаль-
ное значение Д. Кантемира, какъ писателя, не tanto велико, и общество
только изъ чувства уваженія къ личности этого писателя пред-
приняло новое изданіе его сочиненій. Содержаніе хроники довольно
хорошо извѣстно, сличеніе же печатного изданія съ московскою ру-
кописью, подлинность которой сомнительна, г. Лауріану считалъ без-

¹⁾ Ibid., p. 40.

²⁾ Ibid., p. 39—41.

полезнымъ и слишкомъ дорого стоящимъ. Всѣдѣствіе того г. Лауріану полагалъ, что уваженіе общества къ личности Д. Кантемира будетъ слишкомъ дорого оплачено, если на командировку въ Россію будутъ употреблены средства, которыхъ можно посвятить дѣламъ болѣе важнымъ¹⁾.

На это почтенному члену были представлены слѣдующіе доводы въ пользу необходимости командировки: Издание полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира предпринято обществомъ не только изъ чувства уваженія къ знаменитому румынскому писателю, но и всѣдѣствіе важнаго научнаго значенія этихъ сочиненій, привлеченаго иностранцами, издавшими и переводившими эти произведения. Но кроме того, самое важное значеніе этихъ сочиненій заключается въ томъ, что у Д. Кантемира видно стремленіе исправлять румынскій языкъ внесениемъ въ него элементовъ латинскаго языка, которымъ такъ прекрасно владѣлъ бывшій Молдавскій господарь. Въ этомъ отношеніи Д. Кантемиръ есть лучшій приверженецъ великихъ идей румынизма, которые проглядывали еще въ писаніяхъ румынскихъ лѣтописцевъ: Ворника Уреки, и въ особенности, Мирова Костина, и которыхъ достигли своего апогея у Шинкай, Петра Маюра и другихъ румынскихъ трансильванскихъ писателей. Какъ ни казались бы мало научными для настоящаго времени арудіція и стиль Д. Кантемира, не нельзя допустить никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ — слова румынскай націи, къ которой никто не можетъ относиться безъ уваженія. Нужно, чтобы его писанія и дѣла служили назидательными образцомъ въ дѣлѣ литературномъ и политическомъ²⁾. Въ виду этого даже одно изданіе полнаго собранія сочиненій Д. Кантемира, предпринятое и сдѣланное подъ ручательствомъ со стороны академическаго общества, весьма важно и необходимо, и это можетъ служить полнымъ и достаточнымъ основаніемъ для снаряженія командировки. Даже одно простое сравненіе текста рукописи съ текстомъ изданнымъ могло бы быть достаточной причиной для командировки въ виду важности Кантемирова правописанія и чистоты языка; ибо если въ румынскихъ типографіяхъ, при всѣхъ усовершенствованіяхъ, до какихъ дошли они въ настоящее время, допускается множество погрѣшностей и ошибокъ, то что же можно ожидать отъ митрополичьей яской типографіи 42 года тому назадъ (это было сказано въ 1877 году), даже

¹⁾ Ibid., p. 29—30.

²⁾ Ibid.

при самомъ добросовѣтномъ отношеніи почтенаго Сеулеску къ дѣлу¹⁾). Впрочемъ, можно сомнѣваться въ научномъ отношеніи изданія „Молдаво-валашской хроники“ къ дѣлу, если взять во вниманіе его увлеченія при обсужденіи нѣкоторыхъ историческихъ вопросовъ, чemu доказательствомъ служить изводъ Клануа, приписываемый имъ Д. Кантемиру²⁾.

Какъ бы то ни было, но г. Точилеску получилъ инструкцію отъ академического общества и 15-го октября 1877 г. выѣхалъ изъ Букуреента въ Россію. Но этимъ инструкціямъ онъ долженъ былъ, кроме снятія копіи съ рукописи „Молдаво-валашской хроники“, хранящейся въ библиотекѣ главнаго архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ, и кроме подробнаго сравненія текста рукописи съ текстомъ печатнаго изданія, сравнить пединную румынскую рукопись хроники съ рукописью латинскою: „Historia Moldaviae“ или *Descriptio antiqui et moderni status Moldaviae* (въ библиотекѣ азиатскаго музея), отмѣтить различія въ обѣихъ рукописяхъ и затѣмъ снять копіи съ слѣдующихъ рукописныхъ сочиненій Д. Кантемира: *Istoria Ieroglifica*, написанной по румынски въ 1700 г. (въ библиотекѣ главнаго московскаго архива министерства иностраннѣхъ дѣлъ), *Moldavicae nobilitatis genealogiae*, *Vita Constantini Cantemiri Cagnomento senis Mold. P. P.* (въ библиотекѣ азиатскаго музея въ Петербургѣ), *Principis Demetrii Cantemiri variae schedae et excerpta e autographo descripta* (тамъ же), а также и другихъ румынскихъ или латинскихъ рукописей того же Кантемира, съ указаниемъ названія и мѣста ихъ храненія. Кроме того, ему поручено было узнать—не находятся ли въ какой-либо изъ русскихъ библиотекъ рукописи: „Theologo-Physica“ или „Monarchiarum physica examinatio“ и „Исторіи семействъ Бранковановъ и Кантакузинъ“; затѣмъ сравнить латинскій текстъ академическаго изданія „Descriptio Moldaviae“ съ рукописью, находящуюся въ библиотекѣ азиатскаго музея въ Петербургѣ, при чёмъ обратить вниманіе на отмѣтки автора на поляхъ рукописи; также сравнить румынскій переводъ академическаго изданія: „Istoria creceriei si scaderei imperiului Ottomanu съ рукописями: итальянскою (въ библиотекѣ главнаго московскаго архива министерства

¹⁾ Ibid., p. 29.

²⁾ Ibid., p. 30. Подробности обѣ изводѣ Клануа у J. Bianu, «Vietia di activitaten lui Maniu Samuilu Miculu, alias Clain de Sadu» въ Annal. societ. academ. romane, t. IX. Buc. 1876, p. 94—96 и у Энгеля, Geschichte der Moldau und Walachey, стр. 26.

иностранныхъ дѣлъ) и латинской (въ библиотекѣ азиатскаго музея въ Петербургѣ), съ означениемъ различий. Далѣе ему поручено было себѣ-ратъ всякаго рода документы, касающіеся подробностей жизни Д. Кантемира, обращая вниманіе на его письма и библиографическія указанія, относящіяся къ его сочиненіямъ; затѣмъ изучить и описать два рукописныхъ румынскихъ словаря, изъ которыхъ, по указаніямъ А. Хышдеу, одинъ хранится въ библиотекѣ общества истории и древностей Россійскихъ при Московскому университѣтѣ, а другой — въ библиотекѣ, бывшей графа Толстаго, и наконецъ, собрать всякаго рода документы, относящіеся къ исторіи и литературѣ румынской, которые найдутся въ библиотекахъ и архивахъ Москвы и Петербурга, а если позволятъ средства и обстоятельства, Кіева и Одессы¹⁾.

Далѣе мы увидимъ — каковъ былъ ускѣхъ побѣдки г. Точилеску.

¹⁾ Ibid., t. XI, sect. I, (Bucurescі 1879), p. 43—45.

III. Сыриу.

(Продолженіе студента.)

ИЗВѢСТИЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВѢДЕНИЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состоянии и дѣятельности Казанского университета въ 1879 году; личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; кврь для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ занятіями ихъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученыя труды преподавателей; испытаніе на ученыя степени и званія; командировки съ ученою цѣлію; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученыя общества при университете.

Въ Казанскомъ университѣтѣ къ 1-му января 1880 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей: по историко-филологическому факультету: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2, лекторовъ 2, всего 11; по физико-математическому: ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 2, лаборантовъ 4, астрономъ-наблюдатель 1, всего 20; по юридическому: ординарныхъ профессоровъ 6, экстраординарный 1, доцентъ 1, всего 8; по медицинскому: ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 2, доцентовъ 10, профессоровъ 2, помощниковъ прозектора 3, лаборантовъ 2, ординаторовъ 10, всего 30. Сверхъ того, при университѣтѣ состояль по штату профессоръ православнаго богословія. Общее число штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ было: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 36, экстраординарныхъ 7, доцентовъ 15, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 3, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 6, лекторовъ 2, ординаторовъ 7, всего 80. Сверхштатныхъ было: 1 помощникъ прозектора, 2 лаборанта, 2 ординатора и 9 ассистентовъ. Приват-доцентовъ имѣлось

9, по слѣдующимъ предметамъ: латинскому языку, греческому языку, славянской филологии, физической географіи, уголовному праву, агрономической химіи, теоріи эллиптическихъ функций, семіотикѣ и диагностикѣ, практическому гражданскому судопроизводству, математикѣ и технології. Сверхъ того, приглашены были къ временному преподаванію: римской словесности—профессоръ Казанской духовной академіи Красинъ и логики и психологіи—профессоръ той же академіи Снегиревъ. Изъ положенныхъ по дѣйствующему уставу каѳедръ-вакантными были слѣдующія: римской словесности со 2-й половины 1869 года, исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ—со временемъ введенія въ дѣйствіе нынѣшняго устава, вторая каѳедра математики—съ декабря 1871 года, агрономической химіи съ марта 1870 года, физической географіи съ 1863 года, канонического права съ сентября 1869 года, исторіи славянскихъ законодательствъ съ 1863 года, политической экономіи и статистики—съ марта 1878 года, исторіи иностраннѣхъ законодательствъ съ января 1876 года, энциклопедіи права съ октября 1879 года и общей патології.

Въ 1879 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологический—23, въ числѣ которыхъ 7 были, между прочимъ, для производства испытаний на ученыя степени и званія и одно публичное для защищенія диссертаций про *venia legendi*; физико-математический—31, юридический—19 обыкновенныхъ и одно публичное; медицинский—22, въ числѣ коихъ три публичныя. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроля надъ ихъ занятіями, приняты были слѣдующія мѣры: На историко-филологическомъ факультетѣ, сверхъ переводныхъ испытаний, для студентовъ 1-го курса назначены были въ декабрѣ репетиціи изъ пройденного въ первое полугодіе по основнымъ предметамъ этого курса. Въ результатѣ оказалось, что изъ 23 студентовъ получили въ среднемъ выводъ: семь—балы 4, два—4, девять—болѣе 3 и пять не держали или не окончили репетицій по болѣзни и потому допущены къ экзамену въ маѣ. Съ раздѣленiemъ факультета на отдѣленія признано болѣе цѣлесообразнымъ подвергнуть репетиціямъ и студентовъ II курса вместо подачи семестровыхъ сочиненій, которымъ могли отвлекать ихъ отъ изученія основныхъ предметовъ и въ то же время не могли быть, въ большинствѣ случаевъ, самостоятельными произведеніями, какъ показалъ опытъ многихъ лѣтъ. Въ результатѣ оказалось, что изъ 22 студентовъ въ среднемъ выводѣ получили: восемь—болѣе 4, три 4, семь—болѣе 3 и четыре

не окончили репитицій по болѣзни и потому допущены къ экзамену въ маѣ. Относительно студентовъ послѣднихъ трехъ курсовъ еще до раздѣленія факультета на отдѣленія, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, обращено было факультетомъ на письменныя, болѣе или менѣе самостоятельныя работы и каждый студентъ обязанъ былъ представить; по крайней мѣрѣ, одну работу въ годъ по какому либо изъ факультетскихъ предметовъ. Всѣхъ такихъ работъ въ 1879 году представлено было 38. Сверхъ годичныхъ письменныхъ работъ, для стипендиатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ III курсѣ,—гдѣ и до раздѣленія факультета на отдѣленія, каждый изъ нихъ долженъ былъ опредѣлить свою специальность,—и въ IV-мъ ведены были, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, особия практическія занятія, подъ руководствомъ: по русской словесности—профессора Булича, въ которыя принимали участіе четыре студента; по русской исторіи и географіи—профессора Фирсова, руководившаго трехъ студентовъ, практическія занятія котораго посѣщали и студенты младшихъ двухъ курсовъ, по всеобщей исторіи и географіи — профессора Осокина, имѣвшаго въ своемъ руководствѣ пять студентовъ; по греческой и римской словесности — профессора Бѣллева и приватъ-доцентовъ Берга и Гвоздева, руководившихъ 8 студентовъ. Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомлѣніи студентовъ съ ученую и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомлѣніи съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ допускалось участіе и товарищей лекторовъ, въ переводѣ съ русскаго на классическіе языки и, наконецъ, въ разборѣ годичныхъ письменныхъ работъ студентовъ. Практическія занятія по греческому языку и словесности, кроме упражненія въ переводахъ съ русскаго на греческій, состояли въ первой половинѣ года въ чтеніи и объясненіи со студентами лириковъ, а во второй половинѣ студенты объясняли пітику Аристотеля, причемъ требовался подробный и тщательный разборъ назначенныхъ каждому студенту главъ, какъ относительно содержанія, такъ и относительно грамматики и критики текста. Практическія занятія въ семинаріяхъ по предметамъ гимназическаго курса считаются настолько цѣлесообразными для приготовленія учителей гимназій, что занимающіеся въ семинаріяхъ студенты, окончивши курсъ въ университетѣ, ежегодно освобождаются

отъ особыхъ специальныхъ испытаний на званіе учителя гимназіи и прогимназіи. Кромѣ того, профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ велъ слѣдующія практическія занятія: а) въ первомъ полугодіи: по санскриту (начальный курсъ два часа въ недѣлю), по высшему курсу санскрита, состоявшему въ чтеніи и объясненіи Риг-Веды, по литовскому языку (два часа въ недѣлю), по славянской діалектологіи и по сравнительной грамматикѣ вообще; б) въ обоихъ полугодіяхъ: ознакомленіе съ новѣйшими открытиями въ области языковѣдѣнія, состоявшее въ отчетахъ о нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ и важнейшихъ языко-историческихъ сочиненіяхъ и разсужденіяхъ. Въ этихъ занятіяхъ, кромѣ желающихъ изъ студентовъ, принимали участіе: въ первомъ полугодіи—два оставленные при университете кандидата и одинъ кандидатъ духовной академіи, во второмъ полугодіи—два кандидата. Въ этомъ же полугодіи В. Радловъ сообщалъ на практическихъ занятіяхъ результаты своихъ изслѣдованій о тюркскихъ нарѣчіяхъ Сибири и о туранскихъ языкахъ вообще. Для возбужденія въ учащихся научного духа и научныхъ стремленій и для привлечения студентовъ къ университету и университетскимъ занятіямъ, факультетомъ составленъ проектъ мѣръ, который представленъ начальству округа. На физико-математическомъ факультетѣ практиковались тѣ же мѣры, которыми, по опыту прежнихъ лѣтъ, оказались цѣлесообразными, именно: экзамены, полугодовая репетиція и практическія занятія студентовъ обоихъ разрядовъ въ лабораторіяхъ и кабинетахъ, подъ руководствомъ преподавателей и ихъ ассистентовъ. Въ частности, эти занятія состояли въ слѣдующемъ: профессоръ Янишевскій велъ со студентами всѣхъ курсовъ математического разряда практическіе упражненія въ решеніи задачъ по преподаваемымъ курсамъ. Доцентъ Суворовъ велъ практическіе упражненія со студентами I-го курса въ решеніи задачъ по аналитической геометрии и сферической тригонометрии въ аудиторіи, въ особо-назначенные, свободные отъ лекцій, часы; кромѣ того, онъ предлагалъ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ задачи для письменного решенія, а для разъясненія задачъ болѣе трудныхъ назначалъ часы въ лекцій. Въ физическомъ кабинетѣ велись практическія занятія, обязательныя для студентовъ I курса обоихъ разрядовъ и для студентовъ II курса математического разряда. Студенты I курса занимались, подъ руководствомъ профессора Колли, определеніемъ удѣльного вѣса, теплоемкости тѣлъ, скрытой теплоты пара и коефиціента расширения стекла; студенты II курса измѣряли коефиціенты упругости твер-

дыхъ тѣль и электровозбудительныхъ силы и сопротивленіе. По астрономіи студенты разрѣшали практическія задачи во II, III и IV курсахъ подъ руководствомъ профессора Ковалевскаго. По кристаллографіи и минералогіи студенты I курса занимались разборомъ сложныхъ формъ кристалловъ; студенты II курса практически изучали физическія свойства и микроскопический анализъ минераловъ; студенты III курса производили опыты съ паяльной трубкой, а студентъ IV курса Зайцевъ занимался изслѣдованиемъ минерального состава и микроскопического строенія массивныхъ кристаллическихъ породъ, выступающихъ въ мѣстности по верхнему течению рѣки Нижней Тунгуски, и полученные результаты изложилъ въ своей кандидатской диссертациі. Подъ руководствомъ профессора Глинскаго, студенты I курса естественного разряда практически изучали способы возстановленія металловъ, приготовленіе и очищеніе кислотъ, оснований и солей, въ часы свободные отъ лекцій. Студенты II курса математического разряда упражнялись въ качественномъ химическомъ анализѣ. Профессоръ Зайцевъ со студентами II курса естественного разряда вѣрь практическія занятія по качественному анализу, а со студентами III курса по количественному анализу. Студенты IV курса производили самостоятельный изслѣдованія по нѣкоторымъ вопросамъ изъ области органической химіи, каковые работы напечатаны въ журналѣ русского химического общества. Въ технической лабораторіи студенты IV курса занимались практически изученіемъ объемнаго анализа въ примѣненіи къ материаламъ и продуктамъ техники, подъ руководствомъ лаборанта. Кроме того, студентъ IV курса Котовъ занимался изслѣдованиемъ смолы, получаемой на Казанскомъ заводѣ при добываніи свѣтильного газа изъ нефти, и опредѣлилъ содержаніе въ неї антрацита. Подъ руководствомъ профессора Мельникова, студенты первыхъ двухъ курсовъ упражнялись въ опредѣлении животныхъ и въ приготовленіи зоологическихъ препаратовъ микроскопическихъ животныхъ. По физиологии студенты III курса практически изучали гистологическое строеніе животныхъ тканей по готовымъ препаратамъ, и кромѣ того, упражнялись въ производствѣ физиологico-химическихъ анализовъ. По сравнительной анатоміи профессоръ Зеленскій, въ первое полугодіе, занимался со студентами II курса практическими заматіями по анатоміи органовъ животной жизни, а во второе полугодіе—со студентами II и III курсовъ по анатоміи органовъ растительной жизни. По геологіи, подъ руководствомъ профессора Шту肯берга, въ первое полугодіе студентъ IV курса Зайцевъ за-

нимался разработкой материала, собранного имъ во время геологического изслѣдованія въ Казанской и Самарской губерніяхъ. Студенты III и IV курсовъ занимались опредѣленіемъ горныхъ породъ и окаменѣлостей. На юридическомъ факультетѣ способы контроля надъ занятіями студентовъ состояли, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ годичныхъ испытаніяхъ, полугодовыхъ репетиціяхъ, письменныхъ работахъ и практическихъ занятіяхъ. На медицинскомъ факультете есть усиленіе учебной дѣятельности студентовъ принятъ были слѣдующія мѣры: введеніе практическихъ занятій по дѣтскимъ больницамъ и механургіи, перенесеніе практическихъ экзаменовъ студентовъ V курса на первое полугодіе шестаго года. Сверхъ того, для большаго сосредоточенія студентовъ V курса на клиническихъ занятіяхъ, и теоретические экзамены для оканчивающихъ курсъ студентовъ перенесены также на первое полугодіе шестаго года. Способы контроля надъ занятіями студентовъ принятъ были тѣ же, какъ и въ 1878 году.

Для соисканія наградъ медалями предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологического факультета — „Исторія языка и литературы Лужичанъ“ и отъ медицинскаго — „Экспериментальная разработка вопроса о просасываніи венозной крови къ сердцу“. За представленные на эти темы сочиненія удостоены серебряными медалями: студентъ 2-го курса историко-филологического факультета С. Буличъ и студентъ 5-го курса медицинскаго факультета (нынѣ лекарь) Ив. Львовъ.

Въ 1879 году преподаватели Казанского университета и другія служащія въ ономъ лица напечатали и приготовили къ выпуску въ свѣтъ слѣдующіе ученно-литературные труды: Н. А. Осокинъ издалъ 3-ю часть „Исторіи среднихъ вѣковъ“; И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ напечаталъ: въ Изѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета—начало „Подробной программы лекцій въ 18^{77/78} учебномъ году“, въ Филологическихъ Запискахъ — „Труды филологические и лингвистические, помѣщенные въ изданіи Rad yngoslavenske Akademie узnanosti i umjetnosti u Zagrebu, 1876—77“, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — „Нѣсколько словъ о культурѣ первобытныхъ и древнихъ Славянъ“, критическую замѣтку о брошюре „Восемь гимновъ Ригъ-Веды“, въ польской газетѣ Noviny — замѣтку о той же брошюре, рецензію на „Народије џесме изъ старијихъ, назвище Приморскихъ записа. Сабрао и на свијеја издао. В. Вочшиль. Виоград. 1878“, рецензію на сочиненіе Ант. Будиловича „Первобытные Сла-

васе въ нихъ замѣкъ, бытъ и понятія по даннымъ лексикальнымъ"; Д. А. Корсадовъ напечаталъ: въ Извѣстіяхъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университѣтѣ — „О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края", въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Отчетъ о занятияхъ въ архивахъ и библіотекахъ С.-Петербургга и Москвы, съ 5-го октября 1877 по 1-е сентября 1878 г." въ сборникѣ Древняя и Новая Россія — „Классъ И. А. Долгорукій, фаворитъ и оберъ-камергеръ императора Петра II", и „Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ"; А. И. Смирновъ продолжалъ печатать въ Ученыхъ Запискахъ „Англійскіе моралисты XVII вѣка. Историко-критическое обзорѣніе моральныхъ теорій въ Англіи отъ Бекона и Гоббса до настоящаго времени"; Н. В. Крущевскій напечаталъ: въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Наблюденія надъ цвѣторымъ фонетическими явленіями, связанными съ акцентуацией" и „Восемь гимновъ Ригъ-Веды" и въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстнике — „Объ аналогіи и народной этимології (Volksetymologie)" и дополнительную записку къ этой статьѣ; Ф. Ф. Розенъ помѣстилъ статьи: въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университѣтѣ — „Къ вопросу о характерѣ послѣтретичныхъ образованій по Волгѣ" и въ Приложениіи къ протоколамъ общества естествоиспытателей — „Отчетъ о геологическихъ изслѣдованіяхъ въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской и Самарской"; В. В. Заленскій напечаталъ: въ Трудахъ общества естествоиспытателей — „Исторія развиція стерляди" и въ Zoologischer Anzeiger — „Ueber die Entwicklung der Gehorknöchelchen"; Колли помѣстилъ статьи: въ Annalen der Physik — „Ueber die Polarisation in Electrolyten" и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — первый выпускъ „О законахъ сохраненія энергіи"; Сорокинъ напечаталъ: въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Къ вопросу о строеніи нѣкоторыхъ непредѣльныхъ соединеній съ повторяющеюся двойной связью" и „О строеніи діаллила" и въ Журналѣ Русскаго химического общества — „Образованіе метилоксиглютаровой кислоты, при окисленіи діаллила"; В. М. Рудневъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью: „Объ амидныхъ соединеніяхъ третичныхъ углеводородныхъ радикаловъ"; Загоскинъ напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета двѣ статьи: „Исторія права Московскаго государства. Т. Ц. Центральное право Московскаго государства. Вып. II" и „Уложение цара и великаго князя Алексія Михайловича

и земской соборъ 1648—1649"; И. М. Гвоздевъ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета статью: „Переводъ студентами судебной медицины Гофмана"; И. М. Догель напечаталъ статьи: въ Archiv für Anatomie und Physiologie von du-Bois — Reymond — „Ueber die Ursache der Geldrollenbildung im Blute des Menschen und der Thiere" и въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университѣтѣ — „Пути зараженія чумнымъ ядомъ; средства уничтожающія и предохраняющія человѣческій организмъ отъ его дѣйствія"; А. Ю. Фрезе помѣстилъ: въ Сборникѣ сочиненій по судебнѣй медицинѣ — статью „Объ отношеніи помѣшательства къ уголовному закону", и въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета — „Отчетъ о первомъ десятилѣтіи Казанской окружной лечебницы"; Е. В. Адамюкъ напечаталъ: въ журналѣ Кнаппа и Гиршберга — „Материалы къ патологіи линзы" (на нѣмецкомъ языке) въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университѣтѣ — „Объ амилоидномъ перерожденіи хрящей вѣкъ", въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета 3-й выпускъ „Офтальмологическихъ наблюденій" и приготовилъ 4-й выпускъ этого труда; А. Я. Щербаковъ помѣстилъ въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университѣтѣ: „О значеніи дезинфекціи и нѣкоторыхъ дезинфицирующихъ веществъ", „Къ вопросу о Казанскому городскому кладбищѣ" и „Докладъ о дезинфекціи" совмѣстно съ А. М. Зайцевымъ и И. П. Скворцовыми; Л. Л. Левшинъ редактировалъ переводъ хирургіи Кленига и снабдилъ прибавленіями; А. Г. Ге помѣстилъ: въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университѣтѣ — „Можетъ ли мягкий шанкръ сифилитика передать сифилис здоровому", въ Vierteljahrsschrift für Syphilis- und- Dermatologie — „Ueber Reizung und Syphilis", и въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета — „Курсъ венерическихъ болѣзней"; Н. Ф. Высоцкій редактировалъ „Сборникъ статей о чумѣ" и напечаталъ статью: „О чумѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ" и „Докладъ о дѣятельности особой комиссіи, назначенной обществомъ врачей для разработки вопроса о чумѣ"; П. П. Скворцовъ помѣстилъ въ Сборникѣ статей о чумѣ: „О заразныхъ болѣзняхъ вообще и о чумѣ въ частности", „Очеркъ санитарныхъ мѣръ въ виду и во время эпидеміи", „Бетлинская эпидемія и вызванными ею санитарно-медицинскія мѣры" и „Докладъ о дезинфекціи"; Ф. М. Флавицкій напечаталъ: въ Журналѣ русскаго физико-химическаго общества — „О нѣкоторыхъ производныхъ лѣваго терпена изъ французскаго скопидара", въ Бюллетеѣ С.-Петербургской академіи наукъ — „Ueber die Umwandlungen des linds-

drehenden Terpens aus dem französischen Terpentinal vermittelst Hydratation und Dehydratation“ и съѣзда естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ сообщеніе „О нѣкоторыхъ свойствахъ терпеноў“; Н. И. Студенскій помѣстилъ: въ Медицинскомъ Вѣстникѣ — „Сравнительное достоинство антисептическихъ веществъ, наиболѣе употребительныхъ въ хирургіи“, въ Трудахъ общества врачей при Казанскомъ университѣтѣ — „Симптоматологія и лечение чумныхъ бубоновъ и карбункуловъ“, и въ Ученыхъ Запискахъ университета — „Фунгозное воспаленіе позвоночника“; М. М. Маліевъ напечаталъ въ Трудахъ общества естествоиспытателей при Казанскомъ университѣтѣ статью „Московская антропологическая выставка 1879 г.“; Н. И. Котовщикоў — помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ статью „Современное состояніе ученія объ аускультативныхъ явленіяхъ въ артеріяхъ и венахъ“; Н. М. Любимовъ напечаталъ въ Virchow's Archiv статью „Zur Frage über die Histogenese der Riesen-zellen in der Tuberkulose“; то же сочиненіе на русскомъ языке, подъ заглавиемъ „Къ вопросу о развитіи гигантскихъ клѣтокъ при туберкулезѣ“ помѣстилъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанского университета; сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ гистологіи Сизовъ — помѣстилъ въ Трудахъ естествоиспытателей статью „Къ вопросу объ окончаніи обонятельного нерва у лягушки“; сверхштатный помощникъ прозектора Миславскаго напечаталъ въ Протоколахъ общества естествоиспытателей „Замѣтку объ измѣненіи сердечныхъ тоновъ послѣ перерѣзки блуждающихъ нервовъ“; ординаторы: Васильевъ помѣстилъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ три статьи: „Повторная липотомія“, „Случай огнестрѣльной раны голени у беременной на 9-мъ мѣсяцѣ“ и „Случай pustulae malignae internae“; Годиевъ напечаталъ въ томъ же изданіи статьи: „О лихародочныхъ болѣзняхъ съ опухолью шейныхъ железъ“ и „Нѣсколько слuchaевъ мозгового сифилиса“; лаборантъ Никольскій помѣстилъ въ журналѣ Archiv für Anatomie und Physiologie von His u. Braune und von E. du Bois-Reymond статью „Ein Beitrag zur Physiologie des Nervi erigentis“. Публичныя лекціи читали: экстраординарные профессоры: Ворошиловъ — о явленіяхъ чувства и движенія и объ ученіи объ органахъ чувствъ, Буличъ — о Грибоѣдовѣ и его комедіи, Догель — о свойствахъ чумного и о мѣрахъ противъ зараженія имъ, и Виноградовъ — о чумѣ и доцентъ Скворцовъ — о заразныхъ болѣзняхъ вообще и о чумѣ въ частности.

Совѣтъ Казанского университета имѣлъ въ теченіе 1879 года 19

засѣданій. Въ видахъ лучшаго распределенія предметовъ преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ былъ составленъ проектъ раздѣленія этого факультета на три отдѣленія: классическое, славяно-русской филологии и историческое. По этому распределенію, утвержденному министерствомъ народнаго просвѣщенія и введеному въ 1879 году въ дѣйствіе, некоторые предметы, называемые основными, преподаются въ первыхъ двухъ курсахъ всѣмъ студентамъ, а другіе, специальные, и особые курсы основныхъ предметовъ читаются въ послѣднихъ двухъ курсахъ по отдѣленіямъ. Кроме того, введенъ впервые преподаваніе новыхъ предметовъ, именно: общаго государственного права, политической экономіи и физической географіи. Измѣненій въ отношеніи раздѣленія прочихъ факультетовъ на отдѣленія, соединенія и раздѣленія каѳедръ, не было. Утверждены въ ученихъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени доктора: доцентъ,магистръ Загоскинъ—государственного права, помощникъ проектировщика, лекарь Любимовъ—медицины; въ степени кандидата и въ званіи дѣйствительнаго студента утверждены: въ степени кандидата — 18, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету 3, по физико-математическому 8, по юридическому 7; въ званіи дѣйствительнаго студента — 28, именно: по историко-филологическому факультету 2, по физико-математическому 10, по юридическому 16. Медицинскихъ степеней и званій удостоено: лекаря 44, юзданаго врача 40, провизора 13, аптекарского помощника 35, оператора 2, дантиста 3, повивальной бабки 28, изъ коихъ 6 изъ ученицъ повивального класса Казанскаго университета, а остальные изъ другихъ родовспомогательныхъ учрежденій. Для усовершенствованія въ избранныхъ специальностяхъ и для приготовленія къ экзамену на степень магистра оставлены при университетѣ кандидаты: Смирновъ—по всеобщей исторіи, Аркангельскій—по русской словесности, Крущевскій—по сравнительному языкознанію, Щегловъ—по государственному праву, и Ивацовскій—по полицейскому праву. Съ тою же цѣлью оставались при университетѣ избранные въ 1878 году кандидаты: Владимировъ—по русской словесности, Львовъ—по политической экономіи и статистикѣ въ Соколовскій—по полицейскому праву.

Командированы были съ ученою цѣлью: за границу — профессоръ Бодуэнъ-де-Куртенэ, приватъ-доцентъ Васильевъ и Егоровъ, лекторъ Колиачевскій и сверхштатный ассистентъ Асташевскій; внутри Россіи — профессоръ Буличъ, хранитель музея Соколовскій и лаборантъ

Рудневъ, а профессоръ Сорокинъ и лаборантъ Пельцамъ командированы были въ средне-азиатскую экспедицію.

Денежныя средства Казанскаго университета въ 1879 году находились въ слѣдующемъ положеніи: штатныхъ суммъ поступило 384,891 р. 56 коп., изъ нихъ израсходовано 315,113 руб. 45 коп., въ остаткѣ къ 1-му января 1880 года имѣлось 19,778 руб. 11 коп. Специальныхъ средствъ: а) платы за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1878 года 2,033 руб. 92 $\frac{1}{4}$ коп., въ теченіе 1879 года поступило 16,875 руб. 91 коп., израсходовано 16,662 руб. 11 коп., въ остаткѣ къ 1880 г. было 2,247 руб. 72 $\frac{1}{4}$ коп., б) доходы отъ университетской типографіи: оставалось къ 1-му января 1879 года 2,218 руб. 5 $\frac{1}{4}$ коп., въ теченіе года поступило 14,962 руб. 97 к., израсходовано 15,552 р. 81 коп., къ 1880 году оставалось 1,628 руб. 21 $\frac{1}{4}$ коп., в) пожертвованныхъ: отъ 1878 года оставалось 154,439 руб. 89 $\frac{1}{4}$ к., въ 1879 г. поступило 18,990 руб. 11 коп., израсходовано 7,227 руб. 69 коп., къ 1-му января 1880 года оставалось 168,202 руб. 31 $\frac{1}{4}$ коп. Изъ суммы сбора за ученіе произведены слѣдующіе расходы: на вознагражденіе преподавателей, ординаторовъ и прочихъ лицъ за исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей 14,524 руб. 79 коп., на ученыя командировки и подъемныхъ 900 руб., на медали для награжденія студентовъ 987 руб. 32 коп., на леченіе и погребеніе 250 руб.

Студентовъ къ 1-му января 1879 г. состояло 646; въ теченіе года поступило 164 (изъ гимназій 129, изъ духовныхъ семинарій 10, изъ другихъ заведеній 25); въ теченіе года выбыло 131 (до окончанія курса 46, по окончаніи курса 85); затѣмъ къ 1-му января 1880 г. оставалось 679, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: въ историко-филологическомъ 68, въ физико-математическомъ 70 (по разряду математическихъ наукъ 53, по разряду естественныхъ наукъ 17), въ юридическомъ 87 (по разряду юридическихъ наукъ 77, по разряду государственныхъ наукъ 10), въ медицинскомъ 454; б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 636, римско-католицкіхъ 14, лютеранъ 17, евреевъ 7, магометанъ 5; в) по сословіямъ: дворянъ и чиновниковъ 217, духовного звания 286, почетныхъ гражданъ и купцовъ 56, мѣщанъ и разночинцевъ 50, крестьянъ 29, нижнихъ воинскихъ чиновъ 8, казаковъ 18, иностраннныхъ подданныхъ 2, другихъ сословій 13; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 432, семинаристовъ 242, изъ другихъ заведеній 5. Ихъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій

251, то-есть 37%. Стипендіями пользовались 175 студентовъ на сумму 58,125 р. 67 к.

Учебно-вспомогательный учрежденія Казанскаго университета находились въ 1-му января 1880 г. въ слѣдующемъ положеніи: въ университетской библиотекѣ имѣлось: книгъ русскихъ и иностраннныхъ 39,719 сочиненій 83,417 томовъ, periodическихъ изданий 819 названий 13,327 томовъ и тетрадей, рукописей 811 томовъ, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 793 листа, всего въ библиотекѣ на сумму 278,840 р. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растеній, инструментовъ, приборовъ, коллекцій моделей и препаратовъ 419 номеровъ 24,284 экземпляровъ на 13,006 р. Въ гигиеническомъ кабинетѣ съ лабораторіею: аппаратовъ, инструментовъ, приборовъ, посуды, реагентовъ и препаратовъ 602 номера 1,497 экземпляровъ на 3,110 р.; книгъ, рисунковъ, плановъ и моделей 28 названий на 646 р. Въ фармацевтической лабораторіи и фармакогностическомъ кабинетѣ: книгъ 25 названий на 365 р.; препаратовъ, секретныхъ и восточныхъ средствъ, моделей кристалловъ, снарядовъ и проч. 1,534 номера на 1,901 р. Въ кабинетѣ общей патологіи, приборовъ, инструментовъ, разныхъ материаловъ 192 номера на 1,725 р. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, моделей, рисунковъ, камней, химического материала и проч. 7,327 номеровъ 15,922 экземпляра на сумму 21,003 р. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: книгъ 20 сочиненій на 597 р.; инструментовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ и проч. 639 номеровъ на 6,183 р. Въ технологическомъ кабинетѣ въ лабораторіи: образцовъ фабрично-заводскихъ продуктовъ, моделей, машинъ, приборовъ, инструментовъ, реактивовъ и проч. 2,041 номеръ 9,361 экземпляръ на 9,083 р. Въ агрономическомъ кабинетѣ и лабораторіи: сухихъ растеній, моделей, образцовъ, реагентовъ, материаловъ и проч. 870 номеровъ 1,714 экземпляровъ на 2,288 р. Въ геологическомъ кабинетѣ: книгъ, картъ и рисунковъ 13 названий 22 экземпляра на 220 р.; горныхъ породъ и окаменѣлостей, химического материала, приборовъ, инструментовъ и проч. 9,749 номеровъ 26,488 экземпляровъ на 6,910 р. Въ судебнно-медицинскомъ кабинетѣ: препаратовъ, реагентовъ, приборовъ и проч. 1,844 экземпляра на 1,793 р. Въ кабинетѣ инструментовъ госпитальной хирургической клиники разныхъ предметовъ 532 номера 1,181 экземпляровъ на 3,964 р. Въ химической лабораторіи: книги 21 сочиненіе 52 тома на 285 р.; химическихъ препаратовъ, реагентовъ, инструментовъ, снарядовъ и другаго имущества 621 номеръ на 9,356 р. Въ кабинетѣ физической

географії, практической механики и метеорологической обсерваторії: инструментовъ, снарядовъ, моделей и проч. 1,441 номеръ на сумму 37,192 р. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторії: препаратовъ, моделей, инструментовъ и проч. 772 номера 2,547 экземпляровъ на 3,350 р., книгъ 7 сочиненій 13 томовъ на 110 р. Въ музѣй этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ: этнографическихъ и археологическихъ предметовъ 1,584 номера на 3,684 р., книгъ 1,142 сочиненія, брошюра, карты и гравюры 2,759 наименій, рукописей 17 номеровъ, всего на 13,616 р. Въ главной клиникѣ: инструментовъ и приборовъ 490 номеровъ на 3,207 р. Въ медико-химической лабораторії: препаратовъ, реактивовъ и проч. 482 номера 1,993 экземпляра на 6,066 р. Въ амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней разныхъ предметовъ 33 номера 52 экземпляра на 645 р. Въ физиологической лабораторіи физико-математического факультета: материаловъ, инструментовъ и проч. 491 номеръ 1,303 экземпляра на 5,457 р. Въ кабинетѣ при терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники разныхъ предметовъ 153 номера 238 экземпляровъ на 2,574 р. Въ астрономической обсерваторії: разныхъ инструментовъ, приборовъ и проч. 89 номеровъ на сумму 41,718 р. Въ физиологической лабораторіи медицинского факультета: книгъ 2 сочиненія 54 тома на 70 р.; аппаратовъ, снарядовъ, моделей, препаратовъ и проч. 991 номеръ 4,024 экземпляра на 8,986 р. Въ хирургической факультетской клиникѣ разныхъ хирургическихъ инструментовъ и прочихъ предметовъ 1,153 номера 2,550 экземпляровъ на 8,766 р. Въ зоологическомъ кабинетѣ и лабораторії: препаратовъ, рисунковъ, моделей, инструментовъ и проч. 3,065 номеровъ 7,080 экземпляровъ на сумму 15,910 р. Въ ботаническомъ саду: растеній, деревьевъ, кустарниковъ и травъ 6,348 номеровъ на 13,575 р. Въ музѣй физиологической анатоміи: инструментовъ, приборовъ, цособій, препаратовъ, скелетовъ и проч. 2,008 номеровъ на 4,912 р. Въ хирургической факультетской клиникѣ: инструментовъ и другихъ предметовъ 1,153 номера 2,550 экземпляровъ на 8,766 р. Въ музѣй патологической анатоміи: препаратовъ и разного имущества 1,094 номера на сумму 12,007 р.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Казанскаго университета въ 1879 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ акушерской клиникѣ (113 кроватей) больныхъ отъ 1878 г. оставалось 4, въ теченіе 1879 г. вновь поступило 97, въ теченіе года выздоровѣло 82, умерло 3, заѣхъ къ 1-му января 1880 г. состояло на налеченіи 12; въ гинекологической (12 кроватей): къ началу 1879 г. оставалось 8, въ 1879 г.

прибыло 41, въ теченіе года выздоровѣло и выбыло 82, умерло 3, осталось къ 1880 г. 6; приходящихъ больныхъ въ этой клинике вмѣстѣ съ акушерской было 464; въ хирургической госпитальной (35—40 кроватей): отъ 1878 г. оставалось 27, въ 1879 г. вновь поступило 212, выздоровѣло и выбыло 191, умерло 24, осталось къ 1880 г. на излеченіи 24, приходило за советами 1,000; въ глазной факультетской (14 кроватей): къ 1-му января 1879 г. имѣлось 14, въ теченіе 1879 г. поступило 117, выздоровѣло и выбыло 121, осталось къ концу года 10, приходившихъ больныхъ было 1,897; въ факультетской терапевтической (28 кроватей): отъ 1878 г. оставалось 28, въ 1879 г. прибыло 74, выздоровѣло и выбыло 54, умерло 18, оставалось къ 1880 г. 24, явилось за советами больныхъ 1,443; въ хирургической факультетской (15 кроватей): къ началу 1879 г. состояло 12, въ теченіе 1879 г. поступило 84, выздоровѣло и выбыло 70; умерло 4, къ концу года оставалось 10, приходившихъ больныхъ было 1,242; въ госпитальной терапевтической (отъ 30 до 50 и болѣе кроватей): къ 1-му января 1879 г. имѣлось 30, въ теченіе года прибыло 565, выздоровѣло и выбыло 553, умерло 84, оставалось къ января 1880 г. 42, приходило за советами 1,344.

При Казанскомъ университѣтѣ состоять три ученыя общества: общество естествоиспытателей, общество археологии, исторіи и этнографіи и юридическое. Состояніе и дѣятельность сихъ обществъ въ 1879 г. представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Научная дѣятельность общества естествоиспытателей проявлялась въ организаціи экскурсій для соответствующаго цѣлямъ общества изслѣдований различныхъ территорій мѣстного края. Засѣданія общества посвящены были сообщенію работы членовъ общества. Лѣтомъ предприняты были слѣдующія экскурсіи на средства общества: А. А. Штуkenбергъ производилъ изслѣдованія въ Казанской и Самарской губерніяхъ въ области Каспійскаго бассейна постъ-пліоценового периода; П. И. Кротовъ производилъ геологіческія изслѣдованія въ Пермской губерніи, А. П. Ивановъ — геологіческія и археологіческія изслѣдованія въ мѣстности, лежащей по верхнему течению Камы въ Пермской и Вятской губерніяхъ; Э. Д. Мельцакъ, участвовавшій въ экспедиціи въ Среднюю Азію, по порученію общества, собралъ нѣкоторыя зоологіческія и антропологіческія коллекціи. Въ засѣданіяхъ общества члены онаго сдѣлали слѣдующія научныя сообщенія: В. В. Заленскій сообщаѣтъ о развитіи слуховыхъ косточекъ у млекопитающихъ; Н. М. Мельник-

ковъ представилъ главнѣйшіе результаты экспедицій члена Цельцама: а) предпринятой въ Нечерскій край, и б) предпринятой съ цѣлью изученія мѣстныхъ форелей и миногъ; Ф. Ф. баронъ Розенъ представилъ отчетъ обѣ экспедиціяхъ, произведенныхъ имъ въ 1875 — 1878 гг. для изслѣдованія послѣ-третичныхъ образованій; А. П. Сизовъ сообщилъ о слуховомъ лабиринтѣ хрищевыхъ рыбъ; Н. А. Ми-славскій — о замѣчанной имъ выѣздѣ съ Н. А. Толмачевымъ замѣтѣ систематического тока сердца шумомъ, слѣдующей за перерывкой блуж-дающихъ нервовъ; Н. М. Маліевъ сдѣлалъ сообщеніе о Москов-ской антропологической выставкѣ и реферировалъ о нѣкоторыхъ антропологическихъ работахъ русскихъ ученыхъ; А. А. Штуkenбергъ сообщилъ о слѣдахъ поселеній каменнаго вѣка по Волгѣ въ Казанской губерніи и представилъ материалъ для сравненія фауны прѣсныхъ водъ востока Россіи съ фауной верхней террасы; И. М. Дагель сообщилъ о новыхъ изслѣдованіяхъ иннервациіи сердца; Н. Ф. Высоцкій сдѣлалъ нѣсколько сообщеній о Московской антропологической выставкѣ и реферировалъ сводъ изслѣдованій по вопросу о наход-деніи человѣка въ третичную эпоху; П. И. Кротовъ и А. П. Поповъ представили отчеты о своихъ экспедиціяхъ. Кроме того, въ общество были представлены статьи: П. И. Кротова — „Материалы для геологии Вятской губерніи“, М. Н. Бегданова — „Птицы Кавказа“ С. М. Чугунова „Материалы для антропологии востока Россіи, от-четъ о раскопкахъ древнихъ кладбищъ въ г. Симбирскѣ и его окрест-ностяхъ въ 1878 году“ и „Антропологіческий материалъ антрополого-археологической выставки въ г. Казани въ 1879 году“; барона Ф. Ро-зена — „Къ вопросу о характерѣ послѣ-третичныхъ образованій по Волгѣ“; А. А. Штуkenberга — „Геологическая изслѣдованія въ обла-сти Каспійского бассейна постъ-пліоценового периода“ и „Буровая скважина въ г. Балахнѣ“; В. В. Заленскаго — „Історія развитія стернади, ч. 2-я“. Часть этихъ статей и часть указанныхъ сообще-ній уже напечатана въ изданіяхъ общества, которое въ 1879 году выпустило въ свѣтъ VIII томъ своихъ Трудовъ и одинъ томъ Про-токоловъ съ приложеніями. Не ограничиваясь указанной дѣятельно-стью, общество принимало, въ 1879 году, участіе въ московской ан-тропологической выставкѣ, и затѣмъ само организовало антрополого-археологическую выставку въ Казани, получивъ приглашеніе отъ Московского общества любителей естествознанія, антропологии и эт-нографіи участвовать въ устроившейся симъ послѣднимъ антрополо-гической выставкѣ; общество приняло это приглашеніе, и постано-

вило устроить на московской выставкѣ особый отдѣлъ изъ антропологическихъ и частію археологическихъ коллекцій, принадлежащихъ какъ обществу, такъ и Казанскому университету и нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. По возвращеніи коллекцій изъ Москвы, была устроена выставка ихъ въ Казани, причемъ явилась возможность пополнить ихъ при участіі Казанскаго общества археологии, исторіи и этнографіи, 1-й Казанской гимназіи и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Эта выставка, продолжавшаяся съ 30-го сентября по 14-е октября, то-есть въ теченіе двухъ недѣль, привлекла до 1,160 посѣтителей. Въ концѣ 1879 года общество состояло изъ 19 почетныхъ членовъ, 53 дѣйствительныхъ и 12 членовъ-сотрудниковъ. Поддерживая и развивая сношенія съ другими учеными обществами и учрежденіями, общество высыпало свои изданія 63 ученымъ учрежденіямъ. Всгѣдствіе полученія въ обиѣнъ изданій другихъ обществъ, библиотека общества значительно пополнилась. Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ положеніи: въ теченіе года поступило 2,875 руб. 44 $\frac{1}{2}$ к. израсходовано въ теченіе года 2,724 руб. 60 коп., затѣмъ къ 1-му января 1880 года оставалось 150 руб. 84 $\frac{1}{2}$ коп. Главнѣйшіе расходы были слѣдующіе: на экскурсіи 1,050 руб., на напечатаніе изданій 868 руб. 92 коп., на отправление коллекціи и уполномоченныхъ на московскую выставку 400 руб.

Юридическое общество открыто лишь въ началѣ апрѣля 1879 года. Не смотря однако на столь малое время своего существованія, оно успѣло обратить на себя вниманіе, такъ что разныя учрежденія начали уже обращаться къ обществу за содѣйствіемъ къ разрѣшенію возбужденныхъ у нихъ вопросовъ права, а лица, живущія въ различныхъ концахъ Россіи, заявили желаніе быть членами общества. Общество открылось при наличности 9-ти членовъ-основателей, то-есть членовъ юридического факультета и избранныхъ ими въ дѣйствительные члены 103 лицъ. Въ теченіе всего периода времени число членовъ увеличивалось, такъ что къ 1-му января 1880 года состояло всего: дѣйствительныхъ членовъ 136, въ томъ числѣ 18 иногородныхъ, и сотрудниковъ 3. Общество имѣло шесть засѣданій, то-есть одно въ мѣсяцъ, за исключеніемъ положенного по уставу вакантнаго времена. Первые засѣданія общества были посвящены установлению правилъ внутреннаго распорядка, причемъ выработаны: правила порядка веденія засѣданій въ собранияхъ общества; правила для библиотеки; правила храненія и расходованія денежныхъ средствъ. Съ октября начали появляться заявленія членовъ о заготовленіяхъ

ими рефератахъ. Первый рефератъ, „О порадѣ совершенія выдѣла соучастника изъ общаго имущества“, былъ доложенъ Н. В. Рейнгардтомъ въ засѣданіи 25-го ноября, пренія по которому продолжались въ остальныхъ засѣданіяхъ 1879 года. На очереди стояли слѣдующіе рефераты: И. И. Степанова— „О присвоеніи недвижимаго имущества (по поводу 1680 ст. улож. о наказ.), Н. П. Загоскина— „О рукописномъ сборникѣ новоуказныхъ статей по вотчиннымъ и помѣстнымъ дѣламъ“, М. В. Шимановскаго— „О желѣзно-дорожномъ дѣлѣ въ Россіи“, А. М. Осипова— „О раздѣлѣ наследства по русскому праву вообще и шаріату въ особенности“ и рефератъ комиссіи объ обще-германскомъ вексельномъ уставѣ. Библиотека общества формировалась путемъ пожертвованій и заключаетъ въ себѣ 120 названій въ 160 томахъ. Каталогъ книгъ библиотеки уже изготовленъ къ печати и будетъ помѣщенъ въ Трудахъ общества. Денежныя средства общества находились въ слѣдующемъ видѣ: членскихъ взносовъ поступило 515 руб., изъ нихъ израсходовано 101 руб. 23 коп., такъ что къ 1-му января 1880 года оставалось на лицо 413 руб. 77 коп.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи въ 1879 году вступило во второй годъ своего существованія; о дѣятельности этого общества въ минувшемъ году уже было сообщено въ юнѣской книжкѣ Журнала.

ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ П. ОВИДІЯ НАЗОНА.

I.

Дафне.

(Кн. I, ст. 452—567).

Дафне, Пенеева дочь, была Аполлона предметомъ
Первымъ любви; но не случай слѣпой, а гнѣвъ Купидона
Въ Фебѣ ту страсть возбудилъ. Гордяся побѣдой надъ змѣемъ,
Фебъ Аполлонъ, Купидона увида однажды, какъ богъ сей
Лукъ съ тетивою тугой напрягалъ, обращаясь къ нему такъ:
„Рѣзый ребенокъ, скажи онъ, съ оружиемъ этимъ тажелымъ.
Что за игра у тебя? Дослѣхи такие приличны
Плечамъ моимъ лишь, и я лишь одинъ поражаю такъ мѣтко
Двухъ звѣрей и враждебныхъ! Множество стрѣль издержавши,
Я лишь одинъ поразилъ смертоноснаго змѣя—Пнеона!
Ты жь будь доволенъ и тѣмъ, что огнемъ ты своимъ возжигаешь
Страсти любви, и не знаю, и какъ и какія! Оставь же
Миѣ ты оружье мое!” На это ему сынъ Венеры:
„Лукъ твой стрѣлами, о Фебъ Аполлонъ, поражаетъ животныхъ;
Мѣткія жь стрѣлы мои поразятъ и тебя и—сколько
Ты побѣждашь животныхъ, на столько жь еще твоя слава
Менѣшь моей!” И крыльями воздухъ разсѣяли своими,
Быстро взлетѣлъ Купидонъ—богъ къ тѣнистой вершинѣ Парнасса.
Двѣ онъ послѣдно различныхъ стрѣлы достаетъ изъ колчана.
Страсть возбуждается одна, другая же страсть прогоняетъ,

Та, что страсть возбуждаетъ, съ блестящимъ концомъ золотымъ,
Свойства иного стрѣла съ концомъ затупленно-свинцовыми.
Дочь Пенея стрѣлою второй Купидонъ поражаетъ,
Въ кости до мозга стрѣлу золотую вонзилъ Аполлону.
Страстью тогда же запылалъ Аполлонъ; но его избѣгаетъ
Нимфа и имени даже—и къ дѣвѣ Дианѣ ревнуя,
Въ лѣсъ убѣгаетъ, стремясь за добычей звѣрь съ наслажденьемъ.
Связаны были лишь лентой одной волоса безъ порядка.
Юношей много ея домогалось, она отвергала
Ихъ предложенія и въ темныя дебри лѣсовъ убѣгала,
Бога Гимена, узъ брачныхъ, Амура и въ мысляхъ не знала.
Часто отецъ говорилъ ей: „должна ты, о дочь, дать мнѣ вѣтъ“.
Часто отецъ говорилъ: „Произвестъ мнѣ должна ты, дочь, внуковъ“.
Какъ преступлены, такъ факеловъ брачныхъ она не хотѣла,
И покрывала стыдливость ее; и повиснувъ на шею,
Съ лаской отца обнимала руками и такъ говорила:
„Добрый родитель! позволь навсегда остаться мнѣ дѣвой,
Прежде—Юпитеръ для дѣвы Дианы на то согласился!“
Просьбамъ отецъ уступая, ей такъ говорить: „Исполненію
Воли твоей и обѣтовъ мѣняется, дочь, видъ твой прекрасный!“
Любить Аполлонъ и брачнаго ложа онъ съ Дафне желаетъ,
Тщетно имѣя надежду. Такъ лжетъ ему свой же оракуль.
И какъ соломенный стебель пылаетъ по сжатыи колосъевъ,
Иль придорожный плетень, у которого путникъ случайно
Близко огни разложилъ или искру оставилъ подъ утро,
Также пылаетъ любовью и Фебъ Аполлонъ и гораетъ
Сердце все въ немъ, но надеждою тщетной любовь онъ питаетъ.
Видѣть Фебъ, какъ разметалась коса безъ убранства по шей,
„Еслибы волосы эти, мечтаешь онъ,—убраны были!“
Видѣть, блестятъ огнемъ глаза Нимфи и звѣздамъ подобны;
Видѣть уста (недовольно ихъ видѣть); его восхищаются
Пальцы и плечи полуобнаженной руки и прекрасной.
То же, что скрыто отъ взоровъ, прекрасный себѣ представляеть.
Дафне же легкаго вѣтра быстрѣе бѣжитъ и не хочетъ
Бѣгъ свой замедлить, внимая такой рѣчи Феба: „О Нимфа!
Дочь Пенея! постой, умолю, слѣжу не враждебно
Я за тобою! о Нимфа, постой! Убѣгаетъ такъ быстро
Только отъ хищнаго волка овца и олень боязливый,
Льва опасаюсь, и, клюва орла избѣгая, голубка!“

Каждый бѣжать отъ врага своего! Побуждаемъ любовью,
Слѣдуя я за тобой! Но бѣжинь ты! О я несчастный!
Будь осторожна, унасть берегися, колючай терновникъ
Можетъ тебя узвить и той боли причиной я буду!
Гдѣ ты бѣжишь, здѣсь опасны мѣста, умолю, о Нимфа,
Тише бѣги, побѣгу и я тише. Но кто тебя любить,
Нимфа, узтай! Нѣть, не горный я житель, не грязный пастухъ я,
Эти стада стерегуній! Дельфи и царство Патара,
И Тенедось, и Кларосъ шевинуются мнѣ. Ты не амаешь,
Нѣть, отъ кого ты бѣжишь, потому и бѣжишь ты. Юпитеръ
Есть мой родитель! И что происходитъ, что было и будетъ,
Я открываю и я же научилъ людей музыкѣ съ пѣньемъ!
Стрѣлы хоть мѣтки мои, но стрѣла Купидона вѣрнѣе;
Нѣжной любовью она поразила свободное сердце.
Людамъ открыль я лѣкарства и помощь несущимъ зовуса
Я потому отъ людей, и хоть свойства мнѣ травъ всѣхъ ивѣстны,
Но въ себѣ рану, увы! исцѣлить не могу я травами!
Такъ самому бесполезно мнѣ то, чѣмъ другимъ служу въ помощь!
Такъ говорилъ Аполлонъ и еще говорить продолжалъ бы,
Нимфа же бѣжала, оставивши Феба съ неконченной рѣчью,
И тогда большія Нимфы красоты при бѣгѣ открылись.
Вѣты взвивали одежды и тѣло ея обнажали
И отвѣвались назадъ тихимъ волосы Дафне Зефиромъ.
Вотъ восхликаній ужъ больше напрасно своихъ не теряя,
Юноша-богъ, побуждаемъ любовью, преслѣдуєтъ Нимфу.
Какъ за добычей, на ноги надѣлся, лишь зайца завидѣть
Галльская мчится собака, зѣра настигнуть стараясь,
Кажется, вотъ настигаетъ, лишь вытянуть морду и шею,
Вотъ, вотъ схватить добычу. Напрасно! Въ ногахъ полагаетъ
Также и валицъ наядажду, и кажется, вотъ уже схваченъ;
Но вернулся и сзади себя оставляетъ собаку.
Такъ ускоряютъ свой бѣгъ Фебъ надеждой и страхомъ — дѣвица!
Но Аполлонъ, помогаемый страстью, стремится быстрѣе,
Быстро преслѣдуєтъ нимфу и вотъ, вотъ коснется бѣгущей,
Вотъ ужъ дыханье коснулось волосъ распустившихся Нимфы.
Утомленная бѣгомъ постыдимъ и смыли лѣпившись,
Дафне блѣднѣетъ и глядя въ Пенеевы волны сказала:
„Ежели волны причастны твоему божеству, о родитель!
Помони подай мнѣ и вилъ мой, которымъ я нравлюсь, который

Лишь къ оскорблению ведеть, о земля, во мнѣ измѣни ты!“
 Только лишь кончить свои занятия Дафне успѣла,
 Какъ цѣнѣютъ всѣ члены ея и ужъ мягкой корою
 Въ ней покрываются нѣжная грудь; обратились въ вѣтви
 Руки ея и въ зеленую листву волосы Нимфи.
 Крѣпкими стали корнями недавно поспѣвшныя ноги;
 Стала вершиной древесной глаза и отъ Нимфи премрасной
 Нѣжность одна лишь осталась. Но въ видѣ и этомъ Фебъ Нимфи
 Любить и правую руку свою приложивши ко древу
 Чувствуетъ онъ, какъ подъ новою сердце той бѣтесь корою.
 Вѣтви, какъ члены, обнавши руками, то древо Аполлона
 Нѣжно цѣлуетъ; но самыхъ древо его поцѣлуетъ
 Тѣхъ избѣгаєтъ. Тогда-то, къ нему обращаясь, сказаль Фебъ:
 „Если, о Нимфа, супругой мнѣ быть не могла ты, то будешьъ
 Древомъ конечно моимъ! Отнынѣ, о Лавръ, украшеньемъ
 Будешьъ всегда ты волосъ Аполлона, волчана и лири.
 И украшеньемъ будешьъ героямъ Латинскимъ, когда звукъ
 Трубный раздастся и пышный триумфъ Капитолій увидѣть.
 Будешьъ, какъ символъ, ты мирнаго царства при входѣ въ Палаций
 И съ тобой вмѣстѣ дубовый державный вѣнокъ. Какъ юность
 Длинныя кудри мои означаютъ, жалѣза не знахъ,
 Будешьъ и ты украшаться зеленою всегдашнею листвой!“
 Такъ сказаль Фебъ Аполлонъ! Закачались зеленныя вѣтви,
 Точно глава превращенной, трахнулася Лавра вершина.

II.

Io. — Аргусъ. — Сиринъ.

(Бн. I, ст. 568—747).

Есть подъ названьемъ Темпейской въ предѣлахъ Гемоніи роща,
 Лѣсь отовсюду огромный собою окружаетъ ту рощу;
 Взявши начало теченью въ вершинахъ высокаго Пинда,
 Катить Пеней здѣсь по рощѣ священной пѣвистыя волны;
 Брызги дождемъ орошаютъ вершины деревъ и туманы
 Дыму подобно надъ нимъ собрались отъ его водопадовъ.
 Шумъ раздается далеко кругомъ. Здѣсь бога Пенея
 Домъ и жилище и, здѣсь обита въ каменномъ гротѣ,
 Нимфами править рѣчными рѣчной богъ и бурныхъ потокомъ.
 Боги всѣхъ рѣкъ Фессалійскѣхъ сюда — то приходятъ къ Пенею,
 Сами не зная еще принести ли отцу поздравленье

Иль утѣшенье—и тонолеродный Сперхій, и тихій
Амфревъ, и старецъ Апідацъ, и бурный Еніцей, и Эасъ.
Съ тѣми пришли и другіе, которые къ морю стремятся,
Воды свои послѣ многихъ изгибовъ въ него изливаи.
Нѣть одного лишь Инаха. Сокрившись въ глубокой пещерѣ
И умножая лишь волны слезами, о дочери плачетъ,
Плачетъ о дочери Io, не зная, дышеть ли жизнью
Иль умерла ужъ она; но Io нигдѣ не нашедши,
Инахъ погибшей считаетъ, боится и большихъ несчастій.
Видѣлъ Юпитеръ, когда отъ рѣки удалялася Io.
„О съ Юпитеромъ брака, сказалъ онъ, достойная дѣва!
Ложе съ собой раздѣлить, я не знаю, кого ты избрала!
Жаркое солнце пока совершає свой путь полудневный,
Скройся подъ тѣнию рощи!“ И самъ указалъ ей на рощу.
„Если жь боишься одна ты проникнуть въ густую дубраву,
То подъ моимъ руководствомъ безвредно достигнешь средины:
Богъ я держацій во власти и скіпетръ и молнию и громы,
Не уѣграй отъ меня!“ Но Нимфа бѣжала и скоро
Io Лирцева поля и лугъ миновала Лернейскій.
Между тѣмъ землю Юпитеръ покрылъ наведеною тьмою,
Нимфу бѣгущую скоро настигъ и стыдливость похитилъ.
Съ неба на землю тѣмъ временемъ смотрѣть богиня Юнона
И удивляется дню превращенному въ ночь облаками;
Но поникаетъ богиня, что тѣ облака происходятъ
Не отъ земли иль воды, и кругомъ она ищетъ супруга,
Много ужъ разъ замѣтая его въ непозволенныхъ связяхъ.
Но не нашедши его, говорить: „Или я ошибаюсь,
Или супругъ оскорбляетъ меня“ и спустившись на землю
Съ всесїи небесныхъ велить тѣмъ исчезнуть скорѣе туманамъ.
Зналъ напередъ появление супруги Юпитеръ и тотчасъ
Нимфу, дочь Инаха, въ бѣлую онъ превращаетъ телицу.
Io прекрасной явилася телицей! Невольно Юнона
Видѣ восхвалять телицы и хотеть узнать отъ супруга,
Какъ бы не зная—изъ стада какого и чья та телица?
Чтобъ прекратить распросы о томъ, кто виновникъ телицы,
Ложно талицу Юпитеръ называлъ возрожденной землею.
Просить въ подарокъ Юнона телицу. Что дѣлать супругу?
Страсти предметомъ пожертвовать было бъ жестоко и тужко,
Но и отказъ подозрителенъ! Что предъ супругой внушаѣтъ

Стыдъ, то любовь воспрещаетъ. Конечно, любовь побѣдила бъ,
 Но чрезъ отказъ сей въ телицѣ могла бъ не телица открыться.
 .....И получивши любовницу мужа, своихъ опасеній
 Не оставляетъ Юнона и мысли о смыкѣть съ ней мужа,
 Нимфу пока не отдать на храненіе Арестора силу.
 Сынъ же Арестора Аргусъ имѣлъ окруженнюю сотней
 Голову глазъ и смыкались для сна, предаваясь сномъ,
 Два только глаза, безъ сна оставались для стражи другіе.
 Такъ предъ глазами была постоянно несчастная Іо,
 Аргусъ смотрѣлъ на нее, хотя бы и быть отвернувшись.
 Днемъ сторожилъ онъ ее на лугу и телица питалась
 Горькой травою и листвой деревъ; но когда же спускалось
 Солнце подъ землю, то въ лѣвъ запиралъ, привязавши веревкой.
 Вмѣсто мягкаго ложа ложилась на голую землю
 Часто несчастная Нимфа, пила лишь болотную воду.
 Бѣ Аргусу руки съ мольбою когда бъ протянуть захотѣла
 Жалкай Іо, то даже и руку для того не имѣла!
 Просьбу стараясь сказать, издавала она лишь мычанье,
 Звуковъ пугалась своихъ и ей страшнымъ свой голосъ казался.
 Вотъ устремилась къ ручью, у которого часто играла,
 Вотъ подошла къ берегамъ Инахидскимъ, но въ волны взглянувши,
 Прочь убѣгасть, роговъ на себѣ и себя испугавшись.
 Не узваютъ ни Наады ее; ни самъ Инахъ не можетъ,
 Кто та, признать. Телица-жъ слѣдить за отцомъ и сестрами;
 Ихъ удивленье и ласки къ себѣ обратить она хочетъ.
 Вотъ сѣдой Инахъ телицу питаетъ сорваниной травою;
 Лижетъ она его руки, цѣлуя отцовы ладони,
 И полились ея слезы; а еслибы слово сказалось,
 Имя свое и несчастья повѣдѣвъ, она испросила бѣ
 Помощь отца! Но не могши сказать, начертила ногою
 Знаки она на пескѣ о печальному своемъ превращеньи.
 „О я несчастный!“ Инахъ восклицаетъ, и крѣпко руками
 Шею своей блѣдосѣжной телицы съ рогами обнявши,
 „О я несчастный!“ Инахъ повторяетъ: „Ты ль это повсюду
 Мною искаанная дочь? Я плакаль, тебя потерявши;
 Слезъ еще больше достойно теперь мнѣ твое возвращенье!
 Уже не можешьъ на ласки мои ты отвѣтить словами,
 Молча, лишь вдохи глубокіе ты исторгаетъ изъ груди
 И отвѣчаешьъ на слово мое ты однимъ лишь мычаньемъ.

Я же въ изнанки и факель тебъ, и ложе Гимена,
 Заты съ потомствомъ тобою увидѣть надѣясь, готовиль.
 Нынѣ же, вижу, ты въ стадѣ найдешь себѣ мужа съ потомствомъ.
 Самою смертью. увы! мнѣ нельзѧ сихъ окончить страданій,
 Вредъ лишь приноситъ мнѣ то, что я богъ. Не доступными смерти
 Вѣчными будутъ страданья мои, какъ и дни мои вѣчны".

. . . . . Аргусъ, явившись тогда, прерываетъ стеманья Ивака.
 И изъ обѣлгій отцовскихъ увлекши, дочь гонить на пастѣбу.
 Самъ же вершилу высокой горы занимая, садится,
 Взоры свои по всѣмъ сторонамъ обращая оттуда.
 Самъ владыка всевышній несчастій такихъ Форониды
 Дольше не можетъ сносить и, рожденного свѣтлой Плеядой
 Сына къ себѣ призываю, его посыпаетъ скорбѣ
 Аргуса смерти предать. Тотчасъ же къ ногамъ привязавши
 Крылья, покрывши главу и сноторвный свой жезлъ взявшись въ руки,
 Съ неба Юпитера синь изъ высокаго замка стремится.
 И, какъ спустился на землю, съ главы украшенѣе, съ ногъ крылья
 Только лишь жезль у себя оставляя, снимается Меркурий.
 И по пустыннымъ полямъ какъ пастухъ на свирѣли играя,
 Козъ мимоходомъ украденныхъ гонить жезломъ тѣмъ посланикъ.
 Новые звуки плѣнили Юнонину сторожа: „Гей иты!"
 Аргусъ сказалъ, „вотъ на этой горѣ здѣсь со мною садиться,
 Кто бѣ ты ни былъ, ты можешь. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ скоту ты
 Лучшей травы не найдешь, а въ тѣни пастухамъ здѣсь пріятно".
 Съль съ ними потомокъ Атланта и многообильной рѣчью
 Съ Аргусомъ день сокращаетъ текущій и хочетъ Меркурій
 Сномъ уснить, на свирѣли играя, бесконныя очи;
 Но чудовище сна избѣгаєть и два только глаза,
 Бодро другими смотря, для покоя смыкаетъ лишь Аргусъ,
 И предлагаетъ Меркурю Аргусъ вопросъ: „По какому
 Слuchaю стала открыта свирель, что открыта недавно?"
 И отвѣтша Меркурій сказалъ такъ: „Межъ всѣхъ Нонакридскихъ
 Гамадріадъ на холодныхъ Аркадіи горной вершинахъ
 Славной была Назда одна, по названию Сириніесь;
 Много ужъ разъ уклонилась она отъ искательствъ Сатировъ,
 Съ тѣмъ и прочихъ боговъ по полямъ и лѣсамъ обитавшихъ,
 Чти Оритигійскую дѣву Диану занятьемъ и дѣствомъ.
 Сходной съ Дианой казалась она и одеждой; одинъ лишь
 Лукъ роговой отличалъ отъ Дианы ее златолукой.

Такъ была сходна съ богинею Сиринкъ Наяда. Однажды Сиринкъ спускалась съ Ликейской вершини. Увидя Наяду Панъ богъ, себя увѣнчавши сосновоколючимъ вѣнкомъ, ей Такъ говорить „...И богу слова лишь сказать осталось, Какъ не винилъ рѣчамъ, убѣжалъ прочь Нимфа Наяда И, добѣжавши до водъ рѣки Ладо песчаной, преграду Сиринкъ дальнѣйшему бѣгству встрѣчасть въ волнахъ этой Ладо... Молить тогда своиъ свѣтлыхъ сестеръ о свѣтѣ превращены; А межъ тѣмъ, въ мысльхъ надѣясь обнять уже Сиринкъ руками, Панъ обнималъ лишь болотный тростникъ вмѣсто Сиринкъ Наяды И въ тростникѣ томъ воздухъ, спирался отъ вдоховъ Наяды, Звукъ порождалъ и печальный и вѣжный, и сладостью звуковъ Тѣхъ очарованный богъ воскликнулъ тогда: „О Сиринкъ! Пусть хотя это отнынѣ мнѣ свѣтло будетъ съ тобою!“ Такъ-то тогда изо многихъ тростниковъ склеенная Паномъ Съ помощью воска свирѣль получила та имя Наяды. Вдругъ замѣчаетъ Меркурій, что Аргуса очи закрылись. Свой прерываетъ тогда же разказъ урождемецъ Цилленъ И отягчаетъ скотворнымъ жезломъ сномъ закрыты вѣки; Тотчасъ затѣмъ поражаетъ мечемъ онъ чудовища шею, И низвергаясь трупъ запятнать своей кровью утесы!

„Аргус! лежиши ты, и сколько бъ ни было въ глазахъ твоихъ свѣта, Весь онъ погашенъ и сто твоихъ глазъ темнотою покрыты!“ Аргуса же очи Юнона сбираестъ и, такъ какъ звѣздами, Ими священнай ей птицы и перья, и хвость украшаестъ. Снова тогда закипѣла месть въ сердцѣ Юноны; не медля Страшныхъ Эриний она передъ умъ и глаза преставляемъ Дѣвы Аргосской, и робость безумную въ сердце вложивши, Мужа любовницѣ вследу въ тревогѣ скитаться судила.

Ниль! Ты послѣдній изъ всѣхъ очевидцевъ былъ Ю страданій. Ниля достигши, къ землѣ приклонила талица колѣни, И устремлѧ глаза свои къ небу и вытянувъ шею, Плачемъ, слезами и жалкими, исполненными скорби, мичающемъ Просить конца Ю тяжкимъ страданьямъ, именя Зевесу. Нѣжно супругу обиравши, такъ просить Юпитеръ Юнону, Чтобъ наконецъ прекратила богиня страданія Ю:

„Страхъ свой оставь навсегда, говорить онъ, ужъ больше не будетъ Ю причиной скорби твоей“ и велитъ это слышать Сти克斯ъ волнамъ. Смягчилась богиня. Тотчасъ принимаетъ

Нимфа видъ прежній и стала такою-жъ, была настъ и прежде;
 И уничтожились щерсть и рога; и зрачки стали уже;
 Зевъ сократился въ уста; возвратились и плечи и руки,
 Вмѣсто копытъ появился пальцы: отъ вида телницы
 Только осталась одна бѣлизна. Поднимается Нимфа
 На двѣ ноги, промыть опасалась подобно коровѣ,
 Слово боится сказать и неисно лепечетъ лишь звуки.
 Нынѣ же чтится богиней она жрица лиценосныхъ толпъ.

III.

Фаэтонть.

(кн. I, ст. 748—779)

. . . . Быль, по преданью, рожденный отъ славной Юпитера крови
 Сынъ у ней Элафъ. Онъ съ матерью вмѣстѣ быль читимъ городами
 И алтари имѣль общіе съ нею. Ему тогда разнымы
 Быль Фаэтонть и годами и духомъ, рожденный отъ Солнца.
 Феба имѣя отцомъ, Фаэтонть похвалился однажды
 Родомъ своимъ предъ Элафонъ, его не желая быть ниже.
 Иаха звукъ, тщеславая не снесши, сказашъ: „О безумный!
 Матери ль вѣрить во всемъ и родителемъ ложнымъ гордиться?
 И покрасайль Фаэтонть и свой гибъ отъ стыда подавивши,
 Объ оскорбленьи Элафа томъ такъ говорилъ онъ Клименъ:
 „Многопечально, о мать, мнѣ, что я, столь и сильный и твердый,
 Передъ врагомъ своимъ долженъ молчать. То въ стыдъ мнѣ, что
 могутъ

Мнѣ оскорбленье сказать и нельзя мнѣ его опровергнуть.
 Ты же, о мать моя! Если съ неба мой родъ происходитъ,
 Рода такого дай знакъ и небесный мой родъ докажи мнѣ“.
 Съ рѣчью такою въ объятіяхъ мать Фаэтонть сожимая,
 Дать обѣ родителѣ знакъ несомнѣнныи ее умолистъ
 Єракомъ сестерь, головомъ своей, головой и Меропа.
 Тронувшись болѣе, трудно сказать, иль своимъ оскорбленьемъ
 Или же просьбами сына, Климена, поднявъ обѣ руки
 Къ небу и взоръ устремляя свой къ солнцу, такъ говорила:
 „Этимъ свѣтомъ блестящимъ, который настъ видѣть и слышить,
 Сынъ! я клянуся тебѣ, отъ солнца, которое видиши,
 Солнца блестящаго, міра правителя произошелъ ты!
 Если-жъ неправду я говорю; то пусть свѣтъ не допустить

Видѣть мнѣ больше себя и послѣднімъ мнѣ будетъ день этоты!
 Трудъ для тебя небольшой, чтобы достигнуть отцевскаго дома,
 Мѣсто его восхожденья сосѣдить съ сей нашей землею,
 Можешь идти и узнать отъ него самого, если хочешъ"
 Рѣчью такой восхищенный сынъ Феба, отъ радости блещеть,
 Мысленно онъ ужъ восходитъ на небо,—и Фебова отрасль
 И Эеопскую область и Индіи жаркия страны
 Скоро минутъ и къ мѣсту подходитъ отцова восхода.

IV.

Судьба Фаэтонта.

(Кн. II, ст. 1—339).

Золотомъ ярко блестая и пламенодобнымъ трономъ,
 Былъ дворецъ Солнца высокъ, утвержденъ на высокихъ колоннахъ,
 Костью слоновой блестящей вершина дворца покрывалась,
 Блескомъ лучей серебристыхъ сияли двустворные двери.
 Но материаль превышало искусство. На зданіи Феба
 Море, кругомъ обтекаетъ что землю, Вулканъ отчеканилъ,
 Такъ же и шаръ отчеканилъ земной и надъ шаромъ тѣмъ небо.

Въ морѣ представилъ лавурныхъ боровъ и Тритона межъ ними,
 И Нереидъ, и Дориду; одинъ изъ нихъ плаваютъ въ морѣ,
 Косы зеленны сушатъ другія, сидя на утесахъ;
 Бѣдать на рыбахъ иныя;—лицомъ хоть не скожи,
 И не различны однажды очи, какъ прилично быть сестранъ,
 И многоличного бога Протея и то, какъ Эгейонъ
 Китовъ огромныхъ хребты сжимаетъ своими руками.

Землю представилъ съ людьми, городами, звѣрями, лѣсами,
 И божества полевые представилъ и съ Нимфами рѣки,
 Свѣтлое небо Вулканъ начерталъ надъ землею, представилъ
 Шесть созвѣздій какъ справа, такъ столько-же и слѣва на дверахъ.

Кончиль когда сынъ Климентъ на небо путь круто-высокій,
 Входить въ дворецъ онъ отца, оставался который сомнѣніемъ,
 И направляеть шаги свои прямо къ отцовскому лицу;
 Но не могши, близко стоя, перенестъ его блеска,
 Сталь вдалекъ. Воесьдаль, облеченный въ пурпурной одеждѣ,
 Фебъ на престолѣ сидящемъ блескомъ свѣщающихъ смарагдовъ.
 Съ лѣвой и правой стороны у него въ разстояніи равномъ
 Были Часы, стояли тутъ также и Годъ и Столѣтья,

Мъсяцъ и День и Весна молоды въ цвѣточной коронѣ;
Тутъ же и жаркое лѣто, держа пукъ колесьевъ; имѣ
Сбора сѣды винограднаго, тутъ находилась и осень;
Здѣсь и зима съ валосами сѣдыми была ледяна.

Солнце, всеврачаніи видя очами съ средины собранья
Юношу, былъ пораженъ новизною предметомъ второрѣ.
Такъ говоритьъ: „Какою причина пути, и въ сей замокъ
Съ цѣлью какою стремилъся ты, милый мой сынъ несомнѣнный?“
И Фаэтонть отвѣтствуетъ: „О свѣтъ беспредѣльному миру
Общій, о Фебъ мой отецъ, если такъ называть тебя смѣю
И не скрываю Климана именемъ вымысломъ ложнымъ!
Дай мнѣ, родитель, залогъ, по которому бъ могъ я быть призванъ
Сыномъ твоимъ и тѣмъ въ сердцѣ моемъ уничтожь ты сомнѣніе!“
Такъ онъ сказалъ. И родитель, луки съ головы своей снявши
Яриоблесташе, сину велитъ подойти къ себѣ ближе
И обнимая его говоритьъ: „Достопрій называться
Сыномъ моимъ ты, и правду о родѣ сказала Климана,
И чтобы больше не было сомнѣнія, проси себѣ дара,
Вѣрю его ты получишь; обѣтуешь свидѣтелемъ будешь
Пусть неримое мню белоте, которымъ кланутся
Боги“. Лишь кончилъ Фебъ, просять сына у отца колесницы
И крылоногихъ отцовскихъ коней лишь на день во владѣніе.
Въ вѣтвѣ раскашалъ Фебъ и трижды и много разъ—много
Свѣтлой главой потряса, сказалъ: „Чрезъ твое безразсудство
Рѣчь и моя безразсудно стока; о если бъ могъ я,
Могъ не исполнить обѣта! О сынъ! отказать только въ этомъ
Могъ я тебѣ и отъ этого можно ль тебѣ отклонить мнѣ?
Не безопасне желаніе твое, сынъ; ты многаго просишь,
Что не по силамъ тебѣ, Фаэтонть, и годамъ твоимъ юнымъ!
Будучи смертными, ты просишь того, что не смертнаго дѣло.
Большаго даже, чѣмъ что достижимо едва ли бессмертнымъ!
Каждый изъ нихъ захотѣлъ бы того и себѣ, если бъ могъ кто!
Но, исключая меня, не возможеть никто удержаться
На огненной оси, ни даже владыка Олимпия,
Тотъ, что бросаетъ изъ страшной десницы ужасныя молны,
Той не возможъ бы провести колесницы, а кто его больше?
Путь тотъ сначала кругъ и не и есть только сѣдѣ кони
Могутъ подняться по утру; но сама вѣсъ по срединѣ.
Мнѣ самому посмотрѣть оттуда на море и землю

Часто страшно бываетъ и сердце такъ бьется отъ страха.
 Далѣе-же путь тотъ стремителъ; нуженъ хороший возничій;
 Даже и Тетисъ, которая въ волны меня принимаетъ,
 Въ страхѣ боится тогда, чтобы я не упалъ изъвергаясь.
 Знай ты къ тому же, что небо кружится воегданіемъ круженьемъ,
 Быстро вокругъ обращася и заѣзы съ собой увлекая!
 Знай, что стремлюсь я и ёду напротивъ вращенія неба,
 Ёду напротивъ вращенія, съ которымъ все вмѣстѣ вертига.
 Вообрази же, что ты получила колесницу. Что дѣлата?
 Можешь ли ты совершилъ путь напротивъ вращенія неба?
 Не быть лиши сброшенъ бы ты съ колесницы. Быть можетъ, мечтаешь
 Встрѣтить ты тамъ города и дома и лѣса и съ огромными
 Храмы богатствомъ? Напротивъ, лишь быди въ пути томъ и зѣри!
 Чтобы путь совершилъ и иройхать безъ всякой ошибки,
 Долженъ Тельца ты тамъ встрѣчаго рогъ миновать, а тамъ дальше
 Стрѣлы Стрѣльца Фессалии и страшно снарѣваго Льва пасть.
 Долженъ пройти Скорпиона и Рака, свои изогнувшись
 Клещами ужасный другъ противъ друга въ огромные круги.
 И не легко тебѣ справить юнцами, когда разъярятся
 Пламенемъ тѣмъ, что имѣютъ въ груди и его извергають
 И изо рта и ноздрей. Едва мнѣ удастся удавить
 Ими, когда разъярятся и удилы противятся слушать.
 Ты же, мой сынъ, чтобы не быть мнѣ печального дара причиной,
 Сынъ, берегись и желанье исправь, пока еще можнѣ.
 Просиши ты, чтобы убѣдиться, отъ края ль моей ты родился,
 Вѣрнаго знака!.... Но страхомъ даю тебѣ знакъ симъ вѣрѣній,
 Страхъ мой отцовскій во мнѣ ли отца не является! Въ лицо ты
 Мнѣ посмотри и о еслибъ въ сердце ты могъ бы глазами
 Мнѣ заглянуть и внутри тамъ извѣдать отцовскія скорби!
 Но посмотри, наменецъ, на богатства всѣ этого міра
 И изъ всего, что ни есть въ немъ прекраснаго въ морѣ и небѣ
 И на землѣ, ты проси, чего хочешь, откажа не будеть;
 Просьбу лишь эту остави потому, что не въ честь тебѣ будеть,
 Но въ наказанье она. Наказанія—не дара ты просишь!
 О Фаэтонть! и къ чему ты меня обнимашь такъ яѣко.
 Клялся я Стиксъ водами и все бѣть сомнѣній получинъ,
 Все, пожелаешь чего ты, будь только въ желаньяхъ разумный".
 Кончилъ такъ Фебъ увиданья, но рѣчи отца противились,
 Сынъ подтверждаетъ свое предложеніе, прося колесницы.

Медиль родитель, пока было можно; къ високой подвѣдѣть
Юношу отъ наконецъ колесницѣ—Вулкана подарку.
Ось колесницы и дышло изъ золота скованы были,
Были ободья колес золоты, серебряны спицы,
И хризолиты и камни цветные на упражи были.
Ярко блестали они, отражаясь лучей бога Феба.
Все то пока въ колесница разсмотривалъ сынъ Аполлона
И удивляясь искусству, какъ вогъ изъ Востока блестящемъ
Пурпуръ видомъ подобныхъ двери Аврора отворила.
И обиталище полное розъ. Удалются съ неба
Звѣзды, Лициферъ послѣднимъ исчезъ за другими звѣздами.
Послѣ того, какъ увидѣль Фебъ, что небо и земли
Краснымъ зардѣлися свѣтомъ, и мѣсяцъ съ своими рогами
Какъ бы исчезъ послѣ вѣхъ, юшадей запрѣтѣ велить Титанъ
Горамъ послѣднимъ. Богини проворю приказъ исполнять
И огнедышащихъ коней, насыщенныхъ сокомъ Амвросы
Тотчасъ отъ яслей высокихъ приводить, узду налагая.
Фебъ тогда сыну лицо матираетъ смыщевымъ составомъ
И терпѣливымъ чрезъ то его дѣляетъ къ сильному жару,
Голову сына украсилъ лучами. Потомъ, испуская
Вздохи—предвѣстники горя изъ сердца за тѣмъ говорить такъ:
„Если ты можешьъ, хоть въ этомъ отцовъ совѣта послушай,
Возжи ты крѣпче держи и не думай коней погонять, сынъ,
Сами собою спѣшать и ихъ ярость удерживать трудно.
Знай, что лажитъ поворотами въ разныхъ стороны путь твой
И изъ пяти по одной дугѣ и право пути не держи ты;
Но направляясь въ предѣлахъ трехъ поясовъ, то удалайся
Полюса Юга, то также Медвѣдицы съ бурами дружной:
Путь твой пусть будеть межъ ними; еще тамъ моей колесницы
Ясны слѣди! А чтобы жарь одинаковъ землѣ былъ и небу,
Не направляй колесницы ты слишкомъ ни къ низу, ни къ верху.
Ѣхъ верху поднявшись высоко, вожженъ ты небесные дома,
Землю же — чрезъ мѣру счастившись: безпрѣдно пройденъ по сре-
динѣ.
Знай, колесницей на правой руцѣ миновать звѣду Змія,
А на лѣвой—держать отъ звѣзы Алтари отдаленной:
Правъ между ними; вѣраю Фортунѣ я все остальное.
Пусть помогаетъ она и управитъ путь лучше, чѣмъ ты самъ!
Но посмотри, ужъ ночь покрываетъ Гесперскихъ земли,

Тьма ужъ истекла и блещетъ Аврора и насы синеетъ.
 Въ руки ты возже бери, иши, если начнешь правъ твой,
 Пользуйся лучше совсѣмъ моимъ, чѣмъ моей колесницей;
 Можно, пока и въ вѣремъ убѣжитъ ты пребываешь,
 И колесницей пока, не умѣя, ты править не начала.
 Пользуйся совсѣмъ спокойно и ишь оставитъ ти дай землю!“
 Но восходя, занимаетъ при санѣ Фаэтонъ колесницу,
 Легкій и юный сынъ Феба, и видѣ въ румакъ склонъ волни,
 Радуясь скорбному еизъ выражаетъ отцу благодарность.
 Между тѣмъ быстрѣ Солнцеви кони—Нарисъ и Эусъ,
 Этонъ и Флегонъ своимъ агламаютъ весь ржавецъ воздухъ,
 Дышутъ огнемъ и ногами своими въ заноръ ударяютъ.
 Только лишь, жребіи внука не зналъ, богини заноръ теть
 Тетисъ отиала и міръ необъятный изъ веорамъ открылся,
 Быстро они устремились въ путь, и по воздуху имъ часъ,
 Всѣ облака разсѣяли ногами и съ помощью крыльевъ
 Опережаютъ и Эвра, возникшаго въ тѣхъ же предѣлахъ.
 Тажесть легка и узнать колесницы той кони не могутъ,
 Чують однакожъ, что тажестию должной ярмо не имѣть.
 Какъ корабли, приличного груза въ себѣ не имѣя,
 По бурному вселится морю, съ легкостью быстро качаю,
 Такъ колесница безъ тажестию должна несется по высоки,
 Дѣлая слишкомъ большие скакки, какъ будто пустымъ.
 Кони же, легкость почуда, свой бѣгъ ускоряютъ; оставивъ
 Путь свой обычный, несутся впередъ не по прежней дорогѣ.
 И испугался сынъ Солнца, не вѣдалъ, какъ бы направить
 Коней ему и куда,—испугался неизвѣданныя дороги.
 И раскалились тогда отъ лучей Тріоны впервые
 И погрузиться отъ жара напрасно стараются въ море,
 И къ ледовитому полюсу, Змѣй, что лежитъ приближенный,
 Прежде морозомъ окованный лютникъ, змѣй тихій, не страшный,
 Нынѣ согрѣлся и новую яростъ отъ жара воспринялъ.
 Шагъ свой и ты, о Боотъ, говорить, уговорилъ возмущенный,
 Тихимъ и медленнымъ бывши всегда со своею телѣгой!
 Между же тѣмъ, какъ несчастный сынъ Солнца съ высокаго неба
 Взоръ обратилъ свой на Землю, что были въ далекомъ пространствѣ,
 Блѣдностью весь онъ покрылся, колѣна отъ страха дрожали,
 И потемѣло въ глазахъ Фаэтонта отъ сильного свѣта,
 И ужъ коней отцовскихъ ему бѣ получить не хотѣлось.

Бается онъ, что и родъ узнавалъ свой и въ просьбѣ успѣхъ быть.
 Сыномъ Меропы желаю ужъ зваться, несется онъ также,
 Какъ и гонимый Бореемъ корабль, на которомъ оставилъ
 Коричній и парусъ и руль отдастся богамъ и обѣтамъ.
 Что жъ дѣлать? Ужъ Фаэтонъ мивовалъ много неба несчастный,
 Больше-жъ еще впереди, измѣряеть онъ то и другое.
 Смотрѣть синь Феба на Западъ, достигнуть втораго рокомъ
 Было ему не дано; также смотрѣть назадъ и къ Востому.
 Что ему дѣлать, не зная, — въ сомнѣнїи вождѣ не спускаеть,
 Ни управлять онъ не можетъ, ни коней называть именами.
 Въ страхѣ къ тому же онъ видѣть на небѣ повсюду чудовищъ,
 Образы видѣть повсюду разсѣянныхъ дикихъ животныхъ.

Есть на пути одно мѣсто, гдѣ изгибаеть въ два лука
 Клешни свои Скорпіонъ и далеко по небу въ предѣлы
 Знаковъ другихъ простираетъ изогнутый хвостъ свой и ноги.
 Только лишь юный вождѣтъ увидѣль, какъ яdomъ обильный
 Раны грозится начесть Скорпіонъ острѣемъ изогнутымъ,
 Мыслей лишился и вожди изъ рукъ выпускаеть въ испугѣ.
 Кони-жъ, почувствъ, что брошены вожди изъ рукъ, имъ на спину,
 Путь свой оставивъ, безъ всякой узды, по странамъ неизвѣстныи
 Мчатся и лишь подчиняясь стремленью, свой бѣгъ ускоряютъ.
 То направляются къ звѣздамъ, на высихъ небесныхъ висящими,
 То увлекаютъ они колесницу въ глубокія бездны,
 То устремляются къ небу они, то несутся оттуда
 Близко и круто къ землѣ, по стремнѣстнымъ путамъ ниспускаясь.
 Видѣть Луна съ удивлѣніемъ, что братини вони несутся
 Ниже ея лонай. Вотъ облака, загорѣвшись, дымятся,
 Вотъ уже пламя вершины земли охватило собою;
 Щели дасть раскололиць земля и, утративши влагу,
 Сохнетъ отъ жара, желтѣютъ луга, деревя горать съ листвой,
 Нива, иссохши, дасть врагу новую пищу собою.

Бѣдствій сихъ мало,— и вотъ города погибаютъ съ стѣнами,
 Въ пепель сжигає пожаръ истребляетъ и цѣлыя страны
 Виѣсты съ народами. Виѣсты съ горами сгораютъ лѣса вѣй;
 Вотъ горятъ Атосъ и Тавръ Киликійскій и Эта и Тмолюсь,
 Нынѣ иссохши стораетъ ручьями столь слазная Ида,
 Музамъ священный горить Геликонъ, сгораетъ и Гемость,
 Сильнымъ огнемъ воспылала и Этна въ безмѣрномъ пожарѣ,
 Съ нею и Эриксъ и Отрисъ и Цинецъ и Парнасъ двувершинный,

Также Родопъ, долженствующій сѣяга линиться, и Мимасъ,
И Кнееронъ, посвященный для жертвъ, и Дандінъ и Микале,
И бесполезны морозы для Синеи, горы Кавказа,
Осса, и Пиндъ, и Олимпъ, высочайший обояхъ, пылающъ,
Альпи пылаютъ, горить Атлантичъ, собирающий тучи.

Видѣть тогда Фаэтонъ, что имѣаетъ повсюду въ пожарѣ
Весь земной шаръ и не можетъ ужъ самъ сносить жара такого,
Дуетъ въ лицо ему вѣтеръ горячій, какъ бы изъ горнала,
Чувствуетъ онъ, колесница его раскалилась отъ жара,
Искръ разметающихъ съ венкомъ способить Фаэтонъ ужъ не можетъ
Дольше и дымъ отовсюду его окружаетъ—густой дымъ.
И затемненный, покрытый огнь черною сажею не можетъ,
Гдѣ онъ и гдѣ его путь... но какъ птицы влекутъ его кони.
Въ это-то время народятъ Зеюонский, гласится въ преданыи,
Темный свой цвѣтъ получилъ ради крови, проклынувшей къ кожѣ.
Въ это-то время, лишася воды отъ столь сильного жара,
Либія стала пустыней. Тогда-то оплакали Нимфи
Рѣки, озера, ключи, волоса распустили отъ жечали.
Ищетъ Беотія Дицре, Аргосъ Амимону, Пирену
Ищетъ Коринтъ. Не остались тогда безопасны и рѣки.
Волиъ посрединѣ своихъ загорѣлись Танансъ широкій,
Старецъ Пеней и Канкъ изъ горы Теверантской текущій,
Быстрый Исменъ съ Эриманеомъ рѣкою въ предѣлахъ Фокиды,
Желтый Ликормастъ и Есаневъ, обреченный вторично дымиться;
Мелась, текущій въ Мигдонской землѣ и Тенарской Евротасъ,
Также и ты, о игривый Маандръ въ берегахъ искрилениихъ.
Дымомъ дымились, гора, Вавилонскій Евфратъ и Ороатесь,
Гангесъ и Фазисъ, и Истеръ и быстробурливый Термодонъ,
Воды кипѣли Амфей, и Сиеркій огнемъ обнимался,
Пламенемъ текъ и несущій въ волнахъ своихъ золото Тагось.
Лебеди вмѣстѣ погибли съ Камстромъ-рѣкою отъ жара,
Лебеди, что оглашало Меонію пѣньемъ предсмертнымъ.
Ниль, устрашившись пожара, бѣжалъ на край сѣта далеко
И неизвѣстно до нынѣ, гдѣ спряталъ свою онъ вершину;
Семь его устьевъ песчаныхъ теперь семь долинъ суть безводныхъ.
Той же судбою иссохли во Фракіи Гебръ со Стримономъ,
И Гесперийскія рѣки, и Рона, и Реничъ, и Надъ,
И наконецъ славный Тибръ, предназначенный царствовать въ мірѣ.

Вся расщелилась земля, и сквозь трещины свѣтъ проникалъ
Въ Тартаръ, подземного бога съ супругой своею смущаетъ.
Самая область морей уменьшилась; песчаное поле
Тамъ появилось, гдѣ было море, и горы возникли
Водъ изъ глубокихъ и массу Цикладовъ собой умножаютъ.
Въ глубь устремляются рыбы; дельфины по прежней привычкѣ
Больше не смыгаютъ всплывать надъ водой, поднимаясь къ верху;
И опровергнувшись плавничъ, лежать на поверхности моря,
Жизни лишася, тюлени. Нерей самъ, гласится въ преданияхъ,
Вмѣстѣ съ дѣтьми и Доридой въ нагрѣвшихся скрылся пещерахъ.
Трижды Нептунъ съ осерженіемъ лицомъ изъ-подъ водъ покушался
Руки поднять, и воздушного жара онъ трижды не вынесъ.
Вотъ каконецъ окруженнаго pointомъ земля посрединѣ
Водъ океана и всюду изъянкихъ истоповъ, что скрылись
Въ нѣдра ея, какъ прохладная матери нѣдра отъ жара,
Всеприносящая ликъ своей подняла по самую шею,
Но приложивъ къ лицу руки и сильно кругомъ все потрясши,
Внизъ опустилась не много, и ниже, чѣмъ слѣдуетъ быть ей,
Будучи, голосемъ хриплью отъ жара такъ говорила:
„Если угодно такъ, о высочайший, и я заслужила
Гибель свою, то затѣмъ твои молнии медлить, и если
Должно погибнуть огнемъ мнѣ, огнемъ пусть погибну твоимъ я:
Самая гибель моя отъ тебя мнѣ прѣятнѣе будетъ!
Только уста лишь открыть я для словъ сихъ усиѣла, смотрю ужъ
Дышъ задушаетъ меня! Опаленные волосы эти
Видишь ли, видишь ли искръ на лицѣ и глазахъ моихъ сколько?
Эту ли честь за мое плодородье, и эту ли цѣну
Ты воадаешь мнѣ, которая столько страдаетъ отъ плуга,
Столько страдаетъ иносность работы въ продолженіе года?
Это ль за то, что рождаю я зелень животнымъ и пищу
Роду людей, и за то, что даю еніамъ для бессмертныхъ?
„Но заслужила я гибель! Скажи мнѣ, въ чемъ братъ твой виновенъ,
Въ чемъ преступленье его.. и за чѣмъ убываютъ предѣлы
Данныхъ ему океановъ и дальше отъ неба отходить.
Если же вѣтъ ни ко мнѣ въ тебѣ милости больше, ни къ брату,
Небо свое пожалѣй ты и къ полисамъ взортъ обрати свой!
Видишь, дышатъ ужъ оба, и если огонь ихъ разрушитъ,
То и чертоги твои упадутъ; посмотри, и самъ Атласъ
Ось раскаленную жаромъ съ трудомъ на плечахъ едва держить.

Если погибнуть моря, съ ними земли и небо исчезнутъ,
То мы смѣшаемся въ древнемъ Хаосѣ. Спаси же отъ огня ты
То, что осталось еще, и искаса о цѣлості міра!"
Такъ говорила земля, и сносить дольные жара не могши,
Больше не могши отъ дыма ни слова промолвить, скрываетъ
Ликъ свой въ себя и пещерахъ глубокихъ и близкихъ къ Аиду.

Смыла то, Зевсъ всемогущій клянется богами и тѣмъ, кто
Даль колесницу, клянется, что міръ весь исчезнетъ въ пожарѣ,
Если ему не помочь, и стремится къ высокому небу,
Тучи откуда обычно на землю суть все посыпаетъ,
Громомъ оттуда гремитъ и грозныя молны бросаетъ;
Но не случилось тогда облаковъ, чтобы послать ихъ на землю,
И не случилось дождей, чтобы съ неба прислать ихъ на землю.
Вотъ загремѣть, и въ везничаго идетъ онъ изъ праваго уха
Грозную молнию и жиани его съ колесницей лишаетъ;
Разомъ и пламя земли отъ огней тѣхъ небесныхъ паче вло.
Кони, въ испугѣ отъ грома въ противныхъ сторонахъ броедасъ,
Шеи свои отъ ярма свободивъ, разбѣгаются. Видны
Тамъ удила, здѣсь валится ось, отломившись отъ дышла,
Тамъ лежать спицы колесъ, разломавшихся въ мелкія части.
Всюду кругомъ—сокрушенной лежать колесницы обломки.
Самъ Фаэтонъ съ оналенимъ огнемъ головой тѣмъ небесами
Быстро по воздуху длинной чертою летить, низвергаласъ.
Такъ иногда низвергается, кажется, съ яснаго неба,
Падая какъ бы, звѣзда, хоть паденіе ей невозможно.
И Фаэтонта вдали отъ отчизны, въ другомъ полумирѣ
Въ волны принялъ Эриданъ и отвѣль его ликъ покернѣлый.
Нимфи Гесперія трупъ Фаэтонта, дымящійся молней,
Скрыли въ гробницу и съ надписью камень таюю воздвили:
„Здѣсь погребенъ Фаэтонъ, колесница отцовской возничий,
Жертвою замысловъ смѣлыхъ онъ палъ, колесницей не спрavitъ".
Скрыль тогда ликъ свой отецъ, пораженный по сынѣ великай
Скорбью, и день прошелъ цѣлый безъ солнца, гласится въ преданіи,
Если преданью наимъ вѣрить, и свѣтъ доставляли пожары.
Такъ и въ несчастыи такомъ міровомъ была пѣкая польза.
Матъ же Климена, сказавши сначала, что должно сказать ей
Было въ несчастыи такомъ, пораженная горемъ, въ безумыи
И разрывая одѣжды, обходить въ сматеніи міръ весь,
Сына бездушные члены желая найти, и нашедши

Кости одни, погребенные въ чуждой землѣ и могилѣ,
Нѣжно припала къ могилѣ, и имя на мраморѣ сына
Мать обливаетъ слезами и грудью открытою грѣеть.

V.

Г е л і а д ы .

(Бн. II, ст. 340—366).

Дочери солнца не менѣе матери слезъ и риданій
Жертвуютъ брату столь тщетныхъ для смерти даровъ, и
Въ грудь ударя руками и съ воплемъ напрасно взываютъ.
Ночью и днемъ къ Фаэтонту, иль его упадающую могилѣ.
Вотъ ужъ четырежды въ кругъ съединила рога свои Феба,
Но Геліады обычно—обично стала печаль ихъ—
Плачутъ о братѣ, и вотъ устремляясь участъ на могилу,
Чувствуетъ вдругъ Фаэтону, что ноги ей цѣплютъ;
Свѣтлая, въ ней подойти направляясь, сестра Лампетія
Тутъ же на мѣстѣ осталась, приросши къ землѣ вдругъ корнями.
Волосы третья сестра, съ головы своей рвать порываясь,
Листья срывала лишь. Видѣть одна сестра такъ превращеніе
Ногъ своихъ въ древо, и рукъ превращеніе въ вѣтви другая.
И пока дочери солнца ливятся тому, покрываетъ
Ноги кора ихъ и чрево, и сердце, и руки, и плечи,
Только еще не покрыты уста ихъ, зовущія матеръ!
Что жъ дѣлать матери? И покораясь любви, прибѣгаешьъ
Мать то къ одной, то къ другой и цѣплютъ, доколѣ возможно.
Этого мало. Мать съ тѣла сорвать дѣтей хочетъ кору ту,
Силится вѣжныя вѣтви руками срывать, но оттуда
Хапають, такъ какъ изъ раны, кровавыя капаютъ капли.
„О умоляемъ, о матеръ! восклицаютъ отъ боли ей дщери,—
Наше—о матеръ, пощади—уявляется въ деревѣ тѣло!
Милая матеръ, прощай!” И корою уста ихъ покрылись.
Слезы сочатся однѣ, и твердѣя отъ солнца, какъ камни
Падаютъ съ вѣтвей юладыхъ янтарями, и во свѣтлыя волны
Ихъ принимаетъ рѣка и Латинянкамъ шлетъ въ украшеніе.

VI.

Цигнусь.

(Кн. II, ст. 366—400).

Цигнусь, Степела сынъ, былъ превращенъ свидѣтель такого,
 Цигнусь—тебѣ Фаэтонть, хотя близкій по матерней крови,
 Болѣе близкій еще по душѣ. Онъ, оставилъ правленье
 (Править онъ родомъ Лигуровъ и ихъ городами большими),
 Щѣнами скорби рѣку Эриданъ оглаждалъ съ берегами,
 Скорбю и лѣсь съ превращенными сестрами онъ оглаждалъ весь.
 Вдругъ его голосъ столь сильный сталъ слабынь, пухъ блѣднъ тогда же
 Вмѣсто волосъ появился, и длинная выросла шея,
 Пальцы его, покраснѣвъ, между собой перепонкой связались,
 Перья покрыли бока, и уста замѣнилися клювочь:
 Птицей невиданной Цигнусь явился. Себя не вѣршить
 Лебедь ни высъ небесной, ни Зевсу, исправны молны
 Помни его. Онъ стремится къ озерамъ и влажнымъ болотамъ,
 И ненавидя огонь, населяетъ иную стихію.

Межу тѣмъ, мрачный отецъ Фаэтонта и блѣдны—безъ блеска,
 Ставши такими, какъ бываетъ, когда онъ лишаетъ миръ свѣта,
 Въ скорби, и день, и свой свѣтъ, и себя самого ненавида,
 Духомъ въ печаль погрузился и гнѣвъ прибавляеть къ печали:
 Миру еще онъ не хочетъ служить, говоря такъ: „Довольно,
 Самыхъ временъ отъ начала была моя служба всегдашией,
 Жалко трудовъ безъ конца и награды—трудовъ постоянныхъ,
 Пусть колесницаю свѣтонесущей богъ править иной кто,
 Если жъ никто изъ боговъ не найдется, и все отрекутся,
 Править пусть самъ и на время, пока владѣть будетъ вождами,
 Молни, чтѣ отнимаютъ дѣтей, онъ оставить, конечно!
 Пусть онъ узнаеть, колеи испытавъ огненогихъ ретивость,
 Что недостоинъ тотъ смерти, управить кто ими не могъ бы“.
 Такъ говорилъ окруженный богъ—Солнце другими богами.
 Всѣ звались его, чтобы иракомъ онъ миръ не покрыль весь,
 Проситъ прощенія самъ и Юпитеръ, чтѣ молни бросилъ,
 Но прибавляеть къ мольбамъ симъ владыка, какъ царь, и угрозы.
 Фебъ собираетъ тогда своихъ коней испуганныхъ, дикихъ,

И укрощая, онъ бьеть ихъ бичемъ, ударяя имъ сильно;
Такъ онъ коней наказаль, вмѣня имъ сина погибель!

VII.

Похищеніе Европы, основаніе Оніура и превращеніе Кадма и Гармоніи.

(Кн. II, ст. 836—875; кн. III, ст. 1—137; кн. IV, ст. 563—603).

Сына къ себѣ призвавъ, Юпитеръ ему говорить такъ:
„Вѣрный моихъ исполнитель величій, о сынъ мой Меркурій,
Быстро, съ обычной скоростью, съ неба лети ты, не медля,
Въ землю, откуда нальво видна твоя мать и Сидоніей
Жители что называются. Увидя тамъ царское стадо
То, что пасется нагоркой травой, гони его къ морю“.
Такъ онъ скажаль, и телицы по волѣ Зевеса стремятся
Вотъ уже къ берегу моря, гдѣ царская дочь предаваться.
Вмѣстѣ съ тирійскими дѣвами играмъ обычай имѣла.
Тамъ же, оставивъ величье (не слишкомъ вѣдь скіпетръ съ любовью
Между собою совмѣстны), боговъ и отецъ и правитель,
Молны въ десницахъ содержитъ который и шаръ потрясаетъ,
Видѣя принимаетъ быка, и съ теллицами въ стадѣ смѣшивавшись,
Ходить по мягкому лугу, мича и красуясь между ними.
Цѣломъ тотъ быкъ блоснѣжный, не замаранъ онъ сѣдомъ также-
лымъ,

И влажный еще не коснулся быка того Австеръ,
Мягкая шея, подгрудокъ виситъ, образуя въ складки,
Были рога недѣлики, и думать бы можно, руками
Сдѣланы были и цвѣтнаго камня блестали якѣ.
Грозенъ не былъ его лобъ, не внушили глаза его страха;
Смирнѣмъ казался по виду. Движется Агенора дочь, что
Быкъ столь красивъ и что страха нисколько къ себѣ не внушиаетъ,
Но прикоснуться къ нему бласкается дѣва тотчасъ же.
Вотъ подошла и устами его чистыми цвѣты доставляетъ.
Радъ измѣненный не виду любовнику и ложетъ онъ руки,
Счастія время пока не пришло, и едва лиши, едва лишь
Можеть онъ далѣе ждать, и играетъ быкъ съ нею и скакать
Онъ по зеленой травѣ и на жгутый песокъ упадаетъ.
Мало по малу страхъ дѣви исчезъ, подставляетъ тогда быкъ

Дѣвѣ для ласки то грудь, то рога, чтобы украсить вѣнками
 Ихъ было можно ей. Царская дочь на хребетъ ужъ рѣшилась
 Сѣсть и садится, не зная, садится на спину какую.
 Быкъ-богъ тогда по маленьку съ земли и съ прибрежья ступаетъ
 Въ воду у самого края сначала, потомъ ступилъ дальше,
 Вотъ наконецъ уже идти она добычу по самому морю.
 Вида оставшійся берегъ позади; Европа въ испугѣ
 За рогъ схватилась одною рукою, рукою другою
 Въ спину упервшись сидѣть; лишь одѣжды взвиваются вѣтромъ.
 Быкъ, между тѣмъ съ вохиненіемъ дѣвой присталъ къ Диктою.
 Тамъ, съ себя снявши обманчивый образъ быка, Зевсъ признался,
 Что то былъ онъ и на Критѣ остался съ Европой. Въ то время
 Кадма искать похищенную дочь послыаетъ Агеноръ
 И въ наказаніе, еслибы онъ не нашелъ ея, ссылку,
 Нѣжный къ одной и жестокий къ другому, ему назначасть.
 Землю наслѣдовавъ всю (воровство же Юпитера сѣѣдать
 Можетъ ли кто?), отъ отцевскаго гнѣва бѣжать изъ отчизны
 Изгнанный Агеноридъ и къ оракулу Феба покорно
 Онъ прибѣгаєтъ съ вопросомъ, гдѣ должно ему поселиться?
 Фебъ отвѣчалъ ему: „Встрѣтишь въ пустынныхъ поляхъ ты телицу,
 Съ игомъ и плугомъ еще незнакомую. Путь свой за нею
 Ты совершилъ по слѣдамъ и на той травѣ, гдѣ она лежитъ,
 Стѣни построй, и соzdай, беотийскими ихъ назови ты.
 Только лишь Кадмъ изъ пещеры Кастальской священной выходить,
 Видѣть идущую онъ безо всякаго стражи телицу,
 Знака на шей своей она рабства еще не имѣла.
 Слѣдуетъ онъ и идетъ по слѣдамъ за телицей и молча
 Феба-оракулодателя въ сердцѣ своеемъ прославляетъ.
 Вотъ пройдены ужъ Цефисский источникъ и нивы Панопы;
 Остановилась телица тогда наконецъ, и поднявши
 Лобъ свой широкій съ рогами высокими къ небу, изъчанѣемъ
 Воздухъ своимъ огласила; потомъ, посмотрѣвши на тѣхъ, что
 Шли за ней слѣдомъ, ложится, на мягкой травѣ опускалась.
 Кадмъ возвысѧетъ тогда благодарность бегамъ и цѣлуетъ
 Новую землю, привѣтствуя чуждые горы съ полями;
 Хочеть и жертву Зевсу принести Кадмъ и для веселій
 Спутниковъ идти озъ воды покернинуть изъ истока живаго.
 Древній, ничьею рукою не тронутый, ресь вблизи лѣсь тамъ;
 Въ самой срединѣ его за вѣтвями скрывалась пещера,

Каменный сводъ въ той пещерѣ дугу представляла небольшую
Много обильна водами была та пещера. Скрылась,
Марсовъ, драконъ обиталъ здѣсь, блестя своей чешуею,
Очи свѣтились огнемъ, было ядомъ пропитано тѣло,
Три языка и три ряда зубовъ въ его пасти виднѣлись.
Послѣ того какъ Тирійскіе мужи вступили въ ту рощу
(Рокъ ихъ печаленъ былъ), и опущенные въ воду сосуды
Издали звукъ, свою длинную голову змѣй изъ пещеры
Выставивъ, страшный пустилъ шипъ. Отъ страха тотчасъ же изъ
руки воинъ

Выпали урны, застыла кровь въ жилахъ и дрогнули члены.
Змѣй же, суставы свои, чешуею покрытые, въ кольца
Свивши, летить и въ полетѣ извилась въ огромныхъ дугахъ,
Къ верху часть большую тѣла поднявши; потомъ змѣй всю рощу
Взоромъ свѣтлы обнимаетъ, и былъ онъ, всего еслибъ видѣть,
Также величъ, какъ и тогъ, что Медвѣдицѣ себой раздѣляеть.
Въ тотъ же моментъ Финикійцевъ, хотѣли ль они защищаться
Или бѣжать, или страхъ воспрепятствовалъ имъ томъ и другому имъ,
Змѣй убиваешь: однихъ—увязали, другихъ задушашъ
Въ кольцахъ свѣтлыхъ, ядовитымъ дыханьемъ сражая посѣдникъ.

Солнце, достигши вершины, ужъ дѣлало малыя тѣни;
Кадмъ удивляется, спутниковъ что бы могло задержать такъ.
Вотъ онъ идеть по слѣдамъ ихъ; одеждой была ему шкура,
Снятая съ льва, а оружіемъ дротикъ и съ свѣтыми желѣзомъ
Пика; но всякаго выше оружья была его храбрость.
Какъ только въ рощу вступили Кадмъ, то спутниковъ блѣдные труны
И по верху ихъ огромнаго вида врага онъ увидѣль,—
Лихетъ кровавымъ своимъ языккомъ змѣй ужасная раны.

„Буду иль испытателемъ смерти я вашей, о вѣрные трупы,
Или умру вмѣстѣ съ вами“, сказалъ Кадмъ. Сказавши, скватилъ онъ
Камень жерновый и сильной рукою бросаетъ имъ въ амѣй:
Стѣны высокія съ крѣпкими башнями были бѣ ударомъ
Потрясены такимъ. Змѣй же остался и пѣль, и безъ раны;
Былъ защищенъ чешуею, какъ броней, и твердою кожей,
Онъ отражалъ бѣзъ вреда столь могучіе Кадма удары.

Но не могла предъ желѣзомъ быть твердою кожа дракона,
Въ спину по самой срединѣ вонзеніе Кадмомъ желѣзо
Кожу разсѣло и въ самую внутренность змѣя проникло.
Голову змѣй тогда, разсвирѣпленъ отъ боли, закинулъ

На спину, и посмотрѣвши на рану, вонзенное твердо
Древко хватаетъ зубами; съ усилиемъ его раскатали,
Вырвать изъ тѣла успѣлъ, но же лѣзо вонзилось въ кости.
Новою болью тогда распалился былъ гнойъ язвы обычный,
Вадулся горло и полныя жили по немъ протанулись,
Бѣлая пѣна покрыла его смертоносную челюсть.
Землю своей бороздить чешуей такъ, что слышитомъ треще,
Пасть его, аду подобно, дышать такимъ чернымъ дыханьемъ,
Что очерняетъ собою и воздухъ, его заражая.
Самъ же змѣй, то извивается въ кольца, подобно спирали,
То поднимается кверху прямѣе высокаго древа.
Вотъ устремился змѣй съ силой на Кадма, съ какою стремится
Бурно разлившись рѣка отъ дождей, и лѣсъ своей грудью
Онъ поражаетъ. Не много Агемона сны отступаешь;
Львиною шкурой прикрыты, Кадмъ выдержалъ патину и змѣю
Въ горло вонзаетъ же лѣзо. Желѣзу змѣй въ яности раны
Тщетно напосить, ломаетъ лишь обѣ острѣе свои зубы.
Вотъ начала ужъ изъ тѣла, обильного ядомъ, сочиться
Кровь, и зеленые травы окрасились кровью нечистой;
Но была рана легка, такъ какъ змѣй отъ удара подался
Взаадъ, и откинувъ назадъ свою шею, рану усилить
Тѣмъ поѣшаль и не даль еще глубже желѣзу вонзиться.
Кадмъ между тѣмъ нажимаетъ вонзенное въ горло же лѣзо
Глубже и имъ нажимаетъ до тѣхъ поръ, пока не уперся
Змѣй въ отступлены на дубъ. И пронзилъ тогда шею и дубъ Кадмъ.
Сталось тогда, что подъ тяжестью змѣя погнулся и дубъ тотъ,
И застонала онъ, хвостомъ ударяемый злобного змѣя.
Смотритъ тогда побѣдитель на то, какъ великъ былъ его врагъ!
Вдругъ, неизвѣстно откуда, послышалася голось. „Что смотришь,
Отрасль Агенора, Кадмъ, на тобою убитаго змѣя?
Нѣкогда будешь и ты въ видѣ змѣя такого же казаться“.
Кадмъ поблѣднѣлъ, и отъ ужаса мысли его помутились,
На головѣ его волосы встали отъ сильного страха.
Вдругъ, испустившись съ высокаго неба, богиня Паллада
Кадму предстала на помощь, и въ землю велѣть она кости
Змѣя посыпать, какъ сѣмя людей, изъ земли что востанутъ.
Кадмъ повинуется; борозды плугомъ глубоко проводить,
Сѣять въ нихъ зубы дракона, какъ сѣмя, по волѣ богини.
Тотчасъ, едва тому вѣрить возможно, земля начала колебаться

И изъ бороздъ появился предъ Кадмомъ сначала строй юньи,
Дальше и шлемы, защита главы, съ разноцвѣтнымъ уборомъ.
Вотъ уже видны и плечи, и грудь, и со стрѣлами руки;
Жатва мужей, запищенныхъ щитами, растетъ и другъ предъ Кадмомъ.
Такъ, при поднятыи завѣси во время торжественныхъ празднествъ
Кажется только фигура сначала, потомъ видѣть образъ,
Мало по малу и прочія части и лишь постепенно
Все открывается взорамъ, какъ будто вблизи передъ нами.
Новыхъ враговъ опасались, оружіе хотеть ужъ взять Кадмъ,
Но восклицаетъ одинъ изъ рожденныхъ землею тогда такъ:
„Кадмъ! не касайся оружія и въ братской войнѣ не участвуй!”
Быстро затѣмъ поражаетъ изъ братьевъ рожденныхъ землею
Онъ одного; но и самъ пораженъ быть за то онъ тотчасъ же.
Тотъ, кто нанесъ ему рану, однако не долѣе жертвы
Жилъ, но тогда же, испускаетъ онъ духъ, что недавно лишь принялъ.
Разсвирѣпѣла толпа вся; недавно рожденные браты,
Раны другъ другу оружиемъ своимъ наноса, умираютъ.
Вотъ ужъ на долю столь краткую жизнь получивши мучи
Къ матери, кровью обрызганий ихъ, своей грудью упали.
Пять лишь осталось въ живыхъ, изъ которыхъ одинъ быть Эхіонъ.
Онъ по внушению Паллады бросаетъ оружье на землю.
И предлагаетъ и просить у братьевъ любви и согласия.
Сикъ-то помощниковъ гость сидонійскій имѣлъ въ предприятии,
Городу давшій начало по волѣ оракула Феба.
Вотъ ужъ основаныи щіи; въ изгнаніи самомъ ты могъ бы,
Кадмъ, показаться счастливымъ; стать Марсю съ Венерой ты взялся;
Къ чести такой прибавь родъ, отъ супруги высокой рожденій,
Рядъ сыновей съ дочерьми, и приятный залогъ дѣдамъ, внуковъ,
Юношей взрослыхъ; но должно, увы! ожидать человѣку
Въ жизни всегда дни послѣдніяго и называться счастливымъ:
Ранѣе смерти съ могилой едва ли изъ смертныхъ кто долженъ.
Видѣль погибель Кадмъ внука Аутеона, видѣль погибель
Внука Пентея и.... рода всего своего истребленье.
Рядомъ несчастій и горемъ и множествомъ чуднѣкъ себѣтій,
Видѣнныхъ имъ, наконецъ Кадмъ сраженный уходить изъ града,
Самъ же которому дасть основанье, какъ будто судбою
Быть не своею гонимъ онъ, а рокомъ злосчастнаго мѣста.
Долго скитавшись, съ супругой достигъ наконецъ онъ Иллирии.
Здѣсь, отягченные оба годами и горемъ, несчастья

Дома они своего и свои вспоминают взаимно,
 И говорить тогда Кадмъ, обращаясь къ супругѣ Гармонии:
 „Змѣй тотъ, котораго зубы посыпалъ я въ землю, какъ сѣма,
 Богу какому ужали священнѣйшии былъ? Если жь за то на мъ
 Боги отицдашь, о чистъ тогда сеамъ я, боговъ умолкню,
 Змѣю подобно прострусь я на длинное чрево“. Сказаль лишь
 Кадмъ такъ—и вотъ ужъ, какъ змѣй, онъ простерся на длинное чрево;
 Чувствуетъ онъ, какъ на кожѣ его чешуя наростишасть
 И испестрилось залезыки пятнами черное тѣло.
 Вотъ ужъ склонилъ и грудью къ землѣ, и сростася вмѣстѣ,
 Ноги его округленыи хвостомъ извиваются въ кольца.
 Руки одни лишь остались, и ихъ простиралъ къ супругѣ,
 Кадмъ со слезами еще на лицѣ человѣческой формы,
 Такъ говорить: „О приблизилась ко мнѣ, Гармонія, приблизилась,
 И пока что-либо есть отъ меня, прикоснися, возьми ты
 Руку, пока она есть, и пока не совсѣмъ я стать змѣемъ“.
 Кадмъ говорить было больше хотѣль, но азыъ раздѣлися
 Вдругъ на двѣ части его, и ужъ словъ ему больше не стало,
 И своихъ жалобъ сказать сколько разъ ни хотѣль онъ, спустяль лишь.
 Голосъ такой лишь природой оставленъ былъ Кадму. Супруга,
 Въ грудь ударяя себя обнаженную, такъ восклицаетъ:
 „Кадмъ! о, чудовищный видъ съ себѣ сбрось и останися собою.
 Что это, Кадмъ? о, гдѣ ноги твои и плечи и руки,
 Цвѣть твой лица и лицо, и пока говорю я, гдѣ веесь ты?
 О, почему же и меня вы не сдѣлали змѣемъ, о боги?“
 Такъ восклицаща Гармонія, змѣй же цѣпуетъ супругу,
 Къ лону ея онъ ползть, какъ знакомому, милому лону,
 И обвивая ее, онъ повисъ, какъ и прежде, на шей.
 Всѣ, что тутъ были—а были всѣ спутники—страхомъ облыты;
 Но Гармонія ласкаетъ драмонову гладкую шею...
 Вдругъ уже два стало змѣй; ползуть, извиваясь въ кольца,
 Рядомъ они и скрываются въ темныя норы лѣсныя.
 Эти два змѣя людей не извать и отъ нихъ не уходить;
 И въ тишинѣ вспоминаютъ о томъ они, чѣмъ были прежде.

VIII.

Источникъ Ганиокрена, смерть Музъ съ Шеридами и превращеніе сихъ послѣдникъ въ сорокъ; похищеніе Ирозерпии.

(Кн. V, ст. 250—408).

Съ братомъ своимъ, отъ дожда золотаго рожденнымъ, Паллада,
 Странствуя долго и много, густымъ наконецъ прикрываясь
 Облакомъ, островъ Серифъ покидаетъ. Оставивъ направо
 Циенъ и Гиаръ, она самой кратчайшей дорогой надъ моремъ
 Къ Оивамъ стремится къ Музамъ священной горѣ Геликону.
 Мѣста стремленій достигши, такъ мудрымъ сестрамъ говорила:
 „Слухи дошли до меня объ источникѣ новомъ, который
 Быстрая птица Медузы копытомъ своимъ просочила.
 Сей-то источникъ—причина пути моего; я желаю
 Видѣть столь дивное чудо; предъ взоромъ моимъ то случилось,
 Какъ отъ матерней крови рождался Пегасъ*. Уранія
 Такъ отвѣчаетъ: „Какая бѣ причина пути, о богиня,
 Къ нашимъ жилищамъ тебѣ ни была, ты пріятнѣйшей будешь
 Намъ; справедлива молва объ источнику; истинно то, что
 Онь отъ Пегаса начало воспринялъ“. И ведетъ Уранія
 Муза Палладу къ священнымъ волнамъ. Съ удивленьемъ смотрѣла
 Долго Паллада на ключъ, отъ удара ноги гроисшедшій;
 Смотрѣть потомъ на пещеры она и на древнія рощи,
 Смотрѣть на зелень съ обильемъ цветовъ, и въ восторгѣ богиня,
 И по занятіямъ и мѣstu счастливыми Музъ называется.
 Ей на то такъ изъ сестеръ отвѣчаетъ одна: „О богиня,
 Еслибы ты не стремилась бѣ славнѣйшимъ дѣламъ, то конечно,
 Ты бы участницей въ хорѣ была Мнемонидъ, о Паллада,
 Наші мѣста и занятія ты одобряешь по праву,
 Жребій счастливъ нашъ, когда бѣ только мы въ безопасности
 были;
 Но... запрещеннаго нѣть ничего преступленью. Пугаетъ
 Все умы дѣвъ и моимъ представляется все еще взорамъ
 Страшный Циреней, и съ мыслями я еще все не собралась.
 Съ войскомъ Фракійцевъ преступный Фокиды поля и Давиду

Занялъ жестокій Пиреней и царствомъ владѣлъ незаконно.
 Мы устремились къ Парнассу. Увидѣлъ въ пути насть Пиреней.
 Ложно почиавъ насть тогда, какъ богинь, онъ такъ говорилъ намъ:
 О Мнемониды! (онъ зналъ насть) свой путь прекратите, молю васъ!
 Не сомнѣвайтесь на время вогоды съ дождемъ (тогда дождь былъ)
 Въ домѣ укрьтъся моемъ! Вѣдь, не рѣдко и боги вводили
 Въ малыя хижини!—Мы, согласившись, вступили къ нему въ домъ.
 Между тѣмъ дождь идти пересталъ! Аввидонъ тогда Австра
 Черныя тучи разѣвали и съ неба разгнали ихъ. Хотѣли
 Было идти мы; но домъ тогда свой запираеть Пиреней,
 Намъ замышляя насилие. Спаслись мы, на крыльяхъ поднявшись.
 Онъ же, преслѣдовать насть преднамѣрясь, взошелъ на вершину
 Дома и такъ говоря: „куда вашъ путь, и мой туда жъ будетъ!”
 Съ самой вершины въ безуміи бросившись съ башни за нами,
 Падъ на лицо и разбилъ себѣ мости. Убившись въ падени,
 Онъ, умирая, преступною кровью окрасилъ всю землю”.

Муза еще говорила, вдругъ крыльевъ по воздуху слышенъ
 Взмахъ сталь и съ вѣтвей высокихъ привѣтственный голосъ раз-
 дался.

Взоръ подняла свой и Музу спросила богиня, откуда
 Голосъ такъ слышенъ, считая, что голосъ то былъ человѣка.
 Между тѣмъ голосъ тотъ птицы былъ. Сидя на вѣтвяхъ, на жребій
 Жалуясь свой, тамъ въ числѣ девяти находились сороки.
 Чудомъ такимъ удивленной богинѣ такъ Муза сказала:
 „Стань пернатыхъ собою умножили эти сороки,
 Бывъ побѣжденными въ спорѣ недавно. Родиль ихъ въ богатыхъ
 Пеллы Піерось полахъ, изъ Пеоніи мать ихъ Евиша.
 Девять разъ въ помощь она призывала богиню Люцину,
 Девять разъ въ чревѣ имѣя,—и сестры числомъ возгордились.
 Всѣ города миновавши, Гемоны съ Ахайей, достигли
 Сестры до сихъ мѣстъ и рѣчью такой вызывали насть къ спору:
 „Глупую черни, Фессіады богини, прельщать перестаньте
 Тщетною сладостью пѣсень, и если увѣренность есть въ васъ,
 Съ нами вступите вы въ споръ; ни искусство, ни голосъ имѣемъ
 Мы передъ вами не ниже; число насть такое жъ; уйдите
 Послѣ побѣды надъ вами иль вы отъ истоковъ Пегаса,
 Или уйдемъ за побѣду надъ нами съ полей Эматійскихъ
 Въ снежныя страны Пеоніи мы, и пусть Нимфи рѣшаютъ”

Споръ наинъ!“ Хоть неко вступать было въ споръ, отказаться, казалось,

Было тѣмъ хуже. Поклявшись водами, посредницы Нимфи
Межъ тѣмъ мѣста на скалахъ занимались. Тогда Шеридъ,
Ты, вызывала которая къ спору, безъ права по жребью
Первая пѣть начала и поеть о сраженьи всевышнихъ;
Въ пѣсни своей незаконно она воззвала Гигантовъ,
Славу же великихъ дѣлъ всевышнихъ боговъ ученьшала.
Пѣла о томъ, какъ, изъ нѣдѣль премисподнихъ воеставши, Тифей всѣхъ
Въ бѣгство боговъ обратилъ, перазивши ихъ страхомъ ужаснымъ;
Пѣла о томъ, какъ Египетъ и Нилъ семирѣчный примирили
Въ страхѣ бѣжавшихъ боговъ, и о томъ, какъ скрылись боги
Въ образахъ ложныхъ, когда тамъ явился Тифей земнородный;
Пѣла, что Зевсъ превратился въ водителя стада тогда, и
Съ тѣхъ порь Линейскій Аммонъ надѣленъ сталъ кривыми рогами,
Въ ворона богъ превратился Делоса, въ козла сынь Семены,
Кошкою Феба явилась сестра, дочь Сатурна коровой,
Рыбиною стала Венера, Цилленскій богъ — ибисомъ-птицей.

Пѣсню свою такъ, на цитрѣ играя, дочь пѣла Шера!
Вотъ вызывалъ и нась . . . . Но тебѣ, о богиня, быть можетъ,
Времени нѣть и досуга внимать пѣсни нашей? „Не думай,
Ей отвѣтить Паллада,—того ты и мнѣ по порядку
Всю вашу пѣснь расскажи“. И садится подъ тѣнию рощи.
Муза тогда продолжала: „Вручили судьбу составаны
Всѣ мы одной. Калліопа съ площеньемъ, въ волосахъ перевитымъ,
Встала тогда и рукой коснулась струнъ жалобно звонкихъ;
Вотъ зазвучали подъ пальцами струны, и Муза запѣла:
„Все на землѣ даръ Цереры: кривымъ своимъ плугомъ раскрыла
Первая глыбы земныхъ ска; даровала законы,
Пищу и плодъ полутила землю отъ Цереры-богини.
Эту богиню мнѣ должно воспѣть, и о еслиъ могла я
Стихъ ей достойный воспѣть! Она пѣсней, конечно, достойна!
Есть большой островъ Тринакрія. Члены гиганта скрыты
Въ немъ и надъ массой своей онъ держитъ гиганта Тифея:
Дерзостно тщится гигантъ сей возстать на жилище небесныхъ!
Часто онъ хочетъ подняться и встать изъ-подъ массы давящей,
Но придавилъ его правую руку Пелоръ Авгонійскій;
Лѣвую ты, о Пахній, Лилебеемъ придашь ноги;
Этина стоять на главѣ; изъ нея извергаєть устами

Навзничь подъ нею лежацій Тифей-гигантъ плакъ и плачетъ;
 Часто стремится онъ сбросить съ себѣ тяготящую землю,
 Срыть города и визвергнуть огромныя горы. Трясется
 Шаръ отъ усилий гиганта тогда всея. Самъ царь преисподней
 Въ страхѣ боится тогда, чтобы земля не раскрылась и въ щели
 Свѣтъ проникая дневной не смутить бы тѣмъ боязливыхъ.
 Бѣдствій такихъ опасаись, изъ темнаго царь преисподней
 Царства выходить, и сѣть въ колесницу, запряжену били
 Мрачные кони въ которую, смотреть внимательнымъ взоромъ
 Онъ основанья земли Сидиллійской. Увидѣть, что въ ярочнѣ
 Крѣпости острова находится, страшъ свой Плутона-богъ отбросилъ.
 Видѣть въ то время Плутона Венера съ вершини Эрикса,
 Ей посвященнай горы, и обжигини крилатаго сына,
 Такъ говорить: „О защита моя, о мой сынъ, моя сила,
 Крайнія стрѣлы воьмы ты, которыми всѣхъ покоришь,
 О Купидонъ! и воьмы ты тѣ стрѣлы скорѣе въ грудь бога,
 Царство которому третье на долю назначено жребьемъ!
 Власти покорны твоей самъ Юпитеръ, небесныя боры,
 Боги морей и Нептунъ, надъ морскими богами владыка;
 Царь преисподней сачѣмъ же свободенъ? Зачѣмъ не расширишь
 Царство свое ты и матери? Тартаръ вѣдь третья часть мира!
 Вотъ ужъ на небѣ (и вотъ къ чему наше терпѣнье ведетъ насть)
 Насъ презираютъ; слабѣть съ господствомъ менъ и твой власть!
 Развѣ не видишъ, Наллада съ искусствомъ въ метании копьевъ
 Дѣвой Діаной ужъ мкѣ не покорны? Цереры дочь также.
 Если сносить то мы будемъ, останется дѣвой: имѣть
 Эту надежду она! Потому, если любишь меня ты,
 Выйти съ тобою участницу въ царствѣ, то съ дідѣй борюю
 Ты съедини!“ Такъ сказала Венера. По слову богини
 Взялъ свой колчанъ Купидонъ и изъ тысячи стрѣль выбираетъ
 Ту, что вѣрѣе другихъ и острѣе и къ луку пригодай.
 Гибкій свой лукъ, прислонивши къ колѣну, всевъ онъ сгибаетъ.
 И поражаетъ стрѣлою извѣтливей сердце Плутона.
 Есть недалеко отъ Гении глубокое озеро, Пергусъ
 Озеру званье; Каистръ лебединихъ пѣсней не большие
 Слышишь на волнахъ своихъ. Отовсюду, какъ будто короной,
 Лѣсь окружаетъ тѣ вѣды и икъ защищаетъ собою,
 Будто покровомъ, препятствуя Феба лучамъ проникать въ нихъ.
 Свѣжестъ давалъ здѣсь тогъ лѣсь и цвѣты пурпурные почва.

Царство весны постоянной въ окрестностяхъ озера длилось.
 Въ сихъ-то мѣстахъ, предавался играмъ, пока Прозерпина
 Вмѣстѣ съ подругами рвала фіалки и бѣлыя лілии,
 Ими наполнить желая корзины и складки одежды
 (Въ сборѣ цвѣтовъ превзойдти она скоростью сверстницъ хотѣла),
 Богъ премножней увидѣлъ ее, полюбилъ и покинулъ
 Въ тотъ же моментъ Прозерпину. Такъ скоро любовь вспыхаетъ!
 Въ страхѣ богина зоветъ тогда мать и подругъ, но мать чаше;
 И разорваний въ испугѣ одежду, цвѣты разсыпасть;
 Но (такова простота годамъ свойственно дѣствіемъ) богинѣ
 Жалко и самыѣ цвѣты. Пеклитель же бѣгъ ускоряетъ,
 Къ бѣгу коней вспыхиваетъ, но имени ихъ называя
 Всѣхъ и уздой потряса, покрыто ржавчиной черной.
 Быстро несетъ Плутонъ по глубокимъ езерамъ, и "быстро"
 Онъ миновалъ въ своемъ бѣгѣ болота Паликовъ, что сырый
 Запахъ даютъ изъ себя чрезъ отверстія въ прорванной почѣ,
 Быстро минуетъ и городъ Вакхидовъ, принадлежа Коринескихъ,
 Городъ, основанный ими среди двухъ неровныхъ заливовъ.

Мощной рукою свой царственный скіпетръ бросаетъ въ дно мора
 Онъ наконецъ . . . . . и земля отъ удара раскрыла дорогу
 Въ Тартаръ ему и признала Плутона въ себя сть колесницей.
 . . . . . Между тѣмъ дочь свою ищетъ въ смущеніи вслѣду напрасно
 Мать по морямъ и землямъ. Не видѣли медлившей матери
 Тамъ ни Аврора, ни Гесперъ. Церера тогда вожигаетъ
 Въ Этнѣ союзни дѣвъ смолистыхъ и съ ними въ теченіе ночи
 Ходить, ища свою дочь; искала ее она также
 Съ утра до вечера днемъ, когда Фебъ затмѣвалъ собой звѣзды.

Долго разказывать, где Прозерпину Церера искала,
 Гдѣ по макамъ и землямъ, и морамъ; наконецъ не осталось
 Мѣста нигдѣ, гдѣ бѣ она не была. Возвратившись въ Сицилию,
 Снова дочь ищетъ богиня свою и приходитъ къ Ціанѣ.
 Нимфа Ціана, когда бѣ не была превращенной въ источники,
 Все бѣ рассказала Церерѣ; но рѣчи она не имѣла:
 Были языки и лицо у ней отнаты. Нимфа однакожъ
 Ясные знали богинѣ даетъ и на поясъ упавший
 Въ волны въ мѣстахъ тѣхъ случайно ей камень. Узнала тотчасъ же
 Дочери поясъ она. О похищенной дочери скѣдавъ,

Волосы рвѣть на себѣ безъ убранства лежавшіе матеря,
 И повториа удари, грудь поражаетъ руками;
 Мѣста не знаи однакожъ, гдѣ дочь ея скрыта, боязни
 Земли клянеть всѣ и неблагодарными ихъ называетъ,
 И недостойными даровъ ея, Сицилію же больше
 Прочихъ она упрекаетъ, въ ней слѣдъ похищены замѣдли.
 Въ гнѣвѣ потому разломала Церера плуги земледѣльца,
 Смерти предавъ земледѣльцевъ саміхъ и быковъ, воспрещаетъ
 Почвѣ затѣмъ возвратить даже сѣма, всѣ зерна испортить.
 Стала пустой хлѣбородствомъ столъ славная въ мірѣ Сицилія.
 Жатви погибли въ ней въ самомъ началѣ. Они погибли
 Или отъ жара, или отъ дождей заливныхъ; повреждали
 Также ихъ вѣтры и звѣзды; алчныя птицы, слетаясь,
 Самый посѣвъ истребляли; къ тому же заглушали собою
 Жатви обильныхъ сорнякъ терные и куколь съ волчцами.
 Голову Нимфа тогда АРЕТУЗА изъ волнъ приподнявши,
 Такъ говоритьъ, отметалъ наваждъ свои волосы: „О мать
 Всюду искомой дѣнницы, о мать всѣхъ плодовъ! прекрати ты
 Трудъ беспредѣльный и гнѣвъ свой на вѣрную землю. Открылась
 Для похищены земля противъ воли; виновности вѣтъ въ ней!
 Я не за землю родную винчу: пришѣлица здѣсь я!
 Пиза мій родина и изъ Элады веду я начало!
 Я иностранка тъ Сициліи; но всамъ земли мій милѣе
 Эта земля; основала я здѣсь и пенатовъ, и домъ свой;
 О пощади, всеблага, ее! Мій земля открываетъ
 Путь для теченыхъ: скрывалась въ пустыняхъ ея сокровенныхъ,
 Здѣсь я опять появляюсь и вижу тѣ завѣды, что скрыты
 Были отъ взоровъ моихъ. И такъ, протекая въ подземныхъ
 Безднахъ,—сосѣднихъ со Стиксомъ, я видѣла тамъ ПРОВЕРПИНУ!
 Въ скорби она, и смущеніе еще на лицѣ ея видно;
 Въ темномъ однакоже царствѣ она тамъ верховной царицей
 И пребываетъ царя преисподніго славной супругой!“
 Слыши то, камню похожбою сдѣлалась мать; пораженной
 Долго она оставалась; когда же печалью смѣнились
 Тяжко смутныя мысли ея, въ колесницѣ въ златое
 Небо она улетаетъ, съ лицомъ омраченнымъ печально
 И волосы распустивъ предъ Юпитера мать здѣсь предстала.
 „О! умоляю тебя за твою и мою кровь, Юпитеръ!“
 Такъ говорила Церера; „но если ты, мать, ужъ не пѣнишь

Больше совсѣмъ, то дочь пусть тронетъ отца и за то, что
 Мною она рождена, пусть заботъ объ ней будетъ не меныше—
 О умолю—твоихъ. Посмотри, наконецъ я нашла дочь,
 Долго искашивши ее, если значить найти,—потерявши,
 Знать гдѣ она! О, прошу я ея похитителя, если
 Только онъ дочь возвратить! Похитителя ль дочь твоя стоитъ
 Мужемъ имѣть, если стоитъ того моя дочь?" Ей Юпитеръ
 Такъ отвѣчалъ: „И любовь, и забота о дочери обща
 Намъ обоймъ; но приличнымъ названьемъ назвать если дѣло,
 То не обиду оно, а любовь означаетъ. Не будетъ
 Зять намъ стыдомъ этотъ; только бы ты согласилась, богина!
 Пусть не имѣть чего-нибудь онъ; но что значитъ то, что
 Братъ синъ Юпитеру! Воля судьбы та, что все онъ имѣя,
 Мнѣ одному уступаетъ. И если ты хочешь разрыва,
 То возвратится на небо дочь наша, во съ тѣмъ лишь условьемъ,
 Если еще не вкусила тамъ пищи. Судили такъ Парки!"
 Такъ отвѣчалъ ей Юпитеръ. Рѣшилась дочь вѣвестъ Церера,
 Но не рѣшили судьбы такъ за то, что дѣвица въ Аидѣ
 Правиль соблюсть не могла воздержанья. Въ невинности серда
 Съ древа гранату, гуляя по саду, срывается, и снявши
 Кожицу съ ней, Прозерпина сѣѣдается семъ зеренъ. Изъ всѣхъ-то
 Видѣль одинъ Аскалафъ, которого славная нимфа
 Между подземными нимфами Орфне въ пещерѣ родила
 Отъ Ахеронта. То видѣвъ, открылъ Аскалафъ и открытьемъ
 Тѣмъ помѣшалъ Прозерпину возврату. Свидѣтели тайны
 Въ мрачную птицу тогда превращая, царица Эрева
 Благой рѣки Флегетонта его орошаетъ, и выросли вдругъ
 Перья и клювъ и большія глаза. Потерявши видъ прежній,
 Онъ надѣляется рѣжими крыльями; выросли когти,
 Можетъ едва Аскалафъ свои взмахивать трудныя крылья.
 Сталъ онъ печальною птицей, предвѣстницей горя—совою,
 Мрачной совой, предвѣстницей смертныхъ грозящихъ несчастій.
 Пусть за языкъ Аскалафъ и открытье казаться виновнымъ
 Можетъ; откуда у васъ при дѣвичьемъ лицѣ появились
 Перья и ноги, что свойственны птицамъ, о Ахелойди?
 То ли виною, что были и вы, о сирены, въ то время,
 Какъ Прозерпина цвѣты собирала, съ ней вмѣстѣ? Но всюду
 Тщетно искашивши ее на землѣ, наконецъ вы желали
 Крыльевъ, чтобы съ помощью ихъ было можно, держася на волнахъ,

Всюду искать по морамъ Прозерпину. И внали замъ боги
Въ вашихъ желаньяхъ; и скоро увидѣли вы, что покрылись
Желтыми перьями вы. Но приятное пѣніе ваше,
Слѣхъ веселящее, даръ этотъ усть, не лишился слова,
И человѣческій голосъ съ дѣвичицами лицомъ замъ осталась.

Между сестрою посредству скорбной своею и братомъ,
Кругъ годовой раздѣлилъ на двѣ ровны части Юпитеръ.
Двухъ соучастницца царства Прозерпина-богиня проводить
Мѣсяцъ съ матерью столько же, сколько съ супругомъ подземнымъ.
Мысли съ лицомъ замѣнились у матери въ ту же минуту;
Стало веселымъ лицо то, которое даже Плутоны
Мрачнымъ могло бы показаться, подобно тому какъ и солнце,
Тучами раньше покрытое, яснымъ является послѣ.

Послѣ сего запрягаетъ Церера двухъ змій въ колесницу,
И обуздавъ ихъ, по воздуху между землею и небомъ
Путь совершаешь. Нрѣхавъ въ Аенны, свою колесницу
Здѣсь отдаешь Триптолему Церера, и давъ ему зернъ,
Часть ихъ посыпать землю въ дикую землю и послѣ
Въ почвѣ воздѣланной той же посыпать и часть ихъ другую.
Вотъ высоко надъ Европой и Азіей Ѣдетъ Триптолемъ
И направляется къ Скалистымъ предѣламъ. Царемъ бывъ тамъ Линкусъ.
Входить въ дворецъ Триптолемъ, и будучи спрошенъ: „Какое
Имя ему и какъ онъ прибылъ въ землю и откуда?“
Такъ отвѣчалъ: „Триптолемъ вовусъ я, городъ Аенны—
Славная родина моя, ни землею пѣшкомъ, ни на суднѣ
Моремъ прибыль я: по воздуху—путь мой. Несу я съ собою
Дары Церери. Они, бывъ посыпаны въ землю, приносить
Жатву обильную хлѣба и сладкую пищу!“ Старѣеть
Завистью варваръ. Желая быть дателемъ дара такого
Самъ, принимаетъ онъ гости и свою отягченную хотеть
Смерти предать; но Линкуса въ рѣкѣ превращаетъ Церера,
Гостю за то, что хотѣлъ онъ жаждо вознаградить и снова
Юношу шлетъ въ колесницѣ священней по воздуху итчаться".
Пѣснь свою кончила такъ изъ насъ старшая Муза. Согласно
Нимфи сказали, что дѣвицы горы Геликонъ побѣди
Въ спорѣ имѣютъ. Тогда побѣдленные дѣвицы злословить
Насъ начинаютъ. „За то, что, тогда имъ сказала такъ Муза,
(Мало ль, что вы заслужили себѣ наказаніе споромъ?)
Вы прибавляете къ вашей винѣ и злословье, терпѣть мы

Больше не можемъ, и гѣйву постыдуя, плѣмъ наказанье".
 Но Эматиды, смѣясь, презираютъ угрозы. Желая
 Все говорить и на насъ наложить съ бранью дерзкия руки;
 Вдругъ замѣчаютъ, что мѣрья выходятъ чрезъ ногти, и руки
 Ихъ покрываются пухомъ; видать, что въ твердые клювы
 Вдругъ выростаютъ въ лица и новыми штицами стали,
 Стали лѣсными они. Въ отчаяніи бить себя сились
 Въ сердце, они отъ дамженія крыльевъ поднялись на воздухъ
 И населили сороки лѣса, имъ позоръ составляя;
 Такъ и донинѣ осталась болтливость все та же въ сихъ штицахъ,
 Тотъ же и голосъ охриплый, и страсть къ говорливости та же.

А. Страт.

DE VARRONIS LOCO QUODAM.

Nonius s. v. *assa voce* (pg. 54 ed. Gerlachiana, pg. 76, 77 ed. Merceriana) habet haec:

Assa voce, sola voce, linguae tantummodo aut vocis humanae, non aimixtis aliis musicis, esse voluerunt. Varro de vita populi Remani libro II: in conviviis pueri modesti ut cantarent carmina antiqua, in quibus laudis erant maiorum, et assa voce et cum tubicine.

Apparet haec suspensa aliunde ac supplenda ut puta talia: erat a maioribus institutum, quae nescio an sint addita a Nonio et omissa a librario. Praeterea pro laudis recte restitutum a doctis laudes, nisi putabimus Varronem usum antiqua nominativi pluralis numeri forma, de qua dixit Lachmannus comm. ad Lucret. I, 805. Deinde ab Aldo pro tubicine repositum tibicine; potuit scribi teibicine. Restat ut quaeatur, quid sibi velit illud pueri modesti; quod quomodo explicari possit, ego quidem non video. Nam ne credamus Varronem modestos dixisse pueros pro verecundis vel castis, ea vi prohibemur, quod supravacaneum plane est illud epitheton. Nimirum apparet ex eis quae sequuntur agi hic de conviviis priscorum Romanorum, ab omni luxuria et turpitudine alienissimis, quae viri pariter cum uxoribus et liberis solebant inire, describique morem etiam aliunde notum cantandi in con-

viviis egregia maiorum facinora, querum memoria posteri ad similem excitarentur virtutem. Cf. Cic. Brut. 19, Tusc. disp. IV, 2; Horatii c. IV, 15, 25—32. Nihil igitur erat causae, cur modestos diceret pueros Varro, qui tibia carmina cantarent. Qued cum ita sit, suspicor scribendum esse duabus mutatis litteris: honesti, t. e. honeste loco nati, ingenui. Ita si scriperis, apparet a Varrone comparari priscorum Romanorum simplicitatem cum luxuria sua saeculi, quo solebant servi ex Graecia vel Asia oriundi in conviviis recitare carmina frivola plerumque et lasciva, quae manieris suribus inservirent et vacua oblectarent ingenia. Cicerio autem, Catonem secutus, carmina illa antiquissimo tempore a siegulis deinceps convivis cantitata esse tradit. Ceterum cum testetur Varro carmina convivalia ista non facta esse ab eis, qui canebant, sed repetita ex antiqua memoria, non videtur verum esse, quod iam plerique sibi persuaserunt, fuisse ea potius lyrica quam epica. Fuere tamen parva, minime prolixa, ἐπόλλια verius dicenda, quam ἔπη.

L. Mueller.

**СОДЕРЖАНИЕ
ДВЕСТИ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.**

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Высочайший Распоряжение,

данный на Ихъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Марии Павловны	49
---	----

Цининой Высочайший Указъ

данный правительствуему Сенату	50
--	----

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (14-го апрѣля 1880 года). Объ учрежденіи въ гор. Ново-зыбковѣ четырехклассной женской прогимназіи.	3
---	---

2. (8-го апрѣля 1880 года). О пенсіяхъ лицамъ женскаго пола служащимъ въ Острожскомъ женскомъ графа Блудова училищѣ	—
---	---

3. (22-го апрѣля 1880 года). О присвоеніи Казанской женской прогимназіи, по преобразованіи ея въ гимназію, наименованія: „женская Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Есении Александровны гимназія“	4
---	---

4. (22-го апрѣля 1880 года). О принятіи пожертвованныхъ дѣйствительными статскимиъ советникомъ Иваномъ Хаминовымъ каменного дома и капитала	5
---	---

5. (1-го апрѣля 1880 года). О временныхъ правилахъ о Туркестанской учительской семинаріи и штатѣ оной	—
---	---

II

СТРАН.

6. (8-го апреля 1880 года). О преобразовании Киевской женской гимназии, а также Бѣлоцерковской, Златопольской и Немировской женскихъ прогимназий.	9
7. (15-го апреля 1880 года). О преобразовании Коломенской четырехклассной мужской прогимназии въ шестиклассную	10
8. (6-го мая 1880 года). О преобразовании Либавской Николаевской гимназии	50

ВыСОЧАЙШИЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ИРОСВѢЩЕНИЯ.

31-го марта 1880 года (№ 5).	11
22-го апреля 1880 года. (№ 6).	53
17-го мая 1880 года. (№ 7)	55

МИНИСТЕРСКИЙ РАСПОРЯЖЕНИЯ.

1. (18-го августа 1879 г.). Положение о стипендіи имени Александра Прейса.	11
2. (7-го ноября 1879 г.). Положение о стипендіи имени Московского генераль-губернатора, князя Владимира Андреевича Долгорукова.	13
3. (19-го января 1880 г.). Положение о стипендіи Московского почт-директора действительного статского советника Семена Сергеевича Подгорецкаго, учрежденной при Московской 3-й гимназии.	14
4. (18-го февраля 1880 г.). Положение о четырехъ стипендіяхъ имени книгоиздавцевъ братьевъ Салаевыхъ при Московской 4-й гимназии	15
5. (20-го февраля 1880 г.). Положение о стипендіи педагогического совета Симбирской гимназии въ память двадцатипятилѣтнаго царствования Государя Императора	16
6. (20-го февраля 1880 г.). Положение о стипендіи, въ память 19-го февраля 1880 г.—дна 25-ти-лѣтія царствования Государя Императора, учрежденной при Московской 1-й гимназии. —	—
7. (7-го марта 1880 г.). Положение о стипендіи въ память чудеснаго спасенія жизни Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II, 2-го апреля 1879 года, при Одесской третьей гимназии	17

III

стран.

8. (17-го марта 1880 г.). Положение о стипендии Андрея Константиновича Агъева при Пермскомъ Алексеевскомъ реальному училищѣ	18
9. (17-го марта 1880 г.). Положение о стипендии имени 6-го гренадерского Таврическаго генераль-фельдмаршала Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича полка	—
10. (17-го марта 1880 г.). Положение о стипендии, учрежденной при Нарвской мужской прогимназии, на капиталъ, именуемый „Александровскимъ“	19
11. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени купеческой дочери Анны Кузьминишны Паниной	20
12. (17-го марта 1880 г.). Правила объ учрежденной при Рижской Александровской гимназіи стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Всеволода Ермолаевича Попова . .	21
13. (22-го марта 1880 г.). Положение о стипендіи Имени Его Величества Государя ИМПЕРАТОРА АLEXANDRA II, для одного бѣднаго приходящаго ученика Томской гимназіи	—
14. (2-го апрѣля 1880 г.). Положение о стипендіи, учрежденной при Бѣлостокскомъ реальному училищѣ, въ память чудеснаго избавленія драгоценной жизни Государя ИМПЕРАТОРА отъ злодѣйскаго покушенія 2-го апрѣля 1879 г	22
15. (3-го апрѣля 1880 г.). Положение о стипендіи Его Величества ИМПЕРАТОРА АLEXANDRA II, при Астраханскомъ реальному училищѣ	23
16. (27-го апрѣля 1880 г.). Положение о стипендіи (имени бывшаго томскаго губернатора дѣйствительного статскаго советника Андрея Петровича Супрученко, учрежденной при Томскомъ Алексеевскомъ реальному училищѣ)	24
17. (27-го апрѣля 1880 г.). Положение о стипендіи Жарова при Астраханскомъ реальному училищѣ	25
18. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Моковскомъ университетѣ въ память 25-тилѣтнаго царствованія Его Императорскаго Величества Государя ИМПЕРАТОРА АLEXANDRA NIKOLAEVICHА изъ процента съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго для сей цѣли вдовою статскаго советника Кирьяково-Кирдановскою.	26
19. (21-го мая 1880 г.). Правила о единовременномъ пособіи	

біи при Імператорському Московському університеті изъ процентовъ съ капитала въ тысячу руб., пожертвованаго г-жою А., по- желавшою остатся неизвѣстною	27
20. (21-го мая 1880 г.). Правила о ежегодномъ единовре- менномъ пособії, учреждаемомъ при Московскомъ університетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тысячу рублей, пожертвовано- аго вдовою лейбъ-гвардії полковника Еленою Андреевною Го- ликовою и заключающагося въ облигациі 3-го восточного займа.	—
21. (21-го мая 1880 г.). Положеніе о стипендії Розалии Ивановны Троцкой, урожденной Рошковской	28
22. (9-го июня 1880 г.). Правила о стипендії при Імператор- скомъ Московскомъ університетѣ на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, завѣщанаго умершимъ статскимъ совѣт- никомъ Иваномъ Васильевичемъ Добротворскимъ и заключающа- гося въ 5%, банковыхъ билетахъ	29
23. (20-го февраля 1880 г.). Положеніе о стипендії имени тайного совѣтника Владимира Ипполитовича Доргобужинова при Костромской гимназіи.	56
24. (17-го марта 1880 г.). Положеніе о стипендіяхъ, учреж- денныхъ при С-Петербургской пятой гимназіи въ память умер- шаго С-Петербургскаго 2-й гильдіи купца Николая Алексѣевича Погребова.	57
25. (22-го марта 1880 г.). Правила для съѣздовъ предста- вителей гимназій Дерптскаго учебнаго округа.	59
26. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендії, учреж- денной при Бѣлостокскомъ реальному училищѣ въ память чу- деснаго избавленія Государя Императора отъ злодѣйскаго поку- шения 2-го апрѣля 1879 года	60
27. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендії Его Ве- личества Императора Александра II-го, при Астраханской муж- ской гимназіи.	62
28. (2-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендії Государя Императора Александра II, учрежденной при Томскомъ Алекс- ѣвскомъ реальному училищѣ.	63
29. (5-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендії Василия и Сергея Сорокинъхъ, учрежденной при Бѣлевской прогимназіи.	64
30. (17-го апрѣля 1880 г.). Положеніе о стипендії имени Его Величества Императора Александра II.	—

31. (1-го июня 1880 г.). Уставъ общества международного права.	65
32. (21-го июня 1880 г.). Циркулярное предложение гг. по-печителемъ учебныхъ округовъ объ отмѣнѣ представлениія министерству отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ	68
33. (10-го июля 1870 г.). Правила о стипендіи ординарного профессора Московскаго университета дѣйствительного статского советника Захарьина.	68

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

29-го марта 1880 года. (№ 3)	30
5-го апрѣля 1880 года. (№ 4).	33
19-го апрѣля 1880 года (№ 5).	69
13-го мая 1880 года. (№ 6).	75
28-го мая 1880 года. (№ 7).	80

ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧЕНAGO КОМПЕТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

О книгѣ: „Учебники для инструментовъ, гимназій и учительскихъ семинарій“. Настольная книга для родителей и воспитателей. Выпускъ II. Дидактика и методика. Исторический очеркъ воспитанія и образованія вообще у древнихъ и новыхъ народахъ и въ частности въ Россіи. Составилъ П. В. Евстафьевъ.	37
---	----

О книгѣ: „Пчела, ея жизнь и главныя правила толковаго пчеловодства“. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 4-е вновь пересмотрѣнное исправленное и дополненное. Сост. А. Буглеровъ.	38
--	----

О книгѣ: „Курсъ греческаго языка“. Ч. II. Сост. по Жоку М. Григоревскій.	—
--	---

О книгахъ подъ заглавиемъ: 1) „Руководство геометрическаго черченія“. Черченіе плоскихъ фигуръ. Съ 4 таблицами чертежей. и 2) Руководство геометрическаго черченія I. Теорія проекцій. II. Теорія перспективы. III. Построеніе тѣней въ перспективѣ. Съ атласомъ чертежей. Сост. А. Г. Гавловскій	—
---	---

О книгѣ. „Греческая и римская метрика“, съ приложениемъ: объ историческомъ ходѣ развитія древней метрики. Сост. Л. Миллеръ	—
--	---

О книгѣ: „Учебная иѣменская грамматика для русского юношества“. Выпускъ I. Составилъ К. Крафтъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное.	38
О книгѣ: „Русская история въ источникахъ“. Составилъ С. Васильковскій. Часть I.	—
О журналѣ: „Россійская Библіографія“. Изд. Эмилемъ Гартье.	39
О книгѣ: „Этимологія русского языка“ (примѣнительно къ правописанію). Сост. А. Кирпичниковъ и Ф. Гуляровъ. Издание 15-е, исправленное и дополненное.	—
О книгѣ: „Начала Евклида, съ пояснительнымъ введеніемъ и толкованіями“. Сост. М. Е. Ващенко-Захарченко.	—
О книгѣ: „Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи“ Т. Румпеля. Переводъ П. М. Цейдлера. Издание 3-е, исправленное и дополненное.	—
О книгѣ: „Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ“. Д-ра Шютце. Переводъ А. Бѣляевскій.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Краткіе очерки классической мифологии для учащихся обоего пола“, съ изображеніями верховныхъ Олимпійскихъ боговъ. Составилъ Ф. Брамсонъ.	85
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Избранныя сочиненія Платона. II Лахетъ. Греческий текстъ съ русскими примѣчаніями и введеніемъ. Иадаль А. О. Поспишиль	—
О брошюрѣ: Anhang zum Stufengang für das schriftliche Rechnen von Heinrich Wöhler.	—
О книгѣ: „Очеркъ греческихъ древностей“. Сост. В. Латышевъ. Часть I. Государственные и военные древности: . . .	—
О Брошюрѣ: „Заразныя и повалъныя болѣзни. Отчего они происходятъ и какія слѣдуетъ принимать мѣры противъ ихъ распространенія“. Сост. В. Попандопуло	85
О книгахъ подъ заглавіемъ: 1) „Исторія русской словесности древней и новой“ 2) Тоже сочиненіе. Т. I, отдель 2-й Сочиненіе А. Галахова	86
О книгѣ: „Учебная книга русской исторіи“. Соч. С. Соловьевъ, издание 8-е.	—
О книгѣ подъ заглавіемъ: „Анабазись Ксенофonta съ комментаріями и словаремъ“, составленный Я. Левенштейномъ. . .	—
О книгѣ: „Отечественная исторія“, съ приложеніемъ хронологической таблицы и трехъ картъ. Сост. С. Рождественскій. . .	—

О брошюре: „Таблицы русскихъ склоненій правильныхъ и неправильныхъ“. Составилъ С. Шафрановъ.	86
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Зубы, уходъ за зубами, сохраненіе и сбереженіе зубовъ на долгое время и ихъ лѣченіе безъ выдергиванія“	—
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Общій курсъ словесности“. Сост. М. Калмыковъ	—
О книгѣ: „Г. В. Штолль. Мины классической древности“. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Покровскаго и П. А. Медведева.	—
О книгѣ подъ заглавиемъ: „Изъ древней исторіи Болгаръ“. Сочин. Матвѣя Соколова.	87

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСНОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ИРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Сборникъ арифметическихъ задачъ“. Вторая часть. Дроби. Сост. В. А. Евтушевскій, исправленное и дополненное.	39
О книгахъ: 1) Ensimainen. Luku-kirja ja Aapinen. Kodin ja kensakoulm trpeeksi t�hnnyt. S. L�nkel�, и 2) Suomilaisen kirjailisuiden Seuran soimituksia 23 Osa	40
О рукописи: „Кулачъ“ поэма И. С. Никитина. Ред. Д. Тихомирова	—
О книгѣ: „Дѣтскій міръ и христоматія“. Изд 18-е, окончательно исправленное и дополненное. Съ 105 рисунками въ текстѣ. Ч. I. Сост. К. Ушинскій	—
Объ изданіи редакціи журнала: „Досугъ и Дѣло“ брошюры 1) Кулибинъ „Русскій механикъ-самоучка“. 2) „Вѣтеръ и что онъ дѣлаетъ“ 3) „Дакіе люди жаркой полосы“ и 4) „Вулканы и землятресенія“	—
О книгѣ: 1) „Русская азбука для совмѣстнаго обученія чтенію, письму и рисованію“. Сост. В Гербачемъ	—
О книгахъ: 1) „Грамматика для народныхъ школъ“ и 2) „Сборникъ статей и примѣровъ для разбора диктанта и другихъ грамматическихъ упражненій Сост. А. Ждановымъ	—
О Брошюрахъ подъ заглавіями: 1), 19-е февраля 1855—1880 годъ. Праздникъ въ аудиторіяхъ постоянной комиссіи народныхъ чтеній 25-тилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора“, 2) „Петръ Великій“ по сочиненіямъ Пушкина А. Г. Филонова. и 3) Богомольцы у святыхъ Киева“	—

VIII.

стран.

О книгѣ: „Руководство для крестьянъ, волостныхъ судовъ, уѣздныхъ и губернскихъ“. Сост. В. Овчищиковъ	40
О брошюрѣ: „Какъ освободилась Русь изъ подъ ига Татарского въ 1480 г“. Издан. А. Бахметовой	87
О книгѣ: „Наставление въ законѣ Божиемъ“. Сост. А. Рудаковъ	—
Официальные извѣщенія	41 и 87

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. П. Морозова	1 и 293
Макарь Мюллеръ и философія языка. Н. Громова	50 и 254
Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ А. Веселовскаго	85
Материалы для внутренней исторіи Византійскаго государства. В. Васильевскаго	98 и 355
Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италии. П. Виноградова	217
Поѣзда въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. И. Сирку	171
Геродотъ и его музы. Историко-литературное изслѣдованіе Ф. Н. Дьячана. Часть I. Ю. К.	205
Поѣзда въ Румелію. Сочиненіе архимандрита Антонина, члена сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Гавріила Дестуниса	412
Приповѣтка о Александру Великомъ у старој српској кљижевности. Критички текст и расправа од Стојана Новаковича. Владимира Качановскаго, ...	431

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

Объ организаціи учебной части въ начальныхъ училищахъ. В. Вахтерова	1
Наша учебная литература	27

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Николаевская главная астрономическая обсерваторія въ 1878—1879 году.	1
Императорское Русское географическое общество въ 1879 г.	18
О предполагаемой Русской ученой экспедиції въ Южно-славянскія земли.	29
Путешествія Румынскихъ ученыхъ по Славянскимъ землямъ.	
И. Сырку.	44
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній а) университеты.	61

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Praemiae Militiae въ связи съ вопросомъ о надѣлѣ ветерановъ землею. Юліана Кулаковскаго.	265
По поводу Juvenal. Sat. VII. 88—89 Э. Верта.	301
Обзоръ книгъ по греческой филологіи, вышедшихъ въ Россіи въ 1879 году. А. Вейсмана.	303
Изъ метаморфозовъ П. Овидія Назона. А. Страт.	315
De Varronis loco quodam. L. Mueller.	349

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„Родина“.

Сборникъ для классного чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ А. Радонежскій.

Издание шестое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народного просвѣщенія.

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ Фему и К°.

„Солнышко“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Издание съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 75 коп.

Съ требованиемъ просить обращаться въ Москву, въ книжный магазинъ наследниковъ Салашевыхъ.

Адресъ издателя: Пантелеимоновская ул., д. № 7, кв. 8.

**1-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ III-я, АВГУСТОВСКАЯ,
книга исторического журнала:**

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержание книги: I. Переходъ черезъ Балканы зимою въ 1877 г. отряда генерала Гурко. очеркъ А. К. Пузиревскаго.—II. Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра Павловича, 1815—1820 гг., воспоминанія Толчева.—III. Институтъ Путей Сообщенія въ 1843—1848 гг., воспоминанія А. К. Б.-ка.—IV. Записки сельского священника: житье-бытье сельского пастыря, отношенія къ прихожанамъ и властямъ.—V. Станиславъ Ремановичъ Лепарсий, комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ, въ 1826—1837 гг., биографический очеркъ.—VI. Записки И. В. Оленина: двое изъ московскихъ генераль-губернаторовъ въ старину.—VII. Царица Екатерина I въ 1707—1714 гг.—VIII. Императрица Елизавета Петровна въ 1760—1761 гг.—IX. Историософія материала: указы, письма, замѣтки, отлучение отъ церкви (1720 г.); посланцы изъ Россіи въ Афганістанъ въ 1838—1838 гг.; Романтъ Медоксъ; памятникъ А. А. Герке и мн. В. Ф. Одобровскій.—X. Разказы и анекдоты изъ Записокъ Е. Н. Львовой.—XI. А. С. Пушкинъ: пять его писемъ 1830—1836 гг., сообщ. А. Ф. Бычковъ.—XII. Петъ Алексеевичъ Зубовъ † 26 июня 1880 г.—XIII. Библиографический листъ новыхъ книгъ.

При этой книжѣ приложены: I. Портретъ Александра Сергеевича Пушкина въ гробу. Рисунокъ съ натуры ученика Брюллова; перерисованъ на дерево К. О. Брожъ. Гравированъ въ Ниццѣ Академикъ Л. А. Сѣрѣковъ.—II. Портретъ Лепарского, коменданта Нерчинскихъ рудниковъ въ 1826—1837 гг., съ акварели Н. А. Бестужева, рисов. К. О. Брожъ, гравированъ Академикъ Л. А. Сѣрѣковъ.—III. Планы къ статьѣ Переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы въ 1877 г.—и IV Указатель личныхъ имёнъ въ XXVIII томѣ „Рус. Старины“.

Подписка на „Русскую Старину“ 1880-го года [одиннадцатый годъ издания] продолжается. Цена за 12 книгъ въ годъ съ портретами и проч. приложеніями **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылькою. (Осталось весьма немного экземпляровъ. Печатается второе изданіе первыхъ четырехъ книгъ). Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, у Мамонтова, Невскій пр., д. № 46; въ Москвѣ—у Мамонтова, Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова, и у Соловьевъ, на Спасскомъ бульварѣ, д. Алексеева.

Гр. И ногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина», на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Цѣна за 12 книгъ съ портретами (въ теченіе 1880 г. не-премѣнно при каждой книжѣ) **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылькой.

Можно получить—«Русскую Старину», съ портретами, 1870 г. (3-е изд.), 1876 г. (второе изд.), 1877 г. (съ 10 гравированными на мѣди и на деревѣ портретами), 1878 г. съ портретомъ Н. В. Гоголя (отпечатанъ красками) и другими портретами, и 1879 года съ гравированными при каждой книжѣ портретами. Цена за каждый годъ **ВОСЕМЬ** руб. съ пересылькою.

Изд.-ред. «Русской Старины» **М. И. Семёновскій.**